

Евразийский юридический журнал

№ 4 (179) 2023

Редакционный совет журнала

Председатель

НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Заместитель председателя редакционного совета

ДУЙСЕНОВ Еркин Эрманович, д.ю.н., профессор, советник ректора (Казахский национальный университет им. аль-Фараби)

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

АЗНАГУЛОВА Гузель Мухамметовна, д.ю.н., профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ)

АНТОНЯН Елена Александровна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

БАТХИЕВ Рашид Хусейнович, к.ю.н., судья верховного суда Российской Федерации в отставке

БЕГИЧЕВ Александр Валерьевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (Университет) – МГИМО)

БИРЮКОВ Павел Николаевич, д.ю.н., профессор (Воронежский государственный университет)

БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный педагогический университет)

БУРЕНИНА Ирина Валерьевна, д.э.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ВАЛЕЕВ Револь Миргалимович, д.ю.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Вице-президент Российского философского общества)

ЗОЛОТОВ Александр Владимирович, д.э.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

ИСМАИЛОВ Шавкат Махмудович, д.ю.н., профессор, государственный советник юстиции Республики Таджикистан

КИРИЛЕНКО Виктор Петрович, д.ю.н., профессор, (Северо-западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ)

КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович, д.и.н., профессор (Московский городской педагогический университет)

КОЧАРЯН Виген Владимирович, к.ю.н., доцент (Ереванский государственный университет)

ЛЕШКЕВИЧ Татьяна Геннадьевна, д.ф.н., профессор (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

ЛУКОВ Валерий Андреевич, д.ф.н., профессор (Московский гуманитарный университет – МосГУ)

МАКАР Светлана Владимировна, д.э.н., ведущий научный сотрудник (Финансовый университет при Правительстве РФ)

МИШАПЧЕНКО Юрий Владимирович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет)

РАГУЛИН Андрей Викторович, д.ю.н., доцент, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»

РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна, д.ю.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

РАСТРОПОВ Сергей Владимирович, д.ю.н., профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)

РУСАКОВА Екатерина Петровна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

САЛИХОВ Гафур Губаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный университет)

СЕВАЛЬНИКОВ Андрей Юрьевич, д.ф.н., главный научный сотрудник (Институт философии РАН)

СИНЕЛЬНИКОВА Валентина Николаевна – д.ю.н., профессор (Высшая школа экономики)

СИНЮКОВ Владимир Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

СМИРНОВ Андрей Вадимович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Президент Российского философского общества)

ТИТОВ Вадим Александрович, д.ф.н., профессор (Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова – РЭА)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н. (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва),

Председатель редакционной коллегии (Главный редактор)

ФАХРУТДИНОВА Елена Валерьевна, д.э.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ФРОЛОВА Евгения Евгеньевна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

ХАЙКИН Марк Михайлович, д.э.н., профессор (Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», г. Санкт-Петербург)

ХАРЛАМОВ Андрей Викторович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный экономический университет)

ЦХАДАДЗЕ Нелли Викторовна, д.э.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)

ЧИБИНОВ Анатолий Михайлович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет)

ЧУМАКОВ Александр Николаевич, д.ф.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)

ЯРАШЕВА Азиза Викторовна, д.э.н., профессор (Институт социально-экономических проблем народонаселения

Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН)

ШУВАНОВ Станислав Александрович, Председатель МОД Российской службы мира, ветеран Дипломатической службы России

ЯСТРЕБОВ Олег Александрович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

Издается при содействии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Международный научный и научно-практический юридический журнал. Свободная трибуна по обмену мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья.

С 1 марта 2010 международный научно-практический журнал «Евразийский юридический журнал» был включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по юридическим наукам.

С 1 декабря 2015 года «Евразийский юридический журнал» включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по трем специальностям: 12.00.00 Юридические науки 08.00.00 Экономические науки 09.00.00 Философские науки (список Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации).

Издается с октября 2007 г.
Выходит ежемесячно с января 2009 г.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны.

За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в «Евразийском юридическом журнале», может не совпадать с точкой зрения редакции.

Идея проекта и его осуществление принадлежит Фархутдинову И.З. с 2007 года.

© Евразийский юридический журнал, 2023

Подписано в печать 20.05.2023
Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 21,11.
Тираж 1500 экз.
Руководитель интернет-проектов – Дряхлов С. П.
Компьютерная верстка – Брылев С. О.
Адрес редакции: 119034, г. Москва, ул. Пречистенка, д. 10.
тел.: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889
email: eurasielaw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
<https://eurasielaw-journal.ru/>

Eurasian Law Journal

№ 4 (179) 2023

Editorial council

Chairman

NECHEVIN Dmitry Constantinovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

Deputy Chairman of the Editorial Board

DUISENOV Erkin Ermanovich, Ph.D. in Law, Professor, Advisor to the Rector (Al-Farabi Kazakh National University)

Editorial council members

ABASHIDZE Aslan Huseynovich, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)

ANTONYAN Elena Aleksandrovna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University – MSAL)

AZNAGULOVA Guzel Mukhammetovna, Ph.D. in Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation)

BATKHIEV Rashid Huseynovich, Ph.D. in Law, ex-judge of the Supreme Court of the Russian Federation

BEGICHEV Alexander Valeryevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

BEKYASHEV Damir Kamilevich, Ph.D. in Law, Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) - MGIMO)

BIRYUKOV Pavel Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (Voronezh State University)

BONDARENKO Victor Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State Pedagogical University)

BURENINA Irina Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

CHIBINEV Anatoliy Mikhailovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering)

CHUMAKOV Alexandr Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)

FAKHRTDINOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Ph.D. in Law (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow),
Chairman of the Editorial Board (Editor-in-Chief)

FROLOVA Evgeniya Evgenjevna, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)

GRACHEVA Elena Yurjevna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

GUSEINOV Abdusalam Abdulkerimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, Vice-President of the Russian Philosophical Society)

ISMAILOV Shaukat Makhmudovich, Ph.D. in Law, Professor, State Counselor of Justice of the Republic of Tajikistan

KHARLAMOV Andrey Victorovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State Economical University)

KHAYKIN Mark Mikhaylovich, Ph.D. in Economics, Professor (National Mineral Resources (University of Mines, Saint-Petersburg)

KIRILENKO Viktor Petrovich, Ph.D. in Law, Professor (North-West Institute of Management of the RANEPa under the President of the Russian Federation)

KOCHARYAN Vigen Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate professor (Yerevan State University)

KRIVENKIY Alexander Ivanovich, Ph.D. in History, Professor (Moscow City Pedagogical University)

LESHKEVICH Tatjana Gennadjevna, Ph.D. in Philosophy, Professor (South Federal University, Rostov-on-Don)

LUKOV Valery Andreevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Moscow University for the Humanities)

MAKAR Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Economics, Leading Researcher (Financial University under the Government of the Russian Federation)

MISHALCHENKO Yuriy Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (Saint-Petersburg State University)

NIGMATULLIN Rishat Vakhidovich, Ph.D., Professor (Bashkir State University)

RAGULIN Andrey Viktorovich, Ph.D. in Law, associate professor, Editor-in-chief of the journal "Eurasian Advocacy"

RASTOROPOV Sergey Vladimirovich, Ph.D. in Law, Professor (University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation)

ROMANOVSKAYA Vera Borisovna, Ph.D. in Law, Professor (N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University)

SALIKHOV Gafur Gubaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State University, Ufa)

RUSAKOVA Ekaterina Petrovna, Ph.D. in Law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia - PFUR)

SEVALNIKOV Andrey Yurievich, Ph.D. in Philosophy, chief researcher (Institute of Philosophy of the RAS)

SHUVANOV Stanislav Aleksandrovich, Chairman of the Russian Peace Service, a veteran of the Diplomatic Service of Russia

SINELNIKOVA Valentina Nikolaevna – Ph.D. in Law, Professor (Higher School of Economics)

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

SMIRNOV Andrey Vadimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, President of the Russian Philosophical Society)

TITOV Vadim Aleksandrovich, Ph.D. in Philosophy, Professor (G.V. Plekhanov Russian Economic Academy (REA))

TSKHADADZE Nelly Viktorovna, Ph.D. in Economics, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)

VALEEV Revol Mirgalimovich, Ph.D. in Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

YARASHEVA Aziza Viktorovna, Ph.D. in Economics, Professor (Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences)

YASTREBOV Oleg Aleksandrovich, Ph.D. in Law, Ph.D. in Economics, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)

ZOLOTOV Alexandr Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University)

Journal is published with support of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). International scientific and practical law journal. A free forum for exchange of views on the theory and practice of law in Russia, the Commonwealth of Independent States (CIS) and other countries.

On December 1, 2015 international scientific and practical journal «Eurasian Law Journal» is included to the list of leading reviewed scientific journals and editions in which the basic scientific results of dissertations for scientific degrees of the Ph.D. have to be published, in the fields of:
12.00.00 Legal sciences
08.00.00 Economic sciences
09.00.00 Philosophical sciences
(a List of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

Published since October 2007.

Monthly Law Journal since January 2009.

All rights reserved and protected by copyright legislation of the Russian Federation.

No part of this publication and the entire journal as a whole may be reproduced in any form, translated, stored in a retrieval system, or transmitted in any way or by any means of electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise without prior consent and written permission of the publisher. References to this edition are required.

Editorial Board is not responsible for the content of the advertisements. The opinions of the members of the Editorial Board may not coincide with the opinions of the authors of the articles and other materials published in the "Eurasian Law Journal".

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z. since 2007

© Eurasian law journal, 2023

Signed for printing 20.05.2023

Format 62x84 1/8.

Conv. print. sh. 21,11.

Issue 1500 copies.

Head of the Internet projects –

Dryakhlov S. P.

Desktop publishing – Brylev S. O.

Address of the Editor's Office:

10, Prechistenka Str., Moscow, 119034

Phone: (499) 766-91-92,

+7 (917) 40-10-889

e-mail: eurasialaw@mail.ru,

eurasianoffice@yandex.ru

<https://eurasialaw-journal.ru/>

Редакционная коллегия

Главный редактор

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н.
(Институт государства и права Российской академии наук)

Члены редакционной коллегии

заместитель главного редактора:

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович, к.ю.н., доцент
(Российский университет дружбы народов – РУДН)

заместитель главного редактора:

БОНДАРЕНКО Александр Викторович, к.ф.н., доцент
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ответственный редактор:

ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич, к.п.н.
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

помощник главного редактора:

АБАНИНА Елена Николаевна, к.ю.н., доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)

научный редактор:

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна, к.ю.н., доцент
(Санкт-Петербургский государственный университет)

редактор английского текста:

ФАРХУТДИНОВ Линар Илшатович, к.ф.н.

АЗАРХИН Алексей Владимирович, к.ю.н., доцент

АСАДУЛЛИН Мурад Ринатович, к.ю.н.

ВАСЬКЕВИЧ Владимир Петрович, к.ю.н., доцент

ГАБДРАХМАНОВ Фарит Вадутович, к.ю.н., доцент

ГОПОВАСТОВА Юлия Александровна, д.ю.н., доцент

ГУЛИЕВ Игбал Адиль оглы, к.э.н.

ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович, к.ю.н., доцент

ИВАНОВА Светлана Владимировна, к.п.н., доцент

МЕХДИЕВ Эльнур Таджаддинович, к.и.н.

ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич, д.ю.н., доцент

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич, д.ю.н., доцент

САФРОНОВ Константин Юрьевич

СОДИКОВ Шарбатullo Джаборович, к.ю.н.

ТАКМАКОВА Елена Валерьевна, д.э.н., доцент

ФАЙЗУЛЛИН Гаяз Габдельсламович, к.ю.н., доцент

ЧАТТАЕВ Азамат Русланович, к.ю.н.

ШАЙДУЛЛИНА Венера Камилевна, к.ю.н., доцент

руководитель интернет-проектов:

ДРЯХЛОВ Сергей Павлович

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З.

Учредитель:

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович
(Свидетельство ПИ № ФС77-46472 от 2.10.2011 г.)

Editorial board

Editor-in-Chief

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Law
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences)

Editorial board members

deputy Editor-in-Chief:

SOLNTSEV Aleksandr Mikhaylovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Peoples Friendship University of Russia – PFUR)

deputy Editor-in-Chief:

BONDARENKO Aleksandr Viktorovich, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
(Ufa State Petroleum Technological University)

executive editor:

LUKIYANOV Mikhail Yurevich, Ph.D. in Political Science
(Ufa State Petroleum Technological University)

assistant Editor-in-Chief:

ABANINA Elena Nikolaevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saratov State Law Academy)

scientific editor:

ERMOLINA Marina Anatolyevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saint-Petersburg State University)

english text editor:

FARKHUTDINOV Linar Ilshatovich, Ph.D. in Philosophy

AZARKHIN Alexey Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

ASADULLIN Murad Rinatovich, Ph.D. in Law

GABDRAHMANOV Farit Vadutovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GOLOVASTOVA Yuliya Aleksandrovna, Ph.D. in Law, Associate Professor

GULIYEV Igbal Adil ogly, Ph.D. in Economics

ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich, Ph.D. in Law

IVANOVA Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Psychological Sciences,
Associate Professor

MEHDIEV Elnur Tadjhadinovich, Ph.D. in History

OSTAPOVICH Igor Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

PANCHENKO Vladislav Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

SAFRONOV Konstantin Yuryevich

SODIKOV Sharbatullo Jaborovich, Ph.D. in Law

TAKMAKOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Associate Professor

FAIZULLIN Gaiaz Gabdelslamovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

CHATTAEV Azamat Ruslanovich, Ph.D. in Law

SHAYDULLINA Venera Kamilevna, Ph.D. in Law, associate professor

VASKEVICH Vladimir Petrovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

head of the internet-projects:

DRYAKHLOV Sergey Pavlovich

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z.

Founder:

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich
(Certificate PI № FS77-46472 of 2.10.2011)

PERSONA GRATA

А. О. Мурсалиев:

Устойчивое развитие комплексного прибрежного управления Каспийским морем в международно-правовом контексте
Интервью с Мурсалиевым Аразом Огтаевичем, кандидатом юридических наук, ведущим аналитиком Центра стратегических исследований в области энергетики и цифровой экономики Международного института энергетической политики и дипломатии Московского государственного института международных отношений МГИМО МИД России. 14

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Деникаева С. Э., Курбаналиева Х. М., Абдуразакова П. Д.
К вопросу об особенностях реализации принципа разделения властей (на примере Соединенных Штатах Америки)..... 18

Дьяченко Е. Б.

Консультативные заключения Суда Евразийского экономического союза в 2022 году..... 21

Маневич В. В.

Международно-правовое регулирование киберпространства при ведении вооруженных конфликтов в международном гуманитарном праве: понятия и термины 24

Нгуен Тхи Ван Хуен

Совместные усилия по борьбе и предотвращению пиратства и вооруженного ограничения судов в Юго-Восточной Азии 27

Рагимли Сафтар

Преемственность и практическое значение предмета международного права Азербайджанской Демократической Республики 31

Ясырева Е. А.

Сравнительно-правовой анализ основ законодательства об образовании России, Казахстана и Таджикистана..... 34

Евдокимова А. А.

Становление института принуждения в международном праве: с древних веков до создания Лиги Наций 38

Коффи Н'гуан Жан Франсуа Режис

Правовые причины осторожного участия африканских государств в системе разрешения споров ВТО 41

Юсифова П. Н.

Международно-правовые требования по использованию ртуты в кустарной мелкомасштабной золотодобыче..... 47

Абоян А. А., Парин Д. В.

Альтернативы правозащитных механизмов Европейскому Суду по правам человека: осмысление спустя год после выхода России из Совета Европы 50

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Глинщикова Т. В., Грицай Д. В., Патрушева Е. Д.
Признание и исполнение решений иностранных судов в Российской Федерации..... 55

Гулевич И. В., Ахмедова Д. С., Федоровский М. А.

Усыновление российских детей иностранными гражданами: анализ особенностей действующего законодательства..... 57

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Лебедева Я. И.

Решения суда европейских сообществ по делам Van Gend и Costa: контекстуальный анализ 59

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Горбунов М. Д.

К критике механистичности ответственности в праве 63

Горохов А. А., Горохова К. И.

Ценность достоинства личности в механизме субсидиарной юридической ответственности. Анализ практики правоприменения 65

Дубровин М. А.

Признаки процесса интеграции в государстве..... 67

Заболотных А. А., Болобан М. Л.

Дипломатия в современном российском государстве 69

Паронян К. М.

Механизм реализации института цензуры в либеральном государственно-правовом режиме России конца XX – начала XXI вв..... 71

Скворцов Д. С., Петроградская А. А.

Правовая политика как юридическая категория: понятие и признаки 73

Скобилова И. В., Махонин Д. Д.

Внедрение иностранной лексики в правотворческую деятельность как фактор негативного влияния на регулирование общественных отношений 76

Николаенко Н. С., Дерендяева С. Д.

Сущность правового прецедента и его характерные черты..... 78

Мирошниченко О. И., Дьяконова А. В.

Переосмысление роли института толкования права в эпоху цифровизации..... 80

Юнусов А. А., Юнусов М. А., Юнусов С. А.

Соотношение прав и обязанностей человека и гражданина как вопрос справедливости..... 84

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Беридзе Н. З., Деранжулина Е. Г.

Правовое регулирование коллективного огородничества и садоводства в советский период..... 86

Новикова О. И., Некрасов А. И.

К вопросу о внешнеполитическом курсе Франции в 1920 – 1930-е годы (часть 2)..... 90

Пронина Е. Н.

Правовые основы противоэпидемических просветительских мер в Российской империи 93

Прохоров В. В.

Источниковедческая база по истории организации и деятельности ОВД Крымской АССР (1921 – 1925 гг.) 96

Саидова М. З.

Роль органов государственной власти Дагестана в ликвидации последствий землетрясений 1966 и 1970 годов 99

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Курячая М. М.

Общественный контроль в системе антикоррупционного комплаенса..... 101

Магомедова П. Р., Гаджимагомедов К. Г.

Избирательные права граждан в системе основных прав и свобод личности 103

Мальцева С. Н., Сулейманов Т. А.

Решения Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации по вопросам оказания медпомощи и ответственности медперсонала 105

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Абдулазизова П. Г., Гаджиева Х. В.

Местное самоуправление в свете конституционной реформы в Российской Федерации: проблемы и перспективы..... 107

Шмелев И. В., Муратова Е. В.

Ненадлежащее управление как предпосылка административного конфликта и основание для административного спора 109

Кулаков Н. А., Темников А. Ю., Ермолаев В. Г.

Отдельные проблемы реализации административно-правового статуса государственного гражданского служащего..... 111

Шмелев И. В., Муратова Е. В.

Отдельные элементы системы административной юстиции на примере англосаксонских стран 113

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Керамова С. Н., Темирболатов Б. М.

Некоторые проблемы организации административного процесса в Российской Федерации 117

Мардиева Э. Р.

Проблемы использования электронных доказательств в процессуальном праве 120

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Алсынбаева Э. М., Галаяудинова Л. Ю.

Институт наследственного договора в России как новелла в регулировании наследственных отношений 122

Ананьева Е. О., Ивлиев П. В. Проблема продажи биологического материала и определения его статуса как объекта гражданско-правовых отношений	125	ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС	
Бакунин С. Н., Курбатова Г. В. Проблемы защиты прав на товарные знаки и знаки обслуживания: отечественный и зарубежный опыт	127	Бирюкова В. А., Хасаншина Ф. Г. К вопросу о признании единственного жилья гражданина-должника «роскошным»	183
Ивлиев П. В., Ананьева Е. О. Перспективы применения корпоративной системы пенсионного обеспечения в современной России	129	Гуляева Т. Б., Гнетова Л. В., Карпукова А. А., Глазова В. О. Особенности рассмотрения гражданских дел о временном назначении алиментов несовершеннолетним детям по законам 1936 – 1937 гг. в РСФСР и союзных республиках	185
Кирилова Н. А. Возможности и риски использования цифровых технологий в договорной работе	132	Казанкова Т. Н., Барабошкина А. А. Специфика экспертного заключения как доказательства в судебном процессе	187
Комаревцева И. А., Степанищева А. Р. Основания наследования в российском и зарубежном праве: тенденции правового регулирования	136	Захарова И. В. Адвокатура: правовая коллизия представительства по назначению в гражданском судопроизводстве	189
Курбатова Г. В., Бакунин С. Н. Механизм использования товарных знаков, знаков обслуживания	139	Масленникова Е. А. Исторический анализ зарождения российских судов общей юрисдикции	192
Мараховская К. Г., Карпец С. И. Реклама и юриспруденция: взаимосвязь и правовые аспекты рекламной деятельности	141	Сергеева К. А., Юртаев В. А., Саламахина Е. А. Проблемы судебной практики при разрешении гражданских дел об определении места жительства ребёнка	195
Назарова Н. А., Евтеева К. А., Сехина А. А. Время предоставления бесплатной медицинской услуги	143	Юртаев В. А., Сергеева К. А., Саламахина Е. А. Некоторые процессуальные особенности рассмотрения судами дел об определении места жительства детей при раздельном проживании родителей	197
Мигачева А. Ю., Соколов М. В. Институт отмены дарения в гражданском праве: постановка проблемы	145	ЖИЛИЩНОЕ ПРАВО	
Ястремский И. А. Исковая давность по спорам, вытекающим из договоров возмездного оказания медицинских услуг по профилю «пластическая хирургия»	148	Рудых С. Н., Игонина А. С. Защита прокурором прав граждан-участников долевого строительства	199
Усова Е. В., Иванова Л. А. Правовая охрана отдельных составляющих бренда	151	СЕМЕЙНОЕ ПРАВО	
Проваткина В. Е., Волошина Т. В., Шенер Э. А. Правовой статус лица, занятого на онлайн-платформе	154	Кустова А. А. Фактические брачные отношения: опыт зарубежного и отечественного регулирования	201
Хайсам Н. М. Шакарна Актуальные аспекты ответственности членов правления перед акционерным обществом по корпоративному законодательству Германии	156	ФИНАНСОВОЕ ПРАВО	
Ястремский И. А. Судебно-медицинская экспертиза во внесудебном порядке, назначенная нотариусом по гражданско-правовой сделке пациента с клиникой пластической хирургии	159	Матюхин Д. А. Государственное регулирование финансового рынка в России: административные и экономические меры	204
Боровский И. Б. К вопросу о правовых механизмах реализации непрофильных активов в условиях санкций	161	Сунцова Е. А., Мацкевич О. В. Финансово-правовые механизмы в транспортной сфере (на примере обеспечения соглашений и инвестиционного сотрудничества)	206
Бучнев В. О. Виды трудовых соглашений по праву Российской Федерации и Французской Республики	164	НАЛОГОВОЕ ПРАВО	
Мараховская К. Г. Электронный парламент: новое поколение гражданского участия	166	Сикач А. С., Антонюк Л. А., Пономарёв О. В. Использование искусственного интеллекта в улучшении деятельности налогового администрирования	210
Тарасов С. Ю. Особенности наследования криптовалюты в Российской Федерации	168	Аванесян М. А. Налоговое администрирование: сущность и развитие	213
Карпец С. И. Правовые аспекты использования социальных сетей в рекламных целях	171	Фаизова К. А. Трансформация налогового контроля в условиях цифровизации	215
Бурайкин А. В. Товарный знак в системе средств индивидуализации	173	ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО	
Габараев Д. М. Принудительное отчуждение права собственности на недвижимое имущество	175	Аллахвердиев А. Х. Модели правового регулирования комплаенса в торговле	217
Николаенко Н. С., Дерендяева С. Д. Сравнительно-правовой анализ договора инжиниринга в призме договора подряда	177	Древаль Л. Н., Иванов В. А. Фонд развития территорий в механизме защиты дольщиков при банкротстве застройщика	219
Степанова Т. А. Наследственное правопреемство в отношении цифровых прав	179	Жиленкова Т. В. Действующее законодательство и соглашение о взаимоотношениях субъектов предпринимательской деятельности	221
Хуртов М. С., Федулин Е. А. Гражданско-правовая защита прав и законных интересов соседей земельных участков	181	Кот М. К. Некоммерческие организации как участники предпринимательских отношений по осуществлению предпринимательской деятельности: дискуссионные вопросы	223
		Балашов Е. В., Шорохова А. А. Правовое регулирование цифровых технологий при обеспечении конкуренции	225

Клевцов Р. В., Масленникова Л. В. Правовые особенности банкротства физических лиц в Российской Федерации и зарубежных странах.....	228	УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС	
Антонян А. К. Открытость контрактной системы как инструмент обеспечения стабильности и определенности оборота товаров, работ, услуг, закупаемых для обеспечения публичных нужд.....	231	Бирук М. С., Гребенюк А. С. Электронные носители информации – понятие и значение в доказывании при производстве предварительного расследования по уголовному делу.....	292
Кот М. К. Проблемы классификации субъектов предпринимательского права в отношениях по осуществлению предпринимательской деятельности.....	235	Костина Е. Н. Допрос несовершеннолетнего потерпевшего с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) на стадии предварительного расследования.....	296
КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО		Лукьянова Е. А. К вопросу о формах применения специальных знаний при раскрытии и расследовании пенитенциарных преступлений.....	299
Панабергенова Ж. Т. Становление корпоративного управления: правовой анализ.....	238	Логачев К. К. Актуальные проблемы, возникающие при раскрытии и расследовании экологических преступлений.....	302
Дедковский И. В. Расходы на санацию банка: состав и применение с обратной силой.....	241	Макеева И. А. Использование видео-конференц-связи в досудебном производстве как гарантия доступа к осуществлению правосудия и доступности правосудия для участников процесса.....	305
Федотова И. Ю. Правовое регулирование сделок с заинтересованностью в странах общего права.....	245	Сердюкова Е. В., Чуниха А. А. Действие отдельных принципов головного процесса в ходе заочного судопроизводства по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях.....	309
ЦИФРОВОЕ ПРАВО		Тингаева И. В. Особенности проведения некоторых следственных действий при расследовании преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий.....	311
Скобилева И. В., Махонин Д. Д. Достоинства и недостатки внедрения нейронных сетей в юридическую деятельность.....	249	Гаджалиева А. Т. Проблемы реализации ст. 6.1. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации при приостановлении производства по уголовному делу.....	313
УГОЛОВНОЕ ПРАВО		Мелодиев А. А. Генезис мер пресечения, избираемых в отношении несовершеннолетних, в отечественном уголовном судопроизводстве.....	315
Байрамов Р. Р., Габдулхаков М. Ф., Филипов А. Р. Проблемы противодействия преступлениям в сфере топливно-энергетического комплекса.....	252	Акбаров И. И. Понятие специальных экономических знаний и их использование в уголовном процессе.....	317
Балабкин Д. А., Абросимов И. С., Хайрусов Д. С. Характеристика личностных качеств преступника, совершающего преступление против жизни.....	255	УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО	
Донскова К. Г., Спилиоти В. И. Виды наркотиков и способы их распространения в местах лишения свободы.....	257	Горкина С. А. Воспитательное воздействие на осужденных: проблемы и перспективы в сфере исполнения наказаний без изоляции от общества.....	319
Иванова Л. М. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания: тенденции правового регулирования и их влияние на правоприменительную практику.....	259	Зорина Н. С., Садыкова Р. А. Влияние социальной среды на формирование личности несовершеннолетних правонарушителей.....	321
Ступина С. А. К вопросу об уголовной ответственности за хищение имущества у незаконного владельца.....	261	Зиньков Е. Н., Голубцова К. И. Особенности предупреждения проникновения запрещенных предметов на территорию исправительных учреждений.....	323
Сулейманов Т. А., Новикова Л. В. Характеристика составов преступлений по УК РФ, совершаемых медицинским персоналом.....	264	Унтеров В. А. Некоторые аспекты противодействия преступлениям против жизни и здоровья в исправительных учреждениях.....	325
Терсенов М. А. Некоторые размышления о малозначительности деяния при квалификации хищения денежных средств с банковского счета (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ).....	266	Хасанова С. К. Контроль за осужденными без изоляции от общества в аспекте совершенствования прогнозирования их противоправного поведения.....	327
Федоров А. Ф., Штаб О. Н. Вопросы квалификации угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью.....	268	КРИМИНАЛИСТИКА	
Чукреев В. А. Уголовно-правовая ответственность в сфере суррогатного материнства.....	271	Давлетов В. И., Алексеев А. О., Пичугин Д. А. Организация оперативно-розыскной деятельности по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений в сфере торговли людьми оперативными подразделениями.....	330
Князькина А. К. Имплементация в российское уголовное законодательство международных имплементетных норм.....	276	Еремин С. Г., Решняк О. А., Васильев Д. В. Повышение эффективности производства судебно-бухгалтерских экспертиз по данным, сопряженным с использованием компьютерных средств.....	332
Альхименко Ю. В. Перспективы применения электронного уголовного дела в Российской Федерации.....	280	Жуков Н. И., Каширский Д. Ю., Штарев Д. О. Проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении свидетелей.....	334
Иванова Л. А. Отечественный опыт формирования уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ.....	283		
Костенко А. И. Карательное содержание ограничения свободы, его отражение в уголовном законе и конкретизация в процессе правоприменения.....	286		
Строкань В. С. Понятие и уголовно-правовые особенности преступлений, совершаемых финансово-кредитной сфере.....	290		

Кундакчян В. О., Влезько Д. А. Взаимодействие следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, при расследовании преступлений.....	337	БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВО Бахонина Е. И., Насибуллина В. А., Тажетдинова А. А., Яхина Э. Н. Изменения в законодательстве по охране труда, связанные с процедурой оценки профессионального риска.....	387
Мустафина Г. М., Лузько Д. Н., Хахалкина У. В. Правовая и оперативно-розыскная характеристика преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия	341	Донских Д. В., Мельников А. О. Роль России на пути к энергетическому переходу и устойчивому развитию	389
Сафонов А. А., Бондарева И. О. К вопросу о правильности документирования следственного эксперимента	343	Теуважев З. А. Роль средств массовой информации в противодействии преступности.....	393
Федина Л. М., Федин М. А. Методологические особенности раскрытия и расследования убийств, совершенных в условиях неочевидности.....	345	Федосов А. В., Тажетдинова А. А., Насибуллина В. А., Константинова О. В. Анализ требований законодательства Российской Федерации в области обучения вопросам охраны труда	395
Саидова Ш. М. Совершенствование деятельности следственных органов по применению меры пресечения в виде заключения под стражу	347	ГОСУДАРСТВО И ПРАВО Хаваджи Д. Р. Становление института адвокатуры в России в середине XIX начале XX вв.	397
КРИМИНОЛОГИЯ Абдулатипов А. М., Магомедов Ш. Р., Урумов А. В. Особенности криминологической характеристики террористического сообщества в современный период	349	ПЕДАГОГИКА И ПРАВО Зорина Н. С. Педагогическая профилактика агрессивного поведения у несовершеннолетних	399
Караваев А. А., Валиева А. Р., Ковалёв Т. В. Профайлинг: значение в расследовании серийных преступлений	355	Латыпова Э. Р., Родионов Г. А., Миннигалеева А. А. Значение межкультурной коммуникации при взаимодействии с зарубежными партнерами в нефтегазовой отрасли	401
Кияшко К. С. Особенности криминологической характеристики личности осужденного – члена экстремистского движения «А.У.Е.»	357	Николаев Н. Ю., Константинов В. Н., Зиганшин М. Н. Актуальные вопросы огневой подготовки, состояние, перспективы совершенствования, методик обучения.....	404
Селиверстова М. Г. Профессиональные риски деятельности адвоката или дискредитация прав адвокатов как криминологический фактор совершения преступлений	359	Сухоруков В. А. Политико-воспитательная работа с сотрудниками органов внутренних дел.....	406
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Идилов А. И. Понятие искусственного интеллекта в правовом контексте	361	Латыпова Э.Р., Михелёв А. М. Значение формирования межкультурной компетенции в обучении студентов.....	408
Попов А. М. Осуществление принципа независимости судей в зарубежных странах.....	365	ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО Искра Н. С., Римский В. Г., Надточий М. С. Перспективы развития законодательства в области психологического регулирования в интересах устойчивого развития	411
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ Бажанов С. А. Правовые и организационные вопросы деятельности народной милиции в Болгарии	369	Исаев М. Ш. Психологические факторы, влияющие на вынесение вердикта присяжными заседателями.....	416
Барышникова М. В., Михайлов В. С. Особенности использования беспилотных летательных аппаратов в оперативно-розыскной деятельности	371	Караваев А. А., Воскобоев А. И., Артамонова М. А., Нурутдинов И. И. Актуальные проблемы морально-психологической подготовки сотрудников полиции.....	418
Гусейнов А. А., Абазов А. Б., Пугачев А. В. Направления работы по предупреждению ошибок сотрудников органов внутренних дел в обращении с огнестрельным оружием в повседневной деятельности	373	Хамитов А. Р., Бухтояров И. И., Болобан М. Л. Развитие готовности сотрудников ОВД к действиям в особых условиях.....	420
Ким В. О., Амелин С. Г., Лещенко Е. А. Актуальные проблемы спорта и физической подготовки как учебной дисциплины в образовательных организациях МВД России	375	СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО Баиров А. С. Методы профилактики наркопотребления (на примере Республики Бурятия).....	422
Канзафаров М. А., Амелин С. Г., Стрига О. Н. Организация и проведение самостоятельной физической подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России	377	ЯЗЫК И ПРАВО Молчанова С. Е., Лысенко Н. А. Основные особенности употребления инфинитива в юридических документах.....	425
Стуканов И. А. Оперативно-розыскная деятельность таможенных органов Российской Федерации в условиях единого экономического пространства ЕАЭС: проблемные вопросы, пути решения, перспективы развития.....	379	ЭКОНОМИКА. ПРАВО. СОЦИУМ Авдеева Л. А., Соловьева И. А., Хажии-Алиев И. М. Совершенствование методического подхода к оценке эффективности применения на нефтяных скважинах технологий водоограничения притока жидкости	428
Бажанов С. А., Медведева И. Н. Правоохранительная деятельность корпуса народной безопасности Чехословацкой Социалистической Республики: историко-правовой обзор	382	Вдовина А. Н. Особенности продовольственного обеспечения осужденных в пенитенциарных учреждениях некоторых зарубежных стран	431
Мингулов И. Р., Иванченко Е. С., Муханов Ю. В. Формирование силовых способностей в рамках профессиональной подготовки сотрудников МВД России.....	384		

Спаская Н. В., Сотникова Е. А. Инвестиционная политика в антикризисном управлении.....	434	Галлямова А. Р., Гусева А. А., Галлямов Р. Т. Возможности использования инструментов дизайн мышления в преподавании дисциплины «Философия» в вузе.....	494
Толикова Е. Э., Собко А. А. Инновационные подходы к созданию и использованию цифровых двойников: экономические и правовые аспекты.....	436	Горбачев С. Б. О некоторых мировоззренческих подходах к определению внешнеполитической стратегии России в отечественном философском дискурсе	496
Хосла Г. Экономические реформы в Индии в 1991 году – зачем они понадобились.....	440	Доронин Ю. П. Экономическая безопасность как один из стратегических национальных приоритетов Российской Федерации.....	498
Зайцева А. А. Пути улучшения комплексной оценки эффективности строительных организаций в современных экономических условиях	445	Игнатова Ю. Е., Лукьянов Г. И. Феномен социального доверия как основание развития правосознания в современном российском обществе	501
Клявлиня Я. М., Клявлин М. С., Бакиева Д. И., Асланян Д. В. Сравнительная экономическая оценка использования каталитических фильтрующих материалов при обезжелезивании и деманганации	447	Зубков С. А., Зубков Е. С. Экофильный образ Шри Чайтаньи как бенгальского святого – философа и музыкального деятеля	503
Костылева Е. Г., Гимранов А. А. Последствия повышения пенсионного возраста для рынка труда.....	449	Егорова Ю. Р. Специфика понимания трансцендентализма в классической и современной философии	505
Польшакова Н. В., Уварова М. Н., Гришина С. Ю., Димов А. А. Тенденции развития АПК региона в цифровом пространстве	451	Шматько А. А. Историческая память и историческое мышление как базовые элементы исторического сознания: социально-философский анализ	507
Пчелинцева С. А., Давыдова О. А. Ключевые проблемы малого бизнеса в современных условиях	454	Бурлова Ю. А. Скрытое нормирование как фактор социокультурной динамики (К 100-летию А.А. Зиновьева – философа и гуманиста).....	509
Радченко Е. П., Вдовина А. Н. Концептуальные решения привлечения инвестиционных средств в производственный сектор уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.....	456	Зубков С. А. Ностальгия по экофильному прошлому на примере образа бенгальской деревни	512
Седых В. А., Радченко Е. П., Вдовина А. Н. Особенности рационального использования земель сельскохозяйственного назначения в Российской Федерации.....	458	Верхозина О.А. Правовые и этические проблемы взаимодействия с искусственным интеллектом.....	514
Толикова Е. Э., Глинкина Э. М. Импортозамещение в РФ: асимметрия инвестиционной деятельности в инновационной сфере	461	Кручинин С. В. Искусственный интеллект и спектр его возможного применения	517
Файзуллин Ф. С., Файзуллин Т. Ф. Основные подходы к исследованию социального капитала в современной зарубежной науке.....	467	Аветисян В. С. Взаимодействие феминного и мускулинного в социокультурной среде современного общества	519
Фирсова О. Н. Оценка индикаторов развития малого и среднего предпринимательства в региональном разрезе	471	ОБЗОРЫ	
Челпанова М. М., Понежина Л. Ю. Современное состояние и угрозы финансовой безопасности государства	473	Богданова Ю. З., Пирвердиева Э. А. Духовно-нравственные смыслы, идентичности и культура в условиях глобальных вызовов	521
Хабиров Ю. М., Хамидуллин И. С., Клявлиня Я. М., Клявлин М. С. Перспективы повышения энергетической эффективности теплоснабжения зданий и сооружений	475	Кабанов В. Л., Каламкарян Р. А. Монография Горячева Ю. А., Захарова В. Ф., Омельяченко Е. А. «Международные стандарты образования: уроки истории и современность» монография / Под общ. ред. Ю. А. Горячева – Москва: Этносфера, 2022. – 210 с. создала институционно-правовую основу феномену международных стандартов образования.....	522
Булгаков Д. А., Туманов Д. А., Туманова А. В. Туристические кластеры региона как инструмент региональной экономической политики (на примере Орловской области).....	478	ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	524
Низаметдинова Е. А. Роль инновационно активного малого предпринимательства в экономическом развитии регионов России	481		
Туманов Д. А., Туманова А. В., Булгаков Д. А. Трансформация сельскохозяйственного производства региона в постсоветский период (на примере Орловской области).....	484		
ФИЛОСОФИЯ. ПРАВО. СОЦИУМ			
Богданова Ю. Р., Ефремова Т. А., Казакова Н. В. Жизненные установки молодежи: постановка проблемы.....	487		
Бондаренко Н. Г., Крюкова Л. В., Васильева И. А. Феномен свободы в индустриальном обществе	489		
Вильданов Х. С., Шарипов А. А. Роль аксиологии в объективизации результатов социального прогнозирования и проектирования	491		

PERSONA GRATA

A. O. Mursaliev:

Sustainable development of the integrated coastal management of the Caspian Sea in the international law context

Interview with Mursaliev Araz Ogtayevich, Ph.D. in Law, Leading Analyst at the Center for Strategic Studies in the Field of Energy and Digital Economy of the International Institute for Energy Policy and Diplomacy, Moscow State Institute of International Relations MGIMO of the MFA of Russia. 14

INTERNATIONAL LAW

Denikaeva S. E., Kurbanalieva K. M., Abdurazakova P. D.

On the question of the specifics of the implementation of the principle of separation of powers (using the example of the United States of America) 18

Dyachenko E. B.

Advisory opinions of the Eurasian Economic Union Court in 2022 21

Manevich V. V.

International legal regulation of cyberspace in the conduct of armed conflicts in international humanitarian law: concepts and terms 24

Nguyen Thi Van Huyen

Joint effort to fight and prevent piracy and armed robbery against ships in Southeast Asia 27

Rahimli Saftar

Continuity and practical significance of the subject of international law of the Azerbaijan Democratic Republic 31

Yasyreva E. A.

Comparative legal analysis of the fundamentals of legislation on education in Russia, Kazakhstan and Tajikistan 34

Evdokimova A. A.

Development of the institution of coercion in international law: from ancient times to the creation of the League of Nations 38

Koffi N'gouan Jean Francois Régis

Legal reasons for the cautious participation of African states in the WTO dispute resolution system 41

Yusifova P. N.

International legal requirements for the use of mercury in artisanal small-scale gold mining 47

Aboyan A. A., Parin D. V.

Alternatives of human rights mechanisms to the European Court of Human Rights: understanding after a year of Russia's withdrawal from the Council of Europe 50

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Glinshchikova T. V., Gritsay D. V., Patrusheva E. D.

Recognition and enforcement of decisions of foreign courts in the Russian Federation 55

Gulevich I. V., Akhmedova D. S., Fedorovskiy M. A.

Adoption of Russian children by foreign citizens: analysis of the peculiarities of the current legislation 57

EUROPEAN LAW

Lebedeva I. Ya.

Judgments of the court of justice of the European communities in the Van Gend and Costa cases: contextual analysis 59

THEORY OF STATE AND LAW

Gorbunov M. D.

On the criticism of the mechanistic nature of responsibility in law 63

Gorokhov A. A., Gorokhova K. I.

The value of the dignity of the individual in the mechanism of subsidiary legal responsibility. Analysis of law enforcement practice 65

Dubrovin M. A.

Signs of the integration process in the state 67

Zabolotnykh A.A., Boloban M.L.

Diplomacy in the modern Russian state 69

Paronyan K. M.

The mechanism of implementation of the institute of censorship in the liberal state-legal regime of Russia in the end of the XX – the beginning of the XXI centuries 71

Skvortsov D. S., Petrogradskaya A. A.

Legal policy as a legal category: concept and features 73

Scobileva I. V., Makhonin D. D.

Advantages and disadvantages of implementing neural networks in legal activities 76

Nikolaenko N. S., Derendyaeva S. D.

The essence of legal precedent and its characteristic features 78

Miroshnichenko O. I., Dyakonova A.V.

Rethinking the role of the institution of legal interpretation in the age of digital change 80

Yunusov A. A., Yunusov M. A., Yunusov S. A.

Correlation between the rights and duties of a person and a citizen as a matter of justice 84

HISTORY OF STATE AND LAW

Beridze N. Z., Deranzhulina E. G.

Legal regulation of collective horticulture and gardening in the Soviet period 86

Novikova O. I., Nekrasov A. I.

On the question of France's foreign policy course in the 1920s and 1930s (part 2) 90

Pronina E. N.

Legal basis for anti-epidemic preventive measures in the Russian Empire 93

Prokhorov V. V.

Source study base on the history of the organization and activities of the Department of Internal Affairs of the Crimean ASSR (1921-1925) 96

Saidova M. Z.

The role of the state authorities of Dagestan in the aftermath of the earthquakes of 1966 and 1970 99

CONSTITUTIONAL LAW

Kuryachaya M. M.

Public control in the anti-corruption compliance system 101

Magomedova P. R., Gadzhimagomedov K. G.

Electoral rights of citizens in the system of fundamental rights and freedoms of the individual 103

Maltseva S. N., Suleymanov T. A.

Decisions of the Constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation on the provision of medical care and the responsibility of medical staff 105

ADMINISTRATIVE LAW

Abdulazizova P. G., Gadzhieva K. V.

Local self-government in the light of Constitutional reform in the Russian Federation: problems and prospects 107

Shmelev I. V., Muratova E. V.

Improper management as a prerequisite for an administrative conflict and the basis for an administrative dispute 109

Kulakov N. A., Temnikov A. Yu., Ermolaev V. G.

Some problems in implementing the administrative and legal status of a state civil servant 111

Shmelev I. V., Muratova E. V.

Individual elements of the administrative justice system on the example of Anglo-Saxon countries 113

ADMINISTRATIVE PROCESS

Keramova S. N., Temirbolatov B. M.

Some problems of the organization of the administrative process in the Russian Federation 117

Mardieva E. R.

Problems of using electronic evidence in procedural law 120

CIVIL LAW

Alsynbayeva E. M., Galyautdinova L. Yu.

Institute of inheritance agreement in Russia as a novel in the realisation of inheritance relations 122

Ananjeva E. O., Ivliev P. V. <i>The problem of selling biological material and determining its status as an object of civil law relations</i>	125	Gulyaeva T. B., Gnetova L. V., Karpukova A. A., Glazova V. O. <i>Features of the consideration of civil cases on the temporary assignment of alimony to minor children under the laws of 1936-1937 in the RSFSR and the union republics</i>	185
Bakunin S. N., Kurbatova G. V. <i>Problems of protection of rights to trademarks and service marks: domestic and foreign experience</i>	127	Kazankova T. N., Baraboshkina A. A. <i>The specifics of an expert opinion as evidence in a trial</i>	187
Ivliev P. V., Ananjeva E. O. <i>Prospects for the use of the corporate pension system in modern Russia</i>	129	Zakharova I. V. <i>Advocacy: legal conflict of representation by appointment in civil proceedings</i>	189
Kirilova N. A. <i>Opportunities and risks of use of digital technologies in contract work</i>	132	Maslennikova E. A. <i>Historical analysis of the origin of Russian courts of general jurisdiction</i>	192
Komarevceva I. A., Stepanischeva A. R. <i>Grounds for Inheritance in Russian and foreign law: trends in legal regulation</i>	136	Sergeeva K. A., Yurtaev V. A., Salamakhina E. A. <i>Problems of judicial practice in resolving civil cases on determining the place of residence of a child</i>	195
Kurbatova G. V., Bakunin S. N. <i>Mechanism for the use of trademarks, service marks</i>	139	Yurtaev V. A., Sergeeva K. A., Salamakhina E. A. <i>Some procedural features of the consideration by the courts of cases on determining the place of residence of children when parents are separated</i>	197
Marakhovskaya K. G., Karpets S. I. <i>Advertising and law: interrelation and legal aspects of advertising activity</i>	141	HOUSING LAW	
Nazarova N. A., Evteeva K. A., Sekhina A. A. <i>Time of medical service provision</i>	143	Rudykh S. N., Igonina A. S. <i>Protection by the prosecutor of the rights of citizens-participants of the share construction</i>	199
Migacheva A. Yu., Sokolov M. V. <i>Institute of Gift Cancellation in Civil Law: Problem Statement</i>	145	FAMILY LAW	
Yastremskiy I. A. <i>Legal history in disputes arising from contracts for the reimbursable provision of medical services under the «plastic surgery» profile</i>	148	Kustova A. A. <i>De facto marital relations: experience of foreign and domestic regulation</i>	201
Usova E. V., Ivanova L. A. <i>Legal protection of individual brand components</i>	151	FINANCIAL LAW	
Provatkina V. E., Voloshina T. V., Shener E. A. <i>Legal status of a person employed on an online platform</i>	154	Matyukhin D. A. <i>State regulation of the financial market in Russia: administrative and economic measures</i>	204
Haytham N. M. Shakarna <i>Current aspects of the responsibility of the members of the management board to the joint-stock company under the corporate legislation of Germany</i>	156	Suntsova E. A., Matskevich O. V. <i>Financial and legal mechanisms in the transport sector (on the example of securing agreements and investment cooperation)</i>	206
Yastremskiy I. A. <i>The forensic-medical examination in the out-of-court order appointed by the notary under civic transactions between a patient and a plastic surgery clinic</i>	159	TAX LAW	
Borovskiy I. B. <i>On the issue of legal mechanisms for the sale of non-core assets under sanctions</i>	161	Sikach A. S., Antonyuk L. A., Ponomarev O. V. <i>The use of artificial intelligence in improving the activities of tax administration</i>	210
Buchnev V. O. <i>Types of employment agreements under the law of the Russian Federation and France</i>	164	Avanesyan M. A. <i>Tax administration: essence and development</i>	213
Marakhovskaya K. G. <i>Electronic parliament: a new generation of citizen participation</i>	166	Faizova K. A. <i>Transformation of tax control in the context of digitalization</i>	215
Tarasov S. Yu. <i>Features of cryptocurrency inheritance in the Russian Federation</i>	168	ENTREPRENEURIAL LAW	
Karpets S. I. <i>Legal aspects of the use of social networks for advertising purposes</i>	171	Allakhverdiev A. Kh. <i>Models of legal regulation of compliance in commerce</i>	217
Buraykin A. V. <i>Trademark in the system of means of individualization</i>	173	Dreval L. N., Ivanov V. A. <i>The fund for the development of territories in the mechanism of protection of shareholders in the bankruptcy of the developer</i>	219
Gabaraev D. M. <i>Forcible alienation of ownership of real estate</i>	175	Zhilenkova T. V. <i>The current legislation and the agreement on the relationship of business entities</i>	221
Nikolaenko N. S., Derendyaeva S. D. <i>Comparative legal analysis of the engineering contract in the prism of the contract</i>	177	Kot M. K. <i>Non-profit organizations as participants in entrepreneurial relations for the implementation of entrepreneurial activities: discussion issues</i>	223
Stepanova T. A. <i>Hereditary succession in relation to digital rights</i>	179	Balashov E. V., Shorokhova A. A. <i>Legal regulation of digital technologies when ensuring competition</i>	225
Khurtoev M. S., Fedulin E. A. <i>Civil law protection of the rights and legitimate interests of owners and other owners of neighboring land plots</i>	181	Klevtsov R. V., Maslennikova L. V. <i>Legal features of bankruptcy of individuals in the Russian Federation and foreign countries</i>	228
CIVIL PROCESS		Antonyan A. K. <i>Openness of the contract system as a tool for ensuring stability and certainty of the turnover of goods, works, services purchased to meet public needs</i>	231
Biryukova V. A., Khasanshina F. G. <i>On the issue of recognizing the only housing of a citizen-debtor as "luxury"</i>	183		

Kot M. K. <i>Problems of classification of subjects of entrepreneurial law in relations for the implementation of entrepreneurial activities</i>	235	Kostina E. N. <i>Interrogation of a minor victim with limited health opportunities (LHO) at the stage of preliminary investigation</i>	296
CORPORATE LAW		Lukyanova E. A. <i>On the question of the forms of application of special knowledge in the detection and investigation of penitentiary crimes</i>	299
Panabergenova J. T. <i>Formation of corporate governance: legal analysis</i>	238	Logachev K. K. <i>Actual problems arising in the detection and investigation of environmental crimes</i>	302
Dedkovskiy I. V. <i>Expenses on sanation of bank: structure and application with retroactive force</i>	241	Makeeva I. A. <i>Use of videoconferencing in pre-trial proceedings as a guarantee of access to justice for the participants of criminal proceedings</i>	305
Fedotova I. Yu. <i>Legal regulation of related party transactions in common law countries</i>	245	Serdyukova E. V., Chunikha A. A. <i>Problems of ensuring certain provisions of criminal procedure legislation in correspondence proceedings in severe and especially severe cases</i>	309
DIGITAL LAW		Tingaeva I. V. <i>Features of carrying out some investigative actions in the investigation of crimes committed using information and communication technologies</i>	311
Scobileva I. V., Makhonin D. D. <i>Introduction of foreign vocabulary in law-making activities as a factor of negative impact on the regulation of social relations</i>	249	Gadzhalieva A. T. <i>Problems of implementation of Article 6.1. of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in case of suspension of proceedings in a criminal case</i>	313
CRIMINAL LAW		Melodiev A. A. <i>Genesis of measures of restraint, chosen in respect of minors, in domestic criminal proceedings</i>	315
Bayramov R. R., Gabdulkhakov M. F., Filipov A. R. <i>Problems of combating crimes in the sphere of the fuel and energy complex</i>	252	Akbarov I. I. <i>The concept of special economic knowledge and its use in criminal proceedings</i>	317
Balabkin D. A., Abrosimov I. S., Khayrusov D. S. <i>Characteristics of the personal qualities of a criminal who commits a crime against Life</i>	255	CRIMINAL-EXECUTIVE LAW	
Donskova K. G., Spilioti V. I. <i>Administrative liability for anti-competitive agreement and concerted actions</i>	257	Gorkina S. A. <i>Educational impact on convicts: problems and prospects in the field of execution of sentences without isolation from society</i>	319
Ivanova L. M. <i>Release from serving a sentence on parole: trends in legal regulation and their impact on law enforcement practice</i>	259	Zorina N. S., Sadykova R. A. <i>The influence of the social environment on the formation of the personality of juvenile offenders</i>	321
Stupina S. A. <i>On the issue of criminal liability for theft of property from an illegal owner</i>	261	Zinkov E. N., Golubtsova K. I. <i>Features of preventing the penetration of prohibited items into the territory of correctional institutions</i>	323
Suleymagnov T. A., Novikova L. V. <i>Characteristics of the composition of crimes under the Criminal Code of the Russian Federation, committed by medical personnel</i>	264	Unterov V. A. <i>Some aspects of counteraction crimes against life and health in correctional institutions</i>	325
Tersenov M. A. <i>Some reflections on the insignificance of the act in the qualification of embezzlement of funds from a bank account (item "d" Part 3 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation)</i>	266	Khasanova S. K. <i>Monitoring of convicts without isolation from society in the aspect of improving the prediction of their illegal behavior</i>	327
Fedorov A. F., Shtab O. N. <i>Questions of qualification of threat to kill or cause serious harm to health</i>	268	CRIMINALISTICS	
Chukreev V. A. <i>Criminal responsibility in the sphere of surrogacy motherhood</i>	271	Davletov V. I., Alexeev A. O., Pichugin D. A. <i>Organization of operational investigative activities for the identification, prevention, suppression and disclosure of crimes in the field of human trafficking by operational units</i>	330
Knyazkina A. K. <i>Implementation of the international immunity standards in the Russian criminal law</i>	276	Eremin S. G., Reshnyak O. A., Vasiljev D. V. <i>Increasing the efficiency of the production of forensic accounting expertise based on data associated with the use of computer tools</i>	332
Alkhimenko Yu. V. <i>Prospects for application of electronic criminal case in the Russian Federation</i>	280	Zhukov N. I., Kashirskiy D. Yu., Shtarev D. O. <i>Conducting operational investigative measures against witnesses</i>	334
Ivanova L. M. <i>Domestic experience in the formation of criminal liability for illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances</i>	283	Kundakchyan V. O., Vlezko D. A. <i>Interaction of the investigator with the bodies carrying out operational investigative activities during the investigation of crimes</i>	337
Kostenko A. I. <i>The punitive content of the restriction of liberty, its reflection in the criminal law and specification in the process of law enforcement</i>	286	Mustafina G. M., Luzko D. N., Khakhalkina U. V. <i>Legal and operational-investigative characteristics of crimes related to illegal arms trafficking</i>	341
Strokan V. S. <i>The concept and criminal law features of crimes committed in the financial and credit sphere</i>	290	Safonov A. A., Bondareva I. O. <i>To the question of the correctness of documenting the investigative experiment</i>	343
CRIMINAL PROCESS			
Biruk M. S., Grebenyuk A. S. <i>Electronic information carriers - the concept and significance in evidence during preliminary investigation in a criminal case</i>	292		

Fedina L. M., Федин М. А. <i>Methodological features of the disclosure and investigation of murders committed in conditions of non-obviousness.....</i>	345	STATE AND LAW	Khavadzhi D. R. <i>Formation of the institute of advocacy in Russia in the mid-XIX – early XX centuries.....</i>	397
Saidova Sh. M. <i>Improving the activities of investigative bodies on the application of a preventive measure in the form of detention</i>	347	PEDAGOGY AND LAW	Zorina N. S. <i>Pedagogical prevention of aggressive behavior in minors.....</i>	399
CRIMINOLOGY		Latypova E. R., Rodionov G. A., Minnigaleeva A. A. <i>Importance of intercultural communication in cooperation with foreign partners in the oil and gas industry</i>	401	
Abdulatipov A. M., Magomedov S. R., Urumov A. V. <i>Features of terrorist community criminological characteristics in the modern period.....</i>	349	Николаев Н. Ю., Константинов В. Н., Зиганшин М. Н. <i>Актуальные вопросы огневой подготовки, состояние, перспективы совершенствования, методик обучения</i>	404	
Karavaev A. A., Valieva A. R., Kovalev T. V. <i>Profiling: some aspects of the investigation of serial crimes.....</i>	355	Sukhorukov V. A. <i>Political and educational work with the internal affairs agencies officers</i>	406	
Kiyashko K. S. <i>Features of criminological characteristics of the personality of a convicted member of the extremist movement "A.U.E."</i>	357	Latypova E. R., Mikhelev A. M. <i>The importance of forming intercultural competence in student education.....</i>	408	
Seliverstova M. G. <i>The professional risks of the lawyer's activity or the discrediting of the rights of lawyers as a criminological factor in the commission of crimes</i>	359	PSYCHOLOGY AND LAW		
LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES		Iskra N. S., Rimskiy V. G., Nadtochiy M. S. <i>Prospects for the development of legislation in the field of psychological regulation in the interests of sustainable development</i>	411	
Idilov A. I. <i>The concept of artificial intelligence in a legal context.....</i>	361	Isaev M. Sh. <i>Psychological factors influencing the verdict of the jury</i>	416	
Popov A. M. <i>Implementation of the principle of independence of judges in foreign countries</i>	365	Karavaev A. A., Voskoboev A. I., Artamonova M. A., Nurutdinov I. I. <i>Actual problems of moral and psychological training of police officers.....</i>	418	
LAW ENFORCEMENT AGENCIES		Khamitov A. R., Bukhtoyarov I. I., Boloban M. L. <i>Development of the readiness of police officers to act in special conditions</i>	420	
Bazhanov S. A. <i>Legal and organizational issues of the activities of the people's militia in Bulgaria.....</i>	369	SOCIOLOGY AND LAW		
Baryshnikova M. V., Mikhaylov V. S. <i>Features of the use of unmanned aerial vehicles in operational search activities.....</i>	371	Bairov A. S. <i>Drug prevention methods (on the example of the Republic of Buryatia).....</i>	422	
Guseynov A. A., Abazov A. B., Pugachev A. V. <i>Areas of work to prevent mistakes of law enforcement officers in handling firearms in everyday activities.....</i>	373	LANGUAGE AND LAW		
Kim V. O., Amelin S. G., Leshchenko E. A. <i>Actual problems of sports and physical training as an academic discipline in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia.....</i>	375	Molchanova S. E., Lysenko N. A. <i>The main features of the use of the infinitive in legal documents.....</i>	425	
Kanzafarov M. A., Amelin S. G., Striga O. N. <i>Organization and conduct of independent physical training of cadets and students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia</i>	377	ECONOMY. LAW. SOCIETY		
Stukanov I. A. <i>Detective activity of the Russian customs authorities in the conditions of the single economic space of the EAEU: problematic issues, solutions, development prospects</i>	379	Avdeeva L. A., Solovjeva I. A., Khazhi-Allahiev I. M. <i>Improving the methodological approach to performance evaluation of the use of liquid inflow water limitation operating procedure in oil wells.....</i>	428	
Bazhanov S. A., Medvedeva I. N. <i>Law enforcement activities of the People's Security Corps of the Czechoslovak Socialist Republic: historical and legal review</i>	382	Vdovina A. N. <i>Peculiarities of food provision of convicts in penitentiary institutions of some foreign countries</i>	431	
Mingulov I. R., Ivanchenko E. S., Mukhanov Y. V. <i>Formation of power abilities in the framework of professional training of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia.....</i>	384	Spasskaya N. V., Sotnikova E. A. <i>Investment policy in crisis management.....</i>	434	
SECURITY AND LAW		Tolikova E. E., Sobko A. A. <i>Innovative approaches to creating and using digital twins: economic and legal aspects.....</i>	436	
Bakhonina E. I., Nasibullina V. A., azhetdinova A. A., Yakhina E. N. <i>Changes in labor protection legislation related to the occupational risk assessment procedure.....</i>	387	Khosla G. <i>Indian economic reforms in 1991 – Why were they needed.....</i>	440	
Donskikh D. V., Melnikov A. O. <i>The role of Russia on the way to the energy transition and sustainable development</i>	389	Zaytseva A. A. <i>Ways to improve the comprehensive assessment of the effectiveness of construction organizations in modern economic conditions.....</i>	445	
Teuvazhev Z. A. <i>The role of the media in combating crime</i>	393	Klyavlina Ya. M., Klyavlin M. S., Bakieva D. I., Aslanyan D. V. <i>Comparative economic evaluation of the use of catalytic filter materials in de-ironing and demanganation</i>	447	
Fedosov A. V., Tazhetdinova A. A., Nasibullina V. A., Konstantinova O. V. <i>Analysis of the requirements of the Russian Federation legislation in the field of occupational safety training</i>	395	Kostyleva E. G., Gimranov A. A. <i>Consequences of raising the retirement age for the labor market.....</i>	449	

Polshakova N. V., Uvarova M. N., Grishina S. Yu., Dimov A. A. <i>Trends in the development of the Agro-Industrial Complex of the region in the digital space</i>	451	Burlova Yu. A. <i>Hidden rationing as a factor of socio-cultural dynamics (To the 100th anniversary of A. A. Zinoviev – philosopher and humanist)</i>	509
Pchelintseva S. A. Davydova O. A. <i>Key problems of small business in modern conditions</i>	454	Zubkov S. A. <i>Nostalgia for the ecophilic past on the example of the image of a Bengali village</i>	512
Radchenko E. P., Vdovina A. N. <i>Conceptual solutions for attracting investment funds to the production sector of the penal system of the Russian Federation</i>	456	Verkhovina O. A. <i>Legal and ethical problems of interaction with artificial intelligence</i>	514
Sedykh V. A., Radchenko E. P., Vdovina A. N. <i>Features of rational use of agricultural land in the Russian Federation</i>	458	Kruchinin S. V. <i>Artificial intelligence and the range of its possible applications</i>	517
Tolikova E. E., Glinkina E. M. <i>Import substitution in the Russian Federation: asymmetry of investment activities in innovation</i>	461	Avetisyan V. S. <i>The interaction of the feminine and the muscular in the socio-cultural environment of modern Society</i>	519
Fayzullin F. S., Fayzullin T. F. <i>The main approaches to the study of social capital in modern foreign science</i>	467	REVIEWS	
Firsova O. N. <i>Assessment of indicators of the development of small and medium enterprises in regional perspective</i>	471	Bogdanova Yu. Z., Pirverdieva E. A. <i>Spiritual and moral meanings, identities and culture in the conditions of global challenges</i>	521
Chelpanova M. M., Ponezhina L. Y. <i>The current state and threats to the financial security of the state</i>	473	Kabanov V. L., Kalamkaryan R. A. <i>Monograph Goryachev Yu. A., Zakharova V. F., Omelchenko E. A. "International standards of education: lessons of history and modernity": monograph / General ed. by Yu. A. Goryacheva. – Moscow: Ethnosphere, 2022. – 210 p. created the institutional and legal basis for the phenomenon of international standards of education</i>	522
Khabirov Yu. M., Khamidullin I. S., Klyavlina Ya. M., Klyavlin M. S., <i>Prospects for improving the energy efficiency of heat supply of buildings and structures</i>	475	INFORMATION FOR AUTHORS	524
Bulgakov D. A., Tumanov D. A., Tumanova A. V. <i>Regional tourism clusters as an instrument of regional economic policy (on the example of the Orel region)</i>	478		
Nizametdinova E. A. <i>The role of innovatively active small business in the economic development of Russian regions</i>	481		
Tumanov D. A., Tumanova A. V., Bulgakov D. A. <i>Transformation of agricultural production in the region in the post-soviet period (on the example of the Oryol region)</i>	484		
PHILOSOPHY. LAW. SOCIETY			
Bogdanova Yu. R., Efremova T. A., Kazakova N. V. <i>Lifestyles of youth: statement of the problem</i>	487		
Bondarenko N. G., Kryukova L. V., Vasiljeva I. A. <i>The phenomenon of freedom in an industrial society</i>	489		
Vildanov Kh. S., Sharipov A. A. <i>The role of axiology in objectifying the results of social forecasting and design</i>	491		
Gallyamova A. R., Guseva A. A., Gallyamov R. T. <i>Opportunities for using thinking design instruments in teaching the discipline "philosophy" at the university</i>	494		
Gorbachev S. B. <i>On some world view approaches to determining the foreign policy strategy of Russia in Russian philosophical discourse</i>	496		
Doronin Yu. P. <i>Economic security as one of the strategic national priorities of the Russian Federation</i>	498		
Ignatova Yu. E., Lukyanov G. I. <i>The phenomenon of social trust as the basis for the development of legal consciousness in modern Russian society</i>	501		
Zubkov S. A., Zubkov E. S. <i>An ecophilic image of Sri Chaitanya as a Bengali saint – philosopher and musical figure</i>	503		
Egorova Yu. R. <i>The specificity of understanding transcendentalism in classical and modern philosophy</i>	505		
Shmatko A. A. <i>Historical memory and historical thinking as basic elements of historical consciousness: socio-philosophical analysis</i>	507		

**А. О. МУРСАЛИЕВ:
УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ КОМПЛЕКСНОГО ПРИБРЕЖНОГО УПРАВЛЕНИЯ
КАСПИЙСКИМ МОРЕМ В МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМ КОНТЕКСТЕ**

Интервью с Мурсалиевым Аразом Огтаевичем, кандидатом юридических наук, ведущим аналитиком Центра стратегических исследований в области энергетики и цифровой экономики Международного института энергетической политики и дипломатии Московского государственного института международных отношений МГИМО МИД России.

**A. O. MURSALIEV:
SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE INTEGRATED COASTAL MANAGEMENT OF
THE CASPIAN SEA IN THE INTERNATIONAL LAW CONTEXT**

Interview with Mursaliev Araz Ogtaevich, Ph.D. in Law, Leading Analyst at the Center for Strategic Studies in the Field of Energy and Digital Economy of the International Institute for Energy Policy and Diplomacy, Moscow State Institute of International Relations MGIMO of the MFA of Russia.

Мурсалиев А. О.

Визитная карточка:

Мурсалиев Араз Огтай оглы — Кандидат юридических наук, специалист в области охраны окружающей среды Каспийского моря в международно-правовом контексте, выпускник МГУ и МГИМО, ведущий аналитик Центра стратегических исследований в области энергетики и цифровой экономики Международного института энергетической политики и дипломатии МГИМО МИД России. Автор научных публикаций и трудов, в частности: Сборник международно-правовых актов «Каспий: устойчивое развитие». Москва, Издательство «МГИМО-Университет», 2023.

– Араз Огтаевич, прежде чем, перейти к вопросам, разрешите Вас поприветствовать, и, в первую очередь, поблагодарить Вас за то, что присоединились к целой плеяде научных дискуссий нашего журнала.

Первый вопрос созрел сразу же. Что из себя представляет Каспийское море в интерпретации юриста-международника, который непосредственно занимается исследованием и поисками путей эффективной охраны окружающей среды Каспийского моря на межправовой платформе? И почему Ваш выбор пал именно на Каспий?

– Доброго времени суток. Пользуясь случаем, хочу поприветствовать и выразить благодарность всеми коллективу Евразийского юридического журнала за приглашение. Отвечая на Ваши вопросы, мы ведём научную дискуссию, а также доносим до читателя, обсуждаемую проблему, который в том числе, может проявить научную заинтересованность теоретически, а в дальнейшем и практически, встав бок-о-бок с нами, что не может не радовать меня, как юриста, а также человека, который борется с проблемами экологии в международно-правовом контексте.

Перейдя к вопросу, хотелось бы сделать небольшую рокировку и начать отвечать со второй части вопроса. Каспийское море, как Вы знаете омывает 5 стран – это Россия, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан и Иран. Хотя живу и работаю в России, родился я в Азербайджане, Каспийское море мне дорого, так как я вырос в Баку, на Апшеронском полуострове, который с трех сторон омывает Каспийское море, с детства и юности остались неизгладимые впечатления, как положительные, так и отрицательные, в плане прибрежного загрязнения, как в советский период, так как и в постсоветский.

Отвечая на первую часть вопроса, хочу отметить, что Каспийское море – уникальный с точки зрения физических, географических, социально-экономических характеристик бессточный водоем, в который впадает свыше 130 рек (включая Волгу, Самур, Артек, Терек). Каспийское море отличается

уникальным биологическим разнообразием: водоем и его прибрежные территории населены эндемичными видами. В водах Каспия и на его прибрежных территориях обитает свыше 500 видов растений и 850 видов животных, включая крупнейшее стадо осетровых рыб (90 % мирового запаса). Как я отметил выше, уникальность Каспия, обуславливает особый индивидуальный подход при составлении международно-правовых актов для обозначения всей сущности данного водоема.

– Насколько серьезна экологическая обстановка на Каспии и Каспийском регионе в целом, и какие предпринимаются действия международно-правового характера по охране окружающей среды? Есть ли пути решения?

– Спасибо за вопрос.

Все пять Прикаспийских государств – Россия, Азербайджан, Казахстан, Иран и Туркменистан – несомненно, заинтересованы в долговременном, многовекторном использовании пространств, природных ресурсов, экосистемы Каспия на прочной основе международного права, в том числе, в перспективе, и таком использовании этого водоема, которое сегодня не является определяющим в их экономике, но роль которого может возрасти в будущем – например, рекреационном.

Интенсификация хозяйственной деятельности в Каспийском регионе, в особенности в связи с разведкой и разработкой нефтегазовых ресурсов шельфа Каспия, предопределяет рост рисков экологического загрязнения. На текущий момент, основываясь на статистике UNEP (Программа ООН по окружающей среде) объем антропогенной нагрузки на Каспийское море огромен, он включает в себя судоходство, вылов рыбы, загрязнение из наземных источников, а также нефтегазовый промысел (в том числе транспортировку добытых углеводородов водным путем).

Для корректного выявления правовых путей гармонизации экономического развития Прикаспийских государств и сохранения экосистемы Каспия важно иметь в виду прежде всего его уникальные естественные характеристики как крупнейшего в мире внутриконтинентального водоема, на-

ходящегося ниже уровня Мирового океана. Как не раз подчеркнуто, с точки зрения географической и правовой Каспий означает только Каспийское море. Для целей природоохранного управления, однако, значение имеет весь Каспийский бассейн: и Каспийское море, и впадающие в него реки. Важно корректно учитывать и особый статус Каспия, не раз описанный в международно-правовой литературе.

– Можете ли Вы дать оценку правовому статусу и международно-правовому режиму охраны окружающей среды Каспийского моря и региона в целом?

– Международно-правовой Каспийского моря складывался исторически, и уже международные соглашения XVIII века в отношении Каспия оказывали свое влияние на порядок освоения природных ресурсов водоема. Сегодня, с подписанием Конвенции о правовом статусе Каспийского моря 2018 г. и окончательным решением современной проблемы об установлении международно-правового статуса Каспийского моря, на первый план выходят вопросы обеспечения экологической безопасности при ведении хозяйственной деятельности в регионе, охраны окружающей среды Каспийского моря как целостной экосистемы.

В основании международно-правового режима защиты окружающей среды Каспийского моря лежит как целый комплекс применимых многосторонних и двусторонних соглашений регионального уровня (где главным целевым соглашением является Рамочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря 2003 г., а правовые рамки регионального многостороннего природоохранного сотрудничества формируют четыре протокола к ней), так и обширная правовая база универсальных международных соглашений, общих и отраслевых принципов международного права. В этой связи необходимо рассматривать международно-правовой режим Каспийского моря в комплексе, а подписание Конвенции о правовом статусе Каспийского моря 2018 г. требует окончательного уяснения наиболее актуальных вопросов о степени применимости ряда универсальных международных соглашений (в первую очередь, Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.) к Каспийскому морю.

– Ваши прогнозы на ближайшее будущее и конкретные действия по целенаправленной и скоординированной работе обеспечения экологической безопасности в Прикаспийском регионе в целом?

– В ближайшем будущем вижу сформированную систему подходов к координации деятельности по обеспечению охраны окружающей среды на международном уровне, а также к регулированию хозяйственной деятельности в регионе с учетом его целостности как экосистемы и неделимости его экологической безопасности.

Как специалист в данной области для обеспечения имплементации положений применимых универсальных и региональных соглашений в области охраны окружающей среды Каспийского моря считаю необходимым создание региональной международной организации на междисциплинарной основе. На основе комплексного анализа применимой международно-правовой базы, а также системы компетентных международных организаций, конференций, программ и национальных исполнительных органов прикаспийских государств.

Ключевыми функциями такой организации должны стать координация природоохранной деятельности государств в области экологического мониторинга, сбор и распространение научной информации и информации о региональной экологической обстановке, а также координация совместных действий компетентных органов прикаспийских государств по предотвращению, уменьшению и ликвидации последствий инцидентов, вызывающих загрязнение, и по установлению загрязнителя.

– Находит ли охрана морской среды своё отражение в международном экологическом праве?

– Международно-правовое регулирование на глобальном уровне обладает присущими ему специфическими чертами. Данная особенность отчетливо прослеживается при рассмотрении этапов расширения правового регулирования, то есть принятия международно-правовых конвенций, целью которых стало обеспечение устойчивости природопользования, охрана окружающей среды и снижение рисков негативного воздействия антропогенной деятельности на экосистемы.

К первому этапу развития международного экологического права традиционно относят период середины XIX века – середины XX века, в течение которого государствами заключались региональные конвенции, имеющие ограниченный фрагментарный характер (Венская конвенция по защите растений 1881 г., Вашингтонская конвенция сохранения и защиты морских котиков 1911г.)

Второй этап развития международного экологического права охватывает собой послевоенный период (1948-1972 гг.) и характеризуется наличием двух тенденций:

1) создание и расширение институциональной структуры, поскольку в этот период создается Организация Объединенных Наций (ООН) и ее специализированные учреждения, различные неправительственные организации Всемирный фонд дикой природы (WWF), Международный союз охраны природы и природных ресурсов (МСОП).

2) значительное расширение сфер сотрудничества в области охраны окружающей среды.

Третий этап развития международного экологического права тесно связан с проведением важнейших конференций по охране окружающей среды: Стокгольмская конференция 1972 г. и Рио-де-Жанейрская конференция в 1992 г., по результатам которых были сформулированы основные принципы применительно к сфере окружающей среды и соответствующие рекомендации. На этом основании в рамках ООН создается Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП), под руководством которой создается и реализуется Программа охраны среды региональных морей, объединяющая более 140 государств и 18 регионов.

Также в этот период увеличивается количество мер, принимаемых в области охраны Мирового океана от загрязнений, посредством принятия Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

– Имеется ли сформированная международно-правовая система по обеспечению управления береговой зоной в совокупности, охватывающий широкий отраслевой спектр?

– Благодарю за вопрос. Есть такой замечательный термин, а вернее механизм или даже экономико-правовой инструмент, понятие которого впервые в отечественной практике детально раскрывает заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор А. Н. Вылегжанин.

По мнению профессора А. Н. Вылегжанина, концепция комплексного прибрежного управления имеет перед собой три основные задачи:

1. Гармонизация интересов природопользователей, находящихся в прибрежной зоне;

2. Взаимодействие международных и национальных усилий по предупреждению негативных последствий на водном объекте;

3. Ограничение предпринимательства в районе прибрежной зоны на международно-правовом уровне в целях предупреждения истощения природных ресурсов в прибрежной зоне и защиты окружающей среды.

Концепция КУПЗ разработана за рубежом за последние 35 лет как ответ на обострение проблем их социально-экономического развития, приводящих к потере способности

устойчивого развития этих исторически одних из наиболее эксплуатируемых благодаря своим богатым ресурсам районов в мире. КУПЗ определяется как динамический процесс разработки и выполнения скоординированной стратегии, направленной на распределение и разделение природных, социокультурных и институциональных ресурсов с целью сохранения и устойчивого многостороннего использования прибрежной зоны и её ресурсов. КУПЗ имеет многоцелевую ориентацию, оно анализирует участие сторон в развитии побережий, конфликтное использование ресурсов, взаимосвязь природных процессов и человеческой деятельности, способствует связям и межотраслевой гармонизации прибрежной морской деятельности. Комплексное управление прибрежной зоной должно проводиться на государственном уровне и включать формирование институциональных рамок, необходимых для обеспечения интеграции планов развития и управления в прибрежных зонах с природоохранными целями. Процесс планирования и управления должен носить комплексный характер и учитывать все секторные мероприятия, оказывающие воздействие на ту или иную прибрежную зону и ее ресурсы и связанные с социально-экономическими и природоохранными вопросами.

Конференция ООН по окружающей среде и развитию в 1992 г. рекомендовала странам, имеющим выход к морю, разрабатывать и осуществлять программы КУПЗ в соответствии со своими условиями (гл. 17, «морская», Повестки на XXI век). Всемирные конференции по океанам, побережьям и островам 2001 и 2003 гг. (Париж), Всемирная встреча на высшем уровне по устойчивому развитию (Йоханнесбург, 2002 г.) подтвердили, что методология КУПЗ является эффективным механизмом выполнения гл. 17 Повестки на XXI век. За последние десять лет интерес к КУПЗ приобрел в мире глобальный характер. В настоящее время уже свыше ста стран реализуют ориентированные на КУПЗ программы.

– Араз Огтаевич, из Вашего предыдущего ответа вытекает следующий вопрос. Может ли механизм КУПЗ служить принятием Закона об управлении прибрежными зонами?

– Модельный закон об устойчивом управлении прибрежными зонами был подготовлен по инициативе Совета Европы. Решением Комитета министров в рамках реализации Общеввропейской стратегии биоразнообразия и ландшафтов «Прибрежные и морские экосистемы» в 1995 г. была сформирована группа специалистов по защите прибрежных районов.

Работа над проектом была завершена в 1999 г. В документе в значительной мере обобщен и существенно развит на международно-правовом региональном уровне законодательный опыт государств в области прибрежного управления. Комплексное управление (integrated management) определено в документе как «устойчивое развитие и использование прибрежных зон, учитывающее экономическое и социальное развитие, связанное с существованием моря и, в то же время, защищающее ландшафты и хрупкий экологический и биологический баланс во имя настоящего и будущих поколений». Структурно Модельный закон состоит из 17 разделов, разделенных на 83 статьи. Разработчики отразили в нем ряд правовых идей: естественное побережье является «невозобновляемым природным ресурсом»; сохранение этого ресурса возможно при реализации «принципа устойчивого использования»; разные интересы пользователей природных ресурсов и властей разных уровней в прибрежных районах не являются главной причиной разрушения природы в этих районах; прибрежная зона, являясь средоточием масштабных экономических, рекреационных, оборонных и

иных интересов прибрежных государств, может устойчиво существовать в этом качестве в случае гармонизированного управления ею; для целей такого управления необходимы «четкие и легко применимые правовые правила» (clear and easily applicable rules must be given in law), устанавливающие, в частности, ряд ограничений в использовании морского побережья. Цель Модельного закона – на межгосударственном уровне разработать и реализовать политику комплексного управления прибрежными зонами. Политика такого управления строится на следующих началах: устойчивое развитие (sustainable development) предотвращение причинения вреда природной среде; осторожный подход; восстановление разрушенной природной среды; принцип «загрязняющий платит» и «пользователь платит»; использование наилучших технологий и методов, направленных на сохранение окружающей природной среды; информирование населения и его участие в принятии решений; международное сотрудничество. Там же подчеркнута значимость защиты экологически хрупких районов; экосистем и видов флоры и фауны, находящихся под угрозой исчезновения; совместимости различных видов использования прибрежной зоны. Высокой оценки заслуживает предусмотренное в Модельном законе обязательство прибрежных государств «создавать на побережье и в море резервы, общие для двух или более государств, посредством международных соглашений» (to create coastal and marine reserves common to two or more States by means of international agreements). Это положение представляется весьма продуктивным, с учетом отраженного в тексте Конвенции 1982 г. факта глобальной взаимосвязи проблем морского пространства и необходимости «рассматривать их как единое целое».

– Каким образом зарубежные страны практикуют внедрение концепции Комплексного управления прибрежной зоной?

– Законы, отвечающие требованиям Комплексного прибрежного управления, были приняты в таких странах, как США, Франция, Швеция. Хочу более детально сформулировать, почему я привел пример опыта именно этих вышеупомянутых стран. КУПЗ для каждой из этих 3-х стран составляет совокупность совершенно индивидуальной правовой базы и правового подхода, которые основываются на ряде национальных, устоявшихся региональных и экономико-географических особенностях.

В США в 1972 г. был принят Федеральный Закон об управлении прибрежными зонами (Coastal Zone Management Act of 1972.). Данный нормативно-правовой акт служит примером совместного управления и планирования прибрежных районов на федеральном уровне и уровне штатов. Закон устанавливает федеральную программу, на основе которой отдельные прибрежные штаты, в том числе расположенные вдоль Великих озер, могут принять собственную программу управления прибрежными зонами в соответствии с минимальными федеральными требованиями.

Французское законодательство в области прибрежного управления интересно тем, что оно основано на двух отдельных законах, которые в совокупности интегрируют концепцию комплексного прибрежного управления на уровне национального законодательства: один из них предписывает правила для схем местного наземного зонирования, а другой вводит инициированный и санкционированный государством план морского зонирования.

В 1979 г. были внесены первые поправки в Кодекс о туризме, касающиеся регулирования побережья - через Общий закон о зонировании и землепользовании. За этим последовало введение двух наиболее важных правовых документов,

регулирующих прибрежную зону Франции. Первый – это Закон № 83-8 от 7 января 1983 г., в основном касающийся регулирования морской среды, который ввел систему планов по улучшению и эксплуатации моря. Вторым является Закон о побережье (1986 г.), который по сути является законом о планировании землепользования.

В Швеции основу экологического законодательства составляет Экологический кодекс, который вступил в силу 1 января 1999 г. Положения Кодекса, касающиеся управления земельными водными территориями соответствуют основным принципам подхода комплексного прибрежного управления. Например, Кодекс предусматривает, что зоны должны использоваться для целей, для которых они лучше всего подходят с учетом их экологических характеристик, а также существующих потребностей хозяйствующих субъектов.

– Применима ли Концепция комплексного управления прибрежными зонами к Каспийскому морю и Каспийскому региону?

– На сегодняшний день, мировой тенденцией, передовой практикой в области обеспечения устойчивого развития различного типа водных объектов является применение концепции комплексного прибрежного управления. Эта концепция предусматривает выделение особого района, где суша встречается с океаном и осуществление природоохранной деятельности на этой, так скажем, полосе. Особенностью этой концепции является также то, что она направлена на координацию действий различного типа недропользователей, что позволяет минимизировать антропогенную нагрузку и позволяет сделать международно-правовой режим охраны окружающей среды наиболее эффективным с точки зрения поиска баланса между социальными и экологическими интересами. Также данная концепция подразумевает, что международно-правовые и национальные режимы должны быть гармонизированы в части подходов к охране окружающей среды прибрежных зон.

Проанализировав теоретические и нормативно-правовые основы, формирующие концепцию комплексного прибрежного управления в международно-правовом поле и международно-правовой доктрине, а также основываясь на передовом опыте внедрения данной концепции на уровне национальных законодательств зарубежных стран, показав правовые перспективы внедрения данной концепции в Каспийском регионе и, мы предложили проект Конвенции о комплексном прибрежном управлении на Каспийском море.

Прикаспийские государства, Азербайджанская Республика, Исламская Республика Иран, Республика Казахстан, Российская Федерация, Туркменистан, руководствуясь намерением применения правовых механизмов комплексного прибрежного управления, а также принципа бассейнового управления водными ресурсами при развитии и реализации международных и национальных правовых норм в области охраны окружающей среды Каспийского региона, договорились о следующем:

1. Понимать под «прибрежной зоной Каспийского моря» географический район, состоящий как из сухопутной, так и морской части, который по меньшей мере включает в себя все территориальные воды Каспия согласно Конвенции о правовом статусе Каспийского моря 2018 г., а также территории местных административных образований, примыкающих к морю, которые определяют каждое из прикаспийских государств согласно своему национальному праву.

2. Сотрудничать в области гармонизации национального законодательства, применимого к охране окружающей среды в прибрежной зоне Каспийского моря, а также ее комплексного системного управления.

3. Осуществлять сотрудничество в области защиты наиболее уязвимых участков прибрежной зоны Каспийского моря

от загрязнения, в том числе путем согласованного решения вопросов урбанизации.

4. Согласовывать политику в области установления допустимого уровня вовлечения прибрежной зоны в хозяйственную деятельность с целью сохранения и защиты окружающей среды и природных ресурсов Каспийского моря.

– Вы являетесь автором многих научных публикаций и трудов, в частности, составителем Сборника международно-правовых актов «Каспий: устойчивое развитие», изданного в МГИМО в 2023 году. Чем характерен данный сборник и на какую целевую аудиторию направлен?

– Вы правильно подчеркнули, Сборник международно-правовых актов «Каспий: устойчивое развитие», был издан мною в МГИМО в 2023 году. Хочу также отметить, что ответственным редактором Сборника является заведующий кафедрой международного права МГИМО МИД России доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации А. Н. Вылегжанин.

В сборнике представлены основные международные договоры и институциональные нормативно-правовые акты государств, применимые к правовому регулированию охраны окружающей среды Каспийского моря. Некоторые из публикуемых в сборнике правовых актов отсутствуют в общедоступных экспертных базах данных. Включенные в сборник основные международные договоры, а также документы, принятые в рамках СНГ и ЕЭАС, важны для формирования экологической политики России и других Прикаспийских государств и учитывались при разработке экологической доктрины Российской Федерации. Сборник будет полезен для эффективного анализа нормативно-правовой базы природоохранной деятельности в Каспийском регионе.

Предназначен для магистрантов МГИМО МИД России, обучающихся по программе

«Международное экономическое право», а также широкого круга лиц, деятельность которых связана с природопользованием и охраной окружающей среды.

– Благодарим Вас, Араз Отгаевич за столь обширное и интересное интервью. Желаем Вам удачи, неиссякаемой энергии в этой благой и нелегкой деятельности. Ждем от Вас новых научных проектов.

– Спасибо за приглашение, за грамотно сформулированные вопросы. Желаю удачи Вам и всему коллективу Евразийского юридического журнала.

Интервью брали:

Бондаренко

Александр Викторович
заместитель главного редактора
Евразийского юридического журнала,
кандидат философских наук,
доцент

Лукиянов

Михаил Юрьевич
ответственный редактор
Евразийского юридического журнала,
кандидат политических наук,
доцент

ДЕНИКАЕВА Саида Эмирхановна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Дагестанского государственного университета

КУРБАНАЛИЕВА Хадижат Магомедовна

преподаватель кафедры общепрофессиональных дисциплин Колледжа Дагестанского государственного университета

АБДУРАЗАКОВА Патимат Дайитбеговна

магистрант кафедры конституционного и международного права Дагестанского государственного университета

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ)

В статье рассматривается проблема реализации принципа разделения властей на примере США. Перечисляются полномочия Верховного суда США. Отмечается роль конституционного контроля как одного из способов реализации системы сдержек и противовесов. Говорится, что целостность и незыблемость власти в стране проистекает из концепции единого суверенитета народа. Делается вывод о том, что правовая система США на протяжении всего развития государства следует базовым правовым принципам, что позволяет ей закреплять и приумножать свой политический и экономический потенциал.

Ключевые слова: принцип разделения властей, суверенитет народа, конституционный контроль, американская правовая доктрина, Конституция США, президентская власть.

DENIKAEVA Saida Emirkhanovna

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and international law sub-faculty of the Dagestan State University

KURBANALIEVA Khadizhat Magomedovna

lecturer of General professional disciplines sub-faculty of the College of Dagestan State University

ABDURAZAKOVA Patimat Daitbegovna

magister student of Constitutional and international law sub-faculty of the Dagestan State University

ON THE QUESTION OF THE SPECIFICS OF THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF SEPARATION OF POWERS (USING THE EXAMPLE OF THE UNITED STATES OF AMERICA)

The article deals with the problem of implementing the principle of separation of powers on the example of the USA. The powers of the U.S. Supreme Court are listed. The role of constitutional control as one of the ways to implement the system of checks and balances is noted. It is said that the integrity and inviolability of power in the country stems from the concept of a single sovereignty of the people. It is concluded that the legal system of the United States throughout the development of the state follows the basic legal principles, which allows it to consolidate and increase its political and economic potential.

Keywords: the principle of separation of powers, sovereignty of the people, constitutional control, American legal doctrine, the US Constitution, presidential power.

Будучи одним из первых федеративных государств в мире, Соединенные Штаты Америки выступают в качестве основных учредителей конституционных новелл, ставших в последующем фундаментом мирового конституционализма. Путем применения этих нововведений осуществлялось и поступательное развитие американского государственного устройства.

В юридической литературе часто возникают споры относительно того, как именно США удалось стать флагманом демократии и передовым государством в сфере обеспечения прав и свобод. Ведь этому государству не так много лет, и похвастаться многовековой историей оно не может. Более того, государство полностью состоит из эмигрантов, выходцев из других государств, которые, скрываясь от преследований и гонений, в поисках лучшей жизни, оказались в Новом Свете.

Ответ на этот вопрос прост и банален. Американское государство было создано, скорее, вопреки, чем благодаря каким-либо историческим процессам. Группа пуритан (инверцев), бежавших от гонений из Англии сначала в Голландию, а затем в Новый Свет, пыталась создать новый уклад и

новое общество, чтобы жить по закону Божьему и воплотить предначертания Библии. В историю США они вошли как отцы-пилигримы.

Идея разделения властей с момента ее попадания в страны Нового света прошла долгий и тернистый путь развития. В период колониального развития разделение властей представляло собой лишь политический лозунг в борьбе против метрополии, в данном случае Британии. Провозглашение независимости в 1776 году послужило толчком к признанию этой идеи в качестве конституционного постулата. На момент созыва Филадельфийского конвента американские политики не только были знакомы с учениями Джона Локка и Шарля Монтескье, но и активно внедряли этот принцип на практике сквозь призму американского политического сознания.

Нужно сказать, что государственная власть в США опирается, прежде всего, на разделение властей и верховенство права, в связи с чем судебные органы позиционируют себя как носители обширных властных полномочий. В американской правовой доктрине суды являются не только защитни-

ками нарушенных прав и свобод, но и участниками процесса нормотворчества. Так, именно благодаря интерпретационной деятельности Верховного суда США удается «вдохнуть» жизнь в Конституцию, которой более двухсот лет. Особо следует отметить роль конституционного контроля, который, по сути, был обозначен как один из способов реализации системы сдержек и противовесов.

Принцип разделения властей выражается также в том, что все федеральные судьи назначаются Президентом США по согласованию с Сенатом и могут быть смещены со своих постов исключительно Конгрессом за совершение аморальных поступков [4, с. 74].

Изначально, после принятия Конституции США, судебная власть не стояла на равных с законодательной и исполнительной ветвью власти. Министр финансов А. Гамильтон отмечал, что «судебная власть является самой слабой из трех ветвей власти» [2, с. 79]. Данный тезис был озвучен не случайно. Дело в том, что через 10 лет после принятия Конституции отдельные штаты отказывались выполнять конституционные доктрины Верховного суда и следовать его интерпретационной практике.

В настоящее время, по прошествии трехсот лет, можно констатировать, что в лице Верховного суда федерация имеет эффективный механизм для защиты основ конституционного строя страны и укрепления его территориальной целостности. На сегодняшний день Верховный суд занимает вышестоящую позицию в системе судов США, а по своей значимости абсолютно равносителен и Конгрессу, и Президенту. Принцип разделения властей и целый ряд полномочий позволяют суду оставаться независимым, но при этом оказывать активное влияние на законодательную и исполнительную власть как самой Федерации, так и штатов.

Конституционный контроль в США является финальным штрихом в реализации системы сдержек и противовесов. Правомочия Верховного суда достаточно обширны. К ним можно отнести:

- интерпретация конституционных положений;
- проверка на предмет соответствия конституции актов Конгресса и легислатур штатов;
- установление судебных прецедентов в качестве норм права;
- осуществляя толкование норм Конституции, Верховный суд создает абсолютно новые правовые установки.

Следует отметить, что все судьи назначаются Президентом с одобрения Сената и могут быть смещены с должности Конгрессом также в порядке импичмента за совершение аморальных поступков или преступлений. Как показывает практика, судьи остаются на своем посту пожизненно, поскольку репутационные риски в США очень высоки.

Путем толкования Конституции и многочисленных комментариев к ней можно прийти к выводу, что речь идет не о разделе власти как таковой на три ветви. Сама власть как институт остается единой и неделимой, в то время как властные полномочия лишь разграничиваются между собой, не более того. Целостность и незыблемость власти проистекает из концепции единого суверенитета народа. Эти положения отражены также в Преамбуле Конституции США.

В соответствии с разделом 1 статьи 2 Конституции США исполнительная власть сосредоточена в руках Президента. Эта относительно лаконичная формулировка в итоге привела страну к президентской форме правления и усилила позицию Президента относительно других ветвей власти. Американская политическая культура так устроена, что подавляющее большинство американцев всегда испытывают недоверие к любой власти. В случае несогласия с тем или иным решением руководства страны граждане США проводят стихийные митинги и доводят свою политическую волю до властей.

Отцы-основатели США, которые в то же время являются учредителями Конституции 1787 года, в основу функционирования государственной власти положили свой собственный «американский» вариант разделения властей, который и стал в последующем называться «системой сдержек и противовесов» [1, с. 35].

Если рассматривать историю развития системы сдержек и противовесов, то можно убедиться в том, что это, как правило, конфронтация между законодательной и исполнительной ветвями власти. Но главным движущим центром всегда была президентская власть. Из всех американских внутрисистемных конфликтов Белый дом всегда выходил победителем, при этом получая опыт для дальнейших схваток.

Устоявшиеся отношения между органами государственной власти США имеют главную цель – предотвращение усиления одной ветви власти в противовес другой. Подобного рода сбалансированность государственной системы устанавливает определенные трудности при введении тех или иных новелл, но в то же время не позволит никакой из ветвей власти узурпировать власть либо сосредоточить в своих руках чрезмерное количество государственно-властных полномочий.

Конституция предписывает, чтоб ветви власти были одновременно разделены друг от друга, но в то же время были автономными и всегда взаимодействовали друг с другом [5, с. 28].

Принцип разделения властей красной нитью проходит практически через все положения Конституции США. Прежде всего, он определяется в самом статусе ветвей власти. Так, изначально созданный государственный аппарат слабо опирался на избирательный корпус. Федеральные органы государственной власти не формировались путем голосования. До 1913 года Сенат формировался путем избрания законодательными собраниями штатов. Верховный суд и по сей день является формируемым органом. Исключением в этом перечне является Палата представителей, которая, начиная с 1789 года, избирается путем прямого голосования.

Отношения между Конгрессом (законодательная власть), Президентом (исполнительная власть) и Верховным судом (судебная власть) могут претерпевать различные изменения, но неизменным во все времена остается принцип разделения властей.

Для достижения оптимального результата своей деятельности как на внутренней, так и на международной арене президент должен уметь налаживать с Конгрессом долгосрочные и продуктивные отношения, поскольку в случае воз-

никновения тех или иных разногласий именно Сенату принадлежит последнее слово. Конгресс, по сути, представляет собой Соединенные Штаты Америки в целом, а они – интересы всего населения США. И на чаше весов преимущество, безусловно, на стороне Конгресса. Верховный суд, принимая решения, где по делу одной из сторон является Конгресс, определяет их термином «Соединенные Штаты». Правом досрочного роспуска Конгресса президент также не наделен [2, с. 79].

Одним из самых мощных и эффективных механизмов воздействия на Президента США со стороны парламента является импичмент. Исходя из положений конституции, импичмент – это судебная процедура, которая инициируется обеими палатами Конгресса. Данный институт был имплементирован из английского права. Как следует из определения, в этой процедуре задействованы и судебные, и законодательные органы.

В отношении президентов США процедура импичмента применялась неоднократно. Впервые Конгресс пытался провести процедуру импичмента в 1868 году в отношении президента Эндрю Джонсона и в 1998–1999 гг. – в отношении президента Билли Клинтона. Обе попытки не увенчались успехом.

В январе 2021 года была принята резолюция об импичменте и в отношении бывшего Президента США Дональда Трампа. Так, президенту было выдвинуто одно-единственное обвинение – подстрекательство к мятежу. Именно так было квалифицировано Конгрессом поведение сторонников Трампа в ответ на его поражение на президентских выборах 2020 года. Кстати, следует отметить, что в отношении Дональда Трампа процедура импичмента применялась дважды, тем самым он вошел в историю своей страны как самый ненавидимый народом и истеблшментом президент.

В современной Америке проблема разделения властей находится под пристальным вниманием юристов и ученых уже не первый год. Во всех кризисных ситуациях внимание публики всегда было приковано именно к этой проблематике, что объективно свидетельствует об актуальности и значимости данного принципа.

Реализация принципа разделения властей практически всегда не совпадала с конструкцией, выстроенной в Конституции. Политико-правовая надстройка находилась в зависимости от реалий социально-экономических отношений и от запросов правящей элиты.

Европейская модель разделения властей [3, с. 47], будучи перенесенной на новую землю, приобрела специфические формы и получила новое осмысление. Сначала колонии Нового света, а затем уже независимое государство Соединенные Штаты Америки существовали в особых социально-политических условиях. Отцы-основатели США вовсе не разделяли устоявшуюся в Европе на тот момент точку зрения, согласно которой парламент считался «лекарством от всех бед». Однако судебные органы признавались достаточно авторитетными и независимыми, что было не характерно для стран Старого света, особенно для Франции, где вплоть до Революции 1789 года суды исполняли волю монарха.

Таким образом, можно дифференцировать следующие особенности реализации принципа разделения властей в США. Во-первых, реализация разделения властей осуществляется в ограниченном объеме, так как не затрагивает судебную власть и по факту проявляется в разделении законодательной и исполнительной ветвей власти. Во-вторых, имеет своё проявление на вертикальном уровне в форме взаимодействия органов исполнительной власти субъектов, территориальных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления. В-третьих, механизм сдержек и противовесов в самих штатах функционирует при доминирующей роли высшего должностного лица исполнительной власти, т.е. губернатора штата. В-четвёртых, особенности реализации принципа разделения властей отражаются в порядке формирования и прекращения полномочий органов государственной власти США, в их компетенции и во взаимоотношениях друг с другом.

Подводя итог, отметим, что США, будучи президентской республикой, является именно тем государством, которое в полном объеме реализует принцип разделения властей. Правовая система США на протяжении всего развития государства следует базовым правовым принципам, что позволяет ей закреплять и приумножать свой политический и экономический потенциал.

Пристатейный библиографический список

1. Конституционный контроль в зарубежных странах: учебное пособие / И. А. Алебастрова [и др.]; отв. ред. В. В. Маклаков. – М.: Норма: Инфра-М., 2010.
2. Лобов М. Верховный суд США и проблема разделения властей: пределы правового подхода // Сравнительное конституционное обозрение. – 2004. – № 2 (47).
3. Монтескье Ш. Л. О духе законов. – М.: Рипол Классик, 2020.
4. Филимонова М. А. Территориальная экспансия США на северо-западе и националисты. 1780-е годы // Новая и новейшая история. – 2007. – № 1.
5. Фолсом Б. Новый курс или кривая дорожка: как экономическая политика Ф. Рузвельта продлила Великую депрессию. – М.: Мысль, 2012.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-4-179-21-23

ДЬЯЧЕНКО Екатерина Борисовна

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института государства и права РАН, советник судьи Суда Евразийского экономического союза

КОНСУЛЬТАТИВНЫЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА В 2022 ГОДУ

Практика Суда Евразийского экономического союза стабильно демонстрирует востребованность судебного органа в части реализации его компетенции по предоставлению консультативных заключений по обращениям Евразийской экономической комиссии и уполномоченных органов государств-членов. В 2022 году Суд Союза вынес четыре консультативных заключения, затрагивающих вопросы трудовых отношений в органах Евразийского экономического союза, косвенного налогообложения, пенсионного обеспечения трудящихся государств-членов ЕАЭС и условий участия в государственных закупках. Анализ указанных судебных актов, из числа которых исключено дело о трудовых отношениях международных служащих, демонстрирует, что несмотря на широкий круг затронутых в них правовых аспектов, объединяющим элементом служит направленность сформулированных позиций на обеспечение функционирования общего рынка интеграционного объединения.

Ключевые слова: Суд ЕАЭС, внутренний рынок ЕАЭС, косвенные налоги, пенсионное обеспечение трудящихся государств-членов, государственные закупки.

DYACHENKO Ekaterina Borisovna

Ph.D. in Law, senior researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Advisor to the Judge of the Court of the Eurasian Economic Union

ADVISORY OPINIONS OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION COURT IN 2022

The case law of the Eurasian Economic Union Court consistently demonstrates the existence of a demand for the Court's advisory opinions on request by the Eurasian Economic Commission and competent bodies of the Member States. In 2022 the Court delivered four advisory opinions regarding working relations in the bodies of the Eurasian Economic Union, indirect taxation, pension provision of the workers in the EAEU as well as conditions for the participation in public procurement. The analysis of the mentioned judicial acts, excluding the case on the working relations of international servants, shows that, despite a large range of legal issues addressed by them, the unifying element for all of them is the focus of the Court's findings on the ensuring the proper functioning of the internal market of the integration organization.

Keywords: Court of the Eurasian Economic Union, common market of the Eurasian Economic Union, indirect taxation, pension provision of Member States workers, public procurement.

Отличительной чертой международных судов является ключевая роль, которую они играют в толковании международного права. Несмотря на то, что сущностным элементом их компетенции, наряду с разъяснением международно-правовых норм, следует признать разрешение правовых конфликтов, имеющее своей целью поддержание верховенства права и гарантирование международного правопорядка [1, р. 3-4; 2, р. 175-193; 3, с. 56], в основе каждого из названных видов судебной деятельности лежит толкование международного права, имеющее целью уяснение конкретного правоустановления, его применение к обстоятельствам дела, когда это требуется, и при необходимости – восполнение правовых пробелов.

Интерпретационная деятельность приобретает особое значение в рамках интеграционных объединений – во многом в связи с необходимостью обеспечить единообразное применение соответствующего права не только институтами объединения государств, но и органами его стран-участниц и, прежде всего, внутригосударственными судами. Учредительные договоры различных интеграционных объединений демонстрируют, что функция толкования права, помимо ее реализации в рамках компетенции по разрешению споров, приобретает различные формы. Это – вынесение решений в процедуре преюдициального запроса в Судах Европейского союза и Андского сообщества, предоставление консульта-

тивных заключений в Судах Европейской ассоциации свободной торговли, Карибского сообщества и Евразийского экономического союза (далее – Суд ЕАЭС, Суд Союза). В последнем соответствующие полномочия регламентированы пунктом 46 Статута Суда ЕАЭС, являющегося приложением №2 к Договору о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор), и, как показывает официальная статистика Суда Союза¹, востребованы как Евразийской экономической комиссией (далее – ЕЭК, Комиссия), так и государствами-членами. Неслучайно, в правовой доктрине сложился консенсус о роли консультативных заключений в восполнении пробелов в действующем праве ЕАЭС и о развитии регулирования отдельных сфер общественных отношений на примере права конкуренции [4, с. 228; 5; с. 154; 6, с. 181-182].

С точки зрения востребованности консультативных заключений и их влияния на эволюцию права ЕАЭС, а также

¹ Статистические данные о деятельности Суда ЕАЭС за 2015-2022 годы по состоянию на 23 декабря 2022 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://courteurasian.org/upload/iblock/ce9/1ankb697nw3g66tovw6go9o0ateh7nfx/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0%20%D0%BF%D0%BE%20%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE-%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D1%8E%20%D0%BD%D0%B0%2023.12.22.pdf> (дата обращения: 02.04.2023).

Дьяченко Е. Б.

практику его применения не стал исключением и 2022 год. В указанный период из девяти дел, производство по которым завершено вынесением судебного акта, вступившего в силу, четыре рассмотрены на основании заявлений о разьяснении и по итогам вынесены консультативные заключения². В рассматриваемый период круг вопросов, охваченных консультативными заключениями Суда ЕАЭС, отличался большим разнообразием. Это – вопросы международной службы, пенсионного обеспечения трудящихся государств – членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз), косвенного налогообложения, а также государственных закупок. Если исключить из данного перечня *дело о международных служащих*³, касающееся узкого вопроса трудовых отношений в органах ЕАЭС, то из содержания трех оставшихся консультативных заключений следует, что, несмотря на широкий круг затронутых в них аспектов права Союза, объединяющим элементом служит направленность правовых позиций, выработанных Судом ЕАЭС, на обеспечение функционирования общего рынка интеграционного объединения.

2022 год оказался отмечен обращением Суда Союза к регулированию косвенного налогообложения в ЕАЭС. Причем, если в ранее рассмотренных делах по заявлениям ИП Тарасика⁴ и ООО «Севлад»⁵ аспекты налогообложения затрагивались лишь в дополнение к основным вопросам, касающимся, соответственно, бездействия Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК, Комиссия) или классификации отдельного вида товара, то в консультативном заключении по *делу о косвенных налогах*⁶ соответствующая проблематика оказалась ключевой. Заявитель просил Суд Союза разьяснить пункт 6 статьи 72 Договора, содержащий перечень изъятий из режима косвенного налогообложения при импорте товаров на территорию государства – члена Союза, и ответить на вопрос, облагается ли косвенными налогами импорт товаров на территорию одного государства – члена ЕАЭС с территории другого государства-члена в связи с их передачей в пределах одного юридического лица для дальнейшей реализации.

Суд ЕАЭС, развивая логику, заложенную в решении Коллегии по заявлению ООО «Севлад»⁷, в качестве отправной точки своей аргументации констатировал, хотя вопросы налогообложения и отнесены к компетенции государств-членов, их полномочия в этой сфере ограничены правом Союза и, в частности, принципом недискриминации. Хотя в судебном акте это и не отражено, но указанная позиция базируется на тезисе, который закреплен в консультативном заключении по *делу о профессиональных спортсменах*⁸ и сводится к

тому, что даже в ситуации, когда регулирование определенной сферы правоотношений не относится к компетенции Союза, реализация государствами-членами своих полномочий ограничена положениями права ЕАЭС. Подобный подход к определению пределов дискреции стран – участниц интеграционного объединения в сферах, не урегулированных его правом, присущ и практике Суда Европейского Союза. К примеру, в решениях по делам *Комиссия против Испании*⁹, *Комиссия против Греции*¹⁰ и *Комиссия против Австрии*¹¹, указано, что отнесение вопросов прямого налогообложения к полномочиям государств – членов ЕС, не исключает их обязанность осуществлять данную компетенцию с соблюдением права ЕС.

Далее Суд Союза обратился к специальным аспектам обложения косвенными налогами и указал, что применение принципа страны назначения, закрепленного в пункте 4 статьи 72 Договора и абзаце первом пункта 13 Протокола № 18, подразумевает юрисдикцию по взиманию косвенных налогов государства, в котором происходит конечное потребление товара вне зависимости от страны вывоза, что исключает уплату косвенных налогов при экспорте товаров в другие страны, но одновременно предполагает их взимание при импорте. По мнению Суда ЕАЭС, поскольку юридическим фактом, влекущим возникновение обязанности по уплате косвенных налогов у налогоплательщика государства-члена, на территорию которого импортированы товары, является переход права собственности, то отсутствие перехода права собственности на товары при их передаче в рамках одного юридического лица, несмотря на импорт товаров из одного государства-члена в другое, исключает возникновение обязанности по уплате косвенных налогов. Следует отметить, что в основу данного вывода положено доктринальное представление о строго территориальной юрисдикции государства в отношении косвенных налогов, рассматриваемых на примере налога на добавленную стоимость (далее – НДС), и необходимости облагать налогом лишь те операции, которые имеют экономическую привязку к территории государства [7, с. 195-196]. Между тем, с точки зрения экономической сущности косвенного налога и, прежде всего, НДС перемещение товара в рамках одного юридического лица не приводит к возникновению добавленной стоимости, что также исключает обложение соответствующим налогом.

Резюмируя обзор консультативного заключения по *делу о косвенных налогах*, отметим, что его значение простирается за рамки соответствующей сферы правового регулирования и затрагивает принципиальные аспекты функционирования внутреннего рынка и свободного движения товаров, на что Суд ЕАЭС обращает внимание, указывая, что, определяемая государствами-членами гармонизация законодательства в отношении налогов, не должна препятствовать свободному перемещению товаров, в том числе на уровне Союза.

Немаловажное значение для практики Суда Союза имеет тот факт, что в 2022 году он продолжил тренд на защиту прав трудящихся государств-членов, начало которому положил еще в 2018 году в рамках консультативного заключения по *делу о профессиональных спортсменах*, приняв консультативное заключение по *делу о пенсионном обеспечении трудящихся ЕАЭС*¹². Несмотря на то, что консультативное заключение

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/ (дата обращения: 02.04.2023).

3 Суд ЕАЭС. Консультативное заключение от 21.03.2022 по делу № Р-3/21 по заявлению Министерства юстиции Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/r-3.21/ (дата обращения: 02.04.2023).

4 Суд ЕАЭС. Дело № С-4/15 по заявлению ИП Тарасика К. П. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/c-4.15/ (дата обращения: 02.04.2023).

5 Суд ЕАЭС. Дело № С-5/15 по заявлению ООО «Севлад». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-5.15/ (дата обращения: 02.04.2023).

6 Суд ЕАЭС. Консультативное заключение от 12.10.2022 по делу № Р-2/22 по заявлению Министерства экономики и коммерции Кыргызской Республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/r-2.22/ (дата обращения: 02.04.2023).

7 Суд ЕАЭС. Решение Коллегии от 07.04.2016 по делу № С-5/15 по заявлению ООО «Севлад». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-5.15/ (дата обращения: 02.04.2023).

8 Суд ЕАЭС. Консультативное заключение от 18.12.2018 по делу № Р-3/18 по заявлению ЕЭК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/r-3.18/ (дата обращения: 02.04.2023).

9 Суд Европейского союза (далее – Суд ЕС). Решение от 12.07.2012 по делу С-269/09 Комиссия против Испании.

10 Суд ЕС. Решение от 20.01.2011 по делу С-155/09 Комиссия против Греции.

11 Суд ЕС. Решение от 16.06.2011 по делу С-10/10 Комиссия против Австрии.

12 Суд ЕАЭС. Консультативное заключение от 18.10.2022 по делу № Р-3/22 по заявлению Центра судебного представительства при Министерстве юстиции Кыргызской Республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/r-3.22/ (дата обращения: 02.04.2023).

2018 года касалось универсальных критериев допустимости ограничений в отношении трудовой деятельности граждан одного государства-члена на территории другого, не стоит недооценивать и значение судебного акта 2022 года. При его вынесении Суду ЕАЭС надлежало осуществить интерпретацию пункта 1 статьи 3 Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств – членов ЕАЭС от 20 декабря 2019 года (далее – Соглашение) и дать ответ на вопрос, является ли указанная правовая норма основанием для уравнивания ставок страховых взносов и должны ли наемные работники – граждане государств ЕАЭС, временно пребывающие в Кыргызской Республике, выплачивать страховые взносы наравне с гражданами данного государства-члена, если изменения национального законодательства об уравнивании тарифов еще не вступили в силу. Как следует из особого мнения судьи К. Л. Чайки к анализируемому консультативному заключению¹³, основанием для обращения заявителя в Суд ЕАЭС послужили изменения, внесенные в национальное законодательство о пенсионном обеспечении, которые привели к возникновению противоречий с правом Союза. В Кыргызской Республике был принят законодательный акт, устанавливающий единую ставку страхового взноса на пенсионное обеспечение как для граждан данного государства – члена Союза, так и для граждан иных государств-членов. Несмотря на то, что Соглашение, устанавливающее равенство прав на пенсионное обеспечение трудящихся государств-члена и государства трудоустройства, действовало с 1 января 2021 года, норма национального законодательства вступила в силу только с 1 ноября 2022 года.

Большая коллегия Суда Союза, разъясняя пункт 1 статьи 3 Соглашения, оценила его взаимосвязь с пунктами 1 и 3 статьи 96 Договора о сотрудничестве государств-членов по согласованию политики в сфере регулирования трудовой миграции, а также приняла за основу позицию Суда по ранее упомянутому консультативному заключению по делу о профессиональных спортсменах, согласно которой трудящиеся обладают единым статусом в рамках Союза. Изложенное позволило Суду сформулировать вывод о том, что правом Союза установлены равные условия и порядок формирования пенсионных прав за счет пенсионных взносов для трудящихся государств – членов ЕАЭС и граждан государства трудоустройства. Ключевое значение в рамках указанной позиции Суда Союза имеет тезис о взаимосвязи единых подходов к уплате страховых взносов на пенсионное обеспечение и о формировании общего трудового рынка ЕАЭС, который изложен Судом Союза в следующей формулировке: формирование единого рынка трудовых ресурсов и содействие трудовой миграции в рамках Союза непосредственно связано с предоставлением трудящимся государств-членов соответствующих прав и гарантий, включающих пенсионное обеспечение.

Еще одним значимым судебным актом 2022 года стало консультативное заключение по делу о способах обеспечения в государственных закупках¹⁴, в рамках которого Суду ЕАЭС был адресован вопрос о наличии у государств-членов обязанности имплементировать в национальное законодательство все способы обеспечения заявки на участие в закупке, поименованные в пункте 18 Протокола о порядке регулирования закупок, являющегося приложением № 25 к Договору: банковскую гарантию и гарантийный денежный взнос. В

комментируемом консультативном заключении, последовательно применив методы грамматического, логического и телеологического толкования, Суд Союза констатировал, что в ситуации отсутствия в национальном законодательстве способов обеспечения закупки, предусмотренных правом ЕАЭС, законодательство государства-члена подлежит приведению в соответствие с правом интеграционного объединения за счет имплементации всех способов обеспечения, установленных Договором. При этом в основу телеологической интерпретации был положен детальный анализ общих целей Союза и их преломлением в аспекте сферы государственных закупок, включая формирование единого рынка товаров в рамках ЕАЭС.

Анализ консультативного заключения по делу о способах обеспечения в государственных закупках был бы неполным без указания на факт его реализации государствами-членами, в частности, Российской Федерацией. Так на официальном сайте Правительства Российской Федерации в сети Интернет размещен проект постановления Правительства «Об особенностях порядка предоставления обеспечения заявок на участие в закупках участниками закупок, являющимися иностранными лицами»¹⁵, допускающий в качестве способа обеспечения участия в государственной закупке со стороны юридических и физических лиц, зарегистрированных / являющихся гражданами государств ЕАЭС (кроме Российской Федерации), внесения денежных средств на счет, указанный заказчиком, в извещении об осуществлении закупки.

Проведенный анализ позволил установить, что, несмотря на различные сферы правового регулирования, которых касались консультативные заключения Суда ЕАЭС, вынесенные в 2023 году, их объединяет один чрезвычайно важный элемент – направленность на развитие интеграции, которая формализуется в цели обеспечения надлежащего функционирования внутреннего рынка Союза. Хотя в одних консультативных заключениях соответствующая цель прямо обозначена в качестве основы для осуществляемой Судом ЕАЭС интерпретации, а в других она лишь подразумевается, данное обстоятельство может рассматриваться, в том числе как предпосылка для будущего развития правоприменительной практики и положенной в ее основу судебной аргументации.

Пристатейный библиографический список

1. Lauterpacht G. The Development of International Law by the International Court (Steven & Sons Limited, 1958). Cambridge University Press, 1982.
2. Rosenne Sh. The Law and Practice of the International Court 1920-2005, 4th ed. Leiden: Brill Publishers, 2006.
3. Левин Д. Б. Принцип мирного разрешения споров. М., 1977.
4. Кадышева О. В. Роль консультативных заключений в международном правосудии и в практике Суда ЕАЭС // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 1.
5. Чайка К. Л. Суд интеграционного объединения как международный судебный орган // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 3.
6. Дьяченко Е. Б., Энтин К. В. Роль консультативных заключений Суда ЕАЭС в развитии права конкуренции Евразийского экономического союза // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 4.
7. Шепенко Р. А. Международные налоговые правила. Ч. 2. М.: Юрлитинформ, 2012.

13 Суд ЕАЭС. Особое мнение судьи К. Л. Чайки к консультативному заключению от 21.03.2022 по делу № Р-3/21 по заявлению Министерства юстиции Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaec/r-3.21/ (дата обращения: 02.04.2023).

14 Суд ЕАЭС. Консультативное заключение от 22.11.2022 по делу № Р-4/22 по заявлению ЕЭК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaec/r-4.22/ (дата обращения: 02.04.2023).

15 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=136498> (дата обращения: 02.04.2023).

МАНЕВИЧ Виктория Васильевна

аспирант кафедры международного права Дипломатической академии МИД России

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КИБЕРПРОСТРАНСТВА ПРИ ВЕДЕНИИ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ГУМАНИТАРНОМ ПРАВЕ: ПОНЯТИЯ И ТЕРМИНЫ

В работе автор рассматривает проблемы, с которыми сталкиваются правовые эксперты и Правительства при создании соответствующих норм, направленных на регулирование киберпространства и защиту прав человека в период вооруженного конфликта. Анализирует действующее международное гуманитарное право в контексте вооруженных конфликтов в киберпространстве, освещает вопросы применения МГП и необходимости его дополнения новыми нормами, рассматривает вопросы ответственности за кибератаки во время вооруженных конфликтов.

Ключевые слова: правовое регулирование, вооруженные конфликты, кибератаки, киберпространство, международное гуманитарное право, вызовы, проблемы, перспективы.

MANEVICH Viktoriya Vasiljevna

postgraduate student of International law sub-faculty of the Diplomatic Academy of the MIA of Russia

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF CYBERSPACE IN THE CONDUCT OF ARMED CONFLICTS IN INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW: CONCEPTS AND TERMS

In this paper, the author examines the problems faced by legal experts and Governments when creating appropriate norms aimed at regulating cyberspace and protecting human rights during armed conflict. Analyzes the current international humanitarian law in the context of armed conflicts in cyberspace, highlights the issues of the application of IHL and the need to supplement it with new norms, examines the issues of responsibility for cyber attacks during armed conflicts.

Keywords: legal regulation, armed conflicts, cyber attacks, cyberspace, international humanitarian law, challenges, problems, prospects.

Маневич В. В.

Правовое регулирование вооруженных конфликтов в киберпространстве в настоящее время является высокоприоритетной задачей для международных организаций и государств-участников. Рассматривая вызовы и проблемы, связанные с наличием угроз кибербезопасности в контексте военных действий, необходимо осознать, что грубые нарушения прав человека в период вооруженного конфликта, являющиеся серьезным нарушением международного гуманитарного права. В данной статье обсуждаются вызовы, проблемы и перспективы правового регулирования вооруженных конфликтов киберпространства в рамках МГП.

Современный мир зависит от цифровых технологий, и киберпространство является частью нашей повседневной жизни. Однако, с развитием технологий возникают новые угрозы, включая кибератаки в рамках вооруженных конфликтов. Один из главных вызовов для международного гуманитарного права (МГП), это разработка и принятие соответствующих норм, чтобы эффективно регулировать и защищать права людей в тех случаях, когда они становятся жертвами вооруженных конфликтов. Современное МГП основано на законах и принципах ведения военных действий. Комплекс международно-правовых норм, называемый Гаагским правом, регулирует поведение воюющих сторон. Тем не менее, МГП также включает в себя совокупность норм, защищающих жертв вооруженных конфликтов, которые называются Женевским правом.

МГП представляет систему международно-правовых принципов и норм, договорного и обычного происхождения, которые регулируют отношения между сторонами вооруженных конфликтов в отношении средств и методов ведения войны, защиты жертв войны и деятельности держав-покровительниц и международных организаций в этих условиях. Кроме того, МГП регулирует статус отдельных категорий лиц, вовлеченных в вооруженный конфликт, таких как комбатанты и жертвы войны.

Важно отметить, что традиционное *jus in bello* (право, применяемое в войне), которое ранее было основано на произвольном использовании государствами вооруженной силы в качестве средства разрешения политических, территориальных и экономических споров, сегодня не существует. Оно может рассматриваться только в контексте норм Гаагского права, которое кодифицировало обычные правила поведения воюющих сторон при вооруженных конфликтах.

Устав ООН 1945 года определяет мирное разрешение международных споров в качестве одного из основополагающих принципов сотрудничества государств (ч. 3 ст. 2; ст. 33). Тем не менее, вооруженный конфликт требует полного применения действующих принципов и норм МГП [1, с. 8].

Правовое регулирование вооруженных конфликтов в киберпространстве – это совокупность норм и правил, которые определяют допустимые действия и ограничения в проведении военных операций в киберпространстве, а также ответственность за их нарушение.

Согласно Melzer (2017), киберпространство в доктрине признается «пятой сферой» или «пятым доменом» ведения военных операций, следующей за сушей, морем, воздухом и космосом. Быстротечно развивающиеся современные технологии могут стать потенциальным полем боевых действий киберпространства. В 2013 году специалисты из стран, входящих в военно-политический блок НАТО, при участии Международного комитета Красного Креста разработали руководство по международному праву, которое было обновлено в 2017 году и относится к кибер-операциям.

В случае возникновения вооруженного конфликта в киберпространстве применяются нормы международного гуманитарного права (МГП). Но для этого необходимо определить, когда начинается вооруженный конфликт в киберпространстве [2, с. 66]. Исторический аспект правового регулирования вооруженных конфликтов в киберпространстве связан с развитием компьютерных технологий и расширением возможностей их применения в военных операциях. В

1990-е годы возникла необходимость создания правовой базы для регулирования деятельности в киберпространстве, что привело к появлению международных норм и принципов в этой области.

В сформированном киберпространстве выявляются острые проблемы, для решения которых современная позитивистская правовая парадигма еще не нашла ответ. Большое количество исследований, посвященных правовому развитию в киберпространстве, уже существует в настоящее время. Мнения ученых относительно этой проблематики разделяются на две полярные позиции, которые нашли выражение в работах американских ученых: Д. Джонсона и Д. Поста соучредителей Юридического института киберпространства, и Дж. Соммера. Киберпространство рассматривается авторами как феномен, обладающий своей юрисдикцией, отделяющей его от реального мира и игнорирующий территориальные границы. Квалификация киберпространства была дана Верховным судом США в деле *Reno v. American civil liberties union* в 1997 году. [3, с. 23], [20, с. 21-25].

На данный момент не существует универсальных законов, которые регулируют вооруженный конфликт в киберпространстве. Однако применение МПП в кибервойнах определяется следующими документами:

1. Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12 августа 1949 года. Женевские конвенции 1949 года – международные договоры определяют правовой статус военнопленных, защиту гражданского населения во время конфликта, а также правила охраны окружающей среды во время вооруженного конфликта [4].

2. Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 года. Протоколы к Женевским конвенциям 1977 года – эти два протокола развивают и расширяют положения Женевских конвенций, касающиеся охраны жизни и здоровья гражданских лиц во время конфликта, защиты объектов, необходимых для выживания населения, а также запрещение применения некоторых видов оружия [5].

3. Конвенция о компьютерных преступлениях. Будапешт, 23 ноября 2001 года. Киберконвенция Совета Европы 2001 года, которая регулирует использование компьютерной технологии в мирное время [6].

4. Другие международные нормы, такие как Венская конвенция о праве международных договоров 1969 года, Хартия добрососедских отношений, стабильности, безопасности и сотрудничества в Юго-Восточной Европе, также могут иметь прямое отношение к кибервойнам [7], [8].

5. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 6 декабря 2021 года. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН о взаимодействии государств в использовании информационных и коммуникационных технологий в контексте международной безопасности [9].

6. Декларация о запрещении применения ядерного и термоядерного оружия Принята резолюцией 1653 (XVI) Генеральной Ассамблеи от 24 ноября 1961 года [10].

7. Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении Одобрена резолюцией 2826 (XXVI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1971 года [11].

8. Конвенция о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении [Оттавская конвенция] [12].

9. Конвенция по кассетным боеприпасам. Принята на Дипломатической конференции для принятия конвенции по кассетным боеприпасам (Дублин, 19 – 30 мая 2008 года) [13].

Однако все эти нормы не полностью адаптированы к реалиям киберпространства, и поэтому назревает необходимость разработки специальных правовых инструментов для регулирования вооруженных конфликтов в киберпространстве. Определение вооруженных конфликтов в киберпространстве сформулировано так: вооруженный конфликт в киберпространстве – это, использование кибер-технологий и кибероружия для достижения военных целей, которые могут включать разрушение, прерывание или изменение функцио-

нирования информационных сетей и систем. В вооруженном конфликте действия должны соответствовать определению агрессии или военного конфликта в международном праве и применяться между двумя или более государствами или внутри государства между Правительством и оппозиционными силами или другими не государственными группами.

Как правило, такие действия включают в себя кибератаки на объекты противника с целью причинения вреда его операционной деятельности или получения конфиденциальной информации. Правовое регулирование вооруженных конфликтов в киберпространстве имеет некоторые особенности, связанные с быстротой их проведения и трудностью установления виновных сторон. В настоящее время в международном гуманитарном праве нет четкого определения вооруженных конфликтов в киберпространстве, что создает определенные проблемы в их правовом регулировании [14].

По мнению Стрельцова А. А. киберпространство является площадкой для вооруженных конфликтов, в которых активно задействованы вооруженные силы, а также могут участвовать ополчения и добровольческие отряды, при соблюдении определенных условий. Вооруженные конфликты могут возникать между различными социальными группами людей и происходить на территории нескольких или одного государства.

Регулирование отношений между участниками вооруженных конфликтов осуществляется при помощи МПП – системы международно-правовых принципов и норм, направленных на решение гуманитарных задач в контексте вооруженных конфликтов. В связи с распространением вооруженных конфликтов в киберпространстве, важно учитывать такие аспекты МПП, как территория, на которой возникают конфликты, методы и средства ведения вооруженного противоборства, международно-правовой статус участников, а также вопросы правовой защиты людей и объектов в ходе конфликта и ответственности за нарушения МПП.

Таким образом, МПП – это система международно-правовых принципов и норм, регулирующих отношения между субъектами международного права во время вооруженных конфликтов, а в контексте киберпространства, МПП может регулировать территорию, методы и средства вооруженного противоборства, международно-правовой статус участников конфликта, а также правовую защиту лиц и объектов. Также важным аспектом является ответственность за нарушение МПП [15].

Правовое регулирование вооруженных конфликтов в киберпространстве является необходимым для защиты прав и свобод людей и государств. Это позволяет определить, какие действия в киберпространстве могут считаться военными действиями, какое оружие могут использовать в киберпространстве и какие меры безопасности должны быть приняты для защиты гражданских объектов. Без правового регулирования, происходящие в киберпространстве вооруженные конфликты могут привести к неоправданным потерям жизни и разрушениям объектов [16].

Термин «кибер-война» означает различные действия, связанные с причинением вреда через киберпространство, выполняемые другими странами или влиятельными негосударственными авторами. Также относится к защите информационных систем и важных объектов инфраструктуры, защите от нападения на системы вооружений или военные командные центры и проведению аналогичных атак на противника. Эксперты по кибербезопасности и военные стратеги предсказывают, что в ближайшие годы межгосударственные кибер-войны могут стать реальностью, несмотря ни на что, т. к. таких конфликтов еще не было. Однако, отсутствие эффективного регулирования и контроля в этой области представляет серьезную опасность для международной безопасности, особенно учитывая то, что все больше жизненно важных функций переносится в киберпространство. Военные руководители, включая генерала Кевина Чилтона из Стратегического командования США (USSTRATCOM), предупреждают, что серьезный кибер-удар на страну с развитой экономикой может привести к ответному удару с применением обычного или даже ядерного оружия. Национальные стратегические планы рассматривают все возможные варианты реагирования на возможные военные действия в киберпространстве [17, с. 207-208].

Кибервойна добавляет вооруженному конфликту новый уровень сложности и ставит новые проблемы перед МГП. Также необходимо подтвердить актуальность МГП как основного свода законов, регулирующих военные действия.

Нормы международного гуманитарного права, охватывающие такие вопросы, как применение оружия неизбирательного действия, различие между военными целями и гражданскими лицами, соразмерность и вероломство, могут и должны применяться также к кибервойне. Необходимо отметить, что в 2010 году международное сообщество объединило усилия для создания правил, регулирующих кибервойну. В связи с высокой вероятностью возникновения вооруженных конфликтов, которые могут наступить при использовании кибер-вооружений, привела государства к необходимости разработать международно-правовые нормы, регулирующие эту область. Результатом усилий юристов и военных специалистов из стран НАТО, при участии экспертов МККК, был принят в 2013 году «Таллинское руководство по применению юридических норм международного права к военным действиям в киберпространстве», которое необходимо не только для решения проблем правового регулирования вооруженных конфликтов в киберпространстве, но и для решения проблем правового регулирования киберпространства в целом. Следует заметить, что создание «необязывающего свода правил относительно кибервойны является *per se* прогрессивным шагом. Впоследствии, после проверки эффективности регуляций «Мягкого права» на практике, государства могут создать и юридически обязывающий договор, основанный на существующих правилах и лучшей практике государств» [18, с. 146].

Понятие Кибератака – это, кибер-операция, будь то наступательная или оборонительная, которая ведёт к ранению или смерти людей, повреждению или разрушению объектов. Можно сказать, что нужна новая нормативная база для регулирования использования кибероружия во время вооруженных конфликтов. Это необходимо как для обеспечения безопасности государств, так и для сохранения мира в мире [19].

Таким образом, существование расширенной версии Руководства, принятой в 2017 году, опять же подчеркивает актуальность данной проблемы. Также важным является соблюдение принципов международного права при использовании кибероружия. Например, принципы несоответствия, ограничения и пропорциональности должны учитываться при применении кибератак. Особенности правового регулирования вооруженных конфликтов в киберпространстве таковы, что в условиях уязвимости к кибератакам со стороны других государств, террористических организаций и киберпреступников возрастает необходимость регулирования вооруженных конфликтов в киберпространстве в соответствии с нормами МГП.

Пристатейный библиографический список

1. Ястребова А. Ю. Отдельные подходы к системе специальных принципов международного гуманитарного права: содержание и эволюция // Московский журнал международного права. – 2022. – № 3. – С. 6-18.
2. Гаркуша-Божко С. Ю. Международное гуманитарное право в кибер-пространстве: *Ratione materiae, ratione temporis* и проблема квалификации кибератак // Цифровое право. – 2021. – № 2 (1). – С. 64-82.
3. Мажорина М. В. Киберпространство и методология международного частного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 2. – С. 230-253.
4. Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны. Источник: Права человека: Сборник международных договоров, том I (часть вторая): Универсальные договоры / Женева, 1994 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_1.shtml.
5. Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от

- 8 июня 1977 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901755843>.
6. Конвенцию о компьютерных преступлениях. Будапешт, 23 ноября 2001 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml.
7. Венская конвенция о праве международных договоров. Принята 23 мая 1969 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml.
8. Хартия добрососедских отношений, стабильности, безопасности и сотрудничества в Юго-Восточной Европе. Бухарест, 12 февраля 2000 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/see_charter.shtml.
9. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей. Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности и поощрение ответственного поведения государств в сфере использования информационно-коммуникационных технологий. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://namib.online/wp-content/uploads/2023/02/A.RES_76.19.pdf.
10. Декларация о запрещении применения ядерного и термоядерного оружия. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/nuc_prohibition.shtml.
11. Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bacweap.shtml.
12. Конвенция о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении [Оттавская конвенция]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mines_convention.shtml.
13. Конвенция по кассетным боеприпасам. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cluster_munitions.sht.
14. Международное гуманитарное право и кибероперации во время вооруженных конфликтов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.icrc.org.
15. Стрельцов А. А. Применение международного гуманитарного права к вооруженным конфликтам в киберпространстве. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digital.report/konflikt-v-kiberprostranstve>.
16. Кибервойна и международное гуманитарное право. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/document/kibevovyna-i-mezhdunarodnoe-gumanitarnoe-pravo?ysclid=lfhzwymvpr318936758>.
17. Чернявский А. Г., Синяева Н. А. Проблемы гуманитарного регулирования военных конфликтов в киберпространстве // Образование и право. – 2019. – № 8. – С. 206-215.
18. Еремян Л. О некоторых проблемах международного гуманитарного права в свете кибернападений. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mgimo.ru/upload/iblock/af7/af77da611d6c2c5de4f7.pdf>.
19. Туктамышев В. Д. Международно-правовое регулирование кибератак. Международно-правовое регулирование кибератак. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oboznik.ru/?p=54277>.
20. Приходько Н. Ю., Пироженков С. А. Мародерство как преступление: история и современность // Военно-юридический журнал. – 2019. – № 10. – С. 21-25.

NGUYEN Thi Van Huyen

senior lecturer of the Faculty of International Law of the Ho Chi Minh City University of Law, Republic of Vietnam

JOINT EFFORT TO FIGHT AND PREVENT PIRACY AND ARMED ROBBERY AGAINST SHIPS IN SOUTHEAST ASIA

This article analyses the provisions of the international law of the sea and the Regional Co-operation Agreement on Combating Piracy and Armed Robbery against Ships in Asia 2004 (ReCAAP 2004), so as to clarify the concepts of piracy and armed robbery against ships; the cooperation obligations of Asian countries in general and Southeast Asia in particular in the prevention of this special forms of crime. The article also delves into the anti-piracy practice in Southeast Asia, thereby shedding light on a number of advantages and difficulties in the implementation of ReCAAP 2004 provisions in the world's number 1 hot spot of piracy, and thereupon recommending several solutions to aid effective joint efforts in the fight and prevention of piracy and armed robbery against ships in Southeast Asia.

Keywords: UNCLOS 1982, ReCAAP 2004, piracy, armed robbery against ships.

НГУЕН Тхи Ван Хуен

старший преподаватель Факультета международного права Хошиминского городского юридического университета, Республика Вьетнам

СОВМЕСТНЫЕ УСИЛИЯ ПО БОРЬБЕ И ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ ПИРАТСТВА И ВООРУЖЕННОГО ОГРАНИЧЕНИЯ СУДОВ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

В данной статье анализируются положения международного морского права и Соглашения о региональном сотрудничестве по борьбе с пиратством и вооруженным разбоем в отношении судов в Азии 2004 г. (ReCAAP 2004), чтобы уточнить понятия пиратства и вооруженного разбоя в отношении судов; обязательства по сотрудничеству азиатских стран в целом и Юго-Восточной Азии в частности в предупреждении этой особой формы преступности. В статье также рассматривается практика борьбы с пиратством в Юго-Восточной Азии, тем самым проясняется ряд преимуществ и трудностей в реализации положений ReCAAP 2004 в очаге пиратства номер 1 в мире, а также рекомендуются несколько решений, способствующих эффективному совместному усилию по борьбе и предотвращению пиратства и вооруженного разбоя против судов в Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова: UNCLOS 1982, ReCAAP 2004, пиратство, вооруженный разбой против судов.

1. Introduction

Southeast Asia's vast waters with lax maritime security systems are making a hot spot for piracy and armed robbery against ships. It is statistically reported by Vietnam Coast Guard Command and the ReCAAP Information Sharing Centre (ReCAAP ISC), the year 2020 experienced an increase in maritime security incidents in Asia, compared to 2019. In total, 97 cases of piracy and armed robbery were reported in Asia in 2020, including 95 accomplished and 02 failed attempts. The tally of cases increased by about 17 % against 2019 and the accomplished attempts increased by about 32 %; these had been the highest figures since 2018-2020 (in 2019, there were totally 83 cases including 72 accomplished and 11 failed attempts. Most of the crime incidents occurred in Singapore Strait (34 cases), Indonesia (22 cases), Philippines (13 cases), India (09 cases), Vietnam (06 cases), Bangladesh (05 cases), East Sea (04 cases), Malaysia (03 cases), Sulu-Celebes Sea (01 kidnapping). Out of 97 cases, 55 occurred while the ships were anchored in docks/ports (57 %) and 42 occurred against ships en route (43 %)¹. ReCAAP ISC's statistics also pointed out that though the total number of incidents in Asia decreased in 2021, the number was still as high as 82, including 77 completed crimes and 5 failed attempts². A detailed report showed that 78/82 cases occurred in Southeast Asian seas (Straits of Singapore, Indonesia, Philippines, etc.)³. All incidents in 2021 occurred in the waters under the jurisdiction of regional countries.

Featuring one of the world's busiest shipping lanes, Southeast Asian waters play a must-have role in 45 % of global commercial shipping traffic⁴. To assure maritime security and combat crimes at sea, especially piracy and armed robbery against ships, Asian countries in general and Southeast Asia in particular need to work hand in hand to prevent and punish this form of crime. On aspect of international legislation, ASEAN countries are all parties to the United Nations Convention on the Law of the Sea (UNCLOS 1982) and the Regional Co-operation Agreement on Combating Piracy and Armed Robbery against Ships in Asia 2004 (ReCAAP 2004). These international treaties defined the factors constituting the acts of piracy and armed robbery against ships, as well as the cooperation obligations of member states in the arrest and punishment of individuals and means engaged in such acts, and their sharing of information and provision of instructions and safety warnings for ships en route. This cooperation resulted in the establishment of the Singapore-based ReCAAP Information Sharing Centre (ReCAAP ISC), which serves as an essential focal point for information exchange connecting member countries in the repression of piracy and armed robbery against ships as well as assuring maritime security and safety in Asia in general and Southeast Asia in particular.

2. Piracy and armed robbery against ships under the provisions of UNCLOS 1982 and ReCAAP 2004

Piracy is a crime that dates back long time ago at the dawning of humankind's maritime practice. Generally, piracy is inter-

1 [Electronic resource]. – Access mode: <https://canhsatbien.vn/portal/thong-tin-an-ninh-hang-hai/thong-tin-an-ninh-hang-hai-nam-2020> (accessed on April 21, 2023).

2 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.recaap.org/> (accessed on April 11, 2023).

3 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.recaap.org/resources/ck/files/Number%20of%20Incidents/2021/List%20of%20>

[Incidents%20for%202021%20\(cao%204%20Jan%2022\).pdf](#). ((accessed on April 06, 2023).

4 Tran Nam Tien (2011), Hoang Sa – Truong Sa: Questions and Answers, Youth Publishing House. – Pp. 48.

preted as any incident involving the seizure of a ship by force, or any act that endangers ships, crew members or cargo.

Pursuant to Article 101 of the United Nations Convention 1982 on the Law of the Sea (UNCLOS 1982), piracy is defined as:

– Any illegal act of violence or detention, or any act of depredation, against a ship or aircraft, or against persons or property on board such ship or aircraft (Point a, Article 101);

– Any act of voluntary participation in the operation of a ship or of an aircraft with knowledge of facts making it a pirate ship or aircraft (Point b, Article 101);

– Any act of inciting or of intentionally facilitating an act described in above subparagraphs (Point c, Article 101).

– The act deemed as piracy may occur in international waters or areas outside the jurisdiction of any State.

UNCLOS 1982 specifically provided for the forms of acts that are considered as piracy, based on which member states may agree upon the determination of factors constituting the crime of piracy. However, the Convention has a shortcoming in that an act is considered a crime of piracy only when it is committed in international waters or areas outside the jurisdiction of any State. This limited the Convention's scope of application against those acts committed within the waters under the jurisdiction of countries, whereas there are indeed quite a number of robberies in such places. This especially matters in Southeast Asia, where there are piracy hotspots such as the Singapore Strait, Sulu-Celebes Sea and eastern Sabah, Bandar Penawar, Johor, Malaysia, etc.

To make good the shortcoming, Asian countries in general and Southeast Asian nations in particular signed the Regional Co-operation Agreement on Combating Piracy and Armed Robbery against Ships in Asia 2004 (abbreviated as ReCAAP 2004). Beside interpreting the acts of piracy as similarly to UNCLOS 1982, Clause 2, Article 1 of ReCAAP 2004 also stipulates the act of "armed robbery against ships"; accordingly,

"Armed robbery against ships" means any of the following acts:

a. Any illegal act of violence or detention, or any act of depredation, committed for private ends and directed against a ship, or against persons or property on board such ship, **in a place within a Contracting Party's jurisdiction** over such offences;

b. Any act of voluntary participation in the operation of a ship with knowledge of facts making it a ship for armed robbery against ships;

c. Any act of inciting or of intentionally facilitating an act described in subparagraph (a) or (b).

By comparing the definitions in UNCLOS 1982 and ReCAAP 2004, we can see that "piracy" and "armed robbery against ships" are similar in substance. The only difference between these two acts is the place of crime. Accordingly, "piracy" is an act committed in international waters or waters not under the jurisdiction of any country, while "armed robbery against ships" occurs in waters under the jurisdiction of states.

Although ReCAAP is a regional Agreement, it, beside adopting the UNCLOS's definition of piracy, has included provisions on armed robbery of ships, and expanded the scope of application to all sea areas whether in international scale or under the jurisdiction of coastal states. ReCAAP's provisions have supplemented an important legal basis for the cooperation in the fight against piracy - the deemed most dangerous crime at sea today.

3. The obligation to cooperate in the prevention of piracy and armed robbery against ships of ASEAN countries as parties to UNCLOS 1982 and ReCAAP 2004

General cooperation obligations

As parties to the United Nations Convention 1982 on the Law of the Sea, Southeast Asian countries are obliged to cooperate with each other and with other member states in the suppression of piracy, as pursuant to Article 100 of this convention⁵. Articles 105 and 107 of UNCLOS 1982 also provide that any warship or military aircraft or authorized state-owned vessels of any country, when detecting an act of piracy, may chase, arrest and punish against any individual or facility that has committed such act in international waters or waters not under the jurisdiction of any country. Of course, the Court of the arresting country also has the authority to rule and punish the piracy criminals. This requires the country of which the offending individual or facility has nationality and the country that has arrested, ruled and punished to co-work closely so as to ensure the effectiveness of piracy crime investigation and treatment. In fact, Southeast Asian countries have worked well side by side on this issue, as they regularly joined forces to hold military exercises or joint patrols against piracy in the region. An example for this was the Sulu Sea joint patrol agreement among Malaysia, Indonesia and the Philippines in 2016. Leaders of the three countries agreed to allow coast guard forces to chase pirates into each other's waters, in the hope of breaking up pirate crews and restoring the orderliness in these sea areas⁶.

On a regional scale, ReCAAP 2004 stipulates the obligation of member states to cooperate in preventing, punishing and remedying the consequences of piracy and armed robbery against ships, as pursuant to Article 1.3 with the following general obligations:

a. To prevent and suppress piracy and armed robbery against ships;

b. To arrest pirates or persons who have committed armed robbery against ships;

c. To seize ships or aircraft used for committing piracy or armed robbery against ships, to seize ships taken by and under the control of pirates or persons who have committed armed robbery against ships, and to seize the property on board such ships; and

d. To rescue victim ships and victims of piracy or armed robbery against ships.

This provision was more specific and expanded than the provision of UNCLOS 1982, to cover the close cooperation in formulating policies to prevent and combat piracy and armed robbery against ships, cooperation in arresting individuals and facilities in violation, and cooperation in rescuing victims and victim ships. This has become especially meaningful for rescuing hostages who were captured by pirates and terrorist groups at sea for ransom, since the pirates in Southeast Asia have changed their tactics over the recent years: instead of robbing cargo ships, they kidnapped hostages to make money. It is a fact that in nearly all seafarers kidnappings for ransom, governments and ship owners had to arrange and compromise with the bandits in order to protect the life safety of victims. For instance, on March 26, 2016, the tugboat Brahma 12 and barge Anand 12, on their transit carrying 7,000 tons of coal from Sungai Putting, South Kalimantan province, Central Indonesia, to Batangas, Southern Philippines, were attacked by the armed Abu Sayyaf Group and all crew members were captured by the bandit for a ransom of USD 1 million. Ac-

5 Article 100 of UNCLOS 1982: "All States shall co-operate to the fullest possible extent in the repression of piracy on the high seas or in any other place outside the jurisdiction of any State".

6 [Electronic resource]. – Access mode: <https://thanhvien.vn/ba-nu-oc-asean-tuan-tra-chung-tai-bien-sulu-post649546.html> (accessed on April 18, 2023).

ording to a Manila-based information source, the local authority discovered one of the two ships in Languyan Island, Tawi-tawi province, in the afternoon of March 28. Indonesian Ministry of Foreign Affairs spokesman Arrmanatha confirmed that Brahma 12 had been handed over to the Philippine government, while the fate of the Anand 12 and its crew were unknown.⁷ At the beginning, the Indonesian government announced that it would give no compromise and mobilize forces to rescue the hostages. Indonesian Defence Minister Ryamizard Ryacudu stated that the Indonesian navy was standing by in Ambalat Sea to aid the Philippines in the rescue. Indonesia's Far East Fleet deployed a number of warships at the positions believed to be where the kidnapping had occurred. Unfortunately, the terrorist group executed a Canadian hostage on April 25 and in response to such ferocious act, on April 29, Patria Maritime Lines – the employer of 10 Indonesian sailors – agreed to pay 1 million dollars for the freedom of the hostages.⁸ This compromise saved the lives of the victim, but also hinted the pirate bandits that this was the optimal way to intimidate governments and ship owners to get ransom, which eventually escalated the same manner of robbery.

Cooperation in information sharing

Piracy and armed robbery against ships are typically committed in the high seas, bordering areas, and disputed areas where patrol and surveillance forces are in short and the possibility to detect and repress promptly is rare. These forms of crime are also characterized by the sophistication and diversity of action manners as well as the recklessness and ferocity of the offenders. It is a paramount necessity that information is shared trans-nationally in order for repression measures to be quickly deployed against this group of criminals and safety warnings to be sent to ships en route. Southeast Asian countries together with other member countries, on the basis of ReCAAP 2004, established the ReCAAP Information Sharing Centre (ReCAAP ISC), which has been headquartered in Singapore since 2006 and had liaison points in the territories of all member states⁹, in order to coordinate actions in reporting any incidents in nature of piracy and armed robbery against ships that occurred in the regional waters. The functions of ReCAAP ISC are specified in Article 7 of ReCAAP as follow:

- a. To manage and maintain the expeditious flow of information relating to incidents of piracy and armed robbery against ships among the Contracting Parties;
- b. To collect, collate and analyse the information transmitted by the Contracting Parties concerning piracy and armed robbery against ships, including other relevant information, if any, relating to individuals and transnational organized criminal groups committing acts of piracy and armed robbery against ships;
- c. To prepare statistics and reports on the basis of the information gathered and analysed under subparagraph (b), and to disseminate them to the Contracting Parties;
- d. To provide an appropriate alert, whenever possible, to the Contracting Parties if there is a reasonable ground to believe that a threat of incidents of piracy or armed robbery against ships is imminent;

7 [Electronic resource]. – Access mode: <https://plo.vn/10-nguoi-indonesia-bi-phien-quan-bat-lam-con-tin-post383623.html> (accessed on April 20, 2023).

8 [Electronic resource]. – Access mode: <https://cadn.com.vn/phien-quan-abu-sayaf-tha-10-con-tin-indonesia-post147876.html> (accessed on April 20, 2023).

9 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.recaap.org/focal-points> (accessed on April 10, 2023).

...

As regard to the requirements on cooperation in information sharing, Article 10 of ReCAAP 2004 stipulates that Contracting Parties may via ReCAAP ISC or directly request any other Contracting Party to cooperate in sharing information upon detection of any person or ship or aircraft committing any act of piracy or armed robbery against ships, the facilities used for committing that act, and the victim ships and persons. On that basis, they may request the other Contracting Parties to take appropriate measures, including arrest or detention, against any person or ship that has committed the aforesaid act, to the extent permitted by national laws and regulations as well as applicable principles of international laws. Moreover, Contracting Parties may via ReCAAP ISC or directly request the other Contracting Parties to take effective measures to rescue victim ships and victims of piracy or armed robbery against ships. All such requests shall be promptly communicated to ReCAAP ISC. However, ReCAAP ISC neither receives nor directly issues any request for cooperation involving extradition or mutual legal assistance in criminal matters. If a member state makes any such request, it shall direct such request to the state concerned. This regulation somewhat limits the cooperation mechanism of member states because the chase, arrest and treatment of piracy and armed robbery criminals typically involve many countries on the shipping routes where criminals are active and hide, while the agreement on cooperation in extradition and mutual legal assistance is subject to the nation's decision. If parties cannot reach a consensus among the, the repression and treatment of crimes will not be carried out effectively and thoroughly.

Notwithstanding the above said shortcoming, in reality ReCAAP ISC's operation has brought powerful effects, aided prevention and prompt warnings for countries to tackle with piracy and armed robbery against ships. On annual basis, ReCAAP ISC issues detailed statistical reports on incidents, warning about new tricks of criminals and high-risk areas. In addition, ReCAAP ISC regularly organizes capacity building courses for prevention of piracy and armed robbery against ships, provides countries, ship owners and crew members with concrete instructions on incident response measures. ReCAAP ISC advised shipmasters and crew members to uphold vigilance when traveling across risk areas (or to consider changing the itineraries that cut across "hot spots", maintaining constant vigilance against suspicious ships in the vicinity, reporting all incidents immediately to the nearest coastal state and taking precautionary measures, etc.)

Cooperation in extradition and mutual legal assistance

Cooperation in extradition and mutual legal assistance is regulated in Articles 12 and 13 of ReCAAP 2004. How these two articles are set forth indicates that extradition and mutual legal assistance among contracting parties are not compulsory obligations, but rather an "endeavour" and "effort" for the cooperation among parties¹⁰. As analysed above, this somewhat limits the cooperation mechanism of member states because the chase, arrest and treatment of piracy and armed robbery criminals typically

10 Article 12 of ReCAAP: "A Contracting Party shall, subject to its national laws and regulations, endeavor to extradite pirates or persons who have committed armed robbery against ships, and who are present in its territory, to the other Contracting Party which has jurisdiction over them, at the request of that Contracting Party."; Article 13 of ReCAAP: "A Contracting Party shall, subject to its national laws and regulations, endeavor to render mutual legal assistance in criminal matters, including the submission of evidence related to piracy and armed robbery against ships, at the request of another Contracting Party."

involve many countries on the shipping routes where criminals are active and hide. As such, if the parties are not in good faith, the arrest and punishment of these offenders will be impossible.

As a responsible member of ReCAAP, Vietnam has been making every effort to cooperate and support ASEAN countries in particular and Asian countries in general in arresting and punishing criminals of piracy and armed robbery against ships. For example, on September 12, 2016, Hanoi People's Court decided to accept the request of Malaysia's Home Affairs Minister for extradition of 8 pirates to Malaysia and treatment under Malaysian laws. It is this pirate bandit that planned to rob a Malaysian gas tanker ship. Around 8pm on June 11, 2015, the bandit approached and committed the crime when the vessel Orkim Harmony was in the territorial waters of Malaysia. They also injured a crew member on board and then fled. On their way to escape, eight Indonesian pirates entered Vietnam's territorial waters and were arrested under the joint effort of Vietnam Coast Guard and Border Guard. After that, the 8 pirates were handed over to the Social Order-Related Crime Investigating Police Team - Ministry of Public Security for further investigation.

Other cooperation models in the region

In addition to multilateral cooperation under the frameworks of UNCLOS 1982 and ReCAAP 2004, Southeast Asian countries also enter into tripartite and bilateral cooperation agreements, such as the Malacca Strait Security Initiative (MSSI) and Malacca Strait Sea Patrols (MSSP) among Indonesia, Malaysia, Singapore and Thailand; Sulu Sea joint patrol agreement among Malaysia, Indonesia and the Philippines; agreement on the regulation of joint patrols in the bordering waters and the establishment of a communication channel (1999) between Vietnam and Thailand, and so on. These cooperation mechanisms generally includes the undertakings on joint patrols at sea and joint air patrol activities among multiple countries and intelligence exchange mechanism to ensure maritime security and safety, prevent and combat piracy and armed robbery against ships in the region.

4. Conclusion – Recommendations

Upon practical consideration of the importance of Southeast Asian waters as well as the erratic movements of piracy and armed robbery against ships in this region, Southeast Asian countries have worked closely side by side as signing parties to the United Nations Convention 1982 on the Law of the Sea and ReCAAP 2004 to deal with this critical problem. Regional countries, via the multilateral mechanism, have taken appropriate steps in the cooperation for fighting against piracy and armed robbery, namely cooperation in information sharing against piracy, joint patrols, etc., and came up with some success. However, these regulations and mechanisms have some shortcomings that should be made fine and adapted, for instance: UNCLOS 1982 is weak in that it only considers piracy as an act occurring in international waters and waters that are not under the jurisdiction of any state; the regulations on cooperation are of general nature rather than establish a concrete mechanism for contracting parties to act together to prevent and punish piracy; cooperation understandings under ReCAAP, especially cooperation in extradition and mutual legal assistance, are only recommendatory but not mandatory for member states, etc., let alone the complexity of the regional sea areas against the context of unresolved trans-national disputes over maritime delimitation, the uneven capabilities and conditions of ASEAN countries, which limits the practicability to patrol, monitor or allocate forces to chase and arrest pirate groups and armed groups. Such series of reasons explain the incessant upsurge of piracy and armed robbery against ships in Southeast

Asia and why Southeast Asian waters are considered as one of the world's top "hot spots" of piracy.

To tackle such remaining drawbacks, Southeast Asian countries need to work together more tightly in setting up dedicated mechanisms that are appropriate to the regional characteristics, so as to effectively repress piracy and armed robbery against ships. Besides implementing the common obligations under UNCLOS 1982 and ReCAAP 2004, it is extremely critical for ASEAN countries together with stakeholders to thoroughly settle disputes over maritime delimitation, thereby determining the scope of each party's authority over different areas of these important gateway waters. Nevertheless, it would be a long and thorny way to resolve the maritime delimitation disputes; therefore, it is necessary to consider applying some immediate solutions, such as agreement on joint patrols and monitoring in disputed waters; signing international treaties on extradition and mutual legal assistance in the field of maritime security and safety, which recognize that extradition and mutual legal assistance as mandatory obligations of contracting parties; promulgating domestic regulations and mutual recognition of the establishment of authorised armed private forces that provide protection and escort services to ships in dangerous areas, etc.

In tandem with the development of global trade, international marine economy also experienced a rapid evolution, especially maritime transportation with the increasingly growing ship system and freight traffic. The issue of maritime security and safety assurance, especially in Asia-Pacific in general and Southeast Asia in particular, has become of extreme urgency and requires countries to closely cooperate and make further efforts so as to ensure the safety of passengers, ships and cargoes. It can be seen from the practice of combating piracy and armed robbery against ships over the recent years in Southeast Asia that ASEAN countries have been all highly responsible members, who have taken great efforts in coordinating actions to deal with piracy and making significant contributions to the maintenance of security, order and safety in the waters of each country in particular and Asian waters as a whole.

References

1. The 1982 United Nations Convention on the Law of the Sea.
2. Regional Co-operation Agreement on Combating Piracy and Armed Robbery against Ships in Asia 2004 (ReCAAP 2004).
3. Rothwell D. Judicial Measures for Settlement of Disputes under UNCLOS, Legal Issues relating to Awards of the Arbitral Tribunal Established under Annex VII of UNCLOS 1982 Proc., July. 23, 2016.
4. Ministry of Foreign Affairs of Vietnam, The introduction of the main issues of the law of the sea in Vietnam, the National Political Publisher, 2003.
5. Nguyen Hong Thao. China's "nine-dash line" claim from an international perspective // Journal of International Studies. – 2009. – № 4. – P. 12-25.
6. Tran Nam Tien (2011), Hoang Sa – Truong Sa: Questions and Answers, Youth Publishing House.
7. [Electronic resource]. – Access mode: <https://canhsatbien.vn>.
8. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.recaap.org>.
9. [Electronic resource]. – Access mode: <https://thanhvien.vn>.
10. [Electronic resource]. – Access mode: <https://plo.vn>.
11. [Electronic resource]. – Access mode: <https://cadn.com.vn>.

РАГИМЛИ Сафтар

доктор философии по праву Бакинского Государственного Университета

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРЕДМЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Оценка идентичности субъекта международного права Азербайджанской Демократической Республики с субъектом международного права Азербайджанской Республики имеет юридико-политическое значение. Как и в случае признания государств, принятие континуитета субъекта международного права зависит от воли признающих его государств. Сознательно или неосознанно в некоторых актах говорится о «правопреемстве», «преемственности» Азербайджанской Демократической Республики, а не о субъектности международного права, его преемственности (континуитете). Это обстоятельство было характерно как для международных договоров Азербайджанской Республики (в том числе о повторном признании), так и для внутренних актов. Хотя многие атрибуты обоих государств (например, государственные символы, социальные, национально-этнические признаки народа, декларируемая политика, форма правления и административно-территориальное устройство, географическая территориальная принадлежность и т.д.) имеет полную идентичность. Поэтому решение о том, в каком качестве установить или восстановить субъект международного права Азербайджанской Республики, имеет важное значение и с точки зрения внешнеполитического курса. Учитывая, что возникновение и гибель государств также являются проблемами политической науки, необходимо определить «долю» права и политики в изучении субъектности международного права Азербайджанской Республики. Определение содержания норм права без анализа политических норм, формирующих поведение государств, также было бы неэффективным. Международные «нормы права взаимодействуют с нормами морали и политики» [15, с. 127-133], без которых нормы права не могут быть имплементированы. В этом смысле государство должно сосредоточиться на месте как права, так и политики в решении этих двух проблем во время восстановления независимости. Решение заявленных проблем не менее важно для доктрины международного права Азербайджана, курса внешней политики, но и не менее важно для международного права и международной политики.

Ключевые слова: Азербайджанская Демократическая Республика, суверенитет, оккупация, международное право, международное отношение, продолжительность государства.

RAHIMLI Saftar

Doctor of Philosophy in Law of the Baku State University

CONTINUITY AND PRACTICAL SIGNIFICANCE OF THE SUBJECT OF INTERNATIONAL LAW OF THE AZERBAIJAN DEMOCRATIC REPUBLIC

The article emphasizes the importance of the scientific-practical study of the assessment of the identity of the international legal subject of the Azerbaijan Democratic Republic with the international legal subject of the Republic of Azerbaijan for the international law doctrine and foreign policy course. As the birth and death of states is one of the problems of political science, it is highlighted that the "share" of law and politics should be determined in the study of the subject of international law of the Republic of Azerbaijan. Determining the content of legal norms will not be effective without analyzing the political norms that shape the behavior of states. International legal norms cannot be implemented without political norms. In this sense, attention should be paid to the role of both law and politics in solving these two problems during the restoration of state independence.

According to the research, during the evaluation of the international legal entity of the Azerbaijan Democratic Republic, its legal nature is evaluated on the basis of its declared ideology, territory and population (people). Determining the question of what kind of social, geographical and political identity this state carries with the previous Azerbaijani states, their population and territory with the attributes adopted by it, as well as in what political and legal capacity it continues its sovereignty or leaves a legacy after the occupation of its territory is highlighted as one of the most important issues in terms of survival. In particular, issues that need to be resolved, such as how any state is subjected to aggression and its continuity in the practice of states, as well as the role of international law and politics, are investigated.

It should be highlighted that, unlike legal succession, the continuity of the state not only serves to prevent its re-occupation, but also establishes the concept of a "nation with a state" and "a nation with a state". On the other hand, re-creation in the order of succession poses a political problem such as recognition and it is emphasized that a number of serious international economic and social problems have arisen, which are significant for the recognized state, including the government, and that the solution of the issues that need to be solved, and the internal stability and security of the state depend on the solution of these issues.

Keywords: Azerbaijan Democratic Republic, sovereignty, occupation, international law, international relation, state continuity.

Рагимли С.

Introduction

One of the most crucial issues determining the survival of a nation is to create its political power and ensure its inviolability (continuity). The more challenging and complicated it is to establish political power, the more problematic it is to maintain it after establishing a state. If this problem is solved once, then the signature of that nation among the countries of the world is not disputed as a rule. According to the saying of M. A. Rasulzade, one of the leaders of the political elite who first established the people's power (republic) as a form of state in the Old East, "a flag raised once will never be taken down again." The mentioned flag symbolizes the state of Azerbaijan.

Since ancient times, the territories starting from Darbend in the north, Hamadan and Zanjan in the south, from Iberia in the west to the Caspian Sea in the east have been known as "Azerbaijan" [3, p. 136], [4, p. 8], [11, p. 10]. In his book, written by Muhammad Hasan Valiyev (Baharli), which was published in Baku in 1921: "Between 61 3/4° and 68 1/5° east and 41 5/6° and 36 1/2° north longitude, or the country located between the Caspian Sea and the western shores of Lake Urmia and between the Samur River and Bagraudag has been known as Azerbaijan (Caucasus and Iran) since ancient times" [9, p. 3]. In the III millennium BC, the first state institutions were established in the territory of Azerbaijan, and in the I millennium BC, the states of Manna (mid IX century BC – 590 BC) and Atropatena (323 BC – 20s BC), which are more advanced and covering larger territories, were established in the southern territories of Azerbaijan, and the state of Albania (second half of the IV century BC – 705) was established in the territories north of the Araz River and these state institutions played an important role in the military and political history of the region. Azerbaijan temporarily fell under the influence of the Sasanians in the III century. At that time, unlike the south of Azerbaijan (Atropatena), the north of the country (Albania) was able to maintain its independence, albeit nominally. Even during the Sassanid and Arab caliphate slavery, factors such as a single economic space, single religion, and single culture of all territories of Azerbaijan could not prevent the formation of a single people and language in the country. The Great Seljuk Empire, after the Great Seljuk Empire, the state of the Shirvanshahs in the north, as well as the Atabays (Eldeniz) state (1136-1225), which included the territories of Azerbaijan south of the Kura River, played a very significant role in the history of Azerbaijan statehood in the middle of the 11th century. Although it was included in the Hulaki (Elkhani) state (1258-1357) from the 20s of the XIII century [5, p. 97], the Karagoyunlu (1410-1468) and Aggoyunlu (1468-1501/1503) states that emerged in the territory of Azerbaijan in the XV century, the Safavid Empire (1501-1736) and the Nadir Shah Empire (1736-1747) that existed in the XVI-XVIII centuries, not only incorporated all the lands of Azerbaijan, but also included the neighboring countries into the empire, and became the most powerful empires of the time. These empires were ruled by Azerbaijani dynasties. The Safavid empire covered a vast area of 2.8 million km² from the Euphrates to Kandahar, from the Caucasus to the Indian Ocean. During the Safavid empire, the territory of Azerbaijan was more than 400 thousand km² [6, p. 71-72]. After the death of Nadir Shah in 1747, the period of 20 khanates began in the territory of

Azerbaijan [6, p. 83-91], [8, p. 176, 186, 197-198]. The political crisis and disunity that lasted for more than half a century since 1747 created favorable conditions for foreign invaders trying to invade the territory of Azerbaijan. The Gajars (1796-1925), who came to power near the end of the XVIII century, were unable to fully establish the central government, and the Russian invasion that began in 1803 resulted in the 1813 Gulustan Treaty and the 1828 Turkmenchay Treaty [2, p. 48], [7, p. 584-585]. The territories of North Azerbaijan north of the Araz River became part of Russia, and the territories of South Azerbaijan became part of present-day Iran. Thus, the independent statehood of Azerbaijan was lost and its territorial integrity was violated. The united country of Azerbaijan has entered the ranks of divided countries, and the united people of Azerbaijan have also entered the ranks of divided nations. New political-geographical concepts of "Northern Azerbaijan" or "Russian Azerbaijan" and "Southern Azerbaijan" or "Iranian Azerbaijan" emerged.

With the establishment of the Republic of Azerbaijan on May 28, 1918, the statehood of Azerbaijan, lost at the beginning of the XIX century, was restored. The Declaration of Independence stated: "1. As of today, the people of Azerbaijan have the right to rule, and Azerbaijan, which consists of South-Eastern Transcaucasia, is an independent state with complete rights [1, p. 3], [10, p. 122, 124, 127]. The establishment of the state of Azerbaijan is recognized by the international community and the subject of international law as the People's Republic of Azerbaijan is obtained.

During the evaluation of the international legal entity of the Azerbaijan Democratic Republic, its legal nature is evaluated on the basis of its declared ideology, territory and population (people). With the attributes adopted by this state, with the previous Azerbaijani states, with their population and territory, determining the issue of which similar social, geographical, political identity is the bearer, and in what political and legal capacity it continues its sovereignty or leaves a legacy is a very important issue from the point of view of maintaining statehood. In particular, the relationship between aggression of any state and its continuity (continuity) in the practice of states, determining the role of international law and politics are among the issues that need to be resolved. In contrast to the legal succession, the continuity of the state serves to somehow prevent "being ambitious" for its occupation. It also establishes the concept of "a nation with a state". On the other hand, re-creation in the order of succession creates a political problem such as recognition, and thus the need to solve a number of serious international economic, social and other problems that are important for the recognized state, including the government (e.g. the Taliban government in Afghanistan in modern times). The internal stability and security of the state also depends on the solution of these problems.

The establishment of the Azerbaijan Democratic Republic coincides with the establishment of other states, including Finland, Poland, Latvia, Lithuania, Estonia, Georgia and others. Subsequently, with the aggression of these states, the problem of whether or not to continue their international legal subjectivity and recognition during the restoration of independence created the need for an unambiguous legal answer. Some authors suggest that it is impossible to evaluate

the issue within the framework of “positive international law” [12, p. 48-49], [13, p. 50-51] or “legal system” [14, p. 108]. One can agree with the position of those authors if, of course, there is no codification act related to continuity (such as recognition), but it is not excluded that there are such norms in other acts of international law and customary law practice. On the other hand, the “conclusion that it is impossible to assess within the framework of the legal system of the time” [14, p. 108].

The result

The assessment of the identity of the international legal entity of the Azerbaijan Democratic Republic with the international legal entity of the Republic of Azerbaijan has legal and political significance. As with the recognition of the states, the acceptance of the continuity of the subject of international law also depends on the will of the recognizing states. Unknowingly or intentionally, during the restoration of independence, some acts of the various characteristics of these two problems talk about the international legal subjectivity of the Azerbaijan Democratic Republic, not its continuity, but about its “legal succession”, “succession”. This circumstance was characteristic of both international agreements (including re-recognition) and domestic acts of the Republic of Azerbaijan. Although many attributes of both states are completely identical. Therefore, the solution of determining the quality of the establishment or restoration of the international legal entity of the Republic of Azerbaijan is also important in terms of the foreign policy course. The “share” of law and politics should be determined in the study of the subject of international law of the Republic of Azerbaijan since the birth and death of states is one of the issues of political science. Without analyzing the political norms that shape the behavior of states, determining the content of legal norms will not be effective. International “legal norms have interaction with moral and political norms” [15, p. 127-133], without them, legal norms cannot be implemented. In this regard, attention should be paid to the role of both law and politics in solving these two issues during the restoration of state independence. The resolution of the expressed problems is as important for international law and international politics as it is for the international law doctrine and foreign policy course of Azerbaijan.

References

1. Declaration of Independence of the Republic of Azerbaijan (Tbilisi: May 28, 1918) // State Archive of the Republic of Azerbaijan, Foundation № 894. – List № 10. – document № 192. – Paper 3.
2. History of Azerbaijan. In 7 volumes. Volume IV. – Baku: Elm, 2000. – 508 s.
3. Bunyadov Z. Azerbaijan in VII-IX centuries. – Baku: Azernashr, 1989. – 336 s.
4. Ismayilov R. History of Azerbaijan. – Baku: Azernashr, 1993. – 144 s.
5. PiriyeV. Azerbaijan in the XIII-XIV centuries. – Baku: “Nurlan”, 2003. – 458 s.
6. PiriyeV. Historical-political geography of Azerbaijan. – Baku: “Muellim” publishing house, 2006. – 148 s.
7. Suleymanov M. Turkmenchay contract. – Baku: Elm ve Tehsil, 2015. – 744 s.
8. Shukurov K. History of Azerbaijan. In 3 parts. Part II. From the earliest times to the present day: Periods, events, synchronized tables. Third edition. – Baku: Baku University publishing house, 2004. – 380 s.
9. Valiyev (Baharli) M.H. Azerbaijan (Physical-geographic, ethnographic and economic essay). – Baku: “Azerbaijan” publishing house, 1993. – 192 s.
10. Protocols of the meetings of the Muslim faction of the Transcaucasian Sejm and the National Council of Azerbaijan / responsible editor. A. A. Pashayev. – Baku: Adiloglu, 2006. – 216 s.
11. Zeynaloglu C. Brief history of Azerbaijan. – Baku: Azerbaijan State Book Chamber, 1992. – 144 s.
12. Dorr O. Incorporation as a fact of state succession. – Berlin: Duncker & Humblot, 1995. – 434 s.
13. Zimmermann A. State succession in international treaties. At the same time a contribution to the possibilities and limits of international law codification. – Berlin: Springer, 2000. – 1012 s.
14. Aron R. Peace and War: A Theory of International relations. R. Howard and A. Buker Fox. Garden City. – NY: Doubleday, 1966. – 846 p.
15. Tomuschat C. Ethos, Ethics and Morality In International Relations // EPIL. – № 9. 1986. – P. 127-133.

ЯСЫРЕВА Елена Александровна

бакалавр Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОСНОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОБРАЗОВАНИИ РОССИИ, КАЗАХСТАНА И ТАДЖИКИСТАНА

Статья представляет собой детальное исследование законодательных основ системы образования в трех странах: Казахстане, Таджикистане и Российской Федерации. Автор проводит анализ законов об образовании каждой страны, учитывая национальные правовые системы, и выделяет основные различия и сходства в правовых основах права на образование, структуре образовательной системы и роли государства и общества в сфере образования. Кроме того, в статье рассмотрены возможные проблемы, связанные с реализацией национальной правовой системы в области образования, и представлены способы их решения. Особое внимание уделяется проблемам, таким как неравенство доступа к качественному образованию, нехватка кадров в образовании, финансирование и организация образовательных процессов. Общая цель статьи – помочь читателям лучше понять законодательную базу образования в каждой из трех стран и предложить рекомендации для улучшения национальных систем образования. Исследование может быть полезным для ученых, занимающихся сравнительным анализом правовых систем в области образования, а также для практиков, работающих в сфере разработки и реализации образовательных программ в соответствии с местным законодательством.

Ключевые слова: сравнительно-правовой анализ, законодательство, образование, Российская Федерация, Республика Казахстан, Республика Таджикистан.

YASYREVA Elena Alexandrovna

bachelor of the National Research University "Higher School of Economics"

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE FUNDAMENTALS OF LEGISLATION ON EDUCATION IN RUSSIA, KAZAKHSTAN AND TAJIKISTAN

The article is a detailed study of the legislative foundations of the education system in three countries: Kazakhstan, Tajikistan and the Russian Federation. The author analyzes the laws on education of each country, taking into account national legal systems, and highlights the main differences and similarities in the legal foundations of the right to education, the structure of the educational system and the role of the state and society in the field of education. In addition, the article discusses possible problems related to the implementation of the national legal system in the field of education, and presents ways to solve them. Particular attention is paid to problems such as inequality of access to quality education, lack of personnel in education, financing and organization of educational processes. The general purpose of the article is to help readers better understand the legislative framework of education in each of the three countries and to offer recommendations for improving national education systems. The research can be useful for scientists engaged in comparative analysis of legal systems in the field of education, as well as for practitioners working in the field of development and implementation of educational programs in accordance with local legislation.

Keywords: comparative legal analysis, legislation, education, Russian Federation, Republic of Kazakhstan, Republic of Tajikistan.

После распада Советского Союза, Российская Федерация стала инициатором и ведущей страной Совета экономической взаимопомощи, занимая главные позиции в мировом торговом обороте. Для достижения интеграции были установлены задачи, такие как создание общего экономического пространства и укрепление сотрудничества в различных областях, таких как культура, образование, экономика и политика. При анализе продвижения к евразийской интеграции были выявлены значительные возможности для улучшения качества жизни и благосостояния граждан, включая различные услуги, путешествия, работу и образование. Кроме того, было увеличено взаимодействие в областях социальной политики, культуры, науки, спорта, здравоохранения и образования. Евразийская экономическая интеграция не является простым движением по инерции, но скорее представляет собой формирование конкретной инфраструктуры, инновационных и инвестиционных инициатив, а также развитие правовых, образовательных, культурных, транспортных, финансовых и экономических пространств, с целью продолжения институционализации Евразийского экономического пространства [5].

Выбор Российской Федерации, Казахстана и Таджикистана для проведения сравнительно-правового анализа связан с тем, что эти страны являются членами Евразийского экономического союза (ЕАЭС) - международной организа-

ции, созданной с целью укрепления экономических связей между государствами-участниками.

Данные страны выбраны также в связи с тем, что они имеют различные правовые системы, их законодательства регулируют образовательные процессы на разных уровнях, отличаются культурными и историческими особенностями. Сравнение их правовых норм позволяет выявить сходства и различия в законодательстве, регулирующем право на образование, и определить тенденции в развитии образования в этих странах.

Актуальность проблемы гармонизации критериев качества образовательного процесса обусловлена тем, что в условиях глобализации и международной интеграции становится все более важным обеспечение качественного образования для конкурентоспособности государств и их экономик. Гармонизация национальных законодательств в области образования является одним из способов достижения этой цели и обеспечения равных возможностей для всех студентов [1]. Особое внимание стоит уделить концепции Межгоссовета ЕвразЭС № 335. Здесь отражено стремление разработать единую правовую нормативную базу. Она должна включать в себя все моменты, которые касаются создания единых образовательных стандартов общего образовательного пространства. Они должны быть идентичными в нормативной базе, которая касается аккредитации, аттестации и лицензирования образовательных учреждений. После того как был проведен

первичный анализ законов, касающихся сферы образования, были сделаны определенные выводы. В частности, стало понятно, что такой процесс, как последовательная унификация подходов, направленных на то, чтобы определить правовую нормативную базу образовательного процесса перечисленных выше государств, должна отражать общие европейские и мировые тенденции, как развития образования, так и его модернизации. Каждое государство должно сохранять при этом свою специфику в создании системы национального образования. Также она должна присутствовать в построении всех законов, нормативов и правил, которые касаются образования. Должно быть уделено внимание их содержанию и структуре. Среди основных правовых нормативных актов можно выделить следующие:

1. Республика Казахстан: Закон Республики Казахстан № 319-III «Об образовании» [2].

2. Российская Федерация: Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ [10], Федеральный закон от N 51-ФЗ «Об утверждении Федеральной программы развития образования» [11].

3. Республика Таджикистан: Закон Республики Таджикистан № 1004 «Об образовании» [3].

Отдельно стоит выделить законодательство республики Казахстан. Анализ, который был проведен, позволил сделать определенные выводы. Например, стало понятно, что все вопросы, которые касаются качества образования, разработаны таким образом, чтобы регулировать отношения в этой сфере, определить определенные критерии качества. В данном законодательстве ориентация на качество образовательного процесса представлена в виде одной единой системы, в которую включены задачи образовательного процесса и его цели. Все это объединено общими требованиями к содержанию и характеристикам образовательного процесса, специальных образовательных программ, которые касаются того или иного вида образования.

В качестве примера можно привести принятый в республике Казахстан закон в образовании. Здесь есть статья, которая касается управления качеством образования. Полностью раскрыты базисные идеи, которые касаются единой системы оценки качества национального образования. Но проблемой является то, что в этом законном положении сами критерии образования не раскрываются. В законе об образовании, который принят в этой республике, наиболее подробно и полно отражена система образования, ее задачи и цели. Здесь они описаны, как определенные ориентиры на критерии качества образования. Даны общие задачи образовательного процесса. Каждый этот момент подвернут конкретизации. В этом процессе учтены особенности всех образовательных программ и видов образования. При этом максимально подробно перечислены образовательные задачи и цели. При этом стоит отметить, что в перечисленных выше законах нет указания на какую-то результативную итоговую норму или модель качества, которой должен соответствовать выпускник на той или иной отдельной образовательной ступени. Это также относится к высшему образованию.

Если принять во внимание такую программу, как «Стратегический план 2025», можно сделать вывод, что здесь образование является одним из приоритетных направлений. Это является базой для того, чтобы обеспечить экономический рост страны. Для того чтобы реализовать это приоритетное направления, необходимо решить задачи следующего характера:

- интеграция образовательного процесса в более глобальную среду;
- повышение качества подготовки педагогов;
- увеличение мотивации;
- достижение востребованного образовательного уровня.

Также стоит отметить, что Министерство науки и образования в этой республике разработало специальную концепцию, в рамках которой должна развиваться система образования. Она разработана до 2025 года. Ее основной целью является обеспечить инклюзивность и доступность образования, повысить его качество на всех уровнях. Обеспечить

непрерывную подготовку кадров, развить функциональную грамотность. В результате кадры должны отвечать всем рыночным трудовым запросам, а также тем запросам, которые возникают в будущем развивающемся экономическом процессе [8].

Грамотный анализ законодательства, которое касается образовательной сферы в Российской Федерации, также позволил сделать определенные выводы. В частности, стало понятно, что основные вопросы и аспекты, касающиеся качества образования, отражены в правовых и нормативных актах. При этом также отсутствует четко проработанная система. Например, проблемы, которые касаются основных критериев, по которым можно судить о качестве образования, не ставятся в качестве самостоятельных аспектов в законе об образовании. Не дается здесь четкого понятия того, каким должно быть образование и каким должно быть его качество. Не отражаются критерии, по которым можно судить о качестве всего образовательного процесса.

Ориентация на основные критерии, по которым может быть оценено качество образования, представлено в виде систематизированных задач и целей. Они разработаны таким образом, чтобы соответствовать общим требованиям к самому содержанию образовательного процесса, чтобы образовательные программы и отдельные виды образования отличались определенными характеристиками. Максимально подробно система задач и целей, касающихся образовательного процесса, представлена в российском законе «Об образовании». Здесь описаны определенные ориентиры, которыми необходимо соответствовать и стремиться.

На данный момент существующие системы образования подвержены определенной трансформации. Изменяются предметы образования, субъекты образования и его уровень. Это необходимо для того, чтобы все эти отдельные моменты полностью соответствовали определенным принципам единства, чтобы была соблюдена преемственность образования. Для достижения этой цели вносятся специальные соответствующие корректировки в федеральное законодательство, в частности, в закон № 273 [10], который касается образования. Кроме того, эволюционирует система методических правил, разрабатываются особые образовательные программы, корректируется перечень учебных пособий [9].

Особое внимание также стоит уделить образовательному законодательству, которое принято на данный момент в Таджикистане. Здесь также можно сделать определенные выводы. В частности, стало понятно, что вопросы, которые касаются качества образования, практически не затрагиваются ни в каких правовых нормативных актах. Нет никакой четкой проработанной системы. Не ставится в качестве самостоятельной проблемы вопрос, который касается критериев, по которым можно судить о качестве образовательного процесса. Нет выработанных критериев такого плана и не представлено само понятие качества образования. Здесь также в виде системы задач и целей отражена ориентация на критерии качества образования. Все это описано в виде отдельных образовательных программ и образовательных характеристик. Также уделяется внимание основным требованиям и их содержанию.

В сфере воспитания и образования, которая производится на государственном уровне, есть одна важная конечная цель. Под ней подразумевается формирование такого поколения, которое смогло бы выстроить совершенно новый Таджикистан с его национальной идентичностью, с особыми аспектами мировоззрения и нравственности, с полноценными знаниями и грамотностью, а также с патриотизмом и полной ответственностью. Именно по этой причине в Таджикистане была разработана и принята к реализации национальная концепция образования, а также такие важные правовые нормативные аспекты, как «Концепция гражданского воспитания в Республике Таджикистан», Закон «Об ответственности родителей за обучения и воспитания детей» [4]. Также в Таджикистане достаточно активному реформированию подвергается сам образовательный процесс. Делается все возможное для того, чтобы он соответствовал международным стандартам Болонского процесса. Руководители страны,

принимая это решение, предполагали, что, если республика присоединится к Болонскому соглашению, значительно вырастет социальное положение страны. Образование будет ориентироваться на постоянно меняющиеся потребности рынка труда. Образование будет совершенствоваться, выпускники будут готовы к тому, чтобы постоянно развиваться и получать новые знания, то есть станут более компетентными в той или иной области [4].

На основании сказанного выше можно сделать вывод, что развитие образовательного законодательства в Российской Федерации, а также в Казахстане, по пути кодификации права не пошло. Причем, этот аспект не имеет места быть, несмотря на то что, по этому вопросу были проведены многочисленные научные дискуссии. На основании этого было принято решение пересмотреть следующие законные положения. Закон РФ «Об образовании» № 3266-1, содержащий большое число поправок и дополнений, утратил силу. 29 декабря 2012 года был принят Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ, включающий 111 статей. Ныне действующий Закон Республики Казахстан «Об образовании» № 319-III, включающий 68 статей, заменил Закон Республики Казахстан «Об образовании» № 389-I, включавший 50 статей.

Важно обратить внимание, что в Казахстане и в Российской Федерации нет специализированного кодекса об образовании. Но, несмотря на это, говорить о том, что оно существует в формальном виде нельзя. Образовательное право рассматривается одновременно с другим правовыми основами и отраслями. Одновременно с этим регулируются общественные отношения в образовательной сфере. Этот процесс осуществляется на основе федерального закона об образовании и Конституции. Также разрабатываются и принимаются всевозможные правовые, нормативные акты и другие законы, которые касаются отдельных субъектов Российской Федерации. В них прописаны основные нормы, на основании которых можно регулировать складывающиеся в сфере образования отношения. В своей совокупности все эти акты составляют общее законодательство Российской Федерации, касающееся образования. Примерно такая же ситуация складывается и в Казахстане. Здесь правовое регулирование образовательной отрасли производится через разработанные на разных уровнях правовые и законодательные акты [12].

На данный момент стоит отметить, что Российская Федерация и Таджикистан в процессе совместных переговоров подписали определенные соглашения, которые касаются создания определенных условий, на основании которых будут функционировать совместные школы, которые будут использоваться в качестве базы при организации работы в республике российских педагогов. Также была разработана достаточно масштабная программа, направленная на то, чтобы повысить качество образования за рубежом, которое будет даваться на русском языке. В этом аспекте достаточно активно работает такая организация, как Минпросвещения России. Она ведет одновременно несколько проектов. Направлены они на достижение следующих целей:

- создание учебных пособий на русском языке;
- повышение квалификации педагогов;
- направление педагогов за рубеж для обучения детей в местных школах;
- развитие совместной образовательной инфраструктуры.

После того как был проведен правовой сравнительный анализ национальных законов, которые касаются сферы образования, были сделаны определенные выводы. Самым важным из них является то, что стала очевидной необходимость совершенствования таких двух основных законов, как «Об образовании» и «О высшем и послевузовском образовании». Процесс совершенствования должен осуществляться с нескольких позиций. Основные из них включают следующие элементы:

- необходимость разработки дополнительных правовых документов, в которых будут конкретно отражены критерии качества образования и его цели;

- отражение реального положения образовательной системы и ее инновационного развития;
- выявление связей образовательного процесса с экономическим развитием страны;
- введение специальности, которая должна касаться критериев качества образования и его целей;
- введения самого понятия, касающегося качества образования, разработка основных критериев, по которым можно судить об этом качестве;
- унификация государственной политики в образовательной сфере и введение принципа, касающегося качества образования.

Особое значение в реализации государственной политики в высшем и среднем образовании, необходимо уделять целевой государственной программе, направленной на то, чтобы развить саму образовательную отрасль. Также необходимо определить критерии, по которым можно в качестве образования ввести определенные образовательные стандарты, разработать целевые программы, направленные на развитие образовательного процесса, подготовить кадры специалистов определенного профиля и уровня. Говоря иными словами, требуется сделать все возможно для того, чтобы разработать новые государственные образовательные стандарты. Благодаря этому можно будет создать единое образовательное евразийское пространство. На его базе можно будет осуществлять совместимые согласованные модели, содержание и структуру разработанных стандартов, можно будет гармонизировать основные критерии качества, которые касаются образовательного процесса.

На данный момент в существующих правовых нормативных актах есть вопрос, который касается качества послевузовского образования. Он является в наименьшей степени обработанным. Для того чтобы решить эту проблему, требуется определенным образом унифицировать послевузовское образование и его структуру. Для этого необходимо тщательно проработать национальную образовательную системы. Необходимо разработать и реализовать специальную систему требований государственного характера послевузовского образования. При этом сюда должны быть включены основные критерии, по которым можно судить о его качестве. Выглядят эти критерии следующим образом:

- повышение квалификации специалистов в соответствии с инновационным развитием их профессионального уровня;
- профессиональная переподготовка кадров, позволяющая освоить новый вид профессиональной деятельности;
- подготовка педагогических и научно-педагогических кадров в аспирантуре;
- получение второго высшего образования.

Стоит отметить, что очень многие вопросы, которые касаются качества образования и его основных критериев, не структурированы по отдельным правовым и нормативным документам. Именно по этой причине возникают определенные сложности с тем, чтобы воспринимать эти данные максимально целостно. Очень сложно именно по этой причине создать четкое представление относительно того, какими должны эти критерии, как их выстроить в одну иерархическую систему. А эти вопросы очень важны для того, чтобы привести их к определенной гармонизации в тех странах, которые относятся к ЕврАзЭС.

Важно добиться того, чтобы была достигнута максимально продуманная и грамотная имплементация новых принципов, существующих в образовательной сфере. Их необходимо интегрировать в экономику и общество. Добиться этого результата планируется в начале 21-го века. Благодаря этому можно будет сформировать особую антропогенную основу, на базе которой будет осуществляться трансформация экономической социальной системы. Она будет интегрирована в информационную экономику. Это, в свою очередь, обеспечит формирование новых промышленных отраслей и других экономических секторов. При этом стоит отметить, что образовательная система в обязательном порядке должна тесно соприкасаться с основной институциональной платформой. Должны быть обеспечены два таких важных аспекта, как тех-

нический прогресс и генерация знаний для последующих поколений, которые будут получать образование [6].

У России, Казахстана и Таджикистана в области регулирования сферы образования стоит несколько основных задач. В первую очередь, необходимо создать особые институциональные условия, которые помогут развиваться университетским комплексам, виртуальным и временным сообществом, а также определенным образовательным кластерам. Второй важной целью является сделать все возможное для того, чтобы была создана социокультурная сетевая организация. Она должна координировать и интегрировать конкретные сетевые сообщества, которые относятся к разным образовательным центрам. Также эта социокультурная сетевая организация должна обеспечивать персонализацию в образовании и должна позволять личностному мировоззрению учеников эволюционировать. Третьей важной целью является необходимость сделать все возможное для того, чтобы укрепить связи между образовательной сферой и бизнес-структурами. Благодаря этому можно будет воспроизводить, аккумулировать и создавать разные коммерческие инновации. Требуется внедрять широкомасштабные знания, которые являются основной базой для экономических, технических и научных инноваций.

Существует еще несколько важных целей, которых необходимо добиться при решении перечисленных выше вопросов. В частности, необходимо всеми возможными способами поддерживать научно-образовательные сферы. Важно понимать, что именно они в состоянии обеспечить генерирование интеллектуального и антропогенного капитала для новой экономической сферы. Требуется сформировать максимально благоприятную образовательную конкурентную среду. При этом необходимо принимать во внимание государственный статус и принятые в нем коррекционные позиции. Одним из важных моментов является то, что необходимо по максимуму использовать сетевые информационные технологии и системы. Требуется обеспечить их кооперацию с современными образовательными организациями. Благодаря этому можно будет объединить культурный, социальный, научный и образовательный потенциалы. Также можно будет наладить коммуникацию с учениками, учителями, педагогами и экспертами, которые находятся в удаленных учебных заведениях. Также можно будет максимально использовать элементы профилей и компетенций цифровых профилей, элементы фрактального обучения, виртуальные сетевые проекты и временные рабочие группы. Все это будет максимально полезными технологиями новой образовательной системы.

Таким образом, становится понятно, что одной из важных характеристик, с помощью которой можно реализовать право на образование, является типология образовательных учреждений и организаций, в которых производится та или иная форма образовательной деятельности. Сразу стоит отметить, что подобная типология образовательных учреждений для Российской Федерации, для Казахстана и для Таджикистана является схожей. Есть только незначительные различия в типологии образовательных уровней. Также есть отличия в законодательстве перечисленных выше стран, которые касаются учреждений и организаций в образовательной сфере. Несмотря на различия, классифицируются они по единому признаку. Речь идет о реализации образовательных программ. Проведение правового сравнительного анализа, который касался проверки того, насколько качественно в Конституции закреплено право на образование, насколько грамотно это положение прописано во всех существующих правовых нормативных актах и законах разных стран, позволил добиться одной важной цели. В частности, стала доступной возможность понять общую структуру и суть данного права. Была предусмотрена возможность выявить основные проблемы, которые могут встать на пути реализации этой цели и решить то, как эти проблемы можно устранить за счет тех или иных грамотных профессиональных решений.

Пристатейный библиографический список

1. Гришина Т. М. Эволюция евразийского экономического союза: особенности и тенденции развития // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2022. № 3. С.4-9.
2. Закон Республики Казахстан от 27.07.2007 № 319-III «Об образовании» (с изменениями и дополнениями на 07.07.2020) // Информационная система «ПАРАГРАФ»: [справочно-правовая система]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://egi.edu.kz/wp-content/uploads/2020/12/ZAKON-RK-OB-OBRAZOVANII-OT-27.07.2007-319-III.pdf> (дата обращения: 15.01.2023).
3. Закон Республики Таджикистан от 22.07.2013 №1004 «Об образовании» // Континент: [справочно-правовая система]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31428424 (дата обращения: 15.01.2023).
4. Закон Республики Таджикистан от 2.08.2011 № 762 «Об ответственности родителей за обучение и воспитание детей» (с изменениями и дополнениями на 24.12.2022 г.) // Континент: [справочно-правовая система]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31428424 (дата обращения: 15.01.2023).
5. Калмыков С. П., Истомина Л. Г. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве и их влияние на внешнеторговые показатели России // БИТ. 2022. № 2 (22). С. 30-35.
6. Лемещенко П. С., Баранов А. М. Образование как социальный институт: эволюция концепций и новые направления развития // ЭВР. 2022. № 3 (73).
7. Муродова М. С. Формирование системы образования Республики Таджикистан в годы независимости // ELS. 2023. № январь.
8. Омарова Б. А., Жадауова Ж. А. Некоторые вопросы совершенствования закона Республики Казахстан «Об образовании» // Grand Altai Research & Education. 2022. № 1 (17).
9. Смердова Е. А. Наследие С. Т. Шацкого в современной школьной проектной деятельности // Вестник ПГПУ. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 1.
10. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изменениями на 17 февраля 2023 года) // СПС Консультант-Плюс: [справочно-правовая система]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26881/ (дата обращения: 20.02.2023).
11. Федеральный закон от 10.04.2000 № 51-ФЗ «Об утверждении Федеральной программы развития образования» (с изменениями на 26 июня 2007 года) // СПС Консультант-Плюс: [справочно-правовая система]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26881/ (дата обращения: 20.02.2023).
12. Шабалина О. Л., Шабалин Г. Ю. Сравнительно-правовой анализ законодательства Об образовании Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2016. № 4.

ЕВДОКИМОВА Анастасия Александровна

аспирант кафедры международного права Юридического института Российского университета дружбы народов

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ПРИНУЖДЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ: С ДРЕВНИХ ВЕКОВ ДО СОЗДАНИЯ ЛИГИ НАЦИЙ

В статье рассматриваются основные этапы становления и развития института принуждения в международном праве, начиная с Древнего периода до создания Лиги Наций. Особое внимание уделяется проблеме ограничения применения силы и угрозы силой, как одной из основных форм принуждения в указанный период. Исследуются предпосылки развития института принуждения в международном праве. Анализируются основные концепции относительно места института принуждения в международном праве, разработанные отечественными и зарубежными учеными.

Ключевые слова: принудительные меры, принцип неприменения силы и угрозы силой, институт принуждения, международное право, Лига Наций.

EVDOKIMOVA Anastasiya Alexandrovna

postgraduate student of International law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF COERCION IN INTERNATIONAL LAW: FROM ANCIENT TIMES TO THE CREATION OF THE LEAGUE OF NATIONS

The article examines the main stages of development of the institution of coercion in international law, including the period from Antiquity to the creation of the League of Nations. Particular attention is paid to the problem of limiting the use of force and the threat of force as one of the main forms of coercion during this period. The article addresses historical and practical prerequisites for the development of the institution of coercion in international law as well as the main concepts of understanding the essence and features of the institution of coercion developed by domestic and foreign scientists.

Keywords: coercive measures, the principle of non-use of force and threat of force, the institution of coercion, international law, the League of Nations.

В настоящее время особенно актуальной становится проблема применения различных мер принуждения в области международного права. Однако, единообразного и универсального понятия принудительных мер в международном праве не существует. В доктрине под принуждением, чаще всего, понимают средство обеспечения выполнения и реализации правовых норм, которое выражается в различных неблагоприятных последствиях для субъекта, совершившего неправомерные действия [4, с. 14].

Важно отметить тот факт, что принудительные меры в международном праве могут быть правомерными и неправомерными. В связи с этим, особенно важно исследовать исторические аспекты становления и развития института принуждения.

В теории существует несколько концепций относительно необходимости закрепления института принуждения в международном праве.

Среди таких концепций, прежде всего, следует выделить нигилистические теории, которые полностью либо частично отрицают существование механизмов принуждения в международном праве.

Одна из таких концепций заключается в исключительно политическом характере принуждения в международном праве [13, с. 7]. Вторая нигилистическая теория отрицает необходимость международно-правового принуждения полностью. По мнению сторонников данной концепции, какое-либо принуждение в отношении государств невозможно [12, с. 853], так как сущность международного права выражается в суверенном равенстве государств и отсутствии какого-либо надгосударственного органа принуждения.

Однако, указанные концепции нельзя назвать актуальными в настоящее время, так как они абсолютно не отражают существующие международно-правовые реалии.

Большинство ученых, в том числе Г. Кельзен, А.Н. Талалаев, И. И. Лукашук, придерживаются позиции, согласно которой институт принуждения – неотъемлемый элемент, необходимый для существования и функционирования международного права в целом [5, с. 145], [9, с. 131], [10, с. 211]. Данная концепция представляется наиболее корректной в современных условиях существования международных отношений.

В доктрине международного права нет однозначных взглядов на вопрос относительно периодизации развития института принуждения. В настоящей статье будет предложено изучение исторических этапов становления института принуждения на основе классификаций И. И. Лукашука [7, с. 67-102] и П. В. Саваськова [6, с. 35-56], применяемых для систематизации исторических этапов становления и развития системы международного права в целом.

Становление и развитие института принуждения в международном праве можно условно разделить на четыре этапа: древность, Средние века, Новое время, современный период.

Возникновение первых государств относится к концу IV – началу III тысячелетия до н. э., и с этого момента начинаются первые попытки установления международно-правовых отношений между ними. Первый этап характеризуется, прежде всего, неограниченными попытками ведения завоевательных и оборонительных войн. Однако, первые попытки мирного разрешения споров можно наблюдать даже в этот период. Так, в 3100 г. до н. э. в Месопотамии два города-госу-

дарства установили на своих границах пограничный камень, тем самым разделив территорию мирным способом [2, с. 94]. А первым мирным договором можно считать договор, заключенный в 1296 г. до н. э. между египетским фараоном Рамзесом II и царем хеттов Хаттушилем III, по которому провозглашался мир, дружба и братство на все времена. Договору предшествовала длительная война между этими государствами [6, с. 36]. В 445 г. до н. э. был заключен мирный договор между Афинами и Спартой, завершивший Тридцатилетнюю войну и установивший двойной политический режим в Греции [2, с. 98].

Таким образом, первый этап становления института принуждения в международном праве характеризуется бесконечным числом завоевательных войн, попыток разграничить территорию и создать отдельные независимые государства.

Второй этап также характеризуется ведением постоянных войн с периодическими попытками развивать международные отношения. С XV в. появляется практика установления постоянных посольств, а в XVI в. европейские государства начинают заключать международные договоры с мусульманскими государствами, в которых закрепляются положения об условиях капитуляции. Появляются новые способы разрешения споров – посредничество и арбитраж [6, с. 36].

К концу периода Средневековья появляются первые труды ученых, касающиеся их взглядов на вопросы ведения войны и мирное урегулирование споров. Одним из самых значимых произведений того периода можно считать труд Гуго Гроция «О праве войны и мира» 1625 г. [1]. Гуго Гроций дает определение войне, задаваясь вопросом о возможности разделения войн на «справедливые» и «несправедливые». Г. Гроций говорит, что право народов, законы и обычаи не осуждают войну. Кроме того, он разделяет граждан на свободных и тех, кто находится в состоянии подчинения. Вторым, утверждает Гуго Гроций, следует «сражаться или же оставаться в мире...» [1].

В период Средневековья продолжают вестись постоянные войны. Государства исходят из наличия у них неотъемлемого и неограниченного права на применение принуждения [11, с. 329].

В XVII-XVIII вв. доктрина справедливой войны, которая разрабатывалась Г. Гроцием, теряет свою актуальность. В данный период снова начинает применяться концепция наличия у государств дискреционных прав на ведение войн, то есть теперь государство самостоятельно, по своему усмотрению, может начинать и вести войны [3, с. 83]. Эти особенности и являются основными признаками, отличающими развитие института принуждения в Новое время.

В 1618 – 1648 гг. Европу сотрясает Тридцатилетняя война, которая отличалась крайней жестокостью и велась, в том числе и по религиозным причинам. В этой войне принимали участие, с одной стороны, Испания, Австрия, германские католические князья, поддерживаемые папой Римским, а с другой – германские протестантские князья, Франция, Швеция, Дания, поддержанные Голландией и Англией. Только через 30 лет война закончилась заключением Вестфальского договора.

Вестфальский договор 1648 г. стал первой попыткой ограничить право государств на ведение войны. Договор состоял из двух частей: Оснабрюкского договора и Мюнстерского договора. Первый был заключен между императором Священной Римской империи с союзниками и Швецией с

союзниками; второй – между императором Священной Римской Империи и Францией с союзниками [6, с. 20].

Вестфальский договор установил систему политического равновесия, закрепил положения, согласно которым против нарушителя всеобщего мира могла вестись справедливая война. Также договор закрепил определенную систему мирного разрешения споров: в течение трех лет после возникновения спора между государствами они должны были попытаться разрешить его путем переговоров, мирового соглашения, судебного разбирательства. Только после этого потерпевшее государство могло обратиться к войне [6, с. 20-23].

Важнейшим достижением Вестфальского договора 1648 г. было выдвижение идеи о государственном суверенитете [8, с. 112], а именно, о независимости и верховенстве государства в его внутренних делах и на международной арене.

Таким образом, Вестфальский договор стал первой попыткой установить систему и правила ведения войны. Данный договор справедливо считают основой формирования «классического международного права» [5, с. 160]. Действительно, для возможности урегулировать институт принуждения, ввести некоторые ограничения на применение силы чрезвычайно необходима разработка каких-либо мирных способов разрешения споров, а также понимание содержания принципа суверенного равенства государств.

Кроме того, вопросы кодификации законов и обычаев ведения войны все больше занимают международное сообщество. Созываются первые конференции и конгрессы [6, с. 21], принимается ряд международных договоров в рассматриваемой сфере. Например, в 1856 г. в Париже принимается Декларация о праве морской войны, содержащая в себе абсолютно новое положение, касающееся запрета каперства; в 1868 г. в Санкт-Петербурге принимается Декларация об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль; в 1909 г. была принята Лондонская декларация о праве морской войны, которая кодифицировала обычаи морской войны, касающиеся блокады и военной контрабанды.

В ходе Первой и Второй Гаагских конференций мира в 1899 и 1907 гг. были приняты международные договоры, касающиеся законов и обычаев сухопутных, морских войн; запрещающие использовать снаряды с удушающими газами, легко разворачивающиеся или сплюсывающиеся пули; закрепляющие принцип мирного разрешения международных споров; учреждающие Постоянную палату третейского суда, а также правила нейтралитета во время сухопутной и морской войны [6, с. 24].

Таким образом, данный этап развития института принуждения в международном праве характеризуется начавшимся процессом кодификации законов и обычаев войны. Однако, принцип неприменения силы и угрозы силой еще не был закреплен в качестве международно-правового обязательства государств. Напротив, применение силы широко распространено в качестве одного из правомерных способов принуждения.

В 1914 г. началась Первая мировая война, которая закончилась в 1918 г. и принесла огромное количество человеческих жертв и экономических бедствий. В этот период и начался следующий этап развития института принуждения в международном праве.

Серьезные последствия Первой мировой войны повлияли на осознание государствами необходимости принятия серьезных мер по ограничению и запрету применения силы и угрозы силы в международных отношениях [4, с. 16].

Первой попыткой обеспечения международного мира и безопасности стало создание Лиги Наций в 1919 г. К 1932 г. ее членами были 55 государств. СССР стал ее членом в 1934 г.

Лига Наций – это первая международная организация, целью создания которой являлось ограничение войн для обеспечения развития сотрудничества и международного мира и безопасности. Особое внимание в Статуте Лиги Наций уделяется проблеме необходимости принятия государствами обязательства не прибегать к войне, поддерживать гласность в международных отношениях и соблюдать нормы международного права.

Статья 10 Статута Лиги Наций предусматривает обязательство государств уважать и сохранять территориальную целостность и политическую независимость всех государств-членов. Исходя из данных положений, можно сделать вывод, что государства впервые осознали крайнюю необходимость ограничить и даже запретить применение силы в международных отношениях. Война и применение силы начинают рассматриваться в качестве угрозы международному миру и безопасности.

Кроме того, одной из основных целей деятельности Лиги Наций в соответствии с частью 1 статьи 11 Статута стала защита мира от войны либо ее угрозы. Все споры, возникающие между государствами-членами, должны были разрешаться мирными средствами, включая третейское разбирательство, судебное разрешение, рассмотрение Советом Лиги. Однако важным является тот факт, что война прямо не рассматривалась в качестве запрещенного средства разрешения споров. Данный факт подтверждается обязательством государств, закрепленным в части 1 статьи 12 Статута Лиги Наций, «не прибегать к войне до истечения трехмесячного срока после решения третейских судей или судебного постановления, или доклада Совета».

Важнейшим положением Статута Лиги Наций также является часть 1 статьи 16, согласно которой в случае, если государство прибегнет к войне вопреки Статуту, такая война рассматривается как акт войны против всех других членов Лиги Наций.

Несмотря на попытку ограничения применения силы и угрозы силой в рамках Лиги Наций, в 1931 г. Япония напала на Китай, вследствие чего была исключена из Лиги Наций, а Германия и Италия в 1934 г. сами вышли из организации.

Положения Статута Лиги Наций определенным образом попытались предотвратить и ограничить применение силы в межгосударственных отношениях, что, несомненно, является важнейшим шагом в становлении принципа неприменения силы, угрозы силой в международном праве. Однако мягкость, вариативность исполнения некоторых из таких положений не позволили Лиге Наций воспрепятствовать серьезной катастрофе – началу Второй мировой войны, а попытка ограничить бесконтрольное применение принуждения провалилась [14, с. 556].

Таким образом, с древнего периода до момента создания Лиги Наций институт принуждения в международном праве претерпел значительные изменения. Понятие «принуждение» в рассматриваемый период непосредственно связано с понятием силы, которая является одним из ее проявлений. От повсеместного ведения войн государства постепенно переходят к идее необходимости ограничения применения силы в международных отношениях. Однако большинство попыток ограничить применение силы на данных этапах характеризуются лишь неуверенными, неоднозначными и, зачастую, неудачными шагами на пути к осознанию важности

обязательного закрепления и соблюдения принципа неприменения силы и угрозы силой в международном праве.

Пристатейный библиографический список

1. Гроций Г. О праве войны и мира: Репринт с изд. 1956 г. – М.: Ладомир, 1994. – 868 с.
2. Грунтовский И. И., Моисеев В. С. Принуждение до нашей эры // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – № 1. – С. 93-102.
3. Кольб Р. О происхождении терминологической пары *jus ad bellum / jus in bello* // Международный журнал Красного Креста. IRRС. – 1997. – № 320. – Р. 80-88.
4. Крицкий К. В. Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный ун-т». – Казань, 2019. – 226 с.
5. Лукашук И. И. Право международной ответственности. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 160 с.
6. Международное право в 2 ч. Часть 1: учебник для вузов / А. Н. Вылегжанин [и др.]; ответственный редактор А. Н. Вылегжанин. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2022. – 326 с.
7. Международное право. Общая часть: учеб. для студентов юрид. фак. и вузов / И. И. Лукашук; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права, Академ. правовой ун-т. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 432 с.
8. Сафонов В. Е. Вестфальский трактат 1648 года и его влияние на формирование принципов международного права // Гражданин. Выборы. Власть. – 2021. – № 2 (20). – С. 110-117.
9. Талалаев А. Н. Юридическая природа международного договора. – М., 1963. – 264 с.
10. Kelsen H. *General Theory of Law and State*. – Cambridge: Mass, 1945. – 550 p.
11. Kunz J.L. *Sanctions in International Law* // *American Journal of International Law*. – 1960. – Vol. 54. – № 2. – Pp. 324-347.
12. Niemeyer G. *Law without Force*. – Princeton University Press. 1941. – Vol. 3. № 4. – 408 p.
13. Pfaff W. *A Radical Rethink of International Relations* // *International Herald Tribune*. – 2002. – Oct. 3. – 26 p.
14. Schiffer W. *The Legal Community of Mankind* // *Indiana Law Journal*. – 1955. – Vol. 30, Issue 4. – Pp. 553-557.

КОФФИ Нгуан Жан Франсуа Режиc

аспирант 3 курса кафедры международного права Российского университета дружбы народов

ПРАВОВЫЕ ПРИЧИНЫ ОСТОРОЖНОГО УЧАСТИЯ АФРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ В СИСТЕМЕ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ ВТО

В статье приводятся основные позиции ряда развивающихся стран перед Органом по урегулированию споров ВТО, исходя из понимания процесса, принятого в ВТО. Таким образом, речь идет о том, что государство может выступить с инициативой в инициации рассмотрения спора в случае, если считает, что его права были нарушены или если мера, принятая другим членом ВТО, затрагивает его интересы. В этой ситуации государству отводится роль «истца». В противном случае любой участник спора может предстать перед ОРС в другом виде, считая, что его права были нарушены. В этом случае государство, представшее перед ОРС, занимает позицию ответчика. «Истец» и «ответчик» являются основными сторонами в споре. Что касается африканских государств, то их участие в системе урегулирования споров ВТО в качестве третьих сторон практически отсутствует. Африканские государства практически не представлены в ОРС. Хотя это участие африканских стран незначительно по сравнению с участием других членов организации, оно все же больше, чем их присутствие в системе урегулирования споров ВТО в качестве основной стороны спора.

Ключевые слова: африканские государства, ВТО, система урегулирования международных торговых споров, правовая база.

KOFFI N'gouan Jean Francois Régis

postgraduate student of the 3rd course of International law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia

LEGAL REASONS FOR THE CAUTIOUS PARTICIPATION OF AFRICAN STATES IN THE WTO DISPUTE RESOLUTION SYSTEM

The article presents the main positions of a number of developing countries before the WTO Dispute Settlement Body, based on the understanding of the process adopted in the WTO. Thus, we are talking about the fact that a State can take the lead to initiate a dispute if it believes that its rights have been violated or if a measure taken by another WTO member that affects its interests. In this situation, the State is assigned the role of "plaintiff". Otherwise, any participant in the dispute may appear before the LFS in a different form, believing that his rights have been violated. In this case, the State presented to the LFS takes the position of the defendant. The "plaintiff" and the "defendant" are the main parties to the dispute. As for African States, their participation in the WTO dispute settlement system as third parties is practically non-existent. African States are practically not represented in the LFS. Although this participation of African countries is insignificant compared to the participation of other members of the organization, it is still greater than their presence in the WTO dispute settlement system as the main party to the dispute.

Keywords: african states, WTO, international trade dispute settlement system, legal basis.

Механизм разрешения споров ВТО представляет собой сложно интегрированный правовой порядок [18]. Правовые причины этой сложности – это те, которые присущи правилам и процедурам, применяемым в Органе по рассмотрению споров (ОРС). Они проявляются в недостатках особого и дифференцированного режима (преференциального), предоставляемого развивающимся странам (РС) или наименее развитым странам (НРС), который требует «особого подхода в рассмотрении» этих стран на протяжении всей процедуры урегулирования споров. Например, Генеральная система преференций (ГСП) Договоренности о разрешении споров (ДРС) имеет лазейки, которые делают невозможным для некоторых государств подачу заявок на открытые консультации. Более того участие РС в ДРС ВТО распределено неравномерно. Азиатские и американские РС активно участвуют в работе органа по урегулированию споров (ОРС), в то время как африканские РС отстают, в связи с чем такое положение дел все больше тяготит африканские государства в вопросах, связанных с разрешением спорных ситуаций. Эти препятствия для передачи дел в ОРС африканскими государствами проявляются, во-первых, в неэффективности механизма особого режима и его неэффективности в целом. Упомянутая договоренность о разрешении споров (ДРС) направлена на то, чтобы сделать ОРС доступным для всех членов ВТО

без исключения. Однако текст договоренности имеет ограниченное влияние на развивающиеся страны и особенно на африканские государства. Его вклад проявляется в принятии Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ); более того, это принятие норм ГАТТ рассматривается на двух уровнях: переписывание старых текстов и неэффективность нововведений, привнесенных Меморандумом о взаимопонимании по разрешению споров (МВРС) [26].

Решение от 5 апреля 1966 года о порядке применения статьи XXIII, решение от 12 апреля 1989 года о совершенствовании правил и процедур разрешения споров в рамках ГАТТ, а также Меморандум о взаимопонимании относительно уведомлений, консультаций, разрешения споров и наблюдения от 28 ноября 1979 года уже включали особый режим в пользу развивающихся стран. МВРС, принятый в 1994 году и направленный на упорядочение ОРС ВТО, перенял большинство положений об особом режиме, предоставленном РС при разрешении споров в рамках ГАТТ. Именно это заставило Д. Махруха сказать, что «...ОРС просто объединил в одном тексте несколько положений, которые появились в Решении 1966 года, ОРС 1979 года и Решении 1989 года» [17, р. 84]. Первым положением, касающимся особого режима в МВРС, является статья 3, которая прямо отсылает к решению от 5 апреля 1966 года [22, р. 88]. В дополнение к этому тек-

сту, который прямо ссылается на ГАТТ, другие статьи ОРС содержат положения, которые иногда полностью воспроизводят существующие положения без упоминания о них. Так обстоит дело с пунктом 10 статьи 4 ДРС¹, который призывает уделять особое внимание отдельно взятым проблемам и интересам членов из числа развивающихся стран на этапе консультаций. Эта статья почти слово в слово повторяет термины, содержащиеся в статье 5 Меморандума 1979 года [21, р. 271]. Положение МВРС лишь заменяет термин «Договаривающаяся сторона» словом «Члены».

На этапе консультаций статья 24(2) ДРС ориентирована на НРС. Согласно этому пункту, если в ходе консультаций стороны не пришли к соглашению, Генеральный директор или Председатель ОРС, по просьбе члена НРС, предлагает свои услуги по примирению и посредничеству с целью помочь сторонам урегулировать спор. Это положение, проводящее различие между развивающимися странами в пользу наименее развитых из них, является важным нововведением. Однако это нововведение не было доведено до логического завершения, поскольку особый режим, предоставленный НРС, существенно не отличается от режима, предоставленного со времен ГАТТ другим развивающимся странам. В этом отношении пункт 2 статьи 24 МВРС представляет собой переписывание пункта 1 решения 1966 года [7, р. 670] и пункта 8 Меморандума о взаимопонимании 1979 года [20, р. 85].

На этапе реализации решений ОРС содержащийся в них особый режим представляет собой переработку текстов ГАТТ. Три (3) положения, которые регламентируют особый режим для развивающихся стран, во многом повторяют положения Меморандума о взаимопонимании 1979 года и решения 1989 года. Статья 21 ОРС повторяет формулу, где основное внимание уделяется тем сторонам дела, которые затрагивают интересы развивающихся стран. Пункты 7 и 8 той же статьи являются точным повторением пунктов 21 [2, р. 38] и 23 Меморандума о взаимопонимании 1979 года и I, 4) Решения 1989 года. Согласно этим двум пунктам, ОРС уполномочен принимать любые дополнительные меры для обеспечения выполнения рекомендаций развитыми странами. При выборе дополнительных мер для обеспечения условий выполнения ОРС должен принимать во внимание не только торговлю, на которую распространяются данные меры, но и их влияние на экономику развивающихся стран. Аналогичным образом, пункт 25 ДРС и Н, 1) и 2) решения 1989 года уже предусматривали оказание Секретариатом технической помощи РС.

Таким образом, статья 27.2 ДРС просто распространила эту поддержку на РС в контексте урегулирования споров. МВРС не просто повторил положения об особом режиме, содержащиеся в старых текстах ГАТТ по урегулированию споров, но также ввел новшества в этой области. В связи с этим ставится вопрос об уровне изменений, привнесенных МВРС.

Есть только три реальных нововведения, привнесенных МВРС с точки зрения специального режима. Первое - это статья 12(10) МВРС, которая предусматривает корректировку сроков в пользу РС в ходе консультаций и рассмотрения жалобы комиссией. Второе нововведение, вытекающее из пункта 11 той же статьи, предписывает специальная группа (СГ) прямо указывать в своих отчетах на то, каким образом

были применены положения об особом режиме, на которые ссылаются РС [21, р. 260-263]. Это положение возлагает бремя доказывания на СГ. Это положение налагает на комиссии обязательство применять положения об особом режиме, на которые ссылаются РС. Наконец, статья 24 ДРС по НРС требует от развитых стран проявлять «сдержанность» при выполнении решения ОРС против НРС в отношении приостановки концессий или установления компенсации. Ни один из предыдущих текстов ГАТТ не предусматривал такого дифференцированного режима в пользу развивающихся стран.

Описанные выше нововведения оказываются неэффективными не только с позиции их количества, но и с позиции их влияния на процедуры урегулирования споров в целом. Три (3) критических замечания можно сделать против особого режима в отношении предоставления развивающимся странам достаточного времени для подготовки и представления своих аргументов. Во-первых, прошлая практика ГАТТ показывает, что комиссии всегда заботились о том, чтобы предоставить сторонам спора достаточное время для представления своих аргументов и опровержений. Кроме того, возможность продления времени выгодна далеко не только развивающимся странам. На деле ГС может предоставить достаточное время как развивающимся, так и развитым странам в соответствии со статьей 4 ДРС. Согласно этой статье, при составлении своего расписания ГС обязан предоставить сторонам спора достаточное время для подготовки своих представлений. Во-вторых, возможность продления срока подачи представлений имеет одно важное ограничение, а именно соблюдение процессуальных сроков, предусмотренных статьей 21(4) МВРС. Продление сроков, предусмотренное статьей 12(10) МВРС, не должно увеличивать сроки представления отчетов комиссией или Апелляционным органом. Более того, оно не должно негативно влиять на определение разумного периода времени на этапе выполнения рекомендаций ОРС [5, р. 625-662]. Строгие сроки, вытекающие из этого положения, вероятно, будут препятствовать ОРС устанавливать более гибкие сроки для РС.

МВРС призывает членов ВТО признать интересы НРС при разрешении споров. Таким образом, МВРС закрепляет подкатегорию стран-членов, являющихся НРС. Статья 24 МВРС призывает всех членов, как развитые, так и развивающиеся страны, проявлять сдержанность в отношении НРС в случае возникновения спора, особенно на этапе выполнения решений ОРС. Эта новая категория не существовала в предыдущих текстах ГАТТ. Такое положение является весьма новаторским, поскольку учитывает весьма специфическую экономическую ситуацию категории государств-членов ВТО, к которой относится большинство африканских стран. Однако оно не лишено критики, поскольку реальной выгоды для этой подкатегории не предусмотрено. Положения статьи 24 ДРС напоминают те, которые предоставляют привилегии РС, и даже те, которые регулируют процедуру обычного права, применимую ко всем членам ВТО в ОРС. В дополнение к ее «сомнительному предметному охвату» [10, р. 52], следует отметить, что в ней нет положения о выражении «проявлять сдержанность».

В отличие от этого, статья 12 (11) МВРС воплощает в себе наиболее жесткое нововведение. РС обязаны прямо указывать в своих отчетах, каким образом они приняли во внимание соответствующие положения особого режима. Это обязательство указывать причины со стороны РС существует только тогда, когда РС ссылаются на применение особого режима в их пользу. Это является гарантией, поскольку

1 Préambule de la décision de la conférence ministérielle sur le coton tenue à Nairobi du 19 décembre 2015. // Conférence ministérielle de l'OMC. dixième conférence. Doc WT/MIN(15)/46 WT/L/981. <WTO>(www.wto.org). (дата обращения: 12.04.2023).

обеспечивает контроль над ним. Таким образом, инновации, привнесенные МВРС, минимальны, а потому вряд ли можно говорить об их эффективности.

Это шаг назад, поскольку несколько положений ГАТТ, предусматривающих благоприятный режим для развивающихся стран, не были включены в МВРС. Эти положения, которые были исключены в ходе переговоров Уругвайского раунда, появились в результате кропотливой работы развивающихся стран [1, р. 807]. Таким образом, решение 1966 года, состоящее из набора положений о режиме, может быть использовано РС лишь частично. Кроме того, статья 3(12) ДРС уточняет, что РС могут ссылаться только на положения решения 1966 года, соответствующие статьям 4, 5, 6 и 12 ДРС. Эти положения касаются консультаций, добрых услуг, примирения, посредничества, создания РС и процедуры их рассмотрения. Это ограничение теперь исключает пункт 8 данного решения из особого режима [8, р. 5-6]. Это положение позволяло осуществлять мониторинг выполнения решений, позволяя осуществлять контроль по окончании процедуры урегулирования ГАТТ. Новые положения, регулирующие разумный период времени для выполнения, недостаточны, чтобы компенсировать это исключение. С одной стороны, следует напомнить, что Меморандум о взаимопонимании 1979 года полностью заменил девяностодневный срок, установленный пунктом 8 решения 1966 года. С другой стороны, ОРС при исполнении своих решений не предусматривает заранее установленных строгих и более коротких сроков [12], в отличие от пункта 8 решения 1966 года. Во время переговоров Уругвайского раунда РС считали, что исключение этого решения было бы нецелесообразным.

Другим примером отступления является ослабление ускоренной процедуры в пункте 7 решения 1966 года [15]. Учитывая, что процедура разрешения споров ВТО не предполагает приостановки действия оспариваемой меры, а также принимая во внимание экономическую нестабильность развивающихся стран, сокращение процессуальных сроков может быть полезным только для этой категории членов. Верно, что МВРС позволяет РС ссылаться на процедуру, предусмотренную в пункте 7 решения 1966 года. Однако он частично ставит ее под сомнение, делая из нее исключение. Действительно, статья 3 (12) МВРС предусматривает продление срока в случае, если изначально установленные сроки, предусмотренные п. 7, недостаточны для предоставления отчета.

МВРС также оспаривает соответствующие положения особого режима Меморандума 1979 года. Одним из таких положений является Приложение к Меморандуму 1979 года в пункте 6, III, который гласит: «Практика заключается в назначении одного или нескольких членов, являющихся гражданами развивающихся стран». Такое назначение граждан развивающихся стран было автоматическим в рамках системы разрешения споров ГАТТ. Однако пункт 10 статьи 8 ДРС отменяет это автоматическое назначение экспертов из развивающихся стран в качестве членов ГС. В дополнение к этой неудаче, в ДРС не рассматривается случай регулярного и систематического обзора эволюции международной торговой системы с особым вниманием к вопросам, представляющим интерес для РС, в отличие от статьи 24 ДРС 1979 года. В целом, ни одна из трех (03) статей, регулирующих деятельность Апелляционного органа, не предусматривает особого режима в пользу РС. Это явный шаг назад, учитывая важную роль, которую играет этот орган в ДРС. В предыдущей системе, напротив, не все этапы процедуры разрешения споров

были освобождены от особого режима. Помимо оспаривания достижений в области особого и дифференцированного режима со стороны МВРС, необходимо изучить еще один связанный с этим недостаток: обобщение в ДРС привилегий, предоставляемых РС.

Некоторые положения СРС аналогичны тем, которые предусмотрены для всех членов ВТО в ДРС. Другими словами, в определенных ситуациях развитие страны пользуются теми же льготами, которые предусмотрены в рамках специального и дифференцированного режима. Именно в этой логике Д. Макрух заявил, что особый режим – это в большей степени вопрос дипломатии, чем правовой сферы [11]. Так обстоит дело с дипломатическими процедурами разрешения споров в рамках МВРС. Положения тогдашнего особого и дифференцированного режима закрепляли за НРС [17, р. 95] и РС [3, р. 8] право прибегать к «добрым услугам», посредничеству и примирению Генерального директора ВТО. Однако при прочтении оказывается, что эта возможность была распространена на развитые страны пунктом 6 статьи 5, который предусматривает, что «Генеральный директор может, в рамках своих функций, предложить свои добрые услуги, примирение или посредничество с целью оказания помощи членам в урегулировании их спора». В этой возможности обращения к услугам Генерального директора в контексте ДРС статья 5 не делает различий между развитыми и развивающимися странами. В связи с этим возникает вопрос о целесообразности сохранения положений о дифференцированном режиме, которые предоставляют идентичные преимущества, предусмотренные для других государств-членов ВТО.

Пункты 4 214 и 5 215 решения 1966 года предусматривали, что если консультации не приведут к урегулированию спора в течение двух месяцев с даты получения запроса на консультации, то сторона, подавшая жалобу, может потребовать создания ГС. Эти положения были «революционными» [14], потому что во времена ГАТТ не только не было автоматического создания панелей, но и не существовало конкретного срока для этого. Эти два пункта решения 1966 года потеряют всю свою ценность в ДРС ВТО. Отныне любой заявитель может потребовать создания ГС по истечении шестидесяти дней, то есть двух месяцев, если между ним и его противником не было достигнуто взаимоприемлемое решение. Так, по условиям статьи 4 п. 7 МВРС «Если консультации не приводят к урегулированию спора в течение 60 дней с даты получения запроса на консультации, сторона, подавшая жалобу, может потребовать создания комиссии». А статья 6(1) ДРС гласит, что в случае, если подавшая жалобу сторона обратится с такой просьбой, то не позднее ближайшего заседания ОРС будет создана комиссия. Если прочитать эти две статьи вместе, то можно увидеть, что благодаря МВРС право требовать создания комиссии в строго установленные сроки признается за любым заявителем, будь то развивающаяся или развитая страна. Более того, не только развивающиеся страны пользуются особым режимом в отношении сроков подготовки и представления своих аргументов, когда они являются ответчиками [27, р. 79]². Статья 12(4) МВРС [31, р. 6] предоставляет аналогичное право всем членам ВТО.

Большинство положений, наделяющих РС особым режимом, не содержат обязательных или четко определенных

2 Несмотря на то, что ОУС обладает широкими полномочиями в области разрешения споров, он, тем не менее, не является международным судебным органом, поскольку не выполняет судебных функций.

прав и обязательств, поэтому отсутствует точный порядок применения правил особого режима. Более того, получатели положений об особом и дифференцированном режиме редко ссылаются на них в спорах, а ОРС пренебрегает ими при рассмотрении дел. Поэтому не будет преувеличением сказать, что налицо инактивация механизма особого режима.

Существует проблема определения РС, поскольку ОРС и правила ВТО в целом не дают им определения. Механизм особого режима призван регулировать квазисудебную процедуру, однако для него характерны общие положения и дипломатические формулы. Не существует официально принятого определения развивающейся страны. Как и в других областях международного права, законодательство ВТО не содержит каких-либо идентифицирующих критериев, которые позволили бы провести точное различие между развитыми и развивающимися странами. Таким образом, существует правовой вакуум, который порождает серьезные проблемы. Члены международного общества должны иметь свой собственный статус, характеризующийся, главным образом, возможностью для определенных категорий пользоваться режимом, адаптированным к их конкретной ситуации [29, р. 45]. Соглашение по интеллектуальной собственности дает нам преимущество, связанное с конкретной экономической ситуацией государства. Оно предусматривает годичный мораторий, применимый ко всем членам ВТО, но развивающиеся страны будут иметь право отложить дату применения этого соглашения еще на четыре (04) года, а НРС – на десять лет [13, р. 124]. Однако следует признать, что проведение дифференциации между развитыми и развивающимися странами, и особенно внутри категории развивающихся стран, является очень сложной задачей, поскольку осуществляется на тонкой экономической и политической почве. Некоторые развивающиеся страны без колебаний опровергают любую идею дифференциации. Это особенно верно в случае с новыми индустриальными странами. Экономически они утверждают, что для устойчивого развития их экономика нуждается в защите в течение длительного периода времени и что они могут стать крупным и устойчивым рынком для экспорта промышленно развитых стран только в том случае, если у них есть перспектива стабильного увеличения экспортных доходов. В политическом плане концепция дифференциации рассматривается развивающимися странами как инструмент раскола в руках развитых стран, используемый ими для ослабления своей группы «77» [28, р. 629-649.] в международных организациях [16, р. 424]. Поэтому легко понять, почему ГАТТ так и не решился принять точный и жизнеспособный критерий для проведения различий между разными категориями Договаривающихся сторон. Система ВТО страдает от отсутствия единого критерия для проведения различий между ее членами, унаследованного от ГАТТ. Участники переговоров Уругвайского раунда не смогли установить общий и объективный критерий для определения различных категорий членов. ГАТТ 1994 года предусматривает систему самоотбора в категорию развивающихся стран. Член, который идентифицирует себя как развивающуюся страну, относится к РС. Такое соотнесение полностью привязано к интересам соответствующих стран. В свою очередь, другие члены имеют возможность оспорить это самоназвание. Преобладание «мягкого права» делает применение различных положений об особом режиме более запутанным.

«Мягкое право», в отличие от «жесткого», устанавливает необязательные правила, определяя, каким должно быть нормальное поведение без каких-либо последствий для не-

соответствующего поведения [9, р. 404]. В некоторых случаях оно может использоваться как альтернатива «жесткому праву». Оно может быть полезным, поскольку менее навязчиво и допускает принятие правил получателем. Это тем более важно в международном праве, где в принципе не существует системы коллективных санкций за несоблюдение международных обязательств [13, р. 114]. Однако правомерно задать вопрос об интересе использования «мягкого права» в процедуре урегулирования споров, даже если она является международной. Положения о специальном режиме в МВРС часто используют условный режим, однако в международном праве его использование отражает отсутствие обязательств, в отличие от использования будущего времени индикативного режима. Вместо того, чтобы установить твердые права и обязательства в отношении особого режима, МОВ часто ограничивается утверждением намерения доброй воли и вежливости, призывая других членов уважать привилегии, предоставленные РС. Такой недостаток строгости поднимает проблему юридической ценности особого режима.

Пункт 10, ст. 4 МВРС гласит: «Государства-члены должны уделять особое внимание особым проблемам и интересам развивающихся стран...», а статья 21 п. 2 также гласит: «Особое внимание должно быть уделено». Эти два положения, в которых используется условное понятие «следует» при учете особого положения развивающихся стран, ближе к декларации доброй воли, чем к реальному юридическому обязательству. Это дает основания скептически относиться к эффективности таких положений. Например, консультации являются тайными и не записываются, и трудно представить, как можно контролировать эффективность особого внимания, которое развитые страны должны уделять развивающимся странам. Поэтому правомерно серьезно сомневаться в реальном материальном охвате такого рода положений. Более того, использование условного режима делает статьи, закрепляющие особый режим, настолько общими, что трудно говорить об обязательстве. МВРС использует дипломатические и вежливые формулы при работе с положениями об особом и дифференцированном режиме. Статья 12(10) является красноречивой иллюстрацией в этом вопросе. Она гласит: «При рассмотрении жалобы на члена группы, являющегося развивающейся страной, группа экспертов должна предоставить этому члену группы достаточное время для подготовки и изложения своей позиции». Это положение просто предусматривает особый режим, не давая подробностей относительно количественной оценки и определения того, что представляет собой достаточное время. В какой степени панель может смягчить временные рамки для РС? Эта проблема тем более важна, что использование этой гибкости ни при каких обстоятельствах не должно привести к превышению сроков представления отчета. Легко представить, что РС не будет отдавать предпочтение этим неточным положениям об особом режиме. То же самое касается «особого и особого внимания», которое РС должны получать в ходе консультаций и выполнения решений DSB [25, р. 179]. Контуры этого понятия «особого внимания» неясны. Контуры этого понятия не определены никаким другим положением. Это создает серьезную проблему при оценке степени соблюдения этих положений либо членами, либо органами по урегулированию споров.

РС не ссылаются на положения об особом и дифференцированном режиме, которые им предоставила МВРС, в той степени, в которой можно говорить об отказе от них. Тем не менее, они боролись за включение этих положений в МОВ. Этот отказ тем более непонятен, что применение положений

об особом режиме не связано с какими-либо условиями или уступками. Поэтому достаточно, чтобы соответствующее ДС попросило об этом. Поэтому трудно объяснить возможность того, что представители РС не знают об этих положениях, поскольку они легко объясняются, а их количество ограничено [6, р. 27]. Как уже упоминалось, для того чтобы гарантировать представительность РС в составе ГС, предусмотрен особый режим в пользу этой категории стран [17, р. 99].

В первые годы работы ОРС панели состояли исключительно из граждан развитых стран. Это означает, что развивающиеся страны отказались от требования, чтобы хотя бы один член панели был гражданином развивающейся страны. В настоящее время стороны спора могут договориться о выборе гражданина РС в качестве члена панели. В деле антидемпинговых мер в отношении импорта арматуры из Турции [4, р. 27], один из представителей комиссии - В. Пласай - был гражданином Таиланда, страны, относящейся к категории РС. Обязательство изложить причины в соответствии со статьей 12(11) МВРС, возложенное на ГС, в отношении того, как они приняли во внимание особое обращение, не было соблюдено. Однако РС не жалуется в ГС на несоблюдение этого обязательства. Механизм реализации решений очень неблагоприятен для экономически слабых стран, поскольку на них ложится бремя принуждения развитых стран к их соблюдению. Однако этот механизм предусматривает преимущество, которым эти страны должны воспользоваться. Речь идет о возможности просить ОРС предпринять дополнительные шаги, чтобы заставить неохотно развитые страны выполнять рекомендации [6, р. 31]. Ф. Ройслер считает, что неприменение развивающимися странами положений об особом и дифференцированном режиме объясняется, с одной стороны, их желанием предстать перед развитыми странами как равные, а с другой стороны, опасением, что юридическая ценность и легитимность результатов рассмотрения спора будет снижена применением таких положений [23, р. 39]. Бенин в своем представлении утверждал, что просто просит Группу обеспечить толкование соответствующих положений Соглашений ВТО «в соответствии с договоренностями» [24, р. 511].

Практика показывает, что органы по разрешению споров уделяют мало внимания особому режиму, который должен быть зарезервирован для развивающихся стран. Единый подход, ставящий развитые и развивающиеся страны в равные условия кажется предпочтительнее. Даже перед лицом положений с четкими и строгими обязательствами органы по разрешению споров демонстрируют отсутствие интереса. Это особенно верно в отношении пункта 11 статьи 12 ДРС. Этот пункт налагает на РС обязанность указывать причины, т.е. они должны прямо указывать в своих отчетах, как они приняли во внимание соответствующие положения об особом режиме. Для того чтобы воспользоваться этим обязательством указывать причины, соответствующая страна должна ссылаться в процедуре урегулирования спора только на положения DSU, предоставляющие ей особый режим. Никаких дополнительных условий не устанавливается, и обязательство ГС в этом отношении является автоматическим. Однако, как правило, ОО не всегда включают такие причины в свои отчеты, тем самым грубо нарушая ДРС. Эти нарушения никогда не поднимались ни Апелляционным органом, ни ОРС [24, р. 511]. В том же смысле ОРС никогда не применял статью 21(7) и (8). Положения этих пунктов предписывают ОРС принимать все дополнительные меры для оказания помощи членам РС на этапе реализации. Что еще более важ-

но, при определении дополнительных санкций ОРС может принимать во внимание торговлю, на которую распространяются рассматриваемые меры, и их влияние на экономику РС. Можно сказать, что правильное применение этих двух пунктов было бы достаточным для устранения большинства препятствий, с которыми сталкиваются развивающиеся страны и африканские государства, особенно на этапе выполнения рекомендаций.

Создание подкатегории НРС не оказало прямого влияния на положение НРС. Хотя статья 24 МВРС призывает к сдержанности в пользу НРС, признаки, поступающие из судебных органов, не обнадеживают. В деле ЕС Banana III африканские государства, входящие в АКТ (государства Африки, Карибского бассейна и Тихого океана), запросили расширенный статус третьей стороны, чтобы они могли в полной мере защищать свои интересы. Однако ни Группа экспертов, ни Апелляционный орган не ответили положительно на просьбы стран АКТ, хотя они имели на это право в соответствии со статьей 24 МВРС. Когда эти страны запросили дополнительное время для подготовки своих аргументов и представлений, им было отказано в какой-либо гибкости в сроках. Это объясняется тем, что их статус третьей стороны не позволяет им получить такое право, поскольку Меморандум не предусматривает этого. Юридические причины - не единственные препятствия, которые мешают африканским государствам подавать иски в ОРС. Существуют также неправовые причины, которые мешают африканским государствам защищать свои торговые права в ОРС.

В заключение можно сказать, что «особое отношение» ВТО к развивающимся и наименее развитым государствам представляется неадекватным и неполным. Это объясняется тем, что положения об особом режиме не принесли никаких революционных нововведений в этой области. Взяв за основу соответствующие тексты ГАТТ, МВРС закрепила мягкие и расплывчатые положения в пользу развивающихся стран. Без преувеличения можно заключить, что эти положения содержат лазейки, оправдывающие тот малый интерес, который проявляют к ним государства-бенефициары и органы по разрешению споров. Эти текстуальные недостатки в сочетании с практическими трудностями отговаривают африканские государства от обращения в ОРС. Отсутствие финансовых и человеческих ресурсов для проведения разбирательств в этом органе ВТО также является причиной робости присутствия африканских государств в ОРС ВТО. Поэтому крайне важно провести реформы, которые позволят всем членам организации полноценно участвовать в процедуре разрешения споров. Это повысит легитимность квазисудебного института и поможет укрепить позиции ВТО в международных торговых отношениях.

Пристатейный библиографический список

1. Alland D. Droit international public. Paris, PUF, 2000.
2. Benecchio R. Décision de l'organe de règlement des différends (ORD) sur le coton : Quelles implications pour les pays africains et les négociations agricoles / E. HAZARD (dir.) // Négociations commerciales internationales et réduction de la pauvreté: Le livre blanc sur le coton, Dakar, Enda, 2005.
3. Blin O. Regards croisés sur le règlement des différends de l'Organisation Mondiale du Commerce, Bruxelles, Bruylant, 2009.

4. Burda J. L'efficacité du mécanisme de règlement des différends de l'OMC: vers une meilleure prévisibilité du système commercial multilatéral // *Revue québécoise de droit international*, 2005.
5. Conti J. A. Learning to Dispute: Repeat Participation, Expertise and Reputation at the World Trade Organization. // *Law & Social Inquiry*. 2010. Vol. 35. № 3. Pp. 625-662.
6. Ehongo P. D. La mondialisation du droit et les inégalités entre états dans l'accès à la justice internationale : les états africains face au mécanisme de règlement des différends du système GATT/OMC. // *La Mesure de la mondialisation*. Paris: GEMDEV, 2007.
7. Ewing-Chow M., Goh A. W. S., Patil A. K. Are Asian WTO Members Using the WTO DSU Effectively? // *Journal of International Economic Law*. 2013. Vol. 16. № 3. Note 116.
8. Goreux L. M. Les producteurs de coton des pays CFA face aux subventions américaines et européennes // *Afrique contemporaine*, 2003.
9. Feuer G. Les différentes catégories des pays en développement contemporain, cours général de droit international public, recueil des cours de l'Académie de droit international. 1983.
10. Fondimare A. Le système de règlement des différends de l'OMC et les pays en développement. Mémoire de DEA droit international économique. Université de Paris I (Panthéon-Sorbonne), 1999. P. 52.
11. Freneau A. WTO dispute settlement system and implementation of decision: a developing country perspective. Manchester: University of Manchester, 2001. Pp. 28-29.
12. Hoekman B. M. et Mavroidis P. C. Enforcing multilateral commitment: dispute settlement and developing countries // *World bank conference on developing countries in a millennium Round*, WTO Secretariat. Geneva. 20-21 september 1999.
13. Jouanneau D. Le GATT, Le rejet de la différenciation est un élément constant du corps de doctrine des «77». Paris: PUF, 2è édition, 1987.
14. Kambou B., Illy O. Droit économique et du commerce international, note de cours. 2015.
15. Kovar R. Le règlement des différends économiques interétatiques dans les 1969-1970. 1974. 97 p.
16. Lacordaire H., Conférences de Notre-Dame de Paris. Paris: Poussielgue-Russand, 1861.
17. Machrouh J. Justice et développement selon l'Organisation Mondiale du Commerce. Paris: L'harmattan, 2008. 337 p.
18. Nagalo Y. A. La jurisprudence de l'organe de règlement des différends de l'organisation mondiale du commerce et protection de l'environnement. // *Mémoire de Master 2 en droit international de l'environnement*, Université de Limoges, 2009. P. 62.
19. Narayanan S. Dispute settlement of the WTO: need for improvement and clarification. // *Working paper № 117*. Indian Counsel of International Economic Relations, December 2003.
20. Ngambi J. La preuve dans le règlement des différends de l'Organisation mondiale du commerce. Bruylant, Bruxelles, 2010. 598 p.
21. N' Guyen N. H. , L'intervention des tierces parties dans le règlement de différends à l'OMC. Paris: L'harmattan, 2016. 576 p.
22. Ogunkola E. O. Capacité de l'Afrique à respecter les règles et à défendre ses droits au titre du processus de l'OMC // *L'Afrique et les défis de l'OMC / D. Njinkeu (dir)*. Karthala, 2004.
23. Ouellet R., Les limites du système de règlement des différends de l'Organisation Mondiale du Commerce. Laval: Institut québécois des hautes études internationales, 2016. P. 39.
24. Vincent P. L'impact des négociations de l'Uruguay Round sur les pays en développement. // *Revue Belge de Droit International*. Bruxelles: Bruylant, 1995. № 2.
25. Pellet A. Les raisons du développement du soft law en droit international : choix ou nécessité ? // *Regards croisés sur la soft law en droit interne, européen et international / P. Deumier, J.-M. Sorel (dir)*, LGDJ/Lextenso. Paris, 2018.
26. Reuter P. Droit international public. Paris: Thémis, 1993. 444 p.
27. Santulli C. Qu'est-ce qu'une juridiction internationale? Des organes répressifs internationaux à l'ORD // *Annuaire Français de droit international*, 2000.
28. Stephen M. The 2005 judicial activity of the international court of justice // *American Journal of International Law*. 2006. Vol. 100. № 3. Pp. 629-649.
29. Vangrasstek C. Histoire et avenir de l'Organisation Mondiale du Commerce, Genève, OMC, 2013.
30. Vincent P. L'impact des négociations de l'Uruguay Round sur les pays en développement // *Revue Belge de Droit International*. Bruxelles: Bruylant, 1995. № 2.
31. Weiss P. Le organisations internationales. Paris: Armand Colin, 2005.

ЮСИФОВА Парзад Низами кызы

аспирант кафедры международного права Юридического института Российского университета дружбы народов

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РТУТИ В КУСТАРНОЙ МЕЛКОМАСШТАБНОЙ ЗОЛОТОДОБЫЧЕ

Ртуть является уникальным химическим элементом, который используется во всех сферах жизнедеятельности человека. К числу основных антропогенных источников выбросов ртути в окружающую среду относят кустарную мелкомасштабную золотодобычу (КМЗ), на долю которой приходится около 40 % всех выбросов ртути в окружающую среду. В рамках настоящей статьи будет проанализировано, какие обязательства налагает Минаматская конвенция о ртути на государства в сфере использования ртути в секторе КМЗ и какие практические проблемы стоят на этом пути.

Ключевые слова: Минаматская конвенция о ртути, ртуть, кустарная мелкомасштабная золотодобыча (КМЗ), ГЭФ, PlanetGold, сокращение выбросов.

YUSIFOVA Parzad Nizamovna

postgraduate student of International law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

INTERNATIONAL LEGAL REQUIREMENTS FOR THE USE OF MERCURY IN ARTISANAL SMALL-SCALE GOLD MINING

Mercury is a unique chemical element that is used in all areas of human life. The major anthropogenic sources of mercury emissions to the environment include artisanal and small-scale gold mining (ASGM), which accounts for about 40 % of all mercury emissions to the environment. This article will analyze what obligations the Minamata Convention on Mercury imposes on States in the field of mercury use in the KMZ sector and what practical problems stand in this way.

Keywords: Minamata Convention on Mercury, mercury, artisanal and small-scale gold mining (ASGM), GEF, PlanetGold, emissions reduction.

Юсифова П. Н.

Ртуть является уникальным химическим элементом, который благодаря своим химическим, физическим и токсикологическим свойствам (высокая степень биопереноса, медленная испаряемость, биоаккумуляция¹, биоамплификация², высокая токсичность и т.д.) способен негативным образом сказываться на состоянии окружающей среды и здоровье человека [5]. Данное химическое вещество и его соединения активно используются во всех сферах жизнедеятельности человека: космическая деятельность, химическая и электротехническая промышленность, металлургическое производство, кустарная и мелкомасштабная золотодобыча (далее – КМЗ), фармацевтическая и косметическая индустрия, производство лабораторного оборудования и т.д.

Сегодня к числу основных антропогенных источников выбросов ртути в окружающую среду относят КМЗ, на долю которой приходится около 40 % всех выбросов ртути [1]. Общий объем выбросов ртути от КМЗ составляет в год около 2058 тонн [2]. По данным, предоставленным Международной организацией труда (МОТ), в КМЗ заняты около 19 млн человек, среди которых 5-6 % это дети, а около 25 % это женщины [2]. К занятию людей этой деятельностью подталкивают в первую очередь нищета, отсутствие образования, безработица; более 90 % из них не осведомлены о пагубном воздействии ртути на организм человека и на окружающую среду [3]. Высокий спрос на золото является главной причиной добычи ртути посредством КМЗ. На сегодняшний день 20 % общего объема производства золота осуществляется за счет КМЗ [2], среднегодовая сумма, получаемая от продаж

такого золота, составляет около 28 млрд. долларов США [7]. КМЗ сегодня осуществляется на территории более 80 стран [7], основными зонами являются Южная Америка, Восточная и Юго-Восточная Азия, и Африка.

В Российской Федерации в соответствии с ФЗ № 41 от 26 марта 1998 г. «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» на законных основаниях добычу драгоценных металлов могут осуществлять только юридические лица, имеющие специальную лицензию [22], а добывать драгоценные металлы в соответствии с Законом РФ № 2395-1 «О недрах» можно только на официально зарегистрированных месторождениях [6].

В целях урегулирования деятельности граждан по добыче драгоценных металлов (золота) на не промышленных месторождениях, по созданию новых рабочих мест, по противодействию незаконной добыче и обороту драгоценных металлов по поручению Президента РФ Правительством РФ был подготовлен проект Федерального Закона «О старательской деятельности», который 21 апреля 2023 года был внесен в Государственную Думу РФ, зарегистрирован и направлен Председателю Государственной Думы и в Комитет Государственной Думы по развитию Дальнего Востока и Арктики [16].

В данном законопроекте вводятся такие понятия, как «старатель» («гражданин РФ, зарегистрированный в качестве индивидуального предпринимателя, осуществляющий старательскую деятельность...» [13]), «старательская деятельность» («деятельность по поиску и добыче золота на старательских участках, осуществляемая старателями...» [13]), «старательский участок» («земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности...» [13]). В соответствии с законопроектом для пользования старатель-

1 Способность накопления химического вещества в живых организмах.

2 Способность продвижения по пищевой цепи (в данной случае ртути).

ским участком на безвозмездной основе старатель должен заключить договор, который может быть оформлен сроком на три года и продлен максимально на такой же срок [15]. Деятельность на таком участке прекращается по истечению срока договора, либо досрочно, если общий объем золота, добытый на этом участке в химическом чистом виде, достиг 30 килограмм. Законопроект закрепляет ряд ограничительных мер, которыми необходимо руководствоваться при осуществлении старательской деятельности, например, старательская деятельность может осуществляться на глубине не более пяти метров, запрещено применение взрывчатых работ, загрязняющих веществ [17]. Также в законопроекте установлен перечень мероприятий, которые необходимо выполнять для восстановления старательского участка. Следует отметить, что перечень таких ограничений и мероприятий не является закрытым и может при необходимости быть расширен Правительством Российской Федерации [17].

Данный законопроект предлагается первые три года осуществлять в «пилотном режиме» на территории Дальневосточного федерального округа и на частях территорий субъектов РФ, относящихся к сухопутным территориям Арктической зоны РФ, а по истечении трех лет на всей оставшейся территории РФ.

В целях сокращения добычи, торговли и использования ртути и её соединений в продуктах, производственных процессах, сокращения выбросов и высвобождений ртути и её соединений в окружающую среду, надлежащего обращения с ртутьсодержащими отходами 10 октября 2013 г. практически после 10 лет интенсивных переговоров [23] в японском городе Кумамото под эгидой ЮНЕП была принята Минаматская конвенция о ртути [11], которая вступила в силу 16 августа 2017 г. после того, как ее ратифицировали 50 государств [20], на сегодняшний день участниками Конвенции являются 140 государств [19].

Статья 7 Минаматской конвенции, посвящена сокращению, а где это возможно прекращению использования ртути в КМЗ. В ходе обсуждения содержания данной статьи между участниками переговорного процесса возник спор. Одна группа стран выступала за полный запрет использования ртути в КМЗ, что позволило бы не подвергать большое количество людей токсическому воздействию. Другая группа государств утверждала, что такой запрет окажется неэффективным, учитывая не официальный характер этой деятельности, и обречет на нищету миллионы людей в развивающихся странах [4]. К определенному консенсусу сторонам удалось прийти на третьей сессии Межправительственного комитета для ведения переговоров (далее – МКП), где был предложен, а в дальнейшем и поддержан подход, согласно которому государства, на территории которых осуществляется КМЗ, принимают меры с целью сокращения, а если это возможно, и прекращения использования ртути и ее соединений при добыче и обработке золота [12]. Если государство понимает, что деятельность по КМЗ и обработке золота на её территории выходит за пределы незначительной, то она должна разработать свой национальный план действий, который представляет Секретариату «не позднее чем через три года после вступления для нее в силу Конвенции или через три года после направления уведомления Секретариату» [12], в зависимости от того, что происходит позднее. При этом государству необходимо каждые три года проводить обзор выполненных им обязательств по статье 7 Конвенции, и включать такой обзор в национальный отчет, представляемый по статье 21 Конвенции.

Согласно «Приложению С» к Минаматской конвенции национальный план должен включать информацию: о мерах по регулированию сектора КМЗ; о целевых показателях по сокращению использования ртути в КМЗ; о мерах, которые планируют предпринимать государства с целью отказа от использования и сжигания амальгамы; о стратегии в об-

ласти здравоохранения для борьбы с воздействием ртути на старателей, занимающихся КМЗ; о внедрении безртутных методов в КМЗ; о графике выполнения национального плана действий и любые другие меры, которые, по мнению государства необходимы для достижения цели [12].

На четвертой Конференции Сторон Минаматской конвенции о ртути (далее – КС-4) были представлены первые статистические данные по результатам выполнения положений статьи 7. В Секретариат свои национальные планы действий представили 23 страны, еще 25 проектов национальных планов действий находятся на стадии подготовки [14]. Помощь в процессе реализации национальных планов действий оказывает Глобальный экологический фонд (далее – ГЭФ)³ за счет финансирования программы PlanetGold. Основная задача программ PlanetGold заключается в устранении из цепочки добычи золота, получаемого путем КМЗ, ртути за счет: а) повышения осведомленности людей, работающих в этом секторе, об опасности данного высокотоксичного химического вещества для организма человека [10]; б) увеличения инвестиций и финансирования в отрасль КМЗ для разработки безртутных технологий и переобучение старателей [8]; в) формализации сектора КМЗ, так как в большинстве стран КМЗ находится за пределами государственного регулирования, что препятствует процессу общения между сообществами КМЗ и правительством, что затрудняет информирование старателей о рисках использования ртути для окружающей среды и здоровья человека и инвестирование финансов в эту область, а также делает этот сектор уязвимым для коррупции и криминального влияния, оставляя старателей без правовой защиты [9]. Выполнение этих действий поможет снизить экологические и социальные риски в цепочке поставки золота, добываемой в результате КМЗ.

На КС-4 также были представлены данные, которые свидетельствовали о том, что общий объем законно продаваемой на рынке ртути сократился, но при этом увеличился объем незаконной торговли ртутью. В период с 2017 по 2021 гг. основными государствами-импортёрами оказались Боливия, Индия, Китай, ОАЭ, РФ и Вьетнам, а государствами-экспортёрами Таджикистан, Индонезия, ОАЭ, Мексика, Нигерия и Израиль [9].

На КС-4 государства активно обсуждали, что деятельность по КМЗ нарушает права коренных народов, а именно осуществляется незаконная добыча золота, разрушаются объекты культуры в местах их проживания, ограничивается доступ к привычным источникам продуктов питания, загрязняются отходами районы их проживания и т. д. В связи с этим на КС-4 было принято решение, согласно которому государства при подготовке национальных планов действий должны учитывать и отражать интересы коренных народов и общин в результате использования и применения ртути в КМЗ в районах их непосредственного проживания [23].

Следует также отметить, что в соответствии со ст. 7 Конвенции допускается торговля ртутью для КМЗ, но запрещается экспорт ртути для КМЗ с предприятий, где проводится первичная добыча ртути и осуществляется хлорно-щелочное производство.

Таким образом, выполнение государством своих обязательств по статье 7 Минаматской конвенции о ртути, оказание финансовой поддержки и помощи ГЭФ и программы PlanetGold сторонам-участникам Конвенции способно сократить использование ртути в КМЗ, минимизировать негативное воздействие ртути на состояние окружающей среды и здоровье человека, может помочь перейти государствам на безртутные технологии в КМЗ, увеличить во многих странах инвестиции в этот сектор, а также формализовать сектор КМЗ с целью налаживания диалога между сообществами КМЗ, старателями и государствами для эффективного обмена информацией и сокращения коррупции в этом секторе.

3 Является одним из 2 механизмов финансирования Минаматской конвенции о ртути.

Пристатейный библиографический список

1. Глобальная оценка ртути 2018. Программа ООН по окружающей среде, Сектор химических веществ и здоровья Женева, Швейцария. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unep.org/explore-topics/chemicals-waste/what-we-do/mercury/global-mercury-assessment> (дата обращения: 31.03.2023).
2. Доклад Специального докладчика по вопросу о последствиях для прав человека экологически обоснованного регулирования и удаления опасных веществ и отходов Маркоса Орельяны. Ртуть, мелко-масштабная золотодобыча и права человека (8 июля 2022 г.), стр. 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G22/403/63/PDF/G2240363.pdf?OpenElement> (дата обращения: 31.03.2023).
3. Доклад Специального докладчика по вопросу о последствиях для прав человека экологически обоснованного регулирования и удаления опасных веществ и отходов Маркоса Орельяны. Ртуть, мелко-масштабная золотодобыча и права человека (8 июля 2022), стр. 12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mercuryconvention.org/sites/default/files/documents/working_document/4_6_ASGM_Guidance.Russian.pdf (дата обращения: 31.03.2023).
4. Доклад Специального докладчика по вопросу о последствиях для прав человека экологически обоснованного регулирования и удаления опасных веществ и отходов Маркоса Орельяны. Ртуть, мелко-масштабная золотодобыча и права человека (8 июля 2022), стр. 18. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mercuryconvention.org/sites/default/files/documents/working_document/4_6_ASGM_Guidance.Russian.pdf (дата обращения: 31.03.2023).
5. Домрачева В. А. Ртуть: свойства, накопление в окружающей среде и пути обезвреживания // Вестник Иркутского государственного технического университета, 2004 № 2(18), стр. 120.
6. Закон РФ «О недрах» от 21.02.1992 № 2395-1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/9003403> (дата обращения: 28.04.2023).
7. Золотая планета. О программе. Информация. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.planetgold.org/about> (дата обращения: 31.03.2023).
8. Золотая планета. Доступ к финансированию. Разблокирование потоков капитала для преобразования кустарной и мелкомасштабной золотодобычи. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.planetgold.org/access-finance> (дата обращения: 31.03.2023).
9. Золотая планета. Формализация. Интеграция старателей в формальную экономику и систему регулирования на благо всех. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.planetgold.org/formalization> (дата обращения: 31.03.2023).
10. Золотая планета. Области знаний. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.planetgold.org/> (дата обращения: 31.03.2023).
11. Краткий отчет, 7-11 октября 2013 года Дипломатическая конференция полномочных представителей по Минаматской конвенции о ртути и ее подготовительное совещание. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://enb.iisd.org/events/diplomatic-conference-plenipotentiaries-minamata-convention-mercury-and-its-preparatory-4> (дата обращения: 31.03.2023).
12. Минаматская конвенция о ртути (Кумamoto, 10 октября 2013), Приложение С. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mercuryconvention.org/sites/default/files/2021-06/Minamata-Convention-booklet-rus-full.pdf> (дата обращения: 25.03.2023).
13. Минаматская конвенция о ртути (Кумamoto, 10 октября 2013), пункт 3 статья 7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mercuryconvention.org/sites/default/files/2021-06/Minamata-Convention-booklet-rus-full.pdf> (дата обращения: 25.03.2023).
14. Отчет о ходе реализации Минаматской конвенции 2022, стр. 8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mercuryconvention.org/sites/default/files/documents/2023-03/МС_Progress_Report_2022.pdf (дата обращения: 25.03.2023).
15. Проекта Федерального Закона «О старательской деятельности», ст. 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://agjr.ru/assets/files/documents/2021/prilozhenie-N3-1010948-v1.PDF> (дата обращения: 28.04.2023).
16. Проект Федерального Закона «О старательской деятельности», ст. 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://agjr.ru/assets/files/documents/2021/prilozhenie-N3-1010948-v1.PDF> (дата обращения: 28.04.2023).
17. Система обеспечения законодательной деятельности. Законопроект № 343102-8 «О старательской деятельности». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/343102-8#bh_histras (дата обращения: 28.04.2023).
18. Система обеспечения законодательной деятельности. Пояснительная записка к проекту Федерального Закона «О старательской деятельности». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/343102-8#bh_note (дата обращения: 28.04.2023).
19. Стороны и подписанты Минаматской конвенции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mercuryconvention.org/en/parties> (дата обращения: 31.03.2023).
20. Солнцев А.М. Роль международного права в борьбе с ртутными загрязнениями // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 10. С. 211-213.
21. Торговля ресурсами. Земля. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://resourcetrade.earth/?year=2020&category=1512&units=weight&autozoom=1> (дата обращения: 31.03.2023).
22. Федеральный закон «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» от 26.03.1998 № 41-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18254/ (дата обращения: 28.04.2023).
23. Четвертое совещание Конференции Сторон Минаматской конвенции о ртути (КС-4) – вторая часть. Статья 7: Кустарная и мелкомасштабная золотодобыча: обновление Руководства для подготовки национального плана действий по сокращению и, где это возможно, прекращению применения ртути в кустарной и мелкомасштабной золотодобыче (6 Июня 2022). UNEP/МС/СОР.4/29. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mercuryconvention.org/sites/default/files/documents/working_document/K2201630%20-%20UNEP-МС-СОР-4-29%20-%20ADVANCE.pdf (дата обращения: 31.03.2023).
24. Юсифова П. Н. Генезис международно-правовой охраны здоровья человека и окружающей среды от вредного воздействия ртути и ее соединений // Евразийский юридический журнал. 2022. № 2 (165). С. 41-47.

АБОЯН Агавни Арменаковна

магистрант Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ПАРИН Дмитрий Витальевич

магистрант Юридической школы Дальневосточного федерального университета

АЛЬТЕРНАТИВЫ ПРАВООЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ ЕВРОПЕЙСКОМУ СУДУ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: ОСМЫСЛЕНИЕ СПУСТЯ ГОД ПОСЛЕ ВЫХОДА РОССИИ ИЗ СОВЕТА ЕВРОПЫ

В настоящей статье поднимается проблема обеспечения судебной защиты в условиях выхода России из Совета Европы и утраты российскими гражданами и юридическими лицами возможности обращения в Европейский суд по правам человека в целях защиты основных прав и свобод. Авторы в поисках замены Европейского Суда по правам человека рассматривают возможность обращения за защитой нарушенных прав в альтернативные органы, в числе которых Конституционный Суд Российской Федерации, уставные и договорные комитеты ООН, Совет по правам человека ООН. Авторы анализируют ряд препятствий, существующих сегодня в правовом поле, для задействования указанных органов в том качестве, в котором выступал для граждан и лиц ЕСПЧ, и приходят к выводу о преждевременном выдвигании предложений, касающихся замены Европейского Суда Конституционным Судом, о юридически необоснованной возможности замены решений Европейского суда решениями комитетов ООН, о потенциалах создания новых органов международного правосудия.

Ключевые слова: судебная защита, конституционное право, правозащитные механизмы, уставные органы ООН, договорные органы ООН, Европейский Суд по правам человека, Конституционный Суд России, международное правосудие.

ABOYAN Agavni Armenakovna

magister student of the School of Law of the Far Eastern Federal University

PARIN Dmitriy Vitaljevich

magister student of the School of Law of the Far Eastern Federal University

ALTERNATIVES OF HUMAN RIGHTS MECHANISMS TO THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS: UNDERSTANDING AFTER A YEAR OF RUSSIA'S WITHDRAWAL FROM THE COUNCIL OF EUROPE

This article raises the problem of ensuring judicial protection in the conditions of Russia's withdrawal from the Council of Europe and the loss of the possibility for Russian citizens and legal entities to appeal to the European Court of Human Rights in order to protect fundamental rights and freedoms. The authors, in search of a replacement for the European Court of Human Rights, are considering the possibility of applying for protection of violated rights to alternative bodies, including the Constitutional Court of the Russian Federation, the UN Charter and Treaty committees, the UN Human Rights Council. The authors analyze a number of obstacles existing today in the legal field for the involvement of these bodies in the capacity in which the ECHR acted for citizens and individuals, and come to the conclusion about the premature nomination of proposals concerning the replacement of the European Court by the Constitutional Court, about the legally unjustified possibility of replacing the decisions of the European Court with the decisions of UN committees, about the potentials of creating new ones. bodies of international justice.

Keywords: judicial protection, constitutional law, human rights mechanisms, UN charter bodies, UN treaty bodies, the European Court of Human Rights, the Constitutional Court of Russia, international justice.

В сфере защиты прав и свобод человека и гражданина 2022 год ознаменовался для Российской Федерации необходимостью переосмысления опыта реализации права на судебную защиту. Право на судебную защиту, гарантированное статьёй 46 Конституции России, имеет особую, двойственную природу. Право на судебную защиту является основным неотчуждаемым правом и одновременно выступает средством обеспечения всех других прав¹. Гарантии судебной защиты закрепляются не только на национальном уровне, но и на международном. Судебная защита прав и свобод гарантируется положениями Международного пакта о гражданских и политических правах (статья 14), Всеобщей декларации прав человека (статья 8), Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека (статья 6), Европейской конвенции по правам человека (статья 6).

Закрепление права на судебную защиту в качестве основного права как на национальном, так и на международном уровнях, в первую очередь, предполагает создание системы органов, обеспечивающих эффективное судебное разбира-

тельство каждому. Вместе с тем необходимо отметить, что органы, создаваемые на международном уровне, имеют субсидиарный характер, основная роль за восстановлением нарушенных прав принадлежит национальным судам. Субсидиарный характер органов международного правосудия подчёркивается международными правовыми актами, их собственной практикой, а также на национальном уровне. Так, обращение в органы, обеспечивающие восстановление прав на международном уровне, допустимо в том случае, если исчерпаны внутригосударственные средства судебной защиты.

Особое место в системе судебных органов занимает Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ). Несмотря на субсидиарный характер, который присущ ЕСПЧ, невозможно не отметить тот большой вклад, который был внесён им как в аспекте исправления правоприменительных ошибок национальных судов, так и в аспекте устранения дефектов национального законодательства. Вместе с тем сегодня в связи с выходом из Совета Европы Россия столкнулась с необходимостью переосмысления опыта судебной защиты граждан на международном уровне.

1 Постановление Конституционного Суда РФ от 13 мая 2021 г. № 18-П // Доступ из СПС «Гарант».

Справедливым было бы заметить, что ещё до 2022 года некоторыми исследователями на основе анализа принятых поправок к Конституции России предполагался возможный выход Российской Федерации или её исключение из Совета Европы [14, с. 124], а как следствие и прекращение юрисдикции ЕСПЧ в отношении России. В 2022 году Российская Федерация прекратила своё членство в Совете Европы² и окончательно денонсировала Европейскую конвенцию по правам человека³, в результате чего граждане Российской Федерации лишлись возможности обращаться в ЕСПЧ в случае нарушения конвенциональных прав. На рассмотрении ЕСПЧ до сих пор остаётся 17 450 жалоб в отношении России⁴ по нарушениям, которые имели место до 16 сентября 2022 года, той даты, с которой Страсбургский Суд больше не принимает к своему рассмотрению жалобы, поступающие от граждан России. Вместе с тем ещё в июне 2022 года были приняты федеральные законы, вносящие изменения в процессуальные кодексы, согласно которым решения ЕСПЧ, вступившие в силу после 15 марта 2022 года, не подлежат исполнению⁵. Именно поэтому на сегодняшний день особой интерес представляет исследование вопроса возможности замены ЕСПЧ национальными судами, поиска его аналогов на международном уровне или создания совершенно новых органов международного правосудия в рамках тех международных объединений и площадок, участницей которых является Россия.

Одним из предполагаемых вариантов замены ЕСПЧ может выступить Конституционный Суд Российской Федерации, о чём заявлял, в частности, сенатор А. А. Клишас⁶. С указанной точкой зрения невозможно согласиться полностью. Без всяких сомнений, в компетенцию Конституционного Суда России входит рассмотрение жалоб, поступающих от физических и юридических лиц, и на первый взгляд может показаться, что в указанном аспекте деятельности и орган конституционного контроля, и Страсбургский Суд походят друг на друга. Вместе с тем в компетенции обоих судов по рассмотрению индивидуальных и коллективных жалоб на нарушение прав и свобод существуют огромные различия.

Как было отмечено Конституционным Судом России, защита прав и свобод на международном уровне предполагает исправление судебных ошибок, допущенных национальными ординарными судами⁷. Указанное в полной мере было применимо и в аспекте возможности граждан России обратиться в ЕСПЧ. Более того, Европейская конвенция по правам человека никак не ограничивала возможность рассмотрения жалоб в зависимости от формы вмешательства в права. ЕСПЧ уполномочен рассматривать факты нарушения прав и свобод заявителей, ставшие результатом принятия су-

дебных решений, а также вызванные проблемами в системе законодательства, принятием административных решений, действиями или бездействиями конкретных лиц.

Конституционный Суд России, в свою очередь, осуществляет конкретный нормоконтроль по нормативным жалобам граждан: это предполагает, что орган конституционного контроля реализовывает проверку ограниченного круга нормативных правовых актов, применённых в конкретном деле заявителей. Конституционный Суд России не проверяет конкретные решения ординарных судов, он не уполномочен исправлять судебные ошибки, допущенные в ходе того или иного вида судопроизводства, равно как и рассматривать факты нарушения права со стороны действий или бездействий или со стороны принятия административных актов. Об указанном аспекте своей деятельности Конституционному Суду России постоянно приходится напоминать⁸.

Однако следует обратить внимание на то обстоятельство, что судебные акты всё же могут стать предметом рассмотрения Конституционного Суда России. В научной литературе судебные акты в рамках системы конституционного контроля, сформировавшегося в России, обычно принято относить к косвенным предметам контроля [10, с. 185]. Подобный подход обусловлен тем, что Конституционный Суд рассматривает положения нормативных правовых актов не только по их буквальному толкованию, но и по тому смыслу, который придаётся им официальным толкованием, а также сложившейся правоприменительной практикой. При этом практика самого Конституционного Суда свидетельствует о постепенном расширении круга судебных актов, которыми придаётся смысл оспариваемым положениям [2], [3]. Однако даже несмотря на указанное заявителям обязаны следовать формальным положениям закона и оспаривать именно нормативные правовые акты, дефектность которых связаны в таких случаях не с их положениями, а с практикой их применения. Подобные процессуальные установочки, заключающиеся в формальном оспаривании нормативного правового акта, но в фактической проверке судебных решений вызывают обоснованные предложения по легализации на уровне Конституции России и Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» полномочия Конституционного Суда осуществлять проверку судебных актов [16, с. 50]. О возможной необходимости обсуждения вопроса о расширении компетенции Конституционного Суда России за счёт включения в круг рассматриваемых им актов судебных решений говорит и А. Н. Кокотов, который указывает, что насущность такого вопроса может возникнуть при выходе России из-под юрисдикции ЕСПЧ [6, с. 3]. С учётом сложившихся реалий можно с уверенностью констатировать, что такая насущность назрела.

Подобный выход из сложившейся ситуации может стать эффективным способом решения проблемы «вакуума», возникшего после выхода России из стран-участников Европейской конвенции по правам человека. Во-первых, расширение компетенции Конституционного Суда сможет максимально приблизить его к своему Страсбургскому коллеге с точки зрения компетенции. Как указывалось выше, форма вмешательства в права и свободы человека строго не определена положениями Европейской конвенции по правам человека. Вместе с тем требование исчерпания средств внутригосударственной защиты, являющееся обязательным для допустимости обращения, обуславливает необходимость обращения в судебные инстанции. Тем самым предопределяется необходимость прохождения «судебного фильтра» даже в тех случаях, когда нарушение прав имело место в административных процедурах. Выводы, к которым пришли суды, в полной мере исследуются в рамках процедуры рассмотрения

2 Информация Европейского Суда по правам человека от 23 марта 2022 г. № ECHR 099 // Доступ из СПС «Гарант».

3 Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // Доступ из СПС «Гарант».

4 Информация Европейского Суда по правам человека от 16 сентября 2022 г. «Российская Федерация перестаёт быть участником Европейской конвенции о правах человека» // Доступ из СПС «Гарант».

5 См., напр.: Федеральный закон от 11 июня 2022 г. № 183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Доступ из СПС «Гарант»; Федеральный закон от 11 июня 2022 г. № 180-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс» // Доступ из СПС «Гарант».

6 Сенатор Клишас: россияне смогут обращаться в Конституционный Суд вместо ЕСПЧ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20220316/sud-1778524929.html> (дата обращения: 28.04.2023).

7 Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июля 2002 г. № 13-П // Доступ из СПС «Гарант».

8 Определение Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2020 г. № 3006-О // Доступ из СПС «Гарант».

дел ЕСПЧ. Таким образом, наделив Конституционный Суд полномочием по проверке конституционности вынесенных судебных решений, законодатель сможет открыть дорогу для исследования случаев нарушения прав и свобод практически любым актом, действием или бездействием должностных лиц, оспаривание которых уже было произведено в судебном порядке⁹. Во-вторых, решения Конституционного Суда России в силу прямых предписаний положений Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» являются обязательными, равно как и ранее обязательными являлись решения ЕСПЧ. В-третьих, обращение в Конституционный Суд России в случае расширения его компетенции может оказаться даже более эффективным постольку, поскольку является менее длительным по сравнению с теми процедурами, в рамках которых дела рассматривались ЕСПЧ. Таким образом, Конституционный Суд может стать полноценной заменой ЕСПЧ. Но вместе с тем с большой оговоркой: лишь в том случае, если будет расширена его компетенция. На сегодняшний день вывод о полной замене ЕСПЧ Конституционным Судом России является преждевременным и необоснованным.

В связи с указанным следует обратить внимание на межгосударственные правозащитные органы, которые также могут быть одним из предполагаемых вариантов замены ЕСПЧ. Сегодня для российских заявителей в качестве таковых выступают уставные и договорные органы, созданные под эгидой ООН. Их несудебный характер в рамках исследования вопроса реализации права на судебную защиту на международном уровне не может служить препятствием для возможности рассмотрения их в качестве одного из доступных механизмов защиты прав и свобод. Более того, часть 3 статьи 46 Конституции Российской Федерации не ограничивает защиту прав и свобод на международном уровне лишь межгосударственными судебными органами. По своему буквальному смыслу положения статьи 46 Конституции России предполагают, что защита прав может быть осуществлена не только судами, но и любыми межгосударственными органами, в число которых входят договорные и уставные органы ООН [7].

На сегодняшний день в системе ООН учреждены десять договорных органов, созданных в целях наблюдения за выполнением положений основных международных договоров в области прав и свобод человека. Восемь созданных комитетов уполномочены рассматривать индивидуальные жалобы граждан на нарушение положений соответствующих международных договоров [15, с. 35-36]. При этом поскольку государства должны явным образом признать компетенцию таких договорных органов, для России «действующими» можно признать только четыре: Комитет по правам человека, Комитет против пыток, Комитет по ликвидации расовой дискриминации, Комитет по ликвидации расовой дискриминации среди женщин.

По мнению А. С. Абашидзе, созданные под эгидой ООН органы являются даже более эффективными механизмами защиты прав и свобод человека, чем ЕСПЧ. Так, указывается, что международные договоры, на основании положений которых учреждаются комитеты, во-первых, предоставляют защиту большому кругу прав, во-вторых, комитеты уполномочены давать толкования международным договорам, принимая замечания общего порядка, направленные на наполнение конкретных положений, касающихся прав, единым, универсальным содержанием, в-третьих, решения комитетов

обладают аналогичными с решениями ЕСПЧ последствиями в аспекте необходимости пересмотра дела заявителей¹⁰.

Последнее утверждение представляется дискуссионным. На сегодняшний день ни в одном из международных договоров, ни в одном нормативном правовом акте не закреплена обязательная сила решений, выносимых комитетами ООН. Решения, выносимые комитетами ООН, носят необязательный характер [4]. Указанный характер решений подтверждается и в рамках самой Организации Объединённых Наций. Так, указывается что решения комитетов ООН содержат рекомендации по устранению нарушения права для государства, на действия которого была подана индивидуальная жалоба, и представляют собой лишь авторитетное толкование положений того или иного международного договора¹¹. С формальной точки зрения «рекомендации» комитетов ООН не могут послужить основанием для пересмотра дела заявителей в рамках процедур национальных ординарных судов, что было присуще решениям ЕСПЧ. Исполнение или неисполнение решений-рекомендаций комитетов зависит от политической воли государства, против действий которого была подана индивидуальная жалоба [13, с. 105]. Сложилось ли политическая воля по исполнению решений комитетов ООН у России, сказать достаточно затруднительно.

С одной стороны, отсутствие формально закреплённого в процессуальных положениях обстоятельства для пересмотра дела в виде вынесенного решения комитетов ООН явно свидетельствует об отсутствии такой воли. С другой стороны, отсутствие формально определённой обязывающей силы таких решений восполняется практикой и правовыми позициями как Верховного Суда России, так и Конституционного Суда России.

Основополагающим в данном вопросе является правовая позиция Конституционного Суда России, в которой указывается, что «в силу общепризнанного принципа международного права *«pacta sunt servanda»* и по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 2 Международного пакта о гражданских и политических правах, возлагающего на каждое участвующее в Пакте государство обязанность обеспечить любому лицу, права и свободы которого, признаваемые в Пакте, нарушены, эффективное средство правовой защиты, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве, Российская Федерация не вправе уклоняться от адекватного реагирования на соображения Комитета по правам человека»¹². Указанная позиция в полной степени должна распространяться и на решения, вынесенные иными комитетами, юрисдикцию которых признала для себя Российская Федерация. «Адекватное реагирование», на необходимость которого указал Конституционный Суд России, фактически означает обязанность России устранять всякое нарушение права, выявленное комитетами, в том числе и при помощи процедуры пересмотра дела. Вместе с тем у такого подхода нашлись и свои оппоненты, в том числе и среди судей Конституционного Суда России¹³.

10 Выступление А. С. Абашидзе на секционном заседании «Выход из Совета Европы и система защиты прав человека в Российской Федерации: год спустя» в рамках Петербургскому международному юридическому форуму. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalforum.info/programme/business-programme/2753/> (дата обращения: 17.05.2023).

11 Договорные органы по правам человека – Индивидуальные сообщения. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/ru/treaty-bodies/human-rights-treaty-bodies-individual-communications> (дата обращения: 16.04.2023).

12 Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1248-О // Доступ из СПС «Гарант».

13 Так, судьей Н. С. Бондарем было выражено особое мнение, в котором он не согласился с выводами Конституционного Суда России по вопросу правовой природы решения Комитета по правам человека ООН. Н. С. Бондарь указывает, что «Комитет по правам

9 В указанном контексте следует обратить внимание на введённый в 2020 году в ходе конституционной реформы критерий «исчерпания всех средств внутрисудебной судебной защиты». Указанные требования допустимости жалобы, поданной в порядке конституционного судопроизводства, точно так же, как и в случае процедурных правил ЕСПЧ, предполагают прохождения «судебного фильтра» в любом случае.

Позиция о необходимости учёта решений комитетов также разделяется и Верховным Судом России. В первую очередь, следует обратить внимание на положения некоторых постановлений Пленума Верховного Суда России. Так, в пункте 10 постановления Пленума Верховного Суда России «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» устанавливается, что при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения такого договора¹⁴. Более того, в постановлении Пленума Верховного Суда России «О применении судами норм главы 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств по заключению прокурора» указывается, что «сведения, содержащиеся в сообщениях Комитета ООН по правам человека, являются достаточными поводом и основанием для вынесения прокурором постановления о возбуждении производства ввиду новых обстоятельств»¹⁵.

Верховный Суд России обращает внимание на важное значение решений комитетов ООН в обзорах практики межгосударственных органов, подготавливаемых на постоянной основе. При этом следует обратить внимание, что Верховный Суд призывает нижестоящие суды учитывать не только правовые позиции, сформулированные теми комитетами, юрисдикцию которых признаёт Россия, но и те правовые позиции, которые были выражены комитетами, чью юрисдикцию Россия для себя не признала¹⁶. Практика судебных коллегий Верховного Суда свидетельствует о довольно частом обращении к правовым позициям комитетов ООН. И более того, известно несколько примеров, когда решения комитетов ООН повлияли на вынесенные решения судебных коллегий Верховного Суда по делам этих заявителей: дело С. В. Медведевой¹⁷ и дело С. А. Кирсанова¹⁸.

Однако признать такие случаи систематическими, явно свидетельствующими о юридической обязательности сообщений комитетов для национальных органов пока нельзя. Именно поэтому некоторыми исследователями предлагалось на национальном уровне прямо закрепить в качестве основания для пересмотра дела заявителей [11], что укрепило бы силу решений комитетов ООН.

человека ООН вправе лишь предлагать государствам-участникам своё видение необходимости защиты (восстановления) прав граждан, но такая его позиция не имеет императивно-обязывающей силы для национальных правоохранительных и судебных органов».

- 14 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Доступ из СПС «Гарант».
- 15 Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами норм главы 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств по заключению прокурора» от 14 декабря 2021 г. № 43 // Доступ из СПС «Гарант».
- 16 См., напр.: Обзор практики Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, связанной с рассмотрением индивидуальных сообщений // Доступ из СПС «Гарант»; Обзор практики Комитета ООН по правам инвалидов, связанной с рассмотрением индивидуальных сообщений // Доступ из СПС «Гарант»; Обзор практики Комитета ООН по правам ребёнка, связанной с рассмотрением индивидуальных сообщений // Доступ из СПС «Гарант».
- 17 Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24 июля 2017 г. № 46-КГ17-24 // Доступ из СПС «Гарант».
- 18 Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27 сентября 2022 г. № 5-КГ22-67-К2 // Доступ из СПС «Гарант».

К уставным органам по защите прав человека ООН относится Совет по правам человека ООН, учреждённый вместо Комиссии по правам человека. Совет по правам человека ООН также уполномочен рассматривать индивидуальные жалобы граждан на нарушение их прав и свобод. Однако процедура рассмотрения жалоб отличается даже от процедур, которые присущи правозащитным комитетам по правам человека, созданным под эгидой ООН. Совет по правам человека осуществляет рассмотрение жалоб, свидетельствующих о систематических и достоверно подтверждённых грубых нарушениях прав человека и всех основных свобод, что значительно осложняет доступ к данному международному органу.

В рамках Совета по правам человека также созданы и специальные процедуры, в число которых входят специальные докладчики по правам человека, рабочие группы по тем или иным вопросам, процедура рассмотрения жалоб в рамках которых больше всего походит на судебную [1], а также независимые эксперты. Специальные процедуры, созданные при Совете по правам человека ООН, реагируют на индивидуальные случаи нарушения прав и свобод человека путём принятия соответствующих сообщений. Указанные сообщения так же рассматриваются в качестве авторитетных актов международными и региональными механизмами защиты прав человека, носящими рекомендательный характер [8]. Вместе с тем точно так же, как и в отношении решений комитетов ООН, Конституционный Суд России высказал аналогичную позицию и в отношении некоторых специальных процедур, а именно в отношении Рабочих групп, прямо уполномоченных рассматривать индивидуальные жалобы¹⁹. Аналогичная позиция также отражена и в ранее называемом постановлении Пленума Верховного Суда России «О применении судами норм главы 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств по заключению прокурора».

Существует и альтернативная точная зрения, выражающаяся в том, что для полноценной защиты прав и свобод недостаточно существующих механизмов, действующих как на национальном, так и на международном уровнях. Именно поэтому предлагается создать новые органы, способные заменить ЕСПЧ.

Не так давно звучала инициатива о создании российского суда по правам человека. Безусловно, она была высказана в период, когда выход России из Совета Европы не был осуществлён, а юрисдикция ЕСПЧ продолжала действовать и в отношении России. История вопроса возможного создания российского аналога ЕСПЧ ведёт начало с 10 декабря 2020 года, с заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте²⁰. Именно тогда на официальном уровне была заявлена указанная инициатива, которая в дальнейшем не нашла своей реализации. На сегодняшний день в контексте рассматриваемого вопроса данная инициатива может звучать новыми красками. Вместе с тем тот круг вопросов, который звучал от противников данной инициативы, так и остался без ответов [5]. Не было определено до конца в рамках инициативы, какое место займёт подобный орган в общей системе и по отношению к Верховному Суду, и по отношению к Конституционному Суду, в частности. Не была определена его компетенция, а потому опасения того, что создание российского суда по правам человека приведёт либо к дублированию одних и тех же полно-

19 Определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2015 г. № 1276-О // Доступ из СПС «Гарант».

20 Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/64638> (дата обращения: 19.04.2023).

мочий [12, с. 27], либо к уменьшению полномочий у сегодня существующих судебных органов, являлись обоснованными. Именно поэтому предложение по созданию российского суда по правам человека являлось и является спорным и практически нереализуемым.

Иными потенциальными вариантами могут стать новые органы международного правосудия, созданные на различных площадках и в рамках различных организаций. Могут звучать различные варианты: от правозащитных органов, созданных в целях универсализации правосудия [9], до органов, созданных в целях регионализации (в рамках СНГ²¹, ШОС²², присоединения к возможно созданному АСПЧ [6, с. 2] и др.). Однако каждый из вариантов имеет ряд схожих проблем: сложность создания, сложность финансирования, сложность определения компетенции, сложность имплементации положений о данных органах в национальные системы права. Именно поэтому подобные предложения, хотя и кажутся перспективными, но вместе с тем требуют детальной проработки и осмысления.

С учётом указанного следует согласиться с Заместителем Председателя Конституционного Суда России С. П. Мавриным, который указал, что на сегодняшнем этапе следует взять паузу в созидательной интенции²³. Действующие национальные правозащитные механизмы, действующие для России международные правозащитные механизмы в полной мере не раскрыли свой потенциал. Эффективность защиты прав и свобод не кроется в наличии того или иного органа, не кроется в количестве этих органов. Эффективность защиты прав и свобод кроется в эффективности работы существующих правозащитных механизмов. Современная национальная судебная система, сформировавшаяся во многом под влиянием ЕСПЧ, не является идеальной и обладает изъянами и недостатками, но вместе с тем способна предоставить необходимый уровень защиты. В целях достижения большей эффективности может быть проведена некоторая её корректировка, о которой указывалось выше. Может быть проведена работа по более тесному сотрудничеству с механизмами ООН. Именно в этих ключевых аспектах и стоит искать ответ на вопрос, кем может быть заменён сегодня в России ЕСПЧ.

Пристатейный библиографический список

1. Вайпан Г. Исполнять нельзя игнорировать: о юридическом значении Мнений Рабочей группы ООН по произвольным задержаниям для российского правопорядка // *Международное правосудие*. – 2015. – № 3. – С. 93-107.
2. Гаджиев Г. А. Работать в КС РФ стало намного интереснее // *Адвокатская газета*. – 2023. – № 8. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/intervyu/rabotat-v-ks-rf-stalo-namnogo-interesnee/> (дата обращения: 12.05.2023).
3. Гаджиев Г. А., Блохин П. Д. О функциональном назначении части 2 статьи 79 Закона о Конституционном Суде РФ и её взаимосвязи с требованием

21 Меркачева сообщила о начале создания суда по правам человека СНГ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/834011> (дата обращения: 20.04.2023).

22 Выступление Д. А. Медведева на пленарном заседании «Суверенитет в праве» в рамках Петербургскому международного юридического форума. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalforum.info/programme/business-programme/4275/> (дата обращения: 17.05.2023).

23 Выступление С. П. Маврина на секционном заседании «Выход из Совета Европы и система защиты прав человека в Российской Федерации: год спустя» в рамках Петербургскому международного юридического форума. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalforum.info/programme/business-programme/2753/> (дата обращения: 17.05.2023).

- исчерпания средств судебной защиты // *Журнал конституционного правосудия*. – 2022. – № 5. – С. 1-6.
4. Исполинов А. С. Сила и слабость универсальных договоров о защите прав человека // *Российский юридический журнал*. – 2022. – № 3 // Доступ из СПС «Гарант».
 5. Ключевская Н. Создание российского суда по правам человека: поиск рационального зерна // Доступ из СПС «Гарант».
 6. Кокотов А. Н. Конституционный Суд России как российский суд по правам человека // *Журнал конституционного правосудия*. – 2022. – № 2. – С. 1-6.
 7. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина. – М., 2011 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
 8. Конева А. Е. Вклад рабочей группы ООН по произвольным задержаниям в защиту прав человека (дело Джулиана Ассанжа) // *Российский юридический журнал*. – 2017. – № 1 // Доступ из СПС «Гарант».
 9. Конева А. Е. К вопросу о бесперспективности учреждения Всемирного суда по правам человека // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Право*. – 2017. – № 1. – С. 83-101.
 10. Конституционный Суд России: осмысление опыта: монография / Медушевский А. Н., Гриценко Е. В., Кененова И. П. [и др.]; под общ. ред. А. Н. Медушевского. – М., 2022. – 652 с.
 11. Кочурина Т. А. Институт пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам: взаимодействие гражданского процессуального и международного права // *Российский юридический журнал*. – 2011. – № 3 // Доступ из СПС «Гарант».
 12. Курсаев А. В., Ханахмедова Л. В. Обеспечение прав и свобод граждан в условиях процедуры выхода Российской Федерации из Европейского Суда по правам человека // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. – 2022. – № 3. – С. 24-37.
 13. Лукьянцев Г. Е. К вопросу о повышении эффективности функционирования договорных органов по правам человека (теоретические и практические аспекты) // *Московский журнал международного права*. – 2005. – № 4. – С. 101-119.
 14. Марочкин С. Ю. Конституционные поправки о роли международных обязательств в правовой системе России: вперёд, в прошлое? // *Сравнительное конституционное обозрение*. – 2022. – № 2. – С. 105-124.
 15. Система договоров Организации Объединённых Наций в области прав человека. Изложение факто № 30/Rev. 1. – Женева, 2012. – 76 с.
 16. Тарибо Е. В. Акты судебного толкования как предмет конституционного наркоконтроля // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*. – 2018. – № 3. – С. 45-50.

ГЛИНЩИКОВА Татьяна Вадимовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и предпринимательского права Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

ГРИЦАЙ Дарья Викторовна

студент Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

ПАТРУШЕВА Елизавета Дмитриевна

студент Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

ПРИЗНАНИЕ И ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЙ ИНОСТРАННЫХ СУДОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящее время вопрос признания и исполнения решений иностранных судов в Российской Федерации приобретает особую актуальность. В статье авторы исследуют проблемы, связанные с признанием и исполнением судебных актов в России, а также предлагают их решения с учетом сложившейся международной ситуации. Рассматриваются различные механизмы признания и исполнения иностранных судебных решений: на основании международного договора Российской Федерации либо федерального закона, принципа взаимности и международной вежливости, открытого признания решений иностранных судов. На основании информации, полученной в результате исследования, авторы указывают на правовое основание признания решений иностранных судов, которое наиболее предпочтительно для России.

Ключевые слова: иностранное судебное решение, международный гражданский процесс, взаимность, международный договор, иностранный элемент.

GLINSHCHIKOVA Tatyana Vadimovna

Ph.D. in Law, associate professor of International private and business law sub-faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

GRITSAY Darya Viktorovna

student of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

PATRUSHEVA Elizaveta Dmitrievna

student of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

RECOGNITION AND ENFORCEMENT OF DECISIONS OF FOREIGN COURTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

At present, the issue of recognition and enforcement of decisions of foreign courts in the Russian Federation is of particular relevance. In the article, the authors explore the problems associated with the recognition and enforcement of judicial acts in Russia, and also offer their solutions, taking into account the current international situation. Various mechanisms for the recognition and enforcement of foreign judgments are considered: on the basis of an international treaty of the Russian Federation or federal law, the principle of reciprocity and international courtesy, open recognition of decisions of foreign courts. Based on the information obtained as a result of the study, the authors indicate the legal basis for the recognition of decisions of foreign courts, which is most preferable for Russia.

Keywords: judgment, enforcement, foreign courts, international private law, national law, problems of theory and practice.

Актуальность вопроса признания и исполнения решений иностранных судов национальными судами очевидна, поскольку все члены мирового сообщества понимают необходимость решения проблемы, связанной с отсутствием единого правового механизма признания и исполнения судебных актов иностранных государств. И если ряд стран смогли прийти к компромиссу, то Российская Федерация и другие страны ищут для себя наиболее приемлемый вариант, который соответствовал бы их государственным интересам. Однако, руководствуясь целью эффективной защиты прав физических и юридических лиц в отношениях, осложненных иностранным элементом и в попытках объединения международного сообщества, современные государства позволяют признание и исполнение иностранных судебных актов в своей юрисдикции.

Российская правовая система в данном вопросе исходит из того, что признание и исполнение решений иностранных судов возможно при наличии международного договора или федерального закона. На протяжении длительного времени данное правило находило свое закрепление в нормативно-правовых актах СССР и РСФСР. Что касается федерального закона, как правового основания признания

судебных актов зарубежных государств, то согласно п. 6 ст. 1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» 2002 г. решения судов иностранных государств по делам о банкротстве признаются в соответствии с международными договорами Российской Федерации, однако при их отсутствии они признаются на территории нашей страны на началах взаимности.

Следует отметить, что некоторые судебные решения в случаях, предусмотренных федеральными законами, подлежат только признанию, исполнение для них не требуется, например, признание брака недействительным (ст. 415 ГПК РФ). Таким образом, признание судебного акта может иметь место без специального разрешения со стороны признающего государства. Как следствие, признание и исполнение иностранного судебного решения не являются взаимосвязанными процедурами. Поэтому предпосылкой для исполнения конкретного судебного решения признание считать не целесообразно. По этой причине, полагаем, употребление термина «признание» в тексте статей 242-245 АПК РФ, является не совсем корректным, имеет смысл в указанных статьях сделать акцент только лишь на исполнение иностранного судебного решения.

Предусмотренный на сегодняшний день механизм признания и исполнения судебных решений в нашей стране не обеспечивает полноценную защиту физических и юридических лиц несмотря на то, что Российская Федерация участвует в некотором количестве двусторонних международных договоров о правовой помощи. Текст некоторых из них содержит нормы о взаимном признании и исполнении иностранных судебных актов. Однако для создания эффективного механизма признания решений иностранных судов, положений этих международных договоров недостаточно.

Как следствие, в правовой доктрине обсуждался вопрос о возможности признания и исполнения иностранных судебных решений на основе взаимности – основополагающем принципе международного права [1], [4]. Зарубежные законодатели в кодификациях по международному частному праву, например Германии, Испании, предпринимали попытки закрепления принципа взаимности, как правового основания признания и исполнения иностранного судебного решения, однако должной реализации эта идея не получила и эти положения были исключены из законов.

В качестве основания признания и исполнения решений иностранных судов некоторые отечественные судебные инстанции в своей практике ссылаются на принципы взаимности и международной вежливости, однако нельзя говорить, о том, что такой подход встречается повсеместно. По нашему мнению, принцип взаимности, как основание исполнения решений иностранных судов, давно потерял свою актуальность, а также создает достаточно много проблем в процессе своей реализации. Исходя из множества идей, предлагаемых на сегодняшний день учеными, закрепление в отечественном законодательстве принципа взаимности, конечно, не будет шагом назад, учитывая скромность регулирования данных отношений, но и не поможет серьезно продвинуться в решении вопроса исполнения решений иностранных судов.

А. А. Костин выдвигает интересную идею о необходимости перехода к открытому режиму признания и исполнения иностранных судебных решений. Он указывает, что для обеспечения принудительного исполнения решений судов на территории других стран необходимо исполнять решения иностранных судов без каких-либо условий, таким образом, задав тенденцию открытого режима исполнения иностранных судебных актов. В контексте периода времени написания ученым работы данная идея представляется вполне обоснованной. Однако последние события в мире, привели к нарастанию противоречий между Россией и рядом зарубежных стран. В связи с этим, с трудом представляется, что даже если Россия последует политической мудрости, которую можно охарактеризовать латинской максимой *do ut des* (лат. «даю, чтобы ты дал»), и начнет признавать и исполнять открыто решения иностранных судов, остальные страны последуют ее примеру.

Передовое значение в вопросе принудительного исполнения решений иностранных судов имеют Гагские конвенции 2005 г. и 2019 г. Цель конвенции 2019 г. установление унифицированного свода положений, позволяющих создать эффективный международно-правовой механизм, облегчающий доступ физических и юридических лиц к правосудию и последующего исполнения вынесенных судебных решений в странах-участницах. Гагская конвенция 2019 г. является предшественницей Гагской конвенции 2005 г. Конвенции отличаются достаточно широким потенциальным охватом стран-участниц и по-настоящему объемной предметной сферой применения, ведь положения Конвенции призваны

обеспечить признание и исполнение иностранных судебных решений по гражданским и торговым делам. Можно утверждать, что ее положения способствуют повышению популярности государственных судов по сравнению с международным коммерческим арбитражем, за счет укрепления перспектив исполнения решений государственных судов за границей.

Гагская конвенция 2019 г. для своих стран участниц предусматривает понятный и эффективный механизм признания и исполнения решений иностранных судов. Она регламентирует условия, при которых будут признаваться, и исполняться решения, а также в каких ситуациях будет отказано в этом, процессуальные расходы, документы, которые необходимо предоставлять и многое другое.

Весьма сложно объяснить нежелание нашей страны принять участие в Гагских судебных конвенциях. Положение, предусмотренные указанными конвенциями, значительно облегчили бы порядок признания и исполнения решений иностранных судов в нашей стране. В советский период можно было говорить о том, что это подписание и ратификация подобных конвенций противоречила бы интересам государства и шла вразрез с его идеологией, но Российская Федерация могла бы себе позволить данный шаг.

Возможность подписания и ратификации Россией Гагских судебных конвенций – вопрос, поднимаемый отечественными учеными-юристами неоднократно. Учитывая тот факт, что наша страна не закрепила принцип взаимности, не применяет открытое признание и исполнение решений иностранных судов, участвует в незначительном количестве договоров о правовой помощи, подписание и ратификация Гагской конвенции 2019 г. существенно облегчило бы регулирование данных отношений. Участие нашей страны в Конвенции 2019 г. – это в первую очередь обеспечение защиты наших граждан и юридических лиц, которые вступают в трансграничные отношения. Подписание и ратификация Конвенции 2019 г. станет необходимым шагом в условиях современной реальности, с учетом существующих международных контактов между субъектами разных стран.

Пристатейный библиографический список

1. Глинщикова Т. В., Гавриков С. Д. Роль международного договора в вопросах признания и исполнения решений иностранных судов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2022. - № 11-2. - С. 47-49.
2. Власова Н. В. Взаимность как основание признания и исполнения в России иностранных судебных решений // Актуальные проблемы российского права. - 2016. - № 10 (71). - С. 190-196.
3. Костин А. А. Правовые основания признания и исполнения иностранных судебных решений в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2018. - С. 21.
4. Определение ВАС РФ от 26.07.2012 N ВАС-6580/12 по делу № А40-119397/11-63-950. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.01.2023).

ГУЛЕВИЧ Инесса Васильевна

старший преподаватель кафедры гражданского права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

АХМЕДОВА Даниела Сабитовна

студентка 4 курса Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

ФЕДОРОВСКИЙ Максим Алексеевич

студент 3 курса Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, помощник адвоката Мины М. А.

УСЫНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКИХ ДЕТЕЙ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДДАНАМИ: АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Авторами статьи поднимается актуальный вопрос о возможности усыновления иностранными гражданами российских детей, в частности, анализируются предусмотренные действующим российским законодательством ограничения в данной процедуре. Материал основывается на фактическом изложении особенностей российского законодательства в указанном вопросе, а также содержит вывод о мотивации законодателя и общественности Российской Федерации в установлении и поддержке изложенных в статье ограничений.

Ключевые слова: усыновление (удочерение) российских детей, дети-сироты, семейное право, недружественные страны, традиционная семья.

GULEVICH Inassa Vasiljevna

senior lecturer of Civil law sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

AKHMEDOVA Daniela Sabitovna

student of the 4th course of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

FEDOROVSKIY Maxim Alekseevich

student of the 3rd course of the Crimean branch of the Russian State University of Justice, assistant lawyer of Mina M. A.

ADOPTION OF RUSSIAN CHILDREN BY FOREIGN CITIZENS: ANALYSIS OF THE PECULIARITIES OF THE CURRENT LEGISLATION

The authors of the article raise the topical issue of the possibility of adoption of Russian children by foreign citizens, in particular, analyze the restrictions provided for by the current Russian legislation in this procedure. The material is based on the factual presentation of the specifics of Russian legislation in this matter, and also contains a conclusion about the motivation of the legislator and the public of the Russian Federation in establishing and supporting the restrictions set out in the article.

Keywords: adoption of Russian children, orphans, family law, unfriendly countries, traditional family.

Тема международного усыновления в России всегда вызывала неоднозначную реакцию, а, учитывая сложившиеся за последний год обстоятельства, актуальность темы возросла в разы. Зачастую, позиция «против» строится на аргументе «российские дети должны жить в России», а позиция «за» на аргументе «лучше отдать ребенка иностранным гражданам, чем вовсе лишить возможности жить в семье, а не в детском доме».

В соответствии с ч. 4 ст. 124 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ): усыновление детей иностранными гражданами или лицами без гражданства допускается только в случаях, если не представляется возможным передать этих детей на воспитание в семьи граждан РФ, постоянно проживающих на территории РФ, либо на усыновление родственникам детей независимо от гражданства и места жительства этих родственников.

Усыновителями могут выступать иностранные граждане, отвечающие всем требованиям, прописанным в ст. 127 СК РФ, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации. Например, ч. 1 ст. 4 Федерального закона «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» от 28.12.2012 № 272-ФЗ запрещает передачу детей, являющихся гражданами Россий-

ской Федерации, на усыновление (удочерение) гражданам Соединенных Штатов Америки.

Этот запрет, как и закон, появились не случайно, а стали следствием страшного прецедента, случившегося в 2008 году с полуторагодовалым Дмитрием Алексеевичем Яковлевым. Мальчик родился в 2006 году в Псковской области и почти сразу был определен в Псковский областной Дом ребенка для детей с органическим поражением центральной нервной системы с нарушениями психики.

После неоднократных безуспешных попыток усыновить малыша российскими семьями, желание стать приемными родителями мальчика изъявили граждане США — супруги Майлс Харрисон и Кэрол Линн Эксманн-Харрисон, совершившие три поездки в Россию с целью усыновления ребенка. Супруги представляли перспективную пару, со стабильной работой, а главное, имели большое желание подарить ребенку счастливое детство. 21 февраля 2008 года Псковский областной суд разрешил им усыновить Диму, после чего он получил фамилию приемных родителей — Харрисон и имя Чейс.

Спустя три месяца после усыновления полуторагодовалый Дима погиб в результате того, что был оставлен приемным отцом Майлсом Харрисоном на 9 часов в закрытом автомобиле на 32-градусной жаре. Со слов мужчины, он очень

спешил на работу, вследствие чего забыл завезти ребёнка в детский сад. Харрисону грозило до 10 лет лишения свободы, но спустя время он был полностью оправдан американским судом.

Решение американского суда вызвало бурную реакцию российских СМИ, а также правительства. В конце 2012 года в Государственную Думу РФ был внесён законопроект Федерального закона «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан РФ», который запретил гражданам США усыновлять российских детей.

Помимо этого запрета, существует еще один, прямо закреплённый в п. 13 ч. 1 ст. 127 СК РФ: усыновление запрещено лицам, состоящим в союзе, заключённом между лицами одного пола, признанном браком и зарегистрированном в соответствии с законодательством государства, в котором такой брак разрешен, а также лиц, являющихся гражданами указанного государства и не состоящих в браке. То есть, права усыновить (удочерить) российского ребенка лишены граждане всех стран, где разрешены браки между лицами одного пола. На сегодняшний день однополые браки разрешены в 34 странах мира, среди которых: Великобритания, Швейцария, Нидерланды и Финляндия – одни их самых развитых и экономически стабильных стран.

Однако, в то же время, лица, состоящие в традиционном браке и являющиеся гражданами государства, где разрешены однополые браки, имеют полное право являться усыновителями российских детей.

Помимо уже существующих запретов, в 2022 году правительство заговорило о еще об одном. 1 августа 2022 года депутатами всех партий, кроме «Единой России», в Государственную Думу РФ был внесён законопроект о запрете на усыновление и передачу под опеку детей-сирот из России гражданам недружественных стран. Приводя аргументы в сторону необходимости принятия такого законопроекта, одна из его соавторов — Яна Лантратова — сказала: «Пересекая границу, ребенок выходит из поля действия нашей юрисдикции, и мы ему уже не сможем помочь, защитить, если такая помощь потребуется. Тем более, когда речь идет о недружественных странах». Несмотря на множество сторонников, Государственная Дума отложила рассмотрение нового закона, однако эта тема отозвалась у многих граждан.

17 августа 2022 года Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) провёл опрос среди граждан, о возможном принятии законопроекта, запрещающего усыновление и передачу под опеку сирот из России гражданам недружественных стран. По результатам этого опроса 60% россиян поддерживают идею, что дети должны оставаться в России, даже если при этом им придется воспитываться в детских домах, а по мнению 32% - детей можно отдавать на усыновление иностранным гражданам, так как это шанс обрести семью.

События февраля 2022 года значительно дополнили список недружественных стран РФ и, в соответствии с распоряжением Правительства РФ от 5 марта 2022 г. № 430-р, в настоящее время в него входят 49 государств.

Таким образом, действия, предпринятые российским законодателем, в целом направлены на охрану детства, которое, согласно ст. 1 СК РФ, находится под защитой государства. Это, в частности, проявляется в систематичном стремлении сохранить традиционный институт семьи с целью нормального, последовательного развития ребенка-сироты, который является гражданином РФ. Указанная позиция согласуется с

особенностями российского менталитета, который основывается на классическом понимании семьи как союза мужчины и женщины.

Много раз Президент России подчеркивал, что долгосрочные национальные интересы заключаются в сохранении и укреплении традиционных духовно-нравственных ценностей в России. Президент призывает к созданию благополучных и крепких семей, что должно быть образом будущей России.

Учитывая действия недружественных стран в отношении РФ, российская общественность, депутаты усматривают своей целью обезопасить российского ребенка от его возможной полной утраты гражданско-правовой связи с Российской Федерацией. На данный момент трудно оценить, как долго будет существовать необходимость в таком ограничении, однако законодатель все еще не предпринял действий к принятию такого закона, что, вероятно, говорит о существующих сомнениях.

Действия российского законодателя расцениваются авторами скорее с положительной стороны, поскольку дети обладают потенциалом для будущего развития государства. Среди российских семей есть немало таких, которые могут и желают принять в свой круг ребенка, оставшегося без попечения родителей, что исключает необходимость обращаться к семьям из иных государств.

Пристатейный библиографический список

1. Бородич К. Ю. Усыновление детей – граждан России иностранными гражданами: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2005.
2. Гусева В. С. Усыновление в международном частном праве // Молодой ученый. — 2020. — № 52 (342).
3. Дзугаева А. З. Правовые проблемы усыновления детей – граждан Российской Федерации иностранными гражданами в России: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2006.
4. Максимова В. И., Махмутова С. А., Жданов С. З. Вопросы усыновления в международном частном праве // Интерактивная наука. — 2021. — № 5 (60).

ЛЕБЕДЕВА Яна Игоревна

научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права Российской Академии наук

РЕШЕНИЯ СУДА ЕВРОПЕЙСКИХ СООБЩЕСТВ ПО ДЕЛАМ VAN GEND И COSTA: КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье рассматривается история принятия доктрин прямого действия и верховенства права Европейских сообществ в правовых системах государств-членов. Несмотря на то, что данная проблематика хорошо изучена в отечественной и зарубежной науке европейского права, многие исторические подробности, которые проливают свет на правовой генезис указанных доктрин, долгое время не были известны. После опубликования в 2010 г. архива, связанного с деятельностью Директора Юридической службы Комиссии Европейских сообществ М. Годе, дела Van Gend и Costa вновь становятся предметом изучения зарубежных авторов. В настоящей статье предпринята попытка осуществить правовой анализ данных дел в более широком историческом и политическом контексте. Делается вывод о том, что утверждение федеративной цели, а также попытка конституционного прочтения учредительных договоров является результатом сознательной деятельности европейских федералистов, которая подчас противоречила чаяниям государств-членов, позициям авторитетных ученых-правоведов и знаковых фигур европейского интеграционного проекта.

Ключевые слова: наднациональность, интеграционное право, европейская интеграция, Европейский союз, Суд ЕС, судебное толкование.

LEBEDEVA Yana Igorevna

scientific researcher of the Human Rights Department of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

JUDGMENTS OF THE COURT OF JUSTICE OF THE EUROPEAN COMMUNITIES IN THE VAN GEND AND COSTA CASES: CONTEXTUAL ANALYSIS

The article examines the evolution of direct effect and primacy doctrines of the European Communities law in the Member States legal systems. Despite the fact that this problem has been well studied in Russian and foreign science of European law, many historical details that shed light on the legal genesis of these doctrines have not been known for a long time. After the publication of the archive related to the activities of the Director of the Legal Service of the Commission of the European Communities M. Gaudet in 2010, the cases of Van Gend and Costa again became the subject of study by foreign authors. This article attempts to carry out a legal analysis of these cases in a broader historical and political context. It is concluded that the setting of the federal goal, as well as the attempt to constitutional interpretation of the constituent treaties, is the result of conscious activity of European federalists, which sometimes contradicted the aspirations of the Member States, the positions of authoritative legal scholars and prominent figures of the European integration project.

Keywords: supranationality, integration law, European integration, European Union, the ECJ, EU Court of Justice, judicial interpretation.

Введение.

Два известных решения по делам *Van Gen den Loos*¹ и *Costa v ENEL*² вошли в российский и зарубежный курсы европейского права. В них впервые было заявлено об особой природе права Европейских сообществ, которое при определенных условиях обладает прямым действием и верховенством в правовых системах государств-членов. Общеизвестно, что ведущая роль в разработке указанных доктрин принадлежит Суду Европейских сообществ. В то же время архивные материалы, опубликованные в г. Лозанна в 2010-х гг.³, проливают свет на деятельность Юридической службы Комиссии Европейских сообществ в их создании и продвижении. В 2012 г. датский исследователь М. Расмуссен обобщил архивные данные о деятельности Комиссии в данном направлении и представил их анализ широкой общественности [1]. В последующем он определил конкретных лиц, которые внесли ос-

новной вклад в конституционное прочтение учредительных договоров на пути построения европейской федерации – В. Хальштейн, М. Годе, Р. Лекур, А. Трабукки и др. [2]. В то же время вышло подробное исследование Э. Арнулла, посвященное новым правовым подходам к изучению деятельности Суда ЕС [3]. Особенно примечательны позиции английского исследователя, связанные с пересмотром старых дел в более широком историческом контексте их принятия. На основе указанных исследований и других историко-правовых источников в статье рассматривается становление идей о прямом действии и верховенстве коммунитарного права в правовых системах государств-членов.

Становление Суда Европейских сообществ.

9 мая 1950 г. министр иностранных дел Франции Р. Шуман выступил с Декларацией⁴, в которой отмечалась необходимость размещения французского и германского производства угля и стали под руководство Верховного органа в рамках организации, открытой для участия других стран Европы (абз. 4, 5). Это делало материально невозможной новую

1 CJEC. Case 26-62. NV Algemene Transport- en Expeditie Onderneming van Gend & Loos v Netherlands Inland Revenue Administration. Judgment of 5 February 1963.

2 CJEC. Case 6-64. Flaminio Costa v E.N.E.L. Judgment of 15 July 1964.

3 Fondation Jean Monnet Pour L'Europe. AMFG Fonds Michel Gaudet. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archives.jean-monnet.ch/doc/inventaires/pdf/MichelGaudet.pdf> (дата обращения: 15.05.2023).

4 The Schuman Declaration of 9 May 1950 // Publications Office of the Directorate-General for Communication (European Commission), 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://data.europa.eu/doi/10.2775/065> (дата обращения: 15.05.2023).

войну в Европе, поскольку производство боеприпасов и военной техники, передавалось в ведение такого органа. Однако это рассматривалось лишь в качестве первого шага на пути объединения стран Европы в единое федеративное государство (абз. 5). В более широком историческом контексте идея создания европейской федерации, основанной на конституции, разделялась в послевоенное время как политической элитой, так и рядовыми гражданами [2, с. 249].

В соответствии с Декларацией меры, принимаемые Верховным органом, должны подлежать обжалованию (абз. 14). Вопрос о конкретных институциональных механизмах и способах такого обжалования оставался открытым. При подготовке Парижского договора 1951 г. об учреждении Европейского объединения угля и стали (далее – ЕОУС)⁵, который был направлен на реализацию плана Шумана, немецкая делегация под руководством Статс-секретаря Министерства иностранных дел Германии В. Хальштейна смогла убедить французскую сторону в необходимости учреждения самостоятельного суда интеграционного объединения. В то время, как Хальштейн настаивал на создании сильного суда по образцу Верховного суда США [1, с. 378; 3, с. 13], автор плана Шумана, Комиссар по планированию Французской Республики Ж. Монне, соглашался лишь на учреждение суда, который ограничивался бы административным контролем за деятельностью Верховного органа.

В последующем соратник Ж. Монне, член Конституционного совета Франции М. Лагранж разработал процедуру для нового суда, которая была основана на французском административном процессе (в частности, предусматривала иски об аннулировании актов, бездействии и внедоговорной ответственности органов публичной власти) [4, с. 4]. Несмотря на указанные противоречия, договаривающиеся стороны в целом согласовали необходимость доступа в такой суд частных лиц [5, с. 346-347], а также общее представление о том, что этот суд должен следовать какой-либо национальной модели, а не являться подобием органа по рассмотрению межгосударственных споров [3, с. 19]. Напротив, малые государства-основатели – Бельгия, Нидерланды и Люксембург – выступали за то, чтобы новый суд ограничивался рассмотрением споров между государствами [5, с. 344].

Однако идея политического объединения стран Европы (не говоря уже создания единого европейского государства) вскоре была отвергнута Национальным собранием Франции, которое в 1954 г. отказалось ратифицировать договоры об учреждении Европейского оборонного сообщества и Европейского политического сообщества. В проекте Европейского экономического сообщества (далее – ЕЭС) межправительственные начала также были заметно усилены. В частности, снижена роль Комиссии по сравнению с ее предшественником – Верховным органом. Парламентская ассамблея оставалась исключительно консультативным органом. Главным интеграционным институтом становился Совет ЕЭС, который функционировал на межправительственных началах и включал в свой состав министров государств – членов объединения. Казалось, что федеративная идея объединения Европы утрачивает свою популярность.

В это время во главе Комиссии ЕЭС встает В. Хальштейн, который будет пребывать на этом посту вплоть до 1967 г. Он

включает в состав Комиссии молодое поколение юристов, которые разделяют его федералистские идеи. Одним из них становится сотрудник, а потом и Директор Юридической службы М. Годе (1958-1970 гг.). Он начинает продвигать идею построения европейской федерации посредством права через ассоциации юристов в отдельных государствах-членах. В последующем Комиссия создает и спонсирует трансевропейскую зонтичную организацию – Международную федерацию за европейское право (*Fédération internationale pour le droit européen, FIDE*). Благодаря ее деятельности многие европейские юристы, и что более важно, национальные судьи, познакомились с практическими возможностями, которое предоставляло право нового объединения. Главной из них становится возможность непосредственного обращения в Суд Европейских сообществ, а также направление запросов в рамках разработанной М. Годе преюдициальной процедуры.

Решение Суда Европейских сообществ по делу *Van Gend*.

В 1962 г. члены нидерландского отделения Международной федерации за европейское право Л. Ф. Д. Тер Кейле и Х. Стийбе подали иск в Комиссию по тарифам, квазисудебный орган, рассматривавший таможенные споры в Нидерландах. Заявители жаловались на нарушение национальным таможенным органом ст. 12 Договора о ЕЭС, которая предусматривала мораторий на взимание ввозных таможенных пошлин во всех государствах-членах в течение переходного периода. В ходе разбирательства заявители указали, что ст. 12 имеет внутреннее действие и непосредственно создает права в отношении частных лиц. Комиссия по тарифам направила в Суд ЕЭС преюдициальный запрос с целью уточнить порядок применения ст. 12.

Юридическая служба предложила три варианта ответа Комиссии на запрос [1, с. 386]. По существу, первый подход предполагал, что положение ст. 12 действует только в отношении государств-участников Договора о ЕЭС. Согласно второму подходу государства-члены должны самостоятельно определять ее место во внутригосударственном праве на основании положений национальной конституции [6, с. 43-44]. Выбор одного из указанных вариантов ставил право Сообществ в зависимость от конституционной практики, толкования национальных судов и позиции правительства каждого государства-члена. Это делало его применение ассиметричным на пространстве единого рынка, а также могло свести на нет его эффективность. Третий вариант предусматривал, что четко сформулированные положения учредительных договоров, такие как ст. 12 Договора о ЕЭС, имеют внутреннее действие в правовых системах государств-членов и приоритет по отношению к любым положениям национального права. Это создавало наиболее прочный фундамент нового правового порядка и гарантировало ему большую эффективность.

9 ноября 1962 г. представитель Комиссии Л. ван ден Бург выступил перед Судом с позицией Юридической службы. В ней указывалось, что правовая природа Сообществ выходит за рамки международного права, которое понимает международные договоры только как формализацию взаимных обязательств государств. Такое право имеет автономный характер. Это утверждение было основано не только на правовом, но и на институциональном аргументе – наличии наднациональных институтов, имеющих собственные властные полномочия. Кроме того, были приведены аргументы об особом характере общего рынка. Для его развития представлялось крайне важным, чтобы частные лица могли отстаи-

5 *Traité instituant la Communauté Européenne du Charbon et de l'Acier* (18 Avril 1951) // EUR-Lex. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/PDF/?uri=CELEX:11951K/TXT> (дата обращения: 15.05.2023).

вать свои права в национальных судебных инстанциях. Применение права Сообщества, по мнению Комиссии, входит в компетенцию национальных судов, однако толкование того, как должно действовать это право, относится к компетенции Суда ЕЭС, а не является вопросом национального конституционного права. По этой причине ст. 12 Договора может рассматриваться как имеющая прямое действие. Этому способствовало и то, что она была сформулирована в качестве четкого правового обязательства [1, с. 387-388].

Позиция Юридической службы была негативно встречена Нидерландами и другими государствами-основателями – Германией и Бельгией. Нидерланды оспаривали юрисдикцию Суда ЕЭС, указывая, что определение действия права Сообществ в национальном праве остается прерогативой национальной конституции. Все три государства, участвовавшие в рассмотрении преюдициального запроса в качестве третьих лиц, вступивших в дело, указали на то, что ст. 12 представляет собой международно-правовое обязательство, не действующее во внутреннем праве⁶ [1, с. 387-388].

Судья-докладчик по делу, Ш.-Л. Хаммерс, представил проект решения, который отражал традиционный подход в отношении действия ст. 12: она представляла собой обязательство государств, которое становится частью внутреннего права в соответствии с конституционными процедурами. Эту позицию поддерживали и двое других судей – О. Риз и А. Доннер. Казалось, что вопрос о толковании ст. 12 Договора о ЕЭС будет решен в пользу государств-членов, однако назначение двух новых судей – А. Трабукки и французского политика Р. Лекура, известного члена Комитета действий за объединенную Европу, возглавляемого Ж. Монне, – изменило баланс в пользу позиции Юридической службы. Новые судьи выступили с меморандумами о наделении ст. 12 прямым действием в национальном праве, а затем привлекли на свою сторону «колеблющихся» судей Р. Росси и Л. Дельво. В итоге «за» высказались четверо судей из семи. Таким образом, придание прямого действия праву ЕЭС решением Суда скорее являлось волей случая, нежели его взвешенной позицией, основывающейся на согласованной воле государств или действующем международном праве.

В последующем меморандум А. Трабукки был опубликован [7]. В наибольшей степени судья был обеспокоен необходимостью надлежащей защиты прав частных лиц, проистекающих из договоров, и предоставил бы без коле-

баний статус самоисполняющейся нормы международного права ст. 12. Он также признавал, что существование автономной правовой системы в наибольшей степени соответствует духу Договора. Тем не менее, в своем окончательном решении Суд не решился назвать право ЕЭС автономным правовым порядком. Он смягчил указанную характеристику, описав его как «новый правовой порядок международного права» (с. 12 Решения по делу).

В меморандуме профессор А. Трабукки указывал также, что признание прямого действия права Сообществ порождает конституционные проблемы в Германии и Италии, которые в послевоенную эпоху приняли конституции, признававшие действие международного права в национальном правовом порядке только посредством парламентских ратификационных процедур. Поэтому, по его мнению, Суду все же необходимо было «на данный момент» (фр. – *pour le moment*) уважать национальную юрисдикцию, по крайней мере, в отношении определения иерархии нормативных актов, то есть решения вопроса о приоритете (верховенстве) норм права ЕЭС в национальном праве. Следовательно, после вынесения решения по делу *Van Gend* не было уверенности в том, будет ли провозглашен принцип верховенства права Сообществ в национальных правовых системах.

Решение Суда Европейских сообществ по делу *Costa v. ENEL*.

Два члена миланской коллегии адвокатов, профессор конституционного права Д. Стендарди и практикующий юрист Ф. Коста, выступили с резкой критикой процесса национализации итальянской электроэнергетической компании *Ente Nazionale per l'Energia Elettrica (ENEL)*, утверждая, что он противоречит Конституции и Договору о ЕЭС. Они обратились в Конституционный суд Италии и в Суд ЕЭС. В Решении от 7 марта 1964 г. орган конституционного контроля не только признал Закон о национализации *ENEL* конституционным, но и высказался против верховенства права Сообщества, отдав приоритет закону о национализации в соответствии с принципом *lex posteriori derogat priori*. Конституционный суд указал, что членство в ЕЭС основано на обычном акте парламента, который не может иметь приоритет над законом о национализации, изданным позднее. Если бы Римские договоры были ратифицированы конституционным законом, то это бы автоматически обеспечивало их приоритет во внутреннем праве Италии.

Такое решение подрывало действие принципа взаимности между государствами-членами, который, в частности, являлся условием наделения международных договоров приоритетом в соответствии со ст. 55 Конституции Франции. В этот период Франция неоднократно делала заявления о выходе из состава ЕЭС из-за затягивания переговоров по ценам на сельскохозяйственную продукцию. Данное решение угрожало также взаимоотношениям Италии с Германией и другими государствами-членами, выразившими готовность обеспечивать верховенство права ЕЭС в национальной правовой системе. Комиссия была готова использовать любые средства для оказания давления на правительство и Конституционный суд Италии с целью изменить правовую позицию последнего. Председатель Комиссии В. Хальштейн выступил перед Европейский парламентом с обоснованием важности наделения права Сообщества верховенством [8], а за неделю до этого Юри-

6 Позиция ФРГ по данному вопросу представляется довольно неоднозначной. С одной стороны, в Германии, до настоящего времени в той или иной форме сохраняются признаки дуализма во взаимодействии международного и внутригосударственного права. В частности, в соответствии с немецкой доктриной и парламентской практикой международный договор после одобрения Парламентом не становится автоматически частью правовой системы, а требует дополнительного определения действия и ранга положений договора во внутреннем праве [9, с. 185]. См. также: Deutscher Bundestag. Parliament's Role in International Treaties. WD-2-3000-038/17. 18. April 2017. S. 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bundestag.de/resource/blob/509982/1316a1c42f1a8ee8a04cc65640d8af40/WD-2-038-17-pdf-data.pdf> (дата обращения 15.05.2023). Иными словами, правовая система Германии в отдельных вопросах остается закрытой для международного права. В то же время, исторические факты той эпохи свидетельствуют не просто о намерении государства стать более открытым международному праву, а войти в состав нового федеративного союза. Указанное противоречие невозможно разрешить исключительно на основании материалов дела.

дическая служба представила в Суд ЕЭС аналогичную позицию, не найдя нарушений в национализации Италией компании *ENEL* [1, с. 393].

Генеральный адвокат М. Лагранж в своем выступлении поддержал необходимость предоставления приоритета праву ЕЭС. Он утверждал, что нидерландская конституционная модель, которая отдает приоритет самоисполняющемуся международному праву, лучше всего подходит для разрешения потенциальных конфликтов между правовыми нормами ЕЭС, наделенными прямым действием, и нормами национального права, принятыми впоследствии. Он рекомендовал всем государствам-членам найти конституционные решения этой серьезной проблемы или пересмотреть основания членства в ЕЭС.

Как и в деле *Van Gend en Loos*, аргументация Суда в отношении верховенства права ЕЭС основывалась на утверждении об особом характере права Сообщества, являющегося неотъемлемой частью правовых систем государств-членов. Рассматривая статьи Договора о ЕЭС, которые могла бы нарушить национализация *ENEL*, Суд, следуя голландской модели, признал верховенство только тех статей, которые имели прямое действие. Данная правовая позиция представляла собой наиболее мягкий вариант признания прямого действия и верховенства права ЕЭС. По существу же жалоба была отклонена, поскольку национализация Италией *ENEL* не противоречила Договору о ЕЭС.

Выводы.

По итогам рассмотрения ранних дел Суда Европейских сообществ можно согласиться с тем, что сформулированные доктрины прямого действия и верховенства права ЕЭС в национальном праве имели важное значение для становления и дальнейшего развития интеграционного объединения. Они предоставили частным лицам возможности и правовые гарантии, а также придали большую эффективность учредительным договорам. Однако контекстуальный анализ этих решений позволяет сделать вывод о том, что указанные свойства права Сообществ являются скорее результатом сознательной политико-идеологической деятельности европейских федералистов в Комиссии Европейских сообществ и их единомышленников, которых М. Расмуссен назвал агентами конституционализма [2]. Важнейшие элементы и обоснования указанных доктрин не признавались (а подчас и осуждались) правительствами, органами конституционного контроля, видными юристами-международниками, а также знаковыми фигурами европейского интеграционного проекта, да и самими судьями, которые рассматривали первые дела. В этот период не уделялось должное внимание тому, насколько подобные правовые революции могут сказываться на состоянии правовых систем государств-основателей, такие проблемы они должны были преодолевать самостоятельно. Таким образом, важнейшие характеристики нового права, его явный федералистский уклон и функционирование без оглядки на суверенную государственность собственных членов, являются одними из исходных причин конституционного конфликта на европейском пространстве, который в настоящее время только усиливается.

Пристатейный библиографический список

1. Rasmussen M. Establishing a Constitutional Practice of European Law: The History of the Legal Service of the European Executive, 1952-65 // *Contemporary European History*. 2012. Vol. 21. No. 3. P. 375-397.
2. Rasmussen M. Agents of Constitutionalism: The Quest for a Constitutional Breakthrough in European Law, 1945-1964 // *Crafting the International Order. Practitioners and Practices of International Law since c. 1800* / Ed. by M. M. Payk, K. C. Priemel. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 249-276.
3. Arnulf A. The Many Ages of the Court of Justice of the European Union // *New Legal Approaches to Studying the Court of Justice: Revisiting Law in Context* / Ed. by C. Kilpatrick, J. Scott. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 12-44.
4. *Mélanges Fernand Dehousse: La construction européenne (Volume 2)* / Ed. par F. Nathan. Bruxelles: Labor, 1979.
5. Boerger-De Smedt A. Negotiating the Foundations of European Law, 1950-57: The Legal History of the Treaties of Paris and Rome // *Contemporary European History*. 2012. Vol. 21. No. 3. P. 339-356.
6. Лебедева Я. И. Решения Суда ЕС как фактор формирования интеграции // *Международное правосудие как фактор интеграции: монография* / Под ред. Т. Я. Хабриевой, А. И. Ковлера. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2019. С. 38-63.
7. Trabucchi A. La formazione del diritto europeo: Giornata di studio per Alberto Trabucchi nel centenario della nascita. Padua: Casa Editrice Dottore Antonio Milani, 2008. P. 71-83.
8. Hallstein W. La Communauté européenne: nouvel ordre juridique. Bruxelles: Bureau d'information des communautés européennes, 1964.
9. Kadelbach S. Chapter 10. International Treaties and The German Constitution // *The Oxford Handbook of Comparative Foreign Relations Law* / Ed. by C. A. Bradley. Oxford: Oxford University Press, 2019.

ГОРБУНОВ Максим Дмитриевич

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Горбунов М. Д.

К КРИТИКЕ МЕХАНИСТИЧНОСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПРАВЕ

В статье рассматривается вопрос соотношения понятий «обязанность» и «ответственность» как основы нормативности правовой системы. Утверждается, что отечественная правовая наука при определении нормативности правовой системы концентрируется на понятии «ответственность». Принудительность права и реализация санкции определяются в качестве основной цели нормативного регулирования. Такой подход не учитывает осознанный характер отношения субъектов к правовым предписаниям и осознание ими собственной обязанности следовать социальным нормативам. В результате автор приходит к выводу, что излишняя концентрация на принудительном аспекте нормативности искажает роль обязанности и ответственности в правовом регулировании.

Ключевые слова: правоповедение, юридическая ответственность, нормативное регулирование, философия права, правопонимание.

GORBUNOV Maxim Dmitrievich

Ph.D. in Law, senior lecturer of Theory and history of state and law sub-faculty of the N. I. Lobachevskiy State University

ON THE CRITICISM OF THE MECHANISTIC NATURE OF RESPONSIBILITY IN LAW

The article deals with the question of the relationship between the concepts of "duty" and "responsibility" as the basis of the normative nature of the legal system. It is argued that the domestic legal science in determining the normativity of the legal system focuses on the concept of "responsibility". The enforcement of the law and the implementation of the sanction are defined as the main goal of regulatory regulation. This approach does not take into account the conscious nature of the attitude of subjects to legal prescriptions and their awareness of their own obligation to follow social standards. As a result, the author comes to the conclusion that the excessive concentration on the coercive aspect of normativity distorts the role of duty and responsibility in legal regulation.

Keywords: jurisprudence, legal responsibility, normative regulation, philosophy of law, legal understanding.

Существенным свойством нормативной правовой системы является обязательность ее предписаний. Это утверждение является фундаментальным для феномена правовой системы, независимо от того, какой подход к правопониманию был выбран. Как правило обязательность правовых предписаний связывают с санкцией, выраженной в государственном принуждении. В отечественной науке механизм нормативности традиционно описывался через категорию ответственности, которой по-прежнему отводится центральное место в обеспечении нормативности общественных отношений. При этом еще в середине XX века был высказан ряд аргументов в пользу использования понятия обязанности, а не ответственности [6, с. 82].

Понятие обязанности предусматривает: во-первых, наличие санкции за невыполнение предъявляемого требования, делающей вариант исполнения обязанности более предпочтительным; во-вторых, такая санкция должна предусматривать серьезные неблагоприятные последствия в случае невыполнения требований; в-третьих, негативные последствия при нарушении обязанности должны быть наиболее вероятными. При этом обязанность не сводится к государственному принуждению и наложению мер ответственности, а представляет собой сложный механизм регулирования общественных отношений, основанный на нормах при их необходимом восприятии как стандартов поведения [6, с. 82]. Кроме того, обязанность одного субъекта предполагает право другого, что соответствует взаимному отражению обязанностей и прав, поэтому несоблюдение принятых на себя обязательств хотя и приведет неизбежно к санкции, но меры ответственности в этом случае имеют опциональный характер [12, сар. 1-2]. Обязанность подразумевает актив-

ную роль индивида как осознанного субъекта нормативной системы отношений, осознанно принимающего правила как необходимые для поддержания функционирования общества. Такое объяснение хорошо показывает особенности институализированной нормативной системы современного общества [10, р. 247-250], [9, р. 833].

Вместе с тем отечественная правовая доктрина предлагает в целом консервативное описание нормативности через механизм принуждения. Такой подход, предполагающий описание права через принуждение государства в форме наложения мер юридической ответственности тесно связан с наследием советской нормативистской доктрины в ее переплетении с теорией уголовного права. В прошлом веке ведущие правоведы, такие как П. И. Стучка, А. Я. Вышинский, М. И. Байтин рассматривали право как совокупность обязательных и принудительных норм, установленных государством [3, с. 9-18]. Показательно, что такой подход был представлен в крайней форме еще в классическом правовом позитивизме и нормативистской теории Г. Кельзен [11, р. 63], [7, р. 15-24], [8, сар. 5], отрицавших существование нормативных предписаний за пределом обязывающих норм. Любая регулятивная норма служит здесь лишь уточняющим критерием для правоприменителя в тех случаях, когда следует применить санкцию.

На более позднем этапе развития российского права понимание принудительности как системообразующего свойства права был смягчен, но она все еще рассматривается как его важнейший аспект [1, с. 60-64]. Однако, очевидно, что право выполняет множество социальных функций, главным образом через систему управомочивающих норм, реализация которых не связана с механизмом юридической ответ-

ственности [6, с. 41]. Представляется, что концентрация на ответственности не способствует пониманию нормативности права. Во многом это противоречие обусловило введение в отечественной науке понятия «позитивная ответственность» в попытке модернизировать концепцию принудительности, тем не менее оно не слишком точное по смыслу [4, с. 437-444], [5]. Дело в том, что данное понятие тесно связывается с должествованием некоего образа поведения. Понятие «быть должным» не может быть отождествлено с обязанностью, поскольку оно сохраняет субъективный психологический характер, заключающийся в отношении лица к ситуации, как требующей от него повиновения. Оценки ситуации и мотивов выбора желаемого варианта поведения недостаточно для того, чтобы человек имел обязанность совершить определенные действия [6, с. 80]. В совокупности с «негативной ответственностью» должен обеспечиваться схожий с системой обязанности нормативный механизм, однако описание внутренних связей позитивной и негативной юридической ответственности должным образом не выражено. Такое дробление понятия на две составляющие не способствует единому объяснению комплексного процесса правового регулирования, сочетающего официальное принуждение и сознательный волевой характер деятельности правовых субъектов. Возникает нужда в их интеграции в единый алгоритм и корректное его объяснение.

В целом можно выделить три аспекта, в которых идея ответственности не полностью способно охватить механизм нормативности в правовой системе:

1. реальная роль ответственности в нормативном регулировании. Основной задачей нормативного регулирования является обеспечение достаточного уровня качества реализации норм, в числе которых помимо обязывающих и запрещающих есть управомочивающие. Наложение санкций является задачей второго порядка, которая используется экстраординарно в случае невозможности выполнения основной.

2. распространение обязанностей, на лиц применяющих меры ответственности. Вопрос о применении и распространении ответственности на государство не получает четкого ответа в отечественной правовой доктрине, которая сконцентрирована на аспекте принудительности. Академик В. Н. Кудрявцев считает, что принципы правовой государственности, закрепленные в Конституции, подразумевают, что государство должно следовать своим же созданным нормам [2]. Однако такой подход не отражает современные правовые системы, которые предусматривают ограничения для публичной власти.

3. совмещение ответственности и сознательного характера соблюдения норм. Для обеспечения нормативности правовой системы необходимо, чтобы ее субъекты подчинились принятым правилам и воспринимали их как стандарт поведения, понимая их содержание [6, с. 119]. В противном случае правовая система не может функционировать в рамках единого правопорядка. Все субъекты, включая граждан и публичных субъектов, должны воспринимать нормы системы как обязательные для себя, чтобы она действовала как единое целое.

Действительным недостатком объяснение нормативности через категорию ответственности связано с тем, что механическое применение санкции приводит только к констатации факта принуждения и восприятию определенного поведения как запрещенного. Это характерно для тех субъектов, которые подчиняются правилам из страха перед наказанием. Осознание обязанности в таком случае отсутствует. Понятие «ответственности» не отражает всего многообразия социальных связей, лежащих в основе нормативной системы. Понятие «обязанность» позволяет посмотреть на ситуацию с точки зрения субъекта, на которого направлено правило, и уяснить, как он его воспринимает.

Таким образом, наиболее точное объяснение нормативности правовой системы может быть дано через понятие «обязанности», а не «ответственности», которое чаще используется для данной цели в позитивистских подходах в отечественной догматике. Следует подчеркнуть, что концентрация на принудительном аспекте права и как следствие на понятии «ответственность» упускает важные аспекты функционирования нормативной системы. Поскольку обязательный характер норм подразумевает волевое осознанное отношение лица к правилу, то наличие санкции и мер юридической ответственности, наложенных государством, не может рассматриваться как универсальное объяснение нормативности права. Такой подход хоть и является достаточно простым и емким, тем не менее является в значительной степени механистичным и не раскрывает полно всех процессов, лежащих в основании обязанного поведения. Признание этого обстоятельства может значительно поспособствовать конструктивной критике преувеличения принудительного аспекта права в отечественной правовой догматике.

Пристатейный библиографический список

1. Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). - М., 2005. - 554 с.
2. Кудрявцев В. Н. О правопонимании и законности // Государство и право. - 1994. - № 3.
3. Лапаева В. В. Современное состояние и перспективы российской теории права и государства. Ч. I // Российский журнал правовых исследований. - 2014. - № 4 (1). - С. 9-18.
4. Лошенкова Е. В. Позитивная юридическая ответственность: есть ли достаточные основания для ее признания? // Актуальные проблемы российского права. - 2007. - № 1 (4). - С. 437-444.
5. Носкова Е. А. Позитивная юридическая ответственность / Под общей редакцией Р. А. Хачатурова. - Тольятти: Волжский университет им. В. Н. Татищева, 2003. - 143 с.
6. Харт Г. Л. А. Понятие права (Пер. с англ. Е. В. Афонасина, М. Бабака, А. Б. Дидикина, С. В. Моисеева) / Г. Л. А. Харт. - Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2007.
7. Austin J. The Province of Jurisprudence Determined / Ed. Rumble W. - Cambridge: Cambridge University Press, 1995. - 293 p.
8. Bentham J. A Comment on the commentaries and a fragment on government / Ed. Burns J. H. and Hart H. L. A., 1977. - 630 p.
9. Dickinson J., Legal Rules. Their Function in the Process of Decision. - Philadelphia: University of Pennsylvania Law Review, 1931. - P. 833-868.
10. Hart H. L. A. Cohen J. Theory and definition in jurisprudence // The Aristotelian society. - 1955. - Vol. 29. - P. 213-264.
11. Kelsen H. General Theory of Law and State. - Cambridge: Harvard University Press, 1945
12. Ross A., On Law and Justice // Berkeley: University of California Press. - 1959.

ГОРОХОВ Андрей Андреевич

младший судебный пристав по ОУПДС Главного Управления судебных приставов по Красноярскому краю

ГОРОХОВА Камила Ильдусовна

главный специалист юридического отдела агентства по управлению государственным имуществом Красноярского края

ЦЕННОСТЬ ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ В МЕХАНИЗМЕ СУБСИДИАРНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ. АНАЛИЗ ПРАКТИКИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

В статье рассматривается аксиология субсидиарной юридической ответственности с позиции правоприменителя. Ценности занимают важнейшее место в жизни человека и общества. Именно учитывая ценности конкретного общества, законодатель старается правильно выстроить механизм правового регулирования.

В последнее время значительно увеличилось количество случаев привлечения к субсидиарной ответственности. Однако проведенная реформа гражданского законодательства не коснулась норм об указанном виде ответственности, что усложнило процесс правоприменения правовых норм. Вместе с тем, учитывая современные правовые реалии, субсидиарная ответственность нуждается в четком правовом регулировании.

Ключевые слова: достоинство личности, аксиология, правоприменение, субсидиарная юридическая ответственность, ценности права, мораль.

GOROKHOV Andrey Andreevich

junior bailiff for OUPDS of the Main Department of Bailiffs in the Krasnoyarsk Territory

GOROKHOVA Kamila Ildusovna

chief specialist of the Legal Department of the Agency for State Property Management of the Krasnoyarsk Territory

THE VALUE OF THE DIGNITY OF THE INDIVIDUAL IN THE MECHANISM OF SUBSIDIARY LEGAL RESPONSIBILITY. ANALYSIS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE.

The article discusses the axiology of subsidiary legal liability from the perspective of a law enforcement officer. Values occupy the most important place in the life of a person and society. It is taking into account the values of a particular society that the legislator tries to correctly build the mechanism of legal regulation.

Recently, the number of cases of bringing to subsidiary liability has increased significantly. However, the reform of the civil legislation did not affect the norms on the specified type of liability, which complicated the process of law enforcement of legal norms. At the same time, taking into account modern legal realities, subsidiary liability needs clear legal regulation.

Keywords: dignity of the individual, axiology, law enforcement, subsidiary legal responsibility, values of law, morality.

Ценности являются основой любого общества и государства. Они позволяют законодателю правильно формулировать и проводить правовые нормы в жизнь конкретного общества. Безусловно, практика правоприменения должна учитывать ценностные установки законодателя, которые были заложены им в норму права.

Актуальность темы исследования заключается в том, что как отмечено многими учеными-правоведами, нормы, регулирующие институт субсидиарной ответственности на данный момент остаются бессистемными, что является большой проблемой, поскольку субъектами гражданского права указанный механизм активно используется в качестве дополнительной гарантии защиты прав кредитора.

При этом, важно также отметить, что комплексного анализа аксиологии субсидиарной ответственности проведено еще не было, однако это является очень важным для практики правоприменения, учитывая возрастающее количество случаев привлечения к указанному виду ответственности. Нельзя не упомянуть, что и законодателем даже за послед-

нее десятилетие предпринято несколько попыток реформирования института субсидиарной ответственности, хоть и не всегда успешных, что также требует анализа, для решения правовых проблем [3].

В ГК РФ не дано легального определения субсидиарной ответственности, что порождает огромные дискуссии среди ученых, касающиеся правовой природы субсидиарной ответственности [4]. Законодателем механизм привлечения к субсидиарной ответственности закреплен в статье 399 ГК РФ, где указано, что субсидиарный (дополнительный) должник будет нести ответственность только после того, как кредитор не сможет добиться исполнения обязательства от основного должника [4].

Безусловно, процесс создания правовой нормы и проведения ее в жизнь является очень важным и основополагающим, однако не менее важным является процесс применения правовых норм и их правильная интерпретация судами.

Судебная практика всегда по-своему воспринимала нормы, изложенные законодателем. Это в первую очередь было

Горохов А. А.

Горохова К. И.

связано с пробелами, которые есть в законодательстве, а в остальном с вопросами толкования правовых норм.

Как, видно из статьи 399 ГК РФ и иных норм, предусмотренных в законодательстве, законодателем субсидиарная ответственность была заложена как один из видов юридической ответственности с присущим ей субъектным составом и составом правонарушения. В гражданском законодательстве она выступает как дополнительный вид ответственности, а в законодательстве о банкротстве, как самостоятельный вид ответственности [4].

Закрепление морально-нравственных идей в законодательстве, регламентирующем применение субсидиарной ответственности, будет свидетельствовать о ценности данного вида юридической ответственности. Если исходить из общей теории права, то ценность достоинства личности представляется из себя, прежде всего отношение к человеку со стороны общества и его отношение к самому себе [7], [8].

В праве ценность достоинства личности воплощается через принцип гуманизма, который заключается в том, что сам по себе механизм привлечения к юридической ответственности и меры, применяемые к нарушителю, не имели и не имеют под собой цель причинение физических или психических страданий человеку [2].

Однако, суды, применяя институт субсидиарной ответственности, порой исходят из другого ее аксиологического понимания. Это в первую очередь касается проявления ценности достоинства личности в механизме данного вида ответственности [5]. Ценность достоинства личности четко выделяется судами высших инстанций. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» указано, что «право граждан на защиту чести, достоинства и деловой репутации является их конституционным правом, а деловая репутация юридических лиц - одним из условий их успешной деятельности». Учитывая изложенное, Верховным судом Российской Федерации подчеркнута важность указанной ценности и недопустимость ее умаления при разрешении дел [1].

Однако практика порой по этому вопросу неоднородна. Так, в Апелляционном определении Пермского краевого суда от 28 октября 2013 г. по делу № 33-10118 было указано, что в самом факте незаконного привлечения человека к юридической ответственности суды умаления достоинства личности не видят.¹ Учитывая изложенное, анализируя указанную позицию суда, можно сделать вывод о том, что, незаконное привлечение к юридической ответственности, в том числе субсидиарной, не может каким-либо образом стать причиной умаления достоинства личности.

С этой позицией суда сложно согласиться, поскольку в случае, если человека привлекают к юридической ответственности на законных основаниях, тогда умаление его достоинства не будет, ведь он обязан будет претерпеть последствия выбора им определенной модели поведения. Однако в случае же если человек вынужден претерпеть негативные последствия привлечения его к юридической ответственности при условии, что им определенная модель поведения выбрана не была, то тут со всей очевидностью будет умалено его достоинство, поскольку его отношение к себе и отношение к нему окружающих уже изменится только из-за одного факта привлечения к ответственности [5].

Эта же точка зрения была высказана Конституционным судом в его определении от 02.07.2015 № 1536-О «по запросу Димитровского районного суда города Костромы о проверке конституционности ч. 1 и 2 ст. 28.6 Кодекса Российской

Федерации об административных правонарушениях». Так, судом было указано, что «ответственность не только, а иногда не столько влечет материальные ограничения прав и лишения, но и выражает порицание (осуждение) лица, что не может быть юридически безразличным. В представлении значительной части граждан само порицание со стороны государства имеет достаточно серьезное значение, чтобы они, считая привлечение к ответственности незаконным и (или) необоснованным, правомерно настаивали на справедливом разрешении дела. Это касается и достоинства личности, которое охраняется государством, причем ничто не может быть основанием для его умаления (ч. 1 ст. 21, Конституции Российской Федерации)».²

Анализируя указанное определение Конституционного суда, можно сделать вывод, что мнение судов нижестоящих судов ошибочно в части отсутствия умаления достоинства личности при вынесении незаконного решения при привлечении лица к ответственности. В части субсидиарной ответственности это особенно важно, поскольку в такого рода делах, как правило, фигурируют значительные суммы, в результате чего при незаконном привлечении к субсидиарной ответственности умалено будет не только достоинство личности, а пострадает и финансовое благосостояние лиц.

Более того, незаконное привлечение лица к ответственности влечет обязанность претерпевать негативные последствия государственного принуждения при отсутствии виновного правонарушения, что, безусловно, умалит достоинство личности [6].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что правоприменители по-своему определяют границы умаления достоинства личности.

Однако, безусловно, нельзя признать верной позицию судов о том, что незаконное привлечение к субсидиарной ответственности не предполагает умаления достоинства лица, который не совершал те действия, за которые эта ответственность наступила.

Учитывая изложенное, можно сделать вывод о том, что правоприменители учитывают ценностное содержание субсидиарной ответственности при вынесении судебных решений, однако в силу наличия пробелов в законодательстве расширяют границы содержания указанных ценностей.

Пристатейный библиографический список

1. Горбашев И. В. О некоторых материально-правовых аспектах привлечения к субсидиарной ответственности в разъяснениях ВС РФ // Вестник гражданского права. - 2018. - № 4.
2. Жуков В. Н. Государство и право // Право как ценность. - М., 2010. - № 1.
3. Иванников А. И. Аксиология юридической ответственности: монография; под редакцией Р. А. Хачатурова. - Москва: Юрлитинформ, 2020.
4. Кротова Е. В. Юридическая природа категории «субсидиарная ответственность» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право». - 2020. - № 1.
5. Мартышина О. В. Проблема ценностей в теории государства и права // Государство и право. - 2004. - № 10.
6. Миронов А. В. Понятие ценности, виды и иерархия ценностей // Социально-гуманитарные знания. - 2007. - № 1.
7. Неновски Н. Право и ценности. - М.: Прогресс, 1987.
8. Яркова Е. Н. История и методология юридической науки. - Тюмень, 2012.

1 Апелляционное определение Пермского краевого суда от 28 октября 2013 г. по делу № 33-10118. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.05.2023).

2 Определение Конституционного Суда РФ от 02 июля 2015 года № 1536-О. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.05.2023).

ДУБРОВИН Михаил Андреевич

старший преподаватель кафедры Международного права и внешнеэкономической деятельности
Юридического института Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

Дубровин М. А.

ПРИЗНАКИ ПРОЦЕССА ИНТЕГРАЦИИ В ГОСУДАРСТВЕ

Исследование посвящено теоретическому анализу процесса интеграции в государстве. Показано, что традиционно-выводимые признаки процесса интеграции не являются окончательными и требуют доктринальной корректировки и дополнения под воздействием внешних факторов, обусловленных новым многополярным миром. Исследуется вопрос актуальности и мотивированности ввода дополнительных признаков в процесс интеграции. Обосновывается необходимость присутствия данных признаков в доктринальной модели с целью корректной оценки характера интеграционных процессов, протекающих в государстве.

Ключевые слова: процесс интеграции, признаки процесса интеграции, государство, гибкость, цикличность.

DUBROVIN Mikhail Andreevich

senior lecturer of International law and foreign economic activity sub-faculty of the Institute of Law of the
A. G. and N. G. Stoletov Vladimir State University

SIGNS OF THE INTEGRATION PROCESS IN THE STATE

The study is devoted to the theoretical analysis of the integration process in the state. It is shown that the traditionally deduced signs of the integration process are not final and require doctrinal adjustments and additions under the influence of external factors caused by the new multipolar world. The question of relevance and motivation of introducing additional features into the integration process is investigated. The necessity of the presence of these features in the doctrinal model is substantiated in order to correctly assess the nature of the integration processes taking place in the state.

Keywords: integration process, signs of integration process, state, flexibility, cyclicity.

Тенденции современного миропорядка формируют потребность в поиске альтернативных государственных партнёров. Его условное разграничение, приобретающее наибольшую степень выраженности в последние годы, на сторонников и оппонентов критикующих полноту прав и обязанностей государства на международной арене и в вопросах внутренней политики, изменяют подходы к подбору и отбору участника процесса межгосударственной интеграции. Более того, изменяется понимание самого процесса интеграции, происходит сопоставление его доктринальных положений и требований с реальными, практическими возможностями его реализации.

Интегрирование, в подавляющем числе случаев, проходит через несколько уровней: национальный, региональный и глобальный. При этом первый из них, по нашему мнению, – это обязательный уровень, последующие – вариативные. Во-первых, подобный тезис основан на характере процесса интеграции, т.к. с целью её реализации необходимо логически выстроить ключевые позиции, необходимые государству для создания своей фактической независимости (суверенности) от иностранных партнёров [4]. Например, если отталкиваться от формы государственного устройства, то следует иметь в виду, что в рамках национальной интеграции ключевым фактором её результативности, независимо от сферы общественной жизни, является успешность кооперирования составных частей государства (субъектов, штатов, административно-территориальных делений и т.д.). Показательно, но именно возможность достижения положительной синергии между всеми элементами государства на внутреннем уровне формирует его целостную форму как участника международного сообщества, его экономический, политический и идеологический потенциал, а также возможность его интегрирования в мировую систему, определения его роли в мировой экономике и политике.

Рассуждение о вариативности участия государства в региональных и глобальных интеграционных процессах, по на-

шему мнению, требует особого внимания, поскольку именно здесь скрывается один из ряда признаков процесса интеграции в современном мире. Участие государства в регионализации и глобализации допустимо рассмотреть с нескольких позиций. С одной стороны, государство, как суверенная структура, воля которого не может находиться под влиянием и (или) давлением иностранного государства [1], обладает полномочиями самоопределения в вопросах внешней политики. С другой стороны, интенсивность международных интеграционных процессов – это демонстрация отсутствия возможности отказа от участия в них, при понимании последствий подобного рода действий.

Так, если государство, в качестве своих основных внешних направлений деятельности (функций) избирает превалирование интересов национальной безопасности и определение потенциального партнерства как угрозы территориальной целостности, то предпосылки возникновения и развития региональных и глобальных интеграционных процессов отсутствуют. При этом, теоретически, государство предполагает и осознает возможные экономические и политические блага от интеграционного сопряжения, но направляет свои ресурсы на блокирование иностранного партнерства напрямую либо создаёт условия невыгодного внутриэкономического присутствия. Безусловно, оправданность, по нашему мнению, подобных действий может быть, в частности, обусловлена поддержанием внутренней конкуренции, исключения политического давления. Однако параллельно у государства отсутствует возможность участвовать в международной торговле, поиске государств-партнёров, схожих по экономическим, политическим и идеологическим мотивам, и как следствие, ограниченности источников пополнения государственного бюджета.

Разумеется, интеграция, представленная в качестве линейного процесса, не позиционируется, в том числе доктринально, в качестве исключительно положительного явления. К числу потенциальных угроз, описанных ранее, фактически можно факультативно отнести, в частности:

- дивергенцию, которая потенциально может усилить неравенство государств-партнёров вследствие негармоничного разделения выгод и издержек от процесса интеграции;

- подрыв экономического и политического суверенитета, т.е. создание условий, при которых принятие решений находится в взаимозависимости от воли иностранного государства, а присвоение результатов интегрирования – это благо гегемона и подчинённого.

При этом участие в процессе интеграции, сегодня, представляется в качестве обязанности государства. В противном случае, его жизненный цикл приведёт к замкнутости и дезинтегрированности. В связи с чем вариативность, указанная ранее, это не путь участия/безучастия в интеграционных процессах, а исключительно право выбора уровня интеграционного взаимодействия: региональный либо глобальный. В тоже время интегрирование, по нашему мнению, должно быть осознанным, корректно оценивающим экономические и политические государственные возможности.

Минимизация обозначенных рисков возможна при следовании определённым этапам межгосударственного интегрирования:

1. Первично, любой участник межгосударственного интеграционного сопряжения формирует цель участия. Как правило, её основа – это экономические выгоды от партнёрства.

2. На основе сформированной цели происходит разработка стратегии интегрирования: анализ внутреннего потенциала страны (ресурсы, степень интегрированности элементов всех уровней и т.д.); определение роли иностранного государства-партнёра, степени углубления интеграционных связей, порядка совместного использования ресурсов, технологий, информации и капиталов.

3. Определяется механизм интеграции – создание собственного интеграционного объединения, либо присоединение к существующему.

4. Реализация поставленной цели. На основе сформированной стратегии происходит подбор потенциальных государств-партнёров или международных организаций, цель которых совпадает с намерениями нового потенциального участника интеграционных связей.

5. Корректирование выстроенной интеграционной модели. Государства находятся под влиянием центробежных и центростремительных сил, следовательно, первичная модель интеграционного взаимодействия с течением времени нуждается в доработке, чтобы отвечать новым мировым тенденциями и потребностям государств-участников.

Анализ обозначенных этапов позволяет наиболее целостно охарактеризовать процесс интеграции в государстве. Более того, на основе вышесказанного допустимо, по нашему мнению, сформулировать ряд признаков данного явления:

– Во-первых, прохождение обозначенных этапов – это создание нового преимущества – положительной синергии от коллективного интеграционного взаимодействия, эффект от которой невозможно достичь государству самостоятельно.

– Во-вторых, процесс интеграции, в подавляющем числе случаев, предполагает создание двухстороннего либо многостороннего союза, следовательно, новое интеграционное объединение становится новым субъектом международного права, обладающим правом самоопределения: выстраивания критериев для будущих государств-членов интеграционного объединения, создание экономических и политических благ от сопряжения, моделирование стратегии общего развития и т.д.

– В-третьих, добровольный характер интегрирования. Данный признак практически реализуется в условиях многополярного мира, при котором взаимоуважение суверенных прав государств-партнёров – это не только основа интегрирования, но и всего миропорядка. Прослеживаемый в своей меньшей степени в период однополярности, его доктринальное значение зачастую изменялось, включая факт фактического силового захвата территорий, колонизации, неоконанизации в его характеризующие признаки, что является недопустимым как с теоретической, так и с практической точки зрения.

– В-четвёртых, гибкость в процессе интеграции государств [3]. Участие государства в интегрировании – это результат реализации его функций. С целью минимизации рисков от бесконтрольных интеграционных процессов, оно вынуждено комбинировать степень выраженности своих основных направлений деятельности. Так, в случае наступления предпосылок ранее обозначенных рисков, государство, теоретически, обязано изменить приоритетность реализации функций, отдав преобладающую роль функции обеспечения национальной безопасности, а не интеграционной.

– В-пятых, разнотемпный характер процесса интеграции. Объединение государств, в особенности в рамках нового интеграционного объединения, происходит с разной степенью включённости. В особенности это проявляется в союзах, члены которых неоднородны в своём экономическом, политическом и идеологическом проявлении.

– В-шестых, цикличность интеграционных процессов [2]. Она проявляется сразу на нескольких уровнях: национальном, региональном и глобальном. Учитывая тот факт, что государство – это сложная общественная конструкция, она находится под воздействием множества факторов. Одним из которых, в частности, являются дезинтеграционные начала как следствие отсутствия своевременного предупреждения негативных последствий от процесса интеграции. Суть данного признака заключается в повторяемости государственных действий независимо от его формы (формы правления, формы государственного устройства, политического режима). На любом этапе своего функционирования государство стремится к усилению межличностных связей, в данном случае, на межгосударственном уровне. Постановочно, прохождение государства через обозначенные ранее этапы интегрирования допустимо, по нашему мнению, обозначить в качестве восходящего цикла, а наступление неблагоприятных последствий – нисходящим.

– В-седьмых, процесс интеграции влияет на внутреннюю и внешнюю политику государств. Вступление либо инициация нового интеграционного объединения предполагает изменение внутреннего законодательства страны. Влияние на национальное право происходит, например, через ратификацию источников международного права (соглашений, конвенций, уставов и т.д.). В качестве причин этому следует выделить стремления к унификации, кодификации и систематизации актов интеграционного права, послуживших основой межгосударственного интеграционного сопряжения.

Выявление обозначенных признаков процесса интеграции, по нашему мнению, позволит дополнить доктринальный аппарат категории в условиях государственных особенностей. Более того, постановочно, данный результат исследования допустимо использовать в практической плоскости с целью выявления соответствия реализуемых интеграционных направлений деятельности государства его теоретическим основам. Подводя итог настоящему исследованию, хотелось бы отметить о важности анализа интеграционных процессов в современном многополярном мире. Изучение перспектив государственной синергии – это реальная возможность удовлетворения сформированных общественных потребностей и выполнения региональных и глобальных задач.

Пристатейный библиографический список

1. Барановский В. Г. Основные параметры современной системы международных отношений // Полис. – 2012. – № 3. – С. 63-73.
2. Дубровин М. А. Корреляция критериев гибкости и цикличности в процессе интеграции в государстве // МНИЖ. – 2022. – № 6-5 (120).
3. Дубровин М. А. Критерий гибкости в контексте интеграционной деятельности государства: теоретический аспект // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 5. – С. 66-67.
4. Пастухова Н. Б. Международная интеграция и государственный суверенитет // Государство и право. – 2006. – № 10. – С. 82-85.

ЗАБОЛОТНЫХ Александр Александрович

преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

БОЛОБАН Максим Леонидович

преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России

ДИПЛОМАТИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

В статье рассматривается такое важное для любой страны мира направление как дипломатическая деятельность, её польза для государства. Проанализированы умения, знания и навыки которыми должен обладать дипломат для успешного выполнения поставленных перед ним задач. Рассмотрены значимые для современной Российской истории дипломатические деятели, их заслуги перед родиной. Приведены положительные примеры деятельности дипломатов. Раскрыта необходимость дипломатической деятельности, как основной курс развития современных международных отношений.

Ключевые слова: дипломатия, международные отношения, дипломатическая деятельность.

ZABOLOTNYKH Alexander Alexandrovich

lecturer of Fire and tactical special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

BOLOBAN Maxim Leonidovich

lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

DIPLOMACY IN THE MODERN RUSSIAN STATE

The article discusses such an important direction for any country in the world as diplomatic activity, its benefits for the state. The skills, knowledge and skills that a diplomat must possess in order to successfully complete the tasks assigned to him are analyzed. The diplomatic figures, significant for contemporary Russian history, and their services to the motherland are considered. Good examples of the activities of diplomats are given. The necessity of diplomatic activity as the main course of development of modern international relations is revealed.

Keywords: diplomacy, international relations, diplomatic activity.

Международные отношения приобретают все большее значение в жизни человечества, поскольку взаимодействие между государствами расширяется год от года и все больше людей принимают участие в международной деятельности. Постоянно расширяющееся количество внешнеполитических контактов обуславливает необходимость подготовки специалистов с широким спектром знаний, способных работать в различных областях внешней политики.

Одной из самых загадочных и перспективных профессий в международных отношениях является профессия дипломата. Действительно, во все времена дипломаты играли решающую роль в добрососедских торговых и политических отношениях между государствами. Дипломаты – это «Лицо» страны, которую они представляют. Поэтому на эту должность всегда выбирали лучших представителей страны, которые не только правильно представляют свой народ, но и способны заключать выгодные торговые и политические соглашения.

Основными составляющими успешного дипломата являются высокий образовательный, интеллектуальный и культурный потенциал, исторический опыт и умение применять все это на практике. Поэтому дипломаты должны быть хорошо образованными, гибкими в своем мышлении и уметь адаптироваться к любой ситуации.

От хорошего дипломата требуется множество качеств, в том числе обаяние, юмор, честность, такт, трудолюбие, сильная воля, находчивость, психологическая устойчивость, энергия, ответственность, память и интуиция.

Дипломатам также необходимы знания иностранных культур, традиций и иностранных языков, поскольку без них невозможно наладить взаимопонимание и общение [1].

История России изобилует примерами дипломатов с такими качествами, которые служили своей стране.

Первым из них был Иван Михайлович Висковатов. Он был первым магистратом учрежденного Иваном IV Посольского приказа (канцелярии), а также был первым главой дипломатического ведомства Ивана Грозного и руководил внешней разведкой. Он руководил дипломатической подготовкой к присоединению Казани и Астрахани, руководил работами по осаде Казани, дипломатическими документами по подготовке к Ливонской войне и внешними сношениями Московии на начальном этапе войны.

Еще один известный российский дипломат - Граф Андрей Иванович Остерман (9 июня 1686 - 31 мая 1747) – российский политический деятель немецкого происхождения, выдвинувшийся во время правления царя Петра I (1682-1725), служил до воцарения царевны Елизаветы Петровны в 1741 году. Он занимал должности заместителя премьер-министра и первого премьер-министра в 1740 году был произведен в адмиралы, но в 1741 году был смещен в результате государственного переворота и лишен звания и титулов.

Пожалуй, один из самых известных дипломатов в России прославившийся не только комедией «Горе от ума», благодаря своему прекрасному образованию был Грибоедов. Человеку с таким количеством дипломов бакалавра не нужно дважды в неделю приезжать в дом старого боярина, чтобы разбираться в пыльных архивах резиденции посла. По мнению Александра Грибоедова, восточная политика России должна была быть направлена на политическое, экономическое и культурное сближение с восточными странами, включая Иран. Такое сближение должно быть выгодно обеим сторонам. Грибоедов прилагал все усилия не только для нормализации отношений между Россией и Ираном, но и

для того, чтобы привести к крепким дружественным отношениям между двумя странами.

В истории уже советской дипломатии видное место занимает политик Александр Михайлович Кадакин. Он был попечителем Международного мемориального треста Рерихов, директором общественной организации Международного Центра Рерихов, неоднократно участвовал и внёс вклад в мероприятия Рериховского движения, который публиковался в официальных изданиях Рерихов и получал лестные отзывы и награды от Международного Центра Рерихов. Он отредактировал рукопись дневника К. Н. Рябинина (врача Центрально-Азиатской экспедиции Николая Рериха) «Тибетское развенчание» и подготовил ее к публикации [2].

Сергей Орджоникидзе, советско-российский дипломат, был заместителем Постоянного представителя СССР и России при ООН с 1991 по 1996 год. Он также занимал должности директора Департамента международных организаций и заместителя министра иностранных дел России, до 2011 года был заместителем Генерального секретаря ООН, исполнительным директором Отделения ООН в Женеве и исполнительным секретарем Конференции по разоружению. Автор многочисленных публикаций по международному праву, международным отношениям и вопросам разоружения [3].

Сергей Лашкарев был блестящим востоковедом, свободно владевшим десятью языками, и который смог оказать значительное влияние на внешнюю политику России на Востоке в конце XVIII - начале XIX века. Благодаря ему России удалось установить относительно хорошие отношения с Ираном и Османской империей того времени. Он смог завоевать особое доверие и уважение высших представителей восточных стран, что позволяло ему решать проблемы легче, чем другим дипломатам.

Данные примеры вдохновляют молодое поколение идти на дипломатическую службу, приносить пользу своей Родине.

Эти же примеры позволяют выделить основные положительные стороны и недостатки дипломатической службы.

Среди положительных моментов в первую очередь можно отметить большие перспективы для карьерного роста – конечно же, при условии постоянного самосовершенствования и огромной трудоспособности.

Кроме того, дипломат имеет возможность общаться с интересными людьми – причём это могут быть как представители отечественной интеллигенции, так и самые яркие представители иностранной элиты.

Несомненным и приятным плюсом является возможность много путешествовать в максимально комфортных условиях [4].

Помимо этого, немаловажным преимуществом профессии дипломата также является и то, что по мере необходимости специалист не только приобретает новые знания, но ему за это ещё и доплачивают. Например, если дипломат направлен на работу в Германии, то перед поездкой он интенсивно занимается изучением немецкого языка, истории и культуры этой страны. На протяжении всего срока обучения, он будет получать такую же зарплату, как и обычно.

Несмотря на кажущуюся легкость и внешнюю привлекательность, профессия дипломата является одной из самых трудных и ответственных, а потому имеет не меньше недостатков, чем любая другая специальность. И самым главным недостатком, без всякого сомнения, можно считать долгий и тернистый путь по дороге к вершинам этой профессии [4].

Сегодня на первое место выходят вопросы политического сотрудничества. Следует также отметить, что несмотря на сохранение классических форм и функций дипломатической деятельности в международной дипломатии появилось много нового - это использование разнообразных технических средств, бурное развитие многосторонней дипломатии, дипломатии на высоком и высшем уровне. Всё это существенным образом начало оказывать влияние на дипломатию ещё со второй половины XX века и породило немало сомнений в отношении традиционной дипломатии, осуществляемой прежде всего через дипломатическое правительство. Ряд авторов, среди которых, например, один из ведущих исследователей в области международных отношений И. Галтунг, стали исходить из того, что будущее будет принадлежать различным ассоциациям и организациям, а роль государства будет сводиться к минимуму. В результате с новой силой зазвучали вопросы, возникшие ещё в начале века о том, нужна ли вообще дипломатия в современном мире, находится ли она в упадке и каковы перспективы её дальнейшего развития [5].

Несмотря на подобные суждения, профессия дипломата в современном мире остаётся очень востребованной и имеет большое значение во внешнеполитической деятельности страны. Наша молодёжь сейчас активно интересуется политикой и международными отношениями, поэтому у профессии есть своё будущее.

Пристатейный библиографический список

1. Черняков Ю. Дипломаты, чиновники, и другие. Министры иностранных дел. - М.: Азимут, 2015. - 769 с.
2. Василенко И. А. Переговоры с восточными партнерами. Модели, стратегии, социокультурные традиции. - М.: Международные отношения, 2016. - 336 с.
3. Печатнов В. О., Попов И. В., Райков Ю. А. История дипломатии России: В двух томах. Учебник. Том II: 1917-2017. / Под ред. А. В. Торкунова, А. Н. Панова. - М.: Аспект Пресс, 2018. - 368 с.
4. Морозов С. Дипломатия В. В. Путина. Внешняя политика России 2015-2017 гг. - М.: Издательский дом «Измайловский», 2017. - 256 с.
5. Уткин А. И., Хвостов В. В. Дипломатия и оружие. - М.: Наука, 2017. - 192 с.

ПАРОНЯН Карэн Мартинович

кандидат юридических наук, доцент кафедры отраслевых юридических дисциплин Таганрогского института (филиала) им. А. П. Чехова Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Таганрог

МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ЦЕНЗУРЫ В ЛИБЕРАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОМ РЕЖИМЕ РОССИИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

В статье исследуется механизм реализации института цензуры и закрепление элементов цензурной государственной политики в становлении и функционировании либерального государственно-правового режима России в конце XX – начале XXI вв. Анализируются научные позиции относительно перспектив развития указанной модели государственно-правового режима, а также соотношения конституционного запрета цензуры и применения элементов цензурной политики в политико-правовом пространстве России. Сформулирован вывод о том, что российский политико-правовой режим представляет собой сложный состав методов и приемов властвования, где основу составляют авторитарные принципы (применяемые в периоды нестабильности, а значит почти постоянно), в дополнение к которым весьма успешно могут применяться либеральные подходы. Одной из неотъемлемых характеристик этого режима является институт цензуры, диалектически выстроенный и функционирующий в российской политической системе.

Ключевые слова: цензура, институт цензуры, политическая система общества, политико-правовой режим, государственно-правовой режим, методы властвования, цифровизация, информатизация.

PARONYAN Karen Martinovich

Ph.D. in Law, associate professor of Branch legal disciplines sub-faculty of the A. P. Chekhov Taganrog Institute (branch), Rostov State University of Economics (RINH), Taganrog

THE MECHANISM OF IMPLEMENTATION OF THE INSTITUTE OF CENSORSHIP IN THE LIBERAL STATE-LEGAL REGIME OF RUSSIA IN THE END OF THE XX – THE BEGINNING OF THE XXI CENTURIES

The article examines the mechanism for implementing the institution of censorship and the consolidation of elements of censorship state policy in the formation and functioning of the liberal state-legal regime in Russia in the late 20th and early 21st centuries. Scientific positions are analyzed regarding the prospects for the development of this model of the state-legal regime, as well as the relationship between the constitutional prohibition of censorship and the application of elements of censorship policy in the political and legal space of Russia. The conclusion is drawn that the Russian political and legal regime is a complex set of methods and techniques of ruling, based on authoritarian principles (used in periods of instability, and therefore almost constantly), in addition to which liberal approaches can be very successfully applied. One of the essential characteristics of this regime is the institution of censorship, which is dialectically built and functions in the Russian political system.

Keywords: censorship, institution of censorship, political system of society, political and legal regime, state-legal regime, methods of ruling, digitalization, informatization.

В настоящей статье будут рассмотрены особенности правовой регламентации и фактической реализации элементов института цензуры в рамках либерального государственно-правового режима России на рубеже XX–XXI столетий. Указанная проблематика приобретает особую актуальность сегодня, в период общей геополитической нестабильности в мире, а также в связи с развивающимися событиями в нашей стране, когда в процессе проведения Специальной военной операции подвергаются пересмотру традиционные теоретико-правовые основы, признаки демократического режима, по-новому воспринимаются задачи информационной политики государства, обретает конкретные проявления институт цензуры.

Собственно, цензура, как политико-правовой институт, обычно ассоциируется с недемократическими проявлениями режимов, однако, в период гибридных войн, противостояния информационным атакам, подрывающим основы национальной безопасности российского государства, именно эффективное использование цензурных элементов может способствовать стабилизации деятельности государственно-правовых институтов, структур гражданского общества. Кроме того, отечественная специфика властвования также обязывает к вдумчивому анализу соотношения демократического политико-правового (государственно-правового) режима и института цензуры.

Говоря о способах и методах осуществления политической власти в конкретном обществе, следует иметь в виду, что политический режим «является составной частью политической системы и скорее связан с общей идеей власти и спецификой ее институционализации, то есть отражает содержательный момент государственно-правового развития, основную направленность публично-властного воздействия на социум, степень политико-правовой зрелости общества в национальном политико-правовом и социокультурном пространстве» [1, с. 143].

В контексте же настоящего исследования важно отдавать отчет в том, что в российском политико-правовом поле в полной мере активно реализуются процессы «информационно-цифровой тоталитаризации» политико-правового режима, что непосредственным образом активизирует угрозу вторжения современных информационных технологий в сферы частной жизни, в области неприкосновенности личного мира [1, с. 6].

Для российской государственности вопросы использования авторитарных приемов во власти порой являются вопросами существования самого государства, выживания народа. Хотя, с другой стороны, активное применение собственно либеральных подходов также не является чуждым для России, весьма активно используется в периоды стабильности, нередко преследуя цель расширения возможностей реализации прав и свобод граждан, предоставления значительной экономической и политической самостоятельности населению (примечательно, что именно о политическом взрослении и самостоятельности российского общества говорил В. В. Путин в ходе послания Федеральному собранию 15 января 2020 г., хотя предложенные им конституционные изменения лишь с большой натяжкой можно назвать хотя бы отчасти либеральными).

Можно предположить, таким образом, что российский политико-правовой режим, как и вся российская государственность, представляет собой сложный состав методов и приемов властвования, где основу составляют авторитарные принципы (применяемые в периоды нестабильности, а значит почти постоянно), в дополнение к которым весьма успешно могут применяться либеральные подходы. Очевидно, что одним из неотъемлемых характеристик этого режима является институт цензуры, также диалектически выстроенный и функционирующий в российской политической системе. Диалектика здесь органично проявляется в конституционном запрете цензуры и одновременно с этим в практическом при-

менении элементов цензурной политики государства в важнейших сферах жизнедеятельности общества.

Что касается цензуры в контексте существующего в России государственно-правового режима, то целесообразным представляется исходить из рассмотрения параметров её запрета, оценивая перспективы использования цензурной политики в современный период. Так, впервые за всю советскую историю на законодательном уровне *цензура запрещается* частью 3 статьи 1 (Свобода печати) Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации», которая гласила: «Цензура массовой информации не допускается»,¹ что стало поистине переломным моментом для всего общества и государства. Уже в 1991 году был принят Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации»,² в котором отдельная статья (ст. 3) была посвящена вопросам недопустимости цензуры. Осуществление цензуры при этом стало признаваться ущемлением свободы массовой информации (статья 58), за что устанавливалась юридическая ответственность.

Вообще же можно сказать, что краеугольной проблемой, препятствующей проявлению (расцвету) в полной мере либерального государственно-правового режима в России, является сама суть либерального подхода к реализации фундаментальных идей, невозможность их быстрой адаптации в российском политическом и государственно-правовом пространстве, значительные риски утери контроля над процессами преобразований и категорическим неприятием истинной сущности либеральных идей широкими слоями общества.

Одновременно с этим стоит отметить, что либеральные тенденции, применительно к российской государственности, имеют свойство негативно отражаться и на государственной стабильности. Их реализация неизбежно приводила (чему есть масса примеров) к проявлениям сепаратистских настроений, была одной из основных причин возникновения вооруженного конфликта на территории Северного Кавказа, недовольства населением проводимыми реформ и категорическим неприятием либеральных идей как со стороны политических деятелей, так и представителей государственного аппарата. Именно чиновничество, как устойчивая социальная группа, стало постепенно и довольно выборочно вводить ограничения на публикацию материалов, негативно влияющих на рейтинг власти, что приводило к планомерному, неспешному, но целенаправленному процессу цензурирования отдельных аспектов государственной политики, особенно связанных с просчетами и невыполнением взятых на себя обязательств. Но и в этом плане не все так однозначно с либерализмом, как идеями, для российской государственности. Собственно, как заметил В. В. Путин, «если под либерализмом понимается свобода мысли, свобода выбора, то в России всегда это было, есть и будет».³ Поэтому к анализу либерализма и либерального государственно-правового режима в нашей стране нужно подходить с учетом всех сторон этого явления.

Оценка цивилизационных, институциональных характеристик и перспектив либерального государственно-правового режима в России конца XX – начала XXI вв. предполагает, в той или иной степени, сравнение западных образцов и стандартов либерализма и их проявлений в российской правовой и политической системе. В этом смысле можно согласиться с позицией М. А. Пономарева в том, что в 90-е годы XX в. российский либерализм постепенно дистанцируется от простого копирования западноевропейских либеральных образцов (этот принцип воспринят и на самом высшем уровне в России: по словам Президента РФ, если либерализм понимать так, что мы должны обязательно кого-то копировать и «под либерализмом понимать только то, что, скажем, в каких-то странах под этим понимают, то это не самый лучший вариант»⁴). В итоге представители «нового» либерализма начинают осознавать

чуждость иностранных подходов и необходимость использования существующей мощной интеллектуальной традиции русского либерального консерватизма и дореволюционного «нового» либерализма, как теоретического фундамента для создания оптимального либерального модернизационного проекта, учитывающего исторические особенности развития России [3, с 95].

Тенденции начала 2010-х годов, по мнению исследователей, свидетельствуют о том, что либерализм в России находился в стадии кризиса, так как его основополагающие принципы чужды подавляющему большинству населения. Причина этого видится в отсутствии в российском менталитете такого феномена, как «*либеральный архетип*». По большому счету свобода, демократия и личная ответственность не являются для большинства русских людей базовыми ценностями, в отличие от порядка, державности и государственного патернализма [4, с. 114]. Добавив к перечню Е. А. Ревякиной также соборность, как архетипическую ценность российского общества, мы можем получить тупиковую перспективу и конечную невозможность выстраивания либерального государственно-правового режима в России по «западным» лекалам. Вместо этого российское общество стремится к активному поиску национального (русского, российского) пути развития, который учитывал бы позитивные мировые тенденции, но в то же время был бы направлен на защиту исконных исторических основ, ценностей, позволяло бы обеспечить благосостояние каждого гражданина, предоставлял широкие возможности для развития.

Встречающиеся утверждения среди экспертного сообщества о том, что в России нет сильного гражданского общества, способного создать объединения, защищающие интересы разных групп общества [2, с. 153], и, как следствие, достигнуть соответствующего уровня демократии по «западным стандартам» несколько утрачивают свою актуальность в последнее время. Широкие возможности в сфере осуществления предпринимательской деятельности, либерализация налогового законодательства, снижение административного давления и расширение сферы услуг, особенно в секторе цифровизации, создают все предпосылки дальнейшей либерализации государственно-правовой системы управления. В то же время ограничение гласности, путем цензурирования отдельных сторон общественной жизни, хотя по своей сути и чуждо либеральным подходам, тем не менее, в текущих условиях военно-политического противостояния России и коллективного Запада всецело отвечает запросам населения и поддерживается им.

Таким образом, российский политико-правовой режим, как и вся российская государственность, представляет собой сложный состав методов и приемов властвования, где основу составляют авторитарные принципы (применяемые в периоды нестабильности, а значит почти постоянно), в дополнение к которым весьма успешно могут применяться либеральные подходы. Одной из неотъемлемых характеристик этого режима является институт цензуры, также диалектически встроенный в российскую политическую систему, что проявляется в конституционном запрете цензуры и одновременно с этим в практическом применении элементов цензурной политики государства в важнейших сферах жизнедеятельности общества. Использование цензурно-правовой политики в современной политической системе общества не только допустимо, но и оправдано, учитывая беспрецедентный объем рисков неподконтрольного оборота информации.

Пристатейный библиографический список

- 1 Закон СССР от 12.06.1990 № 1552-I «О печати и других средствах массовой информации» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР от 1990 г. – № 26. – Ст. 492.
- 2 Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-I «О средствах массовой информации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 1992 г. – № 7. – Ст. 300.
- 3 Путин высказался о либерализме в России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/1249629/2021-11-14/putin-vyskazalsia-o-liberalizme-v-rossii> (дата обращения: 21.04.2023).
- 4 Там же.

1. Апольский Е. А., Мордовцев А. Ю., Хоменко С. М. Политико-правовой режим в сущностном и национальном измерении. – М.: «Юрлитинформ», 2021. – 160 с.
2. Денисов С. А. Политический режим современной России // Политическая концептология. – 2018. – № 2. – С. 146-156.
3. Пономарева М. А. Либеральные идеи в 90-е годы XX в.: основа концепции модернизации России // Система ценностей современного общества. – 2011. – № 18. – С. 89-96.
4. Ревякина Е. А. Идеология либеральных партий в современной России: особенности, проблемы и перспективы развития // Среднерусский вестник общественных наук. – 2013. – № 2. – С. 113-117.

СКВОРЦОВ Дмитрий Сергеевич

аспирант 1 курса Самарского государственного экономического университета

ПЕТРОГРАДСКАЯ Альбина Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и философии Самарского государственного экономического университета

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА КАК ЮРИДИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ: ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ

В статье анализируются сущность и основные признаки правовой политики. Авторы указывают на то, что в центре правовой политики находятся важнейшие вопросы правового государства и бытия человека: гуманизм, вечные ценности, справедливость, права личности, взаимодействие личности и власти и т.д.; отмечают необходимость популяризации правовой политики среди населения. Также в статье рассматриваются такие признаки правовой политики, как её основанность на нормах права, подчинение конституционным нормам, соответствие интересам личности, общества и государства, опора на принудительную силу государства, научность и т.д.

Ключевые слова: правовая политика, правовая культура, личность, юридическая наука, правовой нигилизм.

SKVORTSOV Dmitriy Sergeevich

postgraduate student of the 1st course of the Samara State University of Economics

PETROGRADSKAYA Albina Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory of law and philosophy sub-faculty of the Samara State University of Economics

LEGAL POLICY AS A LEGAL CATEGORY: CONCEPT AND FEATURES

The article analyzes the essence and main features of legal policy. The authors points out that the most important issues of the rule of law and human existence are at the center of legal policy: humanism, eternal values, justice, individual rights, interaction of personality and power, etc.; notes the need to popularize legal policy among the population. The article also discusses such signs of legal policy as its reliance on the norms of law, subordination to constitutional norms, compliance with the interests of the individual, society and the state, reliance on the coercive force of the state, scientific, etc.

Keywords: legal policy, legal culture, personality, legal science, legal nihilism.

Тема правовой политики всегда привлекала внимание правоведов, а в последние годы она актуализировалась как никогда. Во многом это обусловлено тем, что разработками юридической доктрины РФ, взаимодействие правотворческих и правоприменительных органов, а также необходимость подготовки профессиональных юристов должны коррелировать друг с другом. Очевидно, что исследования ученых-юристов должны предвосхищать нормы, вырабатываемые законодателем.

Приступая к исследованию сущности и особенностей правовой политики, следует заметить, что подходы к данной категории могут быть узкими или широкими. В узком смысле правовая политика – это выработка и реализация тактики и стратегии в области создания и применения права на общих принципах гуманизма. В широком смысле – это деятельность, прежде всего, государственных и муниципальных органов, общественных объединений, отдельных лиц, включающая систему идей, целей, мер и способов, обеспечивающих функционирование и воспроизводство правового механизма, направленная на осуществление интересов, прав и свобод личности во взаимодействии с ее обязанностями [7, с. 71].

В центре правовой политики находятся важнейшие вопросы правового государства и бытия человека: гуманизм, вечные ценности, справедливость, права личности, взаимодействие личности и власти и т.д.

Говоря о правовой политике важно отметить её неразрывную связь с правовой культурой. Именно через правовую культуру граждане взаимодействуют с органами власти, и таким образом реализуется правовая политика. Таким об-

разом, правовая культура и правовая политика теснейшим образом взаимодействуют.

Как уже отмечалось, интерес к проблемам формирования и реализации правовой политики у отечественных правоведов был всегда. При этом для дореволюционных исследователей анализируемая категория имела, в первую очередь, прикладное значение. Именно через правовую политику юристы того времени оценивали эффективность существовавшего в то время законодательства, и именно через правовую политику предлагали данное законодательство совершенствовать. Безусловно, подобный подход является слишком узким и утилитарным. Современные правоведы трактуют правовую политику более широко и многопланово.

Реализация правовой политики подразумевает взаимодействие граждан и государства, органов власти с гражданами и между собой и т.д. В любом государстве существует и реализуется правовая политика, даже если официально она не утверждена и не признана. Это обусловлено постоянной необходимостью государства контролировать содержание издаваемых нормативно-правовых актов, формировать внутри и вовне государства определенные типы отношений.

Исследуя понятие «правовая политика» нельзя не остановиться на анализе того, что есть, собственно, право, какова его роль в жизни человека и государства.

Обзор юридической литературы показал, что вопрос о сущности права является дискуссионным, исследователи по сей день не пришли к единому мнению по данному вопросу. Наличие множества различных подходов к пониманию сущности права является следствием плюрализма мнений о том,

в чем назначение и цель государства, на основе каких принципов оно функционирует, в чем специфика вертикали власти и на чем она базируется. Однако вне зависимости от того, что именно понимают исследователи под правом, очевидно его важнейшая роль в жизни каждого человека и государства. Также очевидна уникальная социальная ценность права. Наряду с моралью право является важнейшим регулятором общественных отношений.

Безусловно, в различных государствах и обществах право играет разную роль, однако это не умаляет его значения в жизни общества. Соответственно существенную роль в жизни любого государства играет и правовая политика [5, с. 31].

Если говорить о России, то следует заметить, что в нашей стране в определенные исторические промежутки времени имел место правовой нигилизм, то есть отрицание права как социального института, неверие в его силу. Такие правовые нигилисты пренебрежительно относятся к праву, на считают нужным выполнять законодательные предписания, отрицают пользу права для общества. Для борьбы с правовым нигилизмом важно, в первую очередь, всячески повышать уровень правового образования граждан, а также активно заниматься их правовым воспитанием, причем начиная с младшего школьного возраста.

Также следует отметить, что почти во все времена в России имела место проблема доверия граждан власти. Очевидно, что в рамках прагматического подхода такое доверие должно регулярно подтверждаться и проверяться, а для этого необходимо осуществлять постоянный контроль за представителями власти. Причем призывы контролировать чиновников озвучивал в свое время еще известный государственный деятель, политик и философ Т. Джефферсон. Целеобразно воплощать подобные идеи мыслителей в соответствующих нормативно-правовых актах и правовой политике государства в целом.

Таким образом, неразрывна связь права, государства в лице органов власти и гражданина (личности). Взаимосвязь права и власти во многом обусловлена вопросами правоприменения. Взаимодействие же граждан и государства, по сути, есть центр правовой политики. «Причем такое взаимодействие осуществляется на основе правового статуса личности. По сути, правовая политика идет от личности и при этом служит ей. При этом для того, чтобы указанное служение было максимально эффективным, важно, чтобы правовая политика имела четкие соотношения с проблемами личности» [3, с. 55].

Таким образом, в спектре интересов правовой политики находится, в первую очередь, личность с её правами, обязанностями и проблемами, а только потом государство и проблемы его взаимодействия с личностью.

Государство реализует правовую политику в процессе осуществления своей власти, то есть в ходе властвования. Такое властвование должно быть обязательно мирным, так как реализация правовой политики может базироваться только на мирном властвовании. Если речь идет о немирном властвовании, то подразумевается, что взаимодействие государства и общества, личности является неправовым. А если в основе этого взаимодействия не лежат правовые нормы, то и правовой политики никакой нет.

Правовая политика как юридическая категория демонстрирует принципы законодательства, особенности их осуществления через систему законодательных актов и их применение. Она отражает властные предписания, которые реализуются как на основе действия правового механизма,

так и с помощью тех предписаний, которые содержатся в Конституции [6, с. 66].

Анализ сущности правовой политики невозможен без изучения её признаков. И здесь в первую очередь следует отметить то, что она в обязательном порядке должна базироваться на нормах права. При этом важно заметить, что правовая политика не может основываться на нормах закона, которые взаимно исключают друг друга, или на нормах закона, направленных на реализацию совершенно противоположных интересов. Иначе она будет неэффективной.

Законодательные акты должны соответствовать своему времени, веяниям эпохи, потребностям граждан и государства. Кроме того, важно, чтобы нормы закона были адаптированы к соответствующей культуре, национальным особенностям того или иного государства.

Важнейшей проблемой правовой политики является тот факт, что она обязательно должна базироваться на конституционных основаниях. Следовательно, важнейшим признаком правовой политики является её подчиненность нормам Конституции РФ. Однако, как показывает анализ законодательных норм, а также практики их применения, положения Основного закона не всегда в должной мере реализуются в правотворчестве и правоприменении. Для решения указанной проблемы следует при разработке новых правовых норм, а также в ходе корректировки имеющихся четко следовать конституционным принципам и нормам. Кроме того, необходимо обеспечить грамотное толкование конституционных норм.

Вышеизложенное особенно актуально в ходе реализации правовой политики в регионах, ведь, как известно, субъекты РФ вправе издавать собственные законы и иные правовые нормативно-правовые акты. Результатом такого регионального правотворчества зачастую являются ситуации, когда местные законы противоречат федеральным и т.д. В итоге органам власти не всегда понятно, каких норм следует придерживаться. Это, безусловно, недопустимо. В правовой политике важна общая, единая линия правоприменения, следовательно, существующие противоречия в обязательном порядке должны быть устранены.

Следующий важнейший признак правовой политики – её соответствие интересам личности, общества и государства. Правовая политика призвана служить людям и государству, при этом она выражает интересы всех слоев общества, а не каких-то избранных. Из этого следует, что привилегии по отношению к тем или иным гражданам недопустимы. Безусловно, в законодательстве РФ существуют положения о том, что те или иные граждане, группы лиц и т.д. по тем или иным причинам имеют определенные льготы. Однако это именно льготы, а не привилегии.

Основная цель правовой политики – это личность и её интересы. Если правовая политика не касается личности и её интересов, не направлена на их удовлетворение, а напротив, действует в ущерб как личности, так и государству, то такая правовая политика не имеет права на существование. В этой связи очевидно, что необходимо постоянно осуществлять контроль за тем, чтобы цели и задачи правовой политики четко соответствовали целям и задачам гуманистического развития общества, государства, личности. В настоящее время такой контроль в РФ осуществляют законодательные органы, судебная система и прокуратура [2, с. 91]. Следовательно, от того, насколько успешно указанные органы будут выполнять свои контролирующие функции во многом зависит то, насколько успешно будет реализовывать правовая политика в нашей стране.

Исследуя признаки правовой политики важно отметить, что её реализация зачастую базируется на принудительной силе государства, властное влияние которого осуществляется исключительно на основе права. Безусловно, в правовом демократическом государстве всевозможные конфликты, споры и проблемы должны решаться с помощью правовых методов. Однако, как свидетельствует практика, в реальности такие методы решения проблем зачастую выполняют роль ширмы, прикрывающей незаконную деятельность, к примеру, политическое давление, применение разных видов шантажа для достижения тех или иных целей, использование для достижения этих целей многих других незаконных приемов.

В настоящее время важно, чтобы государство четко доносило до своих граждан сущность своей правовой политики. Для этого необходимо использовать весь арсенал средств массовой информации: телевидение, радио, печатные издания, и, безусловно, Интернет. В нынешнюю информационную эпоху это сделать несложно, в то же время, как показывает практика, граждане зачастую очень плохо информированы, у некоторых из них отсутствуют даже элементарные, базовые юридические познания, а о том, что такое «правовая политика» большая часть населения РФ не имеет никакого представления. В подобной ситуации вряд ли можно говорить о том, что анализируемая политика успешно реализуется в современном российском государстве. Очевидно, что необходимо четко, доступно разъяснить гражданам сущность и основные направления правовой политики, показать им, что государство с помощью правовых методов стремится обеспечить им реализацию пописанных в Конституции прав. И только после этого при необходимости в отношении граждан могут быть использованы механизмы властного принуждения.

Безусловно, в ходе популяризации права среди граждан, объяснения его важнейшей регулирующей функции важно опираться на исследования правоведов в этой области. То есть необходим научный подход к правопониманию. Ранее уже было отмечено, что при разработке нормативно-правовых актов законодателям целесообразно учитывать результаты исследований ведущих правоведов страны. Такая научная база необходима и для разработки правовой политики в целом. Безусловно, научные основания важны для разработки любой политики, многолетний опыт специалистов может оказать неоценимую помощь законодателю. Однако именно для формирования и реализации правовой политики огромное значение имеют достижения юридической науки, результаты многолетних разработок правоведов.

Научность, основанность правовой политики на передовых достижениях юридической науки, соединенные с государственными подходами в области развития права, повышения его роли в жизни общества и личности есть отличительный признак правовой политики [4, с. 99].

Таким образом, очевидно, что без серьезной научной базы, без разработок ведущих правоведов России и зарубежья формирование эффективной правовой политики, так же, как и её реализация, не то, чтобы невозможны, но весьма затруднительны. Важно понимать, что исследования ученых не являются некоей теоретической абстракцией, рассуждениями, не имеющими никакого отношения к практическим проблемам правоприменения. Они играют важнейшую роль в совершенствовании законодательства РФ, а также основанной на нем правовой политики нашего государства. Именно учеными-правоведами разрабатываются основные правовые концепции, идеология права, и только потом все это воплощается в законодательных нормах. Поэтому активное разви-

тие юридической науки является важнейшим условием становления и функционирования правовой политики [1, с. 36].

Безусловно, у правовой политики можно выделить и другие признаки. В рамках данной статьи были рассмотрены лишь основные из них.

Итак, в центре правовой политики находятся важнейшие вопросы правового государства и бытия человека: гуманизм, вечные ценности, справедливость, права личности, взаимодействие личности и власти и т.д. Говоря о правовой политике важно отметить её неразрывную связь с правовой культурой. Именно через правовую культуру граждане взаимодействуют с органами власти, и таким образом реализуется правовая политика.

Также следует отметить взаимосвязь права, государства в лице органов власти и гражданина (личности). Взаимосвязь права и власти во многом обусловлена вопросами правоприменения. Взаимодействие же граждан и государства, по сути, есть центр правовой политики. В настоящее время важно, чтобы государство четко доносило до своих граждан сущность своей правовой политики. Для этого необходимо использовать весь арсенал средств массовой информации: телевидение, радио, печатные издания, и, безусловно, Интернет.

Пристатейный библиографический список

1. Азнагулова Г. М., Комаров С. А. Правовая политика как категория в юридической науке // Теория государства и права. - 2016. - № 1. - С. 35-38.
2. Биряева А. В. Правовая политика как юридическая категория: понятие и признаки // Научный потенциал молодежи – будущему Мордовии. Материалы итоговой региональной научно-практической конференции в 2 частях. - 2009. - С. 90-92.
3. Краснов Ю. К. Правовая политика России на современном этапе: Учебное пособие / Ю. К. Краснов; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. - М.: Прометей, 2019. - 182 с.
4. Правовая политика = Legal policy: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям 030501.65 «Юриспруденция», 030900.62 «Юриспруденция (Бакалавриат)», 030900.68 «Юриспруденция (Магистратура)» / [А. В. Малько и др.]; под ред. А. В. Малько, Р. В. Пузикова; М-во образования и науки Российской Федерации, Российская акад. наук, Саратовский фил. Ин-та государства и права, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина», Науч.-образовательный центр правовой политики субъектов Российской Федерации, М-во образования и науки Российской Федерации. - Тамбов: Изд-во ТГУ, 2012. - 578 с.
5. Правовая политика: учебное пособие / Ю. М. Горячковская. - Белгород: Изд-во Белгородского ун-та кооперации, экономики и права, 2016. - 155 с.
6. Рудковский В. А. Правовая политика в системе юридических категорий // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. - 2014. - № 1 (22). - С. 63-68.
7. Рыбаков О. Ю. Правовая политика как юридическая категория: понятие и признаки // Журнал российского права. - 2002. - № 3 (63). - С. 71-78.

СКОБИЛЕВА Ирина Вячеславовна

студент 2 курса бакалавриата по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета

МАХОНИН Данила Дмитриевич

студент 2 курса бакалавриата по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ВНЕДРЕНИЕ ИНОСТРАННОЙ ЛЕКСИКИ В ПРАВотВОРЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР НЕГАТИВНОГО ВЛИЯНИЯ НА РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье поднимается вопрос применимости иностранной лексики в нормотворческой деятельности. Рассматривается влияние процесса глобализации на формирование общественных отношений, которые необходимо регулировать нормами права. Важно понимать, что само формирование правовой системы предполагает перенимание опыта, заимствование терминологии. Уместность и рациональность использования иностранной лексики в правотворческой деятельности может послужить фактором развития позитивного права. Проводится анализ действующего законодательства, приведены примеры негативного влияния заимствований на уяснение закона. В статье названы возможные пути решения сложившихся проблем, связанных с внедрением заимствований в тексты нормативно-правовых актов, действующих на территории РФ.

Ключевые слова: заимствованные слова, правотворчество, глобализация.

SCOBILEVA Irina Vyacheslavovna

student of the 2nd course of the bachelor's degree in the field of study 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University

MAKHONIN Danila Dmitrievich

student of the 2nd course of the bachelor's degree in the field of study 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University

INTRODUCTION OF FOREIGN VOCABULARY IN LAW-MAKING ACTIVITIES AS A FACTOR OF NEGATIVE IMPACT ON THE REGULATION OF SOCIAL RELATIONS

The article raises the question of the applicability of foreign vocabulary in the rule-making activity. The influence of the globalization process on the formation of social relations, which need to be regulated by the rules of law, is considered. It is important to understand that the very formation of the legal system involves the adoption of experience, borrowing terminology. The relevance and rationality of the use of foreign vocabulary in law-making activity may serve as a factor of positive law development. The analysis of the current legislation is carried out, examples of the negative impact of borrowings on the understanding of the law are given. The article names possible ways of solving the existing problems associated with the introduction of borrowings in the texts of normative legal acts in force on the territory of the Russian Federation.

Keywords: borrowed words, legal creation, globalization.

С Древних времен язык является ключевым средством коммуникации людей, важным социальным феноменом, выполняющим функции накопления, сохранения и передачи информации. С помощью общения человечество обменивается необходимой жизненной информацией, удовлетворяет свои социальные потребности. В соответствии со статьей 68 Конституцией Российской Федерации государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа. Федеральным законом «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 № 53-ФЗ установлены сферы использования государственного языка РФ. Одной из таких сфер является официальное опубликование законов и иных нормативно правовых актов.

Русский язык не стоит на месте, он развивается и вследствие этого дополняется новыми словами. Одним из способов обогащения русского языка является заимствование иностранных слов. Данный процесс представляет собой усвоения языком новых иноязычных элементов. Есть ли польза от заимствования? Не стоит отрицать, что использование иностранной лексики вызвано активным развитием связи между носителями разных языков, глобализацией мировой культуры. Заимствования помогают сделать язык гибким, экспрессивным, иногда даже украсить речь человека или помочь во

взаимодействии с иностранцем. Примеров заимствованных иностранных терминов в российском законодательстве можно привести большое количество, например: «ноу-хау» в статье 1465 ГК; «ипотека» в Федеральном законе «Об ипотеке (залоге недвижимости)» от 16.07.1998 N 102-ФЗ; «бенефициар» в статье 375.1. ГК; «сервитут» в статье 274 ГК; «патронаж» в статье 41 ГК; «банкротство» в статье 24 ГК; «ассоциация» в статье 11 Федерального закона «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ; «контракт» в статье 34 Федерального законе от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 28.04.2023) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»; «патент» в статье 13.3 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 № 115-ФЗ; «полис» в статье 45 Федерального закона «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» от 29.11.2010 № 326-ФЗ; «приватизация» в Федеральном законе «О приватизации государственного и муниципального имущества» от 21.12.2001 № 178-ФЗ; «фонд» в статье 123.17 ГК и др.

Важно отметить, что при использовании иностранной лексики в российском законодательстве стоит соблюдать особые правила. Во-первых, не злоупотреблять иностранной лексикой. Если есть возможность употребить более понят-

ный термин русского происхождения, то стоит задействовать его.

Во-вторых, стоит использовать только те иностранные слова, которые адаптированы к русской лексике и будут понятны адресатам нормативно-правового акта. Любая неточность в использовании иноязычного юридического термина оказывает негативное влияние на качество законодательного акта.

В-третьих, законодатору необходимо учитывать адресатов нормативно-правового акта. Если акт ориентирован на широкую аудиторию, то необходимо использовать простой и понятный язык, не перегружать текст большим количеством сложных и громоздких иностранных определений, это усложнит понимание норм права. Если же нормативный акт предназначен для юристов, то тогда возможно применение более сложной иноязычной терминологии.

И наконец, в-четвертых, в нормативном акте необходимо давать пояснения и уточнения иноязычному термину, чтобы его содержание единообразно понималось адресатами законодательного акта. Например, термин французского происхождения «бенефициар» приводится в нескольких статьях Гражданского кодекса, однако ни в одной из них не дается конкретной дефиниции. Несоблюдение этого правила будет вызывать особую сложность в случае, если значение, в котором иноязычный термин понимается законодателем, будет отличаться от общепринятого понимания.

Вопрос о возможностях использования иностранной лексики в российском законодательстве, по моему мнению, довольно дискуссионный. Некоторые авторы высказываются о недопустимости использовании терминологии иностранного происхождения в российских нормативно-правовых актах. Например, доктор юридических наук, профессор В. М. Баранов отмечает, что сегодня в законодательстве необоснованно задействовано слишком большое количество иностранной лексики. Такие масштабы обесценивают наш национальный язык, что является показателем правовой культуры общества.

Другие авторы, наоборот, заявляют, что наполнение российского законодательства терминами иноязычного происхождения является следствием интернационализации юридических терминов, всего процесса глобализации. Нельзя искусственно останавливать или замедлять процессы включения иностранной терминологии в национальные нормативные акты. Язык – это динамическая категория, которая постоянно изменяется, пополняется новыми терминами, безусловно, это находит отражение и в праве.

Какой же точки зрения придерживается государство? Ответ на этот вопрос можно найти в п. 6 ст. 1 Федерального закона от 01.06.2005 № 53-ФЗ (ред. от 28.02.2023) «О государственном языке Российской Федерации». Данное положение устанавливает запрет употребления слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, за исключением иностранных слов, которые не имеют общеупотребительных аналогов в русском языке. Другими словами, законодатель установил приоритет национальной терминологии в российском законодательстве. Данная норма появилась не сразу, а только в 2023 году в ред. Федерального закона от 28.02.2023 № 52-ФЗ. Каковы же причины таких изменений? В Пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» говорится, что проектируемая норма направлена на защиту русского языка от чрезмерного употребления иностранных слов, а принятие изменений федерального закона позволит повысить общий уровень грамотности граждан и корректность использования государственного языка Российской Федерации.

По нашему мнению, внесение таких изменений является следствием происходящих в мире политических, экономиче-

ских и социальных событий. В 2022-2023 годах происходит ослабление взаимоотношений между Россией и большинством стран мирового сообщества, это безусловно оказывает серьезное воздействие и на внутрисоциальную природу.

Вследствие этого неоднозначным кажется использование такого термина, как «ноу-хау» в Гражданском кодексе, так как эквивалентным термином русского происхождения будет являться «секрет производства». Похожим примером является термин итальянского происхождения «артель», используемый также в Гражданском кодексе. Там же приводится и его русский синоним – «производственный кооператив». Кандидат юридических наук А. В. Черкаев в своей диссертации «Юридическая терминология в российском публичном праве: проблемы применения и совершенствования» приводит еще один пример заимствования из Гражданского кодекса с термином «лизинг», который можно заменить на более понятный – «финансовая аренда».

Таким образом, можно заметить, что гражданское законодательство перегружено заимствованной иностранной терминологией, что не в полной мере соответствует подходу государства в данном вопросе, а именно п. 6 ст. 1 Федерального закона от 01.06.2005 № 53-ФЗ (ред. от 28.02.2023) «О государственном языке Российской Федерации».

Подводя итоги, стоит сделать следующие выводы. К вопросу использования иностранных заимствований в национальном законодательстве необходимо подходить сбалансированно: сочетать разумность применения иностранной лексики и приоритетность национальной терминологии. Стоит избегать крайности в данном вопросе и не игнорировать иноязычные термины, не имеющих аналогов русского происхождения для задействования в законе. В случае же использования иностранной терминологии в нормативно-правовых актах важно соблюдать определенные правила и ограничения.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 № 53-ФЗ (последняя редакция).
2. Юридическая техника учебник под редакцией В. М. Баранова. – М.: Проспект, 2021. – С. 177-178.
3. Федеральный закон от 28.02.2023 № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации».
4. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://soyd.duma.gov.ru/bill/221977-8> (дата обращения: 25.05.2023).
5. Черкаев А. В. Юридическая терминология в российском публичном праве: проблемы применения и совершенствования: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – С. 34.
6. Кашанина Т. В. Юридическая техника: учебник. – 2-е изд., пересмотр. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – С. 258-262.
7. Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии: монография / ГОУ ВПО «ВолГУ». – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. – С. 119-138.

НИКОЛАЕНКО Наталья Сергеевна

студент 3 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ДЕРЕНДЯЕВА Софья Дмитриевна

студент 3 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета

СУЩНОСТЬ ПРАВОВОГО ПРЕЦЕДЕНТА И ЕГО ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ

В данной статье рассматривается вопрос становления и развития правового прецедента. При всей популярности данной проблемы не существует единого подхода даже к пониманию феномена прецедента – к этой категории относят весьма разнородные явления. Тема различных источников права является особенной важной в современном мире, имеющем нарастающую тенденцию в развитии процессов глобализации и интеграции правовых систем, которая направлена на улучшение взаимодействий между странами и развитие международного права. Таким образом, встает вопрос о возможности формирования прецедентного права или его элементов в Российской Федерации.

Ключевые слова: прецедент, судебное решение, источники права, аналогия, судебная практика.

NIKOLAENKO Natalya Sergeevna

student of the 3rd course of the bachelor's degree in the field of study 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University

DERENDYAEVA Sofiya Dmitrievna

student of the 3rd course of the bachelor's degree in the field of study 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University

THE ESSENCE OF LEGAL PRECEDENT AND ITS CHARACTERISTIC FEATURES

This article discusses the issue of the formation and development of legal precedent. With all the popularity of this problem, there is no single approach even to understanding the phenomenon of precedent - this category includes very heterogeneous phenomena. The topic of various sources of law is especially important in the modern world, which has a growing trend in the development of globalization processes and the integration of legal systems, which is aimed at improving interactions between countries and the development of international law. Thus, the question arises of the possibility of forming case law or its elements in the Russian Federation.

Keywords: precedent, court decision, sources of law, analogy, judicial practice.

Практически во всех правовых системах судьи руководствуются предыдущими решениями по данному вопросу и полагаются на них, но сила таких решений не одинакова во всех правовых системах. Такие решения составляются и публикуются в отчетах. Эти отчеты считаются очень ценными с точки зрения юридической литературы. Когда мы рассматриваем перечень дел, которые аналогичны по характеру их называют прецедентами.

Основываясь на изучении признаков юридического прецедента, Е. И. Спектор предложил следующую его формулировку: «Это судебное определение высшего суда по конкретному делу, которое вынесено в соответствии с определенным юридическим положением судебной процедуры, содержащее юридическое положение, опубликованное в официальных сборниках и обладающее императивностью применения для аналогичных дел в будущем» [5].

В общем, в судебной сфере это означает руководство или авторитет прошлых решений для дел, которые будут рассматриваться в будущем. Только такие решения, которые устанавливают какое-либо новое правило или принцип, называются прецедентами. Применение подобных решений регулируется разными принципами в различных системах. Эти принципы называются «Доктриной прецедента». Чтобы данное дело было рассмотрено, сначала необходимо сообщить о таких прецедентах, их можно будет процитировать и, возможно, суды могут последовать их примеру. Во-вторых, при определенных обстоятельствах необходимо следовать прецеденту.

Наибольшее распространение судебный прецедент получил в странах системы общего права, прежде всего в Англии, где зародилось прецедентное право, отсюда оно распространилось в другие страны.

В данной стране право создавалось непосредственно судами под непосредственным руководством короля и выступало как право для судебной практики. Они и сейчас занимаются нормотворческой деятельностью помимо применения тех самых норм.

Правила, которые содержатся в решениях суда, согласно английскому праву, должны быть применены и далее, иначе произойдет нарушение стабильности общего права и поставлено под угрозу само его существование [2].

Исторически в Англии сложились три принципа судебной прецеденты: 1) «stare decisis» — принцип, который обязует соблюдение прецедентов. В соответствии с этим принципом «судья не просто обращается к ранее вынесенным решениям как к руководству по делу, которое он рассматривает, а обязан применить правовые нормы, заключенные в решениях» [6]. 2) «ratio decidendi» — часть судебного решения или суть правовой позиции судьи, на основании которого принимается решение. Обычно в ходе рассмотрения дела суд после выяснения всех обстоятельств, анализа иных судебных решений по сходным делам выводит принцип (один или несколько), который становится основополагающим для принятия решения. Данный принцип и является «ratio decidendi» [3]. 3) obiter dicta – аргументы, необязательные для решения суда по делу, которые обычно именуется как «между прочим».

Сама структура английского прецедента достаточно осложнена тем, что судья при принятии решения, которое выступает как прецедент, должен разграничивать сущность решения, то есть чему нужно следовать и «между прочим». К тому же необходимо учитывать, что степень обязательности сформулированного судом прецедента зависит от его места в судебной иерархии судов.

Для того чтобы уметь отделять прецедент от других источников права, а также понять, можно ли говорить о существовании судебного прецедента в России, необходимо назвать признаки данного источника: 1) требует определенной юридической процедуры; 2) обладает признаком обязательности для правоприменяющего субъекта; 3) подлежит обязательному опубликованию в сборниках, как правило, специальных сборниках; 3) выносится при разрешении конкретного дела; 4) обязателен для применения всеми инстанциями; 5) отсутствие возможности его обжалования в обычном порядке, т. е. в таком порядке, каком обжалуются решения органов государственной власти различных инстанций.

В современных условиях очень важно выявить положительные и отрицательные стороны прецедента. Это одна из главных задач, так как она позволит сделать вывод о необходимости дальнейшего развития в России данного правового явления.

Так правовой прецедент обладает следующими преимуществами, например: 1) прецеденты обладают определенностью, то есть, изучая существующие прецеденты, можно спрогнозировать, каким будет решение, и спланировать его соответствующим образом; 2) в прецеденте есть единообразие - аналогичные случаи будут рассматриваться аналогично, это важно, чтобы придать системе чувство справедливости и сделать ее приемлемой для общественности; 3) судебный прецедент гибок, это проявляется в том, что есть несколько способов избежать прецедентов, и это позволяет системе изменяться и адаптироваться к новым ситуациям; 4) судебный прецедент носит практический характер, то есть он основан на реальных фактах, в отличие от законодательства; 5) судебный прецедент подробно описан, есть множество случаев, на которые можно сослаться.

Но также у прецедента есть свои недостатки, так, например, Бочарова Н. Н. выделяет следующие: «во-первых, это нарушение принципа разделения властей ввиду расширения полномочий судей; во-вторых, судья может оказаться формально связанным решением вышестоящего суда; это, действительно, очевидный минус судебного прецедента, но и это не бесспорно: в определенных случаях, судья может не следовать судебному прецеденту» [1].

В целом доктрина судебного прецедента приносит английской правовой системе как преимущества, так и недостатки, которые мы увидели выше. Несмотря на то, что на него ссылаются как на оковы для судов, строгое применение прецедента поддерживается для обеспечения последовательности.

Согласно решению Палаты лордов по делу «London Street Tramways» против Лондонского Совета графства, поскольку лорды считали, что определенность в законе важнее, чем возможность принятия несправедливых решений в результате следования прошлым решениям. Так называемые «оковы», которые доктрина прецедента накладывает на английскую правовую систему, можно рассматривать как нечто такое, что просто существует только в умах юристов, поскольку именно такие профессионалы могут решить, является ли последовательность более важной, что позволяет закону развиваться. Есть возможность избежать жесткости судебного прецедента, доказав, что доктрина действительно демонстрирует некоторую гибкость.

Вопрос о судебном прецеденте в российских реалиях остается открытым и спорным. На сегодняшний день пре-

цедент в России остается в «серой зоне». Он негласно существует, но законодательно никак не закреплен. Мы имеем судебную практику, которая в некоторой мере играет роль прецедента. Роль судебного прецедента в России вполне официально выполняют постановления Пленумов Верховного Суда РФ. Руководящая роль толкования правовых норм в данных постановлениях, а также Обзоров судебной практики, утвержденной Президиумом Верховного Суда РФ, установлена статьей 126 Конституции РФ. Кроме того, судебный прецедент предыдущих решений прямо закреплен в конституционном судопроизводстве ФКЗ № 1 от 21.07.1994 «О Конституционном Суде РФ» (ст. 43 ч. 3, ст. 47.1 и ст. 75 п. 9) и законами об уставных (конституционных) судах субъектов Российской Федерации.

Также внедрение судебных прецеденты в нашей правовой системе проявляется в работе международных судов. Некоторые юристы полагают, что ЕСПЧ-акты по делу о правах человека в отношении России — это часть нашей правовой системы. т. к. в дальнейшем позиции, содержащиеся в его решениях, учитываются российскими судами при рассмотрении дел [4].

Решения Конституционного Суда РФ негласно имеют прецедентное значение. Постановления Верховного Суда в этом смысле уступают, но их роль принижать тоже не стоит, если сочетать эти два проявления «прецедента в России», то можно добиться повышения эффективности правосудия и обеспечения единства судебной практики.

Правоведы и теоретики считают, что внедрение судебных прецеденты в законодательство Российской Федерации неизбежно. Это процесс, объективно связанный с этим процессом. Независимо от того, что на законодательном уровне это отрицается, но фактически это имеет место быть, а значит должно быть тем или иным образом закреплено и регламентировано. Признание судебного прецедента как источника права ставит ряд важных вопросов перед российской правовой наукой, которые не были решены де-юре из-за отрицания судебного прецедента в России.

Учитывая вышеизложенные обстоятельства, можно сделать вывод о том, несмотря на отсутствие легального закрепления правового прецедента в системе права Российской Федерации, его фактическое наличие в ряде источников права допускается, и неоднократно подтверждалось отечественными правоведами.

Пристатейный библиографический список

1. Бочарова Н. Н. Судебный прецедент как источник права России // Тенденции развития науки и образования. - 2020. - № 61-10. - С. 10-13.
2. Зивс С. Источники права: монография // Москва: Наука, 1981. - 241 с.
3. Кучин М. В. Судебный прецедент в системе общего и континентального права // Российский юридический журнал. - 2006. - № 2 (50). - 62 с.
4. Овсепян Ж. И. Международный судебный прецедент как часть конституционно-правовой системы России // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. - 2014. - № 1. - С. 51-58.
5. Спектор Е. И. Судебный прецедент как источник права // Журнал российского права. - 2003. - № 5. - 32 с.
6. Уолкер Р. Английская судебная система. - Москва: Юрид. лит., 1980. - 631 с.

МИРОШНИЧЕНКО Ольга Игоревна

кандидат юридических наук, L.I.t., доцент Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ДЪЯКОНОВА Анастасия Витальевна

магистрант Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ РОЛИ ИНСТИТУТА ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ*

Авторы рассуждают о некоторых тенденциях развития института толкования права, связанных с IV промышленной революцией. Несмотря на потенциал подобного инструмента реагирования, правовая политика государства все еще значительно отстаёт от ключевых тенденций развития общества. Усложнение предмета правового регулирования, утяжеление структуры нормативного текста, появление новых возможностей для алгоритмизации права: все это создаёт предпосылки к переосмыслению роли правоинтерпретационной деятельности государства в цифровую эпоху.

Ключевые слова: толкование права, цифровизация права, алгоритмизация права, машиночитаемое право, правоинтерпретационная деятельность, правотворчество, теория толкования.

MIROSHNICHENKO Olga Igorevna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Law School of the Far Eastern Federal University

DYAKONOVA Anastasiya Vitaljevna

magister student of the Law School of the Far Eastern Federal University

RETHINKING THE ROLE OF THE INSTITUTION OF LEGAL INTERPRETATION IN THE AGE OF DIGITAL CHANGE**

The authors discuss some trends in the institution of interpretation of law associated with the IV industrial revolution. Despite the potential of such a response tool, the legal policy of the state lags far behind the key trends in the development of society. The complication of the subject of legal regulation, the weighting of the structure of the regulatory text, the emergence of new opportunities for the algorithmization of law: all this creates the prerequisites for rethinking the role of the legal interpretation activities of the state in the digital era.

Keywords: interpretation of law, digitalization of law, algorithmization of law, machine-readable law, law interpretation activity, lawmaking, theory of interpretation.

Толкование права – неотъемлемая часть правового регулирования с точки зрения как правовой теории, так и юридической практики. Несмотря на серьезную разработанность вопроса, трудно найти более дискуссионную тему в сфере фундаментальной юриспруденции. Применительно к актам толкования дискуссионность тематики оборачивается чисто практическими проблемами, такими как, например, неопределенность правовой природы интерпретационных актов в российской правовой системе, отсутствие на федеральном уровне внятного правового регулирования создания и использования таких актов, невозможность однозначно и единообразно в рамках правовой системы определить юридическую силу всевозможных разъясняющих документов. Помимо вопросов, остающихся в теории права неразрешенными вот уже несколько десятилетий, к ним добавляются новые, современные проблемы.

Технологический рывок, связанный с IV промышленной революцией, обостряет проблемы правотолкования и правовой политики в целом. Недостаточность правотворческих решений, неразрешенность фундаментальных проблем те-

рии толкования права, отсутствие правотворческой формы интерпретационной политики России снижают ее эффективность, грозят перечеркнуть достижения правоинтерпретационной деятельности последних лет и ставят под угрозу преемственность развития российской правовой традиции в свете экспонентного внедрения цифровых технологий.

Толкование права, с одной стороны, должно следовать в русле изменяющейся парадигмы права, с другой – быть статичным и обеспечивать правовую определенность, преемственность. В условиях быстрой смены политических, исторических, социальных контекстов обеспечение баланса между динамизмом и стабильностью самого права является одной из первостепенных задач правоинтерпретационной политики. Иными словами, толкование становится основным инструментом перевода новой цифровой действительности на язык символов, будь то правовой текст или компьютерный код.

По нашему мнению, в условиях стремительного развития технологического контекста нет смысла каждые несколько лет обновлять существующие законы. Также как и оставаться безучастными к цифровому законотворчеству, игнорируя правовую практику и новый сегмент общественных отношений, соответственно. Решением в поиске баланса видится использование более гибкого по сравнению с самим законом механизма официального толкования. Ведь потенциал таких актов огромен в связи с тем, что они могут оперативно реагировать на малейшие изменения правового фона.

Несмотря на то, что акт толкования должен приниматься, подписываться и обнародоваться в том же порядке, что и

* Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта ЭИСИ и Минобразования РФ № FZUG-2022-0013 «Социокультурное кодирование политической динамики и общественного согласия в цифровую эпоху: модели и технологии реализации».

** The work was financially supported by the EISI Grant and the Ministry of Education of the Russian Federation No. FZUG-2022-0013 "Socio-cultural coding of political dynamics and public consent in the digital age: models and implementation technologies".

интерпретируемый акт¹ (речь идет об официальном толковании федерального закона), то есть соответствовать по форме и юридической силе предмету толкования, интерпретационный акт в своей сущности проще в принятии и употреблении. Связано это с тем, что акт толкования не содержит в себе норм права. Однако, данный вопрос, как и многие другие в теории интерпретации, является дискуссионным и имеет немаловажное значение при поиске оптимального инструмента правового регулирования общественных отношений в сфере цифровизации, в частности. Ведь, исходя из тезиса настоящей статьи, только акт-разъяснение способен быть катализатором позитивных правовых изменений без значительных временных затрат и бессмысленного нарастания нормативного массива в свете существующих и предстоящих изменений, которые мы все чаще не способны предвидеть.

В настоящее время можно выделить два подхода к соотношению нормотворчества и правотолкования. Первый подход разграничивает данные виды деятельности и является превалирующим в юридической науке. Считается, что в ходе толкования текста нормативного акта не должны создаваться новые нормативные предписания. Большинство авторов, как советских, так и российских исходят именно из этой точки зрения. Например, С.В. Бошно подчеркивает, что «в результате правотворчества создается новый нормативный акт, вносящий изменения в систему законодательства, он меняет право разными способами. Этого свойства у интерпретационного акта нет» [5, с. 21]. Ту же позицию разделяет и О. М. Беляева, утверждая, что толкование призвано лишь объяснять и уточнять то, что уже сформулировано, но не вносить поправки и дополнения [4, с. 40-41].

Второй подход сливает воедино два вида деятельности: нормотворческую и интерпретационную. Некоторые ученые высказывают мнение, что на сегодняшний день в юридической литературе прослеживается тенденция к расширительному пониманию толкования, которое наделяется функциями корректирования неясностей, восполнения пробелов в праве, трансформации содержания нормативного предписания. Так, например А. Г. Манукян выделяет так называемое исправляющее толкование. Смысл его в корректировании нормы, когда «порок ее заключается в том, что слова законодателя выражают совершенно другую мысль, чем та, которую он намеревался вложить или должен был вложить в данную норму»².

На доктринальном уровне такой подход не пользуется популярностью, в теоретико-методологическом и логическом аспекте его нельзя назвать безупречным. В частности, он размывает принцип правовой определенности, порождает необоснованную широту дискреционных полномочий

толкующих субъектов, посягает на принципы разделения властей и разграничения функций государственных органов, нарушает иерархичность системы правовых актов и затрудняет и без того проблемный вопрос определения правовой природы и юридической силы правовых актов, содержащих праворазъясняющие положения.

Однако есть примеры использования подобного подхода на законодательном уровне, в частности, в правовом регулировании интерпретационной деятельности субъектами РФ. В качестве примера можно привести Закон Республики Алтай «О нормативных правовых актах Республики Алтай»³, который включает толкование нормативных правовых актов в виды нормотворческой деятельности. Аналогичное положение можно встретить в законах Томской области, Краснодарского края и в других.

Такая же идея – смешения правотворчества и интерпретации права – отражена в проекте закона о нормативных правовых актах, представленного на обсуждение Минюстом РФ в 2014 г., что было одной из причин критики законопроекта. Нормативный правовой акт в проекте определялся как документ, направленный как на установление, так и на разъяснение правовых норм.

Несмотря на склонность чиновников «упрощать» терминологию за счет смешения теоретико-правовых конструкций, такой подход нельзя признать удачным. Рассмотрение разъяснительной деятельности как части нормотворческой логичным образом приведет нас к выводу о том, что самостоятельная интерпретационная деятельность – фикция, что само по себе противоречит постулатам доктрины толкования права, воспринятыми российской правовой традицией, а также претит азам теории правовых актов и теории закона. Последняя, в частности, исходит из того, что законы должны изменяться в том же порядке, в котором происходило принятие закона, и теми же органами, которые принимали закон. «Правокорректирующая» функция толкования права должна восприниматься юристами настороженно, так как влечёт необоснованно широкие возможности для незаконного воздействия на общественные отношения, тем самым умаляя авторитет закона.

Целью правотворчества является установление норм права. Цель же толкования права заключается в разъяснении их содержания. Сущность толкования права не предполагает создания новых норм права или внесения в действующие правовые предписания каких-либо изменений и дополнений. Однако соблюсти это требование на практике весьма непросто. Над интерпретатором всегда висит угроза неверного истолкования норм права, в результате чего он может исказить смысл тех или иных правовых установлений. Когда же нормативный правовой акт толкуется тем органом, который его принял, то опасность неправильности его интерпретации усиливается. Причем в одном случае это происходит неосознанно, а в другом, что нередко имеет место при толковании права, совершается сознательно, когда правотворческий орган по самым разнообразным причинам (желанию улучшить акт, отразить в нем новую социально-политическую обстановку, зафиксировать изменение своей позиции по какому-либо вопросу и т. п.) изменяет содержание нормативного правового акта. Причем такое стремление

1 Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.1997 № 17-П «По делу о проверке конституционности Постановлений Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 21 июля 1995 г. N 1090-1 ГД «О некоторых вопросах применения Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и от 11 октября 1996 г. № 682-II ГД «О порядке применения пункта 2 статьи 855 Гражданского кодекса Российской Федерации». КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16835/ (дата обращения: 20.09.2022).

2 Манукян А. Г. Толкование норм права: виды, система, пределы действия: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека диссертаций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.disserscat.com/content/tolkovanie-norm-prava-vidy-sistema-predely-deystviya> (дата обращения: 17.09.2022).

3 Закон Республики Алтай от 05.03.2008 № 18-ПЗ О нормативных правовых актах Республики Алтай // Справочная правовая система «Кодекс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/819039600> (дата обращения: 13.09.2022).

является для правотворческого органа вполне естественным. Обладая правотворческими полномочиями, он просто не видит ничего предвзятого в фактическом изменении содержания акта путем его толкования. Подобная практика, о чем справедливо писал А. С. Пиголкин, «явно нежелательна и противоречит назначению толкования, которое сводится к раскрытию того смысла, который вложил законодатель в уже действующий акт» [11, с. 75-76]. Представляется, что в условиях официального признания аутентического толкования преодолеть такую практику невозможно.

Необходимость разрешения подобных фундаментальных задач уже не вопрос правовых предпочтений, а вполне себе проблема эффективности дальнейшей правовой политики государства в целом. На наш взгляд, именно качественная теория правовых актов и теория толкования должны стать основой алгоритмизации права, в том числе и в сегменте машиночитаемого права. А толкование, целью которого, в свою очередь, является единообразное понимание и применение законов, единство законности [12, с. 18], в современном цифровом мире выступает тем универсальным механизмом, способствующим оптимизации различных полезных общественных практик в современном правовом поле.

Несмотря на то, что на данный момент перспективы весьма нестабильны в связи с невнятной доктринальной формой и отсутствием соответствующего правового регулирования правоинтерпретационной политики как самостоятельного вида правовой политики, тем не менее роль толкования продолжает быть предметом дискуссий теперь в цифровом пространстве. Так, правоведы уже высказывают некоторые предположения относительно предстоящих изменений института интерпретации права.

Одни эксперты весьма спорно заявляют о скором отмирании института: в нем не будет необходимости ввиду автоматизации юридических процессов⁴. Другие предсказывают возрастание его актуальности в связи с тем, что в процессе перевода текста закона в программный код возникает необходимость в его адаптации к символическому отображению. Последнее считаем справедливым еще и в связи с тем, что в настоящее время уже четко прослеживаются некоторые закономерные тенденции самого права, также влияющие на востребованность юридической герменевтики.

Во-первых (для темы об интерпретации), можно проследить тенденцию к усложнению самого языка нормативных предписаний. На данную проблему, в частности, обращают внимание авторы машиночитаемого корпуса текстов правовых актов РФ и их метаданных⁵. Речь идет о первом масштабном эксперименте по переводу массива законодательства в компьютерный код с целью «прочтения» его машинным интеллектом. Исследования, проведенные при Институте проблем правоприменения, позволили выявить явную тенденцию к усложнению лексической и синтаксической составляющей текстов (общее увеличение сложноподчиненных оборотов, множество формальных повторов и т.п.) [8, с. 6-19].

Во-вторых, помимо «утяжеления» структуры текста, трудности возникают в связи с постепенной регламентацией общественных отношений, которые ранее в этом не нужда-

лись. Иначе говоря, при изменении социально-политической парадигмы, естественным образом трансформируется и усложняется предмет правового регулирования, тяготеет к охвату современных, многоаспектных по своей природе отношений.

Показательным примером выдвинутых тезисов может служить высказывание Майкла Дженесерита, профессора Стэнфордского университета, о том, что мы живём в сложной нормативно-правовой среде. По мнению учёного, само количество и размер правил могут быть устрашающими, что доказала статья в «National Review»: молитва «Отче наш» состоит из 66 слов, Геттисбергское обращение из 286 слов, в Декларации независимости - 1322 слова, а Постановления Правительства о продаже капусты содержит 26 911 слов⁶.

Сложность же современного права состоит в том, что оно перестаёт быть только социальным явлением, но становится социотехническим регулятором. Иными словами, именно законотворчеству и толкованию (в большей степени), как инструментам связи между различными общественными группами, предстоит сформировать единую официальную позицию относительно предстоящих цифровых изменений, а также выработать универсальный метаязык права.

В-третьих, на данный момент, как уже было сказано, проявляются некоторые объективные тенденции автоматизации широкого спектра юридических процессов. Одну из них мы упоминали ранее. Именно машиночитаемому праву мировое ученое сообщество пророчит пьедестал цифровых достижений [15, с. 20-26]. Стандартизация правоприменения [14, с. 103], исполнение или обеспечение исполнения актов, контроль за прозрачностью, последовательностью и логичностью принимаемых контрольным органом решений⁷, распознавание и автоматическая интерпретация текстов — все это потенциальные возможности машинного чтения. Однако, прежде чем поставить перед машиной задачу самостоятельно «понять» текст, необходимо его «подготовить». Данный тезис представляется ещё более справедливым ввиду утверждения программистов о том, что полного совпадения кода и человекочитаемого текста добиться не получится: если сначала текст перевести в код, а затем обратно — из кода в текст, то получится вариант, не совпадающий с исходным правоположением [13, с. 148]. В связи с этим, машиночитаемые нормы должны быть четко определенными, однозначно толкуемыми и предельно формальными. Только такая норма может быть пригодна для автоматического распознавания. Задача же интерпретатора максимально приблизить текстовую форму нормативного предписания к ее логической сути.

Таким образом, подводя некоторые итоги, важно отметить, что в последнее десятилетие практическая регулятивная роль деятельности по толкованию права существенно возросла, и мы можем говорить о наличии в Российской Федера-

4 Началась работа по автоматизации правоприменения // Адвокатская газета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/novosti/nachalas-rabota-po-avtomatizatsii-pravoprimeneniya/> (дата обращения: 13.09.2022).

5 About Russian Law as Open Data // GitHub Inc. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://github.com/irlcode/RusLawOD> (дата обращения: 16.09.2022).

6 Michael Genesereth's "Computational Law: The Cop in the Backseat" [Электронный ресурс] // Stanford University. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://law.stanford.edu/2016/01/13/michael-genesereths-computational-law-the-cop-in-the-backseat/> (дата обращения: 15.09.2022).

7 Концепция развития технологий машиночитаемого права (утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15.09.2021 № 31) // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396491/ (дата обращения: 20.09.2022).

ции на правореализационном уровне вполне эффективной правоинтерпретационной политики органов государства.

В условиях формирования цифровой экономики, развития цифровых компетенций происходит технологизация традиционных видов юридической деятельности, прежде всего правоприменительной практики, на основе технологий больших данных, распределенного реестра, искусственного интеллекта. Концепт машиночитаемого права перестал быть утопическим прогнозом, но в настоящее время вполне правовая тенденция [2, р.17-27].

Безусловно, цифровые изменения так или иначе коснутся большинства сфер жизнедеятельности человека. По нашему мнению, задача современной правовой политики выработать курс на снижение издержек от дальнейших, порой коренных, изменений действующего правового регулирования. Одним из основных средств к достижению этой цели способно быть толкование права. Однако, в связи с тем, что цифровизация выдвигает принципиально новые требования не только к правовому регулированию, но и к юридической технике, несформированность правоинтерпретационной политики, неразрешенность теоретических вопросов с советских времён, откладывание переосмысления современных тенденций права в долгий ящик препятствуют прогрессивному развитию всей правовой системы РФ, в целом. Решением проблемы на краткосрочную перспективу видится формирование повести дня по ключевым вопросам теории толкования и концептуальное переосмысление ценности института интерпретации права в целом.

Пристатейный библиографический список

1. About Russian Law as Open Data. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://github.com/irlcode/RusLawOD> (дата обращения: 16.09.2022).
2. Frolova E. E., Ermakova E. P. Utilizing artificial intelligence in legal practice // Smart Innovation, Systems and Technologies. 2022. Vol. 254. P. 17-27.
3. Michael Genesereth's «Computational Law: The Cop in the Backseat». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://law.stanford.edu/2016/01/13/michael-genesereths-computational-law-the-cop-in-the-backseat/> (дата обращения: 15.09.2022).
4. Беляева О. М. Толкование норм права // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. - 2007. - Т. 149. - № 6. - С. 39-47.
5. Бошно С. В. Толкование норм права: приемы и виды // Право и образование. - 2003. - № 5. - С. 15-33.
6. Закон Республики Алтай от 05.03.2008 № 18-РЗ О нормативных правовых актах Республики Алтай. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/819039600> (дата обращения: 13.09.2022).
7. Концепция развития технологий машиночитаемого права (утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15.09.2021 № 31). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396491/ (дата обращения: 20.09.2022).
8. Кучаков Р., Савельев Д. Сложность правовых актов в России: Лексическое и синтаксическое качество текстов. // «Аналитические записки по проблемам правоприменения. СПб.: ИПП ЕУСПб, 2018. 20 с.
9. Манукян А. Г. Толкование норм права: виды, система, пределы действия: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dissertcat.com/content/tolkovanie-norm-prava-vidy-sistema-predely-deistviya> (дата обращения: 17.09.2022).
10. Началась работа по автоматизации правоприменения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/novosti/nachalas-rabota-po-avtomatizatsii-pravoprimereniya/> (дата обращения: 13.09.2022).
11. Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР // Всесоюз. ин-т юрид. наук. - Москва: Госюриздат, 1962. - 166 с.
12. Попова Л. Е. Толкование норм права и восполнение их пробелов // Закон и жизнь. - 2018. - № 4. - С.13-19.
13. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Будущее права. Наследие В. С. Стёпина и юридическая наука. - Москва: Российская академия наук; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИНФРА-М, 2021. - 176 с.
14. Шепелева О. С., Сучкова М. А., Богапова А. В. и др. Вопросы регулирования цифровой экономики: Аналитический отчет. - М.: Фонд «Центр стратегических разработок», 2019. - 491 с.
15. Янковский Р., Вашкевич А., Иванов А., Наумов В., Незнамов А., Щекин Д. Машиночитаемое право: правовой вызов современности // Закон. - 2021. - № 10. - С. 20-26.

ЮНУСОВ Абдулжабар Агабалаевич

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России

ЮНУСОВ Муслим Абдулжабарович

кандидат юридических наук, доцент кафедры организации финансово-экономического, материально-технического и медицинского обеспечения Академии управления МВД России

ЮНУСОВ Самур Абдулжабарович

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

СООТНОШЕНИЕ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА КАК ВОПРОС СПРАВЕДЛИВОСТИ

В статье рассматриваются вопросы соотношения прав и обязанностей человека и гражданина как вопрос обеспечения принципа справедливости в праве. На протяжении всего своего существования общество искало эффективные механизмы обеспечения принципа справедливости в рамках своей жизнедеятельности, так как справедливость является одной из базовых фундаментальных основ для построения и качественного развития государственности. В связи с этим авторами рассматривается пропорциональный баланс прав и обязанностей человека и гражданина как один из основных критериев справедливости в обществе.

Ключевые слова: государство, человек, гражданин, личность, права, обязанности, право, законодательство, обеспечение, свобода, ограничения, справедливость, гуманизация.

YUNUSOV Abdulzhabar Agabalaevich

Ph.D. in Law, professor, professor of Theory of state and law, international and European law sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

YUNUSOV Muslim Abdulzhabarovich

Ph.D. in Law, associate professor of Organization of financial, economic, logistics and medical support sub-faculty of the Academy of Management of the MIA of Russia

YUNUSOV Samur Abdulzhabarovich

Ph.D. in Law, associate professor of Theory of state and law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

CORRELATION BETWEEN THE RIGHTS AND DUTIES OF A PERSON AND A CITIZEN AS A MATTER OF JUSTICE

The article deals with the issues of the correlation of the rights and duties of a person and a citizen as a matter of ensuring the principle of justice in law. Throughout its existence, society has been looking for effective mechanisms to ensure the principle of justice in the framework of its life, since justice is one of the basic fundamental foundations for the construction and qualitative development of statehood. In this regard, the authors consider the proportional balance of the rights and duties of a person and a citizen as one of the main criteria for justice in society.

Keywords: state, person, citizen, personality, rights, duties, right, legislation, provision, freedom, restrictions, justice, humanization.

Проблема баланса прав и обязанностей человека и гражданина является одной из базисных проблем права. Этот вопрос занимает умы многих ученых не одно столетие. Ведь от того на сколько будет равновесным соотношение прав и обязанностей человека и гражданина зависит степень реализации принципа справедливости в праве.

Справедливость – одна из важнейших нравственных проблем современности. Это исторически непостоянное явление, которое при изменении условий приобретает новые качества, содержание, становится иной его оценка. Представляется, что человечество не одно столетие занимается ее исследованием в различных областях знаний, поэтому рассматриваемая категория может быть признана вечной в плане исследования [6, с. 23].

В наше время обеспечение справедливости остается одним из важнейших механизмов защиты прав и свобод граждан. Он является неотъемлемой частью демократического правового государства, и должен получать поддержку и защиту со стороны государственных и общественных институтов.

Так, по данным социологического опроса ФОМ, проведенного в 2020 г., 61 % опрошенных считают, что современное российское общество устроено несправедливо (в 2018 г. – 65 %, в 2017 г. – 61 %). При этом 25 % респондентов отметили, что в последние три-четыре года российское общество стало менее справедливым (в 2018 г. - 27 %, в 2017 г. – 18 %). На первое место среди причин роста несправедливости граждане поставили уменьшение заботы о людях, снижение уровня жизни, ухудшение социального климата, возросшее расслоение общества, рост цен и налогов, недостаточный уровень обеспечения законности и правопорядка. Вместе с тем значительная часть опрошенных полагала, что для того, чтобы российское общество стало более справедливым, необходимо быть более активными и инициативными, начать с себя, быть добрее друг к другу, проявлять уважение, терпимость, самим быть более справедливыми, честными, соблюдать законы [7].

Соотношение прав и обязанностей человека и гражданина является ключевым вопросом справедливости в обществе. Права и обязанности представляют собой две стороны одной медали, где выполнение своих обязанностей обеспе-

чивает уважение к правам других людей и наоборот – права человека взаимосвязаны с его обязанностями по отношению к обществу.

Права человека гарантируют ему свободу от насилия, произвола, дискриминации и других проявлений несправедливости. Из наличия прав следует не только желание удовлетворять свои потребности, но и ответственность за соблюдение прав других людей. Обязанности гражданина также имеют большое значение в справедливом обществе.

Гражданин обязан выполнять свои обязанности в соответствии с законами, регулирующими его действия и поведение. Он также должен соблюдать правила, регулирующие отношения между гражданами и государством. Это определяет уровень справедливости в обществе, где взаимоотношения между людьми строятся на принципах справедливости и правовом балансе.

Важно понять, что без выполнения обязанностей нельзя говорить о том, чтобы человек справедливо воспринимал свои права. Безвозмездное служение обществу проявляется в соблюдении правил дорожного движения, уплате налогов, соблюдении административных и благоустроительных правил. То есть, гражданин, который полностью осознает свои права и обязанности, может считаться справедливым человеком.

По мнению профессора Радько Т. Н. справедливость является универсальной категорией, которая не может принадлежать только праву, должна выражаться и закрепляться «юридическая справедливость». Это значит, что право не должно допускать произвол, становиться инструментом одного класса или группы людей, должно воздавать должное правонарушителю, не позволять одним наживаться за счет других, допускать незаслуженное обогащение – в этом будет заключаться справедливость права [4, с. 264]. Однако он не отделяет справедливость полностью от права, с чем мы полностью согласны. Закрепляя в праве меру свободы личности, государство в этих же пределах самоограничивается в собственных решениях и действиях, берет на себя обязательство обеспечить справедливость в отношениях с каждой личностью [3, с. 183].

Следует отметить, что справедливость и право в целом существуют неразрывно друг от друга, исходя из той позиции, что право является основным регулятором общественной жизни, и от такого насколько оно «справедливо», от этого зависят такие категории человеческой жизнедеятельности, как отношение к праву, правосознание, правовая культура, правовой нигилизм и т.д. Отсюда уровень исполнения правовых норм непосредственно связан с уровнем принятия их человеком, то есть если человек определяет их для себя справедливыми, необходимыми для себя и общества, то он неукоснительно их исполнит, однако в противном случае могут возникнуть ровно противоположные результаты [1, с. 11].

Благодаря общедозволяющему типу правового регулирования человек получает обширные возможности для проявления своей индивидуальности. Однако абсолютная свобода привела бы к вседозволенности. Ориентиром в установлении свободы, критерием её ограничения служит справедливость. Справедливость – многогранный элемент содержания права, имеющий проявления вовне, в том числе посредством правовых принципов и требований. Справедливость действует во всех сферах правового регулирования, распространяется в равной мере на всех субъектов [5, с. 11].

Человек не всегда осознает свои истинные потребности, то есть то, что ему действительно необходимо. Как из-

вестно, интересы и потребности осознаются и проявляются в полной мере в том случае, когда возникает противоречие между потребностями и фактическими условиями жизни человека, возможностью их удовлетворения. В случае, когда государство или кто-либо еще не ущемляет свободу личности, она, как правило, не пытается осознать сущность свободы на мировоззренческом уровне и не всегда вспоминает о ней, поскольку очень часто человек осознает ценность определенных благ, когда их теряет. Именно в такой ситуации он в более полной мере воспринимает ценность своей свободы. При сложившихся новых для индивида обстоятельствах утрачивания ранее достигнутой меры свободы, он начинает бороться за нее. Именно в такой ситуации человек в большей мере обращается к мировоззренческим проблемам (свободы, справедливости и т.д.) и пытается решить их для себя [2, с. 37].

Таким образом, соотношение прав и обязанностей играет значительную роль в формировании справедливого общества. Оно обеспечивает равноправность и уважение к правам каждого гражданина, а также баланс между правом на свободу и ответственностью за выполнение своих обязанностей в соответствии с законом. Это приводит к построению реалистичной философии жизни, которая позволяет уважать права других людей. Кроме того, это помогает создать честные и демократические отношения в обществе.

Пристатейный библиографический список

1. Ахвердян А. Г. Справедливость как результат обеспечения баланса прав и обязанностей // Юридическая мысль. - 2020. - № 3 (119). - С. 10-15.
2. Исмаилов Н. О. Права и свободы человека в свете концепции справедливости // Теория и практика общественного развития. - 2014. - № 3. - С. 36-40.
3. Комаров С. А. Общая теория государства и права: учебник для вузов. – 9-е изд., испр. и доп. - М.: Издательство Юрайт, 2020. - 506 с.
4. Радько Т.Н. Теория государства и права: учебник. 2-е изд. - М.: Проспект, 2010. - 495 с.
5. Рудаков А. А. Мера свободы и справедливости в правах и обязанностях // В сборнике: Правовые проблемы укрепления российской государственности. Под редакцией В. Ф. Воловича, А. М. Барнашова, В. М. Зуева / Томский государственный университет. - Томск, 2008. - С. 10-12.
6. Юнусов С. А. Исторические и социально-правовые аспекты понимания принципа справедливости // Человек: преступление и наказание. - 2011. - № 3 (74). - С. 23-26.
7. Справедливость и несправедливость. ФОМ. 6 октября 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fom.ru/TSennosti/14469> (дата обращения: 28.04.2023).

БЕРИДЗЕ Нателла Звиадовна

магистрант 1 курса кафедры эксплуатации и управления недвижимостью Иркутского национального исследовательского технического университета

ДЕРАНЖУЛИНА Елена Геннадьевна

старший преподаватель кафедры теории права, конституционного и административного права Иркутского национального исследовательского технического университета

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВНОГО ОГОРОДНИЧЕСТВА И САДОВОДСТВА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования коллективного огородничества и садоводства в советский период, порядок предоставления земельных участков гражданам, полномочия отдельных советских органов в вопросах, связанных с выделением земельных участков под садоводство и огородничество, права и обязанности граждан в отношении предоставленных им земельных участков.

Ключевые слова: коллективное огородничество, коллективное садоводство, садоводческое товарищество, правовое регулирование, советский период.

BERIDZE Natella Zviadovna

magister student of the 1st course of Operation and management of real estate sub-faculty of the Irkutsk National Research Technical University

DERANZHULINA Elena Gennadjevna

senior lecturer of Theory of law, constitutional and administrative law sub-faculty of the Irkutsk National Research Technical University

LEGAL REGULATION OF COLLECTIVE HORTICULTURE AND GARDENING IN THE SOVIET PERIOD

The article considers questions of legal regulation of collective horticulture and gardening in the Soviet period, procedure for granting land plots to citizens, the authority of certain Soviet bodies in matters related to the allocation of land for gardening and horticulture, rights and duties of citizens in relation to the land plots granted to them.

Keywords: collective horticulture, collective gardening, horticultural partnership, Legal regulation, Soviet period.

Земельная реформа, проведённая в первые годы советской власти, не касалась вопросов коллективного землепользования жителей городских населённых пунктов, сосредоточившись исключительно на землях сельскохозяйственного назначения.

До 1950-х годов отвод земли для коллективного огородничества рабочих и служащих фактически не имел должного правового регулирования, хотя уже в 1940-х годах коллективное огородничество пользовалось, в отличие от индивидуального, большими мерами государственной поддержки.

Так, в 1943 году от обложения сельскохозяйственным налогом были освобождены доходы рабочих и служащих, полученные ими с земельных участков, выделенных предприятиями, учреждениями и организациями под коллективные огороды. В отношении доходов, полученных с индивидуальных огородов, указанная льгота предоставлялась при условии, что земельный участок не превышал 0,15 гектара на семью, и в хозяйстве не было крупного рогатого скота¹.

В послевоенное время необходимость «обеспечить дальнейшее развитие среди рабочих и служащих индивидуального и коллективного огородничества» была закреплена в Законе СССР «О пятилетнем плане восстановления и развития на-

родного хозяйства СССР на 1946-1950 гг.»², что и подтолкнуло к созданию необходимой нормативно-правовой базы.

В 1949 году было принято Постановление Совмина СССР «О коллективном и индивидуальном огородничестве и садоводстве рабочих и служащих»³, фактически и положившее начало правовому регулированию отводу земли для коллективного землепользования рабочих и служащих.

Согласно данному постановлению, государственные организации во главе с Советами Министров республик, край(обл)исполкомами и горисполкомами, сотрудничающими с профсоюзными организациями, обязаны оказывать помощь работающим и служащим в коллективном и индивидуальном огородничестве, обратив особое внимание на повышение урожайности овощей и картофеля.

Устанавливался размер выделяемых под сады земельных участков – до 600 кв.м. в городе и до 1200 кв.м. – вне городов. Предоставление земельных участков под сады работникам и служащим было оформлено в виде бессрочного пользования, которое было возможным только при условии непрерывной работы на предприятии, в учреждении или организации в течение 5 лет после получения земли под сад.

Трудящиеся, получившие земельные участки под сады, были обязаны за первые 3 года их использования под свою

1 Постановление Совнаркома СССР от 19.06.1943 г. «Об освобождении от обложения сельскохозяйственным налогом рабочих и служащих по доходам, полученным с земельных участков, выделенных под коллективные и индивидуальные огороды» // СП СССР. – 1943. – № 9.

2 Закон СССР от 18.03.1946 г. «О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946 - 1950 гг.» // Ведомости ВС СССР. – 1946. – № 11.

3 Постановление Совмина СССР от 24.02.1949 г. № 807 «О коллективном и индивидуальном огородничестве и садоводстве рабочих и служащих».

ответственность полностью освоить и посадить фруктовые деревья и ягодные кустарники в количестве, которое определялось городскими и поселковыми исполнительными комитетами. В случае невыполнения данных требований, рабочий и служащий лишался права пользования выделенным ему земельным участком под сад.

Перед началом весеннего сева, Министерство сельского хозяйства СССР обязывалось организовать продажу рабочим и служащим семян для выращивания овощей и других огородных культур. В свою очередь, Министерство торговли СССР должно было организовать продажу удобрений, необходимых для рационального использования выделенных земельных участков.

В обязанности Советов Министров республик, край(обл) исполкомы и Министерства сельского хозяйства СССР входили следующие обязанности:

- выделять достаточное количество посадочного материала плодово-ягодных культур, который отбирался с учетом климатических особенностей региона, быстро вступающих в период плодоношения;

- на предприятиях местной промышленности и промышленных кооперативах организовывалось изготовление различных инструментов, необходимых для работ на огороде и в саду. Весь необходимый инвентарь, такой как лопаты, мотыги, грабли, садовые ножи и пилы, а также лейки и прочее, был произведен в достаточном количестве. Организовывалась продажа этого инвентаря рабочим и служащим по доступным ценам.

Министерство путей сообщения и Министерство речного флота были уполномочены на продажу абонементных, месячных, сезонных и навигационных билетов на период с 15 марта по 15 октября. Данные билеты позволяли рабочим, служащим, учащимся, пенсионерам и членам семей инвалидов Отечественной войны проезжать на свои огороды и сады при помощи пригородных поездов, а также по пригородным и внутригородским линиям, включая переправы на водном транспорте.

Льготы по освобождению от уплаты сельскохозяйственного налога сохранялись на уровне 1943 года.

В следующем 1950 году действие Постановления 1949 года было продлено ещё на один год⁴.

В 1952 году Совмин СССР принял Постановление, которое регулировало процедуру возведения построек в коллективных садах предприятий, учреждений и организаций Москвы и Московской области⁵. В дальнейшем подмосковный опыт был распространён на территорию всей страны.

В 1955 году Советом Министров РСФСР было принято постановление «О дальнейшем развитии садоводства и виноградарства рабочих и служащих»⁶, а в 1956 году постановление № 678 «Об утверждении Типового устава садоводческого

товарищества рабочих и служащих»⁷, закрепившие в общих чертах правила организации и деятельности садоводческих товариществ.

Основные задачи садоводческих товариществ были определены как «всестороннее развитие коллективного садоводства для удовлетворения потребностей рабочих и служащих в плодах и ягодах и организация досуга членов товарищества и их семей».

Деятельность товарищества должна была осуществляться под контролем профсоюзных комитетов предприятий, учреждений, организаций, а также исполкома городского, поселкового Совета депутатов трудящихся на территории которого находился земельный участок.

Таким образом, к началу 1960-х годов сформировалось чёткое юридическое определение статуса «садоводческого товарищества».

В 1959 году, придавая большое значение развитию садоводства и виноградарства рабочих и служащих, Совет Министров РСФСР обязал Советы Министров автономных республик, исполкомы краевых, областных, городских и районных Советов депутатов трудящихся:

- рассмотреть вопрос об отводе земельных площадей под коллективные сады рабочих и служащих, имея в виду дальнейшее значительное развитие коллективного садоводства и виноградарства, особенно вокруг городов, промышленных центров и рабочих поселков;

- обеспечивать по заявкам профсоюзных организаций выделение необходимого количества высококачественного посадочного материала плодово-ягодных культур и винограда для продажи рабочим и служащим; организовать в существующей сети питомников Министерства сельского хозяйства РСФСР и Министерства коммунального хозяйства РСФСР выращивание и продажу рабочим и служащим посадочного материала цветочно-декоративных растений, а также цитрусовых (в первую очередь, лимонов); организовать агрономическую помощь рабочим и служащим в закладке садов и уходе за насаждениями;

- возложить на отделы коммунального хозяйства и на организации садово-паркового строительства проведение работ по борьбе с вредителями и болезнями плодово-ягодных и других насаждений в коллективных садах и на приусадебных участках рабочих и служащих; создавать в случае необходимости при исполкомах местных Советов депутатов трудящихся специализированные отряды (на хозрасчете) для выполнения этих работ; организовать выдачу населению на прокат аппаратуры и продажу ядохимикатов для борьбы с вредителями и болезнями плодово-ягодных и других насаждений;

- оказывать профсоюзным организациям, рабочим и служащим необходимую помощь в борьбе с вредителями и болезнями плодово-ягодных и других насаждений путем привлечения машинно-тракторных станций к выполнению этих работ.

4 Постановление Совмина СССР от 22.03.1950 г. № 1172 «О коллективном и индивидуальном огородничестве рабочих и служащих».

5 Постановление Совмина СССР от 03.07.1952 № 2991 «О возведении построек в коллективных садах предприятий, учреждений и организаций г. Москвы и Московской области».

6 Постановление Совета Министров РСФСР от 16.12.1955 г. № 1522 «О дальнейшем развитии садоводства и виноградарства рабочих и служащих».

7 Постановление Совета Министров РСФСР от 15.10.1956 г. № 678 «Об утверждении Типового устава садоводческого товарищества рабочих и служащих».

– обеспечивать отпуск воды в районах орошаемого земледелия для полива садов и огородов рабочих и служащих по установленным нормам⁸.

30 декабря 1960 г. Постановлением Совета Министров СССР № 1346 «Об индивидуальном строительстве дач» отвод гражданам «земельных участков под индивидуально дачное строительство» был запрещён повсеместно⁹. Коллективная форма хозяйствования на земле жителями городских населённых пунктов оставалась единственно возможной. Ей и предстояло развиваться в дальнейшем.

В 1965 году совместным постановлением Совмина РСФСР и ВЦСПС были урегулированы вопросы коллективного огородничества¹⁰, а в 1966 и коллективного садоводства рабочих и служащих¹¹.

Указанными документами Советам Министров автономных республик, крайисполкомам, облисполкомам, горисполкомам, райисполкомам и советам профсоюзов поручалось принять меры к дальнейшему развитию коллективного огородничества и садоводства рабочих и служащих, особенно вблизи городов, промышленных центров и рабочих поселков.

Земли, отводимые предприятиям, организациям и учреждениям под коллективное огородничество, закреплялись за ними на срок до 5 лет. рабочим и служащим мог быть предоставлен земельный участок площадью до 0,15 га.

Под коллективное садоводство с 1966 года разрешалось отводить земельные участки размером до 600 кв.м., исключение было сделано для районов Сибири и Дальнего Востока – до 800 кв.м. Кроме того, членам садового товарищества разрешалось возводить на своих участках садовые домики летнего типа полезной площадью от 12 до 25 кв.м. с террасами площадью до 10 кв.м.

В 1966 году подвергся ревизии и Типовой устав садоводческого товарищества рабочих и служащих, новая редакция которого была утверждена приказами Минкоммунхоза и Минсельхоза РСФСР¹² в соответствии с указанным Постановлением Совмина РСФСР.

Садоводческое товарищество приобретало с общественной организации, основными целями которой являются «создание и дальнейшее развитие коллективных садов для дополнительного производства плодов, ягод и овощей, улучшение досуга, укрепление здоровья рабочих и служащих, создание условий для приобщения молодежи к труду».

В дальнейшем Типовой устав садоводческого товарищества претерпел ещё ряд изменений¹³, связанных с расширени-

ем задач садоводческих товариществ, объемом полномочий и другими вопросами их жизнедеятельности. Неизменным же оставался коллективный характер садоводческих товариществ.

Значительное влияние на развитие коллективного садоводства и огородничества в 1980-х годах оказали два постановления Совета Министров СССР этого периода: «Об упорядочении организации коллективного садоводства и огородничества»¹⁴ и «О мерах по дальнейшему развитию коллективного садоводства и огородничества»¹⁵.

В постановлении 1984 года отмечалось, что «под коллективные сады и огороды нередко предоставляются пашня и иные ценные сельскохозяйственные угодья колхозов, совхозов и других сельскохозяйственных предприятий и организаций, земли, являющиеся местами отдыха населения. Имеют место случаи самовольного захвата земельных участков. Серьезные нарушения допускаются при строительстве летних садовых домиков и других строений. При строительстве, благоустройстве и ограждении территории коллективных садов во многих случаях строительные материалы приобретались незаконно, привлекались неспециализированные строительные организации, а транспортные средства и техника использовались по сниженным ценам. Строительство летних садовых домиков и других сооружений часто осуществляется по проектам, которые не были согласованы в установленном порядке. Были замечены случаи строительства сооружений, которые не соответствовали типовым уставам садоводческих товариществ. В некоторых регионах страны особенно дачного типа с гаражами и банями представляли как летние садовые домики. Все это не только наносило экономический ущерб народному хозяйству, противоречило моральным нормам советского образа жизни, но и искажало суть коллективного садоводства и огородничества».

Как итог – сокращение размеров земельных участков, выделяемых членам садоводческих товариществ (от 400 до 600 кв.м.); летние домики садовые домики не могут предназначаться для постоянного проживания и включаться в состав жилищного фонда; усиление контроля со стороны органов.

Постановлением 1986 года предусматривался ряд конкретных мер, призванных обеспечить в 1986–1990 годах прирост садовых участков в коллективных садах.

В 1988 году был принят Закон СССР «О кооперации в СССР»¹⁶. Данным законом садоводческим и садово-огородным товариществам была отведена роль потребительских кооперативов, призванных удовлетворять потребности своих членов в дачах и садовых участках, став при этом частью новой системы советской кооперации. Соответственно, из-

8 Постановление Совмина РСФСР от 16.12.1955 г. № 1522 «О дальнейшем развитии садоводства и виноградарства рабочих и служащих».

9 Постановление Совмина СССР от 30.12.1960 г. № 1346 «Об индивидуальном строительстве дач» // СП СССР. – 1961. – № 1.

10 Постановление Совмина РСФСР, ВЦСПС от 12.04.1965 г. № 453 «О коллективном огородничестве рабочих и служащих» // СП РСФСР. – 1965. – № 6.

11 Постановление Совмина РСФСР, ВЦСПС от 18.03.1966 г. № 261 «О коллективном садоводстве рабочих и служащих в РСФСР» // СП РСФСР. – 1966. – № 8.

12 Типовой устав садоводческого товарищества рабочих и служащих, утв. Приказом Минкоммунхоза РСФСР № 161, Минсельхоза РСФСР № 227 от 18.05.1966 г. // Законодательство о капитальном строительстве. Выпуск 4. – М. – 1978.

13 Приказ Минжилкомхоза РСФСР № 308, Минсельхоза РСФСР № 399 от 03.07.1978 г. «О внесении изменений в Типовой устав садоводческого товарищества рабочих и служащих»; Приказ

Минжилкомхоза РСФСР № 80, Минсельхоза РСФСР № 104 от 02.02.1982 г. «О внесении дополнений в Типовой устав садоводческого товарищества рабочих и служащих»; Постановление Совета Министров РСФСР от 11 ноября 1985 года № 517 «Об утверждении Типового устава садоводческого товарищества» // СП РСФСР. – 1986. – № 18.; Постановление Совмина РСФСР от 31.03.1988 г. № 112 «Об утверждении Типового устава садоводческого товарищества» // СП РСФСР. – 1988. – № 10.

14 Постановление Совмина СССР от 29.12.1984 г. № 1286 «Об упорядочении организации коллективного садоводства и огородничества» // СП СССР. – 1985. – № 2.

15 Постановление Совмина СССР от 15.05.1986 г. № 562 «О мерах по дальнейшему развитию коллективного садоводства и огородничества» // СП СССР. – 1986. – № 22.

16 Закон СССР от 26.05.1988 № 8998-ХІ «О кооперации в СССР» // Ведомости ВС СССР. – 1988. – № 22.

менились и цели садоводческих товариществ, включая создание условий для «отдыха работников, укрепления здоровья и занятости молодежи» и поддержку членов кооператива в «производстве продукции для личного потребления и продажи».

Последним документом советской эпохи, регулирующим вопросы коллективного садоводства и огородничества, стало Постановление Совмина РСФСР от 22 февраля 1991 года¹⁷.

Постановление предусматривало, что земельные участки, размер которых мог быть до 0,15 га на семью, должны были предоставляться из специального земельного фонда. Для получения земельных участков, предназначенных для садоводства и огородничества, необходимо было подавать заявления через рабочие комиссии, которые организовывали соответствующие товарищества и находили подходящие участки земли. По решению рабочей комиссии, комитет по земельной реформе и земельным ресурсам готовил документы о выделении земельного участка, представлял на рассмотрение Совету народных депутатов, его президиума или, если полномочия переданы исполнительному комитету, то ему.

Товариществам до 1991 года земельные участки предоставлялись на основании бессрочного пользования для садоводства и огородничества. При этом граждане сами не фиксировали право на участки и не получали на них правоустанавливающие документы. При этом коллективная форма ведения садоводства и огородничества жителями городских населённых пунктов была приоритетной, с точки зрения государства, формой хозяйствования на земле.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Совнаркома СССР от 19.06.1943 г. «Об освобождении от обложения сельскохозяйственным налогом рабочих и служащих по доходам, полученным с земельных участков, выделенных под коллективные и индивидуальные огороды» // СП СССР. – 1943. – № 9.
2. Закон СССР от 18.03.1946 г. «О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946 - 1950 гг.» // Ведомости ВС СССР. – 1946. – № 11.
3. Постановление Совмина СССР от 24.02.1949 г. № 807 «О коллективном и индивидуальном огородничестве и садоводстве рабочих и служащих».
4. Постановление Совмина СССР от 22.03.1950 г. № 1172 «О коллективном и индивидуальном огородничестве рабочих и служащих».
5. Постановление Совмина СССР от 03.07.1952 № 2991 «О возведении построек в коллективных садах предприятий, учреждений и организаций г. Москвы и Московской области».
6. Постановление Совета Министров РСФСР от 16.12.1955 г. № 1522 «О дальнейшем развитии садоводства и виноградарства рабочих и служащих».
7. Постановление Совета Министров РСФСР от 15.10.1956 г. № 678 «Об утверждении Типового уста-

ва садоводческого товарищества рабочих и служащих».

8. Постановление Совмина РСФСР от 16.12.1955 г. № 1522 «О дальнейшем развитии садоводства и виноградарства рабочих и служащих».
9. Постановление Совмина СССР от 30.12.1960 г. № 1346 «Об индивидуальном строительстве дач» // СП СССР. – 1961. – № 1.
10. Постановление Совмина РСФСР, ВЦСПС от 12.04.1965 г. № 453 «О коллективном огородничестве рабочих и служащих» // СП РСФСР. – 1965. – № 6.
11. Постановление Совмина РСФСР, ВЦСПС от 18.03.1966 г. № 261 «О коллективном садоводстве рабочих и служащих в РСФСР» // СП РСФСР. – 1966. – № 8.
12. Типовой устав садоводческого товарищества рабочих и служащих, утв. Приказом Минкомхоза РСФСР № 161, Минсельхоза РСФСР № 227 от 18.05.1966 г. // Законодательство о капитальном строительстве. Выпуск 4. – М. – 1978.
13. Приказ Минжилкомхоза РСФСР № 308, Минсельхоза РСФСР № 399 от 03.07.1978 г. «О внесении изменений в Типовой устав садоводческого товарищества рабочих и служащих»; Приказ Минжилкомхоза РСФСР № 80, Минсельхоза РСФСР № 104 от 02.02.1982 г. «О внесении дополнений в Типовой устав садоводческого товарищества рабочих и служащих»; Постановление Совета Министров РСФСР от 11 ноября 1985 года № 517 «Об утверждении Типового устава садоводческого товарищества» // СП РСФСР. – 1986. – № 18.; Постановление Совмина РСФСР от 31.03.1988 г. № 112 «Об утверждении Типового устава садоводческого товарищества» // СП РСФСР. – 1988. – № 10.
14. Постановление Совмина СССР от 29.12.1984 г. № 1286 «Об упорядочении организации коллективного садоводства и огородничества» // СП СССР. – 1985. – № 2.
15. Постановление Совмина СССР от 15.05.1986 г. № 562 «О мерах по дальнейшему развитию коллективного садоводства и огородничества» // СП СССР. – 1986. – № 22.
16. Закон СССР от 26.05.1988 № 8998-ХІ «О кооперации в СССР» // Ведомости ВС СССР. – 1988. – № 22.
17. Постановление Совмина РСФСР от 22.02.1991 г. № 110 «О предоставлении гражданам земельных участков для ведения садоводства, огородничества и животноводства».

¹⁷ Постановление Совмина РСФСР от 22.02.1991 г. № 110 «О предоставлении гражданам земельных участков для ведения садоводства, огородничества и животноводства».

НОВИКОВА Оксана Ивановна

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий

НЕКРАСОВ Антон Игоревич

студент 4 курса Института права Уфимского университета науки и технологий

К ВОПРОСУ О ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ КУРСЕ ФРАНЦИИ В 1920 – 1930-Е ГОДЫ (ЧАСТЬ 2)

В статье рассматриваются основные проблемы проведения Францией последовательной внешней политики в 20 – 30-е годы XX века. Исследована роль премьер-министров и министров иностранных дел в процессе принятия решений во время фундаментальных событий тех времен: Парижская конференция, Генуэзская конференция, Локарнская конференция, «пакт четырёх», двусторонние и многосторонние договоры в сфере безопасности и сотрудничества. Проанализированы результаты деятельности таких политиков как Жорж Клемансо, Раймон Пуанкаре, Аристид Бриан, Жозеф Поль-Бонкур, Луи Барту и Пьер Лаваль.

Ключевые слова: Франция, внешняя политика, Версальский договор, Германия, международные отношения, XX век.

NOVIKOVA Oksana Ivanovna

Ph. D. in historical sciences, associate professor of Theory of state and law sub-faculty of the Institute of law of the Ufa University of Science and Technology

NEKRASOV Anton Igorevich

student of the 4th course of the Institute of law of the Ufa University of Science and Technology

ON THE QUESTION OF FRANCE'S FOREIGN POLICY COURSE IN THE 1920S AND 1930S (PART 2)

The article deals with the main problems of the consistency of France's foreign policy in the 1920s and 1930s. The article also investigates the role of prime ministers and foreign ministers in the decision-making process during the fundamental events of the mentioned period: The Paris Conference, The Genoa Conference, The Locarno Conference, The Four-Power Pact, bilateral and multilateral treaties in the field of security and cooperation. The results of the activities of such politicians as Georges Clemenceau, Raymond Poincare, Aristide Briand, Joseph Paul-Boncour, Louis Barthou and Pierre Laval are analyzed.

Keywords: France, foreign policy, The Treaty of Versailles, Germany, international relations, twentieth century.

Аристид Бриан:

Локарнские соглашения и пакт Бриана-Келлога

Аристид Бриан является не только знаковой, но и спорной личностью для французской дипломатии: в промежутке с 1909 по 1931 годы он был премьер-министром 11 раз, 25 раз занимал различные министерские должности, среди которых в основном преобладала позиция министра иностранных дел. Бриан был идеологом пан-Европы, и поэтому его взгляды на разрешение международных проблем были полной противоположностью «тигру» Клемансо (прозвище «Le Tiger» Клемансо получил за жесткую позицию в переговорах). Он полагал, что Версальский договор изначально был несправедлив, и выступал за смягчение требований к Германии — проще говоря, по мнению Бриана, безопасность Франции зависела в первую очередь от преодоления Версальского договора, и во вторую – от гарантий безопасности в Европе [5, с. 15-17]. Поэтому, как мы писали выше, правительству Бриана изначально был выдвинут вотум недоверия ввиду многочисленных уступок другим акторам.

Поэтому в процессе реализации своей политики Бриан поддержал подписание Локарнских соглашений – договоров, направленных на определение статуса западных и восточных границ.

Рейнский гарантийный пакт был согласован и принят именно во время конференции в Локарно. Главными его положениями являются: неприкосновенность послевоенных границ Германии с Бельгией и Францией, в том числе государства взяли на себя обязательства о ненападении; разрешение всех спорных вопросов исключительно путем арбитража, предусмотренного Уставом Лиги Наций. Принимать участие в боевых действиях в случае нарушения обязательств ненападения страны могли лишь в результате решения Лиги

Наций. Гарантами безопасности для всех сторон выступили Рим и Лондон: в случае нападения они обязались оказать военную поддержку жертве агрессии. Таким образом, был оформлен механизм безопасности и разрешения споров на западных границах Германии, что является успехом французской дипломатии в том числе: обеспечив себе поддержку на западе, они могли не бояться немецкой агрессии. Однако, когда в 1936 году Гитлер начал план по ремилитаризации Рейнской области, Великобритания и Италия никак не осуждали действия Берлина и не выполнили свои обязательства. В результате были нарушены основные принципы Версальского договора, а Франция, как жертва агрессии, даже не получила ничего взамен.

В то же время вопрос восточных границ разрешился в совершенно ином ключе. Ввиду протестов со стороны Германии, которую активно поддерживали Великобритания и Италия, документа по образцу Рейнского пакта подписано не было. Ведущие державы были согласны принять обещания Германии не использовать агрессию в отношении Чехословакии и Польши, поэтому государства ограничились подписанием двусторонних арбитражных договоров. В соответствии с этими договорами все спорные вопросы между государствами передавались Постоянной согласительной комиссии, которая должна была стать посредником в их разрешении. Французская делегация настаивала на привязке этих договоров к Рейнскому пакту, однако эта попытка заведомо была обречена на провал.

Поражением французской дипломатии также можно считать условия, на которых Германия была принята в Лигу Наций. Германия, как великая держава, должна была получить место постоянного члена в Совете Лиги, и иметь особые привилегии в рамках статьи 16 Устава, подразумевавшей

санкции против агрессора. Немецкая делегация настаивала на том факте, что Берлин не сможет оказать достаточной военной поддержки в случае конфликта ввиду ограничений, наложенных Версальским договором. Немецкие дипломаты отмечали, что проход войск через Германию вызовет лишь трудности, поэтому Германия готова оказать экономическую поддержку. Эти требования были удовлетворены, и государства разрешили Германии действовать в соответствии с ее возможностями.

Таким образом, Германия смогла начать долгий путь преодоления унижительного Версальского договора. Все попытки Франции установить статус восточных границ провалились, и поэтому решения Локарнской конференции носят характер «двойных стандартов»: с одной стороны, западные границы были признаны нерушимыми, в то время как границы на востоке, де-факто были не признаны, и, соответственно, могли быть изменены в будущем. Хотя восточные границы и не были определены, Локарнские соглашения были с воодушевлением восприняты пацифистски настроенным французским обществом, и Бриан продолжил свой курс на восстановление отношений с ослабленной Германией и способствование послевоенному восстановлению Европы [6, с. 212-213].

Также, говоря о европейской ориентированности правительства Бриана, стоит упомянуть и проект пан-Европы. Проект пан-Европы, идеологом которого выступал Бриан, в первую очередь носил антисоветский характер. Суть заключалась в объединении 28 стран Европы для обеспечения безопасности и экономического сотрудничества. 17 мая 1930 года он разослал государствам ноту с изложенным предложением интеграции: по его мнению, это объединение оформилось бы в виде европейской конференции, в рамках которой был бы создан исполнительный орган — европейский комитет. Проще говоря, Бриан предугадал будущие тенденции международных отношений и выступил первопроходцем в плане создания региональных объединений: как мы знаем, в будущем часть его идей нашла свое воплощение в Европейском Союзе.

План не был принят. Как считает М. Н. Марченко: «Неприятие плана Бриана ... связано помимо всего с тем, что в нем изначально заложены были прежде всего французские, а затем уже общеевропейские интересы [7, с. 5]. Проще говоря, идея панъевропеизма Бриана в первую очередь была рассчитана на создание союза с преобладающей ролью Франции для защиты интересов Парижа на международной арене. Естественно, главным противником на том этапе являлся СССР, и общий «коммунистический враг» действительно мог сплотить Европу. Но построить объединение исключительно на противодействии активности СССР не удалось.

Нельзя не упомянуть и о Парижском договоре об окончании войны в качестве орудия национальной политики, также известном как пакт Бриана-Келлога. Изначально, этот договор должен был быть подписан в двустороннем порядке между США и Францией. 6 июня 1927 года Аристид Бриан направил обращение к американскому народу по случаю 150-летия первого союзного договора двух государств, в рамках которого поделится идеей создания нового франко-американского договора «о вечной дружбе», в котором было бы положение об отказе от войны как способа национальной политики. Вашингтон, придерживавшийся изоляционистской политики и не желавший накладывать на себя такого рода ограничения, предложил свое видение такого договора: оформить его как международное соглашение о неприменении силы в международных отношениях.

Такое предложение, было горячо встречено международным сообществом, и 27 августа 1928 года договор был подписан 15 государствами, с учетом всех постоянных членов Совета Лиги Наций. Такое быстрое подписание договора без каких-либо споров и прений сторон объясняется всего лишь

одним фактом: пакт Бриана-Келлога носил декларативный характер. Пакт не был обязателен для исполнения, следовательно, за отход от принципов, установленных пактом, не было никаких санкций в отношении нарушителя.

В любом случае, сам факт подписания декларации об отказе от применения силы является фундаментальным достижением в рамках политики мирного разрешения споров. К началу Второй мировой войны под документом поставили свою подпись 63 государства.

Международная обстановка 1931 года способствовала смене курса Франции на поиск компромисса с Советским Союзом. В первую очередь Москва и Париж понимали, что из охлаждения франко-советских отношений выгоду получает Германия, в которой нацисты получали больше влияния на фоне их радикального взгляда на Версальский договор. Вторых, создание таможенного союза Германии с Австрией, который стал прямым нарушением Версальского договора, вызвал международное осуждение. Хотя этот союз и был аннулирован Международным судом в Гааге, такое вопиющее нарушение положений Версаля заставило французскую сторону искать компромисс с СССР. Хотя Бриан и был «антисоветчиком», это заложило почву для дальнейшего контакта в 1933 году.

Подводя итог политике Бриана, можно отметить его проевропейскую ориентированность, которая не принесла тех результатов, на которые рассчитывал французский премьер. Стараясь объединить государства на антисоветской основе и при этом преодолеть узы Версаля, он лишь ускорил восстановление Германии, в которой все еще сохранялись реваншистские настроения и желание вернуть себе континентальное могущество. Отдаление от СССР продолжалось, и нежелание Бриана взаимодействовать с Москвой привело его к изоляции в Европе: Германия видела в Париже главного оппонента по Балканскому вопросу, Британия ориентировалась на взаимодействие с США, а Италия была озабочена внешнеполитической безопасностью своей границы с Австрией. Большим промахом является статус восточных границ, на котором не смогли настоять французы на Локарнской конференции. Как отмечает французский историк Ж.-А. Суту, коллективная безопасность являлась своего рода открытой системой: французы пытались расширить взаимодействия в рамках Локарно на восток и рассчитывали на углубление экономического сотрудничества [8, с. 88-90]. На наш взгляд, проблема заключалась в том числе и в определенной нехватке политической воли западных государств: все помнили ужасы Первой мировой войны и не хотели их повторения, и поэтому всюду искали союзов и любых компромиссов, особенно когда Европа столкнулась с агрессией и крахом Версальской системы во второй половине 30-х годов.

Жозеф Поль-Бонкур и Луи Барту: кардинальная смена курса и идея «Восточного Локарно»

Жозеф Поль-Бонкур занимал пост министра иностранных дел в период с конца 1932 по начало 1934 года. Политика Бонкура представляет интерес как пример внешнеполитической переориентации: после достаточно продолжительного курса Парижа на компромисс и сближение с Германией, Елисейский дворец взял курс на сближение с СССР, который из яростного противника Версальско-Вашингтонской системы превратился в ее защитника.

Когда немецкая делегация покинула конференцию по разоружению и объявила о своем выходе из Лиги Наций, французы окончательно решили искать компромисс с СССР. Поль-Бонкур вместе с Литвиновым вместе обсуждали возможность углубления взаимодействия и дополнения к договору о ненападении, подписанного еще в 1931 году. На переговорах с советским полпредом В. С. Довгалеvским французский министр предлагал подписать не двусторонний договор о взаимопомощи, как это планировалось изна-

чально: идея Бонкура состояла в создании многостороннего договора о безопасности и взаимопомощи, участниками которого в том числе стали бы союзники Франции по «тыловым союзам». Москва к этому предложению отнеслась достаточно позитивно. Наметился сдвиг в сторону укрепления взаимоотношений СССР и Европы. Также Париж обещал поддержку Советскому Союзу при вступлении в Лигу Наций на правах постоянного члена Совета Лиги [9, с. 602, 683, 695].

Таким образом, Поль-Бонкуру удалось заложить фундамент для наиболее дружественных отношений между двумя государствами в сфере обеспечения безопасности и сдерживания германской агрессии.

Продолжателем дела Поль-Бонкура после смены кабинета стал занявший пост министра иностранных дел Луи Барту – активный сторонник противодействия нарастающей мощи Германии. Франко-советские переговоры значительно ускорились после его назначения и получили хороший импульс.

В частности, Барту предложил несколько иные, более выгодные для Франции условия создания Восточного пакта:

1. Франция выступит гарантом по исполнению этого пакта;

2. К пакту присоединятся не только союзники Франции в Восточной Европе, но и будут приглашены Германия и Польша;

3. Основными положениями пакта являлись принципы ненападения и оказания помощи в случае агрессии третьей страны.

Приглашение Германии и Польши к участию в пакте, по мнению Барту, было необходимо с целью их вовлечения в систему безопасности. Он руководствовался в первую очередь тем, что в случае создания подобного пакта без Германии, Берлин сможет расценить данное дипломатическое маневрирование как антигерманскую направленность пакта. В любом случае, вхождение Германии в такую систему безопасности было невозможно по целому ряду причин, в числе которых территориальные споры со странами Восточной Европы и желание вернуть бывшие территории (напомним, что еще с Локарнских соглашений восточные границы не получили статуса нерушимых) и укрепление Версальской системы через закрепление в пакте принципов ненападения. Польша, со своей стороны, отказалась принимать какое-либо участие в Восточном пакте без Германии: доверие Варшавы к внешней политике Франции было подорвано еще со времен переговоров по «пакту четырех». Единственным государством, выразившим одобрение, стала Чехословакия, которая в результате усилий Барту была готова к нему присоединиться. Присоединению Чехословакии также способствовал факт наличия общих границ с Германией. Государства Прибалтики остались в стороне, не желая идти на сотрудничество с коммунистической Москвой.

В конечном счете, несмотря на все усилия, которые были приложены Парижем и Москвой, Восточный пакт так и остался проектом. После трагической гибели Барту от рук революционеров 9 октября 1934 года попытки его реализации были оставлены.

Период 1932-1934 гг. во внешней политике Франции был ознаменован нарастающей угрозой со стороны Германии. Единственным европейским государством, не искавшим компромисса с Берлином, оказался СССР. С уходом с поста Поль-Бонкура, а затем и с гибелью Барту, канули в лету и идеи Восточного Пакта. При следующем министре иностранных дел Пьере Лавале, который был крайне негативно настроен по отношению к Советскому Союзу, все-таки был заключен двусторонний договор о взаимопомощи, однако он не был настолько всеобъемлющим и зависел от Устава Лиги Наций. Шанс на сближение и совместное противостояние Германии был утрачен.

Пристатейный библиографический список

1. Борисов А. Ю., Клейменова Н. Е., Наринский М. М., Сидоров А. Ю. История международных отношений. Межвоенный период и Вторая мировая война. В 3-х т. – М., 2017. – Т. 2. – 496 с.
2. Wormser G. La Republique de Clemenceau. – Paris, 1961. – 522 p.
3. Документы внешней политики СССР. – М., 1961. – Т. 5. – 786 с.
4. White S. The Origins of Detente: The Genoa Conference and Soviet-Western relations, 1921 – 1922. – Cambridge, 1985. – 255 p.
5. Белоусова З. С. Франция и европейская безопасность 1929-1939. – М.: Наука, 1976. – 418 с.
6. Гафуров Б. Г. Локарнский договор между Германией, Бельгией, Францией, Великобританией и Италией. 16 октября 1925 года. Хрестоматия по новейшей истории. В 3-х т. – М., 1960. – Т. 1. – 799 с.
7. Марченко М. Н. Идеи панъевропеизма в первой половине XX в. // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2008. – № 4. – С. 4-13.
8. Soutou G.-H. La France, l'URSS et l'ère de Locarno, 1924-1929. L'URSS et l'Europe des années 20. Sous la dir. de M. Narinski, E. du Réau, G.-H. Soutou, A. Tchoubarian. – Paris: Presse de l'Université de Paris-Sorbonne. – 2000. – P. 67-90. (in French).
9. Документы внешней политики СССР. – М., 1970. – Т. XVI. – 920 с.
10. Шифртелеграмма наркома по иностранным делам СССР М. М. Литвинова в НКВД СССР с текстом Женевского протокола по вопросам, касающимся переговоров о Восточном пакте // Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/1296368> (дата обращения: 22.02.2023).
11. Documents on British Foreign Policy. – L., 1976. – Ser. 2. – V. XV. – 862 p.
12. Громько А. А. История дипломатии. – М., 1965. – Т. 3. – 831 с.
13. Нестерова Т. П. Франция и попытка урегулирования итало-эфиопского конфликта в конце 1935 года: план Хора-Лавала // Научный диалог. – 2020. – № 8. – С. 398-411.
14. Кравченко А. А. Итальянская агрессия против Абиссинии и план Хора-Лавала // Вестник Тамбовского Государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – Выпуск 5. – С. 156-161.
15. Магадеев И. Э. Германская политика в 20-е годы XX века в свете уроков Первой мировой войны // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 4 (37). – С. 35-44.
16. Вершинин А. А. Противоречия модели коллективной безопасности: современная историография об эволюции Версальской системы международных отношений в 1930-е гг. // Вестник МГИМО-Университета. – 2022. – № 15 (2). – С. 108-140.
17. Аршинцева О. А., Глушков А. Е. Локарно, 80 лет назад // Известия Алтайского государственного университета. – 2005. – № 4. – С. 7-11.

ПРОНИНА Екатерина Николаевна

преподаватель кафедры теории и истории государства и права Юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Пронина Е. Н.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОЭПИДЕМИЧЕСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ МЕР В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Стремительное распространение эпидемий и заразных болезней в Российской империи во второй половине XIX века вызвало необходимость формирования комплекса противоэпидемических мер. Сообществом врачей, объединенных Пироговскими съездами, высказывалась мысль о том, что предупреждать развитие эпидемии возможно путем распространения элементарных знаний о гигиене и санитарии среди населения. Однако, распространение знаний встречало противодействие неграмотного населения, связанного предрассудками. Одним из способов распространения знаний стали народные чтения. Постепенно формировалась правовая основа этого института.

Ключевые слова: заразные болезни, эпидемии, народные чтения, противоэпидемические меры, медицинские беседы, Правила от 24 декабря 1876 года, правовые основы народных чтений.

PRONINA Ekaterina Nikolaevna

senior lecturer of Theory and history of state and law sub-faculty of the Faculty of Law of the N. I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

LEGAL BASIS FOR ANTI-EPIDEMIC PREVENTIVE MEASURES IN THE RUSSIAN EMPIRE

The rapid spread of epidemics and contagious diseases in the Russian Empire in the second half of the 19th century necessitated the formation of a set of anti-epidemic measures. The community of doctors, united by the Pirogov congresses, expressed the idea that it was possible to prevent the development of an epidemic by disseminating elementary knowledge about hygiene and sanitation among the population. However, the dissemination of knowledge was opposed by the illiterate population, bound by prejudices. One of the ways to disseminate knowledge was folk readings. Gradually the legal basis of this institution was formed.

Keywords: contagious diseases, epidemics, popular readings, anti-epidemic measures, medical talks, Rules of December 24, 1876, legal foundations of popular readings.

Во второй половине XIX века в Российской империи сохранялся высокий уровень заболеваемости инфекционными болезнями. Карантинные меры не достигали сдерживающей распространения болезней цели, санитарное законодательство требовало обновления. В связи с этим возрастала необходимость в принятии новых мер, препятствующих распространению заразных заболеваний: медицинских, карантинных, правовых, социальных.

В книге История России в XIX веке В. Я. Канель писал, что «бороться с эпидемиями лишь в момент их появления, свести все дело медицины к оказанию помощи больным, пришедшим в амбулаторию, значит заботиться об устранении бедствия, а не причины его. И раз факторы заболеваемости остаются неприкосновенными, на месте одного вылеченного больного явятся десятки новых, вместо потушенной эпидемии вспыхнет новая... Предупредить развитие эпидемии, преградить в доступ в население заразными болезнями, изучить ход и распространение этих болезней, поднять культурный уровень населения, сделать доступным его пониманию многие вопросы современной медицины и гигиены, развить его самостоятельность, научить его самого оберегать себя от заболеваний и в тоже время сделать наиболее доступной ему постоянную и рациональную врачебную помощь, а главное помочь ему в его экономических неурядицах – вот тот ряд вопросов, на которых останавливались... все съезды врачей, так или иначе затрагивавшие вопросы народного здравия, обсуждавшего организацию врачебной помощи населению» [2, с. 188].

Уже на первых земских съездах врачи обсуждали вопросы санитарного состояния, в котором видели существенные причины распространения заразных болезней – бытовые условия, плохую воду, скудное питание, нищету, отсутствие водопроводов, плохое социальное положение населения и рабочих [2, с. 190].

В 1883 г. было основано общество Русских врачей, которое объединило врачей России всех специальностей и стало методическим центром общественной медицины страны. Историки называют его Пироговским обществом. В период с 1885 по 1925 гг. всего состоялось 12 регулярных Пироговских съездов (первый в 1885, последний в 1913); 3 чрезвычайных: в 1905 (так называемый холерный), в 1917 и в 1919; один внеочередной в связи с войной (1916) и съезд в 1918 [2, т. 24]. Съезды стали трибуной земской медицины и играли значительную роль в формировании общественного мнения во врачебном сообществе по актуальным проблемам здравоохранения и медицины.

На Пироговских съездах, проходивших с 1885 по 1919 гг., обсуждались вопросы борьбы с эпидемиями, а также вопрос о популяризации гигиенических знаний. В связи с актуальностью направления была создана постоянная комиссия по распространению гигиенических знаний в народе. Комиссия издавала дешевые брошюры, составляла программы лекций, собирала коллекции диапозитивов.

Курское общество врачей, на одном из заседаний в 1892 году «при дебатах о средствах борьбы с эпидемиями признало народные чтения одним из могучих средств для ознаком-

ления населения с принципами гигиены и медицины» [6, с. 455].

Пироговские съезды обратили внимание на «темные» стороны санитарного быта русской деревни. Высокая детская смертность, враждебность населения к оспопрививанию, распространение трахомы, чесотки и сифилиса, знахарство — все это привлекало внимание земских врачей, которые в целях «борьбы с народною темнотою» распространяли среди населения гигиенические сведения по уходу за больными.

Общества врачей выступали с тезисом о том, что устройство народных чтений является одним из действенных средств борьбы с эпидемиями, которое позволяет ознакомить население с принципами гигиены и медицины. Н. И. Долгополов на V съезде общества врачей выступил с докладом «К вопросу об организации народных медицинских чтений и о необходимости взаимной связи с этой целью медицинских обществ». Он указывал, что «чем шире и глубже привьется к жизни этическое правило, тем скорее наступит лучшая общественная организация и жизнь пойдет по широкому руслу, развиваясь на благо родины. Задача и цель всякого учебного общества, тем более — медицинского, близко стоящего к народу, должна состоять не только в разработке научных истин путем соединения интеллигентных сил, но и в направлении их к общей цели — уничтожению оков невежества и суеверия... Если бы врачи стремились путем чтений, лекций, брошюр ознакомить народ с санитарными мероприятиями, тогда могло бы и не быть таких грустных недоразумений, возникших на почве невежества... Общества врачей, как организованная группа, должны со своей стороны идти на помощь и устраивать народно-медицинские чтения, которые знакомят население с понятиями гигиены и эпидемиологии» [5, с. 455-458].

Однако, распространение знаний встречало противодействие из-за господствовавших в сознании людей предрассудков и суеверий. Установление правил репрессивными мерами не давало должных результатов, вызывало протесты и тормозило работу по борьбе с заразными болезнями. Было необходимо, чтобы народ понимал важность и последствия соблюдения тех или иных указаний государства. Требовалась системная работа по просвещению народного сознания, формирования представлений, взглядов и установок, основанных на санитарных, гигиенических и медицинских знаниях.

На заседании V съезда Общества русских врачей, в своем докладе доктор Э. Я. Зеленский (г. Псков) «О распространении некоторых знаний по медицине и гигиене путем включения их в книги для классного чтения» обращал внимание, что действовать для проведения в народ каких-либо правил гигиены репрессивными мерами бесполезно. Доктор заявил, что необходимо, чтобы народ осознал весь вред, который ему приносит окружающая его грязь и неряшливость. «Одним из самых действительных средств в этом отношении может быть устройство народных чтений» [5, с. 450]. Необходимо была повсеместная работа по просвещению народного сознания, популяризация элементарных гигиенических знаний. От непонимания санитарных мероприятий, невежества, укоренившихся суеверий, предрассудков, средневековых воззрений на медицину происходили холерные беспорядки, усиливающие негативные последствия эпидемий.

В докладе доктора Воскресенского «О практических способах распространения врачебно-санитарных истин в народ» одним из предложений было проведение знаний в крестьянскую среду посредством сельской школы, он считал, что «в старом поколении в высшей степени трудно уничтожать зло суеверия, привитое с детства, унаследованное от дедов... Понятия о заразительности многих болезней, о способах уберечься от заразы, не общаются с больными ... вполне доступны детскому уму; ученики и будут усваивать желательные гигиенические понятия еще со школьной скамьи» [5, с. 445]. Не смотря на то, что народные чтения имели очевидную

пользу, их устройству препятствовали правовые, бюрократические и экономические факторы.

Так, например, по Правилам от 24 декабря 1876 года народные чтения разрешались местным учебным начальством и попечителем округа для взрослого населения, но не разрешались для школ. Отсутствовало достаточное количество хороших дешевых книжек, которые могли покупать крестьяне, не дороже 2-5 копеек. Отсутствовала организация для приведения в систему гигиенического содержания литературы для библиотек. Отсутствовало финансирование для распространения санитарных правил для населения. К числу неблагоприятных условий, тормозящих деятельность частных лиц и общественных учреждений, относились сложность процедуры разрешения на открытие разного типа школ, библиотек, читален, народных чтений, книжных складов и т.д. Процедура определялась рядом законоположений, правил, инструкций, циркуляров в обилии которых зачастую не в силах были разобраться даже официальные лица. В печати не раз освещались случаи, когда не только частные лица, но и общественные учреждения, например, органы крестьянского земского и городского самоуправления, в течение долгих лет тщетно добивались разрешения на открытие народной читальни или устройства народных чтений.

«К числу неблагоприятных условий, тормозящих деятельность в этой области следует отнести сложность процедуры разрешения на открытие разного рода школ, библиотек, народных чтений».

По мере того как мысль о пользе и необходимости чтений для народа входила в сознание русского общества, народные чтения начинали возникать все в большем числе губернских и уездных городов. Учредителями Обществ народных чтений часто становились в том числе и врачи. Например, в Калуге старший врач губернской земской больницы И. И. Дубенский и городской голова И. П. Цыпулин. К 1892 г. «народные чтения, кроме Петербурга и Москвы, велось в 35 губернских и 16 уездных городах». В селах и деревнях чтения были организованы преимущественно земствами. Кроме того, ходатайства земств зачастую отклонялись на том основании, что закон разрешает чтения только в губернских городах (правила от 24 декабря 1876 г.). Ведение народных чтений в уездных городах и селениях предоставлялось исключительно лицам духовного сана с разрешения епархиального начальства. Так в селе Починки Нижегородской губернии в 1893 г. при земской школе были открыты народные чтения по инициативе смотрителя местного духовного училища. В Нижнем Новгороде народные чтения впервые возникли в 1882 году, но окрепли и получили правильное устройство только в 1886 году. Большой вклад для их развития внес член общества распространения грамотности в Нижегородской губернии Раткин. Он обращался через местную газету «Нижегородский биржевой листок» с приглашением желающих принять участие в устройстве чтений. В период проведения первых двух чтений «приходилось многим отказывать, так как не хватало в места, помещение могло вместить только 300-350 человек. В последующем был выделен зал вместимостью до 1 000 человек» [3, с. 33-38].

В некоторых местностях под влиянием пережитых эпидемий возник новый тип народных чтений — медицинские беседы врачей с народом. Мысль о необходимости подобного рода бесед была высказана земским врачом Моллесоном и была поддержана многими врачами и съездами врачей.

Постепенно формировалась правовая основа народных чтений. Для обсуждения вопроса об открытии общедоступных чтений для народа была создана особая комиссия, состоящая из Министров: Военного, внутренних дел, Народного Просвещения, Главного начальника III отделения Собственной его Императорского Величества Канцелярии, Главного Начальника военно-учебных заведений. На заседаниях комиссии в 1871 г. участники говорили о необходи-

мости устройства «занимательных чтений для народа, в которых бы сообщались ему в доступной форме полезные и необходимые сведения», как одной из мер отвлечения населения от разгула и пьянства. Комиссия пришла к выводу, что устройство народных чтений должно находиться в ведении Министерства Народного Просвещения, которое будет утверждать программы и тексты чтений. Законодатель не разрешал устройство чтений благотворительным обществам и частным лицам. Опыт продолжался 3 месяца. За вход была установлена плата в 5 копеек. Общее число посетителей чтений за 3 месяца достигло 17 000. Считая, что опыт удался, и чтения населением посещались, комиссия сочла, что народные чтения необходимо продолжить.

24 декабря 1876 года были изданы правила для организации чтений в губернских городах [4, т. 51]. Согласно этих правил:

- народные чтения в губернских городах разрешались по просьбам обществ и частных лиц Попечителем учебного округа по предварительному соглашению с губернатором;
- местами для устройства чтений могли служить помещения в казенных и общественных зданиях (училища, школы). На фабриках и других промышленных учреждениях чтения не допускались;
- к публичному прочтению народу разрешались только сочинения, одобренные Ученым Комитетом Министерства Народного Просвещения;
- сочинения читались по тексту без всяких изменений и дополнений;
- к публичному чтению для народа допускались кроме духовных лиц и преподавателей училищ и другие благонадежные лица по соглашению Директора народных училищ с губернским начальством;

К чтению допускались лишь сочинения, одобренные ученым комитетом министерства народного просвещения и книги духовного содержания, одобренные Синодом без всяких изменений (разрешалось объяснять своими словами). В случае нарушения этих правил чтения подлежали немедленному прекращению.

30 июля 1882 г. Комитет Министров утвердил Издательское Общество при Постоянной Комиссии по устройству народных чтений в С.-Петербурге [5, т. 2] и его окрестностях с целью печатать и издавать книги и статьи для народного чтения и распространения их в народе, которое просуществовало 15 лет, а затем передало свои полномочия Постоянной комиссии.

11 октября 1894 г. было утверждено положение об устройстве народных чтений вне губернских городов. Там указывалось, что Министр Народного Просвещения по предварительному соглашению с Министром Внутренних Дел и обер-прокурором Святейшего Синода может разрешить народные чтения в уездных городах и селениях под наблюдением представителей духовного или учебного ведомства. При этом говорилось, что необходимо удостоверить нравственную и политическую благонадежность лиц, занимающихся устройством чтений.

28 января 1901 г. (19619) были установлены правила в отношении народных чтений, учреждаемых отдельными лицами, обществами и общественными учреждениями. С разрешения Директора Народных училищ в особых случаях могли использоваться сочинения, не вошедшие в утвержденные каталоги. Министру Внутренних Дел по соглашению с Министром Народного Просвещения предоставлялось утвердить правила о специальных народных чтениях по медицине и гигиене.

3 декабря 1902 года были утверждены правила о народных чтениях, устраиваемых при учебных заведениях министерства народного просвещения.

Согласно правилам от 4 марта 1906 года желающие устроить народное чтение были обязаны письменно заявить

об этом начальнику местной полиции (градоначальнику, обер-полицмейстеру, полицмейстеру или исправнику) не позднее чем за 7 дней до начала чтений. В заявлении должны были быть указаны день, час, место и тема предполагаемого чтения, а также имя, отчество, фамилия и место жительства лектора.

31 января 1907 года был установлен явочный порядок устройства народных чтений, применительно к правилам от 4 марта 1906 года. Согласно этому порядку после подачи заявления, если не последовало запрещения, организаторы могли приступить к чтению, не ожидая разрешения от полиции.

В дальнейшем, согласно Докладов Правления и комиссий Пироговского съезда врачей продолжалась выработка программ систематических народных чтений [8, с. 77].

По результатам исследования, автор делает вывод, что в конце XIX века государством была осознана необходимость проведения наряду с административно-правовыми, также просветительских мер для эффективной борьбы с распространением заразных болезней среди населения.

Таким образом, во второй половине XIX века государство приступило к формированию правовых основ противоэпидемических мер с целью формирования у населения Российской империи гигиенических навыков, препятствующих распространению заразных болезней.

Пристатейный библиографический список

1. Большая медицинская энциклопедия, 2 изд., т. 24. – М., 1962.
2. Гранан А. и И. История России в XIX веке. – СПб., 1910.
3. Отчет Совета Общества распространения начального образования в Нижегородской губернии за 1892 г.
4. Правила для устройства народных чтений в губернских городах // Полное собрание законов Российской империи. – Том 51. – № 56762.
5. Положение об учреждении издательского общества при высочайше утвержденной постоянной комиссии по устройству народных чтений в Санкт-Петербурге и его окрестностях // Полное собрание законов Российской империи. – 1882. – Том 2. – № 1041.
6. Труды V съезда Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова, изданные Правлением V съезда. Т. 1. Т. 2. – СПб., 1894. – С. 455.
7. Прутавин А. С. Законы и справочные сведения по начальному народному образованию. – СПб., 1898. – 785 с.
8. Доклады Правления и комиссий XI-му Пироговскому съезду врачей. – М., 1910.

ПРОХОРОВ Владимир Владимирович

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ БАЗА ПО ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОВД КРЫМСКОЙ АССР (1921 – 1925 ГГ.)

В статье рассматривается источниковедческая база по истории организации и деятельности органов внутренних дел Крымской АССР (1921 – 1925 гг.). Особое внимание уделяется фондам архивных учреждений, содержащих документы и материалы, касающиеся построения органов милиции Крыма первой половины 1920-х гг. Проводится источниковедческий анализ опубликованных источников по истории развития РКМ полуострова. Приводится комплекс ведомственных документов, освещающих реорганизацию системы ОВД автономии, их внутреннюю структуру и функции.

Ключевые слова: ОВД, РКМ, НКВД, Крымская АССР, источники, архивные фонды, материалы и документы, ООП, органы милиции, отчет, приказ, циркуляр, организация и деятельность, РСФСР, Главмилиция.

PROKHOROV Vladimir Vladimirovich

Ph.D. in historical sciences, associate professor, associate professor of State and civil law disciplines sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

SOURCE STUDY BASE ON THE HISTORY OF THE ORGANIZATION AND ACTIVITIES OF THE DEPARTMENT OF INTERNAL AFFAIRS OF THE CRIMEAN ASSR (1921 – 1925)

The article deals with the source study base on the history of the organization and activities of the internal affairs bodies of the Crimean ASSR (1921 – 1925). Particular attention is paid to the funds of archival institutions containing documents and materials related to the formation of the Crimean police in the first half of the 1920s. A source study analysis of published sources on the history of the development of the RCM of the peninsula is carried out. A set of departmental documents covering the reorganization of the ATS system of the autonomy, their internal structure and functions is given.

Keywords: Department of Internal Affairs, RKM, NKVD, Crimean ASSR, sources, archival funds, materials and documents, PLO, militia bodies, report, order, circular, organization and activity, RSFSR, Glavmilitsiya.

Прохоров В. В.

Источниковедческая база историко-правового исследования процесса организации и деятельности органов внутренних дел Крымской АССР первой половины 1920-х гг. достаточно разнообразна. Она включает в себя широкий круг архивных материалов, опубликованных сборников документов, статистических сборников, периодическую печать тех лет и материалы фондов краеведческих музеев.

подавляющее большинство архивных документов, позволяющих рассмотреть практически все стороны тех процессов, которые происходили в ОВД Крымской АССР в первой половине 20-х годов XX века, находятся в архивных фондах Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Республики Крым, Государственного архива г. Севастополя и архива МВД России по Республике Крым [1, с. 11].

Наиболее информативными фондами по изучению деятельности ОВД Крыма, указанного периода, являются фонды Государственного архива Республики Крым. В первую очередь это фонды учреждений охраны общественного порядка. Среди них в первую очередь следует выделить фонды: «Народного комиссариата внутренних дел Крыма», «Управления Крымской Советской рабоче-крестьянской милиции НКВД

РСФСР», «Главного управления милиции НКВД Крымской АССР», уездно-городских управлений рабоче-крестьянской милиции Симферополя и Ялты, окружных и районных милицейских управлений Севастополя и Алушты, охватывающих период с 1920 по 1926 гг.

Среди архивного материала фондов ООП находятся директивные документы Советской власти, решения ведомственных съездов, циркуляры большевистских наркоматов, приказы, докладные записки, справки, рапорта и различные материалы делопроизводства, позволяющие ответить на многие вопросы, касающиеся организации и деятельности органов милиции Крыма. Это касается, в первую очередь, качественного и количественного состава крымской РКМ и уголовного розыска, принципа их отбора и комплектация, профессиональной подготовки личного состава, штатного расписания городских окружных и районных управлений милиции, порядка их материального обеспечения и многое другое. Кроме того, в архивных фондах содержатся биографические сведения, относящиеся к первым руководителям НКВД и ОВД Крымской АССР.

Материалы фондов, непосредственно касающиеся органов милиции и ООП, дополняются целым рядом докумен-

тов по деятельности чрезвычайных органов Советской власти – революционных комитетов. Эти документы напрямую связаны с организацией ОВД Крыма, особенно на первом этапе их деятельности. Материалы, хранящиеся в архивных фондах: «Крымского ревкома», уездно-городских ревкомов Симферополя, Керчи, Феодосии, Севастополя, Ялты, Джанкоя и «Отдела юстиции Евпаторийского уездного ревкома» позволяют установить не только точную дату образования крымской милиции и уголовного розыска, но и проследить процессы организации всей системы правоохранительных органов Крымской автономии. Имеющиеся документы свидетельствуют о том, что ревкомы полуострова на всем протяжении своего существования проводили большую работу по установлению элементарного правопорядка и организации мирной жизни.

Следующими по степени значимости и информативности можно считать фонды органов государственной власти и государственного управления, комитетов и комиссий при них: ЦИК и Совнаркома Крымской АССР; «Крымского статистического управления». «Коллекцию документов по истории развития народного хозяйства, культуры, народного образования и здравоохранения Крымской области за 1921-1941 гг.». В этих фондах находятся статистические отчеты, постановления, протоколы заседаний и служебная переписка этих органов власти между собой.

Интересны источники по изучению истории организации и деятельности ОВД Крымской АССР начала 1920-х гг., которые находятся в фондах Государственного архива Российской Федерации. Прежде всего, это фонды: «НКВД РСФСР» и «Центрального эвакуационного управления при НКВД РСФСР». В них хранятся разнообразные ведомственные документы организационного построения и деятельности этих учреждений: «Положение о Народном комиссариате внутренних дел РСФСР», «Положение о Центральном Административном Управлении НКВД РСФСР», типовые штаты комиссариата и входящего в его структуру Главного управления милиции, являющегося в свою очередь руководящим центром для всех служб ОВД республики, сборники приказов, циркулярные распоряжения, инструкции по организации местных органов милиции и т.д. Особый интерес представляет фонд «Комиссии ВЦИК по пересмотру и доукомплектованию личным составом милиции». Его богатый фактологический материал позволяет достаточно широко осветить работу этой комиссии в Крыму в период с 1922 по 1923 гг.

Помогут проведению научного анализа материалы и документы, хранящиеся в Государственном архиве г. Севастополя. Среди архивных фондов этого учреждения следует выделить такие как: «Исполнительный комитет Севастопольского городского Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и военно-морских депутатов» и «Управление советской рабоче-крестьянской милиции Севастопольского округа».

В фондах «Крымская Чрезвычайная Комиссия» и «Дела бывших сотрудников», хранящихся в архиве МВД России по Республике Крым, находятся документы, касающиеся борьбы крымской милиции с уголовным бандитизмом и их со-

вместной деятельности по этим и другим вопросам с органами Крымской ЧК.

В дополнение к архивным документам исследователям помогут опубликованные источники. Во-первых, это сборники документов, статистические сборники, отчеты различных государственных учреждений и периодические издания тех лет. Небольшое количество опубликованных источников объясняется относительной закрытостью темы в первую очередь по своей специфике. Но, несмотря на это, первые сборники документов, посвященные деятельности органов милиции Крыма, появляются сразу после окончательного установления власти большевиков на полуострове.

В январе-сентябре 1921 г. в Симферополе вышли три сборника приказов Крымревкома, в которых достаточно полно отражался период организации и становления ОВД [2, с. 8]. В октябре 1922 г. в Симферополе публикуют отчет НКВД Крымской АССР II Всекрымскому съезду Советов. Который охватывал период с ноября 1921 по октябрь 1922 гг., и содержал статистические данные деятельности Главмилиции и отдела УР республики, качественного и количественного изменения личного состава окружных управлений милиции Крыма, приводил количество зарегистрированных преступлений, процент их раскрытия и многое другое [3, с. 4]. Через год опять же, в Симферополе печатается отчет КрымЦИК, Совета Народных Комиссаров и наркоматов автономии III Всекрымскому съезду Советов. Как и предыдущий, этот также охватывал годовой период (ноябрь 1922 – октябрь 1923 гг.) и освещал основные этапы деятельности КрымЦИК, Совнаркома и наркомата внутренних дел республики. Результаты работы НКВД за отчетный период были представлены очень широко и по всем направлениям деятельности. В первую очередь это отчет Главмилиции и УР, объективно отражавший ход борьбы с уголовной преступностью и результаты охраны общественного порядка, в Крыму вообще, и по округам в частности. Кроме этого, отчет содержит малоизвестные данные по административной работе крымских ОВД и работе всех управлений НКВД Крымской АССР. Представленные отчеты отражают разноплановую деятельность окружной милиции, УР и городского отдела статистики. Анализ приведенных в них данных позволяет выявить качественные и количественные изменения среди личного состава ОВД Крыма, позволяет так же определить их национальность, возраст, партийную принадлежность, количество уволенных сотрудников РКМ, количество ликвидированных банд и преступных формирований за этот период [4, с. 28].

Среди опубликованных источников следует также выделить источники, которые существенно помогут изучить правовые основы деятельности крымской милиции, прежде всего это «Бюллетень НКВД РСФСР», а также «Собрание Узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР за 1921-1923 гг.». На первом этапе, из-за отсутствия собственной юридической базы, документы, содержащиеся в этих изданиях, широко использовались в повседневной работе ОВД Крымской АССР. Со второй половины 1920-х гг. публикации о деятельности органов РКМ почти полностью прекращены, а те редкие издания, которые все-таки увидели свет, были недоступны широкому кругу ис-

следователей. Такое положение вещей изменилось только с конца 1960-х гг., когда стали издавать сборники документов, посвященные юбилеям Советской власти.

В 1968 г. в Симферополе издается коллективный труд «Ревкомы Крыма». В этом сборнике были опубликованы уникальные документы, подробно характеризовавшие разнотранспортную деятельность крымских чрезвычайных органов власти в период с 16 ноября 1920 г. по 11 ноября 1921 г. Одна из глав этого сборника прямо посвящена созданию системы правоохранительных органов Крыма. Эта же глава позволила определить конкретные задачи, которые ставились перед рабоче-крестьянской милицией по обеспечению правопорядка на полуострове [5, с. 33].

Через год в свет выходит первый том «Истории милиции УССР в документах и материалах». Это издание было одобрено и разрешено к печати тогдашним руководством МВД СССР. Материалы, приводимые в этом сборнике, в основном относятся к органам милиции РСФСР. Однако некоторые из них, особенно первой половины 1920-х гг., имеют прямое отношение и к милиции Крыма. В первую очередь это руководящие документы, положения, инструкции, приказы, НКВД, Главмилиции и УР РСФСР, составлявшие организационно-правовую основу деятельности ОВД, как РСФСР, так и Крымской автономии [6, с. 98].

При изучении данной проблемы следует широко использовать материалы периодической печати, прежде всего 1921-1925 гг., которые можно поставить на второе место после архивных фондов. Это обусловлено двумя причинами. Во-первых, тем, что многие архивные документы, освещавшие те или иные стороны деятельности ОВД Крыма, не сохранились до наших дней в полном объеме. И, во-вторых, несмотря на сложность и противоречивость того времени, газеты и журналы тех лет были достаточно демократичны. В то время издания смело освещали не только удачу милиции, но и ее явные недоработки, промахи. Из периодических публикаций того периода можно много узнать о людях в милицейской форме, столкнуться с их проблемами, почувствовать их внутреннее настроение. В своих статьях корреспонденты популярно освещали проблемы административной деятельности милиции и давали объективные оценки результатам борьбы с уголовной преступностью. На страницах периодических изданий не раз публиковались выступления руководителей республиканской милиции всех уровней. Здесь, в первую очередь, необходимо назвать такие газеты как: «Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов», «Красный Крым», «Маяк коммуны», «Правда», «Красная Керчь».

Помимо газет следует использовать и отраслевые журналы. Наибольший интерес среди них представляют издания центральных и местных административных органов: «Рабоче-крестьянская милиция» и «Вестник административной жизни Крыма». В этих изданиях содержится обширный фактический материал, касающийся организационного построения и деятельности не только структурных подразделений НКВД РСФСР и Крыма, но и всей системы большевистских правоохранительных органов.

Безусловно, будут полезны материалы и документы личных архивов Г. М. Вологодина (участника гражданской войны и освобождения Крыма), А. М. Лысенко (председателя Евпаторийского ревкома) и Ю. П. Гавена (главы КрымЦИК), хранящиеся в фондах Крымского краеведческого музея и Севастопольского народного музея милиции. Небольшие по объему, но очень ценные по содержанию, они ярко отражают всю сложность социально-политической обстановки в Крыму, в конце 1920 – начале 1921 гг.

Пристатейный библиографический список

1. Прохоров В. В. Организационное становление рабоче-крестьянской милиции Крыма: монография. – К.: Телесик, 2007. – 240 с.
2. Сборник приказов революционного комитета Крыма (№№ 187-325, январь – апрель 1921 г.). – Симферополь: Б.и., 1921. – Вып. 1. – С. 8-23.
3. Отчет НКВД КрымССР II Всекрымскому съезду Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и военно-морских депутатов (17 ноября 1921 – 17 октября 1922 гг.). – Симферополь: Б.и., 1922. – 110 с.
4. Отчет КрымЦИК, Совнаркома, наркоматов и учреждений КрымССР III Всекрымскому съезду Советов (октябрь 1922 – сентября 1923 гг.). – Симферополь: Б.и., 1923. – 417 с.
5. Ревкомы Крыма: Сб. документов и материалов / Отв. ред. Л. Д. Солодовник. – Симферополь: Крым, 1968. – 241 с.
6. История милиции Украинской ССР в документах и материалах / Под ред.: П. П. Михайленко: в 2-х т. – К., 1969. – Т. 1. – 883 с.

САИДОВА Марина Загидовна

кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой Всеобщей истории Дагестанского государственного педагогического университета

РОЛЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ДАГЕСТАНА В ЛИКВИДАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЙ 1966 И 1970 ГОДОВ

Одним из сложных направлений деятельности дагестанских органов государственной власти в 60-70 гг. XX века была переселенческая политика. Учитывая тот факт, что горные районы Дагестана всегда страдали от малоземелья, правительством республики в 50-е г. разрабатывались перспективные планы поэтапного переселения жителей горных районов, с акцентом на рациональное использование рабочей силы в равнинных районах ДАССР. Однако, во второй половине 60-70 гг. эти планы претерпели существенные корректировки в связи с разрушительными землетрясениями 1966 и 1970 годов, вызвавшие вынужденные масштабные переселения и потребовавшие колоссального напряжения всех сил горного края, для восстановления разрушенных городов и сел Дагестана.

Ключевые слова: органы государственной власти, переселенческая политика, землетрясения, разрушения, последствия стихии, восстановительные мероприятия.

SAIDOVA Marina Zagidovna

Ph.D. in historical sciences, associate professor, Head of General history sub-faculty of the Dagestan State Pedagogical University

THE ROLE OF THE STATE AUTHORITIES OF DAGESTAN IN THE AFTERMATH OF THE EARTHQUAKES OF 1966 AND 1970

One of the most difficult areas of activity of Dagestan state authorities in the 60-70 years of the XX century was the resettlement policy. Taking into account the fact that the mountainous regions of Dagestan have always suffered from lack of land, the Government of the republic in the 50s developed long-term plans for the gradual resettlement of residents of mountainous areas, with an emphasis on the rational use of labor in the lowland areas of the DASSR. However, in the second half of the 60-70, these plans underwent significant adjustments in connection with the devastating earthquakes of 1966 and 1970, which caused forced large-scale relocations and required enormous exertion of all the forces of the mountainous region to restore the destroyed cities and villages of Dagestan.

Keywords: state authorities, resettlement policy, earthquakes, destruction, consequences of the elements, restoration measures.

25 апреля 1966 г. в южных районах Дагестана произошло мощное землетрясение, в результате которого оказались полностью или частично разрушены Курахский, Хивский, Касумкентский, Агульский, Магарамкентский, Табасаранский и Ахтынский районы республики.

Руководство республики понимало, что тысячам жителям юждага, уже не вернуться в горы, где остались руины, и в один день десятки старых сел прекратили свое существование. Постановлением «О неотложных мерах помощи населению по ликвидации последствий землетрясения в республике» от 28 апреля 1966 г. Совет Министров ДАССР наметил первоочередные мероприятия в плане переселения около 5600 хозяйств с пострадавших населенных пунктов в основном в Дербентский и Каякентский районы [5, л. 28].

Помощь разрушенным районам оказывала вся республика. Местные советы депутатов и их активы организовывали сбор вещей и денежных средств. Представители строительных специальностей, добровольцы отправлялись в южные районы для восстановления последствий стихии.

Союзное правительство выделило республике 12,3 млн. руб. для восстановления жилищного фонда, лечебных учреждений и других объектов культурно-бытового назначения. Из них 4,4 млн. руб. пострадавшие горцы получали как безвозмездную помощь [5, л. 29].

Несмотря на огромный комплекс проблем, как материальных, так и чисто психологических, поскольку оторвать людей от насиженных мест, родины их предков, требовало разъяснений и терпения со стороны представителей государ-

ственных органов, уже с 1966 по 1970 гг. в равнинные районы переселилось всего 4138 хозяйств с 22345 населением [4, с. 38].

Переселенческая политика активизировала рост горожан до 477,6 тыс. человек (35 %) к началу 1967 г. [3, с. 57]. В городах высокими темпами развивалась промышленность, требуя все новых рабочих рук.

Миграция населения с гор и расселение горцев на более удобных для жизни равнинных и долинных землях внесли значительные изменения в этно-демографическую карту Дагестана, особенно равнинного. Создавались целые районы и поселки интернационального типа, в которых компактно проживали представители многочисленных народов республики.

14 мая 1970 года в Дагестане произошла целая серия сильнейших землетрясений, в результате которых пострадало 25% территории республики. Толчками свыше 7-8 баллов было полностью разрушено 22 и частично 257 населённых пунктов, в том числе города Махачкала, Буйнакск, Каспийск, Хасавюрт и Кизилюрт. От разбушевавшейся стихии погиб 31 человек, 45 тысяч жителей республики оказались без крыши над головой [1, с. 9].

С поступлением первых сигналов о разрушительных последствиях первого подземного толчка, был создан актив республики, рассмотревший первоочередные задачи по ликвидации последствий подземной стихии. Руководители республики: первый секретарь обкома партии М.-С. И. Умаханов, председатель Президиума Верховного Совета ДАССР А. Д. Даниялов, председатель Совета Министров ДАССР А. Д. Умалатов и другие побывали в Кумторкале, Шамхале, Эки-

Саидова М. З.

булаке и других селениях, наиболее сильно пострадавших от землетрясения.

В тот же день, 14 мая, постановлением Совета Министров ДАССР «О неотложных мерах помощи населению по ликвидации последствий землетрясения в республике», была образована Чрезвычайная правительственная комиссия во главе с председателем Совета Министров Дагестана А. Д. Умалатовым. Аналогичные комиссии создавались и на местах [1, с. 13].

Для оперативного решения вопросов, связанных с ликвидацией последствий землетрясения, были созданы 4 оперативные группы, в том числе:

- по переселению и размещению пострадавшего населения. Руководителем группы был утвержден заместитель председателя СовМина Дагестана М.-В. Б. Букаров;

- по размещению и организации отправки в города и районы поступающих грузов и техники. Руководитель – заместитель председателя Совета Министров Дагестана А. Г. Коршунов;

- по размещению и устройству прибывающих групп и специалистов из других областей и республик. Руководитель – министр коммунального хозяйства Дагестана М. Л. Юсупов;

- по организации торговли и общественного питания. Руководитель – завотделом легкой и пищевой промышленности и торговли обкома партии Г. М. Арбулиев [7, л. 86].

По решению ЦК КПСС и Совета Министров СССР также была создана Чрезвычайная комиссия во главе с заместителем председателя Совета Министров А. Е. Бирюковым. Члены комиссии 16 мая прибыли в Дагестан и побывали в городах и населенных пунктах, подвергшихся разрушению, информировали население о мерах, предпринимаемых правительством страны для оказания помощи населению пострадавших районов и городов и снабжению их всем необходимым.

22 мая 1970 года Советом Министров РСФСР принимается постановление за № 323 «О дополнительных мерах по ликвидации последствий стихийного бедствия в Дагестанской АССР», согласно пункту 2 предусматривалось выделить дополнительно в 1970 году Совету Министров Дагестанской АССР из резервного фонда Совета Министров РСФСР 6,7 млн. рублей на восстановительные мероприятия и оказание материальной поддержки населению, пострадавшему от стихийного бедствия [7, л. 87].

В соответствии с постановлением Совета Министров Дагестана «О переселении населения из районов, пострадавших от землетрясения, и их хозяйственном устройстве» от 30 мая 1970 г. переселению подлежало (полностью или частично) население 22 аулов четырех районов Дагестана. В общей сложности предстояло переселить 5356 хозяйств, или 19466 человек [7, л. 88].

Большая беда, выпавшая на долю Дагестана, требовала от всех полной самоотдачи, самоотверженного труда жителей республики. Местные советы депутатов – сельские, поселковые, городские – оказывали помощь в разборе завалов, расселении пострадавших от стихии, строительстве новых домов, школ.

Совет Министров Дагестана обязал Министерство сельского хозяйства и объединение «Дагвино» обеспечить надлежащий контроль в подведомственных им совхозах и колхозах за хозяйственным и трудовым устройством переселенцев, создании им нормальных культурно-бытовых условий, имея в виду, что все переселенцы к 1 ноября 1970 г. должны быть обеспечены жильем. Дагестанскому управлению связи уже в 1970 г. следовало обеспечить устройство телефонной связи с новыми переселенческими поселками. Управлению «Дагэнерго», тресту «Дагсельэлектрострой» поручалось электрифицировать в 1970 г. новые населенные пункты.

4 июня 1970 г. Совет Министров СССР принимает постановление «О мерах помощи Дагестанской АССР по ликвида-

ции последствий землетрясения», в соответствии с которым, в 1970 – 1973 гг. в пострадавших районах и городах Дагестана намечалось построить жилые дома общей площадью 1 млн. 100 тыс. кв. метров. Строительство должно было осуществляться в соответствии с современными архитектурными требованиями и возросшими культурно-бытовыми потребностями населения, со всеми удобствами и учетом высокой сейсмичности региона [2, с. 156].

Все вопросы, связанные с обустройством и трудоустройством пострадавших от землетрясения, решались в самом срочном порядке, был установлен жесткий контроль за восстановлением разрушенных аулов и переселению их жителей.

Огромную помощь Дагестану оказывала вся советская страна. Строители с разных республик съехались на помощь дагестанцам, с тем, чтобы как можно скорее, еще до наступления холодов, обеспечить всех пострадавших от землетрясения жильем и всем необходимым.

Как свидетельствуют документы и очевидцы событий, представители органов государственной власти республики всех уровней, находились в самом центре переселенческих и строительных мероприятий, неся полную ответственность за выполнение принятых решений по ликвидации последствий землетрясения, строительства жилья, культурно-бытовых, производственных и других объектов, обеспечения пострадавшего населения продуктами и предметами первой необходимости.

Повседневное внимание центральных и республиканских органов государственной власти, энтузиазм депутатов и жителей республики позволили в поставленные, короткие сроки решить огромный комплекс проблем: заново построить 14 населенных пунктов в Буйнакском, Кизилюртовском, Казбековском и Хасавюртовском районах, проложить к ним дороги, обеспечить население электроэнергией и водой.

На базе земель и имущества горных малоперспективных колхозов Буйнакского, Гумбетовского, Казбековского, Кизилюртовского районов, пострадавших от подземных толчков, было впоследствии создано 11 мощных специализированных хозяйств, расположившихся на равнинных и предгорных плодородных землях [6, л. 128].

По мере завершения восстановительных мероприятий, связанных с ликвидацией последствий землетрясения, перед республиканским правительством вновь встали вопросы планомерного переселения горцев из высокогорных районов на равнинные земли.

Пристатейный библиографический список

1. Ахмедов Д., Вагабов М., Магомедов М. Дагестан, 14 мая 1970 г. – Махачкала, 1971. – 347 с.
2. Ахмедов Дж. Н. Пример интернационализма и дружбы народов (к 40-летию землетрясения в Дагестане) // Вестник института ИАЭ. – 2010. – № 3. – С. 155-159.
3. Сергеева К. П. Население Дагестана. – Махачкала, 1973. – 84 с.
4. Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев-переселенцев. – М.: Наука, 1988. – 320 с.
5. ЦГА РД. – Ф-р 168. – Оп.50. – Д.81.
6. ЦГА РД. – Ф-р 352. – Оп.25. – Д.38.
7. ЦГА РД. – Ф. -1 п. – Оп. 2. – Д. 3251.

КУРЯЧАЯ Марина Михайловна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Кубанского государственного университета, член Общественной палаты города Краснодара

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ В СИСТЕМЕ АНТИКОРРУПЦИОННОГО КОМПЛАЕНСА*

Рассмотрены организационно-правовые аспекты реализации антикоррупционного комплаенса в органах государственной власти и местного самоуправления, расширения участия граждан и институтов гражданского общества в противодействии коррупции, включения их в систему противодействия коррупции на публичной службе.

Ключевые слова: публичная власть, общественный контроль, антикоррупционная политика, гражданская активность, антикоррупционный комплаенс.

KURYACHAYA Marina Mikhaylovna

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and administrative law sub-faculty of the Kuban State University, member of the Public Chamber of the city of Krasnodar

Курячая М. М.

PUBLIC CONTROL IN THE ANTI-CORRUPTION COMPLIANCE SYSTEM

The organizational and legal aspects of the implementation of anti-corruption compliance in public authorities and local self-government, the expansion of the participation of citizens and civil society institutions in combating corruption, their inclusion in the anti-corruption system in the public service are considered.

Keywords: public authority, public control, anti-corruption policy, civic engagement, anti-corruption compliance.

Одной из задач, реализуемых в Российской Федерации в сфере противодействия коррупции, является создание дополнительных способов и механизмов, обеспечивающих широкое привлечение граждан, институтов гражданского общества, органов общественного представительства к системной работе по созданию в обществе нетерпимости к коррупционным проявлениям.

Как отметил в своем послании в 2018 году Президент РФ В. В. Путин: «Чиновники всех уровней должны быть заинтересованы в росте своей эффективности и быть жестко нацелены на получение конкретного результата. Кстати говоря, мы все время говорим о коррупции, о чиновниках. Должен сказать и не имею права это не сказать: подавляющее большинство людей, которые работают в системе управления, - честные, порядочные и нацеленные на результат люди. Именно в такой логике нужно перестроить всю систему государственной службы, там, где это целесообразно, - внедрить проектные методы работы. Добавлю, что цифровизация всей системы государственного управления, повышение ее прозрачности – это и мощный фактор противодействия коррупции»¹.

В современных условиях необходимо исходить из того, что лучшей практикой в области борьбы является такая организация системы управления, которая либо минимизирует, либо совершенно не допускает коррупционных проявлений. Добиться этого можно не только совершенствуя нормативные основы и механизмы управления в конкретной сфере или отрасли, но и создав единую систему антикоррупционного комплаенса на публичной службе, находящуюся под постоянным общественным контролем.

Создание эффективно функционирующей системы антикоррупционных стандартов является вкладом в построение демократического правового государства, способствует росту человеческого капитала, стимулирует самоорганизацию граждан и их активное деятельное участие в жизни общества и государства в целом, ведет к росту гражданской активности в других сферах.

Формированию обстановки общей нетерпимости к проявлениям коррупции, осознанному следованию стандартам

антикоррупционного поведения, понимаю негативного воздействия коррупции на общественно-государственное развитие будут способствовать:

- системная государственная поддержка престижа публичной гражданской службы, в том числе – путем постепенной унификации квалификационных требований к государственным и муниципальным служащим, условий прохождения службы, классов чинов, денежного содержания и пенсионного обеспечения;

- последовательная цифровизация государственных и муниципальных услуг, прекращение личного взаимодействия между должностным лицом и заявителем;

- транспарентность публично-властной деятельности и наличие действенных механизмов общественного контроля;

- последовательное правовое просвещение и пропаганда нетерпимости к коррупции, осуществляемые при системной государственной поддержке различными институтами гражданского общества и лидерами общественного мнения;

- подготовка педагогических кадров, способных осуществлять антикоррупционное воспитание и формирование антикоррупционных компетенций у обучающихся.

Согласно п.п. 41-42 Национального плана по противодействию коррупции² (далее – Национальный план) при очередной ротации членов общественных советов при федеральных органах исполнительной власти в их состав рекомендовано включить представителей некоммерческих организаций (НКО), уставная деятельность которых связана с противодействием коррупции.

Общественной палате РФ с участием Министерства юстиции РФ и Министерства труда и социальной защиты РФ предложено подготовить предложения:

- по стимулированию и расширению участия граждан, общественных объединений, иных некоммерческих организаций в деятельности в области противодействия коррупции и повышению эффективности такого участия;

- о целесообразности включения направления «Противодействие коррупции и антикоррупционное просвещение» в перечень приоритетных направлений деятельности

* Подготовлено при информационной поддержке СПС КонсультантПлюс.

1 Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018 // СПС КонсультантПлюс.

2 Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 годы: утв. Указом Президента РФ от 16.08.2021 № 478 // СПС КонсультантПлюс.

социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО);

– о мерах по привлечению добровольческих (волонтерских) организаций и движений к системной работе по противодействию коррупции и антикоррупционному просвещению.

Более глубокую работу по обеспечению общественного контроля в сфере реализации антикоррупционной политики и созданию новых антикоррупционных практик предстоит провести в субъектах Российской Федерации. Согласно п. 43 Национального плана в 2021-2024 годах высшим должностным лицам регионов рекомендовано:

– расширить практику включения в составы комиссий по координации работы по противодействию коррупции представителей НКО, уставная деятельность которых связана с противодействием коррупции, представителей научного и экспертного сообщества, аккредитованных независимых экспертов, уполномоченных на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов;

– определить приоритетные для оказания поддержки направления деятельности и проекты в области противодействия коррупции и антикоррупционного просвещения, в том числе путем предоставления мер поддержки СОНКО.

На федеральном уровне ведущую роль в правовом просвещении и антикоррупционном образовании Национальный план отводит Общественной палате РФ и общественным палатам субъектов РФ, Общероссийской общественно-государственной просветительской организации «Российское общество «Знание», Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России».

Вместе с тем Национальный план не содержит положений, направленных на формирование системы антикоррупционного комплаенса в органах публичной власти и интегрирования механизмов общественного контроля в эту систему. К сожалению, и об этом ярко свидетельствует содержание Национального плана, антикоррупционные меры на публичной службе сводятся к ограничениям и запретам, относящимся к государственным и муниципальным служащим, в том числе – при возникновении конфликта интересов, совершенствованию правового регулирования ответственности за коррупционные правонарушения, мер по противодействию коррупции при размещении заказов для государственных и муниципальных нужд и распоряжению государственным и муниципальным имуществом.

Вместе с тем, в условиях современного глобального мира устойчивое социально-экономическое развитие обеспечивается созданными либо санкционированными государством механизмами [4, с. 100]. В западной правовой традиции, которая воспринята современным российским законодательством в последние 15 лет, система обеспечения соответствия деятельности правовым нормам получила наименование «комплаенс». Р. Б. Головкин и В. С. Манохин отмечают: «Считается, что комплаенс есть самостоятельный инструмент контроля соответствия в деятельности крупных корпораций действующему законодательству. Инициирован данный инструмент как средство преодоления коррупции. Первым шагом на пути формирования комплаенса стал Закон США о зарубежной коррупции, принятый в 1977 г.» [2, с. 129].

Грамотно выстроенная система комплаенса позволяет надежно защититься от противоправных действий, коррупции, нарушений при расходовании средств, распоряжении ресурсами и имуществом. Основная цель комплаенса – превентивная защита организации и интересов, для реализации которых она создана, от неправомерных действий или злоупотреблений, которые могут быть совершены руководителями, работниками, собственниками или иными лицами, которые вправе принимать управленческие решения в данной организации. По данным Национальной Ассоциации Комплаенс, в 2020 году насчитывалось свыше 140 видов комплаенса, что доказывает его востребованность и эффективность как в бизнес-среде, так и в публично-правовой сфере³.

Антикоррупционный комплаенс представляет собой процесс управления, который позволяет определять применимые правовые нормы, выявлять и оценивать корруп-

ционные риски, создавать локальные нормы организации, с учетом этических принципов, а затем принимать меры, направленные на соблюдение организацией и взаимодействующими с ней лицами правовых норм, локальных норм организации и профилактику коррупционных рисков [1, с. 145].

Среди правовых актов в отечественной правовой системе дефиниция понятия «комплаенс как обеспечения соответствия деятельности организации требованиям, налагаемым на нее российским и зарубежным законодательством, иными обязательными для исполнения регулирующими документами, а также создание в организации механизмов анализа, выявления и оценки рисков коррупционно опасных сфер деятельности и обеспечение комплексной защиты организации»⁴ имеется лишь в локальном акте Российской Академии Наук.

Антикоррупционный комплаенс – это система мер, направленных на предотвращение, выявление и пресечение коррупционных действий в рамках деятельности компании или организации. Он предполагает создание правил и процедур, которые помогают сотрудникам компании соблюдать законы и международные стандарты в сфере противодействия коррупции [3, с. 138].

В рамках антикоррупционного комплаенса компании могут принимать следующие меры:

– разработка политики противодействия коррупции и ее внедрение в повседневную деятельность;

– проведение антикоррупционного обучения государственных и муниципальных служащих, прежде всего, руководителей и специалистов кадровой и финансовой служб;

– создание системы общественного контроля деятельности органа публичной власти в целом и мониторинга исполнения отдельных функций органа, результаты которого должны быть доступны на официальном сайте органа власти;

– внедрение процедур обнаружения коррупционных проявлений и урегулирования конфликта интересов, в том числе – предотвращение конфликта интересов после прекращения государственной (муниципальной) службы;

– участие в антикоррупционных инициативах и проектах, направленных на борьбу с коррупцией.

Комплаенс-процедуры в России находятся в стадии развития, и существуют нормативные акты, которые устанавливают требования к их реализации. Однако, в целом, уровень развития и применения комплаенс-процедур в России все еще остается низким по сравнению с другими странами.

В то же время, в связи с растущими требованиями к прозрачности бизнеса и борьбе с коррупцией в России, многие компании и организации начинают осознавать важность комплаенс-процедур и принимают меры для их реализации. Например, в ряде крупных компаний созданы отделы комплаенса, которые занимаются внедрением и контролем комплаенс-процедур.

Комплаенс (соблюдение нормативно-правовых требований) играет важную роль в публичном управлении, где первостепенно идет соблюдение законов и правил при выполнении государственных функций и регулировании отношений между государством и гражданами, а также между организациями и гражданами.

Пристатейный библиографический список

1. Гармаев Ю. П., Маркунцов С. А., Иванов Э. А. Антикоррупционный комплаенс в Российской Федерации: междисциплинарные аспекты: монография. - М.: Автор, 2020. - 330 с.
2. Головкин Р. Б., Манохин В. С. Юридический комплаенс: определение объема понятия // Вестник Владимирского юридического института. - 2022. - № 1 (62). - С. 128-132.
3. Грундель Л. П. Комплаенс налоговых инструментов деофшоризации в условиях международной налоговой конкуренции: Монография. 3-е изд. - М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2022. - 230 с.
4. Курячая М. М. Развитие институтов гражданского общества в политической повестке современной России // Государство и право. - 2018. - № 3. - С. 99-104.

4 Об утверждении Антикоррупционной политики федерального государственного бюджетного учреждения «Российская академия наук»: распоряжение Российской академии наук от 06.12.2017 № 10105-972 // СПС КонсультантПлюс.

3 Актуальные виды комплаенса в 2020 году. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kurl.ru/BJtNv> (дата обращения: 25.05.2023).

МАГОМЕДОВА Патимат Расуловна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Дагестанского государственного университета

ГАДЖИМАГОМЕДОВ Курамагомед Гаджимагомедович

магистрант кафедры конституционного и международного права Дагестанского государственного университета

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ПРАВА ГРАЖДАН В СИСТЕМЕ ОСНОВНЫХ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ

В статье рассматривается проблема избирательных прав граждан в системе основных прав и свобод. Говорится, что государство, признавая и гарантируя избирательные права, на законодательном уровне устанавливает порядок осуществления этих прав. Подчеркивается, что Российская Федерация является демократическим государством и, исходя из универсальных международных актов, самостоятельно закрепляет избирательную модель, устанавливая при этом границы реализации каждого избирательного права, которые могут быть как расширены, так и ограничены федеральным законодателем в целях защиты конституционно значимых ценностей. Основным выводом является положение, согласно которому Российская Федерация, признавая и гарантируя конституционные избирательные права, тем самым признает и гарантирует составляющие его правомочия. Однако эти права не являются абсолютными, то есть они осуществляются в определенных границах.

Ключевые слова: избирательные права граждан, основные права и свободы, Конституция РФ, трудящиеся-мигранты, иностранные граждане, народовластие.

MAGOMEDOVA Patimat Rasulovna

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and international law sub-faculty of the Dagestan State University

GADZHIMAGOMEDOV Kuramagomed Gadzhimagomedovich

magister student of Constitutional and international law sub-faculty of the Dagestan State University

ELECTORAL RIGHTS OF CITIZENS IN THE SYSTEM OF FUNDAMENTAL RIGHTS AND FREEDOMS OF THE INDIVIDUAL

The article addresses the issue of citizens' electoral rights in the system of fundamental rights and freedoms. It is said that the state, recognizing and guaranteeing electoral rights, at the legislative level establishes the procedure for the exercise of these rights. It is emphasized that the Russian Federation is a democratic state and, based on universal international acts, independently enshrines the electoral model, while establishing the boundaries for the implementation of each suffrage, which can be either expanded or limited by a federal legislator in order to protect constitutionally significant values. The main conclusion is the provision according to which the Russian Federation, recognizing and guaranteeing constitutional electoral rights, thereby recognizes and guarantees the components of its authority. However, these rights are not absolute, that is, they are exercised within certain boundaries.

Keywords: citizens' electoral rights, fundamental rights and freedoms, the Constitution of the Russian Federation, migrant workers, foreign citizens, democracy.

Будучи демократическим государством, Российская Федерация на конституционном уровне провозгласила и закрепила в качестве единственного источника власти ее многонациональный народ, который ее реализует, используя две общеизвестные формы народовластия. Основной Закон РФ закрепляет приоритет прав и свобод человека и гражданина в качестве основных принципов конституционного строя.

Универсальные международные акты, в свою очередь, также провозглашают и закрепляют избирательные права, тем самым формируя фундамент отечественного избирательного права. Так, Всеобщая декларация прав человека признает за каждым право на участие в управлении делами своей страны, используя при этом как форму непосредственного участия в управлении делами государства, так и форму представительного осуществления своей власти¹.

Вслед за Всеобщей декларацией прав человека Международный пакт о гражданских и политических правах признает «за каждым гражданином без какой бы то ни было дискриминации и без каких-либо необоснованных ограничений право и возможность принимать участие в ведении государственных дел как непосредственно, так и через свободно избранных представителей; голосовать и быть избранным на подлинных периодических выборах, производимых на ос-

нове всеобщего и равного избирательного права при тайном голосовании и обеспечивающих свободное волеизъявление избирателей»².

Государство, признавая и гарантируя избирательные права, на законодательном уровне устанавливает порядок осуществления этих прав.

Права и свободы человека и гражданина образуют единую целостную систему взаимосвязанных между собой прав и свобод, которые не существуют самостоятельно, в отрыве друг от друга. В науке конституционного права проводится классификация прав и свобод человека и гражданина по самым различным основаниям, и объясняется это тем, что на конституционном уровне не проводится четкой классификаций прав и свобод на различные группы. С. А. Авакян полагает, что закрепленные в Основном законе РФ права и свободы условно можно разделить на личные, политические, социально-экономические и духовно-культурные [1, с. 25].

Право избирать и быть избранным в РФ, как правило, относится к числу политических прав, поскольку связано с реализацией права на участие в осуществлении управления делами Российского государства.

1 Всеобщая декларация прав человека от 1 декабря 1948 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Избирательные права в силу своей непосредственной связи с гражданством относятся к политическим правам и свободам, которыми обладают только граждане Российской Федерации.

Характеризуя правовое положение иностранных граждан в РФ, необходимо отметить, что в отношении иностранных граждан действует принцип национального режима, который предполагает равное правовое положение иностранцев и граждан РФ, за некоторыми исключениями. Изъятия из национального режима касаются отдельных прав и свобод, которыми могут обладать только граждане РФ. Так, например, как было сказано выше, избирательные права и свободы принадлежат гражданам РФ, но это касается выборов в органы государственной власти РФ и ее субъектов, в то время как на местном уровне отдельная категория иностранных граждан наделена избирательными правами. Так, например, иностранный гражданин может избирать главу муниципального образования, либо участвовать в формировании представительного органа муниципального образования.

Характеризуя избирательные права иностранных граждан, необходимо отметить, что их правовое регулирование осуществляется довольно-таки широким перечнем универсальных международных правовых актов. Так, например, согласно Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей от 18 декабря 1990 г. трудящиеся-мигранты и члены их семей имеют право участвовать в общественной жизни государства своего пребывания, а также избирать и быть избранными в соответствии с законодательством этого государства³.

Некоторые авторы, характеризуя избирательные права, раскрывают структуру каждого из этих прав. В структуре активного избирательного права они выделяют такие правомочия, как «правомочие выдвижения других лиц в качестве кандидатов; правомочие на предвыборную агитацию; правомочие по осуществлению наблюдения за проведением голосования, например, в качестве наблюдателя на избирательном участке; правомочие голосовать за, против кандидатов или не голосовать вообще»⁴.

Таким образом, в структуре активного избирательного права они выделяют законодательно предусмотренную возможность граждан совершать юридически значимые активные действия по выдвижению кандидатов и, что немаловажно, при активном избирательном праве имеется в виду возможность граждан выдвигать кандидатами не самих себя (самовыдвижение), а других лиц.

Тогда как при пассивном избирательном праве гражданин обладает правомочиями по самовыдвижению, в частности, возможностью быть выдвинутым; быть зарегистрированным; правом агитировать за себя; правом голосовать.

Давая характеристику пассивному избирательному праву, необходимо отметить, что гражданин может быть выдвинут как по списочному, или групповому, выдвижению, так и в порядке индивидуального самовыдвижения.

Механизмом реализации пассивного избирательного права является возможность каждого гражданина Российской Федерации выдвинуть свою кандидатуру на выборах разного уровня публичной власти. Действующее законодательство предусматривает определенные особенности при

выдвижении кандидатов на пост высшего должностного лица субъекта РФ.

Как отмечает Л. А. Нудненко, применить активное избирательное право по федеральному избирательному округу могут только те граждане России, которые достигли ко дню голосования совершеннолетия достигшие на день голосования возраста 18 лет, не являются заключенными пенитенциарных учреждений по приговору суда и обладают дееспособностью [3, с. 58]. Это основные критерии возможности реализации активного избирательного права на территории нашей страны.

В одномандатном избирательном округе активным избирательным правом обладают граждане Российской Федерации, достигшие на день голосования возраста 18 лет, не содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда и не признанные судом недееспособными: если их место жительства расположено в пределах соответствующего одномандатного избирательного округа; если они зарегистрированы по месту пребывания на территории этого одномандатного избирательного округа не менее чем за три месяца до дня голосования и включены в список избирателей на основании их личного письменного заявления, поданного в соответствующую территориальную избирательную комиссию за 60-21 день до дня голосования, если они проживают или находятся за пределами Российской Федерации и приписаны к соответствующему одномандатному избирательному округу [2, с. 31].

Абсолютно все граждане России, обладающие активным избирательным правом, должны быть включены в списки избирателей. Избирательной комиссии надлежит проверять эти списки на предмет выявления прикрепления одного и того же избирателя в списках разных участков. В этом случае прерогативой избирательной комиссии является устранение этого нарушения.

Резюмируя все вышесказанное, необходимо отметить, что Российская Федерация является демократическим государством и, исходя из универсальных международных актов, самостоятельно закрепляет избирательную модель, устанавливая при этом границы реализации каждого избирательного права, которые могут быть как расширены, так и ограничены федеральным законодателем в целях защиты конституционно значимых ценностей.

Таким образом, можно сделать вывод, что Российская Федерация, признавая и гарантируя конституционные избирательные права, тем самым, признает и гарантирует составляющие его правомочия. Но при этом нельзя забывать о том, что, как и другие права и свободы, избирательные права также не являются абсолютными, то есть они осуществляются в определенных границах.

Пристатейный библиографический список

1. Авакьян С. А. Российский конституционализм: несколько тезисов о неотложных задачах // Юридический мир. 2015. № 2. С. 23-30.
2. Вискулова В. В. Конституционное право граждан избирать и быть избранными: к условности и динамичности основ // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 3. С. 31-38.
3. Нудненко Л. А. Принципы пассивного избирательного права: система и взаимодействие с конституционными правами и свободами личности в России // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 10. С. 53-58.

3 Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей от 18 декабря 1990 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4 Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ: в ред. от 28 дек. 2022 г. № 569-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

МАЛЬЦЕВА Светлана Николаевна

кандидат юридических наук, заведующая кафедрой уголовно-правовых и гуманитарных дисциплин Филиала Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Рязани

СУЛЕЙМАНОВ Талят Алиевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

РЕШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА И ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ВОПРОСАМ ОКАЗАНИЯ МЕДПОМОЩИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ МЕДПЕРСОНАЛА

В настоящее время Верховный Суд Российской Федерации должен выстраивать собственные правовые принципы по вопросам оказания медпомощи и ответственности медперсонала для того, чтобы регулировать указанные отношения в условиях новой реальности. Решения Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации обязательны на всей территории РФ, поэтому их решения должны заменить правовые положения ЕСПЧ. Защита прав человека становится предметом судебного рассмотрения для российского правосудия. Применительно к вопросу уголовной ответственности медработников, то Верховный Суд РФ исходит из того, что медицина должна быть эффективная, а при возникновении споров между медорганизацией и пациентом необходимо проводить объективное расследование, а результаты расследования должны быть доведены до пациента или его родственников.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, уголовная ответственность медработников, здравоохранение, охрана жизни и здоровья, осужденные.

MALTSEVA Svetlana Nikolaevna

Ph.D. in Law, Head of Criminal law and humanitarian disciplines sub-faculty of the Branch of the S. Yu. Witte Moscow University in Ryazan

SULEYMANOV Talyat Alievich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

DECISIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT AND THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION ON THE PROVISION OF MEDICAL CARE AND THE RESPONSIBILITY OF MEDICAL STAFF

Currently, the Supreme Court of the Russian Federation must build its own legal principles on the provision of medical care and the responsibility of medical staff in order to regulate these relations in the new reality. The decisions of the Constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation are binding on the entire territory of the Russian Federation; therefore, their decisions should replace the legal provisions of the ECHR. The protection of human rights becomes the subject of judicial review for Russian justice. With regard to the issue of criminal liability of medical workers, the Supreme Court of the Russian Federation proceeds from the fact that medicine should be effective, and in case of disputes between a medical organization and a patient, an objective investigation should be conducted, and the results of the investigation should be brought to the patient or his relatives.

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation, Supreme Court of the Russian Federation, criminal liability of medical workers, healthcare, life and health protection, convicts.

Конституционный Суд РФ защищает Конституцию РФ и подчеркивает идею суверенитета России. Разумеется, прежняя и настоящая практика ЕСПЧ учитывается Конституционным Судом РФ для выработки собственных правовых позиций, основанных на верховенстве закона и правового государства [1, с. 6]. Теперь для получения ответа на вопросы по защите прав человека суды общей юрисдикции вправе обращаться в Конституционный Суд РФ за правовыми разъяснениями. Будет ли российская правовая система учитывать нормы международного или европейского права в качестве источника права покажет будущее. Но в любом варианте за гражданами РФ сохраняется право на здоровье (ст. 41 Конституции РФ), соответственно государство берет на себя обязанность по соблюдению и защите этого права. А это означает реформирование системы здравоохранения и совершенствование правовой системы, регулирующей отношения в сфере оказания медицинских услуг и медпомощи, медицинского обслуживания населения.

Отношение медперсонала к обслуживанию пациентов, к оказанию медпомощи нуждается в качественном улучшении. Сейчас трудно предположить беспристрастность медперсонала по предоставлению медпомощи и получения качественного лечения в медорганизации для всех без исключения. Прошедшая пандемия 2020-2022 годов показала результативность и селекционность отечественной медицины. Государство и медорганизации, медперсонал обязаны предоставлять доступ на получение качественной медпомощи для всех, без какой-либо дискриминации. Это есть назначение здравоохранения и к этому надо стремиться.

Лицам, находящимся под стражей, осужденным к лишению свободы, в том числе несовершеннолетним гражданам должна оказываться необходимая и своевременная медицинская помощь, ввиду того что указанная категория

лиц лишена свободы и не может сама принять мер для получения медицинской помощи. На государство возлагается обязанность обеспечения медицинской помощи лицам, находящимся под стражей. Отмеченная обязанность возлагается на государство и в том случае, если осужденные объявили голодовку, совершили членовредительство. Тяжелобольные осужденные (например, онкобольные 4 стадией) подлежат немедленному освобождению от отбытия наказания, если нет возможности оказания больному в условиях лишения свободы эффективного медицинского лечения [2, с. 21]. Подозреваемые, обвиняемые, находящиеся под стражей, если они до заключения под стражу получали медикаментозную терапию (в том числе и паллиативную помощь) и по решению врача она носит непрерывный характер, то в условиях лишения свободы получение терапии должно быть продолжено, ибо в противном случае это приведет к ухудшению здоровья лица, лишенного свободы. Недопустимым является отказ в медицинской помощи по религиозным убеждениям осужденного. Лица, лишенные свободы, должны иметь возможность получения ксерокопии карты больного, им обеспечивается защита персональных данных пациента. Иностранцы граждане, отбывающие наказание в виде лишения свободы, и получавшие медикаментозную терапию в период наказания, после освобождения подлежат депортации в государство, гражданином которого он является. Указанный иностранный гражданин не вправе требовать отсрочки депортации с целью продолжения получения медицинской помощи.

При оказании медицинской помощи пациенту, ему гарантируется защита персональных данных [3, с. 129]. Установление факта халатности в оказании медицинской помощи обязывает государство обеспечить пациенту или лицу, представляющего его интересы, правовую помощь в рамках

уголовного и гражданского судопроизводства, причем разбирательство необходимо провести оперативно, без волокиты.

Применение принуждения в медицине должно быть обусловлено сохранением физического и психического здоровья пациента, защиты населения от болезней, вирусов, эпидемий, применение мер принуждения в этих условиях не могут оцениваться как нарушение прав человека. Осуществление медицинского вмешательства против воли пациента, в том числе и принудительное гинекологическое обследование женщины без ее согласия, оценивается как противоправное вмешательство в частную жизнь человека [4, с. 16]. Задача государства заключается в том, чтобы обеспечить безотлагательную и правильную постановку диагноза и обеспечить надлежащий уход за больным.

В 2011 году ЕСПЧ констатировал нарушение Конвенции о защите прав человека в России в связи с дискриминацией по признаку состояние здоровья. Речь идет о высылке ВИЧ-инфицированных иностранных граждан из Российской Федерации без учета наличия у них семейных и личных связей в России. В 2015 году эта ситуация получила частичное разрешение, при наличии зарегистрированного брака или детей, являющихся гражданами России, ВИЧ-инфицированным иностранным гражданам разрешается пребывание и проживание в Российской Федерации.

Недопустимо испытание препаратов на человеке без его согласия, когда пациенту в общих словах предлагают подписать формальность, его согласие на лечение и возможный риск осложнений. А при наступлении тяжелых последствий заявлять, что пациент или его родственники были предупреждены и сами дали согласие на лечение. Хитрость заключается в том, что когда предлагают подписать согласие, медперсонал заявляет, если согласие не даете, то медпомощь не оказываем, а если даете согласие на лечение, то все риски принимает пациент. А где ответственность медперсонала? Нам представляется, что время расписок на согласие получения медпомощи прошло. Требуется составление гражданско-правового договора на оказание медпомощи, где обязательно должны быть расписаны права и обязанности сторон. Пациент добровольно и на основе достаточно полученной информации принимает решение на оказание ему медпомощи, что гарантирует пациенту право на участие в принятии решений медицинского характера и возлагает на медицинских работников соответствующие функции и обязанности. К сожалению, подобное имеет место только в частной медицине, в страховой медицине, которым пользуются основная масса населения, такого нет. Исключение из сказанного составляет принудительное лечение лиц, страдающих психическими расстройствами, что является исключением из общего правила о недопустимости медицинского вмешательства без добровольного, осознанного и информированного согласия.

Пациент медорганизации как-то должен быть уверен, что ему поставили правильный диагноз, разъяснили наличие заболевания, указали возможные варианты лечения. Судебная практика по atrocious преступлениям показывает, что нередки случаи доставления пациента в медорганизацию, где не могут поставить точный диагноз, но предпринимают меры оказания медпомощи. В целом, проблемы здравоохранения известны не только специалистам, но и рядовым гражданам, как получателям медпомощи. Для сравнения, мы добиваемся совершенствования правовой системы, регулирующей отношения в сфере оказания медицинских услуг и медпомощи, медицинского обслуживания населения, а для ориентира в некоторых государствах законодатели уже регулируют защиту прав человека в области биоэтики и биомедицины, генетического наследия человека [5, с. 72].

В вопросе предоставления медицинских услуг современная правовая точка зрения выражается в следующих тезисах:

– медперсонал должен стремиться к получению максимального результата в своей деятельности. Но медперсонал не обязан во всех ситуациях, связанных с оказанием медпомощи, гарантировать достижение положительного эффекта ввиду невозможности достижения положительного результата во всех случаях. Все-таки пределы медицины носят ограниченный характер;

– договор на оказание медпомощи между медорганизацией и пациентом, налагает на медорганизацию и медперсонал определенные обязанности по предоставлению стандарта лечения, но никак не означает обязанности достичь полного излечения пациента. Медперсонал оказывает медпомощь пациенту согласно стандарту лечения, которое должно привести к улучшению состояния здоровья или не

допустить ухудшение состояния здоровья пациента. При этом медперсонал должен принимать во внимание все обстоятельства болезни пациента;

– обязанности медперсонала по оказанию медпомощи носят обобщенный характер без высокой степени детализации, оставляя определенную свободу для врачебного усмотрения;

– при принятии решения об оказании медпомощи медперсонал действует в сложившейся конкретной обстановке учитывает различные обстоятельства, поэтому выбор варианта лечения и наступившие негативные последствия не могут быть поставлены в вину медперсонала, если их действия соответствовали требованиям медицинской науки и практики;

– риск наступления неблагоприятных последствий для пациента существует в каждом случае оказания медпомощи, задача медперсонала устранить потенциальные риски либо снизить вероятность их наступления. Если неблагоприятные последствия наступили, то медорганизация приводит обоснования того, что все предпринятые меры проводились своевременно и в соответствии со стандартом лечения;

– при заключении договора об оказании медпомощи медперсонал в доступной форме сообщает о состоянии здоровья пациента, о возможных угрозах и рисках, вероятности улучшения состояния здоровья пациента для того, чтобы пациент или его близкие приняли решение о возможности получения медпомощи, но в любом случае отказ в медпомощи недопустим. Невыполнение перечисленных требований должно расцениваться как дефект предоставления медицинской помощи.

Вывод по настоящей статье можно сформулировать в следующих тезисах: медицинское и юридическое научное сообщество не пришло к единому пониманию врачебной ошибки и ответственности медперсонала за последствия допущенной ошибки. Также отсутствуют закрепленные в нормативных актах, критерии оценки дефектов медицинской помощи и врачебной ошибки. Медицинские работники выступают субъектом преступления, если в результате их неосторожных действий причинен тяжкий вред здоровью или наступила смерть пациента. Применительно к вопросу уголовной ответственности медработников, то Верховный Суд РФ исходит из того, что медицина должна быть эффективная, а при возникновении споров между медорганизацией и пациентом необходимо проводить объективное расследование, а результаты расследования должны быть доведены до пациента или его родственников.

Пристатейный библиографический список

1. Князев С. Д. Обязательность постановлений ЕСПЧ в правовой системе России (на основе практики конституционного суда Российской Федерации) // Журнал российского права. - 2016. - № 12 (240). - С. 6.
2. Обзор практики Европейского суда по правам человека. «Вопросы принудительного медицинского вмешательства и неоказания медицинской помощи» 2013-2020 гг. - С. 21.
3. Чеботарева Г. В. Уголовная ответственность медицинских работников за профессиональные правонарушения: историко-правовые аспекты. Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского // Юридические науки. - 2015. - № 1 (67). - С. 129.
4. Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на охрану здоровья. - М. 2019. - С. 16.
5. Дедов Д. И., Гаджиев Х. И. Комментарий к решению Большой палаты Европейского суда по правам человека от 15 сентября 2021 г. по запросу о вынесении консультативного заключения в соответствии со статьей 29 Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. - 2022. - Т. 18. № 1. - С. 70-79.

АБДУЛАЗИЗОВА Патимат Гасановна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала

ГАДЖИЕВА Халисат Валерьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В СВЕТЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматривается обновленная в соответствии с принятыми в 2020 году поправками к Конституции РФ конституционная модель местного самоуправления, анализируются проблемы новаций, перспективы применения их на практике. Обращается внимание на дополнение статьи 132 Конституции РФ частью 3. Говорится, что новые тенденции в российском законодательстве в значительной степени размывают автономию местного самоуправления. Результатом исследования стали выводы о том, что внесенные в Основной закон изменения направлены на централизацию вертикали власти, еще более глубокую интеграцию местного самоуправления в структуру государственного управления.

Ключевые слова: конституционная реформа, местное самоуправление, публичная власть, Президент России, законодательство.

ABDULAZIZOVA Patimat Hasanova

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and administrative law sub-faculty of the North Caucasian Institute of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala

GADZHIEVA Khalisat Valerjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and administrative law sub-faculty of the North Caucasian Institute of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala

LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE LIGHT OF CONSTITUTIONAL REFORM IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND PROSPECTS

The article examines the constitutional model of local self-government updated in accordance with the amendments to the Constitution of the Russian Federation adopted in 2020, analyzes the problems of innovations, prospects for their application in practice. Attention is drawn to the addition of Part 3 of Article 132 of the Constitution of the Russian Federation. It is stated that new trends in Russian legislation largely erode the autonomy of local self-government. The study resulted in the conclusions that the amendments made to the Basic Law are aimed at centralization of the vertical of power, even deeper integration of local self-government into the structure of public administration.

Keywords: constitutional reform, local self-government, public authority, President.

В России местное самоуправление является основополагающим институтом конституционного права. Конституционные основы данного института претерпели существенную коррекцию в ходе недавнего конституционного реформирования. В тексте Конституции Российской Федерации появилось множество изменений¹, которые коснулись также статуса органов местного самоуправления. Внесение в Конституцию РФ поправок обусловлено созданием в России единой системы публичной власти, включающей органы местного самоуправления и органы государственной власти [7, с. 40]. Поправки вступили в силу в июле 2020 года. В контексте настоящей статьи хотелось бы обратить внимание на то, что единая публичная власть – новый конституционный тренд.

Однако, полагаем, что поправки не улучшили Конституцию РФ, а, наоборот, привели к возникновению многочисленных противоречий и недоработок.

Прежде всего надо отметить существование серьезных противоречий внутри текста Конституции, например, между статьей 12 Конституции и реформированной главой 8 «Местное самоуправление» [1, с. 36].

В главе 8 «Местное самоуправление» было изменено три статьи из четырех. Особо значимым представляется положение,

касающееся определения органов местного самоуправления в качестве части единой системы публичной власти в РФ. Так, в статью 132 была добавлена часть 3, а статья 133 создана в новой редакции. В третьей части статьи 132 определяется задача, связанная с разработкой всевозможных механизмов взаимодействия органов государственной власти с органами местного самоуправления с целью повышения качества жизни граждан. Однако, как отмечает Д. Ф. Хубаева, «данная формулировка не содержит уточнения о том, что такое взаимодействие возможно лишь в рамках переданных органам местного самоуправления отдельных государственных полномочий» [10, с. 56]. Думается, что эти проблемы должны быть в дальнейшем урегулированы на законодательном уровне, для чего требуется длительное время.

Профессор С. И. Некрасов отмечает, что «часть 3 ст. 132 Конституции РФ в новой редакции однозначно закрепила включенность органов местного самоуправления в единую систему публичной власти» [6, с. 124]. Как полагает профессор Р. М. Усманова, эта норма является основной, на основе которой станет развиваться местное самоуправление в системе публичной власти [9, с. 58].

Следует также отметить новое положение об участии органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления, назначении и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления (пп. 1.1 ч. 1 статьи 131). Это положение об ограничении самостоятельности органов местного самоуправления, хотя и не иска-

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

жает конституционную природу местного самоуправления, но является дискуссионным и требует детального изучения со стороны ученых.

Проблемой является то, что органами местного самоуправления, в сущности, утрачивается самостоятельность при разрешении вопросов местного значения. Тогда как, по мнению профессора С. А. Авакьяна, «организационная самостоятельность – это конституционный императив, нарушение которого ставит под угрозу местное самоуправление как таковое...» [4, с. 178]. С точки зрения Н. Г. Полякова, «непосредственное участие органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления» следует считать ограничением их организационной самостоятельности [8, с. 58]. Критически относится к такому участию также Л. Т. Чихладзе, который отмечает, что действительно опасным следует считать реальное встраивание местного самоуправления в государственную вертикаль власти [11, с. 147].

Хотелось бы подчеркнуть, что местное самоуправление выступает не только в качестве звена публичной власти, но и в качестве института гражданского общества, при ограничении самостоятельности которого невозможно построить правовое государство.

С точки зрения А. И. Мурашкинцевой, с которой следует согласиться, «указанные тенденции уводят развитие муниципальной власти в иную плоскость, максимально отдаляя институт местного самоуправления в России от его изначальной идеи – автономии и народовластия» [5, с. 97].

По мнению Д. В. Галкина, данные нововведения свидетельствуют «о законодательных попытках возвращения к принципу соподчиненности по линии исполнительной власти, т.е. по сути превращения местного самоуправления в придаток государственной власти» [2, с. 120].

Соглашаясь с мнением ученых, отметим, что представляется целесообразным анализ обоснованности государственного участия в создании муниципальных органов власти и оснований для ограничения последних в организационной самостоятельности. Как представляется, внесенные в Основной закон изменения направлены на централизацию вертикали власти, еще более глубокую интеграцию местного самоуправления в структуру государственного управления.

Мы полагаем, что для реализации внесенных в российскую Конституцию изменений, касающихся местного самоуправления, необходимы дополнительные законодательные меры, которые будут способствовать такому взаимодействию с сохранением самостоятельности местного самоуправления.

Считаем, что применение на практике нововведений в соответствии с поправками к Конституции, внесенным в ст. 132 и 133 приведет к существенным изменениям не только федерального законодательства, но и конституций, уставов, законов и других нормативных актов субъектов РФ, муниципальных правовых актов для приведения их в соответствие с Конституцией. Также потребуются провести множество различных мероприятий для их реализации в регионах и муниципальных образованиях [3, с. 108].

В заключение сделаем выводы.

Одной из целей конституционной реформы в нашей стране следует назвать определение органов местного самоуправления в качестве части единой системы публичной власти в РФ в интересах проживающего здесь населения.

Внесенные в Основной закон изменения направлены на централизацию вертикали власти, еще более глубокую интеграцию местного самоуправления в структуру государственного управления.

Полагаем, что тенденция к усилению вертикали государственной власти является объективной, так как связана с многовековыми традициями централизации государственного управления в России, в связи с чем предложенные Президентом России дополнения статьи 132 новой частью 3 и изменения, внесенные в статью 133 Конституции РФ, следует считать обоснованными, однако для обновления отечественного местного самоуправления их недостаточно.

Однако новые тенденции в российском законодательстве в значительной степени размывают автономию местного самоуправления. Полагаем, что в связи с новыми тенденци-

ями в законодательстве самостоятельность органов местного самоуправления все больше становится фикцией. Местное самоуправление, встраиваемое сегодня в государственный механизм, теряет свой истинный смысл и предназначение.

Несмотря на тесную связь местное самоуправление, встраиваемое сегодня в государственный механизм, теряет свой истинный смысл и предназначение.

Участие органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления и назначении его должностных лиц, являясь, по сути, ограничением принципа организационной самостоятельности муниципальной власти, должно быть обосновано объективными обстоятельствами, оправдывающими такое ограничение, к примеру, на территории муниципального образования объектов особого государственного значения, придание ему специального правового статуса, недостаточную обеспеченность органов местного самоуправления кадровыми ресурсами.

Пристатейный библиографический список

1. Боброва Н. А. Этапы реформирования конституции России: пятого раунда не будет? // Юридический вестник ДГУ. – Т. 38. – 2021. – № 2. – С. 34-38.
2. Галкин Д. В. Конституционная реформа 2020 года и местное самоуправление: проблемы и перспективы // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 16. – С. 115-122.
3. Ильченко А. Г., Мизерий А. И. Некоторые аспекты взаимодействия органов местного самоуправления с органами государственной власти в свете конституционной реформы 2020 года // Конституция России и развитие законодательства: сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции. – Нижний Новгород, 2022. – С. 102-109.
4. Муниципальное право России: учебник / Отв. ред. С. А. Авакьян. – Москва: проспект, 2020. – 656 с.
5. Мурашкинцева А. Н. Местное самоуправление как элемент механизма государства в свете конституционной реформы 2020 года // Проблемы и перспективы развития местного самоуправления в Российской Федерации и зарубежных странах: сборник материалов Всероссийской конференции с международным участием / Под ред. Л. Т. Чихладзе, Е. Ю. Комлева. – Москва, 2022. – С. 93-98.
6. Некрасов С. И. Концепция сочетания местного самоуправления и местного государственного управления в свете конституционной реформы 2020 г // Уральский Форум конституционалистов. материалы седьмого Уральского Форума конституционалистов. – Екатеринбург, 2022. – С. 123-132.
7. Степанов М. М. Местное самоуправление в контексте конституционной реформы 2020 года // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. № 5 (126). – С. 35-41.
8. Полякова Н. Г. К вопросу об организационной самостоятельности органов местного самоуправления // Вестник Донецкого национального университета. Сер.: Юридические науки. – 2020. – № 3. – С. 57-64.
9. Усманова Р. М. Местное самоуправление в системе публичной власти // Развитие права и государства в свете конституционной реформы: сборник научных трудов научно-практических и методологических семинаров юридического факультета Стерлитамакского филиала БашГУ / Отв. ред. Р. М. Усманова. – Стерлитамак, 2022. – С. 57-59.
10. Хубаева Д. Ф. Местное самоуправление в свете конституционной реформы 2020 года // Очерки новейшей камералистики. – 2021. – № 2. – С. 54-58.
11. Чихладзе Л. Т., Бабаева Ю. Г. Рациональная интеграция как важная тенденция развития местного самоуправления в Российской Федерации в свете конституционной реформы 2020 г // Уральский Форум конституционалистов: материалы седьмого Уральского Форума конституционалистов. – Екатеринбург, 2022. – С. 140-149.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-4-179-109-110

ШМЕЛЕВ Иван Валерьевич

кандидат юридических наук, ассистент кафедры административного и финансового права Юридического института Российского университета дружбы народов

МУРАТОВА Елена Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Юридического института Российского университета дружбы народов

НЕНАДЛЕЖАЩЕЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК ПРЕДПОСЫЛКА АДМИНИСТРАТИВНОГО КОНФЛИКТА И ОСНОВАНИЕ ДЛЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО СПОРА

Представленное исследование является глубокой и комплексной формой, обобщающей полученные на протяжении 5 лет результаты изучения англосаксонской административной юстиции. В данной статье акцентируется внимание на отличительных чертах описываемого института, а также проблемных аспектах отдельных его частей. Авторами проиллюстрированы самые характерные примеры из судебной практики, а также рассмотрены правовые доктрины и действующие законы для более тонкого понимания нюансов англосаксонской правовой системы.

Ключевые слова: англосаксонская правовая семья, административная юстиция, административные трибуналы, судебный контроль за публичной администрацией, принципы государственного управления, ненадлежащее управление.

SHMELEV Ivan Valerjevich

Ph.D. in Law, assistant of Administrative and financial law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

MURATOVA Elena Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

IMPROPER MANAGEMENT AS A PREREQUISITE FOR AN ADMINISTRATIVE CONFLICT AND THE BASIS FOR AN ADMINISTRATIVE DISPUTE

The presented research is a deep and complex form summarizing the results of the study of Anglo-Saxon administrative justice obtained over 5 years. This article focuses on the distinctive features of the described institute, as well as the problematic aspects of its individual parts. The authors illustrate the most characteristic examples from judicial practice, as well as consider legal doctrines and current laws for a more nuanced understanding of the nuances of the Anglo-Saxon legal system.

Keywords: Anglo-Saxon legal family, administrative justice, administrative tribunals, judicial control over public administration, principles of public administration, improper management.

1. В настоящее время отсутствует единая база данных о решениях, принятых органами государственного сектора, а также о спорах, успешно разрешенных до обращения в суды. Это затрудняет определение того, где существуют подлинные области, вызывающие трудности на этапе принятия решения, или где имеется надлежащая управленческая практика, которая оказывала положительное влияние на процесс принятия решения. Это также не позволяет определить, какая из сфер апелляции может быть наиболее эффективной и действенной с точки зрения осуществления и защиты людьми своих прав.

На наш взгляд необходимо создать надежные сквозные данные об объемах решений, включая те, которые не были оспорены, и о затратах, связанных со всем процессом и использовать информацию для выявления потенциальных системных проблем и обоснования целенаправленных действий. Затем – оценить существующие механизмы обратной связи в приоритетных областях для установления наилучшей управленческой практики.

2. В целом, ненадлежащее управление возникает по целому ряду различных причин, таких как навыки и подготовка лиц, принимающих первоначальные решения, и среда, в которой они работают. Лица, принимающие решения, могут находиться под давлением, от них могут требовать быстрого принятия решений, или им не хватает надлежащего руководства. Иногда «культура» принятия решений может оказывать негативное влияние. Например, долгое время утверждалось, что принятие иммиграционных решений основывается на культуре неверия. Обращение к системам обжалования для исправления неправильных первоначальных решений является дорогостоящим, неэффективным и источником стресса и трудностей для заявителей.

Чтобы повысить качество работы государственных органов и процесса принятия ими решений, государственные органы должны стать обучающимися организациями, кото-

рые стремятся улучшить свою работу, учась на своих ошибках. Организационное обучение – это область знаний в области теории организации, которая изучает модели и теории о том, как организация учится и адаптируется. В контексте государственного сектора организационное обучение было определено как «способность организации продемонстрировать, что она может учиться коллективно, применяя новые знания к политическому процессу или инновации в реализации политики» [1].

Организационное обучение происходит, когда отдельные сотрудники государственной организации сталкиваются с несоответствием между предполагаемыми и фактическими результатами и выясняют это от имени организации. Данный тип обучения направлен на выявление причин несоответствия и способов реструктуризации деятельности и поведения таким образом, чтобы снизить риск повторного возникновения такого несоответствия. Чтобы стать организационным, обучение и понимание, полученные в результате исследования, должны стать достоянием не только отдельных чиновников внутри государственного аппарата; скорее, это должно быть встроено в культуру и внутренний распорядок¹.

3. Превентивные меры на уровне норм права должны включать принципы деятельности служащего-должностного лица, не являющиеся служебной этикой. Речь идет о принципах, влияющих на принятие решения, методологию и оценку качества работы, которые в свою очередь должны отражаться в виде соразмерного изменения премий и доплат, а также служебного роста.

1 Подробнее R. Thomas, 'Administrative Justice, Better Decisions, and Organisational Learning' UK Const. L. Blog (9th September 2014). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ukconstitutional-law.org>.

Административная юстиция имеет элементы как *ex ante*, так и *ex post*. Решения должны быть не только обоснованными и открытыми для оспаривания после того, как они были приняты, но и должны быть рассмотрены механизмы, позволяющие вовлечь соответствующие стороны в политические процессы до принятия решений, особенно до достижения стадии, когда инвестиции во время и ресурсы означают, что вероятность выработки политических направлений невелика и сделанное подлежит отмене [2].

С точки зрения влияния на судебный процесс с целью его объективизации можно добавить элемент возможного участия со стороны членов экспертного сообщества и обсуждение на общественных советах

Принцип открытости также подразумевает обязательство лиц, принимающих решения, давать объяснения и обоснования своей деятельности.

4. Формулирование причин для действий или бездействия должностных лиц государственного аппарата полезно для административной юстиции во многих отношениях. Это не только помогает разработке стандартов и принципов, но и поощряет лиц, принимающих решения, проявлять большую осторожность и обдумывать цели действий, а также обеспечивает основу для критики и облегчает оспаривание решений, которые кажутся произвольными.

Обеспечение эффективных процессов, в частности, для рассмотрения жалоб и предварительного участия в принятии решений, помогает обеспечить развитие законного и подотчетного правительства, способного удовлетворять потребности административного правосудия

5. Административные решения должны приниматься в рамках принципа, а не прагматизма. Ожидания от административной юстиции могут быть оправданы только системой, которая создает такое положение дел, которое стремится обеспечить законность принятия государственных решений посредством предоставления процедур для надлежащего уровня участия общественности в процессах принятия решений, а также для рассмотрения жалоб, когда граждане желают оспорить решения, принятые по их имени.

Также в этом ключе важен такой принцип государственного управления как гласность – должен охватывать процесс принятия решений от разработки политики до ее реализации, ее воздействия на отдельных лиц и мониторинга или обзора ее функционирования.

6. Также важным моментом является отделение терминов ненадлежащее/недобросовестное управление и халатность в процессе исполнения должностным лицом своих обязанностей. Халатность связана с отсутствием ожидаемого разумного и добросовестного поведения ввиду пренебрежения своими обязанностями или невнимательности.

Термин «неправильное/ненадлежащее управление» (*maladministration*) представляет собой комбинацию двух слов: «неправильный» и «администрация». Согласно юридическому словарю Блэка², термин «mal» – это приставка, означающая плохой, неправильный, мошеннический. Таким образом, хотя перед термином «администрирование» стоит префикс, он может означать плохое, неправильное или мошенническое администрирование. Однако путаница все еще существует; определение действий или практики, которые представляют собой плохое управление, является еще одной проблемой. Консенсус может быть достигнут не в отношении точного значения неправильного управления между различными юрисдикциями. Принимая во внимание уровень их экономических, социально-культурных и политических реалий, юрисдикции они могут по-разному понимать вопрос о том, что представляет собой плохое управление или его противоположность хорошему управлению, поскольку уровень эффективности и действенности администрации, в свою очередь, может варьироваться из-за различий в их людских и физических ресурсах как с точки зрения качества и количества.

Эти случаи включают обстоятельства, при которых действие:

– по-видимому, противоречит закону

– было необоснованным, несправедливым, репрессивным или ненадлежащим дискриминационным;

– было в соответствии с правилом закона, но это правило является необоснованным, несправедливым, репрессивным или ненадлежащим образом дискриминационным;

– было основано полностью или частично на ошибке закона или факта;

– чиновник был в остальном, при всех обстоятельствах, неправ; или

в ходе принятия мер дискреционные полномочия были осуществлены с ненадлежащей целью или по не относящимся к делу основаниям.

Помимо прочего неспособность смягчить последствия жесткого следования букве закона, приводящие к явно несправедливому обращению в практике омбудсменов, также считается ненадлежащим управлением³.

Если, к примеру, в административной жалобе утверждается о небрежности не в принятии дискреционного решения совершить какое-либо действие, а в практическом способе, которым это действие выполняется, вопрос о том, существует ли обязанность проявлять осторожность, должен решаться путем применения обычных принципов деликта (предсказуемость, непосредственность, разумность обязанности соблюдать должную осторожность).

Однако данные принципы не могут быть применены, если их соблюдение несовместимо с надлежащим выполнением публичной властью своих установленных законом обязанностей или имеет тенденцию препятствовать им.

7. Немаловажным вопросом считается имеет ли значение, является ли злой умысел при принятии решения существенным компонентом ненадлежащего управления, или простого знаний о том, что полномочия были превышены, достаточно для того, чтобы ущерб был соотнесен с должностным проступком.

Имеется в виду то, что правонарушение, связанное с ненадлежащим исполнением служебных обязанностей, требует преднамеренного и нечестного неправомерного злоупотребления полномочиями и может быть установлено двумя способами:

(а) когда государственное должностное лицо совершило или не совершило действие с целью причинения вреда истцу (целенаправленный злой умысел); или

(б) когда он совершил действие, которое, как он знал, у него не было полномочий совершить и которое, как он знал, причинило бы вред истцу.

Можно предположить, что того, что полномочия принимать решение отсутствуют, и как следствие, административные действия нанесут ущерб истцу, будет достаточно для квалификации деяния в качестве проступка с последующим взысканием ущерба.

8. В целом для улучшения предоставления государственных услуг и выполнения государственных функций необходимо чтобы на регулярной основе проводилась работа по укреплению процессов внутреннего аудита, инспектирования, а также повышение эффективности механизмов возмещения ущерба и извлечение организационного опыта из жалоб и апеллирующих частных лиц.

Также известно, что одной из ключевых областей, в которых необходимо разобраться, является размещение целеуказателей и схем: мы не можем ожидать, что система будет работать эффективно, если пользователи системы административной юстиции не знают, какие у них есть варианты, что им нужно сделать, чтобы продолжить свои дела, и как ориентироваться в системе.

Пристатейный библиографический список

1. Common R. Organizational Learning in a Political Environment // Policy Studies. – № 25. – 2004. – P. 35, 37.
2. Diane Longley and Rhoda James. Administrative justice: central issues in UK and European administrative law. Faculty of Law, The University of Sheffield – P. 4.

3 Ombudsman Act 1976. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2020C00043>.

2 Black's Law Dictionary, 6th Ed.

КУЛАКОВ Николай Андреевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России

ТЕМНИКОВ Алексей Юрьевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административной деятельности ОВД Санкт-Петербургского университета МВД России

ЕРМОЛАЕВ Вячеслав Геннадьевич

доцент кафедры административной деятельности ОВД Санкт-Петербургского университета МВД России

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ГОСУДАРСТВЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО СЛУЖАЩЕГО

В статье рассматривается административно-правовой статус государственного гражданского служащего, а также проблемы реализации его отдельных элементов. В частности, внимание авторов акцентируется на законодательном регулировании медицинского страхования государственных гражданских служащих. По результатам проведенного исследования авторы приходят к выводу о необходимости принятия отдельного федерального закона, регулирующего единые правовые, организационные и экономические основы медицинского страхования государственных гражданских служащих РФ и членов их семей.

Ключевые слова: служебное право, публичная служба, государственная гражданская служба, правовые гарантии, административно-правовой статус.

KULAKOV Nikolay Andreevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Administrative law sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

TEMNIKOV Alexey Yurjevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Administrative activities of internal affairs bodies sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

ERMOLAEV Vyacheslav Gennadjevich

associate professor of Administrative activities of internal affairs bodies sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

SOME PROBLEMS IN IMPLEMENTING THE ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS OF A STATE CIVIL SERVANT

The article considers the administrative and legal status of a civil servant, as well as the problems of implementing its individual elements. In particular, the attention of the authors is focused on the legislative regulation of health insurance for public civil servants. According to the results of the study, the authors come to the conclusion that it is necessary to adopt a separate federal law regulating the unified legal, organizational and economic foundations of health insurance for state civil servants of the Russian Federation and their families.

Keywords: official right, public service, public civil service, legal guarantees, administrative and legal status.

Наличие системы государственной службы является необходимым условием реализации государственного управления. Посредством этой системы реализуется государственная власть, организуются и упорядочиваются общественных отношения во всех сферах общественной жизни. При этом институт государственной гражданской службы представляет собой одну из непосредственных форм участия граждан в делах государства и призван обеспечить реализацию конституционно закрепленных идей и принципов правового государства в РФ.

Система государственной службы является основой государственного управления. Посредством этой системы реализуется государственная власть, организуются и упорядочиваются общественных отношения во всех сферах общественной жизни. Государственные служащие обеспечивают реализацию государственных функций в военно-политической области (в том числе в области безопасности), социально-экономической и культурно-духовной сферах общественной жизни.

Совокупность правовых норм, регламентирующих прохождение государственной гражданской службы, и государственной службы в целом, образуют служебное право. В научной среде имеет место дискуссия относительно места служебного права в системе российского права. По нашему мнению, служебное право, регулирующее организацию как государственной, так и муниципальной службы, представляет собой подотрасль административного права.

По мнению ведущих специалистов, теория современного административного права, в том числе и служебного права, должна формироваться в соответствии с целями и задачами правового государства, которые определяют само предназначение публичного управления [3, с. 42]. Публичная служба, как предмет регулирования самостоятельной подотрасли административного права – служебного права, не является исключением в этом смысле. Правовое регулирование реализации публичной службы не просто должно соответствовать принципам правового государства. Высшей миссией деятельности публичных служащих должно быть воплощение в жизнь идей социально справедливого правового государства, защита прав, свобод и законных интересов различных субъектов права от посягательств.

Система государственной гражданской службы, как и любая иная социальная система, характеризуется уникальной особенностью – её первичным элементом является человек. Качество государственной гражданской службы, а следовательно, государственного управления, достижение поставленных государством целей и решение необходимых для этого задач ключевым образом зависит от непосредственной реализации конкретным должностным лицом его функций. Таким образом, эффективность государственной гражданской службы, являющаяся необходимым условием реализации принципов правового государства, обеспечения социальной справедливости и благополучия граждан, в зна-

чительной степени зависит от личных и профессиональных качеств государственного гражданского служащего.

Важной составляющей статуса государственного гражданского служащего непосредственно связанной с престижностью гражданской службы и её качеством, являются его социальные гарантии. Особые требования к поведению служащего (как в служебное время, так и во время отдыха), комплекс законодательных ограничений и запретов должны «уравновешиваться» социальными гарантиями. Со стороны служащего такие гарантии должны восприниматься как реальные стимулы для многолетней службы и добросовестного исполнения служебных обязанностей.

Социальные гарантии должны быть адекватны тем лишениям, на которые соглашается гражданин, поступая на государственную службу. Служащий существенно ограничен в возможности получить дополнительный внеслужебный доход и фактически удовлетворяет разнообразные жизненные потребности за счет заработной платы служащего. В связи с этим важно гарантировать служащему большей объем социальных гарантий, чем для граждан без соответствующего специального статуса. Поэтому реализация статуса государственного гражданского служащего в части его социальных гарантий – одна из ключевых проблем служебного права.

Вместе с тем современное состояние административно-правового регулирования государственной гражданской службы в РФ характеризуется наличием проблем реализации статуса государственных служащих в части социальных гарантий. Указанные проблемы носят многоаспектный характер, связаны с различными элементами административно-правового статуса гражданского служащего и лежат в плоскости медицинского страхования государственных гражданских служащих [1, с. 25], их жилищного [2, с. 25], пенсионного обеспечения [4, с. 38] и др.

Государственные гарантии закрепляются законодательством о государственной гражданской службе в целях обеспечения правовой и социальной защищенности гражданских служащих, повышения мотивации эффективного исполнения ими своих должностных обязанностей, укрепления стабильности профессионального состава кадров гражданской службы и компенсации установленных ограничений. (Ст. 52 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О государственной гражданской службе Российской Федерации»).

Необходимо отметить, что данный законодательный акт предусматривает особый подход к медицинскому страхованию и принятие отдельного федерального закона о медицинском страховании государственных служащих РФ. Однако до настоящего времени какие-либо законодательные акты федерального уровня в развитие положений о страховании гражданских служащих приняты не были [2, с. 25].

Отсутствие специального законодательного акта о медицинском страховании государственных гражданских служащих, безусловно, является правовым пробелом, препятствующим реализации статуса государственного служащего. Отсутствие специального законодательного регулирования, конкретизирующего право гражданских служащих на медицинское страхование для него и членов его семьи (в том числе после выхода на пенсию), формы и порядок реализации данного права предопределяют фактические проблемы при реализации данного права. Высказанный тезис подтверждается судебной практикой, когда государственным гражданским служащим приходится в судебном порядке доказывать свое право на бесплатное медицинское обслуживание¹.

Что касается особенностей медицинского обеспечения гражданских служащих субъектов РФ, то в условиях отсутствия единого федерального закона о медицинском страховании гражданских служащих указанные вопросы решаются в зависимости от уровня экономического благосостояния региона путем установления субъектом РФ дополнительных гарантий гражданским служащим за счет средств регионального бюджета (например, финансирование дополнительных медицинских услуг).

Данный вопрос также остается предметом судебных споров². Вместе с тем, следует учитывать позицию Верховного Суда РФ, согласно которой установление субъектом РФ дополнительных гарантий гражданским служащим федеральным законодательством не запрещено³.

Подводя итог, еще раз отметим, что посредством системы государственной гражданской службы реализуется государственная власть, организуются и упорядочиваются общественные отношения во всех сферах общественной жизни. При этом институт государственной гражданской службы представляет собой одну из непосредственных форм участия граждан в делах государства и призван обеспечить реализацию конституционно закрепленных идей и принципов правового государства в РФ.

Одним из важнейших элементов административно-правового статуса государственных гражданских служащих является медицинское страхование. Проблема реализации статуса государственного служащего связана с отсутствием специального законодательного акта, регулирующего медицинское страхование государственных гражданских служащих.

Данный пробел на практике приводит к тому, что служащие получают медицинское обслуживание в порядке общего медицинского страхования, то есть в том же объеме, что и иные граждане, не обладающие специальным статусом. Такая ситуация имеет место вопреки тому, что законодательные гарантии, установленные ФЗ «О государственной гражданской службе», предполагают для гражданских служащих специальный режим медицинского обслуживания на основе отдельного законодательного акта.

Безусловно, анализируемый пробел в служебном праве представляет собой один из факторов, снижающих качество государственной гражданской службы. Обеспечение реализации права государственных гражданских служащих на специальное медицинское обеспечение требует принятия Федерального закона «О медицинском страховании государственного гражданского служащего». В законодательном акте следует определить единые правовые, организационные и экономические основы медицинского страхования государственных гражданских служащих РФ и членов их семей, установить общефедеральный минимальный объем гарантий медицинского страхования гражданских служащих, а также право органов государственной власти расширить этот минимальный объем.

Пристатейный библиографический список

1. Аверьянова М. И., Гусев А. Ю. Социальное обеспечение государственных гражданских служащих в форме страхования // Административное и муниципальное право. 2020. № 4. С. 25-31.
2. Айбатулина А. К. О статусе члена семьи государственного служащего при решении вопроса о единовременной социальной выплате для приобретения или строительства жилого помещения государственными служащими и членами их семей // Современное право. 2018. № 7-8. С. 45-52.
3. Зеленцов А. Б. Границы и структура предмета административного права современной России: дискуссионные вопросы // Административное право и процесс. 2020. № 9. С. 19-254; Стариков Ю. Н. Требования правового государства - надлежущая основа для формирования парадигмы российского административного права // Административное право и процесс. 2021. № 2. С. 42-45.
4. Никифорова Н. Н. Новеллы законодательства о пенсионном обеспечении государственных гражданских служащих: критический анализ ряда положений // Социальное и пенсионное право. 2018. № 1. С. 38-46.

2 Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 06.10.2020 по делу № 88-14615/2020 // СПС КонсультантПлюс.

3 Определение Верховного Суда РФ от 10 декабря 2008 г. № 9-Г08-20 // СПС КонсультантПлюс.

1 Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 09.09.2011 № 5-В11-73 // СПС КонсультантПлюс.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-4-179-113-116

ШМЕЛЕВ Иван Валерьевич

кандидат юридических наук, ассистент кафедры административного и финансового права Юридического института Российского университета дружбы народов

МУРАТОВА Елена Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Юридического института Российского университета дружбы народов

ОТДЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СИСТЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЮСТИЦИИ НА ПРИМЕРЕ АНГЛОСАКСОНСКИХ СТРАН

Представленное исследование является более глубокой и комплексной формой, обобщающей полученные на протяжении 5 лет изучения англосаксонской административной юстиции результатов работ. В данной статье акцентируется внимание на отличительных и характерных чертах описываемого института, а также проблемных аспектах отдельных его частей. Авторами проиллюстрированы самые характерные примеры из судебной практики, а также изучены действующие законы и правовые доктрины для более тонкого понимания нюансов данной правовой системы.

Ключевые слова: административная юстиция, англосаксонская правовая семья, административные трибуналы, судебный контроль за публичной администрацией, парламентские расследования, омбудсмен, *ultra vires*.

SHMELEV Ivan Valerjevich

Ph.D. in Law, assistant of Administrative and financial law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

MURATOVA Elena Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

INDIVIDUAL ELEMENTS OF THE ADMINISTRATIVE JUSTICE SYSTEM ON THE EXAMPLE OF ANGLO-SAXON COUNTRIES

The presented study is a deeper and more complex form, summarizing the results of the work obtained over 5 years of studying the Anglo-Saxon administrative justice. This article focuses on the distinctive and characteristic features of the described institute, as well as the problematic aspects of its individual parts. The authors has illustrated the most characteristic examples from judicial practice, as well as studied the current laws and legal doctrines for a more nuanced understanding of the nuances of this legal system.

Keywords: administrative justice, Anglo-Saxon legal family, administrative tribunals, judicial control over public administration, parliamentary investigations, ombudsman, *ultra vires*.

1. В первую очередь считаем, что должны быть широко разрекламированные и легкодоступные внутренние процедуры рассмотрения жалоб, кодексы практики рассмотрения жалоб преимущественно в административном порядке. Государственным органам следует разработать и усовершенствовать свои внутренние процедуры рассмотрения жалоб.

2. С другой стороны, есть омбудсмены в государственном секторе, практика заимствованная из Скандинавии и учреждена в результате опасений по поводу способности государственных учреждений реагировать на жалобы по поводу их деятельности и обрабатывать их.

Задача омбудсмена состоит не только в том, чтобы обеспечить взаимовыгодное политическое решение административных споров и побудить государственные органы соблюдать требования закона, но и в том, чтобы стараться продвигать и поддерживать приемлемые стандарты надлежащего управления в обращении с гражданами.

Что же касается рассмотрения индивидуальных жалоб, то омбудсмен уполномочен расследовать жалобы на несправедливость, допущенную в результате ненадлежащего управления, в том числе предвзятость, пренебрежение своими обязанностями, невнимание, необоснованная задержка, некомпетентность, непригодность к нуждам граждан, юридическая порочность принимаемых решений и произвол [1].

Однако данный подход больше соответствовал бы новозеландскому омбудсмену, который может сообщать о решениях, которые являются необоснованными, несправедливыми, репрессивными или ненадлежащим образом дискриминационными, или даже «неправильными»¹.

И кажется очевидным, что необходимо уточнить и расширить сферу применения ненадлежащего управления, имея в виду, что наличие строгого определения привело бы к ограничению его сферы применения и работы в ущерб отдельным заявителям, когда их обоснованная жалоба не соответствует данному определению.

Среди минусов данного механизма можно отметить, что наиболее строгой санкцией, которой обладает омбудсмен, является его право представлять парламенту специальный отчет, в котором, по его мнению, несправедливость была вызвана ненадлежащим управлением и что несправедливость не была или не будет устранена.

Тем не менее, омбудсмены государственного сектора, в частности, имеют преимущество перед судами в плане более широких полномочий по проведению расследований и доступа к документам [2].

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ombudsman.parliament.nz/what-ombudsman-can-help>.

Омбудсмены государственного сектора могут (1) информировать заявителей о правовых аспектах их ситуации; (2) получать, расследовать и рассматривать жалобы; (3) консультировать, помогать и поддерживать жертв дискриминации; и (4) обеспечивать примирение, посредничество или переговоры между сторонами [3].

Однако социально-правовые ученые, которые занимались этим вопросом, показывают, что заявители омбудсменов, как правило, представляют собой определенную группу высокообразованных мужчин среднего возраста, так называемые «белые воротнички», политически заинтересованные в исходе дела. Находящиеся в неблагоприятном положении или уязвимые лица, как правило, не найдут такие органы и процедуры альтернативного разрешения споров легкодоступными или удобными для пользователя [4].

То есть люди с более высоким социально-экономическим статусом с большей вероятностью как примут меры в ответ на проблему, так и прибегнут при этом к закону, чем люди с более низким статусом [5].

Суды, к примеру, не предназначены для рассмотрения простых жизненных обстоятельств или вынесения правильного, надлежащего административного решения.

Суды не располагают возможностями для расследования того, каким образом было принято решение, и установления факта ненадлежащего управления. Омбудсмены восполняют этот пробел и предоставляют удивительно эффективный альтернативный судебному надзору метод устранения недостатков в управлении [6].

Итак, во-первых, расследование омбудсменом индивидуальных решений гарантирует, что они будут изучены на предмет того, были ли они приняты в соответствии с законом, со ссылкой на руководящие принципы деятельности публичной власти. Во-вторых, роль омбудсменов в выявлении системных недостатков в административной практике и политике или, в некоторых случаях, проблем, вызванных отсутствием соответствующей политики, увеличивает вероятность того, что источники несправедливого и произвольные решения будут обнаружены и исправлены. В-третьих, омбудсмены часто непосредственно участвуют в формировании или пересмотре административной практики, чтобы гарантировать, что учреждении применяют справедливые и законные процедуры. Следует также отметить, что неофициальные переговоры, используемые омбудсменами, часто убеждают административных должностных лиц признать и исправить ошибки. Механизм, позволяющий административным должностным лицам обнаруживать и добровольно исправлять ошибки, является важным дополнительным средством обеспечения законности и обоснованности при принятии административных решений.

3. Трибунал — это квазисудебный орган, уполномоченный рассматривать и разрешать споры в конкретных обстоятельствах. Трибуналы иногда называют заменителями судов, поскольку они обладают полномочиями принимать юридически обязательные решения, но они считаются имеющими преимущества перед судами в скорости, дешевизне, неформальности и компетентности.

3.1. Однако имеются несколько особенностей трибунала, которые препятствуют использованию термина «административный».

Во-первых, ни один трибунал не может быть наделен полномочиями решать юридические вопросы иначе, как актом парламента. Обычно трибунал учреждается непосредственно законодательным актом. Иногда, однако, полномо-

чия по созданию подобного трибунала могут быть делегированы законом министру, но в таких случаях в законе будет ясно указано, что предполагается создание трибунала.

Во-вторых, решения большинства трибуналов на самом деле являются судебными, а не административными, в том смысле, что трибунал должен устанавливать факты, а затем применять к ним правовые нормы беспристрастно, без учета государственной политики. Такие трибуналы, по существу, выполняют те же функции, что и суды общей юрисдикции. Таким образом, эти трибуналы имеют характер судов, даже несмотря на то, что они встроены в административный аппарат государства. Они являются «административными» только потому, что являются частью административной системы, в которой министр несет ответственность перед парламентом, и потому, что причины, по которым они предпочтительнее обычных судов, являются административными причинами.

В-третьих, трибуналы не занимаются исключительно делами, к которым исполнительная власть — это сторона спора. Комитеты по оценке арендной платы и суды по сельскохозяйственным землям, например, рассматривают споры между домовладельцами и арендаторами без какого-либо ведомственного вмешательства.

В-четвертых, и это самое важное из всех, трибуналы независимы. Они не подвергаются административному вмешательству в отношении того, как они решают какое-либо конкретное дело. Ни один министр не может быть привлечен к ответственности за решение какого-либо трибунала. Суды также не состоят из должностных лиц или людей, обязанных повиноваться администрации [7].

3.2. В англосаксонских странах были созданы трибуналы для рассмотрения споров конкретных областей политики, включая вопросы промышленности и занятости, социальное обеспечение, иммиграцию, психическое здоровье, защиту данных, апелляции на образование и многое другое.

Одно из критических замечаний в адрес системы трибуналов заключается в том, что в ней отсутствует руководящий принцип или согласованность, поскольку парламент как правило создает новые трибуналы для рассмотрения новых ситуаций вместо того, чтобы определять области, в которых существующий трибунал мог бы взять на себя новые функции.

Трибуналы не в состоянии осуществлять полную независимость, поскольку исполнительная и судебная власти могут посягнуть на их полномочия.

Необходима гарантия как финансовой обособленности при отсутствии чрезмерного административного контроля, так и свобода в назначении персонала, чтобы внутреннее управление трибуналом не подрывалось внешним влиянием².

3.3. С одной стороны, были те, кто утверждал, что трибуналы следует рассматривать как часть административного аппарата, то есть что они связаны с осуществлением политики, в то время как другие утверждали, что трибуналы следует надлежащим образом рассматривать как часть системы вынесения судебных решений.

Делая акцент на втором варианте, необходимо выяснить, должны ли процедуры быть состязательными или инквизиционными и где следует соблюдать баланс между формальностью или неформальностью.

2 См.: The Valente Case. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/the-valente-case>.

В целом, считаем, что необходимо утвердить принцип, согласно которому следует предварительно использовать предусмотренные законом альтернативные средства правовой защиты, прежде чем обращаться за судебным пересмотром.

3.4. Итак, о плюсах системы квазисудебных органов. Трибуналы могли бы предложить более быстрое, дешевое и доступное правосудие, необходимое для налаживания качественного управления в том числе программами социального обеспечения, включающими большое количество мелких исков. Судебный процесс же является сложным, медленным и дорогостоящим и заключается в обеспечении высочайшего стандарта правосудия; то есть, общественность хочет получить наилучшую возможную юридическую практику и готова платить за нее. При отправлении социальной справедливости целью является не лучшая практика любой ценой, а та, которая соответствует эффективному управлению. Споры должны быть разрешены быстро и дешево с выгодой для общественного кошелька, а также для кошелька заявителя [8].

4. В этом сложном технологическом и демократическом мире, в дополнение к трибуналам, которые расследуют факты и применяют законы для разрешения конкретных административных споров, формирование расследований, которые исследуют фактические и / или юридические выводы и дают рекомендации министрам или руководителям других ведомств принимать взвешенные решения на основе фактов, становится первостепенной задачей. Расследования касаются установления фактов, направленных на выработку рекомендаций по вопросам государственной политики. Предусмотренное законом расследование является стандартным средством для проведения справедливого слушания по возражениям до принятия окончательного решения по какому-либо вопросу государственной политики, затрагивающему права или интересы граждан³.

Отличие между трибуналами и расследованиями следующее:

Типичный трибунал устанавливает факты и выносит решение по делу, применяя правовые нормы, установленные законом или нормативным актом. Типичное расследование заслушивает доказательства и устанавливает факты, но лицо, проводящее его, в конечном итоге дает рекомендацию публичному должностному лицу относительно того, как он должен действовать по некоторым вопросам политики, например, должен ли он предоставить разрешение на планирование для какой-либо схемы развития. Трибуналу необходимо посмотреть не дальше, чем факты и закон, поскольку рассматриваемый вопрос является самостоятельным. Расследование касается местных аспектов того, что обычно является более крупным вопросом, связанным с государственной политикой, который, когда дело доходит до окончательного решения, не может быть решен простым применением закона.

Суды обычно используются там, где дела могут быть решены в соответствии с правилами, и нет никаких оснований для того, чтобы министр нес ответственность за решение. Расследования используются там, где решение будет зависеть от того, что, по мнению, к примеру, министра, отвечает общественным интересам, но где министр, прежде чем он примет решение, должен быть полностью проинформирован и беспристрастно рассмотреть возражения. Если реше-

ние по апелляции должно быть принято министром, он обязательно должен назначить кого-то для рассмотрения дела и консультирования его [7, р. 910-911].

В двух словах, по результатам расследования, в отличие от актов трибуналов, не следуют обязательные решения, но, как вытекает из их названия, они позволяют запрашивать или искать факты путем проведения предварительного справедливого слушания по возражениям, выдвинутым против предлагаемых административных действий. Основываясь на результатах установления фактов, расследование рекомендует соответствующему министру или ведомству предпринять, или не предпринимать определенный курс действий, хотя последние могут не быть связаны рекомендацией, касающейся политических соображений.

5. Среди интересных, на наш взгляд, способов уменьшения судебной нагрузки, считаем выдача судом Британской юрисдикции *Certiorari*.

Certiorari (ранее, теперь *quashing order*) — это приказ об отмене действия или решения государственного органа, который может быть запрошен по трем основным основаниям: существенное превышение полномочий*, процедурное превышение полномочий и задокументированная юридическая ошибка. При этом, суд не навязывает свое собственное решение, а просто отменяет первоначальное решение. Это приводит к тому, что дело возвращается в первоначальную инстанцию для повторного рассмотрения [9].

*Термин «*ultra vires*» означает «превышение полномочий», в то время как «*intra vires*» означает «в рамках полномочий». Если орган, принимающий решения, действует сверх меры, суд, рассматривающий дело, имеет право по своему усмотрению вмешаться [10].

Из приведенного выше можно сделать вывод, что термин «превышение полномочий» в контексте административного права относится к решениям, принятым административными органами, не обладающими необходимыми полномочиями или превышая пределы предоставленной им власти. Административное решение может быть вынесено *ultra vires* из-за существенных или процедурных вопросов, влияющих на это решение.

Следующим инструментом судебной системы англосаксонских стран является *мандаму* (иначе *mandatory order*) требует, чтобы любой, кто обязан выполнять общественно значимую функцию, выполнил эту обязанность⁴. В большинстве случаев судебной практики, когда *мандаму* был предоставлен, имела место четкая установленная законом обязанность и прямой и незаконный отказ государственного учреждения выполнять эту обязанность. Это приказ суда нижестоящему государственному должностному лицу, подписывающий государственному должностному лицу надлежащим образом выполнять свои служебные обязанности или исправить злоупотребление полномочиями⁵.

Положения по умолчанию позволяют вышестоящему органу власти, обычно министру, вмешаться, если государственный орган не выполняет возложенные на него обязанности. Это предусмотренное законом средство правовой защиты, которое позволяет подать жалобу министру. По сути, это соответствует средству правовой защиты *мандаму* при судебном пересмотре. В целом, положения о неисполнении

3 См. к примеру *Inquiries Act (R.S.C., 1985, с. I-11)*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/i-11/page-1.html>.

4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/rules/part54>.

5 См. об этом. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/wex/mandamus>.

обязательств существуют в целом ряде областей, от образования до торговли и промышленности, а также окружающей среды и других.

6. Считается, что судебный пересмотр является средством последней инстанции, но он также является основным конституционным средством для обеспечения последовательности и справедливости во всей системе нижестоящих судов, трибуналов и государственных органов⁶.

Однако есть общий принцип – что внутренние установленные законом процедуры должны быть исчерпаны, прежде чем можно будет искать другие способы возмещения ущерба.

Суд проверяет законность решения, чтобы выявить следующее:

1. Превысил ли орган законные ограничения своих полномочий;
2. Несоблюдение правил естественной справедливости;
3. Орган ошибочно принял во внимание юридически не относящийся к делу вопрос;
4. Не был принят во внимание вопрос, который требовалось принять во внимание;
5. Орган принял решение, которого не смог бы принять ни один разумный орган, правильно применяющий закон
6. Орган не привел адекватных причин для своего решения; или
7. Орган иным образом злоупотреблял своими полномочиями или действовал незаконно.

Обычное требование судебного пересмотра заключается в том, что не должно быть подходящего альтернативного средства правовой защиты. Таким образом, там, где предусмотрено административное пересмотр административного решения, в судебном пересмотре будет отказано. Судебный пересмотр, как правило, не осуществляется в тех случаях, когда имеется возможность обжалования в независимом трибунале. Также лицо, запрашивающее разрешение на подачу заявления о судебном пересмотре, как правило, должно иметь достаточный интерес к решению, требующему пересмотра (*locus standi*).

7. Какой способ возмещения ущерба предпочтительнее, в конечном счете будет зависеть от того, какой из них является более удобным, оперативным и эффективным. Там, где существует положение об обращении к министру, это, как правило, будет лучшим средством правовой защиты, особенно в тех случаях, когда основная жалоба на самом деле касается существа решения. С другой стороны, там, где требуется авторитетное решение в отношении практики применения норм действующего закона, судебный пересмотр будет более уместным.

В Великобритании, к примеру, судебный орган не допускает, чтобы процесс судебного пересмотра заменял обычную предусмотренную законом процедуру обжалования [11].

В тех случаях, когда альтернативная процедура обеспечивает удовлетворительное средство правовой защиты, суды будут настаивать на исчерпании этого средства правовой защиты до того, как можно будет обратиться за судебным пересмотром⁷.

Также, что немаловажно, имеется обязательное требование для подачи иска, которое заключается в том, что заявители должны иметь «достаточный интерес» к делу, находяще-

муся на рассмотрении суда. Вопрос заключается в том, имеет ли конкретный истец право подать иск. Действия в публичном праве могут иметь широкий спектр последствий, поэтому суды используют концепцию *locus standi*, чтобы ограничить, какие интересы должны быть предметом оспаривания, фактически выбирая те интересы, которые суды считают достойными защиты.

8. Существует много этапов в возможной продолжительности спора, на которых может быть достигнуто разрешение конфликта: от первоначального решения до подачи жалобы или апелляции на это решение, до подачи иска или апелляции в трибунал.

В рамках судебного процесса существует множество этапов, на которых может быть принято решение, начиная с самого слушания, а в некоторых случаях и в судах путем последующей апелляции или судебного пересмотра.

Есть явные преимущества в разрешении споров при первой же возможности. Это не только сэкономит на расходах по доставке каждого элемента апелляции или процесс рассмотрения претензий, но это также позволит пользователям системы – как заявителям, так и ответчикам – свести к минимуму влияние продолжающегося спора на их время и ресурсы. Споры, которые разрешаются быстро и на нужной стадии, сводят к минимуму личный стресс, который может быть вызван, а также повышают доверие пользователей к государственными учреждениям и системе административного правосудия и трибуналов.

Пристатейный библиографический список

1. Seneviratne M. Ombudsmen in the Public Sector. (1994). Buckingham: Open University.
2. McKechnie S. The future of ombudsmen. (1995). 5 (6). Consumer Policy Rev 213.
3. Carboni N. (2014) From quality to access to justice: improving the functioning of European judicial systems // Journal of Civil & Legal Sciences 3. 1-9.
4. Creutzfeldt N. (2016) What do we expect from an ombudsman? Narratives of everyday engagement with the informal justice system in Germany and the UK // International Journal of Law in Context 12. P. 437-452.
5. Sandefur R. L. (2009) Fulcrum point of equal access to justice: legal and nonlegal institutions of remedy // Loyola of Los Angeles Law Review 42. P. 949-978.
6. James R. and Seneviratne M. The Legal Services Ombudsman: form versus function? (1995) 58. MLR 187.
7. Wade H. W. R. & Forsyth C. F. Administrative Law. 9th ed. Oxford University Press, 2004.
8. Philips Jackson and Leopold. P. 886.
9. Craig P. P. Ultra vires and the foundations of judicial review. (1998). 57. CLJ 63.
10. Cumper Peter & with Walters Terry. Constitutional & Administrative Law. Oxford University Press, 2001. P. 291.
11. Richardson G. and Sunkin M. Judicial review: questions of impact [1996]. PL 79.

⁶ Wade, 'Judicial review and alternative remedies' [1997] PL 589.

⁷ См. [1996] ELR 135. Re M (A Minor).

КЕРАМОВА Саида Назировна

старший преподаватель кафедры административного, финансового и таможенного права Дагестанского государственного университета

ТЕМИРБОЛАТОВ Биймагомед Магомедсаидович

магистрант кафедры административного, финансового и таможенного права Дагестанского государственного университета

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматривается ряд проблем организации административного процесса в России, характеризуется его структура, раскрываются понятие и основные признаки. Актуальность темы статьи обусловлена тем, что в России является злободневным вопрос о выборе научно обоснованной модели административного процесса. Административный процесс в настоящей статье рассматривается в качестве ключевой задачи регулирования административных правоотношений, определяются основные принципы, направления и порядок административного судопроизводства. Результатом исследования являются выводы о необходимости принятия административно-процессуального кодекса в РФ, где были бы отражены общие положения о порядке рассмотрения и разрешения управленческих процедур во всех сферах государственного управления, что будет способствовать повышению эффективности государственного управления.

Ключевые слова: административный процесс, государственное управление, административное правонарушение, административно-процессуальное право, административные дела, административные суды, закон, Конституция, государственные органы.

KERAMOVA Saida Nazirovna

senior lecturer of Administrative and financial law sub-faculty of the Dagestan State University

TEMIRBOLATOV Biymagomed Magomedsaidovich

magister student of Administrative, financial and customs law sub-faculty of the Dagestan State University

SOME PROBLEMS OF THE ORGANIZATION OF THE ADMINISTRATIVE PROCESS IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines a number of problems of the organization of the administrative process in Russia, characterizes its structure, reveals the concept and main features. The relevance of the topic of the article is due to the fact that in Russia the question of choosing a scientifically based model of the administrative process is topical. The administrative process in this article is considered as a key task of regulating administrative legal relations, the basic principles, directions and procedure of administrative proceedings are determined. The result of the study is the conclusions about the need to adopt an administrative procedure code in the Russian Federation, which would reflect the general provisions on the procedure for reviewing and resolving management procedures in all areas of public administration, which will contribute to improving the efficiency of public administration.

Keywords: administrative process, administrative and procedural activity, public administration, administrative offense, administrative procedural law, administrative cases, administrative courts, law, Constitution, state bodies.

Организация законодательного регулирования административного процесса является важной характеристикой правовой системы Российской Федерации. В качестве его основы выступают положения статьи 72 Конституции России, согласно которой в нашей стране «административно-процессуальное законодательство существует не как часть административного, а как самостоятельный нормативный массив» [6, с. 351].

Профессор А. И. Стахов отмечает, что на основе анализа российской Конституции можно сказать, что административно-процессуальное законодательство – это единая правовая основа административного процесса, осуществляемого судами, и административного процесса, осуществляемого публичной администрацией [11, с. 313]. Поэтому актуален вопрос о выборе научно обоснованной модели администра-

тивного процесса в России, чем и обусловлена тема настоящей статьи.

Прежде всего, отметим, что ученые административный процесс зачастую отождествляют с управленческим, так как, подчеркивает Л. Л. Попов, «без административного процесса, который является юридической формой реализации государственного управления, исполнительной власти, невозможно законное, справедливое и эффективное осуществление управленческой деятельности» [5, с. 172]. Управленческую деятельность реализуют органы исполнительной власти, которые обладают множеством полномочий в сфере государственного управления в форме административных процедур.

Следует подчеркнуть, что в России проходит административная реформа [4, с. 55]. В свете данной реформы среди

Керамова С. Н.

Темирболатов Б. М.

ученых ведется дискуссия о внедрении административного процессуального кодекса Российской Федерации, проект которого разрабатывается несколько лет. В нем были бы закреплены общие положения о порядке рассмотрения и разрешения управленческих процедур во всех сферах государственного управления, принципы административного производства по делам об административных правонарушениях. Их следует считать новеллой российского законодательства [9, с. 225].

Л. Л. Попов полагает, что принятие данного кодекса необходимо, так как «каждая ветвь власти обладает собственным процессуальным обеспечением на уровне закона, судебная власть имеет теперь три процессуальных кодекса, а исполнительная власть такого процессуального обеспечения не имеет» [5, с. 181].

В контексте данной статьи мы будем рассматривать административный процесс как совокупность административно-юрисдикционного и административно-управленческого процессов.

Необходимо отметить наличие ряда проблем в организации административного процесса в нашей стране. Рассмотрим некоторые из них.

Одной из важнейших проблем является проблема, связанная с соотношением административного процесса и административного судопроизводства. Прежде всего, надо сказать о существовании различных позиций среди ученых-административистов на определение административного процесса. В первую очередь надо отметить тенденцию к отождествлению административного процесса и административного судопроизводства. Это связано с тем, что в Кодексе административного судопроизводства (далее – КАС) нет понятия «административный процесс».

Ряд ученых определяют административный процесс как форму, включающую разные виды управленческого и позитивного административного процессов, административное судопроизводство, принудительный и охранительный процессы [1, с. 163].

Так, с точки зрения Ю. В. Козько, административный процесс следует считать правовым понятием, тождественным понятию административного судопроизводства. Автор ссылается на положения Конституции РФ и новой редакции ст. 71, которая подтверждает, что административный процесс – это исключительно судебная сфера [3, с. 108]. А. И. Стахов рассматривает административный процесс как «урегулированную административно-процессуальным законодательством интегрированную систему административных производств и административных судопроизводств, обособляемых (автономизированных) и объединяемых (консолидированных) в зависимости от категории рассматриваемого и разрешаемого внесудебного административного дела или судебного административного дела» [11, с. 326], полагая, что такое понимание полностью соответствует Конституции РФ и раскрывает специфику современного административно-процессуального законодательства.

Другие ученые, к примеру, Ю. Н. Стариков [10, с. 19], А. А. Смородина, М. В. Латышева и другие не считают административный процесс и административное судопроизводство синонимичными понятиями по причине большой разницы между ними, не полностью изученной в законодательстве. Они отождествляют административный процесс с судебным процессом, подчеркивая, что производство по таким делам осуществляют суды или судья, и оно находится за рамками административного процесса [10, с. 20].

Ряд ученых, к примеру Е. Т. Гаева, понимают административный процесс в узком и широком смысле: в узком – как «деятельность органов исполнительной власти и суда по рассмотрению и разрешению индивидуальных административно-правовых споров»; в широком – «деятельность уполномоченных органов исполнительной власти, их должностных лиц и суда по возбуждению, рассмотрению административных дел». Е. Т. Гаева, включает в административный процесс два вида процессуальных отношений: юрисдикционные и процедурные. Юрисдикционному свойствен правоохранительный характер. Другими словами, органы исполнительной власти, должностные лица и суд рассматривают административно-правовые споры и применяют меры государственного принуждения. Процедурными отношениями называют организационные действия государственного аппарата, связанные с его деятельностью, удовлетворением законных интересов физических и юридических лиц. Его специфика заключается, как представляется, в бесспорности, отсутствии принуждения и пр. [2, с. 237-238].

В связи со сказанным, проанализировав позиции ученых по этому вопросу, можно сказать, что административный процесс и административное судопроизводство – не синонимичные понятия. Тем не менее, их не следует противопоставлять, поскольку они дополняют друг друга.

Чтобы решить проблему, нужно в законодательстве разграничить данные понятия, что внесет ясность в определение их сущности.

Немаловажной проблемой является проблема неурегулированности в Кодексе РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) процессуальной формы обращения органов публичной администрации в суды общей юрисдикции при передаче на рассмотрение административно-юрисдикционных дел [8, с. 122]. Решить проблему, как представляется, можно, если закрепить в Кодексе процессуальную форму обращения органов публичной администрации в суд, а также подачу заявления о привлечении к административной ответственности.

Еще одна проблема касается принятия судебных решений по результатам рассмотрения административных дел и административных актов органов публичного управления. Встает вопрос: можно ли обеспечить принудительное исполнение вступившего в законную силу судебного решения или оно должно обладать свойством исполнимости? В третьей части статьи 227 КАС РФ сказано о необходимости принятия решения, однако, как будет исполняться решение, не сказано ничего. Думается, что реальные сроки для его исполнения следует считать обязательным условием надлежащей правовой защиты.

Среди проблем также назовем проблему реализации процессуальных сроков по делам об административных правонарушениях. В КоАП РФ у данных сроков нет определенных временных промежутков, тем не менее, они обязывают правоприменителя выполнять процессуальные действия согласно установленным временным периодам, что на практике зачастую вызывает неразрешимые противоречия, так как вследствие неопределенных сроков правоприменитель может трактовать их по своему усмотрению, в зависимости от конкретных обстоятельств. Представляется, что законодатель должен установить конкретные сроки для выполнения процессуальных действий, устранив их неопределенность [7, с. 40, 45].

Следует также отметить проблему структуры административного процесса и места в нем административных про-

цедур. Структура административного процесса определена в статье 10 российской Конституции. Однако хотя в ней закреплено единство законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, исполнительная власть до сих пор не получила надлежащего административно-процессуального обеспечения в законодательстве.

Административный процесс развивается как ряд последовательных, сменяющих друг друга фаз развития, иначе говоря, стадий. Однако этот вопрос недостаточно проработан, так как среди ученых существует много мнений относительно системы стадий административного процесса. Так, А. В. Пошивайлова включает в административный процесс: 1) административное судопроизводство; 2) производство по делам об административных правонарушениях; 3) административное производство (административные процедуры)¹. К примеру, П. Е. Спиридонов выделяет четыре стадии административного процесса: возбуждение, рассмотрение административного дела; исполнение решения; обжалование и пересмотр решения по административному делу [12, с. 301].

Исходя из сказанного можно отметить, что стадии административного процесса должны быть одинаковыми для всех видов административного процесса и отображать его внутреннюю организацию.

В заключение сделаем ряд выводов.

Среди центральных позиций ученых в административном праве об уяснении сущности административного процесса можно назвать: юрисдикционный, интегративный, управленческий и судебный.

В целях систематизации исполнительного административного процесса в Российской Федерации необходимо принять административно-процессуальный кодекс, что будет способствовать повышению эффективности государственного управления.

Для решения проблемы соотношения административного процесса и административного судопроизводства представляется необходимым разграничение на законодательном уровне понятий «административный процесс» и «административное судопроизводство».

Проблему неурегулированности административного судопроизводства в КоАП РФ можно разрешить, закрепив в нем процессуальную форму обращения органов публичной администрации в суд и подачу заявления о привлечении к административной ответственности.

Для решения проблемы реализации процессуальных сроков по делам об административных правонарушениях законодатель должен установить конкретные сроки для выполнения процессуальных действий, устранив их неопределенность.

Пристатейный библиографический список

1. Актуальные проблемы административного права и процесса: учебник для магистров / Под ред. М. В. Костенников, А. В. Куракин, А. М. Кононов, Н. Д. Эриашвили. 3-е изд. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019.
2. Гаева Е. Т. Административный процесс: понятие, виды, принципы // NovaUm.Ru. – 2019. – № 18. – С. 236-240.
3. Козько Ю. В. К вопросу о понятийно-категориальной характеристике основных видов административного процесса // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 91-3. – С. 107-110.
4. Мусаева Г. М. Некоторые проблемы административно-процедурного процесса // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2022. – Т. 41. № 1. – С. 55-59.
5. Попов Л. Л. Ключевые проблемы административного процесса // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2016. – № 4 (27). – С. 171-185.
6. Порываев С. А. Производства по разрешению судебных и внесудебных административных споров как составные части административного процесса // Сибирское юридическое обозрение. – 2021. – Т. 18. № 3. – С. 350-358.
7. Самусевич А. Г. Неопределенные сроки в административном процессе: проблемы реализации // Пролог: журнал о праве. – 2022. – № 2 (34). – С. 40-47.
8. Соловей Ю. П. Современные проблемы построения российской модели административного процесса: обзор всероссийской научно-практической конференции // Сибирское юридическое обозрение. – 2021. – Т. 18. № 2. – С. 110-127.
9. Солошенко А. В., Назаренко Н. А. Значение принципов административных производств в развитии административного процесса в РФ // Научные исследования XXI века. – 2021. – № 6 (14). – С. 225-228.
10. Стариков Ю. Н. Административный процесс в трудах профессора В. Д. Сорокина: «управленческая концепция» и ее значение для науки административного права // Административное право и процесс. – 2015. – № 1. – С. 19-23.
11. Стахов А. И. Интегративная теория административного процесса – единственно верная основа построения модели административного процесса // Сибирское юридическое обозрение. – 2021. – Т. 18. № 3. – С. 313-327.
12. Спиридонов П. Е. Административно-процессуальная форма и стадии как элементы характеристики административного процесса // Сибирское юридическое обозрение. – 2021. – Т. 18. № 3. – С. 301-312.

¹ Пошивайлова А. В., Козько Ю. В. К вопросу о понятии административно-процессуального производства // Электронный научный журнал «Дневник науки». – 2022. – № 6. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dnevniknauki.ru/images/publications/2022/6/law/Poshivailova_Kuzko.pdf (дата обращения: 25.03.2023).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-4-179-120-121

Мардиева Эльмира Радмировна

кандидат филологических наук, доцент кафедры правовых дисциплин Нефтекамского филиала Уфимского университета науки и технологий

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

Автором статьи отмечается дискуссионность в правовой доктрине и на практике вопроса о применении электронных доказательств. Обращается внимание на то, что на законодательном уровне четко не определяется, в каких формах участникам судебного процесса следует предоставлять электронные источники информации для приобщения к материалам дела в качестве доказательств. Сфера применения таких доказательств требует проработанности в различных видах процессов. Предлагаются некоторые пути решения для регламентации нововведений, правового закрепления статуса электронных доказательств и обоснования возможности их применения в процессуальном производстве в Российской Федерации.

Ключевые слова: электронные доказательства, оценка доказательств, допустимость и достоверность доказательств, цифровизации процессуального производства, судья, эксперт.

MARDIEVA Elmira Radmirovna

Ph.D. in philological sciences, associate professor of Legal disciplines sub-faculty of the Neftekamsk branch of the Ufa University of Science and Technology

PROBLEMS OF USING ELECTRONIC EVIDENCE IN PROCEDURAL LAW

The author of the article notes the debatability of the issue of the use of electronic evidence in legal doctrine and in practice. Attention is drawn to the fact that at the legislative level it is not clearly defined in what forms the participants in the trial should provide electronic sources of information for attaching to the case materials as evidence. The scope of such evidence requires elaboration in various types of processes. Some solutions are proposed for regulating innovations, legally securing the status of electronic evidence and substantiating the possibility of their application in procedural proceedings in the Russian Federation.

Keywords: electronic evidence, assessment of evidence, admissibility and reliability of evidence, digitalization of procedural proceedings, judge, expert.

Сегодня цифровизация пронизывает все сферы жизни людей. Внедрение информационных технологий невозможно без соответствующей инфраструктуры, обеспечивающей практическую доступность к информационным ресурсам... Следовательно, от государства, нацеленного на широкое внедрение цифровых технологий в сферу разрешения споров, требуются гарантии наличия надежной программной обеспеченности, оборудования, технической подготовленности государственных служащих так же, как и от граждан активное использование информационных технологий требует, прежде всего, финансовых затрат. Суммарно затраты <...> гражданина, корпораций, государства – выгодны каждому из них лишь в случае, если вложения будут компенсированы иными выгодами: сбережением времени; надежностью информации и решений, принятых на ее основе; итоговой финансовой выгодой в результате оптимизации процесса защиты права [1].

Необходима повсеместная соответствующая грамотность населения, готовность к финансовым затратам на использование технических средств, желанию передавать персональную информацию, использованию цифровых активов (аккаунты в социальных сетях, адрес электронной почты, домены, инвестиционные счета, онлайн-хранилища и др.), допускать широкое использование IT-технологий при принятии юридических решений и др. Как известно, в процессуальном производстве сегодня активно используются электронные доказательства, оказывающие влияние на ход судебного процесса. И применение современных технологий в судопроизводстве, вероятно, должно сделать правосудие понятным и открытым для общества, а также разгрузить суды.

В юридической науке развернута активная дискуссия относительно проблем, связанных с электронными доказатель-

Мардиева Э. Р.

ствами. Этому направлению в последнее время уделяют внимание авторы работ, посвященных процессуальному праву, в частности: гражданскому процессу (Т. Т. Алиев, С. Ф. Афанасьев, И. Н. и А. Н. Балашовы, Т. В. Ярошенко и др.), арбитражному (Е. В. Гаврилов, С. П. Ворожбит, И. М. Шевченко и др.), уголовному (Д. В. Бахтеев, Е. В. Смахтин, М. И. Воронин, Д. А. Полищан и др.), административному (В. И. Головнева, Е. А. Нахова, П. Д. Шкурова и др.).

К электронным доказательствам сегодня относят: электронные сообщения, электронную подпись, электронные документы, цифровые аудио- и видеозаписи, фотоизображения, информацию интернет-порталов органов власти и организаций, информацию в СМИ, сообщения и социальные сети, электронные копии документа, цифровой отпечаток сайта (веб-архивы) и т.п.

Между тем, необходимо уточнение в отношении понимания терминов «электронное» и «цифровое» доказательство. Электронное доказательство – это доказательство, представляемое в суд при помощи приборов, ЭВМ и средств связи, а цифровое доказательство представляет запись в виде упорядоченной и структурированной последовательности битов [2]. Но востребованность имеют электронные цифровые доказательства, так как сегодня значительная часть технических устройств цифровая.

Оценка электронных доказательств предполагает учет относимости, допустимости, достоверности, достаточности доказательств (последнее возникает ввиду совокупности первых критериев), которые представляются суду. При оценке электронных доказательств достоверность наиболее сложный признак. Здесь важно учитывать показатели идентификации, аутентификации. Если первый выявляет идентификатор, однозначно определяющий данный субъект в системе, применительно к электронным доказательствам устанав-

ливаются лица, участвовавшие в разработке документа (т.е. определение источника). Аутентификация же – процедура проверки подлинности, возможность проверки целостности и неизменности содержания электронного доказательства.

При осмотре таких электронных доказательств судья должен знать и понимать разные IT-аспекты. Он может отправить такие доказательства на экспертизу, но все же это лишь право судьи, а не является его закрепленной обязанностью (судебное усмотрение).

В виде доказательства суд получает информацию на бумажных носителях (например, скриншот переписки, печатные данные, электронные документы). При этом большое значение имеет идентификация сторон, участвующих в переписке, их реквизиты и какие-либо данные, которые могут установить личность граждан. Однако отраженный на скриншоте «никнейм» или номер телефона, адрес электронной почты не являются способом идентификации того или иного субъекта. Подлинность переписки должна быть удостоверена оператором сотовой связи, нотариусом или иным образом. Наряду с этим, судья может не взять во внимание в качестве доказательств электронную переписку из-за отсутствия привязки почтового ящика к доменному имени организации, существуют и разные способы фальсификации переписки, в том числе с помощью программного кода систем, которые могут менять доказательства.

До сих пор судьи высказывают недоверие к электронным доказательствам вкпе с убеждением, что электронные доказательства проще (чем бумажные) подвергать корректировкам, изменять. Подобное отношение объясняется трудностью идентификации субъекта, создавшего или направившего доказательства в электронном виде, а также тем, что любое лицо может распространять информацию в Интернете, не неся при этом ответственности за ее подлинность и происхождение, что вызывает вопросы относительно достоверности, актуальности и правильности. Сравнивая между собой письменные и электронные доказательства, можно поставить вопрос о материальной природе последних. Они хранятся на специальных устройствах, могут храниться и не на одном носителе. Но на этом возможные проблемы расшифровки данных не заканчиваются. Чтобы получить такую информацию, нужно прибегать к специальному программному обеспечению, т.е. электронные доказательства являются сложными в плане технологий способами достижения истины.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 отмечается: «Допустимыми доказательствами являются в том числе сделанные и заверенные лицами, участвующими в деле, распечатки материалов, размещенных в информационно-телекоммуникационной сети (скриншот), с указанием адреса интернет-страницы, с которой сделана распечатка, а также точного времени ее получения. Такие распечатки подлежат оценке судом при рассмотрении дела наравне с прочими доказательствами (статья 67 ГПК РФ, статья 71 АПК РФ)»¹.

Помимо подтверждения законности электронных доказательств, важно, чтобы они были доступны в ходе процесса. В момент принятия таких доказательств суд обязан их исследовать. Верховный Суд РФ, ссылаясь на статью 71 ГПК РФ², заявляет, что доказательства двойки. И в этом случае может действовать институт судебного усмотрения, как было отмечено. То есть судья сам принимает решение о законности электронных доказательств, что вызывает вопросы. Возникает, к примеру, дискуссионный вопрос: как быть, если судья недостаточно компетентен в быстро развивающейся IT-технологиях? Это может привести к тому, что доказательства окажутся недопустимыми, следствием станет ошибка в принятом решении.

Так, в судебной практике находим выводы о том, что платежное поручение об оплате государственной пошлины, поступившее в суд в электронном виде, не является надлежащим доказательством исполнения обязанности по оплате госпошлины.

Рассмотрим примеры. В соответствии со статьей 110 Арбитражного процессуального кодекса РФ и подпунктом 12 пункта 1 статьи 333.21 Налогового кодекса РФ, расходы оплачивает заявитель за рассмотрение кассационной жалобы и в связи с непредоставлением по запросу суда оригинала платежного поручения от 07.08.2018 № 341 и подлежат взысканию с предпринимателя в доход федерального бюджета в размере 3 000 рублей...³.

В другом деле, когда квитанции и платежные поручения были представлены в суд без подлинной отметки банка об их исполнении, ситуация разрешилась таким образом: в соответствии с частью 1 статьи 280 АПК РФ арбитражный суд кассационной инстанции, установив при рассмотрении вопроса о принятии жалобы к производству, что она подана с нарушением требований, установленных статьей 277 АПК РФ, выносит определение об оставлении жалобы без движения⁴.

Всё же в настоящее время оценка допустимости электронных (цифровых) доказательств, производимая субъектами доказывания, во многом произвольна. Остается актуальной проблема доказывания в части передачи информации от одного участника другому, и наоборот. Далеко не каждый из них своевременно отслеживает и знакомится с отправленным материалом, может подтвердить получение. И это до сих пор не является обязательным требованием. Необходимо развивать цифровую грамотность, электронную гигиену. Правильное ведение электронного документооборота позволит упорядочить и систематизировать объем данных.

Опираясь на выявленные проблемы, можно предложить следующие пути их решения:

1. Следует разработать законопроекты или внести поправки в существующие нормы, благодаря которым будет переосмыслена роль электронных доказательств в (гражданском, арбитражном, административном, уголовном) процессах, определить их как специальный вид доказательств (как это отмечается некоторыми исследователями), дать характеристику, установить единую правовую природу и т.д.

2. Определить обязательным участие эксперта в оценке электронных доказательств, поскольку судья в силу иных целей своей профессии и человеческого фактора не может быть экспертом во всех областях жизни.

3. Проработать идею о цифровизации процессуального производства более тщательно. Цифровизация, разумеется, позволит систематизировать материал, данные, сформирует архивы и т.д. Однако IT-сфера в России еще только проходит этап своего становления, и никто не застрахован от ошибок, в том числе технических.

Безусловно, использовать только традиционные способы доказательств не получится, поскольку приходится считаться с изменениями современного мира и его, иногда непредсказуемыми, обстоятельствам. Вопрос о признании подобных документов достоверными доказательствами и их судебной оценки может быть решен только с учетом конкретных обстоятельств дела, с учетом содержания иных доказательств, возражений другой стороны о направлении соответствующих документов и прочих обстоятельств.

Пристатейный библиографический список

1. Самсонова М. В., Стрельцова Е. Г., Чайкина А. В. и др. Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы. – М., 2022. – 332 с. // СПС «КонсультантПлюс». ВерсияПроф. – М., 2023. Электрон. текст. дан.
2. Полищан Д. А. Цифровое и электронное доказательство – PRO ET CONTRA: проблемы терминологии // Российский судья. – 2022. – № 7 // СПС «КонсультантПлюс». ВерсияПроф. – М., 2023. Электрон. текст. дан.
3. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа РФ от 23.10.2018 № Ф01-4623/2018 по делу № А82-9433/2017 // СПС «КонсультантПлюс». ВерсияПроф. [М., 2023]. Электрон. текст. дан. Послед. обновление 20.04.2023.
4. Определение Арбитражного суда Северо-Западного округа РФ от 30.03.2020 № Ф07-4693/2020 по делу № А56-89805/2019 // СПС «КонсультантПлюс». ВерсияПроф. [М., 2023]. Электрон. текст. дан. Послед. обновление 20.04.2023.

1 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 // СПС «КонсультантПлюс». ВерсияПроф. [М., 2023]. Электрон. текст. дан. Послед. обновление 20.04.2023.

2 Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. 28.04.2023) / Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». ВерсияПроф. – [М., 2023]. Электрон. текст. дан. Послед. обновление 20.03.2023.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-4-179-122-124

АЛСЫНБАЕВА Эльвира Махаматовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Института права Уфимского университета науки и технологий

ГАЛЯУТДИНОВА Лилия Юрьевна

старший преподаватель кафедры гражданского права Института права Уфимского университета науки и технологий

ИНСТИТУТ НАСЛЕДСТВЕННОГО ДОГОВОРА В РОССИИ КАК НОВЕЛЛА В РЕГУЛИРОВАНИИ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье автором рассматриваются особенности развития института наследственного договора в отечественном правовом поле. Установлено, что внедрение наследственного договора в ГК РФ является неоднозначной новацией в реформе наследственного законодательства.

Определены особенности правового регулирования отечественного наследственного договора, отличающие его от зарубежной модели такого договора.

Сделан вывод о том, что наследственный договор все еще не имеет широкого распространения в отечественных наследственных правоотношениях в его силу недостаточной проработанности законодателем.

Ключевые слова: наследство, наследственный договор, условия договора, права наследников, права наследодателей.

ALSYNBAYEVA Elvira Makhamatovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law sub-faculty of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology

GALYAUTDINOVA Liliya Yurjevna

senior lecturer of Civil law sub-faculty of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology

INSTITUTE OF INHERITANCE AGREEMENT IN RUSSIA AS A NOVEL IN THE REALISATION OF INHERITANCE RELATIONS

In the article, the author considers the features of the development of the institution of an inheritance agreement in the domestic legal field. It has been established that the introduction of an inheritance agreement in the Civil Code of the Russian Federation is an ambiguous innovation in the reform of inheritance legislation.

The peculiarities of the legal regulation of the domestic inheritance agreement have been determined, distinguishing it from the foreign model of such an agreement.

It was concluded that the inheritance agreement is still not widespread in domestic inheritance legal relations due to its insufficient elaboration by the legislator.

Keywords: Inheritance, inheritance agreement, terms of the agreement, rights of heirs, rights of heirs.

В ходе масштабного и всестороннего совершенствования гражданского законодательства преобразования коснулись и наследственного права, которое долгие годы заслуженно считалось наиболее консервативной и стабильной подотраслью гражданского права. При этом исследование положений зарубежного законодательства позволило российским правоведам сделать выводы об основных тенденциях развития правовой регламентации отношений в сфере наследования и позаимствовать положительный опыт применения отдельных институтов на практике. Как подчеркнул на заседании Государственной Думы 26 апреля 2018 года Павел Крашенинников: «Мы предлагаем расширить возможности граждан, вводя новую для российской юрисдикции конструкцию – наследственный договор. С ее помощью можно заранее договориться о судьбе наследства и тем самым уменьшить вероятность конфликтов с участием лиц, которые могут призываться к наследованию» [1].

Следует отметить, что прообраз наследственного договора появился еще в постклассический период римского частного права. Именно тогда наряду с наследованием по закону и по завещанию возникло третье основание наследования. Затем конструкция наследственного договора была перенесена в средневековое германское право, а после принятия

Германского гражданского уложения (далее – ГГУ) получила известность и за пределами Германии. Таким образом, основная концепция правового регулирования, заложенная в ГГУ, была заимствована такими странами Европы, как Швейцария, Австрия, Польша, Латвия, Украина, и др.

В дальнейшем, с наложением своих особенностей, приущих национальным правовым системам, и с учетом временных реалий, наследственный договор получил распространение в африканских и латиноамериканских странах, а также в Англии и США. Важно обратить внимание на то, что в настоящее время в отдельных государствах наследственный договор не только используется наряду с другими основаниями наследования, но и зачастую занимает лидирующее положение по количеству случаев его применения. Так, в Германии наследственными договорами регулируется 15 % всех наследственных отношений, в Англии – 46,8 %, а в Швейцарии – 75 %.

Что же касается Российской Федерации, то внедрение наследственного договора стало одной из неоднозначных новаций в рамках реформирования наследственного законодательства. Действительно, авторы закона предприняли попытку создать наиболее эффективную конструкцию наследственного договора, объединившую в себе большинство

существующих в правовых системах зарубежных стран подходов к регламентации его содержания. Однако, несмотря на очевидную полезность данной конструкции, призванной выполнять такие задачи, как посмертное отчуждение имущества, поддержка нуждающихся членов семьи, укрепление семейных уз, предотвращение болезненного дробления активов при наследовании [2, с. 310], осмысление механизма ее реализации на практике породило определенные дискуссии в научном сообществе.

Реформы, произошедшие в России и изменившие привычный социально-экономический порядок функционирования общества, путем создания в стране института частной собственности, не могли не оказать значительного влияния на нормы, регулирующие наследование, которые претерпевают изменения, и в которые вносятся новшества и по сей день.

Так, Федеральным законом от 19 июля 2018 года № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации»¹ в ст. 1111 ГК РФ внесено существенное дополнение. В соответствии с ее новой редакцией российское наследственное право устанавливает три основания наследования: а) по завещанию; б) по наследственному договору; в) по закону. Тем самым можно говорить о существенной модернизации отечественного наследственного права и пополнении его новым институтом наследственного договора.

Традиционный и привычный подход о правомочии распорядиться собственным имуществом после смерти посредством только завещания, определенный непосредственно законодателем, довольно прочно вошел в правовое сознание граждан и долгое время представлялся вполне удобным и достаточным основанием приобретения наследства по воле завещателя.

Односторонняя сделка – составление завещания – признавалась безвозмездной, не предполагающей никакого встречного имущественного предоставления со стороны наследников, в пользу которых она совершалась. Отсутствие завещания влекло обеспеченную правом возможность получить наследство в порядке, определяемом законом. Такой наследственный порядок признавался справедливым и в целом не вызывал никаких нареканий как со стороны правоприменителей, так и со стороны представителей цивилистической науки. Так, еще в 1902 г. Д. И. Мейер писал, что «лицо делается наследником двумя путями, – или по завещанию, или по закону» [3, с. 511].

Г. Ф. Шершеневич отмечал, что «основаниями, в силу которых происходит переход имущества от одного лица к другому, могут быть: 1) завещание; 2) договор; 3) закон...»

Наследственный договор состоит в том, что двое или более лиц назначают друг друга наследниками после себя. Такой договор особенно часто заключается между супругами. В противоположность завещанию, в котором выраженная воля наследодателя может быть всегда изменена, наследственный договор, связывая в одном акте волю не менее двух лиц,

устраняет возможность ее изменения (Германское уложение, парагр. 1941 и 2290). Последние обстоятельства французский, а за ним и русский закон считают противоречащими свободе воли наследодателя, а потому два лица совокупно в одном и том же акте не могут выражать своей последней воли. Следовательно, по нашему законодательству только завещание и закон определены в качестве оснований наследования» [4, с. 413].

В. И. Серебровский также соглашался с тем, что «призывание к наследованию возможно только по тем основаниям, которые предусмотрены законом», то есть, либо по закону, либо по завещанию, отмечая при этом, что «некоторые буржуазные законодательства, помимо уже известных оснований наследования признают в том числе и наследственный договор наследодателя с третьим лицом, как обязательство по предоставлению имущества после смерти (Германское гражданское уложение, Швейцарский Гражданский кодекс). Но это основание наследования имеет на практике значительно меньшее применение, нежели наследование по завещанию и наследование по закону» [5, с. 48].

Вполне возможно, что именно по этим причинам институт наследственного договора не вызывал ранее видимого научного интереса и не получил широкого обсуждения, и даже наоборот вызывал бурю негативных отзывов. Однако справедливости ради необходимо отметить, что в римском наследственном праве использовались договорные конструкции, лежащие в основе развития наследственных правоотношений [6, с. 13].

Статья 1118 ГК РФ с поправками, вступившими в силу с 1 июня 2019 года, допускающая возможность наследодателя распорядиться своим имуществом, в том числе и в режиме договорного обязательства, весьма расширяет его возможности по определению судьбы его имущества после смерти. При этом к такому договору применимы, прежде всего, положения о завещании.

Законодатель дополняет ГК РФ одноименной статьей 1140.¹² в соответствии с положениями которой, обозначенный договор может быть заключен с любым из потенциальных наследников по ст. 1116 ГК РФ. Законодатель привел в данной статье примерный перечень условий, которые данный договор может содержать: установление круга наследников, определение процедуры перехода прав на имущество после смерти наследодателя, условие об исполнителе завещания. Наследодатель также может возложить на лиц, участвующих в договоре, обязанность совершения определенных в договоре действий (имущественного или неимущественного характера и обязательно правомерных). К таковым действиям законодатель причисляет завещательные отказы или завещательные возложения.

К обозначенному договору применимы положения статьи 327.1 ГК РФ об обусловленном исполнении обязательств, согласно которой, его исполнение напрямую будет связано с теми или иными обстоятельствами, наступившими ко дню

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 30.04.2023).

² Гражданский кодекс РФ (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 14 апреля 2023г № 121-ФЗ). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 30.04.2023).

открытия наследства (указанными в договоре), но не определено известные, либо вообще полностью зависящие от волеизъявления одной из сторон.

К субъектам, наделенным правом требования исполнения наследственного договора (а именно возложенных по нему обязательств) следует относить не только наследников, но и душеприказчика, сторон наследственного договора, либо третьих лиц, переживших наследодателя, в том числе и нотариуса.

Специфическим признаком такого договора, является императивное возложение прав и обязанностей только на обозначенных в нем субъектов, а потому законодатель установил запрет на возможность отчуждения их прав и обязанностей. Императивным также является законодательное требование об обязательном нотариальном удостоверении такого договора, как и завещания.

Интересным является особый порядок удостоверения, а именно то, что при таком удостоверении обязательной является видеофиксация, если стороны не выразили против неё возражений.

Законодательно право наследодателя на заключение не одного, а допустим, нескольких наследственных договоров с разными лицами, не ограничено. В этой связи возможны ситуации, когда в отношении одного имущества действуют несколько таких договоров. В этом случае действует правило – чей договор был заключен раньше, тот и имеет право на наследство.

Вопросы изменения и расторжения такого договора также прописаны законодателем и такая возможность допустима только при жизни сторон такого договора. По аналогии с общими положениями о договоре, закрепленными в главе 27 ГК РФ, его изменение и расторжение возможно как согласительным порядком, так и по решению суда.

Право одностороннего отказа от такого договора закреплено, прежде всего, за наследодателем, которые может реализовать его в любое время, но с обязательным уведомлением всех участников договора и с соблюдением его нотариального удостоверения. Положения о возмещении убытков, которые стороны понесли за выполнение действий, направленных на исполнение завещания до момента их надлежащего извещения наследодателем (нотариально удостоверенное уведомление), также применимы к такому договору. Право одностороннего отказа от исполнения допустимо и в отношении других сторон такого договора, но в силу положений закона, либо согласно условиям самого наследственного договора.

Существенное значение имеет положение законодателя о том, что заключение наследственного договора отнюдь не ограничивает правомочия наследодателя в распоряжении своим имуществом, являющегося предметом такого договора. Он соответственно, может заключать различные сделки в отношении такого имущества, даже если это может и лишить лиц, которые могут быть призваны к наследованию, прав на это имущество. Какое-либо соглашение с наследодателем о запрете такого распоряжения является ничтожным.

Необходимо также отметить, что нововведенная статья (1140.1 ГК РФ), в пункте 5 закрепляет право супругов, как по-

тенциальных наследодателей, на составление так называемого «совместного наследственного договора». Такой договор, исходя из презумпции совместного имущества супругов, определяет порядок перехода права на такое имущество, но может устанавливать и порядок в отношении имущества каждого из супругов в случае смерти каждого из них, включая одновременную смерть, либо к пережившему супругу, либо к иным лицам. Также в договоре может быть указаны положения о назначении одного душеприказчика или нескольких, действующих после смерти каждого из супругов.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что, несомненно, предоставление законодателем нового способа распоряжения своим имуществом после смерти является положительным аспектом законотворчества, позволяющим наследодателю еще при жизни установить судьбу своего имущества, оставшегося после его смерти. Однако о сих пор актуален вопрос о действительной необходимости подобных нововведений, поскольку внедрение наследственного договора в ГК РФ является неоднозначной новацией в реформе наследственного законодательства.

Постатейный библиографический список

1. Вараксин М. Новые поправки в ГК: наследственный договор и совместное завещание. 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/news/202164/> (дата обращения: 30.04.2023).
2. Будылин С. Л., Петров Е. Ю. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. Е. Ю. Петров. – М.: Статут, 2018. – 510 с.
3. Мейер Д. И. Русское гражданское право (в 2 ч.). По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. Изд. 3-е, испр. – М.: Статут, 2003. – 831 с.
4. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданиям 1912 и 1914 – 1915 гг.): в 2 томах. Том 1: учебник. – М.: Статут, 2021. – 838 с.
5. Серебровский В. И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. Изд. 2-е, испр. – М.: Статут, 2003. – С. 48-49.
6. Логинова К. Ю. Наследственный договор – правовые механизмы применения в действующем законодательстве Российской Федерации // Наследственное право. – 2019. – № 1. – С. 12-15.

АНАНЬЕВА Екатерина Олеговна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ИВЛИЕВ Павел Валентинович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ПРОБЛЕМА ПРОДАЖИ БИОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА И ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЕГО СТАТУСА КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматриваются проблемы, связанные с вопросами репродуктивной функции человека и применением вспомогательных репродуктивных технологий, основанных на применении биологического материала. Дается понятие самой ВРТ с учетом норм гражданского и семейного законодательства и услуги по ее применению, а также рассматривается классификация биологического материала, применяемого и приобретаемого для реализации права граждан на получение результата. В исследовании определяется положение применяемого материала как товара и рассматривается его юридическая характеристика при продаже по договорам, используемым в практике медицинских клиник, лечащих бесплодие.

Ключевые слова: гражданское законодательство, семейное законодательство, биологический материал, донорство, законодательство о здравоохранении.

ANANJEVA Ekaterina Olegovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

IVLIEV Pavel Valentinovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

THE PROBLEM OF SELLING BIOLOGICAL MATERIAL AND DETERMINING ITS STATUS AS AN OBJECT OF CIVIL LAW RELATIONS

The article deals with the problems related to the issues of human reproductive function and the use of assisted reproductive technologies based on the use of biological material. The concept of ART itself is given, taking into account the norms of civil and family legislation and services for its application, and the classification of biological material used and acquired for the realization of the right of citizens to obtain a result is also considered. The study determines the position of the material used as a commodity and examines its legal characteristics when selling under contracts used in the practice of medical clinics treating infertility.

Keywords: civil legislation, family legislation, biological material, donation, healthcare legislation.

Ананьева Е. О.

Ивлиев П. В.

Конец XX столетия ознаменовался резким уменьшением населения во многих странах мира. Снижение уровня рождаемости и увеличение смертности оказались не единственными причинами такого явления. Одной из проблем явилось бесплодие, которое в науке означает потерю растениями и живыми организмами способности к воспроизводству или размножению половым путем. Стоит отметить, что точных данных о количестве бесплодных людей и пар на сегодняшний день не существует. Согласно докладу ВОЗ, в мире таким отклонением страдает около 17,5 % взрослого населения. Это означает, что практически каждый шестой человек не может естественным путем иметь детей. ВОЗ также приводит такие цифры о состоянии заболевания, от 48,5 до 72,4 млн. пар, что составляет 12,6-17,5 % которые способны к зачатию и хотят иметь собственных детей, не могут их иметь по различным причинам [1].

Если еще полвека назад основой такого заболевания являлись особенности женского организма и считалось, что причиной бесплодия в семье является несостоятельность и заболевание женщины, то сегодня уверенно можно говорить о том, что бесплодие – это проблема, касающаяся как женщин, так и мужчин. Отмечено, что в России в 2022 году распространение бесплодия выросло у женщин на 30 %, а у мужчин почти на 50 % за последнее десятилетие. Конечно, российские власти принимают меры по снижению такого явления, принимая национальные проекты и программы, которые дают возможность семьям рассматривать возможность иметь более одного ребенка [2. с. 60]. Не всегда материальная поддержка в виде семейного капитала, снижения возраста выхода на пенсию для многодетных матерей и иные материальные и социальные блага способствуют решению создавшейся проблемы. Такие направления политики государства не решают вопросы бес-

плодных семейных пар. Лечение бесплодия является достаточно дорогостоящей и длительной процедурой. В большей степени легче тем парам, которые по медицинским показаниям могут пройти медикаментозное лечение и восстановить нарушенные в организме функции. Если вопрос касается применения вспомогательных репродуктивных технологий с применением стороннего биологического материала, то вопрос становится весьма проблематичным.

Регламентирует применение ВРТ, кроме норм действующего законодательства, еще и такой нормативный правовой акт как Приказ Министерства здравоохранения РФ от 31.07.2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению». В нем предусматривается применение донорского материала. Стоит определить его правовую характеристику. Биологический материал человека – это любой биологический материал, полученный от мужчины или женщины, который может быть использован для медицинских, научных или диагностических целей. К такому материалу относятся кровь, моча, слюна, ткани, клетки, ДНК и другие биологические образцы [3, с. 30]. Биологический материал является конфиденциальной информацией и должен учитываться в соответствии с законодательством о защите персональных данных. Все образцы должны быть маркированы и храниться в соответствии с правилами безопасности и гигиены.

В соответствии с нормой ст. 68 ФЗ № 323 от 21.11.2011 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», использование биологического материала человека для научных и медицинских целей может быть разрешено только после получения согласия от пациента или его законного пред-

ставителя. В случае использования биологического материала без согласия пациента это может быть признано незаконным и привести к серьезным юридическим последствиям. Биологический материал человека может быть использован для различных целей, таких как диагностика заболеваний, разработка лекарств, исследования генетических нарушений и т.д. Важно соблюдать этические принципы и правила использования биологического материала, чтобы защитить права и интересы пациентов и обеспечить безопасность и эффективность медицинских и научных исследований. Но это касается только тела, органов и тканей умершего человека.

Использование яйцеклеток и семенной жидкости для проведения процедур ЭКО (экстракорпорального оплодотворения) является одним из способов лечения бесплодия у мужчин и женщин. Однако, использование этих материалов для ЭКО может быть сложным этическим вопросом. В большинстве случаев доноры яйцеклеток и семенной жидкости являются анонимными, и их личность не раскрывается. Имеется практика, когда некоторые люди могут стать донорами для своих близких родственников или друзей. Важно понимать, что яйцеклетки и семенная жидкость не являются товарами, а являются биологическим материалом, полученным от людей. Поэтому использование этих материалов должно осуществляться в соответствии с законодательством о защите персональных данных и этическими принципами. Когда вопрос касается приобретения такового, для его использования при ВРТ, то статус репродуктивных клеток и других материй необходимо определить. Надо уточнить, что в отечественной законодательной практике вопрос статуса биоматериала по категории вещь это или нет, не урегулирован.

Что касается зарубежной практики, то интересным является прецедент, зафиксированный в США о признании биологического материала в качестве частной собственности. Так, в деле В. Мура против Калифорнийского университета установлено, что ученые-медики убедили пациента сделать операцию по удалению кожных тканей, а затем использовали их в коммерческих операциях. Истец потребовал возмещения неосновательного обогащения, апеллируя имущественными правами на изъятие у него ткани. В результате суд признал, что лицо, у которого изъяти клетки и ткани лишается имущественных прав в отношении этого биоматериала [4].

Суды в Канаде признали ткани человека частной собственностью. В Австралии биологический материал признается имуществом. Таким образом, общая мировая тенденция обращения с биоматериалом, отделенным от человека следует правилу принадлежности последнего медицинской организации и получаемой, и используемой на бесплатной основе.

В России стоит обратить внимание на нормы законодательства «Об основах охраны здоровья граждан», в которых нет положений относительно прав на биоматериал. В ранее действовавших Основах содержалась норма о запрете купли-продажи и иных коммерческих сделок с органами и тканями человека (ч. 2 ст. 47).

В действующем законодательстве подобное положение отсутствует. Однако, нормы Приказа Министерства здравоохранения РФ № 107н устанавливают право человека на криоконсервацию и хранение своих половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов в медицинских организациях за счет личных средств, а для их использования давать свое письменное разрешение. Такое положение возможно применять только к собственности, если рассматривать подобные права как право гражданина на личную собственность имущество).

Доноры яйцеклеток и семенной жидкости должны давать свое согласие на использование своего материала для проведения ЭКО. Они также должны быть информированы о возможных рисках и последствиях, связанных с этой процедурой. В случае использования яйцеклеток и семенной жидкости для ЭКО без согласия доноров это может быть признано незаконным и привести к серьезным юридическим последствиям. Поэтому важно соблюдать этические принципы и правила использования биологического материала, чтобы защитить права и интересы доноров и обеспечить безопасность и эффективность медицинских процедур.

Сдача биологического материала на постоянной платной основе может быть этически и юридически проблематичной. Во многих странах существуют законы, запрещающие продажу и покупку биологического материала, включая яйцеклетки и семенную жидкость. Это связано с опасностями, которые могут возникнуть при использовании биологического материала, полученного от людей, которые могут быть вынуждены продавать свой материал из-за финансовых трудностей.

Кроме того, использование биологического материала для ЭКО должно осуществляться в соответствии с этическими принципами и правилами. Важно убедиться, что доноры дают свое согласие на использование своего материала, не подвергая их давлению или манипуляциям. Постоянная плата за биологический материал может создать условия для эксплуатации доноров. В целом, использование биологического материала для ЭКО должно осуществляться в соответствии с законодательством и этическими принципами, защищая права и интересы доноров и обеспечивая безопасность и эффективность медицинских процедур. Несмотря на такие правила и нормы законодательства, которое так и не узаконило настоящий статус биологического материала, официальные сайты клиник, осуществляющих предоставление услуг ВРТ содержат предложения по закупкам необходимого материала человека. Средняя стоимость одной порции биологического материала мужчины сегодня стоит от 1500 до 3000 руб. С учетом разрешенной возможности до 6 раз в месяц сдавать такой материал, доход от такой купли-продажи может составлять 10-15 тыс. руб. [5]. Что касается донорства ооцитов, то его вознаграждение колеблется в районе суммы 250000 руб.

Следовательно, если человек задумается и в качестве заработка начнет на постоянной основе, если состояние его здоровья позволит, продавать свой биологический материал, то получит вполне достаточный для жизни заработок. Пока человек молод и не связан никакими обязательствами, подобная «подработка» не вызовет никакого волнения в его окружении. Однако, если представить, что семейная пара занялась на постоянной основе такой деятельностью, то как рассматривать продажу их материала с юридической точки зрения и каким образом квалифицировать их доход от таких продаж законодателем не установлено. Единственное, что можно определить, материал принадлежит гражданину, его сдавшему, если он оплачивает его хранение. Использовать такой продукт можно только с письменного разрешения донора. Квалификация определения биоматериала супруга в отношении другого супруга при продаже (донорстве) пока невозможна. Следовательно, невозможно определить, как будет распределяться доход от подобных действий. Можно ли его определить, как общую собственность (доход) супругов или как доход от продажи личной собственности. Вопросы в данном случае достаточно много. И законодательной практикой они не урегулированы.

Существует закрепленные нормами Приказов Министерства здравоохранения правило, что донорский материал должен быть анонимным. Однако, сведения о донорах все равно хранятся в базе данных и такой ресурс может попасть в чужие руки. Применение цифровых технологий не дает гарантированного результата по сохранению медицинской тайны и анонимности [6, с. 179]. Средств для защиты таких персональных данных пока нет.

Пристатейный библиографический список

1. В мире началась эпидемия бесплодия: угрожает ли она россиянам. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/27490.5/4749162/>. (дата обращения: 4.05.2023).
2. Ананьева Е. О., Абовян Э. П. Материнский капитал: проблемы законодательного регулирования и оформления // Вестник Уголовно-исполнительной системы. – 2021. – № 3 (226). – С. 58-64.
3. Кагирова С. Д. Биоматериал человека как объект гражданских прав // Исследования молодых ученых: материалы XXX Междунар. науч. конф. (г. Казань, январь 2022 г.). – Казань: Молодой ученый, 2022. – С. 29-33.
4. Васильев Г. С. Человеческий биоматериал как объект права. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-biomaterial-kak-obekt-prava?ysclid=libf0q4f53401180853> (дата обращения: 4.05.2023).
5. Сколько стоит сдать сперму – цена вопроса. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vse-dengy.ru/donor-spermy.html> (дата обращения: 4.05.2023).
6. Ананьева Е. О., Ивлиев П. В. Проблемные вопросы развития коммерческого здравоохранения в условиях ограничений и социальных рисков // Человек: преступление и наказание. – 2022. – Т. 30. – № 2. – С. 171-182.

БАКУНИН Сергей Николаевич

кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина

КУРБАТОВА Галина Васильевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ НА ТОВАРНЫЕ ЗНАКИ И ЗНАКИ ОБСЛУЖИВАНИЯ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Вопросы, касающиеся проблемных аспектов защиты исключительных прав на средства индивидуализации, традиционно являются актуальными и дискуссионными для российской правовой действительности. Любое противоправное использование рассматриваемых объектов наносит существенный вред их правообладателю. В статье рассматривается современная практика защиты прав на товарный знак и знак обслуживания с позиции российского и зарубежного правопорядка, актуализируется важность обеспечения эффективной защиты товарного знака и знака обслуживания в условиях развития современного рынка товаров и услуг. Анализируются основные проблемы и недостатки в действующем гражданском законодательстве в сфере защиты вышеуказанных средств индивидуализации и высказываются предложения, направленные на их решение.

Ключевые слова: товарный знак, знак обслуживания, правообладатель, нарушения, защита прав, проблемы.

BAKUNIN Sergey Nikolaevich

Ph.D. in Law, professor, professor of Civil law sub-faculty of the S. A. Yesenin Ryazan State University

KURBATOVA Galina Vasiljevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute of the Training of State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

PROBLEMS OF PROTECTION OF RIGHTS TO TRADEMARKS AND SERVICE MARKS: DOMESTIC AND FOREIGN EXPERIENCE

Questions concerning the problematic aspects of the protection of exclusive rights to means of individualization are traditionally relevant and debatable for the Russian legal reality. Any illegal use of the objects in question causes significant harm to their copyright holder. The article discusses the modern practice of protecting the rights to a trademark and service mark from the standpoint of Russian and foreign legal order, the importance of ensuring effective protection of a trademark and service mark in the context of the development of the modern market for goods and services is updated. The main problems and shortcomings in the current civil legislation in the field of protection of the above means of individualization are analyzed and proposals are made to solve them.

Keywords: trademark, service mark, copyright holder, violations, protection of rights, problems.

Правообладатели исключительных прав на товарные знаки и знаки обслуживания являются единственными субъектами, которые в соответствии с законом вправе беспрепятственно использовать их в своей деятельности. На любое зарегистрированное обозначение распространяется правовая охрана, которая направлена на обеспечение защиты прав правообладателя от любых противоправных посягательств. Однако практика показывает, что законные права правообладателей продолжают нарушаться различными способами. Практически каждый человек в процессе своей жизнедеятельности хотя бы раз сталкивался с подделками, когда под видом известных компаний и брендов, с использованием их товарных знаков, предлагаются товары, которые не имеют никакого отношения к тому производителю, под видом которого они продаются. Как правило, подобные товары обладают более низким качеством, чем оригинальная продукция компании, что не может не наносить существенный маркетинговый и репутационный ущерб истинному правообладателю.

Столь активное незаконное использование товарных знаков, знаков обслуживания легко объяснимо, так как, нарушая, таким образом, закон, недобросовестный пользователь в основном получает одни лишь плюсы. Во-первых, он не тратит время и деньги на раскрутку своего бренда, на то, чтобы заслужить доверие и уважение потребителей, на рекламные компании и техническое оснащение. Во-вторых, он быстро выходит на существовую самоокупаемость. В-третьих, нередко подобные фирмы регистрируются на третьих лиц, которые не принимают участия в управлении, в связи с чем,

в случае, когда это крайне необходимо, такие компании стремятся обанкротиться, чтобы снять с себя большую часть ответственности за незаконные действия.

Использование объектов интеллектуальной собственности – товарных знаков и знаков обслуживания, без соответствующего дозволения правообладателя образует бездоговорное обязательство. Мы солидарны с позицией, в соответствии с которой подобного рода обязательства приняты относить к деликтным [2, с. 132]. Основным аргумент, на котором основывается данная точка зрения, в том, что правообладатель, посредством незаконного использования принадлежащего ему товарного знака, вынужден сталкиваться с негативными имущественными последствиями. Контрафактные товары, обладающие низким качеством, снижают в глазах потребителей доверие к истинному производителю и правообладателю. Следствием этого является падение потребительского спроса, что ведёт за собой материальные убытки.

Общеизвестно, что законная и честная конкуренция всегда полезна для рынка, так как от нее выигрывают и продавцы, которые вынуждены постоянно повышать качество своей продукции, чтобы обойти конкурентов и остаться в гонке за выбор потребителя, и сами потребители, которые за деньги приобретают товары высокого качества. Однако необходимо констатировать, что незаконное использование рассматриваемых объектов приводит к тому, что на рынке отдельных товаров и услуг образуется нечестная конкуренция, основанная на нарушении законодательства. Она наносит огромный ущерб, снижает доверие покупателей, бросает тень на качество производимой продукции, а, главное, обе-

ценивает все усилия правообладателя по продвижению, раскручиванию и рекламированию своего бренда, которые он предпринимал на протяжении многих лет, тратя на это огромные деньги и ресурсы.

В условиях жесткой конкуренции, которая свойственна современному рынку товаров, работ и услуг, одним из основных факторов, позволяющих хозяйствующему субъекту на постоянной основе извлекать прибыль и стабильно ощущать себя на рынке, является репутация, а также связанное с ней доверие со стороны потребителей. Рассматриваемые обозначения пребывают в состоянии устойчивой связи с репутацией. Многие компании тратят несколько лет и значительное количество средств на то, чтобы заслужить доверие потребителей и занять свою нишу на рынке. В ход идут реклама, различные маркетинговые ухищрения, бонусы, подарки, однако главным остаётся высокое качество продукции. Обрести надежную репутацию и завоевать доверие – крайне сложно, а потерять это очень легко. Поэтому борьба с нарушителями и контрафактными производителями не перестаёт оставаться актуальной во всём цивилизованном мире.

Нормальное и легитимное гражданское правоотношение, подразумевающее законное и беспрепятственное использование исключительных прав иным заинтересованным лицом, подразумевает его обращение к правообладателю за предоставлением лицензии. Безусловно, фактов незаконного использования товарных знаков еще довольно много, но за последние несколько лет ситуация стала меняться. Всё больше хозяйствующих субъектов обращаются к правообладателям за получением лицензии, чтобы реализовывать свою продукцию под их брендом. В таком случае правообладатель не несёт убытков, а, наоборот, извлекает из своего права распоряжения стабильную прибыль. Более того, правообладатель, как правило, не лишается возможности влиять на качество производимой под его брендом продукции и контролировать процесс в том объеме, который оговорён сторонами.

В соответствии с пп. 2 п. 4 ст. 1515 ГК РФ правообладатель вправе потребовать от нарушителя выплаты компенсации в виде двукратного размера стоимости права на использование. Рассуждая сугубо теоретически, подобный расчёт позволяет правообладателю возместить потери, которые он понёс в результате незаключения лицензионного договора. Однако рассмотрение практической составляющей показывает, что далеко не всё в данном вопросе так однозначно.

К примеру, имеют место ситуации, когда суды отказывают в выплате компенсации правообладателю, мотивируя свою позицию тем, что заинтересованное лицо не смогло предоставить суду примеры ранее заключённых им договоров простой лицензии. Вполне логичные объяснения истца о том, что невозможность предоставить примеры связана с отсутствием таковых, не были приняты во внимание судом, несмотря на то, что сам факт нарушения был доказан [3]. Судебная практика чрезвычайно многообразна. Поэтому утверждать, что абсолютно все суды принимают решения по вопросу компенсации аналогичным образом, неправильно. Некоторые из них прибегают к учёту иных доказательств, если у пострадавшей стороны отсутствуют необходимые примеры. Суд по интеллектуальным правам в своих различных решениях неоднократно констатировал, что для определения расчёта компенсации могут использоваться иные способы. Однако конкретика в данном вопросе до сих пор отсутствует. Ни представители доктрины, ни практика не дают однозначного ответа на указанный вопрос. Поэтому если правообладатель ранее выдавал лицензию, а затем возникла необходимость защищать свои права в суде по факту незаконного использования исключительного права, ему будет значительно проще получить компенсацию.

Ввиду того, что в рамках отечественной правовой действительности нам не удалось изыскать ответа на вышеуказанный вопрос, считаем вполне целесообразным обратиться к рассмотрению зарубежного опыта. В зарубежных правовых порядках одним из способов возмещения убытков правообладателя выступает выплата нарушителем адекватного лицензионного вознаграждения, но также учитываются и иные показатели и сведения.

К примеру, в Германии в качестве ориентира суды обращаются к рассмотрению лицензионных договоров, которые были заключены иными правообладателями на схожих условиях, принимают во внимание известность и популярность.

В США суды могут использовать гипотетическую переговорную модель, когда предполагается и моделируется ситуация договорного процесса между стороной правообладателя и стороной нарушителя, как будто факта нарушения еще не было. Устанавливается сумма, которую нарушитель должен был заплатить за лицензию, если бы обратился за ней, как того требует закон. И в Германии, и в США велика роль экспертной оценки ценности товарного знака, на основании которой рассчитываются и суммы роялти, и суммы компенсаций при нарушениях [1, с. 225].

Не стоит забывать, что посредством незаконного использования нарушитель извлекает прибыль. Чаще всего, именно в этих целях нарушители и маркируют свою продукцию обозначениями известных в широких кругах потребителей брендов. Согласно законам рынка, это ведёт к повышению потребительского спроса, и, как следствие, к неосновательному обогащению нарушителя. В таком случае крайне важно разграничивать деликтные и кондикционные обязательства. Данный подход, вполне обоснованно, получил распространение в современной цивилистике. Не удивительно, что справедливым решением должно стать предоставление правообладателю возможности взыскать с нарушителя сумму прибыли, которую он извлёк, незаконно используя чужой товарный знак. В большинстве зарубежных правовых систем у правообладателя имеется такая возможность. Но она реализуется не посредством прямого применения норм о неосновательном обогащении, а с помощью норм о взыскании иных убытков. Действующая российская модель несколько отличается от аналогичных зарубежных порядков и содержит ряд изъянов и недостатков. Во-первых, имеют место случаи, когда правообладатель взыскивал с нарушителя предполагаемую прибыль, хотя он её еще даже не получил и не успел неосновательно обогатиться. К примеру, товар был лишь произведён, на него было нанесено обозначение, но партия товара не дошла до стадии реализации, так как факт нарушения был выявлен ранее. Во-вторых, чаще всего взысканию подлежит общая стоимость контрафактных товаров, без учета их реальной ценности, понесённых нарушителем расходов на её изготовление, рекламу, ввод в оборот и так далее. В-третьих, наблюдается преобладание сверх штрафного характера, сопряжённого с двойным размером, в условиях отсутствия прямой вины.

Текущее положение дел является неприемлемым и подлежит корректировке. Требуется внести изменения в часть IV ГК РФ, посредством раскрытия механизма взыскания компенсации, который бы учитывал реальность получения нарушителем прибыли, натуральную ценность контрафактных товаров. Отдельного внимания заслуживает исключение дополнительного наказания и излишних штрафов. Подход к подобной работе можно организовать, опираясь на успешный зарубежный опыт, но с обязательным учётом особенностей, свойственных российской правовой действительности. Только так можно внести ясность, единообразие в существующий механизм, сделать его более справедливым, обоснованным и отвечающим базовым принципам гражданского права. На это должна прямо указывать соответствующая созданная правовая норма, чтобы не породить двусмысленности и различия в подходах.

Проведённое исследование наглядно показало, что средства индивидуализации выполняют важную роль с точки зрения маркетинговой и рекламной составляющей деятельности хозяйствующего субъекта, так как посредством активных действий на рынке он формирует определенный облик в глазах потребителей своих товаров и услуг, приобретает деловую репутацию, которую очень тяжело заслужить и крайне легко потерять. Поэтому необходимо продолжать уделять внимание тематике проблем защиты прав правообладателей рассматриваемых обозначений.

Пристатейный библиографический список

1. Айнуллин Р. Р. Трансграничный договор отчуждения исключительного права автора // Молодой ученый. – 2020. – № 25 (315). – С. 224-227.
2. Богданова О. В. Защита интеллектуальных авторских прав гражданско-правовыми способами: Монография. – М., 2017. – 212 с.
3. Постановление СИП РФ от 24.05.2018 по делу № А40-208600/2016; Постановление СИП РФ от 24.04.2018 по делу № А75-9720/2017// СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 13.05.2023).

ИВЛИЕВ Павел Валентинович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

АНАНЬЕВА Екатерина Олеговна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В данной статье рассматривается объективная необходимость реформирования отечественной пенсионной системы. Анализируется именно корпоративный инструментарий совершенствовании российской пенсионной системы. Затрагиваются объективные преимущества корпоративной пенсионной системы, а также препятствия для её широкомасштабного применения в российской действительности. Также разбираются основные особенности корпоративной пенсионной системы и ее схемы. Анализируется опыт зарубежных стран с точки зрения его заимствования в Российской Федерации.

Ключевые слова: финансовые институты, корпоративная система пенсионного обеспечения, работник, работодатель, заработанная плата, инвестиции, негосударственный пенсионный фонд, пенсионный возраст, финансовая стабильность, вкладчики.

IVLIEV Pavel Valentinovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

ANANJEVA Ekaterina Olegovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

PROSPECTS FOR THE USE OF THE CORPORATE PENSION SYSTEM IN MODERN RUSSIA

This article discusses the objective need to reform the domestic pension system. It is the corporate tools for improving the Russian pension system that are being analyzed. The objective advantages of the corporate pension system, as well as the obstacles to its large-scale application in Russian reality, are touched upon. The main features of the corporate pension system and its scheme are also analyzed. The experience of foreign countries is analyzed from the point of view of its borrowing in the Russian Federation.

Keywords: financial institutions, corporate pension system, employee, employer, wages, investments, non-state pension fund, retirement age, financial stability, contributors.

Совершенствование пенсионной системы в России является на сегодняшний день достаточно злободневной проблемой. Это связано с тем, что существенное количество россиян считают, что их уровень пенсионного довольствия находится не на должном уровне. Этому способствует большое количество разноплановых факторов. Это падение отечественной экономики, сокращающееся количество работающего населения, пандемия коронавируса и многое другое. В связи с чем возникает актуальная потребность провести реформу пенсионной системы. Такие радикальные методы по увеличению размера пенсий, как повышения пенсионного возраста в народе были восприняты отрицательно. Поэтому необходимо применять более щадящие методы, но и при этом приносящие свою эффективность. Одним из таких приемов будет являться корпоративная система пенсионного обеспечения.

Корпоративная система пенсионного обеспечения является одним из наиболее эффективных инструментов для обе-

спечения финансовой стабильности в старости. В России, как и во многих других странах, система государственного пенсионного обеспечения не всегда может обеспечить достойный уровень жизни для пожилых людей. Поэтому корпоративная система пенсионного обеспечения может стать важным дополнением к государственной системе и обеспечить пенсионерам дополнительный источник дохода.

Для полного понимания темы настоящего исследования необходимо раскрыть сущность корпоративной системы пенсионного обеспечения. Её смысл выражается в том, что корпоративная пенсия это форма негосударственного пенсионного обеспечения. Главной же её особенностью является тот факт, что средства на индивидуальный счет работника вносятся работодателем в негосударственный пенсионный фонд, который аккумулирует финансовые средства и направляет их для инвестиций для реализации разного рода проектов. После успешной реализации проектов НПФ получает данные денежные средства с лихвой и тем самым

Ивлиев П. В.

Ананьева Е. О.

формирует пенсии своим вкладчикам. На практике выделяется несколько схем такого корпоративного пенсионного обеспечения. Первая система получила название солидарной. В данной схеме финансовые средства, вносимые на счет работника облагаются налогом. Работник в данном случае взносов не осуществляет, а работодатель в общем-то не заинтересован увеличивать такое финансирование так как не получит налоговых преференций. Соответственно работник не сможет получить большую пенсию в будущем. Поэтому данный механизм не очень выгоден работодателю. Во втором случае, который называется индивидуальной схемой, взносы осуществляет также работодатель, но он уже получает достаточные налоговые преференции, что делает эту схему значительно более выгодной для организации. И третья схема получила свое название как паритетная. Её суть заключается в том, что и работник и работодатель осуществляют отчисления в негосударственный пенсионный фонд. И чем больше денежных средств перечисляет в НПФ работник, тем больше у него будет пенсионное обеспечение в старости. Работодатель же вынужден больше перечислять финансовых средств по мере роста заработной платы работника, что делает паритетную схему наиболее востребованной и перспективной для всех участников корпоративной системы пенсионного обеспечения и в том числе для НПФ, так как последний в данном случае получит большее количество денежных средств.

Рассматривая зарубежный опыт в области корпоративного пенсионного обеспечения, стоит отметить его развитость в сравнении с российским, что оказывает влияние как на проработанность нормативной базы, так и менталитет населения [1].

Перспективы применения корпоративной системы пенсионного обеспечения в России связаны с несколькими факторами. Во-первых, это повышение уровня доходов населения. Данная необходимость всегда была очень острой во все времена, даже в эпоху социальной стабильности. Несмотря на то, что в России сейчас экономическая обстановка не является спокойной и предсказуемой в краткосрочной перспективе, то тем не менее отечественные экономисты прогнозируют рост экономики нашего государства как минимум в среднесрочной перспективе и даже на более длительные сроки. А это неизбежно приведет к росту заработанных плат и возможности инвестирования в свое будущее. Именно поэтому актуальность повышения пенсионного довольствия не уходит с повестки дня.

Во-вторых, корпоративная система пенсионного обеспечения может стать привлекательной для работодателей, которые могут использовать ее как инструмент для привлечения и удержания квалифицированных сотрудников. Ведь чем дольше работает сотрудник, тем меньше работодателю тратить сил и средств на поиск и обучение новых специалистов. А если учесть что количество работающих людей в стране с каждым годом больше не становится, то данный аспект приобретает особую значимость для работодателя. Необходимо отметить, что корпоративная пенсионная система позволяет удерживать на более длительные сроки возрастных сотрудников, опыт которых ещё сильно может пригодиться для развития компании. Это создает плодородную почву

для увеличения лояльности опытных специалистов к администрации предприятия и общему делу, что в свою очередь простимулирует возрастных сотрудников продолжать свою профессиональную деятельность и после достижения пенсионного возраста. Более того необходимо отметить, что исследуемый нами инструментарий обеспечивает удержание и молодых сотрудников. Например, когда речь идет о малоприятельных отраслях производства, то необходимо применять все возможные способы стимулирования в данной сфере и корпоративная система пенсионного обеспечения будет как нельзя кстати, для реализации данной особенности. Также это позволит снизить текучесть кадров, закрепить молодых специалистов и самое главное сэкономить на других формах вознаграждения. Это колоссальное подспорье для работодателя и как следствие веская причина активного внедрения корпоративной пенсионной системы.

В-третьих, в России наблюдается тенденция к увеличению продолжительности жизни. Это означает, что люди будут жить дольше и нуждаются в дополнительных источниках дохода в старости. Корпоративная система пенсионного обеспечения может стать ответом на эту проблему, обеспечивая пенсионерам стабильный дополнительный источник дохода на долгие годы.

В-четвертых, анализируемый механизм позволит сотрудникам в более раннем возрасте выходить на пенсию, что позволит им больше заниматься творчеством и улучшать свою жизнь и жизнь своих близких.

В-пятых, развитие подобного рода институтов неизбежно будет отлично сказываться и на инвестиционном климате в нашем государстве. Ведь чем больше работников и работодателей будет вкладываться в свою пенсию, то тем больше денег будет у негосударственных пенсионных фондов, что в свою очередь решит многие проблемы инвестирования отечественной экономики.

Повышение уровня качества жизни граждан, это одно из основных социально-экономических направлений развития Российской Федерации [2].

Однако есть и проблемы, связанные с корпоративной системой пенсионного обеспечения в России. Во-первых, многие компании не имеют достаточной информации о том, как создавать и управлять корпоративной системой пенсионного обеспечения. Кроме того, некоторые компании могут не видеть преимущества в создании такой системы, особенно если они не имеют достаточного количества квалифицированных сотрудников.

Во-вторых, есть риск того, что компании могут использовать корпоративную систему пенсионного обеспечения для сокращения затрат на государственную систему пенсионного обеспечения. Это может привести к тому, что люди будут получать меньше пенсии от государства, что может стать серьезной проблемой для многих людей.

В-третьих, важной проблемой корпоративной системы пенсионного обеспечения является низкий уровень выплат. В большинстве случаев, работники получают намного меньше, чем им требуется для поддержания достойного уровня жизни после выхода на пенсию. Это связано с тем, что работодатели не всегда готовы выделять достаточные средства

на пенсионное обеспечение своих сотрудников. Данное положение является реальностью на сегодняшний день, но это совсем не означает

В-четвертых, корпоративная система пенсионного обеспечения может также оказаться недостаточно защищенной от нарушения прав работников. В случае банкротства компании или изменения условий трудового договора, работники могут потерять свои пенсионные накопления или получить значительно меньше, чем ожидали.

В-пятых, необходимо отметить, что исследуемая нами система пенсионного обеспечения может быть недостаточно гибкой, что означает, что работники не всегда могут выбирать, каким образом они хотят инвестировать свои пенсионные накопления. Это может привести к снижению доходности и недостаточному уровню выплат.

В-шестых, корпоративные пенсионные системы также представляет риски для работодателей. В случае неудачных инвестиций или других финансовых проблем, работодатель может быть вынужден выплачивать дополнительные средства на пенсионное обеспечение своих сотрудников, что может негативно сказаться на финансовом состоянии компании.

И наконец, в-седьмых, такая корпоративная пенсионная система может привести

к неравенству между работниками. Те, кто работают в компаниях с более высокими зарплатами и более щедрыми пенсионными программами, могут получать значительно больше, чем те, кто работают в менее привлекательных компаниях.

Для эффективного решения вышеуказанных проблем, а также эффективного массового применения корпоративной системы пенсионного обеспечения необходимо осуществить ряд преобразований. Во-первых, необходимо осуществить реформу нормативной базы, и в частности внести коррективы в налоговое законодательство, которые стимулировали бы компанию реализовывать корпоративные пенсионные программы.

Во-вторых, необходимо расширить возможности реинвестирования корпоративных пенсионных накоплений в ходе реализации этих программ, в экономику компаний.

В-третьих, повышать уровень пенсионной культуры населения, которое связывает свое будущее исключительно с государственной системой пенсионного обеспечения. Необходимо отметить, что доверие россиян к подобному роду институтов такое же как и к финансовым пирамидам. Поэтому увеличение доверия задача к корпоративной системе пенсионного обеспечения стратегическая и необходимая.

В-четвертых, для увеличения выплат необходимо увеличить взносы работодателей на пенсионное обеспечение своих сотрудников. Также можно предложить работникам возможность дополнительных взносов в пенсионный фонд. Это поможет увеличить размер пенсии и обеспечить достойный уровень жизни после выхода на пенсию.

В-пятых, необходимо осуществлять защиту прав работников посредством внедрения механизмов гарантированного сохранения пенсионных накоплений при банкротстве компании или изменении условий трудового договора. Также

необходимо установить четкие правила и механизмы контроля за пенсионными программами, чтобы предотвратить возможные нарушения прав работников.

В-шестых, необходимо предоставлять работникам больше возможностей выбора инвестиционных стратегий и инструментов для инвестирования своих пенсионных накоплений. Это поможет увеличить доходность и обеспечить достойный уровень выплат.

В-седьмых, необходимо осуществить снижение рисков для работодателей. Например, можно предложить работодателям выбор между фиксированными и переменными взносами в пенсионный фонд. Это поможет снизить риски для работодателей и обеспечить более стабильную пенсионную систему.

Подводя итог всему вышесказанному необходимо отметить, что корпоративная система пенсионного обеспечения может стать важным дополнением к государственной системе пенсионного обеспечения в России. Однако, для того чтобы эта система была эффективной, необходимо решить ряд проблем, связанных с ее созданием и управлением. Кроме того, необходимо убедиться, что корпоративная система пенсионного обеспечения не будет использоваться компаниями для сокращения затрат на государственную систему пенсионного обеспечения. Если эти проблемы будут решены, то корпоративная система пенсионного обеспечения может стать важным инструментом для обеспечения финансовой стабильности в старости для многих людей в России.

Пристатейный библиографический список

1. Шунина О. А., Нечаева В. Л., Макаров Д. Н. Корпоративное пенсионное обеспечение: проблемы внедрения и преимущества для организаций // Пенсионный фонд: опыт, традиции, инновации, статья в сборники трудов конференции. 2015. С. 117-120.
2. Койнова С. В. Перспективы развития пенсионной системы Российской Федерации до 2030 года // Приоритетные направления развития образования и науки, статья в сборнике трудов конференции. 2017. С. 346-348.

КИРИЛОВА Надежда Андреевна

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой административного, финансового и корпоративного права Новосибирского государственного университета экономики и управления

ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДОГОВОРНОЙ РАБОТЕ

В статье рассматриваются возможности использования цифровых технологий в договорной работе, этапы регулирования договоров и специфика задач, стоящих перед правом на каждом этапе развития договорных отношений. На примере материалов судебной практики рассматриваются сложности и риски использования цифровых технологий для оформления договорных обязательств, а также раскрываются возможные способы их минимизации.

Ключевые слова: договор, заключение и исполнение договора, смарт-контракт, дистанционное заключение договора, судебная защита.

KIRILOVA Nadezhda Andreevna

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Administrative, financial and corporate law sub-faculty of the Novosibirsk State University of Economics and Management

Кирилова Н. А.

OPPORTUNITIES AND RISKS OF USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN CONTRACT WORK

The article discusses the possibilities of using digital technologies in the contractual work of entrepreneurs, the stages of the development of contractual relations and the specifics of the tasks facing the law at each stage of the development of contractual relations. On the example of the materials of judicial practice, the difficulties and risks of using digital technologies for the execution of contractual obligations are considered, as well as possible ways of minimizing them are revealed.

Keywords: contract, conclusion and execution of the contract, smart contract; remote conclusion of the contract, judicial protection.

Споры, связанные с неисполнением или ненадлежащим исполнением договорных обязательств предпринимателями составляют от 65 до 70 % всех споров, рассматриваемых арбитражными судами Российской Федерации, и эта цифра практически не меняется за последние 8 лет¹. Только за 2022 год на рассмотрение арбитражных судов субъектов РФ поступило 931 305 исковых заявлений на общую сумму 3 625 675 118 тыс. руб.² Данные судебной статистики свидетельствуют как о значимости договоров в оформлении имущественных отношений, так и о возникающих проблемах. Частично проблемы ненадлежащего исполнения договорных обязательств связаны с проблемами правового регулирования данной сферы.

В настоящее время правовое регулирование договорных обязательств находится в состоянии радикальной трансформации. Но данная трансформация происходит крайне неравномерно. С одной стороны, происходит радикальное технологическое изменение заключения, оформления договоров и их исполнения, связанное с развитием цифровых технологий. В положениях Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы, утвержденной Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203, к основным направлениями развития российских информационных и коммуникационных технологий относятся конвергенция сетей связи и создание сетей связи нового поколения; обработка больших объемов данных; искусственный

интеллект; доверенные технологии электронной идентификации и аутентификации, в том числе в кредитно-финансовой сфере; интернет вещей и промышленный интернет; робототехника и др. (ст. 36), что находит отражение в практике коммерческого оборота. Так, в коммерческий оборот прочно вошли технологии блокчейна, смарт-контракта, больших данных и технологии искусственного интеллекта. В развитие положений Стратегии в России формируется «цифровое законодательство», в частности приняты Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³, регулирующий вопросы оборота цифровых финансовых активов и цифровой валюты, Федеральный закон от 02.08.2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴, раскрывающий понятие инвестиционной платформы, утилитарных цифровых прав.

С другой стороны, правовое регулирование договорных обязательств остается достаточно традиционным, несмотря на состоявшуюся реформу гражданского законодательства 2009-2015 гг. Так, Федеральный закон от 18.03.2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»⁵, внес незначительные изменения в гражданское законодательство в области цифровизации, в частности, ввел

1 Данные судебной статистики, использованные в настоящей работе, содержатся в годовых отчетах о работе арбитражных судов Российской Федерации о рассмотрении дел из гражданских и административных правоотношений по первой инстанции и размещены на сайте Судебного департамента при Верховном суде РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6122> (дата обращения: 20.08.2022).

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7650>.

3 Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>, 31.07.2020.

4 Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>, 02.08.2019.

5 Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 18.03.2019.

такие понятия, как цифровые права как объекты гражданских прав (ст. 128), электронная форма сделки как разновидность письменной (ст. 160), а также автоматизированное исполнение обязательств, то есть исполнение обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон (ст. 309). Иными словами, в гражданское законодательство крайне осторожно внедряются цифровые инструменты для осуществления договорной работы. В то же время в коммерческую практику данные инструменты внедряются очень активно, без них уже невозможно представить деятельность крупных корпораций, банковских, страховых, торговых компаний, что порождает определенный диссонанс между деловой практикой и ее законодательным оформлением.

В связи с активным внедрением в коммерческую практику информационных технологий, цифровых инструментов возникает множество вопросов, в том числе и вопросы о том, что происходит с «традиционным» гражданским договорным правом, достаточно ли его регулирующего воздействия на вновь возникшие цифровые отношения? Так, в своей диссертации Е. В. Зайнутдинова отмечает, что в связи с активным развитием информационных технологий, появлением такого понятия, как смарт-контракт в гражданском обороте перед цивилистами возникает необходимость осмыслить гражданско-правовую сущность смарт-контракта и те правовые средства, которые могут быть к нему применены [1, с. 3]. Ответы на данные вопросы разнятся. От утверждения о «начале конца договорного права», которое с внедрением цифровых технологий утрачивает свое фундаментальное значение, так как правовое регулирование данных контрактов должно строиться без опосредования нормами права, а полностью подчиняться правилам программирования, так называемой, власти компьютерного кода [2, с. 32]. До идей о возрождении классических идей римского права о праве как мере добра и справедливости, ведь коль скоро право обеспечивает благополучие человека, то и правовое регулирование и способы разрешения возникающих споров должны учитывать интересы конкретных участников гражданского оборота, что можно обеспечить только с использованием эффективного правового регулирования. У сторонников данного подхода ключевой идеей является совершенствование правового регулирования «цифровизации» договорного права [4].

Как бы мы не оценивали значимость происходящих цифровых изменений, их влияние на коммерческую практику ведения договорной работы невозможно отрицать, и, соответственно, правовое регулирование должно быть меняться. Развитие договорного права имеет длительную историю, обусловленную развитием экономических отношений, и вслед за А. И. Савельевым, можно выделить несколько стадий такого развития:

1) период доминирования индивидуально согласованных, индивидуализированных договоров. В рамках данного периода акцент делался на определении сущности договора, установлении единства воли и волеизъявления, детализации условий договора на уровне конкретного договора. Этот этап самый длительный в истории развития договорного права – несколько тысяч лет, начиная с римского права и до конца XIX-первой половины XX века;

2) период доминирования стандартизированных договоров – вторая половина XX века. Данный период характеризуется появлением крупных промышленных и торговых корпораций, банков, страховых компаний, перевозчиков и др., заинтересованных в заключении договоров с большим количеством контрагентов на схожих условиях. В этих условиях законодательный и практический акцент сместился на разработку примерных форм договоров. И лишь значительно позже, для обеспечения баланса интересов крупных корпораций и потребителей их товаров, работ, услуг в зако-

нодательстве закрепляют особый механизм заключения и защиты слабой стороны-стороны, не участвующей в выработке условий договора – договор присоединения;

3) период автоматизированных договоров – конец XX – начало XXI вв. – период заключения дистанционных договоров, использование электронно-цифровой подписи, аккаунтов, личных кабинетов и т.п. Автоматизированные договоры стали общей практикой заключения договоров перевозки, заключения договоров продажи финансовых, страховых, туристических услуг.

В качестве разновидности автоматизированных договоров можно рассматривать смарт-контракты, развитие которых является следующим этапом развития автоматизированных договоров [2, с. 32-33].

Основными характеристиками, обуславливающими широкое распространение смарт-контрактов в деловом обороте, являются следующие: 1) договор существует исключительно в электронной среде и предполагает обязательное использование электронной подписи; 2) условия договора излагаются на одном из языков программирования, а реализуются посредством использования базы данных блокчейн, то есть язык изложения – это язык программирования, а не словесное выражение воли участников; 3) использование языка программирования обуславливает повышенную степень определенности договора; 4) заключение договора происходит по модели договора присоединения, так как условия смарт-контракта формируются одной стороной, которая пишет программный код; 5) направленность на распоряжение цифровым активом; 6) условный характер. Исполнение обязанности одной стороны по такому договору обусловлено наступлением определенных обстоятельств, что проявляется в исходном коде такого контракта, выражающемся операторами «если... то...»; 7) самоисполнимость (техническая обязательность). Смарт-контракт не требует вмешательства стороны договора или какой-либо третьей стороны в процесс его исполнения: компьютер сам верифицирует факт наступления соответствующих условий и вносит записи в базу данных блокчейн об изменении владельца актива. Последующее изменение обстоятельств, изменение воли стороны по договору впоследствии или ее последующее поведение уже никак не может повлиять на судьбу договора, если только соответствующие обстоятельства не были прямо учтены в коде смарт-контракта. В связи с этим отсутствует необходимость в наличии доверия между сторонами – оно заменяется доверием к самой системе.

Внедрение в практику российских компаний смарт-контрактов началось меньше чем десять лет назад. Принято считать, что одними из первых в России такую сделку совершили Альфа-Банк и S7 Airlines в 2016 году. Банк составил два смарт-контракта на базе блокчейн платформы Эфирум, с использованием специального языка программирования Solidity. Первый был необходим для открытия аккредитива, а второй соответственно для его закрытия. Открытие и исполнение аккредитива в данном случае обрабатывались смарт-контрактом как транзакции. Все данные о договоре и его сторонах фиксировали в виде записи – хэша (от англ. Hash), которая содержала всю необходимые данные, касающиеся реквизитов контрагентов, предмета договора и условиях платежа. Процедура записи хэша создавалась напрямую банком, при этом обязательно согласовывалась с продавцом после открытия аккредитивного счета. Посредством интернет-банка продавец направлял в кредитную организацию сканы торговых документов для проверки. По итогам проверки совершался перевод денежных средств в российской валюте со счета плательщика на счет продавца [6]. В последующем в августе 2018 г. S7 Airlines запущен еще один крупный смарт-контракт по заправке самолетов авиатопливом. В смарт-контракт включены три компании: S7 Airlines, Альфа-Банк и оператор авиатопливного рынка

«Gazpromneft-Aero». После посадки самолета в аэропорту, пилот вводил данные в систему о том, в каком количестве топлива нуждается воздушное судно для совершения следующего рейса. Компьютерный алгоритм самостоятельно определял стоимость топлива, которым нужно было заправить воздушное судно, и направлял полученные в результате расчета данные в Альфа-Банк. Банк автоматически направляет информацию о наличии либо отсутствии денежных средств на расчетном счете. Далее алгоритм определяет, имеются ли на счету необходимая сумма денежных средств, и в случае положительного результата производит их списание на счет «Gazpromneft-Aero». Затем компания в автономном режиме проводит дозаправку воздушного судна. Контракт разработан на блокчейн-платформе Hyperledger [7]. Использование смарт-контрактов открыло новые возможности S7 и Альфа-Банк, касающиеся автоматизации процесса расчетов, и ускорении заправки самолета. Это означает, что время простоя судна в аэропорту было снижено, а частота полетов увеличена, что в свою очередь положительно сказалось на прибыли участников сделки.

При всей привлекательности смарт-контрактов для гражданского оборота существуют и проблемы, которые порождает использование данного вида договора. Во-первых, в настоящее время смарт-контракт не позволяет заменить собой все этапы исполнения обязательства. Как правило, данная технология используется для исполнения какой-либо части договорного обязательства, например, позволяет пассажиру проводить оплату по договору авиаперевозки, но реализация самого договора перевозки требует дополнительных фактических и юридических действий сторон. Следовательно, пока договорные обязательства будут оформляться и исполняться путем сочетания как доступных на сегодняшний день технологических возможностей, так и традиционного письменного направления оферты и получения акцепта, юридическое сопровождение таких договоров останется интеллектуальнозатратным. Во-вторых, возникают и вопросы теоретического характера: о правовой природе смарт-контрактов; об обеспечении защиты слабой стороны; об особых основаниях признания таких договоров недействительными и т.п. Решение этих и многих других проблем использования автоматизированных контрактов задачи ближайшего будущего.

Судебная практика рассмотрения смарт-контрактов пока немногочисленна: Верховный суд РФ такого рода сделки пока не рассматривал, в арбитражных судах субъектов РФ, рассматривающих дела по первой инстанции, такого рода споры составляют единичные случаи. Практически все рассмотренные дела так или иначе касались вопросов заключенности договоров, совершаемых с использованием технологии смарт-контракта. Пока выборка дел в виду ее немногочисленности не позволяет выявить значимые закономерности, но в качестве иллюстраций представляет интерес. Так, Арбитражным судом Самарской области вынесено решение по делу № Ф55-7445/2022 от 13 октября 2022 года, в котором суд, рассматривая вопрос о заключенности договора купли-продажи автомобиля с использованием технологии смарт-контракта, пришел к выводу о незаключенности договора⁶. Причем, суд мотивируя свое решение ограничился ссылками на нормы ГК РФ о понятии оферты, формы договора, понятии договора купли-продажи и на этом основании сделал вывод о незаключенности договора, в то время как фактические отношения, сопровождаемые ярко выраженным цифровым следом, не получили должного внимания. Полагаю,

что использование формального подхода к оценке факта заключения договора с использованием цифровых средств уже не соответствует договорной практике заключения договоров предпринимателями, что должно находить отражение в судебной практике.

В другом деле, рассмотренном Арбитражным судом города Москвы 16 августа 2022 г. (дело № А40-22612/2022)⁷, суд, напротив, исследовав материалы дела о сверхнормативном использовании вагонов, пришел к выводу о том, что условиями договора по оказанию услуг перевозки груза, являлся порядок обмена электронными данными о простое (нахождении) вагонного парка через специальную автоматизированную систему. Данные о простое вагонов передавались ОАО «РЖД» в Распределенный реестр данных Грузовых перевозок, что обеспечивало электронный сервис мониторинга смарт-контрактов грузовых перевозок. Суд пришел к выводу, что подписание такого рода соглашения, в том числе об использовании сервиса мониторинга смарт-контрактов, в порядке ст. ст. 434, 435 ГК РФ является офертой и акцептом и, следовательно, все условия были соблюдены и договор заключен в надлежащей форме, что явилось основанием для удовлетворения иска.

Иными словами, судебная практика по рассмотрению дел, вытекающих из смарт-контрактов, находится в стадии формирования. На сегодняшний день суды чаще сталкиваются не со смарт-контрактами в чистом виде, а с проблемами исполнения автоматизированных договоров, например, договоров, заключаемых дистанционным способом. К такого рода договорам массово прибегают банки, страховые компании, торговые компании и, как правило, участниками таких договоров с другой стороны выступают граждане-потребители, что повышает значимость разрешения такого рода споров. Данные проблемы можно проиллюстрировать на примере дела Борисов против Тинькофф-Банка, рассмотренного Верховным судом РФ 16.12.2022 г.⁸, которое может выступать иллюстрацией дилеммы: чему отдать предпочтение при решении вопроса о заключенности договора - традиционному исследованию воли и волеизъявления лица на заключение договора или полагаться на технологию заключения договора.

Фабула дела такова. 25 июня 2020 года в период с 4.00 до 5.00 неустановленное лицо похитило у Борисова П.А. мобильный телефон, после чего с использованием установленного на телефоне приложения Тинькофф Банк от имени Борисова П. А. был заключен кредитный договор с Тинькофф Банк. Затем зачисленные средства на счет Борисова в размере 480 000 руб. были переведены неустановленным лицом на счета третьих лиц. По данному факту Борисов 26 июля 2020 г. подал заявление в полицию, и в этот же день в отношении неустановленного лица было возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, по которому Борисов был признан потерпевшим. Борисов обратился с требованиями к банку о признании заключенного от его имени кредитного договора недействительным и применении последствий недействительности данной сделки, указав, что спорный договор он не заключал, письменная форма договора не соблюдена, денежные средства во исполнение указанного договора получены третьими лицами.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении исковых требований, указав на заключенность и действительность кредитного договора – оспариваемый договор заключен по-

6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/arbitral/doc/2WqyVcGmuadQ/?arbitral-txt=смарт-контракт&arbitral-case_doc=&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&_id=1683603157573&snippet_pos=808#snippet.

7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/arbitral/doc/3KXlYc7aeLHR/?arbitral-txt=смарт-контракт&arbitral-case_doc=&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&_id=1683603157573&snippet_pos=1972#snippet.

8 Определение ВС_Борисов_против_Тинькофф.pdf.

средством подключенной услуги мобильного банка либо самим клиентом, либо другим лицом с согласия клиента или вследствие разглашения им средств доступа к этому приложению. С данными выводами согласилась апелляционная и кассационная инстанции. Требования Борисова должны быть адресованы лицу, совершившему мошеннические действия.

Верховный суд РФ с данными доводами не согласился и подверг тщательной оценке два ключевых момента: 1) соответствие воли и волеизъявления лица при заключении договора; 2) оценка добросовестности действий банка.

Что касается первого вопроса, то судом было констатировано, что договор - это акт волеизъявления лица; заключение договора в результате мошеннических действий является неправомерным действием, посягающим на интересы лица, не подписывающего соответствующий договор; кредитный договор в силу ст. 820 ГК РФ должен быть заключен в письменной форме, несоблюдение влечет недействительность; статья 5 ФЗ «О потребительском кредите», предусматривает возможность заключения договора дистанционным способом и подписание документов аналогом собственноручной подписи; при каждом ознакомлении в сети Интернет с индивидуальными условиями договора потребительского кредита заемщик должен получать уведомление о сроке в течение которого должен быть заключен договор; текст договора в материалах дела отсутствовал. На этом основании, суд констатировал, что воля лица на заключение кредитного договора ответствовала, форма договора не соблюдена.

Второй блок вопросов – оценка добросовестности действий банка. В соответствии со ст. 307 ГК РФ при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию. Банк обязан предпринимать повышенные меры предосторожности в случае дистанционного оформления кредитного договора в случае подачи заявки на получения кредита и незамедлительной выдачи банку распоряжения о перечислении кредитных денег в пользу третьих лиц, что подтверждается и практикой Конституционного суда РФ (определение КС РФ от 13.10.2022 № 2669-О); кроме того, необходимо было учитывать и время заключения кредитного договора с 4.00 до 5.00 час. Данные вопросы судом первой инстанции, а также судами апелляционной и кассационной инстанции не исследовались.

Иными словами, Верховный суд РФ, рассматривая дело о заключенности кредитного договора через личный кабинет клиента (автоматизированный договор) акцент сделал на исследовании традиционных фундаментальных для гражданского оборота вопросах: наличие воли участника договора на его заключение, ее соответствие форме выражения и добросовестности сторон. Обусловлен ли такой подход необходимостью защиты интересов слабой стороны – гражданина потребителя финансовых услуг, или явился следствием невозможности обеспечить защиту интересов гражданина предъявлением деликтного иска к причинителю вреда (вопросы соотношения договорной защиты и деликтной неоднозначны в судебной практики, в последние годы суды скорее склонны трансформировать договорные обязательства в деликтные, чем наоборот⁹), но использование автоматизированной формы договора не снимает вопросов заключения и исполнения договора. Разработка и использование традиционных подходов к разрешению споров, возникающих из

автоматизированных договоров не менее важна, чем совершенствование технологий их заключения.

В заключении работы, приведу цитату Ричарда Остин-Бейкера и Ци Джоу из книги «Постигая договорное право», что «проблемы, возникающие в контрактной практике и договорном праве в результате глобализации, вряд ли будут решены с помощью проектов единообразного законодательства, какими бы благими намерениями они ни руководствовались и как бы тщательно и квалифицированно ни осуществлялись... Основные проблемы связаны с контрактной/деловой практикой, а не с договорным правом» [8, р. 152-153].

Иными словами, развитие цифровых технологий заключения и исполнения контрактов, то есть изменение деловой практики, подталкивает трансформироваться и законодательство под новые потребности цифрового общества, при этом, при рассмотрении конкретных споров, вытекающих из автоматизированных договоров, перед судом стоят задачи оценки воли и волеизъявления сторон, осуществления ex-post контроля за справедливостью договорных условий, оценки добросовестности поведения сторон на всех стадиях реализации договорного обязательства. Только путем гармонизации технологии, законодательства и правоприменения можно рассчитывать на безопасное цифровое будущее.

Пристатейный библиографический список

1. Зайнутдинова Е. В. Смарт-контракт в гражданском праве: Дисс. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2022. 238 с.
2. Савельев А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32-60.
3. Рожкова М. А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве // Хозяйство и право. 2020. № 10. С. 3-13.
4. Филиппова С. Ю. Использование информационных технологий при заключении торговых договоров и исполнении обязательств из них // Digital Law Journal. 2022. № 3. Том 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.digitallawjournal.org/journal/article/view/117?locale=RU_RU.
5. Карапетов А. В. Экономический анализ права. М.: Статут, 2016. 528 с.
6. Камалян В. М. Технологический и правовой аспекты смарт-контракта // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. № 4. С. 150.
7. Харебов О. Ф. Правовое регулирование смарт-контрактов // Власть закона. 2019. № 3 (39). С. 248-249.
8. Richard Austen-Baker, Qi Zhou. Understanding Contract Law. Routledge: London and New York, 2023. P. 157.

9 См, например, дело Бомарше (Определение от 22 мая 2017 г. по делу № 303-ЭС16-19319); дело Магадан-Тест (Определение от 11 мая 2018 г. по делу № 306-ЭС17-18368) // Электронный ресурс: Консультант-Плюс.

КОМАРЕВЦЕВА Ирина Алексеевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института Северо-Кавказского федерального университета

СТЕПАНИЦЕВА Анастасия Романовна

студент Юридического института Северо-Кавказского федерального университета

ОСНОВАНИЯ НАСЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ПРАВЕ: ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье рассматриваются вопросы становления и тенденции развития правового регулирования оснований наследования в России и зарубежных странах. Подчеркивается, что исторически первым было наследование по закону. Авторы приходят к выводу, что на различных исторических этапах развития российского наследственного права законодательный подход предполагал выделение наследования по завещанию и наследования по закону, что также было характерно и для римского права. В итоге обосновывается тезис о том, что введение в отечественный правовой порядок конструкции наследственного договора выходит за рамки российской правовой традиции.

Ключевые слова: наследственное право, основания наследования, римское право, наследственный договор.

КОМАРЕВЦЕВА Irina Alexeevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute of Law of the North Caucasus Federal University

STEPANISCHEVA Anastasiya Romanovna

student of the Institute of Law of the North Caucasus Federal University

FOUNDATIONS FOR INHERITANCE IN RUSSIAN AND FOREIGN LAW: TRENDS IN LEGAL REGULATION

The article deals with the formation and development trends of the legal regulation of the grounds of inheritance in Russia and foreign countries. It is emphasized that historically the first was inheritance by law. The authors come to the conclusion that at various historical stages in the development of Russian inheritance law, the legislative approach assumed the separation of inheritance by will and inheritance by law, which was also characteristic of Roman law. As a result, the thesis is substantiated that the introduction of the structure of the inheritance contract into the domestic legal order goes beyond the framework of the Russian legal tradition.

Keywords: inheritance law, grounds for inheritance, Roman law, inheritance contract.

Проблематика в сфере наследования традиционно относится к числу наиболее популярных объектов научного исследования. Полагаем, что это объясняется высокой значимостью правовой конструкции наследования как механизма перехода имущества наследодателя к его наследникам. В этой связи уместно вспомнить рассуждения известного цивилиста И. А. Покровского: право наследственное составляет обширную область гражданского права...вопрос о судьбе имущества после смерти его субъекта-хозяина имеет огромное как личное, так и общественное значение [9, с. 296]. Безусловно, история знает примеры, когда институт наследования пытались свести на «нет». Например, по свидетельству Я. Канторовича, в Коммунистическом манифесте Маркс и Энгельс выставили требование об уничтожении права наследования [5, с. 297]. Вместе с тем, сегодня очевидно одно – институт наследования – это неотъемлемая часть правовой системы как России, так и зарубежных стран.

Интерес научного сообщества к изучению вопросов наследования на современном этапе не стал меньше, и даже возрос, что обусловлено реформированием российского наследственного законодательства, которое определило новый вектор для научных исследований. Одной из наиболее обсуждаемых законодательных новелл в сфере наследственного права является, на наш взгляд, новые правила о наследственном договоре, который выступает одновременно и как

основание наследования, и как механизм распоряжения имуществом на случай смерти. Наша работа посвящена строго определенной стороне наследственных правоотношений, а именно – основаниям наследования.

Нормативно-правовой базой для определения оснований наследования выступает ст. 1111 ГК РФ, которая теперь изложена в новой редакции¹. В настоящий момент система оснований наследования в российском правовом порядке выглядит следующим образом: наследование осуществляется по завещанию, по наследственному договору и по закону. Наследование по завещанию и наследование по договору объединяет тот факт, что они основаны на воле наследодателя. В основе наследования по закону лежит воля законодателя (государства). В соответствии с предыдущей редакцией ст. 1111 ГК РФ в числе оснований наследования законодатель указывал на завещание и закон. В рамках настоящей статьи попытаемся уяснить: существует ли преемственность правового регулирования в вопросе регламентации оснований наследования, были ли исторические предпосылки появления в российском наследственном праве института наследственного договора?

¹ Федеральный закон от 19.07.2018 № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

В науке существует проблема определения хронологического первенства указанных выше трех оснований наследования. Вопрос о судьбе имущества умершего лица был достаточно актуальным на различных этапах развития человеческого общества. Как известно, понятие о наследовании как универсальном правопреемстве возникло не сразу, а с течением времени. В рамках первобытнообщинного строя наследование представляло собой своего рода «естественный» процесс. Ученые сходятся во мнении, что исторически первым было наследование по закону или же по обычаю. В науке подчеркивается, что в древнейшем праве личность наследника определялась не частной волей наследодателя, а семейным и родовым укладом жизни [9, с. 297-298]. Действительно, на ранних этапах развития человеческого общества, право частной собственности еще не получило ни фактического ни правового оформления, имущественные отношения основывались на родовой, семейной собственности, которая отличалась коллективным характером, в этих условиях сложно представить возможность единоличного распоряжения имуществом на случай смерти. Таким образом, в случае смерти члена рода или семьи, имущество оставалось в пределах этой социальной группы. Принимая во внимание вышеизложенное, вызывает сомнения сделанный некоторыми авторами вывод о том, что наследование по завещанию предшествовало по времени наследованию по закону, имевшему дополнительную функцию при отсутствии назначения преемника завещателем. Подобных взглядов придерживался, в частности, известный итальянский романист Бонфанте, мнение которого приводится в учебном курсе по римскому частному праву Ч. Санфилиппо. Примечательно, что сам Ч. Санфилиппо считает приведенный тезис недоказанным [10, с. 355].

Итак, если рассматривать процесс возникновения оснований наследования, то хронологическое первенство принадлежит наследованию по закону, которое было единственно возможным в условиях семейно-родовой собственности. Однако со временем на фоне ослабления родового строя и патриархальной семьи стало придаваться значение воле физического лица относительно судьбы его имущества на случай смерти. Так появилось наследование по завещанию.

В научной литературе господствует позиция, что в основе современного наследственного права зарубежных государств лежат основные принципы, сформированные в недрах римского права. Большинство авторов сходятся во мнении, что римское право выработало систему оснований наследования, куда входило наследование по закону и наследование по завещанию [1]. М. М. Винавер в свое время подчеркивал, что договор о будущем наследстве противоречил элементарным представлениям римского юриста [2].

Итак, в науке общепринятым считается тезис о том, что римское право не знало наследственного договора.

Вместе с тем, в литературе встречаются упоминания о том, что в римском наследственном праве все же использовались договорные конструкции, лежащие в основе развития наследственных правоотношений. Так, некоторые ученые, в частности, К. Ю. Логинова, полагают, что конструкция наследственного договора не была известна римскому праву лишь классического периода. При этом автор отмечает, что

в постклассический период развития римского права происходит выделение в числе оснований наследования так называемого *actum fiduciae*, что в дословном переводе означало «договор о доверии» [6]. Также В. В. Гуштин и А. В. Добровинская пишут, что в Древнем Риме все же иногда встречались договоры о наследовании – *acta de secessione futura*, при этом авторы подчеркивают, что указанные договоры не имели юридической силы [3]. В итоге отметим, что в науке отсутствует единство мнений о наличии полноценного института наследственного договора в римском праве. В этой связи считаем целесообразным взять за основу классический подход, отрицающий известность наследственного договора римскому частному праву.

Отечественное дореволюционное право прошло в своем развитии несколько этапов. Анализ этапа становления наследственного законодательства позволяет нам утверждать, что отечественному правопорядку издревле было известно только лишь два основания наследования: завещание и закон. Что касается наследственного договора, то в источниках отечественного наследственного права рассматриваемого периода он не упоминается. Однако, представляет интерес период Древней Руси, где основным источником права, в том числе и наследственного, выступала Русская Правда.

Традиционный взгляд на наследственное право Древней Руси заключается в том, что наследство переходило к наследникам умершего по двум основаниям: по завещанию или по закону [12]. Анализ понятийно-категориального аппарата Русской Правды позволяет утверждать, что завещание обозначалось термином «ряд». В Русской Правде было сказано: «если кто, умирая разделит дом детям своим, на том и стояти; если-же умрет без ряда...» [4]. Из этого следует, что «ряд» представлял собой завещательное распоряжение, но не в смысле римского *testamentum*. Иными словами, «ряд» не предполагал назначение наследника, а подразумевал распределение имущества между законными наследниками. В литературе по этому поводу отмечалось, что ряд – это «договор между всеми членами семьи, с главным участием отца, об общем семейном имуществе» [7, с. 52]. То есть «ряд» не являлся актом выражения субъективной воли собственника по распоряжению своим имуществом, а представлял собой коллективную волю всей семьи. Принимая во внимание указанное понимание «ряда», мы можем говорить о наличии элементов договорного наследования в период действия Русской Правды на Руси.

Анализ более поздних правовых памятников позволяет утверждать, что на протяжении развития наследственного права в дореволюционной России признавались два основания наследования: по закону и по завещанию.

В советской России наследование прошло непростой путь – от полной его отмены до нормативного закрепления свободы завещания, границы которой в настоящее время существенно расширены. В соответствии с нормами советского законодательства наследование осуществлялось по двум основаниям – по закону и по завещанию.

Исторический метод, предполагающий сравнение правовых норм во времени, дает возможность понять направления развития наследственного законодательства. Опираясь

на данный подход, мы можем утверждать, что, в отечественном наследственном праве система оснований наследования существенно не менялась с течением времени.

Принятый в недалеком прошлом Федеральный закон от 19.07.2018 № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» предусмотрел введение в российское наследственное право новых правовых инструментов, предоставляющих собственникам имущества дополнительные возможности по распоряжению своим имуществом на случай смерти, речь идет о таких правовых конструкциях, как совместное завещание супругов и наследственный договор.

Что касается мирового опыта правового регулирования в данной сфере, то помимо завещания и закона, некоторым зарубежным правовым порядкам, например законодательству Германии, известны и иные основания, в частности, наследственный договор.

В контексте уяснения потенциала наследственного договора следует указать на неоднозначную оценку нововведений, как со стороны ученых-теоретиков, так и со стороны юридического профессионального сообщества. Некоторые авторы выступают с негативной оценкой новых правил, отмечая, что поспешное и непродуманное введение в российский правовой порядок наследственного договора способно дестабилизировать правоприменительную практику и увеличить количество судебных споров по наследственным делам [11]. Д. О. Мухин полагает, что несмотря на «экспансию договорного права» отсутствуют очевидные причины для увеличения доли диспозитивного регулирования наследственных отношений, в том числе введение в эту сферу принципа свободы договора [8]. Со своей стороны отметим, что появившийся в нашем праве институт наследственного договора – это яркий пример заимствования европейского правового опыта.

В итоге подчеркнем, что вступившие в силу в 2019 году законодательные новеллы о наследственном договоре с уверенностью можно отнести к разряду революционных. История отечественного наследственного права не знает аналогов содержащихся в новом законе институтов, разве что «ряд» в Русской Правде, который с некоторой долей условности можно отнести к прототипу современного наследственного договора. Таким образом, на сегодняшний день наметилась тенденция отхода российского законодателя от сложившейся правовой традиции в области регламентации оснований наследования.

Пристатейный библиографический список

1. Абраменков М. С. Наследование по закону и по завещанию в римском частном праве // *Наследственное право*. - 2014. - № 3. - С. 7-12.
2. Винавер М. М. Дарение и завещание (страница из истории кодификации) // *Вестник гражданского права*. - 2014. - № 5. - С. 174-195.
3. Гуцин В. В., Добровинская А. В. Правовая конструкция наследственного договора в России: плюсы и минусы // *Наследственное право*. - 2016. - № 4. - С. 9-12.

4. Ефремов В. А. К вопросу о становлении института наследственных правоотношений в памятниках русского права (историко-правовой анализ). Дореволюционный период // *История государства и права*. - 2011. - № 15. - С. 19-22.
5. Канторович Я. основные идеи гражданского права. - М.: Книга по требованию, 2015.
6. Логинова К. Ю. Наследственный договор - правовые механизмы применения в действующем законодательстве Российской Федерации // *Наследственное право*. - 2019. - № 1. - С. 12-15.
7. Митькевич А. О форме завещаний. Историко-юридический очерк. Тифлис. б/д
8. Мухин Д. О. К вопросу о пределе усмотрения сторон договора при определении последствий наступления смерти физического лица // *Ленинградский юридический журнал*. - 2016. - № 3. - С. 69-79.
9. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998.
10. Санфилиппо Ч. Курс римского частного права: учебник. М., 2007.
11. Сидорова В. Н., Бейн А. К. Наследственный договор: юридико-фактические проблемы // *Нотариус*. - 2015. - № 4. - С. 28-30.
12. Слободян С. А. Наследственное право Киевской Руси // *Наследственное право*. - 2009. - № 4. - С. 3-7.

КУРБАТОВА Галина Васильевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

БАКУНИН Сергей Николаевич

кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина

МЕХАНИЗМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ, ЗНАКОВ ОБСЛУЖИВАНИЯ

Обладание правом на товарный знак и знак обслуживания сопряжено с возможностью их использования в рамках осуществления предпринимательской деятельности правообладателя. Механизм использования товарных знаков и знаков обслуживания подразумевает комплекс разнонаправленных предусмотренных законом действий, в процессе которых правообладатель извлекает различные преимущества материального и нематериального характера. В статье рассматривается современная практика использования товарных знаков и знаков обслуживания, исследуется взаимосвязь использования рассматриваемых средств индивидуализации с возможностью извлечения прибыли, изучаются способы использования товарных знаков и знаков обслуживания в контексте их отчуждения и распоряжения ими, анализируются особенности, присущие каждому из возможных способов использования.

Ключевые слова: товарный знак, знак обслуживания, правообладатель, использование, распоряжение, отчуждение.

KURBATOVA Galina Vasiljevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute of the Training of State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

BAKUNIN Sergej Nikolaevich

Ph.D. in Law, professor, professor of Civil law sub-faculty of the S. A. Yesenin Ryazan State University

MECHANISM FOR THE USE OF TRADEMARKS, SERVICE MARKS

The possession of the right to a trademark and service mark is associated with the possibility of their use in the framework of the entrepreneurial activity of the right holder. The mechanism for the use of trademarks and service marks implies a complex of multidirectional actions provided for by law, in the process of which the right holder derives various benefits of a tangible and intangible nature. The article discusses the modern practice of using trademarks and service marks, explores the relationship between the use of the considered means of individualization with the possibility of making a profit, studies the ways of using trademarks and service marks in the context of their alienation and disposal, analyzes the features inherent in each of the possible ways of using.

Keywords: trademark, service mark, copyright holder, use, disposal, alienation.

В настоящее время наблюдается активный рост числа производителей товаров и услуг, что способствует обращению все большего внимания на средства индивидуализации. Каждый хозяйствующий субъект стремится, чтобы потенциальные потребители и пользователи его продукции и услуг знали и опознавали данного субъекта среди иных лиц конкретной сферы правоотношений. Находясь в условиях жесткой конкуренции, хозяйствующие субъекты предпринимают ряд усилий, чтобы зарекомендовать себя и свою продукцию с положительной стороны в глазах потребителей, остаться у них в памяти. Запоминанию способствуют средства индивидуализации, присущие отдельному субъекту. Поэтому в условиях рыночных отношений и жесточайшей конкуренции вопросы, касающиеся товарных знаков и знаков обслуживания, приобретают чрезвычайно актуальный характер.

Любая компания, которая обладает товарным знаком, представляет собой определенный бренд, вокруг которого складывается соответствующая репутация. Руководитель каждой подобной компании всегда обеспокоен тем, чтобы репутация его бренда была безупречной, так как от этого напрямую зависит успешность и прибыльность его организации. Потребители и клиенты, в случае необходимости обращения к той или иной компании руководствуются тем, что конкретно эта компания отвечает за качество своей продукции, имеют хорошую репутацию и статус на рынке, обладает большой клиентской базой, что также свидетельствует о надежности и стабильности организации. В этой связи торговый знак, знак обслуживания выступают в качестве отличительных признаков компании, являются средствами её

идентификации и представляют собой лицо той или иной организации. Крайне важно, чтобы это лицо заслужило доверие в глазах потребителей в соответствующей сфере рынка.

Юридические лица и индивидуальные предприниматели, зарегистрировавшие установленным образом товарный знак на своё имя, становятся владельцами исключительного права на его использование. Право на товарный знак – абсолютно и исключительно субъективно. Другими словами, только законный владелец обладает монополией на использование, распоряжение товарным знаком, знаком обслуживания. Владелец также вправе запрещать использовать товарный знак другим лицам без соответствующего разрешения, оформленного в соответствии с законом.

Стандартный механизм использования состоит в следующем: правообладатель размещает товарный знак на этикетке или упаковке товара, на иной документации, которая прилагается к товару при его реализации в продаже на выставках, ярмарках, в магазинах. Кроме того, товарный знак может размещаться на упаковке большой партии товара при его транспортировке, перевозке. Таким способом осуществляется дополнительная реклама товара. Распространено использование рассматриваемых обозначений в печатных изданиях, в сети Интернет, на рекламных стендах. Всё это наглядно демонстрирует реализацию рекламной функции товарного знака, которая крайне важна в контексте продвижения товара и его популяризации.

Отдельного внимания в рамках механизма использования заслуживает процедура применения предупредительной маркировки. Вопросы, касающиеся механизмов её использо-

вания, достаточным образом не урегулированы российским законодательством. Поэтому судить о принципах её использования следует, опираясь на сложившуюся практику. Первое, что следует знать о предупредительной маркировке, это то, что её применение – право, но не обязанность. Другими словами, она может присутствовать или отсутствовать, но это никак не влияет на легитимность и возможность использования самого товарного знака [1, с. 97]. Второй важный аспект – за правообладателем остаётся право выбора конкретного вида и формы предупредительной маркировки. И здесь мы снова опираемся на сложившуюся годами применения предупредительной маркировки практику, которая демонстрирует, что чаще всего для обозначения предупредительной маркировки используется сокращенное обозначение (М, ТМ и пр.). Нередко так же рядом с товарным знаком имеется специальная звездочка, обладающая отсылочным характером к тексту, указанному ниже. Наиболее популярным форматом обозначения предупредительной маркировки является размещение латинской буквы «R», которая заключена в окружность. Последнее, о чем следует помнить, размещая рядом с товарным знаком предупредительную маркировку – доброжелательность и правдивость размещаемой информации. Если товарный знак еще официально не зарегистрирован, юридически он не обладает соответствующим правовым статусом. Поэтому и размещение предупредительной маркировки в таком случае – незаконно.

Чтобы глубже понять и проанализировать рассматриваемый вопрос, необходимо разобраться в том, что именно является объектом использования. Обозначения напрямую связаны с правообладателем, за которым они закреплены. Другими словами, в ситуации, когда правообладатель разрешает использование своего товарного знака другому лицу, он использует своё право на распоряжение. Тогда как исключительное право правообладателя выступает в качестве объекта распоряжения. Неспроста во всем мире получила широкое распространение практика заключения договоров коммерческой концессии и лицензионных договоров. Известны случаи, когда одна компания приобретала полностью или частично другую компанию, чтобы иметь возможность беспрепятственно использовать принадлежащий ей товарный знак, который посредством активной и успешной деятельности предыдущего правообладателя приобрёл статус прибыльного бренда. Главным интересом в подобной сделке выступало именно обладание правом на соответствующий товарный знак, а все остальные сопряженные с покупкой атрибуты и преимущества являлись вторичными.

Развивая мысль далее, представляется возможным сделать иной важный вывод – правообладатель всегда имеет выбор в рамках механизма использования [3, с. 235]. Либо он использует товарный знак самостоятельно в рамках своей непосредственной деятельности по выпуску и реализации товаров, предоставлению работ или оказанию услуг, либо распоряжается им. В первом случае правообладатель размещает товарный знак на своей продукции, на прилагаемой к товару или оказываемой услуге документации и так далее. Это необходимо для идентификации себя, своей продукции и услуг, рекламы и продвижения своего бренда, обеспечения охраны от неправомерных посягательств. Второй способ использования сопряжён с определённой спецификой и особенностями. Распоряжение – это предоставление правообладателем права использования исключительного права иным лицам. К распоряжению так же можно отнести отчуждение, продажу и другие аналогичные действия.

По договору об отчуждении исключительного права на товарный знак одна сторона (правообладатель) передает или обязуется передать в полном объеме принадлежащее ей исключительное право на соответствующий товарный знак в отношении всех товаров или в отношении части товаров, для индивидуализации которых он зарегистрирован, другой стороне – приобретателю исключительного права. Пунктом 2 рассматриваемой статьи 1488 ГК РФ законодатель предусматривает ограничение передачи такого исключительного права. Если потребитель посредством подобной передачи может быть введён в заблуждение относительно самого товара

или его изготовителя, то отчуждение не допустимо. Переход исключительного права происходит в момент государственной регистрации. Имеющаяся практика свидетельствует, что данный договор подразумевает возмездную основу. Но это не означает, что он не может быть безвозмездным, исходя из замысла пункта 3 статьи 1234 ГК РФ. Если условие о возмездном характере всё же имеется, то на это должно быть прямо указано в тексте договора. Кроме того, договор обязательно должен включать условия о размере вознаграждения и порядке его определения [2, с. 85].

По лицензионному договору одна сторона – обладатель исключительного права на товарный знак (лицензиар) предоставляет или обязуется предоставить другой стороне (лицензиату) право использования товарного знака в определенных договором пределах с указанием или без указания территории, на которой допускается использование, в отношении всех или части товаров, для которых зарегистрирован товарный знак. Условия, предъявляемые к рассматриваемому договору практически идентичны тем, что были рассмотрены нами в рамках договора об отчуждении. Но имеются определённые особенности, связанные с возможностью установления допустимых пределов и способов использования, с территориальными ограничениями и прочим.

Здесь следует сделать акцент на одной важной особенности, которая на первый взгляд может уйти от внимания. По лицензионному договору, в отличие от договора об отчуждении, не происходит переход непосредственного исключительного права на товарный знак. Оно остаётся у основного правообладателя, а переходит лишь право его использования. При этом закон оставляет за основным правообладателем право передачи исключительного права. Стороны лицензионного договора сами в рамках него устанавливают момент, начиная с которого лицензиат вправе начать пользоваться исключительным правом. Кроме того, в процессе действия лицензионного договора лицензиар может поменяться, при этом действие договора не прекращается. Происходит лишь переход прав лицензиара к новому лицу в рамках пункта 7 статьи 1235 ГК РФ.

Важным ограничением в отношении коллективного товарного знака является то обстоятельство, что законодательство устанавливает запрет на отчуждение данного товарного знака и использование его в качестве предмета лицензионного договора, так как он может принадлежать только единично компаниям.

В условиях современной правовой действительности правообладатели имеют возможность выбирать, каким именно образом использовать принадлежащее им исключительное право. Основным способом использования является непосредственно личное использование в коммерческой деятельности. Альтернативой является предоставление законной возможности распоряжаться исключительным правом. Это осуществляется либо путем отчуждения, либо путем передачи исключительного права на рассматриваемые средства индивидуализации. Так или иначе, посредством использования правообладатель подучает возможность извлекать все свойственные этому процессу преимущества, независимо от избранного способа.

Пристатейный библиографический список

1. Данилов Д. Б. К вопросу о способах защиты интересов правообладателей товарного знака // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 2 (50). – С. 96-99.
2. Кузьмин К.А. Особенности отчуждения исключительного права на товарный знак // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 5-3. – С. 84-87.
3. Лавринович Л.Д. Порядок предоставления правовой охраны товарным знакам в зарубежных странах. Особенности процедуры оппозиции // Образование и право. – 2019. – № 12. – С. 235-240.

МАРАХОВСКАЯ Кристина Геннадьевна

студент 3 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической Школы Дальневосточного Федерального Университета.

КАРПЕЦ Светлана Игоревна

студент 3 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической Школы Дальневосточного Федерального Университета.

РЕКЛАМА И ЮРИСПРУДЕНЦИЯ: ВЗАИМОСВЯЗЬ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕКЛАМНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье авторы определяют тесную связь рекламы и закона, поскольку законодательство устанавливает правила и ограничения рекламной деятельности, которые должны соблюдать рекламодатели. Нарушение закона может привести к негативным последствиям, включая ответственность перед потребителями и государством. Поэтому рекламодателям, маркетологам и другим специалистам, занимающимся рекламой, важно учитывать юридические аспекты рекламной деятельности, чтобы избежать нежелательных последствий.

Ключевые слова: реклама, законодательство, рекламная деятельность, правила, потребитель.

MARAKHOVSKAYA Kristina Gennadjevna

student of the 3rd course of bachelor of the direction of training 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University

KARPETS Svetlana Igorevna

student of the 3rd course of bachelor of the direction of training 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University

ADVERTISING AND LAW: INTERRELATION AND LEGAL ASPECTS OF ADVERTISING ACTIVITY

In the article, the authors define the close relationship between advertising and the law, since the legislation defines the rules and restrictions of advertising activities that advertisers must comply with. Violation of the law can lead to negative consequences, including liability to consumers and the state. Therefore, it is important for advertisers, marketers and other advertising professionals to take into account the legal aspects of advertising activities in order to avoid undesirable consequences.

Keywords: advertising, legislation, advertising, rules, consumer.

Современный мир невозможно представить без рекламы. Каждый день мы сталкиваемся с обилием информации, которая поступает к нам по различным рекламным каналам, начиная от телевизионных рекламных роликов, заканчивая баннерами на сайтах интернет-магазинов.

Очевидно, что рекламная деятельность регулируется законодательством, которое определяет правила и ограничения ее осуществления, с целью защиты интересов потребителей и предотвращения возможных противоправных действий со стороны рекламодателей. Реклама становится все более популярной, являясь следствием активного роста товаров и услуг в России, а появление новых информационных технологий, на сегодняшний день, позволяет рекламодателям обходить установленные запреты и ограничения.

В настоящее время суть рекламы заключается в достижении экономических интересов производителей, а ее содержание - в коммерческой пропаганде товара.

С одной стороны, это стимулирует спрос на новые улучшенные необходимые товары, а с другой — это коммуникативный инструмент между товаропроизводителем и потребителями, который создает рекламный бизнес как качественно новую форму правовых отношений. Для своих потребителей реклама создает условия для свободного выбора и позволяет управлять системой предпочтений, что необходимо в условиях насыщения рынка товарами и услугами, а также формирует спрос на них с учетом социальных и демографических особенностей отдельных групп потребителей.

В связи с этим, знание и понимание правовых аспектов рекламной деятельности в целом является особенно важным для специалистов в области рекламы и маркетинга, а также

для всех предпринимателей, деятельность которых связана с проведением рекламных кампаний.

Рекламная деятельность и юриспруденция связаны между собой по нескольким направлениям.

Во-первых, рекламная деятельность подчиняется определенным правилам и требованиям, которые регулируются законодательством в различных странах. Эти правила устанавливают определенные границы в рекламной деятельности компаний и предотвращают использование незаконных или вводящих в заблуждение схем.

Так, например, когда организация запускает рекламную кампанию, она должна учитывать множество юридических аспектов, таких как правила рекламы, торговое право, обязательства перед потребителями и т. д.

Согласно разъяснениям Пленума ВАС РФ, реклама несоответствующая требованиям законодательства, должна быть признана ненадлежащей органом ФАС России. В свою очередь данный орган обязан выдать рекламодателю предписание об устранении нарушения согласно пункту 4 постановления № 58. Также в пункте 10 разъясняется, что рекламодатель и рекламораспространитель могут быть привлечены к ответственности за нарушение законодательства¹.

В России рекламная деятельность регулируется рядом законов и нормативно-правовых актов, которые устанавливают требования к рекламным материалам и определяют ответственность за нарушения. Приведем некоторые из них:

1 Постановление Пленума ВАС РФ от 08.10.2012 № 58 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона «О рекламе»

1. ФЗ «О рекламе» - определяет основные правила рекламной деятельности, включая ее содержание, порядок размещения, ответственность за нарушения² и т. д.

2. КоАП РФ - предусматривает штрафы за нарушения правил в области рекламы: неверное упоминание товара или услуги, искажение фактов, использование запрещенной информации³ и т. д.

3. Закон РФ «О защите прав потребителей» - определяет права потребителей на получение достоверной информации о товарах и услугах, а также предоставляет право требовать изменения или прекращения рекламной кампании в случае нарушения прав потребителей⁴.

4. ГК РФ - устанавливает ответственность за неправомерное использование товарных знаков или иных средств индивидуализации в рекламной деятельности⁵.

5. Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»⁶ и другие правовые акты.

Все эти законы и нормативно-правовые акты охватывают широкий спектр рекламной деятельности, защищают права потребителей и предотвращают злоупотребление товарными знаками и другими средствами индивидуализации.

Во-вторых, рекламная деятельность может стать объектом правовых споров. Например, к правовым претензиям и судебным разбирательствам может привести содержание в рекламе ложной информации о продукте или нарушение рекламной права других компаний или частных лиц,

В-третьих, юристы имеют большое значение для поддержки рекламных кампаний. Они могут оценить законность рекламы, проверить ее соответствие требованиям законодательства и проконсультировать компанию по вопросам подготовки рекламной кампании.

В-четвертых, для эффективного продвижения услуг юридической компании одних правовых знаний специалиста недостаточно. Компании, стремящиеся добиться успеха на рынке юридических услуг, давно пришли к юридическому маркетингу, способному определить целевую аудиторию и донести до нее необходимость обращения именно в эту фирму, создать образ профессионала на рынке и поддерживать внимание аудитории к компании [3, с. 30].

Продвижение своих услуг посредством различных способов: интернет, статьи в журналах и блогах, распространение печатных буклетов, баннеры по городу и многое другое - позволяет не только привлекать новых клиентов, но также способствует увеличению осведомленности общества о правовых вопросах и повышению интереса к юриспруденции в целом.

В-пятых, реклама может влиять на юридическую практику, например, создавая новые правовые вопросы (пробле-

мы) в области рекламы или изменяя тенденции рынка, что, в свою очередь, может привести к изменениям в законодательстве в этой области.

Кроме того, реклама может стать манипулятивной, поскольку она оказывает влияние на подсознание потребителя, тем самым, заставляя его делать неосознанный выбор. [1, с. 251]. Такая реклама законом не запрещена, но подобные манипуляции деформируют внутренний мир потребителя, влияя на формирование стереотипов на уровне подсознания, чем структурируют его намерения и желания. Ее содержание может спровоцировать на противоправные действия, если иллюзия и реальность вступят в противоречие.

В связи с этим, реклама как вид информации может быть ограничена только государством, если будет доказана необходимость такого вмешательства. Система национальной информационной безопасности требует повышения качества рекламной продукции, ее легитимности, что исключает недобросовестную и ненадлежащую рекламу, несущую угрозу социальной стабильности, информационной безопасности, экономическим интересам, правам и свободам граждан [4, с. 12].

Неэффективное правовое регулирование рекламы и рекламной деятельности приводит к ущемлению прав и законных интересов ее потребителей, трудностям с установлением виновных и привлечением их к ответственности в условиях отсутствия единой правоприменительной практики. После долгой разработки и юридического оформления реклама превратилась в яркое и многогранное явление, она стала неотъемлемой частью жизни общества, проникла во все сферы. Именно поэтому общество ставит перед собой задачу определить правовые рамки функционирования этого института, сформировать механизм контроля за рекламой [2, с. 82].

Также обратим внимание, что реклама в последнее время стала более агрессивной, например, во многих рекламных кампаниях используют запрещенные методы, которые могут нанести вред потребителям и обществу в целом. В этих рамках и в рамках всего вышесказанного необходимо усовершенствовать правовое регулирование рекламы и рекламной деятельности, выявить пробелы и противоречия в действующей правовой системе и разработать теоретические рекомендации по их устранению.

Пристатейный библиографический список

1. Дьякова М. В. Манипулятивный характер воздействия рекламы и механизмы защиты потребителей // Вестник костромского государственного университета. – 2008. - № 4.
2. Карягина А. В. Рекламная деятельность в Российской государственности: исторический и юридический аспекты // Юристъ-Правоведъ. - 2009.
3. Жиделева О. С., Беляев Н. А. Маркетинг Юридических услуг // Проблемы науки. - 2018. - № 1 (25).
4. Kobersy I. S, Karyagina A. V, Karyagina O. V. [and others] Law as a Social Regulator of Advertisement and Advertising Activity in the Modern Russian Information Space // Mediterranean Journal of Social Sciences. - 2015. - № 6 (3).

2 Федеральный закон «О рекламе» от 13.03.2006 № 38-ФЗ (последняя редакция) – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» – Текст: электронный.

3 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.04.2023, с изм. от 17.05.2023). – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» – Текст: электронный.

4 Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 05.12.2022) «О защите прав потребителей» – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» – Текст: электронный.

5 Гражданский кодекс Российской Федерации часть 4. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» – Текст: электронный.

6 Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 № 436-ФЗ (последняя редакция) – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» – Текст: электронный.

НАЗАРОВА Надежда Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

ЕВТЕЕВА Ксения Александровна

студент Юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

СЕХИНА Алена Александровна

студент Юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

ВРЕМЯ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ БЕСПЛАТНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ УСЛУГИ

Авторы затрагивают тему ценности здоровья в современном мире. Зачастую право работающего человека на медицинскую помощь и охрану здоровья нарушается. В ТК РФ не предусмотрено время, в которое они могут посещать медицинские организации без ущерба финансовому положению и рабочему процессу. Безусловно, работники имеют возможность посещать медицинские учреждения по договору возмездного оказания услуг, но такая возможность ущемляет финансовое состояние работающих граждан. Для устранения данной проблемы авторы предлагают внести определенные изменения в ТК РФ.

Ключевые слова: медицинская услуга, право на охрану здоровья, время предоставления медицинской помощи, хронические заболевания, договор возмездного оказания услуг.

NAZAROVA Nadezhda Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the N. I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

EVTEEVA Ksenya Alexandrovna

student of the Faculty of Law of the N. I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

SEKHINA Alyona Alexandrovna

student of the Faculty of Law of the N. I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

TIME OF MEDICAL SERVICE PROVISION

The authors of the scientific article touch upon the topic of the value of health in the modern world. Often the right of a working person to medical care and health protection is violated. The Labor Code of the Russian Federation does not provide for the time at which they can visit medical organizations without harm to their financial situation and work process. Of course, employees have the opportunity to visit medical institutions under a paid service agreement, but such an opportunity infringes on the financial condition of working citizens. To eliminate this problem, the authors propose to make certain changes to the Labor Code of the Russian Federation.

Keywords: medical service, the right to health care, the time of provision of medical care, chronic diseases, contract for the provision of services.

Здоровье людей – это основополагающий фактор человеческого организма, обеспечивающий его нормальное функционирование. Институт охраны здоровья и медицинской помощи должен быть максимально реализован в стране, так как именно показатель здоровья отражает жизненный уровень населения в том или ином государстве. Данное право закреплено в ст. 41 Конституции Российской Федерации (К РФ)¹. Им обладают все граждане России.

Медицинская помощь представляет собой «комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг». Это положение закреплено в п. 1 ст. 2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023) (далее – ФЗ № 323)².

Согласно п. 1 ст. 2 ФЗ № 323 «медицинская услуга - медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмеша-

тельств, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющих самостоятельное законченное значение»³. Медицинская услуга оказывается гражданам на основе гражданско-правового договора «О возмездном оказании услуг» (ст. 779 ГК РФ), что предполагает плату за их оказание.

На современном этапе в обществе люди сталкиваются с проблемой получения медицинской помощи в связи с тем, что ее оказание зачастую совпадает с рабочим временем пациентов. Согласно ч. 2 ст. 91 ТК РФ продолжительность рабочего времени в неделю составляет 40 часов. Как правило, они распределяются равномерно на 5 рабочих дней, что составляет 8 часов в день. Безусловно, начало и окончание ра-

Назарова Н. А.

Евтеева К. А.

Сехина А. А.

1 «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс.

2 Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023) // СПС КонсультантПлюс.

3 Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023) // СПС КонсультантПлюс.

бочего дня могут варьироваться. Но независимо от этого, оно совпадает с рабочим временем поликлиник, тем самым работающие граждане ограничены в своем социальном праве на получение медицинской помощи.

Приведем пример. Поликлиника № 35 Нижнего Новгорода Советского района оказывает следующие виды медицинской помощи⁴. При осуществлении доврачебной помощи по: лабораторной диагностике; лечебной физкультуре и спортивной медицине; медицинскому массажу; сестринскому делу; стоматологии; физиотерапии; функциональной диагностике; медицинской статистике.

При осуществлении амбулаторно-поликлинической помощи по: инфекционным болезням; кардиологии; клинической лабораторной диагностике; неврологии; оториноларингологии; офтальмологии; стоматологии терапевтической; терапии; ультразвуковой диагностике; урологии; физиотерапии; функциональной диагностике; хирургии; эндокринологии; медицинским осмотрам (предрейсовым, послерейсовым); экспертизе временной нетрудоспособности; экспертизе на право владения оружием; экспертизе профпригодности.

В частности, терапевт принимает с понедельника по пятницу с 15:00 до 17:00. Хирург работает всего лишь 2 дня в неделю (понедельник и вторник), по времени с 15:30 до 18:00. Оториноларинголог по вторникам работает с 14:00 до 16:45, по четвергам и пятницам – с 9:00 до 13:45.

Исходя из данного графика видно, что время предоставления медицинской помощи совпадает с рабочим временем большинства граждан. Основная проблема заключается в том, что Трудовым Кодексом РФ практически не предусмотрено посещение поликлиник работниками без ущерба их рабочему времени и финансовому положению.

Из-за данной проблемы работники прибегают к использованию платных услуг. Так как именно платные клиники могут оказать услуги в удобное для работающих граждан время, включая выходные дни, без ущерба их трудовой деятельности.

В поликлиническом центре «Тонус» ведут прием врачи следующих специальностей: аллерголог, аллерголог-иммунолог, венеролог, вестибулолог, врач по паллиативной помощи, гастроэнтеролог, гематолог, гепатолог, гинеколог, дерматолог, диетолог, инфекционист, кардиолог, криолог, ЛОР-врач, маммолог, невролог, нейропсихолог, нейрохирург, нефролог, онколог, остеопат, офтальмолог, паркинсонолог, проктолог, психолог, психотерапевт, пульмонолог, ревматолог, терапевт, травматолог, трихолог, уролог, флеболог, хирург, цефалголог, эндокринолог, эпилептолог⁵.

В сравнение с поликлиникой в платной клинике терапевт кроме будних дней ведет прием в выходной день, а именно в воскресенье с 9:00 до 15:30. Хирург работает в субботу с 9:00 до 12:40. Врач-оториноларинголог принимает каждый день, а также по субботам с 9:00 до 13:40.

В платных клиниках медицинская услуга оказывается после заключения договора возмездного оказания услуг, закрепленного в ст. 779 ГК РФ. Согласно этой статье «исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги». Граждане заключают данный договор с медицинской организацией и получают необходимую медицинскую услугу в удобное для них время. При получении аналогичных услуг в платной клинике затрачивается большое количество денежных средств, но ведь те же самые услуги можно получить бесплатно. Для решения рассматриваемой проблемы трудовым законодательством должно быть урегулировано время предоставления медицинской помощи без ущерба финансовому положению работникам и рабочему времени.

Но проанализировав ТК РФ, авторы приходят к выводу о том, что законодатель всё же предусмотрел возможность посещения медицинских учреждений в рабочее время. Согласно ч. 1 ст. 185.1 ТК РФ работники при прохождении

диспансеризации имеют право на освобождение от работы на один рабочий день один раз в три года с сохранением за ними места работы (должности) и среднего заработка. Этого времени недостаточно, так как значительная часть населения имеет хронические заболевания, и посещение лечебных центров им необходимо на постоянной основе.

В подтверждение вышесказанного авторы ознакомились и изучили статистику по хроническим заболеваниям, согласно которой был сделан данный вывод. Профессора Первого Московского государственного медицинского университета имени И. М. Сеченова в своих научных публикациях пишут о том, что часть населения сталкивается с хроническими заболеваниями, лечение которых должно происходить чаще, чем один раз в три года. К числу таких заболеваний, в частности, относится хроническая венозная недостаточность, хронические боли в спине, туберкулез, эпилепсия с частыми припадками, кишечный свищ и другие⁶.

Также на современном этапе развития общества масштабной проблемой является рост заболеваемости ВИЧ-инфекцией. Лечение этого заболевания подразумевает получение гражданами медицинской помощи, которая выражается в регулярной сдаче крови, а также в употреблении лекарственных препаратов, прохождении обследований в СПИД-центрах⁷.

По мнению авторов, решить проблему, затрагиваемую в данной научной статье, можно путём закрепления в ТК РФ времени, в которое граждане смогут осуществлять своё право на медицинскую помощь. Должны быть созданы механизмы реализации этого права без ущерба для рабочего процесса.

Пристатейный библиографический список

1. Боли в спине. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sechenov.ru/univers/structure/institute/institut-klinicheskoy-meditsiny/kafedry-klinicheskoy-meditsiny-im-Sklificovskoro/nerv/Boli_v_spine/.
2. Государственное бюджетное учреждение здравоохранения Нижегородской области «Городская поликлиника № 35 Советского района г. Нижнего Новгорода». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gp35.mznn.ru/>.
3. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // СПС КонсультантПлюс.
4. Диагностика ВИЧ-инфекции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://aids43.ru/diagnostika-i-lechenie-vich/>.
5. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс.
6. Сеть медицинских клиник «Тонус». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tonus.nnov.ru/?ysclid=lh0om0tf2267090102>.
7. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 19.12.2022, с изм. от 11.04.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023) // СПС КонсультантПлюс.
8. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023) // СПС КонсультантПлюс.
9. Хроническая венозная недостаточность. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sechenovclinic.ru/treatments/detail.php?SECTION_ID=&ELEMENT_ID=2574.
6. Боли в спине. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sechenov.ru/univers/structure/institute/institut-klinicheskoy-meditsiny/kafedry-klinicheskoy-meditsiny-im-Sklificovskoro/nerv/Boli_v_spine/ Хроническая венозная недостаточность. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sechenovclinic.ru/treatments/detail.php?SECTION_ID=&ELEMENT_ID=2574.
7. Диагностика ВИЧ-инфекции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://aids43.ru/diagnostika-i-lechenie-vich/>.

4 Государственное бюджетное учреждение здравоохранения Нижегородской области «Городская поликлиника № 35 Советского района г. Нижнего Новгорода». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gp35.mznn.ru/>

5 Сеть медицинских клиник «Тонус». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tonus.nnov.ru/?ysclid=lh0om0tf2267090102>.

МИГАЧЕВА Анна Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Кубанского государственного университета

СОКОЛОВ Максим Валерьевич

аспирант кафедры гражданского права Кубанского государственного университета

ИНСТИТУТ ОТМЕНЫ ДАРЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Статья посвящена малоисследованному институту отмены дарения. Показано, что несмотря на его древнюю историю и традиционное закрепление в отечественном и зарубежном законодательстве, в судебной практике требования об отмене дарения удовлетворяют не часто. Авторы обосновывают, что сложность применения правил об отмене дарения связана с недостаточным пониманием концептуальной идеи отмены дарения, которая лежит в области взаимодействия права, нравственности и морали, а также природы безвозмездных сделок в гражданском праве.

Ключевые слова: безвозмездные сделки, договор дарения, отмена дарения, неимущественный интерес.

MIGACHEVA Anna Yurjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law sub-faculty of the Kuban State University

SOKOLOV Maxim Valerjevich

postgraduate student of Civil law sub-faculty of the Kuban State University

INSTITUTE OF GIFT CANCELLATION IN CIVIL LAW: PROBLEM STATEMENT

The article is devoted to the poorly studied institution of gift cancellation. It is shown that despite its ancient history and traditional consolidation in domestic and foreign legislation, in judicial practice, the requirements for the cancellation of the donation are not often satisfied. The authors substantiate that the complexity of the application of the rules on the cancellation of donation is associated with a lack of understanding of the conceptual idea of the cancellation of donation, which lies in the interaction of law and morality, as well as the nature of gratuitous transactions in civil law.

Keywords: gratuitous transactions, donation agreement, cancellation of donation, non-property interest.

Свобода договора и общее правило об обязательности исполнения взятых на себя по договору обязанностей – важные не только с точки зрения социально-экономического баланса принципы, но и важнейшие этические начала всего гражданского оборота. Вместе с тем современное гражданское законодательство содержит инструменты «поворота» воли участников гражданских правоотношений. К числу таких можно отнести институт «отмены» действия или последствий уже заключенных сделок. Гражданское законодательство упоминает о возможности отмены комиссионного поручения комитентом (ст. 1003 ГК РФ¹), публичного обещания награды (ст. 1058 ГК РФ), публичного конкурса (ст. 1058 ГК РФ), завещания (ст. 1130 ГК РФ).

За исключением отмены комиссионного поручения комитентом, которое по своей природе выступает скорее формой одностороннего отказа от дальнейшего исполнения обязательства, почти все вышеприведенные случаи отмены касаются последствий, вытекающих из односторонних сделок. Отмена односторонней сделки подразумевает, что лицо, выразившее волю, отменяет юридический эффект, на достижение которого изначально данная воля была направлена. И здесь имеет значение два ключевых условия: а) отменить одностороннюю сделку может только лицо ее совершившее; б) отмена производится до момента, когда в силу совершения определенных действий или наступления определенных обстоятельств, появляется лицо, имеющее законное право требования по данной сделке.

Кроме указанных условий законом могут быть также установлены иные ограничения для отмены односторонних сделок. Например, согласно ст. 1056 ГК РФ, публичное обещание награды не может быть отменено в случае, если: а) невозможность отмены прямо следует из содержания обещания; б) в обещании дан конкретный срок для его исполнения; в) на момент отмены уже имеются лица, выполнившие указанное в обещании действие.

В контексте допускаемой законодателем возможности отмены сделки и ее последствий особый интерес представляет закрепленное в ст. 578 ГК РФ право отмены дарения при наступлении определенных, указанных в законе условий.

Прежде всего следует отметить, что договор дарения выступает единственной двухсторонней сделкой, в рамках которой возможно произвести отмену произведенного действия. Это заслуживает особенного внимания еще и по тому, что, в отличие от односторонних сделок, закон допускает производить отмену дарения в момент, когда у одаряемого уже возникло право требования указанного в договоре имущества и, более того, данное требование уже удовлетворено. Если в случае с односторонними сделками еще можно было рассматривать их отмену как своего рода привилегированный отказ от исполнения обязательства, право требования по которому еще не возникло, то в случае с дарением все обстоит сложнее.

Эта сложность обусловлена тем, что ст. 578 ГК РФ не просто нивелирует правовые последствия договора, но и фактически прекращает право собственности одаряемого на подаренную ему вещь. В этой связи будет не лишним дать характеристику тем обстоятельствам, которые могут послужить основанием для отмены дарения.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

Согласно действующему законодательству, отмена дарения допускается в случаях, когда:

а) одаряемый причинил вред здоровью дарителя либо же лишил его жизни (в таком случае дарение могут отменить наследники дарителя);

б) характер обращения дарителя с подаренным ему имуществом грозит порчей или гибелью последнего при условии, что подаренная вещь представляет имеет большое личное (неимущественное) значение для дарителя;

в) дарение может быть аннулировано в соответствии с требованиями Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»;

г) при наличии соглашения между сторонами по договору о возможности отмены дарения в случае, если смерть одаряемого произойдет при жизни дарителя.

Кроме того, устанавливается дополнительное (факультативное) основание для совершения отмены дарения – использование имущества, переданного в качестве пожертвования не по целевому назначению.

Помимо оснований для отмены произведенного дарения ст. 579 ГК РФ закрепляет условие, при котором дарение не может быть отменено: если стоимость подарка не велика.

Возможность отмены дарения не является следствием развития юридической мысли на современном этапе, но, напротив, она всегда была исторически присуща данному институту. Так, законодательство времен Юстиниана допускало отмену дарения в случае нарочитой неблагодарности одаряемого, которая могла быть выражена в виде: а) нанесения тяжелой обиды дарителю; б) причинения вреда его здоровью или имуществу [1, с. 255].

Неблагодарность одаряемого служила основанием для отмены дарения и в отечественном дореволюционном законодательстве. Статья 974 Свода законов Российской Империи, признавая в качестве общего правила невозвратность переданного в качестве дара, в тоже время закрепляла, что «если принявший дар учинит покушение на жизнь дарителя, причинит ему побои или угрозы, оклеветает его в каком-либо преступлении, или вообще окажет ему явное непочтение, то даритель имеет право требовать возвращения подаренного»². Г. Ф. Шершеневич отмечал, что в данной норме получил закрепление общий подход законодателя к пониманию дарения как «акта щедрости, которым одаряемый нравственно обязывается перед дарителем» [2, с. 558].

Аналогичные положения мы находим и в зарубежных правовых системах. Так, в Германском гражданском уложении (далее – ГГУ) в разделе, посвященном институту дарения, в параграфе 528 изложены основания, в силу которых лицо, совершившее дарение, имеет право добиваться его отмены. Основанием для отмены дарения по ГГУ является совершение одаряемым «тяжкого проступка» непосредственно в отношении дарителя или члена его семьи, проявив тем самым грубую неблагодарность [3]. Здесь необходимо признать, что немецкий законодатель на пути разработки института дарения зашел значительно дальше отечественного. Это выражается хотя бы в том, что ГГУ склонно рассматривать отмену дарения как самостоятельное и отдельное вещно-обязательственное право дарителя, нормативно-правовая регламентация которого также отличается большей степенью детализации. Так, например, ГГУ ограничивает дарителя в праве отмены

дарения в том случае, если последний простил одаряемого, а также по истечении одного года с того момента, когда он узнал о проступке одаряемого, и, наконец, после смерти одаряемого. Кроме того, параграф 533 ГГУ дает право дарителю совершить юридическое действие, связанное с отказом от права дарения, но которое имеет силу лишь в том случае, если последний уведомлен о факте совершения в отношении него тяжелого проступка. Наконец, параграф 534 ГГУ закрепляет невозможность произвести отмену дарения, если оно было совершено в силу морального долга или же с целью соблюсти приличия.

Похожие по своему содержанию нормы мы находим в Гражданском кодексе Китайской Народной Республики. Согласно ст. 663 ГК КНР, основанием для отмены подарка может являться одно из следующих обстоятельств: а) причинение вреда законным правам и интересам дарителя или членам его семьи; б) нарушение нематериального обещания, данного одаряемым при заключении договора дарения; в) нарушение обещания материально обеспечивать дарителя, если такое обещание было дано одаряемым при заключении договора³. Заявить право на отмену дара возможно в течение одного года с момента, когда даритель узнал о совершении одаряемым действий, являющихся основанием для отмены.

В законодательстве Испании отмена дара может быть реализована как по причине неблагодарности, так и ввиду появления детей у дарителя после передачи дара. При этом устанавливаются сроки реализации права на отмену дара [4].

Как показал беглый взгляд на историю развития исследуемого института, возможность отмены дарения еще со времен римского права выступает в качестве одного из неотъемлемых прав дарителя на случай глубокой неблагодарности одаряемого в отношении своего благодетеля, что, в свою очередь, сохраняется и поныне в совершенно различных и независимых друг от друга правовых системах. Здесь, однако, встает важный и деликатный вопрос: по какой причине законодатель в принципе допускает столь экстраординарный способ аннулирования обязательства, который, как было показано в начале настоящего исследования, гражданскому законодательству по общему правилу не присущ?

То обстоятельство, что в разные исторические эпохи законодатель сохраняет правила об отмене дарения можно объяснить укоренившимися в самой сердцевине гражданского законодательства моральными и этическими принципами, а также спецификой неэквивалентных отношений в предмете гражданского права.

Возмездные сделки покоятся на идеи о необходимости получения встречного предоставления за исполнение своих обязанностей. Для безвозмездных сделок встречность предоставления не характерна. Дарение предполагает, что одна сторона становится исключительно беднее, а вторая – исключительно богаче. В таких условиях даритель находится в заведомо куда более рискованном положении, поскольку, жертвуя свое имущество другому лицу, он всегда рискует оказаться жертвой обмана или подлости со стороны одаряемого. Не имея возможности восстановить последствия от неблагодарности за счет хоть какого-либо имущественного эквивалента, который получают стороны по другим возмездным сделкам, даритель может восстановить свои нару-

2 Свод законов Российской Империи. Т. 10. Ч. 1. Законы гражданские. – СПб.: В тип. Второго отделения Собственного Его Императорского Величества, 1857.

3 Гражданский кодекс Китайской народной республики от 28 мая 2020. Книга III. Договоры. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/civil-code-of-china-part-iii-contract-20200528> (дата обращения: 14.05.2023).

шенные интересы посредством отмены дарения и возврата, предоставленного по сделке.

Таким образом, моральная сторона вопроса в данном случае оказывает непосредственное воздействие на формирование законодательных правил и развитие правоприменительной практики.

Практическое значение исследование моральных аспектов в вопросе об отмене дарения предполагает, в свою очередь, обращение к сложившейся судебной практике.

В этой связи интерес представляет постановление суда кассационной инстанции по делу № А83-5591/2021⁴. Как указано в судебном акте, истец – НКО «Фонд помощи животным «Велес»» – обратился с исковым заявлением к ООО «Ялтинский зоопарк «Сказка»». Основанием для обращения в суд послужили установленные истцом факты ненадлежащего содержания львицы по кличке «Боня» в одном из учреждений Ялтинского зоопарка, переданной ему на содержание.

Истец в исковом заявлении настаивал на том, что у него имеются основания полагать, что переданная зоопарку львица содержится в ненадлежащих условиях, могущих создавать опасность для здоровья львицы, что подтверждалось отказом администрации зоопарка допустить представителя истца для проведения надлежащей проверки, а также фактической неосведомленностью персонала зоопарка, какой именно львица, находящаяся на содержании зоопарка, была передана истцом.

Исследовав все обстоятельства дела, суды всех трех инстанций пришли к единому выводу, что в отношении между истцом и ответчиком следует рассматривать как непоименованный договор дарения (в виду того, что спорное имущество фактически было передано в собственность зоопарка), а отношения в рамках возникшего между сторонами спора следует квалифицировать как отмену дарения. Исходя из обстоятельств дела, суды всех трех инстанций, допустив возможные факты ненадлежащего обращения с переданной зоопарку львицей, противоречащие установленным в Российской Федерации ветеринарным нормам, не усмотрели, однако, в данном обстоятельстве каких-либо оснований для отмены дарения, предусмотренные в ст. 578 ГК Российской Федерации, в том числе указанные в пункте 2 данной статьи.

Вместе с тем, судами по данному делу не был исследован вопрос добросовестности действий ответчика в части ненадлежащего ухода за львом, а также отказа предоставить истцу сведения о его состоянии, а также ряд иных вопросов, доказывание которых необходимо в рамках рассмотрения подобного рода споров (факт наличия нематериальной ценности для участников или учредителей истца спорного животного, отсутствие определений суда о назначении судебных экспертиз и т.д.).

Исходя из этого, вывод суда об отсутствии при разрешении указанного спора оснований для отмены договора дарения в рамках статьи 578 ГК Российской Федерации нельзя считать мотивированным. Более того, подход, отраженный в рамках данного судебного решения, исходит из буквального (формального) толкования закона, не придавая большого значения нравственной составляющей спора – жизни животного и его ценности для учредителей и участников организации истца.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что отсутствие концептуального понимания существа и назначения института отмены дарения, равно как и его недостаточная законодательная регламентация в совокупности приводят к неэффективности рассматриваемого института. Вместе с тем, данный институт исторически присущ договору дарения, отражает его моральную составляющую, представляет собой не только экстраординарный способ аннулирования обязательства, но и, по сути, способ прекращения права собственности. Отмеченные аспекты необходимо изучить в ходе дальнейших исследований. Кроме того, полагаем, что законодателю следовало бы расширить содержание оснований для отмены дарения, оставив место для судебного усмотрения. Довольно узкий спектр обстоятельств, могущих послужить основанием для отмены дарения, на наш взгляд, зачастую создает неблагоприятные условия для участников гражданского оборота. Нормы гражданского законодательства об отмене дарения следует конкретизировать и в части установления возможных сроков для реализации права на отмену.

Пристатейный библиографический список

1. Новицкий И. Б. Римское право: учебник для вузов. – М.: Издательство Юрайт, 2023. – 298 с.
2. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права: (по изданиям 1912 и 1914-1915 гг.): в 2 т. Т. 2. – М.: Статут, 2021.
3. Германское гражданское уложение от 18.08.1896 // Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. – М.: Инфотропик Медиа, 2015.
4. Гражданский кодекс Испании [Текст]: аннотированный перевод / пер. на рус. яз., обраб. и коммент.: Д. В. Шорников. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015.

⁴ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 25.08.2022 N Ф10-2427/2022 по делу N А83-5591/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

DOI 10.46320/2073-4506-2023-4-179-148-150

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич

адвокат, Ленинградская областная коллегия адвокатов, филиал Адвокатская контора «Пелевин и партнеры»

ИСКОВАЯ ДАВНОСТЬ ПО СПОРАМ, ВЫТЕКАЮЩИМ ИЗ ДОГОВОРОВ ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ ПО ПРОФИЛЮ «ПЛАСТИЧЕСКАЯ ХИРУРГИЯ»

Статья посвящена актуальной проблеме регулирования деятельности организаций, оказывающих медицинские услуги, и потребителей (пациентов) медицинских услуг. Предметная область исследования сформулирована автором достаточно узко и затрагивает те вопросы, которые касаются факторов и подходов установления срока исковой давности по спорам, вытекающим из договоров возмездного оказания медицинских услуг. Реферативный обзор источников указывает на то, что современные авторы не уделяют достаточного внимания данному аспекту. Это обусловлено тем, что российское законодательство не дает четкого определения. Сама сфера пластической хирургии, ее специфика и особенности, не дают возможность однозначно сформулировать и описать правовой механизм разрешения поставленной проблемы. В связи с этим, автор оперирует не только научно-теоретическими подходами в рамках юридической науки, так и оценками экспертного медицинского сообщества. Теоретические результаты исследования могут иметь возможность дальнейшего использования для разработки данной предметной области.

Ключевые слова: пластическая хирургия, пациенты, медицинские услуги, исковая давность, договоры возмездного оказания услуг, права потребителей.

YASTREMSKIY Ivan Anatoljevich

Lawyer, Leningrad regional lawyer association, Law firm «Pelevin and partners»

LEGAL HISTORY IN DISPUTES ARISING FROM CONTRACTS FOR THE REIMBURSABLE PROVISION OF MEDICAL SERVICES UNDER THE «PLASTIC SURGERY» PROFILE

The article is devoted to the current problem of regulating the activities of organizations providing medical services and consumers (patients) of medical services. The subject area of the study is formulated by the author quite narrowly and affects those issues that relate to the factors and approaches to establishing the statute of limitations for disputes arising from contracts for the reimbursable provision of medical services. An abstract review of sources indicates that current authors do not pay sufficient attention to this aspect. This is due to the fact that Russian legislation does not provide a clear definition. The very sphere of plastic surgery, its specifics and features, do not make it possible to unequivocally formulate and describe the legal mechanism for resolving the problem. In this regard, the author operates not only with scientific and theoretical approaches within the framework of legal science, but also with the assessments of the expert medical community. The theoretical results of the study can be further used to develop this subject area.

Keywords: plastic surgery, patients, medical services, legal history, contracts of reimbursable provision of services, consumer rights.

Ястремский И. А.

Современная медицина существует в рыночных условиях, что усложняет механизмы правоотношений в области здравоохранения.

Пластическая хирургия – достаточно востребованное направление медицинских услуг, которое не включено в список услуг обязательного медицинского страхования и активно развивается в коммерческом сегменте рынка медицинских услуг.

К сожалению, нередки случаи некачественного оказания медицинских услуг в области эстетической медицины, помимо этого, следует говорить о проблеме теневого сектора, в рамках которого услуги оказываются организациями и специалистами, не имеющими для этого достаточных правовых оснований.

С точки зрения экономики, здравоохранение является частью рынка услуг. Медицинские услуги, в самой узкой интерпретации понимаются как лечение (терапия), в тоже

время, медицинская услуга в своей структуре имеет также консультирование, лекарственные препараты, медицинское оборудование и др., то есть медицинская услуга представляет собой процесс взаимодействия потребителя (пациента) и специалиста (врача), направленный на улучшение и сохранение здоровья.

Исходя из этого определения, раскрывается социальная сущность здравоохранения, которая проявляется в сочетании профилактики, диагностики, терапии и реабилитации.

В международной практике, инфраструктура здравоохранения представлена как совокупность хозяйствующих субъектов функционирующая как кластер, где, помимо учреждений здравоохранения, активное участие принимают страховые компании, производители медицинского оборудования и фармацевтических средств, аптеки, государственные учреждения и др.

Медицинские услуги относятся к сфере обслуживания, которая является крупнейшей. По разным оценкам специалистов в сфере услуг занято около 49 % всего работающего населения мира [9].

Говоря о качестве услуги, то в отечественных и зарубежных исследованиях, услуги характеризуются с позиции категорий безопасности, надежности, компетентности, доступности и т.д.

Основным свойством, с которым связано качество - способность являться потребительной стоимостью, обладать полезностью и удовлетворять конкретные потребности лучше других аналогов, а именно обладать конкурентоспособностью. Необходимо указывать степень удовлетворения этих потребностей, а те свойства, которые их не удовлетворяют, не образуют потребительной ценности, поэтому их не учитывают при определении сущности и оценки качества.

Правовое регулирование, в этой связи, должно определить критерии качества услуги, на основании которых клиент в праве потребовать компенсацию или возмещение морального вреда.

Законодательные принципы функционирования системы здравоохранения, как государственного, так и частного сектора, изложены в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ.

И. В. Буромский, Ю. В. Ермакова, Е. С. Сидоренко в своей публикации анализируют положения данного закона, но не акцентируют внимание на вопросах ущерба, разрешения возникающих противоречий и разногласий между сторонами, указывая в большей части на определение качества и стандартов качества медицинских услуг [1].

Актуальность рассматриваемой проблемы также раскрывается и в контексте многочисленных обращений в судебные органы пациентов клиник пластической хирургии.

В контексте рассматриваемой темы, Д. А. Зимин, Л. И. Меньшикова, В. Е. Кляукинов в своей статье обращают внимание на несоблюдение приказа Министерства здравоохранения Российской Федерации № 298н от 31 мая 2018 года «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «пластическая хирургия», который был издан в связи с участвовавшими случаями травматизма и смертности в результате вмешательства пластического хирурга [4].

Тем не менее, проблема исковой давности не затрагивается и в этом документе.

С точки зрения правоприменительной практики, некачественно оказанные услуги можно квалифицировать и с точки зрения уголовного права, и с точки зрения гражданско-правовых отношений.

Детали ответственности сторон могут быть указаны непосредственно в договоре, исходя из гражданско-правовой практики, срок исковой давности по договору оказания услуг, согласно статье 783 ГК РФ, должен составлять 1 год.

А. С. Мограбян указывает на недостаточность правовых механизмов защиты пациентов.

Нормами ГК РФ предусмотрена компенсация морального вреда в денежной форме, но следует понимать, что сто-

имостное выражение не является денежным эквивалентом личного нематериального блага [7].

Возвращаясь к проблеме правовых отношений между медицинской организацией и пациентом, то договор возмездного оказания услуг должен содержать регулирование следующих вопросов:

1. исполнение договора;
2. процедуру отказа от услуг;
3. размер и порядок оплаты оказанных услуг [3].

Обращает на себя внимание механизмы защиты прав потребителей.

Содержание и правовой характер договора оказания медицинских услуг позволяет ближе понять и определить различные аспекты, в том числе и срок исковой давности.

Д. Е. Матыцин, Т. А. Плаксунова указывают на то, что в судебной практике часто выявляется то, что в договоре исполнитель исключает ответственность, если услуга оказана с соблюдением всех существующих норм, которые закреплены в нормативно-правовых регламентирующих документах, но при этом, полученный результат не удовлетворяет требованиям пациента [6].

О необходимости применения норм законодательства о защите прав потребителей указывает и то, что медицинские услуги обладают потребительским свойством, то есть положительной возможностью улучшения состояния здоровья [8].

Отталкиваясь от этого, решение проблемы определения срока исковой давности споров об оказании возмездных медицинских услуг следует искать в законодательстве о защите прав потребителей.

Но и тут возникает ряд противоречий в разработке правового механизма и регулировании правоотношений в области пластической хирургии.

Это обусловлено тем, что последствия оказания медицинской услуги могут не иметь последствий в ближайшее время после ее оказания, то есть, последствия неудовлетворительного оказания медицинской услуги могут сказаться через достаточно продолжительное время, даже больше года, предусмотренного согласно гражданскому законодательству.

Совершенствование законодательства в области оказания медицинских услуг, по мнению автора, должна развиваться в направлениях расширения возможностей страхования, разработки механизма экспертной оценки качества и результатов медицинских услуг, которое позволит точно определить срок оказания медицинских услуг и наступления последствий, которые можно считать началом и окончанием срока исковой давности по результатам оказания медицинских услуг в области медицинских услуг.

Согласно статье 314 Гражданского Кодекса срок исполнения должником обязательства из причинения вреда здоровью при оказании медицинских услуг наступает по истечении семи дней с момента предъявления такого требования. Статья 208 Гражданского Кодекса срок исковой давности не распространяется на требования о возмещении вреда жизни и здоровью. Исходя из этого, пациент имеет право защищать нарушенные неимущественные права независимо от сроков оказания медицинской услуги [10].

И. М. Вильгоненко, Н. Р. Гагиева, Н. Ю. Белокопытова в своей статье высказывают мнение о наличии пробела в российском законодательстве в контексте применения статьи 1095 Гражданского Кодекса РФ, которая заключается в том, что возможность возмещения нанесенного вреда связана со сроком службы или годности товара или услуги, а при их отсутствии вред подлежит возмещению на протяжении 10 лет с момента предоставления услуги, что делает неэффективным применение 208 статьи Гражданского Кодекса [2].

Как представляется автору, в данной системе правоотношений, задействованы три субъекта.

Во-первых, это государство, которое заинтересовано в увеличении продолжительности жизни населения и сокращении заболеваемости, а также выступает источником правотворчества.

Во-вторых, это, непосредственно, пациенты.

В-третьих, медицинские организации и специалисты, оказывающие медицинские услуги.

Безусловным является то, что указанная проблема нуждается в детальной проработке и формировании законодательного поля деятельности пластической хирургии.

Принято считать, что услугами пластической хирургии пользуются наиболее обеспеченные слои населения.

Тем не менее, защита прав потребителей медицинских услуг является глобальной задачей, по этой причине, ряд специалистов предлагают программы повышения правовой компетенции в области оказания медицинской помощи [5].

Данная предметная область имеет большие перспективы исследования.

Пристатейный библиографический список

1. Буромский И. В., Ермакова Ю. В., Сидоренко Е. С. Правовое регулирование профессиональной деятельности врача по специальности «пластическая хирургия» // *Лечебное дело*. 2022. № 1. С. 96-100.
2. Вильгоненко И. М., Гагиева Н. Р., Белокопытова Н. Ю. Особенности возмещения вреда, причиненного ненадлежащим оказанием медицинских услуг // *Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева*. 2018. № 4. Т. 2. С. 119-126.
3. Галляудинова Г. И., Масалимова А. А. Проблемы правового регулирования оказания медицинских услуг в Российской Федерации // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2023. № 1-1 (76). С. 124-128.
4. Зимин Д. А., Меньшикова Л. И., Клякинов В. Е. Проблемные вопросы организации оказания медицинской помощи по специальности «пластическая хирургия» в условиях изменившегося правового регулирования // *Научно-практический рецензируемый журнал «Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики»*. 2021. № 1. С. 518-534.
5. Макаревич М. Л., Думкина А. А., Химичева А. И. Отдельные проблемы защиты прав потребителей в сфере оказания медицинских услуг // *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*. 2017. № 6 (24). С. 62-66.
6. Матыцин Д. Е., Плаксунова Т. А. Содержание договора об оказании платных медицинских услуг: теоретико-прикладной анализ // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2020. Т. 19. № 4. С. 89-99. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.12>
7. Мограбян А. С. Актуальные проблемы в сфере оказания косметологических услуг: частноправовой аспект // *Lex Russia*. 2018. № 10. С. 58-69.
8. Плотникова А. В. Понятие и юридическая характеристика договора возмездного оказания медицинских услуг // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. – 2019. – № 1 (январь). – 0,3 п. л. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2019/193005.htm>.
9. Харламов А. В., Сибгатуллин А. Э. Институциональные изменения, обеспечивающие инновационную направленность развития хозяйственной системы // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2021. № 4 (130). С. 21-26.
10. Шевчук Е. П. Порядок исполнения обязательства по возмещению вреда здоровью гражданина, причиненного при оказании медицинских услуг // *Сибирский юридический вестник*. 2019. № 1 (84). С. 53-57.

УСОВА Екатерина Владимировна

кандидат политических наук, доцент кафедры международного права Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева

ИВАНОВА Людмила Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры правоведения Астраханского государственного технического университета

ПРАВОВАЯ ОХРАНА ОТДЕЛЬНЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ БРЕНДА

В статье рассмотрены правовые основы гражданского законодательства об охране объектов интеллектуальной собственности. Установлено, что понятие «бренд», активно применяемое в современной действительности, не является правовым термином и не получило законодательного закрепления. Отмечаются, что бренд как сложное явление содержит в себе некоторые элементы, охраняемые современным гражданским правом. В статье рассмотрены материалы судебной практики о защите товарных знаков, наименования места происхождения товаров как элементов бренда и регионального бренда соответственно. Установлена невозможность правовой регламентации понятия «бренд», несущего в себе эмоциональное восприятие.

Ключевые слова: исключительное право, бренд, индивидуализация, товарный знак, логотип, региональный бренд, наименование места происхождения товара.

USOVA Ekaterina Vladimirovna

Ph.D. in political science, associate professor of International law sub-faculty of the V. N. Tatishchev Astrakhan State University

IVANOVA Ludmila Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Jurisprudence sub-faculty of the Astrakhan State Technical University

LEGAL PROTECTION OF INDIVIDUAL BRAND COMPONENTS

The article considers the legal foundations of civil legislation on the protection of intellectual property objects. It is established that the concept of "brand", actively used in modern reality, is not a legal term and has not received legislative consolidation. It is noted that the brand as a complex phenomenon contains some elements protected by modern civil law. The article examines the materials of judicial practice on the protection of trademarks, the name of the place of origin of goods as elements of the brand and regional brand, respectively. The impossibility of legal regulation of the concept of "brand", which carries an emotional perception, has been established.

Keywords: exclusive right, brand, individualization, trademark, logo, regional brand, name of the place of origin of the goods.

В современном российском демократическом государстве одной из сфер общественных отношений, вызывающих исследовательский интерес, стало направление связей с общественностью и рекламы. Это достаточно широкий спектр направлений деятельности, затрагивающий сферы управления, экономики, права, коммуникации, социологии, политологии, филологии и др. В свете бурного развития рыночных отношений, возрастания конкуренции, каждая компания старается быть если не известной, то заметной, отличающейся от других и запоминающейся в глазах своей целевой аудитории, в среде партнеров и других групп общественности. Субъектами рыночных отношений сегодня уделяется немало внимания развитию брендов. Процесс создания и развития бренда, а также управления им получил название брендинга. Актуальным является правовой аспект создания бренда в современных условиях, так как, с одной стороны, это творческий процесс, охваченный организационными мероприятиями, креативными действиями, маркетинговыми стратегиями, в то же время существующий в рамках правового поля. Создание бренда осуществляется в несколько этапов. Основными из них являются проведение исследования, выявление проблемы, постановка цели и задач, разработка концепции-идеи, определение целевой аудитории, формирование элементов бренда с помощью технологий, разработка бюджета, определение КРП (критериев оценки эффективности) и др. Если большая часть названных этапов законодательством се-

годня не охвачена, и это не требуется с точки зрения целесообразности правового регулирования отдельных процессов, то некоторые элементы подлежат правовой охране в соответствии с действующим гражданским законодательством.

В рамках раскрытия правового контекста следует обратиться к понятию «бренд». Современными исследователями не выработано единого понимания «бренда», что говорит о многоаспектности и сложности данного явления. Слово «бренд» в буквальном переводе означает «марка», «знак», «символ». Одни исследователи закладывают в определение «бренд» визуальные составляющие, оказывающие влияние на эмоциональное, психическое восприятие представителями целевой аудитории определенных составляющих «бренда», другие – связывают «бренд» с формированием определенного мнения, убеждения о предлагаемом товаре, услуге, организации под именем «бренда». В отечественной и зарубежной литературе можно встретить следующие определения «бренд». Так, С. В. Карпова и И. К. Захаренко под брендом подразумевают «комплекс визуальных, смысловых и ценностных характеристик, придающих ему дополнительную социальную и коммерческую ценность» [2, с. 9]. Е. Дихтль, Х. Хершген наделяют бренд, включающий в себя «сам товар или услугу со всеми их параметрами, набором характеристик, ожиданий, ассоциаций, воспринимаемых пользователем и приписываемых им товару, а также обещания каких-либо преимуществ, данные владельцами бренда

потребителям» [1, с. 6]. Е. А. Осипова в понимании бренда делает акцент на том, что ключевым признаком брендов являются концептуальные и профессионально организованные коммуникации, позволяющие разным субъектам экономической, политической и других сфер жизнедеятельности становиться широко известными [4, с. 7]. Итак, придерживаясь буквального перевода бренда как марки, знака, следует рассмотреть положения законодательства о товарном знаке. Товарный знак является средством индивидуализации производителя.

В связи с многоаспектностью применения понятия «индивидуализация» в гражданских правоотношениях в научной литературе сформулированы подходы к ее определению. Термин «индивидуализация» исходит от глагола «индивидуализировать», т.е. обособлять по индивидуальным признакам. «Индивидуализация» в науке гражданского права применяется в совокупности с понятием «средство», т.е. приспособлениями, способами, применение которых позволяет индивидуализировать предмет [6, с. 156-160].

В соответствии со ст. 1477 ГК РФ товарный знак – обозначение, используемое для индивидуализации услуг и товаров юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Товарный знак создается субъектом гражданских правоотношений для индивидуализации, обособления своего товара, услуги от аналогичных, уже существующих на рынке. Товарный знак подлежит государственной регистрации, в то время как бренд не регистрируется. Собственно, невозможно зарегистрировать эмоции, ассоциации, вызванные у потребителя в результате управления брендом в рамках грамотно проработанной бренд-стратегии. Государственная регистрация товарного знака является залогом его охраноспособности. В соответствии со ст. 1482 ГК РФ в качестве товарных знаков могут быть зарегистрированы словесные, изобразительные, объемные и иные обозначения или их комбинации. К последним относятся световые, звуковые, голографические, осязательные, обонятельные, вкусовые, комбинированные и другие товарные знаки. Однако существуют ограничения, например, не может быть зарегистрировано в качестве товарного знака обозначение, вошедшее во всеобщее употребление, общепринятый символ или термин, товарный знак не может являться характеристикой товара, которая выражена в указании на его вид, качество и т.п., а также формой товара, выраженной в его назначении. Данные обозначения хоть и могут быть включены в товарный знак, но правовой охране они подлежат не будут. Существуют и другие ограничения, установленные ст. 1483 ГК РФ (например, сходные до степени смешения с объектами, не подлежащими правовой охране в соответствии со ст. 1231.1 ГК РФ; способные ввести в заблуждение потребителя относительно товара или его изготовителя, а также, если они противоречат принципам морали, гуманности, общественным интересам и др.).

Судебная практика показывает, что нормы ГК РФ об охране товарных знаков работают на практике, являются действенными в деле охраны прав обладателя зарегистрированного товарного знака. Так, Арбитражным судом г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области было рассмотрено следующее дело. Компания обратилась в Арбитражный суд с иском к ООО о взыскании компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак. В ходе закупки в торговой точке ответчика истцом был установлен факт про-

дажи электронной сигареты, на данном товаре содержалось обозначение, сходное до степени смешения со спорным товарным знаком. В подтверждение был представлен чек с данными продавца, а также фотография приобретенного товара, видеозапись процесса приобретения, а также сам товар. Исключительное право на распространение товарного знака в РФ как подтверждают представленные документы, принадлежит истцу. Сходство судом установлено по общей форме и соотношению частей стилизованных изображений, пропорциям, цветовым решениям. Суд удовлетворил иск правообладателя товарного знака (Решение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области по делу № А56-97310/2022 от 30.01.2023 г.).

Следует отметить, что некоторые проблемы вызывает верное определение ответчика по делу. Так, Компания обратилась в арбитражный суд с иском к индивидуальному предпринимателю (далее – ИП) о взыскании компенсации за нарушение исключительных имущественных прав на произведения изобразительного искусства Поли, Рой, Хелли, Эмбер. В ходе рассмотрения дела был установлен факт реализации товара ИП со спорным изображением. Истцу принадлежит право на товарный знак и исключительное право на произведения изобразительного искусства, что подтверждено свидетельствами о регистрации прав на интеллектуальную собственность. Истец указал на сходство до степени смешения между принадлежащим ему товарным знаком и изображением на товаре, реализованным ИП. Оценка данного обстоятельства была дана судом, т.к. она оценивается с точки зрения обычного потребителя и не требует обращения к эксперту. При визуальном сравнении судом охраняемого товарного знака и изображения на товаре, реализованном ИП, установлено визуальное сходство до степени смешения. Согласно ст.ст. 1229, 1484, 1487 ГК РФ факт незаконного использования товарного знака, принадлежащего истцу, состоит в его использовании при отсутствии согласия правообладателя, что указывает на контрафактность реализованной ИП продукции. Судом также установлено, что иск предъявлен к ненадлежащему ответчику, т.к. в представленном в подтверждение совершения договора розничной купли-продажи чеке указан другой ИП, который в ходе судебного разбирательства был привлечен в качестве третьего лица. В этой связи суд отказал в удовлетворении искового требования (Решение Арбитражного суда Саратовской области по делу № А57-19677/2022 от 02.03.2023 г.).

Также следует обратить внимание на то, что не регистрируемым элементом бренда является логотип. Логотип является визуальным образом коммуникации бренда. Основная его функция состоит в том, чтобы идентифицировать товар, услугу, организацию. Визуальный образ логотипа может быть представлен разными символами (словесными, графическими объектами и пр.). При разработке логотипов не обязательно разъяснять смысл его визуального облика, он может быть на первый взгляд непонятен, но приобретает значение, когда начинает выполнять предназначенную ему функцию – вызывать ассоциации с товаром, услугой, организацией. «Хороший дизайн придает компании ценность, усиливает значимость и притягивает взгляд людей» [3, с. 21-22].

В последнее время интерес исследователей сферы рекламы и связей с общественностью обращен на региональные бренды. Региональный бренд понимается как определяющий

фактор восприятия региона, выраженный в эмоциональных предпочтениях потребителей, направленный на повышение узнаваемости региона путем формирования его конкурентных преимуществ. Региональные бренды, по нашему мнению, корреспондирует с правом на географическое указание и наименование места происхождения товара (ст.ст. 1516-1537 ГК РФ). И хотя исследователи в сфере рекламы и связей с общественностью отмечают, в первую очередь, экономическое содержание [5, с. 50] данного понятия, а не правовое, тем не менее, правовой охране они подвержены. В судебной практике отсутствует практика защиты как брендов в общем понимании, так и региональных брендов, однако, достаточно внимания уделено защите наименования места происхождения товара (далее – НМПТ).

Так, в Арбитражный суд обратилось ООО «Фабрика Оренбургских пуховых платков» (которая является обладателем исключительного права использования НМПТ «Оренбургский пуховый платок») с иском к ИП о взыскании компенсации за незаконное использование НМПТ. Истец также просил суд запретить ответчику использовать НМПТ «Оренбургский пуховый платок». Было установлено, что ответчик незаконно использует НМПТ на товарах, этикетках, упаковках товаров, которые производятся, предлагаются к продаже, продаются, демонстрируются на сайтах. ИП возражал против удовлетворения исковых требований. Указывал на то, что свои изделия, а также работы других вязальщиц продает в магазине «Пуховый платок». На этикетке товар поименован «Паутинка ажурная, Артикул 125». Слова «Оренбургский платок» относятся не к конкретному товару, а к названию магазина. На подарочной коробке слова «Оренбургский платок» имеются, но повторяют только два слова из трех. В соответствии с нормами ГК РФ «НМПТ является обозначение, представляющее собой современное или историческое, официальное или неофициальное, полное или сокращенное наименование страны, городского или сельского поселения, местности или другого географического объекта, включающее такое наименование или производное от такого наименования и ставшее известным в результате его использования в отношении товара, особые свойства которого исключительно определяются характерными для данного географического объекта природными условиями и (или) людскими факторами». Использованием НМПТ считается, в частности, размещение этого наименования места происхождения товара: на товарах, этикетках, упаковках товаров, которые производятся, предлагаются к продаже, продаются или иным образом вводятся в гражданский оборот на территории Российской Федерации. Исковые требования удовлетворены судом в полном объеме (Решение Арбитражного суда Оренбургской области по делу № А47-14227/2021 от 11.10.2022г.).

Таким образом, на сегодняшний день российское гражданское право не содержит юридического термина «бренд», которым сегодня довольно часто оперируют исследователи в сфере связей с общественностью и рекламы, применяемое в экономической деятельности для обозначения набора индивидуализирующих характеристик организации, товара, услуг и т.д., выраженных в эмоциональной и ассоциативной составляющих. Нет единого понимания данного термина и в сфере рекламы и связей с общественностью, что затрудняет его понимание в современной науке. Однако некоторые ин-

дивидуализирующие его элементы, такие как товарный знак, НИПТ получили правовую защиту в гражданском законодательстве, т.к. последнее направлено на правовое регулирование отношений в сфере рыночной экономики, установили правовой режим объектов интеллектуальной собственности, порядок их регистрации и защиты от незаконного использования иными субъектами в целях извлечения выгоды для себя.

Пристатейный библиографический список

1. Дихтль Е., Хершген Х. Практический маркетинг: учеб. пособие / Пер. с нем. А. М. Макарова / Под ред. И. С. Минко. – М.: Высшая школа, 1995.
2. Карпова С. В., Захаренко И. К. Брендинг: учебник и практикум для прикладного бакалавриата. – М.: Издательство Юрайт, 2021. – 439 с.
3. Клинова А. В. Логотип и его основные функции // Центральный научный вестник. – 2019. – Т. 4. – № 6 (71). – С.21-22.
4. Осипова Е. А. Интеграция рекламы, связей с общественностью и дизайна в современных бренд-коммуникациях // Реклама, PR и дизайн в бренд-коммуникациях: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. 16-17 мая 2022. – М.: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2022. – С. 6-10.
5. Серова О. А. Региональные бренды в экономическом развитии регионов России // Брендинг как коммуникационная технология XXI века: материалы IX Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург. 27 февраля – 2 марта 2023 / Под ред. проф. А. Д. Кривоносова. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2023. – С. 49-51.
6. Усова Е. В. Средства гражданско-правовой индивидуализации участников гражданских правоотношений // Крымский Академический вестник. – 2018. – № 6. – С. 156-160.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-4-179-154-155

ПРОВАТКИНА Валерия Евгеньевна

студент Дальневосточного федерального университета

ВОЛОШИНА Татьяна Владимировна

студент Дальневосточного федерального университета

ШЕНЕР Элла Артемовна

студент Дальневосточного федерального университета

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛИЦА, ЗАНЯТОГО НА ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМЕ

Развитие цифровой экономики связано с появлением новых нетипичных форм занятости, в частности платформенной занятости. Платформенная занятость пока не урегулирована законодательно, тем не менее в ряде программных документов отмечается важность и необходимость стимулирования российских организаций в целях обеспечения занятости граждан в условиях цифровой экономики. В статье рассматривается европейский опыт регулирования правового статуса лица, занятого на онлайн-платформе, а также дается характеристика данного вопроса в России, существующего в настоящее время.

Ключевые слова: онлайн-платформа, клиент, услуга, занятые, работодатель, правоотношения.

PROVATKINA Valeriya Evgenjevna

student of the Far Eastern Federal University

VOLOSHINA Tatyana Vladimirovna

student of the Far Eastern Federal University

SHENER Ella Artemovna

student of the Far Eastern Federal University

LEGAL STATUS OF A PERSON EMPLOYED ON AN ONLINE PLATFORM

The development of the digital economy is associated with the emergence of new atypical forms of employment, in particular platform employment. Platform employment has not yet been regulated by law, however, a number of policy documents note the importance and necessity of stimulating Russian organizations in order to ensure the employment of citizens in the digital economy. The article examines the European experience of regulating the legal status of a person employed on an online platform, and also gives a description of this issue in Russia that currently exists.

Keywords: online platform, client, service, employed, employer, legal relations.

В связи с развитием технологий в современном мире появились различные формы занятости, которые не подпадают под законодательно принятый стандарт. Следовательно, возникает проблема определения объема прав и гарантий, предоставляемых «нестандартно» занятым работникам.

Сегодня особенно актуальной является проблема определения правового статуса работников, занятых на онлайн-платформах. Еще недавно в законодательстве большинства стран предполагалось, что такие лица являются самозанятыми, поэтому на них не распространяются права и гарантии, предоставляемые работнику. В то же время в отношениях между лицом и онлайн-платформой нередко присутствуют признаки наличия трудовых отношений. Например, некоторые онлайн-платформы обладают правом отключить лицо от сервиса без объяснения причин или требуют от него соблюдать определенные правила во время предоставления услуги клиенту. Такой подход ставит лицо, занятое на онлайн-платформе, в крайне невыгодное положение: при наличии фактически трудовых отношений между платформой и лицом последний лишен гарантий защиты своих трудовых прав и должного социального обеспечения [6].

Данная проблема приобретает значительные масштабы, поскольку во время пандемии увеличился спрос на услуги такси и доставки продуктов, и, следовательно, выросло число людей, работающих через онлайн-платформы. По данным Европейской Комиссии в 2020 году более двадцати

восьми миллионов граждан Европейского Союза были заняты на цифровых платформах. Ожидается, что к 2025 году их число достигнет сорока трех миллионов. При этом среди двадцати восьми миллионов людей, работающих через онлайн-платформы, большинство признается самозанятыми. Однако из них пять с половиной миллионов подвергаются риску нарушения своих прав в результате их неправильной квалификации как самозанятых [1].

Рассматриваемая проблема еще законодательно не урегулирована, поэтому ответ на вопрос, каков правовой статус лица, занятого на онлайн-платформах, можно найти в судебной практике европейских национальных судов.

Так, в 2020 году Кассационный суд Франции рассматривал спор между водителем и онлайн-платформой «Uber» относительно установления фактических трудовых отношений. Особое значение при рассмотрении дела придавалось возможности платформы временно ограничить или лишить водителя доступа к приложению в случае разумного усмотрения платформы, что и произошло с водителем. Несмотря на то, что водитель такси позиционировался платформой как свободный агент, суд в данном случае пришел к выводу о присутствии в правоотношениях между водителем и онлайн-платформой элемента подчиненности в модифицированной форме и наличии трудовых отношений, поскольку со стороны платформы происходил контроль и оценка качества услуг, предоставляемых водителем [2].

Следовательно, одним из выходов из этой затруднительной ситуации является признание факта наличия трудовых отношений в судебном порядке в каждом конкретном случае.

В свою очередь, Кассационный суд Италии в одном из постановлений по аналогичному делу предложил иные пути решения данной проблемы:

наделить лиц, предоставляющим услуги с помощью онлайн-платформ, промежуточным статусом, находящимся между подчиненным работником и свободным независимым агентом;

предоставить особую защиту лицам, занятым на онлайн-платформах, независимо от их статуса занятости [3].

Приведенные решения нельзя назвать универсальными, так как существует множество онлайн-платформ со своей спецификой правоотношений, складывающихся между платформой и лицом, предоставляющим услуги. Следовательно, будет сложно законодательно предусмотреть набор прав, который бы обеспечивал баланс интересов между платформой и работником.

На наш взгляд, наиболее комплексный взгляд на решение данного вопроса представлен в «Предложении для Директивы Европейского парламента и Совета об улучшении условий труда для работ через платформу от 9 декабря 2021 года». В данном документе выделены следующие критерии, с помощью которых можно выявить элемент подчиненности:

1. Определение способа получения или установление платформой верхних пределов уровня вознаграждения лица;

2. Наличие требований к лицу, предоставляющему услуги через платформу, относительно внешнего вида, правил поведения с клиентом или выполнения работы;

3. Надзор за выполнением работы лица или оценка качества, предоставленной им услуги;

4. Ограничение свободы лица относительно выбора места и времени работы, принятия или отказа в заказах, использования субподрядчиков;

5. Ограничение лица в создании собственной клиентской базы или предоставлении услуг другим лицам, не связанным с платформой.

При наличии в правоотношениях между лицом и платформой любых двух критериев такие отношения презюмируются трудовыми. В случае несогласия платформа может оспорить данное решение в суде [4]. Важно отметить, что бремя доказывания факта отсутствия трудовых отношений лежит на платформе, что дает дополнительную защиту работнику онлайн-платформы.

Иного подхода в определении статуса лица, занятого на онлайн-платформе, придерживается российская судебная практика. Исходя из анализа 46 судебной практики, суд большее внимание уделяет тексту договора, а не существу отношений между лицом и платформой. Так, согласно договору между лицом и ООО «Яндекс Такси» обязанность компании состоит в предоставлении доступа к сервису в обмен на оплату данных услуг со стороны лица. При этом судом не учитывается тот факт, что лицо было вынуждено зарегистрироваться в качестве самозанятого перед заключением договора с компанией. Также не дана правовая оценка стабильному характеру правоотношений сторон, выполнение трудовой функции в качестве перевозки пассажиров, предоставление услуг в интересах платформы [5]. Следовательно, суд придерживается формального метода оценки факта наличия или отсутствия трудовых отношений и не учитывает новые тенденции развития «нестандартной» занятости.

Однако, опираясь на критерии, изложенные в ранее рассмотренном Предложении для Директивы Европейского парламента, отношения между водителем такси и онлайн-платформой Яндекс Такси можно признать трудовыми.

Таким образом, проблема определения правового статуса лица, занятого на онлайн-платформе, решается различными способами в зависимости от страны. Тем не менее, прослеживается тенденция признания правоотношений между лицом и онлайн-платформой трудовыми при наличии определенных условий и критериев, которые можно найти в судебной практике европейских стран и Предложении для Директивы Европейского парламента и Совета об улучшении условий труда для работ через платформу от 9 декабря 2021 года.

В России рассматриваемый вопрос еще недостаточно раскрыт. Российскому законодателю рекомендуется обратиться к опыту зарубежных коллег для разработки собственных критериев наличия или отсутствия трудовых отношений между работником и онлайн-платформой.

Пристатейный библиографический список

1. Improving working conditions in platform work. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ec.europa.eu/social/BlobServlet?docId=24991&langId=en> (дата обращения: 1.05.2023).
2. Cour de cassation, civile, Chambre sociale, 4 mars 2020, 19-13.316, Publié au bulletin. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000042025162?isSuggest=true> (дата обращения: 30.04.2023).
3. Corte di cassazione. Sentenza n. 1663 del 24-1-2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lavorodirittieuropa.it/sentenze/sentenze-lavori-atipici/414-corte-di-cassazione-sentenza-1663-del-24-1-2020> (дата обращения: 30.04.2022).
4. Proposal for Directive of the European Parliament and of the Council on improving working conditions in platform work. Brussels, 9.12.2021. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://oeil.secure.europarl.europa.eu/oeil/popups/ficheprocedure.do?lang=en&reference=2021/041_4_\(OLP\)](https://oeil.secure.europarl.europa.eu/oeil/popups/ficheprocedure.do?lang=en&reference=2021/041_4_(OLP)) (дата обращения: 30.04.2022).
5. Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 22 ноября 2019 г. по делу № 33-53437/2019 // СПС Гарант; Определение СК по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 23 июля 2020 г. по делу № 8Г-10740 // СПС Гарант.
6. Лушникова М. В., Лушников А. М. Очерки теории трудового права. – СПб.: Юрид. Центр «Пресс», 2006. – 940 с.

ХАЙСАМ Н. М. Шакарна

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Института права Российского университета дружбы народов

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЧЛЕНОВ ПРАВЛЕНИЯ ПЕРЕД АКЦИОНЕРНЫМ ОБЩЕСТВОМ ПО КОРПОРАТИВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ГЕРМАНИИ

В работе проанализированы публикации немецких правоведов, положения действующего корпоративного законодательства ФРГ. Это позволило обозначить виды ответственности членов правления перед немецкой акционерной компанией учредительного, общего, внутрикорпоративного, позитивного, публичного и специального содержания.

Ключевые слова: члены правления, акционерное общество, корпоративное законодательство Германии, виды ответственности членов правления.

HAUTHAM N. M. Shakarna

postgraduate student of Civil law and process and international private law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

CURRENT ASPECTS OF THE RESPONSIBILITY OF THE MEMBERS OF THE MANAGEMENT BOARD TO THE JOINT-STOCK COMPANY UNDER THE CORPORATE LEGISLATION OF GERMANY

The paper analyzes the publications of German jurists, the provisions of the current corporate legislation of Germany. This made it possible to identify the types of responsibilities of members of the management board to a German joint-stock company of constituent, general, internal, positive, public and special content.

Keywords: members of the Management Board, joint stock company, corporate legislation of Germany, types of responsibilities of members of the management board.

Важность исследования вопросов привлечения к ответственности членов правления перед акционерной компанией по корпоративному законодательству Германии определяется различными факторами. В частности, следует обратить внимание на функционирование в мире более 40000 зарегистрированных компаний, суммарная стоимость которые превышает 83,5 трлн американских долларов, что соотносится с общим ВВП всех стран мира и определяет финансовую важность анализа всех управленческих вопросов корпоративного права [4].

Также стоит выделить проблему влияния на развитие любого государства публичных корпораций, активы которых формируются, главным образом, государственным имуществом. В значимых компаниях Германии и др. стран более 50 % акций принадлежит государственному сектору. Прагматичное управление такими компаниями во многом зависит от правовых механизмов ответственности их директората [4].

Вместе с этим, следует указать, что корпоративный капитал, кадровые ресурсы немецких компаний, равно как и предприятий в др. странах с преобладанием континентального права с германской моделью бизнеса сконцентрированы в акционерных обществах [2]. Акционерные общества являются крупнейшими работодателями. Так в 2021 году в Германии функционировало 789472 корпорации акционерного типа, из них в 10820 АО число работников превышало 250 человек¹.

1 Rechtliche Einheiten nach zusammengefassten Rechtsformen im Berichtsjahr 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.destatis.de/DE/Themen/Branchen-Unternehmen/Unternehmen/Unternehmensregister/Tabellen/unternehmen-rechtsformen-wzo8.html> (дата обращения: 21.12.2021).

То есть, актуальность исследования вопросов привлечения к ответственности членов правления перед компанией по корпоративному законодательству Германии определяется правовыми факторами финансово-имущественного, политического, социально-кадрового и пр. содержания.

В системе национального корпоративного немецкого права базовыми источниками являются Свод гражданского законодательства (нем. «Bürgerliches Gesetzbuch», далее - BGB²) и Закон об акциях (нем. «Aktengesetz», далее - AktG³).

Обобщая тезисы немецких правоведов о вопросах ответственности членов правления перед акционерным обществом в Германии, стоит отметить тезисы Дж. Хосса, который соотносит применение §§ 84, 94, 254 и др. корпоративных норм AktG с реализацией кодифицированных норм §§ 1, 31, 254, 426, 840 BGB. При этом не рассматриваются особенности регулирования и применения норм § 48 AktG об основах ответственности членов СД и наблюдательного совета на стадии учреждения компании с бланкетными нормами применения специальных правил §§ 54, 93, 116 AktG.

Иероними И. обобщил правовые аспекты ответственности членов правления в условиях внешних консультационных воздействий [8]. Основными элементами ответственности директора в рамках внешних консультаций автор выделил:

2 Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/> (дата обращения: 05.05.2023).

3 Aktengesetz (AktG), 1965, zuletzt geändert durch Artikel 1 G. v. 12.12.2019 BGBl. I S. 2637. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gesetze-im-internet.de/aktg/> (дата обращения: 05.05.2023).

1) обозначенные в § 93 AktG принципы подотчетности, ответственности членов правления;

2) установленные § 76-94 AktG обязанности членов совета директоров по принятию управленческих и пр. решений, связанных с консультациями, и без таковых (индивидуальных обязанностей членов правления);

3) процедуры привлечения к ответственности директоров с учетом: прямой ответственности перед компанией, разумного распределения ответственности в рамках солидарных обязательств внутри правления, критериев ответственности членов правления внешнего (§ 421 BGB), внутреннего, регрессного характера (§ 426 BGB);

4) условия консалтинговой защиты интересов членов совета директоров в рамках соответствующего договора [8].

При этом также не упоминаются нормы § 48 AktG об основах учредительной ответственности членов правления с бланкетными нормами применения специальных правил §§ 54, 93, 116 AktG.

По данному поводу стоит сослаться на позицию судов в спорах о применении § 48 AktG. Так Федеральный суд Германии в 2008 году⁴ подтвердил решение Верховного земельного суда Мюнхена от 2006 года⁵ о размере ответственности директора акционерной компании, который пропорционально формируется из учредительной, общей и прочей специальной ответственности. С учетом вышеизложенного можно классифицировать следующие три вида корпоративной ответственности членов правления перед компанией: учредительная ответственность, установленная § 48 AktG, общая ответственность, предусмотренная § 93 AktG, специальная ответственность, обозначенная другими нормами AktG, BGB и пр. законов.

В исследовании У.Е. Генца аргументировано, что корпоративное расследование распространяется на процедуры, объективно связанные с инструментарием ответственности членов правления с учетом содержания информации, необходимой для публичного распространения, с одной стороны, и интересом компаний в сохранении коммерческой тайны, с другой стороны [7].

По этому поводу в п. 19, 21 решения Высшего земельного суда Франкфурта от 2022 года⁶ отмечена важность установленного § 122 AktG представительства акционерного общества при решении вопросов об ответственности перед АО директора дочерней компании, поскольку нарушение требований § 122 влечет за собой ответственность правления за совершение недействительности соответствующих сделок согласно § 134 BGB.

На примере указанного комплексного применения норм § 122, 142 AktG и § 134 BGB в рамках привлечения ди-

ректора филиала перед АО можно обозначить специальный вид внутрикорпоративной ответственности директората дочерней компании перед своим учредителем с применением правил публичного представительства акционеров и внешнего аудита для реализации такой ответственности.

Вместе с этим, в исследовании Е. Брайтенфельд рассматриваются аспекты позитивной корпоративной ответственности правления в рамках предписаний § 93 AktG относительно общей ответственности директората перед компанией. Автор аргументирует, что расширение позитивных некарательных мер ответственности с поощрением добросовестно исполненных контрольных обязанностей членов правления позволяет снизить уровень правонарушений [3]. Действительно, поощрение активной добросовестной позиции членов правления регламентировано в п. 1 § 93 AktG, согласно которому полномочия директората включают проявление осторожности, аккуратности руководителя и действия в лучших интересах корпорации на основе адекватных данных, реализация которых не считается нарушением обязанностей члена правления.

По данному поводу Верховный суд Дюссельдорфа⁷ вынес оправдательное решение по привлеченным к ответственности членам совета директоров компании Mannesmann AG оценив доказательства исполнения членами правления требований § 93 AktG, которые выполняли свои задачи с тщательностью и ответственностью аккуратного и добросовестного руководителя бизнеса, направленного на обслуживание интересов корпоративных активов.

Рассматривая особенности применения позитивной ответственности с использованием дифференцированных вознаграждений правления, установленных нормами §§ 87 и 87a AktG, следует сослаться на позицию Берлинского апелляционного суда в решении 2017 года⁸, в котором разъясняется, что член правления согласно §§ 87, 87a AktG, § 611 BGB может ежегодно получать переменное вознаграждение (бонус), размер которого зависит от избранных критериев оценки эффективности его работы за год или отдельных управленческих решений (проектов).

То есть, можно отметить категорию позитивной ответственности члена правления перед компанией, которая следует из норм §§ 87, 87a, п. 1, 2, 5 § 93 AktG, § 611 BGB, пр. положений немецкого законодательства и характеризуется поощрением активных добросовестных действий директора с выплатой ему дифференцированного вознаграждения.

Рассматривая другие аспекты корпоративной ответственности члена правления перед компанией, следует также указать на публичный, открытый характер общественных мероприятий проверки работы директората, контрольных (аудиторских) мер по оценке работы директората и др. мероприятий социального содержания в анализируемой сфере отношений [1].

4 BGH, 07.01.2008-II ZR 283/06. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://openjur.de/u/75574.html> (дата обращения: 05.05.2023).

5 OLG München, 16.11.2006 - 19 U 2754/06. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dejure.org/dienste/vernetzung/rechtsprechung?Gericht=OLG%20M%FCnchen&Datum=16.11.2006&Aktenzeichen=19%20U%202754/06> (дата обращения: 05.05.2023).

6 OLG Frankfurt, 04.01.2022 - 20 W 225/20. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://openjur.de/u/2388453.html> (дата обращения: 05.05.2023).

7 LG Düsseldorf, 22.07.2004 - XIV 5/03. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://openjur.de/u/104075.html> (дата обращения: 05.05.2023).

8 KG, 23.01.2017 - 23 U 91/15. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://openjur.de/u/2253036.html> (дата обращения: 05.05.2023).

В этой связи А.Д. Флориан рассматривает актуальный вопрос об отказе от претензий компании, акционеров в рамках ответственности членов правления [6] с учетом публичных аспектов применения п. 4 § 93 и правоприменительной доктрины «ARAG/Garmenbeck»⁹.

Нусбаум А.Л. в своем исследовании [9] приводит результаты комплексного анализа системы регулирования внутренней ответственности руководителей крупных компаний в контексте их растущего общественного, социально-экономического значения с учетом ужесточения обязательств по соблюдению гражданско-правовых требований к их полномочиям. Автор с помощью анализа публичных документов различных компаний указывает на проблемы в реализации ответственности членов правления и обоснованно рекомендует устранение таких проблем с помощью реализации положений Кодекса корпоративного управления Германии¹⁰ о публичных принципах корпоративной деятельности [10].

В работе Э. Дегнер правовые вопросы корпоративной ответственности директората рассматриваются с предпочтением правовым механизмам публичного содержания: утверждения акционерным собранием базовых инструментов привлечения к ответственности, привлечение независимого аудита и пр. [5].

Публичные особенности ответственности члена правления перед компанией в случае правонарушений социального характера разъясняются в соответствующих судебных решениях. Так в постановлении Федерального суда ФРГ от 12.03.2020 года¹¹ отмечено, что правило делового суждения, установленное п. 1 § 93 AktG не применяется к ответственности за предпринимательские решения на стадии несостоятельности, поскольку меры ответственности арбитражного управляющего в рамках банкротства определяются с учетом публичных аспектов корпоративных решений.

Следовательно можно выделить публичный аспект ответственности члена правления перед компанией, который определяется обязательным участием корпорации посредством различных групп стейкхолдеров в правовых механизмах такой ответственности и может выражаться в полномочиях общественных представителей в совете директоров или независимых контролеров-аудиторов, в публичных обязанностях наблюдательного совета, в порядке реализации публичных полномочий директора как председателя акционерного собрания, в содержании публичных положений корпоративного кодекса компании и т.д.

Обобщение указанных сведений позволяет систематизировать виды правовых механизмов ответственности членов правления перед акционерной компанией: правовые средства учредительной ответственности (§ 48 AktG); нормы общей ответственности (§ 93 AktG); средства внутрикорпора-

тивной ответственности членов правления дочернего предприятия перед обществом-учредителем (§ 122, § 142 AktG и § 134 BGB); правила позитивной (проспективной) ответственности членов правления (§ 87, § 87a, п. 1, 2, 5 § 93 AktG и др.); правовые механизмы публичной ответственности с использованием полномочий акционерного собрания, стейкхолдеров компании, открытого аудита и т.д.; правовые средства специальной ответственности, установленной иными нормами AktG и др. законов.

Пристатейный библиографический список

1. Хайсам Н. М. Ш. Современный правовой механизм ответственности членов правления перед компанией и акционерами в ФРГ // Евразийский юридический журнал. 2022. № 3 (166). С. 58-61.
2. Binnewies, Burkhard & Schüller, Anja. (2019). Vorstandshaftung und Einwendungsausschluss. Die Aktiengesellschaft. № 3. 2019. S. 74-76.
3. Breitenfeld, Eva. Die organschaftliche Binnenhaftung der Vorstandsmitglieder für gesetzwidriges Verhalten. Berlin: Duncker & Humblot, 2016. 226 s.
4. De La Cruz, A., A. Medina and Y. Tang (2019), "Owners of the World's Listed Companies", OECD Capital Market Series, Paris. P. 5-16.
5. Degner Elisa Vorstandsinnehaftung nach Kartellrechtsverstößen. Baden-Baden. 302 s.
6. Florian Alexander Dendl. Die Disposition über Organhaftungsansprüche in der Aktiengesellschaft und im Aktienkonzern. 2018. Baden-Baden. 384 s.
7. Genc, Ufuk Erdal. Die Wahrung von Gesellschaftsinteressen im Rahmen von aktienrechtlichen Sonderprüfungen nach §§ 142 ff. AktG. 2020. Hamburg, 2020. 268 s.
8. Johannes Hieronymi. Die Haftung des aktienrechtlichen Vorstands bei Einholung externer Beratung. Köln: Carl Heymanns Verlag, 2017. 249 s.
9. Nußbaum Anton. Geschäftsleiterbinnenhaftung in Großvereinen. 2021. Baden-Baden. 363 s.
10. Nußbaum Anton. (2021). § 6 Haftung von Geschäftsleitern als Vereinsvorstände im Sinne des § 26 BGB. 10.5771/9783748924029-80.

9 BGH, 21.04.1997 - II ZR 175/95 «ARAG/Garmenbeck». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://research.wolterskluwer-online.de/document/c84d71b6-dbc7-426c-96dd-1cf8f895bdea> (дата обращения: 05.05.2023).

10 Draft German Corporate Governance Code 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dcgk.de/en/code.html> (дата обращения: 05.05.2023).

11 BGH, 12.03.2020-IX ZR 125/17. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://openjur.de/u/2201095.html> (дата обращения: 05.05.2023).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-4-179-159-160

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич

адвокат, Ленинградская областная коллегия адвокатов, филиал Адвокатская контора «Пелевин и партнеры»

СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ВО Внесудебном порядке, Назначенная нотариусом по Гражданско-правовой сделке Пациента с Клиникой Пластической Хирургии

Судебно-медицинская экспертиза играет большую роль в случае возникновения конфликтных ситуаций и судебных разбирательств. Если назначение судебно-медицинской экспертизы во внесудебном порядке по постановлению нотариуса позволяет подготовить качественное заключение эксперта, это позволит сократить сроки разбирательства по гражданско-правовой сделке пациента с клиникой пластической хирургии. В исследовании подчеркивается важность дальнейшего развития института экспертизы, которая назначается по постановлению нотариуса, для обеспечения доказательств, которые можно использовать в гражданском судопроизводстве.

Ключевые слова: судебно-медицинская экспертиза, пластическая хирургия, нотариус, пациент, медицина, внесудебный порядок, гражданско-правовые сделки, клиника, медицинская организация.

YASTREMSKIY Ivan Anatoljevich

Lawyer, Leningrad regional lawyer association, Law firm «Pelevin and partners»

THE FORENSIC-MEDICAL EXAMINATION IN THE OUT-OF-COURT ORDER APPOINTED BY THE NOTARY UNDER CIVIC TRANSACTIONS BETWEEN A PATIENT AND A PLASTIC SURGERY CLINIC

The forensic-medical examination plays an important role in cases of conflict situations and court proceedings. If the appointment of a forensic-medical examination in an out-of-court order by a notary allows to prepare a high-quality expert opinion, this will reduce the time of proceedings on civil transactions between a patient and a plastic surgery clinic. In the article one undermines the importance of the further development of the institution of expertise appointed by the decree of a notary to provide evidences which are of great importance in civil proceedings.

Keywords: forensic medical examination, plastic surgery, notary, patient, medicine, out-of-court procedure, civil law, clinic, medical organization.

Ястремский И. А.

При рассмотрении гражданских дел между пациентами и клиниками пластической хирургии часто возникают неоправданные задержки по причине необходимости проведения судебных экспертиз. В некоторых случаях объект исследования видоизменяется, или в процессе судебного заседания неожиданно выясняется, что его оказалось невозможно сохранить в неизменном виде до того, как суд назначил проведение судебной экспертизы.

Причины изменений во многом носят естественно-биологический характер: после пластических операций у пациентов происходит регенерация тканей, формируются швы, меняется общий вид после осложнений, которые возникли либо в процессе, либо как результат пластической хирургии, либо в ходе недостаточно точного послеоперационного ухода и выполнений рекомендаций хирургов, что, в свою очередь, зависит от клинических и психосоциальных характеристик пациентов [5]. После пластических операций объект исследования может исчезнуть. Эти факторы усложняют проведение судебной экспертизы¹ и процедуру судебных разбирательств.

Также внесудебную или досудебную медицинскую экспертизу можно использовать, чтобы, предъявив полученные результаты клинике пластической хирургии, не доводить дело между пациентом и медицинским учреждением до суда. Это позволит сократить сроки разрешения претензии и минимизировать затраты.

В законодательстве не содержатся запреты на представление в ходе судебного разбирательства результатов внесудебной экспертизы, назначенной нотариусом. В недо-

пущении ситуации вероятной утраты доказательств может помочь экспертиза, назначенная нотариусом [2], цель которой состоит в том, чтобы эксперт как профессионал, обладающий специальными высокоспециализированными знаниями, подготовил заключение, в котором будут содержаться результаты проведенного исследования и ответы на вопросы, сформулированные в постановлении нотариуса. Поэтому во многих медицинских делах фиксация доказательств с помощью назначения судебно-медицинской экспертизы нотариусом во внесудебном порядке является наиболее разумным и довольно эффективным способом обеспечения сохранности доказательств [6].

Судебно-медицинская экспертиза назначается постановлением нотариуса, которое является специальным процессуальным актом. Для того, чтобы экспертиза была назначена, заявитель должен обратиться к нотариусу с просьбой об обеспечении доказательств. Заявитель должен указать, что он считает, что представление доказательств во время судебного заседания и проведения соответствующей судебной экспертизы окажется невозможным. Заявление нужно подавать нотариусу, в территориальном районе деятельности которого необходимо провести судебно-медицинскую экспертизу.

Нотариус, назначая судебно-медицинскую экспертизу по обеспечению доказательств при рассмотрении гражданско-правовых сделок пациентов с клиниками пластической хирургии, руководствуется положениями гражданского процессуального законодательства². В частности, при выборе эксперта или экспертного учреждения нотариус должен учитывать возможность проведения судебно-медицинской

¹ Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 № 73-ФЗ.

² «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 14.04.2023).

экспертизы в данном экспертном учреждении или конкретным специалистом.

У эксперта должно быть медицинское или другое специальное образование. Стаж работы в области пластической или эстетической хирургии должен быть достаточным, чтобы у эксперта сформировались специальные профессиональные знания (знания, которые не являются общедоступными или общеизвестными), которые позволят провести качественную судебно-медицинскую экспертизу в соответствии с количеством и сложностью вопросов, которые выносятся на экспертизу и объемом связанных с ней исследований.

Чтобы обеспечить объективность и достоверность заключения эксперта как доказательства по гражданско-правовой сделке пациента с клиникой пластической хирургии, эксперт, выбранный для проведения судебно-медицинской экспертизы, не должен быть в той или иной степени заинтересованным в конкретном исходе дела. Нотариус должен убедиться, что не существует (или ему неизвестно о существовании) никаких обстоятельств, которые являются основаниями для сомнений в объективности и беспристрастности профессиональной деятельности эксперта. Эксперт не должен находиться в какой-либо связи (например, служебной или родственной) от любой из сторон, которые участвуют в гражданском деле.

Функционально-правовая роль нотариуса по назначению судебно-медицинской экспертизы во внесудебном порядке отличается высокой степенью институциональной неопределенности, обусловленной неточностью и двойственным толкованием институциональных формулировок и отдельных норм [1], что обусловлено трансформационным периодом развития российской нормативно-правовой системы.

Институциональная неопределенность правового статуса экспертного заключения является одной из причин, по которой специалисты [6] высказывают сомнения в наличии доказательственной силы соответствующего экспертного заключения для суда. Это, в свою очередь, приводит к разумным сомнениям в целесообразности такого нотариально-института и соответствующего экспертного заключения, если его доказательственный результат можно поставить под сомнение.

Экспертные заключения по внесудебной экспертизе, осуществленные по запросу нотариуса, могут приниматься судом в качестве письменного или иного доказательства по делу относительно сути спора между пациентом и клиникой пластической хирургии. Но хотя внесудебная экспертиза отличается от судебной только отсутствием четкой процессуальной формы, далеко не всегда результаты экспертиз, которые были проведены в досудебном порядке, приобщаются к делу во время судебного заседания [3]. При неблагоприятном для заявителя развитии ситуации суд может исключить экспертное заключение по проведенной внесудебной медицинской экспертизе из числа доказательств по делу между пациентом и клиникой эстетической медицины и, например, назначить новую судебную медицинскую экспертизу³.

Поэтому экспертное заключение, полученное по результатам судебно-медицинской экспертизы, назначенной нотариусом в порядке обеспечения доказательств по инициативе заявителя, не может быть равноценным экспертному заключению, полученному по результатам судебно-медицинской экспертизы, назначенной органами следствия или судом во время судебного разбирательства по гражданско-правовой сделке пациента с клиникой пластической хирургии.

Есть и другие институциональные сложности. Как подчеркивают исследователи – праведы [4], у медицинских учреждений, которые проводят судебно-медицинские экспертизы, не существует обусловленной законодательными актами⁴ обязанности принимать на исполнение подписанные нотариусами постановления о назначении экспертизы

(равно как и отсутствует прямой запрет для экспертных учреждений на проведение судебно-медицинской экспертизы).

Также экспертные учреждения, которые проводят судебно-медицинские экспертизы, не обязаны прислушиваться к разъяснениям нотариуса. В частности, медицинские учреждения могут не выдавать эксперту расписку о разъяснении его прав и обязанностей. Если нотариус по своему решению разъясняет права и обязанности эксперту под расписку, то эксперт может такую расписку не подписывать. У экспертов не возникает обязанности сохранять нотариальную тайну.

Хотя при назначении судебно-медицинской экспертизы нотариус может информировать об ответственности при предоставлении заведомо ложного экспертного заключения, не вполне проясненным остается вопрос, какой вид ответственности несет эксперт в случае дачи заведомо неправильного, ошибочного или ложного экспертного заключения. Также неясными остаются вопросы, что должен делать нотариус, если после проведения судебно-медицинской экспертизы получает очевидно некачественное или ошибочное исследование: нужно ли нотариусу давать правовую оценку экспертному заключению, и должен ли он снова заказывать повторное исследование у того же или другого эксперта.

Отсутствуют четкие институциональные критерии, в соответствии с которыми должны быть сформулированы вопросы, поставленные нотариусом перед экспертом. Однако является достаточно очевидным, что правильно сформулированные и поставленные вопросы должны соответствовать предмету доказывания при проведении судебно-медицинской экспертизы, включать в себя анализ только тех объектов по гражданско-правовой сделке пациента с клиникой пластической хирургии, которые были представлены на экспертизу, быть корректными и не иметь наводящего характера, а также не содержать правовую квалификацию ситуации, так как правовую экспертизу может осуществлять только суд.

Перечисленные выше не отрегулированные институциональные аспекты, связанные с назначением судебно-медицинской экспертизы в нотариальном порядке, негативно влияют на развитие института экспертного заключения. Подводя итоги, хотелось бы подчеркнуть, что в медицинских делах иногда возникает необходимость у нотариуса получать показания экспертов. В исследовании подчеркивается важность должного регулирования и совершенствования института постановления нотариуса по проведению досудебной судебно-медицинской экспертизы в рамках гражданских дел между пациентами и клиниками пластической хирургии.

Результаты проведенного анализа помогут устранить выявленные институциональные недостатки в системе регулирования экспертизы по постановлению нотариуса, что, в свою очередь, позволит эффективнее защищать права пациентов в медицинских делах.

Приставный библиографический список

1. Барбашин М. Ю. Теория институционального распада: концептуальный потенциал и методологические рамки // Журнал институциональных исследований. - 2016. - Т. 8. - № 1. - С. 36-54.
2. Бегичев А. В. Назначение экспертизы нотариусом в порядке обеспечения доказательств // Современное право. - 2011. - № 8.
3. Калинин Т. Г. Назначение экспертизы нотариусом при производстве по обеспечению доказательств // Нотариус. - 2008. - № 4.
4. Москалькова И. В., Москалькова Т. Н. Обеспечение доказательств и обеспечение нотариусом доказательственной информации // Нотариальный вестник. - 2013. - № 8.
5. Петрова Н. Н., Калакуцкий Н. В., Палатина О. М. Клиническая и психосоциальная характеристика пациентов пластической хирургии // Российский медицинский журнал. - 2017. - № 3.
6. Полтавская Н. А. Доказательства от нотариуса // Домашний адвокат. - 2008. - № 20.

3 Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи. Методические рекомендации (утв. ФГБУ РЦСМЭ Минздрава России 21.06.2017).

4 «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 28.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-4-179-161-163

БОРОВСКИЙ Иван Борисович

аспирант Юридического факультета Московского финансово-промышленного университета «Синергия»

К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМАХ РЕАЛИЗАЦИИ НЕПРОФИЛЬНЫХ АКТИВОВ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

В статье рассматриваются типы и правовые механизмы реализации непрофильных активов компаний. Автором отражен ряд проблем, связанных с реализацией непрофильных активов и выдвинут ряд предложений по улучшению данного вопроса. Также, автором затронут вопрос реализации активов иностранных компаний, уходящих с российского рынка.

Ключевые слова: непрофильные активы, реализация непрофильных активов, аукционы, уход зарубежных компаний с рынка.

BOROVSKIY Ivan Borisovich

postgraduate student of the Faculty of Law of the Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

ON THE ISSUE OF LEGAL MECHANISMS FOR THE SALE OF NON-CORE ASSETS UNDER SANCTIONS

The article discusses the types and legal mechanisms for the sale of non-core assets of companies. The author reflects a number of problems related to the sale of non-core assets and put forward a number of proposals to improve this issue. Also, the author touched upon the issue of the sale of assets of foreign companies leaving the Russian market.

Keywords: non-core assets, sale of non-core assets, auctions, exit of foreign companies from the market.

Боровский И. Б.

На текущий момент вопрос реализации непрофильных активов крайне остро стоит на повестке для многих компаний. Данной теме посвящен ряд исследований и научных статей. Стоит отметить, что большинство работ посвящено именно экономическим и финансовым аспектам данной проблематики и не затрагивают гражданско-правовые аспекты данного вопроса.

С учетом сложившейся ситуации стоит также отдельно рассматривать реализацию активов зарубежных компаний, уходящих с российского рынка. В данной статье мы также рассмотрим данный вопрос.

Рассмотрению гражданско-правовых механизмов реализации непрофильных активов должны предшествовать определение понятия и исследование правовой природы непрофильных активов.

Непрофильными активами являются активы предприятия, которые не связаны (или связаны не напрямую) с его основной деятельностью. Это активы, которые полностью или частично не соответствуют основной деятельности предприятия. К непрофильным активам относятся недвижимость, земля, сырье, ценные бумаги, оборудование (в некоторых случаях вышедшее из употребления).

С точки зрения компании, продажа непрофильных активов оптимизирует активы на балансе (например, налоги, расходы на содержание имущества, расходы на обслуживающий персонал и т.д.), а вырученные от продажи средства могут быть распределены на основную деятельность компании и использованы для выплаты дивидендов, если это предполагает организационно-правовая форма. Таким образом, продавая непрофильные активы, компании могут получить дополнительные средства, повысить привлекательность сво-

их инвестиций, улучшить конкурентоспособность более профильных и приоритетных для их деятельности активов.

Ключевые принципы при отчуждении непрофильных активов включают:

- Открытость и доступность информации о методах и подходах, используемых для выделения непрофильных активов из общих активов организации;
- Систематичность и регулярный анализ активов организации и выявление характера непрофильных активов;
- Обеспечение открытых процедур продаж и непрофильных активов, включая использование методов раскрытия информации о продаже непрофильных активов, доступной потенциальным покупателям;
- Эффективность – продажа непрофильных активов должна быть экономически обоснована;
- Минимизация расходов – снижение затрат на содержание непрофильных активов;
- Защита интересов организации или компании при реализации активов – своевременная реализация активов организации или компании; предотвращение потери стоимости активов; защита прав и интересов компании по отношению к совладельцам активов и третьим лицам.

Существует алгоритм подготовки к реализации непрофильных активов. Решение о профильности или непрофильности, учитывая упомянутые выше критерии, принимает руководство предприятия. На совете формируется определенное поручение, на основании которого осуществляется анализ активов. В него входят:

- Подготовка (инвентаризация активов);
- Определение статуса (соотношение функции актива со стратегией предприятия);

Установление профилности/непрофилности.

Основные трудности при реализации непрофилных активов связаны с тем, что такая деятельность не является профилной для организаций и требует дополнительных ресурсов и серьезных затрат. Кроме того, их реализация связана с необходимостью фиксирования убытков от продажи, поскольку стоимость непрофилных активов зачастую ниже стоимости их приобретения и расходов на содержание.

Продажа может быть реализована в различных форматах в зависимости от внутреннего регламента самой организации.

Существуют следующие виды процедур продажи непрофилных активов:

1) Аукционы (в том числе электронные торги) это форма конкурентной продажи непрофилных активов, где основным критерием в конкуренции между участниками торгов является цена. Аукционы, как правило, должны быть открытыми для участников, а участники торгов подают свои предложения публично в процессе торгов (открытая форма подачи предложений).

Покупатель, предложивший самую высокую цену за актив в ходе аукциона, имеет право приобрести этот актив.

2) Конкурсные торги (включая электронные торги) – это конкурентная форма продажи непрофилных активов, при которой основным критерием является предложение наиболее привлекательных для продавца условий входе конкуренции между участниками в процессе торгов.

Договор о продаже актива должен включать процедуры, обеспечивающие соблюдение победителем торгов условий тендера. В таких договорах должны быть указаны процедуры, обеспечивающие выполнение победителем торгов, взятых на себя обязательств. После заключения такого договора не допускается внесение изменений или дополнений в условия конкурса и обязательства победителя торгов (за исключением случаев, предусмотренных статьей 451 Гражданского кодекса Российской Федерации).

3) Продажа непрофилных активов посредством публичных торгов (в том числе электронных торгов) является конкурентной формой продажи непрофилных активов, при которой входе одной процедуры такой продажи цена первоначального предложения последовательно снижается до цены отсечения посредством так называемого «шага понижения», и любой участник продажи посредством публичных торгов имеет право на цену первоначального предложения или цена предложения, установленная при понижении, подтверждается, такой случай представляет собой конкурентную форму продажи непрофилных активов.

Право на приобретение актива переходит к покупателю, предложившему в ходе аукциона самую высокую цену заданный актив. Цена первого предложения не может быть меньше первой цены, указанной в информационном сообщении о продаже на аукционе/конкурсе, который был признан несостоявшимся, а цена отсечения составляет 50 % от первой цены на данном аукционе/конкурсе.

Если аукцион/конкурс по продаже непрофилных активов признан несостоявшимся из-за недостаточного коли-

чества заявок, продажа может быть проведена посредством публичных торгов.

4) Продажа непрофилных активов без опубликования цены (в том числе с использованием электронных форм торгов) – это форма конкурентной продажи непрофилных активов, начальная цена которых не определена. Участники торгов направляют свои предложения о цене непрофилного актива по адресу, указанному в информационном сообщении.

Продажа непрофилных активов, цена на которые публично не объявляется, осуществляется в случае отсутствия продажи активов по публичному конкурсу. Если предложение подано более чем одним участником торгов, покупателем считается участник, предложивший наибольшую цену за непрофилный актив.

Исходя из практики использование непрофилных активов также возможно путем их перевода в разряд основных и задействование в целях извлечения прибыли (преобразование непрофилных активов в профилные); передача в управление или в аренду другому юридическому лицу (в том числе подчинить своему же структурному подразделению или филиалу); или продажа.

В организациях при реализации непрофилных активов назначается ответственный за данную конкурентную процедуру. Как правило, это руководитель департамента по реализации непрофилных активов в случае, если эта процедура частая и таких активов в компании много, или руководитель отдела закупок.

При подготовке данной статьи были выявлены основные проблемы при реализации непрофилных активов компаний:

1) Внутренняя бюрократия организации.

Решение – создать четкий алгоритм внутри организации для составления дорожной карты при появлении/определении непрофилного актива (от его выявления до его реализации).

С точки зрения гражданского права, алгоритм должен включать в себя следующие моменты (зависит от вида процедуры реализации непрофилного актива):

Формирование заявки (оферты) на покупку того или иного объекта / дублирование онлайн в личном кабинете участника на сайте-площадке;

Оформление и формирование платежного документа для оплаты залога по активу (если применимо);

Автоматическое заполнение информации об участнике из формы заявки в форму договора купли-продажи (или иного договора, направленного на реализацию непрофилного актива);

Оформление и формирование платежного документа, необходимого для расчетов покупателя по активу.

2) Отсутствие необходимого опыта и должной мотивации менеджмента организации.

Решение – организация необходимых кадровых перестановок при формировании стратегии развития данного отдела/направления и найм квалифицированных специалистов, ранее имеющих опыт работы с непрофилными активами, для решения задач их реализации.

Необходимо также установление ключевых показателей эффективности (KPI) по данным задачам (возможно, в связи с ускорением процедуры реализации непрофильных активов; применимо к частным компаниям).

3) Возможно создание единой электронной площадки для частных компаний по реализации непрофильных активов для упрощения данных процессов.

Возможны юридические сложности при публикации информации по непрофильным активам компаний на электронных площадках. Разработка единой электронной площадки по реализации непрофильных активов частных компаний сделает поиск, предпродажную подготовку и продажу/приобретение этих активов понятнее как визуально (поиск, выбор, подача заявки и т.п.), так и юридически (простота оформления заявки, договора задатка, договора купли-продажи) – снижая, таким образом, издержки названных процедур как для конечного покупателя, так и для продавца (организации).

Основная задача – упростить для потенциального покупателя гражданско-правовые бюрократические процедуры и упростить процедуру реализации непрофильного актива компании. Наличие штатного юриста площадки на постоянной связи для быстрой и эффективной коммуникации и прояснения спорных моментов минимизирует как юридические сложности оформления заявки, так и возможную коррупционную составляющую. Необходим простой, понятный, формально определенный регламент коммуникации со специалистом от организации, отвечающим за продажу актива. Установка дедлайнов по ответу на вопрос (например, 2 рабочих дня) позволила бы придать оперативности данному процессу.

Данные изменения могут заметно облегчить и упростить работу юристов стороны продавца актива и стороны покупателя. Юридическая автоматизация данного процесса будет являться неоспоримым плюсом и повысит эффективность при реализации непрофильных активов организации.

Одним из возможных решений контроля процесса реализации непрофильных активов может быть создание юридической нормы, регулирующие на законодательном уровне процесс реализации частными организациями непрофильных активов. Возможно, рассмотрение включения вышеупомянутой единой электронной площадки для организации данного процесса.

Новые тенденции реализации компаний и активов.

С учетом текущей процедуры ухода ряда зарубежных компаний с российского рынка и последующей реализации их активов в России был законодательно сформирован определенный порядок по реализации активов ушедших зарубежных компаний и их возможному приобретению крупными российскими игроками.

Для этого, в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 марта 2022 года №295, распоряжением от 6 марта 2022 года № 431-р, была сформирована специальная комиссия, нацеленная на контроль и регулирование данной деятельности. Исходя из этого постановления, все сделки и операции российских компаний с гражданами и фирмами из недружественных России стран

должны одобряться правкомиссией по контролю за осуществлением иностранных инвестиций.

Рассматривая вопрос о выдаче разрешений на осуществление сделок, направленных на отчуждение ценных бумаг в уставных капиталах российских хозяйственных обществ иностранными лицами, связанными с иностранными государствами, которые совершают в отношении РФ недружественные действия, или лицами, которые находятся под контролем указанных иностранных лиц, независимо от места их регистрации, необходимо учитывать ряд условий:

– Наличие независимой оценки рыночной стоимости активов;

– Продажа активов с дисконтом в размере не менее 50 % от рыночной стоимости соответствующих активов, указанной в отчете об оценке актива;

– Установление ключевых показателей эффективности для новых акционеров;

– Наличие рассрочки платежа на 1-2 года и обязательств по осуществлению добровольного направления в федеральный бюджет денежных средств в размере не менее 10 % от суммы осуществляемой сделки. На момент написания настоящей статьи (май 2023 года) успешно были реализованы активы таких компаний, как Continental, Henkel AG, Volkswagen, Veon, IKEA, Inditex Group, Avito, Mercedes, Nokain tyres, Bosch, Otis Elevator и другие.

Пристатейный библиографический список

1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5757366>.
2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71345134/>.
3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://arb.ru/b2b/duty/s_chem_svyazany_osnovnye_trudnosti_pri_realizatsii_neprofilnykh_aktivov-9708551/?PAGEN_1=44&ysclid=lhugvkvqho165722200.
4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71345134/>.
5. Постановление от 6 марта 2022 года № 295, распоряжение от 6 марта 2022 года № 431-р. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gd.ru/articles/9645-neprofilnye-aktivy>.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-4-179-164-165

БУЧНЕВ Владимир Олегович

соискатель кафедры международного частного и гражданского прав имени С. Н. Лебедева Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России

ВИДЫ ТРУДОВЫХ СОГЛАШЕНИЙ ПО ПРАВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Трудовой договор является основным инструментом, который регулирует права и обязанности наемных работников и их работодателей в рамках трудовых соглашений. В рамках данной статьи исследуется классификация трудовых соглашений по праву России и Франции, анализируя все виды или классификации трудовых договоров по праву указанных государств. Показываются уникальные виды трудовых соглашений по праву Французской Республики, а именно «временный» трудовой договор (*contrat de travail temporaire*), ученический договор (*contrat d'apprentissage*) и три договора, направленных на борьбу с безработицей *contrat d'accompagnement dans l'emploi*, *contrat initiative emploi* и *contrat unique d'insertion*.

Ключевые слова: трудовой договор, временный трудовой договор, срочный трудовой договор, бессрочный трудовой договор, трудовой кодекс.

BUCHNEV Vladimir Olegovich

Part-time Ph.D. student of the Department of International Private and Civil Law named after S. N. Lebedev, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

TYPES OF EMPLOYMENT AGREEMENTS UNDER THE LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION AND FRANCE

The employment contract is the main instrument that regulates the rights and obligations of employees and their employers in the framework of employment contracts. This article examines the classification of employment contracts under Russian and French law, analyzing all types or classifications of employment contracts under the law of these states. The unique types of employment contracts under the law of the French Republic are shown, namely the “temporary” employment contract (*contrat de travail temporaire*), the apprenticeship contract (*contrat d'apprentissage*) and three contracts aimed at combating unemployment *contrat d'accompagnement dans l'emploi*, *contrat initiative emploi* and *contrat unique d'insertion*.

Keywords: employment contract, temporary employment contract, fixed-term employment contract, permanent employment contract, labor code.

Трудовой договор является основным инструментом, который регулирует права и обязанности наемных работников и их работодателей в рамках трудовых соглашений. Таким образом, подобные договоры должны отражать соответствующие отношения. При этом в Российской Федерации трудовое право касательно классификации трудовых соглашений продолжает развиваться, воспринимая опыт государств, где уже существует разветвленная структура трудовых соглашений. Одной из таких стран является Французская Республика, где до сих пор продолжают появляться новые типы трудовых соглашений.

Понятие самого трудового договора в законодательстве Российской Федерации содержится в ст. 56¹ Трудового кодекса Российской Федерации (далее – «ТК РФ»), во Французской Республике полное определение трудового договора содержится только в доктрине [4, р. 24], которая формируется благодаря судебной практике, так как французское законодательство до сих пор разрабатывает концепцию трудового договора [2, р. 306]. Стоит заметить, что отсутствие стагнации в рамках определения трудового договора во Франции позволяет активно развивать трудовые отношения, способствуя соотношению развития трудового законодательства и соответствующих экономических отношений.

Одним из главных отличий в подходе к трудовому договору в обоих затрагиваемых государствах являются виды трудовых соглашений. В Российской Федерации перечень (классификация) трудовых соглашений является закрытым. Все трудовые соглашения (согласно доктрине) в Российской Федерации делятся на срочные и бессрочные. Специфиче-

ские виды трудовых соглашения, в частности, ученический трудовой договор являются разновидностями срочного трудового договора. Во Франции перечень трудовых соглашений является открытым.

Так, практически каждый год во Франции появляются новые виды трудовых соглашений, которые являются своеобразным ответом на соответствующие экономические отношения. При этом во Франции существует классификация трудовых соглашений на срочные и бессрочные, но к ним добавляются остальные виды трудовых соглашений, которые не являются составной частью какого-либо из двух крупных типов трудовых договоров.

Таким образом, можно наблюдать основное отличие в подходе к видам трудовых соглашений во Франции и в России, а именно открытый и закрытый перечень соглашений соответственно.

Так, во Франции и в России существуют срочные и бессрочные трудовые соглашения.

Срочный трудовой договор занимает второе место в иерархии видов трудовых соглашений, которые используются для оформления отношений с наёмными работниками и в Российской Федерации, и во Французской Республике.

В Российской Федерации срочный трудовой договор может заключаться с наемным работником только в исключительных случаях, когда доказана его необходимость. В законодательстве Российской Федерации, а именно в ТК РФ, дается примерный перечень случаев заключения срочного трудового договора, в частности, на время выполнения сезонных работ, с лицами, направленными на работу за границу, для проведения работ, которые выходят за пределы обычной деятельности, на время выполнения обязанностей отсутствующего работника. Срок заключения срочных трудовых договоров обычно не превышает пяти лет [6, с. 83].

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 25.12.2022).

При этом, если в договоре не указан срок его действия, то будет считаться, что он заключен на неопределенный срок.

Во Французской Республике, как и в Российской Федерации, заключение срочного трудового договора не является желательным, но французское законодательство более подробно подходит к регулированию вопроса подобного соглашения. Прежде всего Трудовым кодексом Франции (далее – «ТК Франции») установлен запрет на заключение срочного трудового соглашения в ряде случаев, в частности:

1) Основным запретом является статья L. 1242-1² ТК Франции, которая гласит, что срочный трудовой договор, независимо от его причины, не может иметь целью или следствием постоянное замещение рабочего места, связанного с нормальной и постоянной деятельностью компании.

2) Запрещается заключать срочный трудовой договор для замещения работника, трудовой договор которого приостановлен в результате коллективного трудового спора (ст. L. 1242-6, 1 ТК Франции).

3) Срочные договоры не могут быть заключены, кроме как с исключительного разрешения административного органа, для выполнения особо опасных работ, включенных в список, установленный министерским указом в соответствии со ст. L. 1242-6, 1 ТК Франции.

Во Франции (как и в Российской Федерации) заключить срочный трудовой договор можно заключить, в частности, в рамках замены отсутствующего наемного работника (наиболее распространенный случай заключения срочного трудового договора [2, р. 306]), в случае отсутствия наемного работника из-за отпуска, болезни или по причине рождения ребенка, найма на работу сезонных наемных работников, в случае найма топ-менеджера (руководителя того или иного предприятия), выполнение определенной работы.

Во Франции, помимо срочного трудового договора, ещё есть «временный» трудовой договор (*contrat de travail temporaire*), который очень близок к срочному трудовому договору, но, при этом, имеет другую цель. Так, в конструкции временного трудового договора участвуют сразу три стороны: наемный работник, организация, которая непосредственно нанимает наемного работника и «наниматель» (физическое или юридическое лицо), которая заключает трудовой договор с сотрудником.

Подобный вид трудового договора во Франции является юридическим оформлением аутсорсинговых отношений. В соответствии с требованиями законодательства Франции только определенные рекрутинговые компании могут принимать участие в подготовке временных трудовых соглашений.

Временный трудовой договор подразумевает заключение двух соглашений: договора между двумя компаниями (компанией (или физическим лицом) нанимателем и компанией «заказчиком») и трудового соглашения между наемным сотрудником и компанией (или физическим лицом) нанимателем.

Французский законодатель допускает включение во временный трудовой договор возможности добавления обратного положения о том, что трудоустройство наемного работника по временному трудовому договору в организацию «заказчика» не запрещено. Испытательным сроком, при этом, станет период, который наемный работник работал по временному трудовому договору [1, р. 125]. В рамках реорганизации обществ с ограниченной ответственностью правовое положение наемных работников, занятых по временному трудовому договору, будет отличаться от наемных работников, занятых по трудовому договору.

В Российской Федерации данный вид трудового договора отсутствует, но аутсорсинг существует и регулируется нормами ТК РФ. В соответствии с положениями ТК РФ, в частности, ст. 341.1 ТК РФ, подобное оформление трудовых отношений будет возможно, но не будет представлять из себя отдельный вид трудового договора и будет строго регламентироваться законодательством Российской Федерации, в частности, далеко не каждая организация будет иметь право на заключение договора о предоставлении персонала.

Помимо вышеуказанных типов трудовых договоров во Франции существует еще ряд (менее распространенных): ученический договор (*contrat d'apprentissage*), договор для определения профессии (*contrat de professionnalisation*). Последний тип договора позволяет соответствующему наемному работнику приобрести необходимые профессиональные навыки и интегрироваться в соответствующую профессию. Стоит отметить, что данный вид договора появился во Франции в 2004 году. Кроме этого, во Франции существуют три договора, направленных на борьбу с безработицей, а именно - *contrat d'accompagnement dans l'emploi*, *contrat initiative emploi* и *contrat unique d'insertion*, но правовое положение наемных работников по данным договорам практически не отличается от правового положения наемных работников, занятых по срочному договору.

В Российской Федерации из всех перечисленных соглашений есть только ученический договор, который, в свою очередь, сильно отличается от французского аналога, так как: во-первых, включает в себя элементы еще и договора для определения профессии, поэтому сравнить данные договоры будет достаточно сложно, а, во-вторых, ученический договор не представляет собой разновидность трудового договора. Главная задача ученического договора – это помочь наемному работнику в повышении квалификации или в профессиональной подготовке.

Таким образом, можно сделать вывод, существуют значительные отличия по видам трудовых соглашений по праву Российской Федерации и по праву Французской Республики, но данные отличия не являются препятствием для анализа правового положения наемных работников по трудовому договору (классические трудовые отношения) в рамках процедуры реорганизации обществ с ограниченной ответственностью.

Пристатейный библиографический список

1. François Gaudu, Florence Bergeron, Droit du travail, DALLOZ. – Paris., 2022.
2. Gilles Auzero, Dirk Baugard, Emmanuel Dockès «Droit du travail». – Paris: Dalloz, 2021.
3. Lexique des termes juridiques 2016-2017. – Paris: Dalloz, 2016.
4. Roy Véronique, Droit social 2018/2019 L'essentiel en fiches., Dunod., Malakoff., 2018.
5. Трудовое право России / Под ред. А. М. Куренного. – М.: Проспект, 2022.
6. Трудовое право Российской Федерации / Под ред. А. И. Иванчак. – Москва: «МГИМО-Университет», 2019.

2 Французский трудовой кодекс с изменениями от 1 марта 2019 года (*Le Code du travail*). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006072050> (дата обращения 17.09.2022).

МАРАХОВСКАЯ Кристина Геннадьевна

студент 3 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической Школы Дальневосточного Федерального Университета.

ЭЛЕКТРОННЫЙ ПАРЛАМЕНТ: НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ

В статье рассматривается тема электронного парламента как нового поколения форм участия граждан в политической жизни государства. Автор обосновывает необходимость создания электронной модели управления и совершенствования массовой демократии с использованием информационных технологий. В статье также подчеркивается, что электронный парламент не только повышает уровень участия граждан в политике, но и предоставляет возможности для публичного обсуждения политических процессов и совершенствования демократической системы. Однако автор также указывает на некоторые трудности при внедрении электронного парламента, такие как обеспечение конфиденциальности и безопасности персональных данных, а также необходимость учитывать возможную угрозу свободе и демократии.

Ключевые слова: электронный парламент, граждане, развитие, демократия, государственная услуга, проблемы, повысить доверие.

MARAKHOVSKAYA Kristina Gennadjevna

student of the 3rd course of bachelor of the direction of training 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University

ELECTRONIC PARLIAMENT: A NEW GENERATION OF CITIZEN PARTICIPATION

The article deals with the topic of electronic parliament as a new generation of forms of citizen participation in the political life of the state. The author substantiates the need to create an electronic management model and improve mass democracy using information technology. The article also emphasizes that the electronic parliament not only increases the level of citizens' participation in politics, but also provides opportunities for public discussion of political processes and improvement of the democratic system. However, the author also points out some difficulties in implementing an electronic parliament, such as ensuring the confidentiality and security of personal data, as well as the need to consider the possible threat to freedom and democracy.

Keywords: electronic parliament, citizens, development, democracy, public service, problems, increase trust.

На сегодняшний день система электронного парламента состоит из нескольких разрозненных компонентов, используемых для улучшения взаимодействия граждан и депутатов, оптимизации работы законодательной власти и повышения его прозрачности. Эти составляющие можно проследить, выделив условные этапы развития:

1. Первый этап начался в 2000-х годах и связан с появлением «единой системы документооборота» (ЕСД) в Государственной Думе Российской Федерации¹ – системы, ставшей основой для электронного обмена документами и информацией в рамках законодательной работы. С помощью ЕСД депутаты регистрируют свои законопроекты, ведут переписку, связанную с их деятельностью, и могут отслеживать статус рассмотрения законопроектов. Позднее, в 2010 году, была разработана улучшенная версия ЕСД с обновленным интерфейсом и функциями.

2. Второй этап – ФЦП «Электронная Россия», в рамках которой в 2003 году началась разработка ГАС «Законодательство» [1, с. 60].

3. Третий этап связан с 2009 годом, когда работа Общественной палаты (ОП) при Президенте РФ начала осуществляться на платформе «Электронное правительство»². В 2016, как и в 2020 году функционал и дизайн веб-сайта ОП претерпели изменения: были добавлены новые разделы и сервисы.

4. Четвертым является разработанный План реализации Стратегии развития информационного общества в РФ, утвержденный президентом РФ 13 февраля 2010 года

5. Появление в 2011 году Государственной программы «Информационное общество», утвержденной распоряжением правительства РФ 20 октября 2010 года, в рамках которой был введен в постоянную эксплуатацию Официальный интернет-портал правовой информации³.

6. В 2012 году необходимо отметить специальный интернет-сайт «Федеральный портал проектов нормативных правовых актов»⁴, созданный на основе Указа Президента РФ от 9 февраля 2011 г. «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов» и принятого в его исполнение Постановления Правительства РФ от 22 февраля 2012 г. «Об утверждении Правил проведения общественного обсуждения проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов» [3, с. 640].

5. В 2013 году Указом Президента РФ от 4 марта 2013 года № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» общественные инициативы могут быть направлены гражданами РФ с использованием данной платформы»⁵.

1 Государственная Дума работает с документами дистанционно с помощью СЭД «Дело». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eos.ru/press-center/news/gd-rabotaet-s-dokumentami-distancionno-s-pomoshhu-sed-delo/> (дата обращения: 21.05.2023).

2 О мерах по совершенствованию законопроектной деятельности правительства РФ: постановление Правительства РФ от 30.04.2009 № 389. – доступ СПС КонсультантПлюс – Текст: электронный.

3 Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/>.

4 Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regulation.gov.ru/>.

5 Ответ на обращение гражданина. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minjust.gov.ru/ru/appeals/faq/638/> (дата обращения: 21.05.2023).

6. В 2014 году был разработан Парламентский портал, а также новый веб-сайт парламентской библиотеки⁶. С тех пор библиотечные и архивные ресурсы Государственной Думы могут находиться в свободном доступе для пользователей сети.

Однако примечательно в данном случае мнение А. И. Соловьева о том, что элементы онлайн-демократии по-прежнему используются в основном для создания лишь рекламного облика отдельных структур власти, а не для расширения политического участия граждан [2, с. 128].

В этой связи необходимо рассмотреть успех, который уже достигли зарубежом, например, созданный в Дании электронный парламент⁷ позволяет гражданам отправлять комментарии к законопроекту через электронную форму на веб-сайте парламента. В то же время существует раздел, в котором представители правительства или фолькетинга могут загружать свои законодательные инициативы до того, как они будут представлены на рассмотрение парламента. В этой системе граждане могут оставлять комментарии, адресованные автору законопроекта.

Российская Федерация не предусматривает права гражданской законодательной инициативы на федеральном уровне. В то же время законодательство ряда субъектов Федерации устанавливает право граждан вносить законопроекты в законодательные органы. Тем не менее, вышеупомянутый институт «общественной инициативы» действует на всех уровнях власти и управления в России⁸.

Будущее электронного парламента в России может быть связано с дальнейшей цифровизацией и развитием технологий. Одна из перспектив может быть связана с использованием блокчейн-технологий при голосовании депутатов или при обработке петиций граждан, что повысит уровень безопасности и прозрачности процессов в выборном парламенте. Также возможно увеличить количество интерактивных инструментов, которые позволят гражданам более активно участвовать в законодательном процессе. Например, могут появиться онлайн-сервисы для публикации и обсуждения петиций, внесения своих предложений в законопроекты, а также возможность прямого онлайн-взаимодействия граждан и депутатов. Кроме того, совершенствование технической поддержки и развитие онлайн-инфраструктуры позволяют значительно упростить взаимодействие депутатов и членов парламента, оптимизировать процессы подготовки и проведения заседаний. А самое главное, Российской Федерации нужен единый сайт парламента, который будет содержать в себе все вышеперечисленное.

На сегодняшний день в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года» осуществляется работа над федеральным проектом «Цифровое государственное управление»⁹, одним из направлений которого является как раз таки Электронный парламент. В рамках данной задумки планируется создать цифровую платформу для парламентской деятельности, которая будет включать в себя: портал для депутатов,

системы электронного голосования, обеспечение защиты информации и другие цифровые инструменты и сервисы. Согласно Плану мероприятий по его реализации, создание такой платформы должно быть завершено в 2023 году.

Несмотря на это, в России все еще существует ряд значимых проблем, которые могут препятствовать развитию электронного парламента:

1. Проблема доступности Интернета в некоторых регионах страны, которая может осложнить общение и участие граждан в процессе обсуждения законопроектов и взаимодействия с депутатами.

2. Проблема конфиденциальности и безопасности в электронной среде, связанная с возможностью хакерских атак, утечки персональных данных и недостаточной защитой информации о работе парламента.

3. Проблема соблюдения самого законодательства, которое не всегда соответствует требованиям электронного парламента. Например, существуют ограничения на голосование депутатов в электронной форме и нормы, связанные с проведением открытых заседаний.

4. Проблема взаимодействия граждан и депутатов, связанная с отсутствием механизмов обратной связи, возможности влиять на работу парламента и доступности инструментов прямой демократии.

5. Проблема с организацией работы парламента - автоматизация и цифровизация процессов в парламенте находится на ранней стадии, что вызывает затруднения при работе депутатов в электронной среде.

Решение этих проблем позволит улучшить взаимодействие между гражданами и парламентом, повысить эффективность работы депутатов и увеличить прозрачность процессов принятия решений.

Таким образом, для создания электронного парламента в России необходимо разработать современный и безопасный онлайн-портал, где будут храниться все документы, связанные с работой органа, а также обеспечить возможность онлайн-голосования и обсуждения законопроектов. Кроме того, необходимо обеспечить процедуры защиты личной информации граждан, а также прозрачность и открытость процессов для предотвращения коррупции и манипуляций. Все это, безусловно, требует совместных усилий трех ветвей власти, огромного количества времени, а также участия общества, бизнеса и инвестиций. Однако стоит уделить внимание данной проблеме и усовершенствовать работу парламента, а именно, как говорилось ранее, разработать соответствующую техническую инфраструктуру и, как следствие, систему, которая позволит эффективно взаимодействовать депутатам, гражданам и органам управления.

Пристатейный библиографический список

- Исаев Н. Н. ГАС «Законотворчество» как основа «электронного парламента»-состояние и перспективы развития // сборник статей международной научно-практической конференции. Сер. «Электронное законодательство» Том Выпуск 1. Изд-во: Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина, 2011. - С. 59-65.
- Соловьев А. И. Политический дискурс медиакратий: проблемы информационной эпохи // Полис. - 2004. - № 2. - С. 124-132.
- Шадрин В. В. Краудсорсинг и демократия в Российской Федерации // Молодой ученый. - 2015. - № 22 (102). - С. 639-641.

6 Библиотечные и архивные ресурсы Государственной Думы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://parlib.duma.gov.ru/> (дата обращения: 25.05.2023).

7 The Danish Parliament. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thedanishparliament.dk/>.

8 Электронные сервисы в законодательном процессе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://council.gov.ru/media/files/2DcnKTogL75hRZbGylnIDdFGaCk6TVob.pdf> (дата обращения: 25.05.2023).

9 Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. От 21.07.2020) «о национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bazanpa.ru/prezident-rf-ukaz-n204-07052018-h4039057/> (дата обращения: 25.05.2023).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-4-179-168-170

ТАРАСОВ Степан Юрьевич

аспирант 1 курса Международного института информатизации и государственного управления имени П. А. Столыпина

ОСОБЕННОСТИ НАСЛЕДОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются практические аспекты процесса наследования криптовалюты в Российской Федерации. Автор подробно анализирует правовое регулирование порядка наследования криптовалюты, определяет его позиционирование в качестве объекта гражданских прав в российском и зарубежном праве. В публикации выделяются особенности правоприменительной практики и проблемные аспекты, присущие практической реализации наследования рассматриваемого цифрового актива. Кроме того, автор обозначает возможные пути решения актуальных проблемных вопросов процесса наследования криптовалюты.

Ключевые слова: наследование, цифровые активы, гражданское право, цифровизация, правовое регулирование, криптовалюта.

TARASOV Stepan Yurjevich

postgraduate student of the 1st course of the P. A. Stolypin International Institute of Informatization and Public Administration

FEATURES OF CRYPTOCURRENCY INHERITANCE IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article follows the practical aspects of the cryptocurrency inheritance process in the Russian Federation. The author analyzes in detail the legal status of the cryptocurrency, determines its positioning as an object of civil rights in Russian and foreign law. The publication highlights the features of law enforcement practice and problematic aspects inherent in the practical implementation of the inheritance of the digital asset in question. In addition, the author identifies possible ways to solve actual problematic issues in the process of cryptocurrency inheritance.

Keywords: inheritance, digital assets, civil law, digitalization, legal regulation, cryptocurrency.

Тарасов С. Ю.

Современные тенденции развития информационных технологий существенным образом повлияли на устоявшиеся общественные отношения в сфере товарно-денежного обмена, обусловив появление цифровых финансовых активов, как одного из потенциально важных объектов гражданских прав и наследования. Наиболее значимым и стремительно развивающимся цифровым финансовым активом является криптографическая валюта или сокращенно криптовалюта (от греческого. *kryptos* тайный, скрытый). Криптовалюта, будучи созданной для безопасного, удаленного и обезличенного перевода денежных средств без посредников и централизованного управления со стороны государственных органов, быстро стала популярным альтернативным средством платежей, накоплений и обмена. В настоящее время капитализация криптовалют насчитывает более 2 трлн. рублей и имеет тенденцию к постоянному увеличению, что позволяет говорить о перспективах ее дальнейшего использования в гражданском обороте [8].

Несмотря на то, что государство в последнее время уделяет значительное внимание вопросам владения, пользования и распоряжения цифровыми финансовыми активами, в Российской Федерации наблюдается ряд характерных особенностей и проблем, связанных с наследованием криптовалюты. Они обусловлены как фактором недостаточного нормативно-правового регулирования данного процесса, так и специфическими трудностями правоприменительной практики [6, с. 28].

Говоря о нормативно-правовой базе, важно подчеркнуть, что законодатель на данном этапе регламентировал ряд важных вопросов по использованию цифровых фи-

нансовых активов положениями Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Однако, имеет место некоторое несоответствие и недостаточно ясное толкование криптовалюты в качестве цифрового актива и, как следствие, объекта гражданских прав и наследования. Так, по смыслу и назначению криптовалюты ее следует отнести к категории цифровой валюты (средства платежа), однако ее позиционирование для целей наследования и реализации иных гражданско-правовых отношений в качестве цифрового актива может быть затруднено, так как согласно положениям 259-ФЗ цифровые активы и их владельцы должны быть включены в реестры соответствующих цифровых платформ, а отдельные цифровые платформы не фиксируют информацию о собственниках и транзакциях. Следовательно, не каждый вид криптовалюты может быть признан цифровым активом на территории Российской Федерации, и несоответствующие критериям цифрового актива криптовалюты сложно позиционировать как имущество и нельзя наследовать [5, с. 396].

Решением данного вопроса видится дополнение положений Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» с уточнением дефиниции «криптовалюта», расширением критериев отнесения ее к цифровому активу и внесении изменений в действующий Гражданский кодекс Российской Федерации, с определением четкого статуса

криптовалюты как объекта гражданских прав и объекта наследования.

Рассматривая теоретический и практический подход к криптовалюте, как к объекту наследования, российские исследователи и судебные органы приходят к позиционированию ее в качестве иного имущества, так как для отнесения ее к вещи отсутствуют осязательные свойства, а для отнесения к имущественному праву владелец не наделен правом требования к другим лицам. В частности, данный факт подтверждает судебная практика Девятого арбитражного апелляционного суда (Постановление от 4 февраля 2020 г.) [13]. Позиция суда объясняется тем, что Гражданский кодекс Российской Федерации не предусматривает исчерпывающего перечня объектов гражданских прав, а со становлением информатизации общества и развитием цифровых технологий цифровую валюту можно отнести к иному имуществу [9, с. 25].

Мировая практика относительно наследования криптовалют иллюстрирует схожее позиционирование, хотя в ряде стран (в частности, Китае, Катаре, Омане, Марокко, Египте, Алжире, Непале, Ираке) владение, пользование и распоряжение криптовалютой находятся под полным запретом со стороны государства [17]. При этом, например, в США, правовой статус криптовалюты закреплен на федеральном уровне в качестве собственности (имущества) положениями секции 4 Уведомления IRS 2014-21, 2014-16 I.R.B. 938 [16]. Сам порядок наследования несколько отличается в зависимости от штата и право на доступ и управление учетными записями наследодателя в том или ином объеме предоставляются наследникам на территории 19 штатов [14, с. 58].

Анализируя законодательную базу Евросоюза, следует отметить, что во Франции криптовалюта относится к категории нематериальных движимых активов (имущества), в то время как в Норвегии, Швейцарии, Болгарии – носит статус цифрового актива, а в ряде других стран (Германии, Швеции, Эстонии) – признана официальным альтернативным платежным средством. В данном случае, следует говорить о возможности включения криптовалютных активов в наследственную массу при наличии волеизъявления держателей электронных кошельков и аккаунтов и соблюдении всех законодательных требований по оформлению наследства [7].

Определив место криптовалюты с точки зрения объекта гражданских прав, рассмотрим особенности наследования в разрезе существующих в гражданском законодательстве способов передачи имущества: по закону и по завещанию. В первом случае ввиду обезличенности и отсутствия данных о владельце криптовалютных кошельков, у наследника нет возможности каким-либо образом доказать принадлежность цифровой валюты наследодателю. В подобном случае защита интересов наследников сводится к минимуму. Таким образом, не зная о наличии цифровой валюты у наследодателя, невозможно включить ее в наследственную массу, а следовательно, нарушаются интересы наследников [9, с. 25].

Данный тезис подтверждается судебной практикой. В частности, Московский городской суд, в процессе рассмотрения дела № 33-14798/2022 отказался рассматривать заявление о наследовании криптовалюты. В материалах дела указано, что наследник обратился к нотариусу с просьбой оформить наследственные права на криптовалюту, однако нотариус вынес отказ, мотивировав это отсутствием документов, подтверждающих право собственности на криптовалюту. Наследник обратился в суд с заявлением об оспаривании отказа, но суд оставил заявление без рассмотрения, ссылаясь на

все то же отсутствие доказательств принадлежности цифровых активов наследодателю [11].

При наследовании криптовалюты более приоритетным видится передача ее посредством завещания. Механизм наследования заключается в передаче ключей (паролей) и номеров (логинов) криптокошельков наследникам.

П. И. Очирова и А. С. Степаненко выделяют три потенциально возможных сценария завещания криптовалюты. Первый – наследодатель внес в завещание запись о том, что передает после своей смерти криптовалюту какому-либо наследнику. Данный случай самый неблагоприятный, так как само волеизъявление без передачи логина и пароля не несет в себе как таковой практической ценности, потому что отсутствие вышеуказанных сведений ограничивает доступ к криптокошельку.

Второй – наследодатель внес в завещание не только запись о передаче криптовалюты, но и передал логин и пароль, однако, криптовалюта хранится на бирже. В таком случае получение доступа к криптокошельку может быть затруднено, так как процесс взаимодействия с клиентом определяется внутренними правилами каждой биржи самостоятельно. Например, в системе биржи Binance помимо обязательного ввода логина и пароля, предусмотрены и иные механизмы защиты, к которым относятся: двухфакторная аутентификация, ключи безопасности (например, Yubikey), Google Authenticator, верификация по номеру телефона, подтверждение по email и т.д. Данные системы безопасности создают сложности для наследника так, как не всегда с передачей логина и пароля наследодатель передает, например, свой номер телефона или электронную почту.

Биржа Coinbase одна из немногих бирж, которая в какой-то части регулирует наследственные правоотношения и права на аккаунт переходят наследникам, однако если в течение некоторого времени пользователь не проявляет никакой активности в аккаунте, то содержащиеся криптовалютные активы считаются выморочным имуществом, которое биржа передает соответствующему государству. Следовательно, чтобы передать хранящуюся на бирже криптовалюту, наследодателю важно своевременно передать пакет документов (включая свидетельство о смерти, завещание, удостоверение личности) в адрес Coinbase. Отдельные же биржи, в частности, FTX оставляют за собой право потребовать распоряжения суда, определяющего право собственности на учетную запись умершего пользователя. Кроме того, некоторые биржи (на примере Binance) могут устанавливать правила, согласно которым необходимо получить их письменное согласие, даже если желание о передаче аккаунта базируется на законных основаниях.

Третий – криптовалюта хранится на аппаратном кошельке (специальном устройстве, подключаемом через USB-разъем к компьютеру). В таком случае, наследодателю надлежит внести в завещание следующую информацию: место хранения кошелька (зачастую для хранения используются банковские ячейки или частные хранилища), лицо, которому следует передать аппаратный кошелек и пин-код, представляющий собой комбинацию цифр и кодовую фразу из 12 слов [12, с. 199].

Важно отметить, что при передаче посредством завещания имеются определенные риски утечки информации третьим лицам, поэтому автор видит выход – закрытое завещание, к тексту которого не имеют доступ не только наследники, но и сам нотариус до наступления дня открытия наследства.

На основании исследования, автором сделан ряд выводов.

Во-первых, специфические особенности наследования криптовалюты обусловлены ее свойствами – обезличенностью и децентрализацией, что вызывает затруднение при отнесении криптовалюты к числу объектов имущественных прав и объекту наследования. Проблема также усугубляется пробелами нормативно-правового регулирования, отсутствием четкой дефиниции «криптовалюты» и ее правового статуса в гражданском законодательстве.

Во-вторых, на практике исследователи гражданского права и судебные органы Российской Федерации зачастую придерживаются позиционирования криптовалюты как иного имущества, что схоже с точкой зрения законодательства ряда западных стран (в частности, США, Франции и др.) и де-факто позволяет включить ее в наследственную массу.

В-третьих, в отношении криптовалюты возможно только наследование по завещанию, с обязательным указанием не только волеизъявления наследодателя, но и места хранения криптовалюты, путей доступа (паролей, логинов и тд.). При наследовании важно также учитывать особенности при хранении на бирже, связанные с внутренними правилами по распоряжению активами участника при его смерти.

В-четвертых, для защиты интересов наследников криптовалюты, автор видит необходимым усовершенствование нормативно-правовой базы, а именно внесение изменений в положения Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ с закреплением термина криптовалюты без привязки к реестрам цифровых активов, а также внесение поправок в Гражданский кодекс Российской Федерации с четким и однозначным указанием криптовалюты в качестве объекта гражданских прав.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Собрание законодательства РФ. – 03.12.2001. – № 49. – Ст. 4552.
2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // Собрании законодательства РФ. – 03.08.2020. – № 31 (ч. 1). – Ст. 5018.
3. Вронская М. В., Семкина Т. А. Наследование цифровых финансовых активов: актуальные проблемы и перспективы развития // Юридические исследования. – 2022. – № 11. DOI: 10.25136/2409-7136.2022.11.39102 EDN: VHZOPC. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nbpublish.com/Hbrary_read_article.php?id=39102.
4. Захаркина А. В. Основы цивилистической теории цифровых финансовых активов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – № 57. – С. 504-526. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-57-504-526.
5. Зыбин А. В. Наследование цифровых активов: проблемы и пути решения сборник материалов VI Международной научно-практической конференции. – М.: Издательство: ООО «Институт развития образования и консалтинга, 2021. – С. 395-398.

6. Кириллова Е. А. Роль нотариуса при наследовании цифровой валюты в Российской Федерации // Нотариус. – 2021. – № 7. – С. 27-29.
7. Криптовалюты: регулирование в странах Европы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://internationalwealth.info/cryptocurrency/cryptocurrencies-regulation-in-eu-countries/> (дата обращения: 2.06.2023 г.).
8. Криптовалюты: Тренды, риски, меры (доклад, подготовленный Банком России). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (дата обращения: 30.05.2023 г.).
9. Мамаева А. А., Миннуллина К. А., Татарина Е. П. Правопреемство цифровой валюты: защита интересов наследников // Наследственное право. – 2021. – № 4. – С. 24-26.
10. Мограбян А. С. Цифровые права как объекты гражданских прав в России // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 17 (10). – С. 141-147.
11. Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/26076b90-bcd1-11ec-9f98-55db7c691995?caseNumber=33-14798/2022>.
12. Очирова П. И., Степаненко А. С. Наследование криптовалюты: особенности и проблемы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 10. – С. 198-199.
13. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 4 февраля 2020 г. по делу N А40-164942/2019 в г. Москва. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/FEeAUUpDR1666/>.
14. Туешова Е. С. К вопросу о наследовании цифровых валют // Пролог: журнал о праве. – 2023. – № 1. – С. 54-61. – DOI: 10.21639/2313-6715.2023.1.6.
15. Шаймарданов Т.Р., Погодин А.В. Криптовалюта как объект гражданских прав // Universum: экономика и юриспруденция: электрон. научн. журн. 2022. 12(99). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/14633> (дата обращения: 01.06.2023 г.).
16. IRS 2014-21, 2014-16 I.R.B. 938. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.irs.gov/pub/irs-drop/n-14-21.pdf>.
17. Regulation of Cryptocurrency Around the World: November 2021 Update. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tile.loc.gov/storage-services/service/l1/llglrd/2021687419/2021687419.pdf> (дата обращения: 2.06.2023 г.).

КАРПЕЦ Светлана Игоревна

студент 3 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической Школы Дальневосточного федерального университета

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В РЕКЛАМНЫХ ЦЕЛЯХ

Статья посвящена рассмотрению правовых аспектов использования социальных сетей в рекламных целях. На сегодняшний день компании все больше используют социальные сети в качестве канала для продвижения своих товаров и услуг. Однако, чтобы избежать правовых проблем и негативных последствий для бренда, необходимо соблюдать определенные правовые аспекты. Статья охватывает такие темы, как соблюдение законодательства об использовании рекламы в интернете, использование логотипов и товарных знаков других компаний с разрешения, защита персональных данных пользователей, соблюдение правил социальных сетей, уведомление пользователей и ответственность за нарушение правил и законодательства о рекламе. Компаниям очень важно знать и понимать эти правовые аспекты, чтобы эффективно продвигать свой бренд в социальных сетях и вовремя предотвращать негативные последствия.

Ключевые слова: реклама, социальные сети, законодательство о рекламе, рекламодатель, персональные данные.

KARPETS Svetlana Igorevna

student of the 3rd course of bachelor of the direction of training 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University

LEGAL ASPECTS OF THE USE OF SOCIAL NETWORKS FOR ADVERTISING PURPOSES

The article is devoted to the consideration of the legal aspects of the use of social networks for advertising purposes. Today, companies are increasingly using social networks as a channel to promote their products and services. However, in order to avoid legal problems and negative consequences for the brand, certain legal aspects must be observed. The article covers topics such as compliance with legislation on the use of advertising on the Internet, the use of logos and trademarks of other companies with permission, protection of personal data of users, compliance with the rules of social networks, notification of users and liability for violation of the rules and legislation on advertising. It is very important for companies to know and understand these legal aspects in order to effectively promote their brand on social networks and prevent negative consequences in time.

Keywords: advertising, social networks, advertising legislation, advertiser, personal data.

Сайты социальных сетей изменили современную жизнь во многих отношениях. Теперь у нас есть мгновенная, глобальная и бесперебойная связь друг с другом для различных целей, как для личных, так и для профессиональных. В связи со стремительным распространением социальных сетей и интенсивным ростом их популярности, активное развитие претерпела и рекламная индустрия. В настоящее время тяжело представить ведение успешного бизнеса без использования рекламы.

Появление социальных сетей привело к расцвету новой золотой эры брендинга, которая является сложной задачей для компаний из-за необходимости их креативного позиционирования с акцентом на укрепление доверия и лояльности к бренду. Потребители становятся более требовательными и из-за широкого ассортимента продукции на разных рынках предъявляют к компаниям более жесткие требования.

Социальные сети являются одной из самых подходящих платформ для размещения рекламы. В частности, это связано с быстрым распространением рекламной информации и широким охватом аудитории. В связи с этим на современном этапе развития все большее количество компаний используют социальные сети для продвижения своих товаров и услуг, так как любой владелец бизнеса, руководитель организации, директор предприятия и прочие понимают, что реклама должна быть опубликована там, где целевая аудитория её увидит.

В то же время социальные сети имеют свои правила использования, а также законодательство, которое регулирует размещение рекламы в интернете. Понимание правовых аспектов использования социальных сетей в рекламных це-

лях является необходимым для каждого бизнеса, который хочет использовать этот канал для продвижения своих товаров и услуг. Это может помочь избежать юридических проблем и негативных последствий для бренда.

Итак, использование социальных сетей в рекламных целях – это связь между социальными сетями и рекламными кампаниями, направленными на продвижение услуг и товаров. Компании могут использовать социальные сети для достижения своей аудитории и продвижения своего бренда. Некоторые аспекты использования социальных сетей в рекламных целях включают в себя: создание и запуск рекламных кампаний; использование таргетированной рекламы; сотрудничество с блогерами и микроинфлюэнсерами; создание общего сообщества, где пользователи могут общаться друг с другом и с представителями компании; отслеживание реакции аудитории; проведения опросов и исследований в целях получения информации о своей аудитории, идеях для создания новых товаров и услуг, а также улучшения стратегии рекламы.

При использовании социальных сетей в рекламных целях рекламодателям необходимо соблюдать законодательное регулирование размещения рекламы в интернете, которое осуществляется в рамках следующих законодательных актов:

1. Федеральный закон «О рекламе» – устанавливает общие правила для всех видов рекламы, в том числе для рекламы в интернете¹.

1 Федеральный закон «О рекламе» от 13.03.2006 № 38-ФЗ (последняя редакция) – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» – Текст: электронный.

2. Федеральный закон «О персональных данных» - регулирует сбор, хранение и обработку персональной информации пользователей в интернете².

3. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» - определяет правила работы в интернете и устанавливает ответственность за нарушение законодательства³.

4. Кодекс об административных правонарушениях - устанавливает административную ответственность за нарушения законодательства о рекламе в интернете⁴.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации - определяет права и обязанности сторон в рамках договора о размещении рекламы в интернете⁵ и другие правовые акты.

В первую очередь следует рассмотреть, законодательно закрепленное понятие «реклама», данное в статье 3 ФЗ «О рекламе». Это информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке». Законодатель относит рекламу к видам информации. Она может быть представлена в любой форме, в виде текста, фотографии, аудио и видео сообщения.

Реклама должна быть достоверной и добросовестной. Достоверность означает то, что в рекламе должны отсутствовать сведения, которые не соответствуют действительности, кроме того, в ФЗ «О рекламе» дан перечень того, что относится к недостоверности. То же касается и добросовестности. «Добросовестная реклама» должна соответствовать законодательству, нормам этики и морали, должна быть основана на честности и достоверности представленной информации.

В законодательстве о рекламе так же оговорены моменты, когда реклама не допускается. В статье 7 ФЗ «О рекламе» приведен перечень товаров, которые запрещено рекламировать любым способом, к таким, например, относятся: табак, табачные изделия и курительные принадлежности; взрывчатые вещества за исключением пиротехники; наркотические и психотропные вещества, включая растения; органы и ткани человека, используемые в качестве объектов купли-продажи, медицинские услуги по искусственному прерыванию беременности и др. Представленные товары и услуги запрещено рекламировать вне зависимости от места и способа размещения рекламы. Следовательно, их нельзя рекламировать и в социальных сетях. Данный аспект также следует учитывать рекламодателям при размещении рекламы в Интернете.

Использование социальных сетей в качестве канала коммуникации в рекламных целях является широко распространенной и эффективной практикой современного маркетинга. Однако лица, использующие социальные сети в рекламных целях могут столкнуться и с другими различными правовыми аспектами, которые должны быть учтены. К таким аспектам можно отнести:

2 Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ (последняя редакция) – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» – Текст: электронный.

3 Федеральный закон «Об информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (последняя редакция) – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» – Текст: электронный.

4 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.04.2023, с изм. от 17.05.2023). – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» – Текст: электронный.

5 Гражданский кодекс Российской Федерации часть 4. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» – Текст: электронный.

1. Соответствие рекламы законодательству. Это означает, что реклама должна соответствовать законодательству Российской Федерации, касающемуся рекламы, а также законодательству об использовании персональных данных. Согласно разъяснениям Пленума ВАС РФ, реклама несоответствующая требованиям законодательства, должна быть признана ненадлежащей органом ФАС России⁶.

2. Ясность и правдивость размещенной в социальных сетях информации. Данный аспект предполагает, что реклама должна быть ясной, понятной и не должна вводить аудиторию в заблуждение. Рекламщики должны быть честными и не использовать ложную информацию для привлечения потребителей.

3. Использование логотипов и товарных знаков других компаний, имея на это соответствующее разрешение, поскольку такое использование без согласия партнёров является нарушением авторских прав и может привести к правовым последствиям.

4. Защита персональных данных. Хранение персональных данных пользователей социальных сетей должно соответствовать требованиям законодательства о персональных данных.

5. Соблюдение правил социальных сетей. Рекламодателям важно помнить, что каждая социальная сеть имеет свои правила рекламы, которые необходимо соблюдать.

6. Уведомление пользователей. В некоторых случаях компании должны уведомлять пользователей о целях, для которых они собирают и используют их личные данные.

7. Ответственность за нарушение. На практике более эффективными мерами борьбы с нарушениями рекламного законодательства являются меры гражданско- и административно-правового характера. Чаще всего мерой ответственности избираются штрафные санкции, способные привести компанию не только к финансовым, но и к имиджевым рискам. Поэтому важно знать и соблюдать правовые аспекты использования социальных сетей в рекламных целях.

В целом, можно сказать, что использование социальных сетей в рекламных целях является эффективным способом продвижения товаров и услуг в современном мире и имеет свои правовые особенности, урегулированные на законодательном уровне. В связи с чем лицам, размещающим рекламу в социальных сетях необходимо соблюдать правила данной сферы, а также обязательно учитывать интересы и права пользователей социальных сетей.

Пристатейный библиографический список

1. Оточина М. С. Реклама в социальных сетях: тенденции и перспективы развития // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. - 2020. - С. 82-86.
2. Орлова В. А. Правовое регулирование рекламной деятельности в сети Интернет // Скиф. Вопросы студенческой науки. - 2021. - № 4 (56). - С. 227-231.
3. Vranaki A. Social networking site regulation: Facebook, online behavioral advertising, data protection laws and power // Rutgers Computer & Technology. - 2017.
6. Постановление Пленума ВАС РФ от 08.10.2012 № 58 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона «О рекламе».

БУРАЙКИН Александр Владимирович

аспирант Института права Самарского государственного экономического университета

ТОВАРНЫЙ ЗНАК В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ

В современном бизнесе одной из первоочередных задач для предпринимателей при осуществлении ими коммерческой деятельности является выделение своего продукта из множества однородных, аналогичных товаров других производителей и защиты ее от действий недобросовестных конкурентов. Данную проблему в значительной степени призваны решить средства индивидуализации товаров, работ или услуг. Одним из таких средств и является товарный знак. Основным назначением товарного знака можно назвать отличие, индивидуализацию товаров одних лиц от товаров других. Это важно, поскольку ассортимент выпускаемых товаров постоянно расширяется и поэтому ориентироваться в них трудно. Товарные знаки способствуют реализации потребительского выбора, продвижению товаров и услуг и, как следствие, развитию честной конкуренции. Несомненно, коммерческая ценность таких средств индивидуализации возрастает с каждым годом.

Ключевые слова: средство индивидуализации, товарный знак, правообладатель, деловая репутация.

BURAYKIN Alexander Vladimirovich

postgraduate student of the Institute of Law of the Samara State Economic University

TRADEMARK IN THE SYSTEM OF MEANS OF INDIVIDUALIZATION

In modern business, one of the primary tasks for entrepreneurs in carrying out their commercial activities is to isolate their product from a variety of homogeneous, similar products from other manufacturers and protect it from the actions of unscrupulous competitors. This problem is largely designed to solve the means of individualization of goods, works or services. One of these means is a trademark. The main purpose of a trademark can be called the difference, the individualization of the goods of some persons from the goods of others. This is important because the range of manufactured goods is constantly expanding and therefore it is difficult to navigate them. Trademarks contribute to the realization of consumer choice, the promotion of goods and services and, as a result, the development of fair competition. Undoubtedly, the commercial value of such means of individualization increases every year.

Keywords: means of individualization, trademark, copyright holder, business reputation.

Бурайкин А. В.

В современных условиях рынка и общества, товарный знак является ценным бизнес-активом. Товарный знак служит для выделения маркируемого им товара из ряда однородных товаров – индивидуализирует товар. С учетом современных условий производителю необходимо выделять свой товар, при наличии качественной продукции товарный знак служит собственнику гарантом качества и выгодно представляет его для потребителей.

Статья 44 Конституции РФ гарантирует свободу творчества, а также охрану интеллектуальной собственности. Основным источником права, действующим в сфере охраны прав интеллектуальной собственности, является 4 часть ГК РФ. Законодатель устанавливает перечень объектов, которые отнесены к интеллектуальной собственности. Все объекты можно сгруппировать в несколько категорий: объекты авторских и смежных прав; объекты патентного права; средства индивидуализации; нетрадиционные объекты. Все перечисленное – объекты гражданских прав.

Центральным понятием категории «средств индивидуализации» является сама индивидуализация. Она имеет огромное значение как для предпринимателей, так и для потребителей, что обусловлено следующим:

Во-первых, потребителю необходимо ориентироваться во множестве однородных товаров и индивидуализация значительно облегчает выбор необходимой продукции – покупатель заинтересован в покупке качественного, отвечающего его запросам и целям продукта. Индивидуализация облегчает покупателю выбор между двумя похожими товарами.

Во-вторых, индивидуализация является причиной, по которой субъекты предпринимательской деятельности стремятся постоянно повышать качество своей продукции, а это, в свою очередь, служит интересам потребителей.

Третья причина является логичным продолжением второй: рост качества производимой продукции, которая индивидуализирована в глазах потребителя, заставляет производителя с большей ответственностью относиться к процессу производства и реализации, чтоб гарантировать заявленный уровень качества.

Одним из самых распространенных средств индивидуализации выступает товарный знак. Правоведы расходятся

во мнении относительно момента возникновения товарного знака. Однако наиболее часто встречается позиция, ссылающаяся на товарооборот в Римской империи, где благодаря клеймам, наносимым на лампы, отличали те, которые зарекомендовали себя с лучшей стороны, нежели аналоги [3].

Вторая наиболее часто встречающаяся позиция основывается на том, что прообразом товарного знака были гербы, использующиеся на рыцарских турнирах: на рыцарских турнирах в Средние века проблема идентификации участников решилась появлением гербов на щитах.

Говоря о функциях товарного знака следует отметить, что их две. Товарный знак, в первую очередь, призван индивидуализировать производителя и его продукцию, а, во вторую очередь, он выполняет информационную функцию. И благодаря как раз второй функции, обозначение перестает быть обычным маркером товара и превращается в весомый бизнес-актив, ценность которого относительно независима от товаров, для индивидуализации которых он используется. Однако указанная теория, основанная на деловой репутации, мало распространена в российской науке, но традиционна указывается в зарубежной доктрине. На наш взгляд, это представляется неверным подходом. В странах с развитой экономикой и правопорядком товарные знаки являются главным хранилищем деловой репутации. И они не рассматриваются как отдельный объект, в отрыве от элементов, составляющих его сущность: навыки, репутацию, опыт правообладателя, а также качество предлагаемых им товаров. В таких правопорядках защита товарного знака приравнена к защите деловой репутации [6].

В связи с этим, подход к общеизвестным товарным знакам значительно различается в отечественном праве и за рубежом. В Российской Федерации для придания товарному знаку статуса общеизвестного используется формальный подход, когда товарный знак признается общеизвестным вследствие прохождения ряда процедур. В праве западных стран используется иной подход – фактический, то есть обозначение становится общеизвестным в силу фактической известности.

В связи с функцией деловой репутации в литературе все товарные знаки иногда отождествляют с понятием «бренд»,

что является не совсем верным. Действительно, большинство брендов в правовом аспекте представляют собой товарные знаки. А определение бренда, предложенное Ассоциацией маркетинга напрямую отсылает к сущности товарного знака: «название, слово, знак, символ, дизайн или сочетание всех вышеперечисленных элементов, предназначенные для идентификации товаров и услуг какого-либо одного продавца или группы продавцов, позволяющие отличать их от продукции конкурентов» [2], различие находится лишь в необходимости государственной регистрации товарного знака и в отсутствии этого условия для бренда. Однако, очевидно, что при отсутствии регистрации, производитель теряет возможность защитить свой актив должным образом. Важными особенностями бренда являются его повышенная узнаваемость среди потребителей, репутация, рыночное лидерство, коммерческая ценность бренда самого по себе, а не только маркируемой им продукции – иными словами деловая репутация. Таким образом, брендом можно назвать все общеизвестные товарные знаки, но не все товарные знаки в целом.

К функциям товарного знака так же традиционно относят функцию гарантии качества и рекламы.

Гарантия качества говорит о том, что товарный знак служит «индикатором» качества товара, на который обращает внимание потребитель при выборе продукции того или иного продавца. Функция гарантии качества во многом отсылает к рассмотренной функции деловой репутации и можно сказать представляет собой ее составную часть.

Рекламная функция вопреки своему названию имеет место не только при прямой рекламе товара, но и, к примеру, при простом разговоре между потребителями [5]. Таким образом, благодаря товарному знаку, продукция, которая им маркирована, получает известность среди покупателей.

Можно несколько подробнее остановиться на выявлении общего и особенного между товарным знаком и смежными объектами интеллектуальной собственности. В первую очередь стоит отметить авторские права.

Товарный знак, еще со времен античности, в разных пониманиях и трактовках всегда сохраняет свое значение как знак индивидуализации. В РФ в качестве товарного знака используется одно слово (большинство товарных знаков), примитивный рисунок либо комбинация первого и второго. Наличие творческого характера у таких объектов в большинстве случаев отсутствует. В то время как объекты авторского права – единственные в своем роде, оригинальны, необычны, уникальны. Объекты авторского права – произведения в каком-либо виде (литературные; музыкально-драматические, сценарные; хореографические и др.) носят исключительно творческий характер – являются результатами творческой деятельности.

Роль здесь играет и новизна товарного знака, позволяющая отличить создаваемый знак от ранее зарегистрированных знаков. Для объектов авторского права новизну заменяет оригинальность. Даже при параллельно проходящем у двух разных лиц творческом процессе невозможно независимо друг от друга создать аналогичное произведение. Именно с этим связана автоматическая охрана объектов авторского права, а также отсутствие охраны идей, которые не всегда оригинальны, хотя и могут быть новыми [1].

Разница в данном вопросе лежит и в целях использования. Товарный знак, как уже указывалось, создается в целях индивидуализации товара, отграничения его от массы однородных товаров, индивидуализация субъекта предпринимательской деятельности. Произведения науки, литературы или искусства не преследуют эти цели.

Из указанного различия закономерно вытекает следующее: основной субъект в авторском праве – автор. В то время как в отношении товарных знаков такой субъект не существует. Объекты, существующие в патентном праве, имеют схожую природу с объектами авторского.

Можно сказать, что объекты как авторского, так и патентного права – «типичный пример общественных благ, то есть объектов, использование которых одним субъектом не исключает возможности их использования, получения экономических и иных выгод иными субъектами» [4]. Использование товарного знака столь эффективно и независимо несколькими лицами просто невозможно, в отличие от объектов авторского и патентного права. Данное положение прямо вытекает из сущности товарного знака – индивидуализировать товар конкретного производителя.

Существенная разница между объектами авторского права и товарными знаками находится также в сфере регистрации прав. Так, возникновение и охрана авторского права не предполагает каких-либо действий по его регистрации. Право возникает в силу самого факта создания объекта охраны. В то время как право на товарный знак возникает исключительно в силу его регистрации соответствующим органом государства.

Различия кроются также в сроках использования. При совершении определенных действий – продления срока действия исключительного права – право на товарный знак может стать бессрочным; в то время как исключительное право на объекты авторского и патентного права носят срочный характер. Это связано с необходимостью соблюдения баланса частных и общественных интересов.

Не столь заметные, но все же существенные различия можно заметить и между товарным знаком и другими средствами индивидуализации, названными в законе.

Например, очевидна разница между товарным знаком и фирменным наименованием кроется в цели использования: последнее призвано индивидуализировать само юридическое лицо, а товарный знак – создаваемую продукцию. Законодатель не ограничивает срок действия фирменного наименования – он зависит от существования лица, которое индивидуализирует, в то время как действие товарного знака ограничено конкретными временными рамками – десять лет.

Наиболее близок к товарному знаку по своему характеру и сущности знак обслуживания. Знак обслуживания приравнен законодателем к товарному знаку: правила ГК РФ о товарных знаках соответственно применяются к знакам обслуживания. Разница между ними состоит в том, что товарный знак индивидуализирует товар, а знак обслуживания – работу или услугу.

Приведенный сравнительный анализ в достаточной степени указывает на особенности товарного знака и на его отличие от других объектов как гражданского права в целом, так и других объектов интеллектуальных прав, в частности.

На основании сказанного предлагается следующая формулировка определения понятия товарного знака: товарный знак – средство индивидуализации, служащее для обособления товаров юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а так же выделения их из ряда однородных, представляющее собой словесное, изобразительное, объемное или иное обозначение; отвечающее основным принципам гражданского права, промышленной собственности, средств индивидуализации, принципов закрепленных Парижской конвенцией; обладающее собственными признаками, отличающими товарный знак от других объектов гражданского права (нематериальный характер, объективное выражение, охраноспособность, инструментальность, служебный характер); выполняющее ряд определенных функций (индивидуализирующая, информационная, гарантии качества, рекламная, деловая репутация), а так же подлежащее государственной регистрации в предусмотренном законом порядке.

Пристатейный библиографический список

1. Деноткина А. В. Правовая охрана товарных знаков и объектов авторского права: сравнительно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2017. - С. 65-66.
2. Ламбен Ж.-Ж., Чумпитас Р., Шулинг И. Менеджмент, ориентированный на рынок. 2-е изд.: Пер. с англ. / Под ред. В. Б. Колчанова. - СПб., 2014.
3. Мельников В. М. Товарные знаки за рубежом в канун XXI века. - М., 2002. - С. 3.
4. Ворожевич А. С., Гринь О. С., Корнеев В. А. и др. Право интеллектуальной собственности: учебник / Под общ. ред. Л. А. Новоселовой. - М.: Статут, 2018. Т. 3: Средства индивидуализации. - 432 с.
5. Таболо М. В. Функции товарного знака // Современное право. - 2018. - № 5. - С. 138-144.
6. Handelman J. Guide to TTABB practice. - N.Y., 2013. - P. 8.

ГАБАРАЕВ Давид Малхазович

магистрант 2 курса Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО*

В данной статье рассматривается принудительное отчуждением права собственности на недвижимое имущество в российском законодательстве. Затрагивается справедливость и целесообразность подобного отчуждения права собственности. Ведь в современном мире для любого человека владение, пользование и распоряжение недвижимым имуществом является залогом благосостояния и стабильного уровня жизни, а значит необходимо определить границы дозволенного законом, принудительного отчуждения недвижимого имущества у собственника.

Ключевые слова: право собственности, реквизиция, конфискация, недвижимое имущество, общественные интересы, категория земельного участка.

GABARAEV David Malkhazovich

magister student of the 2nd course of the K. L. Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz

FORCIBLE ALIENATION OF OWNERSHIP OF REAL ESTATE**

This article discusses the forced alienation of ownership of real estate in Russian law. The fairness and expediency of such alienation of property rights are touched upon. Indeed, in the modern world, for any person, the possession, use and disposal of real estate is a guarantee of well-being and a stable standard of living, which means that it is necessary to determine the boundaries of what is permitted by law, the forced alienation of real estate from the owner.

Keywords: property right, requisition, confiscation, real estate, public interests, land category.

Габараев Д. М.

Принудительное отчуждение права собственности на недвижимое имущество занимает особое место в законодательстве Российской Федерации. Подобная ситуация обусловлена значением права собственности, поскольку для любого человека владение, пользование и распоряжение недвижимым имуществом является залогом благосостояния и стабильного уровня жизни, а значит необходимо определить границы дозволенного законом, принудительного отчуждения недвижимого имущества у собственника. В законодательстве присутствует множество пробелов, которые вводят в замешательство собственника имущества. Например, какой уполномоченный орган занимается реквизицией и как собственник должен быть извещен о состоянии изъятого имущества. В данной научной работе будут рассмотрены различные основания принудительного отчуждения права собственности на недвижимое имущество, а также будут исследованы некоторые пробелы в законодательстве.

Перечень оснований, по которым можно принудительно лишить собственника права собственности перечислен в статье 235 ГК РФ. Всего таких оснований 11.

Первым основанием является обращение взыскания на имущество по обязательствам собственника. Данное основание принудительного прекращения права собственности известно еще со времен Древнего Рима, в праве которого данной теме уделялось огромное значение. Право Древнего Рима являлось одним из наиболее развитых правовых систем того времени. На основе рецепции римского права основано современное законодательство России. Особенность римского права заключалась в том, что заложенная должником вещь при отчуждении в собственность иных лиц продолжала

оставаться предметом залога, а это значит, что кредитор находился под *absoluta praesidio*, что означает абсолютная защита. Подобная «абсолютная защита» создает определенную проблему для лица, которое добросовестно приобрело недвижимое имущество, которое изначально находилось в залоге. Сущность залогового права в римском праве заключалась в возможности субъекта правоотношений, потребовать объект, который был заложен, из владения иных лиц, а также субъект имеет возможность продать объект и с помощью денежной суммы, полученной в результате продажи объекта удовлетворить в первую очередь свои требования, опережая иных взыскателей. Залоговое право появилось, в первую очередь, в связи с необходимостью получения гарантий исполнения какого-либо обязательства, рассматривая право можно получить следующее заключение о том, что залоговое право было акцессорным, то есть придаточным.

Изучив судебную практику, можно сделать вывод о том, что основным предметом обращения взыскания по обязательствам является недвижимое имущество, а основным кредитором в большинстве случаев являются банковские организации¹. В случае обращения взыскания проблемой становятся случаи, когда у должника отсутствует имущество, на которое можно обратиться взыскание, но при этом должник намерено берет на себя обязательства, которые не намеревается исполнить, что в свою очередь ставит в невыгодное положение банковскую организацию. Законодатель предпринял множество мер для решения проблемы. Примером служит возможность обращения взыскания на единственное жилье, когда площадь и стоимость жилого дома значительно превышают нормативы.

Следующим основанием является отчуждение имущества, которое в силу закона не может принадлежать собственнику имущества. В законодательстве Российской Федерации предусмотрены случаи, когда недвижимое имущество не может принадлежать лицу на праве собственности или на другом основании в силу закона. Следует отметить, что в подобном слу-

* Научный руководитель: Галазова Залина Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ

** Scientific adviser: Galazova Zalina Viktorovna, Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the K. L. Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz

1 Решение Арбитражного суда Тверской области от 30 августа 2022 г. по делу № А66-6529/2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/gbuXh9AMmY1/>.

чае лицо, обладающее правом собственности, не обязательно должно совершать правонарушение и такое лицо может вовсе не осознавать о том, что данное недвижимое имущество не может ему принадлежать. Данная ситуация нацелена прежде всего на то, чтобы защитить публично-правовые интересы.

Суть данного основания заключается в том, что на первый план выходит не охрана земельного участка как природного ресурса, а использование подобного земельного участка для публичных нужд. Главной целью является соблюдение закрепленных в законодательстве ограничений. В случае получения земельного участка в собственность лицом, которое в силу закона не может им владеть, появляется угроза возникновения коллизии интересов собственника и общества.

Действующая редакция Гражданского кодекса Российской Федерации (ст. 238) предусматривает перечень оснований принудительного изъятия имущества у собственника, которое не может ему принадлежать. Недостатком данной статьи является то, что данная норма носит общий характер.

Отчуждение недвижимого имущества в связи с изъятием земельного участка ввиду его ненадлежащего использования является наиболее часто встречающимся основанием для изъятия земельных участков сельскохозяйственного назначения ввиду их особой значимости для нашей страны. Например, земли сельскохозяйственного назначения должны использоваться в соответствии с видом разрешенного использования. В случае нарушения данного требования возможно принудительно изъять землю. Данное правило существует для того, чтобы собственник не ухудшал гумусный слой и состояние земельного участка. В связи с этим участки, предоставленные в аренду, должны строго контролироваться АМС районов, представивших их или иным органом государственной власти. Однако зачастую АМС или иной орган не обладают сведениями о реальном положении дел. Примером служит возможность оспаривания результатов кадастровой стоимости земельного участка. В результате данного оспаривания, судом назначается судебная оценочная экспертиза для получения действительной рыночной стоимости участка. В ходе проведения экспертизы эксперт должен запросить справку о том, какие сельскохозяйственные культуры выращиваются и зачастую у арендаторов отсутствует подобная справка, что может являться следствием выращивания только одной культуры на протяжении длительного времени, что, несомненно, ухудшает состояние земли. При выяснении подобного факта судья, рассматривающий административное дело, может отказать в исковых требованиях, но нигде не прописано, что данный факт может запустить процедуру принудительного изъятия земельного участка ввиду его нецелевого использования. На наш взгляд, целесообразно проверять в ходе оспаривания кадастровой стоимости факт целевого использования земельного участка и отсутствие ухудшения состояния земли.

Для сохранения культурного наследия и истории страны необходимо оберегать культурные ценности. В связи с этим в гражданском законодательстве существует норма, допускающая принудительное отчуждение права собственности на недвижимое имущество, а именно выкуп бесхозяйственно содержимых культурных ценностей, домашних животных. Закрепление данной нормы обусловлено тем, что некоторые собственники культурных ценностей не относятся к ним с должной осмотрительностью и порой допускают уничтожение такого имущества. Примером являются случаи, когда от действий собственников зданий, представляющие культурную ценность, были уничтожены места жительства или пребывания множества исторических личностей. Даже в тех случаях, когда здания или участки не были безвозвратно уничтожены, потребовалось множество человеческих и денежных ресурсов для их восстановления. В связи с заботой о культурном наследии законодатель решил предусмотреть механизм, позволяющий сохранить и передавать для будущих поколений культурные ценности. Одним из подобных мер по сохранению культурных ценностей является выкуп бесхозяйственно содержимых культурных ценностей.

В случае необходимости изъятия культурных ценностей в зависимости от конкретного случая применяется две формы отчуждения. Первой формой является выкуп имущества государством, а второй продажа имущества с публичных торгов. У этих двух форм есть свои особенности. В первой форме государство выкупает культурные ценности по согласованной стоимости, а

в случае возникновения разногласий по стоимости вопрос будет решаться в судебном порядке. Во втором случае культурные ценности выставляются на торги, а вырученная денежная сумма передается бывшему собственнику, за исключением расходов на проведение и организацию торгов.

В качестве предмета выкупа бесхозяйственно содержимых культурных ценностей могут выступать не все культурные ценности, а только те, которые в соответствии с законодательством отнесены к особо ценным и которые охраняет государство. Само определение культурных ценностей дается в Законе от 15 апреля 1993 г. «О вывозе и ввозе культурных ценностей»². В соответствии с данным законом под понятие культурные ценности подпадают, находящиеся на территории Российской Федерации, а также движимые предметы, заявленные к вывозу или временному ввозу в Российскую Федерацию в качестве культурных ценностей, независимо от формы собственности. Данный Закон дает понимание о каких культурных ценностях идет речь, примером являются ценности, созданные лицом самостоятельно либо группой лиц, являющихся гражданами страны.

Реквизиция в качестве основания принудительного отчуждения права собственности возможна только для обеспечения общественных интересов. В соответствии со ст. 242 ГК РФ в случаях стихийных бедствий, аварий, эпидемий, эпизоотий и при иных обстоятельствах, носящих чрезвычайный характер, имущество в интересах общества по решению государственных органов может быть изъято у собственника в порядке и на условиях, установленных законом, с выплатой ему стоимости имущества. Из смысла данной нормы вытекает, что предыдущему собственнику выплачивается стоимость реквизированного имущества и в случае прекращения обстоятельств, которые повлекли за собой реквизицию в судебном порядке, бывший собственник имеет право вернуть себе право собственности. Однако в законе не указано каким образом бывшего собственника должны уведомлять о состоянии реквизированного имущества и о его местонахождении, а в случае правопреемства, как наследнику получить сведения о подобном имуществе. В законодательстве отсутствует четкое понимание того, какой орган государственной власти правомочен проводить реквизицию и какую ответственность понесут должностные лица за повреждение или злоупотребление реквизированным имуществом.

Конфискация имеет схожие черты с реквизицией, но исходя из смысла статьи 243 ГК РФ можно сделать вывод о том, что имущество изымается безвозмездно по решению суда, как санкция за совершенное преступление или правонарушение. Вина является ключевым фактором для проведения процедуры конфискации.

Таким образом, право собственности может быть изъято у законного собственника, но законодатель предусмотрел механизмы компенсации или дальнейшего возврата изъятого имущества. Прежде всего отчуждение происходит для защиты либо самого недвижимого имущества, либо для охраны публичных интересов. Прделана большая работа по урегулированию порядка принудительного отчуждения, но предстоит и далее совершенствовать законодательство.

Пристатейный библиографический список

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022).
 2. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 20.10.2022) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».
 3. Головизнин А. В. Основания и порядок выкупа культурных ценностей по российскому гражданскому праву // Право и экономика. - 2013. - № 11.
 4. Решение Арбитражного суда Тверской области от 30 августа 2022 г. по делу № А66-6529/2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/g6uXh9AMmY1/>
 5. Закон РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей» от 15.04.1993 № 4804-1.
- 2 Закон РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей» от 15.04.1993 № 4804-1.

НИКОЛАЕНКО Наталья Сергеевна

студент 3 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ДЕРЕНДЯЕВА Софья Дмитриевна

студент 3 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ДОГОВОРА ИНЖИНИРИНГА В ПРИЗМЕ ДОГОВОРА ПОДРЯДА

В статье изучается понятие инжиниринга, правовая природа договора инжиниринга, вопросы регулирования отношений сторон в данной договорной конструкции, их особенности. Дается сравнительно-правовой анализ договора подряда и договора инжиниринга, основные особенности и характерные черты. Также дается характеристика использования договора инжиниринга в зарубежных государствах. Рассматриваются международные документы, касающиеся инжиниринга, делаются выводы об их роли и значении в общем регулировании. Дается характеристика использования договора инжиниринга в зарубежных государствах. Также рассмотрим результаты исследований ряда консультационных компаний для анализа состояния мировой экономики.

Ключевые слова: договорное право, инжиниринг, инжиниринговые услуги, договор подряда.

NIKOLAENKO Natalya Sergeevna

student of the 3rd course of the bachelor's degree in the field of study 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University

DERENDYAEVA Sofiya Dmitrievna

student of the 3rd course of the bachelor's degree in the field of study 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE ENGINEERING CONTRACT IN THE PRISM OF THE CONTRACT

The article studies the concept of engineering, the legal nature of an engineering contract, the issues of regulating the relations of the parties in this contractual structure, their features. A comparative legal analysis of a work contract and an engineering contract, the main features and characteristics are given. It also gives a description of the use of the engineering contract in foreign countries. International documents related to engineering are considered, conclusions are drawn about their role and significance in general regulation. The characteristic of use of the contract of engineering in foreign states is given. We will also consider the results of research by a number of consulting companies to analyze the state of the world economy.

Keywords: contract law, engineering, engineering services, contractor's agreement.

На протяжении последних десятилетий развитие рыночных отношений в сфере услуг постепенно привело к появлению такого понятия как «инжиниринг» или же «инжиниринговые услуги».

Нельзя сказать, данное понятие отражает явление принципиально новое. Коммерциализацию результатов труда инженеров можно заметить уже в XIX веке. «Институт гражданских инженеров» был образован в Великобритании в 1818 г. и его можно считать одним из первых инженерных обществ в мире. Говоря о США, нельзя не назвать «Американское общество гражданских инженеров» (1852 г.), «Американское общество инженеров-механиков» (1880 г.).

В России к началу XX века также начали организовываться инженерные общества, например «Общество гражданских инженеров» (1894 г.), «Общество инженеров-путейцев».

Фактически инжиниринговые услуги оказывались также и в СССР в период плановой экономики: в то время как в буржуазных государствах инжиниринговые функции выполнялись частными компаниями, в СССР существовали научно-исследовательские, конструкторские, проектные, технологические и опытные (экспериментальные) объединения, т. е. развитие инжиниринга шло посредством создания крупных проектных организаций, реализующих масштабные государственные планы по подготовке проектов, строительства стратегических объектов. В роли таких государственных структур

выступали Госплан, Госнаб, Госстрой. Заказчиком же было государство. Данные органы создавали планы стратегического развития, бюджет, система документооборота, управление вложениями, экспертиза технико-экономических оснований, графики строительства, методы отбора кадров. В целом всю плановую экономику в СССР можно сравнить с гигантского масштаба инжиниринговой компанией [1]. Но точно можно отметить, что в тот период инжиниринг не рассматривался как дополнительный источник прибыли, ввиду чего большого внимания с этой точки зрения ему не уделялось.

Сегодня же понятие «инжиниринг» устойчиво вошло в употребление в профессиональной среде. Сфера оказания инжиниринговых услуг является динамично развивающимся сектором мировой экономики. Появившийся спрос на услуги по компетентному решению вопросов, связанных с проведением исследования рынка в соответствующей сфере, проектированием объектов, способствует появлению предложения в сфере инжиниринга. Можно уверенно сказать, что на сегодняшний день уже прочно образовался мировой рынок инжиниринговых услуг, причем отмечается постоянный рост как его объема, так и совокупная стоимость оказанных в его рамках услуг.

Стоит отметить, что каждое государство имеет свои особенности развития инженерной инфраструктуры и инжиниринговой деятельности. Но в основном можно выделить несколько инжиниринговых моделей.

1. Американская модель инжиниринга (комплексное «одноцентровое» проектирование). Основана на крупномасштабных профессиональных инженерных организациях. Они обладают достаточными знаниями в области фундаментальных и прикладных исследований и распространяют свои услуги, создавая инженерные филиалы по всему миру.

2. Немецкая модель инжиниринга. Инжиниринговые компании не имеют специального центра для управления эффективностью инжиниринговой деятельности и обмена опытом, накопленным в их отрасли. Характерен «промышленный инжиниринг», который характеризуется управлением подготовкой работ, организацией труда и распределением времени.

3. Китайская модель инжиниринга. Китайская промышленность производит более 40% мировой инновационной продукции. Машиностроение характеризуется традиционной многоцентровой агломерацией. В определенных районах (оффшорных зонах) это создало необходимые условия для создания и развития инжиниринговых организаций. Особенностью модели является то, что затраты на инновации самые низкие. Благодаря созданному имиджу и большому количеству предоставленных возможностей трудоустройства, в т. ч. на мировом рынке инжиниринговых услуг, создана инфраструктура, необходимая другим странам.

4. Индийская модель инжиниринга. Индия является ведущим мировым центром морского инжиниринга. Нынешний процесс зародился в начале 21 века, когда Индия начала развивать инновационную инфраструктуру и готовить специалистов в этой области. Основными потребителями являются Европа и Северная Америка, а конкурентами – Китай и Тайвань. Характерна инновационно-ориентированная политика оффшорных центров разработки (формирование инновационных кластеров/экосистем), ориентированная на весь инновационный цикл, в котором инженерное дело существует на всех этапах.

Таким образом, когда вопрос о сущности инжиниринговой деятельности стал ясен, стоит разобраться, собственно, с юридической стороной вопроса, которая и представляет собственно предмет данной работы.

В целом, договор инжиниринга – это гражданско-правовой договор, по которому одна сторона (исполнитель) по заказу другой стороны (заказчика) проводит комплекс предпроектных, проектно-конструкторских, опытных и экспериментальных работ, а также оказывает услуги организационного и технического характера, связанные со строительством промышленных объектов и поставками комплектного оборудования.

При заключении договоров на оказание инжиниринговых услуг заказчик испытывает необходимость не только в строительстве какого-либо промышленного объекта (что охватывается договорной конструкцией подряда) и в осуществлении какой-либо исследовательской деятельности на выбор заказчика. Заказчик желает получить от исполнителя договора содействие в изучении рынка, расчета рентабельности предприятия, освоении полученных в результате исследований технологий, подготовке кадров и т. д.

Развитие инжиниринга побудило осуществить систематизацию его видов, классифицировать услуги, оказываемые в рамках данных соглашений.

Также стоит рассмотреть следующий аспект: как соотносится договор инжиниринга с договором подряда или договором оказания услуг? При определенных условиях он может быть отнесен как к первому, так и ко второму, в зависимости

от конкретных требований к заказчику. В таком случае договорная конструкция остается крайней размытой, вносящей неопределенность в правоотношения сторон. Но возможно, что договор инжиниринга стоит выделять не по конкретной деятельности (работ, услуг), а по тому в какой сфере складываются отношения. Если говорить точнее – если отношения складываются вокруг промышленного объекта и соотносятся с теми признаками, характерными для договора инжиниринга, которые выделялись нами ранее – то это договор инжиниринга. Существует потребность в обеспечении гарантированности прав сторон договора инжиниринга, можно определенно сделать вывод, что законодательно требуется выделить его как отдельную договорную конструкцию с учетом особенностей складывающихся в его рамках отношений, т. к. существующие договоры не способны в полной мере защитить права сторон, гарантировать выполнение обязанностей контрагентами и т. д. Но все же мы считаем, что, если на текущем этапе законодатель посчитает нецелесообразным выделять договор инжиниринга как самостоятельную договорную конструкцию, то более верным и разумным будет применять к отношениям между сторонами именно нормы о подряде, что в большей мере соответствует сущности складывающихся между сторонами отношений.

Делая выводы, стоит подчеркнуть важность необходимости правового регулирования деятельности инжиниринговых компаний и рынка инжиниринга. Результатом одного из исследований стал вывод о том, что отсутствие контроля качества и заботы о безопасности в области инжиниринга может препятствовать росту рынка инжиниринговых услуг [2]. Дефекты и сбои в строительных работах влекут большие затраты на их устранение, причем такая перестройка в целом затрудняет работу над объектом. Именно неэффективный внутренний контроль и мер безопасности увеличивают затраты и издержки, снижают общее качество работ. Компаниям приходится тратить большие средства как на техническое обслуживание, так и на бюджетирование разработки новых и передовых методов решения проблем безопасности и контроля. Нам видится эффективным решением вопроса принятием законодателем мер по организации правового регулирования данной отрасли, что снизит текущую нагрузку компаний по ряду такого рода вопросов, а также позволит устранить те издержки, которые несут субъекты инжиниринговой деятельности в силу правовой неопределенности в данной области.

Помимо этого, для обеспечения стабильности гражданского оборота, защищенности прав сторон, необходимо осуществлять дальнейшее правовое регулирование в инженерной и промышленной сфере, что позволит в большей мере гарантировать устойчивое развитие соответствующих отношений.

Пристатейный библиографический список

1. Иванов С. В. Развитие сотрудничества России и Китая в горнорудной промышленности // Проблемы современной экономики. Евразийский международный научно-аналитический журнал. - 2011. - № 4 (40). - С. 102-105.
2. Иванова С. В., Сотников А. В., Тарановская Е. В. Тенденции рынка инжиниринговых услуг // Российский внешнеэкономический вестник. - 2022. - № 8. - С. 54-60.

СТЕПАНОВА Татьяна Александровна

аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права Новосибирского государственного института экономики и управления (НГЭУЭ)

НАСЛЕДСТВЕННОЕ ПРАВОПРЕЕМСТВО В ОТНОШЕНИИ ЦИФРОВЫХ ПРАВ

Бурное развитие цифровых технологий, повсеместное внедрение во все сферы жизнедеятельности искусственного интеллекта порождает новые вопросы, требующие надлежащей нормативной проработки. Одним из законодательных нововведений стало включение в число объектов гражданских прав цифровых прав, поименованных в качестве таковых в законе. В настоящее время формируется законодательная база для обеспечения оборонеспособности цифровых прав в нашей стране. Однако некоторые вопросы уже сегодня остро стоят перед правоприменителями. Одним из таких вопросов является вопрос наследования цифровых прав, который законодателем не урегулирован. В статье рассмотрена возможность перехода цифрового права в порядке наследования при действующем нормативном регулировании цифровых прав в России.

Ключевые слова: наследование, обязательства, цифровые права, распределенный реестр, информационная система, обладатели цифрового права, оператор информационной системы.

STEPANOVA Tatiana Alexandrovna

postgraduate student of Civil and business law sub-faculty of the Novosibirsk State Institute of Economics and Management (NGEUE)

HEREDITARY SUCCESSION IN RELATION TO DIGITAL RIGHTS

The rapid development of digital technologies, the widespread introduction of artificial intelligence into all spheres of life generates new issues that require proper regulatory study. One of the legislative innovations was the inclusion of digital rights, named as such in the law, among the objects of civil rights. Currently, a legislative framework is being formed to ensure the defense capability of digital rights in our country. However, some issues are already acute for law enforcement today. One of such issues is the issue of inheritance of digital rights, which is not regulated by the legislator. The article considers the possibility of the transition of digital law in the order of inheritance under the current regulatory regulation of digital rights in Russia.

Keywords: inheritance, obligations, digital rights, distributed registry, information system, holders of digital rights, information system operator.

Законодатель наследственное правопреемство в отношении цифровых прав обходит стороной. В научной среде эта тема также практически не рассматривается, поскольку все еще на страницах печати идет активная дискуссия относительно самой правовой сущности цифровых прав. Вместе с тем, во всем мире интерес к цифровым активам только возрастает, их оборот с каждым днем увеличивается, растет и число сделок, совершаемых с цифровыми активами. Но, как говорил М. Булгаков, «Человек смертен, и это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен...». В этой связи становятся все более актуальными вопросы наследования цифровых прав. Требуют проработки определение состава цифровых прав, которые могут входить в наследственную массу, установление цифровых активов, принадлежащих наследодателю на момент его смерти, установление прав наследников на цифровые права, их раздел в соответствии с наследственным законодательством между наследниками, а также выдел обязательственной доли в наследстве и многие другие. Решение обозначенных вопросов осложнено техническими особенностями распределенных реестров и трансграничным характером построения их системы, поэтому наследование цифровых прав – одна из острых проблем во всем мире. Российские суды еще не сталкивались с практикой разрешения споров о наследовании цифровых прав, но, представляется, что в скором времени это будет неизбежно, поскольку поколение «цифровых технологий» будет приближаться к возрасту смертности.

Учитывая частноправовой характер наследственных правоотношений их урегулирование применительно к цифровым правам должно происходить на внутригосударственном уровне.

Если исходить из общих положений законодательства о замене стороны в обязательстве, то правопреемство обуслов-

лено наличием двух основных критериев: имущественный или неимущественный характер; наличие или отсутствие привязки к личности [1, с. 163].

Учитывая, что цифровые права, в соответствии с законодательством, есть обязательственные или иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы [2, с. 61], они носят имущественный характер и не имеют привязки к личности. Следовательно, несмотря на сложность и неоднозначность их правовой природы, применительно к цифровым правам замена субъекта осуществима, что является основанием для реализации наследниками прав в отношении цифровых объектов путем вступления в соответствующие правоотношения, поскольку права и обязанности участника, как имущественных, так и обязательственных правоотношений не прекращаются смертью и переходят в порядке правопреемства.

Наследование цифровых финансовых активов осуществляется в том же порядке, что и универсальное правопреемство с последующей выдачей свидетельства о праве на наследство. Как отмечает Т. В. Ярошенко «отличие будет заключаться лишь в запросе сведений о праве на цифровые активы со стороны нотариуса. Сама процедура наследования будет схожа с общей процедурой наследования имущества умершего» [3, с. 24].

В соответствии со ст. 1112 ГК РФ «в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности», из чего следует, что законодателем перечень имущественных прав и обязанностей остается открытым.

Следует отметить, что имущественные права и имущественные обязанности составляют разные части наследствен-

ной массы, в этой связи возникает вопрос что включается в наследственную массу применительно к цифровым активам, права или обязанности по нему?

При ответе на этот вопрос следует исходить из того, что любое обязательственное правоотношение порождает, как права, так и обязанности для сторон. Не исключение и правоотношения, возникающие по поводу оборота цифровых прав, соответственно, по правилам ст. 1112 ГК РФ наследники получают права по заключенной сделке с цифровыми правами, например, право требовать передачи вещи. Но поскольку цифровое право удостоверяет и право на другой объект, открытым остается вопрос о том, что включается в наследственную массу: сам цифровой актив или обозначаемый им иной объект (например, вещь или исключительное право).

Представляется целесообразным в свидетельстве о праве на наследство включать указание на сам цифровой актив и право, требование которого предоставлено цифровым правом, подтверждающим тот объем правомочий, который предоставляет цифровой актив. Иное решение может привести к утрате наследниками части наследственного имущества в виде цифровых активов наследодателя.

Для формирования текста свидетельства о праве на наследство в случае изменения состава цифровых активов наследодателя можно провести аналогию с договором банковского вклада, основной целью которого является получение дохода в виде процентов, а объектом также являются имущественные права, к которым статьей 128 ГК РФ отнесены и бездокументарные ценные бумаги. «Практика выдачи свидетельств о праве на наследство по таким договорам сложилась. Свидетельство выдается на право на денежные средства с причитающимися процентами, а в тексте свидетельства также указывается остаток денежных средств на дату смерти и на дату ответа на запрос нотариуса, ввиду того что на денежные средства, находящиеся во вкладе в банке, начисляются проценты» [3, с. 26].

Положительным моментом для наследования цифровых прав является указание в законе на то, что переход цифрового права на основании сделки не требует согласия лица, обязанного по такому цифровому праву, что, безусловно, облегчает вопрос вступления наследников. Вместе с тем, в соответствии со ст. 141.1 ГК РФ, п. 7 ст. 8 федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» существование цифрового права, а также его оборот возможно только в рамках инвестиционной платформы, в этой связи структура обязательства, возникающего из цифрового права, является, в отличие от классического обязательства, трёхсторонней. В нем есть кредитор – обладатель цифрового права, то есть лицо, правомочное осуществлять право требования, есть должник, на которого возложена обязанность передачи объекта цифрового права, и есть оператор информационной платформы, в рамках которой осуществляется эмиссия и оборот цифрового права, обеспечивающий доступ к такой системе, он же является обязанным лицом одновременно и перед кредитором, и перед должником.

Учитывая данные особенности, основанием для выдачи свидетельства о праве на наследство на цифровые права является тот факт, что смертью обладателя цифрового права он не утрачивает статус пользователя инвестиционной платформы, следовательно, на день смерти наследодателю принадлежали не только цифровые активы, но и право требования по договорам, заключенным с оператором информационной платформы, которое также переходит к наследникам в порядке универсального правопреемства.

Однако для вступления наследников в обязательство им должны быть известны идентификационные и Аутентификационные данные наследодателя [4, с. 112].

Наследодатель может указать эти данные в завещании, указав также, кому и в каком количестве будут переданы цифровые права после его смерти.

В том же случае, если такие данные известны, каким образом будут разделены принадлежащие наследодателю цифровые права между всеми наследниками не ясно. Предполагается, что этот вопрос мог бы быть решен путем регистрации наследников в информационной системе и передачи им цифровых активов в соответствии с их долей в наследстве. Однако для регистрации в информационной системе, Правилами этой системы устанавливаются требования, предъявляемые к пользователям. И, если кто-либо из наследников таким требованиям не отвечает, возможность распоряжения цифровым имуществом у него отсутствует.

Таким образом, технические особенности оборота цифровых прав осложняют как установление факта наличия у наследодателя цифрового актива, так и доступ наследников к нему, поскольку отсутствие у наследников идентификационных и Аутентификационных данных доступа в информационную систему автоматически означает отсутствие у наследника и цифрового права [5, с. 12].

Урегулирование вопроса перехода цифровых прав в порядке наследования только посредством законодательной регламентации не представляется возможным, поскольку для этого необходимо решать и технические вопросы, касаемые функционирования информационной системы [6, с. 30]. И если вопрос обнаружения на момент смерти наследодателя в его обладании цифровых прав можно решить путем возложения на оператора информационной системы обязанности предоставления сведений о пользователях по нотариальному запросу, в силу существования в российской правовой системе презумпции доступа оператора информационной системы к размещенной в ней информации, то предоставить наследникам доступ к цифровым правам без владения ими информацией, предоставляющей доступ к «личному кабинету» и «кошельку» наследодателя, на сегодняшний день технически невозможно.

Пристатейный библиографический список

1. Ходырева Е. А. Право наследования в гражданском праве России: монография. - Москва: Статут, 2022. - 386 с.
2. Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. - Москва: Издательство «4 Принт», 2020. - 304 с.
3. Ярошенко Т. В. Гражданско-правовая характеристика цифровых активов: актуальные вопросы / Т. В. Ярошенко // Нотариус. - 2022. - № 8. - С. 23-26.
4. Бычков А. Транзакции с криптоактивами и их правовая защита / А. Бычков // Новая бухгалтерия. - 2018. - № 4. - С. 100-127.
5. Яценко Т. С. Наследование цифровых прав // Наследственное право. - 2019. - № 2. - С. 11-14.
6. Панарина М. М. Наследование аккаунта в социальных сетях и вопросы цифрового наследования: правовое исследование // Наследственное право. - 2018. - № 3. - С. 29-30.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-4-179-181-182

ХУРТОВ Михаил Сергеевич

аспирант Института права Уфимского университета науки и технологий

ФЕДУЛИН Елисей Андреевич

ООО «Интеллектуальные системы» главный специалист отдела обеспечения производства

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ СОБСТВЕННИКОВ И ИНЫХ ВЛАДЕЛЬЦЕВ СОСЕДНИХ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ*

В статье рассматриваются тенденции развития способов защиты соседских правоотношений в Российской Федерации. Показано, что для совершенствования способов защиты соседских правоотношений, законодателю требуется разработать документ комплексного характера, определяющего правила «взаимодействия» соседских правоотношений и публично-правовых норм (их гармонизацию).

Ключевые слова: соседское право, ограничение права собственности в интересах соседей, вещное право, сервитут, право собственности.

KHURTOV Mikhail Sergeevich

postgraduate student of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology

FEDULIN Yelisey Andreevich

LLC "Intelligent Systems" Chief specialist of the Production support Department

CIVIL LAW PROTECTION OF THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF OWNERS AND OTHER OWNERS OF NEIGHBORING LAND PLOTS**

The article discusses the development trends of ways to protect neighbor legal relations in the Russian Federation. It is shown that in order to improve the ways of protecting neighborly legal relations, the legislator needs to develop a document of a complex nature that defines the rules for the "interaction" of neighborly legal relations and public law norms (their harmonization).

Keywords: neighbor law, restriction of property rights in the interests of neighbors, real right, servitude, property right.

Новым направлением для отечественной цивилистики, но и в то же время давно известной мировой юридической науке является тема защиты «соседских правоотношений» [1, с. 39]. Со страниц научных журналов, а также и из уст практиков звучат идеи о необходимости нововведения в российскую правовую систему мер правового регулирования и защиты соседских правоотношений [4, с. 78].

Так, например, в актах арбитражного суда отмечается, что рассматриваемый судом спор относится к категории соседских правоотношений, которое неизвестно российскому законодательству [2, с. 84]. Между тем, обращая внимания на вопрос о защите некоего соседского права как субъективного права, необходимо выделить следующее. В системе гражданских прав не существует самостоятельного субъективного соседского права. Соседские правоотношения не могут предоставлять субъекту никаких иных, помимо установленных законом, возможностей, входящих в содержание права собственности. По своему содержанию соседские правоотношения по своей природе распространяют на всех участников (собственников и владельцев пограничных земельных участков) требования, установленные законом претерпевать допустимое воздействие, со стороны пограничного земельного участка и соблюдать запреты. Такая категория как «способы защиты соседских правоотношений» представляет собой способы и средства правового регулирования, направленные

на восстановление права собственности лица и ограничения прав его соседа.

Стоит отметить, что, разрабатывая такую категорию как «способы защиты прав в соседских правоотношениях» можно сделать вывод, что речь идет о применении специальных материальных и процессуальных средств правового регулирования, направленных на:

- прекращение определенных действий (деятельности) соседа, запрещенных законом (например, физическое изменение характеристик земельного участка, приводящих к аналогичным последствиям для соседнего земельного участка);
- прекращение действий (деятельности) соседа, которые выходят за рамки допустимого воздействия;

Полагаем, что применение указных средств защиты возможно путем предъявления негаторного иска. В связи с этим следует поддержать законопроект об изменении Гражданского кодекса РФ, а именно положение о том, что если воздействие со стороны соседнего земельного участка превышает установленные пределы, то собственник соседнего земельного участка вправе потребовать устранения препятствий в пользовании своим земельным участком, то есть имеет права заявить негаторный иск (ст. 230 Проекта).

Важным аспектом, на котором следует акцентировать внимание, является объем, в котором могут быть удовлетворены требования соседа по негаторному иску: возможно ли в рамках данного иска не только потребовать устранить препятствия в пользовании земельным участком, но и возместить причиненные таким вторжением имущественные потери. (Например, из-за действия собственника был разрушен забор соседа, обломки которого повредили также другое строение. Вправе ли лицо в рамках негаторного иска потребовать восстановления разрушенного забора, а также компенсации убытков на восстановления поврежденного

* Тужилова-Орданская Елена Марковна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права Института права Уфимского университета науки и технологий.

** Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna, Ph.D. in Law, professor, Head of Civil law sub-faculty of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology.

строения?) Данную проблему рассматривает С. А. Сеницын, который приводит любопытную практику Германского суда, согласно ей, суд как принуждает ответчика (соседа) устранить неправомерное воздействие, так и налагает обязанность возместить убытки, причиненные таким воздействием. Автор обозначает спорную природу такого подхода и указывает на природу негаторного иска, заключающейся лишь в обязанности устранить причину негативного воздействия без обязанности возместить причиненные убытки [3, с. 12]. Е. А. Суханов также считает, что последствием удовлетворения негаторного иска является запрет на совершения определенных действий или обязанность по их устранению. Требование о возмещении убытков по своей правовой природе является деликтным иском и не могут быть заявлены в рамках негаторного иска¹.

Данная позиция представляется верной и аргументированной, поскольку негаторный иск всегда направлен на устранение возникших препятствий в пользовании имуществом и не предполагает возмещения имущественного вреда. Именно путем применения негаторного иска будет обеспечиваться защита участников соседских правоотношений, так как его содержание запрещает действие со стороны собственника соседнего земельного участка или в свою очередь препятствует его продолжению, тогда как иск о возмещении ущерба не может обязывать соседа к совершению указанных действий. Однако деликтный иск может быть заявлен вместе с негаторным.

Применение иска об истребование имущества из чужого незаконного владения (виндикация) в соседских правоотношениях невозможна так как отсутствует сам факт выбытия вещи (земельного участка) из владения, а также существенно отличаются правовые последствия удовлетворения данного иска от последствий удовлетворения негаторного иска.

Существует ряд правовых последствий удовлетворения указанных видов исков. С. А. Сеницын, указывает что негаторный иск направлен на воспрепятствование определенному воздействию, а не на предоставление вещи². Таким образом, анализируя положения законопроекта стоит сделать следующий вывод, защита прав собственника (соседа) при их нарушении, не порождает какого-либо нового способа гражданско-правовой защиты. Права должны быть восстановлены только путем удовлетворения негаторного иска, т.е. при устранении преград, препятствующих осуществлению соседом своих прав. Следует также обратить внимание, что в действительности частноправовая сфера соседских правоотношений, которая должна регулироваться нормами частного права, шире, чем изложенная в Проекте изменений ГК РФ, предусматривающая категорию «соседских правоотношений». В связи с нынешним технологическим прогрессом нельзя никак исключать возникновение споров между соседями по таким поводам как шум от летательных аппаратов, как пилотируемых, так и беспилотных (дронов), которые уже сейчас активно применяются для различных целей; распыления на земельном участке генно-модифицированных элементов, и т.п. Возникает вопрос, необходимо ли законодательное закрепление указанных ситуаций в нормах ГК, посвященных соседским правоотношениям? Стоит предположить, подобные споры будут разрешаться при помощи негаторного иска, поэтому отдельного правового регулирования не требуют, так как наличие самого факта вторжения в сферу права собственности другого лица само по себе незаконно.

Рассматривая российскую судебную практику, можно обнаружить что суды при разрешении споров применяют

нормы публичного права. При этом разрешения конфликта основывается на том обстоятельстве, нарушены ли специальные нормы и правила (СНиП, санитарно-эпидемиологические нормы и правила): если факт нарушения выявлен, то суд выносит решение о ведении определенных санкций в отношении ответчика. Как правило, суды применяют такой подход: если отсутствуют формальные нарушения норм публичного права и нет оснований для защиты прав соседа. Однако, если строение, на земельном участке которое используется для содержания домашней птицы, будет расположено в 4 метрах, а не в 3 метрах от соседнего участка, то мало вероятно, что запах исходящий от него будет доставлять меньше неудобств, а интересы соседа соблюдены³.

Законодатель уделяет особое внимание воздействию, которое исходит с соседнего участка: а именно от характера этого воздействия будет зависеть, подлежит иск удовлетворению или нет. Проект изменений ГК РФ содержит общие требования и правила о необходимости претерпевания воздействия незначительного характера со стороны соседа, в случае же их превышения, сосед имеет права с негаторным иском обратиться в суд (ст. 293 Проекта).

Подводя итог, считаем, что следует уделять внимание не разработке новых стандартов, а надлежащему применению уже существующих, а также формированию единообразия судебной практики в Российской Федерации. В рамках частноправового регулирования было бы положительным моментом для правоприменительной практики создание комплексного документа, определяющего правила «взаимодействия» норм, регулирующих соседские правоотношения и публично-правовых норм (их гармонизацию), особенности и порядок оценки воздействий, определения существенности и несущественности, а также иные отдельные аспекты, на которые нужно обратить внимание судьям, и т. д. При этом данный документ не должен устанавливать минимальные и максимальные пределы воздействий, точный порядок расчета и измерения их влияний – это уже предусмотрено в стандартах, достаточно указания ссылки на них. Этот документ будет нацелен в первую очередь на судей, а не на экспертов. В нем должны быть отражены тонкости, особенности квалификации и порядок определения существенного воздействия.

Пристатейный библиографический список

1. Емелькина И. А., Курмаева Ю. Д. Особенности гражданско-правовой защиты интересов собственников и иных владельцев соседних земельных участков // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2016. - № 12. - С. 39-49.
 2. Сеницын С. А. Негаторный иск в российском и зарубежном праве // Журнал российского права. - 2014. - № 4 (208). - С. 84-101.
 3. Суханов Е. А. О видах субъективных гражданских прав и о пределах их осуществления // Вестник гражданского права. - 2019. - №4. - С. 12-15.
 4. Шубин Ю. П. Указ. соч.; Его же. Разрешение земельных споров, вытекающих из отношений соседского права // Публичная власть. 2014. - № 8. - С. 78-81.
-
- 1 Определение ВС РФ от 21.03.2012 № 88-АПГ12-1. СПС «КонсультантПлюс».
 - 2 Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 30 июня 2010 г. № КГ-А41/6419-10 по делу № А41-36794/09. СПС «КонсультантПлюс».
 - 3 Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 30 июня 2010 г. № КГ-А41/6419-10 по делу № А41-36794/09. СПС «КонсультантПлюс».

БИРЮКОВА Вероника Александровна

студент Казанского филиала Российского государственного университета правосудия

ХАСАНШИНА Флуса Гатовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса Казанского филиала Российского государственного университета правосудия

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАНИИ ЕДИНСТВЕННОГО ЖИЛЬЯ ГРАЖДАНИНА-ДОЛЖНИКА «РОСКОШНЫМ»

Статья посвящена проблемным вопросам признания единственного жилья гражданина-должника «роскошным». На основе анализа нормативных актов и судебной практики обосновывается возможность снятия исполнительного иммунитета с единственного жилья должника и включение его в конкурсную массу при условии признания такого жилого помещения роскошным. Сделана попытка формулирования критериев для определения единственного жилья должника в качестве «роскошного».

Ключевые слова: «роскошное» жилье, реализация единственного жилья, несостоятельность, исполнительный иммунитет.

BIRYUKOVA Veronika Alexandrovna

student of the Kazan branch of the Russian State University of Justice

KHASANSHINA Flusa Gatovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil process sub-faculty of the Kazan branch of the Russian State University of Justice

ON THE ISSUE OF RECOGNIZING THE ONLY HOUSING OF A CITIZEN-DEBTOR AS "LUXURY"

The article is devoted to the problematic issues of recognizing the only housing of a citizen-debtor as "luxury". Based on the analysis of regulations and judicial practice, the author substantiates the possibility of removing executive immunity from the debtor's only housing and including it in the bankruptcy estate, provided that such housing is recognized as luxurious. An attempt was made to determine the criteria for determining the only housing of the debtor as "luxury".

Keywords: "luxury" housing, the implementation of the only housing, insolvency, executive immunity.

По мнению ряда ученых, впервые понятие «банкротство» упоминается еще в Русской Правде XI-XII вв. В зависимости от критериев виновности выделяли следующие виды банкротства: несостоятельность по основаниям, не зависящим от должника; по неосторожности; злостное банкротство. В современном понимании процедура банкротства стала применяться после принятия Указа Президента Российской Федерации от 14.06.1992 № 623 «О мерах по поддержке и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применению к ним специальных процедур». Вышеуказанный акт действовал до принятия Закона РФ от 19.11.1992 № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий». Возможность признания несостоятельными и использования процедур банкротства в отношении физических лиц было установлено в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» от 08.01.1998 № 6-ФЗ. Такие же нормы были закреплены и в ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (далее – Закон о банкротстве). Применение норм о несостоятельности (банкротстве) в отношении граждан, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя, стало возможным с октября 2015 года.

В современной России сформировано следующее понятие несостоятельности (банкротства): неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, а также при наличии требований по выплате выходных пособий, по оплате труда работников, осуществляющих свою деятельность на основании трудового договора, по уплате обязательных платежей, что было признано арбитражным судом в порядке арбитражного судопроизводства или признано в порядке внесудебной процедуры несостоятельности гражданина¹.

Сейчас институт банкротства активно применяется физическими и юридическими лицами. В соответствии с данными Единого федерального реестра сведений о банкротстве,

по состоянию на 1 января 2023 года 816 336 физических лиц и 164 459 юридических лиц признаны несостоятельными (банкротами).

Однако, несмотря на широкое применение института несостоятельности (банкротства), в действующем законодательстве по-прежнему существуют пробельные аспекты.

Последствием признания физического или юридического лица несостоятельным является реализация движимого и недвижимого имущества должника с публичных торгов с целью удовлетворения требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов.

Однако, в соответствии с нормами действующего законодательства, не все имущество должника-гражданина может быть реализовано для дальнейшего удовлетворения требований кредиторов.

Так, по общему правилу, в силу статьи 446 ГК РФ, закреплен запрет на обращение взыскания на жилое помещение в случаях, если такое помещение или его часть для должника и для совместно проживающих с ним членов его семьи, является единственным пригодным для постоянного проживания помещением (за исключением случаев, когда взыскание производится на жилое помещение, заложенное по договору ипотеки)². По отношению к такому имуществу действует исполнительский иммунитет. Данные положения применяются и при проведении процедуры несостоятельности (банкротства), что позволяет их исключить из конкурсной массы.

Однако, после введения в действие норм Закона о банкротстве в отношении граждан, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя, перед судами все чаще ставал вопрос о включении единственного жилья в конкурсную массу, при этом такая возможность рассматривалась при условии, что такое жилое помещение признавалось «роскошным». Понятие же «роскошное» жилье в действующем законодательстве отсутствует, также отсутствуют критерии, на

1 Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (последняя редакция) // Российская газета. – № 209-210. – 2 ноября 2002 г.

2 Часть 4 Гражданского Кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2006 года № 230-ФЗ (последняя редакция) // Российская газета. – № 289. – 22 декабря 2006 г.

основании которых жилое помещение может быть отнесено к категории «роскошное». В настоящее время такие критерии установлены только судебной практикой.

Так, Верховный Суд Российской Федерации указал, что под роскошным жильем понимается недвижимость, явно превышающая уровень, достаточный для удовлетворения разумной потребности гражданина-должника и членов его семьи в жилище³.

Законодательно закреплена возможность снятия исполнительского иммунитета с единственного жилья должника и включение его в конкурсную массу при условии признания такого жилого помещения роскошным стало возможным после принятия Конституционным Судом РФ Постановления от 26.04.2021 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина И. И. Ревкова».

В этом же Постановлении Конституционным Судом РФ было указано на возможность снятия с единственного жилья должника исполнительского иммунитета при условии, что подобные действия не оставят должника и членов его семьи без жилища, пригодного для проживания с учетом норм предоставления жилья на условиях социального найма в пределах того же населенного пункта.

При этом, суд, при снятии исполнительского иммунитета в отношении единственного жилья должен исходить из соотношения величины долга с рыночной стоимости спорного жилого помещения, реализация которого в существенной части могло бы обеспечить требования кредиторов.

При применении указанного выше постановления Конституционного Суда Российской Федерации возникли ряд вопросов.

В частности, в соответствии с ч. 1 ст. 50 Жилищного кодекса Российской Федерации нормой предоставления площади жилого помещения по договору социального найма (далее – норма предоставления) является минимальный размер площади жилого помещения, исходя из которого определяется размер общей площади жилого помещения, предоставляемого по договору социального найма⁴.

Норма предоставления устанавливается органом местного самоуправления (часть 2 статьи 50 ЖК РФ). Федеральными и региональными законами, указами Президента РФ, могут быть установлены иные нормы предоставления для иных граждан. В связи с этим, возникает неопределенность, касаемая необходимости применения обозначенной Конституционным Судом Российской Федерации «нормы предоставления жилья на условиях социального найма», поскольку жилищным законодательством такие нормы дифференцированы для малоимущих граждан и иных категорий граждан, к которым, по общему правилу, должник в деле о несостоятельности не относится.

Если же взять в расчет общее правило о том, что норма предоставления устанавливается органом местного самоуправления, которая, например, в городе Казани Республики Татарстан составляет 18 кв. м. на одного человека⁵, то единственное жилье должника может быть включено в конкурсную массу и признано «роскошным» при условии, что площадь такой недвижимости значительно иликратно превышает площадь, необходимую для нормального существования самого гражданина-должника и членов его семьи и не

соответствует критерию обеспечения разумной потребности человека в жилище.

Помимо прочего, в силу пункта 3.2 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2021 г. № 15-П, Суды вправе отказать в распространении исполнительского иммунитета в отношении единственного жилья гражданам-должникам при наличии недобросовестности в действиях последних. Такие действия могут проявляться, в частности, в совершении должником действий, сделок и иных операций, реализации имущественных прав с целью придания искусственным путем такому жилью статуса единственного, чтобы в дальнейшем «защитить» его от включения в конкурсную массу путем приобретения им исполнительского иммунитета (в частности, осуществляя действия по сокрытию своего имущества, воспрепятствованию деятельности арбитражного управляющего и т.п.)⁶.

Исходя из этого, должнику может быть отказано в исполнительском иммунитете на единственное жилье в случаях, если он является недобросовестным должником.

Таким образом, на данный момент отсутствуют законодательно закреплённые критерии определения единственного жилья должника в качестве «роскошного», а те критерии, которые установил Конституционный суд в своем Постановлении, по нашему мнению, являются недостаточными.

На наш взгляд, необходимо закрепить в процессуальном законодательстве критерии определения единственного жилья должника в качестве «роскошного»; включить дополнительные критерии для определения жилья в качестве роскошного, например, установить: конкретный коэффициент превышения среднерыночной стоимости жилья и определенные критерии к заменяемому жилью (площадь, место расположения и т.д.).

Пристатейный библиографический список

1. Часть 4 Гражданского Кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2006 года № 230-ФЗ (последняя редакция) // Российская газета. – № 289. – 22 декабря 2006 г.
2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (последняя редакция) // Российская газета. – № 209-210. – 2 ноября 2002 г.
3. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (последняя редакция) // Российская газета. – № 1. – 12 января 2005 г. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29.10.2020 № 309-ЭС20-10004 по делу № А71-16753/2017. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf_ec.php?id=1939216 (дата обращения: 13.02.2023).
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 03.06.2019 № 305-ЭС18-26429 по делу № А41-20557/2016. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72164642/> (дата обращения: 13.02.2023).
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.01.2018 № 310-ЭС17-14013. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-25012018-n-310-es17-14013-po-delu-n-a48-74052015/> (дата обращения: 13.02.2023).
6. Решение Казанской Городской Думы от 01.11.2006 г. № 4-12 (с изменениями на 16 августа 2022 года). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kzn.ru/content/upravlenie-naruzhnoy-reklamy/document/Normativnye%20akty%20v%20sfere%20naruzhnoy%20informatsii/pravila%20blagoustroystva%20poslednyaya%20versiya.pdf> (дата обращения: 13.03.2023).
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 03.06.2019 № 305-ЭС18-26429 по делу № А41-20557/2016. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72164642/> (дата обращения: 13.02.2023).

ГУЛЯЕВА Татьяна Борисовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процессуального права Поволжского филиала Российского государственного университета правосудия, доцент кафедры гражданского и международного права Нижегородского института управления, филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

ГНЕТОВА Людмила Валентиновна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного педагогического университета имени К. Минина, доцент кафедры экономики и права Павловского филиала Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

КАРПУКОВА Альбина Анатольевна

старший преподаватель кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного педагогического университета имени К. Минина

ГЛАЗОВА Виктория Олеговна

студент Нижегородского государственного педагогического университета имени К. Минина

ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ О ВРЕМЕННОМ НАЗНАЧЕНИИ АЛИМЕНТОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ДЕТЯМ ПО ЗАКОНАМ 1936 – 1937 ГГ. В РСФСР И СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИКАХ

В статье рассматриваются основные вопросы, возникающие в гражданском процессе при временном назначении алиментов несовершеннолетним детям в СССР по законам 1936 – 1937 гг. Рассмотрен механизм назначения «временных» алиментов, как в РСФСР, так и в отдельных союзных республиках. Авторами также обосновывается необходимость проведения судебного заседания в закрытом порядке при наличии определенных условий. В конце исследования сделаны категоричные выводы.

Ключевые слова: несовершеннолетние дети, брак, временное назначение алиментов, истец, ответчик, иск.

GULYAEVA Tatyana Borisovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil procedural law sub-faculty of the Volga Branch of the Russian State University of Justice, associate professor of Civil and international law sub-faculty of the Nizhny Novgorod Institute of Management, branch of the RANEPa under the President of the Russian Federation

GNETOVA Lyudmila Valentinovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of General history, classical disciplines and law sub-faculty of the K. Minin Nizhniy Novgorod State Pedagogical University, associate professor of Economics and law sub-faculty of the Pavlovsk branch of the N. I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

KARPUKOVA Albina Anatoljevna

senior lecturer of General History, classical disciplines and law sub-faculty of the K. Minin Nizhniy Novgorod State Pedagogical University

GLAZOVA Viktoriya Olegovna

student of the K. Minin Nizhniy Novgorod State Pedagogical University

FEATURES OF THE CONSIDERATION OF CIVIL CASES ON THE TEMPORARY ASSIGNMENT OF ALIMONY TO MINOR CHILDREN UNDER THE LAWS OF 1936 – 1937 IN THE RSFSR AND THE UNION REPUBLICS

The article deals with the main issues that arise in the civil process in the temporary assignment of alimony to minor children in the USSR according to the laws of 1936 – 1937. The mechanism for assigning “temporary” alimony, both in the RSFSR and in individual union republics, is considered. The authors also substantiate the necessity of holding a court session in camera under certain conditions. At the end of the study, categorical conclusions were drawn.

Keywords: minor children, marriage, temporary alimony, plaintiff, defendant, lawsuit.

Во все времена, при любой политической власти в стране ответственный законодатель уделял значительное внимание несовершеннолетним детям, нуждающимся в алиментном обеспечении, в том числе, когда родители были в брачных отношениях, или находятся в процессе его расторжения. В настоящем исследовании речь пойдет об особенностях рассмотрения гражданских дел о временном назначении алиментов несовершеннолетним детям по законам 1936-1937 гг. в РСФСР и союзных республиках.

Важное значение для определения размера алиментных обязанностей родителей имело постановление ЦИК и СНК от 27 июня 1936 г. [2]. Статьи этого постановления, касающиеся уплаты алиментов, были включены позже в кодексы всех союзных республик. Позже, согласно закону РСФСР от 10 мая 1937 г. по делам о взыскании с родителей алиментов на содержание детей, суд, одновременно с принятием искового заявления, выносил определение о том, в какой мере ответчик обязан был временно до решения спора нести расходы по содержанию несовершеннолетних детей [3]. Такое временное назначение алиментов допускалось в тех случаях, когда брак был зарегистрирован или когда ответчик был за-

писан родителем ребенка в органах записей актов гражданского состояния.

Временное назначение алиментов не только давало средства к жизни детям, с момента предъявления иска об алиментах, но и предоставляло суду полную возможность спокойно разобратся в гражданском деле.

Это, конечно не означало, что временно назначив алименты, у суда было право не торопиться с рассмотрением дела. Так же, как и в соответствии с современным Гражданским процессуальным кодексом, дела должны были разрешаться в установленные сроки.

Дела об отцовстве относились к самой ответственной категории гражданских дел и требовали к себе серьезного и вдумчивого отношения. Объявить кого-нибудь без достаточных оснований отцом, притом уклоняющимся от своих обязанностей, было не допустимо, т.к. это могло разрушить семейную жизнь ответчика.

Рассмотрим основные условия назначения «временного» содержания.

Первым условием «временного присуждения» алиментов являлась официальная регистрация брака в органах

ЗАГС между матерью ребенка и ответчиком. Регистрация брака создавала законное предположение или презумпцию, что отцом являлся ответчик. Но такое предположение имело место только в том случае, если зарегистрированный брак существовал в момент зачатия ребенка или, по крайней мере, был близок к моменту зачатия. Но если ребенок родился, например, через 5-6 лет после развода, то существование между сторонами зарегистрированного брака в свое время не могло служить основанием для предположения, что отцом мог являться именно ответчик.

Второе условие, при котором допускалось временное присуждение алиментов сводилось к тому, чтобы ответчик был записан отцом в органах ЗАГС. На первый взгляд может показаться, что такая запись не является серьезным основанием для того, чтобы предполагать, что именно ответчик являлся отцом ребенка. Но алиментная практика судов показывала, что в подавляющем большинстве случаев эти записи были правильными. После рождения ребенка мать переживала огромное событие, происшедшее в ее жизни, и настолько серьезно относилась к своим материнским обязанностям, что случаи лживого указания отца ребенка при его регистрации были очень редкими.

Эти соображения и послужили, на наш взгляд, основанием для новой редакции ст. 50 КЗоБСО РСФСР [1]. Недопущение временного присуждения алиментов нарушало бы жизненные интересы детей. От самого ответчика к тому же, в значительной мере, зависело предупреждение суда о применении ст. 50 Кодекса, если он считал, что ложно был указан отцом, так как не имел возможности немедленно после получения извещения из органов ЗАГС о записи его отцом, предъявить иск к матери, оспаривая отцовство и добиться разрешения этого иска в течение месячного срока, который был ему предоставлен для ответа ЗАГСу.

Рассмотрим механизм временного присуждения алиментов на несовершеннолетних детей в соответствии со ст. 50 КЗоБСО РСФСР [1].

Поскольку ст. 50 требовала, чтобы временное назначение алиментов было произведено одновременно с принятием искового заявления, можно сделать вывод, что это присуждение должно было производиться не в коллегиальном заседании, а единолично судьей в порядке, аналогичном обеспечению иска. Для обжалования определений судьи о временном назначении алиментов должен был применяться такой же порядок, как и для обжалования определений об обеспечении иска.

Что касается размера сумм, которые могли быть в этом порядке присуждены с ответчика, то размер этот должен был определяться судьей в пределах действительной необходимости, в соответствии с материальным положением сторон и не должен был превышать той доли заработка, которая могла взыскиваться с ответчика на содержание ребенка по закону от 27 июня 1936 г. [2].

Порядок временного присуждения алиментов, установленный ст. 50 КЗоБСО РСФСР был принят также и в КЗоБСО УзбССР (ст. 45).

Статья 214 ГПК УССР, ст. 37 КЗоБСО и ст. 195 ГрузССР допускали возможность такого присуждения по алиментным искам детей и супругов во всех случаях, когда это было необходимо.

Первое Всесоюзное совещание судебно-прокурорских работников по гражданским делам признало возможным применять временное назначение алиментов по аналогии ст. 24 КЗоБСО и соответствующими статьями кодексов других союзных республик во всех случаях, когда происхождение ребенка от ответчика было установлено в законном порядке (запись в книгах ЗАГС или судебное решение).

В отличие от других гражданских дел, явка ответчика в суд по делам о взыскании алиментов в пользу детей, а также по делам об отцовстве в РСФСР была обязательна.

Если ответчик не являлся к нему применяли принудительный привод сотрудниками милиции. Кроме того, при отсутствии уважительных причин неявки суд мог наложить штраф и сделать ответчика невъездным до разрешения дела.

По другим алиментным делам требование личной явки зависело от суда, который был вправе подвергнуть не явившегося ответчика приводу, но только после вторичного вызова с предупреждением в соответствии со ст. 101 ГПК РСФСР.

Статья 101а ГПК РСФСР дублировала ст. 105* ГПК УзбССР. Правило, по которому суд мог потребовать личной явки по алиментному делу, содержалось в ГПК всех союзных республик. В повестках ответчикам требование личной явки

должно было быть точно указано, равно как и должны были быть указаны последствия неявки.

Судебное заседание по алиментным делам проводилось в общем порядке. Особенностью его являлось то, что по этим делам, если они были связаны по спорам об отцовстве, суду приходилось нередко выяснять интимные обстоятельства из жизни сторон. При публичности рассмотрения этих обстоятельств многие истицы не являлись в суд. С другой стороны, их гласное рассмотрение, по нашему мнению, превращало суд в орудие воспитания граждан СССР.

По этой причине на основании ст. 95 ГПК РСФСР и соответствующих статей других союзных республик, суды стали проводить заседания в закрытом порядке, не ожидая ходатайства об этом заинтересованных лиц. Необходимо отметить, что в закрытом порядке рассматривалось гражданское дело только когда касалось вопросов личной жизни супругов. Остальная часть заседания проводилась в открытом порядке.

Разумеется, в заседаниях по алиментным делам суд должен был в полной мере осуществлять принцип инициативности и оказывать сторонам, в особенности стороне, заявившей на алименты, самую активную помощь в защите их прав и интересов, а также самостоятельно собирать необходимые для разрешения дела доказательства.

В результате исследования можно подвести итоги:

1. Временное назначение алиментов на несовершеннолетних детей осуществлялось при наличии двух условий: во-первых, официальная регистрация брака в органах ЗАГС между матерью ребенка и ответчиком; во-вторых, ответчик должен был быть записан отцом в органах ЗАГС
2. В соответствии с законами 1936-1937 гг. во всех союзных республиках допускалась возможность временного назначения алиментов на содержание несовершеннолетних детей до рассмотрения основного иска.
3. Явка ответчика в суд по делам о взыскании алиментов в пользу детей была обязательной, в случае неявки он подвергался приводу или штрафу.
4. При рассмотрении алиментного дела и наличии спора об отцовстве суд мог вынести постановление о его рассмотрении в закрытом порядке, если затрагивались интимные обстоятельства жизни сторон.

Пристатейный библиографический список

1. Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3552&dst=100010#uQs6HYToFqPqUE6l> (дата обращения: 16.05.2023 г.).
2. Постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://e-ecolog.ru/docs/9-QSnSKS8cEaCFHgxM_QW (дата обращения: 16.05.2023 г.).
3. ВЦИК СНК РСФСР Постановление от 10 мая 1937 г. «Об изменении действующего законодательства РСФСР в связи с Постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4106.htm (дата обращения: 16.05.2023 г.).
4. Журнал «Советская юстиция», юрид. изд-во НКЮ СССР. 1937. № 4. 60 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-4-179-187-188

КАЗАНКОВА Татьяна Николаевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса Самарского государственного экономического университета

БАРАБОШКИНА Анастасия Алексеевна

студент Института права Самарского государственного экономического университета

СПЕЦИФИКА ЭКСПЕРТНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматривается роль заключения эксперта в судебном процессе, исследуются преимущества и недостатки экспертного заключения в качестве доказательства в суде. Авторами научной статьи даются рекомендации по решению возникающих проблем, при назначении судебной экспертизы.

Ключевые слова: доказательства в судебном процессе, судебная экспертиза, эксперт, экспертное заключение.

KAZANKOVA Tatyana Nikolaevna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Civil and arbitration process sub-faculty of the Samara State University of Economics

BARABOSHKINA Anastasia Alekseevna

student of the Institute of Law of the Samara State Economic University

THE SPECIFICS OF AN EXPERT OPINION AS EVIDENCE IN A TRIAL

The article discusses the role of an expert opinion in a trial, examines the advantages and disadvantages of an expert opinion as evidence in court. The authors of the scientific article give recommendations on solving problems that arise when appointing a forensic examination.

Keywords: evidence in the trial, forensic examination, expert, expert opinion.

Каждый гражданин обладает правом обращения в суд за восстановлением нарушенного права. Основными задачами судопроизводства являются восстановление нарушенного права и законных интересов граждан, а также правильное и своевременное разрешение спора [4, с. 136]. Судьи являются профессионалами в правовой сфере и обладают знаниями в области права и процессуальных вопросов, однако они не могут иметь экспертных знаний во всех областях, которые могут возникнуть в рамках судебного процесса. Для правильного, объективного и всестороннего рассмотрения спора по различным категориям дел, судом назначается судебная экспертиза. Поэтому заключение эксперта является важным и актуальным элементом в судебном процессе, имеющим решающее значение для принятия судебного решения [6, с. 74-76].

Еще в 2010 г. Пленум Верховного Суда РФ № 28 от 21.12.2010 г. указал судам на необходимость использовать современные достижения науки и техники с целью разрешения вопросов, требующих проведения исследования с применением специальных знаний в ходе судебного разбирательства, путем назначения судебной экспертизы.¹

В процессе проведения судебной экспертизы, основанной на специальных научных знаниях, а также изучения материалов уголовных, гражданских, арбитражных и иных дел, устанавливаются факты и обстоятельства, которые могут быть использованы в качестве доказательств в судебном

процессе. Выполняются судебные экспертизы высококвалифицированными экспертами, с высшим образованием и необходимым опытом в конкретной сфере [1, с. 29].

Экспертное заключение - процессуальный документ, удостоверяющий оценку эксперта по конкретным вопросам, требующим специализированных знаний и опыта, которые не могут быть получены из других источников. Такой документ может признаваться судом как доказательство в виду того, что:

Во-первых: проводится лицом, которое имеет специальные знания и опыт в конкретной сфере, может дать объективную оценку представленным на исследование данным;

Во-вторых: обладает высокой степенью достоверности. Эксперт проводит свою работу на основе научных и фактических данных, которые делают его заключение более объективным и всесторонним, чем мнения и утверждения участников процесса;

В-третьих: эксперт не является заинтересованной стороной в деле. Заключение эксперта не зависит от мнения сторон, потому и является объективным [2, с. 66-68].

Так, заключение эксперта может являться доказательством в суде, поскольку может помочь суду получить независимую и объективную оценку по спорным вопросам, однако оно не является единственным и окончательным доказательством в судебном процессе. Судья может принять или отклонить заключение эксперта по ряду причин, например:

Казанкова Т. Н.

Барaboшкина А. А.

1 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 (ред. от 29.06.2021) «О судебной экспертизе по уголовным делам».

1. Эксперт обладает недостаточной квалификацией или знаниями в своей области;
2. Эксперт дает заключение, основанное на неполноте или неточности данных;
3. Аргументы эксперта обладают неубедительными или несостоятельными качествами;
4. Заключение эксперта не соответствует другим доказательствам, представленным в суде;
5. Эксперт действует неправомерно или принимает решение, основанное на личных убеждениях.

Примером случая отклонения судом заключения эксперта может служить дело «Магнитогорского террориста», происходившее в 2018 году. В данном деле обвиняемый был признан виновным в подготовке теракта в жилом доме в городе Магнитогорске, который произошел в декабре 2018 года и привел к гибели 28 человек.

В ходе судебного процесса была проведена судебно-психологическая экспертиза, с целью оценки психической устойчивости обвиняемого. Однако, заключение эксперта было отклонено судом, так как оно было признано недостаточно обоснованным и несостоятельным. Судом был сделан вывод о том, что экспертиза была проведена некомпетентным экспертом в данной области, а методика исследования не соответствовала стандартам.

В результате, было назначено повторное проведение экспертизы с привлечением более опытных и квалифицированных экспертов, что привело к изменению заключения экспертизы. Однако, такое решение привело к задержке в судебном процессе и дополнительным затратам на юридические услуги и проведение экспертизы.

Для решения проблем, возникающих при назначении экспертизы, важно следить за соблюдением действующего законодательства [3, с. 125-127]. Проведение судебной экспертизы в соответствии с особенностями определенных видов судопроизводства регулируется ФЗ от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Согласно этому закону, судебно-экспертная деятельность направлена на оказание помощи судам и судьям в принятии правильного решения по конкретному делу.²

Для того, чтобы избежать различных неприятных ситуаций при назначении экспертизы, судьям, а также участникам процесса необходимо:

- Выбирать правильного эксперта, имеющего необходимую квалификацию и опыт работы в данной сфере;
- Определить четкую цель экспертизы, вопросы, на которые должен ответить эксперт;
- Обеспечить контроль над процессом экспертизы, чтобы убедиться в том, что эксперт проводит исследование в рамках установленных требований;
- Своевременно представлять эксперту все необходимые документы и материалы, которые могут повлиять на исследование;
- Обеспечить контроль над результатами экспертизы и убедиться в том, что заключение эксперта соответствует поставленным вопросам, содержит в себе все необходимые данные;
- Обжаловать результаты экспертизы в судебном порядке, требовать проведения дополнительной экспертизы,

назначения другого эксперта, если кто-то из участников процесса не согласен с предыдущими результатами.

Однако, вопреки тому, что в ряде случаев заключение эксперта может быть отклонено в судебном процессе, оно все равно остается важным доказательством в судебном процессе. Так как суды тщательно подходят к выбору экспертной организации.

Сегодня сертификация судебных экспертов является значимым компонентом судебно-экспертной организации, которая подтверждает профессиональную квалификацию экспертов.

Для выбора экспертов экспертные организации могут использовать различные методы, включая анализ опыта работы, проведение собеседований, проверку квалифицированных документов и рекомендаций от других экспертов. Эксперт должен иметь высшее образование в соответствующей области знаний, обладать необходимыми знаниями и опытом работы, иметь уровень профессиональной репутации. Помимо квалификационных требований, эксперты должны соблюдать этические и процедурные нормы, такие как конфиденциальность, объективность, независимость, честность, прозрачность и ответственность.

Экспертные организации регулярно предоставляют возможность своим сотрудникам пройти повышение квалификации, пройти аттестацию. Все это обеспечивает актуальность экспертов, и их соответствие современным требованиям. Тщательный выбор и подготовка экспертов позволяет улучшить качество экспертиз, повысить доверие к результатам их работы в судебных делах, что является критически важным для судебных решений и правосудия в целом.

Таким образом, нужно сказать, что общество не стоит на месте, с каждым днем оно все более развивается и меняется, появляются новые технологии, которые применяются в производстве судебных экспертиз [5, с. 5-11]. Заключение эксперта, согласно действующему законодательству, представляется одним из возможных источников доказательств. Важно отметить, что ключевыми его качествами являются обоснованность и достоверность. Такое доказательство помогает принять суду верное решение, обеспечивая объективность и научность рассмотрения дела.

Пристатейный библиографический список

1. Хрусталева В. Н. Теория судебной экспертизы: учебное пособие. - Москва: КНОРУС, 2021. - 242 с.
2. Лазарева Д. В. Заключение эксперта как процессуальное доказательство // Известия Института систем управления СГЭУ. - 2019. - № 1 (19). - С. 66-68.
3. Борзенко Д. С. Заключение эксперта как источник доказательства // International Journal of Humanities and Natural Sciences. - 2020. - Vol. 3-2 (42). - С. 125-127.
4. Руднева Ю. В. Доступность правосудия в административном судопроизводстве // Евразийский Союз Ученых. - 2016. - № 2 (23). - С. 136-138.
5. Агаева Л. К., Курносоева Е. А. Оценка экономической безопасности Самарской области // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. - 2017. - № 3. - С. 5-11.
6. Литвин А. А., Губайдуллина Э. Х. К вопросу о злоупотреблении процессуальными правами в арбитражном процессе РФ // Гарантии прав в Российской Федерации и международном праве. Издательство: ООО «Аэтерна», 2017. - С. 74-76.

² ФЗ от 31.05.2001 №73-ФЗ (ред. От 01.07.2021) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

ЗАХАРОВА Ирина Валентиновна

старший преподаватель кафедры гражданского и предпринимательского права Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ», аспирант Юридического факультета Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ»

АДВОКАТУРА: ПРАВОВАЯ КОЛЛИЗИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ПО НАЗНАЧЕНИЮ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В современном обществе сфера услуг представителей достаточно широкая. Особое значение, с целью защиты прав и законных интересов субъектов гражданского права, имеет представительство в гражданском судопроизводстве, осуществляемое адвокатами по назначению суда.

В настоящей статье автор, являясь адвокатом, рассматривает правовые проблемы осуществления защиты прав и законных интересов лиц, в интересах которых судебный орган привлекает адвоката к участию в гражданском деле по назначению. Данные проблемы являются актуальными и их разрешение имеет практическое значение, поскольку в соответствии с действующим законодательством, государством гарантирована профессиональная правовая защита.

Ключевые слова: адвокат, адвокатская деятельность, гражданское судопроизводство, представительство по назначению, судебный процесс, защита прав и законных интересов, статья 50 ГПК РФ.

ZAKHAROVA Irina Valentinovna

senior lecturer of Civil and business law sub-faculty of the Novosibirsk State University of Economics and Management "NINE", postgraduate student of the Faculty of Law of the Novosibirsk State University of Economics and Management "NINE"

ADVOCACY: LEGAL CONFLICT OF REPRESENTATION BY APPOINTMENT IN CIVIL PROCEEDINGS

In modern society, the sphere of services of representatives is quite wide. Of particular importance, in order to protect the rights and legitimate interests of subjects of civil law, is the representation in civil proceedings carried out by lawyers on the appointment of the court.

In this article, the author, being a lawyer, examines the legal problems of protecting the rights and legitimate interests of persons in whose interests the judicial authority involves a lawyer to participate in a civil case by appointment. These problems are relevant and their resolution is of practical importance, since in accordance with the current legislation, the state guarantees professional legal protection.

Keywords: lawyer, advocacy, civil proceedings, representation by appointment, trial, protection of rights and legitimate interests, Article 50 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation.

В качестве представителей в судебных процессах выступают, в том числе адвокаты по назначению суда, при наличии оснований, предусмотренных ст. 50 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Однако, объем процессуальных прав адвоката в качестве представителя по назначению и представителя, действующего на основании соглашения с доверителем, существенно различается.

В соответствии со ст. 6 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», полномочия адвоката, участвующего в качестве представителя доверителя в конституционном, гражданском и административном судопроизводстве, а также в качестве представителя или защитника доверителя в уголовном судопроизводстве и производстве по делам об административных правонарушениях, регламентируются соответствующим процессуальным законодательством Российской Федерации¹. В связи с чем, согласно ч. 1 ст. 54 ГПК РФ, представитель вправе совершать от имени представляемого

все процессуальные действия². То есть, все те процессуальные действия, которые законом наделяет сам доверитель в качестве участника процесса.

Между тем, с целью реализации гарантированного Конституцией РФ права на судебную защиту, суд, на основании ст. 50 ГПК РФ, назначает адвоката в качестве представителя в случае отсутствия представителя у ответчика, место жительства которого неизвестно, а также в других предусмотренных федеральным законом случаях³. При этом, адвокату, назначенному судом в качестве представителя ответчика в случаях, предусмотренных настоящей статьей, предоставляется право обжаловать судебные постановления по данному делу.

Таким образом, законодатель, обозначив процессуальный статус лица, которому суд вправе назначить адвоката в качестве представителя-ответчика, соответственно, наделяет такого представителя всеми процессуальными правами ответчика, которые предусмотрены законом.

¹ Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ (с изм. внесенными Постановлением Конституционного суда РФ от 10.11.2020 № 49-П).

² «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 14.04.2023, с изм. от 26.04.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.04.2023).

³ Там же.

Процессуальные права участников процесса закреплены в ст.35 ГПК РФ, которые относятся к общим, то есть равными между всеми участниками⁴.

Однако, рассмотрим возможность реализации адвокатом предоставленных процессуальных прав ответчику, в рамках представительства по назначению.

Так, лица, участвующие в деле, имеют право представлять доказательства и участвовать в их исследовании, давать объяснения суду в устной и письменной форме; приводить свои доводы по всем возникающим в ходе судебного разбирательства вопросам.

Указанные процессуальные возможности ответчика, содержат в себе основной объем возражений против заявленного иска, без которого реализовать право на защиту своих прав и законных интересов, фактически, невозможно. Адвокат же, назначенный судом, в качестве представителя ответчика, место жительства, которого суду неизвестно, не имеет возможности реализовать данные права, поскольку не обладает достаточной информацией об обстоятельствах дела с точки зрения ответчика, у него отсутствует доступ к каким-либо доказательствам, которые может иметь его доверитель.

Адвокат, действуя в интересах своего, по сути, неизвестного ему, доверителя, не имея возможности для обсуждения позиции с ним, вынужден принимать и исходить только из тех данных, которые предоставляет истец и другие участники процесса. При этом, проверить каким-либо образом достоверность предоставленных сведений, предоставить суду опровергающие доказательства, адвокат также не имеет возможности.

Адвокат по назначению, в ходе судебного разбирательства лишен реальной возможности возражать относительно доводов других лиц, участвующих в деле, в связи с отсутствием у него информации относительно мнения своего доверителя.

При таких условиях, утверждать, что право на защиту прав и законных интересов ответчика реализуется через институт представительства, автор полагает, невозможно.

На практике, адвокат, назначенный по определению суда в качестве представителя ответчика, место жительства которого неизвестно, и соответственно, он не вступал в дело, не высказывал своего мнения относительно предъявленных к нему требований, знакомится с материалами дела и участвует в судебном заседании, обозначая позицию лишь непризнанием иска. Фактически, адвокат, присутствуя в судебном процессе, не обладает достаточными данными для полноценного опроса истца, свидетелей, иных участвующих в деле лиц.

Также, адвокат по назначению лишен возможности ходатайствовать о назначении экспертизы в рамках рассматриваемого гражданского дела, поскольку согласно требованию ст. 96 ГПК РФ, денежные средства подлежащие выплате экспертам вносятся на счет, открытый в порядке, установленном бюджетным законодательством Российской Федерации, соответствующего суда, стороной заявившей данное ходатайство. Лишь в случае, когда суд по собственной инициативе назначает экспертизу, оплата осуществляется за счет средств бюджета⁵.

⁴ Там же.

⁵ «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 14.04.2023, с изм. от 26.04.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.04.2023).

Таким образом, и это процессуальное право ответчика, не может быть реализовано адвокатом, назначенного в качестве представителя по назначению суда, в защиту прав и законных интересов его доверителя.

Кроме того, ответчик в гражданском судопроизводстве обладает и специальными права, которыми его наделяет законодатель в соответствии со ст. 39 ГПК РФ, а именно признание иска, заключение мирового соглашения⁶.

Между тем, во-первых, в отсутствие информации о позиции своего доверителя по предмету предъявленных истцом требований, адвокат не вправе признавать иск.

Во-вторых, законодатель не наделил адвоката, назначенного судом в качестве представителя ответчика место жительства которого неизвестно, правами, которые в соответствии со ст. 54 ГПК РФ, должны быть оформлены в доверенности. К таким правам относится право подписи искового заявления, отзыва на исковое заявление, право на отказ от иска, заключение мирового соглашения.

В связи с чем, и эти указанные процессуальные права ответчика не могут быть реализованы адвокатом назначенного по определению суда, даже несмотря на то, что это могло бы привести к благоприятному решению суда для его доверителя.

В результате анализа предоставленных законодателем процессуальных прав ответчику как стороне в гражданском судопроизводстве, которые реализуются адвокатом, назначенного судом в качестве представителя ответчика место жительства которого неизвестно, можно с уверенностью сказать, что адвокат не имеет возможности в полном объеме осуществлять защиту прав и законных интересов своего доверителя по назначению, поскольку имеют место правовые коллизии.

С одной стороны, законодатель указывает на объем прав представителя по назначению суда в пределах, предоставленных самому участнику процесса, ответчику. С другой стороны, в законодательстве отсутствуют правовые нормы, которые позволяли бы адвокату на практике реализовать указанные процессуальные права.

С целью разрешения данных противоречий, автор полагает, необходимым введение правовых норм, которые регламентировали бы процессуальные права адвоката действующего по назначению суда в качестве представителя ответчика, предоставляя ему возможность в полной мере реализовать защиту прав и законных интересов своего доверителя.

Так, например, необходимо в ст. 50 ГПК РФ, внести дополнение, что адвокат вправе не только обжаловать судебные постановления по данному делу, на что, кстати в силу ст. 54 ГПК РФ должна быть выдана доверенность, но и вправе заявлять ходатайства о проведении судебной экспертизы за счет средств соответствующего бюджета. При этом, решение вопроса об обоснованности и целесообразности назначения такой судебной экспертизы, остается за судом, что позволит избежать излишних трат.

Также, принимая во внимание то, что судебное решение, в любом случае порождает либо прекращает какие-либо права и/или обязанности у ответчика, автор полагает, возможным предоставить адвокату по назначению, в рамках ст. 50 ГПК РФ, право на заключение мирового соглашения.

По мнению автора, норма права регламентирующая назначение адвоката в качестве представителя ответчику, место жительства которого неизвестно, противоречивая, не полная. С целью реализации конституционной гарантии права на су-

⁶ Там же.

дебную защиту, автор полагает, что следует дополнить ст. 50 ГПК РФ и в части указания на право обжалования судебных постановлений по делу, в котором участвует адвокат по назначению.

В соответствии со ст. 333.19 НК РФ подача апелляционной, кассационной и надзорной жалоб по гражданскому делу облагается госпошлиной⁷. В связи с чем, необходимо уточнение в этой части, в виде освобождения адвокатов, действующих в интересах доверителя по назначению, от уплаты таких госпошлин, поскольку отсутствует бюджет для реализации адвокатами этого права. Адвокатские образования не имеют финансовой возможности обеспечивать адвокатов денежными средствами на судебные расходы. Также, в Постановлении Правительства РФ от 01.12.2012 № 1240 «О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации»⁸ отсутствует такое основание для возмещения адвокатам оплаченных ими государственных пошлин при обжаловании судебных актов.

Таким образом, законодатель, закрепив процессуальное право на обжалование судебных постановлений адвокатом назначенного судом в качестве представителя в рамках гражданского дела, не разрешил вопрос по уплате государственных пошлин. В связи с этим, требуется внесение дополнений и в НК РФ в части льгот при оплате госпошлин.

Несовершенство законодательства в части защиты прав и законных интересов лиц, место жительства которых неизвестно, не ограничивается лишь институтом представительства.

Процессуальный закон, регламентирующий гражданское судопроизводство, предусматривает такой вид как заочное производство, которое осуществляется в отсутствие ответчика при надлежащем его извещении.

Статья 233 ГПК РФ предусматривает право суда на рассмотрение гражданского дела в отсутствие ответчика, извещенного надлежащим образом о месте, дате и времени рассмотрения дела, не сообщившего об уважительности причины неявки и не просившего об отложении судебного разбирательства⁹.

При этом, ст. 237 ГПК РФ¹⁰ регламентирует порядок обжалования заочного решения суда, который предоставляет

право ответчику на получение решения суда, подачу и рассмотрение заявления об отмене заочного решения, последующего апелляционного обжалования заочного решения.

Таким образом, ответчик, в отсутствие которого было рассмотрено гражданское дело, обладает дополнительным правом на отмену заочного решения.

Между тем, лицо представителем которого был назначен адвокат по определению суда, лишен такой возможности, несмотря на то, что гражданское дело было рассмотрено в его отсутствие.

Конечно, возможно возразить, ведь при заочном производстве отсутствует адвокат, назначенный судом в качестве представителя неявившегося ответчика, следовательно, в судебном процессе не осуществлялась защита его прав и законных интересов, в отличие от ответчика, место жительства которого неизвестно.

Однако, насколько такая защита прав и законных интересов ответчика может быть реализована, автор исследовал в данной статье выше.

В связи с чем, автор полагает, что необходимо на законодательном уровне закрепить особый порядок обжалования судебных актов лицами, чьи права и законные интересы защищали адвокаты по назначению суда, по аналогии с обжалованием заочного решения суда.

Необходимо рассмотреть вопрос о сроке такого обжалования, об основаниях отмены судебного акта до апелляционного обжалования. В частности, причины, по которым лицо не было извещено о судебном разбирательстве. При этом, в судебной практике часто имеют место обстоятельства, не зависящие от самого лица.

Например, гражданин сменил место жительства на иной субъект. Суды осуществляют проверку через адресное бюро того субъекта, в котором проживает истец и предположительно, ответчик. Однако, ответчик обладает конституционным правом на передвижение в пределах территории Российской Федерации. В связи с чем, о наличии судебного процесса, ответчик не извещен по уважительной причине. Однако, поскольку вместо него участие принимал адвокат по назначению суда, гражданин имеет возможность лишь на апелляционное обжалование, при том, если суд восстановит процессуальный срок на обжалование.

Таким образом, институт представительства по назначению, в котором адвокаты реализуют гарантированное государством право на судебную защиту прав и законных интересов граждан, подлежит реформированию. В настоящее время, адвокат не имеет возможности полноценно осуществлять защиту прав и законных интересов своих доверителей по назначению, несмотря на то, что зачастую, даже в отсутствии ответчика имеется реальная возможность для такой защиты. Но ограниченность правовых норм является существенным препятствием для такой реализации.

7 Налоговый кодекс Российской Федерации часть 2 (НК РФ ч. 2).

8 Постановлением Правительства РФ от 01.12.2012 № 1240 (ред. от 18.10.2022) «О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации» (вместе с «Положением о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации»).

9 «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 14.04.2023, с изм. от 26.04.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.04.2023).

10 Там же.

МАСЛЕННИКОВА Екатерина Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии права и управления ФСИН России

ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗАРОЖДЕНИЯ РОССИЙСКИХ СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ

В статье проведен анализ учебной и научной литературы в сфере деятельности российских судов общей юрисдикции. Проведен анализ советского законодательства в сфере зарождения судебной системы в России. С развитием государства и общества изменялось и российское судопроизводство. В 1924 г. судебными органам РСФСР были признаны народный суд; губернский суд; Верховный Суд РСФСР, которые составляли единую судебную систему. С принятием Конституции в 1977 г. изменилось и судостроительство. В 1977 г. в судебную систему СССР входили: Верховный Суд СССР, Верховный Суд союзных республик, Верховные Суды автономных республик, краевые, областные, городские суды, суды автономных областей, суды автономных округов, районные (городские) народные суды, а также военные трибуналы в Вооруженных Силах. Определены и рассмотрены этапы судебной реформы. Определен этап становления судебной власти в современной России. Началом данного этапа считается 24 октября 1991 г., когда Верховным советом РСФСР была принята «Концепция судебной реформы», задачей которой являлось утверждение судебной власти в государственном механизме, как самостоятельной независимой ветви власти.

Ключевые слова: суды общей юрисдикции, судостроительство, судебная власть, судебная система, правовое государство, судебные органы.

MASLENNIKOVA Ekaterina Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of Law and Management of the FPS of Russia

HISTORICAL ANALYSIS OF THE ORIGIN OF RUSSIAN COURTS OF GENERAL JURISDICTION

The article analyzes educational and scientific literature in the field of activity of Russian courts of general jurisdiction. The analysis of the Soviet legislation in the sphere of the origin of the judicial system in Russia is carried out. With the development of the state and society, the Russian judicial system also changed. In 1924, the People's Court, the Provincial Court, and the Supreme Court of the RSFSR were recognized as judicial bodies of the RSFSR, which formed a single judicial system. With the adoption of the Constitution in 1977, the judicial system also changed. In 1977, the judicial system of the USSR included: the Supreme Court of the USSR, the Supreme Court of the Union Republics, the Supreme Courts of Autonomous Republics, regional, regional, city courts, courts of autonomous regions, courts of autonomous districts, district (city) people's courts, as well as military tribunals in the Armed Forces. The stages of judicial reform are defined and considered. The stage of formation of judicial power in modern Russia is defined. The beginning of this stage is considered to be October 24, 1991, when the Supreme Soviet of the RSFSR adopted the "Concept of Judicial Reform", whose task was to establish the judiciary in the state mechanism as a separate independent branch of government.

Keywords: courts of general jurisdiction, judicial system, judicial power, judicial system, legal state, judicial bodies.

Актуальность темы заключается в том, что пока живут люди, будут и совершаться противоправные действия, преступления и иные правонарушения. В целях профилактики и предотвращения новых преступлений существует законодательство, принятое должностными лицами государственных органов. Именно нормативные документы направлены на упорядочение отношений между людьми, государственными органами и государством в целом. Но ежедневно происходит нарушение норм законодательства, что приводит к негативным последствиям и в итоге к судебному разбирательству. И только суд обладает полномочиями признать виновным в совершении преступления или ином противоправном деянии лицо. Судебная деятельность неразрывно связана с уголовным процессом. Рассматривая данную деятельность, вырабатываются определения правосудия, органов следствия, дознания, прокуратуры и иных государственных органов, а также раскрывается толкование норм уголовного права. Анализ практики деятельности уголовного судопроизводства показал, что в каждом государстве есть свой уголовный процесс, который осуществляет свою деятельность на основе законодательства, регламентирующего данную деятельность, принятого должностными лицами государственных органов соответствующего государства. В связи с развитием

государства совершенствуется и наше законодательство, в частности периодически вносятся изменения в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Правовую основу деятельности уголовного судопроизводства составляют: Конституция РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, международные договоры и др.

Государство Российская Федерация является правовым, соответственно и уголовный процесс является таковым. Одной из основных задач, стоящей перед государством является защита прав, основных свобод и законных интересов личности и государства в целом, а также защита законодательства, что предусматривает собой неукоснительное соблюдение его норм. Укрепление законности на территории нашего государства способствует предотвращению совершения преступлений.

Анализ изучения нормативного документа, в частности Конвенции о защите прав человека и основных свобод показал, что принципы правосудия, закрепленные в данном нормативном акте, выработанные в результате деятельности Страсбургского суда закреплены в другом нормативном документе, а именно в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Данные принципы выработаны в результате деятельности судов и неукоснительно соблюдаются при вынесении судебного решения [2].

Анализ практической судебной деятельности показал, что данная деятельность имеет непосредственное отношение к уголовному процессу, взаимосвязаны между собой и является как часть от целого, а именно называется стадией уголовного судопроизводства. Рассматривая нормы уголовно-процессуального законодательства, можно сделать вывод, что такая стадия уголовного процесса, как судебное производство, включает в себя множество элементов и представляет собой самостоятельную, значительную стадию уголовного судопроизводства, состоящую из множества действий и принятия решений и неразрывно связанную с уголовным процессом общей целью и выполнением одинаковых задач.

Без изучения истории зарождения судебной системы Российской Федерации невозможно оценить процесс создания, формирования и преобразования действующих судебных органов.

Постепенное становление современного государства и общества в целом привело к тому, что обществу было необходимо разделение властей, в том числе, выделения судебной власти, как самостоятельной ветви.

Зарождение самостоятельной ветви власти – судебной власти началось в далеком прошлом. Анализ исторической и научной литературы показал, что зародилось разделение властей еще за несколько сотен лет до нашей эры. Связано данное возникновение с Древней Грецией. Проведя исследование исторического зарождения разделения властей, можно сделать вывод, что произошло это еще в эпоху жизни легендарного древнегреческого поэта – Гомера. В то время основной формой правления в древнегреческих городах была демократия. Царил хаос, резня, драки, люди не умели договариваться. Именно в то время начала выработываться договорная основа.

Что же касается экономических отношений общества, то анализ исторической литературы показал, что в целях их урегулирования были созданы арбитражные суды, которые рассматривали только торговые отношения, разрешали споры, возникающие на экономической основе. В дальнейшем для урегулирования экономических отношений, возникающих в гражданском обществе, было создано гражданское законодательство. По такому же принципу пошла и другие европейские страны. Во многих государствах стали образовываться гражданские кодексы. Возникла необходимость в создании третейских судов, к которым относились независимые лица для урегулирования экономических отношений и разрешения споров. Третейские суды носили упрощенный характер и не относились к государственным органам, в связи, с чем было введено новое понятия «третейский судья» [3].

Началось зарождение судебной системы, которая приобрела властный характер и способствовала урегулированию поведения людей.

Властный характер судебной системы образовывался постепенно, вначале в эпоху правления королей, царей, власть принадлежала только указанным лицам и была сосредоточена в их руках, так как данные лица занимались государственным делами. Затем стали формироваться специальные государственные органы, которые были наделены правом управления делами государства и были призваны осуществлять защиту прав, свобод и интересов общества и государства в целом.

С каждым годом происходило совершенствование судебной системы, в связи с чем были сформированы в 1925 г. Конституционные выборные органы. Происходили измене-

ния и внутри государственного деления, переименовывались города, так Новониколаевск стали называть Новосибирском.

Изменения в социально-экономических отношения общества привели к созданию административно-территориального деления государства, что способствовало созданию Сибирского суда, а позже его переименовали в Западно-Сибирский краевой суд, а спустя еще время, в связи с развитием судебной системы нашего государства, он преобразовался в Новосибирский областной суд, который уже рассматривал дела не только как суд I инстанции, но были и расширены его полномочия. Новосибирский областной суд обладал правом рассмотрения судебных дел по жалобам, поступившим на судебные решения нижестоящих судов.

Рассматривая историю создания судебной системы нашего государства, в 1924 г. была создана единая судебная система, которая состояла из Губернского суда, Народного суда и Верховного Суда РСФСР. Правовой основой деятельности данных судов являлись помимо Конституции РСФСР еще и Основы судебного порядка СССР и Союзных республик [4].

В связи с административно-территориальным делением стали образовываться окружные суды. Анализ законодательства регулирующее деятельность судебных органов показал, что в каждом краевом и областном объединении образовывались не только краевой (областной) суд, но и окружные суды.

Совершенствование судебной системы нашего государства происходило стремительно. В судебную систему нашего государства помимо народных, областных, губернских судов и Верховного суда входили образованные специальные суды, которые действовали вплоть до начала XX века, например, к специальным судам относился церковный суд, университетский суд и др.

Рассматривая иерархию судебной системы, высшим судебным органом был окружной суд, решения суд принимал на судебных заседаниях, а многие вопросы были разрешаемы администрацией суда.

В связи с административно-территориальным делением, в частности в Сибири образовались Новосибирская область и Алтайский край на основе законодательства, а именно в соответствии с постановлением ЦИК СССР от 1937 г. образовывается Новосибирский областной суд [5].

В 30-х годах правовой основой деятельности судебной системы являлось Конституция, Основы судебного порядка СССР и Союзных республик и принятый государственным органами закон «О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик». В соответствии с данным законодательством, на территории нашего государства была создана единая судебная система. В судебную систему входили народные суды, краевые, областные, городские суды, суды автономных областей и округов, Верховные Суды автономных республик, Верховный Суд РСФСР.

Законодательство о судостроительстве внесло изменения в судебную систему нашего государства, а именно в деятельность областного суда. Были образованы две коллегии, одна занималась рассмотрением уголовных дел, а вторая – рассмотрением гражданских дел. Так же суд мог рассматривать поступившие жалобы на судебные решения, принятые народными судами.

В 1941 г. много что изменилось, касаясь судебной системы нашего государства. Вся деятельность судебных органов была изменена в соответствии с принятым указом Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении». В период Великой Отечественной войны появились новые виды преступлений, рост которых стремительно повышался. К

таким преступлениям относились кражи магазинов, жилищ, совершение налетов на граждан и др. В такой тяжелой для страны и граждан период на улицах было с утра до вечера затемнение, чем и пользовались бандиты и преступники. Они легко могли уйти по узким улочкам от милиции.

Преступления совершались ежедневно, ежечасно. Преступления, совершенные против общественного порядка, государства, обороны передавались на рассмотрение военному трибуналу. Приговоры исполнялись немедленно. Ежедневно выносились судебные акты военного времени [6].

На период Великой Отечественной войны о совершенствовании судебной системы нашего государства и не могло идти речи.

После нелегкого времени для нашего государства и общества в целом необходимо было восстанавливать нашу правовую систему, судебная система была реорганизована, а многие судебные акты военного времени были отменены.

В 1948 г. в связи с принятием Положения о дисциплинарной ответственности судей, было введено наказание судьям за совершение поступков, способствующих возникновению упущений в судебной деятельности.

В 1957 г. одним из основных законов, регламентирующих деятельность Верховного Суда РСФСР стало принятое Положение о Верховном Суде СССР, которое включало в себя помимо структуры и полномочий судей еще и ответственность за нарушения судьями Верховного Суда СССР норм основного законодательства, регламентирующего деятельность судебных органов, интересов других союзных республик.

Подверглось совершенствованию положение о Верховном Суде СССР, в частности, были внесены изменения касая статистику судебной практики деятельности Верховного Суда СССР. В данном положении были даны разъяснения норм данного законодательства, тем самым разрешая споры, возникающие на этой основе между другими судебными органами.

В дальнейшем судебная система ежегодно подвергалась реорганизации, так в 1957 г. были ликвидированы транспортные суды, а полномочия данных судебных органов были возложены на общие суды. Анализ судебной практики в сфере применения совершенствованных норм законодательства, регламентирующих деятельность судебных органов, показал, что внесенные изменения только укрепили судебную систему государства.

В 1970 г. было создано Министерство юстиции СССР, основным нормативным документом, регламентирующим его деятельность, являлся указ Президиума Верховного Совета СССР, в котором было утверждено, что в дальнейшем реорганизация судебной системы государства возлагалась на данное ведомство.

В течение десяти лет после окончания Великой Отечественной войны судебная система государства неоднократно подвергалась реорганизации, совершенствованию правовой основы и стабильная судебная система сложилась в 1977 г., которая просуществовала без изменений до начала 90-х гг. На тот период в судебную систему входили следующие судебные органы: Верховный Суд СССР, Верховные Суды союзных республик, Верховные Суды автономных республик, краевые, областные, городские, народные суды, военные трибуналы, последние относились к Вооруженным силам СССР. Структура судебной системы была закреплена и в Конституции, в которой также были прописаны основные принципы деятельности судебных органов. Сложившаяся судебная си-

стема могла обеспечить высокий уровень безопасности государства и общества в целом.

Началом зарождения судебной системы в современном государстве считается период, когда была принята «Концепция судебной реформы» в 1991 г. Анализ данного документа показал, что основной задачей реформы являлось утверждение в механизме государства судебной власти, как самостоятельной государственной ветви. В соответствии с чем, в законодательстве, регламентирующим деятельность судебных органов, в частности в Конституции РФ, ФКЗ «О Судебной системе РФ» было указано разделение судебной системы на федеральные суды, суды субъектов федерации. Это способствовало созданию хорошей законодательной базы в сфере деятельности судов.

Анализ учебной и научной литературы показал, что термин «суды общей юрисдикции» в современном российском законодательстве впервые появился после принятия Конституции Российской Федерации в 1993 г. При определении полномочий Верховного Суда Российской Федерации ссылается на дела, «подсудных судам общей юрисдикции» (ст. 126) [1].

Новый этап судебной реформы начался в ноябре 2000 г., когда президентом России была создана рабочая группа по вопросам совершенствования законодательства о судебной системе. Разработанные этой комиссией законопроекты, вносящие поправки к законам «О статусе судей», «О судебной системе», «О Конституционном суде» и др., вызвали бурные прения в судейском сообществе и Государственной Думе.

Таким образом, в соответствии с принятыми поправками судебную власть и судебную систему ожидало множество изменений и нововведений. До сегодняшнего времени ведется реформирование и совершенствование судебной системы. С 1 января 2023 г. упразднены Конституционные уставные суды РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // Собрание законодательства Росс. Федерации. – 08.01.2001. – № 2. – Ст. 163.
3. Иоффе О. С., Мусин В. А. Основы римского гражданского права: учебн. пособие. Изд-во Ленинградского ун-та. – Ленинград, 1975. – 156 с.
4. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик: постановление Президиума центрального исполнительного комитета СССР от 31 окт. 1924 г. // Собрание законодательства 1924. – № 24. – Ст. 204, 206.
5. О разделении Западно-Сибирского края на Новосибирскую область и Алтайский край: постановление ЦИК СССР от 28 сент. 1937 г. № 302 // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. – 1937. – № 66.
6. О военном положении: указ Президиума ВС СССР от 22 июня 1941 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1941. – № 29 (144). – Ст. 1.

СЕРГЕЕВА Ксения Алексеевна

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ЮРТАЕВ Вячеслав Александрович

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета

САЛАМАХИНА Елена Александровна

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Дальневосточного федерального университета

ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА РЕБЁНКА

Институт семьи постоянно претерпевает изменения – заключение и расторжение брака, определение места жительства ребёнка при раздельном проживании родителей, наследственные отношения и др. Ввиду динамичности и строго личного характера этих отношений в процессе правоприменения возникает большое количество споров. Актуальность работы связана с тем, что количество споров, связанных с определением места жительства ребёнка, ежегодно увеличивается, что является следствием демографической ситуации в России, роста случаев расторжения брака. Анализ процессуальных особенностей рассмотрения и разрешения гражданских дел об определении места жительства ребёнка необходим для оценки эффективности современного семейного законодательства в сфере защиты прав и интересов детей и родителей.

Ключевые слова: семья, определение места жительства ребёнка, семейное законодательство, интересы детей, семейные споры.

SERGEEVA Kseniya Alexeevna

student of the Law School of the Far Eastern Federal University

YURTAEV Vyacheslav Alexandrovich

student of the Law School of the Far Eastern Federal University

SALAMAKHINA Elena Alexandrovna

senior lecturer of Civil law and process sub-faculty of the Far Eastern Federal University

PROBLEMS OF JUDICIAL PRACTICE IN RESOLVING CIVIL CASES ON DETERMINING THE PLACE OF RESIDENCE OF A CHILD

The institution of the family is undergoing changes – the conclusion and dissolution of marriage, the determination of the child's place of residence when the parents are separated, etc. Due to the dynamism and strictly personal nature of these relations, many disputes arise in the process of law enforcement. The relevance of the work is since the number of disputes related to the determination of the child's place of residence increases annually, which is a consequence of the demographic situation in Russia, the growth of cases of divorce. The analysis of the procedural features of the consideration and resolution of civil cases on the determination of the child's place of residence is necessary to assess the effectiveness of modern family legislation in the field of protection of the rights and interests of children and parents.

Keywords: family, determination of the child's place of residence, family legislation, children's interests, family disputes.

В действующем семейном законодательстве установлены диспозитивные правила регулирования в сфере семейных отношений. В частности, законодатель предоставляет родителям возможность договориться о том, с кем останется проживать ребенок при раздельном проживании родителей¹. Поэтому суду в первую очередь следует установить наличие или отсутствие соглашения между ними. При его отсутствии спор между родителями о месте жительства детей может быть разрешён судом по требованию любого из них. В любом случае возникают споры по поводу надлежащего исполнения, изменения и расторжения² таких соглашений, что является первой рассматриваемой нами проблемой из судебной практики.

Соглашение об определении места жительства детей – разновидность гражданско-правового договора. В законодательстве отсутствуют положения о форме, механизме соблюдения и исполнения соглашения, порядок изменения [1, с. 5]. Целесообразно, по нашему мнению, во избежание кон-

фликтов между родителями заключать такое соглашение в нотариальной форме.

Если соглашения нет, спор разрешается судом исходя из интересов и с обязательным учётом мнения детей, если они достигли десяти лет и это не противоречит их интересам (п. 3 ст. 65, ст. 57 СК РФ). Прежде всего это связано со спецификой правоотношений, связанных с определением места жительства ребёнка. Решение суда в пользу той или иной стороны не удовлетворит в полной мере их интересы, т.к. «проигравшая» сторона не готова (и вряд ли когда-либо будет готова) признать решение суда, поскольку в субъективном восприятии оно приравнивается к добровольной передаче собственного ребёнка (и прав на него) другому родителю [2, с. 48].

Иными словами, учёт мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, обязателен и необходим, так как одним из самых юридически значимых и подлежащих доказыванию обстоятельств является выяснение того обстоятельства, что проживание с одним из родителей наиболее полно будет соответствовать интересам ребёнка.

Несомненно, на практике могут возникнуть случаи несогласия с мнением ребёнка, которое необходимо обосновать, что означает относительный характер обязательного учёта мнения ребенка, касающегося судебного спора о проживании его с одним из родителей. Обязательным является вынесение решения исходя из интересов ребенка, большое значение при определе-

1 Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 1996. - № 1. - Ст. 16 (ред. от 19.12.2022).

2 Решение № 2-2317/2016 2-2317/2016-М-1059/2016 М-1059/2016 от 1 июля 2016 г. по делу № 2-2317/2016 // Архив Абаканского городского суда. - 2016. - Д. 2-2317.

нии которых приобретает назначение судом экспертизы для диагностики внутрисемейных отношений, которая позволяет определить, к кому из родителей дети испытывают доверительные отношения, как развиваются внутрисемейные отношения, какие существуют психологические особенности каждого из родителей и ребенка, наличие психологического влияния на ребенка со стороны одного из родителей³.

Для достижения указанных целей судами назначаются судебно-психологические, судебно-психиатрические, комплексные судебные экспертизы (психолого-психиатрические, психолого-педагогические, психолого-валеологические, социально-психологические)⁴.

Заключение эксперта – одно из основных доказательств по делам об определении места жительства ребенка. По нашему мнению, по данной категории дел проведение экспертизы должно стать обязательным, т.к. это поможет с большей степенью достоверности диагностировать отношения внутри семьи, личные качества родителей и иные обстоятельства, имеющие значение для разрешения дела, особенно в ситуациях, когда ребенок имеет прочную привязанность к обоим родителям, испытывает к родителю одновременно два сильных, но противоположных чувства и т.д. В процессе психологического обследования может быть установлено нарушение семейных контактов, наличие выраженного конфликта родителей, амбивалентное отношение ребенка к родителям, его представление о каждом из них⁵ и другие обстоятельства, влияющие на принятие решения в интересах ребенка. Обязательность экспертизы поможет суду в принятии решения, т.к. будет возможность учесть мнение ребенка, не достигшего 10 лет.

Ввиду отсутствия обязанности лиц, участвующих в деле, участвовать в экспертизе, затрудняется возможность с большей степенью достоверности установить истинные интересы ребенка (в ходе судебного разбирательства стороны отказываются от участия в проведении исследования)⁶. В этом случае необходимо применить нормы гражданского процессуального законодательства об уклонении сторон от участия в экспертизе и установленных ввиду этого последствиях. На практике практически не удаётся добиться надлежащего исполнения соглашения или решения суда в принудительном порядке, что означает, что достичь исполнения таких решений невозможно без внесения изменений в действующее законодательство (например, установить санкции за уклонение от исполнения судебного решения по данной категории дел) [4, с. 162].

Здесь же стоит учитывать пределы компетенции эксперта, и выносить на экспертизу только те вопросы, ответы на которые эксперт полномочен дать. Неверным будет, на наш взгляд, со стороны суда принимать во внимание заключение эксперта, в котором указано, что для дальнейшего гармоничного развития личности несовершеннолетнего благоприятно его проживание с одним из родителей⁷. Подобные фразы ставят под сомнение отсутствие заинтересованности эксперта в исходе дела, ведь только суд полномочен определить, с кем из родителей будет проживать ребенок [3, с. 21].

Стоит подчеркнуть и большую роль специальных знаний, необходимых для правильного разрешения дела – инспекторы по делам несовершеннолетних; специалисты органов управления образованием; специалисты по охране детства; педагоги (классные руководители); педагоги-психологи; социальные педагоги; психологи-диагносты, психиатры и врачи иных специальностей.

«Стирание» границ между представителями разных стран как тенденция развития настоящего времени способ-

ствует заключению брака между гражданами разных государств. В связи с этим возникает проблема определения подсудности спора между родителями из разных государств. Дело подсудно российскому суду, если ответчик является иностранным гражданином, имеет место жительства на территории РФ, имеет имущество, находящееся на территории РФ (ст. 402 ГПК РФ). Вне зависимости от гражданства участников спора и места жительства ответчика российский суд правомочен рассматривать практически любое дело, затрагивающее интересы ребенка, если место его обычного проживания находится на территории РФ [5, с. 222].

Ещё одной особенностью споров, связанных с определением места жительства ребенка, является необязательность соблюдения досудебного порядка. Представляется рациональным ввести процедуру медиации, т.к. большинство споров этой категории исходят из невозможности найти компромисс между родителями⁸, что отражено и в Концепции развития семейного законодательства.

Стоит обратить внимание на причины выявленных проблем. Многообразие предпосылок для кризиса семьи и, как следствие, возникновение споров между родителями, свидетельствуют о необходимости использования потенциала всех средств, направленных на защиту прав и законных интересов участников семейных правоотношений, формирование новых механизмов поддержки семьи, материнства, отцовства, детства. Специфика отношений, связанных с определением места жительства ребенка – пристальное внимание и обращение к личному доверительному аспекту. Правовое регулирование в этой сфере находится под «нравственной охраной» общества, так как решение таких дел затрагивает не только права родителей на воспитание детей, но и права детей на общение с ними [6, с. 1015].

Таким образом, при разрешении гражданских дел об определении места жительства ребенка суды сталкиваются с проблемами, связанными со спецификой этих споров – с правовыми и психологическими аспектами. В целях преодоления и недопущения нарушений требований закона необходимо рассматривать дела по данной категории споров исключительно с учётом всех юридически значимых обстоятельств и принимать решения в интересах детей, со строгим соблюдением принципов законности и обоснованности.

Пристатейный библиографический список

1. Аблятипова Н. А., Цыганова Д. С. Некоторые проблемы определения места жительства несовершеннолетних детей при раздельном проживании родителей // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – № 2. – С. 1-5.
2. Мамедова М. К. Особенности исполнения решений суда по делам об определении места жительства ребенка // Юридический вестник ДГУ 2012. – № 2. – С. 41-48.
3. Рудьман Д. С. О некоторых аспектах определения судом места жительства ребенка при раздельном проживании родителей // Семейное и жилищное право. – 2019. – № 4. – С. 19-25.
4. Сахно Д. К. Уклонение родителей от исполнения решения суда об определении места жительства ребенка // Государство и право: теория и практика: материалы международной научной конференции. – Челябинск, 2011. – С. 159-165.
5. Артемова О. А. Проблемы определения подсудности дел по определению места жительства ребенка, осужденных иностранным элементом // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2020. – № 12 (52). – С. 219-225.
6. Федосеева Г. Ю. Неправовая сторона брачно-семейных отношений и учет международного характера при рассмотрении дел об определении места жительства ребенка // Lex Russica (Русский закон). – 2004. – № 4. – С. 1011-1019.
7. Экспертное заключение по проекту Концепции совершенствования семейного законодательства РФ и Предложений по совершенствованию семейного законодательства. Принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 07.07.2014 № 132-1/2014. [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс.

3 Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 23 марта 2015 г. по делу № 83-КГ14-14. [Электронный ресурс]. Судебные и нормативные акты РФ.

4 Обзор практики разрешения споров, связанных с воспитанием детей. Утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011 // Бюллетень Верховного Суда РФ. - № 7. - 2012.

5 Апелляционное определение суда Ханты-Мансийского автономного округа от 10 мая 2016 г. по делу № 33-3097/2016. [Электронный ресурс]. Судебные и нормативные акты РФ.

6 Решение Красногорского городского суда Московской области от 28 июня 2018 г. по делу N 2-2514/2018. [Электронный ресурс]. Судебные и нормативные акты РФ.

7 Решение Канавинского районного суда г. Н. Новгорода от 11 мая 2018 г. по делу N 2-1111/2018. [Электронный ресурс]. Судебные и нормативные акты РФ.

ЮРТАЕВ Вячеслав Александрович

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета

СЕРГЕЕВА Ксения Алексеевна

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета

САЛАМАХИНА Елена Александровна

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Дальневосточного федерального университета

НЕКОТОРЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ СУДАМИ ДЕЛ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА ДЕТЕЙ ПРИ РАЗДЕЛЬНОМ ПРОЖИВАНИИ РОДИТЕЛЕЙ

Споры об определении места жительства ребёнка при раздельном проживании родителей в настоящее время, к сожалению, далеко не редкость. Специфика семейных правоотношений открывает поле для исследований процессуальных особенностей данной категории дел. В настоящей работе будут проанализированы нормы семейного законодательства разных стран, связанные с делами об определении места жительства ребёнка, правоприменительная практика, проведена оценка статуса участвующих в деле об определении места жительства ребёнка лиц. Всесторонний анализ опыта других государств позволил выявить существующие проблемы в судебной практике РФ и предложить способы их преодоления.

Ключевые слова: семья, определение места жительства ребёнка, семейное законодательство, интересы детей, семейные споры.

YURTAEV Vyacheslav Alexandrovich

student of the Law School of the Far Eastern Federal University

SERGEEVA Ksenia Alekseevna

student of the Law School of the Far Eastern Federal University

SALAMAKHINA Elena Alexandrovna

senior lecturer of Civil law and process sub-faculty of the Far Eastern Federal University

SOME PROCEDURAL FEATURES OF THE CONSIDERATION BY THE COURTS OF CASES ON DETERMINING THE PLACE OF RESIDENCE OF CHILDREN WHEN PARENTS ARE SEPARATED

Disputes about determining the place of residence of a child when parents are separated are currently, unfortunately, far from uncommon. The specificity of family legal relations opens up a field for research on the procedural features of this category of cases. In this work, the norms of family legislation of different countries related to cases of determining the child's place of residence, law enforcement practice will be analyzed, the status of persons participating in the case of determining the child's place of residence will be assessed. A comprehensive analysis of the experience of other states made it possible to identify existing problems in the judicial practice of the Russian Federation and suggest ways to overcome them.

Keywords: family, determination of the child's place of residence, family legislation, children's interests, family disputes.

Как законодательство РФ, так и право иных государств исходят из общего принципа совместной опеки над ребёнком, как матерью, так и отцом [1, с. 123] – совместная опека продолжается и после расторжения брака, если не было решено или установлено иначе¹.

Однако есть и интересные положения. Законодательство Швеции, в соответствии с которым в случае, если родители не состоят в браке, ребёнок находится под опекой матери². С такой позицией сложно согласиться. В современных реалиях принцип равенства прав родителей по отношению к детям наиболее полно соответствует интересам детей. Психологические особенности родителей и ребёнка могут свидетельствовать о необходимости определения места жительства ребёнка с отцом.

Стоит обратить внимание на законодательство Кыргызской Республики, в котором закреплено положение об обязательном назначении экспертизы для диагностики внутрисемейных отношений, для определения мнения детей, возраст которых не достиг десяти лет, и их отношения к родителям, и других обстоятельств, имеющих существенное значение для

разрешения дела³. Нам представляется необходимым введение обязательной экспертизы и в Российской Федерации, так как, в частности, при равных финансовых и жилищных условиях, условий для содержания, жизни и благополучного развития ребёнка на практике решение принимается с учётом возраста ребёнка, исходя из этого – степень необходимости в присутствии матери, и в приоритете – заключение психолого-психиатрической экспертизы⁴.

Решения судов Великобритании в избранной авторами категории споров направлены на соответствие интересам детей «наилучшим образом»⁵, предоставления ребёнку возможности быть заслушанным⁶ и других принципов. Примечательно также одно из обстоятельств, влияющих на решение дела об определении места жительства ребёнка, которому придаётся большое значение – «принудительное усыновление»⁷. По аналогии в Российской Федерации дан-

1 Закон Финляндии об отцовстве 5.9.1975/700 (Isyyslaki 5.9.1975/700); Закон Великобритании о детях 1989 года (Children Act 1989) [Электронный ресурс].

2 Закон Швеции о родителях и детях 1949 г. [Электронный ресурс].

3 Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 25 января 2017 г. № 14 ст. 88 [Электронный ресурс].

4 Решение Первомайского районного суда г. Бишкек от 20.09.2019. [Электронный ресурс].

5 In the matter of N (Children). [Электронный ресурс].

6 In the matter of D (A Child). [Электронный ресурс].

7 [2015] EWCA Civ 1112; [2016] 2 WLR 713. [Электронный ресурс]. Family Law Week. II. 8.

ный институт можно соотнести с наличием корыстного интереса при требованиях об определении места жительства ребёнка с одним из родителей. Проверка наличия данного факта или его отсутствия играет важную роль в нынешних условиях социальной политики Российской Федерации, направленной на поддержку семьи, материнства и детства.

Вызывает интерес законодательство Австралии. В статье 55А Закона о семейном праве говорится о содержании заявления о расторжении брака, в котором, независимо от того подано оно совместно или одним из родителей, необходимо изложить договоренности между родителями (или желание заявителя), включая образование ребенка, финансовую поддержку и здравоохранение. Примечательна также процессуальная форма таких соглашений – план воспитания детей⁸. Иными словами, установлен чёткий досудебный порядок урегулирования спора между родителями.

Таким образом, в целом зарубежный опыт, как и практика Российской Федерации, направлены на первоочередное обеспечение интересов детей. Авторы считают необходимым обратить внимание законодателя на обязательное назначение экспертизы по данной категории дел и на выяснение цели подачи заявления об определении места жительства ребёнка.

Рассмотрим процессуальные особенности статуса лиц, участвующих в делах этой категории споров. В соответствии со статьёй 34 ГПК РФ, лицами, участвующими в деле, являются стороны, третьи лица, прокурор, лица, обращающиеся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц или вступающие в процесс в целях дачи заключения по основаниям, предусмотренным ст. ст. 4, 46 и 47 ГПК РФ, заявители и другие заинтересованные лица по делам особого производства.

Дела, связанные с брачно-семейными отношениями, рассматриваются с участием несовершеннолетнего ребёнка, родителей (усыновителей, опекуна, попечителя), прокурора, органа или учреждения, на которые возложены обязанности по охране прав несовершеннолетних детей (органа опеки и попечительства, комиссии по делам несовершеннолетних, учреждения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей и др.) [2, с. 88].

Анализ ст. 65 СК РФ позволяет сделать вывод о том, что иск об определении места жительства ребёнка вправе предъявить один из родителей к другому родителю. Поэтому сторонами во взятых во внимание отношениях выступают родители (законные представители) ребёнка.

Право на обращение в суд с таким иском имеет родитель, независимо от ограничения дееспособности (ст. 30 ГК РФ). Такое право, исходя из комплексного анализа ст. ст. 69, 71, 73–74 СК РФ утрачивают лишь родители, лишённые родительских прав, и родители, ограниченные в родительских правах.

Интересна процессуальная роль непосредственно детей в этой категории дел. В соответствии со статьёй 38 ГПК РФ истцом признаётся лицо, в интересах которого начато дело. Можно сделать вывод о том, что ребёнок не может рассматриваться в качестве третьего лица в таком процессе, ведь, поднимая вопрос об определении места жительства ребенка и порядка общения со своими родственниками, речь идёт именно об интересах несовершеннолетнего [3, с. 150].

На государство в лице уполномоченных органов (суда, прокуратуры, органов опеки и попечительства) возложены функции по выявлению всех подлежащих учёту обстоятельств спора, от тщательности реализации которых зависит вопрос жизни, здоровья, развития детей.

Рассмотрим участие прокурора при рассмотрении взятой во внимание категории дел. Споры об определении места жительства ребёнка не относятся к категориям дел, по которым обязательно участие прокурора⁹, однако перечень

категорий дел, по которым возможно участие прокурора в гражданском процессе, не является исчерпывающим и зависит от ряда обстоятельств [4, с. 10]. Стоит отметить, что прокурор может стать участником процесса и в случае, если родитель обратился к прокурору с заявлением о том, что не может самостоятельно осуществить своё право на подачу иска в суд [5, с. 69].

Особого внимания заслуживает статус органов опеки и попечительства в спорах об определении места жительства ребёнка. Процессуальная роль органов опеки и попечительства определена в ст. 47 ГПК РФ – лицо, участвующее в деле в качестве государственного органа, компетентного дать заключение по существу спора.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» отмечается, что по спорам о воспитании детей на стадии подготовки дела к судебному разбирательству от органа опеки и попечительства суду необходимо получить акты обследования условий жизни лиц, от которых поступило исковое заявление, утверждённые в установленном законом порядке. Таким образом, государство стремится предоставить ребёнку, как минимум, надлежащие жилищные условия, так как в случае вынесения судом решения, противоположного заключению органа опеки и попечительства, суд должен мотивировать такое действие. Несмотря на это, заключение органа опеки и попечительства не является основополагающим в решении вопроса об определении места жительства ребёнка.

Стоит согласиться с высказанной в доктрине позицией о том, что необходимо в обязательном порядке включить в заключение органа опеки и попечительства вопрос о межличностных взаимоотношениях в семье [6, с. 25]. Это справедливо, ведь орган опеки и попечительства обладает и необходимыми полномочиями, и фактическими возможностями непосредственно контактировать с членами семьи в располагающей, привычной им обстановке с привлечением специалистов, что способствует правильному разрешению дела.

Таким образом, обобщая список лиц, участвующих в деле, в делах об определении места жительства ребёнка, стоит отметить, что к ним относится ребёнок, родители, прокурор, орган или учреждения, на которые возложены обязанности по охране прав несовершеннолетних детей (опеки и попечительства, комиссии по делам несовершеннолетних и др.).

Пристатейный библиографический список

1. Варламова И. А. Определение места жительства ребенка: международный опыт // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – 2018. – № 10-1. – С. 120-125.
2. Бахарева О. А., Цепкова Т. М. Процессуальное положение лиц, участвующих в делах, связанных с воспитанием детей // Вестник СГЮА. – 2017. – № 1 (114). – С. 86-91.
3. Вершинина Е. В., Коновалов Д. В., Новиков В. С., Хохлачева С. В. Понятие и виды медиации в законодательстве и правовой доктрине России, Франции, Испании и США // Вестник гражданского процесса. – 2020. – № 6. – С. 139-155.
4. Булгаков С. Н. Вопрос-ответ // СПС Консультант-Плюс. – 2023. – С. 1-15.
5. Алеева С. С. Иные лица в делах об определении места жительства ребенка // Прогрессивное развитие как следствие научно-технических исследований: сборник статей международной научной конференции. – Новосибирск, 2022. – С. 61-69.
6. Смагина Е. С. Некоторые особенности участия органов опеки и попечительства в спорах об определении места жительства ребенка при раздельном проживании родителей. – 2016. – № 8. – С. 20-27.

8 Закон о семейном праве 1975 года № 53 (Family Law Act 1975 № 53). [Электронный ресурс]. Family Law Week (дата обращения 25.03.2023).

9 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации.

РУДЫХ Светлана Николаевна

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

ИГОНИНА Алина Сергеевна

студент 5 курса Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

ЗАЩИТА ПРОКУРОРОМ ПРАВ ГРАЖДАН-УЧАСТНИКОВ ДОЛЕВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

В связи с высокой общественной значимостью правоотношений, возникающих в сфере долевого строительства, защита прокурором прав участников долевого строительства является одним из приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры. Эффективное осуществление прокурорскими работниками своих полномочий в целях защиты прав граждан в данной области правоотношений обеспечивает возможность реализации гражданами своего фундаментального права на жилище.

В настоящем исследовании авторами анализируется практика прокурорского надзора в сфере долевого строительства, а также рассматриваются проблемные вопросы участия прокурора в разрешении судами дел указанной категории в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства.

Ключевые слова: право на жилище, органы прокуратуры, прокурор, долевое строительство, защита прав дольщиков, гражданское судопроизводство, арбитражное судопроизводство.

RUDYKH Svetlana Nikolaevna

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Civil law disciplines sub-faculty of the Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

IGONINA Alina Sergeevna

student of the 5th course of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

PROTECTION BY THE PROSECUTOR OF THE RIGHTS OF CITIZENS-PARTICIPANTS OF THE SHARE CONSTRUCTION

In view of the high social significance of legal relations arising in the sphere of shared construction, the protection of the rights of participants in shared construction by prosecutors is one of the priorities of the prosecution agencies. The effective exercise by prosecutors of their power to protect the rights of citizens in this area of legal relations enables citizens to exercise their fundamental right to housing.

In this study the authors analyse the practice of prosecutor's supervision in the area of shared construction and also consider problematic issues of participation of the prosecutor in the resolution of cases of this category by the courts in civil and arbitration proceedings.

Keywords: right to housing, prosecution agencies, prosecutor, shared construction, protection of shareholders' rights, proceedings in civil causes, proceedings in arbitration causes.

Отношения между гражданами-участниками долевого строительства (далее – дольщиками) и застройщиком, связанные с привлечением денежных средств в целях строительства объектов недвижимости стремительно развиваются. Вместе с тем, количество нарушений, допускаемых в сфере долевого строительства, увеличивается. Учитывая общественную значимость возникающих правоотношений, защита прав дольщиков является одним из приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры.

Ежегодно прокурорами выявляется значительное количество нарушений в рассматриваемой сфере. Так, только за 2020 год выявлено более 11 тысяч нарушений законодательства в сфере долевого строительства. В целях устранения нарушений внесено свыше 3,5 тысяч представлений, принесено около 200 протестов¹.

Так, в результате вмешательства органов прокуратуры в ряде регионов застройщиком были исключены из договоров участия в долевом строительстве условия, ущемляющие права дольщиков. Например, прокурором Ленинского района г. Красноярск выявлены факты включения застройщиком ООО ГК «Развитие» в договор, не предусмотренного законом условия о том, что уступка права требования по нему подлежит обязательному письменному согласованию с застройщиком. В целях устранения нарушений генеральному директору внесено представление, по результатам рассмотрения

которого дольщикам направлено предложение об изменении условий договора².

Зачастую органами прокуратуры выявляется несоответствие региональных и муниципальных нормативных правовых актов федеральному законодательству. В целях устранения данных нарушений, прокурорами приносятся протесты. В частности, прокурором Омской области в декабре 2020 года принесен протест на постановление правительства Омской области, определяющее порядок осуществления государственного контроля (надзора) в сфере долевого строительства объектов недвижимости, в связи с их противоречием нормам Федерального закона от 30.12.2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»³.

Также следует сказать и о том, что только в 2020 году по инициативе органов прокуратуры к административной и дисциплинарной ответственности привлечено 3,5 тысяч лиц, возбуждено 120 уголовных дел⁴.

Как уже отмечалось, вопросы защиты прав дольщиков при строительстве объектов недвижимости, а также соблюдения при этом законодательства в сфере долевого строительства продолжают оставаться актуальными.

2 О практике прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере долевого строительства многоквартирных домов в Сибирском федеральном округе: обзор Ген. прокуратуры Росс. Федерации от 29 дек. 2021 г. № 39-23-2021.

3 Там же.

4 Органами прокуратуры активно принимаются меры по обеспечению законности в сфере долевого строительства // Генеральная прокуратура Российской Федерации: новости. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=59325440> (дата обращения: 22.04.2023).

1 Органами прокуратуры активно принимаются меры по обеспечению законности в сфере долевого строительства // Генеральная прокуратура Российской Федерации: новости. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=59325440> (дата обращения: 22.04.2023).

В силу статьи 35 Федерального закона от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» на прокурора возложены полномочия по участию в рассмотрении дел судами, что составляет неотъемлемую часть защиты прав дольщиков. Прокурор вправе обратиться в суд с заявлением или вступить в дело в любой стадии процесса, если этого требует защита прав граждан и охраняемых законом интересов общества или государства, в случаях, предусмотренных процессуальным законодательством⁵.

Вопросы защиты прав дольщиков при строительстве объектов недвижимости, а также соблюдения при этом законодательства в сфере долевого строительства подлежат разрешению в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства.

Прокурор вправе обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства путем подачи заявления от своего имени, но в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц, а также интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований.

Участие прокурора в рассмотрении судами дел о защите прав дольщиков следует рассматривать отдельно в части обращения в защиту прав конкретных граждан и в части обращения в защиту прав неопределенного круга лиц.

В силу части 1 статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, заявление в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина может быть подано прокурором только в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд⁶.

Так, решением Колпинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 15 июля 2020 г. по делу № 2-1885/2020, исковые требования прокурора Колпинского района г. Санкт-Петербурга в защиту интересов В. В. Серочкиной к ООО «Норманн-Юг» о признании права собственности на квартиру были удовлетворены. В силу того, что между истцом и ответчиком был заключен договор участия в долевом строительстве, согласно которому застройщик обязался передать истцу квартиру в жилом доме. Однако после ввода многоквартирного дома в эксплуатацию застройщик уклонялся от подписания акта приема-передачи, чем нарушил условия договора⁷.

Обращение прокурора с иском за защитой прав неопределенного круга лиц основывается на поступившей в прокуратуру информации о небезопасности объекта незавершенного строительства. Основным требованием в этой части выступает требование о консервации объекта. Так, решением Октябрьского районного суда г. Киров от 16 мая 2019 г. по делу № 2-1598/2019, исковое заявление прокурора, действующего в интересах неопределенного круга лиц, к ООО «Техкомсервис» о возложении обязанности по консервации объекта строительства, было удовлетворено. В связи с тем, что территория объекта не обнесена забором, что создает угрозу безопасности жизни и здоровью граждан⁸.

В целом, судебная практика в сфере защиты прав дольщиков в рамках гражданского судопроизводства сформировалась положительно. Удовлетворимость исковых заявлений остается стабильно высокой и составляет в среднем 96 %, что свидетельствует об обоснованности требований прокуроров и качественном их поддержании⁹.

В порядке арбитражного судопроизводства органы прокуратуры также вправе принимать участие в судебной защите прав дольщиков. Данное право может быть реализовано

только в соответствии с абзацем 6 статьи 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ). Так, прокурор вправе вступить в дело, которое рассматривается арбитражным судом, на любой стадии арбитражного процесса в целях обеспечения законности в случае, если в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) затрагиваются жилищные права граждан, в том числе несовершеннолетних¹⁰.

Исходя из буквального толкования данной нормы, можно сделать вывод о том, что участие органов прокуратуры возможно лишь в случае, если речь идет непосредственно о жилищных правах дольщиков. Также следует отметить, что моментом возникновения у дольщиков жилищных прав в отношении объекта недвижимости является дата подписания акта передачи объекта долевого строительства. Иными словами, на этапе строительства объекта недвижимости, жилищные права у дольщиков еще не возникают. Кроме того, процедура банкротства инициируется застройщиками задолго до непосредственной передачи объекта строительства, допуская при этом нарушения прав дольщиков. Таким образом, прокурор не может вступить в дело по данному основанию в целях обеспечения законности и, тем самым, обеспечить защиту нарушенных прав дольщиков.

На наш взгляд, вступление прокурора в дела, рассматриваемые арбитражным судом, в целях обеспечения законности в рассматриваемой сфере должно быть обязательным, поскольку участие в долевом строительстве является одним из основных способов реализации гражданами их права на жилище, которое отнесено Конституцией Российской Федерации к основным социальным и экономическим правам человека и гражданина.

Более того, Генеральный прокурор Российской Федерации неоднократно обращал внимание на проблемы реализации прокурорами полномочий в целях защиты прав дольщиков в соответствии с абзацем 6 части 5 статьи 52 АПК РФ¹¹.

В связи с этим, нами предлагается изменить формулировку положений абзаца 6 части 5 статьи 52 АПК РФ, указав, что прокурор вправе вступить в дело, рассматриваемое арбитражным судом, на любой стадии арбитражного процесса, в целях обеспечения законности в случае, если в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) затрагиваются права граждан, имеющие особую экономическую и социальную значимость. Внесение изменения в статью 52 АПК РФ будут способствовать реализации полномочий органов прокуратуры в части защиты основополагающих прав граждан.

Таким образом, в настоящее время долевое строительство выступает одной из наиболее распространенных форм привлечения денежных средств в строительство объектов недвижимости с целью последующего приобретения права собственности на них.

Анализ практики прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере долевого строительства, позволяет сделать вывод о том, что принятые прокурорами организационные и практические меры, реализация надзорных полномочий оказывают положительное влияние на состояние законности в рассматриваемой сфере.

На наш взгляд, одной из проблем в области защиты прав дольщиков, является диспозитивный характер части 5 статьи 52 АПК РФ, поскольку практика рассмотрения арбитражными судами дел о несостоятельности (банкротстве) застройщика в сфере долевого строительства говорит о том, что органы прокуратуры к участию в судебных процессах для защиты прав дольщиков при банкротстве застройщика не привлекаются, в инициативном порядке вопрос о вступлении в соответствующие дела не ставится.

Тем не менее, участие в долевом строительстве является одним из основных способов реализации гражданами в дальнейшем их жилищных прав и, соответственно, должно находиться под постоянным надзором, а судебная защита нарушенных прав должна осуществляться органами прокуратуры в обязательном порядке.

5 О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

6 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. – М.: Проспект, 2022. – 288 с.

7 Решение Колпинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 15 июля 2020 г. по делу № 2-1885/2020. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

8 Решение Октябрьского районного суда г. Киров Кировской области от 16 мая 2019 г. по делу № 2-1598/2019. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

9 Об обеспечении участия прокурора в рассмотрении судами общей юрисдикции дел, связанных с исполнением законодательства в области долевого строительства многоквартирных домов: инф. письмо Ген. прокуратуры Росс. Федерации от 13 сен. 2021 г. № 8-12-2021.

10 Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

11 Об обеспечении участия прокурора в рассмотрении судами общей юрисдикции дел, связанных с исполнением законодательства в области долевого строительства многоквартирных домов: инф. письмо Ген. прокуратуры Росс. Федерации от 13 сен. 2021 г. № 8-12-2021.

КУСТОВА Анастасия Андреевна

магистрант Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

ФАКТИЧЕСКИЕ БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ОПЫТ ЗАРУБЕЖНОГО И ОТЕЧЕСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье рассматриваются проблемы защиты прав лиц, состоящих в фактических брачных отношениях. Автор рассматривает опыт и модели зарубежного регулирования сожительства. Также автором был проведен анализ судебной практики Российской Федерации по вопросам защиты прав лиц, состоящих в фактических брачных отношениях. В статье делается вывод о необходимости изменения правового статуса сожителей.

Ключевые слова: фактические брачные отношения, сожительство, фактический брак, брачно-семейные отношения, незарегистрированный брачный союз.

KUSTOVA Anastasiya Andreevna

magister student of the Institute of Law of the National Research Tomsk State University

DE FACTO MARITAL RELATIONS: EXPERIENCE OF FOREIGN AND DOMESTIC REGULATION

The article deals with the problems of protecting the rights of persons who are in de facto marital relations. The author examines the experience and models of foreign regulation of cohabitation. The author also analyzed the judicial practice of the Russian Federation on the protection of rights of persons in de facto marital relations. The article concludes that it is necessary to change the legal status of cohabitants.

Keywords: de facto marital relations, cohabitation, de facto marriage, marriage and family relations, unregistered marriage union.

По данным последней переписи населения каждый десятый житель Российской Федерации состоит в незарегистрированном супружеском союзе. Всего это более 5 млн граждан¹. Схожая ситуация складывается и в зарубежных странах. Например, во Франции за десятилетие с 2010 по 2020 год ежегодно в зарегистрированное сожительство вступало от 300 до 420 тысяч граждан.

Почему же сожительство становится все популярнее? Изменение динамики развития общества неуклонно влечет изменения и в семейной структуре. Все больше молодых людей решают до брака прожить несколько лет в фактических брачных отношениях. А некоторые осознанно вступают в такие отношения на постоянной основе, так как не считают брак необходимостью.

Вопрос легализации фактических брачных отношений в научной среде обсуждается не один год. За полное или частичное введение сожительства в правовое поле высказывались такие ученые как Антокольская М.В. [1, с. 157], Тарусина Н.Н. [2, с. 89] и ряд других.

Вопрос легализации фактических брачных отношений неоднократно поднимался в законодательных органах. Последняя попытка придать сожительству правовое оформление была предпринята в 2018 году внесением законопроекта № 368962-7 «О внесении изменений в Семейный Кодекс Российской Федерации»².

Конец XX века был отмечен в целом ряде государств принятием законодательства, допускающего заключение между мужчиной и женщиной иного семейного союза, который с точки зрения законодательства о семье и браке не ква-

лифицируется в качестве брака и регулируется специальным законодательством. Принятие нового законодательства было реакцией государства на вступление весьма значительного числа мужчин и женщин в семейную жизнь без заключения брака и возникновение у многих людей различных проблем материального и личного характера в таких семейных союзах в сфере налогообложения, наследственных прав и пенсионного обеспечения.

Целью придания законного статуса сожительствам является упорядочение имущественных отношений партнеров; урегулирование вопросов, связанных с воспитанием и содержанием детей, рожденных в таких союзах; а также предоставление ряда льгот и гарантий лицам, проживающим в фактических брачных отношениях.

В зарубежных странах, которые придают правовое значение фактическим брачным отношениям, их признание может осуществляться либо при соблюдении сожителями специальной процедуры, либо без таковой, по факту обращения фактических супругов за применением последствий своего сожительства.

Наиболее распространенной является первая разновидность – зарегистрированное партнерство.

Например, во Франции оформление зарегистрированного партнерства осуществляется на основании Pacte civil de solidarité – Гражданского договора солидарности (ПАКС).

ПАКС представляет собой соглашение между двумя физическими лицами для организации их совместной жизни³. К лицам, заключающим ПАКС, предъявляются требования о достижении совершеннолетнего возраста и отсутствии зарегистрированного брака или иного ПАКС. Регистрация данного соглашения может осуществляться в мэрии или у нотариуса. Лица, заключившие ПАКС, обязаны вести со-

1 Всероссийская перепись населения 2020 года. Том 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 12.05.2023).

2 О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации: проект Федерального закона № 368962-7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/368962-7> (дата обращения: 12.05.2023).

3 Pacte civil de solidarité. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.service-public.fr/particuliers/vosdroits/N144> (дата обращения: 12.05.2023).

вместную жизнь, нести расходы по ведению домашнего хозяйства, а также оказывать иную взаимную помощь. Гражданский договор солидарности предполагает установление правового режима раздельного имущества супругов, если иное не закреплено в договоре сторон.

Применение правовых последствий сожительству без регистрации (конкубинату) после обращения сожителей к компетентным органам применяется в значительно меньшем числе стран.

Например, Французский гражданский кодекс под внебрачным сожительством понимает фактический союз, характеризующий совместной жизнью, носящий непрерывный и устойчивый характер. Особенность правового регулирования этих отношений по сравнению с браком и другими семейными союзами заключается в том, что наличие сожительства не как факта совместного проживания, а как правоотношения семейного характера признается не только в силу регистрации, но и без таковой в силу доказанного факта продолжительного и непрерывного ведения совместной семейной жизни с ведением общего совместного хозяйства⁴.

Современное отечественное семейное законодательство обходит правовым молчанием незарегистрированные брачные союзы. Сожители или фактические супруги не пользуются защитой семейного законодательства, закон не предполагает установление на имущество, приобретаемое в период сожительства, правового режима совместной собственности. Установление отцовства для детей, рожденных в таких отношениях, не имеет автоматического характера. Сожители не включаются в перечень наследников первой очереди; они имеют право на наследство только в том случае, если являлись нетрудоспособными иждивенцами наследодателя и проживали с ним не менее года до его смерти⁵.

При отсутствии законодательных средств защиты своих, в первую очередь имущественных, интересов, сожителям в случае прекращения такого незарегистрированного союза, остается только одно – обращаться за защитой в суд.

При этом споры, возникающие в подобной ситуации, чаще всего относятся к двум категориям дел – о наследовании имущества умершего сожителя и о разделе имущества после прекращения бывших сожителей.

В своем Определении от 28 июля 2020 г. Верховный суд Российской Федерации еще раз подчеркнул, что сожители могут наследовать за своим умершим фактическим супругом лишь в том случае, если ко дню открытия наследства являлись нетрудоспособными и не менее года до смерти наследодателя находились на его иждивении и проживали совместно с ним⁶.

И если в первой категории дел Верховный Суд Российской Федерации поставил, хотя и не утешительную для сожителей, но достаточно твердую точку, то вопросы о разделе имущества бывших сожителей до сих пор решаются неоднозначно.

В случае попыток раздела имущества сожителей при расставании у бывших сожителей есть два возможных способа защитить свои права – обращение в суд с иском о при-

знании общей долей собственности на нажитое в таком сожительстве имущество либо просить суд о возврате неосновательного обогащения.

В первом случае истцу придется доказать наличие фактических брачных отношений, несение расходов на приобретение имущества и наличие совместной воли сожителей на возникновение общей долевой собственности. Конечно же, ни о какой совместной собственности таких бывших фактических супругов и речи идти не может. Наибольшую сложность в доказывании представляет установление воли ответчика на возникновение долевой, а не личной собственности на имущество.

На практике чаще встречаются случаи, когда бывшие сожители прибегают к попытке взыскать стоимость нажитого имущества при помощи иска о возврате неосновательного обогащения. Неоднозначная судебная практика на уровне первой, апелляционной и кассационных инстанций, была предметом оценки Верховного Суда Российской Федерации.

В ряде своих определений Верховный Суд Российской Федерации резюмировал, что согласно подпункту 4 статьи 1109 Гражданского Кодекса Российской Федерации денежные средства и иное имущество не подлежат возврату в качестве неосновательного обогащения, если будет установлено, что воля передавшего их лица осуществлена в отсутствие обязательств, то есть безвозмездно и без встречного предоставления. Несение истцом материальных затрат на протяжении совместного проживания с ответчиком осуществлялось им добровольно, в силу личных отношений сторон и никакими обязательствами не было обусловлено. При этом, истец не мог не знать об отсутствии между ним и ответчиком каких-либо обязательств, повлекших необходимость оплаты истцом за счет собственных средств расходов ответчика⁷.

Так, например, в одном из дел, рассмотренных Верховным Судом Российской Федерации, сложилась следующая ситуация. В период сожительства мужчина приобрел земельный участок и построил на нем дом, который зарегистрировал на свою сожительницу. Через какое-то время фактические брачные отношения между ними прекратились.

Мужчина обратился в суд с иском к бывшей сожительнице о взыскании неосновательного обогащения в размере 6 млн. рублей, заявляя, что на строительство и обустройство дома на указанном земельном участке им было потрачено около 9 млн. рублей, из которых 6 млн. рублей документально подтверждено.

Суды, исследовав и оценив все представленные в материалы дела доказательства с учетом доводов и возражений сторон, исходили из того, что мужчина нес расходы на строительство и обустройство дома на земельном участке женщины в силу личных отношений сторон в период их совместного проживания, в отсутствие каких-либо обязательств перед ответчиком, добровольно, безвозмездно и без встречного предоставления (то есть в дар), в связи с чем пришли к выводу о том, что потраченные таким образом денежные средства истца не подлежат взысканию с женщины в качестве неосновательного обогащения.

Также необходимо отметить, что в судах общей юрисдикции в первой инстанции неоднократно были предприняты попытки применить аналогию закона к отношениям сожителей. Практика показывает, что большинство исковых

4 Code Civil. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT00006070721/ (дата обращения: 12.05.2023).

5 Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья от 26 ноября 2001. № 146-ФЗ // Российская газета. 2001. 28 ноября. № 233.

6 Определение Верховного суда Российской Федерации от 28 июля 2020 г. № 5-КГ20-66-К2.

7 Определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 июня 2020 № 5-КГ20-29; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2022 № 78-КГ22-48-К3.

требований сожителей со ссылкой на возможность применения ст. 5 Семейного кодекса РФ были отклонены судами.

Однако имеются примеры и обратного подхода суда. Например, в деле Решении Брюховецкого районного суда Краснодарского края от 16 февраля 2011 г. гражданин В. А. Матюшенко (истец) обратился в суд с иском к гражданке Е. А. Куценко (ответчица) о взыскании денежных средств. Исковые требования основаны на том, что им было приобретено сантехническое оборудование на общую сумму 78 800 руб., которое установлено в доме ответчицы в период их сожительства и которое она отказывается возвращать либо компенсировать его стоимость деньгами. Ответчица иск не признала и, не отрицая фактических брачных отношений с истцом, утверждала, что спорное имущество приобретено на ее личные средства.

Суд установил следующее: за время совместной жизни обе стороны имели доход, вели общее хозяйство, проживали как фактические супруги; ни истцом, ни ответчицей не представлено достоверных доказательств того, что спорное оборудование было приобретено исключительно на личные средства одного из них, поскольку свидетелям неизвестно, чьими деньгами (личными истца, ответчицы или совместными) истец расплачивался в хозяйственном магазине.

На основании аналогии закона (ст. 5 Семейного Кодекса Российской Федерации, ст. 6 Гражданского Кодекса Российской Федерации) суд счел возможным применить к отношениям сторон, не состоящих в зарегистрированном браке, но являющихся фактическими супругами (сожителями), правила ст. 34, 38, 39 Семейного Кодекса Российской Федерации о создании общей совместной собственности на имущество, нажитое в период брака, и признании равенства долей супругов в этом имуществе.

Однако, представляется, что указанное решение представляет собой лишь исключение из устоявшейся судебной практике и вступило в законную силу лишь в результате отказа сторон от его обжалования.

Кроме имущественных споров из факта сожительства возникают также и жилищные споры. Так, показательным является рассмотренное Европейский суд по правам человека еще в 2004 году дело «Маргарита Семеновна Прокопович против Российской Федерации»⁸. Заявительница в течение десяти лет состояла в фактических брачных отношениях с гражданином Филипповым. Проживала заявительница в квартире своего сожителя, который занимал ее по договору найма жилых помещений в домах государственного и общественного жилищного фонда, они совместно вели хозяйство, приобретали предметы домашнего обихода. Заявительница не была зарегистрирована в квартире своего сожителя. После его смерти М. С. Прокопович была выселена из квартиры. Российские суды не нашли основания для сохранения за заявительницей права на проживание в спорной квартире. Европейский суд по правам человека обратил внимание на возникновение и наличие у заявительницы прочных связей с жилищем (квартирой), из которой она была выселена. Доказанный факт сожительства явился достаточным основанием для признания у нее значительных, длящихся связей с жилищем, а значит, возникновения у нее права на квартиру. При этом не сам по себе факт длительного проживания в кварти-

ре создает права на нее, правовое значение имеет статус заявительницы как сожительницы собственника квартиры.

Еще одну категорию дел, рассматриваемых судами в связи с фактом сожительства сторон, составляют дела о социальном обеспечении сожителя в связи со смертью кормильца. Как законодательство, так и судебная практика единодушно лишают сожителей права на получение права на такой вид пенсионного обеспечения. Так, Определением Верховного Суда Российской Федерации от 25.07.2016 было отменено постановление нижестоящей инстанции по иску Крюковой к пенсионному органу о признании членом семьи умершего, об установлении факта нахождения на иждивении, о признании права на получение пенсии по случаю потери кормильца.

В обоснование исковых требований истец указывала, что несмотря на то, что брак между ней и Крюковым Н. К. был расторгнут, они продолжали проживать совместно, вели общее хозяйство, ухаживали друг за другом, были мужем и женой.

Часть 2 статьи 10 Федерального закона от 28 декабря 2013 года № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» устанавливает исчерпывающий перечень лиц, которые могут быть признаны нетрудоспособными членами семьи умершего кормильца, имеющими право на страховую пенсию по случаю потери кормильца. Право на такую пенсию имеет супруг, достигший возраста 60 и 55 лет (соответственно мужчины и женщины).

Признавая Крюкову А. А. членом семьи Крюкова Н. К., суд апелляционной инстанции неправильно истолковал подлежащие применению нормы материального права и не принял во внимание, что права и обязанности супругов не могут возникнуть из фактических брачных отношений мужчины и женщины без государственной регистрации заключения брака, сколько бы длительными эти отношения не были, и что не имеет правового значения, состояли ли данные мужчина и женщина ранее в браке, поскольку после расторжения брака они более не являются субъектами семейных отношений.

Как видно из приведенного анализа судебной практики, защита социальных и имущественных прав сожителей находится на достаточно низком уровне. Набор правовых средств, которыми они располагают для защиты своих законных интересов крайне узок. Следовательно, что оставлять сложившуюся ситуацию в том виде, в котором она существует сейчас, не представляется возможным. Представляется, что на законодательном уровне необходимо разрешить сложившуюся правовую неопределенность.

Пристатейный библиографический список

1. Антокольская М. В. Лекции по семейному праву. – М.: Юристъ, 2010.
2. Тарусина Н. Н. Семейное прав: учеб. пособие. – М.: Проспект, 2008.

⁸ Дело Прокопович (Prokovich) против Российской Федерации» (жалоба № 58255/00): постановление ЕСПЧ от 18 нояб. 2004 г. // Бюллетень ЕСПЧ. 2006. № 8.

МАТЮХИН Данила Алексеевич

студент 3-го курса Самарского государственного экономического университета

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФИНАНСОВОГО РЫНКА В РОССИИ: АДМИНИСТРАТИВНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕРЫ

В научной статье представлены результаты анализа практической роли и места государства в процессе регулирования рынка ценных бумаг в России. Определена практическая роль государства при осуществлении реализации мероприятий, направленных на регулирование рынка ценных бумаг. В заключении установлено, что правовое регулирование государства в современной России должно быть направлено не на сдерживание, а на стимулирование развития финансового рынка.

Ключевые слова: государственное регулирование, финансовый рынок, рынок ценных бумаг, фондовый рынок, регулятивные процедуры.

MATYUKHIN Danila Alexeevich

student of the 3rd course of the Samara State University of Economics

STATE REGULATION OF THE FINANCIAL MARKET IN RUSSIA: ADMINISTRATIVE AND ECONOMIC MEASURES

The scientific article presents the results of the analysis of the practical role and place of the state in the process of regulating the securities market in Russia. The practical role of the state in the implementation of the implementation of measures aimed at regulating the securities market is determined. In conclusion, it is established that the legal regulation of the state in modern Russia should be aimed not at restraining, but at stimulating the development of the financial market.

Keywords: state regulation, financial market, stocks and bonds market, stock market, regulatory procedures.

В современной экономической науке актуальной проблемой развития финансового рынка является разработка мероприятий по снижению кризисных явлений санкционного давления на инвестиционный климат страны. Данная тенденция находит своё отражение в снижении деловой активности экономических агентов и профессиональных участников рынка ценных бумаг. Биржевые котировки рыночных ценных бумаг способствовали снижению индекса Московской биржи почти на 40 % ниже, чем исторические минимумы прошлых лет.

Чтобы обеспечить устойчивое развитие рынка ценных бумаг Российской Федерации необходимо проведение государственного регулирования, с целью чего используются инструменты нормативно-правового поля. Их объектом являются отношения экономических субъектов на рынке ценных бумаг, регулирование которых обеспечивает безопасность и законность всех операций и действий в отношении к финансовым активам.

Государственное регулирование финансового рынка осуществляется с целью четкого исполнения всех законодательных требований и нормативных актов, которые определяют обязанности и права каждого профессионального участника по ряду направлений – от регистрации выпуска ценных бумаг, до прав государственного управления по регулированию рынка [2].

В целях стимулирования устойчивого развития рынка фондового капитала Банк России, как мегарегулятор финансового рынка, обладает широким арсеналом методов и инструментов протекционистского воздействия на его деловую активность.

Объектом государственного регулирования финансового рынка являются экономические отношения между профессиональными участниками и инфраструктурными институтами, где объектом выступают ценные бумаги.

Основным приоритетом обеспечения экономической безопасности, сохранения финансового капитала, институ-

циональных интересов профессиональных участников, а также соблюдение законодательств, операций и услуг по обращению основных и производных финансовых инструментов.

Государственное регулирование и надзорный процесс финансового рынка направлен на поддержание прав и обязанностей частных инвесторов и профессиональных участников по целому ряду направлений от эмиссии и регистрации ценных бумаг до управления портфелем с точки зрения приоритетов финансового рынка.

Приоритетными направлениями государственного регулирования финансового рынка является:

- обеспечение экономической безопасности, сохранности и движения финансового капитала;
- стимулирование капитализации рынка ценных бумаг;
- формирование информационной прозрачности и публичности компаний-эмитентов;
- снижение негативных последствий действий систематических и специфических рыночных рисков;
- стимулирование экономического роста страны через источники финансирования рынка ценных бумаг.

Административные действия государственного регулирования рынка ценных бумаг способствуют формированию устойчивых связей институционального развития, которые играют основополагающую роль при мониторинге всех субъектов. В свою очередь, экономические основы государственного регулирования рынка ценных бумаг способствуют формированию устойчивых связей интенсивного развития движения инвестиционного капитала в воспроизводственном процессе [1].

Следует отметить, что система государственного регулирования финансового рынка значительно трансформировалась, однако не отвечает вызовам современного состояния финансового рынка, что связано с ростом капитализации и инвестиционной привлекательности отраслевой региональной экономики.

Таблица 1. Прямые и косвенные инструменты государственного регулирования фондового рынка России

Прямые инструменты	Косвенные инструменты
Формирование нормативно-правовой базы	Изменение денежно-кредитной политики
Регистрация эмитентов	Изменение условия налогового администрирования
Регистрация участников фондового рынка	Изменение бюджетной политики
Проведение политики гласности и равного доступа к информации	Управление государственной собственностью, куда относятся ценные бумаги

В настоящее время наибольшее распространение получили инновационные модели поведенческого надзора, основанные на интеграционных процессах реального и финансового капитала и проникновения финтех-компаний на рынок фондового капитала. Среди них можно отметить следующие: либеральная модель, централизованная модель, модель начальной интеграции, модель частичной интеграции, модель продвинутой интеграции.

Так, атрибутивными характеристиками либеральной модели является наличие нескольких регуляторов по отдельным сегментам финансового рынка (в таких странах: США, Германия, Великобритания, Австралия). Отличительными характеристиками модели полной интеграции является выполнение центральным банком функции мегарегулятора на рынке фондового капитала (в таких странах: Россия, Китай, Канада) [3].

Наиболее приоритетной моделью государственного регулирования финансового рынка, с точки зрения авторов, является интегрированная модель. В рамках повышения эффективности регуляторной функции государства при достижении стратегических ориентиров развития фондового рынка, как источника финансирования национальной экономики, целесообразно осуществлять следующие действия [5]:

- снижение доли участия государства при формировании структуры капитала системообразующих банковских институтов.

- формирование трехуровневой модели банковской системы, с выделением в отдельный кластер микрофинансовых организаций и кредитных кооператив;

- с целью поддержания неконкурентных процессов рынка фондового капитала создать условия для развития профессиональных участников рынка и финансовых посредников небанковского типа;

- формирование отраслевых институтов финансового развития на базе финансовых корпораций – институтов развития, имеющих стратегическое значение для экономического роста.

В таблице 1 перечислим основные инструменты прямого и косвенного регулирования финансового рынка России [4].

Важнейшим документом, регулирующим российский финансовый рынок, является Федеральный закон № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», выпущенный 22 апреля 1996 г. С момента первого издания ФЗ вышел целый ряд законов, вносящих поправки и дополняющих его.

Таким образом, система государственного регулирования рынка фондового капитала направлена на формирование условий эффективного взаимодействия мегарегулятора с профессиональными участниками рынка при соблюдении принципов интеграции интересов всех заинтересованных сторон и стимулирования частных и корпоративных инве-

стиций через механизм финансового посредничества в производственном процессе.

Пристатейный библиографический список

1. Ногачевский Н. А. Инфраструктура финансового рынка и тенденции его развития в России // Актуальные проблемы развития экономики и управления в современных условиях. - 2021. - С. 602-615.
2. Садыкова Н. Р. Государственное регулирование фондового рынка // Достижения науки и образования. - 2018. - № 16 (38). - С. 24-29.
3. Долматова Д. А. Инфраструктура финансового рынка и его составные элементы // Наука, образование, инновации: апробация результатов исследований. - 2020. - С. 287-290.
4. Родин Д. Я., Кривенко А. С., Левая В. О. Проблемы государственного регулирования на фондовом рынке // Человек. Социум. Общество. - 2022. - № 1. - С. 47-52.
5. Питерская Л. Ю., Зиниша О. С., Родин Д. Я., Иваненко И. Н. Институциональные преобразования деятельности участников рынка финансовых услуг в эпоху диджитализации: монография. - Краснодар: КубГАУ, 2021. - 170 с.

СУНЦОВА Елена Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, подполковник юстиции

МАЦКЕВИЧ Оксана Валерьевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ В ТРАНСПОРТНОЙ СФЕРЕ (НА ПРИМЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОГЛАШЕНИЙ И ИНВЕСТИЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА)

Цель. Развитие благоприятного инвестиционного климата и стимулирование привлечения инвестиционных ресурсов в сферу транспорта является на сегодняшний день одним из основных направлений современной экономической, и как следствие, правовой политики государства. Поскольку относительно недавно в России внедрена новая форма инвестиционного сотрудничества - специальный инвестиционный контракт, то авторы ставили перед собой задачу показать место данной правовой формы в системе уже традиционных механизмов на примере транспортной сферы.

Интерес государства, проявляемый в виде создания новых правовых механизмов, свидетельствует о том, что курс на развитие идеи доступного транспорта, улучшения качества оказываемых транспортных услуг, стимулирование бизнеса в данной сфере являются одними из приоритетных задач, где удачно можно сочетать не только частные и публичные интересы, но и их ресурсы.

Методология. В работе была применена система разнообразных методов: так, был использован общенаучный метод анализа, позволивший авторам аргументировать концепцию по вопросам использования преимуществ тех или иных механизмов правового регулирования обеспечения соглашений и инвестиционного сотрудничества; в свою очередь формально-юридический метод позволил задействовать не только познавательные ресурсы, направленные на ознакомление с правовыми нормами, но и как следствие прибегнуть к их правовому уяснению и интерпретации, то есть частному методу – юридическому толкованию. Метод абстрагирования позволял сфокусировать внимание на особенностях реализации механизма правового регулирования в транспортной сфере.

Выводы. Гарантом регулятивно-охранительной стабильности инвестиционного сотрудничества в транспортной сфере являются инвестиционные договоры. Договорная форма (инвестиционный договор) предельно определена законом. С точки зрения же права вообще допустимо им придавать самые разнообразные формы и основанием для этого является генеральная линия законодателя о том, что соглашения могут как прямо быть предусмотрены в ГК, но также и то, что директивное указание на это может отсутствовать.

Комплексное исследование организационно-правовых механизмов обеспечения соглашений и инвестиционного сотрудничества позволяет констатировать, что практически любой претензионный субъект сможет найти привлекательную для себя форму правового взаимодействия. Инвестиционные контракты могут решать различные по масштабности инфраструктурные задачи: строительство дорог, портов и проч.

Повсеместная интеграция в мировую экономику, однако, несколько замедлившая свое уверенное движение по причине, начавшейся и затянувшейся СВО, создание представительств в различных правовых формах позволяет инвестиционным соглашениям дать уверенный зеленый свет.

Современная российская экономика нуждается не в администрировании отношений, а скорее в согласительных формах, где на паритетных основах взаимодействуют частный инвестор и государство, где есть вероятность распределить риски между этими сторонами отношений и обеспечить перманентность договорных условий, что, бесспорно, привлекало и будет привлекать субъектов частных инвестиций.

Необходимо, при этом все же озадачиться снижением политических рисков, которые слабо поддаются правовому регулированию.

Научная и практическая значимость. Договором-фундаментом в инвестиционной деятельности традиционно признается договор на реализацию инвестиционного проекта. Под инвестиционным проектом* необходимо понимать объяснение вопросов экономической целесообразности, объема и сроков осуществления капитальных вложений, в том числе и сопутствующая необходимая проектная документация, разработанная в соответствии с законодательством РФ, а также описание практических действий по осуществлению инвестиций (бизнес-план)» [12].

С точки зрения частоты задействования необходимо исследовать две паритетные партнерские формы: договорную и институциональную. В основе договорной формы может находиться соглашение между публичным и частным партнером. Специфичной можно считать саму сферу их применения

– транспортную (на транспорте).

Ключевые слова: правовой механизм, правовое регулирование, обеспечение соглашений, инвестиционное сотрудничество, контракт, договор, государственно-частное партнерство, публично-частное партнерство, транспорт, модель партнерства, концессионное соглашение.

* Ст. 2 Федерального закона «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» от 25.02.1999 № 39-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22142/. (дата обращения: 20.04.2023).

SUNTSOVA Elena Anatoljevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of State and law disciplines sub-faculty of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

MATSKEVICH Oksana Valerjevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Humanities, social sciences and economics disciplines sub-faculty of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

FINANCIAL AND LEGAL MECHANISMS IN THE TRANSPORT SECTOR (ON THE EXAMPLE OF SECURING AGREEMENTS AND INVESTMENT COOPERATION)

Purpose. The development of a favorable investment climate and stimulating the attraction of investment resources in the field of transport is today one of the main directions of modern economic and, as a consequence, legal policy of the state. Since a new form of investment cooperation has been introduced in Russia relatively recently - a special investment contract, the authors set themselves the task of showing the place of this legal form in the system of already traditional mechanisms by the example of the transport sector.

The state's interest in the creation of new legal mechanisms indicates that the course towards the development of the idea of affordable transport, improving the quality of transport services provided, stimulating business in this area are among the priorities, where it is possible to successfully combine not only private and public interests, but also their resources.

Methodology. A system of various methods was used in the work: for example, a general scientific method of analysis was used, which allowed the authors to argue the concept of using the advantages of certain mechanisms of legal regulation of agreements and investment cooperation; in turn, the formal legal method allowed using not only cognitive resources aimed at familiarization with legal norms, but also and as a consequence, resort to their legal clarification and interpretation, that is, a private method – legal interpretation. The abstraction method allowed us to focus on the specifics of the implementation of the financial and legal mechanism for ensuring agreements and investment cooperation in the transport sector.

Conclusions. The basis of the financial and legal mechanism for ensuring agreements and investment cooperation in the transport sector is, first of all, investment contracts. An investment agreement is a legally defined contractual form of cooperation between investors and customers. From the point of view of the contract, it can be a variety of relationships and types of agreements. The Civil Code of the Russian Federation allows the conclusion of both stipulated and non-stipulated agreements. The analysis of the legal mechanisms for securing agreements and investment cooperation allows us to state that almost any claim entity will be able to find an attractive form of legal interaction for itself. Investments play an important role for the global and national economies. Investment contracts can solve infrastructure tasks of various scales: construction of roads, ports, etc.

The growth in the number of corporations, the creation by them of a large number of their branches and subsidiaries of commercial organizations indicates the stage of development of the special importance of investment relations in the environment related to transport.

The Russian economy today needs contractual forms where a private investor and the state interact on a parity basis, where there is a chance to distribute risks between these sides of the relationship and ensure the permanence of contractual terms, which undoubtedly attracted and will attract private investment entities.

It is necessary, at the same time, to be puzzled by the reduction of political risks that are poorly amenable to legal regulation.

Scientific and practical significance. The contract-the foundation that determines the investment process is traditionally recognized as the contract for the implementation of an investment project. According to Article 1 of Federal Law No. 39-FZ, an investment project is understood as an explanation of the issues of economic feasibility, the volume and timing of capital investments, including the accompanying necessary project documentation developed in accordance with the legislation of the Russian Federation, as well as a description of practical actions to implement investments (business plan)."

From the point of view of concluding an agreement on public-private partnership, it is necessary to emphasize that there are two forms of public-private partnership, including in transport: institutional and contractual. The contractual form is based on an agreement between a public and a private partner. A project company may also be created, the founders of which are private companies. If a company enters into a contract, then it is a party to the partnership agreement. If at least one participant of the project company belongs to public legal entities or an agreement is concluded between the project company and a public partner, then an institutional model of partnership arises before us.

Keywords: legal mechanism, legal regulation, provision of agreements, investment cooperation, contract, contract, public-private partnership, public-private partnership, transport, partnership model, concession agreement.

Институциональная и договорная формы на транспорте являются основными для публично (государственного) – частного партнерства.

Согласительная (договорная или консенсуальная) форма позволяет согласовать интересы публичных и частных партнеров в содержательной части. Также допускается и нет прямого правового противопоказания для этого как создание проектной компании. Если компания заключает договор, то

учредителями в нем выступают частные компании. Институциональная модель партнерства необходима в том случае, когда одна из сторон действует в публичном интересе.

С началом СВО система транспортных потоков существенно претерпела изменения: прекращение перевозок грузов на Украину и через Украину. Но самый большой коллапсозодобный вызов возможно еще впереди – это возможный тотальный запрет на все виды перевозок. Геополитический

форс-мажор и как следствие возросшая нагрузка Восточного направления обращает на себя внимание многих прямо и косвенно заинтересованных субъектов, в связи с чем, государство решается на докапитализацию РЖД из денег Фонда национального благосостояния страны. Обращает на себя внимание такая связка, как Европа-Турция-Азербайджан-Дагестан и очевидный, а не инсинуационный рост внутрироссийских перевозок.

Все эти названные позиции и многие другие заставляют вновь и вновь обращать внимание на правовые формы публичного и частного партнерства в транспортной сфере.

Обсуждение результатов исследования.

Законодательством предусматриваются различные социальные и контрактные формы государственно-частного партнерства¹: инвестиционные соглашения в форме капитальных вложений, соглашения о разделе продукции, соглашения о создании ОЭЗ, долевое участие в уставных капиталах юридических лиц путем предоставления бюджетных инвестиций и др. Форма ГЧП должна быть связана с наличием конкретного отношения между партнером публичным и частным на основе договора. Существуют многообразные модели инвестиционных договоров.

Стороны правового соглашения, осложненные международно-правовым элементом, проявили себя через другие договорные формы: концессионные соглашения, соглашения о разделе продукции², создание совместных предприятий, сервисные контракты (о проведении технической оценки, контракт по техническому содействию, контракт на проведение работ и др.). Данные договоры регистрируются в единой системе нотариата с названием.

Элементарный состав от различных соглашений может быть сконцентрирован в одном договоре. Федеральные органы исполнительной власти принимают на себя роль концедента от имени публично-правового образования.

Проектирование, строительство, реконструкция, финансирование и другие – это конструкции для ПЧП (концессия) с которыми они связаны функциональной нагрузкой. Транспортная сфера, как среда для применения данных организационно-правовых форм не является исключением.

Подзаконное же нормотворчество в этой области стремится своим регулированием упростить, разъяснить необходимые требования к концессионеру в части, касаемой, его взаимоотношений с банками, страховыми организациями и многие другие положения [10].

Специальный инвестиционный контракт с представителем публичного лица, с одной стороны, являясь еще одной формой соглашения, стремится предоставить инвестору условия создать или модернизировать, освоить производство промышленной продукции на территории РФ. В силу своих свойств контракт является двусторонним, взаимным и консенсуальным. Итак, в данном контракте с одной стороны выступает публично-правовое образование, а с другой – инвестор. Промышленность как сфера его реализации излагается в ФЗ 488 «О промышленной политике» непосредственный же его предмет – сущность и содержание инвестиционной деятельности.

1 Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 29. Ст. 435.

2 Федеральный закон от 30 декабря 1995 г. № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции» // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 18.

Система условия специального инвестиционного контракта в обязательном порядке подлежит уяснению и согласованию с органами исполнительной власти в установленной сфере деятельности, поскольку стимулирующая прерогатива является предметом (промышленная деятельность) их исключительного ведения и компетенции.

Паритетность прав и обязанностей публичного и частного лица в таких правовых отношениях, является свидетельством того, что их правовая природа по своему генезису тяготеет скорее к цивилистической, нежели к административной.

Проблема же множественности лиц на стороне публичного партнера создает ощутимые сложности. Так, например, нормы закона о ПЧП допускают возможность проведения двумя и более публичными партнерами совместного конкурса в целях реализации проекта [7, с. 4-7].

При этом специальный инвестиционный контракт определяет минимальный объем инвестиций и эта сумма, по сути, является вычетом из налоговой базы инвестора, так как она относится на расходы. За счет прибыли инвестор должен выйти на окупаемость проекта. В любом соглашении о ПЧП предусматриваются сроки возмещения расходов сторон.

В Законе установлена следующие условия для заключения специального инвестиционного контракта (СПИКа): разработка инвестиционного проекта с конкретным перечнем мероприятий по созданию или модернизации производства; ограничение срока действия периодом не более 10 лет; результаты, которые планируется достичь при реализации проекта. Инвестором при этом является российская или иностранная организация. Определенными преимуществами контракта являются: процедура упрощенного доступа посредством приложения копии договора, который заключил инвестор и без проверки его исполнения, к закупкам определенных товаров; право закупки на внеконкурсной основе заказчиком, произведенной в процессе реализации СПИКа.

Стоит предположить, что дефектом контракта является «положение о том, что в случае его расторжения в связи с невыполнением или ненадлежащим выполнением инвестором принятых на себя обязательств инвестор обязуется возместить ущерб, причиненный РФ, субъектам РФ в результате применения различных налоговых послаблений либо неприменения к инвестору более строгого режима ограничений по СПИКу (если таковой вступил в силу после заключения СПИКа)» [7, с. 4-7]. Кроме того, одним из способов привлечения инвестиций в рамках указанного Закона №488 являются так называемые «индустриальные парки», т.е., специальные территории, на которых создаются промышленные производства под контролем управляющей компании, которая ведет реестр резидентов индустриального парка.

Еще одной формой инвестиционной деятельности являются соглашения об осуществлении деятельности в особой экономической зоне в соответствии с ФЗ от 22 июля 2005 г. № 116 «Об особых экономических зонах в Российской Федерации». Соглашение об осуществлении деятельности в ОЭЗ по форме является договором, в силу которого резидент ОЭЗ обязуется осуществить инвестиции в деятельность, предусмотренную соглашением; осуществлять инвестиции в капитальные вложения. Уполномоченное лицо в установленной сфере деятельности обязан предоставить резиденту участок в аренду.

Урегулирование вопросов, связанных с созданием инфраструктуры находится в сфере компетенции управляющей компании, причем не в рамках правомочий, а именно юридического обязывания (управляющая компания приобретает статус правообязанного лица).

«Перспективная модель финансирования транспортной отрасли предусматривает развитие различных форм государственно-частного партнерства, повышение доступности кредитных ресурсов за счет субсидирования части процентных ставок из средств федерального бюджета, стимулирование развития лизинговой деятельности, содействие в защите и страховании капитала частных инвесторов, использование транспортных облигаций. Предполагается, что кредиты и лизинг станут играть важную роль в реализации инвестиционных программ на морском транспорте»³.

Перспективное и опережающее развитие способно привлечь инвесторов и как следствие потребовать оформления договорных отношений. В соответствии со ст. 14 Федерального закона от 29 декабря 2014 г. № 473 «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации». В соответствии с ним одна сторона должна осуществлять деятельность и инвестиции, а другая сторона (управляющая компания), с полным пакетом акций, принадлежащих РФ, осуществлять действия в соответствии с действующим законодательством.

Инфраструктурные проекты также не оставлены без внимания. Это связано с тем, что такая группа инвесторов готова вкладываться на длительный срок. С помощью «длинных денег» осуществляются финансирование долгосрочных программ развития, и они же являются индикатором стабильного функционирования экономики, что в свою очередь может поспособствовать привлечению иностранных инвесторов.

Необходимость обеспечения притока внебюджетных инвестиций за счет опережающей подготовки проектной документации и выработки механизмов финансирования проектов на условиях государственно-частного партнерства и широким использованием концессионных механизмов позволяют приблизиться к задачам, отраженным в стратегии развития⁴.

Улучшение условий для увеличения государственных и частных инвестиций в инфраструктурные проекты, строительство новых железнодорожных линий общего и специального пользования, совершенствование системы организации недискриминационного доступа перевозчиков к железнодорожным линиям общего пользования, механизмы технического и технологического контроля, а также организации перевозок на линиях всех типов позволят поднять уровень доступности и обслуживания на новые высокие стандарты⁵.

Пристатейный библиографический список

1. Баранов В. В., Баранова И. В., Мурадов А. А. Концессионные соглашения как инструмент реализации государственно-частного партнерства в сфере управления инфраструктурными и социально-зна-

3 Стратегия развития морской портовой инфраструктуры России до 2030 года (одобрена Морской коллегией при Правительстве РФ 28.09.2012). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_213628. СПС Консультант плюс. (дата обращения: 15.10.2018 г.).

4 Стратегия развития морской портовой инфраструктуры России до 2030 года (одобрена Морской коллегией при Правительстве РФ 28.09.2012). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_213628. СПС Консультант плюс. (дата обращения: 15.10.2018 г.).

5 Распоряжение Правительства РФ от 22.11.2008 № 1734-р (в ред. от 11.06.2014 № 1032-р, от 12.05.2018 № 893-р) «Об утверждении Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 г.». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902132678>. (дата обращения: 15.10.2018 г.).

чимыми проектами. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_213628. СПС Консультант плюс. (дата обращения: 15.10.2018 г.).

2. Баранова А. Н. Правовая природа концессий и концессионных соглашений как механизма привлечения иностранных инвестиций // Законодательство. 2007. № 6. С. 56-62.
3. Белоусов А. Л. Условия формирования инновационной инфраструктуры экономики // В сб.: Инновационное развитие современных социально-экономических систем // Материалы III Международной заочной научно-практической конференции. Министерство образования и науки Российской Федерации; ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет»; ФАО ДальНИИ рынка при Министерстве регионального развития РФ. 2016. С. 17-20.
4. Белоусов А. Л. Развитие инвестиционных отношений в транспортной сфере через реализацию специальных инвестиционных контрактов // Материалы международной научно-практической конференции «Современные финансовые и финансово-правовые проблемы на транспорте», М., МИИТ, 14 февраля 2019 г. /Под ред. А. А. Чеботаревой, В. М. Корякина, В. Е. Чеботарева. 2019. С. 115-119.
5. Доронина Н. Г. Концессионный договор в международном частном праве // Отдельные виды обязательств в международном частном праве / Отв. ред. В.П. Звекон. М., 2008. Гл. 3.
6. Доронина Н. Г. Концессионный договор как самостоятельный вид обязательства в международном частном праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2008. № 4. С. 56-66.
7. Зеленин А. Д., Степанищева К.Ю. Перспективы иностранных инвестиций: возвращение резидента // «Предпринимательское право». Приложение «Право и бизнес», 2017. № 1. С.4-7.
8. Касаткина А. А. Иностранные инвестиции и способы их привлечения в национальную экономику. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_213628. СПС Консультант плюс. (дата обращения: 22.09.2020 г.).
9. Попондопуло В. Ф. Специальный инвестиционный контракт как правовая форма инвестиционных соглашений с участием публично-правового образования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_213628. СПС Консультант плюс. (дата обращения: 22.09.2020 г.).
10. Публично-частное партнерство в России и зарубежных странах: правовые аспекты. / Под общей ред. В. Ф. Попондопуло, Н.А. Шевелевой. М., 2015. 301 с.
11. Сосна С. А. Концессионные соглашения: теория и практика. М., 2002. 256 с.
12. Целовальникова И. Ю. Правовое регулирование инвестиционной деятельности: Монография. М.: Юридический институт МИИТа, 2013. 70 с.

СИКАЧ Артём Сергеевич

студент 3 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета

АНТОНЮК Людмила Александровна

студент 3 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ПОНОМАРЁВ Олег Владимирович

старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Дальневосточного федерального университета

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УЛУЧШЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЛОГОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ

Развитие технологий и искусственного интеллекта в последние годы открывает новые возможности для автоматизации и повышения эффективности налогового администрирования. В статье рассматривается использование искусственного интеллекта в улучшении деятельности налогового администрирования на примере различных систем налогового контроля и определения налоговой базы. Показано, как применение алгоритмов машинного обучения, нейронных сетей и других технологий искусственного интеллекта может повысить точность и быстроту обработки данных, снизить количество ошибок и упростить процессы налогового администрирования.

Ключевые слова: искусственный интеллект, налоговое администрирование, автоматизация, анализ данных, определение налоговой базы, налоговый контроль, машинное обучение, нейронные сети.

SIKACH Artem Sergeevich

student of the 3rd course of the bachelor's degree in the field of study 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University

ANTONYUK Lyudmila Alexandrovna

student of the 3rd course of the bachelor's degree in the field of study 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University

PONOMAREV Oleg Vladimirovich

senior lecturer of Constitutional and administrative law sub-faculty of the Far Eastern Federal University

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN IMPROVING THE ACTIVITIES OF TAX ADMINISTRATION

The development of technologies and artificial intelligence in recent years has opened up new opportunities for automation and improving the efficiency of tax administration. The article discusses the use of artificial intelligence in improving the activities of tax administration on the example of various systems of tax control and determination of the tax base. It is shown how the use of machine learning algorithms, neural networks and other artificial intelligence technologies can improve the accuracy and speed of data processing, reduce the number of errors and simplify tax administration processes.

Keywords: artificial intelligence, tax administration, automation, data analysis, determination of the tax base, tax control, machine learning, neural networks.

В последнее время, технологии и искусственный интеллект стали неотъемлемой частью нашей жизни. Они помогают нам автоматизировать процессы, улучшить качество работы и повысить эффективность. Налоговое администрирование не является исключением, и все больше правительств начинают использовать искусственный интеллект для упрощения и повышения эффективности налоговой системы. Использование искусственного интеллекта в налоговом администрировании может оказать ряд преимуществ, включая уменьшение ошибок, сокращение времени, затрачиваемого на обработку данных, увеличение точности и скорости принятия решений, а также улучшение уровня обслуживания налогоплательщиков. Искусственный интеллект может также помочь правительствам эффективнее собирать налоги, бороться с мошенничеством и снижать расходы на управление налоговой системой.

Налоговое администрирование представляет собой систему управления налоговыми отношениями в государстве, функционирующая на основе законодательной деятельности налоговых органов на всех уровнях [1, с. 4]. Налоговое администрирование – комплекс мер по управлению налоговой системой. Оно включает задачи по обеспечению правопорядка, контролю за соблюдением налогового законодательства, пре-

вентивным мерам по выявлению и раскрытию противоправного поведения налогоплательщиков. В условиях цифровой экономики возможно внедрение цифровых технологий для повышения качества и эффективности налогового администрирования. Это снижает риски несоблюдения налоговых требований и увеличивает эффективность контроля, что может привести к 100% соблюдению законодательства [2, с. 168-170].

Цифровые технологии меняют подход к налоговому администрированию, увеличивая его эффективность и снижая затраты. Автоматизация процессов позволяет быстрее обнаруживать налоговые махинации и упрощает процедуру декларирования и уплаты налогов. Также она снижает риск при налоговых проверках и позволяет расширять географию бизнеса [3, с. 8-11].

Перевод организаций и индивидуальных предпринимателей на использование онлайн касс. В последние годы введены новые подходы к налоговому контролю, включая использование онлайн-касс, усовершенствование планирования проверок, чипирование товаров, проверку контрагентов и автоматизированную систему упрощенного налогообложения. Онлайн кассы позволяют получать налоговым органам данные в режиме реального времени о посту-

плениях денег от покупателей. Новые подходы уменьшают возможности налоговых нарушений и повышают эффективность контроля [5].

Совершенствование «Концепции системы планирования выездных налоговых проверок». ФНС разработала и совершенствует Концепцию системы планирования выездных налоговых проверок, основанную на 12 критериях риска. Налогоплательщикам рекомендуется придерживаться этих критериев, чтобы минимизировать риск проведения проверки и самостоятельно исправлять отклонения в своих обязательствах по уплате налогов. Документ был утвержден в 2007 году и периодически актуализируется [4].

Чипирование товаров. Чипирование товаров позволяет контролировать перемещение товара от производителя к потребителю и уплачивать налог на всем пути следования. Этот процесс доступен благодаря новейшему программному обеспечению [6].

Проверка контрагентов. До 2010 года контролирующие органы акцентировали внимание налогоплательщиков на выборе контрагентов. Одним из главных вопросов была борьба с фирмами-однодневками и незаконными вычетами по НДС. Однако после введения в эксплуатацию программного комплекса АСК НДС-2 и АСК НДС-3 ситуация начала улучшаться. Данный сервис позволяет автоматически контролировать движение денежных средств между организациями и ИП, что способствует отслеживанию взаимодействия с контрагентами и правомерности выполнения операций по уплате и возмещению НДС. Тем не менее, оценка качества контрагента налогоплательщиком все еще является актуальной и контролируется налоговым органом. Рекомендуется использовать определенные сайты, содержащие информацию о недобросовестных предприятиях [7, с. 8-10].

Эксперимент по установлению специального налогового режима «Автоматизированная упрощенная система налогообложения». С 1 июля 2022 года в Москве, Московской и Калужской областях и в Республике Татарстан вводится новый упрощенный режим налогообложения для организаций и ИП с числом работников до 5 человек и доходом не более 60 миллионов рублей в год. Переход на новый режим не является обязательным, но позволяет избавиться от сдачи 10 форм отчетности, включая налоговую и отчеты во внебюджетные фонды. Ведение книги учета доходов и расходов и уплата страховых взносов также становится необязательным, но будет доступна автоматическая форма отчетности и уплаты налогов. Новый режим действует до конца 2027 года¹. К 2027 году возможен перевод все большего количества бизнеса на автоматизированную систему налогообложения, что повысит эффективность деятельности за счет освобождения от ведения налогового учета и сдачи отчетности. Другая мера – введение цифрового рубля как новой формы денег – позволит снизить использование наличных, сократить теневой сектор, повысить открытость и прозрачность операций, что увеличит контроль за доходами физических лиц и сократит возможности по уклонению от уплаты НДФЛ [8, с. 58-69].

Использование данных инструментов при налоговом администрировании поможет избежать неофициальных взаимоотношений с налогоплательщиками и прояснит взаимодействие между добросовестными налогоплательщиками и Федеральной налоговой службой России. Это позволит значительно улучшить налоговую систему и сделать ее более прозрачной [9]. В России внедряются новые технологии, в том числе и искусственный интеллект, в налоговую систему. Одним из примеров является автоматизированная система налогового мониторинга ФНС России. Это позволяет сбору, обработке и анализу большого объема данных, что помогает улучшить качество налогового администрирования. Таким образом, внедрение ИИ в налоговую систему России помогает справляться со сложными задачами и улучшать результа-

ты работы налоговой администрации [10]. Создана система для контроля финансовых операций налогоплательщиков с помощью искусственного интеллекта. Система анализирует данные налогоплательщиков, выявляет отклонения и формирует рекомендации для их устранения. Также проводится проверка контрагентов для определения их надежности. Система использует передовые технологии, чтобы обеспечить высокую эффективность и точность анализа [11]. Для обеспечения правильной проверки контрагентов на наличие задолженности по налогам, налогоплательщики используют искусственный интеллект. Используя крупные базы данных, ИИ анализирует потенциальные риски и выявляет факторы, связанные с задолженностью. Также применяется ИИ при регистрации новых налогоплательщиков [12]. Применение искусственного интеллекта в налоговом администрировании позволяет автоматически проверять данные на признаки риска и определять организации, нуждающиеся в мониторинге. Это повышает эффективность работы налоговых органов и снижает уровень налоговых преступлений. В Республике Узбекистан уже принято постановление о создании условий для внедрения технологий искусственного интеллекта в налоговый контроль², которая помогает контролировать налоговые отчисления юридических лиц. Анализируется большой объем информации из разных источников, что позволяет более точно учитывать налоговые обязательства каждого налогоплательщика. Во Франции владельцы частных бассейнов обязаны платить специальный налог в соответствии с местным законодательством³. Французская налоговая служба использует искусственный интеллект для обнаружения незадекларированных бассейнов и других построек. Благодаря этому бюджет страны уже пополнен на 10 миллионов евро, а к 2023 году планируется собрать еще 40 миллионов. В Турции разработали закон, упрощающий налоговое регулирование и обеспечивающий возможность электронных транзакций для всех налогоплательщиков. Цель – привлечение инвесторов и переход на круглосуточную налоговую службу с цифровыми транзакциями⁴. Представлены новые решения для оптимизации налогообложения при помощи искусственного интеллекта в США. В Digital Tax Office граждане смогут получить ответы на вопросы без бюрократии и различий в приложениях. Электронная среда позволит производить платежи независимо от времени и места, а проверки возврата налогов, уведомления и процессы отчетности будут выполняться быстро. Цифровая трансформация будет предсмотрена и в налоговых операциях⁵. Разработана система AI Economist на базе Salesforce, которая представляет собой экономическую песочницу с виртуальными жителями, ресурсами и правительством, которое собирает налоги и распределяет доходы. В системе участвуют искусственные интеллекты, управляющие жителями и правительством, использующие обучение с подкреплением. Цель системы – найти наиболее справедливые условия налогообложения для всех участников. По результатам эксперимента разработчики получили более эффективную модель налогообложения, чем текущие практики в США. Однако ученые не рекомендуют использовать наработки системы для решения реальных экономических проблем, так как модель учитывает упрощенные

2 О мерах по созданию условий для ускоренного внедрения технологий искусственного интеллекта: Постановление Президента Республики Узбекистан, от 17.02.2021 г. № ПП-4996.

3 Искусственный интеллект борется с неплательщиками налогов и пополняет бюджет Франции. Кларк. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.klerk.ru/buh/news/534179/> (дата обращения: 28.08.2022).

4 Создано цифровое налоговое управление Турции, прибывают цифровые помощники с искусственным интеллектом. AdanAmersin. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.rayhaber.com/2021/08/создается-цифровая-налоговая-служба-турции,-прибывают-цифровые-налоговые-помощники-с-искусственным-интеллектом/> (дата обращения: 10.08.2021).

5 В США разработали способ расчёта налогообложения граждан с помощью ИИ. Хабр. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://habr.com/ru/news/t/501584/> (дата обращения: 12.05.2020).

1 Федеральный закон от 25.02.2022 № 17-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Автоматизированная упрощенная система. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410240/ (дата обращения: 10.04.2022).

характеристики участников и нужно увеличить количество жителей. Код системы AI Economist опубликован, чтобы другие исследователи могли проводить собственные эксперименты на ее базе.

В Китае ввели искусственный интеллект в систему налогообложения⁶. Она выявляет налоговые преступления с наивысшей точностью. Эта программа обучалась у более чем 300 тысяч сотрудников налоговой инспекции и способна обнаружить 95% нарушений. Она также может самообучаться и подстраиваться под новое законодательство. Планируется подключение программы ко всем правительственным базам данных для повышения её эффективности. В Европейском союзе разработаны рекомендации по использованию ИИ в налоговом администрировании, которые содержат положения об обязательном уведомлении налогоплательщиков о применении ИИ, о прозрачности принятия решений и обеспечении возможности обжалования таких решений [14]. Также была принята Общая директива Европейского союза о защите персональных данных (GDPR), которая регулирует обработку данных на технологии ИИ [13].

Искусственный интеллект (ИИ) является одним из наиболее перспективных направлений развития технологий в России. Однако, на данный момент, существует ряд проблем, которые могут влиять на развитие ИИ в стране.

Первая проблема – недостаточное финансирование. Для того чтобы создать и развивать ИИ, необходимы большие инвестиции и квалифицированные кадры. В России есть несколько успешных проектов в области ИИ, но их количество сравнительно мало. Для того чтобы сделать ИИ более доступным и устойчивым, нужно увеличить государственную поддержку науки и технологий.

Вторая проблема – нехватка квалифицированных специалистов. К созданию ИИ нужны грамотные инженеры, программисты и специалисты по анализу данных. Но на данный момент в России недостаточно квалифицированных кадров, способных работать с ИИ.

Третья проблема – отсутствие культуры использования ИИ. Очень важно, чтобы общество понимало, как использовать ИИ и как он может помочь в решении реальных проблем. Это включает в себя не только понимание технологии, но и этические, правовые и социальные аспекты.

Одним из путей решения данных проблем является использование ИИ в улучшении деятельности налогового администрирования. Налоговые органы имеют огромный объем данных, которые можно использовать для улучшения эффективности контроля и улучшения качества услуг. Использование ИИ может помочь налоговым органам в решении следующих задач:

Анализа и обработка больших объемов данных, что позволяет выявлять незаконную деятельность и улучшать качество услуг.

Оптимизации процессов и более точного прогнозирования доходов и расходов налоговых органов.

Автоматизации процессов, что уменьшает время и затраты на выполнение работы.

Для того чтобы использование ИИ в налоговом администрировании стало возможным, необходимо решить описанные выше проблемы, в первую очередь, это финансирование и нехватка квалифицированных специалистов.

В заключении можно отметить, что использование искусственного интеллекта в налоговом администрировании может принести значительные выгоды. Автоматизация некоторых процессов и внедрение алгоритмов машинного обучения можно использовать для улучшения эффективности и точности подсчета налогов, а также для борьбы с налоговыми мошенничествами. Однако следует учитывать, что использование искусственного интеллекта должно осуществляться с учетом законодательных норм и правил, а также с пониманием социальной ответственности налоговых служб.

Также понимание возможных недостатков и ограничений такой системы может помочь избежать возможных проблем. В конечном итоге, использование искусственного интеллекта в налоговом администрировании может иметь положительный эффект на работу налоговых органов и улучшение условий работы для налогоплательщиков.

Пристатейный библиографический список

1. Романова И. Б. Налоговое администрирование: учеб. пособие. – Ульяновск: УлГУ, 2018. – 54 с.
2. Гончаренко Л. И., Малкова Ю. В., Адвокатова А. С. Актуальные проблемы налоговой системы в условиях цифровой экономики // Экономика. Налоги. Право. – 2018. – № 2. – С. 166-172. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_32871961_17317941.pdf (дата обращения: 01.06.2021).
3. Заболотникова В. С. Разработка концептуальной модели управленческой системы в налоговой службе // Современные наукоемкие технологии. – 2017. – № 10. – С. 7-12. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_30487267_57249123.pdf (дата обращения: 16.05.2021).
4. Мейтова А. Н., Фейгель М. Л. Проблемные аспекты проведения налоговых проверок // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2022. – № 3 (142).
5. Фролова А. Ю., Десятниченко Д. Ю. Оценка уровня конкуренции и анализ текущего состояния рынка онлайн-касс в России // Journal of Economy and Business. – 2021. – № 1-2 (71).
6. Троянская М. А. Инструменты налоговой поддержки развития цифровой экономики // Естественно-гуманитарные исследования. – 2021. – № 34 (2).
7. Курушина Д. Е., Администрирование налогообложения НДС в России // Аллея науки. – 2021. – № 1 (52). – С. 7-11.
8. Кочергин Д. А. Цифровые валюты центральных банков: опыт внедрения цифрового юаня и развитие концепции цифрового рубля // Russian Journal of Economics and Law. – 2022. – Т. 16. № 1. – С. 51-78.
9. Канкулов А. М., Ягумова З. Н., Губачикова Д. М. Налоговое администрирование в условиях цифровизации экономического пространства // Налоги и налогообложение. – 2021. – № 7 (61).
10. Федеральная налоговая служба. Автоматизированная система налогового мониторинга. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/analytical_activities/automated_monitoring_system/.
11. Российская Газета. Искусственный интеллект помогает налоговикам. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2020/06/18/iskusstvennyj-intellekt-pomogaet-nalogovikam.html>.
12. Налоговая Газета. Искусственный интеллект в борьбе за безопасность налогоплательщиков. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nalog-ru.com/andex/news/iskusstvennyj-intellekt-v-borbe-za-bezopasnost-nalogoplatelsh/1578528872.html>.
13. Recommendations for the use of artificial intelligence in tax administration, European Commission (2019). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/recommendations-use-artificial-intelligence-tax-administration_en.pdf.
14. General Data Protection Regulation, European Union (2018). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016R0679&from=EN>.

⁶ В Китае налоговые преступления будет выявлять искусственный интеллект NEWS MIR Новости России и события в мире. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://newsmir.org/15495> (дата обращения: 26.12.2019).

АВАНЕСЯН Максим Александрович

студент 4 курса Высшей школы права ОНК «Институт управления и территориального развития» Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта

НАЛОГОВОЕ АДМИНИСТРИРОВАНИЕ: СУЩНОСТЬ И РАЗВИТИЕ

В настоящей работе автор рассматривает сущность и развитие посредством цифровых технологий налогового администрирования. Исследуются его цели и функции. Также автором выделяются основные изменения в принципах построения администрирования. Предлагается внедрение изменений в цифровые сервисы налогового органа для повышения налоговой культуры у налогоплательщиков. К тому же приводится статистика эффективности по использованию автоматизированного комплекса.

Ключевые слова: налоговое администрирование, принципы, сущность, понятие, цифровизация.

AVANESYAN Maxim Alexandrovich

student of the 4th course of the Higher School of Law of the Institute of Management and Territorial Development of the Immanuel Kant Baltic Federal University

Аванесян М. А.

TAX ADMINISTRATION: ESSENCE AND DEVELOPMENT

In this paper, the author examines the essence and development of tax administration through digital technologies. Its goals and functions are investigated. The author also highlights the main changes in the principles of building administration. It is proposed to introduce changes to the digital services of the tax authority to improve the tax culture of taxpayers. In addition, performance statistics on the use of an automated complex are provided.

Keywords: tax administration, principles, essence, concept, digitalization.

На сегодняшний день бюджет любого государства по-прежнему в большей части формируется благодаря налоговым поступлениям. Проведение налоговой политики является важным фактором в пополнении бюджета для осуществления своих функций и целей государством. Элементом налоговой политики, который, на наш взгляд, претерпевает реформирование является налоговое администрирование. В эпоху цифровизации у налогового органа существует возможность внедрять различные информационные технологии в свою деятельность, для увеличения эффективности и повышения качества [10, с. 56]. С помощью цифровых технологий налоговые органы образуют новые принципы, на которых базируются правовые взаимоотношения «налогоплательщик – налоговый орган».

Внедрение информационных технологий не случайно, данное является результатом Указа Президента РФ от 09.05.2017 № 203 [2], где указывается, что такое внедрение должно проводиться, поскольку это позволит повысить эффективность, в нашем случае, налогового органа, а действия налогоплательщика по взаимодействию с налоговыми органами станут удобными и менее обременительными.

Для рассмотрения сущности и развития налогового администрирования, важно исследовать его определение. Законодатель не дает легального определения, в связи с этим в официальных документах чаще всего под данным термином понимается управление налогообложением [11, с. 175]. Однако в статье 82 Налогового кодекса Российской Федерации существует легально определение налогового контроля, который является инструментом налогового администрирования, тем не менее администрирование представляется более широким понятием, чем налоговый контроль, поэтому следует определить его [1]. В научной литературе под налоговым администрированием понимают многогранный сложный институт, который сформирован налоговыми отношениями, государственной политикой и полномочиями налоговых органов в осуществлении своей деятельности [7]. Наиболее четкое определение рассматриваемого нами понятия дает Д. А. Артеменко, который определяет администрирование как определенный комплекс процедур, которые обеспечи-

вают осуществление взаимоотношений между государством, уполномоченными органами и обязанными лицами (среди которых автор выделяет: налогоплательщиков, налоговых агентов, регистраторов сделок и других) [9, с. 85].

Целью налогового администрирования можно выделить мотивирование налогоплательщиков к своевременному исполнению своих обязанностей по уплате налогов и сборов в добровольном порядке, а также обеспечить бюджет государства. Стоит отметить, что налоговая политика государства направлена на улучшение налоговой дисциплины у населения в целом.

Налоговое администрирование имеет свои методы, к которым относятся способы контроля за исполнением налогового законодательства, например учет налогоплательщиков и плательщиков сборов; контроль применения законодательства о налогах и сборах; проверка правильности исчисления и уплаты налогов; налоговые проверки [11, с. 175].

Что касается функций налогового администрирования, то в науке выделяют следующие: стимулирующая и мотивационная (направлены на повышение налоговой дисциплины), превентивная, прогнозирования, аналитическая, регулирующая, организационная [6, с. 64].

Налоговое администрирование основывается на определенных принципах, среди которых чаще всего выделяют: законность, единства, объективности, юридического равенства, эффективности. Однако, на наш взгляд, с применением цифровых средств становятся видимыми новые принципы «открытости», «взаимного сотрудничества», «партнерства», цель которых сблизить и налогового органа для улучшения исполнений своих прав и обязанностей [5, с. 2509].

Определяя сущность налогового администрирования в Российской Федерации, можно отметить следующее: механизм налогового администрирования направлен на контроль за исчислением уплатой налогов и сборов налогоплательщиками и контроль за налоговыми органами по исполнению законодательства о налогах и сборах. Особенность администрирования также состоит в том, что оно является своеобразным мостиком, который должен обеспечить стабильное поступление налогов и сборов в бюджет, между государ-

ством (деятельность которого осуществляется в лице налогового органа) и налогоплательщиками.

Определив сущность, важно отразить реализацию новых принципов построения налогового администрирования посредством цифровизации. Таким важным шагом являлось появление «личного кабинета налогоплательщика», который позволил в цифровом формате в режиме реального времени знакомиться с информацией, связанной с хозяйственной деятельностью, независимо от своего местонахождения. Также данный сервис позволяет осуществлять различные действия (например, подача декларации), что повышает значимость и пользу от использования цифрового сервиса [8, с. 105]. Развитие данного сервиса точно позволяет утверждать о реформировании налогового администрирования с изменением концепции налогового органа как контролирующего органа в «консультационно-контролирующей». Тем не менее, для повышения налоговой дисциплины, на наш взгляд, можно улучшить сервис несложными нововведениями: следует добавить отчетную инфографику о распределении уплаченных налогов налогоплательщиком, например: «Ваши в этом месяце было уплачено N рублей, из которых N1 пошла на ремонт дороги на указанной улице». Другим же важным шагом стало использование контрольно-кассовой техники, что позволило снизить количество налоговых проверок, поскольку деятельность организаций стала более прозрачной и открытой. К тому же важно затронуть внедрение сервиса «Мой налог», который позволил самозанятым лицам «выйти из тени» и осуществлять свою деятельность официально, при этом сервис настолько был проработан, что нагрузка на таких лиц по составлению отчетности была минимальна, налогоплательщику просто нужно было вводить данные.

Одним из эффективных результатов развития налогового администрирования является автоматизированная информационная система (далее – АИС) «Налог-3», которая согласно Приказу ФНС России от 14.03.2016 № ММВ-7-12/134@ создана для снижения трудозатрат налогового органа на различные действия (сбор, обработка, ввод, обмен информацией), перехода от количественных результатов к качественным, а также обеспечить «открытость» налогового органа для налогоплательщиков, как раз таки посредством упрощения процедур, перевода их в электронный вид [3].

Другим эффективным результатом эволюции налогового администрирования в призме налогового контроля является автоматизированная система контроля (далее – АСК) «НДС-2», сущность которой заключается в выявлении разрывов НДС между контрагентами (то есть система создана обнаруживать так называемый «бумажный НДС») и не допустить необоснованную налоговую выгоду налогоплательщиков. АСК «НДС-2» использует риск ориентированный подход, что дает органам налогового контроля эффективно использовать выездные налоговые проверки как форму налогового контроля [4]. Так, согласно отчетам Федеральной налоговой службы, можно понять качество и результативность выездных налоговых проверок до и после использования АСК «НДС-2». Например, в 2012 году в Воронежской области было произведено 1 095 выездных налоговых проверок, по результатам которых было доначислено 1 720 354 тыс. рублей; в свою очередь после активного использования АСК «НДС-2», в 2022 году на территории Воронежской области органами налогового контроля было осуществлено 52 выездные налоговые проверки, по результатам которых было начислено 4 417 097 тыс. рублей [12]. На основании данной статистики можно заметить, насколько повышается эффективность налогового органа в осуществлении своих обязанностей. Важно отметить, что с использованием АСК «НДС-2» происходит «обеление» юридических лиц, то есть система позволяет выявлять фирмы-однодневки, цель которых помочь «главному» юридическому лицу в своих связях не уплатить налоги в полном объеме и получить выгоду.

Благодаря цифровизации налоговое администрирование на сегодняшний день имеет ряд преимуществ: 1) снизилась нагрузка на налогоплательщика в отношении взаимодействия с налоговым органом для исполнения своих обязанностей; 2) снизились трудовые затраты на осуществле-

ние своих полномочий для налоговых органов; 3) увеличилась эффективность налогового администрирования.

На основе изложенного, можно сделать вывод, что налоговое администрирование прямо влияет на бюджет государства, поскольку обеспечивает поступление доходов. В связи с этим налоговое администрирование всегда должно совершенствоваться, и меры, которые сейчас осуществляются для ее развития, построенные на принципах «открытости», «взаимного сотрудничества», «партнерства», только обеспечивают эффективность администрирования и реформу налогового органа из «контролирующего» органа, в «консультационно-контролирующий». Также стоит отметить, что нельзя отождествлять понятия налогового администрирования и налогового контроля, поскольку они соотносятся как общее и частное соответственно, так как «администрирование» намного шире «контроля» по своей сущности и включает в себя налоговый контроль.

Пристатейный библиографический список

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 №146-ФЗ (ред. от 18.03.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 18.05.2023). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант Плюс».
2. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант Плюс».
3. Приказ ФНС России от 14.03.2016 № ММВ-7-12/134@ «Об утверждении Положения об автоматизированной информационной системе Федеральной налоговой службы (АИС «Налог-3»»). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант Плюс».
4. Письмо ФНС России от 03.06.2016 № ЕД-4-15/9933@ «Об оценке признаков риска СУР».). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант Плюс».
5. Анисимова А. А. Качество налогового администрирования в условиях цифровизации экономики: мировой опыт // Финансы и кредит. - 2019. - Т. 25. № 11 (791). - С. 2508-2520.
6. Калашникова Е. Б., Емельшина К. А. Сущность и понятие «налоговое администрирование» // Проблемы развития предприятий: теория и практика. - 2020. - № 1-3. - С. 63-68.
7. Петухова Р. А. Григорьева Я. А. Налоговое администрирование в условиях цифровой экономики // Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика. - 2019. - № 46. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovoe-administrirovanie-v-usloviyah-tsifrovoy-ekonomiki> (дата обращения: 18.05.2023).
8. Реунова Л. В., Мамиев Л. А., Пригода Л. В., Паладова Т. А. Развитие налогового контроля в условиях цифровизации экономики // Новые технологии. - 2021. - № 4. - С. 103-110.
9. Садикова Н. В., Цельникер Г. Ф. Налоговое администрирование и его сущность // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2020. - № 5-2. - С. 84-86.
10. Тютюрюков В. Н., Тютюрюков Н. Н., Гусева Н. М. Цифровизация налогового администрирования и ее аналитический потенциал (на примере России) // Информационное общество. - 2023. - № 1. - С. 55-64.
11. Шихметова А. Ф. Мейланова И. А. Налоговое администрирование в Российской Федерации и пути повышения его эффективности в современных условиях // Экономика и бизнес: теория и практика. - 2020. - № 4-3. - С. 175-178.
12. Отчеты о результатах осуществления налогового и иных видов контроля). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: 21.05.2023).

ФАИЗОВА Кристина Александровна

ассистент кафедры финансового и административного права Института права Уфимского университета науки и технологий

Фаизова К. А.

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В статье рассмотрены вопросы, касающиеся ключевых аспектов трансформации налогового контроля в условиях цифровизации. В статье рассмотрены понятие цифровой трансформации, ключевые направления и способы цифровизации налогового контроля, а также инструменты налогового контроля, применяемые в рамках цифровизации национальной экономики. На сегодняшний день в работе налоговых органов, осуществляющих контрольные действия, используется качественное программное обеспечение, позволяющее оперативно осуществлять налоговый контроль и администрирование с соблюдением налогового законодательства. В контексте влияния цифровой трансформации налогового контроля на правовое регулирование отмечены следующие переходные положения: осуществление налоговых процедур в цифровой форме предполагает проведение всех мер налогового контроля в этой же форме; а также исключение коррупционных действий и человеческого фактора из процесса налогового контроля. Выделены проблемы и мероприятия по их разрешению, необходимые к реализации государством при трансформации налогового контроля в условиях цифровой реальности.

Ключевые слова: трансформация, налоговый контроль, цифровизация, цифровая трансформация, налог, налоговые органы, налогоплательщик.

FAIZOVA Kristina Alexandrovna

assistant of Financial and administrative law sub-faculty of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology

TRANSFORMATION OF TAX CONTROL IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

The article discusses issues related to the key aspects of the transformation of tax control in the context of digitalization. The article discusses the concept of digital transformation, key directions and methods of digitalization of tax control, as well as tax control tools used in the framework of digitalization of the national economy. To date, high-quality software is used in the work of tax authorities that carry out control actions, allowing them to promptly carry out tax control and administration in compliance with tax legislation. In the context of the impact of the digital transformation of tax control on legal regulation, the following transitional provisions are noted: the implementation of tax procedures in digital form involves the implementation of all tax control measures in the same form; as well as the exclusion of corrupt actions and the human factor from the tax control process. The problems and measures to resolve them are highlighted, which are necessary for the implementation by the state during the transformation of tax control in the conditions of digital reality.

Keywords: transformation, tax control, digitalization, digital transformation, tax, tax authorities, taxpayer.

Налоговый контроль является важным вспомогательным инструментом в сфере обеспечения национальной финансовой безопасности.

Процесс осуществления проведения налогового контроля в стране включает в себя несколько этапов:

– процесс налогового консультирования налогоплательщиков – информационно-разъяснительная работа, направленная на повышение налоговой культуры;

– учётный этап, который заключается в подготовке необходимых форм отчётности для фиксации полученных данных, проведение программы аудита и получение сведений о постановке налогоплательщика на учет в налоговых органах;

– информационно-аналитический этап включает в себя сбор данных о налогоплательщике с целью последующей проверки;

– этап проверки (применение методов и способов контроля, проведение инвентаризации, выемка документов налогоплательщика и т. д.) [2, с. 161].

Эффективность проводимых контрольных процедур требует необходимости применения инновационных налоговых инструментов, среди которых наиболее распространены являются цифровые программные комплексы.

Цифровая трансформация – это доскональная реорганизация структурированного набора действий за счет широ-

кого использования цифровых инструментов с целью их осуществления, что влечет за собой значительное улучшение их характеристик (сокращение срока выполнения; сокращение ресурсов, используемых при выполнении действий) [4, с. 79].

Цифровая трансформация налогового контроля обязательно предполагает внедрение информационных технологий в деятельность налоговых органов, изменения процесса осуществления налоговой деятельности и взаимодействия между участниками налоговых правоотношений, что, безусловно, влечет за собой совершенствование правовой регламентации налогового контроля [5, с. 123].

Ключевые направления и способы цифровизации налогового контроля описаны в Концепции развития и функционирования в Российской Федерации системы налогового мониторинга, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 21.02.2020 № 381-р¹. Цифровизация налогового контроля основана на применении риск-ориентированного подхода в целях проверки наиболее рискованных операций налогоплательщиков, исходя из определенных особенностей отрасли, и последующей интеграции работы органов государственного налогового администрирования и

1 Распоряжение Правительства РФ от 21.02.2020 г. № 381-р «Об утверждении Концепции развития и функционирования в Российской Федерации системы налогового мониторинга».

информационных систем компаний-плательщиков, что будет способствовать, в том числе снижению административной нагрузки на налогоплательщиков.

Целесообразно выделить следующие инструменты налогового контроля, применяемые в рамках цифровизации национальной экономики:

– система оценки рисков для проведения выездных налоговых проверок (на основе приказа ФНС «Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок»);

– единая государственная автоматизированная информационная система (ЕГАИС), ориентированная на контроль за оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции;

– автоматизированная система контроля (АСК) за возмещением налога на добавленную стоимость (НДС) на основе АСК «НДС 2» и АСК «НДС 3». АСК основана на сопоставлении книг покупок и продаж плательщиков НДС, предоставляемых в электронном виде совместно с декларацией, а также выступает эффективным средством камеральных проверок по НДС.

– система онлайн-касс, внедряемая в связи с изменениями в законодательстве о налично-денежном обороте;

– специальные налоговые режимы для субъектов малого и среднего предпринимательства [3, с. 110].

Одним из последних нововведений стала возможность открытия в 2023 году для всех плательщиков налогов единого налогового счета (ЕНС). Единый налоговый платеж введен Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 263-ФЗ², нормативные положения о котором отражены в новой ст. 11.3 Налогового кодекса Российской Федерации³. ЕНС — это новый правовой институт, направленный на существенное изменение процесса соблюдения налогового законодательства, и преимуществом которого является упрощение и ускорение налоговых процедур, в том числе в сфере налогового контроля. ЕНС представляет собой новый обязательный способ учета начислений и уплаты налоговых платежей. ЕНС формируется посредством совершения единого налогового платежа до срока уплаты налоговых платежей. Данная сумма ЕНС распределяется между обязательствами плательщика налогов.

В контексте влияния цифровизации налогового контроля на правовое регулирование можно выделить следующие переходные положения:

– осуществление налоговых процедур в цифровой форме предполагает проведение всех мер налогового контроля в этой же форме, например, реализация контрольно-надзорных полномочий Центробанка;

– исключение коррупционных действий и человеческого фактора из процесса налогового контроля.

Федеральная налоговая служба в настоящее время характеризуется активным внедрением и применением мобильных приложений и налоговых сервисов для налогоплательщиков (личный кабинет налогоплательщика, Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства, Государственная регистрация юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, Риски бизнеса: проверь себя и контрагента, Прозрачный бизнес, Оплата налогов и пошлин, Налоговые калькуляторы, Мой налог, Налоги ФЛ, справочная информация, Единый налоговый счет и т.д.). Это способствует формированию системы добровольного соблюдения законодательства о налогах и сборах, что приводит к повышению как уровня доверия между государством и налогоплательщиками, так и повышению обязательности налогового исполнения [1, с. 129].

Инновационные технологии налогового администрирования, базирующиеся на цифровых решениях, позволяют полностью исключить очное взаимодействие участников налоговых отношений и перейти на удаленное (дистанционное) взаимодействие [6, с. 316].

Таким образом, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, трансформация налоговых процедур в условиях цифровизации проводится с целью увеличения налоговых поступлений в бюджет страны.

Во-вторых, эффект цифровизации заключается в ускорении процесса взаимодействия сторон налоговых отношений за счет трансформации возможностей, которые она предоставляет для реализации своих прав и обязанностей.

В-третьих, цифровая трансформация налогового контроля должна способствовать снижению уровня теневой экономики (уровень теневой экономики по разным данным колеблется в пределах 20 %-50 %).

В-четвертых, за счет постепенного перехода проведения контрольных действий со стороны налоговой службы (сокращения количества выездных проверок) в пространство интернет-ресурсов, уменьшается уровень коррупционных взаимодействий между сотрудниками налоговой службы и налогоплательщиками. Кроме того, налоговые органы получают возможность без проведения выездной проверки начислять налоговые обязательства при выявлении несоответствия между сопроводительными документами на товары и перемещениями денежных средств.

Однако, фактически на данный момент говорить о полной цифровой трансформации налогового контроля в нашей стране не приходится, также, как и о результатах деятельности некоторых документов, в частности, «Концепции развития и функционирования в Российской Федерации системы налогового мониторинга» рассуждать еще рано, а налоговое законодательство России в данном разрезе требует дальнейшего совершенствования. Среди проблем все еще имеющих место в применении цифровых технологий в налоговой сфере, можно выделить следующие: нехватка квалифицированных специалистов; отсутствие систематизированного документооборота; низкий уровень внутреннего обмена информацией. Разрешить эти проблемы возможно, по большей мере, за счет совершенствования налогового законодательства и разработки системы автоматизации, в том числе благодаря своевременному выявлению проблем в функционировании цифровых технологий.

Пристатейный библиографический список

1. Гашенко И. В., Зима Ю. С. Развитие информационно-коммуникационной среды в налоговом администрировании // Вестник ЮРГПУ НПИ. – 2021. – Т. 14. – № 3.
2. Кожанчиков О. И., Шалев И. А. Налоговый контроль в системе налогового администрирования и направления его развития // Среднерусский вестник общественных наук. – 2023. – Т. 18. – № 1.
3. Ларионова М. Е., Александрова Ж. П. Проблемы внедрения цифровизации в системе налогового администрирования в РФ // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 93-3.
4. Мишустина А. Ю. Особенности налоговой политики в условиях цифровизации // Мировая наука. – 2023. – № 3 (72).
5. Фаизова К. А. Правовое регулирование цифровизации налогового контроля в системе обеспечения налоговой безопасности // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – 2023. – № 1 (58).
6. Царева О. А., Омурова С. К. Векторы развития налоговой системы в условиях цифровизации // Актуальные вопросы современной экономики. – 2023. – № 1.

² Федеральный закон от 14.07.2022 г. № 263-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» (ред. от 28.12.2022 г. № 565-ФЗ).

³ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2023 № 64-ФЗ).

АЛЛАХВЕРДИЕВ Арман Хатаи оглы

магистр юриспруденции, аспирант кафедры коммерческого права Юридического факультета Московского юридического университета имени М. В. Ломоносова

Аллахвердиев А. Х.

МОДЕЛИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОМПЛАЕНСА В ТОРГОВЛЕ

Статья посвящена анализу моделей правового регулирования комплаенса в торговой деятельности. Автором подвергается критике действующая модель правового регулирования комплаенса. Предлагаются альтернативные модели правового регулирования комплаенса на основе анализа зарубежного опыта. Констатируется важная роль Министерства юстиции в правовом регулировании комплаенса. Полученные результаты исследования могут быть использованы при совершенствовании действующего законодательства.

Ключевые слова: комплаенс, модель правового регулирования, освобождение от ответственности, снижение размера ответственности.

ALLAKHVERDIEV Arman Khatai ogly

master of jurisprudence, postgraduate student of Commercial law sub-faculty of the Law Faculty of the M. V. Lomonosov Moscow State University

MODELS OF LEGAL REGULATION OF COMPLIANCE IN COMMERCE

The article is devoted to the analysis of models of legal regulation of compliance in commerce. The author criticizes the current model of compliance. Alternative models of compliance regulation based on the analysis of foreign experience are proposed. The Ministry of Justice plays an important role in the legal regulation of compliance. The results of this research can be used to improve existing legislation.

Keywords: compliance, model of legal regulation, exemption from liability, reduction of liability.

Комплаенс (от англ. *to comply* – «соблюдать», «соответствовать») – это система внутреннего обеспечения соответствия требованиям законодательства. Именно такое понимание комплаенса нашло отражение в ст. 9.1. Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»¹ (далее – Закон о защите конкуренции). Такая формулировка стала результатом изменений и дополнений, внесенных в 2020 году.

Однако по-прежнему остаются неразрешенными многие концептуальные проблемы, которые связаны с осмыслением комплаенса и требуют серьезного внимания со стороны юридической науки. Представляется, что действующая модель правового регулирования порождает множество противоречий.

С одной стороны, в Законе о защите конкуренции (акте публично-правового характера) говорится именно о праве (но не обязанности) на внедрение комплаенс-системы. С другой стороны, при принятии поправок обращалось внимание на стимулирование правомерного поведения. В пояснительной записке к законопроекту об антимонопольном комплаенсе отмечалось, что «принятие законопроекта позволит повысить эффективность антимонопольного регулирования и создать дополнительные механизмы, стимулирующие хозяйствующие субъекты к принятию мер по предупреждению нарушений антимонопольного законодательства»². Подобное политико-правовое обоснование представляется сомнительным.

Как известно, политика права – это анализ не того, как устроено объективное право, а того, каким оно должно быть в идеале. В России политико-правовая методология начала активно развиваться благодаря исследованиям Л. И. Петражицкого [4, с. 220–300]. Согласно общепринятому

пониманию, право есть средство к осуществлению добра и справедливости (*jus est ars boni et aequi*). Однако добро и справедливость – это лишь идеалы. Следовательно, право каждого народа может быть подвергаемо критической оценке с точки зрения данных идеалов. Кроме того, возможно и создание идеального права, т.е. начертание желательного для данной культурной эпохи правопорядка [1, с. 53].

Таким образом, политика права позволяет совершенствовать законодательство и иные нормативные акты, посвященные отдельным вопросам общественной жизни. Как мы видим, в основе правовой политики лежит метод моделирования. Но что понимать под моделированием и в целом моделью в правоведении?

Как пишет Е. Н. Салыгин, построение модели правового поведения должно основываться на системном подходе, подразумевающем взаимное действие норм с иными социальными регуляторами [6, с. 12–35]. А. Ф. Черданцев отмечает, что модель является формой отражения действительности. Отражая исследуемый объект, модель во многом является его упрощением, своего рода огрубленным образом. В юридических науках могут применяться как материальные (например, кибернетические), так и идеальные модели. К числу идеальных моделей А. Ф. Черданцев относит механизм правового регулирования и механизм социально-психологического действия права [8, с. 220–221].

С учетом изложенного, важно подчеркнуть, что модель правового регулирования – это идеальный образ правовой действительности. А значит, модель может основываться даже на еще не внедренных правовых механизмах. Если же исследователь оперирует категориями только в рамках уже сложившихся представлений о праве, то это не модель, а обыкновенная компиляция. Правовое регулирование так совершенствоваться не получится. Поэтому моделирование может и должно основываться не только на представлениях о нынешних реалиях, но при этом быть способным и предложить надлежащие усовершенствования.

Теперь обратимся к зарубежному опыту правового регулирования комплаенса в торговле. Анализ зарубежных источников показывает, что существует две потенциальные модели формального закрепления общих положений комплаенса. Рассмотрим их далее более подробно.

1 Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. - 31.07.2006. - № 31. - Ст. 3434.

2 Законопроект № 789090-7 О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» (в части организации хозяйствующими субъектами системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/789090-7>.

Первая модель – коммерческая. Эта модель предполагает, что основы правового регулирования комплаенса закрепляются в специальном кодифицированном акте – Торговом (коммерческом) кодексе. Классический пример: статья L464-2 Коммерческого кодекса Франции, которая гласит, что «если благодаря комплаенс-программе обнаружено и устранено нарушение, то это может рассматриваться как смягчающее обстоятельство. Смягчающим ответственным фактором также может рассматриваться принятие компанией на себя обязательств по внедрению комплаенс-программы после обнаружения нарушения конкурентным ведомством» [9].

Вторая модель – корпоративная. Эта модель основывается на тезисе, что комплаенс является частью внутренней системы контроля в компании. Так, в немецком праве, в отличие от французского (где используется более нейтральный термин «комплаенс-программа») четко закрепилось понимание комплаенса как «системы внутреннего контроля» (Internes Kontrollsystem) [7, с. 195]. Соответственно, в Торговом уложении Германии не содержится общих положений о комплаенс-деятельности. Однако есть Кодекс корпоративного управления Германии, в ст. 4.1.3 которого указано следующее: «Правление должно обеспечить соблюдение всех положений законодательства и внутренних положений предприятия и работать над их соблюдением компаниями группы (комплаенс)» [10].

На наш взгляд, первая модель (коммерциалистская), которая реализована во Франции, является более предпочтительной для российского права. Дело в том, что в основе корпоративной модели, рассматривающей комплаенс как «внутренний контроль», лежит фундаментальное противоречие: если комплаенс признается «внутренним контролем», то тогда почему он распространяется и на внешние (обязательственные) отношения с контрагентами? Вопрос остается нерешенным.

Впрочем, нужно учитывать, что в российском порядке утвердился принцип единства (монизма) частного права, т.е. регулирование частнопровых отношений только на основе Гражданского кодекса. Многие исследователи критикуют единство частного права, обращая внимание на существенную неполноту подобного регулирования [2, с. 16–17]. Тем не менее, даже при таком монизме регулятор признал необходимость принятия специального закона, посвященного отдельному сегменту товарного рынка – сегменту предрозничных продаж.

Разумеется, речь идет о Федеральном законе «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» от 28.12.2009 № 381-ФЗ³ (далее – Закон о торговле). На период адаптации России к дуализму частного права представляется целесообразным установить основы правового регулирования комплаенса именно в указанном законе.

С учетом изложенного, мы предлагаем внести в ст. 8 Закона о торговле («Права и обязанности хозяйствующих субъектов, осуществляющих торговую деятельность, хозяйствующих субъектов, осуществляющих поставки товаров, при организации торговой деятельности и ее осуществлении») пункт 11 в следующей формулировке:

«11. Хозяйствующие субъекты, осуществляющие торговую деятельность, вправе внедрить систему обеспечения соответствия требованиям законодательства РФ (комплаенс-система).

Внедрение и организация данной системы не являются основанием для снижения ответственности за нарушение требований законодательства РФ либо для освобождения от такой ответственности.

Рекомендации по вопросам внедрения и организации системы обеспечения соответствия требованиям законодательства РФ (комплаенс-системы) устанавливаются Министерством юстиции Российской Федерации».

Такая модель правового регулирования позволит избежать противоречий.

Следует также подчеркнуть, что работу по формированию правовых рекомендаций по вопросам внедрения комплаенса нужно поручить именно Министерству юстиции (далее – Минюст), а не Министерству экономического развития либо Федеральной антимонопольной службе. Такая мо-

дель позволит отойти от крайностей экономически-ориентированного подхода при анализе правовых явлений.

В литературе выражалось скептическое мнение относительно возможности регулирования правовой деятельности со стороны Минюста. Так, К. К. Лебедев полагал, что методическое руководство правовым обслуживанием бизнеса со стороны Минюста в принципе недопустимо, поскольку порождает дополнительный бюрократический документооборот и оправдывает существование большого аппарата юристов-чиновников. Свое мнение К. К. Лебедев мотивирует тем, что в РФ установлен дозволительный режим предпринимательской деятельности. Соответственно, предприниматели и коммерческие организации вправе самостоятельно определять свою структуру и локальный правовой статус внутренних подразделений. А вмешательство государства в эти вопросы противоречило бы тенденциям и закономерностям рыночной экономики [3, с. 13].

Однако мы не можем согласиться с такой позицией. Как правильно отмечают Б. И. Пугинский и Н. А. Семенкина, даже в странах с развитой рыночной экономикой принято контролировать деятельность предпринимателей. Подтверждением этому могут служить законодательные инициативы и действия государственных органов в США в 2001 – 2003 гг., в Швейцарии и странах Европейского союза в 2011 – 2015 гг., последовавшие за рядом крупных корпоративных скандалов и выразившиеся в усилении надзора за финансовыми, юридическими службами корпораций, адвокатами и аудиторскими фирмами [5, с. 37]. Поэтому регулирование Минюстом комплаенс-деятельности не является чем-то инновационным и чрезмерно жестким.

Таким образом, по итогам проведенного исследования нам удалось установить следующее:

- Субъекты правового регулирования комплаенса в торговой деятельности – органы законодательной власти, а также Министерство юстиции.
- Цель правового регулирования комплаенса в торговой деятельности – это установление пределов комплаенс-деятельности.
- Средства правового регулирования – дозволения и рекомендации.

Пристатейный библиографический Список

1. Васильевский Е. В. Учебник гражданского права. - М., 2016 (Серия «Классика российской цивилистики»). - С. 53.
2. Коммерческое право: учебник для вузов / Под общ. ред. Е. А. Абросимовой, В. А. Белова, Б. И. Пугинского. - М., 2022. - С. 16-17.
3. Лебедев К. К. Правовое обслуживание бизнеса. - М., 2011. - С. 13.
4. Петражицкий Л. И. Права добросовестного владельца на доходы с точки зрения догмы и политики права. - М., 2002 (Серия «Классика российской цивилистики»). - С. 220 – 300.
5. Пугинский Б. И., Семенкина Н. А. Правовая работа. - М., 2019. - С. 37.
6. Салыгин Е. Н. Моделирование в праве: проблемы и перспективы // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2013. - № 3. - С. 12-35.
7. Сушкова О. В. Особенности применения механизма антимонопольного комплаенса в сфере рекламы фармацевтических препаратов и медицинских изделий // Антимонопольный комплаенс как эффективный инструмент профилактики нарушений / сборник статей под ред. С. А. Пузыревского. - М., 2019. - С. 195.
8. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. - М., 2012. - С. 220-221.
9. The French Commercial Code in English. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000005634379 (дата обращения: 15.02.2023).
10. German corporate governance code in English. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dcgk.de/en/code.html> (дата обращения: 15.02.2023).

3 Федеральный закон от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. - 04.01.2010. - № 1. - Ст. 2.

ДРЕВАЛЬ Людмила Николаевна

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Юридического института Тихоокеанского государственного университета

ИВАНОВ Вячеслав Алексеевич

магистрант Юридического института Тихоокеанского государственного университета

ФОНД РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ В МЕХАНИЗМЕ ЗАЩИТЫ ДОЛЬЩИКОВ ПРИ БАНКРОТСТВЕ ЗАСТРОЙЩИКА

В статье предпринята попытка рассмотреть гарантии защиты российских граждан в жилищной сфере, закрепленных федеральным законодательством. В качестве одной из них авторы исследуют Фонд развития территорий, деятельность которого направлена на решение проблем по завершению жилищного строительства и получения дольщиками своих квартир. В статье также представлен краткий обзор судебной практики, приведены аналитические данные в сфере банкротства застройщика.

Ключевые слова: банкротство, застройщик, фонд, права, интересы, долевое участие, гарантии, суд, контролирующий орган.

DREVAL Lyudmila Nikolaevna

Ph.D. in Law, professor, professor of State and legal disciplines sub-faculty of the Institute of Law of the Pacific State University

IVANOV Vyacheslav Alexeevich

magister student of the Institute of Law of the Pacific State University

THE FUND FOR THE DEVELOPMENT OF TERRITORIES IN THE MECHANISM OF PROTECTION OF SHAREHOLDERS IN THE BANKRUPTCY OF THE DEVELOPER

The article attempts to consider the guarantees of protection of Russian citizens in the housing sector, enshrined in federal legislation. As one of them, the authors investigate the Territorial Development Fund, whose activities are aimed at solving problems of completing housing construction and obtaining their apartments by shareholders. The article also provides a brief overview of judicial practice, provides analytical data in the field of bankruptcy of the developer.

Keywords: bankruptcy, developer, fund, rights, interests, equity participation, guarantees, court, supervisory authority.

Древаль Л. Н.

Иванов В. А.

В настоящее время вопрос о несостоятельности (банкротстве) застройщиков (далее – банкротство застройщика) является весьма острым, поскольку затрагивает права и законные интересы российских граждан в жилищной сфере.

Жилищное строительство имеет государственное значение и в области строительных правоотношений занимает ведущее место.

К сожалению, как показывает практика, около 20 % от всего количества дольщиков остаются без своих квартир и оказываются обманутыми вследствие банкротства застройщика. В количественном отношении по России эта цифра составляет более 100 тыс. человек. Налицо нарушение конституционных прав граждан на жилище, так как законодательством гарантируется возможность для каждого гражданина быть обеспеченным постоянным жильем, свободно владеть им, пользоваться и распоряжаться.

В дополнение к этому можно сказать и о том, что нарушаются и иные права дольщиков, касающиеся приобретения будущего жилья за счет денежных средств по ипотечному кредитованию, поскольку долговые обязательства (даже без наличия собственных квартир) продолжают ими погашаться.

Стоит отметить, что государство активно принимает участие в решении затронутой проблемы. Это подтверждается постоянными попытками модернизировать действующее законодательство таким образом, чтобы вопросов, связанных с банкротством застройщиков, впредь не возникало.

Однако жилищное строительство год от года сильно дорожает. Застройщики терпят убытки по понятным при-

чинам (введение антироссийских санкций, нарушение логистических связей и др.). Поэтому актуальным является комментарий Президента РФ В. В. Путина, который считает, что «необходимо не допустить банкротств строительных компаний в России и увеличения количества долгостроев в связи с удорожанием процесса стройки».

В настоящее время ситуация такова, что лица, желающие приобрести жилое помещение в многоквартирном доме, законодательно защищены гарантиями и правами, предоставленными им Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [4] и Федеральным законом от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [3], нормы которых в достаточной мере обеспечивают их реализацию.

Указанными нормативными правовыми актами четко обозначен порядок привлечения денежных средств граждан, связанного с возникающим у них правом собственности на помещения в многоквартирном доме и других объектах недвижимости, которые на момент заключения договора не введены в эксплуатацию; установлены дополнительные требования к органам управления застройщика и его участникам, а также к обеспечению существенных условий договора участия в долевом строительстве (например, относительно его цены, сроков передачи объекта долевого строительства, гарантий качества; оплаты с использованием эскроу-счетов); закреплены дополнительные меры юридической ответственности и др.

По данным Минстроя РФ каждый год в нашей стране возводится более 80 млн. кв. м жилья. Около 60 % от общего его количества строится с помощью эскроу-счетов, что в свою очередь является положительным моментом в связке «гражданин – застройщик – государство».

Следует заметить, что ситуация с введением дополнительных гарантий защиты прав и законных интересов граждан в рассматриваемой сфере значительно улучшилась. Вместе с тем она еще является не идеальной, поскольку обращения дольщиков с жалобами на застройщика в судебные продолжают.

Помимо перечисленных гарантий, государством используется и иные инструменты, а именно: Фонд развития территорий, который был создан в 2017 году Правительством РФ для урегулирования всех возникающих вопросов между застройщиками и дольщиками и зарекомендовал себя с позитивной стороны.

Если разбирать модель работы фонда, то можно отметить ряд стадий: 1) передача проблемного объекта в Фонд; 2) подготовка к представлению объекта на рассмотрение наблюдательным советом; 3) одобрение и принятие наблюдательным советом Фонда решения в отношении проблемного объекта; 4) завершение строительства региональным Фондом или выплата компенсаций дольщикам, которые непосредственно участвуют в данном процессе.

Все решения Фонд принимает в рамках действующего законодательства, согласно нормам Федерального закона от 29.07.2017 № 218-ФЗ «О публично-правовой компании по защите прав граждан-участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5]. Данный Федеральный закон регулирует порядок осуществления деятельности Фонда.

Финансирование Фонда обеспечивается тем, что каждый застройщик, который связан с договором долевого участия (далее – ДДУ) на жилое помещение, должен перечислять 1,2 % от суммы сделки на его счет, тем самым произвести взнос в компенсационный фонд. Но, к сожалению, для застройщика, процент вноса фиксированный и изменяться может лишь раз в год.

Внесение денежных средств возможно только после регистрации в Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр). Далее Росреестр направляет запрос для подтверждения внесения средств в компенсационный фонд.

Стоит обратить внимание на то, что дольщики в случае банкротства застройщика имеют право выбора: получить свои средства, или же достроить объект жилого строительства, с помощью привлечения нового заинтересованного застройщика. Но, денежные средства, возвращаются в случае открытия конкурсного производства.

Также, необходимо отметить и тот факт, что застройщик должен ежеквартально предоставлять отчетность контролирующим органам. Уполномоченный орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации, на территории которого застройщик производит строительство, контролирует долевого строительство и соответственно, исполнение Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ.

Существует и иная категория застройщиков, которая не отчисляет подобные взносы, тогда они имеют возможность начать строительство за свои личные средства, или же с помощью эскроу-счетов. Также в деятельность Фонда входит процесс мониторинга всех застройщиков и, если происходит нарушение со стороны застройщика, то он обязан уведомить об этом контролирующий орган. В свою очередь, контролирующий орган может предписать застройщику исправить нарушения.

По такому же пути идет и судебная практика. Так, Определением Арбитражного суда Хабаровского края от 22.07.2022 принято заявление от публично-правовой компании «Фонд развития территорий» о признании ООО «Лидер» несостоятельным (банкротом). Было возбуждено производство по делу о несостоятельности (банкротстве), назначено судебное заседание по рассмотрению обоснованности заявления Фон-

да. Арбитражный суд, исследовав материалы дела в объеме представленных доказательств, заслушав лиц, участвующих в деле, посчитал заявление ППК «Фонд развития территорий» о признании ООО «Лидер» несостоятельным (банкротом), обоснованным и подлежащим удовлетворению, в отношении его введена процедура конкурсного производства сроком на один год по правилам, предусмотренным § 7 главы IX Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [1].

В соответствии с действующим законодательством у Фонда имеется официальный сайт, на котором размещается информация, полезная, как для застройщиков, так и для дольщиков. Гражданам представлена возможность ознакомиться с открытой сведениями о застройщиках, объектах строительства рынка жилья и ипотеки с помощью Единой информационной системой жилищного строительства, созданной с целью обеспечения прозрачности жилищного строительства всех участников.

Дольщики и иные заинтересованные лица могут просмотреть все проекты застройщика, проанализировать факты о наличии нарушений или просрочек по завершению строительства домов, отслеживать ход строительства домов, ознакомиться с иной информацией.

В связи с эффективной деятельностью фонда можно согласиться с мнением тех авторов, которые считают, что «проблема остановки строительства многоквартирных домов, вызванная финансовой несостоятельностью застройщика, имеет перспективу развития. Естественно, сам процесс труден, но необходим для обеспечения защиты прав участников строительства объектов жилого фонда» [2, с. 24].

На основании изложенного можно сформулировать следующие выводы:

1) банкротство застройщиков затрагивает права и законные интересы пострадавших граждан в жилищной сфере. Вместе с тем государство старается эффективно и качественно решать все существующие проблемы в этой сфере с помощью определенных инструментов;

2) одним из таких инструментов является Фонд развития территорий, который позволяет частично решить проблемы по завершению строительства жилищных объектов, а также помочь гражданам получить свои квартиры.

Пристатейный библиографический список

1. Решение Арбитражного суда Хабаровского края от 12 сентября 2022 г. по делу № А73-11887/2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/KCfXVTBenANd/> (дата обращения: 16.05.2023).
2. Несостоятельность (банкротство): Учебный курс. В 2 т. / Под ред. С. А. Карелиной. Т. 1. – М.: Статут, 2019. – С. 24-35.
3. Федеральный закон от 30.12.2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 16.10.2006) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – Ст. 27.
4. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 28.12.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
5. Федеральный закон от 29.07.2017 № 218-ФЗ «О публично-правовой компании по защите прав граждан-участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 31 (часть I). – Ст. 4767.

ЖИЛЕНКОВА Татьяна Валерьевна

доцент кафедры гражданского права Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия

Жиленкова Т. В.

ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СОГЛАШЕНИЕ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Договорное право Российской Федерации претерпело значительные изменения в связи с реформой гражданского законодательства. Многие изменения были продиктованы необходимостью правового регулирования взаимоотношений субъектов экономической деятельности. Толчок в развитии получил и принцип добросовестности участников гражданского оборота. Вместе с тем, законодательство и судебная практика складываются без учета такого фактора, как продолжительность хозяйственных связей, которая дает стороне правоотношения разумно ожидать от контрагента определенного поведения. В настоящей статье рассмотрены некоторые аспекты правового регулирования предпринимательской деятельности, препятствующие формализации соглашений о взаимоотношениях субъектов предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: договор, добросовестность, предпринимательская деятельность, соглашения о партнерстве, реляционный договор, свобода договора.

ZHILENKOVA Tatyana Valerjevna

associate professor of Civil law sub-faculty of the East Siberian Branch of the Russian State University of Justice

THE CURRENT LEGISLATION AND THE AGREEMENT ON THE RELATIONSHIP OF BUSINESS ENTITIES

The contract law of the Russian Federation has undergone significant changes in connection with the reform of civil legislation. Many changes were dictated by the need for legal regulation of relations between economic entities. The principle of conscientiousness of participants in civil turnover also received an impetus in development. At the same time, legislation and judicial practice are formed without taking into account such a factor as the duration of economic relations, which gives the party of the legal relationship a reasonable expectation of certain behavior from the counterparty. This article discusses some aspects of the legal regulation of entrepreneurial activity that prevent the formalization of agreements on the relationship of business entities.

Keywords: contract, good faith, entrepreneurial activity, partnership agreements, relational contract, freedom of contract.

В российской цивилистической науке нетрадиционные договорные теории приобретают все большую популярность. В последние несколько лет на теоретическом уровне исследуются судебные споры, затрагивающие тематику реляционных договоров и получившие прецедентное значение в странах англо-саксонской правовой семьи. По мнению многих исследователей российского гражданского права реформа правового регулирования обязательственных правоотношений 2015 года привела к появлению в Гражданском кодексе Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ) некоторых элементов реляционных договоров. В частности, речь идет о таких конструкциях, как рамочный договор, договор простого товарищества, корпоративный договор [2, с. 58], соглашение о предоставлении опционного договора [3, с. 52].

Также реляционный элемент исследователи усматривают в абз. 5 п. 42 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора»²: «толкование ус-

ловий договора осуществляется с учетом цели договора (для предпринимательских договоров можно выделить два вида целей: ближайшая – получение исполнения от должника и отдаленная – извлечение прибыли) и существа законодательного регулирования соответствующего вида обязательств».

Вместе с тем, российское гражданское право, содержащее в своей основе принцип добросовестности, с большой осторожностью подходит к нормативному закреплению элементов реляционных конструкций.

Следуя принципу свободы договора, на первый взгляд может показаться, что стороны в большинстве случаев стремятся предусмотреть в договоре максимально возможное количество условий, способных урегулировать их отношения. Однако на практике, то ли из-за недоверия к возможности тождественного со сторонами толкования условий договора правоприменителем, то ли из-за излишнего нормативизма, формулирование действительно индивидуальных условий договора не становится массовым явлением. Свобода договора блокируется действием императивных норм; столкновением императивных и диспозитивных норм, «содержащихся в правовом режиме тех поименованных договоров, из которых в смешанный договор привнесены соответствующие элементы» [1, с. 825], наконец, телеологическим толкованием при определении императивного или диспозитивного характера норм ГК РФ, не имеющих выраженной атрибутики императивности или диспозитивности. Суд, анализируя

1 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Российская газета. – 1994. – № 238-239.

2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // СПС Консультант Плюс.

сформулированные сторонами условия договора на их допустимость, может признать эти условия выходящими за пределы свободы договора, что влечет неприменение судом положений договора. Для предпринимательского договора ситуация усугубляется наличием большого количества императивных норм в сфере государственного регулирования предпринимательской деятельности. Таким образом, максимальная свобода договора «на входе» приводит к достаточно жесткому судебному контролю «на выходе».

Принцип свободы договора позволяет сторонам включать в договор любые условия, в том числе и те, которые применимы не столько к исполнению конкретного договорного обязательства, сколько к взаимоотношениям сторон в рамках обоюдовыгодного бизнес-процесса. Судебная практика сталкивается с большим количеством непоименованных и смешанных договоров, а некоторые из них на практике приобрели более или менее устойчивую структуру и наименование. К таким соглашениям можно отнести, например, соглашения о сотрудничестве, о взаимодействии, о намерениях, об исключительности, о конфиденциальности, партнерские, дилерские, дистрибьюторские соглашения. Не претендуя на абсолютную истину, обозначим данного рода соглашений как соглашения о взаимодействии. На наш взгляд, с учетом длительности отношений сторон, данные соглашения представляют собой попытку привнести в отношения сторон элементы реляционного договора, которые позволяют рассчитывать на сверхдобросовестность контрагента, подкрепленную условиями соглашения.

Тем не менее, нестандартные условия данных соглашений не всегда способны в полной мере обеспечить удовлетворение интересов сторон. Обозначим лишь некоторые возможные варианты столкновения условий соглашений о взаимоотношениях с нормами действующего законодательства.

Во-первых, подобные соглашения подвержены высокому риску их переквалификации. Если иметь в виду соглашения между субъектами предпринимательской деятельности, где в основе договоров-транзакций лежат разнонаправленные интересы (одна сторона желает купить дешевле, другая - продать дороже), то переквалификация данных соглашений в поименованные договоры весьма вероятна. Так, судом были переквалифицированы соглашения о партнерстве (партнерские договоры) в договоры возмездного оказания услуг (ООО ДЭНИ КОЛЛ против ООО «СМС ТРАФИК»³, ООО «Л-ТРЕЙД против АО «РСИЦ»⁴).

Во-вторых, сам принцип свободы договора, который должен трактоваться не только в контексте вступления в договорные отношения, но и применительно к их продолжению может быть использован одним из партнеров вопреки ожиданиям другого. А если положение участников экономических отношений признано доминирующим на товарном рынке с позиции Федерального закона «О защите конкуренции»⁵, то отказ от продолжения отношений может быть квалифицирован как злоупотребление доминирующим

положением (ЗАО «БИОТЕК» против Teva Pharmaceutical industries Limited⁶).

В-третьих, подобные соглашения могут преследовать цель оптимизации налогообложения, в связи с чем они попадают под контроль налоговых органов на предмет полноты исчисления и уплаты налогов. В таких случаях формально правомерные соглашения способны привести к их экономической убыточности для субъектов предпринимательской деятельности (ООО «Орифлэйм Косметикс» против УФНС России по г. Москве⁷).

И, наконец, стремления субъектов экономической деятельности, направленные на установление взаимных ограничений по признаку территориальности и возможности заключения аналогичных соглашений с иными лицами, возможно только посредством включения в соглашение элементов лицензионного договора об использовании результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, позволяющего устанавливать условия исключительности (дистрибьюторские договоры). При отсутствии в соглашении элементов лицензионного договора видится, что территориальные ограничения и ограничения по кругу контрагентов вероятнее всего будут расценены как противоречащие принципам свободы экономического пространства и свободы предпринимательской деятельности.

Подводя итог следует отметить, что стремление к фиксации ожиданий в соглашениях способны привести к достаточно широкому спектру негативных последствий от недостижения ожидаемого сторонами положительного экономического эффекта от соглашения до применения мер ответственности за нарушение публичных норм, устанавливающих требования к осуществлению предпринимательской деятельности. Очевидно, что и при возможной легитимации в действующем законодательстве элементов реляционных договоров приведенные положения также будут ограничивать возможность их применения.

Пристатейный библиографический список

1. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А. Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2017. – 1120 с.
2. Зайцева Н. В. Воплощение теории реляционных контрактов в современной практике // Журнал Российского права. – 2021. – № 2. – С. 56-72.
3. Кирпичев А. Е. Неклассические теории договора (договор-обещание, дискретные, реляционные и сетевые договоры) в контексте новой редакции ГК России // Законы России: опыт анализ, практика. – 2016. – № 2. – С. 51-58.

3 Решение АС города Москвы от 07.07.2021 по делу № А40-90256/2021 // СПС Консультант Плюс.; Решение АС Краснодарского края от 26.05.2021 по делу № А32-53356/2020 // СПС Консультант Плюс.

4 Решение АС города Москвы от 10.12.2021 по делу № А40-180053/2021 // СПС Консультант Плюс.

5 Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ // СПС Консультант Плюс.

6 Определение ВС РФ от 07.12.2015 по делу № 305-ЭС15-4533 // СПС Консультант Плюс.

7 Решение Арбитражного суда города Москвы от 04.12.2014 по делу № А40-138879/1475-404 // СПС Консультант Плюс.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-4-179-223-224

КОТ Марина Константиновна

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности Самарского государственного экономического университета

НЕКОММЕРЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК УЧАСТНИКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

В статье дается анализ одного из наиболее дискуссионных вопросов современного предпринимательского права – возможности отнесения некоммерческих организаций к числу субъектов предпринимательской деятельности. Несмотря на обширную научную литературу, в науке до настоящего времени отсутствует единое мнение относительно правового статуса некоммерческих организаций в системе субъектов предпринимательского права. Нам близка точка зрения Д. П. Заикина, раскрывшего правовую природу некоммерческой организации на примере немецкого законодательства о фондах.

В качестве вывода нами обосновывается положение о том, что единственным существенным критерием отграничения коммерческой организации от некоммерческой выступает запрет распределения прибыли между участниками/учредителями некоммерческой организации.

Ключевые слова: некоммерческие организации, предпринимательская деятельность, субъекты предпринимательского права, приносящая доход деятельность, прибыль.

КОТ Marina Konstantinovna

Ph.D. in Law, associate professor of Legal support of economic activities sub-faculty of the Samara State University of Economics

NON-PROFIT ORGANIZATIONS AS PARTICIPANTS IN ENTREPRENEURIAL RELATIONS FOR THE IMPLEMENTATION OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITIES: DISCUSSION ISSUES

The article provides an analysis of one of the most controversial issues of modern business law - the possibility of classifying non-profit organizations as business entities. Despite the extensive scientific literature, there is still no consensus in science regarding the legal status of non-profit organizations in the system of subjects of business law. We are close to the point of view of D. P. Zaikin, who revealed the legal nature of a non-profit organization on the example of German legislation on foundations.

As a conclusion, we substantiate the position that the only significant criterion for distinguishing a commercial organization from a non-profit organization is the prohibition of profit distribution between the participants / founders of a non-profit organization

Keywords: non-profit organizations, entrepreneurial activity, subjects of entrepreneurial law, income-generating activities, profit.

Кот М. К.

Некоммерческие организации, по мнению большинства представителей науки предпринимательского права, являются нетипичными субъектами предпринимательских отношений. Проблематика участия некоммерческих организаций в предпринимательских отношениях обусловлена установленным ГК РФ в ст. 50 специальными нормами относительно возможности таких организаций участвовать в коммерческом обороте. В законе указано, что в отличие от коммерческих организаций эти субъекты вправе заниматься особым видом экономической деятельности, получившим название «приносящая доход деятельность» при условии, что:

- 1) такая возможность установлена в их учредительных документах;
- 2) подобная деятельность должна способствовать достижению основной цели деятельности организации;
- 3) должна соответствовать уставной цели. Терминологический оборот «приносящая доход деятельность» был включен в ГК РФ согласно поправке от 2014 г.¹

Однако, в законодательстве о некоммерческих организациях до сих пор содержатся указания на осуществление подобными юридическими лицами именно предпринимательской деятельности. В качестве примера можно привести Закон об общественных объединениях, в ст. 37 которого указано, что общественные объединения могут осуществлять предпринимательскую деятельность с условием, что она будет способствовать развитию основной деятельности. Как нам представляется, данное противоречие требуется устранить в целях приведения в соответствие общей нормы ГК и отраслевых законов о некоммерческих организациях.

Правовая природа приносящей доход деятельности не раз становилась объектом научного анализа. Учеными разрабатывались концепции соотношения предпринимательской, экономической, хозяйственной и рассматриваемого вида – приносящей доход деятельности. Иллюзорность, искусственность выделения ГК РФ особого вида предпринимательства некоммерческих организаций также встречается в литературе [1]. Подтверждением правильности такого понимания участия некоммерческих организаций в коммерческом обороте стало Постановление Пленума Верховного суда РФ № 25², в абз. 3 п. 21 которого установлено, что к приносящей доход деятельности применяются положения гражданского законодательства о предпринимательской деятельности.

Однако, в учебной литературе отмечается, что тождество предпринимательской и приносящей доход деятельности не очевидно, если рассматривать режим предпринимательской деятельности в межотраслевом срезе: с точки зрения налогового, уголовного и даже уголовно-процессуального законодательства, поскольку в этих отраслях законодательства предпринимательский статус рассматривается или как условие для применения смягчающих либо, напротив, отягчающих мер государственного воздействия.

Таким образом, на практике еще раз находит подтверждение факт отсутствия единства правового регулирования предпринимательских и смежных с ними отношений. Тем не менее, некоммерческие организации, следуя подходу Верховного суда, могут быть субъектами предпринимательства, поскольку вправе заниматься деятельностью, обладающей признаками, указанными в ст. 2 ГК РФ, а регулирование этой деятельности по аналогии осуществляется специальными нормами ГК РФ о

1 Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Российская газета. – № 101. – 07.05.2014.

2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – № 140. – 30.06.2015.

такой деятельности. Так, в постановлении Арбитражного суда Московского округа по спору с участием ФГБУ Минобороны суд указал, что учреждение в своей деятельности извлекает прибыль, что является признаком предпринимательской деятельности и влечет применение соответствующих норм о взыскании процентов по денежному обязательству³. Подобный вывод содержится также и в постановлении Арбитражного суда Северо-Кавказского округа⁴.

Следствием приведенного подхода выступает проблема разграничения предпринимательской правосубъектности некоммерческих организаций и коммерческих.

По мнению авторов монографического исследования по вопросам систематизации юридических лиц, некоммерческие организации в отличие от коммерческих обладают следующими особенностями:

всегда являются носителями специальной правосубъектности, что означает ограничение их права на «предпринимательскую» деятельность только теми видами деятельности, которые указаны в их уставах и которые всегда имеют направленность на достижение общественного блага (п. 4 ст. 50 ГК РФ; п. 2 ст. 2 Закона о некоммерческих организациях [2]);

имущество некоммерческой организации, оставшееся после ликвидации такой организации, направляется на реализацию уставных целей (п. 8 ст. 63 ГК РФ), или на благотворительные цели, при невозможности подобного использования имущество передается в доход государства (ст. 20 Закона о некоммерческих организациях) (исключение из этого правила установлены в отношении некоммерческого партнерства и учреждения, имущество которых передается членам партнерства и собственнику имущества учреждения, пп. 2-4 ст. 20 Закона);

в отношении некоммерческих организаций установлен запрет на распределение прибыли между учредителями такой организации (п. 1 ст. 50 ГК РФ, ст. 2 Закона о некоммерческих организациях);

приносящая доход деятельность для некоммерческой организации является не основным, а сопутствующим, дополнительным видом деятельности (ст. 50 ГК РФ, п. 1 ст. 2 Закона о некоммерческих организациях)⁵.

Мы солидарны с О. В. Гутниковым (автором приведенного мнения о специфике некоммерческих организаций) и Д. П. Заикиным [3] в том, что не все указанные в законодательстве особенности некоммерческих организаций можно считать существенными. Прежде всего, на практике не выдерживается различие между основным (социальным) и дополнительным (предпринимательским) видами деятельности. Если организация осуществляет продажу товаров, выполнение работ или оказание услуг, то это нужно признать в качестве одного из направлений ее деятельности вне зависимости от степени значимости.

Специальная правосубъектность также не выступает в действительности ограничением самой деятельности, необходимо лишь внести предполагаемые виды приносящей доход деятельности в устав организации и соотнести их с основной целью создания организации. Таким образом, единственным существенным критерием отграничения коммерческой организации от некоммерческой выступает запрет распределения прибыли между участниками/учредителями некоммерческой организации. Следовательно, ограничение устанавливаются в сфере полномочия распоряжения собственностью организации, к которой относится и ее доход.

Причины появления в европейском правовом порядке подобных организаций хорошо показаны Д. П. Заикиным на примере фонда. На основании изучения законодательства континентальной Европы он сделал вывод о том, что признак запрета распределения прибыли выполняет роль отграничения предпринимательских образований от компаний социальной сферы с целью недопущения подмены социальной направленности работы организации коммерческой, недобросовестного использования организационно-правовой формы некоммер-

ческой организации для осуществления предпринимательства [3]. Запрет распределения прибыли лишает возможность «экономического» собственника компании воспользоваться имуществом некоммерческой организации в собственных целях. При этом, в зарубежных правовых порядках также ограничивается возможность вывода средств социальных организаций по средствам трудовых отношений, через выплату заработной платы (включая премии, «золотые парашюты»), что в российском праве допустимо.

На наш взгляд, данное положение можно использовать и в нашем законодательстве с целью предотвращения возможности легального вывода денежных средств некоммерческих организаций. В настоящее время уровень оплаты труда регулируется специальными актами РФ и муниципальных образований на основании ст. 145 Трудового кодекса РФ в отношении руководителей, их заместителей, главных бухгалтеров, членов коллегиальных органов управления, работающих по трудовому договору, следующих некоммерческих организаций:

- внебюджетных государственных фондов;
- территориальных фондов обязательного медицинского страхования;
- государственных и муниципальных учреждений;
- государственных корпораций.

При этом, только в отношении работников первых трех организаций введен предельный размер оплаты труда как соотношение среднего размера заработной платы руководящего работника и других работников организации (ч. 2 ст. 145 ТК РФ).

Кроме того, не трудно заметить, что в данном случае законодатель защищает государственный интерес, государственное и муниципальное имущество, однако злоупотребления в сфере расходования средств некоммерческих организаций на оплату труда руководителей этих организаций имеют место и в частноправовой сфере. Прежде всего, это – общественные объединения и товарищества собственников недвижимости, дачные, садовые товарищества, члены которых не могут в полной мере контролировать расходы по причине многочисленности и слабой интеграции членов таких организаций.

Мы предлагаем внести в Закон об общественных объединениях, Закон № 217-ФЗ⁶, ст. 123.14 ГК РФ, ст. 145 ТК РФ следующую норму: «условия оплаты труда, включая предельный размер заработной платы, работников, выполняющих функции постоянно действующего исполнительного органа общественной организации, товарищества собственников недвижимости, определяется в соответствии с уставом общественной организации или товарищества, при этом предельный размер оплаты труда указанных работников не может превышать средний размер заработной платы в данной сфере по субъекту РФ».

В качестве общего вывода по участию некоммерческих организаций в отношениях по осуществлению предпринимательской деятельности следует указать, что в виду запрета на распределение прибыли между учредителями таких юридических лиц некоммерческие организации нельзя считать полноправными субъектами предпринимательства, однако их вклад в развитие сферы услуг отрицать нельзя. Поскольку в сфере предпринимательства некоммерческие организации ограничены в своей правоспособности, то этих лиц необходимо отнести к второстепенным субъектам предпринимательского права, имеющим ограниченную предпринимательскую правоспособность.

Пристатейный библиографический список

1. Предпринимательское право: современный взгляд: монография / Е. А. Абросимова, В. К. Андреев, Е. Г. Афанасьева и др.; отв. ред. С. А. Карелина, П. Г. Лахно, И. С. Шиткина. – М.: Юстицинформ, 2019. – 600 с.
2. Юридические лица в российском гражданском праве: монография: в 3 т. / Отв. ред. А. В. Габов. – М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015. – Т. 2: Виды юридических лиц в российском законодательстве. – 352 с.
3. Заикин Д. П. Общетеоретическая модель правосубъектного фонда в контексте двух дихотомий // Вестник гражданского права. – 2020. – № 5. – С. 7-72.

3 Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.09.2018 № Ф05-13927/2018 по делу № А40-240228/2017 // СПС «Консультант плюс», 2023.

4 Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 25.07.2017 № Ф08-4706/2017 по делу № А32-35564/2016 // СПС «Консультант плюс», 2023.

5 Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // Российская газета. – № 14. – 24.01.1996.

6 Федеральный закон от 29.07.2017 № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс».

БАЛАШОВ Евгений Владимирович

кандидат юридических наук, доцент, Российский университет транспорта; Российский государственный гуманитарный университет

ШОРОХОВА Александра Андреевна

кандидат юридических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ КОНКУРЕНЦИИ

Автором статьи дается оценка состояния аспекта правового регулирования, затрагивающего такую сферу социального взаимодействия как использование цифровой технологии. В статье анализируются потребности в адаптации верховенства права для решения правовых проблем, возникающих в связи с развитием и использованием цифровых технологий и их продуктов. Рассмотрены категории правосубъектности и защиты цифровых технологий, а также основы их правового регулирования. Кроме того, определены способы защиты прав в цифровой сфере, рассмотрено развитие законодательства в части установления ответственности как разработчиков, так и пользователей цифровых программ. В исследовании дается оценка формирования подходов, необходимых для наиболее полной и объективной деятельности, направленных на качественное правовое регулирование средств и сфер цифровизации. Помимо того, в статье раскрывается авторская модель рассмотрения правового статуса цифровых технологий сквозь призму общих вопросов регулирования статуса и установления ответственности и прикладных аспектов применения отдельных технологий (Искусственный интеллект, Интернет вещей, Блокчейн, большие данные и т. д.). Отдельно отмечается тенденция маргинализации цифровой сферы права, подчеркивается ограниченность адаптивных возможностей традиционного законодательства в регулировании цифровых технологий.

Ключевые слова: цифровизация, технический прогресс, правонарушение, нормативное регулирование, преступность, методологический подход.

BALASHOV Evgeniy Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor, Russian University of Transport; Russian State Humanitarian University

SHOROKHOVA Alexandra Andreevna

Ph.D. in Law, associate professor, Russian State Humanitarian University

LEGAL REGULATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES WHEN ENSURING COMPETITION

The author of the article gives an assessment of the state of the aspect of legal regulation affecting such a sphere of social interaction as the use of digital technology. The article analyzes the needs and requirements for adapting the rule of law to solve legal problems that arise in connection with the development and use of digital technologies and their products. The categories of legal personality and protection of digital technologies, as well as the basics of their legal regulation are considered. In addition, ways to protect rights in the digital sphere are defined, the development of legislation in terms of establishing the responsibility of both developers and users of digital programs is considered. The study assesses the formation of approaches necessary for the most complete and objective activities aimed at high-quality legal regulation of the means and areas of digitalization. In addition, the article reveals the author's model of considering the legal status of digital technologies through the prism of general issues of regulating the status and establishing responsibility and applied aspects of the use of individual technologies (Artificial Intelligence, Internet of Things, Blockchain, big data, etc.). Separately, the trend of marginalization of the digital sphere of law is noted, the limited adaptive capabilities of traditional legislation in the regulation of digital technologies are emphasized.

Keywords: digitalization, technical progress, offense, regulation, crime, methodological approach.

Цифровизация – это процесс, направленный на активное использование цифровых технологий в повседневном быту, а также распространение их действия на различные социальные сферы, в том числе и в тех случаях, когда речь идет о подмене человеческого ресурса продуктом технологического прогресса [1, с.120]. Безусловно, в таком процессе приоритетным является вопрос влияния цифровых технологий на социальные отношения, поскольку не каждая технология может быть общественно полезной и даже безопасной. В последнем случае вопрос правового регулирования стоит крайне остро и рассматривается учеными через призму оценки всевозможных последствий, неизбежных как по причине недостаточной готовности самой социальной среды к вводимым мерам, так и ненадежности цифровой индустрии, а также её неуниверсальности.

Конкретизируя последствия, исследователи исходят из того, что аспект развития цифровых технологий в современном мире – это следствие жесткой конкуренции в таких сферах социального развития, как: экономика, производство, безопасность и управление. В частности, что касается последнего, уже многие страны столкнулись с тем, что выражение применения цифрового продукта позволяет лучше контролировать важнейшие социальные процессы, и оперативно реагировать на возникающие изменения. Между тем, сама по себе конкуренция в данном вопросе как бы замыкается на три основные цели.

Комфорт использования. Безусловно, не каждый сегодня может себе позволить использование цифровой технологии, к примеру, в своей трудовой деятельности. Однако, как показывает практика, ни один процесс, каким бы при-

митивным или кустарным он не казался, не обходится без использования компьютерных программ и средств связи. Поэтому внедрение цифровых продуктов в повседневный образ жизни – неизбежно упрощает многие процедуры и трудовые алгоритмы. Стоит ли говорить о том, что благодаря цифровым технологиям сформировалось совершенно новое направление услуг, а уже имеющиеся стали более быстрыми и совершенными. Практика показывает, что экономическая отрасль, благодаря активному использованию цифровых средств, стала более совершенной и мобильной, а это, в свою очередь, повышает привлекательность её моделей как со стороны внешних экономических сил, так и со стороны тех, кто пытается развивать её изнутри [2, с. 36]. В России аспект использования цифровых технологий непосредственно в экономике нашел свою реализацию в правовом пространстве через призму принятия Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [3], которым в свою очередь была введена в действие специальная программа национального уровня - «Цифровая экономика Российской Федерации». В частности, в рамках этой программы делается акцент на не-совершенстве тех механизмов, которые действовали ранее и необходимости их замены новыми – более совершенными с точки зрения применения средств цифровизации. Более детально положения указанной программы были отражены в источниках регионального уровня, где с учетом имеющихся возможностей были сгенерированы проекты, более предметно отражающие суть как самой программы, так и её свойств с учетом последующего применения различных технологий.

Безопасность. Вне всякого сомнения, вопрос технологического и цифрового развития должен способствовать повышению уровня национальной безопасности. Во всяком случае, мало кто сейчас берется отрицать, что развитие цифровых технологий значительно укрепило позиции стран по части их оборонной мощи. Только за последнее время конкуренция в отрасли использования и наращивания оборонных вооружений значительно увеличилась, и причиной этому стало то, что внедрение цифровых и программных блоков позволяет значительно расширить возможности военно-промышленного комплекса. Более того, использование цифровых технологий позволяет создавать механизмы защиты личного пространства граждан в зависимости от того, насколько они могут позволить себе использовать такие технологии на практике. Так, только за последние пять лет в России были внесены ряд законодательных преобразований, которые позволили перейти большей части населения на полностью цифровое обслуживание по части обеспечения пенсионными и иными формами социальных выплат [4, р. 692]. В этом плане, технология помогает создавать некое поле, за которым государство определяет ответственность за личные сбережения граждан и их рациональное использование.

Перспективы использования цифровых технологий в дальнейшем развитии. Несомненно, важным с точки зрения развития конкуренции является аспект использования продуктов цифрового пространства в различных сферах. Это обусловлено тем, что человек, осознав, что такое использование

может быть повсеместным, старается внести действие указанных технологий в любой процесс, где программа может заменить человека. В таком случае, с одной стороны, очень сложно понять, насколько это перспективно в принципе, так как некоторые сферы человеческой деятельности по-прежнему закрыты для более бурного развития компьютерных и иных ресурсов только по причине заведомой сложности имеющихся отношений. С другой стороны, история внедрения цифровых технологий показывает, что перспектива не всегда отражает предрасположенность тех или иных механизмов к возможному развитию сразу, и именно по этой причине указанная возможность формируется непосредственно в процессе внедрения [5, с. 102].

Так или иначе, но вопрос правового регулирования именно цифровизации концептуально строится на учете двух основных подходов.

В первом случае учитывается частное применение цифровых технологий, но в контексте разрешения вопроса достижения ранее установленных приоритетов такое применение должно подчиняться общим правилам. Это так называемый утилитарный подход, который затрагивает, в первую очередь, отраслевое международное сотрудничество, где опять же ориентация действия цифровой технологии направлена на решение конкретных вопросов. Примером чему являются действия, совершаемые со стороны стран-членов конкретного договора, определяющего использование цифровых активов. Следует признать, что указанный подход часто отражает политические мотивы, поэтому нередко в его реализации какие-то государства доминируют, а какие-то вынуждены играть по уже установленным правилам. В качестве примера можно привести рекомендации Межправительственной комиссии по финансовому мониторингу (ФАТФ), которая призвала страны вводить отдельные правовые предписания по части регулирования криптоактивов, тем самым нарушая деятельность преступных организаций по части отмывания нелегальных доходов [6].

Другим принципиально новым подходом в оценке правового сопровождения вопросов, связанных с распространением цифровых технологий является методологический подход, предусматривающий необходимость создания глобальной модели правового регулирования цифровизации в целом. В данном случае, в первую очередь, следует четко понимать – что такое основы цифровизации, прежде всего, с точки зрения таких аспектов социального значения, как: этика, политика, социальное развитие, технологический анализ. И если утилитарный подход создает межотраслевое направление, которым затрагиваются такие составляющие, как: структура нормы, её непосредственное соотношение с иными правилами, и др., то методологический затрагивает вопрос между выбором общества и его технологическим развитием. Здесь, на первый план выходит мораль и ответственность, нежели сама возможность использования цифровой технологии в существующей реальности. Как отмечается в разнообразных исследованиях, указанный подход предусматривает оценку не просто нормы права как источника регулирования, а как способа достичь важнейшей социальной цели –

предотвратить негативное влияние цифровой технологии на положение общества [7, с. 251].

Как предполагается, для достижения целей, определенных двумя указанными подходами, необходимо создать предпосылки для инклюзивного роста, а также наладить международное сотрудничество в сфере использования цифровых технологий. Это потребует времени, поскольку разработка стратегии трансформации цифрового права, а также создания моделей, направленных на предотвращение рисков цифровизации, как отмечает З. С. Байниязова, достаточно сложна [8, с. 248]. В частности, правовой статус цифровых технологий пока еще не имеет столь четкой правовой регламентации, а потому и использование продуктов их развития не представляется возможным провести должным образом. Причина этого в том, что эксперты сосредоточены скорее на технических вопросах и практических решениях, и не исследуют то, каким именно образом та или иная технология может влиять на социальные отношения. Например, вопросы правового регулирования в сфере искусственного интеллекта преимущественно находятся в рамках оценки надежности технологий, при этом его возможное применение в отдельных сферах деятельности, в частности, в юриспруденции; или подстрекательство к изменениям в современном деликтном и договорном законодательстве, практически не учитывается. Специалисты в основном решают вопрос о признании ИИ объектом гражданских прав, объектом или субъектом интеллектуальной деятельности [9, с. 147]. В свою очередь, правовое регулирование применения и использования, к примеру, дронов и других прорывных технологий сегодня рассматривается в части конкретной реформы законодательных принципов, действующих в таких сферах социальной деятельности, как транспорт, здравоохранение, информация и др. [10, с. 75].

Таким образом, можно констатировать, что моделирование правового регулирования аспектов цифровизации зависит от ряда факторов, важнейшим из которых является соответствие целей указанного явления общественным предпочтениям. В данном случае, приведем примеры реализации двух основных подходов правового регулирования, удалось понять, что первостепенным в затрагиваемой парадигме является именно социальный интерес, и локальным нормативным выстраиванием норм и правил нужного результата не добиться. Необходимо создание глобальной, многоотраслевой модели, которая сможет учитывать, как позитивные последствия применения цифровых технологий, так и негативные.

Пристатейный библиографический список

1. Бойченко И. С. Развитие информационного обмена в процессе электронного взаимодействия в условиях цифровизации // Бачиловские чтения: Материалы четвертой международной научно-практической конференции, Москва, 05-06 февраля 2022 года / Отв. ред. Т. А. Полякова, А. В. Минбалева, В. Б. Наумов / Институт государства и права РАН. – Са-

- ратов: Общество с ограниченной ответственностью «Амирит», 2022. – С. 114-124.
2. Ленков И. Н., Паюхина Л. С. Эволюция финансового посредничества под влиянием процессов цифровизации // Страховое дело. – 2022. – № 12 (357). – С. 35-40.
3. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства РФ. 14.05.2018. № 20. № 2817.
4. Iskadzhyan S. O., Kiseleva I. A., Tramova A. M. [et al.] Importance of the information environment factor in assessing a country's economic security in the digital economy. – 2022. – Vol. 12. № 6. – P. 691-697.
5. Дорофеев А. Н., Панина О. В., Зубец А. Ж. [и др.] Анализ цифровизации государственного управления: инновации и перспективы // Кузнечно-штамповочное производство. Обработка материалов давлением. – 2022. – № 11. – С. 100-105.
6. Руководство по подходу, основанному на оценке рисков, к виртуальным активам и поставщикам услуг виртуальных активов. Документ представлен на заседании ФАТФ в Париже. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.fatf-gafi.org/publications/fatfrecommendations/documents/Guidance-RBAvirtual-assets.html (дата обращения: 21.04.2023).
7. Кривоносова Ж. В. Значение и роль цифровизации в становлении всеобщей культуры и ее воздействие на современный социум // Ученый совет. – 2023. – № 4. – С. 250-255.
8. Байниязова З. С. Цифровизация и вопросы развития российской правовой системы в условиях правовой неопределенности // Неопределенность права: философское осмысление и юридическое значение: Монография / Под общей редакцией О. Ю. Рыбакова. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2023. – С. 246-261.
9. Батурич Ю. М., Полубинская С. В. Искусственный интеллект: правовой статус или правовой режим? // Государство и право. – 2022. – № 10. – С. 141-154.
10. Громова Н. С., Пашук Е. О. Цифровизация юридического образования: социально-правовые проблемы и перспективы // Бюллетень инновационных технологий. – 2022. – Т. 6. № 4 (24). – С. 74-78.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-4-179-229-230

КЛЕВЦОВ Руслан Вячеславович

студент Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

МАСЛЕННИКОВА Людмила Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного и предпринимательского права Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ БАНКРОТСТВА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

В статье обсуждается распространенная практика кредитования населения и ее последствия, в том числе проблемы невозможности выплаты долгов и возможность использования института банкротства физических лиц для решения этой проблемы. Также рассматривается законодательство о банкротстве физических лиц в различных странах мира и его регулирование. В конце текста упоминается о дополнительных программах и механизмах поддержки для физических лиц в сложной финансовой ситуации. Банкротство физических лиц – это процедура, которая позволяет физическому лицу, неспособному уплачивать долги, получить финансовое освобождение. В России банкротство физических лиц регулируется Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)». Процедура банкротства физического лица включает в себя оценку имущества и долговой нагрузки, а также план по выплате кредиторам. В результате успешного завершения процедуры банкротства физическое лицо может получить освобождение от долгов и начать новую жизнь с «чистым листом». Однако, стоит отметить, что банкротство является крайней мерой и может негативно повлиять на кредитную историю и возможность получения кредитов в будущем.

Ключевые слова: банкротство физических лиц, кредитование, Федеральный закон.

KLEVTSOV Ruslan Vyacheslavovich

student of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

MASLENNIKOVA Lyudmila Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of International private and entrepreneurial law sub-faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

LEGAL FEATURES OF BANKRUPTCY OF INDIVIDUALS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN COUNTRIES

The article discusses the widespread practice of lending to the population and its consequences, including the problem of the impossibility of paying debts and the possibility of using the institution of bankruptcy of individuals to solve this problem. It also considers the legislation on bankruptcy of individuals in various countries of the world and its regulation. At the end of the text, additional programs and support mechanisms for individuals in difficult financial situations are mentioned. Bankruptcy of individuals is a procedure that allows an individual who is unable to pay debts to obtain financial relief. In Russia, the bankruptcy of individuals is regulated by the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)". The bankruptcy procedure for an individual includes an assessment of the property and debt load, as well as a plan for paying off creditors. As a result of the successful completion of the bankruptcy procedure, an individual can be released from debt and start a new life with a clean slate. However, it is worth noting that bankruptcy is a last resort and can negatively affect your credit history and the possibility of obtaining loans in the future.

Keywords: bankruptcy of individuals, lending, Federal Law.

В настоящее время физические лица часто обращаются к услугам кредитных организаций, что является распространенной практикой во многих странах. Однако, в период экономической нестабильности, граждане (физические лица) сталкиваются с проблемой невозможности выплаты задолженности по условиям, представленным в договоре, что может привести к появлению признаков банкротства. Институт банкротства физических лиц предоставляет возможность освободиться от долгов, если соблюдены все меры досудебной санации. За 2020 год в России было подано более 153 тысяч заявлений о признании должников несостоятельными (банкротами)¹.

Использование потребительского кредита в Российской Федерации является распространенной практикой, которая имеет свои плюсы и минусы. С одной стороны, граждане заинтересованы своевременно выполнить взятые на себя обязательства, с другой, при просрочке или неоплате сумм по кредитным обязательствам физические лица могут столкнуться с требованиями банка о применении мер гражданско-правовой ответственности. С первого октября 2015 года в России была введена процедура банкротства физических лиц, которая регулируется главой X Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности

ресурс]. – Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/obzory-i-analitika/chislo-grazhdan-bankrotov-sushchestvenno-vyroslo/> (дата обращения: 04.05.2023).

¹ Отчет Судебного департамента о работе арбитражных судов субъектов РФ по делам о банкротстве за 2020 г. – [Электронный

(банкротстве)²» (далее – закон о банкротстве). Эта глава определяет условия процедуры и последствия несостоятельности (банкротства) физических лиц, дает гражданам возможность преодолеть и избавиться от задолженностей, от появившегося статуса «должника». В то же время процедура банкротства может быть длительной и неприятной для ее участников, в связи с чем физическим лицам нужно с особым вниманием и осторожностью прибегать к кредитованию и не забывать о возможности наступления гражданско-правовой ответственности.

В большинстве стран мира банкротство физических лиц является законной процедурой и регулируется специальным законодательством. Например, в США, банкротство физических лиц регламентируется Законом об обеспечении ответственности за долги (Bankruptcy Code), который устанавливает правила и процедуры для подачи заявления о банкротстве и рассмотрения дела в суде. Законодательство о банкротстве физических лиц устанавливает различные типы банкротства, которые могут быть применены в зависимости от конкретной ситуации должника. Таким образом, в США, существуют два основных типа банкротства для физических лиц: глава 7 (Chapter 7) и глава 13 (Chapter 13)³. Кроме того, в некоторых странах могут существовать дополнительные программы и механизмы поддержки для физических лиц, находящихся в сложной финансовой ситуации (существует программа по банкротству на основе человеческого достоинства (Humanity Bankruptcy), которая позволяет должникам, находящимся в крайне трудной финансовой ситуации, получить возможность погасить свои долги без потери имущества).

Однако, несмотря на наличие законодательных механизмов, в различных ситуациях банкротство физических лиц может быть связано с рядом комплексных проблем. Поэтому, важно понимать, что подобная процедура должна рассматриваться как крайнее средство и приниматься только после тщательного обдумывания и консультации с квалифицированными юристами.

Физические лица, столкнувшиеся с собственной неплатежеспособностью, имеют возможность обратиться в Арбитражный суд и самостоятельно решить свою финансовую проблему, но зачастую сталкиваются с проблемами при подаче заявления о признании гражданина несостоятельным (банкротом), что может затруднить процесс и увеличить время вынесения соответствующего определения суда. Так, сложности, связанные с низкой осведомленностью о сути процедуры банкротства, являются причиной оставления заявления о признании гражданина несостоятельным (банкротом) без движения Арбитражными судами Российской Федерации.

Заявление о признании гражданина несостоятельным (банкротом) имеет свои особенности, оно должно соответствовать определенным требованиям: для рассмотрения и проверки обоснованности заявления судом, необходимо приложить к нему определенный перечень документов,

включая список кредиторов и описание имущества, подписанные должником собственноручно, сведения о доходах, копию страхового свидетельства обязательного пенсионного страхования, платежное поручение об оплате государственной пошлины, а также доказательства внесения денежных средств на депозитный счет Арбитражного суда или же ходатайство об отсрочке такого платежа до даты судебного заседания и другие документы (ст. 213.4 Закона о банкротстве). Многие граждане не имеют достаточной юридической грамотности и финансовых возможностей, чтобы обратиться к юристам за помощью. В некоторых случаях заявление может быть оставлено без движения или возвращено, если так же не выполнены требования к его составлению и приложению необходимых документов. Например, по делу А32-14701/23 заявитель не приложил подписанные им собственноручно список кредиторов и должников гражданина, а также описание, что привело к оставлению такого заявления без движения.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан»⁴ особое внимание уделено необходимости предоставления должником отзыва и документов, а также достоверных сведений суду, если заявитель является предпринимателем.

Важно отметить, что отсутствие необходимых сведений или представление заведомо недостоверной информации может повлечь за собой неосвобождение гражданина от обязательств. Таким образом, в процессе рассмотрения дела о банкротстве необходимо предоставлять достоверные сведения, чтобы избежать негативных последствий.

Процедура банкротства является одним из основных инструментов регулирования экономическо-правовых отношений, связанных с действиями различных субъектов в финансовом правовом поле. Она позволяет защитить интересы физических лиц, которые столкнулись с финансовыми трудностями и не могут выполнять свои обязательства перед кредиторами.

Социальной значимостью процедуры банкротства, полагаем, можно признать наступление благоприятных последствий для гражданина (должника), таких как удовлетворение требований кредиторов в добровольном порядке; предотвращение дальнейшей утраты имущества.

Еще одним преимуществом процедуры банкротства является законная возможность отсрочки от удовлетворения требований кредиторов при увеличении срока платежа. В то время, когда в период исполнительного производства гражданин должен уплатить свой долг в краткие сроки, при банкротстве ему предоставляется дополнительное время для погашения задолженности. Подобные отсрочки применяются в других странах, например, в законодательстве Республики Беларусь предусмотрено мировое соглашение об освобождении, уменьшении или отсрочке уплаты долгов⁵.

2 Федеральный закон 26.10.2002 № 127-ФЗ (актуальная редакция) «О несостоятельности (банкротстве)» // «Российская газета» от 2 ноября 2002 г. № 209-210.

3 U.S. Bankruptcy Code 2020, Chapter 7 – Liquidation (Sections 701 to 784).

4 Постановление Пленума Верховного Суда РФ 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» // «Российская газета» от 19 октября 2015 г., № 235.

5 Закон Республики Беларусь 13.07.2012 № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)».

Процедура банкротства также предоставляет гражданину наиболее эффективные способы распоряжения своим имуществом. В отличие от продажи имущества по экономически невыгодной цене на торгах, должник имеет право самостоятельно оценить и продать свое имущество по более выгодной цене.

Кроме того, с момента признания обоснованности заявления о банкротстве судом, все начисления финансовых санкций кредиторов, а именно неустойки (штрафов, пеней), процентов за просрочку платежа, убытков в виде упущенной выгоды прекращаются, что помогает гражданам снизить общий размер задолженности.

Еще одним преимуществом процедуры банкротства является невозможность признания гражданина несостоятельным (банкротом) повторно не ранее, чем через пять лет после вынесения соответствующего решения судом.

Проблемы, связанные с банкротством граждан, могут быть различными, и решение каждой из них может зависеть от конкретной ситуации и законодательства в каждой стране. Основные проблемы и возможные пути их решения:

Ограничения на наш взгляд определяются нижеследующим. Банкротство может привести к тому, что кредитная история должника будет содержать отрицательные аспекты в течение нескольких лет, что может затруднить получение кредитно-финансовых услуг в дальнейшем. Одним из возможных путей решения этой проблемы может быть участие в программе специализированной организации по восстановлению кредитной истории⁶, которая поможет должнику улучшить свой кредитный рейтинг и повысить шансы на получение займов в будущем.

В некоторых случаях должник может быть вынужден продать свое имущество, чтобы выполнить обязательства перед кредиторами. Одним из возможных путей решения этой проблемы является применение гражданско-процессуального законодательства, гарантирующего физическому лицу исключение из конкурсной массы имущества, на которое не может быть обращено взыскание⁷.

Во избежание физическим лицом сложной ситуации, приводящей к утрате стабильности существования, моральных страданий одним из возможных путей решения этой проблемы может быть создание условий досудебного консультирования по вопросам, связанным с банкротством, которая поможет должнику объективно оценивать необходимость данной процедуры. Соразмерное удовлетворение требований кредиторов и обязательное восстановление платежеспособности должников, которые утратили способность исполнять свои обязательства – это основные цели несостоятельности (банкротства) [1, с. 453].

Российское законодательство устанавливает гражданско-правовую, административную и уголовную ответственность в

отношении лиц, совершивших противоправные деяния при проведении процедуры банкротства. Круг субъектов, несущих ответственность, включает должников, арбитражных управляющих, лиц, специально привлекаемых к участию в деле, и должностных лиц. Однако, существуют проблемы законодательными положениями и отсутствием единообразного применения на практике таких нормативных актов.

Также необходимо совершенствовать институт ответственности в сфере банкротства, чтобы предотвратить правонарушения и злоупотребления правом при проведении процедуры банкротства физического лица. Важно уделить особое внимание мерам по предотвращению банкротства, которые могут стать причиной ухудшения экономической ситуации в стране. Необходимо развивать институт финансовой поддержки для предприятий и усиливать меры по борьбе с коррупцией, чтобы уменьшить вероятность злоупотреблений правом в этой сфере.

В целом, проблема банкротства требует комплексного подхода и совместных усилий государственных органов, экспертных сообществ и бизнеса.

Пристатейный библиографический список

1. Масленникова Л. В., Залесная Д. С. Цели и задачи института несостоятельности (банкротства): сравнительная характеристика российского и зарубежного законодательства // Молодой ученый. – 2016. – № 29 (133). – С. 453-455.

⁶ Улучшение кредитной истории, условия программы кредитный доктор от Совкомбанк. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sovcombank.ru/solutions/private/uluchshenie-kreditnoi-istorii?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 04.05.2023).

⁷ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // «Парламентская газета» от 20 ноября 2002 г., № 220-221.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-4-179-231-234

АНТОНЯН Армен Карпетович

консультант правового отдела Министерства по регулированию контрактной системы в сфере закупок Пермского края, магистрант Пермского государственного национального исследовательского университета

ОТКРЫТОСТЬ КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ И ОПРЕДЕЛЕННОСТИ ОБОРОТА ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ, ЗАКУПАЕМЫХ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПУБЛИЧНЫХ НУЖД

В статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные с правовым содержанием принципа открытости контрактной системы. Данный законодательный принцип сравнивается со сходными правовыми категориями Гражданского кодекса Российской Федерации во взаимосвязи с принципом стабильности гражданского оборота. Автор приходит к выводу о том, что установление принципа открытости контрактной системы является средством обеспечения стабильности оборота товаров, работ, услуг, закупаемых для обеспечения публичных нужд.

Ключевые слова: открытость (прозрачность), закупки, участник закупки, заказчик, стабильность оборота, открытость контрактной системы, ЕИС, ЕГРН, ЕГРЮЛ.

ANTONYAN Armen Karapetovich

consultant of the Legal Department of the Ministry for Regulation of the Contract system in the Field of Procurement of the Perm Region, magister student of the Perm State National Research University

OPENNESS OF THE CONTRACT SYSTEM AS A TOOL FOR ENSURING STABILITY AND CERTAINTY OF THE TURNOVER OF GOODS, WORKS, SERVICES PURCHASED TO MEET PUBLIC NEEDS

The article discusses some issues related to the legal content of the principle of openness of the contract system. This legislative principle is compared with similar legal categories of the Civil Code of the Russian Federation in relation to the principle of stability of civil turnover. The author comes to the conclusion that the establishment of the principle of openness of the contract system is a means of ensuring the stability of the turnover of goods, works, services purchased to meet public needs.

Keywords: openness (transparency), procurement, procurement participant, customer, turnover stability, openness of the contract system, EIS, EGRN, USRLE.

Антонян А. К.

Установление требования открытости проведения отдельных административных процедур характерно для публичных отраслей российского права. Например, в Бюджетном кодексе РФ закреплен принцип прозрачности (открытости) утвержденного и запланированного бюджетов (ст. 34)¹. При этом принцип открытости (прозрачности) бюджета активно исследуется учеными-юристами [1, с. 810–815], [5, с. 11–17], [6, с. 19–22]. Принципы открытости и доступности информации об организации и осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля, а также открытости и предсказуемости обязательных требований в Российской Федерации закреплены в действующем законодательстве о государственном регулировании предпринимательской деятельности². В частно-правовых отраслях принцип открытости в чистом виде законодателем не выделяется.

Вместе с тем, отдельные элементы требований информационной открытости находят фрагментарное отражение в

нормах Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) о государственной регистрации прав на имущество, а также государственной регистрации юридических лиц. Так, в силу п. 1 ст. 8.1 ГК РФ государственная регистрация прав на имущество осуществляется на основе, в том числе принципов публичности и достоверности государственного реестра. Согласно п. 2 ст. 51 ГК РФ данные государственной регистрации включаются в единый государственный реестр юридических лиц, открытый для всеобщего ознакомления³.

Таким образом, открытость сведений о государственной регистрации прав на недвижимость и государственной регистрации юридических лиц обеспечивается с помощью соответствующих государственных реестров – единого государственного реестра недвижимости (далее – ЕГРН) и единого государственного реестра юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ). В обеспечении открытости данных указанных реестров заинтересованы главным образом лица, совершающие сделки с юридическим лицом, включенным в ЕГРЮЛ, или с собственником, иным субъектом вещных прав на объект недвижимости, занесенный в ЕГРН. При этом закон гарантиру-

1 Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.

2 О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2020. – № 31. – Ст. 5007; Об обязательных требованиях в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2020. – № 31. – Ст. 5006.

3 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

ет добросовестный статус таких контрагентов, полагающихся на сведения, содержащиеся в рассматриваемых реестрах.

Контрактная система в сфере закупок основывается на ряде прямо поименованных в Федеральном законе от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе, Закон № 44-ФЗ) принципах, к числу которых отнесен и принцип прозрачности информации о контрактной системе в сфере закупок (часть 1 статьи 6). В соответствии со статьей 7 Закона о контрактной системе в Российской Федерации обеспечивается свободный и безвозмездный доступ к информации о контрактной системе в сфере закупок. Открытость и прозрачность указанной информации обеспечиваются, в частности, путем ее размещения в единой информационной системе (далее также – ЕИС)⁴.

Наличие ЕИС является основной, но не единственной формой обеспечения открытости российской контрактной системы. Так, Законом № 44-ФЗ предусмотрен механизм обязательного общественного обсуждения закупок на сумму свыше двух миллиардов рублей (статья 20), закреплен институт общественного контроля за соблюдением требований законодательства Российской Федерации (статья 102), а также право любого участника закупки обратиться к заказчику с запросом о даче разъяснений положений извещения об осуществлении закупки (ч. 5 ст. 42 Закона о контрактной системе).

Единая информационная система в сфере закупок направлена на обеспечение открытости закупок для двух групп субъектов. С одной стороны, в прозрачности контрактной системы заинтересовано все общество в лице конкретных граждан и общественных организаций, для которых важно надлежащее и своевременное исполнение контрактов особенно в территориях их проживания или места нахождения. С другой стороны, непосредственный экономический интерес в открытости всех стадий закупки имеют участники закупок, в качестве которых могут выступать любые физические или юридические лица.

Говоря о значении принципа открытости в системе других принципов контрактной системы, необходимо присоединиться к мнению М. В. Шмелевой, которая отмечает, что нарушение принципа открытости и прозрачности фактически разрушает всю систему принципов контрактной системы [7, с. 56]. Действительно, игнорирование заказчиком принципа гласности и прозрачности контрактной системы может привести к нарушению конкуренции, неэффективной трате бюджетных средств, подрыву доверия граждан к законности осуществления государственных и муниципальных закупок. Соответственно такие неправомерные деяния могут быть квалифицированы как нарушения принципов обеспечения конкуренции, эффективности осуществления закупок и профессионализма заказчиков.

Учитывая изложенное, в институтах публичных закупок и государственной регистрации прав на недвижимость и юридических лиц существуют информационные ресурсы, обеспечивающие публичность в интересах участников оборота, а в случае ЕИС также всего общества. В нормах ГК РФ о государственной регистрации прав на имущество и юридических лиц открытость данных обеспечивается с помощью ведения государственных реестров, представляющих собой своды типизированных сведений о конкретном объекте недвижимости или субъекте прав (юридическом лице). В свою очередь, ЕИС представляет собой единое информационное пространство, конституирующее в цифровой среде порядок осуществления публичных закупок и всех связанных с этим порядком действий субъектов контрактной системы.

Стоит отметить, что несомненным достоинством ГК РФ является положение о том, что убытки, причиненные внесением в государственные реестры недостоверных данных либо нарушением предусмотренного законом порядка государственной регистрации, по вине уполномоченного государственного органа, подлежат возмещению за счет казны Российской Федерации (п. 9 ст. 8.1 ГК РФ, п. 7 ст. 51 ГК РФ). Указанные нормы направлены на защиту добросовестных участников гражданского оборота и устанавливают юридическую ответственность государства за недостоверность данных, содержащихся в реестрах, на которые разумно полагался потерпевший. Закон о контрактной системе содержит безусловное положение о том, что информация, предусмотренная Законом о контрактной системе и размещенная в единой информационной системе, должна быть полной и достоверной (ч. 3 ст. 7). Вместе с тем, Закона № 44-ФЗ не знает подобных ГК РФ правил об ответственности казны РФ за достоверность содержащихся в ЕИС сведений, чем значительно ослабляет защищенность участников закупок от неправомерных действий других участников и злоупотреблений со стороны заказчиков.

Из многочисленных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации следует, что законодательное закрепление необходимости государственной регистрации права на недвижимое имущество, являющейся единственным доказательством существования зарегистрированного права на недвижимое имущество, которое может быть оспорено только в судебном порядке, свидетельствует о признании со стороны государства публично-правового интереса в установлении принадлежности недвижимого имущества конкретному лицу, чем обеспечивается защита прав других лиц, стабильность гражданского оборота и предсказуемость его развития (Постановление от 26 мая 2011 года № 10-П; определения от 5 июля 2001 года № 132-О и № 154-О, от 29 января 2015 года № 216-О и др.)⁵. Таким образом, КС РФ рассматривает институт государственной регистрации прав на недвижимость как правовой механизм обеспечения

4 О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2013. – № 14. – Ст. 1652.

5 См. например, Постановление Конституционного Суда РФ от 10.11.2016 № 23-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 1 статьи 2 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» в связи с жалобой гражданина Н. Н. Марасанова» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

стабильности гражданского оборота и предсказуемости его развития.

Г. А. Гаджиев о принципе стабильности гражданского оборота пишет: «новое гражданское законодательство, закрепляющее принцип неприкосновенности собственности, всецело основывается и исходит из конституционно-правового режима стабильности экономического оборота. По существу, конституционно-правовой принцип стабильности экономического оборота выражает такое давно известное требование личности к существующему правопорядку, как требование не только определенности, но и прочности права, о котором писал еще И. А. Покровский». В силу этого принципа государство обязано обеспечивать условия для стабильного гражданского оборота и использовать для этого правовое регулирование [2, с. 59].

В юридической литературе ряд исследователей-цивилистов выделяют принцип стабильности гражданского оборота, несмотря на то, что указанный принцип прямо не закреплен в нормах ГК РФ. В. В. Груздев определяет стабильность (прочность, устойчивость) гражданского оборота в широком смысле как внутреннее качество, незыблемость которого должна быть обеспечена всем арсеналом цивилистических средств регулирования. В этой связи идея стабильности гражданского оборота приобретает значение руководящего начала, превращаясь тем самым в отраслевой принцип. Рассматриваемый цивилистический принцип, по мнению учёного, проявляется в трех составляющих: 1) недопустимости произвольного лишения силы юридических фактов, влекущих возникновение обязательства; 2) недопустимости произвольного изменения и прекращения обязательства; 3) недопустимости произвольного аннулирования последствий имущественного предоставления в счет несуществующего обязательства [3, с. 4].

А. Н. Егорова в результате проведенного ей диссертационного исследования отмечала, что к принципам гражданского права следует относить не только основные начала гражданского права, предусмотренные в ст. 1 ГК РФ и в других нормах, так называемые нормы-принципы гражданского права, но и основополагающие начала гражданского права, которые можно сформулировать исходя из смысла гражданско-правовых норм и практики их применения. В этой связи ей обоснован вывод о наличии среди гражданско-правовых принципов – принципа стабильности гражданско-правового договора, который представляет собой руководящее начало гражданского права, соответствующее основным положениям гражданского законодательства и практики его применения, устанавливающее для субъектов договорных отношений обязанность по сохранению договора, не допуская его произвольное расторжение или изменение [4, с. 13].

Однако учеными принцип стабильности рассматривается в основном через призму пределов возможности в определенных случаях изменять либо расторгать договор. Вместе с тем, без должного внимания остаются сформулированные Конституционным Судом РФ вопросы обеспечения стабильности оборота в отношениях по государственной регистрации прав на недвижимое имущество. Представляется правильным применить выработанные Конституционным

Судом РФ подходы к отношениям между участниками закупок и государственными (муниципальными) заказчиками по поводу проведения торгов, заключения и исполнения контрактов, которые составляют часть регулируемого гражданским законодательством экономического оборота. Стабильность и определенность этих отношений обеспечиваются путем создания публично-правовых императивных норм, ограничивающих формальную свободу договора, поскольку все участники, заявившиеся на участие в конкурсе (аукционе), в силу закона выражают свое согласие поставить товар, выполнить работу, оказать услугу на условиях, объявленных извещением о проведении закупки.

Представляется, что в контрактных отношениях целям стабильности и предсказуемости оборота товаров, работ и услуг служит нормативное закрепление принципа открытости контрактной системы, наличие единой информационной системы в сфере закупок и иных форм обеспечения прозрачности закупок. Существование конкретного организационно-правового механизма обеспечения открытости контрактной системы в виде ЕИС способствует соблюдению установленных законом императивных правил. Более того, в ряде случаев настройки ЕИС не позволят заказчикам совершить действия, противоречащие Закону о контрактной системе.

Законом о контрактной системе детально урегулирован не только порядок проведения торгов в форме электронных конкурсов, аукционов и запросов котировок, но и порядок заключения и исполнения контрактов. В соответствии со статьей 51 Закона о контрактной системе контракт подписывается на условиях, предусмотренных ранее размещенным в ЕИС извещением об осуществлении закупки, и в соответствии с заявкой победителя. Любое отступление от этого правила является нарушением законодательства. Соблюдение приведенного порядка может быть легко проверено другими, проигравшими участниками закупки – конкурентами победителя торгов, а также любыми гражданами, поскольку подписанный контракт подлежит обязательному размещению в открытом доступе в ЕИС. Аналогичная картина прослеживается и на стадии исполнения контракта. На сегодняшний день обязательно осуществление приемки, юридически значимой переписки и расторжения контракта посредством использования ЕИС. Изменение существенных условий допускается только по предусмотренным законом (статья 95 Закона № 44-ФЗ) и контрактом основаниям. Дополнительные соглашения об этом также под страхом административной ответственности подлежат размещению в ЕИС для всеобщего ознакомления.

Таким образом, принцип открытости контрактной системы, проявляющийся главным образом в функционировании ЕИС, информация в которой должна быть полной и достоверной, так же как в ЕПРН и ЕПРЮЛ, установлен в Законе о контрактной системе в целях обеспечения стабильности и определенности гражданского оборота с участием публично-правовых образований. Суть требований публичности данных ЕПРН состоит в обеспечении третьим лицам возможности проверки приобретаемого ими объекта недвижимости «на чистоту», в то время как правила об открытости и про-

зрачности информации, содержащейся в ЕИС, направлены на выполнение иных задач более масштабного и сложного характера. В контрактных отношениях в такой открытости заинтересован различный субъектный состав участников закупок, отличающийся на разных хронологических этапах осуществления закупки.

На стадии до определения победителя закупки (подведения итогов торгов) – это все потенциальные и уже подавшие заявки участники закупок, которые полагаются на полноту и достоверность размещенных в ЕИС документов для надлежащего исполнения обязательств в соответствии с объявленными условиями контракта. На данном этапе заказчиком может быть не соблюдено требование, например, в части полноты: не размещен весь перечень необходимой документации. Например, согласно письму ФАС России, отсутствие в составе закупочной документации полной проектно-сметной документации указывает на то, что заказчик не установил требования к объему работ⁶. На этапе заключения контракта в течение ограниченного законом срока с момента подведения итогов конкурса (аукциона) до двухстороннего подписания контракта, когда подписанный с обеих сторон контракт размещается в ЕИС, заинтересованными лицами выступают только подавшие заявки участники закупки, которые могут установить необоснованное отступление от ранее объявленных требований извещения и обратиться с жалобой в антимонопольный орган в порядке, предусмотренном ст. 105 Закона о контрактной системе.

После заключения контракта и до его полного надлежащего исполнения – любые заинтересованные лица, которые могут установить благодаря размещенным дополнительным соглашениям, иным приложенным к ним документам факт недопустимого изменения и (или) расторжения контракта в нарушение требований законодательства о контрактной системе или законодательства о защите конкуренции. Установление таких фактов может явиться поводом для соответствующего обращения в антимонопольный орган или в иной уполномоченный контрольный орган. Наконец на всех описанных этапах осуществления закупки на информацию, содержащуюся в ЕИС, в целях осуществления общественного контроля за соблюдением законодательства о контрактной системе могут полагаться граждане и общественные объединения. В связи с чем перед гражданами открываются широкие возможности для самостоятельного обращения в компетентные государственные органы.

Таким образом, установление для регулирования отношений по обеспечению государственных и муниципальных нужд принципа открытости контрактной системы, реализованного прежде всего в функционировании ЕИС, служит целям стабильности и определенности оборота товаров, работ и услуг с участием публично-правовых образований путем обеспечения сохранения объявленных условий закупки в неизменном виде с момента размещения извещения о ее проведении и до полного исполнения обязательств по контракту, заключенному на основании торгов. В обеспечении сохранения условий контракта и проверке обоснованности

отступления от этих условий на всех этапах осуществления закупок заинтересованы участники закупок и общество в целом. Кроме того, предоставление в ЕИС доступа к информации об исполнении контракта служит целям наиболее полной и эффективной защиты прав всех участников закупок, могущих использовать эти данные при обращении в административные органы или в суд, в том числе в качестве общеизвестных фактов.

Пристатейный библиографический список

1. Болтинова О. В. К вопросу о реализации принципа прозрачности (открытости) бюджета // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 7.
2. Гаджиев Г. А. Конституционные принципы рыночной экономики (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). – М.: Юристъ, 2004.
3. Груздев В. В. Гражданско-правовой принцип стабильности оборота // Юрист. – 2017. – № 23.
4. Егорова А. С. Принцип стабильности договора по гражданскому законодательству Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011.
5. Поветкина Н. А., Хазова Е. В. Интегрированные информационные системы управления публичными финансами в обеспечении прозрачности бюджетной системы Российской Федерации // Журнал российского права. – 2014. – № 9.
6. Пятковская Ю. В. Прозрачность как основополагающий принцип публичных расходов: правовой механизм реализации // Российская юстиция. – 2016. – № 10.
7. Шмелева М. В. Гражданско-правовое регулирование контрактных отношений при государственных и муниципальных закупках в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2013.

6 Письмо ФАС России от 09.03.2016 № АЦ/14427/16 «О рассмотрении обращения» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

DOI 10.46320/2073-4506-2023-4-179-235-237

КОТ Марина Константиновна

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности Самарского государственного экономического университета

ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА В ОТНОШЕНИЯХ ПО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье исследуются вопросы классификации субъектов предпринимательского права в «горизонтальных» предпринимательских отношениях, т.е. отношениях по непосредственному осуществлению предпринимательской деятельности. Несмотря на то, что этот вопрос можно отнести к числу базовых в науке предпринимательского права, до настоящего времени отсутствует единое мнение, способствующее развитию предпринимательского права и как учебной дисциплины, и как практикоориентированного правового образования. Автором критикуется распространенный в учебной литературе подход к дифференциации субъектов предпринимательской деятельности. В качестве вывода нами обосновывается положение о том, в предпринимательском праве классификация его субъектов призвана, прежде всего, показать объем правоспособности лиц в «горизонтальных» предпринимательских отношениях. В соответствии с указанной задачей и необходимо проводить дифференциацию субъектов, непосредственно осуществляющих предпринимательскую деятельность.

Ключевые слова: субъекты предпринимательского права, предпринимательская деятельность, «горизонтальные» отношения, коммерческие организации, индивидуальный предприниматель, правоспособность.

КОТ Marina Konstantinovna

Ph.D. in Law, associate professor of Legal support of economic activities sub-faculty of the Samara State University of Economics

PROBLEMS OF CLASSIFICATION OF SUBJECTS OF ENTREPRENEURIAL LAW IN RELATIONS FOR THE IMPLEMENTATION OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITIES

The article examines the issues of classification of subjects of business law in "horizontal" business relations, i.e. relations for the direct implementation of entrepreneurial activities. Despite the fact that this issue can be classified as one of the basic ones in the science of business law, there is still no consensus that contributes to the development of business law both as an academic discipline and as a practice-oriented legal education. The author criticizes the approach to the differentiation of business entities that is common in educational literature. As a conclusion, we substantiate the position that in business law the classification of its subjects is intended, first of all, to show the volume of legal capacity of persons in "horizontal" business relations. In accordance with this task, it is necessary to differentiate the entities directly engaged in entrepreneurial activity.

Keywords: subjects of entrepreneurial law, entrepreneurial activity, "horizontal" relations, commercial organizations, individual entrepreneur, legal capacity.

Кот М. К.

В соответствии с актуальным пониманием системы российского права субъектами предпринимательского права выступают различные лица, участвующие в отношениях, регулируемых особой отраслью – предпринимательским правом. В виду того, что само предпринимательское право относится к числу комплексных отраслей права и законодательства и не имеет собственного кодифицированного источника, объединяющего нормы данного правового образования, понятие, правовой статус субъектов предпринимательского права выступает непостоянной категорией, вызывает дискуссии со стороны различных представителей юридической науки.

Современная концепция предпринимательского права является наследницей хозяйственно-правовой концепции, разработанной представителями советской юридической науки, прежде всего В. В. Лаптевым, В. К. Мамутовым, В. С. Мартемьяновым. Указанные ученые исходили из необходимости единого правового регулирования, системного изучения и преподавания отношений, относящихся к предпринимательской (хозяйственной) деятельности. Сложившийся с

80-х годов 19 века цивилистический подход к регламентации предпринимательства, по мнению указанных авторов, не позволял учесть все потребности экономической деятельности, специфику производственных отношений, что до сих пор приводит к дефектам правовой системы, сложностям в реализации таких норм на практике.

Методологической основой учения выступает экономический детерминизм, предусматривающий зависимость правовых отношений от потребностей экономики и его законов. В силу этого экономическим базисом, определяющим системность такого правового образования, как хозяйственное/предпринимательское право является цикличность экономического воспроизводства, включающую отношения по производству, обмену и потреблению материальных и духовных благ. Методы гражданского права в таком ракурсе демонстрируют свою несостоятельность, они не позволяют дать эффективное обеспечение экономической деятельности, поскольку на каждом этапе экономического цикла в отношения равноправных субъектов вмешиваются нормы и

институты, имеющие публично-правовую природу. К ним относятся, прежде всего, институты, опосредующие государственное регулирование экономики, а именно налоговое, антимонопольное законодательство, нормы, устанавливающие инфраструктуру рынка – биржевые нормы, законодательство о ценных бумагах, инвестициях, о ценообразовании, а также нормы о финансовом учете и отчетности. Существует и специфика экономической деятельности в отдельных сферах хозяйствования, что также требует особого государственного вмешательства.

Последователями идей советской школы хозяйственного права выступают такие ученые, как О. М. Олейник, Е. П. Губин, П. Г. Лахно, И. В. Дойников, И. В. Ершова и некоторые другие. Несмотря на общность идейной и методологической базы, названные авторы не едины во мнении относительно структуры предмета предпринимательского права. Это, в свою очередь, приводит к различному пониманию видов субъектов предпринимательских отношений.

Предметом настоящего исследования выступает проблема классификации непосредственных и основных субъектов предпринимательского права – участников собственно предпринимательской деятельности, так называемых «горизонтальных» отношений. Указанная проблема отражена в большинстве источников учебной направленности. Чаще всего систематизация субъектов в «горизонтальных» отношениях проводится по основаниям, установленным в законе. К ним можно отнести классическое деление субъектов на физических и юридических лиц. В свою очередь, юридические лица классифицируются по цели деятельности на коммерческие и некоммерческие, по способу участия в формировании уставного капитала – на корпоративные и унитарные, далее – организации дифференцируются в зависимости от особенностей организационно-правовой формы в соответствии с гражданским законодательством РФ [1, с. 17].

Существуют классификации, основанные на различиях в режиме собственности деятельности субъекта – выделяют частные, государственные и муниципальные режимы собственности, на основе которых создаются и действуют субъекты рассматриваемой деятельности. Кроме того, по количественному составу участников субъекты делят на индивидуальные и коллективных [2].

На наш взгляд, подобное деление физических и юридических лиц, хотя и отражает легальное положение участников гражданского оборота, не учитывает специфики предпринимательского права как отрасли, комплексно регулирующей отношения по осуществлению предпринимательской деятельности. Реализация права на предпринимательскую деятельность в целом не отличается у субъектов, дифференцированных по названным основаниям. При этом, субъекты, отличающиеся ограниченной или исключительной предпринимательской правоспособностью, обладают меньшим объемом прав на предпринимательскую деятельность в отличие от субъектов, права которых в области предпринимательства законом не ограничены. К таковым относятся хозяйственные товарищества и общества, производственные кооперативы, хозяйственные партнерства. Участники названных коммерческих организаций вправе сами ограничить

сферу действия созданных ими юридических лиц, установив соответствующие положения в уставе организации.

Таким образом, на наш взгляд, для предпринимательского права классификация его субъектов призвана, прежде всего, показать объем правоспособности лиц в горизонтальных предпринимательских отношениях. В соответствии с этой задачей в отношениях по осуществлению предпринимательской деятельности можно выделить субъектов, обладающих полной предпринимательской правоспособностью (к ним относятся коммерческие организации, за исключением унитарных предприятий), специальной правоспособностью (унитарные предприятия, физические лица – индивидуальный предприниматель, самозанятые, некоммерческие организации) и исключительной правоспособностью, предусмотренной для деятельности лиц, избравших в качестве сферы своей деятельности определенный бизнес – страховой, оказание финансовых услуг, сельское хозяйство и т.д.

Ограниченная предпринимательская правоспособность гражданина может быть рассмотрена в двух аспектах: как ограничение физического лица на занятие определенными видами предпринимательской деятельности, так и как ограничения в сфере его гражданской правоспособности, не допускающие занятия бизнесом. К последним относятся ограничения, связанные с замещением определенной должности (государственная служба¹, работа в качестве нотариуса², судьи³, депутата органа государственной власти или местного самоуправления, выполняющего свои обязанности на постоянной (профессиональной) основе⁴), с наличием вступившего в законную силу решения суда об ограничении в сфере предпринимательства, с банкротством гражданина-индивидуального предпринимателя⁵, с лишением общей гражданской дееспособности (ст. 29 ГК РФ) [3], с судимостью⁶.

По видам деятельности следует выделить те направления бизнеса, в которых в силу закона допускается участие только юридических лиц. К таковым относятся:

- 1 Ст. 17 ФЗ РФ от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе» // СПС «Консультант плюс».
- 2 Ст. 6 Основ законодательства РФ о нотариате от 11.02.1993 г. № 4462-1 // СПС «Консультант плюс».
- 3 Ст. 3 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в РФ» // СПС «Консультант плюс».
- 4 П. 7 ст. 40 ФЗ РФ от 6.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ»; п. 6 ст. 19 ФЗ РФ от 21.12.2021 «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ» // СПС «Консультант плюс»; Коновалова Л. Г. Запрет заниматься иной оплачиваемой деятельностью как условие осуществления депутатских полномочий // Известия АлтГУ. Юридические науки. – 2018. – № 6 (104).
- 5 Ст. 216 ФЗ РФ от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «Консультант плюс».
- 6 См. постановление Правительства РФ от 16.04.2011 № 285 «Об утверждении перечня видов предпринимательской деятельности в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних, при осуществлении которых физическим лицом, регистрируемым в качестве индивидуального предпринимателя, представляется справка в регистрирующий орган о наличии (об отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо прекращения уголовного преследования по реабилитирующим основаниям» // СПС «Консультант плюс».

– страховой бизнес (ст. 6 Закона РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в РФ»);

– банковское дело (ст. 2 ФЗ РФ от 2.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности»);

– организация ломбардов (ст. 2 ФЗ РФ от 19.07.2007 № 196-ФЗ «О ломбардах»);

– осуществление розничной продажи алкогольной продукции, за исключением некоторых видов, разрешенных законом (ст. 16 ФЗ РФ от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции»);

– ведение частной охранной деятельности (ст. 15.1 Закона РФ от 11.03.1992 № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности»);

– деятельность по предоставлению труда работников (персонала) (ст. 18.1 Закона РФ от 19.04.1991 г. № 1032-1 Закона РФ «О занятости населения в РФ»);

– деятельность с объектами, изъятыми или ограниченными в обороте (например, с оружием, патронами, военной техникой, химоружием, боеприпасами, с производством лекарств, оборотом наркотических и психотропных веществ, некоторыми видами пиротехники);

– деятельность в сфере естественных монополий;

– некоторыми другими видами деятельности [4].

Отдельными законами из числа названных выше также ограничен состав участников-юридических лиц организациями определенной правовой формы, однако статус физического лица – предпринимателя в большей степени влияет на предпринимательскую правоспособность, чем отдельные ограничения по осуществлению предпринимательской деятельности организациями.

Ограниченная предпринимательская правоспособность установлена и для самозанятых, поскольку они не могут осуществлять любые виды деятельности, а должны выбрать те из них, которые предусмотрены НК и нормативными актами субъекта РФ.

Исключительной правоспособностью в области предпринимательства обладают крестьянские (фермерские) хозяйства, созданные как в виде индивидуального предпринимательства, так и в форме юридического лица. Это подтверждается ст. 1 ФЗ РФ от 11.06.2003 № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»⁷. Согласно Закону данный субъект права осуществляет производственную и иную хозяйственную деятельность, а именно: «производство, переработку, хранение, транспортировку и реализацию сельскохозяйственной продукции» (ч. 1 ст. 1 Закона). В ст. 86.1 ГК РФ также сфера деятельности крестьянского хозяйства как юридического лица ограничена сельским хозяйством.

Классификация субъектов с точки зрения задач предпринимательского права возможна и по критерию специфики государственного регулирования бизнеса. К направлениям особого государственного воздействия законодательство

относит естественные монополии⁸, организации в сфере природопользования [5], малый и средний бизнес⁹. Отнесение участников предпринимательской деятельности к этим категориям существенно влияет на их правовые возможности и ограничения в сфере бизнеса, что имеет непосредственное воздействие на содержание их предпринимательской правосубъектности [6].

Пристатейный библиографический список

1. Нетишинская Л. Ф. Предпринимательское право: Учебное пособие. – Краснодар, 2019.
2. Захарова А. Э., Утеньязова А. У. Классификация субъектов предпринимательского права и ее значение // Молодой ученый. – 2021. – № 45 (387). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/387/85151/> (дата обращения: 11.04.2023).
3. Малютина О.А. Правовые ограничения предпринимательской деятельности в России // Юридическая техника. – 2018. – № 12.
4. Виды деятельности для ИП 2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://p21001.ru/articles/vibor-deyatelnosti-ip/> (дата обращения: 11.04.2023).
5. Гусяков В. Ю. Участники предпринимательских отношений в нефтегазовой отрасли // Право и экономика. – 2018. – № 3. – С. 14-24.
6. Степин А. Б. Правовой статус субъектов малого предпринимательства // Юрист. – 2019. – № 9. – С. 19-24.

8 ФЗ РФ от 17.08.1995 № 147-ФЗ «О естественных монополиях» // СПС «Консультант плюс».

9 Критерии отнесения лиц к этим субъектам см.: ФЗ РФ от 24.07.2004 г. № 204-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства» // СПС «Консультант плюс».

7 СПС «Консультант плюс».

ПАНАБЕРГЕНОВА Жамиля Таировна

докторант Каракалпакского государственного университета имени Бердаха, г. Нукус, Республика Узбекистан

СТАНОВЛЕНИЕ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ: ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В настоящей статье анализируется становление корпоративного управления в Западных странах с правовой точки зрения. Автор большое внимание уделил исследованию научных работ по корпоративному управлению, с тем, чтобы определить этапы его развития. Также в статье освещаются нормативные акты, заложившие основу корпоративного управления в Республике Узбекистан, и определяются факторы, влияющие на развития законодательства в сфере корпоративного управления.

Ключевые слова: корпоративное управление, сравнительное корпоративное право, научная доктрина.

PANABERGENOVA Jamilya Tairovna

doctoral student of the Berdakh Kara kalpak State University, Nukus, Republic of Uzbekistan

Панабергенова Ж. Т.

FORMATION OF CORPORATE GOVERNANCE: LEGAL ANALYSIS

This article analyzes the formation of corporate governance in Western countries from a legal point of view. The author paid great attention to the study of scientific works on corporate governance in order to determine the stages of its development. The article also highlights the regulations that laid the foundation for corporate governance in the Republic of Uzbekistan, and identifies the factors influencing the development of legislation in the field of corporate governance.

Keywords: corporate governance, comparative corporate law, scientific doctrine.

Термин «корпоративное управление» получил широкое развитие в юридической доктрине. Это объясняется действиями государств по улучшению инвестиционного климата, разработкой нормативно-правовой базы, направленной на улучшение корпоративного управления хозяйственных обществ. Популяризация развития корпоративного управления подтверждается опросом, проведенным в 2000 году компанией McKinsey среди 200 институциональных инвесторов, который подтвердил, что 80 % из них готовы платить больше за акции компаний, которые внедрили эффективные методы корпоративного управления.

Термин «корпоративное управление» в широком смысле относится как к частному, так и публичному институтам права и включает в себя законы и другие правовые акты, регулирующие рыночные отношения между корпоративными менеджерами (советом директоров) с одной стороны и инвесторами с другой. Инвесторами могут выступать долевые вкладчики (акционеры), вкладчики долгового финансирования (кредиторы), а также поставщики других материальных и нематериальных активов, используемых корпорациями.

Научное исследование какого-либо явления не обходится без исторического анализа. Но, когда речь идет о правовых аспектах корпоративного управления, то следует признать, что масштаб исторического анализа довольно узок, так как определенной исторической трактовки корпоративного управления не существует, и маловероятно, что возникнет, в связи с широтой предмета. В настоящей статье исследовании автор отразит основные идеи, отраженные в фундаментальных трудах по корпоративному управлению, так как представляется невозможным полное раскрытие всех источников данной отрасли, в связи с тем, что каждое из нижеуказанных работ, в свою очередь, требует отдельных массивных исследований.

Исследователи правовой и экономической сущности корпоративного управления по-разному рассматривают его историю возникновения. Так, Магданов П. В. и Вуд В. А. исследуют феномен корпорации, начиная со времен Римской

империи, а именно с популярного среди цивилистов положения, выдвинутого Гаем Юлием Цезарем об обязательном наличии уставов у юридических лиц с указанием на цели их создания [19, с. 15]. Никишова М. И. начала диссертационное исследование корпоративного управления с XIV века, когда возник Генуэзский банк Св. Георгия, который принято считать первым в мире акционерным обществом [5, с. 15].

Р. Морк придерживаются мнения, что история корпоративного управления берет свое начало со времен основания Английской Ост-Индской компании, компании Гудзона залива, Левантийской компании и др., основанных в XVI-XVII веках [14, с. 15].

Общепризнано, что первой научной работой, содержащей основы корпоративного управления является трактат Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» опубликованный в 1776 году, главной идеей которого является то, что бизнес-структуры и институты возникают в обществе для способствования его благу [7, с. 31].

Следующим фундаментальным классическим трудом, способствовавшим развитию исследования корпоративного управления является работа А. Берли и Г. Минза «Современная корпорация и частная собственность» [8, с. 26], впервые выдвинувшая идею отделения собственности от контроля, подразумевающая возможный конфликт между собственниками и наемными менеджерами. Этим авторам удалось объяснить, почему компания с несколькими разобщенными вкладчиками наделили широкими полномочиями наемных менеджеров, которые не всегда имеют долю в капитале общества. Авторы указывали, что для экономического развития фирмы требуется приток извне значительного объема финансов, для чего и привлекаются акционеры, что служит основанием для разделения собственности и управления корпорацией [1, с. 14].

Именно после публикации данной революционной работы в США началось реформирование политики надзора над акционерными обществами, и была создана Комиссия по ценным бумагам и биржам (Securities and Exchange

Commission, SEC) для контроля за деятельностью акционерных обществ, главным образом, в части финансовых операций. С созданием комиссии менеджеры стали обязаны предоставлять полную информацию о деятельности корпорации акционерам [3, с. 202].

Интересна точка зрения Х. Уэллса, который предложил, что корпоративное управление появилось в то время, когда деятельность корпораций породило собой возможность конфликта между инвесторами и менеджерами [18, с. 92]. В то же время Брайан Р. Чэффинс утверждает, что термин корпоративное управление в современном понимании «вошел в моду» в 70-х годах прошлого века, когда под корпоративным управлением стали понимать не только деятельность корпораций в целом, а также управленческую подотчетность исполнительных органов, структуру совета директоров и развитие прав акционеров [10, с. 4]. Здесь следует указать, что в 1976 году термин «корпоративное управление» впервые появился в Федеральном реестре США.

В том же 1976 году родилась известная агентская теория (agency theory), поднимающая вопрос о прогрессирующем желании менеджеров использовать свое положение в корпорации в своих личных целях [10, с. 4]. Появление агентской теории в корпоративном управлении способствовало существенному росту исследований в данной области, направленных на разрешение конфликта между инвесторами (кладчиками) компаний и менеджерами. Под агентской проблемой подразумевается конфликт «принципал-агент», в котором агент (менеджер) действует в своих личных интересах, не принимая во внимание интересы принципала (акционеров). Такое поведение менеджеров по сей день является весьма актуальным вопросом и носит название поведенческого оппортунизма и является предметом многих научных исследований [4, с. 167].

Анализируя исторический-правовой аспект корпоративного управления, следует указать на труд Р. Нейдера, М. Грина и Дж. Селигмана «Приручение огромной корпорации» (Taming the Giant Corporation) 1976 года, содержащий одно из первых определений корпоративного управления в современном понимании. В этом труде представлен правовой образ корпоративного управления с акционерами, избирающими совет директоров, уполномоченными управлять корпорацией [16, с. 167]. Данные авторы предложили, что правовая модель имеет мало отношения к практической реальности дисфункциональной «корпоративной автократии», ориентированной на руководителей, где «контроль над руководством практически исчез», что приводит к «иррациональным решениям; поспешным решениям; решениям, основанным на неадекватном фактическом анализе или к исполнительному самофаворитизму» [15, с. 77]. Кроме того, в книге содержится предложение о реформировании корпоративного управления путем принятия законов, возвращающих совету директоров его историческую роль внутреннего аудитора корпорации, ответственного за сдерживание руководства от нарушений закона и злоупотреблений доверием.

Анализируя становление современного корпоративного управления, необходимо выделить «стейкхолдерскую теорию», впервые разработанную Э. Фрименом в работе «Стратегический менеджмент: концепция заинтересованных сторон» [11, с. 25]. В данной работе компания и ее окружение представлена как набор заинтересованных в ее деятельности лиц, права которых должны учитываться менеджерами [6, с. 52].

Развитию исследований в области корпоративного управления способствовала публикация серии статей ведущих экономистов — профессоров Р. Ла Порты, Ф. Лопес-де-Силанеса, А. Шлейфера, Р. В. Вишни, соавторов, известных как ЛЛШВ (LLSV). Так, согласно авторам, корпоративное управление в определенной степени представляет собой набор механизмов, с помощью которых внешние инвесторы

защищают себя от экспроприации со стороны инсайдеров. Под инсайдерами в данном случае понимаются как менеджеры, так и владельцы контрольных пакетов акций. Также, указанная группа авторов одной из первых представила сведения о защищенности прав акционеров (кредиторов) различных крупных государств, основанных на проведенном опросе ведущих юридических компаний. В результате опроса было выявлено, что в странах с Англо-саксонской системой права инвесторы защищены лучше, чем в странах с романо-германской системой [13, с. 1131].

Кроме того, труды ЛЛШВ, созданные в период с 1999 по 2008 гг. породили собой огромное количество научных исследований в области сравнительного корпоративного права, анализирующие эффективность применения правовых актов в данной сфере в различных правовых системах [13, с. 1131].

В начале 2000-х годов ряд исследователей в области корпоративного права стали поднимать вопрос о влиянии глобализации и экономической интеграции на унификацию корпоративного управления различных государств. Первые исследования в области сравнительного корпоративного управления касались экономически развитых стран. Одним из первых работ по сравнительному корпоративному управлению можно назвать «Анатомию корпоративного права» [17, с. 78], чьи авторы спорили о том, что законы, регулирующие корпоративное управление во всех странах имеют одинаковые черты, направленные на сдерживание трех видов агентской проблемы:

1. Конфликты между менеджерами и акционерами;
2. Конфликты между мажоритарными и миноритарными акционерами;
3. Конфликты между акционерами и другими контрагентами компании, включая кредиторов и работников [12, с. 68].

Разработанные в Анатомии корпоративного права меры по систематизации конфликтов и по типологии различных альтернативных правовых мер, направленных на разрешение этих конфликтов различными способами (например, контроль за совершаемыми сделками), оказали огромное влияние на подход к изучению сравнительного корпоративного права.

Таким образом, к 2000-м годам в развитых государствах Запада уже имелась разработанная доктринальная основа корпоративного права и управления. Но, освещенные в теории «агентская» и «стейкхолдерская» проблемы, не были урегулированы с правовой точки зрения. Это подтверждает ряд корпоративных скандалов, имевших место экономически развитых странах, как США и Великобритания [21].

Эти корпоративные скандалы, 2000-х годов подтвердили необходимость разработки действенных правовых регуляторов корпоративного управления. В связи с чем, начались разработки первых кодексов корпоративного управления (в Великобритании, Франции, Нидерландах) [15 с. 43]. А Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) разработала первый международный акт «Принципы корпоративного управления ОЭСР», содержащий рекомендации по корпоративному управлению. Далее в 2002 году в США был принят Закон «Сарбейнза — Оксли», являющимся наиболее популярным актом, регулирующим корпоративное управление до наших дней.

Вышеуказанные акты сыграли ключевую роль не только в правовом регулировании корпоративных отношений в западных странах, но и явились сигналом для разработки соответствующего законодательства других государств.

В Республике Узбекистан первые шаги по правовому регулированию КУ начались также в 90-е годы XX века. История развития законодательства в области корпоративного управления в Узбекистане отличается от вышеуказанных стран, так как здесь началу зарождения КУ способствовало

обретение независимости и переход к рыночным отношениям. Создание правовых основ КУ в Узбекистане являлось трудной задачей, так как требовалось создать нормативную основу для компаний, которым придется сосуществовать и конкурировать наравне с развитыми иностранными компаниями. В этой связи, внедрение эффективных механизмов корпоративного управления являлось необходимостью, для предоставления местным компаниям возможностей по привлечению иностранного капитала и уменьшения финансовых рисков для инвесторов (акционеров).

Первыми правовыми актами, заложившими основы КУ в Узбекистане, является Гражданский кодекс, закон «Об акционерных обществах и защите прав акционеров», а также иные законодательные акты о хозяйственных обществах и товариществах [2, с. 15]. Так, в 1996 году был принят первый закон «Об акционерных обществах и защите прав акционеров»¹, который регулировал процессы создания, деятельности и ликвидации акционерных обществ, а также содержал нормы по защите прав акционеров. Данный закон в 2014 году был принят в новой редакции, и до настоящего времени претерпел многочисленные изменения. Самым последним нововведением данного закона является включение независимого члена в наблюдательный совет общества².

Тенденция постоянного изменения и дополнения законодательства о корпоративном управлении прослеживается практически во всех странах со времен его становления до наших дней. В настоящее время законодательство многих стран в области корпоративного управления совершенствуется путем приспособления к достижениям информационных технологий. К примеру, в 2021 году Закон Республики Узбекистан «Об акционерных обществах и защите прав акционеров» был дополнен нормой об использовании информационно-коммуникационных технологий для дистанционного участия и голосования в общем собрании акционеров³.

В то же время, наиболее развитие государства уже начали применять искусственный интеллект (ИИ) в корпоративном управлении компаниями. Так, еще в 2014 году Гонконгский венчурный фонд Deep Knowledge Ventures внедрил искусственный интеллект в качестве полноправного члена совета директоров. Но, ни международные акты, ни законодательства государств не предусматривают правовое регулирование ИИ в корпоративном управлении, в связи с чем, правовые последствия его использования остаются неясными.

Таким образом, можно утверждать, что развитие общественных отношений, информационных технологий, ускорение бизнес-процессов являются двигателем к изменению корпоративного управления. В такой ситуации, перед законодателями стоит большая задача по разработке нормативно-правового регулирования такой динамично развивающейся сферы как корпоративное управление.

Пристатейный библиографический список

1. Гулямов С. С. Понятие, виды и формы корпоративного контроля и управления. // Обзор законодательства Узбекистана. 2014. № 1-2.
2. Гулямов С. С., Рахмонкулов Х.Р. Корпоративное право. // Т.:ТДЮИ. 2014.
3. Джиллис Дж., Барта П., Леблан Р. Структура против функции: эволюция корпоративного управления (на примере США) // ПУСС. 2015. № 12.
4. Левушкин А. Н. Конфликт интересов в акционерных и корпоративных правоотношениях // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 3 (117). С. 134. DOI: 10.23670/IRJ.2022.117.3.064
5. Никишова М. И. Применение технологий искусственного интеллекта в системе корпоративного управления. Дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2021.
6. Петров М.А. Теория заинтересованных сторон: пути практического применения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2004. № 2.
7. Шрадер Дэвид Е. Хорошо для бизнеса, хорошо для общества, или этика бизнеса // Финансы: теория и практика. 2004. № 4.
8. Berle, A., and G. Means. The Modern Corporation and Private Property. N. Y.: Macmillan, 1932.
9. Brian R. Cheffins. The History of Corporate Governance. Working Paper № 184/2012 January 2012. ECGI Working Paper Series in Law. University of Cambridge and ECGI.
10. Brian R. Cheffins. The History of Corporate Governance. Working Paper № 184/2012 January 2013. ECGI Working Paper Series in Law. University of Cambridge and ECGI.
11. Freeman R. E. Strategic management: A stakeholder approach. Boston, 1984.
12. John Armour, Henry Hansmann, Reinier Kraakman & Mariana Pargendler. What is Corporate Law, in reinier kraakman et al., the anatomy of corporate law: a comparative and functional approach // 2017. 3d ed.
13. La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A. and Vishny R. W. Legal Determinants of External Finance // Journal of Finance. V 3.
14. Morck R. A History of corporate governance around the world // Chicago. NBER. 2005.
15. Nader, R., M. Green M. and J. Seligman. Taming the Giant Corporation. W. W. Norton: New York, 1976.
16. Ocasio W. and Joseph J. Cultural Adaptation and Institutional Change: The Evolution of Vocabularies of Corporate Governance, 1972-2003. // USA. Poetics. V 33.
17. Reinier r. Kraakman et al., The anatomy of corporate law: a comparative and functional approach 2004.
18. Wells H. The Birth of Corporate Governance // Seattle University Law Review V 33.
19. Wood W.A. Modern Business Corporations. The Organization and Management of Private Corporations. Indianapolis, The Bobbs-Merrill Company, 1906. 600 p.; Магданов П. В. История возникновения корпораций до начала XX в // Ars Administrandi. 2012. № 4.

1 Закон Республики Узбекистан «Об акционерных обществах и защите прав акционеров» (первая редакция) от 26.04.1996 г. № 223-1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lex.uz/docs/14667> (дата обращения: 06.04.2023).

2 Закон Республики Узбекистан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с дальнейшим совершенствованием системы корпоративного управления», от 18.01.2023 г. № ЗРУ-814.(дата вступления в силу Закона: 20.04.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lex.uz/ru/docs/5701571> (дата обращения: 06.04.2023).

3 Закон Республики Узбекистан О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Узбекистан «Об акционерных обществах и защите прав акционеров» от 06.05.2014 г. № ЗРУ-370. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lex.uz/ru/docs/2382411> (дата обращения: 23.03.2023).

ДЕДКОВСКИЙ Илья Владимирович

аспирант Московского финансово-промышленного университета «Синергия»»

РАСХОДЫ НА САНАЦИЮ БАНКА: СОСТАВ И ПРИМЕНЕНИЕ С ОБРАТНОЙ СИЛОЙ

В статье рассматриваются проблемные вопросы применения абзаца 2 пункта 5 статьи 189.23 Закона о банкротстве, которым установлены правила расчета расходов Банка России на проведение мер по предупреждению банкротства кредитной организации. Данные расходы подлежат компенсации контролирующими кредитную организацию лицами. В статье рассмотрены в том числе вопросы применения исследуемой нормы с обратной силой, состав возмещаемых расходов. Автор приходит к выводу об отсутствии обратной силы у исследуемой нормы, о включении в состав возмещаемых расходов не самих расходов, а недополученной Банком России прибыли.

Ключевые слова: санация банка, контролирующие лица, финансовая помощь, расходы на санацию, обратная сила.

DEDKOVSKIY Ilya Vladimirovich

postgraduate student of the «Moscow Financial and Industrial University “Synergy”»

EXPENSES ON SANATION OF BANK: STRUCTURE AND APPLICATION WITH RETROACTIVE FORCE

The article deals with the problematic issues of application of the paragraph 2 of the article 189.23 (5) of the Law on bankruptcy, which sets the rules for calculation of the Bank of Russia expenses on measures aimed at preventing the bankruptcy of credit organization. These expenses are subject to compensation by the controlling persons of the credit organization. The article considers also the questions of application of the researched norm with retroactive force, the structure of reimbursable expenses. The author comes to a conclusion about the lack of retroactive force of the researched norm, about inclusion of expectation damages into the reimbursable expenses.

Keywords: bank rehabilitation, controlling persons, financial assistance, rehabilitation costs, retroactive force.

Дедковский И. В.

1. Введение

Пункт 5 статьи 189.23 Федерального закона от 26.10.2022 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) предусматривает право находящейся в санации кредитной организации и некоторых других лиц от имени кредитной организации обратиться в суд с иском о взыскании убытков с контролирующих кредитную организацию лиц. В 2018 году данный пункт был дополнен абзацем вторым, который установил правила расчета таких убытков (см. Федеральный закон от 23.04.2018 № 87-ФЗ). Механизм расчета убытков вызывает некоторые вопросы: (1) какие расходы и на какие формы санации могут быть включены в перечень подлежащих возмещению, (2) может ли этот механизм быть применен к убыткам, причиненным до введения в действие абзаца 2 пункта 5 статьи 189.23 Закона о банкротстве и некоторые другие вопросы.

Может показаться, что эти вопросы носят исключительно практический характер и не содержат в себе никакой фундаментальной проблемы, требующей теоретического осмысления. Тем не менее, попытки такого осмысления начинают появляться в российской науке (см., например, работы А. Акужинова [1], А. В. Егорова [3], К. И. Скловского [5]). В рамках настоящей статьи мы попытаемся дать ответы на указанные выше вопросы.

2. Расходы на санацию, подлежащие возмещению

Статья 2 Закона о банкротстве содержит в себе определение термина санация, под которой понимаются меры, принимаемые собственником имущества должника-унитарного предприятия, учредителями (участниками) должника, кредиторами должника и иными лицами в целях предупреждения банкротства и восстановления платежеспособности должника, в том числе на любой стадии рассмотрения дела о банкротстве.

Статья 189.49 Закона о банкротстве конкретизирует меры, которые могут приниматься Банком России в целях предупреждения банкротства кредитной организации. К ним относятся: (1) финансовая помощь, (2) организация торгов по продаже имущества, являющегося обеспечением исполнения обязательств банка, (3) исполнение функций временной администрации банка, (4) иные, предусмотренные параграфом 4.1 главы IX Закона о банкротстве.

Несмотря на то, что любые из указанных мер требуют определенных расходов на свою реализацию, действующее законодательство к возмещаемым расходам относит только расходы на финансовую помощь.

Статья 189.49 Закона о банкротстве предусматривает два типа финансовой помощи – приобретение акций/долей в уставном капитале санируемого банка (далее – акции) (пункт 12) и предоставление субординированных кредитов, депозитов, выдача банковских гарантий, приобретение паев паевого инвестиционного фонда, сформированного управляющей компанией Фонда консолидации банковского сектора (далее – УК ФКБС), в состав имущества которого входят приобретаемые Банком России акции санируемого банка (пункт 12.1).

Сценарий приобретения акций зависит от двух обстоятельств: (1) наличие в балансе банка так называемой дыры (отрицательное значение величины собственных средств банка или, говоря простым языком, превышение обязательств банка над активами банка) и (2) фигура приобретателя акций. В случае наличия дыры в балансе уставный капитал банка уменьшается до одного рубля и осуществляется дополнительная эмиссия акций банка. Если дыра в балансе отсутствует, то уставный капитал банка приводится в соответствие с его капитализацией. Далее (в обоих случаях) осуществляется продажа не менее 75 % акций, покупателем которых может выступить Банк России или третье лицо (инвестор).

Финансовая помощь второй формы (предоставление субординированного кредита и т.д.) выделяется либо инвестору (то есть лицу, приобретающему не менее 75 % акций), либо самому санлируемому банку при условии, что не менее 75 % акций будут реализованы Банку России или инвестору (пункт 8 статьи 189.49 Закона о банкротстве).

Следовательно, Закон о банкротстве предполагает предоставление финансовой помощи второй формы только при условии реализации третьему лицу акций санлируемого банка. В связи с чем финансовую помощь можно разделить на первичную (выкуп акций) и вторичную (предоставление субординированного кредита и т.д.).

Опыт проведения Банком России санаций показывает, что вторичная финансовая помощь предоставляется для целей поддержания ликвидности банка, т.е. для исполнения банком своих краткосрочных обязательств (см., например, решение Арбитражного суда города Москвы от 04.09.2020 по делу № А40-14903/2020, страница 3).

Таким образом, Банк России дважды несет расходы на санацию – сначала в виде расходов на приобретение акций банка, потом в виде финансовой помощи на поддержание ликвидности. Именно эти расходы и являются по тексту абзаца 2 пункта 5 статьи 189.23 Закона о банкротстве базисом для расчета убытков Банка России, но не самими убытками. В случае вторичной финансовой помощи убыток рассчитывается как разница между доходом, который Банк России получит при предоставлении финансовой помощи (например, в виде процентов по займу), и доходом, который Банк России получил бы при размещении того же объема денежных средств, на тот же срок по ключевой ставке на день предоставления финансовой помощи. В то же время убытки Банка России от приобретения акций санлируемого банка рассчитываются как «расходы на приобретение умножить на ключевую ставку и умножить на 20 лет». То есть действующее законодательство рассматривает доход Банка России от приобретения санлируемого банка равным нулю, а контролирующему лицу как будто бы выделяют в принудительном порядке кредит по ключевой ставке на 20 лет без возможности досрочного погашения.

Такие убытки (недополученный доход от приобретения акций банка и предоставления финансовой помощи) и именуются Законом о банкротстве как расходы Банка России. Эти же убытки мы будем именовать расходами на осуществление мер по предупреждению банкротства кредитной организации (или расходами на санацию для краткости).

Дополнительно обратим внимание на следующий момент. Расходы на приобретение акций санлируемого банка преследуют цель привести показатели банка в соответствие с установленными нормативами. Вторичная же финансовая помощь предоставляется для пополнения оборотных средств, необходимых для исполнения краткосрочных обязательств, т.е. для того, чтобы банк не упал в банкротство сразу после реализации акций. Вместе с тем одним из обязательных нормативов, которым должна соответствовать кредитная организация, является норматив краткосрочной ликвидности (см. Положение Банка России от 03.12.2015 № 510-П), который 1 января 2016 года составлял 70 % и увеличивался на 10 % каждый год, т.е. с 01.01.2019 норматив краткосрочной ликвидности составляет 100 %.

В связи с этим приобретение после 01.01.2019 Банком России акций санлируемого банка должно без дальнейшего предоставления вторичной финансовой помощи создавать условия, необходимые для функционирования банка, в том числе для исполнения им своих краткосрочных обязательств.

Здесь возникает два вопроса. Вопрос первый: если расходы на приобретение акций превышают сумму, необходимую для приведения балансовых показателей банка в соответствие с установленными нормативами, может ли сумма превышения быть использована для расчета убытков Банка

России от санации? Вопрос второй: если вторичная финансовая помощь предоставлена после 01.01.2019, могут ли расходы на такую помощь использоваться для расчета убытков Банка России от санации?

В рамках действующего законодательства необходимо дать утвердительный ответ на оба вопроса. Однако, на мой взгляд, следует дать отрицательный ответ, поскольку предоставление излишней финансовой помощи находится исключительно в ведении Банка России, а контролирующие лица не должны нести ответственность только потому, что Банк России решил перестраховаться и выделил санлируемому банку денег больше, чем требуется. В связи с чем в данной части законодательство требует корректировки.

3. Действие во времени

Положения абзаца 2 пункта 5 статьи 189.23 Закона о банкротстве вступили в силу 08.06.2018. Однако санации, по которым в судах сейчас идут споры, начались до этой даты. В связи с чем возникает обоснованный вопрос о возможности применения данной нормы с обратной силой. Дискуссия по этому вопросу в судах и в научном сообществе касается двух аспектов: (1) рассматриваемая норма является материальной или процессуальной, (2) если она является материальной, то содержит ли данная норма что-то новое или лишь уточняет ранее существовавшие нормы, регулирующие взыскание убытков.

Если говорить о гражданско-правовой ответственности, то материальной нормой будет норма, которая устанавливает основания такой ответственности, а процессуальной – норма, регулирующая порядок подачи и рассмотрения требования о привлечении к гражданско-правовой ответственности.

Рассматриваемая норма, на первый взгляд, не содержит в себе никакого регулирования порядка рассмотрения требования о привлечении к гражданско-правовой ответственности. Она лишь указывает на тот вид убытков, которые могут быть взысканы с контролирующих кредитную организацию лиц, а именно – расходы Банка России на санацию. С этой точки зрения исследуемая норма является материальной и, по общему правилу, не может быть применена с обратной силой.

Нам не удалось найти каких-либо научных публикаций, авторы которых придерживались бы мнения, что норма носит процессуальный характер¹. Исследованные источники говорят исключительно о материальном характере нормы. Вместе с тем текущая судебная практика не отличается таким же единодушием, и на данный момент суды разделились на два лагеря – по делам Азиатско-Тихоокеанского банка и Промсвязьбанка суды пришли к выводу о материальном характере нормы и невозможности ее применения с обратной силой (дела № А04-8278/2019 № А40-308982/2018), а по делам Московского индустриального банка и Бинбанка суды, напротив, пришли к выводу о применении абзаца 2 пункта 5 статьи 189.23 Закона о банкротстве с обратной силой (дела № А40-14903/2020 и № А40-175605/2020). При этом суды указали, что положения данной нормы, по сути, носят смешанный характер – в них есть элементы как материального, так и процессуального свойства, поскольку они «определяют порядок предъявления требования о взыскании убытков, предоставляя процессуальные полномочия на такие действия» (абзац 3 страницы 5 Решения Арбитражного суда города Москвы от 04.09.2020 по делу № А40-14903/2020).

Очевидно, что такая мотивировка явно недостаточна для признания за исследуемой нормой статуса процессуальной нормы. Ведь порядок предъявления требования о взыскании

1 Не считая видеозаписи выступления Н. Аникиной в рамках Банкротного клуба, состоявшегося 31.03.2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=abpUrLh_ML4&t=6054s (дата обращения: 14.05.2023).

убытков в пункте 5 статьи 189.23 Закона о банкротстве вообще не регулируется, а процессуальные полномочия на такие действия предоставляются абзацем первым, но не вторым.

Однако процессуальный характер исследуемой нормы все-таки можно увидеть в следующем: норма устанавливает презумпцию размера расходов (убытков) Банка России на санацию. Поскольку презумпции по своему смыслу являются инструментом перераспределения бремени доказывания, то и нормы, содержащие в себе презумпции, являются нормами процессуальными. Вместе с тем, указанная презумпция является неопровержимой – закон не предоставляет ответчику возможности опровергнуть размер расходов Банка России. Не вступая в дискуссию о возможности существования неопровержимых презумпций, отметим, что отношение к таким презумпциям в науке в большей степени негативное (В. П. Воложанин [2, с. 10], И. В. Решетникова [4, с. 163], Е. Б. Тарбагаева [6, с. 56]) – считается, что презумпция, сформулированная как неопровержимая, теряет своё предназначение. Неопровержимость презумпции, по мнению автора, исключает процессуальный характер самой презумпции и, как следствие, нормы, устанавливающей такую презумпцию.

В науке встречаются и иные мнения. Так, например, А. Ф. Федотов полагает, что неопровержимые презумпции имеют право на существование, поскольку закрепленное в них положений вещей в подавляющем большинстве случаев соответствует объективной действительности [7, с. 52]. А наделение такой презумпции статуса опровержимой лишь излишне усложнит судебный процесс.

С этим мнением трудно согласиться, как минимум, применительно к абзацу 2 пункта 5 статьи 189.23 Закона о банкротстве. Ведь эта норма не просто облегчает Банку России задачу по доказыванию размера своих расходов, а возлагает на контролирующие лица никак неуправляемый риск возмещения многомиллиардных сумм. Вряд ли такой риск может быть оправдан верой в знания законодателя о том, в каких объемах Банк России несет расходы на санацию.

Вопрос о возможности применения нормы с обратной силой не ограничивается только лишь исследованием правовой природы этой нормы – сам по себе материальный характер нормы не исключает её применение с обратной силой.

Сторонники возможности применения рассматриваемой нормы с обратной силой рассуждают следующим образом. Расходы Банка России на санацию не являются каким-то особым (новым) видом убытков, а являются упущенной выгодой, ставшей известной российскому праву задолго до вступления в силу спорной нормы. А раз так, то и расходы на санацию можно взыскивать². С первым утверждением трудно не согласиться – действительно та формула расчета расходов на санацию, которую предложил законодатель, не содержит в себе собственно самих расходов, а сводится к расчету прибыли, которую мог бы заработать Банк России, если бы не санировал конкретную кредитную организацию.

Со вторым же утверждением – об обратной силе – автор согласиться не может. Если рассматривать расходы Банка России на санацию в качестве упущенной выгоды, то при отсутствии исследуемой нормы такие расходы подлежали бы доказыванию в общем порядке. Иными словами, истцу было бы необходимо доказать, помимо прочего, размер упущенной выгоды, а ответчик мог бы данный размер оспаривать. В текущей же ситуации истец избавлен от необходимости доказывания размера упущенной выгоды – её размер законодательно установлен через формулу. Даже если ответчик сможет доказать, что расходы Банка России на санацию меньше

рассчитанного по установленной формуле, взысканию будет подлежать именно формульный размер.

В связи с квалификацией расходов Банка России на санацию в качестве упущенной выгоды возникают следующие возражения против применения исследуемой нормы с обратной силой. Возможность взыскания упущенной выгоды зависит, в первую очередь, от наличия нарушенного права. Какое право Банка России нарушается в ситуации, когда Банк России принимает решение о санации? Можно ли в качестве такого права считать право на извлечение прибыли за счет использования тех денег, которые Банк России использует для санации? Ответ на этот вопрос, скорее, должен быть отрицательным, нежели утвердительным по нескольким причинам.

Во-первых, целью деятельности Банка России извлечение прибыли не является (статья 3 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (далее – Закон о Банке России)).

Во-вторых, одной из целей деятельности Банка России является развитие и укрепление банковской системы Российской Федерации (статья 3 Закона о Банке России). В связи с этим Банк России признан законодателем органом банковского регулирования и банковского надзора, главными целями которых являются поддержание стабильности банковской системы Российской Федерации и защита интересов вкладчиков и кредиторов (статья 56 Закона о Банке России). Одним из механизмов обеспечения стабильности банковской системы является санация проблемных банков.

Правоотношения по санации носят характер отношений власти-подчинения, поскольку Банк России самостоятельно принимает решение о применении мер санации к конкретной кредитной организации и такая кредитная организация вынуждена подчиниться. Ни у кредитной организации, ни у её собственников нет правовых механизмов избежать санации или митигировать её условия. Таким образом, Банк России, принимая решение о применении мер санации в отношении конкретного банка, выполняет свою публичную функцию по обеспечению стабильности банковской системы Российской Федерации. В связи с чем правоотношения по санации не могут быть представлены как правоотношения между равными (как частные отношения) и к ним не могут по умолчанию применяться нормы гражданского права. Следовательно, обязанность контролирующих лиц кредитной организации возместить расходы на санацию является мерой публично-правовой ответственности, а, следовательно, не может применяться с обратной силой. Данное мнение поддерживается и в литературе (К. И. Скловский [5, с. 240], А. Акужинов [1, с. 61]).

Выше мы указывали, что судебная практика разделилась на два лагеря в этом вопросе. Каким же образом суды обосновывают обратную силу? Если коротко, то никакого обоснования в части абзаца 2 пункта 5 статьи 189.23 Закона о банкротстве суды не приводят. Аргументы судов касаются только абзаца первого и, по сути, сводятся к следующей логике (см., например, страницы 4-5 Решения Арбитражного суда города Москвы от 04.09.2020 по делу № А40-14903/2020): (1) норма пункта 5 статьи 189.23 Закона о банкротстве была введена Федеральным законом от 22.12.2014 № 432-ФЗ. (2) При этом часть 8 статьи 15 указанного закона предусматривала обратную силу. (3) Все последующие изменения нормы пункта 5 статьи 189.23 Закона о банкротстве всего лишь её уточняли и дополняли, в том числе конкретизировано понятие убытков, в которые вошли расходы Банка России на санацию.

Аналогичные аргументы присутствуют и в других решениях, в которых суды пришли к выводу о применении спорной нормы с обратной силой.

Приведенная логика никак не может обосновывать применение абзаца 2 пункта 5 статьи 189.23 Закона о банкротстве

² См., например, видеозапись выступления Н. Аникиной в рамках Банкротного клуба, состоявшегося 31.03.2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=abpUrLh_ML4&t=6054s (дата обращения: 14.05.2023).

с обратной силой хотя бы потому, что касаются абзаца 1. Если же обратиться к сути аргумента – придание обратной силы через часть 8 статьи 15 Федерального закона от 22.12.2014 № 432 – то данный аргумент также не может быть поддержан, поскольку спорная норма абзаца 2 была введена 3 годами позднее, и никаких оговорок об обратной силе соответствующий закон не содержит. Вряд ли можно допустить мысль, что законодатель в 2014 году распространил обратную силу на все последующие изменения Закона о банкротстве.

В решениях арбитражных судов в обоснование спорной нормы с обратной силой также звучит аргумент о недопустимости освобождения контролирующих лиц от ответственности (см., например, абзац 4 страницы 5 Решения Арбитражного суда города Москвы от 04.09.2020 по делу № А40-14903/2020). Отметим, что неприменение спорной нормы с обратной силой не означает освобождение контролирующих лиц от ответственности – они по-прежнему несут ответственность за действия, которые причинили вред кредитной организации и привели её в состояние, требующее применения в отношении неё мер санации. Так, например, в деле Промсвязьбанка суд отказал во взыскании расходов на санацию ввиду невозможности применения данной нормы с обратной силой, но взыскал убытки, причиненные совершением сомнительных сделок (дело № А40-308982/2018).

Изложенное, на наш взгляд, убедительно показывает, как минимум, спорность применения положений о взыскании расходов Банка России на санацию с обратной силой, а, как максимум, категорическую невозможность такого применения.

4. Право на иск

Действующая редакция Закона о банкротстве наделяет правом на иск следующих субъектов: (1) кредитную организацию и (2) Банк России, УК ФКБС, Агентство по страхованию вкладов (далее – АСВ) от имени кредитной организации. Иными словами, пункт 5 статьи 189.23 Закона о банкротстве предусматривает возможность как предъявление прямого иска самой кредитной организацией, так и предъявление косвенного иска Банком России, УК ФКБС и АСВ в защиту интересов кредитной организации.

Буквальное толкование неизбежно приводит к абсурдному выводу – расходы на санацию кредитной организации понёс Банк России, а взыскание таких расходов производится в пользу иного лица. В пользу нетипичности этой нормы говорит доктрина [3], а само буквальное толкование поддерживает судебная практика (дела № А40-14903/2020 и № А40-175605/2020).

Возможно ли преодолеть такую абсурдность известными способами толкования? Полагаю, что историческое и телеологическое толкования в своей совокупности позволят это сделать при определенных обстоятельствах.

Посмотрим на изначальную редакцию пункта 5 статьи 189.23 Закона о банкротстве. В перечне управомоченных на подачу иска лиц были перечислены только кредитная организация и АСВ от имени кредитной организации. Абзац 2 отсутствовал вовсе. В дальнейшем – в редакции Федерального закона от 01.05.2017 № 84-ФЗ – появляются фигуры Банка России и УК ФКБС. Абзац 2 всё ещё отсутствует. В обеих редакциях наличие фигуры косвенного истца не вызывает каких-либо вопросов – убытки понесла кредитная организация и именно в пользу кредитной организации эти убытки взыскиваются. Законодатель лишь определил, кто будет выполнять роль истца.

В третьей редакции вводится абзац 2, относящийся к подлежащим взысканию убыткам расходы Банка России на санацию. Законодатель, очевидно, стремился лишь создать правовые основания для компенсации таких расходов, а про фигуру истца просто «забыл». О такой забывчивости могут свидетельствовать два обстоятельства. Первое – отсутствие в пояснительной записке к законопроекту № 311128-7, в дальнейшем став-

шим Федеральным законом от 23.04.2018 № 87-ФЗ, каких-либо упоминаний о возможности взыскания расходов на санацию. Второе – возможность взыскания расходов на санацию появилась в законопроекте только в поправках ко второму чтению, в изначальном тексте такая возможность отсутствовала.

Итак, законодатель хотел создать правовые основания для взыскания расходов на санацию, но не учел фигуру истца. Есть ли сценарий, при котором взысканные в пользу кредитной организации понесенные Банком России расходы поступят в итоге Банку России? Мы видим два таких сценария: распределение взысканной суммы в качестве дивидендов и продажа Банком России принадлежащих ему акций по более высокой цене по сравнению с той, что существовала бы при прямом взыскании расходов в адрес Банка России (ведь эта сумма увеличивает капитал банка, а, следовательно, и стоимость принадлежащих Банку России акций).

Несмотря на попытки оправдать забывчивость законодателя, необходимо признать, что Закон о банкротстве в данной части требует корректировки с предоставлением Банку России прямого иска о взыскании убытков.

5. Выводы

Вступивший в силу 08.06.2018 абзац 2 пункта 5 статьи 189.23 Закона о банкротстве устанавливает обязанность контролирующей кредитную организацию лиц возместить Банку России расходы на санацию. В качестве таковых расходов считаются доходы, которые Банк России недополучил в связи с осуществлением мер по предупреждению банкротства кредитной организации в виде финансовой помощи. При этом недополученные доходы рассчитываются по установленной законом формуле, которая не может быть оспорена контролирующим лицом. Несмотря на то, что расходы несёт Банк России, взыскиваются они в пользу санируемого банка, а не Банка России. В этой части Закон о банкротстве требует корректировки. Исследованная норма не подлежит применению с обратной силой, поскольку является нормой материальной и не содержит в себе указания на обратную силу.

Пристатейный библиографический список

1. Акужинов А. Взыскание с контролирующих банк лиц «расходов» Банка России на санацию (ст. 189.23 (5) Закона о банкротстве): в поисках корректирующей справедливости // *Цивилистика*. – 2022. – № 3. – С. 47-70.
2. Воложанин В. П. Юридические предположения в советском гражданском праве и процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1953.
3. Егоров А. В. Нетипичные убытки по абз. 2 п. 5 ст. 189.23 Закона о банкротстве: парадокс или потаенный смысл? // *Вестник гражданского права*. – 2021. – № 4. // СПС «КонсультантПлюс».
4. Решетникова И. В. Курс доказательственного права в российском гражданском судопроизводстве. – М., 2000.
5. Скловский К. И. О юридической природе требования о взыскании убытков в случае санации банка на основании п. 5 ст. 189.23 Закона о банкротстве // *Проблемы гражданского права в судебной практике и законодательстве: Сборник статей, посвященный юбилею профессора Василия Владимировича Витрянского / Отв. ред. Е. А. Суханов*. – М.: Статут, 2021. – С. 217-245.
6. Тарбагаева Е. Б. Роль законных презумпций в процессе судебного доказывания и познания // *Правоведение*. – 1982. – № 3.
7. Федотов А. В. Понятие и классификация доказательственных презумпций // *Журнал российского права*. – 2001. – № 4.

ФЕДОТОВА Ирина Юрьевна

аспирант Российского университета дружбы народов

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СДЕЛОК С ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬЮ В СТРАНАХ ОБЩЕГО ПРАВА

В процессе обычной хозяйственной деятельности любой компании могут заключаться различные сделки, в совершении которых имеется интерес лиц, могущих оказывать влияние на формирование воли общества. В целях принятия осмысленных решений в вопросах правового регулирования заключения и исполнения таких сделок, в настоящей работе представляется возможным изучить опыт зарубежных стран, в частности, обратиться к подходу решения вопроса о сделках с заинтересованностью в Великобритании и Америке, ознакомиться с доктринами зарубежных юристов и судебной практикой. Стоит отметить, что система общего права обеспечивает надлежащее регулирование сделок со связанными сторонами посредством прецедентного права и судебных решений.

Ключевые слова: конфликт интересов, судебный прецедент, сделки со связанными сторонами, доверенное лицо, презумпция добросовестности, превышение полномочий.

FEDOTOVA Irina Yurjevna

postgraduate student of the Peoples' Friendship University of Russia

LEGAL REGULATION OF RELATED PARTY TRANSACTIONS IN COMMON LAW COUNTRIES

In the course of ordinary business activities of any company, various transactions can be concluded in which there is an interest of persons who can influence the formation of the will of company. In order to make meaningful decisions on the issues of legal regulation of the conclusion and fulfilment of such transactions, in this paper it is possible to study the experience of foreign countries, in particular, to turn to the approach of solving the issue of related party transactions in the UK and America, to get acquainted with the doctrines of foreign lawyers and judicial practice. It is worth noting that the common law system ensures proper regulation of transactions with related parties through case law and court decisions.

Keywords: conflict of interest, judicial precedent, transactions with related parties, fiduciary, presumption of good faith, abuse of authority.

Одним из наиболее актуальных вопросов существования корпоративного законодательства является совершение сделок с заинтересованностью. В зарубежном праве часто упоминается о сделках между связанными сторонами, что равнозначно понятию сделок, в совершении которых имеется заинтересованность. Ключевым вопросом таких сделок выступает именно конфликт интересов. Суть конфликта заключается в том, что лицо, обладающее определенным статусом в обществе, например, член совета директоров, может обладать интересами, отличными от интересов общества. Международный стандарт финансовой отчетности содержит определение связанной стороны, раскрывающий его через частных лиц, членов их семей и самой компании. Вместе с тем, определение заинтересованных сторон более полно раскрывается в корпоративном законодательстве того или иного государства.

В странах общего права, в частности, Великобритании и Соединенных Штатах Америки, установлены определенные ограничения на совершение сделок с заинтересованностью. Так, директор компании, являющийся руководителем всего общества в целом, по общему правилу должен действовать вопреки личным интересам или интересам каких-либо третьих лиц и только во благо компании. Об этом говорит современный свод статутного корпоративного права, разработанный национальным объединением юристов, Модельный закон о коммерческих корпорациях США, устанавливающий стандарты поведения для участников совета директоров. Каждый член совета директоров, когда исполняет обязанно-

Федотова И. Ю.

сти директора, должен действовать: добросовестно и таким образом, который директор разумно полагает наилучшим для интересов корпорации¹. Директор компании в данном случае рассматривается как доверенное лицо акционеров.

Следует отметить, что в отдельных штатах Америки нормы о сделках с заинтересованностью приняты в рамках законов о корпорациях. В штате Делавэр такие сделки оспаривались на основе того, что фидуциарий не может лично получать выгоду от сделки с юридическим лицом, в отношении которого он выполняет обязанности доверенного лица.

В зарубежной юридической литературе преобладают две теории относительно правовой природы сделок с заинтересованными лицами. Согласно первой теории в основе таких сделок лежит конфликт интересов, и эти сделки рассматриваются как потенциально вредные, поскольку осуществляются лишь в интересах лиц, имеющих влияние на компанию. Вторая теория содержит гипотезу эффективных сделок, отражающая их как один из надежных экономических обменов, удовлетворяющий потребности общества.

Исследователь Мишель Пиццо, не являясь сторонником ни одной из теорий, предлагает концепцию непредвиденных обстоятельств. Сделки со связанными сторонами следует интерпретировать через призму случайных факторов, таких как организационный контекст и институциональная среда,

1 Model Business Corporation Act. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://www.americanbar.org/en.html> (дата обращения: 11.05.2023).

и эта дисциплина должна быть изучена в отношении общего набора механизмов управления, влияющих на потенциальные модели регулирования².

Крис Чадиен, старший преподаватель австралийского университета штата Квинсленда, определяет сделки следующим образом. Сделки с заинтересованностью представляют собой традиционную самодеятельность, когда условия сделки, как правило, не основанные на коммерческих переговорах, имеют тенденцию быть неблагоприятными для корпорации³.

Одним из механизмов решения проблемы отвлечения стоимости в компаниях путем недобросовестных действий отдельных лиц является судебный пересмотр сделок с заинтересованностью. Такой судебный пересмотр также стал известен как «тест на справедливость», контуры которого могут меняться в зависимости от юрисдикции и контекста, в котором он применяется⁴. Судебный пересмотр включает в себя любую проверку судами совершенных сделок со связанными сторонами в соответствии с определенными стандартами. Это необходимо для того, чтобы убедиться, что они не нанесут ущерб интересам компании.

Так, например, в одном из штатов Америки – Делавэре, о котором уже упоминалось выше, такой стандарт именуется «полный тест на справедливость». В соответствии с законодательством штата контролирующими акционеры и директора являются доверенными лицами, следовательно, любые их транзакции требуют проверки. Именно на этих лицах лежит бремя доказывания «абсолютной справедливости». Проверка включает в себя два аспекта: честное ведение дел и справедливая цена. Первое начинается с полного раскрытия конфликта и существенных фактов, связанных со сделкой. Вторая составляющая проверки включает в себя рассмотрение вопросов, каким образом была инициирована сделка, согласована и утверждена. Справедливая цена, как второй фактор, указывает на рассмотрение значительных достоинств сделки. Закон штата Делавэр объединяет материальные и процессуальные аспекты в единый надзор за сделками с заинтересованностью. В этом и отличие от стандартов разрешения споров в других правопорядках.

Традиционный анализ зарубежной литературы по корпоративному праву и экономике в отношении регулирования сделок сосредоточен на сдерживании обманного пути поведения лиц посредством использования правовых и рыночных стимулов. Такие стимулы представляют собой внешние ограничения и основаны на классических предположениях о человеческом поведении. С другой стороны, поведенческие идеи, которые бросают вызов этим классическим предположениям, и анализы, основанные на этих идеях, в значительной степени нашли свое применение в исследованиях по многим различным вопросам.

В своей основополагающей статье Маргарет Блэр и Линн Стаут выдвинули доверие как социальное явление в качестве поведенческих основ корпоративного права. В современной юридической науке «основными факторами, которые, как

считается, препятствуют корпоративным участникам воровать, уклоняться от своих обязанностей или иным образом плохо обращаться друг с другом, являются рыночные стимулы и правовые правила», они утверждают, что «корпоративные участники сотрудничают друг с другом не только из-за внешние ограничения, а из-за внутренних»⁵.

Что характерно для многих юрисдикций, обязанности директоров, как и последствия нарушения обязанностей при совершении сделок с заинтересованностью, остаются неcodифицированными. Великобритания пошла по другому пути, выступая родоначальницей общего права, codифицировала права и обязанности директоров компании в Законе о компаниях (далее – Закон).

Так, Законом установлено, что директор компании должен избегать ситуаций, в которых он имеет или может иметь прямой или косвенный интерес, который противоречит или может противоречить интересам компании⁶. Это относится к использованию любого имущества, информации или возможности, при этом не имеет значения, могла ли компания воспользоваться этим имуществом, информацией или возможностью.

Закон также устанавливает действия директора в случае возможности существования интереса. Если директор компании каким-либо образом, прямо или косвенно, заинтересован в предполагаемой сделке или договоренности с компанией, он должен заявить о характере и степени этого интереса другим директорам.

Закон также предъявляет обязанности к директору по отношению к организации. Эти обязанности являются одновременно и руководящими принципами руководителя организации. Следует выделить такие основополагающие начала:

- 1) действие в пределах своих полномочий;
- 2) действие в лучших интересах компании;
- 3) проявление умения, усердия и разумной осмотрительности;
- 4) недопущение конфликта интересов;
- 5) отказ от выгод со стороны третьих лиц;
- 6) декларирование своей заинтересованности в сделках.

Эти обязанности основаны на нормах общего права и принципах справедливости, кроме того, они должны толковаться и применяться в точном соответствии с основополагающими нормами.

В случае нарушения директором данных обязательств в качестве мер судебной защиты могут применяться нормы общего права, как, например, взыскание убытков. Возможно и применение норм права справедливости: взыскание прибыли, которая была получена директором неправомерно⁷; отмена договора, в котором директор скрыл свою заинтересованность; возврат имущества общества. Отмена договора в данном случае конкретно означает, что сделка будет считаться оспоримой, а значит и может быть признана недействительной по иску заинтересованных лиц.

2 Pizzo M. Related party transactions under a contingency perspective // Journal of Management & Governance. 2013. No. 17. P. 327.

3 Chadien C. The Law on Corporate Opportunity Transactions by Directors: A Comparative Analysis of Delaware Law and Australian Law // GSTF Journal of Law and Social Sciences. 2016. Vol. 5. No. 3. P. 28.

4 Gözlügöl A.A. Blinded by «Fairness»: Why We Need (Strong) Procedural Safeguards in Screening Self-Dealing and Obtaining a Fair Price Is Not the Answer // European Business Organization Law Review. 2022. Vol. 23. No. 3. P. 653.

5 Blair M. M., Stout L. A. Trust, trustworthiness, and the behavioral foundations of corporate law // University of Pennsylvania Law Review. 2001. Vol. 149. No. 6. P. 1748.

6 Companies Act. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/contents> (дата обращения: 11.05.2023).

7 Companies Act. Explanatory Notes. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/notes/contents> (дата обращения: 11.05.2023).

Все перечисленные меры в соответствии с принципом независимости и беспристрастности оставлены на усмотрение суда в зависимости от того, какая мера обеспечит благоприятный и справедливый исход дела.

Отношения со связанными сторонами и сделки между связанными сторонами являются нормальной чертой в бизнесе; многие предприятия осуществляют свою предпринимательскую деятельность через дочерние и ассоциированные компании, и неизбежно будут заключаться сделки между сторонами, входящими в группу⁸.

Следует отметить, что современное английское корпоративное законодательство сформировано на основе решений английских судов еще задолго до появления законов, регулирующих деятельность юридических лиц.

Одним из ярких примеров проявления нарушения принципа добросовестности директора компании служит дело *Gencor ACP Limited против Dalby*. Так, согласно делу, мистер Гленн Долби был директором группы компаний ACP, включая *Gencor ACP Limited*. Вопреки интересам общества, действуя сутобо в своих личных интересах, перенаправил активы своей компании на Виргинских островах. Он также платил своему сыну заработок в размере двадцати четырех тысяч фунтов стерлингов в год якобы за его работу в компании, хотя тот еще являлся школьником. Компания *Gencor ACP* обратилась с иском о возврате незаконно полученных средств. Королевский суд, исследовав все материалы дела и заслушав доводы сторон, вынес решение в пользу компании, обязав мистера Долби и его офшорную компанию вернуть прибыль. Суд постановляет: правило справедливости настаивает на том, что те, кто, используя фидуциарное положение, получает прибыль, обязаны нести ответственность за эту прибыль... Ответственность возникает из простого факта получения прибыли. Спекулянт, каким бы честным и действующим из самых лучших побуждений он ни был, не может избежать риска быть привлеченным к ответственности⁹.

Возможность обращения в суд за восстановлением нарушенных прав директорами обществ, как показано на примере выше, зафиксировано богатой судебной практикой, и было сформулировано почти два века назад высшей судебной инстанцией – Палатой Лордов Великобритании при рассмотрении дела *Aberdeen Railway Company против Blaikie Brothers*. Суть дела заключалась в следующем: у некоего товарищества в лице директора Томаса Блейка был договор с Абердинской железной дорогой на производство деталей для крепления рельсов к шпалам. Компания отказалась исполнять условия договора, и товарищество предъявило иск в суд, чтобы обеспечить надлежащее и полное исполнение обязательств. Железнодорожная компания утверждала, что они не были связаны обязательствами, поскольку в то время председатель их совета директоров Томас Блейки был управляющим директором Блейки Бразерс, что говорит о существующем конфликте интересов. Суд поддержал компанию, отметив, что господин Блейки не был единственным лицом, заключившим договор с компанией, он был еще и сотрудником фирмы «Братья Блейки», с которой также был заключен

контракт. Его заинтересованность выражалась в желании заключения с компанией как можно более выгодной сделки.

Таким образом, суд фактически отказался изучать вопрос, были ли условия сделки действительно справедливыми. Судебной инстанцией отмечено, что нарушение обязанностей лично-доверительного характера является достаточным для отказа в правовой защите совершенной сделки. Фидуциарий несет строгие фидуциарные обязанности, в первую очередь обязанность лояльности по отношению к другому лицу в фидуциарных отношениях, например, бенефициарам доверительного управляющего или, в случае агента, принципалу агента или, в случае директора компании, самой компании¹⁰. Именно с этого и появилось правило о необходимости уведомления о наличии интереса в сделке.

Закон о компаниях Британии не дает полного понятия лиц, «связанных» с директором компании. Однако законом к этим лицам отнесены:

- 1) члены семьи директора;
- 2) юридическое лицо, с которым связан директор;
- 3) лицо, действующее в качестве доверенного лица траста – в число бенефициаров которого входит директор или лица, указанные выше;
- 4) лицо, действующее в качестве партнера - директора или лица, которые в силу вышеуказанных пунктов связаны с этим директором;
- 5) фирма, являющаяся юридическим лицом в соответствии с законодательством, которым она управляется, и в которой директор является партнером, также партнером является лицо, которое в силу пунктов выше связано с директором, или партнером является фирма, в которой директор является партнером или в которой есть партнер, который связан с директором.

Членами семьи директора являются:

- а) супруга или гражданский партнер;
- б) родители;
- в) любое другое лицо, с которым директор живет как партнер в длительных семейных отношениях;
- г) дети, в том числе приемные;
- д) любые дети или приемные дети лица, с которыми директор живет как партнер, и которые не являются детьми или приемными детьми директора, проживающие с директором и не достигшие 18-летнего возраста.

Следует отметить, что данный перечень имеет оговорку, в частности, к «другим лицам» не относятся дедушки, бабушки или внуки директора, сестры, братья, тети, дяди, племянники.

Правило о необходимости одобрения сделки участниками компании закреплено в Законе о компаниях. Поведение директора, равносильное небрежности, невыполнение обязательств, нарушение служебных обязанностей или злоупотребление доверием в отношении компании могут быть утверждены компанией¹¹. В соответствии со статьей 175 сделки компании, в которой директор заинтересован, является правомерной лишь при условии, что она одобрена советом

8 Davies M., Paterson R., Wilson A. *United Kingdom Generally Accepted Accounting Practice*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-1-349-13819-7_28 (дата обращения: 28.05.2023).

9 *Gencor ACP Ltd & Ors v Dalby & Ors*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Ch/2000/1560.html> (дата обращения: 27.05.2023).

10 *The Aberdeen Railway Company v. Messrs. Blaikie Brothers*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1854/1_Paterson_394.html (дата обращения: 28.05.2023).

11 *Companies Act*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/contents> (дата обращения: 11.05.2023).

директоров. При этом директор, заинтересованный в совершении сделки, лишен права голоса¹².

Закон устанавливает правила относительно наиболее существенных сделок организации с директорами. Это сделки о предоставлении займов директорам, долгосрочные трудовые соглашения с директорами или иначе «service contracts», имущественные сделки общества с директором или связанными с ним лицами (например, сделки с недвижимостью), компенсации при уходе руководителя в отставку или увольнении по собственной инициативе, более известные как «золотой парашют». Такие сделки подлежат одобрению со стороны участников общества. В случае невыполнения данного требования наступают негативные последствия в части признания таких сделок ничтожными.

Однако существует определенное исключение. Так, если сделка была совершена с контрагентом, который действовал добросовестно, признать такую сделку недействительной практически невозможно. По общему правилу лицо, не являющееся собственником имущества, не может передать это имущество другому лицу, поскольку оно ему не принадлежит. Об этом говорит и статья 21 Закона Великобритании о купле-продаже товаров. Если товары проданы лицом, которое не является их владельцем, и которое не продает их с разрешения или с согласия владельца, покупатель не приобретает более высокого права собственности на товары, чем имел продавец, если только владелец товаров своим поведением не лишен возможности отказать продавцу в праве на продажу¹³. Если лицо, участвующее в сделке, определенными действиями создало у контрагента впечатление, что полномочия у него имеются, то совершенная агентом сделка действительна, даже если на самом деле такие полномочия ему не были предоставлены. Это явление в англосаксонском праве получило понятие «подразумеваемые полномочия» и является официально закрепленным. В пользу лица, добросовестно имеющего дело с компанией, полномочия директоров связывать компанию обязательствами или уполномочивать на это других, считается свободным от каких-либо ограничений в соответствии с уставом компании¹⁴.

Закон так же подчеркивает, что презумпцию добросовестности контрагента не отменяет его фактическое знание о превышении полномочий директором в совершении сделки. В этом заключается благосклонность британского права перед нашим отечественным законодательством.

Общим правом установлено правило, направленное на защиту приобретателя, добросовестно приобретшего имущество у лица, не являющегося собственником, за встречное предоставление, с отсутствием уведомления о дефекте в правах продавца. Поскольку закон столкнулся с конфликтом между двумя сторонами, собственником и покупателем, у любой из которых при других обстоятельствах был бы интерес, защищаемый законом, крайне важно, чтобы покупатель был действительно добросовестным, если он хотел вообще доказать превосходство¹⁵.

Таким образом, сделки со связанными сторонами представляют достаточно сложный вопрос в корпоративном праве. Это объясняется тем, что их можно интерпретировать как сделки, преследующие мошеннические, вводящие в заблуждение цели, а также как удовлетворяющие разумные экономические потребности и, кроме того, представляющие собой эффективные договорные отношения.

В работе было выявлено и отражено, что в англосаксонском правовом порядке многие нормы права о сделках с заинтересованностью имеют прецедентный характер, большая часть положений кодифицирована. Закон не запрещает регулирование данных сделок соглашениями акционеров, а также уставными документами. Однако уровень кодификации достаточно разнится, например, как в Великобритании он достаточно высок.

Англосаксонскому праву свойственна гибкость, в частности, об этом говорит и установленный запрет на совершение сделок с конфликтом интересов, которым не представляется возможным пренебречь. Суд при рассмотрении данной категории дел изучает целый ряд вопросов, один из которых отражает действительно произошедшее нарушение директором своих фидуциарных обязанностей. При этом суд не принимает во внимание формальные определения сделок с заинтересованностью. Право справедливости делегирует суду достаточно большой спектр средств защиты истца. Тем не менее, по общему правилу суд обладает свободой усмотрения, направленной на избрание той меры, которая более всего соответствует соображениям справедливости и учитывает интересы всех вовлеченных в дело лиц.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что богатый англосаксонский опыт правового регулирования сделок с заинтересованностью заслуживает особого внимания и более тщательного изучения.

Пристатейный библиографический список

1. Blair M. M., Stout L. A. Trust, trustworthiness, and the behavioral foundations of corporate law // *University of Pennsylvania Law Review*. 2001. Vol. 149. No. 6. P. 1735–1810.
2. Chadien C. The Law on Corporate Opportunity Transactions by Directors: A Comparative Analysis of Delaware Law and Australian Law // *GSTF Journal of Law and Social Sciences*. 2016. Vol. 5. No. 3. P. 28–37.
3. Davies M., Paterson R., Wilson A. United Kingdom Generally Accepted Accounting Practice. [Электронный ресурс]. – режим доступа: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-1-349-13819-7_28 (дата обращения: 28.05.2023).
4. Gözlügöl A. A. Blinded by «Fairness»: Why We Need (Strong) Procedural Safeguards in Screening Self-Dealing and Obtaining a Fair Price Is Not the Answer // *European Business Organization Law Review*. 2022. Vol. 23. No. 3. P. 633–669.
5. Hebert P. M., Pettway J. M. Sales of Another's Movables – History, Comparative Law, and Bona Fide Purchases // *Louisiana Law Review*. 1969. Vol. 29. No. 2. P. 329–360.
6. Pizzo M. Related party transactions under a contingency perspective // *Journal of Management & Governance*. 2013. No. 17. P. 309–330.

12 Там же. Ст. 175.

13 Sale of Goods Act. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1979/54/section/21> (дата обращения: 28.05.2023).

14 Companies Act. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/section/40/> (дата обращения: 28.05.2023).

15 Hebert P. M., Pettway J. M. Sales of Another's Movables – History, Comparative Law, and Bona Fide Purchases // *Louisiana Law Review*. 1969. Vol. 29. No. 2. P. 337.

СКОБИЛЕВА Ирина Вячеславовна

студент 2 курса бакалавриата по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета

МАХОНИН Данила Дмитриевич

студент 2 курса бакалавриата по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ ВНЕДРЕНИЯ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ В ЮРИДИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В статье поднимается вопрос применимости технологий искусственного интеллекта к выполнению задач, связанных с применением норм права. Показаны возможные варианты использования нейросетей в различных юридических сферах, приведен перечень полезных свойств, который на данном этапе развития технологий остается открытым. В работе содержится обзор зарубежного опыта состязания искусственного интеллекта и ведущих юристов Великобритании. Выделены возможные проблемы, которые необходимо будет решить при внедрении искусственного интеллекта в правовую сферу.

Ключевые слова: нейронная сеть, юридическая деятельность, автоматизация.

SCOBILEVA Irina Vyacheslavovna

student of the 2nd course of the bachelor's degree in the field of study 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University

MAKHONIN Danila Dmitrievich

student of the 2nd course of the bachelor's degree in the field of study 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University

ADVANTAGES AND DISADVANTAGES OF IMPLEMENTING NEURAL NETWORKS IN LEGAL ACTIVITIES

The article raises the question of the applicability of artificial intelligence technologies to the implementation of tasks related to the application of legal norms. Possible options for using neural networks in various legal fields are shown, a list of useful properties is given, which remains open at this stage of technology development. The paper contains an overview of the foreign experience of artificial intelligence competition and leading lawyers in the UK. The possible problems that will need to be solved when introducing artificial intelligence into the legal sphere are highlighted.

Keywords: neural network, legal activity, automation.

Нейронные сети представляют собой компьютерные системы, построенные на принципах работы нейронов в головном мозге, которые используются для решения различных задач в области искусственного интеллекта, машинного обучения и обработки данных. Сегодня такие технологии становятся неотъемлемой частью многих сфер общественной жизни и используются в различных областях, таких как медицина, финансы, производство, транспорт. Нейросети позволяют автоматизировать однообразные технические процессы: ускорить поиск, обработку и анализ больших объемов данных, уменьшить затраты и издержки, увеличить точность прогнозирования и принятия решений. Искусственный интеллект имеет большой потенциал и для применения в юриспруденции.

Юриспруденция является разновидностью социальной деятельности, которая включает в себя работу с документами, поиском и обработкой правовой информации. Мы считаем, что нейронные технологии могут упростить процесс выполнения подобных задач посредством их автоматизации. На данном этапе развития технологий искусственный интеллект способен выполнять поисковые действия с использованием различных баз данных с целью обнаружения необходимой правовой информации, обрабатывать юридические документы, анализировать доказательства, определять соот-

ветствие договора актуальному законодательству или определенному нормативно-правовому акту, прогнозировать и просчитывать в процентном соотношении возможный исход судебного разбирательства. Извлечение такого полезного потенциала из использования нейросетей способствует повышению уровня эффективности труда профессионалов из различных сфер юридической деятельности.

На данном этапе развития правовой системы РФ усилилась роль судебного решения: экспертное мнение высших судебных органов, выраженное в постановлениях и обзорах судебной практики, используют в правоприменительной деятельности для придания правовому регулированию единства и однородности, однако судебный прецедент не является источником права в нашей стране, но судьи нередко обращаются к практике вышестоящих инстанций по разрешению аналогичных дел, чтобы избежать излишней противоречивости при вынесении решений. Нейросетевые алгоритмы позволяют обработать большие объемы судебных решений и выявлять закономерности в их принятии. Эту способность искусственного интеллекта активно используют для работы с Big Data, нейронные сети подобно человеческому мозгу могут анализировать и синтезировать информацию. Например, они могут осуществлять исследование данных о вынесенных судебных решениях, факторы, влияющие на исход судебного

процесса и другую статистическую информацию. На основе этого анализа нейронная сеть может предсказывать вероятный исход судебного дела. В данном случае использование нейронных технологий позволит облегчить работу адвокатов в процессе подготовки к делу, а также работу судей при вынесении судебных решений. Сегодня в России уже есть опыт использования искусственного интеллекта для прогнозирования исхода судебного дела. Российская юридическая компания Право.ру использует данные технологии, которые рассчитывают продолжительность судебного разбирательства и предсказывают его исход. В систему заложена судебная практика по схожим и аналогичным делам, которую искусственный интеллект анализирует и выдает свой результат. Однако, мы считаем, что нейронные сети не могут гарантировать точный прогноз, поскольку на принятие судебного решения могут влиять и другие факторы: изменение законодательства, появление новых доказательств и т.д. [1].

В этой связи стоит обратиться к зарубежному опыту использования технологий искусственного интеллекта в предсказании вероятного исхода судебных дел. В 2017 году тремя студентами Кембриджского университета был создан алгоритм CaseCruncher Alpha. Изначально он представлял из себя чат-бота на основе нейросети, который предоставлял юридические консультации. Но впоследствии студенты смогли обучить его до такого уровня, что искусственный интеллект смог предсказывать исход судебного разбирательства. Вскоре европейское онлайн-издание Next Web опубликовало новость об эксперименте между сотней лучших юристов Лондона и нейронном алгоритмом CaseCruncher Alpha. Им было необходимо проанализировать 775 страховых дел и определить вероятный прогноз их разрешения. В результате мнение юристов совпало с решением судьи только в 66,3 % случаев, тогда как у искусственного интеллекта – в 86,6 % случаев [2]. Говоря о роли искусственного интеллекта в юриспруденции, мы считаем, что он не способен полностью заменить высококвалифицированных специалистов в праве. Юристы выполняют широкий спектр задач, при разрешении которых требуется не только знания законодательства, но и умения индивидуально подходить к каждой ситуации, прибегать к общим правилам нравственности. Нейронные сети могут быть полезны, например, для поиска законопроектов или судебных решений, но они не могут полностью заменить юристов и предоставлять экспертное заключение по тем или иным правовым вопросам, так как только человек, являясь участником общественных отношений, может оценивать внутреннюю и внешнюю составляющую социальной взаимосвязи. Искусственный интеллект способен лишь облегчить и улучшить их работу, а также повысить эффективность оказания правовых услуг.

По нашему мнению, полезным свойствам нейросетей можно найти применение в правоохранительной деятельности. Например, искусственный интеллект способен анализировать данные о совершенных преступлениях и на основе полученной информации предлагать действенные методы борьбы с нарушением закона. Искусственный интеллект выявляет факторы, которые влияют на вероятность совершения преступления, выдает статистику, которая важна для рабо-

ты криминалиста. Также можно говорить о таком явлении как «криминальное прогнозирование» или «прогнозирование преступлений». Для составления прогнозов совершения правонарушений нейронные сети могут использовать различные типы данных, включая данные об уровне преступности в определенном регионе, сведения о социально-экономическом статусе населения, данные о климатических условиях, данные об уровне безработицы и т.д. Например, для прогнозирования преступлений на основе информации об уровне преступности в определенном регионе, нейронная сеть может использовать алгоритмы машинного обучения для исследования большого объема статистических данных, включая данные о количестве преступлений, типах преступлений, времени и месте их совершения, а также других необходимых данных. Нейронные сети могут также использоваться для предвидения возможности совершения преступления конкретным лицом на основе его персональных данных, таких как возраст, пол, профессия, образование, место жительства и т.д. В этом случае нейросеть уже изучает личность человека, прогнозирует закономерности возможного его поведения. Однако, следует отметить, что использования нейронных технологий в этой области необходимо четко законодательно регламентировать. Следует учитывать, что нейронные сети могут допускать ошибки и давать неверные прогнозы, поэтому их использование в правоохранительной деятельности должно осуществляться под контролем специалистов и экспертов, а также в соответствии с действующим законодательством.

Сегодня одной из актуальных и острых проблем общества является мошенничество в различных его проявлениях. С развитием информационных технологий оно приобретает всеохватывающий, интеллектуальный характер и затрагивает различные сферы общественной жизни, в том числе правовую, банковскую, финансовую, налоговую и др. Уголовный Кодекс предусматривает различные виды мошеннических действий: в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ), при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ), с использованием электронных средств платежа (159.3 УК РФ), в сфере страхования (ст. 159.5 УК РФ), в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ). По-нашему мнению, одним из действенных инструментов обнаружения мошеннических операций и борьбы с ними является использование нейронных сетей. Каким образом нейронные технологии способны обнаруживать противоправные мошеннические операции? Для этого они используют различные типы данных, такие как сведения о транзакциях, поведенческие данные, информация о клиентах, история действий, территориальность совершения операций и многое другое. Нейронные сети с использованием Big Data (большие данные) выявляют аномальные паттерны поведения, которые указывают на мошеннические действия. Однако, важно отметить, что нейросети не являются универсальным решением для обнаружения мошенничества и не могут полностью заменить профессиональный анализ и экспертизу. В данном случае нейросети стоит рассматривать в качестве дополнительного инструмента выявления подозрительных операций и процессов, которые впоследствии требуют дополнительного анализа и проверки.

Где еще нейросети могут принести пользу юриспруденции и значительно облегчить работу юристов? В России и в большинстве зарубежных стран возрастает потребность в улучшении качества законодательством, что является результатом эффективной правотворческой деятельности. Существующие в государстве правотворческие институты не способны в полной мере осуществлять данную задачу. Возникновение различных дефектов, изъянов, противоречий в федеральных законах, законах субъектов РФ, подзаконных нормативных актов ставит под угрозу эффективность всего правового регулирования. В решении данной проблемы могут помочь технологии искусственного интеллекта, которые способны распознавать пробельность в праве, языковые, логические и структурные нарушения, используя при этом разнообразные правила юридической техники. Ошибки в правотворчестве могут совершаться по вине субъектов правотворчества, например, вследствие поспешности принятия решений, невнимательности, непрофессионализма лиц или политической конъюнктуры. Лишенный субъективизма искусственный интеллект способен распознать такой дефект и привести содержание нормативно-правового акта в соответствие с правилами юридической техники.

Для применения мировым сообществом искусственного интеллекта в юридической сфере требуется качественно обучить нейронные сети, чтобы результаты, прогнозируемые и выносимые искусственным интеллектом, удовлетворяли запросы социума. Необходимо создать специальный методический материал на основе действующего законодательства, разработать алгоритмы, с помощью которых нейросеть будет выполнять поставленные задачи, связанные с применением права. Также стоит говорить о сотрудничестве представителей не только юридических профессий, которые будут подготавливать нужный материал и направлять искусственный интеллект при разрешении конкретных казусов (кейс-метод обучения), но и о разработчиках, тестировщиках и иных IT-специалистах, которые будут задействованы на всех этапах при создании и внедрении нейросети в правовую сферу.

Говоря о возможности применения нейронных сетей в деятельности юристов, стоит затронуть вопрос ответственности за принятие решений. Если искусственный интеллект примет неверное решение, которое повлечет за собой негативные последствия, то кто будет нести юридическую ответственность за совершенную ошибку? На данном этапе развития законодательства невозможно рассматривать искусственный интеллект как субъекта права. Ответственность по-прежнему будет нести конкретное лицо, указанное в законе.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что развитие технологий искусственного интеллекта протекает довольно быстро. В скором времени нейросети получат повсеместное применение в различных сферах общественной жизни, в том числе и в юриспруденции. Роботизация поиска правовой информации, ее анализа для получения доказательной юридической базы, определения соответствия документов нормативно-правовым актам станут привычными операциями в юридической деятельности. Более того, во внедрении технологий искусственного интеллекта будут за-

интересованы не только отдельные субъекты права, но и вся правовая система в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Pravo.ru: статья «Роботы-правоведы: как технологии изменяют работу юридических компаний» от 02.02.2016. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/story/view/125603/> (дата обращения: 08.05.2023).
2. Hi-News.ru: статья «ИИ победил лучших лондонских юристов» от 03.11.2017. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hi-news.ru/technology/ii-pobedil-luchshix-londonskix-yuristov.html> (дата обращения: 12.05.2023).
3. Магомедова М. А., Гитинов Х. Х., Курбанов Т. К. Тенденции применения нейронных сетей в юриспруденции: сборник трудов конференции // Актуальные направления научных исследований: перспективы развития: материалы XI Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 14 февр. 2020 г.) / Редкол.: О. Н. Широков [и др.] – Чебоксары: Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2020. – С. 89-90. – ISBN 978-5-6044117-7-3.
4. Соломко Д. С., Антониади К. С., Коваль О. И. Architecture Тенденции применение нейронных сетей в юриспруденции // «Colloquium-journal». – 2019. – № 24 (48). – С. 47-48.
5. Кирова Л. М., Макаревич М. Л. Инновационная экономика: Перспективы развития и совершенствования // Правовые аспекты использования нейронных сетей. – 2018. – № 1 (27). – С. 58-63.
6. Коков И. Х., Лескина Э. И. Понятие и сущность нейронных сетей: правовой аспект // «Научно-практический электронный журнал Аллея Науки». – 2020. – № 11 (50).

БАЙРАМОВ Рамзи Раджабович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии

ГАБДУЛХАКОВ Марсель Фанильевич

бакалавр права, соискатель магистерской степени МГИМО (У) МИД России

ФИЛИПОВ Артём Рудольфович

кандидат юридических наук, старший преподаватель, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Статья рассматривает проблемы противодействия преступлениям в сфере топливно-энергетического комплекса. Авторами анализируются основные виды преступлений, совершаемых в данной сфере, а также причины их возникновения. Особое внимание уделяется вопросам профилактики преступлений и эффективности существующей системы уголовного преследования. Делается вывод о том, что в сфере топливно-энергетического комплекса существуют серьезные проблемы, связанные с противодействием преступности. Проблемы противодействия преступлениям в сфере ТЭК требуют комплексного подхода и совместных усилий со стороны государственных органов, бизнеса и общественности. Необходимо улучшить законодательство, повысить эффективность правоохранительных органов, улучшить защиту объектов ТЭК, а также бороться с коррупцией и другими формами преступности.

Ключевые слова: топливно-энергетический комплекс, преступления, коррупция, терроризм, кибератаки.

BAYRAMOV Ramzi Radzhabovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law disciplines sub-faculty of the V. B. Bobkov St. Petersburg branch of the Russian Customs Academy

GABDULKHAKOV Marsel Faniljevich

LL.B., competitor for a master's degree of the MGIMO (U) of the MFA of Russia

FILIPOV Artyom Rudolfovich

Ph.D. in Law, senior lecturer, associate professor of Criminal Law disciplines sub-faculty of the V. B. Bobkov St. Petersburg branch of the Russian Customs Academy

PROBLEMS OF COMBATING CRIMES IN THE SPHERE OF THE FUEL AND ENERGY COMPLEX

The article considers the problems of combating crimes in the sphere of the fuel and energy complex. The authors analyze the main types of crimes committed in this area, as well as the causes of their occurrence. Particular attention is paid to the issues of crime prevention and the effectiveness of the existing system of criminal prosecution. It is concluded that in the field of the fuel and energy complex there are serious problems associated with combating crime. The problems of combating crimes in the fuel and energy sector require an integrated approach and joint efforts on the part of government agencies, businesses and the public. It is necessary to improve legislation, increase the effectiveness of law enforcement agencies, improve the protection of fuel and energy facilities, and fight corruption and other forms of crime.

Keywords: fuel and energy complex, crimes, corruption, terrorism, cyber attacks.

Топливо-энергетический комплекс (ТЭК) является важной составляющей экономики, обеспечивая её устойчивый рост и являясь приоритетной сферой государственной политики. Сегодня ТЭК играет значительную роль в привлечении иностранных инвесторов и обеспечении страны иностранной валютой. Россия не только самодостаточна в производстве топлива и энергии, используя свои природные ресурсы, но также экспортирует значительные объемы топлива и энергии.

Преступность в сфере топливно-энергетического комплекса (ТЭК) представляет собой сложное, быстро развивающееся и многообразное явление, которое имеет как уникальные специфические черты и особенности, так и общие признаки с преступлениями, совершаемыми в других отраслях.

Характеристика уголовного права для преступлений в сфере топливно-энергетического комплекса (ТЭК) соз-

дает ряд актуальных проблем, решение которых является задачей правоохранительных органов, судов и самих субъектов ТЭК. Одной из первоочередных проблем является высокий уровень латентности совершаемых преступлений [2, с. 33]. Например, кражи нефти, газа и электроэнергии маскируются под естественные потери, что является следствием умышленных действий преступников [5, с. 155-159]. Мошенничество, присвоение и растраты часто скрываются в большом количестве финансовых операций, чтобы затруднить их выявление. Эти проблемы требуют внимания и решения со стороны соответствующих органов и субъектов ТЭК.

В то время, когда предпринимательская деятельность осуществляется незаконно, в отсутствие соответствующей лицензионной документации, внешне она может быть сходна с теми производственными операциями, в отношении которых лицензирование не проводится.

Отмечается латентность свойственная коррупционной деятельности. Это связано с рядом признаков криминологического характера, которые являются стойкими. Говоря о преступлениях террористического характера, следует отметить присутствие низкой латентности. Аналогичный ее уровень присущ и иным преступлениям, за счет которых объекты ТЭК выводятся из строя.

Имеются достаточные возможности и основания для того, чтобы совершаемые в отношении ТЭК преступные деяния не были выявлены. Со стороны предприятия или отрасли фиксируется ущерб, влияющий на обобщенные показатели. В ряде ситуаций подобный ущерб относят к естественному [1].

У правоохранителей возникает актуальный вопрос, касающийся ТЭК, который связан со своевременным выявлением совершенных преступлений в целях предотвращения их совершения и локализации последствий.

За счет оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой подразделениями органов внутренних дел, реализуются необходимые действия, нацеленные на выявление преступлений [4, с. 241-244]. При негласном проведении ОРМ происходит получение сведений о деятельности противоправного характера и лицах, связанных с ней. В этом процессе осуществляется документирование, представляющееся в виде комплекса действий.

Оперативная практика постоянно анализируется, в результате чего делается вывод, что наиболее успешной является та оперативно-розыскная деятельность, которая осуществляется в сфере коррупционных преступлений, а также кражи нефти и нефтепродуктов. В рамках иных сфер активность и успех оперативно-розыскной деятельности существенно снижается. Причиной тому выступает недостаточное количество оперативных сотрудников, у которых имеются необходимые знания и навыки, обеспечивающие выполнение надлежащей работы на объектах ТЭК. В указанном направлении могут выявляться латентные преступления, которые выявляются службой безопасности, аудита и контроля.

Весомая доля преступлений, совершаемых в сфере ТЭК, выявляется в тот момент, когда проводится оперативная или следственная проверка по поступившим от различных лиц заявлениям. Отдельным сегментом выступает борьба с коррупцией и мошенничеством.

Отмечается ограничение сферы выявления преступлений деяниями, которые причиняют ущерб физическим или юридическим лицам.

Плановые и внеплановые проверочные мероприятия осуществляются правоохранительными и контрольно-надзорными органами. При их проведении выявляются преступления в значимом объеме. Со стороны налоговых органов выполняются камеральные и выездные проверки, в ходе которых происходит выявление как противозаконных деяний, нарушающих налоговое законодательство, так и тех, которые связаны с заключением, к примеру, фиктивных договоров подряда, в результате которых имеет место быть вывод денежных средств.

Опасные производственные объекты выступают объектами, в отношении которых осуществляются проверки Росприроднадзором и Ростехнадзором. При этом происходит выявление фактов о незаконных переработках углеродного сырья и несанкционированных врезках, что совершаются на нефте- и газопроводах.

Со стороны прокуратуры в ходе выполнения проверок в отношении соблюдения законности в сфере ТЭК, выявляют-

ся преступные деяния. Со стороны таких субъектов выполняется сбор материалов, подлежащих передаче в следственные органы. Из ст. 37 УПК РФ также следует указание о возможности направления материалов органам дознания. В качестве основного недостатка, свойственного контрольно-надзорным методам выявления преступлений, которые совершаются в сфере ТЭК, является несвоевременность. В результате общественно-опасные последствия предотвратить невозможно. Для органов следствия и дознания, как правило, возникают весомые трудности по установлению виновных лиц, а также доказыванию их вины.

Выявлять преступность в сфере ТЭК достаточно сложно. Причиной тому выступает существование определенных тенденций, в силу которых происходит декриминализация отдельных деяний.

В качестве положительного факта, связанного с выявлением преступлений в сфере ТЭК, следует отметить развитие информационных и технических методов борьбы. В качестве примера необходимо отметить факт распространения видеонаблюдения, представляющегося в виде систем. Весомую роль стали занимать сигнализации, контроль и учет доступа, прочие системы. С их помощью преступления удается выявлять оперативно. Со стороны налоговых органов была введена в действие АИС «Налог-3», за счет которой могут выявляться подозрительные безналичные операции.

В борьбе с преступностью в сфере ТЭК существует проблема, связанная с позицией юридических лиц, которые являются потерпевшими. Большинство преступлений в этой сфере имеют имущественный характер, поэтому для привлечения виновных к ответственности необходимо, чтобы потерпевший выразил свою правовую позицию, подтвердил факт и размер причиненного ущерба и признал его существенным. Однако, в оперативно-следственной практике часто встречается отказ потерпевших организаций от сотрудничества с правоохранительными органами, даже до прямого воспрепятствования. Это особенно характерно для вертикально интегрированных компаний с государственным участием, которые не хотят нести репутационные и имиджевые риски, признавать свои недоработки, а также не заинтересованы в привлечении виновных к ответственности. В некоторых случаях это может быть связано с коррупционными факторами [3, с. 23-27].

Особенная часть УК РФ содержит в себе отдельные составы, в которых имеются диспозиции с признаком ответственности ущерба. Указанный признак трудно оценить, как на предмет наличия, так и отсутствия ущерба. Имеющаяся следственная практика включает в себя те субъективные критерии, которые обычно применяются для того, чтобы оценить ущерб исходя из того объема выручки, который получает организация, при этом величина ее прибыли в расчет не принимается.

Примером можно назвать ситуацию, в силу которой ресурсоснабжающие организации получают высокую оборотную выручку, при этом на нормативную прибыль приходится только 5 – 6% от итогового показателя. Реальное же положение может быть связано с убытками, которые являются величинами с отрицательным значением. Рассматриваемое позволяет говорить о возникновении негативного воздействия на компанию за счет причиняемого ей ущерба.

Однако, из-за того, что сумма ущерба в таких случаях часто незначительна по сравнению с общей выручкой, следственные органы часто не признают его существенным и не возбуждают уголовное дело из-за отсутствия состава престу-

пления. В случаях экономических преступлений, связанных с договорными отношениями, документирование преступной деятельности вызывает наибольшие затруднения. Несмотря на очевидность события преступления, например, оплаты невыполненных работ на основании поддельных документов, в оперативно-следственной практике возникают существенные затруднения в доказывании признаков преступления.

Существует практика, связанная с пересылкой через почтовые службы исполнительной и прочей документации. Такая пересылка может совершаться и через электронные средства связи. Возникает сложность при определении лица, которым направляется поддельная или недостоверная документация. Совместное использование осуществляется в отношении электронных цифровых подписей, флешек, для которых предусмотрена парольная фраза. В результате определить, кто конкретно использовал носитель практически невозможно. Если для соблюдения требований ГК РФ достаточно факта цифровой подписи или совершения юридически значимого действия с помощью личного электронного ключа или бизнес карты, то в уголовном процессе невозможно возложить ответственность на владельца данных ключей и карт.

Совокупность представленных фактов выступает первоосновой к тому, чтобы отдельные уголовные дела приостанавливались по причине неустановления лица, совершившего преступление.

Если состав преступления является имущественным, а его совершение происходит в безналичной форме, могут иметь место проблемы, связанные с доказыванием умысла подозреваемого.

Подводя итог, необходимо отметить, что в сфере топливно-энергетического комплекса существуют серьезные проблемы, связанные с противодействием преступности. Некоторые из них включают в себя:

1. Коррупция. Коррупция является серьезной проблемой в сфере ТЭК, особенно в отношении заключения контрактов на поставку топлива и энергии. Коррупция может привести к недобросовестной конкуренции, неэффективному использованию бюджетных средств и ущербу для государства.

2. Нарушение законодательства. В сфере ТЭК часто происходят нарушения законодательства, связанные с несоблюдением требований по безопасности и экологической защите, использованием низкокачественного топлива и энергии, а также нарушениями прав потребителей.

3. Терроризм и кибератаки. Террористические организации и киберпреступники могут использовать сферу ТЭК для достижения своих целей. Это может привести к серьезным последствиям, таким как прерывание поставок топлива и энергии, нарушение работы критически важных инфраструктурных объектов и т.д.

4. Недостаточная защита объектов. Некоторые объекты ТЭК могут быть недостаточно защищены от преступных посягательств. Это может привести к кражам топлива и энергии, а также к другим преступлениям.

5. Низкая эффективность правоохранительных органов. Правоохранительные органы могут сталкиваться с трудностями при расследовании преступлений в сфере ТЭК. Это может быть связано с недостаточной квалификацией сотрудников, отсутствием необходимого оборудования и технологий, а также с недостаточным финансированием.

В целом, проблемы противодействия преступлениям в сфере ТЭК требуют комплексного подхода и совместных уси-

лий со стороны государственных органов, бизнеса и общественности. Необходимо улучшить законодательство, повысить эффективность правоохранительных органов, улучшить защиту объектов, а также бороться с коррупцией и другими формами преступности.

Пристатейный библиографический список

1. Гатауллин А. И., Гумеров Р. Р. Актуальные вопросы предупреждения и расследования преступления в сфере топливно-энергетического комплекса // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. – 2017. – № 10. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.alley-science.ru> (дата обращения: 15.04.2023).
2. Вележев С. И. Современные проблемы борьбы с преступлениями в сфере топливно-энергетического комплекса // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт». – 2022.
3. Вележев С. И., Седогин А. М. Криминологические особенности коррупционных преступлений в сфере топливно-энергетического комплекса // Вестник Самарского юридического института: научно-практический журнал. – 2020. – № 4 (40).
4. Минникаева Г. Ф., Вильданов И. Р. Оперативно-розыскное обеспечение предупреждения и раскрытия преступлений в сфере топливно-энергетического комплекса // Теория и практика современной науки. – 2017. – № 11 (29).
5. Плешаков А. М., Осипов В. А. Уголовная ответственность за хищение нефти или нефтепродуктов и за их незаконное приобретение: вопросы квалификации // Вестник экономической безопасности. – 2018. – № 3.

БАЛАБКИН Дмитрий Алексеевич

студент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

АБРОСИМОВ Илья Сергеевич

студент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

ХАЙРУСОВ Денис Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШАЮЩЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ЖИЗНИ

В статье рассмотрены характеристики личности преступников, совершающих преступления против жизни в Российской Федерации. Рассмотрены аспекты касающиеся личности преступника, мотивов, по которым он совершает преступления против жизни человека. Авторы презюмируют, что личностные качества определяют предрасположенность человека к совершению такого преступления как убийство, однако не гарантируют, что обладающий такими качествами человек обязательно станет убийцей в будущем.

Ключевые слова: убийство, насилие, убийца, преступник, преступление, личностные качества.

BALABKIN Dmitry Alexeevich

student of the Higher School of Law and Forensic Technical Expertise of Humanitarian Institute of the St. Petersburg Polytechnic University of Peter the Great

ABROSIMOV Ilya Sergeevich

student of the Higher School of Law and Forensic Technical Expertise of Humanitarian Institute of the St. Petersburg Polytechnic University of Peter the Great

KNAYRUSOV Denis Sergeevich

Ph.D. in Law, associate professor of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise of Humanitarian Institute of the St. Petersburg Polytechnic University of Peter the Great

CHARACTERISTICS OF THE PERSONAL QUALITIES OF A CRIMINAL WHO COMMITS A CRIME AGAINST LIFE

The article discusses the characteristics of the personality of a criminal who commits crimes against life in the Russian Federation. Aspects of the personality of the offender, the motives for which he has the right to life in relation to a person are excluded. The authors presume that personal qualities determine a person's predisposition to commit such a crime as murder, but do not guarantee that a person with such qualities will necessarily become a murderer in the future.

Keywords: murder, violence, murderer, criminal, crime, personality traits.

В современной России количество преступлений против жизни колеблется от 7 до 8 тысяч убийств в год, включая покушения на убийство. Также, начиная с 2022 года, наблюдается рост количества таких преступлений по сравнению с предыдущими годами. Убийства составляют десятую часть от всех тяжких и особо тяжких преступлений и совершаются наиболее часто. Данные сведения позволяют сделать вывод о том, что преступления против жизни в Российской Федерации совершаются довольно часто, а борьба с ними имеет особое значение для народа и страны в целом [3].

Однако, прежде чем рассматривать характеристики личностных качеств преступника, представляется целесообразным рассмотреть общую концепцию, на основе которой можно сформировать портрет личности любого преступника.

Одной из начальных характеристик является половой критерий, от которого зависит множество факторов. В-первых, существуют преступления, которые могут совершить только мужчина, либо только женщина. Во-вторых, физическое строение и психологическое состояние у мужчин и женщин имеет свои отличительные особенности, которые также влияют на возможность совершения того или иного преступления.

Возраст также является весьма важной особенностью преступников, которую стоит учитывать. Данная характеристика обоснована тем, что человек – это существо, которое развивается, как физически, так и психически, постепенно, в процессе своей жизни. Ребенок не может родиться, обладая такими физическими возможностями, какими обладает взрослый. В то же время, в процессе жизни у человека приобретаются определенные навыки, социальные статусы, а также изменяются потребности, которые требуют удовлетворения.

Также при определении характеристик личности преступника стоит учитывать такие факторы, как профессия, уровень образования, семейное положение. Эти факторы оказывают существенное влияние на обилие способов удовлетворения тех или иных потребностей человека. Также от этих факторов зависит социальный статус субъекта, положение его в обществе, возможность обращения за помощью при возникновении жизненных проблем.

Рассмотрев общую концепцию личностных качеств преступника, можно начать рассмотрение личностных качеств убийц, характеристика которых опирается на общую концепцию характеристики личностных качеств преступника, поэтому стоит выделить только черты убийцы, которые отличают его от обычного преступника.

Убийцами обычно являются мужчины, это обуславливается и физическими особенностями человека, как биологического существа, так и психологическими факторами, мужчины зачастую быстрее принимают решения в стрессовых ситуациях. Также по мнению С. И. Кириллова и С. В. Кривошеева, мужчины более хладнокровны, нежели женщины; в то время как женщины чаще всего совершают убийства в бытовых ситуациях, из-за ревности, в качестве мести мужу и т.д. [2, с. 84].

Возраст убийц также имеет свои отличительные черты. Наиболее часто убийцами становятся молодые люди в возрасте от тридцати до сорока лет. Менее всего убийства совершаются людьми из возрастной группы от пятидесяти и более лет. Авторы указывают, что активность лиц такой возрастной категории обусловлена наибольшим накоплением жизненных обязанностей, переходом из молодежного периода жизни в зрелую жизнь. Также возрастная группа убийц зависит

и от региональных особенностей. Здесь прослеживается взаимосвязь между культурой региона, их обычаями, а также продолжительностью жизни в регионе [2, с. 85].

Профессия убийц также имеет значение. Чаще всего эти лица заняты на трудоемких профессиях, где требуется грубая сила, нежеда знания. Важным фактором является и размер заработной платы, которая как правило не превышает средних значений. С. И. Кириллов и С. В. Кривошеев отмечают огромную роль влияния семьи на формирование личности убийц в несовершеннолетнем возрасте.

Как правило убийцами становятся выходцы из неблагополучных семей, где и началось формирование преступной личности. Чаще всего убийца в детском возрасте наблюдал постоянные конфликты между родителями, которые могли доходить до рукоприкладства, таким образом в убийце с малого возраста закладывались силовые методы решения конфликтов. Также, в неблагополучных семьях с раннего возраста отсутствует процесс формирования нормальных культурных, нравственных и моральных ценностей, ребенок, видя девиантное поведение родителей, повторяет за ними [2, с. 86].

Б. В. Николаев и А. С. Егорович отмечают, что чаще всего убийства совершаются одним лицом. При этом чаще всего убийства совершаются во время алкогольного опьянения [1, с. 36].

Рассматривая семейное положение убийцы, можно заметить, что в ряде случаев эти субъекты проживают в одиночестве, либо в сожительстве на краткосрочной основе. Постоянной семьи у таких преступников, как правило, нет. Давая характеристику психологическим качествам потенциальных убийц, можно также сделать вывод, что их характеризуют импульсивность и неуравновешенность, они легко поддаются подстрекательствам [1, с. 36].

Особую категорию составляют лица, которые доводят людей до самоубийства. Ученые отмечают, что такие люди как правило психически нездоровы, при этом они не преследуют каких-либо корыстных целей, а совершают убийства из-за личных убеждений.

Чаще всего, убийца для своего деяния использует сеть «Интернет», с помощью которой он поднабивает свою жертву. Люди, которые используют сеть «Интернет» для осуществления своих преступлений и их личностные качества, составляют особый тип преступников. Поэтому, прежде чем рассматривать личностные качества убийц, которые осуществляют интернет-убийства, следует рассмотреть общую характеристику личностных качеств интернет-преступников.

В целом интернет-преступники, относительно, новый вид преступников, так как сеть «Интернет» была создана около 40 лет назад, а в широкие массы населения вошла в начале 1990-х годов. В России же этот процесс происходил еще дольше, и сеть «Интернет» получила большую популярность у населения не более 15 лет назад.

Несмотря на это, сегодня, сеть «Интернет» является распространенным способом совершения преступлений. Интернет-преступники могут использовать сеть разными способами. К примеру, организовывать свои действия через сеть «Интернет» или же наоборот использовать её как способ совершения преступления. Так, например, О. Ю. Веденская отмечает, что в 30 процентах случаев сеть «Интернет» используется преступником как способ преступления, а в 46 – как способ организации. В остальных случаях Интернет используется для сокрытия доказательств совершенного преступления.

Прежде чем давать характеристику личностных качеств интернет-преступников, стоит отметить, что интернет-преступления требуют наличия определенных знаний и навыков, которые необходимы для совершения преступлений в сети «Интернет».

Интернет-преступниками чаще всего являются мужчины, более половины всех интернет-преступлений совершаются именно ими. Однако, стоит указать, что в процентном соотношении, мужчины совершают 65 процентов от всех преступлений. Поэтому можно сделать вывод, что половой критерий не играет особой роли при определении портрета интернет-преступника.

Возраст интернет-преступников в основном составляет от 18 до 25 лет, стоит отметить, что данной возрастной группой совершается примерно 50 процентов всех интернет-преступлений, а 40 процентов, совершается возрастной группой от 25 до 40 лет. Таким образом, стоит отметить, что интер-

нет-преступления совершаются людьми, которые относятся к молодой группе населения.

Наличие специальных навыков для совершения интернет-преступления просто необходимо, поэтому порядка 60 процентов преступников обладают средними навыками пользования компьютера, а 30 процентов обладают «продвинутыми» навыками пользования компьютера. Уровень образования интернет-преступников также является немаловажным фактором. Около 50 процентов интернет-преступников имеют оконченное средне-специальное образование, 27 процентов учатся в высших учебных заведениях.

Стоит также обратить внимание на то обстоятельство, что интернет-преступники чаще всего обладают посредственными навыками работы с компьютером, что говорит о непопулярности использования Интернета для совершения преступления среди профессионалов, обладающих высоким уровнем образования и работы с компьютером. Данная зависимость напрямую связана с высокими заработными платами, которые предлагаются лицам, обладающим «продвинутыми» навыками работы с компьютером.

Важно также обратить внимание и на такой момент, что почти половина интернет-преступников не имеют постоянного рабочего места и в принципе не работают. Это при том, что 44 процента из них обладают только временными заработками.

Согласно проведенным исследованиям, порядка 90 процентов всех интернет-преступников не обладают психическими отклонениями, что свидетельствует о том, что большинство преступников, совершая интернет-преступление, действуют осознанно и целенаправленно. Такой вывод подтверждается еще и тем, что интернет-преступления обладают относительно высоким риском рецидива, а именно в 39 процентах они совершаются лицами с судимостью [1, с. 117].

Возвращаясь к теме интернет-убийц, которые совершают свои преступления путем доведения до самоубийства через сеть «Интернет», можно отметить, что преступник чаще всего выбирает свою жертву среди подростков, больше всего этому подвержены девушки в возрасте от двенадцати до двадцати лет, которые в силу переходного возраста, влияния малых социальных групп и других факторов испытывают внутренний кризис, а убийца, пользуясь тяжелым психическим состоянием потенциальной жертвы, подбивает такого человека к самоубийству [1, с. 38].

Резюмируя все вышесказанное следует отметить, что вышеописанные личностные качества определяют предрасположенность человека к совершению такого преступления как убийство, однако не гарантируют, что человек обладающий такими качествами обязательно станет убийцей в будущем.

Пристатейный библиографический список

1. Веденская О. Ю. Характеристика личности интернет-преступников // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2015. – № 4 (30). – С. 116-118.
2. Николаев Б. В., Егорович А. С. Криминологический портрет преступника, совершившего преступление против жизни // Вестник ПензГУ. – 2022. – № 1 (37). – С. 34-39.
3. Кириллов С. И., Кривошеев С. В. Некоторые особенности личности лиц, совершающих преступления против жизни // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 5. – С. 83-86.
4. Криминология: учебник для вузов / В. И. Авдийский [и др.]; под редакцией В. И. Авдийского, Л. А. Букаловой. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 301 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-03566-7. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/510960> (дата обращения: 23.04.2023).
5. Показатели преступности России // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 25.04.2023).

ДОНСКОВА Ксения Геннадьевна

доцент кафедры уголовного права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

СПИЛИОТИ Влада Игоревна

студент 4 курса Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

ВИДЫ НАРКОТИКОВ И СПОСОБЫ ИХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В статье исследуется проблема употребления и распространения наркотиков в местах лишения свободы. Виды наркотиков, обычно встречающихся в тюрьмах, и методы их распространения широко варьируются, начиная от посетителей и почты и заканчивая привлечением персонала и контрабандными наркотиками. Факторы, способствующие употреблению и распространению наркотиков, включают доступность наркотиков в окружающем мире, тюремную культуру, характер тюремной обстановки и действия тюремного персонала.

Ключевые слова: наркотики, распространение в местах лишения свободы, контрабанда, посетители, персонал, юридические документы.

DONSKOVA Kseniya Gennadjevna

associate professor of Criminal law sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

SPILIOTI Vlada Igorevna

student of the 4th course of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR ANTI-COMPETITIVE AGREEMENT AND CONCERTED ACTIONS

The article examines the problem of drug use and distribution in prisons. The types of drugs commonly found in prisons and the methods by which they are distributed vary widely, ranging from visitors and mail to recruitment of staff and smuggled drugs. Factors that promote drug use and distribution include the availability of drugs in the outside world, prison culture, the nature of the prison environment and the actions of prison staff.

Keywords: drugs, distribution in prisons, smuggling, visitors, personnel, legal documents.

Проблема употребления и распространения наркотиков уже давно распространена в местах лишения свободы. Однако лица, лишённые свободы, например, находящиеся в тюрьмах или местах заключения под стражей, сталкиваются с уникальными проблемами, когда речь заходит о доступе к наркотикам и их распространении. Распространение наркотиков в таких условиях может привести к целому ряду негативных последствий, включая насилие, проблемы со здоровьем и социальные беспорядки. Чтобы решить эту проблему, важно понимать различные типы наркотиков, которые распространяются в этих средах, и способы их распространения.

По силе действия наркотики делятся на легкие (каннабис, спайсы, насвай и лсд), сильные (опиаты).

По составу выделяют синтетические «химика» и растительные «органика». Химические наркотики как правила считаются искусственно созданными, такие как героин, трамадол, промедол, амфетамин. К натуральным наркотикам относят как правила различные сорта марихуаны, кокаин, псилоцибин, кодеин.

По способу употребления подразделяют на капсулы, таблетки «колеса», порошок «кокс» или «снег» и жидкие наркотики, в виде раствора и вводятся внутривенно.

Самый популярными и распространенными среди наркотиков являются различные виды каннабиса, соли, спайсы, экстази, спиды, шишки.

Официально список запрещенных веществ в Российской Федерации довольно-таки велик, туда входит мескалин, псилоцибин, маковая соломка, млечный сок растения, кусты коки, различные виды синтетических кислот. Что касается спайсов и солей, то они включаются в список, если в них входит хотя бы один психотропный компонент вне зависимости от количества. Отдельный список включает в себя вещества, оборот которых ограничен. Это кодеин, аминорекс и другие компоненты, которые входят в состав некоторых лекарств.

Виды наркотиков, обычно обнаруживаемых в местах содержания под стражей, варьируются в зависимости от ряда факторов, включая местоположение и тип учреждения, доступность наркотиков и методы, используемые для контрабанды наркотиков в места лишения свободы. Однако есть несколько наркотиков, которые находятся в регулярном обороте в тюрьмах по всему миру.

Наиболее часто используемых наркотиков в тюрьмах является героин, который часто контрабандой ввозится в тюрьмы различными способами, такими как визиты семьи и друзей, почта и через самих сотрудников тюрьмы.

Другим часто встречающимся наркотиком в тюрьмах является кокаин. Как и героин, кокаин часто контрабандой доставляется в тюрьмы посетителями, по почте или тюремным персоналом.

Марихуану также часто можно найти в местах заключения под стражей. Во многих случаях марихуану контрабандой доставляют в тюрьмы посетители или по почте. Хотя марихуана часто считается относительно безвредным наркотиком, ее употребление в тюрьмах может привести к ряду проблем, включая поведенческие проблемы и передачу инфекционных заболеваний, если она передается через курение.

Отпускаемые по рецепту лекарства — это еще один вид наркотиков. Медицинские препараты часто добываются незаконными способами, например, путем подделки рецептов или кражи лекарств из тюремного медицинского учреждения.

В дополнение к этим наркотикам, другие вещества, которые обычно встречаются в тюрьмах, включают алкоголь, ингаляторы и дизайнерские наркотики, такие как синтетические каннабиноиды и соли для ванн.

Исследование, проведенное Управлением Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП

ООН), показало, что распространенность употребления наркотиков в тюрьмах значительно выше, чем среди населения в целом. Исследование также показало, что употребление наркотиков более распространено в тюрьмах с высокой плотностью населения, плохой гигиеной и санитарией. Кроме того, употребление наркотиков чаще встречается среди заключенных, которые ранее употребляли наркотики до момента заключения под стражу [1].

Другое исследование, проведенное Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), показало, что употребление наркотиков в тюрьмах связано с целым рядом проблем со здоровьем, включая ВИЧ/СПИД, гепатит и другие инфекционные заболевания, так же, заключенные, употребляющие наркотики, более склонны к рискованному поведению, такому как совместное использование игл и незащищенный секс, что увеличивает риск заражения этими заболеваниями [2].

Что касается распространения наркотиков в тюрьмах, то исследование, проведенное Европейским центром мониторинга наркотиков и наркомании (EMCDDA), показало, что наркотики обычно распространяются через иерархическую сеть, в которую вовлечены как заключенные, так и персонал. Эта сеть часто организована по расовому или этническому признаку, и проникнуть в нее довольно-таки трудно [3].

Одним из распространенных методов контрабанды наркотиков в тюрьмах является через посетителей. Посетители могут приносить наркотики в тюрьму во время посещения, проглатывая их, вводя в свой организм, либо передавая непосредственно заключенному. Посетители могут также оставлять наркотики в скрытых местах, например, в ванной комнате для посетителей или в книгах, чтобы заключенный мог забрать их позже.

Другим методом распространения наркотиков в тюрьмах является отправка по почте. Наркотики могут быть спрятаны в письмах или посылках. Наркотики также могут быть спрятаны в юридических записках или судебных документах.

Тюремный персонал также может быть причастен к распространению наркотиков. Сотрудники могут сами приносить наркотики в места лишения свободы или могут помогать заключенным в приобретении наркотиков, закрывая глаза на наркоторговлю или принимая взятки. В некоторых случаях сотрудники могут даже быть непосредственно вовлечены в незаконный оборот наркотиков внутри тюрьмы.

Наркотики также могут быть контрабандно доставлены другими способами, например, с помощью беспилотных летательных аппаратов или путем перебрасывания наркотиков через тюремные стены. Наркотики могут быть спрятаны в контейнерах, таких как теннисные мячи, бутылки с водой или контейнеры для пищевых продуктов, что затрудняет их обнаружение.

Как только наркотики попадают в тюрьму, они распространяются через иерархическую сеть, в которую вовлечены как заключенные, так и персонал. Члены более высокого уровня могут использовать угрозы или насилие для поддержания контроля над торговлей наркотиками.

Употребление наркотиков и их распространение в местах содержания под стражей представляют собой сложные проблемы, на которые влияет широкий спектр факторов.

Одним из наиболее значимых факторов является доступность наркотиков в окружающем сообществе. Тюрьмы часто расположены в районах, где наркотики легко доступны, и это может облегчить заключенным получение наркотиков.

Другим важным фактором является сама тюремная культура. В некоторых случаях заключенные могут также прибегать к употреблению наркотиков как к способу справиться со стрессом и тревогой, связанными с пребыванием в заключении.

Тюрьмы часто переполнены, не укомплектованы персоналом и плохо оборудованы для удовлетворения сложных потребностей их заключенных. Это может создать среду, в которой употребление и распространение наркотиков становятся более распространенными и их труднее контролировать.

Действия тюремного персонала также могут способствовать употреблению и распространению наркотиков. Сотрудники могут быть вовлечены в незаконный оборот наркотиков или могут закрывать глаза на наркоторговлю в обмен на взятки или другие услуги.

Подводя итог, следует отметить, что для эффективной борьбы с употреблением и распространением наркотиков в местах лишения свободы необходим комплексный подход, включающий меры по сокращению доступности наркотиков, улучшению условий содержания в тюрьмах и содействию эффективному управлению персоналом и его обучению. Усилия по предотвращению распространения наркотиков в тюрьмах включали целый ряд стратегий, таких как усиление мер безопасности, использование собак для обнаружения наркотиков, сканеров тела и камер наблюдения. Кроме того, в некоторых тюрьмах реализованы программы по борьбе с наркоманией и обеспечению лечения заключенных, борющихся с употреблением наркотиков.

Однако эффективность этих мер была ограничена различными факторами, такими как ограниченность финансирования, нехватка персонала и сложность мониторинга употребления наркотиков и их распространения в тюремных условиях. Благодаря этим усилиям можно добиться прогресса в снижении вреда, связанного с наркотиками, и создании более безопасных мест содержания под стражей.

Пристатейный библиографический список

1. УООН URL. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/> (дата обращения: 22.03.2023).
2. ВОЗ URL. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.who.int/ru> (дата обращения: 22.03.2023).
3. EMCDDA URL. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.emcdda.europa.eu/> (дата обращения: 22.03.2023).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-4-179-259-260

ИВАНОВА Людмила Михайловна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия

Иванова Л. М.

УСЛОВНО-ДОСРОЧНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ: ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНУЮ ПРАКТИКУ

В статье представлен анализ изменений уголовного законодательства об условно-досрочном освобождении от наказания за период действия Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года. Обозначены основные направления изменений и дополнений, внесенных в ст. 79., и их влияние на правоприменительную практику. Сделан вывод о необходимости взвешенного, научно обоснованного подхода к законотворчеству в области уголовно-правового регулирования отношений, связанных с условно-досрочным освобождением от наказания.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение, освобождение от наказания, отбывание наказания, фактическое отбытие наказания, УДО, исчисление наказания.

IVANOVA Liudmila Mikhaylovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law sub-faculty of the East Siberian branch of the Russian State University of Justice

RELEASE FROM SERVING A SENTENCE ON PAROLE: TRENDS IN LEGAL REGULATION AND THEIR IMPACT ON LAW ENFORCEMENT PRACTICE

The article presents an analysis of changes in the criminal legislation for release from punishment on parole along the actuality period of the 1996 Criminal Code of the Russian Federation. Has been named the main points of changes and additions made to Art. 79 and their impact on law enforcement practice. The conclusion about the need for a balanced, science-based approach to lawmaking in the field of criminal law regulation of relations connected with release due to parole has been done.

Keywords: parole, release from punishment, serving a sentence, actual serving of a sentence, parole, calculation of punishment.

Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (далее – УДО) известно уголовному законодательству более 100 лет. На протяжении всей истории становления данного института формировались принципы, правила его реализации, складывалась правоприменительная практика.

В Уголовном кодексе Российской Федерации¹ (далее – УК РФ) условно-досрочное освобождение от отбывания наказания предусмотрено ст. 79, в отношении несовершеннолетних – ст. 93.

В ч. 1 ст. 79 УК РФ определен круг лиц, в отношении которых может применяться условно-досрочное освобождение от наказания:

1. лицо, отбывающее наказание в дисциплинарной воинской части;
2. лицо, отбывающее принудительные работы;
3. лицо, отбывающее лишение свободы.

В этой же норме указано два основания освобождения:

1. признание судом, что осужденный для исправления не нуждается в полном отбывании назначенного наказания;
2. возмещен вред (полностью или частично), причиненный преступлением, в размере, определенном решением суда. Причем, согласно п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания»² (далее – ППВС № 8), если в силу

объективных причин вред возмещен лишь в незначительном размере, то это не является основанием для отказа в условно-досрочном освобождении. Помимо этого, обязательным условием освобождения от наказания является отбытие осужденным конкретного срока в зависимости от тяжести и вида совершенного им деяния (ч. 3, ч. 4 ст. 79 УК).

Обращаясь к действующему с 1 января 1997 года Уголовному кодексу Российской Федерации, следует заметить, что норма ст. 79 УК РФ является весьма «подвижной» с точки зрения подверженности «законодательной хирургии».

За время действия УК РФ в ст. 79 изменения и дополнения вносились пятнадцатью федеральными законами. Новеллами в правовом регулировании УДО за 25-летний период стали:

- уменьшение минимальных сроков фактического отбытия наказания осужденным³;
- исключение исправительных работ, ограничения по военной службе, ограничения свободы из перечня наказаний, при отбывании которых может быть поставлен вопрос об условно-досрочном освобождении⁴;

1 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // СПС КонсультантПлюс.

2 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2009 № 8 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, за-

мены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» // СПС КонсультантПлюс.

3 Федеральный закон от 09.03.2001 № 25-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

4 Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

– повышение минимального срока фактического отбывания наказания за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней), за преступления террористической направленности и преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств⁵;

– расширение перечня условий, при которых лицо может быть освобождено условно-досрочно⁶;

– установление сокращенного срока фактического отбывания наказания, назначенного за преступление небольшой тяжести, для осужденных беременной женщины или женщины, имеющей ребенка в возрасте до трех лет, находящегося в доме ребенка исправительного учреждения⁷;

– правила исчисления наказания для осужденных, которым неотбытая часть наказания была заменена более мягким видом наказания⁸;

– некоторые другие изменения и дополнения⁹.

Несомненно, каждое из названных законодательных решений было обусловлено разными обстоятельствами и касалось, с одной стороны, усиления уголовной репрессии в отношении лиц, совершивших отдельные виды преступлений (против половой неприкосновенности несовершеннолетних, преступлений террористической направленности, организации преступного сообщества и незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов). С другой стороны, в основу изменений одновременно положена идея экономии репрессии лиц, подвергающихся уголовно-правовому воздействию.

Между тем в научной литературе отмечается [1], что практика условно-досрочного освобождения далека от единообразия и это является следствием излишней «скромности» законодательного регулирования института условно-до-

срочного освобождения, равно как и длительного отсутствия соответствующих разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, которые не разрешили всех правоприменительных коллизий. Относительно ППВС № 8 судья Д. В. Долгополов отмечает, что его положения в большей своей части касаются процедурных вопросов, возникающих при рассмотрении ходатайств осужденных, при этом оно не восполняет отсутствующих в законодательстве критериев признания осужденного нуждающимся в полном отбывании наказания [2, с. 20-21]. Также старший лейтенант внутренней службы К. И. Сэндуляк указывает на то, что «ст. 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ) не устанавливает, какое именно основание при решении вопроса об УДО будет иметь приоритетное значение» [3, с. 13]. Представляется, что подобного рода критика нормативно-правовых актов со стороны правоприменителей не является весьма существенной, поскольку при вынесении решения суд руководствуется не только «сухой буквой закона», но и своим внутренним убеждением, основанном на справедливости, понятиях совести и морали, всестороннем и беспристрастном изучении материалов дела.

Безусловно, за каждым изменением уголовно-правовых норм стоят попытки законодателя привести содержание правового регулирования в соответствие с существующим состоянием общественных отношений, минимизировать проблемы, сделать более логичной и последовательной правоприменительную практику.

Вместе с тем, как резонно замечает В. В. Хиллота, «методологическая рефлексия в уголовном праве ни в коем случае не должна замыкаться на уровне построения все новых и новых правовых норм – их перепроизводство направлено на оправдание исключительно правотворческой деятельности соответствующих органов власти» [4, с. 91].

С учетом многозадачности института условно-досрочного освобождения от наказания, его сложной социально-правовой природы, можно заключить, что эффективность правоприменительных актов об УДО во многом зависит от полноты, согласованности, научной обоснованности правовых норм, сформулированных законодателем. Только прогнозирование социально-экономических, криминологических последствий законотворчества способно обеспечить высокое качество нормативно-правового регулирования общественных отношений и достижение задач, решаемых государством посредством уголовного закона.

Пристатейный библиографический список

1. Арямов А. А., Долгополов Д. В. Институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в судебной практике // Российское правосудие. – 2009. – № 7 (39). – С. 54-59.
2. Долгополов Д. В. Практика применения судами условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Уголовное право. – 2010. – № 4. – С. 20-23.
3. Сэндуляк К. И. О взаимосвязи норм уголовно-процессуального, уголовного и уголовно-исполнительного права, регулирующих УДО // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2016. – № 7 (170). – С. 12-16.
4. Хиллота В. В. Перспективы развития методологии уголовного права в эпоху постмодерна // Журнал российского права. – 2017. – № 5. – С. 88-96.

5 Федеральный закон от 27.07.2009 № 215-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»; Федеральный закон от 03.11.2009 № 245-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Федеральный закон от 09.12.2010 № 352-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»; Федеральный закон от 29.02.2012 № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних»; Федеральный закон от 01.03.2012 № 18-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Федеральный закон от 02.11.2013 № 302-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Федеральный закон от 06.07.2016 № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // СПС КонсультантПлюс.

6 Федеральный закон от 28.12.2013 № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» // СПС КонсультантПлюс.

7 Федеральный закон от 31.07.2020 № 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

8 Федеральный закон от 28.06.2022 № 200-ФЗ «О внесении изменения в статью 79 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

9 Федеральный закон от 07.03.2011 № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»; Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Федеральный закон от 05.05.2014 № 104-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

СТУПИНА Светлана Александровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, г. Железнодорожск

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ХИЩЕНИЕ ИМУЩЕСТВА У НЕЗАКОННОГО ВЛАДЕЛЬЦА

В статье анализируются вопросы квалификации хищения похищенного. С учетом положений, разработанных в гражданском праве, исследованы правовое и фактическое содержание владения имуществом, определено наличие правовых оснований для титульного (законного) и беститульного (незаконного) владения. На основе этого, с учетом положений уголовного права, а также выработанной Конституционным Судом Российской Федерации позиции по составу хищения, сформулированы выводы о том, что для преступлений против собственности ранее похищенное имущество не может выступать предметом преступного посягательства. Хищение такого имущества следует конкретизировать в самостоятельном составе преступления.

Ключевые слова: преступление, хищение, владение, хищение похищенного, законный владелец, незаконный владелец.

STUPINA Svetlana Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor, Associate professor of Forensic science sub-faculty of the Siberian Fire and Rescue Academy of the EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

Ступина С. А.

ON THE ISSUE OF CRIMINAL LIABILITY FOR THEFT OF PROPERTY FROM AN ILLEGAL OWNER

The article analyzes the issues of qualification of theft of the stolen. Taking into account the provisions developed in civil law, the legal and actual content of property ownership is investigated, the existence of legal grounds for titular (legal) and non-titular (illegal) ownership is determined. Based on this, taking into account the provisions of criminal law, as well as the position developed by the Constitutional Court of the Russian Federation on the composition of theft, conclusions are formulated that for crimes against property, previously stolen property cannot be the subject of criminal encroachment. The theft of such property should be specified in an independent part of the crime.

Keywords: crime, theft, possession, theft of the stolen, legal owner, illegal owner.

Согласно законодательной регламентации понятия хищения, закрепленного в примечании 1 к ст. 158 УК РФ, в отношении которой Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что эта норма не содержит неопределенности в части признаков преступления (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 16 апреля 2009 года № 422-О-О, от 17 июня 2013 года № 1021-О, от 20 марта 2014 года № 588-О, от 23 декабря 2014 года № 2859-О, от 20 декабря 2016 года № 2774-О, от 27 сентября 2018 года № 2194-О и др., Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12.01.2023 № 2-П), следует, что ущерб при хищении причиняется собственнику или иному владельцу этого имущества.

Возникает вопрос о квалификации в случае посягательства на чужое имущество, которое находится у потерпевшего не на праве собственности, а на ином праве владения. Также важен и анализ ситуации посягательства на имущество у лица, не имеющего на него правовых оснований.

Так, виновный может похитить имущество, как принадлежащее виновному на праве собственности, так и принадлежащее в силу иных ограниченных субъективных вещных прав. Можно говорить и о хищении имущества, которое не принадлежит виновному ни на праве собственности, ни на ином праве законного владения имуществом.

В отношении последнего осветим лишь некоторые выработанные теорией и практикой положения, отметив при

этом, что на сегодняшний день так и нет единого мнения по этому вопросу.

Если, согласно примечанию 1 к ст. 158 УК РФ, лицо, у которого находится имущество независимо от законности такого владения считать «или иным владельцем имущества», то условно можно говорить и о составе хищения у такого лица этого имущества.

Потерпевшим по УПК РФ (ст. 42) признается физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации.

Соответственно, при совершении хищения важно зафиксировать в первую очередь, что лицу причинен имущественный вред.

Поскольку установление преступности и наказуемости нарушений прав владения и привлечение за это к ответственности конкретных лиц с учетом частноправовой природы отношений собственности и публичного характера уголовной ответственности возможно только с использованием межотраслевых средств, то при исследовании вопроса о причинении ущерба лицу, которое являясь владельцем имущества, не имеет при этом правомочий собственника на это имущество, следует рассмотреть общетеоретические и цивилистические воззрения на природу владения, согласно которым в реальности имеет место существование как мира юридического, так и фактического. В рамках последнего обладание

предметами может быть не связано с наличием какого-либо субъективного права у лица.

Объективированное вонне фактическое отношение по своей сути первично и не может зависеть или обуславливаться законодательной конструкцией, поскольку закон – это урегулированное нормами права общественное отношение [1, с. 92].

Общепризнанным в настоящее время является понимание владения как фактического обладания вещью лицом, у которого есть намерение владеть ею. В этом случае владение, как указывается в научной литературе, образуется из двух едино взаимосвязанных элементов: *corpus* и *animus* владения. Первый элемент представляет собой физическую связь лица и вещи, которая как раз и проявляется в обладании вещью, а второй элемент, по сути, выражает намерение лица владеть вещью [2, с. 10].

По мнению Д. И. Мейера, юридическое владение – это сложение двух элементов: материального (или внешнего) и духовного (или внутреннего). При этом автор первую составляющую определяет через материальную связь лица и вещи, в дальнейшем уточняя, что внешний элемент должен пониматься не как постоянная материальная связь владельца с вещью, а как постоянная возможность такой материальной связи. Второй элемент связывается с осознанием своего господства над вещью. Заметим, что Д. И. Мейер, считал, что такое осознание всегда должно выражаться в объективном мире посредством конкретных действий владельца [3, с. 293-294].

Солидарны с утверждением Д. А. Мальбиным о том, что «гражданско-правовая наука до настоящего времени не смогла ответить на вопрос о том, является владение правом или фактом. Действительная сущность владения и его природа остаются, пожалуй, наиболее актуальными вопросами в теории владения до настоящего времени» [4, с. 57-58].

Контент анализ современных трудов в области цивилистики по исследуемому вопросу свидетельствует, что большинство авторов все же склонны признавать фактическую природу владения [5], [6]. Например, К. И. Скловский аргументирует свою точку зрения следующим образом: «Владение как субъективное право (т. е. возможность, мера определенного поведения) не существует, потому что владение – это не возможность, а реальность, само поведение (действие). Владение осуществляется, для этого нужны физические усилия (охрана и т. п.), расходы» [7, с. 50].

Наиболее объемным и содержательным видится определение владения, приведенное Н. А. Бадаевой, согласно которому «владение, когда оно не основано на каком-либо субъективном праве, следует определять в качестве реального обладания или господства лица над индивидуально-определенной вещью с намерением обладать этой вещью в своих или чужих интересах» [8, с. 104].

В этой связи в продолжении рассуждения обоснованно суждение Д. А. Мальбина о том, что «владение следует определять в качестве общественного отношения, возникающего в результате физического обладания лицом вещью, соединенного с намерением использовать вещь по хозяйственному назначению и извлекать из нее полезные свойства» [4, с. 62].

Соответственно в рамках института владения следует четко дифференцировать понятия владения в качестве правомочия, как составляющего элемента вещного права, и владения-факта. Именно при таком подходе можно отчасти разрешить некоторые спорные моменты как в рамках объек-

та преступлений против собственности, так и вопросы целесообразности защиты прав любого владельца.

Заметим, что в гражданском праве выделяют владельца и держателя вещи (детентора), который по своей правовой природе отличен от первого. В целом, детенция (*detentio*) как явление в правовом поле определяет фактическую ситуацию индивидуальной принадлежности вещи, которая рассматривается независимо от ее официального признания и защиты [9, с. 326]. Такие правоотношения имеют место при обладании вещью для другого субъекта (к примеру, по договору хранения).

Основным критерием разграничения владения и держания выступает характер субъективной воли. Так, владелец осуществляет владения для себя, а держатель обладает вещью для владельца.

Соответственно при преломлении такого подхода к анализу похищенного как возможного предмета нового хищения следует отметить, что похититель вещи не является держателем вещи, он лишь фактически обладает вещью без каких-либо юридических правомочий.

Актуально в контексте исследуемого то, что в цивилистике всякие виды владения подразделяются на титульное (законное) и беститульное (незаконное) владение.

Заметим, что деление владения на законное и незаконное практически присуще для всех современных правопорядков.

Именно деление владения на законное и незаконное имеет важное практическое значение, в том плане, что в зависимости от констатации наличия или отсутствия титула владения можно и рассматривать возможность хищения имущества у лица, которое владеет им без законных к тому оснований.

Кроме этого, можно отчасти и разрешить спор о хищении похищенного.

В целом, как уже нами было отмечено, незаконное владение следует рассматривать как ситуацию обладания вещью без надлежащего правового основания.

В качестве завершающего постулата приведем мнение, которое нам импонирует и по нашему мнению разрешает рассматриваемую дискуссию.

«При существовании незаконного владения мы сталкиваемся с некоторой противоречивостью, которая проявляется в случае признания владения правом. Ведь если признать, что владение является правом, то необходимо констатировать, что в случае незаконного владения мы имеем дело с конструкцией незаконного права (владение – право, незаконное владение – незаконное право). Очевидно, что субъективное право не может быть незаконным» [4, с. 70].

Соответственно, если владение является результатом фактической власти лица над вещью и при этом не имеет надлежащего правового основания, то обоснованно говорить о неправомерных действиях, которые не могут повлечь за собой такие правомерные юридические последствия, как возникновение субъективного права.

В противном случае следовало бы признавать, что неправомерные действия (в нашем случае преступные) могут создать на стороне лица субъективное гражданское право, а на стороне третьих лиц повлечь обязанность по воздержанию от нарушения права владения.

Но разве гражданское право призвано регулировать, а уголовное право охранять отношения, которые проявляются в том, что лицо неправомерными действиями достигает владения и в результате этого приобретает субъективное

гражданское право. Такие действия могут создавать лишь обязанности на стороне субъекта (к примеру, обязанности по возмещению причиненного ущерба в рамках гражданско-правовых отношений).

Существование незаконного владения свидетельствует в пользу фактической природы владения. Конечно же, если исследовать владение в качестве факта, то существенных противоречий не возникает. Лицо, захватившее вещь без правового титула, не приобретает прав на нее и не создает этим своим действием правоотношения, а находится лишь в фактической связи с вещью.

Соответственно исходя из традиционного понимания объекта через общественные отношения в таком случае нельзя говорить об объекте, охраняемом средствами уголовного законодательства путем предусмотрения составов преступлений в главе 21 УК РФ.

Вместе с тем, в целях исключения полемики, как на теоретическом, так и практическом уровнях, полагаем обоснованным в примечании 1 к ст. 158 УК РФ, указать на причинение ущерба иному законному владельцу этого имущества.

Отметим, что, к примеру, в определении Конституционного Суда РФ от 18.07.2019 № 1878-О подчеркнуто, что ущерб в результате хищения причиняется собственнику или иному законному владельцу этого имущества.

Аналогично указал Конституционный Суд РФ и в Постановлении от 11 декабря 2014 года № 32-П.

Также необходимость уголовно-правовых мер защиты при недостаточности гражданско-правовых мер в случае крайней формы злоупотребления полномочиями законного владения обосновывается в Постановлении Конституционного Суда РФ от 12.01.2023 № 2-П.

Кроме этого, в свете рассмотренного заслуживает внимания конструктивное предложение В. В. Хилюты о необходимости новой уголовно-правовой нормы, которая охватывала бы действия лиц, посягающих на преступно добытое имущество [10, с. 50-54].

При этом автором выдвигается в качестве возможного установление состава нарушения законного порядка приобретения права собственности или законного владения имуществом, не связанного с хищением чужого имущества, но совершенного его способами.

Ранее предложение о введении аналогичного состава преступления было сформулировано Н. А. Лопашенко [11, с. 52].

Нельзя не отметить, что вышеизложенные предложения обоснованы и вполне способны восполнить существующий, по нашему мнению, в рассматриваемой сфере уголовной ответственности законодательный пробел.

Введение такой нормы будет способствовать укреплению правопорядка, поскольку исключит правовую вариацию исключения уголовной ответственности, к примеру, для лиц, которые могут сослаться на то, что находящееся у них чужое имущество, тот же сотовый телефон, был либо изъят у лица, которое похитило этот телефон, либо был найден.

В отношении ограничения присвоения находки и кражи телефона Конституционный Суд РФ дал однозначные разъяснения в своем от 12.01.2023 № 2-П. Однако, как уже отмечалось, Конституционный Суд РФ акцентировал в том числе внимание на защите прав законного владельца.

Если же лицо, у которого находится потерянный чужой сотовый телефон, укажет, что наблюдало его потерю заведомо незаконным владельцем и при этом будут отсутствовать иные доказательства изъятия, то невозможно говорить об

уголовной ответственности. В таком случае возможны только меры гражданско-правового воздействия.

Таким образом, с учетом конкретно-исторических условий, обоснованно конкретизировать составы преступлений, предметом которых выступают ранее похищенные вещи.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2-х т. Т. 1. – М.: Юрид. лит., 1981. – 359 с.
2. Догма римского права: Лекции проф. В. В. Ефимова. [1-2]. – Санкт-Петербург, 1893-1894. – 2 т.; Особенная часть. – 1894. – 380, XII с.
3. Русское гражданское право: Чтения Д. И. Мейера, изд. по зап. слушателей под ред. А. Вицина. – 3-е изд., испр. – Санкт-Петербург, 1864. – [4], VI, [2]. – 790 с.
4. Мальбин Д. А. Владельческая защита (посессорная) в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2014. – 221 с.
5. Иванов С. А. Категория владения в гражданском праве: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2011. – 26 с.
6. Синецын С. А. Защита владения и вещных прав в гражданском праве России и Германии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – 30 с.
7. Скловский К. И. Владение в гражданском кодексе // Закон. – 2009. – № 5. – С. 49-54.
8. Бадаева Н. В. Владельческая защита в гражданском праве России // Закон. – 2011. – № 1. – С. 103-113.
9. Дождев Д. В. Римское частное право: Учеб. для вузов / Под ред. В. С. Нерсесянца. – Москва: Изд. группа «ИНФРА-М»: Норма, 1996. – 685 с.
10. Хилюта В. В. «Хищение похищенного» или проблема правовой защиты преступного владения // Законодательство и экономика, 2009. – № 1. – С. 50-54
11. Лопашенко Н. А. Преступления против собственности: теорет.-прикл. исслед. – Москва, 2005. – 405 с.

СУЛЕЙМАНОВ Таят Алиевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

НОВИКОВА Людмила Владиславовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

ХАРАКТЕРИСТИКА СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО УК РФ, СОВЕРШАЕМЫХ МЕДИЦИНСКИМ ПЕРСОНАЛОМ

Увеличение количества преступлений, совершаемых медицинским персоналом при выполнении своих профессиональных обязанностей, представляет актуальность, что, в свою очередь, предполагает совершенствование уголовного законодательства в данном направлении. Одной из особенностей криминалистической характеристики преступлений, совершаемых медицинским персоналом, заключается в их профессиональной корпоративности против органов расследования, что влечет утрату или фальсификацию доказательств уже на стадии решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Итоги судебно-медицинской экспертизы являются определяющим при решении вопроса о привлечении медработника к уголовной ответственности.

Ключевые слова: состав преступления, квалификация преступления, медицинский персонал, ятрогенные преступления, охрана жизни и здоровья пациента.

SULEYMANOV Talyat Alievich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

NOVIKOVA Lyudmila Vladislavovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminology sub-faculty of the Ryazan branch of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia Federation

CHARACTERISTICS OF THE COMPOSITION OF CRIMES UNDER THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION, COMMITTED BY MEDICAL PERSONNEL

The increase in the number of crimes committed by medical personnel in the performance of their professional duties is relevant, which, in turn, implies the improvement of criminal legislation in this direction. The peculiarity of the investigation of criminal cases on crimes committed by medical personnel lies in their professional corporatism, which entails the loss or falsification of evidence already at the stage of initiation of a criminal case. The results of the forensic medical examination are decisive in deciding whether to bring a medical worker to criminal responsibility.

Keywords: corpus delicti, qualification of the crime, medical personnel, iatrogenic crimes, criminal law protection of the patient's life and health.

В действующем УК РФ предусмотрено восемь составов преступлений, где в качестве специального субъекта преступления указывается медперсонал: причинение смерти по неосторожности (ч. 2 ст. 109 УК РФ), причинение тяжкого вреда здоровью (ч. 2 ст. 118 УК РФ), заражение ВИЧ-инфекцией по неосторожности (ч. 4 ст. 122 УК РФ), незаконное производство аборта (ч. 1 ст. 123 УК РФ) неоказание помощи больному (ч. 2 ст. 124 УК РФ), незаконная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (ст. 128 УК РФ), подмена ребенка (ст. 153 УК РФ), халатность (ст. 238 УК РФ).

Вместе с тем УК РФ предусматривает смежные составы преступлений против жизни и здоровья, которые могут быть совершены как медицинскими работниками, так и общим субъектом преступления. Таковым может быть умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в целях использования органов и тканей потерпевшего (п. «ж» ч. 2 ст. 111 УК РФ), принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации [1, с. 13]. Профессиональные преступления медицинских работников могут совершаться с любой формой вины: умышленно либо по неосторожности.

Субъектом преступления по ятрогенным преступлениям может быть только медперсонал, медицинское учреждение может нести солидарную ответственность за дефект лечения в гражданско-правовом порядке. В результате дефекта лечения или ненадлежащего оказания медицинских услуг должен быть причинен вред правоохраняемым интересам пациента (жизнь, здоровье). Медицинский работник не подлежит уголовной ответственности при наличии в его действиях обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Причинение вреда жизни или здоровью человека в результате оказания медицинских услуг возможно в силу допущенной врачебной ошибки, умышленных действий медперсонала либо несчастного случая. В настоящее время среди исследователей продолжается дискуссия о возможности привлечения медперсонала к уголовной ответствен-

ности за допущенную профессиональную ошибку [2, с. 141], [8]. Обсуждаются два противоположных подхода: одни высказывают точку зрения, что за допущенную профессиональную ошибку врач, медсестра подлежат ответственности, другие – придерживаются позиции, что угроза уголовной ответственности врача за профошибку приведет к тому, что в экстренных, сложных ситуациях врач перестанет принимать все возможные меры для спасения пациента, ограничиваясь только общими процедурами, мероприятиями.

Общественно-опасные деяния медперсонала совершаются с различной формой вины. Объективная сторона выражается в ненадлежащем оказании медицинских услуг. Возбуждение уголовного дела по ятрогенным преступлениям зависит от заключения судебно-медицинской экспертизы. Причина описываемых явлений заключается в том, что уголовный закон не полно регулирует общественные отношения в сфере оказания медицинских услуг.

Составы преступлений ст. ст.109, 118, 122, 123, 124, 128, 153 УК РФ не охватывают всех возможных деяний, в результате которого возможно не выполнение или функциональных обязанностей медперсоналом [3, с. 27]. Основная часть составов преступлений, по которым медперсонал признается специальным субъектом преступления, закреплена в главе УК РФ «Преступления против жизни и здоровья».

Оценка деяний медицинских работников возможна и по другим составам преступлений, например, по статье 293 УК РФ – халатность, то есть неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе либо обязанностям по должности. Действия медперсонала как халатность охватываются в том случае, если вред здоровью больного причиняется не в результате неправильного лечения, а в результате не должной организации лечебного процесса в медицинском учреждении. Например, заведующий приемным отделением больницы отказал пациенту в госпитализации ссылаясь на отсутствие свободных

мест. В этой ситуации действия заведующего, как должностного лица медицинского учреждения, подлежат квалификации как халатность. Отсюда можно сделать заключение, что медработник может быть субъектом профессионального или должностного преступления. Для правильности разграничения необходимо различать, что было сделано ненадлежащим образом, если это профессиональные обязанности, то совершенно профессиональное преступление, если нарушены должностные обязанности в ходе служебной деятельности, то содеянное подлежит квалификации по ст. 293 УК РФ. Субъект преступления по ст. 293 УК РФ — должностное лицо медицинской организации.

Исполнителем преступления в соучастии всегда должен быть медработник, остальные виды соучастников могут обладать признаками общего субъекта преступления. Вместе с тем в УК РФ нет составов преступлений, где прямо предусматривался бы медицинский работник в качестве субъекта преступления. Обязанность медработника предоставлять медицинские услуги ограничено временным промежутком выполнения трудовых отношений. Сказанное означает, что за пределами рабочего времени врач и медсестра вправе не оказывать медицинскую помощь физическим лицам.

Для правильной квалификации ятрогенных преступлений необходимо задокументировать следующие фактические данные, которые относятся к элементам состава преступления: вред причиняется жизни или здоровью пациента, вред причиняется в ходе выполнения профессиональных обязанностей медработника. Деяние выражается в ненадлежащем выполнении своих профессиональных обязанностей. Наступления указанных последствий означает момент окончания преступления. Причинно-следственная связь между совершенным деянием врача (медсестры) и наступившими последствиями в виде смерти или причинения тяжкого вреда здоровью должна быть подтверждена заключением судебно-медицинской экспертизы. Субъективная сторона совершенного деяния характеризуется неосторожной формой вины. Из-за наличия неосторожной формы вины исключается возможность соучастия по данным составам преступлений. Субъект преступления специальный — медицинский работник. Если медицинский работник причинит вред пациенту умышленно, то содеянное будет квалифицироваться не как ятрогенное преступление, а как преступление против жизни и здоровья, например, по ст. 105 или 111 УК РФ. Неоказание медицинской помощи больному также предполагает неосторожную форму вины медперсонала. Например, врач предоставляет пациенту неполную информацию о состоянии его здоровья, предлагает больному отказаться от госпитализации, если в результате (по причине подобных действий врача) пациенту будет по неосторожности причинен тяжкий вред здоровью или наступит его смерть, то действия врача подлежат квалификации по ст. 124 УК РФ.

Большинство ятрогенных преступлений по своей конструкции относятся к материальным составам, поэтому для правильной квалификации деяния требуется не только не оказывать медицинские услуги, необходимо также, чтобы в результате неосторожных действий медперсонала наступили указанные в законе последствия. Медицинский персонал выступает специальным субъектом преступления только в случае выполнения своих обязанностей по оказанию медицинской помощи пациенту возможно только в форме бездействия [4, с. 98].

Уголовная ответственность медработника исключается в следующих случаях: медработник выполнил все необходимые мероприятия для лечения пациента, но тяжкие последствия в виде причинения смерти или тяжкого вреда здоровью наступили по другим причинам, медицинский работник действовал в состоянии крайней необходимости или обособленного риска, медработник не предвидел и не должен был предвидеть наступления тяжких последствий, наличие непреодолимой силы.

Интересный момент связан с решением вопроса о том, может ли медперсонал быть субъектом преступления по ст. 238 УК РФ (оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей). В ФЗ № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [5]. (п. 4 ст. 10 «Доступность и качество медицинской помощи», а также ст. 37 «Порядки оказания медицинской помощи и стандарты медицинской помощи») закреплено, что медицинская помощь организуется и оказывается в соответствии с порядком оказания медицинской помощи, обязательными для исполнения на территории Российской

Федерации всеми медорганизациями, а также на основе стандартов медицинской помощи, за исключением медицинской помощи, оказываемой в рамках клинической апробации. Речь идет о том, что законодатель разграничивает понятия медпомощь и предоставление услуг. Если пациенту оказывается медпомощь, то медперсонал не может быть субъектом преступления по признаку халатности, так как в этом случае услуги не оказываются. Для привлечения медперсонала за халатность требуется, чтобы им оказывалась платная медицинская услуга, а не медицинская помощь [6].

Для предупреждения уголовной ответственности врачей, согласно упомянутого ФЗ № 323, в случае возникновения спорной ситуации между медперсоналом и пациентом, создается врачебная комиссия для оценки действий медперсонала. Врачебная комиссия полнолично принимает решения по вопросам оказания медицинских услуг пациенту. Решение врачебной комиссии закрепляется в протоколе и вносится в медицинскую карту больного. В протоколе закрепляется обоснование решения о способе лечения, принятого лечащим врачом [7, с. 81].

В медицинской практике имеют место варианты, когда медорганизация отправляет медкарту и иные документы по оказанию услуг пациенту независимому эксперту для получения заключения о качестве предоставленных медицинских услуг. Такой вариант поведения практикуется для формирования доказательств в пользу медорганизации и непосредственного медработника, если в самой медорганизации нет специалистов для разрешения спорных или непонятных вопросов. Медицинская организация вправе передавать документы о лечении пациента в экспертную организацию для производства экспертизы без согласия пациента. Если в результате оказания медицинской помощи наступила смерть пациента и родственники покойного написали жалобу по поводу некачественного оказания медпомощи, то в этой ситуации труп направляется в экспертное учреждение для проведения судебно-медицинской экспертизы. Медицинская организация вправе запросит у эксперта клинико-анатомический эпикриз, где указывается диагноз болезни пациента и причина смерти. Если по заключению судебно-медицинской экспертизы будет установлено, что смерть пациента наступила в результате дефекта оказания медицинской помощи, то следователь возбуждает уголовное дело

Вывод: медицинские работники выступают субъектом преступления, если в результате их неосторожных действий причинен тяжкий вред здоровью или наступила смерть пациента. Медицинский персонал выступает специальным субъектом преступления только в случае выполнения своих обязанностей по оказанию медицинской помощи.

Пристатейный библиографический список

1. Татаркин В. В. Преступления медицинских работников против жизни и здоровья. Автореф. ... к.ю.н. - Ростов-на-Дону, 2007. - С. 13.
2. Талан М. В. Медицинская деятельность как объект уголовно-правовой охраны // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. - 2019. - № 161 (1). - С. 141-150;
3. Галюкова М. И. Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ст. 118 УК РФ) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. - 2010. Серия: Право. - № 25 (201). - С. 27-31.
4. Хромова Н. М. Уголовная ответственность в сфере медицинской деятельности: правовая практика и тенденции законодательства // Журнал российского права. - 2019. - № 6. - С. 98.
5. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ.
6. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17.
7. Быкова Е. Г., Яшков С. А. О возможности правовой оценки некачественного оказания медицинских услуг, повлекшего смерть пациента, по ст. 238 УК РФ // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. - 2018. - № 6. - С. 81.
8. Мишина В. «Врачу нельзя связывать руки страхом» // Коммерсантъ. 2018. 30 января. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3534057>, свободный доступ.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-4-179-266-267

ТЕРСЕНОВ Манолис Афанасьевич

прокурор второго отдела управления по надзору за исполнением уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью Прокуратуры Тюменской области, юрист 1 класса, аспирант Тюменского государственного университета

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ ДЕЯНИЯ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ С БАНКОВСКОГО СЧЕТА (П. «Г» Ч. 3 СТ. 158 УК РФ)

В представленной статье анализируются проблемы применения малозначительности при квалификации хищения денежных средств с банковского счета. Совершение кражи с банковского счета выступает квалифицированным составом указанного преступления, в связи с чем действующее уголовное законодательство закрепляет более существенный объем правовых последствий для лиц, допустивших подобное противоправное поведение. Однако следственная и судебная практика демонстрирует большое количество хищений средств с банковского счета, которые обладают сравнительно небольшой степенью общественной опасности. На основе проведенного исследования сформулированы авторские предложения по совершенствованию ст. 158 УК РФ в целях обеспечения справедливого наказания за хищения денежных средств с банковского счета.

Ключевые слова: кража; хищение денежных средств; кража, совершенная с банковского счета; малозначительность.

TERSENOV Manolis Afanasievich

Prosecutor of the second department of the Department for Supervision of the execution of criminal Procedure and operational investigative activities of the Prosecutor's Office of the Tyumen Region, 1st class lawyer, postgraduate student of Tyumen State University

SOME REFLECTIONS ON THE INSIGNIFICANCE OF THE ACT IN THE QUALIFICATION OF EMBEZZLEMENT OF FUNDS FROM A BANK ACCOUNT (ITEM "D" PART 3 OF ARTICLE 158 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

The article analyzes the problems of using insignificance in the qualification of embezzlement of funds from a bank account. The commission of theft from a bank account is a qualified part of the specified crime, in connection with which the current criminal legislation establishes a more substantial scope of legal consequences for persons who have committed such illegal behavior. However, investigative and judicial practice demonstrates a large number of embezzlement of funds from a bank account, which have a relatively small degree of public danger. Based on the conducted research, the author formulated proposals for improving Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation in order to ensure fair punishment for embezzlement of funds from a bank account.

Keywords: theft; embezzlement of funds; theft committed from a bank account; insignificance.

Кража в настоящее время является одним из наиболее распространенных преступных деяний в Российской Федерации. Динамика развития различных сфер жизнедеятельности современного человека объективно обуславливает изменения преступной практики, в связи с чем в условиях повсеместной информатизации и цифровизации актуальным становится использование информационных технологий для хищения чужого имущества. Распространенность банковских карт и операций, совершаемых с их использованием, а также интенсивное развитие интернет-банкинга, значительно упростившего доступ к счетам индивидов, способствует совершению большого количества краж с банковского счета. Так, согласно статистическим данным в 2022 году в Российской Федерации зарегистрировано более 110 тыс. преступлений, квалифицированных по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ (2021 г. – 150 тыс.), уголовные дела о более чем 42 тыс. предварительно расследовано, в том числе 41 тыс. дел направлены в суды с обвинительным заключением. Особое внимание следует обратить на тот факт, что 3,5 тыс. дел, направленных в суд, возбуждены против несовершеннолетних лиц, совершивших кражу с банковского счета. Несмотря на то, что количество вышеуказанных преступлений за последние годы сокращается, оно по-прежнему достаточно велико, что подчеркивает актуальность исследования вопросов, связанных с особенностями квалификации хищения денежных средств с банковских счетов.

Важно отметить, что уголовная ответственность за кражу, совершенную с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ, регламентирующей ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа), была закреплена в качестве квалифицирующего признака в 2018 году в целях повышения уголовно-правовой защиты граждан и организаций путем усиления уголовной ответственности за вышеуказанные преступные деяния. В процессе внесения вышеуказанных изменений российским законодателем совершенно справедливо акцентировалось внимание на высокой степени общественной опасности указанных противоправных деяний по причине их совершения лицами со специальными техническими знаниями и навыками, а также использования ими удаленного доступа к банковскому счету через сеть Интернет, что позволяет преступникам не только оставаться анонимными, но и совершать деяния из любой точки мира¹.

¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части усиления уголовной ответственности за хищение денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств)». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/download/618830A8-46E4-4D70-BF05-CFE1E0D80C25> (дата обращения: 20.03.2023).

Терсенов М. А.

На основе анализа следственной и судебной практики по заявленной проблематике видится необходимым выделить следующие наиболее распространенные разновидности преступных деяний, квалифицируемых по п. «Г» ч. 3 ст. 158 УК РФ:

преступления, совершенные лицами, которые нашли банковскую карту (к примеру, на улице), либо осуществили доступ в личный кабинет другого индивида (зачастую близкого или знакомого лица) посредством интернет-банкинга.

преступления, совершаемые лицами на системной основе (так называемые колл-центры и др.), степень общественной опасности которых намного выше, чем у деяний, указанных выше.

Несмотря на то, что общественная опасность указанных деяний существенно отличается, в судебной и следственной практике достаточно часто они квалифицируются одинаково. Рассмотрим конкретные примеры уголовных дел.

01.02.23 г. с 13.07 до 15.30 неизвестный, позвонив на сотовый телефон с аб. № 8-9004651394 (Сим Телеком, г. Москва), 8-9025845966 (Теле-2, Свердловская обл.), 8-9775729608 (Теле-2, г. Москва), представившись сотрудником полиции, под предлогом предотвращения несанкционированного снятия денежных средств, завладев реквизитами банковской карты, с банковского счета АО «Хоум Кредит Банк» похитил 895 688 руб. у гражданина К. 1986 г.р. В данном примере речь идет об организованной преступной деятельности, представляющей существенную степень общественной опасности.

В то же время необходимо рассмотреть иной пример. С 15.30 01.02.23г. до 15.00 02.02.23г. неизвестный, воспользовавшись утерянной банковской картой, с банковского счета АО «Тинькофф» похитил 3884 руб. у неработающей Ш. 1982 г.р., оплатив покупки в различных магазинах. Отметим, что в данном случае речь не идет о какой-то существенной подготовке преступного деяния, а его совершение напрямую связано со сложившимися обстоятельствами. Степень общественной опасности совершенного деяния кардинальным образом отличается от примера, рассмотренного ранее, однако оба данных деяния были квалифицированы по п. «Г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Вышеназванные примеры наглядно демонстрируют актуальность применения малозначительности при квалификации хищения денежных средств с банковского счета в случае причинения ущерба, который не будет считаться общественно опасным в достаточной степени, чтобы образовывать состав уголовно-наказуемого деяния. Несмотря на то, что применение малозначительности достаточно активно используется в уголовно-правовой практике, в отношении анализируемой разновидности краж возникает множество вопросов, в том числе в связи с современным состоянием уголовно-правовой нормы, регламентирующей ответственность за хищение денежных средств с банковского счета [1, с. 205].

Важно отметить, что преступление, предусмотренное п. «Г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, в соответствии со ст. 15 УК РФ является тяжким, а значит, уголовное дело не подлежит прекращению в связи с примирением сторон (ст. 76 УК РФ, ст. 35 УПК РФ), в связи с применением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 76.1 УК РФ, ст. 25.1 УПК РФ). Уголовная ответственность за квалифицированное хищение наступает независимо от стоимости похищенного.

Кроме того, лица, достигшие к моменту совершения преступления 14-летнего возраста, подлежат уголовной ответственности за кражу по п. «Г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. В данном контексте видится необходимым отметить особую актуальность распространения преступного поведения в части использования найденных банковских карт детьми и подростками для оплаты товаров в магазине на сумму до 1 тыс. рублей, что не требует введения пин-кода. Общественная опасность указанных деяний, безусловно, существует, однако в большинстве своем несовершеннолетние лица в подобном случае не в полной мере осознают уголовно-наказуемый характер своих действий.

Главной проблемой заявленной проблематики выступает отсутствие в Российской Федерации практики применения ч. 2 ст. 14 УК РФ о малозначительности деяния в ходе предварительного следствия в отношении разбирательства о хищении денежных средств с банковского счета, что значительно увеличивает нагрузку на следственные и судебные

органы. По сути, проводится существенный объем функционирования компетентных органов, а основанием для этого выступает хищение в размере до 1 тыс. руб. В данном контексте в целях упрощения следственной и судебной деятельности видится целесообразным дополнить ч. 1 ст. 158 УК РФ деянием в виде хищения безналичных денежных средств с похищенной банковской карты, что будет являться преступлением небольшой тяжести и позволит сторонам исползовать возможности примирения. Кроме того, для устранения существующих проблем квалификации анализируемых деяний представляется весьма перспективным в целях обеспечения единообразия изложения уголовно-правовых норм дополнить ст. 158 УК РФ примечанием, конкретизировав сумму похищенного по п. «Г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

В Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 16.07.2013 № 1162-0 совершенно оправданно акцентируется внимание на справедливости мер уголовно-правового характера, применяемых к лицам, совершившим преступления, что выражается в необходимости учета их соответствия характеру и степени общественной опасности деяния, а также обстоятельствам его совершения и личности виновного (ч. 1 ст. 6 УК РФ). В качестве таких обстоятельств могут учитываться размер вреда и тяжесть наступивших последствий, степень осуществления преступного намерения, способ совершения преступления, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, наличие в содеянном обстоятельстве, влекущих более строгое наказание в соответствии с санкциями статей Особенной части УК РФ².

К настоящему моменту в рамках заявленной проблематики постепенно начинает формироваться судебная практика прекращения уголовных дел в связи с отсутствием в деянии состава преступления. Так, в Кассационном определении Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 17.11.2022 № 77-2958/2022 отмечается, что ч. 2 ст. 14 УК РФ не исключает возможность признания малозначительным деяния при наличии квалифицирующего признака кражи³.

Важное практическое значение для развития следственной и судебной практики имеют разъяснения, формулируемые высшими судебными органами Российской Федерации. Несмотря на то, что Пленум Верховного Суда РФ разъяснял отдельные аспекты по делам о краже, грабеже и разбое, вопросы применения малозначительности в нем детально не освещаются, хотя отмечается такая возможность⁴.

Таким образом, на основе проведенного анализа следует сделать вывод о наличии проблем, связанных с применением малозначительности деяния при квалификации хищения денежных средств с банковского счета, что обусловлено несовершенством действующей уголовно-правовой нормы, а также отсутствием конкретизации указанного аспекта в разъяснениях высших судебных органов Российской Федерации, что значительно усложняет современную следственную и судебную практику. Сформулированные в представленной статье изменения уголовно-правового законодательства позволят разграничивать уголовную ответственность за хищение денежных средств с банковского счета с учетом степени общественной опасности конкретных преступных деяний.

Пристатейный библиографический список

1. Осса Е. Г. Применение малозначительности к краже денежных средств с банковского счета // Право и правопорядок в фокусе научных исследований: сборник научных трудов. Выпуск 3. - Хабаровск, 2022. - С. 203-207.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2013 № 1162-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Филимонова Дмитрия Ивановича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации». Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 17.11.2022 № 77-2958/2022. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (ред. от 15.12.2022) // Российская газета. - 2003. - № 9.

ФЕДОРОВ Александр Федорович

кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России

ШТАБ Оксана Николаевна

кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ УГРОЗЫ УБИЙСТВОМ ИЛИ ПРИЧИНЕНИЕМ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ

В статье затрагиваются дискуссионные вопросы квалификации угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Судебная практика рассмотрения уголовных дел по ст. 119 УК РФ не характеризуется единообразием. Есть случаи привлечения к ответственности по совокупности ст. 119 со ст. ст. 112 и 115 УК РФ, даже когда причинение вреда здоровью следует непосредственно за угрозой и направлено на одного потерпевшего. Авторы указывают, что такая квалификация возможна лишь в случае, когда данные действия были совершены в отношении разных потерпевших. На основании изученной практики авторы приходят к мнению, что суды квалифицируют деяния по ст. 119 УК РФ, указывая на то, что именно потерпевший должен реально воспринимать эту угрозу. По мнению авторов, доказывать то, что потерпевший реально воспринял эту угрозу это второй момент, в первую очередь нужно доказать, что сам виновный намеренно высказал данную угрозу с целью вызвать страх у потерпевшего. Если наступает реальный вред здоровью, то речь должна в этом случае идти о других статьях главы 16 УК РФ.

Ключевые слова: угроза убийством, вред здоровью, реальность угрозы, квалификация преступлений, уголовная ответственность.

FEDOROV Alexander Fedorovich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, professor of Criminal law and criminology sub-faculty of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

SHTAB Oxana Nikolaevna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, Head of Criminal law, criminal process and criminalistics sub-faculty of the Altai branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

QUESTIONS OF QUALIFICATION OF THREAT TO KILL OR CAUSE SERIOUS HARM TO HEALTH

The article deals with the controversial issues of qualification of a threat to kill or cause serious harm to health. Judicial practice of consideration of criminal cases under Art. 119 of the Criminal Code of the Russian Federation is not characterized by uniformity. There are cases of bringing to responsibility pursuant to Art. 119 with Art. 112 and 115 of the Criminal Code of the Russian Federation, even when the infliction of harm to health follows directly from the threat and is directed at one victim. The authors point out that such a qualification is possible only if these actions were committed against different victims. On the basis of the studied practice, the authors come to the opinion that the courts qualify actions under Art. 119 of the Criminal Code of the Russian Federation, indicating that it is the victim who must actually perceive this threat. According to the authors, proving that the victim really perceived this threat is the second step, first of all, it is necessary to prove that the perpetrator intentionally uttered this threat in order to cause fear in the victim. If real harm to health occurs, then in this case we should talk about other articles of Chapter 16 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: threat of murder, harm to health, reality of threats, qualification of crimes, criminal liability.

Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью вот уже на протяжении многих лет является самым распространенным преступлением против здоровья [4, с. 22]. По данным портала правовой статистики в 2022 г. на территории Алтайского края зарегистрировано 39177 преступлений, за год этот показатель вырос на 0,3 % из них дел по ст. 119 УК РФ (1526, – 3,9 %) [3].

Одновременно органами внутренних дел Алтайского края в 2022 г. вынесено более 800 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела по ст. 119 УК РФ (в 2021 г. – более тысячи).

Зачастую такие решения обусловлены тем, что виновное лицо не предпринимало активных действий по подкреплению своих угроз и (или) указанные действия не давали потерпевшему основания опасаться реальности ее осуществления [1, с. 139-143].

Таким образом, при принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела по ст. 119 УК РФ по вышеуказанному мотивам лица, угрожающие заявителям, фактически не несут никакой ответственности за свои деяния, что позволяет им делать выводы о своей безнаказанности.

Федоров А. Ф.

Штаб О. Н.

Как мы все знаем обязательным условием наступления уголовной ответственности за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью является ее реальность. Это означает, что потерпевший должен воспринимать угрозу как намерение виновного реализовать ее. О реальности угрозы могут свидетельствовать ее конкретная форма, характер и содержание, сопутствующая ей конкретная ситуация (место, время, обстановка), предшествующее поведение виновного и характеристика его личности.

Субъективная сторона угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью характеризуется умышленной виной в виде прямого умысла. Виновный сознает, что своими действиями выражает вышеназванную угрозу, и желает, чтобы потерпевший воспринял ее как реальную. У нас субъективное вменение, поэтому доказывать, по нашему мнению, то, что потерпевший реально воспринял эту угрозу это второй момент, в первую очередь нужно доказать, что сам виновный намеренно высказал данную угрозу с целью вызвать страх у потерпевшего, что на практике совсем иначе.

В отношении формы вины анализируемого состава преступления Конституционный Суд Российской Федерации в своем Определении от 23 марта 2010 г. № 368-О-О определил, что только такое деяние квалифицируется как угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, которое совершается с умыслом, направленным на восприятие потерпевшим реальности угрозы, когда имеются объективные основания опасаться ее осуществления [2]. Это предполагает необходимость в каждом конкретном случае уголовного преследования доказать не только наличие самой угрозы, но и то, что она была намеренно высказана с целью устрашения потерпевшего и в форме, дающей основания опасаться ее воплощения.

На наш взгляд, неосознание потерпевшим реальности угрозы не влияет на оценку ее общественной опасности, так как объектом этого преступления является психическое благополучие, душевное спокойствие человека. И сущностью угрозы является воздействие на психику человека, психическое насилие с целью вызвать страх и тревогу у потерпевшего, подчинить своей воле. Только в этом смысле можно говорить о направленности этого деяния на здоровье человека. Если наступает реальный вред здоровью, то речь должна в этом случае идти о других статьях этой главы.

Чаще угроза носит вербальный характер, который виновный подкрепляет демонстрацией оружия или предметов, используемых в качестве оружия (ножа, топора, лопаты, тяжелой кухонной утвари). В тоже время, суды часто так же рассматривают удушение и нанесение ударов по телу как угрозу, если они не приводят к реальному физическому вреду. Так, будучи в состоянии алкогольного опьянения, И. Б. Роговой на почве возникших личных неприязненных отношений, в ходе конфликта с Л. Потерпевшей, имея умысел на угрозу убийством, осознавая незаконность и противоправность своих действий, желая наступления общественно опасных последствий, с целью формирования у последней страха за свою жизнь, умышленно нанес ей множественные (не менее 2-х) удары руками по голове, лицу и различным частям тела. Далее, И. Б. Роговой, не удовлетворившись содеянным, продолжая свои преступные действия, направленные на угрозу убийством, умышленно схватил Потерпевшую И. руками за шею и, применив усилие, сдавил ее, от чего она стала задыхаться, при этом высказал в ее адрес угрозу убийством: «Убью...!». Действия И. Б. Рогового, и высказанную им угрозу убийством, Потерпевшая И. восприняла реально, испугавшись за свою жизнь и здоровье, и у нее имелись основания опасаться осуществления данной угрозы, так как И. Б. Роговой был настроен агрессивно и решительно, находился в состоянии алкогольного опьянения, свою угрозу сопровождал активными действиями, выраженными в удушении Потерпевшей И. руками и причинением ей телесных повреждений. Действия И. Б. Рогового органом предварительного расследования квалифицированы по части 1 статьи 119 Уголовного кодекса Российской Федерации, как угроза убийством, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы [5].

Такого рода примеры не являются исключением, более того, они превалируют в судебной практике и опровергают мнение тех правоведов, которые считают, что от покушения или собственно убийства, как высшей формы преступления, угроза убийством отличается тем, что она не переходит грань физического воздействия (на то она и угроза!).

Судебная практика рассмотрения уголовных дел по ст. 119 УК РФ не характеризуется единообразием. Есть так же случаи привлечения к ответственности по совокупности ст. 119 со ст. ст. 112 и 115 УК РФ, даже когда причинение вреда здоровью следует непосредственно за угрозой и направлено на одного потерпевшего.

Так, приговором мирового судьи судебного участка № 3 Индустриального района г. Барнаула, Батажова признана виновной в том, что она взяла с кухонного стола нож и, направив острие ножа в область туловища потерпевшей, высказала словами угрозы убийством, тем самым создавая ситуацию, реально воспринимаемую потерпевшей как опасную для жизни и здоровья последней. Кроме того, Батажова признана виновной в том, что она в этот же промежуток времени умышленно нанесла ножом один удар в область левого бедра потерпевшей, причинив последней физическую боль и телесные повреждения, повлекшие легкий вред ее здоровью, за что была осуждена по ч. 1 ст. 119 УК РФ и по п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ [6].

Вышеизложенная концепция так же согласуется со следующим примером из судебной практики. Гражданин Н. будучи в состоянии алкогольного опьянения, во время ссоры с супругой, произошедшей на почве ревности, стал душил последнюю, угрожая при этом убийством. От его действий женщина потеряла сознание. Потерпевшая угрозу восприняла реально, поскольку супруг был в состоянии опьянения, вел себя агрессивно, душил ее. Когда потерпевшая пришла в себя, мужчина не стал останавливаться на достигнутом, схватил ее за волосы и потащил на улицу под навес хозяйственной постройки. Там он нанес супруге не менее четырех ударов гаечным металлическим ключом по голове и руке, от чего потерпевшая упала. Продолжая свою преступную деятельность, мужчина нанес потерпевшей ногой не менее трех ударов по телу и лицу. Действиями супруга потерпевшей был причинен вред средней тяжести. Действия гражданина Н. в этом случае так же были квалифицированы по совокупности: ч. 1 ст. 119 УК РФ и по п. «з» ч. 2 ст. 112 УК РФ [7].

Такие квалификации, несомненно, вызывают споры, так как противоречат принципу справедливости. Считаем, что такая квалификация возможна лишь в случае, когда данные действия были совершены в отношении разных потерпевших, либо в отношении одного потерпевшего, но в разное время и умыслом виновного охватывалось сначала, допустим, причинение вреда здоровью, а затем по истечении временного промежутка (не одновременно) угроза убийством или причинения тяжкого вреда здоровью.

Такие квалификации, несомненно, вызывают споры, так как противоречат принципу справедливости. Считаем, что такая квалификация возможна лишь в случае, когда данные действия были совершены в отношении разных потерпевших, либо в отношении одного потерпевшего, но в разное время и умыслом виновного охватывалось сначала, допустим, причинение вреда здоровью, а затем по истечении временного промежутка (не одновременно) угроза убийством или причинения тяжкого вреда здоровью.

Так, 10.10.2020 года в период времени с 11 часов до 14 часов 41 минуты у В. В. Ивакина, находящегося в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, на почве личных неприязненных отношений возник умысел на совершение угрозы убийством Ш. В., Ивакин, взяв в руки охотничий нож хозяйственно-бытового назначения длиной клинка 14,9 см, не являющийся холодным оружием, и, применяя его в качестве предмета, используемого в качестве оружия, с целью запугать потерпевшего причинением смерти и вызвать чувство тревоги, беспокойства за свою безопасность, а также оказать на него психическое воздействие, умышленно, действуя агрессивно, замахнулся находившимся у него в руке охотничьим ножом на Ш. В. и высказал в адрес последнего в словесной форме угрозу убийством: «Все равно я тебя убью!», и в подтверждение реальности угрозы убийством нанес удар ножом по лицу Ш. В. в связи с этим последний, исходя из обстановки происходящего, состояния алкогольного опьянения Ивакина и его агрессивного поведения, физического превосходства последнего над ним, применения охотничьего ножа, высказанную последним угрозу воспринял для себя реально и опасался осуществления данной угрозы.

Кроме того, 10.10.2020 года в период времени с 22 часа 09.11.2020 года до 01 часа 15 минут у В. В. Ивакина, находящегося в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, в ходе ссоры с ранее знакомым К. на почве личных неприязненных отношений возник умысел на причинение последнему легкого вреда здоровью. Реализуя свой преступный умысел, направленный на причинение легкого вреда здоровью К., Ивакин взял в руку имевшийся при нем охотничий нож хозяйственно-бытового назначения длиной клинка 14,9 см, не являющийся холодным оружием, и, применяя его в качестве предмета, используемого в качестве оружия, в ходе борьбы умышленно нанес указанным ножом не менее 2 ударов последнему в область спины, а также умышленно нанес не менее 3 ударов кулаком по лицу и туловищу К. Своими умышленными действиями Ивакин причинил К. легкий вред здоровью [8].

В вышеописанных случаях действия Ивакина суд верно квалифицировал по п. «в» ч. 2 ст. 115, ч. 1 ст. 119 УК РФ, так как его действия были направлены на разных потерпевших.

Закон требует, чтобы со стороны потерпевшего в результате угрозы убийством и причинения тяжкого вреда здоровью создавалось опасение за свою жизнь или здоровье. Констатация этого – вопрос факта, подлежащего оценке судом. При этом более важно объективное установление реальности угрозы. Это основной составообразующий критерий криминальности этого деяния и одновременно оценочная категория, позволяющая многим виновным избежать уголовной ответственности. Судебная практика показывает, что угрозы нередко предшествуют преступлениям против здоровья и жизни, даже в тех случаях, когда потерпевшие обращаются в правоохранительные органы, но сотрудники отказывают в принятии мер под предлогом отсутствия реальной общественной опасности, что впоследствии оказывается ошибочным. Поэтому правоприменителям стоит пересмотреть свое отношение к данному составу и квалифицировать его по направленности умысла, тем более это формальный состав, который окончен с момента высказывания угрозы, с целью вызвать страх у потерпевшего. Тогда у нас не будет проблем, связанных с привлечением такого лица к уголовной ответственности.

Пристатейный библиографический список

1. Абызов Р. М., Фризен П. Д., Ботвин И. В. Проблемы комплексного анализа региональной преступности // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2018. – Т. 28. № 4. – С. 139-143.
2. Определение Конституционного суда РФ от 23 марта 2010 г. № 368-О-О. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-23032010-n-368-o-o-ob/> (дата обращения: 04.05.2023).
3. Портал правовой статистики: официальный сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crimestat.ru/regions> (дата обращения: 04.05.2023).
4. Ермакова О. В., Ботвин И. В., Тарасова Л. Я. [и др.]. Преступления против личности и собственности: проблемы толкования и квалификации. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2020. – 64 с.
5. Приговор Нижневартовского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа № 1-125/2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/62609869> (дата обращения: 04.05.2023).
6. Приговор Индустриального районного суда г. Барнаула № 10-33/2017. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/3oMudmO1sVZw/> (дата обращения: 04.05.2023).
7. Приговор Новоалтайского городского суда Алтайского края №1-217/2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://novaltaisky--alt.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=236017934&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (дата обращения: 04.05.2023).
8. Приговор Читинского районного суда Забайкальского края № 1-283/2021. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 04.05.2023).

ЧУКРЕЕВ Вадим Андреевич

кандидат юридических наук, заместитель прокурора, прокуратура Свердловской области

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СФЕРЕ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА*

Цель работы – дать оценку качеству правового регулирования общественных отношений в сфере суррогатного материнства, рассмотреть возможность усиления уголовно-правовых репрессий за нарушения в данной сфере. Использовались метод системного анализа, формально-юридический метод, метод изучения документов, метод компаративного анализа и другие методы научного познания. В статье исследованы различные подходы к определению правовой природы процесса суррогатного материнства, была сделана попытка устранить межотраслевые коллизии. Рассмотрена целесообразность внесения корректив в действующее законодательство о суррогатном материнстве, взяв за образец некоторые положения зарубежного законодательства. Представляется важным четко определить, кто именно может воспользоваться технологией суррогатного материнства, исключив распространительное толкование положений ст. 55 законодательства об охране здоровья граждан. Значимость работы заключается в том, что в ней сформулированы положения, направленные на определенные коррективы превентивного характера в законодательную базу.

Ключевые слова: суррогатное материнство, эксплуатация, охрана здоровья, проблемы квалификации, уголовный закон, договор, совершенствование законодательства.

CHUKREEV Vadim Andreevich

Ph.D. in Law, Deputy Prosecutor, Prosecutor's Office of the Sverdlovsk Region

CRIMINAL RESPONSIBILITY IN THE SPHERE OF SURROGACY MOTHERHOOD

The purpose of the work is to assess the quality of legal regulation of public relations in the field of surrogate motherhood, to consider the possibility of strengthening criminal legal repressions for violations in this area. The method of system analysis, the formal legal method, the method of studying documents, the method of comparative analysis and other methods of scientific knowledge were used. The article explores various approaches to determining the legal nature of the surrogate motherhood process, an attempt was made to eliminate inter-industry collisions. The expediency of making adjustments to the current legislation on surrogate motherhood is considered, taking as a model some provisions of foreign legislation. It seems important to clearly define who exactly can use the technology of surrogate motherhood, excluding the widespread interpretation of the provisions of Art. 55 of the legislation on the protection of the health of citizens. The significance of the work lies in the fact that it formulates provisions aimed at certain preventive adjustments to the legislative framework.

Keywords: surrogate motherhood, exploitation, health protection, qualification problems, criminal law, contract, improvement of legislation.

Вопросы о качестве правового регулирования и правовой оценке суррогатного материнства возникли почти сразу же с начала его широкого использования в медицине, однако ситуация обострилась в 2020 году, когда в ряде регионов России правоохранительными органами были обнаружены несколько съемных квартир с находившимися в них детьми в возрасте от нескольких дней до года, которых российские суррогатные мамы выносили для родителей-иностранцев. Забрать детей не успели – приехать в Россию родители-«заказчики» не смогли из-за закрытых границ в связи с эпидемией COVID-19, за детьми ухаживали няни, иностранные граждане азиатского происхождения. Один ребенок погиб, состояние остальных детей вызвало опасения у медицинских работников. Найденные дети не были соответствующим образом зарегистрированы, их здоровье не находилось под патронажем российских медицинских работников, им не была проведена необходимая вакцинация.

Необычная ситуация привлекла внимание правоприменительных структур и средств массовой информации, которые сообщили, что дети предназначались для иностранных граждан, возможно, для однополых пар [1], [2]. Оценка правоприменителей и значительной части СМИ была единой – рождение детей суррогатными матерями для

иностранцев следует рассматривать как торговлю людьми. Эти события, повлекшие возбуждение уголовного дела по статье 127.1 УК РФ «Торговля людьми» в отношении ряда руководителей частного медицинского центра и сотрудников посреднического агентства, вызвали широкий общественный резонанс и поставили вопрос о спорных аспектах правового регулирования суррогатного материнства. Останемся на этом подробнее.

Следует отметить, что в нашей стране отсутствует правовое регулирование так называемого традиционного суррогатного материнства, когда суррогатная мать генетически связана с ребенком. Согласно законодательству, в нашей стране применяются методики гестационного (полного) суррогатного материнства, когда суррогатная мать генетически не связана с ребенком и вынашивает ребенка для его генетических родителей.

В настоящее время основной правовой документ, регламентирующий отношения в сфере суррогатного материнства – Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», где в ст. 55 указано, что суррогатное материнство представляет собой вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой

* © Чукреев В. А., 2023

женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям. В п. 70 Приказа Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаний и ограничений к их применению» дается аналогичное определение суррогатного материнства и приводится исчерпывающий перечень заболеваний, при котором используется этот метод лечения бесплодия.

Исходя из приведенных нормативных актов, суррогатное материнство относится к вспомогательным репродуктивным технологиям, предназначено для лечения бесплодия у женщин, которые не могут выносить или родить ребенка и страдают перечисленными в указанном приказе Минздрава России от 31.07.2020 № 803н заболеваниями. Этим методом может воспользоваться либо семейная пара, либо не состоящие в браке мужчина и женщина, либо одинокая женщина, являющиеся генетическими родителями ребенка.

С учетом достаточно конкретно определенных в нормативных актах, регулирующих применение суррогатного материнства для лечения женского бесплодия, условий использования данного метода, сама постановка вопроса о квалификации подобных действий в качестве варианта торговли людьми казалась бы недостаточно обоснованной. Однако фабулы резонансных уголовных дел, возбужденных почти одновременно в ряде российских городов, таких как Москва, Красноярск, Санкт-Петербург заставляют более внимательно оценить поведение их фигурантов.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 127.1 УК РФ заключается с купле-продаже человека, совершении с ним иных сделок, а равно в вербовке, перевозке, передаче, укрывательстве или получении человека в целях его эксплуатации. В п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2019 года № 58 купля-продажа человека определяется как совершение действий, состоящих в передаче человека одним лицом другому лицу (лицам) за денежное вознаграждение, а под иными сделками в отношении человека – другие противоправные действия, приводящие к передаче потерпевшего от одного лица другому лицу (например, безвозмездная передача, обмен на какие-либо материальные ценности).

Использование законодателем при конструировании гражданско-правовой терминологии предполагает обращение к нормам ГК РФ для раскрытия содержания термина «купля-продажа» в ракурсе ст. 127¹ УК РФ.

Согласно ст. 454 ГК РФ договором купли-продажи называют договор, по которому одно лицо (продавец) обязуется передать в собственность имущество другому лицу (покупателю), которое обязано уплатить за него определенную денежную сумму.

В гражданско-правовой доктрине договоры, содержащие права и обязанности у обеих сторон характеризуются как взаимные и возмездные. В их основе лежат встречные по отношению к обязанностям продавца по передаче товара обязанности покупателя принять товар и оплатить его [2], [3]. В ракурсе положений законодательства о торговле людьми продавцом принимается обязательство за оговоренную с покупателем денежную сумму передать потерпевшего под полный контроль в фактическую собственность другого лица. В связи с этим очевидно, что в купле-продаже человека имеются две преступные стороны, тесно взаимосвязанные между собой – продавец и покупатель.

Особого внимания требует вопрос о моменте окончания преступления. В уголовно-правовой доктрине отмечается, что в соответствии с постулатами гражданского права договор купли-продажи относится к консенсуальным и считается заключенным с момента, когда стороны достигли соглашения по всем существенным сделке [5].

Иные действия, включая передачу вещи, уплату денежной суммы и т.п. оказываются за рамками уже заключенной

сделки. Следовательно, если в отношении человека был совершен акт купли-продажи, то такое преступление будет считаться оконченным для обеих сторон с момента заключения сделки [5].

Однако в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2019 года № 58 момент окончания торговли людьми, проявившейся в купле-продаже человека, четко определен и связывается с моментом фактической передачи и получения потерпевшего.

Большинство специалистов, рассматривающих договор суррогатного материнства в качестве гражданско-правового договора, по-разному трактуют его содержание. В некоторых работах данный вид договора относят к непоименованным гражданско-правовым договорам [6, с. 173], значительная часть специалистов рассматривает его как разновидность договора возмездного оказания услуг [7, с. 81], [8, с. 22], [9, с. 16]. Встречаются предложения определить этот вид договора как самостоятельный гражданско-правовой договор, хотя предложенные формулировки практически не отличаются от определений возмездного договора [10].

Следует отметить, что в вопросе о виде договора более предпочтительна позиция цивилистов, определяющих этот договор как вариант классического гражданско-правового возмездного договора, поскольку возмездность оказания услуги является обязательным признаком соглашения, в то время как стороны договора не состоят в семейных отношениях, под которыми традиционно понимаются отношения, базирующиеся на родстве, браке, принятии детей в семью.

Договор о суррогатном материнстве рассматривают как обязательство суррогатной матери выносить и родить ребенка другим лицам [7], [8], предметом договора называют «вынашивание ребенка и дальнейшую его передачу супругам, то есть оказание своеобразной услуги, за которую суррогатная мать получает вознаграждение» [9]. В подобных вариантах соглашений о суррогатном материнстве на одну из сторон договора возлагается обязанность – родить ребенка, которая может быть и не исполнена. Гарантировать исполнение такого обязательства потенциальным родителям не может ни суррогатная мать, ни иные стороны договора, например, медицинские организации. Возможные осложнения и отклонения от нормального течения такого физиологического процесса как беременность не поддаются прогнозам, не зависят от поведения суррогатной матери [11], поэтому она не может отвечать за исход беременности и родов. То, что может быть исполнено реально и действительно отражает суть договора между суррогатной матерью и потенциальными генетическими родителями – это вынашивание ребенка в результате экстракорпорального оплодотворения (если, конечно, эмбрион приживется). Вместе с тем проведенный анализ договоров, заключенных между потенциальными родителями и суррогатной матерью, суррогатной матерью и иными участниками соглашения, показал, что предметом договора являются обязательство суррогатной матери пройти имплантацию эмбриона, выносить, родить ребенка и передать его родителям, обязанность родителей заключается в оплате оказанных услуг.

Таким образом, поскольку фактически основным условием договора является рождение ребенка и передача его потенциальным родителям за вознаграждение, суррогатное материнство при наличии некоторых дополнительных условий, вполне можно признать вариантом торговли детьми.

В российской практике чрезвычайно высока роль посреднических агентств, собственно, значительная часть этого сегмента предоставления услуг с использованием вспомогательных репродуктивных технологий контролируется ими. Их присутствие усложнило систему отношений, связанных с суррогатным материнством (посреднические структуры заключают договоры с потенциальными родителями, суррогатными матерями и их супругами,

медицинскими организациями, донорами) и значительно криминализировало эту сферу оказания медицинской помощи. Во-первых, именно эти агентства определяют ценовую политику в суррогатном бизнесе, ведут реестры суррогатных матерей и претендентов на выполнение этих функций, заключают соглашения с медицинскими организациями, имеющими лицензии на применение ВРТ, подбирают потенциальных родителей, обеспечивают юридическое сопровождение, осуществляют контроль за беременными суррогатными матерями, их медицинское сопровождение, оформляют свидетельство о рождении (некоторые центры для упрощения процедуры получения свидетельства о рождении договариваются об одновременной госпитализации потенциальной матери ребенка и суррогатной матери) [12, с. 103].

Во-вторых, именно с желанием посреднических структур увеличить свои доходы связано расширение сферы применения суррогатного материнства с распространением этого вида ВРТ на ситуации, не имеющие отношение к медицине. Услуги суррогатного материнства посредническими компаниями оказываются, в том числе и лицам, не названным в ст. 55 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», в частности, одиноким мужчинам, женщинам, не страдающим заболеваниями, перечисленными в соответствующем приказе Минздрава РФ. Рассмотрим в этом контексте возможные варианты уголовно-правовой оценки рассматриваемых действий.

Суррогатное материнство, несмотря на разное отношение к нему в российском обществе, является разрешенным законом методом ВРТ и не содержит признаков правонарушения, если а) применяется по медицинским показаниям в отношении семейных пар или мужчины и женщины, не состоящих в браке, либо одинокой женщины, если женщины страдают одним из заболеваний, указанных в Порядке применения ВРТ, б) потенциальные родители или один из родителей находятся в генетической связи с ребенком, выношенном суррогатной матерью.

В случае, когда методика суррогатного материнства используется женщинами детородного возраста, либо одинокими мужчинами, не утратившими своих репродуктивных свойств, происходит нарушение законодательства, регулирующего сферу ВРТ.

В отдельных делах подобные нарушения закона легализуются судами, которые поддерживают одиноких мужчин, пользующихся услугами суррогатных матерей, ссылаясь на часть 3 статьи 19 Конституции Российской Федерации, касающуюся равенства прав мужчин и женщин, и обязывают органы ЗАГС регистрировать детей, рожденных для одиноких отцов суррогатными матерями.

Так, своим решением Смольнинский районный суд г. Санкт-Петербурга удовлетворил иск одинокого мужчины, которому ЗАГСом было отказано в регистрации детей, рожденных суррогатной матерью. Сославшись на положения ч. 3 ст. 19 Конституции РФ, суд подчеркнул, что «действующее законодательство исходит из равенства прав женщин и мужчин.... Супружество устанавливается законом лишь в качестве одного из условий записи родителей в книге записей рождений по появлению ребенка, но никак не обязательного условия начала программы суррогатного материнства в клинике репродукции.... Отказ в регистрации рождения ребенка не основан на законе и нарушает права и законные интересы не только истца, но и его новорожденных детей» (Смольнинский районный суд г. Санкт-Петербурга, решение от 4 марта 2011 г. по гражданскому делу № 2-1601/11).

В некоторых иных решениях судов общей юрисдикции признавалось, что отсутствуют прямые запреты и ограничения для одиноких мужчин, не состоящих в браке, на применение методов вспомогательных репродуктивных технологий, в частности метода суррогатного материнства (Бабушкинский

районный суд г. Москвы, решение от 4 августа 2010 г. по делу № 2-2745/2010).

Активную поддержку вышеуказанным решениям в средствах массовой информации осуществлял один из фигурантов дела о торговле детьми К. Н. Свитнев, генеральный директор крупнейшей в России посреднической компании «Росюрконсалтинг». Его позиция, выраженная в медицинских изданиях, нашла поддержку у значительной части врачей-репродуктологов и фактически спровоцировала нарушения закона в использовании такого метода ВРТ как суррогатное материнство [13, с. 55].

Однако гораздо чаще встречаются аналогичные дела с противоположными решениями. В Тушинский районный суд города Москвы обратился мужчина, которому органом ЗАГС было отказано в регистрации двоих детей, рожденных суррогатной матерью. Суд первой инстанции в иске отказал на основании того, что законом не определен порядок государственной регистрации рождения и записи родителей ребенка, рожденного у неизвестной матери – анонимного донора клеток, выношенного и рожденного суррогатной матерью (Тушинский районный суд г. Москвы, решение от 19 марта 2014 г. по делу № 2-1472/2014). Суд апелляционной инстанции согласился с выводами нижестоящего суда (Московский городской суд, апелляционное определение от 22 июля 2014 г. по делу № 33-29316/2014).

Представляется, что позиция судов, аналогичная изложенной в решении Тушинского районного суда города Москвы, более соответствует закону. Это соглашение ближе к гражданско-правовым сделкам, которые согласно ст. 169 ГК РФ можно отнести к разряду ничтожных, как сделок противных основам нравственности и правопорядка [14, с. 47].

Вместе с тем, в подобных ситуациях признаки торговли людьми отсутствуют, поскольку потенциальные родители, как мужчины, так и женщины, генетически связанные со своими детьми, как и любые другие родители, имеют право на воспитание своих детей, так же, как и дети имеют право жить и воспитываться в своей семье, со своими родителями. Оплачивая затраты, отраженные в договоре, эти лица осознавали, что платежи осуществляются за посредничество в сделке и организацию процесса применения этого метода ВРТ, правовое сопровождение, медицинское обслуживание, услуги по вынашиванию своего ребенка суррогатной матерью.

Однако в случаях, когда у потенциальных родителей и детей, рожденных суррогатной матерью, генетическая связь отсутствует, актуализируется вопрос о торговле детьми.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 127-1 УК РФ находит свое проявление в купле-продаже ребенка, сторонами сделки выступают организация, оказывающая услуги суррогатного материнства, и заказчик – мужчина или женщина, оплачивающие соответствующий донорский материал или уже имеющиеся эмбрионы и услуги суррогатной матери.

В заключаемых сторонами соглашениях предметом договора становится не услуга по вынашиванию суррогатной матерью ребенка из собственных биологических материалов заказчика, а родившийся ребенок, не состоящий с заказчиком в генетической связи. Соответственно и основная часть платежей производится не за услуги по вынашиванию ребенка, правовое сопровождение или посреднические услуги, а именно за новорожденного ребенка.

Ребенок, выношенный суррогатной матерью, передается организаторами бизнеса за ранее определенное денежное вознаграждение заказчику, который не является генетическим родителем новорожденного, т.е. осуществляется акт купли-продажи.

Лица, получившие таким образом новорожденного ребенка, не имеют на него никаких прав, поскольку незаконно, вопреки установленному порядку получают генетически не родственного им ребенка для усыновления.

Это положение относится как к иностранным гражданам, воспользовавшимся услугами российской суррогатной матери, так и к гражданам России. Однако и усыновление ребенка осуществляется с нарушением закона. Во-первых, в соответствии с Семейным кодексом СК РФ, допускается усыновление детей, оставшихся без попечения родителей. Это обязательное условие, указанное в законе, в отношении такого ребенка не может быть исполнено, поскольку младенец никогда не находился на попечении родителей, о которых, к тому же ничего не известно. Забота о таких детях возлагается на государственные организации для детей-сирот всех типов. (ст. 121-123 СК РФ). Во-вторых, в законодательстве установлен запрет посреднической деятельности при усыновлении детей (ст. 126.1 СК РФ). В-третьих, когда речь ведется об усыновителях-иностранцах в законе перечислены ограничения, касающиеся «лиц, состоящих в союзе, заключенном между лицами одного пола, признанном браком и зарегистрированном в соответствии с законодательством государства, в котором такой брак разрешен, а также лиц, являющихся гражданами указанного государства и не состоящих в браке» (ст. 127 СК РФ) [12].

Еще одна проблема касается вопроса о возможности признания суррогатной матери субъектом торговли людьми. В российской судебно-следственной практике такие прецеденты уже созданы. В Красноярске суррогатная мать осуждена по ст. 127.1 УК РФ за торговлю людьми [15]. С такой квалификацией можно согласиться, поскольку в данном примере женщина не только по документам, но и фактически является генетической матерью ребенка и за вознаграждение передает его другим людям.

В других делах суррогатные матери по документам, полученным в перинатальном центре, указывались в качестве мамы новорожденного младенца [16]. Затем передавали детей с документами руководителю фирмы-посредника, получая за это вознаграждение, т.е., по мнению следователей продавали детей. Однако генетическое родство между этими суррогатными мамами и выношенными ими детьми отсутствует. Квалификация действий этих суррогатных матерей как торговля детьми вызывает определенные сомнения. Сложность создается не определенным в законе статусом генетических родителей. Все права на ребенка имеет суррогатная мать, которая может отказать генетическим родителям в праве воспитывать своего ребенка. Такой подход вызван позицией законодателя относительно того, кто может быть признан матерью ребенка. Согласно ч. 1 ст. 48 Семейного кодекса Российской Федерации материнство устанавливается на основании документов, подтверждающих рождение ребенка матерью в медицинской организации, а в случае рождения ребенка вне медицинской организации на основании медицинских документов, свидетельских показаний или на основании иных доказательств. Таким образом, матерью ребенка признается женщина, выносившая и родившая ребенка.

В теории ведутся дискуссии по вопросу, кем в данном преступлении является ребенок, в отношении которого была совершена сделка: предметом преступления или потерпевшим. Большинство криминалистов рассматривают в качестве предмета преступления исключительно «материальные предметы внешнего мира, на которые непосредственно воздействует преступник, осуществляя преступное посягательство на соответствующий объект» [17, с. 154]. Человек к такому, естественно, не относится. Между тем, как отмечает Н. Г. Кулакова, человек (в том числе и ребенок), находясь в зависимости от своих продавцов, не в состоянии распоряжаться самим собой. Он становится похожим на вещь (товар), которую продают, покупают или совершают в отношении нее иные сделки [18].

Таким образом можно сделать вывод, что торговля детьми, рожденными суррогатными матерями обусловлена

специфическими особенностями договора о суррогатном материнстве (возмездный характер и ребенок в качестве предмета договора), имеет место в ситуациях, когда этот вариант вспомогательных репродуктивных технологий применяется с немедицинскими целями и совершается организованной группой лиц.

Обращаясь к проблеме правовых рисков, связанных с суррогатным материнством, полагаем, что необходимо обратить внимание на недостаточную регламентацию этого процесса и противоречивость современной нормативной базы. В настоящее время состояние законодательства является одним из наиболее значимых факторов торговли детьми при использовании технологий суррогатного материнства, в том числе и в медицинских целях. Какие аспекты следует при этом учитывать?

Нередки ситуации, когда женщина зарабатывает себе на жизнь многократно, порой с незначительными перерывами, выполняя функции по вынашиванию ребенка. По сути, она делает суррогатное материнство своей профессией, к слову сказать, иногда смертельно опасной. По оценкам Всемирной организации здравоохранения около 830 женщин умирают ежедневно из-за осложнений во время беременности и родов [20].

В этом плане представляется целесообразным внести коррективы в действующее законодательство о суррогатном материнстве, взяв за образец некоторые положения зарубежного законодательства.

Представляется важным четко определить, кто именно может воспользоваться технологией суррогатного материнства, исключив распространительное толкование положений ст. 55 законодательства об охране здоровья граждан.

Право на получение этого вида медицинской помощи должна иметь состоящая в браке не менее пяти лет пара, имеющая документы, подтверждающие бесплодие любого из партнеров. При этом должны быть установлены возрастные ограничения в 23 – 50 лет для женщин и 26 – 55 лет для мужчин. Одиноким мужчинам и женщинам, не состоящим в браке гражданам, иностранным гражданам, людям за пределами названных возрастных категорий процедура суррогатного материнства не проводится. Одним из самых важных моментов, провоцирующих многочисленные нарушения закона является неопределенность статуса генетических родителей ребенка. Представляется, что они должны быть сразу же признаны родителями ребенка, что подтверждается документами, выданными медицинской организацией, в которой ребенок появился на свет.

Определенные требования, касающиеся возраста, числа заказных беременностей, перерыва между родами должны быть установлены и для суррогатных матерей.

Проведение процедуры суррогатного материнства должно контролироваться государством, целесообразно законодательно возложить регулирующие и контролирующие функции на структуры министерства здравоохранения, запретить деятельность посреднических контор, обеспечивающих высокий уровень коммерциализации данной процедуры. Законодатель обязан определить виды платежей, которые могут быть предоставлены суррогатной матери, в том числе возмещение потери заработка или права на получение пособий, основных расходов по беременности, дополнительных расходов по беременности, связанных с медицинскими вмешательствами, обусловленными состоянием здоровья суррогатной матери, а также компенсацию за неудобства, болезненные состояния, связанные с беременностью, осложнения или смерть суррогатной матери.

С учетом того, что суррогатное материнство является одним из видов вспомогательных репродуктивных технологий, эта процедура должна применяться исключительно по медицинским показаниям, при наличии заболеваний, исчерпывающий перечень которых устанавливается Минздравом

России. В этом случае, возможно, фертильная индустрия, построенная на эксплуатации репродуктивных функций женского организма, сократит свои объемы.

В настоящее время помимо вопросов, связанных с торговлей людьми, применение методики суррогатного материнства создает условия и для иных криминальных нарушений. Чаще всего речь идет о подлоге официальных документов, устанавливающих материнство. Нередко для упрощения процедуры регистрации новорожденного, биологическая мать и суррогатная мать госпитализируются вместе, а затем документ о рождении выдается биологической матери, которая сама ребенка не рожала, хотя в соответствии с Приказом Минздрава России от 13.10.2021 № 987н свидетельствование о рождении выдается женщине, родившей ребенка.

Аналогичные действия, в зависимости от статуса лица, выдавшего документ, квалифицируются либо по ст. 292 УК РФ, либо по ст. 327 УК РФ.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы: поскольку не запрещенное законом использование репродуктивных функций и физиологических возможностей человека, его органов и тканей при определенных условиях способно трансформироваться в совершенно беспощадную его эксплуатацию, в законодательстве целесообразно усилить ответственность за подобные действия. В связи с этим следует внести изменения в п. «ж» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ и во второе примечание относительно понятия эксплуатации и изложить их в следующей редакции. Статья 127.1 УК РФ: «П. «ж» ч. 2 – в целях использования органов, тканей или клеток потерпевшего, а равно его репродуктивных функций.

Примечание 2. Под эксплуатацией человека в настоящей статье понимаются использование занятия проституцией другими лицами и иные формы сексуальной эксплуатации, рабский труд (услуги), подневольное состояние, принудительное использование органов, тканей или клеток человека, а также его репродуктивных функций.

Пристатейный библиографический список

1. Баландина А. На продажу: в московской квартире обнаружены пять младенцев. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/social/2020/06/23/13127743.shtml>.
2. Мальцева В., Горбунов Ф. Дорогие дети: кто организовал в Москве сеть по торговле детьми. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/1036407/>.
3. Гражданское право: Учебник / Под ред. А. П. Сергеева и Ю. К. Толстого. – Т. 2. – М., 2005. – С. 36-39.
4. Практика применения Гражданского Кодекса Российской Федерации, частей второй и третьей / Под ред. В. А. Белова. – М., 2009. – С. 72-73.
5. Егорова Л. Ю. Объективная сторона – один из важнейших признаков преступления – торговли людьми // Российский следователь. – 2005. – № 3.
6. Чашкова Ю. С. Система договорных обязательств в российском семейном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – С. 173.
7. Митрякова Е. С. Правовое регулирование суррогатного материнства в России: дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2007. – С. 81.
8. Шапиро И. М. Сравнительно-правовой анализ условий договоров суррогатного материнства и возмездного оказания услуг // Семейное и жилищное право. – 2018. – № 3. – С. 22.
9. Пестрикова А. А. Проблемы договора о суррогатном материнстве // Гражданское право. – 2006. – № 2. – С. 15-17.
10. Борисова Т. Е. Суррогатное материнство в Российской Федерации: проблемы теории и практики. – М.: Проспект, 2012.

11. Савельева Г. М., Сухих Г. Т., Серов В. Н. Акушерство. Национальное руководство. 2-е издание. – М., 2018.
12. Чупрова А. Ю., Долгушина Н. В. К вопросу о правовом регулировании суррогатного материнства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 4 (52). – С. 102-109.
13. Свитнев К. Н. Суррогатное материнство: проблемы правового регулирования и правоприменения // Правовые вопросы здравоохранения. – 2011. – № 9. – С. 52-61.
14. Косова О. Ю. Семейный кодекс Российской Федерации и некоторые вопросы регулирования брачно-семейных отношений // Правоведение. – 1996. – № 2. – С. 46-53.
15. В России суррогатной матери впервые дали срок за торговлю людьми // Секрет фирмы. 27 июля 2022 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://secretmag.ru/criminal/>.
16. СКР завершил дело о торговле детьми от суррогатных матерей // Коммерсант. 16 августа 2022 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5514006>: торговля детьми: следователи вышли на бывших правоохранителей Вести, 21 марта 2021 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vesti.ru/article/2542711>.
17. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. – М., 1996. – С. 154.
18. Кулакова Н. Г., Харьковский Е. Л. Ответственность за торговлю людьми по действующему уголовному законодательству Российской Федерации // Российский следователь. – 2005. – № 8.
19. Доклад Специального докладчика по вопросу о торговле детьми и сексуальной эксплуатации детей, включая детскую проституцию, детскую порнографию и изготовление прочих материалов о сексуальных надругательствах над детьми // Совет по правам человека Тридцать седьмая сессия 26 февраля – 23 марта 2018 года Пункт 3 повестки дня Поощрение и защита всех прав человека, гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав, включая право на развитие.
20. Баррас К. Почему роды – это так тяжело и опасно. <https://www.bbc.com/russian/vert-earth-39554501/2017r>.

КНЯЗЬКИНА Анастасия Константиновна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ В РОССИЙСКОЕ УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО МЕЖДУНАРОДНЫХ ИММУНИТЕТНЫХ НОРМ

В статье исследуются вопросы имплементации в российское уголовное законодательство международно-правовых норм, предусматривающих предоставление иммунитета. Рассматриваются виды иммунитетов, порядок и объём их предоставления на основе соответствующих международных договоров, а также делается вывод полноте имплементации указанных норм в УК РФ.

Ключевые слова: иммунитет, дипломатический агент, консул, специальная миссия, глава международной организации.

KNYAZKINA Anastasiya Konstantinovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of the Department of criminal law and criminology of the Kuban State University

IMPLEMENTATION OF THE INTERNATIONAL IMMUNITY STANDARDS IN THE RUSSIAN CRIMINAL LAW

The article examines the issues of implementation of the international legal norms providing for the granting of immunity into the Russian criminal legislation. The types of immunities, the procedure and scope of their provision on the basis of relevant international treaties are considered, and the conclusion is made about the completeness of the implementation of these norms in the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: immunity, diplomatic agent, consul, special mission, head of an international organization.

Международное и национальное право предусматривают возможность изъятия лица, имущества, транспортных средств и т.д. из-под уголовной юрисдикции государства. Это правовое явление именуется *иммунитетом*.

В международном уголовном праве выделяется 4 вида иммунитетов: 1) дипломатический; 2) консульский; 3) иммунитет персонала международных организаций и лиц, пользующихся международной защитой; и 4) иммунитет специальных миссий. При этом необходимо подчеркнуть, что такой иммунитет не означает полной юридической безответственности лица. В данном случае речь идет об особых, предусмотренных международным и национальным законодательством механизмах привлечения к ответственности. В международных актах специально подчеркивается, что привилегии и иммунитеты «предоставляются... не для личной выгоды отдельных лиц, а для того, чтобы обеспечить независимое выполнение ими своих функций» (раздел 15 Соглашения о привилегиях и иммунитетах Международного агентства по атомной энергии от 1 июля 1959 г.¹).

В случае совершения лицами, обладающими иммунитетом, преступления на территории государства пребывания, как правило, они объявляются персонами *non grata* (не заслуживающими доверия) и отправляются за его пределы, что, однако, не исключает возможности их привлечения к уголовной ответственности в принципе. Так, согласно ч. 4 ст. 31 Венской конвенции о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г.² иммунитет от юрисдикции государства пребывания не освобождает дипломатического агента от юрисдикции аккредитующего государства. В свою очередь, последнее может отказаться от предоставления указанного иммунитета в конкретной ситуации (ч. 1 ст. 32 той же Конвенции), в этом случае лицо будет привлекаться к ответственности по законодательству государства пребывания (места совершения преступления) в силу территориального принципа действия уголовного закона [2, с. 27].

В литературе выделяют два вида иммунитета: *персональный* и *функциональный (служебный)*. Первый определяется личностью его носителя: лицо, которому предоставляется такой иммунитет, не может привлекаться к уголовной ответственности в государстве пребывания, вне зависимости от

того, совершено ли было данное преступление при осуществлении им своих служебных функций либо вне связи с ними. Функциональный иммунитет, наоборот, имеет прямую связь с выполнением лицом своих служебных функций, и дается лицу исключительно на период осуществления им своих трудовых обязанностей [5, с. 134].

Исходя из изложенного можно сделать вывод, что, согласно международным нормам, все разновидности предоставляемых в соответствии с ними иммунитетов в первую очередь основаны на необходимости свободного и независимого выполнения лицами, которым они предоставляются, своих функциональных обязанностей [3, с. 101].

Рассмотрим отдельно каждый из названных видов иммунитета.

Дипломатический иммунитет имеет давнюю историю, восходящую к началу появления государственно-организованных обществ. При этом на различных этапах развития цивилизации обычай неприкосновенности послов и иных дипломатических агентов неоднократно нарушался. Так, традиционной практикой османских султанов было заключение послов воевавших с Турцией держав в Семибашенный замок Едикюле. В современном мире международно-правовой основой дипломатического иммунитета является Венская конвенция о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г. (далее – Конвенция о ДС).

Дипломатический иммунитет выступает дополнительной гарантией прав лица, осуществляющего функции представителя государства. Он возникает либо с момента прибытия лица на территорию государства, куда это лицо было направлено для осуществления дипломатических функций, при следовании для занятия своего поста либо, в случае нахождения уже на этой территории – с момента, когда о его назначении сообщается Министерству иностранных дел. Прекращается иммунитет лица в тот момент, когда оно покидает страну, или по истечении разумного срока для того, чтобы это сделать (ст. 39 Конвенции о ДС).

Дипломатический иммунитет – более сложное понятие, чем обычно принято думать. Так, под действие дипломатического иммунитета подпадают три категории лиц: дипломатические агенты, сотрудники административно-технического персонала и члены обслуживающего персонала представительства. И для каждой категории лиц предусмотрен свой объём иммунитета.

1 Собрание постановлений Правительства СССР. 1967. № 8. Ст. 44.

2 Ведомости ВС СССР. 1964. № 18. Ст. 221.

Из-под уголовно-правовой юрисдикции принимающего государства изымаются дипломатические представители, агенты или курьеры, а также здания, транспортные средства и территория дипломатического представительства [4, с. 48].

Личность дипломатического агента неприкосновенна. Он не может быть арестован либо задержан ни в какой форме (ст. 29 Конвенции о ДС). Однако в практике государств сложился обычай, согласно которому дипломатический агент может быть временно ограничен в свободе действовать, но лишь в случаях, когда у него при себе отсутствуют соответствующие необходимые документы, подтверждающие его особый дипломатический статус, до момента установления его личности, либо в ситуации, когда должностное лицо аккредитующего государства, остановившее дипломатического работника, действовало невиновно. И, наконец, допускается принятие мер в целях предотвращения совершения дипломатом преступлений. В практике государств допускается необходимая оборона против действий дипломата.

Согласно ст. 31 Конвенции о ДС, дипломатический агент обладает полным, т.е. абсолютным иммунитетом от уголовной юрисдикции принимающего государства, что означает отсутствие у последнего права привлекать его к суду и наказывать. В случае совершения таким лицом преступления, оно не может привлекаться к ответственности по уголовной закону принимающего государства. В этом случае дипломат объявляется «нежелательным лицом» (*persona non grata*) и в течение 24 часов подлежит высылке. При этом иммунитет от юрисдикции страны пребывания не освобождает дипломата от юрисдикции направившего его государства (ч. 4 ст. 31 Конвенции о ДС). К тому же, как уже отмечалось, аккредитующее государство может отказаться от иммунитета своего представителя, а также предпринять меры к привлечению его к уголовной ответственности на своей территории. Такие случаи в практике случаются довольно редко, но в качестве примера можно привести отказ Грузии в 1997 г. от иммунитета своего дипломата в США Георгия Махарадзе, который, управляя автомобилем в нетрезвом виде, совершил автокатастрофу, в результате которой погибла 17-летняя гражданка США. В результате суд США приговорил Г. Махарадзе к лишению свободы. Также в 2002 г. Колумбия отказалась от иммунитета своего дипломата в Лондоне, который был приговорён судом Великобритании к наказанию в виде лишения свободы за убийство.

Под действие иммунитета подпадают также члены семьи дипломатического агента, проживающие совместно с ним, если они не являются гражданами принимающего государства (ч. 1 ст. 37 Конвенции о ДС). Так, супруга американского дипломата в Лондоне Анна Саколас в августе 2019 г., выехав на автомобиле на встречную полосу движения, насмерть сбита британского подростка, после чего, используя дипломатический иммунитет, покинула Великобританию и вернулась в США.

Иммунитетом обладают и сотрудники административно-технического персонала дипломатического представительства, а также члены их семей, проживающие совместно с ними, которые не являются гражданами принимающего государства либо не проживают постоянно в нем (ч. 2 ст. 37 Конвенции о ДС). Члены обслуживающего персонала дипломатического представительства, если они не являются гражданами принимающего государства либо не проживают постоянно в нем, также обладают иммунитетом, но лишь в отношении действий, которые были ими совершены при выполнении своих служебных обязанностей (ч. 3 ст. 37 Конвенции о ДС). Домашний персонал сотрудников дипломатического представительства, которые не являются гражданами принимающего государства либо не проживают постоянно в нем, обладает иммунитетами и привилегиями лишь в объеме, в котором это допускает принимающее государство. Однако принимающее государство, в свою очередь, должно осуществлять свою юрисдикцию над этими лицами так, чтобы ненадеждающим образом не вмешиваться в выполнение дипломатическим представительством своих функций (ч. 4 ст. 37 Конвенции о ДС).

Дипломатический курьер обладает личной неприкосновенностью и не может быть арестован или задержан (ст. 27 Конвенции о ДС).

Консульский иммунитет регламентируется Венской конвенцией о консульских сношениях от 24 апреля 1963 г.³ (далее – Конвенция о КС). Этот вид иммунитета во многом схож с дипломатическим, однако имеет и существенные особенности. Основной функцией консула является не представление политических интересов соответствующего государства, а защита прав и законных интересов граждан и организаций этого государства. По сравнению с дипломатическим, консульский иммунитет имеет усеченный характер.

Помещения консульства неприкосновенны лишь в той части, которая используется непосредственно для осуществления функций консульского учреждения. Консульский курьер при выполнении своих функций обладает личной неприкосновенностью и не может быть арестован или задержан (ст. 35 Конвенции о КС).

Личная неприкосновенность консульских должностных лиц характеризуется тем, что они изымаются из-под уголовной юрисдикции принимающего государства лишь в отношении действий, совершенных ими только во время исполнения консульских функций (ч. 1 ст. 43 Конвенции о КС). Этих лиц нельзя подвергать аресту либо предварительному заключению кроме как на основе решений компетентных судебных властей и исключительно в случае совершения ими лишь тяжких преступлений. Их свобода, включая тюремное заключения, может быть ограничена в исключительных случаях и лишь во исполнение судебных решений, которые уже вступили в законную силу. Если в отношении консульского должностного лица возбуждено уголовное дело, оно обязано явиться в соответствующий орган. Однако при осуществлении производства по уголовному делу такому лицу должно быть оказано уважение в соответствии с его официальным статусом и должно чиниться минимум препятствий для осуществления им своих консульских функций (ст. 41 Конвенции о КС).

Как и в случае с дипломатическими работниками, аккредитующее государство вправе отказаться от любых предоставленных привилегий и иммунитетов работнику консульского учреждения (ст. 45 Конвенции о КС).

Консульский иммунитет возникает с момента вступления консула на территорию принимающего государства, а прекращается при оставлении лицом государства.

Также важно отметить, что помимо штатных консулов, находящихся на государственной службе, существуют ещё нештатные консулы, назначаемые обычно из числа авторитетных граждан страны пребывания и выполняющие свои обязанности на общественных началах. Указанные категории консулов иммунитетом от уголовной юрисдикции не пользуются.

В настоящее время РФ участвует примерно в 100 консульских договорах, значительная часть из которых допускает на взаимных условиях распространение на консулов дипломатического иммунитета в большем или меньшем объеме вплоть до полного. Например, ст. 19 Консульской конвенции между Правительством СССР и Правительством США от 1 июня 1964 г.⁴ предоставляет консульским должностным лицам и сотрудникам консульских учреждений иммунитет в отношении уголовной, но не гражданской юрисдикции.

Иммунитет персонала международных организаций и лиц, пользующихся международной защитой. Нормативную базу данного иммунитета составляют многочисленные международно-правовые акты. Прежде всего это:

– Устав Международного суда ООН от 26 июня 1945 г.⁵;

3 Сборник международных договоров СССР. Вып. XLV. М., 1991. С. 124-147.

4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1900612> (дата обращения: 10.05.2023).

5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/icj/statut.shtml> (дата обращения: 10.05.2023).

- Конвенция о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций от 13 февраля 1946 г.⁶;
- Конвенция о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений от 21 ноября 1947 г.⁷;
- Соглашение о привилегиях и иммунитетах Международного агентства по атомной энергии от 1 июля 1959 г.⁸;
- Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов от 14 декабря 1973 г.⁸;
- Венская Конвенция о представительстве государств в их отношениях с международными организациями универсального характера от 14 марта 1975 г.⁹;
- Конвенция о безопасности персонала ООН и связанно с ней персонала от 9 декабря 1994 г. (включая Факультативный протокол к ней от 8 декабря 2005 г.)¹⁰ и др.

Высшие должностные лица, здания, помещения, транспорт, корреспонденция, архивы международных организаций неприкосновенны. Иммунитетом от уголовной юрисдикции обладают, например, Генеральный секретарь ООН, его заместители и ряд других должностных лиц ООН.

Судьи Международного суда ООН, учрежденного в 1945 г., обладают дипломатическими привилегиями и иммунитетами (ст. 19 Устава Международного Суда ООН). Судьи Международного уголовного суда обладают полным иммунитетом от уголовной юрисдикции государства пребывания. Судьи, прокурор, заместители прокурора и секретарь, когда они участвуют в деятельности Суда или в отношении такой деятельности, обладают такими же привилегиями и иммунитетами, что и главы дипломатических представительств (ст. 48 Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г.¹¹).

Иммунитет постоянных представителей государств при международных организациях универсального характера тождествен дипломатическому. Глава представительства и члены персонала представительства обладают иммунитетом от уголовной юрисдикции принимающего государства (ст. 30 Венской Конвенции о представительстве государств в их отношениях с международными организациями универсального характера от 14 марта 1975 г.). При этом наличие иммунитета у главы представительства или члена персонала представительства от юрисдикции государства пребывания не освобождает их от юрисдикции направившего их государства. На других должностных лиц и обслуживающий персонал международных организаций, иных представителей государств распространяется ограниченный иммунитет. Уголовная ответственность по законам государства пребывания для этих лиц не наступает лишь за действия, совершенные ими при выполнении официальных функций.

Иммунитет специальных миссий основан, в первую очередь, на положениях Международной Конвенции о специальных миссиях от 8 декабря 1969 г.¹² (далее – Конвенция о СМ). Кроме того, данный вид иммунитета регламентируется многочисленными международными соглашениями. Здесь можно назвать, в частности, Договор о правовом статусе Вооруженных Сил Российской Федерации, находящихся на

территории Армении от 21 августа 1992 г.¹³; Договор аренды комплекса «Байконур» между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан от 10 декабря 1994 г.¹⁴; Договор о российской военной базе на территории Республики Армения от 16 марта 1995 г.¹⁵; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Республикой Таджикистан по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с пребыванием воинских формирований Вооруженных сил Российской Федерации на территории Республики Таджикистан от 21 января 1997 г.¹⁶; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о взаимодействии правоохранительных органов в обеспечении правопорядка на территории комплекса «Байконур» от 4 октября 1997 г.¹⁷; Договор между Правительством Российской Федерации и Республикой Таджикистан о статусе и условиях пребывания российской военной базы на территории Республики Таджикистан от 16 апреля 1999 г.¹⁸; Соглашение между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики от 26 августа 2015 г.¹⁹; иные соглашения, определяющие статус российских военных баз за рубежом и т.д.

Специальная миссия – это временная официальная делегация государственного характера, посылаемая одним государством в другое при наличии согласия последнего в целях общего решения конкретных вопросов или для осуществления определенной задачи (ст. 1 Конвенции о СМ). Государство может делегировать такую миссию в другую страну только с разрешения последней, которое заблаговременно было получено посредством дипломатических либо иных согласованных или взаимоприемлемых каналов. Лишь с разрешения принимающей стороны делегация государства приобретает статус специальной миссии и может выполнять функции, взаимно согласованные между посылающим и принимающим государствами.

На специальную миссию, ее персонал, помещения, транспорт, корреспонденцию распространяется иммунитет, тождественный иммунитету дипломатических агентов. Личность участников специальной миссии, а также ее членов персонала неприкосновенна. Они не могут быть арестованы или задержаны ни в какой форме. Представители направляющей страны в специальной миссии, а также члены ее персонала обладают иммунитетом от уголовной юрисдикции государства пребывания (ст. 31 Конвенции о СМ). На семьи сопровождающих членов миссии, административно-технический и обслуживающий персонал распространяется такой же иммунитет, как и в случаях с дипломатическими представительствами.

Глава направляющего государства, который возглавляет специальную миссию, обладает в принимающем или в третьем государстве такими же привилегиями, преимуществами и иммунитетами, которые в соответствии с международным правом предоставляются главам государств, посещающим другую страну с официальным визитом. Глава правительства, министр иностранных дел и другие лица высокого ранга, являющиеся членами специальной миссии направляющего государства, обладают в принимающей или в третьей стране, помимо того, что им предоставляется в силу Конвенции о СМ, теми же привилегиями, преимуществами и иммунитетами, которые предоставляются им в соответствии с положениями международного права. При этом глава государства обладает иммунитетом во время не только официальных, но и частных визитов.

Иммунитет от юрисдикции государства пребывания не освобождает членов специальной миссии, в том числе и глав

6 Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XV. М., 1957. С. 32–40.

7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/specagencies_privileges.shtml (дата обращения: 10.05.2023).

8 Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXIII. М., 1979. С. 90–94.

9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/state_relations.pdf (дата обращения: 10.05.2023).

10 СПС «КонсультантПлюс».

11 [Электронный ресурс]. – режим доступа: [https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 10.05.2023).

12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/sp_missions.shtml (дата обращения: 10.05.2023).

13 СПС «КонсультантПлюс».

14 СПС «КонсультантПлюс».

15 СПС «КонсультантПлюс».

16 СПС «КонсультантПлюс».

17 СПС «КонсультантПлюс».

18 СПС «КонсультантПлюс».

19 СПС «КонсультантПлюс».

государства, от уголовной юрисдикции направляющего государства (ч. 5 ст. 31 Конвенции о СМ). Другими словами, возможность привлечения к уголовной ответственности главы государства и членов специальной миссии предусматривается не международным, а внутринациональным уголовным правом этого государства.

Вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности главы государства, оставившего свой пост, решается по-разному. Согласно международному уголовному праву, бывшие руководители государств могут подлежать уголовной ответственности за международные преступления, совершенные в период пребывания в должности. Так, ряд высокопоставленных сербских государственных деятелей, включая бывшего президента Р. Караджича, были выданы трибуналу по бывшей Югославии и привлечены к уголовной ответственности за деяния, совершенные в ходе пребывания в должности. Практика деятельности Международного уголовного суда знает прецедент попытки привлечения к уголовной ответственности действующего главы государства [1, с. 37]. Так, 21 июля 2008 г. Международный уголовный суд выдал ордер на арест президента Судана аль-Башира по обвинению в геноциде в связи с конфликтом в Дарфуре. Однако это не помешало ему в 2015 г. быть переизбранным на новый срок. Национальные уголовные законы решают вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности бывших руководителей государства по-разному.

Частным случаем специальной миссии является направление вооруженных или полицейских сил одного государства на территорию другого. Например, Вооруженные силы РФ на правах специальных миссий (военные базы, миротворческие контингенты) расположены более чем в 20 странах. Однако, специальные миссии, естественно, не исчерпываются только лишь военными целями. Это могут быть также и миссии по охране порядка, научно-исследовательские миссии. Правовой статус таких миссий определяется, как правило, двусторонними соглашениями. УК РФ регулирует ответственность военнослужащих РФ, проходящих службу за пределами нашей территории, в том числе и в рамках специальной миссии. По общему правилу, такие лица несут ответственность по отечественному уголовному закону, если иное не предусмотрено международными договорами России. Юрисдикция принимающего государства носит ограниченный характер. Она не распространяется на преступления, совершенные на ее территории военнослужащими военных баз посылающего государства, когда преступления связаны с исполнением обязанностей воинской службы либо направлены против интересов своего государства или своих граждан, а также в случае их совершения в пределах дислокации Вооруженных сил. В иных случаях, как правило, за общеуголовные преступления военнослужащие несут ответственность по законодательству принимающей страны. Показателен в этой связи пример российского военнослужащего В. П. Пермякова, осужденного за убийство в январе 2015 г. армянской семьи из семи человек в г. Гюмри. В соответствии со ст. 4 и 5 Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Армения по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с нахождением российской военной базы на территории Республики Армения от 29 августа 1997 г., было принято решение, что суд над В. П. Пермяковым будет проходить в Армении в гарнизонном военном суде на территории российской военной базы. Интересным является также тот факт, что параллельно с убийством В. П. Пермяков привлекался к ответственности за дезертирство, хищение и незаконное ношение оружия на основе российского уголовного законодательства, а за убийство, разбойное нападение и незаконное пересечение границы – в соответствии с уголовным законодательством Республики Армения.

Весьма интересно в рассматриваемом аспекте Соглашение между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики от 26 августа 2015 г. (с изменениями на 18 января 2017 г.), ст. 6 которого «Иммуниеты и привилегии» предусматривает, что российская авиационная группа

обладает полным иммунитетом от гражданской и административной юрисдикции Сирийской Арабской Республики. Имущество российской авиационной группы, как движимое, так и недвижимое, неприкосновенно, потому представители органов власти Сирийской Арабской Республики не имеют права посещать в места дислокации российской авиационной группы без согласия ее командира. Архив российской авиационной группы и все принадлежащие ей документы неприкосновенны, где бы они не находились.

Личному составу российской авиационной группы, включая ее командира, а также членам их семей предоставлены иммунитеты и привилегии, тождественные тем, которые предоставляются на международном уровне членам дипломатического персонала дипломатического представительства и членам их семей в соответствии с Конвенцией о ДС.

Транспортные средства и воздушные суда Российской Федерации, применяемые в интересах российской авиационной группы, обладают неприкосновенностью и иммунитетом от досмотра, обыска, реквизиции, ареста и иных принудительных мер.

В российском уголовном законодательстве положения, касающиеся иммунитетов, представлены в ч. 4 ст. 11 и ч. 2 ст. 12 УК РФ. При этом согласно ч. 4 ст. 11 УК РФ, вопрос о привлечении к уголовной ответственности дипломатических представителей и иных лиц, обладающих иммунитетом, если они совершили преступление на территории России, разрешается в соответствии с международно-правовыми нормами. Данное положение полностью совпадает с ч. 7 ст. 13 Модельного УК для государств-участников СНГ.

Что же касается норм, предусматривающих особенности уголовной ответственности военнослужащих воинских частей, дислоцирующихся за пределами РФ, то здесь положения ч. 2 ст. 12 УК РФ и ч. 6 ст. 13 Модельного УК для государств – участников СНГ разнятся: согласно Модельному УК, ответственность таких лиц, в случае совершения ими преступления, наступает в соответствии с межгосударственными договорами, а в соответствии с УК РФ в аналогичной ситуации ответственность будет наступать согласно нормам УК РФ, если иное не предусмотрено международным договором РФ, что следует признать более верным.

Пристатейный библиографический список

1. Гигинейшвили М. Т. Иммунитет высших должностных лиц: соотношение практики Международного Суда ООН и Международного уголовного суда // *Евразийский юридический журнал*. 2022. № 5 (168). С. 33-38.
2. Иногамова-Хегай Л. В. *Международное уголовное право: учеб. пособие*. М.: Проспект, 2015. 112 с.
3. *Российское уголовное право. Общая часть: учебник для вузов* / Под ред. В. П. Коняхина и М. Л. Прохоровой. М.: Контракт, 2014. 560 с.
4. Прохорова М. Л., Князькина А. К., Сильченко Е. В. *Действие международного уголовного права в пространстве* // *Общество: политика, экономика, право*. 2022. № 8 (109). С. 43-52.
5. *Уголовное право Российской Федерации. Общая часть* / Под ред. В.С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М., 2012. 879 с.

АЛЬХИМЕНКО Юлия Валерьевна

аспирант Факультета подготовки научных кадров Университет прокуратуры Российской Федерации

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО УГОЛОВНОГО ДЕЛА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются перспективы применения электронного уголовного дела в условиях цифровизации уголовно-процессуального доказывания в Российской Федерации. Автор анализирует зарубежный опыт ведения уголовного судопроизводства в электронном виде, позволяющий оценить перспективы и целесообразность его внедрения в отечественное право. Анализ внесенных в российский уголовно-процессуальный закон изменений позволяет сделать вывод о поступательном развитии законодателем норм, регулирующих возможность применения электронного уголовного дела.

Ключевые слова: уголовный процесс, электронное уголовное дело, электронные доказательства, электронные средства доказывания, электронный документ, информационная система, цифровизация, следственные действия, электронная информация, электронный носитель информации.

Альхименко Ю. В.

ALKHIMENKO Yuliya Valerjevna

postgraduate student of the Faculty of Training Scientific Personnel of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

PROSPECTS FOR APPLICATION OF ELECTRONIC CRIMINAL CASE IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article discusses the prospects for the use of an electronic criminal case in the context of digitalization of criminal procedural evidence in the Russian Federation. The author analyzes the foreign experience of conducting criminal proceedings in electronic form which makes it possible to assess the prospects and feasibility of its introduction into domestic law. An analysis of the amendments made to the Russian criminal procedure law allows us to conclude that the legislator is progressively developing the rules governing the possibility of using an electronic criminal case.

Keywords: criminal trial, electronic criminal case, electronic evidence, electronic means of proof, electronic document, information system, digitalization, investigative actions, electronic information, electronic media.

Почти десять лет назад А. Ф. Абдулвалиевым определено понятие электронного уголовного дела, которое представляет собой «электронный носитель, предназначенный для хранения цифровой информации – материалов уголовного дела, полностью заменяющий собой бумажный вариант уголовного дела, позволяющий использовать его вместе с портативным компьютером для собирания доказательств в рамках расследования и рассмотрения уголовного дела» [1, с. 59], которое в целом не теряет своей актуальности и до нашего времени, в связи с чем взято за основу в данном исследовании.

Расширение границ сферы IT¹ неразрывно связано с развитием общества. Достижения научно-технического прогресса проникают во все сферы общественной жизни, включая правоотношения с государством в области уголовного судопроизводства, которое, как известно, состоит из «уголовно-процессуальной деятельности государственных органов и уголовно-процессуальных отношений этих органов с гражданами и организациями, а также между собой» [2, с. 34-36].

Отечественным законодателем на сегодняшний день предприняты попытки трансформировать уголовное судопроизводство путем его цифровизации. За последние несколько лет «последовательно были внесены изменения в нормы УПК, разрешающие использование в судах общей

юрисдикции средств видеоконференц-связи. Тем самым была расширена правовая база для использования технических средств в судопроизводстве» [3, с. 56]. Действующим уголовно-процессуальным законом возможность ведения уголовного судопроизводства в электронном формате урегулирована фрагментарно, реализация такой возможности предусмотрена в процессе доказывания при проведении некоторых следственных действий с использованием технических средств (например, ст.ст. 177, 178, 179, 181, 186, 189, ст. 189.1, 191 УПК РФ) и составлении протоколов (ст. 166 УК РФ), в судебной стадии (ст.ст. 241.1, 474.1 УПК РФ).

Однако «особенность доказывания в уголовном судопроизводстве заключается в неразрывной связи его познавательного и удостоверительного аспектов» [4, с. 220-221]. Уголовное дело представляет собой систематизированную совокупность процессуальных документов, изготовленных на бумажном носителе и удостоверенных подписями уполномоченных должностных лиц и лиц, участвовавших в производстве следственных действий. Поскольку «уголовно-процессуальное доказывание в России традиционно связано с его удостоверительным началом, которое означает, что все действия лица, осуществляющего следствие или дознание, без всякого депонирования связаны с письменной формой делопроизводства» [5, с. 98], физическая его основа должна быть представлена на бумажном носителе.

Вместе с тем Федеральный закон от 27.12.2018 № 533-ФЗ «О внесении изменений в ст.ст. 76.1, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс

¹ IT, Information technology (англ.) – информационные технологии. Кембриджский англо-русский словарь. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/англо-русский/it?q=IT>.

Российской Федерации»² дополнил УПК РФ ст. 164.1, которая регламентирует особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий, но лишь по некоторым составам преступлений, а также изменил диспозицию ст. 81.1 УПК РФ о порядке признания предметов и документов вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики, выделив в отдельную категорию электронные носители информации.

Федеральным законом от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти»³ уголовно-процессуальный закон дополнен ст. 474.1 УПК РФ, которая регламентирует порядок подачи в суд ходатайства, заявления, жалобы или представления в форме электронного документа. Впоследствии данная норма в значительной степени конкретизирована, в том числе и указанием на необходимость наличия усиленной квалифицированной подписи, удостоверяющей поданный документ⁴.

Примечателен опыт казахских коллег. Уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан предполагает ведение уголовного судопроизводства не только в рамках действующих стандартов уголовного делопроизводства, но и в электронном виде (ч. 1 ст. 42.1 УПК РК⁵), при этом прокурору не только процессуальные документы, но и материалы уголовного дела направляются также в электронном формате (ч. 3 ст. 42.1 УПК РК). Отдельные положения о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате на стадии досудебного расследования утверждены приказом Генерального прокурора Республики Казахстан от 03.01.2018 № 2 «Об утверждении Инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате»⁶.

Перспективы применения электронного уголовного дела в Российской Федерации связаны не только с законодательным урегулированием данного формата, но и с техническим обеспечением возможности функционирования.

В Российской Федерации «развитие информационного общества, формирование национальной цифровой экономики с использованием информационных и коммуникационных технологий»⁷ определено Стратегией развития инфор-

мационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы, утвержденной Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203. В целях «повышения эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти»⁸ принято Постановление Правительства РФ от 10.10.2020 № 1646, определившее цифровую трансформацию государственных органов.

Указом Президента РФ от 22.05.2015 № 260 «О некоторых вопросах информационной безопасности Российской Федерации» утвержден Порядок подключения информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и размещения (публикации) в ней информации через российский государственный сегмент информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»⁹, в рамках отдельных государственных органов организованы защищенные сети передачи данных¹⁰, развивается единая система межведомственного электронного взаимодействия¹¹, согласно которой участники сети осуществляют государственные функции в электронном виде.

На цифровую трансформацию также направлено принятие ведомственных нормативных правовых актов.

Как известно, уголовное судопроизводство состоит из «уголовно-процессуальной деятельности государственных органов и уголовно-процессуальных отношений этих органов с гражданами и организациями, а также между собой», а в системе этих органов прокуратура Российской Федерации уполномочена осуществлять уголовное преследование.

В целях совершенствования информационного обеспечения органов и организаций прокуратуры Российской Федерации, определения основных приоритетов и принципов его развития, активизации деятельности в области информатизации приказом Генерального прокурора РФ от 14.09.2017 № 627 утверждена Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года, которой определено преимущественное использование данных в цифровой форме, использование электронного документооборота в органах прокуратуры в целях перехода на безбумажное делопроизводство. Поэтапная реализация Концепции также включает в себя внедрение системы мониторинга и учета цепочки всех возможных решений, принятых по сообщению о происшествии (престу-

2 Федеральный закон от 27.12.2018 № 533-ФЗ «О внесении изменений в ст.ст. 76.1, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 53 (ч. I). – Ст. 8459.

3 Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 26 (ч. I). – Ст. 3889.

4 Федеральный закон от 29.12.2022 № 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 1 (ч. I). – Ст. 57.

5 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V (в последней ред. от 12.09.2022) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. – 2014. – №15-II (2664-II). – Ст. 88.

6 Приказ Генерального прокурора Республики Казахстан от 03.01.2018 № 2 «Об утверждении Инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800016268> (дата обращения: 01.05.2023).

7 Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.

8 Постановление Правительства РФ от 10.10.2020 № 1646 (в последней ред. от 01.02.2023) «О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – №42 (ч. III). – Ст. 6612.

9 Указ Президента РФ от 22.05.2015 № 260 «О некоторых вопросах информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 21. – Ст. 3092.

10 Защищенная сеть передачи данных - информационная система Единого портала тестирования на базе технических средств аппаратно-программного комплекса шифрования, защищённая на сетевом уровне от несанкционированного доступа через внешние информационно-телекоммуникационные сети «Интернет» // Информационная система единый портал тестирования. Руководство пользователя. Подключение к защищенной сети передачи данных. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://umkrtn.ru/upload/doc/ept/UserManual_ConnectingEPT.pdf?roistat_visit=2527595.

11 Постановление Правительства РФ от 08.09.2010 № 697 «О единой системе межведомственного электронного взаимодействия» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 38. – Ст. 4823.

плении), начиная от его регистрации до вынесения приговора суда, а также контроля передачи уголовных дел между субъектами Российской Федерации с помощью единой защищенной сети передачи данных органов прокуратуры и в рамках межведомственного взаимодействия¹².

Исходя из предложенного А. Ф. Абдулвалиевым определения термина «электронное уголовное дело», обязательным его составляющим является «электронный носитель, предназначенный для хранения цифровой информации». Электронный носитель представляет собой «материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники»¹³. К числу таковых можно отнести не только жесткие диски стационарных персональных компьютеров, флэш-носители, но и серверы хранения данных.

Таким образом, электронное уголовное дело, исходя из специфики цифровой природы, существует в цифровой форме, пригодной для отображения электронно-вычислительными машинами, характеризуется подлинностью данных (материалов уголовного дела), что обеспечивает возможность проверки их происхождения в целях соблюдения требований ст. 88 УПК РФ.

Процессуальные документы в электронном уголовном деле представлены в цифровом виде и характеризуются возможностью их легкого уничтожения (удаления) и модификации.

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», под уничтожением компьютерной информации понимается приведение такой информации полностью или в части в непригодное для использования состояние с целью утраты возможности ее восстановления, независимо от того, имеется ли фактически такая возможность и была ли она впоследствии восстановлена, под модификацией – внесение в нее любых изменений, включая изменение ее свойств, например целостности или достоверности.

Для обеспечения выполнения требований ст. 161 УПК РФ, недопущения искажения действительного содержания документов, в целях соблюдения критерия достоверности материалы уголовного дела, как и каналы их передачи, должны быть защищены.

Уголовно-процессуальным законом предусмотрена возможность составления протокола следственных действий с помощью технических средств, однако его представление в электронном виде является затруднительным, поскольку протокол должен быть подписан как лицом, ведущим производство по уголовному делу, так и всеми участвующими лицами (ст. 166 УПК РФ). На данный момент удостоверение документов усиленными квалифицированными электронными подписями возможно исключительно на судебных стадиях уголовного процесса согласно ст. 474.1 УПК РФ.

Исходя из опыта казахских коллег, согласно приказу Генерального прокурора Республики Казахстан от 03.01.2018 № 2 «Об утверждении Инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате» одним из признаков электронного формата уголовного судопроизводства является возможность дистанционного обращения участников к материалам уголовного дела. Однако в настоящее время указанный признак пока не нашел своего отражения в отечественном уголовно-процессуальном законе.

Отдельные примеры правового регулирования электронной формы уголовного судопроизводства, в частности ст. 474.1 УПК РФ, свидетельствуют о том, что в настоящее время российское уголовно-процессуальное законодательство не готово к столь кардинальным изменениям и отказу от ведения уголовного судопроизводства на бумажном носителе, однако очевидные темпы цифровизации всех сторон общественной жизни, увеличение количества пользователей торговых, государственных электронных площадок, вовлечение в орбиту уголовного права ИТ (ст.ст. 272-274.2 УК РФ и др.) свидетельствуют о необходимости комплексного подхода к законодательному урегулированию возможности применения электронного уголовного дела.

В единую «цифровую среду» уголовного судопроизводства предлагается включить возможность отслеживания движения уголовного дела от подачи заявления в электронной форме до вынесения приговора, а также фиксацию хода следственных и иных процессуальных действий с помощью технических средств и сохранение их результатов в электронном виде, предполагающее возможность неоднократного доступа к ним в целях ознакомления заинтересованных субъектов уголовного процесса.

Пристатейный библиографический список

1. Абдулвалиев А. Ф. Предпосылки и перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельность судебных органов // Право и политика. – 2013. – № 1. – С. 58-65.
2. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. – М.: Наука, 1968. – Т. 1. – 470 с.
3. Сильнов М. А., Герман А. С. Практика применения видеоконференц-связи в уголовном процессе // Уголовный процесс. – 2012. – № 9. – С. 56-59.
4. Башкатов Я. Н. и др. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / Отв. ред. И. Л. Петрухин, И. Б. Михайловская. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2010. – 688 с.
5. Сильнов М. А. О депонировании доказательств и перспективах института следственных судей // Следственная практика. Вып. 201. – 2017. – С. 95-101.

12 Приказ Генерального прокурора РФ от 14.09.2017 № 627 (в последней ред. от 25.11.2022) «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» // Законность. – 2017. – № 12.

13 ГОСТ 2.051-2013. Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения // Межгосударственный совет по стандартизации, метрологии и сертификации. – М.: Стандартинформ, 2014.

ИВАНОВА Людмила Аполлоновна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

В статье рассматриваются поэтапно исторические предпосылки становления и развития законодательства России в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. 1 этап. Становление законодательства в сфере оборота сильно действующих и ядовитых веществ. (конец X века – XV век). 2 этап. Постепенная систематизация норм легального оборота сильнодействующих и ядовитых веществ (1497-1845 гг.). 3 этап. Формирование конкретных норм об уголовной ответственности за незаконный оборот сильнодействующих и ядовитых веществ (1845-1922 гг.). 4 этап. Формирование системы норм легального оборота наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ в советском праве. (1918-1960 гг.). 5 этап. Отграничение преступлений, предметом которых являются наркотические средства и психотропные вещества от преступлений, предметом которых являются сильнодействующие и ядовитые вещества. (1960-1966 гг.).

Ключевые слова: оборот наркотических средств, оборот психотропных веществ.

IVANOVA Lyudmila Apollonovna

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative law and administrative activities of the DIA of the East Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk

DOMESTIC EXPERIENCE IN THE FORMATION OF CRIMINAL LIABILITY FOR ILLICIT TRAFFICKING IN NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES

The article examines the stage-by-stage historical prerequisites for the formation and development of Russian legislation in the field of combating illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances. Stage 1. Formation of legislation in the field of circulation of highly active and toxic substances. (end of the 10th century - 15th century). Stage 2. Gradual systematization of norms for the legal circulation of potent and toxic substances (1497-1845). Stage 3. Formation of specific norms on criminal liability for the illegal circulation of potent and poisonous substances (1845-1922). Stage 4. Formation of a system of norms for the legal circulation of narcotic, potent and poisonous substances in Soviet law. (1918-1960). Stage 5 Separation of crimes, the subject of which are narcotic drugs and psychotropic substances, from crimes, the subject of which are potent and poisonous substances. (1960-1966).

Keywords: narcotic drugs, circulation of psychotropic substances.

Всю историю становления и развития законодательства России в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ можно условно поделить на 6 этапов. Рассмотрим каждый этап более подробно и выделим основные правовые акты всех периодов становления и развития российского уголовного законодательства в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

1 этап. Становление законодательства в сфере оборота сильно действующих и ядовитых веществ. (конец X века – XV век).

История регламентации оборота наркотических средств и психотропных веществ на Руси берет свое начало с конца X-XI веков. В то время язычество в некоторых регионах еще занимало устойчивые позиции, в связи с чем было распространено проведение примитивных религиозных обрядов. Данные обряды включали в себя употребление различных зелей, которые производили одурманивающий эффект. Указанной проблемой была обеспокоена христианская церковь. Ее служители обладали полномочиями по борьбе с зелье варением. Так, согласно Церковному уставу Владимира Мономаха [1],

лица, уличенные в зелиничестве (изготовление зелий), подвергались церковному суду.

2 этап. Постепенная систематизация норм легального оборота сильнодействующих и ядовитых веществ. (1497-1845 гг.):

Дальнейшая систематизация норм древнерусского права антинаркотической направленности произошла в XV-XVI веках в связи с изданием Судебников 1497 г., 1550 г. [1, С. 396-371]. В это время была организована первая царская аптека, в которой впервые стал продаваться опиум в качестве лекарственного средства [2]. Это послужило причиной дальнейшего совершенствования существующих правил. Соборным Уложением 1649 г. вопросы контроля оборота лекарств, содержащих наркотические средства, были переданы воеводам, подчиненным Земскому приказу (в пределах Москвы) и Разбойному приказу (в пределах Московского уезда).

Бурное развитие России в XVIII веке отразилось, в том числе, и на законодательстве в разmatываемой области. Законный оборот наркотических средств был упорядочен принятием ряда важных нормативных актов¹. Среди них: «О поряд-

1 Калачев Б.Ф. Наркотики на Руси. Третий этап: всероссийская империя. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.narkotiki.ru/5_5284.htm (дата обращения: 15.02.2022).

ке продажи ядовитых вещей и аптекарских материалов» 1813 г., «О новых правилах продажи ядовитых и сильнодействующих веществ и каталогах оных» 1830 г., «Кокаин, отравления им и воспрещение продажи безрецепта» 1892 г., «Списки ядовитых и сильнодействующих веществ» 1892 г. и другие.

3 этап. Формирование конкретных норм об уголовной ответственности за незаконный оборот сильнодействующих и ядовитых веществ (1845-1922 гг.):

Впервые в том виде, в котором мы знаем, уголовная ответственность за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ появилась в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных Российской Империи 1845 г. [3] Следует отметить, что предметом рассматриваемых преступлений являлись ядовитые и сильнодействующие вещества. Однако, согласно приложению к ст. 879 Устава Врачебного 1857 г. [4] в данную категорию входили соединения, которые в настоящее время отнесены к наркотическим средствам и психотропным веществам. Была введена ответственность за нарушение правил отпуска наркотических средств и психотропных веществ специальным субъектом, правил хранения и использования. Более того в ст. 1077 анализируемого акта предусматривался квалифицированный состав, влекущий более строгое наказание в случае наступления смерти при совершении преступлений, предусмотренных ст. 1075 и 1076.

Несмотря на то, что положения Уголовного Уложения 1903 г. [5] так и не вступили в силу на всей территории России, исследование данного акта позволяет проследить развитие законодательства в рассматриваемой сфере. Согласно ст. 201 Уголовного Уложения 1903 г. среди специальных субъектов были выделены категории, такие как «управляющий аптекою, фабрикою или лабораториею» и «ученик, виновный в исполнении правил о хранении, отпуске или употреблении веществ».

Сравнивая два дореволюционных акта, видно, что в последнем законодатель уходит от перечисления конкретных правонарушений.

Еще одним важным дореволюционным нормативным актом является указ «О мерах по борьбе с опиумом» 1915 г. [6] Его действие распространялось на территории Забайкальской области, Приамурского генерал-губернаторства, Иркутского генерал-губернаторства. Это был первый нормативный правовой акт, полностью посвященный проблеме борьбы с наркотизмом, в связи с чем его можно считать отправной точкой в истории становления антинаркотического законодательства России. Данным указом впервые вводились понятия «приобретение», «перевозка» и «хранение» наркотиков, запрещалось предоставлять помещения для опиумокурения.

В 1916 г. по инициативе Департамента здравоохранения опиум стал производиться как лекарственное средство обеспечения медикаментов в Первой мировой войне [7].

4 этап. Формирование системы норм легального оборота наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ в советском праве. (1918-1960 гг.):

28 февраля 1918 г. Советом Народных Комиссаров (далее СНК) было издано постановление «О борьбе со спекуляцией». Под спекуляцией в данном акте понимались любые действия, запрещенные властями в части торговли,

хранения, перевозки и прочее. Его действие распространялось и на оборот наркотических средств и психотропных веществ. Согласно ст. 37, лицо, уличенное в спекуляции наркосодержащими веществами, подвергалось Революционному трибуналу, его имущество подлежало конфискации [8].

В 1926 году была принята новая редакция УК РСФСР², предусматривающая более суровое наказание за содержание притонов и промысел.

Постановление ВЦИК и СНК ССР от 23 мая 1928 г. «О мерах регулирования торговли наркотическими веществами»³ установило запрет на свободный оборот кокаина, морфия, опия, гашиша, героина, определило обязательным утверждение количества наркотиков для лечебных целей.

5 этап. Отграничение преступлений, предметом которых являются наркотические средства и психотропные вещества от преступлений, предметом которых являются сильнодействующие и ядовитые вещества (1960-1966 гг.).

В 1960 г. вступил в силу Уголовный кодекс РСФСР⁴, в котором законодатель впервые разграничил нарушение правил легального оборота и преступления, связанные с незаконным оборотом. Также среди сильнодействующих и ядовитых веществ была выделена категория наркотических веществ.

В связи с изменениями в уголовном кодексе Верховным Судом СССР были даны разъяснения и рекомендации по квалификации преступлений с учетом описанных выше законодательных новшеств. 26 сентября 1975 года вышло постановление Пленума Верховного Суда СССР «О судебной практике по делам о хищениях наркотических средств, незаконном изготовлении и распространении наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ»⁵. Важно отметить, что в уголовном кодексе указание на специального субъекта при нарушении правил оборота наркотических средств отсутствовало, в связи с чем представленное постановление оказало существенное влияние на практику применения анализируемого состава.

В связи с подписанием и ратифицированием СССР Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года, указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1987 г.⁶ было поручено привести национальное законодательство в соответствие с международным. В частности, в ст. 224, 2241, 2242, 2261 УК РСФСР 1960 г. термин «наркотические вещества» был заменен на «наркотические средства».

6 этап. Дальнейшее развитие законодательства в рассматриваемой области в настоящее время (1996 г. – настоящее время).

В новейшей истории основными вехами в рамках рассматриваемой проблематики является принятие Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. и федерального зако-

2 Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. - 06.12.1926. - № 80. - Ст. 600.

3 СЗ ССР. - 1928. - № 33. - С. 290.

4 Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. - 1960. - № 40. - Ст. 591.

5 Бюллетень Верховного Суда ССР. - 1975. - № 6.

6 Ведомости ВС ССР. - 1987. - № 25. - Ст. 354.

на «О наркотических средствах и психотропных веществах» 1998 г.

Существующие ранее составы из материальных преобразовались в формальные, понятие «вещества, используемые для изготовления...» было заменено понятием «прекурсоры наркотических средств и психотропных веществ», понятие «растения, используемые для производства...» было заменено понятием «растения, содержащие наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры для использования в научных, учебных целях и в экспертной деятельности». (Федеральным законом от 02.08.2019 № 304-ФЗ⁷ понятие было расширено до «растения, содержащие наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры для использования в научных, учебных целях и в экспертной деятельности либо для производства используемых в медицинских целях и (или) ветеринарии наркотических средств и психотропных веществ»).

На сегодняшний день наблюдается снижение количества преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ. Согласно официальным статистическим данным МВД России в 2021 году было зарегистрировано 179732 преступления, что на 5,4 % меньше, чем в 2020 году (189 905 преступлений)⁸. На протяжении последних пяти лет также наблюдается снижение количества данных преступлений.

Таким образом, развитие норм регулирования оборота наркотических средств и психотропных веществ неразрывно связано с развитием антинаркотической политики в целом. Борьба против незаконного оборота одурманивающих веществ началась еще в древней Руси. Постепенно появлялись правила обращения с такими веществами. Конкретный состав, регламентирующий ответственность за нарушение правил оборота ядовитых и сильнодействующих веществ был впервые законодательно оформлен в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных Российской Империи 1845 г. В дальнейшем положения указанного акта были развиты в Уголовном уложении 1903 года, статьи, предусматривающие ответственность за нарушение правил оборота, приобрели исключительно бланкетный характер. В советский период уголовный закон долгое время не содержал конкретных норм, предусматривающих ответственность за нарушение рассматриваемых правил. Важной вехой в рассматриваемой области было принятие УК РСФСР 1960 года. В данном законе наркотические вещества были отделены от сильнодействующих и ядовитых, был сформулирован перечень деяний, состоящих в нарушении правил оборота наркотических и других сильнодействующих и ядовитых веществ. В последствии было

произведено разделение преступлений, связанных с оборотом наркотических веществ и преступлений, связанных с оборотом сильнодействующих и ядовитых веществ. С принятием УК РФ 1996 года предметом рассматриваемого преступления являются наркотические средства и психотропные вещества. Кроме того, наблюдается историческая обусловленности выделения уголовной ответственности за нарушения правил оборота наркотических средств и психотропных веществ, а также о необходимости совершенствования законодательства в данной области в настоящее время.

Пристатейный библиографический список

1. Российское законодательство X-XX веков. В 9-ти томах. Т. I. Законодательство Древней Руси. Под ред. В. Л. Янина. - М.: Юрид. Лит., 1984. - С. 148-150.
2. Калачев Б. Ф. Что об этом мы знаем? Из истории распространения наркотиков и наркомании в России. Эйфория распада. - М.: Молодая гвардия, 1991. - С. 42-51.
3. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных Российской Империи 1845 г. - СПб.: Типография второго отделения собственной его Императорского Величества Канцелярии, 1845. - С. 439.
4. Устав врачебный 1857 г. // Свод законов Российской империи. - Том 13. - СПб., 1857. - Ст. 651.
5. Новое Уголовное Уложение. - СПб.: Издание Каменноостровского Юридического Книжного Магазина В. П. Анисимова, 1903. - С. 79.
6. Свод законов Российской Империи в Пяти книгах. Книга Пятая. Т. XIII-XIV.
7. Батлер У. Э. Наркотики и ВИЧ/СПИД в России: правовое положение программ снижения вреда в России. - М., 2006. - С. 43.
8. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917-1952. - М., 1953. - С. 28.

⁷ Федеральный закон от 02.08.2019 № 304-ФЗ «О внесении изменений в статью 228.2 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собр. Законодательства Рос. Федерации. - 2019. - № 31. - Ст. 4463.

⁸ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 года // Официальный сайт МВД России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--r1ai/reports/item/28021552/> (дата обращения: 20.04.2023).

КОСТЕНКО Алла Игоревна

аспирант кафедры уголовного права Волгоградского государственного университета

КАРАТЕЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ, ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ И КОНКРЕТИЗАЦИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ*

Статья посвящена комплексному исследованию карательного содержания ограничения свободы и его отражению в уголовном законе. Автор рассматривает ключевые аспекты, анализирует составляющие карательной функции данного вида наказания. Дискуссионным продолжает оставаться вопрос о достаточности карательного потенциала ограничения свободы и соответствия его целям назначения уголовного наказания. Выделяются и описываются проблемы правоприменения установленных статьей 53 УК РФ ограничений. На основании проведенного анализа обосновывается вывод о необходимости внесения изменений в действующее уголовное и уголовно-исполнительное законодательство.

Ключевые слова: ограничение свободы, карательное содержание, уголовное наказание, уголовное законодательство, уголовно-исполнительная инспекция, система электронного мониторинга подконтрольных лиц.

KOSTENKO Alla Igorevna

postgraduate student of Criminal law sub-faculty of the Volgograd State University

THE PUNITIVE CONTENT OF THE RESTRICTION OF LIBERTY, ITS REFLECTION IN THE CRIMINAL LAW AND SPECIFICATION IN THE PROCESS OF LAW ENFORCEMENT**

The article is devoted to a comprehensive study of the punitive content of the restriction of liberty and its reflection in the criminal law. The author examines the key aspects, analyzes the components of the punitive function of this type of punishment. The issue of the sufficiency of the punitive potential of restriction of liberty and its compliance with the goals of imposing criminal punishment continues to be debatable. The problems of law enforcement established by Article 53 of the Criminal Code of the Russian Federation are identified and described. On the basis of the analysis carried out, the conclusion about the need to make changes to the current criminal and criminal-executive legislation is substantiated.

Keywords: restriction of liberty, punitive content, criminal punishment, criminal law, penitentiary inspection, system of electronic monitoring of controlled persons.

Костенко А. И.

Конституция РФ провозглашает человека «высшей ценностью», обладающей неотъемлемыми и неотчуждаемыми правами и свободами, которые нельзя отменить или ограничить какими-либо законами (ч. 2 ст. 55). Вместе с тем, как обоснованно замечает О. В. Мартышин, формулировка «высшая ценность» является в большей степени эмоциональным, декларативным выражением, лишенным юридического наполнения, и его не должно быть в тексте Конституции [6, с. 26]. Конституционные права (в том числе право на свободу передвижения) обладают высшей силой в системе прав человека. Они неотчуждаемы, но в то же время их можно связать с определенными границами.

Очевидно, что любое ограничение вступает в противоречие с основными правами человека, закрепленными в главе 2 Конституции РФ. При этом само по себе ограничение не может ставить под сомнение какое-либо право, поскольку такие ограничения не отменяют его, а лишь служат исключением из правила. Конституция РФ, допускающая возможность ограничения прав, одновременно устанавливает пределы такому ограничению, а также строгие основания и порядок реализации мер, ограничивающих

права граждан. В ч. 3 ст. 55 Конституции РФ закреплено, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Этому перечню в полной мере соответствует система наказаний, установленных уголовным законодательством.

Как следует из курса формальной логики, совокупность тех или иных элементов может находиться в двух противоположных состояниях – хаос и порядок, между которыми возможны некие переходные состояния. Именно система определяется как упорядоченная совокупность элементов, между которыми существуют или могут быть созданы определенные отношения. При этом сама по себе системность, как указывает О. Э. Лейст, выступает одним из существенных признаков права [5, с. 66]. Действительно, значительная часть юридических категорий нуждается в определенном упорядочении, а именно систематизация является наиболее высокой степенью упорядоченности.

Из приведенного определения вытекает логичный вывод о том, что каждой системе свойственны определенные принципы, по которым она построена. Например, система юридической ответственности построена на следующих функциях: восстановительная, карательная (штрафная) и предупредительная. При этом карательная функция обычно характерна для публичных отраслей.

* Научный руководитель - Лобанова Любовь Валентиновна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Волгоградского государственного университета.

** Scientific supervisor - Lyubov Valentinovna Lobanova, Ph.D. in Law, professor, Head of Criminal law sub-faculty of the Volgograd State University.

Все вышеизложенное присуще и составной части системы юридической ответственности – системе уголовных наказаний, составным элементом которой выступает ограничение свободы. В Уголовном кодексе РФ¹ (далее – УК РФ) все наказания расположены в порядке возрастания: от менее строгого вида наказания к более суровому. Следовательно, по месту конкретного уголовного наказания в системе можно судить о его карательном или, напротив, исправительном содержании (в преимущественной степени, ведь каждое наказание в соответствии со ст. 43 УК РФ преследует обе этих цели).

Ограничение свободы регламентировано ст. 53 УК РФ. Следует отметить, что в шкале наказаний, установленной в ст. 44 УК РФ, ограничение свободы занимает лишь седьмое место, что косвенно указывает на низкий карательный потенциал данного вида наказания и его направленность, в основном, на исправление и ресоциализацию осужденного.

В результате социологического опроса проведенного среди работников Калачевского районного суда Волгоградской области и Ворошиловского районного суда г. Волгограда было выявлено, что 71 процент опрошенных (всего в опросе приняли участие 21 респондент), считают, что ограничение свободы как вид уголовного наказания не соответствует его целям и юридической сущности.

Действительно, если исходить из закрепленных в ст. 43 УК РФ целей назначения уголовных наказаний, можно сделать вывод, что через них достигается как общее, так и специальное предупреждение правонарушений (общая и частная превенция). Однако нельзя забывать о том, что воспитательно-профилактическое воздействие в режиме общей и частной превенции не исключает элементов кары. Здесь уместно вспомнить о том, что неизменным атрибутом Фемиды является меч – символ с очевидно карательным значением. Таким образом, можно констатировать, что любое уголовное наказание все же имеет двойственную цель – превентивно-карательную.

Карательное содержание рассматриваемого наказания составляют следующие ограничения:

1) обязательные:

– изменение местожительства или места пребывания без согласия государственного органа, уполномоченного на надзор за осужденными;

– выезд за границы территории муниципального образования, где находится местожительство или место пребывания осужденного;

2) факультативные:

– оставление жилища в определенное время суток;

– посещение определенных мест в границах территории муниципалитета, где находится местожительство или место пребывания осужденного;

– посещение или участие в массовых либо других мероприятиях;

– изменение места работы и (или) учебы [10, с. 589].

Также осужденный должен являться для регистрации в государственный орган, уполномоченный на надзор за осужденными, от 1 до 4 раз в месяц (конкретное количество явок устанавливается в приговоре суда).

По результатам опроса основной причиной непопулярности у судей РФ назначения ограничения свободы как основного вида уголовного наказания является его низкая карательная функция, 52 процента опрошенных считают, что для повышения эффективности наказания в виде ограничения свободы необходимо изменить обязательные ограничения в сторону ужесточения, дополнив их обязательными работами, запретом пользования телефоном и компьютером,

обязанностью при необходимости пройти курс лечения от алкоголизма или наркомании и т.п.

В научной литературе давно звучат предложения расширить вышеуказанный список запретов, чтобы максимальным образом индивидуализировать назначение исследуемого вида наказания. Например, З. Р. Рахматулин пишет, что в период отбывания ограничения свободы отсутствие трудовой деятельности осужденного ведет к возобновлению преступной деятельности ради получения средств к существованию. Особенно часто к этому склонны лица, страдающие алкоголизмом, наркоманией или клептоманией. По мнению указанного автора, расширение содержания наказания в виде ограничения свободы могло бы поспособствовать решению подобных проблем [8, с. 106].

И. В. Соколов предложил следующие дополнительные (факультативные) запреты, которые могли бы налагаться по приговору суда при назначении наказания в виде ограничения свободы:

1) не общаться с определенными людьми (например, своими бывшими поделщиками или другими преступными элементами);

2) не владеть и не пользоваться определенным имуществом (т.е. таким, которое могло бы поспособствовать совершению осужденным новых преступлений);

3) не употреблять алкогольные напитки, наркотические средства, психотропные, токсические или иные одурманивающие вещества (если суд установит, что эти напитки, средства и вещества непосредственно повлияли на совершение осужденным преступления) [9, с. 24].

Часть 1 ст. 53 УК РФ, где установлена обязанность осужденного являться в уполномоченный орган на регистрацию, И. В. Соколов предлагает дополнить такими обязанностями, как:

– принять меры по своему трудоустройству;

– оказывать помощь семье;

– принимать посещения сотрудника уполномоченного органа и предоставлять по его запросу сведения или документы, необходимые для осуществления надзора за осужденным;

– пройти курс лечения от способствовавшего осуществлению преступной деятельности заболевания (алкоголизма, клептомании, наркомании и т.д.).

Как представляется, реализация этих предложений действительно позволила бы наиболее полным образом учесть все особенности личности преступника, чтобы реализовать предупредительную цель наказания в виде ограничения свободы.

Возвращаясь к действующему законодательству, отметим, что в период отбывания ограничения свободы суд наделен правом поменять объем запретов, указанных в приговоре, по предложению уголовно-исполнительной инспекции. Уголовный закон позволяет менять объем запретов, как в сторону увеличения (дополняя их новыми), так и в сторону уменьшения (частично снимая старые), чтобы максимально учесть все особенности поведения осужденного.

Ограничение свободы исполняется в порядке, предусмотренном главой 8 Уголовно-исполнительного кодекса РФ² (далее – УИК РФ) и Инструкцией по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы, утвержденной приказом Минюста РФ от 11.10.2010 № 258³ (далее – Инструкция).

2 Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства РФ. – 13.01.1997. – № 2. – Ст. 198.

3 Приказ Минюста России от 11.10.2010 № 258 (ред. от 02.11.2016) «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы» // Российская газета. – № 243. – 27.10.2010.

1 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // СЗ РФ. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.

В ст. 47.1 УИК РФ сказано, что надзор за осужденными возлагается на уголовно-исполнительную инспекцию (далее – УИИ). Обычно обязанности между этими инспекциями распределяются по месту жительства осужденного. В ст. 54 УИК РФ приведен круг обязанностей сотрудников УИИ в отношении осужденных к ограничению свободы:

- вести их учет;
- разъяснять все необходимые моменты;
- осуществлять надзор;
- осуществлять профилактику нарушений режима отбывания наказания;
- при необходимости оказывать помощь с трудоустройством;
- проводить воспитательную работу;
- применять поощрения и взыскания;
- ходатайствовать перед судом об изменении объема запретов, составляющих содержание ограничения свободы.

В числе факультативных требований, установленных статьей 53 УК РФ, есть требование не покидать жилище в определенное время суток. Логично, что в большинстве случаев это время устанавливается судами как ночное. В данном случае возникает проблема контроля за исполнением данного ограничения. Проверку реализации запрета не покидать жилище в определенное время суток затрудняет ст. 60 УИК РФ, запрещающая работнику уголовно-исполнительной инспекции приходить к осужденному в ночное время суток. Таким образом, считаю целесообразным внести изменения в ст. 60 УИК РФ, разрешив работникам УИИ в целях осуществления контроля за осужденными, в случае необходимости иметь право прийти к ним в любое время суток.

В УИК РФ также приводятся обязанности осужденных, виды поощрений и взысканий, процедура их применения, ответственность за нарушения.

В силу п. 27 Инструкции надзор за осужденными к ограничению свободы осуществляется через системы электронного мониторинга подконтрольных лиц (далее – СЭМПЛ). Впервые меры электронного контроля преступников были применены в США. В 80-х годах XX века американский судья штата Нью-Мексико Дж. Лав, прочитав свежий комикс о Человеке-пауке, попросил компьютерного мастера М. Госса разработать особый браслет, который позволил бы удаленно контролировать преступников. В 1983 г. увидел свет первый приказ, в соответствии с которым нарушителям УДО надевали на ногу браслет слежения, позволявший в режиме реального времени проверять его поведение. В дальнейшем подобные устройства стали называться «самоидентификаторы».

В целом попытки реализации идеи электронного контроля над преступниками имели место и ранее. Первые средства слежения имели довольно простую схему действия: передатчик с приемником, радиус действия которых не превышал нескольких десятков метров. Обычно после вступления приговора в законную силу в доме преступника ставили радио-контроллер, подключенный к сети телефонной связи. На ногу у осужденного был браслет, соединенный датчиками слежения с контроллером. Если осужденный отходил от контроллера на расстояние, превышавшее расчетное, тревожный сигнал поступал по телефонной сети в полицию [7, с. 111].

Электронное отслеживание осужденных впервые использовали еще в 1979 г., однако для тех времен новшество посчитали слишком уж дорогостоящим и неэффективным по соотношению цена/качество. Только спустя 5 лет, вдохновившись опытом Нью-Мексико, власти штата Флорида пробили дорогу в жизнь для новой конструкции браслета, основанной на компьютеризации сигналов. Всего через каких-то пару лет такие браслеты уже были внедрены в 5 штатах и апробированы на сотнях осужденных.

СЭМПЛ давно и широко используются не только в Америке, но и в европейских странах. Например, в Великобрита-

нии на осужденных возлагают обязанность не только носить на теле датчик слежения, но и 5 раз в день связываться с организацией, которая установила датчик, в целях оперативного устранения возможных недостатков в его работе. Чтобы не перебивать сигнал датчика, осужденным запрещают пользоваться компьютером и мобильным телефоном. Особо опасных осужденных везде сопровождают полицейские [2, с. 21].

Конечно же, Россия при внедрении СЭМПЛ учла опыт зарубежных стран. Так, были взяты в качестве образцов отдельные элементы электронных браслетов (ЭБ), стационарных и мобильных контрольных устройств (СКУ и МКУ). Первые ЭБ производились на территории Израиля, поскольку отечественная промышленность не была готова сразу внедрить разработки американских коллег. Эксперимент по применению ЭБ начался в 2009 году на территории Воронежской области. Результаты получили высокую позитивную оценку, однако полноценное внедрение ЭБ отложили в связи с необходимостью закупки дорогостоящего иностранного оборудования, которое позволило бы наладить их бесперебойное производство в России, ведь иностранные ЭБ не были синхронизированы с отечественной системой навигации ГЛОНАСС [4, с. 15].

Первые испытания ЭБ отечественного производства были проведены в Самарской области (на территориях городских поселений Тольятти и Жигулевск). Это решение обуславливалось исключительно практическими соображениями: в г. Жигулевске находилось крупный завод по производству радиодеталей, поэтому там же оборудовали и предприятие по изготовлению ЭБ с российским программным обеспечением.

Интерес вызывает тот факт, что в России ЭБ и устройства СЭМПЛ оборудуются за счет государства, в то время как в Европе и США эти расходы возлагаются на осужденного (от 9 до 24 долларов в сутки).

В Постановлении Правительства РФ от 31.03.2010 № 198⁴ приведен следующий перечень аудиовизуальных, электронных и прочих технических средств надзора и контроля, используемых УИИ для надзора за осужденными к ограничению свободы:

1) ЭБ – это специальное устройство, фиксируемое в удобном месте на осужденном и позволяющее осуществлять его отслеживание. Срок ношения – от 3 месяцев. В дополнение к нему прилагается система контроля от незаконного снятия или повреждения;

2) СКУ – устанавливается в стационарном месте, предназначено для круглосуточного приема сигналов от ЭБ, позволяет идентифицировать присутствие осужденного в определенном месте, любые попытки снятия или повреждения;

3) МКУ – носится вместе с ЭБ, если осужденный находится вне места, оборудованного СКУ, и позволяет отслеживать его местоположение по сигналам систем ГЛОНАСС/GPS.

Вместе с тем Е. А. Зарембинская отмечает ряд проблем, возникших в практике применения СЭМПЛ, решение которых позволит улучшить эффективность этих систем:

1) аккумулятор МКУ не отличается большой емкостью, поэтому его необходимо достаточно часто заряжать (проблема актуальна для местностей, не оборудованных источниками электропитания);

2) радиус действия СКУ не настолько велик, как хотелось бы, что влечет за собой проблемы при его установке в частном домовладении с большой территорией, где есть подсобные постройки, стены которых приглушают сигнал;

4 Постановление Правительства РФ от 31.03.2010 № 198 «Об утверждении перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых уголовно-исполнительными инспекциями для обеспечения надзора за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы» // Российская газета. – № 72. – 07.04.2010.

3) ряд регионов России все еще характеризуется неустойчивостью связи;

4) зачастую осужденные намеренно эксплуатируют ЭБ ненадлежащим образом, из-за чего он быстрее выходит из строя, но привлечь к ответственности нарушителей нельзя, ведь никаких попыток вскрытия или повреждения не фиксируется. Поэтому целесообразно предусмотреть в законе применение по этим фактам мер воздействия [3, с. 5-6].

Также отметим, что в п. «б» ч. 4 ст. 58 УИК РФ законодатель говорит о злостном уклонении от отбывания ограничения свободы – это отказ от использования технических средств надзора и контроля. Согласно ч. 5 ст. 53 УК РФ выявление факта злостного уклонения позволяет суду по обращению УИИ заменить неотбытую часть наказания на принудительные работы или лишение свободы из расчета 1 день указанных наказаний к 2 дням ограничения свободы.

В свете освещения карательного содержания ограничения свободы необходимо обратить внимание, что конкретизация ограничения свободы должна исключать любые неясности в ходе исполнения наказания. Например, если устанавливается ограничение не покидать местожительство в определенное время суток, то в приговоре суд должен определить данное время. Так, Верховный Суд РФ посчитал необходимым уточнить приговор в части дополнительного наказания в виде ограничения свободы, установив с учетом положений ст. 53 УК РФ период ограничения не покидать постоянное место проживания (пребывания) с 22.00 до 6.00 часов.⁵

Если устанавливается ограничение в виде обязанности являться в УИИ от 1 до 4 раз в месяц для регистрации, то должно быть установлено конкретное количество явок. Определение количества явок – прерогатива исключительно суда, УИИ не может этого делать. Поэтому Верховный Суд РФ исключил из приговора указание на самостоятельную явку в УИИ по местожительству для регистрации и разъяснения порядка отбывания наказания ввиду неконкретности количества явок.⁶

Не подлежат расширению не только виды, но и объем правоограничений. Так, суд, назначая Бражникову и Барышеву дополнительное наказание в виде ограничения свободы, указал, что им запрещается посещать места в пределах конкретного муниципального образования; изменять постоянное местожительство и место пребывания; выезжать за пределы конкретного муниципального образования без согласия УИИ. Однако не указание конкретных мест, посещение которых запрещается осужденным, суд ухудшил их положение. В связи с этим Верховный Суд РФ исключил из приговора вышеуказанные ограничения.⁷

Другим примером неконкретного формулирования судом условий ограничения свободы судом подобного подхода может служить дело Я. При назначении данного вида наказания на Я. была возложена обязанность не покидать пределы города Сортавала. Верховный Суд РФ изменил данный приговор, указав, что в силу ч. 1 ст. 53 УК РФ ограничение свободы заключается в запрете покидать пределы территории соответствующего муниципального образования. Муниципальным образованием является, в том числе, городское поселение. Город Сортавала – это административный центр Сортавальского городского поселения, в состав которого, кроме города, входят еще 11 поселков. Таким образом, ограничив осужденного пределами города республиканского значения, суд ухудшил его положение, поскольку территория города

меньше территории муниципального образования в виде городского поселения [1, с. 16].

Таким образом, карательное содержание наказания в виде ограничения свободы составляют конкретные ограничения конституционного права на свободу передвижения, налагаемые судом (из числа закрытого перечня, предусмотренного ст. 53 УК РФ). Они подразделяются на обязательные (например, нельзя менять место жительства / пребывания без согласия уполномоченного органа) и факультативные (запрет покидать место жительства / пребывания после наступления определенного времени, посещать массовые мероприятия и т.д.). Контроль за этими ограничениями ведут уголовно-исполнительные инспекции при помощи систем электронного мониторинга подконтрольных лиц (СЭМПЛ). Все условия назначения наказания в виде ограничения свободы должны быть строго конкретизированы судом. Объем ограничений и возлагаемых обязанностей не должен выходить за рамки, установленные законом.

Пристатейный библиографический список

1. Бриллиантов А. В. Ограничение свободы: вопросы назначения наказания // Уголовное право. – 2017. – № 3.
2. Долгих Т. Н. Некоторые особенности правового и организационного характера назначения и исполнения уголовного наказания в виде ограничения свободы // Российская юстиция. – 2015. – № 1.
3. Зарембинская Е. Л. Электронный мониторинг подконтрольных лиц. Практика, проблемы, перспективы // Преступление и наказание. – 2014. – № 3.
4. Коснырева Т. А. Ограничение свободы в системе уголовных наказаний: проблемы законодательного и практического характера // Вестник Уголовно-исполнительной системы. – 2011. – № 6.
5. Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. – М., 2002.
6. Мартышин О. В. Частные, национальные и глобальные интересы: коллизии нравственных ценностей // Государство и право. – 2016. – № 12.
7. Помошкова Н. В. Исторический аспект института уголовного наказания в виде ограничения свободы: российский и зарубежный опыт // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2015. – № 3 (21).
8. Рахматулин З. Р. Анализ отдельных аспектов рецидивной преступности осужденных к ограничению свободы // Современное право. – 2018. – № 1.
9. Соколов И. В. Ограничение свободы как вид уголовного наказания. – М.: Юрлитинформ, 2013.
10. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / Н. Н. Белокобыльский, Г. И. Богуш, Г. Н. Борзенков и др.; под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. – М.: Статут, 2012.

5 Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 29.09.2016 № 83-АПУ16-7 // СПС «Консультант Плюс».

6 Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 19.01.2016 № 58-АПУ15-49 // СПС «Консультант Плюс».

7 Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 02.02.2016 № 58-АПУ15-53 // СПС «Консультант Плюс».

СТРОКАНЬ Виктор Сергеевич

адъюнкт кафедры уголовной политики Академии управления МВД России

ПОНЯТИЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ФИНАНСОВО-КРЕДИТНОЙ СФЕРЕ

В статье проанализированы различные точки зрения о перечне преступлений в сфере финансово-кредитных отношений по уголовному законодательству, приводятся авторские определения понятий «преступлений финансово-кредитной сфере». Автором выделяются уголовно-правовые особенности преступлений в сфере финансово-кредитных отношений по Уголовному кодексу Российской Федерации. В статье рассматривается взаимосвязь различных составов преступлений в сфере финансово-кредитных отношений. А также сравнительный анализ по групповому признаку частных однородных отношений.

Ключевые слова: преступление, мошенничество, незаконное получение кредита, кредиторской задолженности, кредитование, финансово-кредитные отношения.

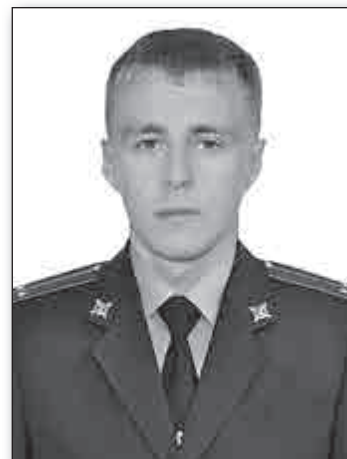
STROKAN Viktor Sergeevich

adjunct of Criminal policy sub-faculty of the Academy of Management of the MIA of Russia

THE CONCEPT AND CRIMINAL LAW FEATURES OF CRIMES COMMITTED IN THE FINANCIAL AND CREDIT SPHERE

The article analyzes various points of view on the list of crimes in the field of financial and credit relations under criminal law, provides the author's definition of the concepts of "crimes in the financial and credit sphere". The author singles out the criminal law features of crimes in the sphere of financial and credit relations according to the Criminal Code of the Russian Federation. The article deals with the relationship of various elements of crimes in the sphere of financial and credit relations. As well as a comparative analysis on a group basis of private homogeneous relations.

Key words: crime, fraud, illegal receipt of a loan, accounts payable, lending, financial and credit relations.

Строкань В. С.

Законодательного закрепления определения категории «преступления в сфере кредитования», «преступление в финансово-кредитной сфере» в российском уголовном законе не имеется, кроме того, отсутствует и определение «кредитные преступления». По мнению О. В. Финогенова и Н. М. Золотова к преступлениям в сфере кредитования относятся преступления, предусмотренные ст. 176 и 177 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также, по нашему мнению, необходимо отметить и ст. 159.1 УК РФ [1].

На страницах научных изданий используются другой термин – «финансово-кредитная преступность». Финансово-кредитная преступность – это преступная деятельность, совершаемая в финансово-кредитных отношениях, субъектом (предприниматель, должностное лицо и т.д.), который преследует корыстные цели, причиняющие вред имущественно-го и правового характера, а также социально-экономическим интересам государства, общества, граждан.

По мнению многих научных деятелей помимо преступлений предусмотрены ст. 159.1, 176, 177 УК РФ к финансово-кредитным преступлениям относятся и ст. 195, 196, 197 УК РФ, «установившие ответственность за причинение имущественного ущерба кредиторам путем совершения обманных действий (актов бездействия) при банкротстве, либо для создания или увеличения состояния неплатежеспособности, а также путем заведомо ложного объявления состояния банкротства в целях введения в заблуждение кредиторов» [2].

В 2012 году была добавлена ст. 159.1 УК РФ, которая относится к преступлениям в финансово-кредитной сфере, особенностью данной статьи является ее размещение. Статьи, предусматривающие уголовную ответственность за преступления в сфере финансово-кредитных отношений, размещены в главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности», ст. 159.1 УК РФ Мошенничество в сфере кредитования, размещено в главе 21 «Преступления против собственности».

На взгляд законодателя это размещение обосновано, ввиду дифференцирования различных видов мошенничества.

По нашему мнению, к преступлениям в финансово-кредитной сфере, относятся ст. 159.1, 176, 177 УК РФ. Группа данных преступлений определяется по видовому объекту, исключительно относится к своей сфере и непосредственно связано с предоставлением кредитных денежных средств.

Объектом посягательства выступают денежные средства. В ст. 159.1 УК РФ путем мошенничества - хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием [3]. В ст. 176 УК РФ незаконное получение кредита - путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных сведений о хозяйственном положении либо финансовом состоянии индивидуального предпринимателя или организации. В ст. 177 УК РФ Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности.

Необходимо отметить, что в преступлениях, предусмотренными ст. 159.1, 176, 177 УК РФ фигурирует договор о предоставлении кредита. Что такое, кредитный договор (ст. 819 ГК РФ) – это договор, по которому банк или иная кредитная организация (кредитор) обязуются предоставить денежные средства (кредит) заемщику в размере и на условиях, предусмотренных договором, а заемщик обязуется возратить полученную денежную сумму и уплатить проценты за пользование ею, а также предусмотренные кредитным договором иные платежи, в том числе связанные с предоставлением кредита.

По мнению многих авторов, преступлений в финансово-кредитной сфере не относятся ст. 195, 196, 197 УК РФ, так как они косвенно затрагивают сферу кредитования [4].

По нашему мнению, данные преступления относятся к финансово-кредитной сфере, ввиду общего родового объекта (размещены в главе 22). Помимо общего родового объекта, одной из цели совершения преступлений, связанные с банкротством, является уход от кредитных обязательств, путем невозможности возместить кредитные денежные средства за счет прибыли и (или) имуще-

ства. В диспозиции ст. 196 УК РФ фигурирует следующая формулировка «.....заведомо влекущих неспособность юридического лица или гражданина.....в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей.....», что свидетельствует к прямому отношению к данной группе преступлений.

Большинство ученых предлагали главу 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности» раздробить на под группы, которые затрагивают частные однородные отношения (налоговые, кредитные, банковские, таможенные, валютные преступления и т.д.), ссылаясь что правоприменительная деятельность обеспечила единообразие и правильность применение уголовно-правовых норм. Необходимо отметить, что многие из статей данной главы затрагивают несколько групп однородных отношений.

Представим некоторые цели, свидетельствующие о связи статей о банкротстве со статьями финансово-кредитными отношений.

Целью ст. 195, 196, 197 УК РФ являются:

1. Попытка уйти от долговых обязательств перед кредиторами, в результате данной преступной деятельности можно частично или полностью списать долги;

2. Получение отсрочки и временного заморозки долга, а также получение благоприятных условий для погашения задолженности;

3. Закрытие бизнес-проекта без выплат долговых обязательств;

4. Совершение мошеннических действий с кредитными средствами. Фиктивное открытие бизнеса после получения денежных средств объявить банкротство.

5. Уход от уплаты налоговых обязательств.

Можно сделать вывод, что цели выше изложенных составов однородны и носят корыстный характер, которые причиняют ущерб потерпевшему.

Кто же такой потерпевший?

«Потерпевший — это физическое или юридическое лицо на чьи охраняемые настоящим Кодексом интересы — жизнь, здоровье, свободу, честь и достоинство, собственность, а также конституционные и другие права и свободы было направлено преступное посягательство» [5].

Потерпевшим в ст. 159.1 УК РФ является банк или иная кредитная организация, которая имеет право на заключение кредитного договора, в соответствие с имеющейся лицензией на осуществление такой деятельности. На территории Российской Федерации около 900 кредитных учреждений, имеющих лицензии Центрального Банка Российской Федерации на выполнение банковских операций по обслуживанию физических и юридических лиц.

В ст. 176 и 177 УК РФ в качестве потерпевшего по мимо банка или иной кредитной организации, могут являться организации, государство и граждане.

Потерпевшими по статьям о банкротстве выступает финансовое организации, государство, арбитражного управляющего, граждане, а также в ст. 196 УК РФ прямо прописано вред причинен кредиторам (банку или иной организации, осуществляющей кредитование).

Особенности субъектов при квалификации преступлений, совершённых в финансово-кредитной сфере.

Ст. 159.1 УК РФ в качестве субъекта выступает любое дееспособное лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. В ст. 176 УК РФ субъект специальным и им может быть только индивидуальный предприниматель или руководитель организации (фактический руководитель-который дает указание на совершение какой-либо сделки), субъектом во второй части по государственному целевому кредиту может выступать только руководитель юридического лица. В ст. 177 УК РФ субъектом может выступать, любой из субъектов по предыдущим составам преступления. В ст. 195, 196, 197 УК РФ о банкротстве выступают специальные субъекты (руководитель, учредитель (участник) юридического лица, индивидуальный предприниматель), а также в ст. 196 УК РФ может в качестве субъекта выступать гражданин.

Особенности причинённого ущерба при квалификации финансово кредитных преступлений.

В ч. 1 ст. 159.1 УК РФ «Мошенничество в сфере кредитования» причинённый ущерб составляет 2500 тысячи рублей, как и у других составов преступлений связанных с хищение денежных средств. В ч. 1 ст. 176 УК РФ причинённый ущерб крупный - превышающей два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей, что свидетельствует о том, если причинённый ущерб меньше предусматриваемой статьей, то деяние будет квалифицироваться по ч. 3 ст. 159.1 УК РФ. Однако если лицо вносило небольшие платежи, то суд не может привлечь лицо к уголовной ответственности по ст. 159.1 УК РФ «Мошенничество в сфере кредитования». Что ставить перед законодателем проблему, как квалифицировать данное деяние. Что связано со статьей 177 УК РФ причинённый ущерб тождественен со ст. 176 УК РФ, только если лицо злостно уклонялось от уплаты задолженности, четкого разграничения о злостной уклонение от обязательств не имеется, что также ставить законодателя затруднительное положение.

В статьях о банкротстве минимальный причинённый ущерб крупный - сумма которого превышает один миллион пятьсот тысяч рублей, остальные дела менее установленной суммы рассматриваются в рамках гражданского и административного законодательства.

Отличие ст. 159.1 и 176 УК РФ заключается: в первом случае лицо получило кредит не закона, во втором преступник предполагает, что кредит все такие вернет.

Одной из особенностей совершения преступления, предусмотренного в ст. 176 УК РФ, является участие в преступной деятельности сотрудника банка, или лицо другой кредитной организации в качестве пособника.

Следует отметить еще одну особенность преступлений в сфере финансово-кредитной отношений. Гражданское законодательство опережает уголовное-правовое в данной сфере, что создает сложность правового регулирования кредитных отношений и тормозит развитие общества.

Не мало важным отметить, что идет рост корпоративных кредитов - за год выросли на 11,7 %, ипотечный портфель граждан — более чем на 30 %, необеспеченные потребительские ссуды — на 20,1 %, что свидетельствует о том, что данная категория преступлений нуждается в регуляции и поправках.

Таким образом, определение понятия «финансово-кредитной преступности» и перечня преступлений в сфере финансово-кредитных отношений по Уголовному кодексу Российской Федерации, позволяет внести некоторую организованность в понимание данной темы исследования, а обозначенные индивидуальные особенности и признаки могут помочь в последующей уголовно-правовой работе с законодательством и нормативной правовом регулирование таких отношений.

Пристатейный библиографический список

1. Золотова Н. М. Преступления в сфере кредитования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008. — 27 с.
2. Трунцевский Ю.В. Финансовая безопасность: понятие и виды финансовых преступлений // Вестник Финансовой академии. — 2007. — № 2. — С. 11-22.
3. Ущекин С. Н. Некоторые проблемы предупреждения хищений, совершаемых с использованием электронных средств платежа // Современная наука. — 2022. — № 3. — С. 55-56.
4. Смолин С. В. Актуальные вопросы квалификации мошенничества в кредитной сфере // Уголовное право. — 2014. — № 6. — С. 65-72.
5. Мартыненко Н. Э. Потерпевший от преступления: уголовно-правовое или уголовно-процессуальное понятие? // Государство и право. — 2013. — № 3 (2). — С. 140-142.
6. Расторопова О. В. Преступления в сфере кредитования: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2011. — 25 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-4-179-292-295

БИРУК Марина Сергеевна

преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

ГРЕБЕНЮК Александра Сергеевна

курсант 3 курса Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

ЭЛЕКТРОННЫЕ НОСИТЕЛИ ИНФОРМАЦИИ – ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ В ДОКАЗЫВАНИИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Актуальность темы исследования не вызывает сомнения. Сложившаяся на данном этапе развития уголовно-процессуального права ситуация призывает выработать новые научные подходы в определении самого понятия, значения и содержания понятия электронный носитель информации, а также в выявлении необходимых процессуальных оснований и тактических приемов при проведении следственных действий по изъятию и осмотру электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве. Возникшая потребность в углубленном анализе уголовно-процессуальных норм, определяющих положения об электронных носителях информации, решении вопросов, которые должны быть связаны с новыми положениями по определению понятия электронного носителя информации, разграничению его от иных видов доказательств, регламентации судебного санкционирования при проведении следственных действий по изъятию и осмотру электронных носителей информации и информации на ней во всех случаях зависит от совершенствования законодательства и имеющейся практики в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: электронные носители информации, иные документы, вещественные доказательства, копия информации с электронных носителей

BIRUK Marina Sergeevna

lecturer of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

GREBENYUK Alexandra Sergeevna

cadet of the 3rd course of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

ELECTRONIC INFORMATION CARRIERS - THE CONCEPT AND SIGNIFICANCE IN EVIDENCE DURING PRELIMINARY INVESTIGATION IN A CRIMINAL CASE

The relevance of the research topic is beyond doubt. The situation that has developed at this stage in the development of criminal procedural law calls for the development of new scientific approaches in defining the very concept, meaning and content of the concept of an electronic information carrier, as well as in identifying the necessary procedural grounds and tactics in carrying out investigative actions to seize and examine electronic media in criminal proceedings. The emerging need for an in-depth analysis of the criminal procedure rules that define the provisions on electronic media, addressing issues that should be related to new provisions for defining the concept of an electronic media, distinguishing it from other types of evidence, regulating judicial authorization during investigative actions to seize and inspection of electronic media and information on it in all cases depends on the improvement of legislation and existing practice in criminal proceedings.

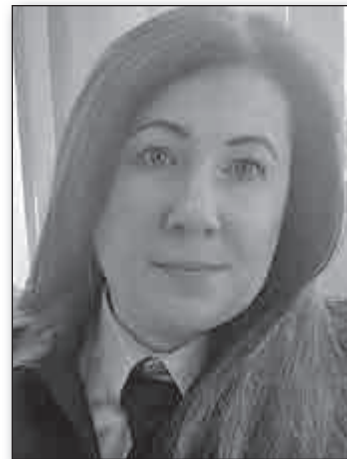
Keywords: electronic media of information, other documents, material evidence, a copy of information from electronic media.

В XXI веке происходит активное развитие коммуникационных и информационных технологий, совершенствование в области информационного пространства. Становление инфраструктуры в сфере электронных носителей информации является одной из первостепенных задач, и поставленных внутренней политикой Российской Федерации направлений, которые по существу являются приоритетными для государства. Караваев Н. Л. выделяет информационные революции, которые происходили поэтапно:

1) естественный интеллект; 2) средства общения с помощью невербальной и вербальной речи; 3) появление письменности; 4) книгопечатание; 5) появление телеграфным, факсимильных, и телефонных средств связи; 6) электронно-вычислительные машины (ЭВМ); 7) компьютерные сети Интернет [4].

С создания ЭВМ начинается компьютерная революция. Носители информации подразделяются на различные виды, в которые и входят электронные носители информации. В общей терминологии носителями информации выступают любые объекты физического мира либо окружающей среды, которая имеет возможность записывать, хранить, считывать и передавать данные. Носителем может быть что угодно, вне зависимости от состояния объекта.

Поскольку в данной научной исследовательской работе нам необходимо рассмотреть электронные носители информации, то в качестве отправной точки следует выделить данное понятие и проанализировать его, кроме того, необходимо, уяснить, каким образом, они связаны с уголовным процессом, а также рассмотреть значение электронных носителей информации. Это позволит выделить проблему в

Бирук М. С.

Гребенюк А. С.

рамках данного исследования, которая нуждается в решении и преобразовании.

В ГОСТе 2.051-2013 закреплено нормативное определение: электронный носитель – это материальный носитель информации, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники¹. Однако, определение носит сугубо отраслевой характер и не отражает уголовно-процессуальную сторону его содержания, поскольку само понятие не закреплено в УПК РФ. Именно поэтому, вышеупомянутое определение принято считать единственно правильным.

В качестве электронных носителей информации относят: телефоны, смартфоны, планшеты, компьютеры, портативные устройства, так называемые GPS, цифровые фотоаппараты, видеорегистраторы, дискеты, CD, DVD, USB – устройства, объектом деятельности которых будет являться информация.

Создание современных электронных носителей информации для постоянного хранения информации обеспечивает возможность длительного хранения информации устройств, записанной ЭВМ [10]. Электронные устройства могут содержать в себе различную информацию о подготовке, совершении или сокрытии преступлений. Поэтому одной из основных задач следствия является получение и доступ к таковой информации в порядке, установленном законодательством.

Однако, рассматривая УПК РФ, в ч. 2. ст. 74 настоящего Кодекса отсутствуют электронные носители информации в качестве источников доказательства, поэтому некоторыми учеными-правоведами электронные устройства сводятся к иным документам, либо к вещественным доказательствам.

То есть, опираясь на мнения ученых, следует сказать о том, электронные носители информации составляют специфику вещественных доказательств. Эта специфика заключается в особенности хранения и определения дальнейшего направления вещественных доказательств, требующая тщательного рассмотрения и принятия органами внутренних дел по электронным носителям информации решения после завершения уголовного дела [5].

Для дальнейшего исследования электронных носителей информации, необходимо выделить значение данных устройств:

– электронные носители информации в какой-то мере облегчают правоохранительным органам выполнение своих обязанностей. На практике часто встречаются случаи, когда на электронных носителях информации находятся доказательства, подтверждающие совершение преступления тем или иным лицом. И дело не в том, что преступник оставил отпечатки пальцев рук на электронном устройстве, а в том, что в этом устройстве находится информация, подтверждающая преступные деяния, совершенные этим лицом. Так, сбыт наркотических средств в современных реалиях осуществляется преимущественно без личного контакта с покупателем: с использованием сети Интернет и так называемых «закладчиков» - лиц, которые осуществляют непосредственное размещение упакованного различным способом для индивидуального потребления наркотического средства «закладок» в различных местах населенного пункта с указанием координат места и фотографированием этого места, после чего указанные фотоснимки с использованием мобильных телефонов, планшетов и иных устройств передаются средствами связи непосредственному покупателю. Таким образом, изъятый мобильный телефон указанного закладчика или же потребителя содержит в себе важнейшую для органов предварительного следствия информацию: месте сбыта наркоти-

ческого средства и отождествление владельца мобильного телефона с действиями, направленными на совершение указанного преступления на различных стадиях как оконченный сбыт, так и приготовление, и покушение на сбыт наркотических средств;

– материалы, которые использовались при производстве электронного носителя информации, дают возможность длительного хранения информации, возможность, хотя и не во всех случаях, воспроизводить и изменять информацию в зависимости от назначения электронного устройства;

– каждый электронный носитель информации индивидуален и обособлен от возможных аналогов. Это даёт больше возможностей для правоохранительных органов на раскрытие и расследование конкретного преступления, так как содержания информации не зависит от типа используемого носителя;

– способность передавать информацию по телекоммуникационным каналам связи. В настоящее время, практически любой объем информации возможно передавать на большие расстояния. С помощью передачи данных у правоохранительных органов уменьшаются временные затраты на отправку данных с одних электронных носителей на другие.

Рассмотрев понятие, закреплённое в ГОСТ 2.051-2013 и проанализировав значения электронных носителей информации перед нами возникает проблема, которая должна быть устранена. Как уже отмечалось ранее, действующий УПК РФ не имеет определения «электронный носитель информации», хотя упоминается в статьях не менее ста раз. Рассмотрим определение, выдвигаемое правоведами, которые, по их мнению, должны быть включены в УПК РФ. И. В. Казначей выводит своё определение «Электронные носители информации», под которым он понимает технические средства, предназначенные для записи, хранения, воспроизведения и использования сведений при помощи специально созданных ЭВМ². Сравнивая данное понятие с ранее нами указанным, можно полагать, что исследователь дал более свободное в содержании определение, раскрыл предназначение электронных носителей информации. Однако, в нем не отражается один из первостепенных характеристик: это то, что информация, содержащаяся на ней, представляет собой цифровой формат. В. Н. Григорьев и О. А. Максимов определяют «электронный носитель информации» как специальную группу вещественных доказательств, и кроме того, определяют его как особый предмет, который содержит значимую информацию для уголовного дела, соответственно её восприятие невозможно без применения ЭВМ [3]. Ученый-процессуалист Ю. Н. Соколов также выводит своё понятие «электронных носителей информации», под которыми он понимает электронное устройства, которые технически адаптированы к многократному применению, а также технологически подготовлены в соответствии с развитием техники для производства таких устройств, предназначенных для записи, хранения, передачи, и воспроизведения электронной информации с помощью доступных технических устройств, а также предполагающие защиту и ограничение доступа к имеющейся информации для определённого круга лиц. Рассмотрев определение, выведенное Соколовым Ю. Н. можно говорить о том, что он четко выделил существенные характеристики электронного носителя информации, однако «с помощью доступных технических устройств» говорит о том, что правовед не уточнил, какие именно устройства могут являться электронными носителями информации. Таким образом, можно сделать вывод, что определение «электронные носи-

1 ГОСТ 2.051-2013 Единая система конструкторской документации (ЕСКД). Электронные документы. Общие положения (с Поправкой). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ulgosexp.ru/files/documents/GOST-2.051-2013.pdf>.

2 Казначей И. В. Использование технических средств коммуникации в уголовном судопроизводстве (пути совершенствования): дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2014. – С. 42. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01007942382.pdf.

тели информации» научные исследователи истолковывают по своему усмотрению, и каждое понятие является верным по своему характеру, однако нами также были найдены некоторые недостатки. Именно поэтому, мы считаем, что для полного сущностного понимания определения, и дальнейшего единого применения на практике, необходимо закрепить его в УПК РФ.

Исходя из всего вышеперечисленного, нами также выводится понятие, которое, по нашему мнению, должно быть закреплено в УПК РФ: электронные носители информации – электронные устройства, под которыми могут пониматься телефоны, флеш-карты, ноутбуки, иные средства связи, а также иные устройства, предназначенные для записи, хранения, передачи, получения информации, оснащенные специальными техническими средствами, созданные с помощью электронно-вычислительных машин и имеющее значение для уголовного дела в связи с содержанием информации, которая в них содержится. Данное понятие полностью раскрывает сущностную характеристику электронных устройств, и, кроме того, определяет какие именно устройства могут являться электронными носителями информации. Современные сферы жизни общества становятся более широкими и связывают себя с информационными технологиями, электронными устройствами, сетями – Интернет, и другими базами данных, которые применяются даже там, где раньше вовсе не имели значения. Всё это в большей степени создаётся в целях облегчения жизни общества, и решения задач, которые нуждаются в использовании с помощью электронных устройств и цифровой информации. В области уголовного права данная тенденция также не обошла стороной, как и лиц, которые стоят на страже порядка и общественной безопасности, так и лиц, которые занимаются преступной деятельностью. Из этого следует, что электронные устройства, к сожалению, используются лицами для приготовления и совершения преступления, а также для его сокрытия [7].

Электронные записи, электронная почта, базы данных, файлы, на которых имеются фото- или видеозаписи всё чаще являются важными доказательствами по какому-либо уголовному делу. Это не значит, что следы, обнаруженные на цифровом носителе, будут являться разновидностью киберпреступлений. В настоящее время, информация, содержащая обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и подлежащая доказыванию, может иметь любую форму, в том числе и цифровую. Электронные доказательства могут включать, как правило, любые документы, электронные письма, и иные файлы, хранящиеся на электронном носителе информации.

Юридическая практика показывает, что в период с 1996 по 2014 год, среди преступлений, совершённых с прямым умыслом, характеризующихся повышенной опасностью, широко распространились преступные деяния, непосредственно посягающие на безопасность производства, хранения, использования либо распространения информации или информационных ресурсов. В настоящем УПК РФ, ст. 74 «Доказательства» законодателем установлены виды доказательств, среди которых имеется разграничения в виде вещественных доказательств и иные документы. При этом, полагаем, что законодатель допускает ряд существенных противоречий, которые не дают возможности в полной мере использовать рассматриваемую нами форму представления доказательств в уголовном судопроизводстве. Так, электронные носители информации, содержащие сведения рассматриваемого уголовного дела, по своему характеру являются доказательствами, однако исходя из статьи мы не можем утверждать, к какому из видов доказательств относятся электронные носители информации. Далее необходимо рассмотреть ст. 81 и ст. 84 УПК РФ. Наша проблема заключается в том, что ни одна из рассматриваемых нами статей, а именно ст. 81 УПК РФ «Вещественные доказательства» и ст. 84 «Иные документы» не

раскрывают сущностные характеристики рассматриваемого выше понятия, и не даёт возможности однозначно определить место электронных носителей информации в системе доказательств по уголовным делам.

Итак, в УПК РФ понятия вещественных доказательств как такого не содержится. По смыслу статьи, вещественными доказательствами признаются предметы, которые служили орудиями преступления, либо сохранили на себе следы преступления; на которые соответственно были направлены преступные деяния; деньги, ценности и иное имущество, полученное в результате совершения преступного деяния. Опираясь на данное определение, мы видим, что перечень объектов под которыми понимаются вещественные доказательства носят открытый характер. Соответственно, нами устанавливается вывод, что не все объекты признаются вещественными доказательствами. Спорным же будет вопрос, при котором решается принадлежность электронных носителей информации к вещественным доказательствам [6]. Например, А. Ю. Федюкина считает, что всё-таки электронные носители информации необходимо отнести к вещественным доказательствам, и законодательно закрепить их принадлежность к определённому виду доказательств, для того, чтобы не возникало дальнейших споров. В ч. 1 ст. 81.1 УПК РФ закреплено, что указанные в ч. 1 ст. 81 УПК РФ предметы и документы, включая электронные носители информации, изъятые в ходе досудебного производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики, признаются также вещественными доказательствами, соответственно приобщаются к материалам уголовного дела, о чём выносится соответствующее постановление [9].

Рассматривая мнения таких учёных-процессуалистов как А. В. Кудрявцева, И. Б. Михайловская, невольно делается вывод о том, что в их работах, под вещественными доказательствами понимаются только материальные носители, которые человек может получить физически и почувствовать тактильно. Электронные носители информации в соответствии с таким определением вещественных доказательств не могут относиться к данному виду [1].

Рассматривая ст. 84 УПК РФ «Иные документы», мы видим, что законодателем под иными документами подразумеваются документы, которые могут содержать в себе сведения, зафиксированные как в письменном, так и в ином виде. К таким документам можно отнести материалы фото- и киносъемки, аудио – и видеозаписи и иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в порядке, установленном ст. 86 настоящего Кодекса³. Такая позиция законодателя по отношению к иным документам информации по мнению А. В. Ткачева позволяет включать в качестве иных документов источники доказательственной информации, которые по своему характеру будут соответствовать современным стандартам, и являться чем-то новым для доказательственной базы в расследовании уголовных дел, то это также позволит законодателю не менять установленную уголовно-процессуальную норму, а просто более широко интерпретировать содержание данного понятия [8].

Тем не менее УПК РФ не относит электронный носитель информации ни к одному из возможных видов доказательств. На наш взгляд нельзя не затронуть понимание правовой природы электронных доказательств, так они неразрывно связаны с созданием, в настоящее время не существующей правовой модели доказывания: всему виной то, что по отношению к электронным носителям информации проводится аналогия бумажного и письменного документа. Электронные доказательства имеют свою процессуальную форму в уголовном процессе, имеет свои особенности

3 «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // Гарант СПС.

их содержания, давая основания для выделения, по нашему мнению, их в качестве самостоятельного вида доказательств. Прежде всего, необходимо сказать о том, что электронные носители информации являются одной из разновидностей электронных доказательств. То есть в электронных носителях информации содержится информация, которая необходима для того, чтобы она могла признаваться доказательством, или вовсе иметь доказательственное значение. Без содержащейся в ней информации, электронное устройство будет являться «пустышкой», «железом», в которое необходимо поместить электронные данные. Эта одна из содержательных особенностей, которая позволяет сделать вывод, что электронные носители информации не относятся к вещественным доказательствам.

Отнести электронные носители информации к иным документам также не является, исходя из нашего мнения, правильным. Поскольку всё, что отнесено к иным доказательствам имеют одинаковую особенность: всё что не может быть отнесено к другим видам доказательств, будет являться иными документами. Такой подход законодателя, как уже отмечалось, сделан с учётом на совершенствование жизни общества, и в связи с этим, совершенствование доказательственной базы. На самом деле, такой подход отведения доказательств к иным документам отнесен законодателем не из познавательных особенностей то или иной информации. Именно поэтому электронные носители информации, полностью имея индивидуальные черты, имея свои виды и особенности их собирания, проверки и оценки, не должны быть отнесены к соответствующей ст. 84 УПК РФ «Иные документы» [2]. Исходя из этого, с нашей точки зрения, имеется необходимость изменить процессуальный порядок и включить в закон очередной, совершенный документ, который усовершенствует действующую систему законодательства, а именно отнести электронные носители информации в отдельный вид доказательств, и сформулировать как отдельные носители информации, которые можно будет применять, в качестве доказательств по уголовному делу.

На основании изложенного, приходим к следующим выводам:

1) электронный носитель информации, по нашему мнению, не относится ни к одному из видов на данный момент предусмотренных уголовно-процессуальным законом доказательств. То есть мы не можем отнести электронные доказательства ни к иным документам, ни к вещественным доказательствам. В отличие от них, электронные доказательства имеют свои особенности, давая основания для того, чтобы выделить их в качестве самостоятельного вида доказательств. Кроме того, необходимо различать такие доказательства как электронный носитель информации и копия информации, снятая с электронного носителя информации, в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 164-1 УПК РФ, которую, по нашему мнению, также необходимо отнести к самостоятельному виду доказательств и дополнить ч. 2 ст. 74 УПК РФ новыми пунктами:

«7) электронные носители информации;

8) копия информации, снятая с электронного носителя информации, в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 164-1 УПК РФ, то есть без изъятия самого электронного носителя информации.»

Принимая во внимание, что не каждое электронное устройство, предназначенное для хранения какой-либо информации, является электронным носителем информации, при проведении следственных действий с которыми предусмотрен особый порядок, предусмотренный упомянутым кодексом, целесообразно в статью пятую УПК РФ внести дополнения и закрепить определение понятия электронный носитель информации;

«электронный носитель информации – это электронные устройства, под которыми могут пониматься телефоны,

флэш-карты, ноутбуки, персональные компьютеры и иные средства связи, а также иные устройства, предназначенные для записи, хранения, передачи, получения информации, оснащенные специальными техническими средствами, созданные с помощью электронно-вычислительных машин и имеющие значение для уголовного дела в связи с содержанием информации, которая в них содержится».

Пристатейный библиографический список

1. Балашова А. А. К вопросу о понятии «Электронное доказательство» // Закон и право. – 2018. – С. 2.
2. Воронин М. И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // Lex Russica. – 2019. – С. 8.
3. Григорьев В. Н., Максимов О. А. Понятие электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2019. – № 2 (84). – С. 40.
4. Караваев Н. Л. Феномен информатизации: терминологический анализ понятия // Информатизация образования и науки. – 2014. – № 4 (24). – С. 4-6.
5. Краснова Л. Б. Электронные носители информации как вещественные доказательства // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2022. – С. 1.
6. Моругина Н. А. Сидорова Е. И. Понятие, признаки и природа вещественных доказательств в современном уголовном процессе России // Вестник Воронежского института МВД России. – 2020. – С. 210.
7. Сафронов А. Ю. Использование информационных технологий в суде по уголовным делам // Lex Russica. – 2022. – С. 106.
8. Ткачев А. В. Вопросы использования электронных носителей компьютерной информации в уголовном процессе в качестве доказательств иных документов // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2016. – С. 437.
9. Федюкина А. Ю. Электронный носитель информации как доказательство по уголовным делам // Отечественная юриспруденция. – 2016. – С. 2.
10. Шигуров А. В. Понятие электронных носителей информации и электронных следов в российском уголовном процессе // Социальные нормы и практики. – 2020. – С. 46.

КОСТИНА Елена Николаевна

адъюнкт Санкт-Петербургского университета МВД России, майор полиции

ДОПРОС НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ (ОВЗ) НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

В статье исследуются проблемы допроса несовершеннолетнего потерпевшего, имеющего ограниченные возможности здоровья, рассматривается возможность проведения медико-психологической экспертизы данной категории детей перед проведением процедуры допроса, затрагивается вопрос о целесообразности участия врача при проведении процессуальных действий с данной категорией граждан.

На примере анализа уголовных дел отчетливо видно, как несоблюдение норм законодательства в отношении детей с особенностями развития здоровья, может повлиять на признание недопустимыми полученных доказательств.

Разработаны предложения по улучшению качества работы правоприменительной практики.

Ключевые слова: несовершеннолетние с ограниченными возможностями здоровья, следователи, врач, допрос, медико-психологическая экспертиза.

KOSTINA Elena Nikolaevna

adjunct of the St. Petersburg University of the MIA of Russia, major of police

INTERROGATION OF A MINOR VICTIM WITH LIMITED HEALTH OPPORTUNITIES (LHO) AT THE STAGE OF PRELIMINARY INVESTIGATION

The article examines the problems of interrogation of a minor victim with limited health opportunities, considers the possibility of conducting a medical and psychological examination of this category of children before conducting the interrogation procedure, raises the question of the expediency of a doctor's participation in conducting procedural actions with this category of citizens.

On the example of the analysis of criminal cases, it is clearly seen how non-compliance with the norms of legislation in relation to children with special health development can affect the recognition of the evidence obtained as inadmissible.

Proposals have been developed to improve the quality of law enforcement practice.

Keywords: minors with disabilities, investigators, doctor, interrogation, medical and psychological examination.

Костина Е. Н.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) закрепляет отличительную особенность процедуры проведения допроса несовершеннолетнего лица.

Учет возрастных и социально-психологических особенностей несовершеннолетних в ходе осуществления уголовного судопроизводства обусловлен обеспечением их прав и законных интересов, а также соблюдением Конвенции о правах ребенка¹.

В соответствии со статьей 3 Конвенции о правах ребенка во всех действиях в отношении детей независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка.

Обращаясь к норме ст. 191 УПК РФ, стоит отметить, что в ней отражены определенные критерии в процедуре допроса, для лиц, не достигших 16 летнего возраста, лиц от 16 до 18 лет, а также несовершеннолетних имеющих психическое

расстройство либо отстающих в психическом развитии². При этом разница заключается только в приглашении педагога либо психолога, временные рамки допроса указываются исходя только из возрастной категории несовершеннолетнего.

Однако в свою очередь следователю и дознавателю не редко приходится допрашивать несовершеннолетнего ребенка с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Допрос лиц с ОВЗ представляется чрезвычайно сложным. Проведение следственных действий с глухими, слепыми, немыми и лицами с иными тяжёлыми заболеваниями требует особого психологического подхода и применения ряда тактических приёмов. В первую очередь особенность проведения допроса с данной категорией лиц обусловлена своеобразием их психологии и процесса восприятия [1]:

На практике следователь либо дознаватель не всегда визуально при первоначальном контакте может понять имеются ли у ребенка ОВЗ. Считается целесообразным перед проведением допроса, по возможности, узнать сведения характеризующие подростка, место его фактического обучения, уточнить факты нахождения на учетах, обращения за медицинской помощью в психоневрологический диспансер.

¹ «Конвенция о правах ребенка» (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения: 28.04.2023).

² «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 17.02.2023). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 28.02.2023).

Так из сведений об обучении подростка, а именно того факта какое учебное заведение посещает ребенок, можно предположить об ограничениях его здоровья. Если ребенок, обучаясь либо обучается в коррекционном учебном заведении, то следует отметить, что в данное заведение он был определен не случайно, а на основании заключения ПМПК (психолого-медико-педагогической комиссии), прохождение которой является обязательным при поступлении ребенка в образовательное учреждение.

В случае выявления вышеуказанных фактов, относительно личности несовершеннолетнего, целесообразно перед проведением допроса назначить ребенку судебно-психологической, медико-психиатрической экспертизы. Согласно ст. 196 УПК РФ назначение судебной экспертизы является обязательной при установлении психического и физического состояния потерпевшего, для установления возраста, если имеется основание предполагать, что лицо, по своему развитию не соответствует фактическому возрасту. В данном случае, следователем перед экспертом будут поставлены конкретные вопросы, которые впоследствии помогут правильно сформулировать процесс ведения допроса, понять психологические качества ребенка, его реакцию и манеру поведения. В связи с чем, на основании заключения эксперта, следователь с уверенностью сможет судить о биологическом возрасте ребенка, его возможностях, связанных с ограничением здоровья.

При этом понятие ОВЗ является обширным и включает в себя различные особенности человека, как связанные с его психологическим, психиатрическим состоянием, так и с состоянием именно здоровья (инвалидностью).

По классификации, предложенной В. А. Лапшиным и Б. П. Пузановым различают следующие категории детей с нарушениями в развитии [2, с. 64]:

- 1) дети с нарушениями слуха (глухие, слабослышащие);
- 2) дети с нарушениями зрения (слепые, слабовидящие);
- 3) дети с нарушениями речи;
- 4) дети с нарушениями интеллекта (умственно отсталые дети);
- 5) дети с задержкой психического развития (ЗПР);
- 6) дети с нарушениями опорно-двигательного аппарата (ДЦП);
- 7) дети с нарушениями эмоционально-волевой сферы;
- 8) дети с множественными нарушениями (сочетание 2-х или 3-х нарушений).

В свою очередь сложность ведения диалога с данной категорией несовершеннолетних заключается в том, что они не всегда могут контролировать свои действия, зачастую имеют рассеянное внимание, не всегда могут выстроить точную хронологию произошедших с ними событий, некоторые из таких детей более заторможены. При этом они более часто воспринимают тактильный контакт с окружающими, нежели словесный, часто словарный запас данной категории детей очень ограничен. Однако огромным минусом является факт того, что дети данной категории очень часто способны ко лжи, ради достижения своей цели. При этом свою придуманную историю, они сами для себя воспринимают как произошедшее с ними событие и выдают ее за действительность.

При допросе данной категории несовершеннолетних, целесообразно первоначально получить заключение психолого-психиатрической, либо медико-психологической экспертизы, где в свою очередь будут отражены вопросы о возможности принятия каких-либо мер при процедуре допроса, а также о склонности несовершеннолетнего ко лжи, преувеличению имевшихся событий. Также при расследова-

нии уголовного дела, основываться напрямую при допросе данной категории несовершеннолетних, не совсем будет целесообразно, необходимо также иметь факты, подтверждающие произошедшую ситуацию.

Обратимся к судебной практике.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 4 сентября 2014 г. оставила оправдательный приговор без изменения, указав следующее. Проанализировав показания законного представителя малолетней потерпевшей - О. и свидетеля Т., суд установил, что эти лица, расспрашивая малолетнюю В. о поведении Ф., задавали ей наводящие вопросы, предполагающие утвердительные ответы. Свидетель К., проводивший первоначальный допрос малолетней В., также показал в судебном заседании, что он использовал в ходе допроса трехлетней потерпевшей наводящие вопросы. В акте судебной психолого-психиатрической экспертизы указано, что повышенная внушаемость и склонность к фантазированию накладывают ограничения при проведении допроса малолетней В., вопросы не должны носить характер наводящих, так как ребенок склонен легко соглашаться со взрослыми. Тщательный анализ и надлежащая оценка исследованных в судебном заседании показаний потерпевшей В., а также обстоятельств их получения следователем, установленных из показаний О. и педагога М., присутствовавших на допросе, позволили суду прийти к правильному выводу о том, что указанный протокол допроса потерпевшей является недопустимым доказательством, поскольку получен с нарушением уголовно-процессуального закона³.

Как следовало из показаний О., согласующихся с показаниями свидетеля М., следователь с участием педагога в ночное время в течение продолжительного времени (около 3-х часов) пытался получить от малолетней В. показания относительно обстоятельств возникшего в отношении Ф. подозрения. При этом потерпевшей задавались только наводящие вопросы.

Анализируя, вышеуказанные факты, целесообразно отметить, что в данном случае, имеются нарушения проведения процедуры допроса, так нарушены нормы ст.ст. 187, 189 УПК РФ. На основании ст. 75 УПК РФ указанные обстоятельства признаны недопустимыми и не могут быть положены в оценку доказательств.

Рассматривая, затронутую проблему, уместно говорить о том, что ограничения по здоровью непосредственно связанными и с медицинскими факторами, однако обращаясь к УПК РФ, мы видим, что законодательством лишь косвенно затронут данный вопрос, а именно в ст.187 УПК РФ говорится о том, что при наличии медицинских показаний продолжительность допроса устанавливается на основании заключений врача.

Представляется целесообразным, рассмотреть тематику нашего вопроса на примере других стран. Обращаясь к нормам законодательства, изложенным в модельном УПК для государств - участников СНГ, принятом на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств мы видим, что здесь законодательством соблюдены интересы и права лиц с ограниченными возможностями здоровья. Согласно ст.

3 Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 04.09.2014 № 56-АПУ14-34. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=4200_99#uF9qEeTXKReabF14/ (дата обращения: 14.05.2023).

249 УПК для государств - участников СНГ «Допрос немого, глухого, слепого, лица, страдающего иным тяжким заболеванием, в качестве свидетеля», допрос данной категории граждан осуществляется с участием лица, которое понимает его знаки или умеет изъясняться с ним знаками. При наличии психического или иного тяжкого заболевания свидетеля его допрос осуществляется с разрешения врача и в его присутствии. Непосредственно в протоколе делается отметка об участии врача либо сурдопереводчика.

В свою очередь законодательство также затронуло интересы несовершеннолетних, в ст. 248 УПК для государств - участников СНГ говорится о том, что допрос несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего пятнадцатилетнего возраста, может быть проведен с участием врача закона⁴.

Сравнивая УПК РФ и УПК для государств стран участников СНГ, считаем перенять данную норму касаясь участия и приглашения именно врача, как специалист на допрос лиц, имеющих ограниченные возможности здоровья. Рассматривая именно допрос несовершеннолетних потерпевших, в данном случае было бы уместно приглашать кроме психолога также врача, для той категории детей, у которых имеются ОВЗ. Так как в процессе проведения следственных действий с данным ребенком, в случае непроизвольного припадка, возникшего в связи с каким-либо возможным заболеванием, ему сможет помочь только врач, а не психолог. Если же отказаться от присутствия врача, то несвоевременно оказанная медицинская помощь сможет привести к летальному исходу.

Как было ранее упомянуто, время, отводимое на допрос несовершеннолетнего, зависит от возраста ребенка, либо на основании заключения врача в котором прописываются временные рамки и период допроса. При этом законодательство не акцентирует внимание, на том, при каких условиях допрос может быть прекращен либо остановлен на некоторый период времени. Уделяя внимание соблюдению прав и законных интересов, детям с ОВЗ, учитывая, что при процедуре их допроса будут присутствовать как врач, так и психолог, то они как специалисты, обладающие специальными познаниями в своей области, смогут определить внешние признаки проявления усталости, эмоционального перенапряжения, возникновения обострения заболевания и подсказать следователю о необходимости прекращения следственного действия, либо его прерывания на перерыв. Тем самым сам ребенок, зная что в любой момент, ему будет оказана квалифицированная помощь сможет не переживать за свое здоровье и менее переживать за происходящий процесс.

Так же не разрешенным остается вопрос о проведении допроса несовершеннолетнего, который не может придти на допрос, при этом сам ребенок либо его законные представители не хотят, чтобы по месту их фактического проживания в силу каких-либо заболеваний ребенка к ним приходили сотрудники правоохранительных органов. При этом, они желают чтобы мнение их ребенка было учтено при расследовании преступлений. В данном случае, с целью разрешения изложенной ситуации, видится следующее, следователь запрашивает в медицинском учреждении справку о состоянии здоровья ребенка, приобщает ее к уголовному делу. В связи с тем, что в данной ситуации проведение допроса с использованием ВКС, также будет невозможным,

4 Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников СНГ (принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств (постановление № 7-6 от 17 февраля 1996 года). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/2566935/> (дата обращения: 14.05.2023)

автором видится процедура допроса следующим образом. Учитывая, что практически у всех детей в наше время имеются сотовые телефоны с камерой видеонаблюдения и различными приложениями, такими как Viber, WhatsApp, и др. используемых пользователями смартфонов для производства видеозвонков на базе портативных операционных систем Android и iOS, то целесообразно в назначенное время пригласить в кабинет отдела полиции, сурдопереводчика, психолога, а также понятых. Следовательно осуществляет звонок по видеосвязи несовершеннолетнему потерпевшему, имеющему заболевание, при этом ведет с ним диалог на громкой связи, чтобы происходящее могли слышать участники допроса, и фиксирует все в протокол допроса. При этом следователем, с помощью функции записи телефонного звонка, осуществляется его запись. Впоследствии по окончании видео допроса несовершеннолетнего. Протокол на бумажном носителе, подписывается участвующими лицами, проверяются все изложенные сведения, а запись видеозвонка переносится на электронный носитель и приобщается к протоколу допроса. Данная процедура допроса, способствуют проведению допроса несовершеннолетних лиц с тяжелыми заболеваниями. Учитывая, что при процедуре будут присутствовать понятые, а также психолог, то формально процедура допроса не будет иметь нарушений норм уголовно-процессуального законодательства.

Подводя итог вышесказанному, предлагается изложить ст. 191 УПК РФ, следующим образом «При проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но имеющему ограниченные возможности здоровья, участие психолога обязательно, на усмотрение несовершеннолетнего, а также его законных представителей приглашается врач. При производстве указанных следственных действий с участием несовершеннолетнего, достигшего возраста шестнадцати лет, педагог или психолог приглашается по усмотрению следователя. Указанные следственные действия с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте до семи лет не могут продолжаться без перерыва более 30 минут, а в общей сложности – более одного часа, в возрасте от семи до четырнадцати лет – более одного часа, а в общей сложности - более двух часов, в возрасте старше четырнадцати лет – более двух часов, а в общей сложности – более четырех часов в день. При производстве указанных следственных действий вправе присутствовать законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля. Следственные действия могут быть прекращены либо приостановлены по устному заявлению, присутствующих на допросе психолога либо врача».

Предложенные поправки в уголовно-процессуальное законодательство способны обеспечить несовершеннолетним с ОВЗ более полное соблюдение их прав, а также сохранность их здоровья при проведении процедуры допроса.

Пристатейный библиографический список

1. Широ́ва (Пашаева) Э. Х., Пашаев Х. П. Кратко об особенностях допроса участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями // Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход. - 2021. - С. 125-128.
2. Коррекционная педагогика [Текст]: учеб. пособие для пед. вузов по предмету «Коррекционная педагогика» / И. А. Зайцева [и др.]; под ред. В. С. Кукушкина. - 3-е изд., перераб. и доп. - Ростов н/Д: МарТ : Феникс, 2010. - 352 с.

ЛУКЬЯНОВА Елена Александровна

адъюнкт Факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В данной статье рассматриваются особенности использования специальных знаний при раскрытии и расследовании пенитенциарных преступлений. Обосновывается роль специалистов и экспертов при участии в следственных действиях. Научный интерес для автора данной статьи представляет процессуальная форма использования специальных знаний, регламентирована нормами Уголовно-процессуального законодательства. Акцентируется внимание на использовании специальных знаний и технико-криминалистических средств при раскрытии и расследовании преступлений, совершенных в местах лишения свободы. В заключении сделан вывод о влиянии специальных знаний на ход раскрытия и расследования пенитенциарных преступлений, эффективность процесса раскрытия и установления истины по расследуемому преступлению.

Ключевые слова: пенитенциарные преступления, эксперт, специалист, следователь, специальные знания, расследование пенитенциарных преступлений, правоохранительные органы.

LUKYANOVA Elena Alexandrovna

adjunct of the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel of the Academy of the FPS of Russia

ON THE QUESTION OF THE FORMS OF APPLICATION OF SPECIAL KNOWLEDGE IN THE DETECTION AND INVESTIGATION OF PENITENTIARY CRIMES

This article discusses the features of the use of special knowledge in the detection and investigation of penitentiary crimes. The role of specialists and experts in participating in investigative actions is substantiated. Of scientific interest to the author of this article is the procedural form of the use of special knowledge, regulated by the norms of Criminal Procedure legislation. Attention is focused on the use of special knowledge and technical and forensic tools in the disclosure and investigation of crimes committed in places of deprivation of liberty. In conclusion, the conclusion is made about the influence of special knowledge on the course of disclosure and investigation of penitentiary crimes, the effectiveness of the process of disclosure and establishment of the truth on the crime under investigation.

Keywords: penitentiary crimes, expert, specialist, investigator, special knowledge., investigation of penitentiary crimes, law enforcement agencies.

Количество нераскрытых преступлений, жалобы осужденных на неправомерные действия сотрудников правоохранительных органов и администрации учреждений при расследовании пенитенциарных преступлений, негативно влияют на авторитет не только исправительного учреждения, но и всей уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), подрывая доверие граждан к Федеральной службе исполнения наказания (далее – ФСИН), препятствуют достижению целей уголовного наказания и нормальному функционированию учреждений, исполняющих наказания. Сегодня общество с недоверием относится к сотрудникам уголовно-исполнительной системы (далее – УИС). Отчасти связано это в том числе с преступлениями, совершаемыми в местах лишения свободы.

Совершение пенитенциарных преступлений характерно только в условиях изоляции от общества. К пенитенциарным преступлениям относят:

- побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (ст. 313 УК РФ);
- дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ);
- уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы (ст. 314 УК РФ);
- преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков (ст. 228 УК РФ);
- преступления против жизни и здоровья (гл. 16 УК РФ);

- захват заложников (ст. 206 УК РФ);
- кражи на объектах уголовно-исполнительной системы (ст. 158 УК РФ) и другие.

Пенитенциарные преступления характеризуются высоким уровнем латентности; совершаются на ограниченной территории, на которой действуют режимные требования; субъекты, совершаемые преступления (в данном случае речь об осужденных) обладают ограниченными правами и обязанностями; преступные деяния не отличаются разнообразием и относятся к типичным видам преступлений (перечень преступлений перечислен автором выше).

Результаты научных исследований [1] в сфере расследования пенитенциарных преступлений позволяют утверждать, что эффективность расследования таких преступлений значительно повышается в случае привлечения специалистов, обладающих специальными знаниями, а также назначением различных видов экспертиз. Снижение количества пенитенциарных преступлений требует постоянного совершенствования применения специальных знаний в ходе раскрытия и расследования преступлений, совершенных в местах лишения свободы. Привлечение экспертов и специалистов для проведения следственных действий обусловлена необходимостью для своевременного раскрытия пенитенциарных преступлений.

Н. Г. Шурухнов отмечает: «В отличие от общих знаний их объем и границы являются более узкими и конкретными.

Все это и предопределяет методы изучения, общие знания приобретаются инструментариумом общей теории научного знания, которая именуется методологией науки». Профессор верно подмечает тот факт, что специальные знания готовы продукт, результат познавательной деятельности человека и что знания могут совершенствоваться под воздействием различных изменений [2].

Для обеспечения качественного процесса раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в учреждениях УИС необходимо взаимодействие следователей с оперативными работниками исправительного учреждения (далее – ИУ). При отсутствии данного взаимодействия весь процесс расследования становится бессмысленным, затягиваются сроки принятия процессуальных решений, полученная информация оказывается неточной, доказательства, изъятые с места совершения преступления производятся с грубыми нарушениями, что не позволяет их приобщить к материалам уголовного дела. Наряду с изложенным подчеркиваем, что также следователь самостоятельно не может участвовать в следственных действиях при расследовании совершенного преступного деяния на территории ИУ без оперативного аппарата учреждения. Сотрудники оперативных подразделений владеют информацией, касающейся осужденных, находящихся на данной территории, об обстановке внутри учреждения, об особенностях размещения объектов ИУ. Совместные действия сотрудников ИУ и следователей благоприятно влияют на ход расследования, обеспечивают своевременное раскрытие и расследование пенитенциарного преступления, сбор необходимой информации и материальных следов преступления. Автор соглашается с мнением Н. Г. Шурухнова, о том, что необходимость согласованных действий при осуществлении сотрудничества следственных органов и сотрудников УИС, а также специализация следователей, которые расследуют пенитенциарные преступления должна соприкасаться с деятельностью учреждений УИС не только при раскрытии и расследовании, но также и в профилактических целях [3].

Специалисты привлекаются из судебно-экспертных учреждений, а также из числа сотрудников исправительных учреждений (кинологическая и психологическая службы, а также медицинские работники).

Для расследования преступлений, совершаемых в местах лишения лица, обладающие специальными знаниями, привлекаются для проведения следующих действий:

- проведение осмотра места происшествия, обыска, выемки (неотложные следственные действия);
- в ходе проведения судебной экспертизы в качестве эксперта;
- участие в оперативно-розыскных мероприятиях во взаимодействии с сотрудниками исправительного учреждения;
- в качестве консультантов по определенным вопросам, связанным с раскрытием, расследованием пенитенциарных преступлений (сбор доказательственной базы, использование технико-криминалистических средств и другие).

Законодатель предусматривает проведение экспертиз при совершении определенных преступлений в местах лишения свободы (в соответствии с 196 статьей УПК РФ назна-

чение и производство судебной экспертизы необходимо в случае смерти лица, а также при определении причиненного вреда здоровью).

При расследовании преступлений, связанных с наркотическими или психотропными веществами в соответствии с Постановлением Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 30 при определении средств, содержащих наркотические и психотропные вещества, требуются специальные познания, а именно проведение экспертиз, с соответствующими заключениями специалистов и экспертов.

Продолжая данные рассуждения, автор отмечает, судебно-медицинские экспертизы назначаются для установления отдельных обстоятельств дела, связанных с раскрытием пенитенциарных преступлений. Экспертиза проводится соответствующими лицами (экспертами или специалистами) обладающими специальными знаниями, необходимыми для дачи экспертного заключения, служащего доказательством по уголовному делу. Следователь (дознатель), ведущий расследование преступления, вправе обратиться к эксперту для разъяснения определенных вопросов, связанных с данным заключением. Эксперт в своем заключении отражает выводы, которые соответствуют фактам объективной действительности.

Анализируя материалы уголовных дел по преступлениям, совершенным в местах лишения свободы, автор обращает внимание на обязательное назначение судебной экспертизы. Так, при проведении личного обыска осужденного М. в исправительной колонии Рязанской области на предмет наличия у него запрещенных предметов в помещении досмотровой комнаты, осужденный М. ударил головой в область правого плеча сотрудника исправительного учреждения младшего инспектора группы надзора, после чего нанес удары кулаком правой руки сотруднику в область лица [4]. Таким образом, осужденный М. применил насилие не опасное для здоровья в отношении находящегося при исполнении своих служебных обязанностей сотрудника исправительного учреждения. В результате противоправных действий осужденного дезорганизована деятельность учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, возбуждено уголовное дело и назначена судебно-медицинская экспертиза в отношении сотрудника исправительного учреждения на предмет и характер полученных травм. После проведенного исследования заключение эксперта отражает сведения, об установлении диагноза легкой формы черепно-мозговой травмы у сотрудника, а также повреждения характера небольших ссадин, кровоподтеков, травматических отеков. Эксперт отмечает, что рассматриваемые повреждения могли образоваться от удара твердого предмета в пределах нескольких суток до момента обследования сотрудника. Вывод эксперта указывает на тот факт, что не все повреждения получены от удара осужденного. При допросе сотрудника, получившего данные увечья, выясняются обстоятельства, что за несколько дней до совершения противоправных действий осужденным, сотрудник вне рабочего времени повздорил со своим знакомым и последний нанес ему удар кулаком в лицо. Следовательно, при нанесении ударов осужденным, у сотрудника уже были повреждения. Данный факт подтверждает, что проведение

судебно-медицинской экспертизы указало на то, что не все повреждения получены в момент совершения осужденным противоправных действий в отношении сотрудника исправительного учреждения. Проведенная судебно-медицинская экспертиза повлияла на назначение наказания для осужденного, в ходе проведения исследования выяснился характер и степень причинённого вреда.

Помимо производства судебных экспертиз применение специальных познаний при расследовании пенитенциарных преступлений возможно при реализации действий специалиста при участии в определенных следственных действиях. Выбор специалиста при раскрытии и расследовании пенитенциарных преступлений зависит от обстоятельств совершенного преступления. Специалист приглашается для участия в осмотре места совершения преступления, при проведении обыска, для участия в допросе. При обнаружении трупа в исправительном учреждении, законодатель указывает на обязательное участие при осмотре трупа судебно-медицинского эксперта, однако анализ материалов уголовных дел о пенитенциарных преступлениях показывает, что чаще всего вместо них участие в осмотре трупа принимают врачи медицинской части учреждения.

Следователь (дознатель) привлекает специалистов для участия в расследовании преступлений как из числа сотрудников ИУ, так и из других подразделений. Для расследования побегов из мест лишения свободы необходимо привлечь к осмотру места происшествия специалиста кинолога со служебной собакой. Действия данного специалиста помогут в установлении личности бежавшего осужденного (служебная собака может по запаху обнаружить вещи осужденного в отряде, на рабочем месте в производственной зоне). Также кинолог со служебной собакой окажет содействие в процессе обнаружения наркотических средств или предметов, со следами данных веществ. При производстве обыска, выемки приглашаются сотрудники инженерно-технического отдела в качестве специалистов, для изъятия видеозаписей с камер видеонаблюдения, где непосредственно было совершено преступление или имеется информация об нахождении материальных следов преступления или орудий их совершения.

Следует отметить, что специальные знания при раскрытии и расследовании пенитенциарных преступлений применяются в следующих формах:

- назначение и производство судебной экспертизы;
- участие специалиста в следственных действиях;
- технико-криминалистическое обеспечение собирания доказательств.

Подводя итог вышесказанному, автор указывает, что успешное раскрытие и расследование преступлений, совершенных в местах лишения свободы, напрямую зависит от использования специальных знаний. Участие специалистов, экспертов и других лиц, обладающих специальными знаниями, влияет на ход расследования пенитенциарного преступления, повышает эффективность процесса раскрытия преступного деяния, а также установления истины по расследуемому преступлению.

Пристатейный библиографический список

1. Акчурин А. В. Теоретические основы и прикладные аспекты расследования пенитенциарных преступлений: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. – Краснодар. 2022. – 53 с.
2. Шурухнов Н. Г. Соотношение понятий «специальные знания» и «специальные познания», предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации // Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы борьбы с преступностью: Сборник научных трудов по материалам V Всероссийской научно-практической конференции (симпозиума). – Краснодар, 15 ноября 2019 года.
3. Шурухнов Н. Г. Процессуальные и организационные особенности взаимодействия следователей следственного комитета Российской Федерации с оперативными уполномоченными оперативных подразделений Федеральной службы исполнения наказаний / Сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции. – Рязань, 16 декабря 2021 года. 2022. – С. 379-386.
4. Уголовное дело № 11702610009180310 возбуждено 04.10.2017 г. СУ СК по Рязанской области.
5. Данилова И. Ю., Жарко Н. В., Новикова Л. В. Задачи первоначального этапа расследования пенитенциарных преступлений // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 10 (137). – С. 204-206. – EDN PRMGXE.
6. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. – М.: Норма, 2009. – 480 с.
7. Эйсман А. А. Заключение эксперта (структура и научное обоснование). – М.: Юридическая литература, 1967. – 151 с.

ЛОГАЧЕВ Константин Константинович

преподаватель кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В настоящей работе исследуются проблемы, которые возникают при раскрытии и расследовании экологических преступлений. Обращается внимание на то, что часто должностные лица природоохранных органов сами попадают на совершении и сокрытии экологических преступлений. Это негативно сказывается на раскрываемости экологических преступлений в целом. Кроме того, автор указывает на проблему недостаточной технической оснащенности правоохранительных и природоохранных органов. В результате исследования предлагаются меры по улучшению раскрываемости экологических преступлений.

Ключевые слова: правоохранительные органы, природоохранные органы, раскрытие, расследование, экологические преступления.

LOGACHEV Konstantin Konstantinovich

lecturer of Criminal procedure sub-faculty of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

ACTUAL PROBLEMS ARISING IN THE DETECTION AND INVESTIGATION OF ENVIRONMENTAL CRIMES

This paper examines the problems that arise in the detection and investigation of environmental crimes. Attention is drawn to the fact that often officials of environmental authorities themselves are caught committing and concealing environmental crimes. This negatively affects the detection of environmental crimes in general. In addition, the author points to the problem of insufficient technical equipment of law enforcement and environmental authorities. As a result of the study, measures are proposed to improve the detection of environmental crimes.

Keywords: law enforcement agencies, environmental authorities, disclosure, investigation, environmental crimes.

Логачев К. К.

Ресурсный потенциал Российской Федерации – это более 20 % мировых запасов. Природные ресурсы, используемые экономикой нашего государства, составляют 95,7 % национального богатства страны [7, с. 3663]. Сказанное обеспечивает особое место Российской Федерации в мире.

Уникальные природные ресурсы России, ее биоразнообразие в настоящее время находятся под угрозой из-за экологических преступлений. По официальным данным, в 2022 году количество экологических преступлений снизилось на 6 % и составило 19,1 тыс. [5]. При этом в Российской Федерации экологические преступления неизменно характеризуются высокой степенью скрытности и низкой раскрываемостью.

Заметим, что раскрываемость экологических преступлений во многом зависит от эффективности взаимодействия следователей со специализированными государственными органами в сфере охраны окружающей среды. Зачастую уголовные дела об экологических преступлениях возбуждаются на основании заявлений, направленных сотрудниками региональных природоохранных органов. Более того, следственные органы на первоначальном этапе расследования опираются на доказательственные материалы, которые были приложены сотрудниками региональных природоохранных органов при подаче заявления о возбуждении уголовного дела.

Важно обратить внимание на то, что нередко в экологических преступлениях замешаны сами сотрудники региональных природоохранных органов. Как и в других за-

рубежных странах, некоторые сотрудники региональных природоохранных органов в Российской Федерации становятся соучастниками экологических преступлений, которым они способствуют, выдавая поддельные документы, закрывая глаза на сам факт совершения экологического преступления или помогая преступникам скрыться от правосудия. Приведем ниже соответствующие примеры.

В апреле 2022 года Городищенский районный суд Волгоградской области вынес обвинительный приговор в отношении бывшего лесничего за взяточничество и коммерческий подкуп. В частности, суд установил, что с 2018 по 2020 гг. лица, осуществлявшие незаконную рубку леса на территории Городищенского района Волгоградской области, платили данному лесничему деньги за то, чтобы он не обращался в следственные органы [8].

Аналогичная история произошла в Калужской области. Так, в феврале 2023 года бывший сотрудник Дзержинского лесничества Калужской области был признан виновным в злоупотреблении должностными полномочиями и получении взятки. В частности, бывший лесничий помог бизнесмену, совершившему незаконную рубку деревьев, избежать уголовной ответственности. За это бизнесмен заплатил ему денежную сумму в размере 100 тысяч рублей. Суд назначил бывшему лесничему наказание в виде штрафа в размере 580 тысяч рублей и лишения права занимать должности на государственной и муниципальной службе, связанной с защитой и охраной леса [4].

В ряде случаев сотрудники региональных природоохранных органов не просто помогают виновным лицам уйти от ответственности за совершение экологических преступлений, а сами участвуют в их совершении. Одним из самых громких случаев стало изобличение в совершении браконьерства сотрудников Министерства охраны природы Республики Саха (Якутия). Так, в январе 2014 года в Республике Якутия правоохранительные органы по «горячим» следам задержали пятерых браконьеров, четверо из которых оказались сотрудниками Министерства охраны природы Республики Саха (Якутия). У браконьеров были изъяты ружья и туша изюбра, охотиться на которого можно только на основании специального разрешения (у них оно отсутствовало). Было установлено, что данные браконьеры – три лесных инспектора и водитель – в Чурапчинском районе незаконно подстрелили изюбра, мясо которого они поделили между собой [2].

В декабре 2021 года в заповеднике Кемеровской области «Кузнецкий Алтай» задержали сотрудника Департамента по охране животного мира Кузбасса. Было установлено, что данный сотрудник находился на территории заповедника «Кузнецкий Алтай» в рабочее время. Его направили туда, чтобы он обследовал общедоступные охотничьи угодья в границах заповедника. Однако вместо выполнения своих прямых служебных обязанностей сотрудник Департамента по охране животного мира Кузбасса отправился на снегоходе на рыбалку. Когда нарушителя обнаружили инспекторы заповедника «Кузнецкий Алтай», при нём был карабин «Тигр», 40 патронов, удочка и 45 выловленных хариусов. При этом разрешения на оружие и нахождение на территории заповедника у нарушителя не оказалось.

В результате выяснилось, что еще в 2016 году данный сотрудник уже привлекался к ответственности за нарушения экологического законодательства Российской Федерации, однако это не стало препятствием для занятия им должности в Департаменте по охране животного мира Кузбасса [1].

Необходимо заметить, что без надлежащего уровня координации между следственными органами и региональными природоохранными органами в России проблема с раскрываемостью экологических преступлений будет сохранять свою остроту. Вышеприведенные случаи недобросовестности сотрудников региональных природоохранных органов не являются единственными в своем роде. Такие негативные тенденции обнаруживаются ежегодно и повсеместно во всех российских регионах. Таким образом, выполнение правоохранительными органами задачи по выявлению и расследованию фактов совершения экологических преступлений существенным образом осложняется.

Безусловно, в отдельных случаях правоохранительные органы самостоятельно (т.е. без помощи сотрудников региональных природоохранных органов) выявляют, предупреждают, пресекают и раскрывают экологические преступления. Однако можно констатировать, что для отечественной правоприменительной практики это, скорее, исключение, а не общее правило. Возьмем, к примеру, экологические преступления, совершаемые в лесу. Территория Российской Федерации более чем на 44,4 % покрыта лесом [6]. Соответ-

ственно, для сотрудников правоохранительных органов зафиксировать каждый случай совершения противоправных действий в лесу просто нереально.

Полагаем, что решением вышеупомянутой проблемы может быть разработка альтернативных источников информации о совершенных экологических преступлениях. Думается, что такими альтернативными источниками информации могут стать российское население, а также общественные организации в сфере охраны окружающей среды.

Для более активного взаимодействия граждан и правоохранительных органов по вопросам выявления, предупреждения экологических преступлений считаем целесообразным ускорить и упростить на практике порядок направления гражданами своих обращений по нарушениям экологического законодательства. Так, органы МВД России могут создать в социальных сетях, мессенджерах специальную службу, которая будет принимать и обрабатывать цифровые сообщения граждан о совершенных экологических преступлениях и правонарушениях. Удобство цифрового взаимодействия в данном случае заключается в том, что граждане будут иметь возможность подкрепить имеющуюся у них информацию с помощью видео- и фотоматериалов. Таким образом, правоохранительные органы смогут в оперативные сроки получить полную картину совершенного или совершаемого экологического правонарушения или преступления, что, в свою очередь, позволит им задержать преступников (правонарушителей) по горячим следам.

Важно также развивать взаимодействие правоохранительных органов с общественными организациями в области охраны окружающей среды (например, Greenpeace, WWF). К сожалению, можно констатировать, что на сегодняшний день повсеместное сотрудничество правоохранительных органов с общественными организациями в области охраны окружающей среды практически отсутствует. При этом, на наш взгляд, реализация масштабных совместных мероприятий с общественными организациями в области охраны окружающей среды могла бы существенным образом помочь российским правоохранительным органам с предупреждением, пресечением и раскрытием экологических преступлений.

В большинстве случаев экологи-общественники – это активные представители гражданского общества, которые, во-первых, обладают широким диапазоном знаний в сфере экологии, а во-вторых, имеют большую заинтересованность в раскрытии и расследовании экологических преступлений и правонарушений по идейным соображениям. По этим причинам именно экологи-общественники, в отличие от граждан-обывателей, проявляют большую готовность в предоставлении следственным органам всей известной им информации о совершенных экологических преступлениях и правонарушениях. Например, в марте 2019 года на основании сведений, предоставленных сотрудниками российского отделения Greenpeace, было возбуждено уголовное дело по факту сокрытия реальной площади лесных пожаров во Владимирской области в отношении должностных лиц лесничества [3].

Проблемы при раскрытии и расследовании экологических преступлений также связаны с недостаточной техниче-

ской оснащенностью как правоохранительных, так и региональных природоохранных органов. Например, в настоящее время зарубежными правоохранительными и природоохранными органами активно используются беспилотные летательные аппараты (дроны). Полагаем, что в будущем этот подход необходимо заимствовать и России. Во-первых, дроны позволяют в краткие сроки обнаружить совершенное или совершаемое экологическое преступление, поскольку дрон фиксирует информацию об исследуемой территории в режиме реального времени. Во-вторых, экономятся силы и время сотрудников правоохранительных и региональных природоохранных органов. Например, часто лесные инспекторы и сотрудники правоохранительных органов проходят десятки километров в день, чтобы проконтролировать отсутствие нарушений экологического законодательства в лесу. При этом у них нет четкого понимания, где именно может в данный момент времени совершаться экологическое преступление. С помощью дрона они будут иметь возможность быстро определить, где совершаются или были совершены противоправные действия.

Сегодня в Российской Федерации вопрос о применении дронов активно обсуждается пока только в контексте борьбы с лесными пожарами. Так, к 2024 году в России в рамках охраны лесов от пожаров планируется использовать более двух тысяч дронов (в 2020 году их было не более 200) [9]. Считаем, что в ближайшем будущем дронами должны располагать все правоохранительные и природоохранные органы. Мы убеждены, что применение этих технических устройств позволит значительно улучшить статистику по раскрываемости экологических преступлений.

Итак, проведенное исследование показывает, что экологические преступления являются одной из наиболее латентных групп противоправных деяний. Во многом это обусловлено наличием законодательных и практических проблем, препятствующих их расследованию и раскрытию. Для улучшения раскрываемости экологических преступлений представляется необходимым реализовать следующие меры. Во-первых, российскому законодателю целесообразно усилить требования, предъявляемые к лицам, занимающим должности в природоохранных государственных органах. В частности, мы считаем неправильным отсутствие сегодня законодательного запрета на занятие таких должностей лицами, которые привлекались к ответственности за нарушение требований экологического законодательства. Во-вторых, нужно развивать взаимодействие и сотрудничество правоохранительных органов с гражданами и экологическими общественными организациями по вопросам охраны окружающей среды. В-третьих, следует в ближайшем будущем улучшить техническое оснащение всех правоохранительных и природоохранных органов.

Пристатейный библиографический список

1. В Кузбассе поймали инспектора-браконьера из департамента по защите живой природы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://v1.ru/text/criminal/2022/04/14/71256236/> (дата обращения: 01.03.2023).
2. В Якутии уволили чиновников-браконьеров из Минприроды. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yakutsk.bezformata.com/listnews/chinovnikov-brakonеров-iz-minprirodi/16838396/> (дата обращения: 01.03.2023).
3. Гринпис добился возбуждения уголовного дела по факту сокрытия реальной площади лесных пожаров во Владимирской области. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vedom.ru/news/2019/03/21/34229-grinpis-dobilnya-vozbuzhdeniya-ugolovno-go-dela> (дата обращения: 01.03.2023).
4. Калужский лесничий заплатит 500-тысячный штраф за взятку. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pressa40.ru/kaluzhskiy-lesnichiy-zaplatit-500-tysyachnyy-shtraf-za-vzyatku/> (дата обращения: 01.03.2023).
5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/> (дата обращения: 01.03.2023).
6. Площадь лесов в России за год увеличилась на 171 тыс. га. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/14895175> (дата обращения: 01.03.2023).
7. Фатнева И. В. Природные ресурсы России и их роль в мировой экономике // Международная научно-техническая конференция молодых ученых БГТУ им. В. Г. Шухова. – Белгород, 2019. – С. 3663-3666.
8. Цена вопроса – 100 тысяч рублей и тушка свиньи: под Волгоградом лесничего осудили за взятки и подкуп. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://v1.ru/text/criminal/2022/04/14/71256236/> (дата обращения: 01.03.2023).
9. Эксперты сочли дроны инновационным способом мониторинга и анализа леса. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2021/09/16/eksperty-sochli-drony-innovacionnym-sposobom-monitoringa-i-analiza-lesa.html> (дата обращения: 01.03.2023).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-4-179-305-308

МАКЕЕВА Ирина Александровна

старший следователь второго следственного отдела второго следственного управления (с дислокацией в городе Санкт-Петербург) Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ КАК ГАРАНТИЯ ДОСТУПА К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ПРАВОСУДИЯ И ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ ДЛЯ УЧАСТНИКОВ ПРОЦЕССА

В статье рассмотрено производство следственных действий с использованием систем ВКС с точки зрения реализации гарантии доступа к правосудию путем применения нормы ст. 189.1 УПК РФ. Целью исследования является обозначение проблем, препятствующих эффективному применению данной нормы. В статье высказаны предложения о совершенствовании ст. 189.1 УПК РФ с целью одновременного осуществления доступа к правосудию граждан и обеспечения удобства применения данной нормы для правоохранительных органов.

Ключевые слова: уголовный процесс, видео-конференц-связь, доступ к правосудию, доступность, законность.

МАКЕЕВА Irina Alexandrovna

senior investigator of the second investigation division for the second investigation department (with the location in the city of Saint Petersburg) of the Main investigation department of the Investigative Committee of the Russian Federation

Макеева И. А.

USE OF VIDEOCONFERENCING IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS AS A GUARANTEE OF ACCESS TO JUSTICE FOR THE PARTICIPANTS OF CRIMINAL PROCEEDINGS

The article considers the investigative actions with the use of videoconferencing systems from the point of view of implementation of guarantee of access to justice through the application of article 189.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The purpose of the study is to identify problems that hinder the effective application of this legal norm. The article contains proposals for improvement of article 189.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in order to simultaneously implement access to justice for citizens and ensure the ease of application of this norm for law enforcement agencies.

Keywords: criminal procedure, videoconferencing, access to justice, accessibility, legality.

Российская Федерация, провозглашая права и свободы человека и гражданина высшей ценностью, отнесла к числу указанных прав и свобод в Конституции Российской Федерации – право на доступ к правосудию, которое обеспечивается государством, а также право на судебную защиту (ст. ст. 46, 52 Конституции РФ). В соответствии со ст. 118 Конституции РФ, правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом. Вместе с тем, реализация данного права начинается с досудебных стадий уголовного судопроизводства, и только при надлежащей деятельности соответствующих должностных лиц на данных стадиях процесса возможна надлежащая судебная защита и рассмотрение дела по существу [2].

Конституционный суд Российской Федерации в Определении от 17.10.2006 № 425-О отметил, что реализация права на доступ к правосудию и судебную защиту осуществляется посредством использования механизмов уголовно-процессуального регулирования¹.

Одним из элементов таких механизмов, посредством которого, в том числе, реализуется право на доступ к правосудию граждан, является предоставление участникам уголовного судопроизводства права на дачу показаний.

Еще с 1999 года суды активно используют технологии видео-конференц-связи (ВКС) [1], механизм их использования проработан и давно устоялся. В 2020 году в связи со сложной эпидемиологической обстановкой арбитражные суды проводили судебные заседания с использованием приложения «Скуре»², а Московский городской суд по административному делу провел судебное заседание, в котором участники процесса подключались к системам ВКС через сайт суда, авторизовавшись через систему ЕСИА³. Кроме того, с 30.12.2021 года в арбитражном и гражданском процессе используются технологии веб-конференции, которые в широком смысле не отличаются от систем ВКС.

2 «В Арбитражном суде Санкт-Петербурга заседания будут проходить через Скуре». // Право.ру: сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/news/220777/?ysclid=ldhgla4c6p891030133> (дата обращения: 29.01.2023).

3 Пресс-релиз «КРОК помог Мосгорсуду провести дистанционное заседание с распознаванием лиц». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.croc.ru/press_releases/justice-online-croc-delivers-facial-recognition-for-moscow-city-court/ (дата обращения: 19.02.2023).

1 Определение Конституционного суда Российской Федерации от 17.10.2006 № 425-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Запорожец Л. М. на нарушение ее конституционных прав ч.6 ст. 148 УПК РФ». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision15447.pdf> (дата обращения: 16.04.2023).

На стадии предварительного расследования возможность использования систем ВКС появилась у правоприменителей 30.12.2021 с введением в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации статьи 189.1.

Законодателем еще на стадии рассмотрения законопроекта о внесении изменений в УПК РФ, предусматривающих производство следственных действий посредством видео-конференц-связи, отмечено, что законопроект является актуальным «и в связи со сложившейся ситуацией с пандемией»⁴. Невозможно не согласиться с данным утверждением и, вместе с тем, отметить, что пандемия COVID-19 явилась стимулом для введения данной статьи, однако сложности с реализацией доступа к правосудию в части участия в следственных действиях существовали и ранее.

Несомненным является тот факт, что даже самые ответственные граждане, понимающие важность процесса расследования преступлений, не могут планировать свое личное время, работу, командировки, отпуск и т.д., отталкиваясь от планов правоохранительных органов.

С введением в действие статьи 189.1 УПК РФ предполагается, что участники процесса могут принимать участие в следственных действиях, независимо от того, в каком регионе Российской Федерации они находятся, при этом не будет страдать качество следственных действий, а, следовательно, таким образом решается проблема осуществления доступа к правосудию граждан.

В то же время внедрение современных технологий в процессуальную деятельность, в том числе в уголовный процесс, должно, помимо разрешения с их помощью ряда процессуальных вопросов во исполнение назначения уголовного судопроизводства, обеспечивать удобство производства следственных и процессуальных действий для правоприменителей и участия в них граждан. Наличие двух данных элементов (и разрешение процессуальных вопросов и удобство) в специальных нормах, предусматривающих использование различных технологий при производстве следственных действий, потенциально будет являться гарантией эффективности применения конкретной нормы.

В этой связи необходимо отметить, что исследователи выделяют также понятие «доступность правосудия», которое по своему смыслу отличается от более широкого понятия доступа к правосудию. Если право на доступ к правосудию обеспечивается, в том числе наличием у граждан возможности реализации своих прав, то доступность правосудия, по нашему мнению, заключается не только в такой гипотетической возможности, обеспеченной соответствующими нормами, но и в фактической возможности, обеспеченной соответствующими условиями, созданными государством.

4 Пояснительная записка к законопроекту № 1184595-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (о проведении допроса и очной ставки следователем, дознавателем в отношении участников уголовного судопроизводства с использованием систем видео-конференц-связи). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1184595-7> (дата обращения: 29.01.2023).

Согласно ст. 189.1 УПК РФ, следователь/дознатель вправе произвести следственные действия с использованием систем ВКС только государственных органов при наличии соответствующей технической возможности. При этом законодатель не расшифровывает, что именно подразумевается под системами ВКС государственных органов, в связи с чем, данное положение можно толковать, как возможность использования специализированных систем ВКС, специально устанавливаемых в государственных органах, так и использование следователями/дознателями персональных рабочих компьютеров с установленными видеорекамерами и соответствующих приложений, позволяющих осуществить видеоконференцию. При отсутствии дополнительных законодательных разъяснений использование второго варианта будет возможным только при появлении соответствующей положительной практики, заключающейся в том, что полученные таким образом доказательства не будут признаваться судом недопустимыми. При этом использование современных технических средств – смартфонов с установленными видеорекамерами и приложениями, позволяющими осуществить видеозвонок, которые широко используются в обычной жизни и не вызывают каких-либо сложностей в их применении, законом вовсе не предусмотрено.

Что касается указанного варианта с использованием «официальной» ВКС, который точно является разрешенным законодателем, на наш взгляд, в настоящее время удобство использования данных технологий на стадии предварительного расследования как правоприменителями, так и гражданами, является недостаточно проработанным.

Как уже было упомянуто, при рассмотрении законопроекта о введении данной статьи, указывалось, что его актуальность обусловлена ситуацией с пандемией COVID-19. Вместе с тем, не совсем понятно, как именно введение ст. 189.1 УПК РФ поспособствовало одновременному разрешению ситуации с соблюдением сроков расследования преступлений и обеспечением гражданам, находящимся на карантине, доступа к правосудию (и доступности), поскольку в любом случае для участия в следственном действии гражданин должен проследовать в следственный орган к следователю, организующему производство следственного действия, так как самостоятельное использование принадлежащих гражданину технических средств и подключение к видеосвязи для участия в следственном действии является недопустимым. Положительным моментом в данном случае, на наш взгляд, является только, что ни следователь, ни участник следственного действия, находящиеся в разных регионах, которые могут являться потенциальными носителями инфекции, не должны следовать к месту производства следственного действия, контактируя с другими гражданами.

Если не касаться вопроса пандемии, безусловным плюсом введения данной статьи даже в действующей редакции, является наличие возможности производства таких следственных действий, например, производства очной ставки и предъявления для опознания с лицами, ко-

торые находятся в разных регионах страны, организовать участие которых в одном следственном органе просто невозможно либо маловероятно.

При этом, возвращаясь к вопросу участия граждан, которые по состоянию здоровья не могут явиться в следственный орган (например, маломобильные граждане, лежащие больные и т.д.), при разрешении следователям использовать смартфоны для установления видеоконференции, следователь мог бы прибыть по месту жительства к такому гражданину и организовать производство следственного действия. Таким образом, одновременно решалась бы проблема доступности для таких категорий граждан и, в связи с участием второго следователя, исключались бы злоупотребления гражданином, который при самостоятельном участии в следственном действии мог бы отключиться от видеоконференции, не захотев отвечать на вопросы следователя.

Здесь же необходимо отметить, что использование систем видео-конференц-связи на стадии проверки сообщения о преступлении при получении объяснения не предусмотрено: в статье 189.1 УПК РФ указан исчерпывающий перечень следственных действий, которые возможно произвести с использованием данных технологий, к которым объяснение не относится и не может относиться, так как вообще не является следственным действием, а статьей 144 УПК РФ разрешено производство всего двух следственных действий, к которым допрос не относится. Получение объяснения и допрос – это не одно и то же, а применение нормы ст. 189.1 УПК РФ при получении объяснения по аналогии является недопустимым.

В то же время стадия проверки сообщения о преступлении является не менее важной, чем другие стадии уголовного процесса, и отсутствие возможности у правоохранительных органов получить при необходимости объяснение с использованием данных технологий, а у граждан, соответственно, возможности дать необходимые пояснения, вызывает недоумение: в случае необходимости получения объяснения у гражданина, находящегося в другом регионе, необходимо или ехать в командировку, или направить соответствующее поручение, в то время как на стадии предварительного расследования после возбуждения уголовного дела этого же гражданина можно допросить с использованием систем ВКС.

Кроме того, большое значение для возможности производства дистанционных следственных действий будет иметь протяженность регионов, в которых будет осуществлено производство следственного действия, и его организация. Необходимо учитывать, что для его производства и следователь, который производит следственное действие, и следователь его организующий, а также участники следственных действий (включая в некоторых случаях еще и адвоката и переводчика) должны прибыть в следственный орган, оборудованный системами ВКС.

В таких условиях, даже если предположить, что каждый территориальный следственный орган был бы оборудован системами ВКС (а фактически, например, в системе следственных органов СК РФ системами ВКС оборудованы

управления по субъектам РФ), удобство участия и производства таких следственных действий является сомнительным, что особенно актуальным является для крупных регионов, в которых некоторые следственные отделы охватывают несколько районов на территории области/края (что является актуальным почти для всех субъектов страны).

В этой связи следует отметить, что участие в следственных действиях для многих граждан и без каких-либо дополнительных сложностей является стрессовым мероприятием, а в заданных условиях с большой долей вероятности может возникнуть проблема того, что граждане могут начать всяческим образом избегать участия в следственных действиях, что даже при имеющихся уголовно-процессуальных механизмах (привод) будет затягивать производство следственного действия, а также создаст конфликтную ситуацию со следователем еще до начала следственного действия.

В то же время в Российской Федерации активно действует система многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ). Если сравнить их количество (включая отделения МФЦ) с количеством территориальных следственных отделов Следственного комитета Российской Федерации, то получатся следующие результаты: в Брянской области действует 10 следственных отделов, в то время как МФЦ – 51; в Орловской области – 11 следственных отделов, а МФЦ – 92; в Красноярском крае и Республике Хакасия – 42 следственных отдела, МФЦ – 257⁵. Такая количественная разница характерна для всех регионов страны. При этом необходимо отметить, что МФЦ располагаются даже в самых отдаленных уголках страны и часто не по одному отделению.

Очевидно, что участник следственного действия, который понимает, что он может поучаствовать в следственном действии, прибыв в ближайшее отделение МФЦ, охотнее согласится на участие в следственном действии, чем в вышеописанных случаях.

При этом каких-либо крупных финансовых вложений со стороны государства данное решение не требует, так как для организации видеозвонка нужен компьютер с веб-камерой и, как мы можем предположить, такой техникой МФЦ, наверняка уже обеспечены в достаточном объеме.

Более того, в таком случае не требуется участие второго следователя/дознателя. Если вернуться к анализу ст. 189.1 УК РФ, участие второго следователя/дознателя в случае производства допроса и очной ставки, сводится только к организации следственного действия по поручению, а также получению подписки от участника следственного действия о разъяснении ему содержания ст.ст. 307-308 УК РФ, то есть фактически каких-либо в полной мере след-

5 Информация официальных сайтов СУ СК России по Брянской и Орловской области, ГСУ СК России по Красноярскому краю и Республике Хакасия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bryansk.sledcom.ru/about/divisions>; [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://orel.sledcom.ru/about/divisions>; <https://krk.sledcom.ru/about/divisions> (Дата обращения 23.04.2023); сайта со сведениями о государственных учреждениях в России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mfc.gogov.ru/> (дата обращения: 23.04.2023).

ственных мероприятий, для которых нужны полномочия следователя/дознателя, он не проводит.

Дополнительно к этому, законодательно можно предусмотреть использование систем ВКС МФЦ и самим следователем в случае, если соответствующие технологии не установлены в территориальном следственном органе, в котором работает следователь.

В таком случае, возникает вопрос о процессуальной составляющей данного процесса, какова будет процедура такого следственного действия. Безусловно, следует отметить, что производство следственного действия с привлечением МФЦ в случае производства предъявления для опознания, является невозможным, а в случае производства очной ставки является достаточно сложным, и в случае необходимости их производства, должен участвовать второй следователь/дознатель, то есть их участие не может быть исключено из ст. 189.1 УПК РФ. Однако производство допроса, на наш взгляд, является возможным. Следователь, вместо поручения о производстве отдельных следственных действий, может направить официальный запрос в соответствующий МФЦ с просьбой об организации ВКС для производства конкретного следственного действия в определенную дату. В свою очередь, сотрудникам МФЦ необходимо предоставить для гражданина рабочее место, организовав видеоконференцию со следственным органом, установить личность гражданина, а полученные в ходе допроса/очной ставки документы направить следователю. То есть фактически суть процедуры не поменяется, но одновременно такая мера позволит облегчить процесс как для следователя, так и для гражданина, желающего участвовать в следственном действии. При этом при необходимости, следственное действие можно произвести в том же порядке, в котором предусмотрено производство следственного действия в настоящее время.

Как указывает Шереметьев И. И., ссылаясь на анонсированное в 2020 году генеральным директором Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации Гусевым А. В. использование МФЦ для организации электронного взаимодействия граждан с судами, планировалось организовать возможность подачи документов в суд и получения документов из суда через МФЦ, данные меры необходимы для развития концепции доступности правосудия, экономии времени и средств [3]. Разумеется, что подача документов и производство следственного действия – это совершенно разные процедуры, но в то же время, принципиальной разницы в части привлечения сотрудников МФЦ эти действия не имеют, поскольку и в том и в другом случае, не предполагается наделение сотрудников МФЦ уголовно-процессуальными обязанностями в следственном действии, а их роль является вспомогательной.

Подводя итог вышесказанному, необходимо констатировать, что для одновременного осуществления доступа и доступности правосудия для граждан и обеспечения удобства применения нормы ст. 189.1 УПК РФ для правоприменителей, названная норма требует доработки. Так, следователю/дознателю, на наш взгляд, должно быть предоставлено право самостоятельного выбора техноло-

гий, которые возможно использовать для производства дистанционных следственных действий, включая средства мобильной связи – смартфоны; ст. 144 УПК РФ должна предусматривать возможность получения объяснения с использованием систем ВКС; ст. 189.1 УПК РФ должна предусматривать привлечение сотрудников МФЦ для производства вышеназванных следственных действий. В таком случае станет возможным более эффективное применение нормы ст. 189.1 УПК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Вяткин Ф., Зайцев С., Зильберман С. Видеоконференцсвязь при рассмотрении кассационных жалоб // Российская юстиция. - М.: Юрид. лит., 2000. № 6. С. 11-12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/10341-videokonferencsvyaz-rassmotrenii-kassacionnykh-zhalob?ysclid=levbmn5f1x267977478> (дата обращения: 05.03.2023).
2. Ротар А. И. Доступность правосудия как условие получения судебной защиты // Теория и практика общественного развития. 2014 № 6. // Издательский дом «Хорс»: сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/6/yurisprudentsiya/rotar.pdf (дата обращения: 16.04.2023).
3. Шереметьев И. И. Использование современных цифровых технологий при судебном разбирательстве уголовных дел в дистанционном режиме // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. № 10 (74). С. 97-107.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-4-179-309-310

СЕРДЮКОВА Елена Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юридических и специальных дисциплин Ставропольского филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

ЧУНИХА Анжелика Арслановна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юридических и специальных дисциплин Ставропольского филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

ДЕЙСТВИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В ХОДЕ ЗАОЧНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ТЯЖКИХ И ОСОБО ТЯЖКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

В статье рассматриваются проблемы реализации принципов уголовного процесса в заочном производстве по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях. Анализируются вопросы обеспечения общих условий судебного разбирательства в заочном процессе. Уголовно-процессуальный институт не может препятствовать назначению уголовного судопроизводства, так как не дает возможности разрешения вопроса о применении уголовного закона при обязательном условии соблюдения прав и свобод человека. Достижение целей и разрешение задач заочного уголовного судопроизводства должно способствовать достижению общих целей уголовного процесса и не может препятствовать им. Сложность обеспечения принципов уголовного процесса в ходе заочного судопроизводства может быть уравновешена дополнительными процессуальными гарантиями.

Ключевые слова: принципы уголовного процесса, общие условия судебного разбирательства, равенство прав сторон, состязательность, непосредственность и устность, заочное производство.

SERDYUKOVA Elena Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Legal and special disciplines sub-faculty of the Stavropol branch of the RANEPa under the President of the Russian Federation

CHUNIKHA Angelika Arslanovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Legal and special disciplines sub-faculty of the Stavropol branch of the RANEPa under the President of the Russian Federation

PROBLEMS OF ENSURING CERTAIN PROVISIONS OF CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION IN CORRESPONDENCE PROCEEDINGS IN SEVERE AND ESPECIALLY SEVERE CASES

The article deals with the problems of implementing the principles of the criminal process in absentia proceedings in criminal cases on grave and especially grave crimes. The issues of ensuring the general conditions of the trial in absentia are analyzed.

Keywords: principles of criminal procedure, general conditions of judicial proceedings, equality of rights of the parties, adversarial nature, immediacy and orality, proceedings in absentia.

Несмотря на то, что заочному уголовному судопроизводству посвящены многие исследования, в правоприменительной практике и научных трудах видится снисходительное отношение к рассмотрению дел в отсутствие подсудимого.

Заочное производство, осуществляемое в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 247 УПК РФ, нуждается в пристальном внимании как законодателя, так и правоприменителя.

Действие принципов уголовного судопроизводства во многом зависит от их взаимодействия. Как правило, нарушение одного из основополагающих идей приводит к нарушению связанного с ним более общего принципа.

В ходе заочного уголовного процесса очень сложно сохранить взаимосвязь уголовно-процессуальных принципов. Это объясняется тем, что заочное производство проводится в условиях, не предусматривающих обеспечение традиционных основополагающих идей, связанных с обязательным участием в деле обвиняемого. Если в ходе судебного заседания отсутствует подсудимый, принцип состязательности не будет реализован в полном объеме.

Надо отметить, что принципы уголовного судопроизводства на практике соблюсти в полном объеме не представляется возможным. По мнению С. В. Купрейченко «это связано со стадийным характером уголовного процесса и с тем, что уголовно-процессуальный закон предусматривает обеспечительные механизмы устранения допущенных нарушений и восполнения нарушенных прав. В ряде случаев данные механизмы носят компенсаторный характер, созда-

вая гарантии восполнения реализации принципов в рамках одних процессуальных институтов в тех случаях, когда они были ограничены в рамках других» [6, с. 57].

В уголовно-процессуальной доктрине известны механизмы благоприятствования защите. Они ориентированы на обеспечение «выравнивания положения заведомо неравных сторон через обеспечения дополнительных прав, гарантий и процессуальных преимуществ для наиболее слабой стороны уголовно-процессуального спора» [7, с. 41]. Это говорит о том, что сложность обеспечения принципов уголовного процесса в ходе заочного судопроизводства может быть уравновешена дополнительными процессуальными гарантиями.

Рассмотрим проблемы обеспечения отдельных принципов уголовного судопроизводства в заочном порядке более подробно. В первую очередь, это касается принципа состязательности, обеспечение которого связано с непосредственным участием подсудимого в ходе разрешения уголовного дела по существу. Отсутствие подсудимого приводит к тому, что сторона защиты не может участвовать в состязании в полном объеме как на стадии судебного разбирательства, так и на стадии предварительного расследования. В такой ситуации защитник будет вынужден формально следовать стандартным процедурам обжалования действий, бездействия и решений государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование.

Помимо этого, защитник, у которого имеются затруднения в контакте с подзащитным, не может полной инфор-

мацией, имеющей значение для уголовного дела. А это затрудняет, как формировать позицию защиты относительно обстоятельств, подлежащих доказыванию, так и согласовывать ее со своим клиентом [3, с. 110].

Необходимо отметить, что заочное судопроизводство затрагивает и общие условия судебного разбирательства. Они не предусмотрены в главе 2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [2] (далее – УПК РФ), предусматривающей основополагающие идеи уголовного процесса. Однако данные условия определяют возможность соблюдения принципов в судебных стадиях. Можно согласиться с мнением А. А. Кайгородова, который полагает, что «общие принципы судебного разбирательства иначе можно назвать принципами уголовного процесса, реализация которых осуществляется в судебном производстве» [4, с. 134].

Такое общее условие как равенство прав сторон, отраженное в ст. 244 УПК РФ, сложно обеспечить в отсутствие подсудимого. Защитник, участвующий в деле, представляющий интересы подсудимого, не сможет реализовать все права подзащитного, предусмотренные законом. Это касается, прежде всего таких прав, как отказ от защитника, допуск иных защитников, заявление ходатайства о прекращении производства по уголовному делу по нереабилитирующим основаниям и т.д. В данной ситуации нельзя говорить о равенстве прав сторон, так как в разбирательстве будет участвовать только защитник, права которого не в полном объеме совпадают с правами участников стороны защиты.

Проблемным является и реализация общего условия - непосредственности и устности судебного разбирательства (ст. 240 УПК РФ). Согласно процессуальному законодательству, все доказательства по уголовному делу (за исключением особого порядка) подлежат непосредственному исследованию.

Показания обвиняемого являются самостоятельным видом доказательств, подлежащих непосредственному исследованию в суде. К тому же, важным вопросом, разрешаемым при постановлении приговора, является вопрос о виновности обвиняемого, о его отношении к содеянному. Показания подсудимого являются единственным прямым доказательством, подтверждающим и опровергающим его виновность в совершении противоправного деяния.

Положения ч. 2 ст. 240 и п. 2 ч. 1 ст. 276 УПК РФ, предусматривающие возможность оглашения показаний подсудимого в его отсутствие, ходя и отражают важность исследования такого вида доказательств, является компромиссом при ограничении правила непосредственности и устности судебного разбирательства. Однако согласно ч. 4 ст. 247 УПК это происходит с личного согласия подсудимого, заявившего ходатайство о рассмотрении уголовного дела в его отсутствие. А в ходе заочного разбирательства по тяжким и особо тяжким делам механизм учета желания подсудимого законом не отражен.

Статья 19 УПК РФ предусматривает принцип обеспечения права на обжалование процессуальных действий и решений. Можно согласиться с тем, что обжалование может быть осуществлено защитником. Но не стоит забывать, что данное решение необходимо принимать защитнику совместно со своим подзащитным. Сложность возникает в связи с тем, что защитник при рассмотрении и разрешении дела в отсутствие обвиняемого по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях может и не иметь контакта с подзащитным. В связи этим адвокат должен принимать решение об обжаловании самостоятельно.

Конечно, обжаловать действия и бездействия государственных органов и должностных лиц может обвиняемый самостоятельно. Однако уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает гарантии соблюдения этого права по рассматриваемым в заочном порядке делам о тяжких и особо тяжких преступлениях. Закон не отражает кон-

кретных норм о порядке взаимодействия с неявившемся и не проживающим на территории России обвиняемым, если известно его место нахождения за пределами нашего государства.

В правоприменительной деятельности органы преследования направляют извещения и повестки по известным им адресам обвиняемого, который находится за пределами РФ. Но направляемая ими информация часто игнорируется. Необходимо отметить, что формальное отношение к направлению процессуальной документации обвиняемому не способствует достижению целей и задач уголовного судопроизводства. Необходимо обеспечить «фактическое уведомление лиц о затрагивающих их права и свободы действиях и решениях, которые они вправе обжаловать, а не физическую пересылку писем и сбор почтовых штемпелей на них» [6, с. 65].

Таким образом, обеспечение основополагающих идей уголовного процесса в заочном производстве по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях существенно ограничено. Рассмотренные нами проблемы обеспечения отдельных принципов уголовного судопроизводства при осуществлении заочного производства по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, а также их значимость, приводят к выводу о том, что на данном этапе в полном объеме не будет реализован один из основополагающих принципов – принцип законности. В связи с этим данные ограничения необходимо восполнять за счет реализации иных уголовно-процессуальных институтов, обеспечивающих баланс частных и публичных интересов, а также достижение назначения уголовного судопроизводства.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>.
3. Евенко Г. С. Актуальные вопросы доказывания в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы правоприменения и управления на современном этапе развития общества. Сборник статей по материалам II Национальной заочной научно-практической конференции. – Ставрополь, 2020. – С. 110.
4. Кайгородов А. А. Соотношение понятий принципов уголовного процесса и общих условий судебного разбирательства // Вестник Томского государственного ун-та. – 2011. – № 342. – С. 134.
5. Кубаев М. Х. М. Защитник как субъект доказывания в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы и перспективы развития современной науки. Сборник научных трудов по материалам VIII Международной научно-практической конференции. – Ставрополь, 2022. – С. 105.
6. Купрейченко С. В. Заочное судопроизводство в Российской Федерации по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях: монография. – М.: Юрлитинформ, 2022. – С. 57.
7. Соловьев С. А. Благоприятствование защите как процессуальный механизм обеспечения равенства сторон в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2019. – С. 41.

ТИНГАЕВА Ирина Владимировна

старший преподаватель кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, подполковник полиции

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ НЕКОТОРЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье рассматриваются наиболее актуальные методические рекомендации по расследованию преступлений с использованием информационно-коммуникационных технологий. При расследовании таких составов преступления, следователям необходимо выполнять широкий спектр задач для выяснения обстоятельств уголовного дела и собиранию доказательств. Каждое уголовное дело индивидуально, но во многом производство следственных действий при расследовании преступления с использованием информационно-коммуникационных технологий совпадает с общими правилами. В данной статье обращено внимание на особенности производства отдельных следственных и процессуальных действий, связанных с характерными особенностями данных преступлений.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, производство следственных действий, компьютерная информация, сетевые соединения, изъятие следов, компьютерно-техническая экспертиза.

TINGAEVA Irina Vladimirovna

senior lecturer of Criminal process sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

FEATURES OF CARRYING OUT SOME INVESTIGATIVE ACTIONS IN THE INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED USING INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

The article discusses the most relevant methodological recommendations for the investigation of crimes using information and communication technologies. When investigating such elements of a crime, investigators need to perform a wide range of tasks to clarify the circumstances of a criminal case and collect evidence. Each criminal case is individual, but in many ways the production of investigative actions in the investigation of a crime using information and communication technologies coincides with the general rules. This article draws attention to the peculiarities of the production of certain investigative and procedural actions related to the characteristic features of these crimes.

Keywords: information and communication technologies, production of investigative actions, computer inform.

В современном мире информационно-коммуникационные технологии стали неотъемлемой частью жизни большинства людей и уже почти невозможно представить свою жизнь без этих достижений науки и техники, которые в значительной степени облегчают работу и жизнь в целом. Однако помимо их положительного влияния они также активно используются в преступной деятельности. Согласно официальной статистике МВД России, лишь за первый квартал 2022 г. удельный вес преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации в общем числе зарегистрированных преступлений составляет 25.1 % [1, с. 301]. Дальнейшее развитие информационных технологий на данном историческом этапе является закономерным процессом, и является очень актуальной темой для выявления проблем и поиска способов их решения при расследовании преступлений данной направленности.

При расследовании уголовного дела типичного преступления с использованием информационно-коммуникационных технологий, в котором задействован один подозреваемый, уже известен весь перечень следственных и процессуальных действий, который является наиболее полным как всех категорий преступлений. Однако при расследовании таких преступлений не маловажное значение имеет проведение судебной компьютерно-технической экспертизы, которая, хоть и не является обязательной, однако во многих случаях необходима для доказывания вины преступника. При расследовании данного состава преступления следователю необходимо выполнить широкий спектр задач для выяснения обстоятельств уголовного дела и собиранию, а также исследованию и проверки доказательств. Однако следует помнить о том, что каждое уголовное дело индивидуально и его обстоятельства могут потребовать производство и других следственных и процессуальных действий.

Во многом производство следственных действий при расследовании преступления с использованием информаци-

онно-коммуникационных технологий совпадает с общими правилами. Но стоит помнить о том, что в уголовном законодательстве отсутствует закрепленный термин «информационно-коммуникационные технологии», с помощью которых может быть совершено преступление [2, с. 62].

Однако стоит отметить, что производство следователем или дознавателем осмотра предметов при осмотре места происшествия либо обыска, а именно компьютерной системы предполагаемого злоумышленника для данного вида преступлений будет являться ключевым моментом, так как если преступление совершено дистанционно, то довольно сложно найти другие весомые доказательства совершения преступления и вины преступника, кроме как материальные следы непосредственно на обнаруженных вычислительных системах, а также цифровые следы, оставленные в компьютерных системах преступника и потерпевшего. Для грамотного выполнения данного следственного действия следователю необходимо придерживаться некоторых методических рекомендаций. По прибытии на место осмотра средств вычислительной техники следователю следует начать с установления запрета на доступ к технике, средствам связи всем лицам, работающим на объекте. Если на момент осмотра компьютер находится в рабочем состоянии, необходимо незамедлительно визуально осмотреть средства вывода информации (экран, проектор и др.) в целях предотвращения удаленного вмешательства в работу компьютера.

Только удостоверившись в минимизации риска уничтожения или утраты сведений, хранящихся в средствах вычислительной техники, следователь с участием специалиста предпринимает меры к выявлению и изъятию следов рук. При осмотре кабельных сетевых соединений требуется убедиться в их целостности, отсутствии следов подключения нештатной аппаратуры и прочих устройств. Также, в связи с возможностью совершения преступлений в удаленном формате необходимо установить расположение всех компьютеров в сети, конкретное назначение каждого компью-

тера, наличие сервера, места прокладки кабелей, устройств телекоммуникации (модемов, факс-модемов и пр.), их расположение и подключение к каналам связи. Требуется также выяснить наличие специальных средств защиты от несанкционированного доступа к информации, принять меры к установлению ключей (паролей). После проведения мер по криминалистическому обнаружению следов осуществляется переход к анализу полученной информации. Рекомендуется использовать специалиста, обладающего познаниями в сфере компьютерной техники и инженерии.

Наиболее приоритетным направлением в ходе осмотра компьютерной техники является установление, анализ и фиксация сведений, хранящихся в компьютерном журнале регистрации событий, представляющем собой организованную в виде файла, базы данных или массива оперативной памяти совокупности записей о событиях, зафиксированных программой или информационной системой. В ходе осмотра вычислительной техники, необходимо указать в протоколе все сведения, а именно: марку, цвет корпуса, серийный, инвентарный или учетный номер, имеющийся на нем; состояние компьютера на момент проведения следственного действия (включен/выключен и иные особенности); наличие подключенных периферийных устройств, их марка, цвет корпуса, серийные, инвентарные и учетные номера и состояние на момент осмотра (включен/выключен); целостность, комплектность, техническое состояние (наличие и работоспособность необходимых блоков, узлов, деталей и правильность их соединения между собой); наличие модемов и иных устройств для доступа к сети Интернет. После проведения первоначальных мероприятий, направленных на обеспечение сохранности сведений, хранящихся в средствах вычислительной техники, следователем, дознавателем осуществляется подробное описание внешних характеристик осматриваемого объекта.

Наряду с уже рассмотренными следственными действиями важную роль при расследовании мошенничества в сфере компьютерной информации играет проведение допроса. При допросе с подозреваемым в мошенничестве в сфере компьютерной информации, следователю необходимы специальные знания в области компьютерных технологий, информационных сетей и других технических составляющих способа совершения преступления. Недостаточный уровень или отсутствие у следователя специальных знаний зачастую приводит к интеллектуальному противодействию со стороны преступника, что приводит к выстраиванию барьеров при установлении психологического контакта с подозреваемым. При производстве допроса и других следственных действий следователю необходимо умело применять знания юридической психологии, предотвращая попытки преступника ввести в заблуждение. К стадии подготовки допроса подозреваемого (обвиняемого) по киберпреступлениям необходимо отнести: информационное обеспечение допроса, изучение личности обвиняемого и планирование допроса.

Как показывает практика при производстве допроса с подозреваемым следователи зачастую сталкиваются с такими трудностями как использование подозреваемым специальной технической терминологией, выбор наиболее подходящих тактических приемов и установление контакта. Поэтому наиболее рациональными тактическими решениями при производстве следственных действий будут привлечение специалиста в сфере компьютерных технологий для оказания консультативной помощи, а также использование предварительно продуманных тактических приемов для получения значимой информации, связанной с виртуальными следами, а также иной, имеющей отношение к расследуемому уголовному делу.

Немаловажным процессуальным действием при расследовании такого рода преступлений является направление различных запросов в банки и другие кредитно-финансовые и коммерческие организации, информация от которых может иметь значение для расследования уголовного дела. Стоит отметить, что кредитные организации и платежные системы фиксируют данные о владельцах счетов, дате и времени совершения операций, сведения о дате и времени интернет-соединений и IP-адресах, с которых осуществлялись выходы в сеть, что помогает более точно определить обстоятельства и условия совершения преступления. Такая информация дает следователю возможность определить с помощью оператора связи местоположение преступника, что зачастую дает суще-

ственное преимущество в расследовании преступления [3, с. 195]. От того, насколько хорошо налажено взаимодействие правоохранительных органов с ними, может зависеть ход дальнейшего расследования: несвоевременность обращений с запросами, промедление получения ответов на них могут способствовать безвозвратной утери или уничтожению значимых сведений.

Отдельного внимания заслуживает работа с особенностями, с криминалистической точки зрения следами, а именно действия следователя по обнаружению, фиксации, изъятию и исследованию виртуальных или цифровых следов, оставленных преступником в технических средствах, которые использовались для совершения преступления. Для обнаружения виртуальных следов рекомендуется при производстве, например, обыска или выемки, привлекать специалиста технической направленности, который может помочь наиболее правильно обнаружить и изъять технические средства, предположительно содержащие виртуальные следы преступления.

Для исследования виртуальных следов на электронных носителях информации следователем назначается судебная компьютерно-техническая экспертиза. В первую очередь необходимо понять, что из себя представляет компьютерно-техническая экспертиза и в чем ее значение при производстве расследования преступления. При проведении компьютерно-технической экспертизы эксперты решают следующие задачи:

- поиск на представленных носителях информации сведений с заданными параметрами (программы и файлы определенного содержания);
- поиск признаков различных манипуляций с данными, содержащимися на электронных устройствах;
- установление конкретных значимых обстоятельств по уголовному делу с помощью компьютерных данных (время сессий пользователя и т.д.);
- определение качественных характеристик и функциональных возможностей аппаратного устройства и программного обеспечения вычислительной техники.

Практика также выявляет определенные трудности с экспертизой электронных устройств в случаях, когда для получения доступа к исследуемому данным необходимо введение пароля или осуществление других способов аутентификации. При данных обстоятельствах целесообразно для проведения экспертизы также выяснить информацию о паролях и иных средствах доступа к исследуемому объекту с помощью оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий.

Кроме того, отдельной категорией объектов исследования судебной компьютерно-технической экспертизы являются сведения, содержащиеся в облачных хранилищах. Для изучения и анализа информации сохраненной в таких хранилищах необходимо предварительно позаботиться об извлечении данных на какой-либо носитель.

Таким образом, при расследовании преступлений, совершенных с помощью информационно-коммуникационных технологий, следователю необходимо обратить внимание на особенности производства отдельных следственных и процессуальных действий, связанные с характерными особенностями данных преступлений, в частности их технологической направленности, а также характеристики преступника, совершившего данное деяние при проведении следственных действий непосредственно с ним.

Пристатейный библиографический список

1. Кумышева М. К., Федина Л. М. Актуальные проблемы противодействия преступлениям в сфере информационно-коммуникационных технологий // Образование и право. - 2022. - № 8. - С. 301-305.
2. Евдокимов К. Н. Криминологические и уголовно-правовые аспекты противодействия преступлениям, совершенным с использованием информационно-коммуникационных, компьютерных и иных высоких технологий: монография. - Иркутск, 2021. - 283 с.
3. Гоголев С. А. Проблемы выявления и расследования киберпреступлений // Скиф. - 2021. - № 11 (63). - С. 194-198.

ГАДЖИАЛИЕВА Аделина Теймурхановна

адъюнкт адъюнктуры Уфимского юридического института МВД России

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТ. 6.1. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРИ ПРИОСТАНОВЛЕНИИ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Автором в данной работе указывается на необходимость дать единое определение разумным срокам уголовного судопроизводства. Ведение мер уголовной ответственности за необоснованное растягивание сроков производства по делу со стороны органов предварительного расследования. Анализируются проблемы реализации положений о разумных сроках уголовного судопроизводства в случае приостановления производства по уголовному делу. Отражена необходимость при приостановлении производства по делу приостанавливать течение сроков исковой давности. Также в статье рассмотрены материалы практики правоприменения ст. 6.1. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации*.

Ключевые слова: разумный срок, уголовное судопроизводство, приостановление производства, исковая давность, потерпевший, преступление.

GADZHIALIEVA Adelina Teymurkhanovna

adjunct of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF ARTICLE 6.1. OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN CASE OF SUSPENSION OF PROCEEDINGS IN A CRIMINAL CASE

The author in this work points out the need to give a unified definition of reasonable terms of criminal proceedings. Conducting criminal liability measures for unjustified prolongation of the terms of the proceedings on the case by the preliminary investigation bodies. The problems of implementing the provisions on reasonable terms of criminal proceedings in case of suspension of proceedings in a criminal case are analyzed. It reflects the need to suspend the running of the statute of limitations when suspending proceedings in a case. The article also discusses the materials of the practice of law enforcement of Article 6.1. of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: a reasonable term, criminal proceedings, suspension of proceedings, limitation, victim, crime.

В нынешнее время особую актуальность приобретает вопрос, связанный с соблюдением разумных сроков уголовного судопроизводства. Главным образом это связано с тем, что зачастую сроки производства по уголовному делу достаточно сильно растягиваются. Например, это будет характерно в случае приостановления производства. В таком случае фактически положения о разумных сроках не соблюдаются и становятся декларативными. Представляется, что это связано с имеющимися проблемами и пробелами в правовом регулировании по данному вопросу. В связи с этим представляется актуальным в рамках настоящего исследования выявить проблемы реализации положений о разумных сроках уголовного судопроизводства в случае приостановления производства по уголовному делу.

Для начала следует отметить, что само определение разумных сроков в целом является достаточно размытым в рамках действующего законодательства и фактически оценочным. При этом такая ситуация характерна не только для сферы действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1], но и в рамках иных отраслей права, в т.ч., процессуальных.

Положения о разумном сроке уголовного судопроизводства получили достаточно широкое распространение в рамках ряда международных актов, а также национальных. При этом особые пояснения в аспекте разумного срока содержатся не только в УПК РФ, но и в ряде ведомственных актов [2]. Как следствие, мы можем говорить о том, что разумный срок уголовного судопроизводства является принципом, установленным в рамках ст. 6.1 УПК РФ, и который занимает достаточно значимое положение в рамках уголовно-процессуального законодательства.

Определение такого разумного срока по каждому конкретному уголовному делу будет своим с учетом всех обстоятельств. Соответственно, наполнение конкретным содержанием

ем «разумного срока» будет различаться. На это, в частности, указывал Конституционный Суд РФ в рамках Определения от 23 сентября 2010 г. № 1211-О-О [3].

В связи с этим дать единое обозначение таким разумным срокам не представляется возможным в силу наличия достаточно большого количества факторов, которые на них влияют.

Соответственно, первостепенное значение занимает вопрос о правильном определении таких разумных сроков. Данные сроки не должны противоречить правам и интересам потерпевших. Хотя зачастую именно так и происходит. Особенно такая ситуация характерна для случаев, когда речь идет о приостановлении производства по уголовному делу. Фактически, если такое происходит, то мы можем говорить о том, что разумный срок производства не соблюдается. Предопределяется это тем, что сроки расследования в таком случае необоснованно затягиваются, нарушается принцип разумности сроков, сроки давности истекают [4]. Данная проблема неоднократно поднималась в рамках доктринальных исследований, однако законодателем до сих пор не приняты попытки по разрешению сложившейся ситуации.

Производство по делу в таком случае может быть неопределенно длинным. Безусловно, что такая ситуация будет нарушать законные права и интересы потерпевшего лица от преступных деяний.

Устанавливая правовое регулирование пределов разумности срока уголовного судопроизводства на досудебных стадиях, законодатель указал момент определения крайней точки течения разумного срока с активными действиями следователя или дознавателя, и одним из таковых является именно приостановление производства по уголовному делу [5].

Фактически на сегодняшний день не так много постановлений о приостановлении предварительного следствия, которые основываются на положениях п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Однако достаточно большое количество уголовных дел охватывается случаями, когда подозреваемый (обвиняемый) скрылся, а его поиск ведется ненадлежащим образом. В таком

* Далее – «УПК РФ».

случае расследование преступления и вынесение приговора по уголовному делу существенно растягивается. Все это время потерпевший может испытывать ряд ограничений правового характера (например, ограничен в совершении сделок с имуществом, признанных вещественным доказательством, находящимся у него на ответственном хранении), а также этим ему могут причиняться моральные страдания в виду того, что преступник находится на свободе, поэтому, например, жизни, здоровью или имуществу потерпевшего может что-то еще угрожать.

В связи с этим мы можем говорить о том, что законодатель фактически ограничил право потерпевшего лица, от преступных посягательств, на своевременное расследование уголовного дела. Тем самым фактически на практике происходит пренебрежение основополагающим принципом уголовного судопроизводства, который установлен в рамках положений ст. 6.1 УПК РФ. Более того, таким образом нарушается право потерпевшего на получение компенсации в тех случаях, когда, например, разумный срок нарушен ввиду приостановления уголовного дела по п. п. 3 или 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

Следует отметить, что указанная проблематика поднимается не только в рамках научных исследований, но и подтверждается материалами практики правоприменения.

Так, заявитель О. обратился в суд с административным иском, в котором просил взыскать в его пользу компенсацию за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок в размере 300 000 рублей, расходы по оплате государственной пошлины в размере 300 рублей и оплате услуг представителя в размере 7 000 рублей, указав, что он признан потерпевшим по уголовному делу № 121354, возбужденному 4 июня 2015 года по признакам состава преступления, предусмотренного частью 3 статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, по факту мошенничества. Длительность уголовного судопроизводства превысила разумный срок вследствие бездействия органов предварительного расследования.

Судом было установлено, что производство по делу действительно достаточно часто приостанавливалось на основании положений ст. 208 УПК РФ.

Как следствие, общая продолжительность досудебного производства по уголовному делу № 121354 со дня поступления заявления административного истца о преступлении (январь 2015 года) по день поступления административного искового заявления в суд (10 февраля 2020 года) составляет 6 лет 10 дней. Удовлетворяя заявленные административным истцом требования, суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, пришел к выводу о нарушении права О. на уголовное судопроизводство в разумный срок, при этом исходил из того, что действия сотрудников органа досудебного производства по расследованию уголовного дела являлись недостаточными и неэффективными, отсутствовал надлежащий контроль за полнотой предварительного следствия, что повлекло нарушение сроков судопроизводства по уголовному делу [7].

Иными словами, как нами и было отмечено, преимущественно суды встают на сторону заявителя, удовлетворяют заявленные требования о компенсации, но далеко не в полном объеме. В связи с этим складывается ситуация, при которой сроки разумного уголовного судопроизводства были нарушены, потерпевшему лицу тем самым были причинены определенные моральные страдания, однако суд ограничивается достаточно скромными размерами компенсации за столь продолжительные сроки расследования преступления, производство по которому неоднократно приостанавливалось.

К сожалению, органы предварительного расследования достаточно часто злоупотребляют возможностью приостановления производства по делу на основании п. 3 и п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

При этом в большинстве своем, такие постановления еще на этапе их вынесения являются незаконными, поскольку фактов, которые будут подтверждать такие обстоятельства, материалы уголовного дела не содержат. Главным образом это связано с широким толкованием имеющего значение для применения ст. 208 УПК РФ словосочетания, которое связано с «отсутствием реальной возможности участия подозреваемого или обвиняемого в уголовном деле». Законодатель это положение не конкретизирует, что дает основания для злоупотреблений правами со стороны следователей и дознавателей.

Такие незаконные процессуальные действия, безусловно, нарушают срок, который назван законодателем как «разумным». Главным образом это связано с тем, что если дело приостанавливается, то органы предварительного расследования бездействуют. Это подтверждается и вышеприведенной нами судебной практикой. При этом в таком случае сроки давности привлечения лица к уголовной ответственности не приостанавливаются. Представляется, что это достаточно значимый пробел правового регулирования, который нуждается в восполнении.

Таким образом, в нынешнее время достаточно часто возникают проблемы при реализации разумного срока производства по уголовному делу. Особенно это характерно для случаев приостановления производства. Органы предварительного расследования зачастую злоупотребляют этим, поскольку основание, связанное с «отсутствием реальной возможности участия подозреваемого или обвиняемого в уголовном деле» в рамках ст. 208 УПК РФ также не в полной мере конкретизировано. Ситуация осложняется и оценочным характером самой категории «разумные сроки», поскольку законодатель не дает определения такому термину. В каждом отдельном случае «разумными сроками» будут выступать свои, с учетом всех обстоятельств по уголовному делу. Как следствие, нарушаются законные права и интересы потерпевших лиц от преступных деяний, поскольку срок производства по уголовному делу, непосредственное расследование преступления растягивается на неопределенное время. При этом сумма компенсации за нарушение разумного срока уголовного производства, удовлетворяемая судом, не равноценна тому, на сколько растягиваются сроки, и как нарушаются права потерпевших лиц. В связи с этим предлагаем, во-первых, ввести меры уголовной ответственности за необоснованное растягивание сроков производства по делу со стороны органов предварительного расследования. Во-вторых, следует при приостановлении производства по делу приостанавливать течение сроков исковой давности. Такая регламентация должна найти отражение в рамках ныне действующего уголовного-процессуального законодательства, а именно в ст. 208 УПК РФ. Представляется, что внесение таких изменений позволит уменьшить случаи, связанные с проблемами реализации положений ст. 6.1 УПК РФ, а также будет препятствовать необоснованному затягиванию производства по уголовному делу со стороны органов предварительного расследования. Более того, следует конкретизировать указанное нами оценочное основание для приостановления производства по делу, которое предусмотрено в рамках ст. 208 УПК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.04.2023).
2. Приказ Генпрокуратуры России от 17.09.2021 № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // Законность. - 2021. - № 12.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 23.09.2010 № 1211-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Багатурии Вадима Вячеславовича на нарушение его конституционных прав статьями 6.1, 37, 123, 124 и 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Баркалова Е. В. К вопросу о прекращении уголовного дела о налоговом преступлении // Налоги. - 2021. - № 1. - С. 25-29.
5. Камчатов К. В., Буланова О. В. «Активный» и «пассивный» срок как разновидности разумного срока уголовного судопроизводства // Российская юстиция. - 2019. - № 6. - С. 37-39.
6. Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 25.01.2022 № 88а-2937/2022 по делу № 3а-214/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 29.11.2021 № 88а-29418/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

МЕЛОДИЕВ Алексей Александрович

аспирант 4 курса Университета прокуратуры Российской Федерации

ГЕНЕЗИС МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ, ИЗБИРАЕМЫХ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматриваются этапы становления и развития уголовно-процессуальных мер пресечения, избираемых в отношении несовершеннолетних, в отечественном уголовном судопроизводстве. Автором проведен сравнительный анализ института мер пресечения, избираемых в отношении несовершеннолетних, в различных этапах развития отечественного уголовного судопроизводства, выявлены наиболее значимые этапы и законодательные разработки в указанные периоды.

Ключевые слова: меры пресечения, несовершеннолетние, генезис, уголовно-процессуальный институт, уголовное судопроизводство.

MELODIEV Alexey Alexandrovich

postgraduate student of the 4th course of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

GENESIS OF MEASURES OF RESTRAINT, CHOSEN IN RESPECT OF MINORS, IN DOMESTIC CRIMINAL PROCEEDINGS

The article discusses the stages of formation and development of criminal procedural measures of restraint, chosen in relation to minors, in domestic criminal proceedings. The author carried out a comparative analysis of the institute of preventive measures chosen for minors at various stages of its development in domestic criminal proceedings, identified the most significant stages and legislative developments in these periods.

Keywords: preventive measures, minors, genesis, criminal procedure institute, criminal proceedings.

Анализ любого правового института традиционно включает в себя исследование не только основ его регламентации в современном законодательстве, важное значение имеет обращение к истокам его формирования в отечественном законодательстве и последовательная характеристика этапов развития. Такой подход позволяет определить, какие элементы данного института сохранились до настоящего времени претерпели те или иные преобразования, а какие в силу изменения общества и государства перестали быть актуальными.

Институт мер пресечения сформировался в российском уголовном судопроизводстве достаточно давно и по мере своего развития неоднократно претерпевал существенные изменения как в целом, так и в части, касающейся применения данных мер к лицам, не достигшим совершеннолетия.

В качестве предпосылок формирования института мер пресечения в уголовном процессе можно рассматривать «обеспечительные меры», которые тем или иным образом упоминались в правовых источниках XIII–XIV вв. По мнению исследователей, указанные меры надлежит рассматривать как близкие по своему содержанию к поручительству, поскольку сущность их сводилась к тому, что родовые общины гарантировали надлежащее поведение лица, вовлеченного в уголовное судопроизводство, а также его явку по вызову [5]. Характеризуя рассматриваемый период как зарождение предпосылок к возникновению института мер пресечения в уголовном процессе, И. Я. Фойницкий отмечал их «мягкий характер». Лишение свободы для обеспечения уголовного судопроизводства в рассматриваемый период времени начинает применяться, но в исключительных случаях, а наиболее распространено поручительство и такая его разновидность, как отдача «под слово благонадежного человека» [6].

Постепенно меры принуждения приобретали более суровый характер, что обусловило появление в рассматриваемых правовых источниках такой меры воздействия, применяемой к обвиняемому для обеспечения участия его в уголовном судопроизводстве, как «отдача за пристава». Сущность ее заключалась в том, что пристав осуществлял надзор за отданным ему под присмотр лицом, отвечая при этом за его поведение. Реализация данной меры осуществлялась путем содержания в специально построенных для этого помещениях в присутственных местах или на подворье пристава. Специальных мест, где могли бы массово под надзором содержаться лица, в отношении которых избрана мера пресечения, на тот момент не было, а применение рассматриваемой меры не имело распространения в том объеме, который бы обусловил необходимость создания мест содержания об-

виняемых. Поэтому для государства было более выгодно возлагать обязанность по надзору за указанной категорией лиц на приставов.

Достаточно значимые шаги по развитию института мер пресечения предпринимаются во времена правления Екатерины II. Полагаем, что именно данный период можно рассматривать как начало формирования анализируемого института в современном его понимании. Наказ комиссии о составлении проекта нового уложения 1767 г., а затем Устав благочиния 1782 г. четко определяли разграничение мер пресечения и наказания, а также цели, основания и порядок применения указанных мер. Достаточно подробно в рассматриваемом правовом акте определялось различие содержания под стражей как меры пресечения и заключения в тюрьму как вида наказания. Первая применялась к обвиняемому на тот период, пока не будет решено «виноват ли он или невиновен», в то время как применение тюремного заключения допускалось только по приговору суда «вместо наказания» [4].

В рассматриваемый период произошли и значительные изменения в осуществлении судопроизводства в отношении несовершеннолетних лиц. Прежде всего, Сенатский Указ 23 августа 1742 г. вводит понятие малолетства - «возраста не более 17 лет от рождения», до достижения указанного возраста лицо либо не подлежало наказанию, либо оно смягчалось. Тот же подход сохранился и в Своде законов 1832 г., где малолетство выступало в качестве обстоятельства, уменьшающего вину и наказания. Однако, четкой определенности относительно возраста наступления уголовной ответственности, и, соответственно, нижней возрастной границы применения мер пресечения, не было. Более детально данный вопрос разрешил Свод законов уголовных 1842 г., предписывая суду в случае совершения преступления малолетним, определить, с разумием или без разумия им было совершено данное деяние. При установлении способности осознавать свои действия малолетство выступало обстоятельством, смягчающим наказание, а также обуславливало смягчение при применении мер принуждения, если же суд приходил к выводу, что деяние было совершено «без разумия», уголовная ответственность не наступало.

По мнению некоторых исследователей, именно Свод законов 1832 г. надлежит рассматривать как первый процессуальный источник, регламентировавший институт мер уголовно-процессуального принуждения и входящие в него меры пресечения. Полагаем, что данное мнение обусловлено тем, что впервые была четко определена система мер пре-

сечения, включающая в себя такие виды, как: содержание в тюрьме и при полиции; домашний арест; полицейский надзор; отдача на поруки. При этом, наиболее востребованной мерой выступало содержание под стражей. Интерес вызывает тот факт, что ее предназначение определялось не только как предотвращение побега обвиняемого, но и как «внушение ему страха и доведение до признания» [3].

Можно констатировать, что дореволюционное российское законодательство до проведения масштабной реформы 1861-1864 гг. практически не регулировало особенности осуществления уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних и применения к ним мер пресечения. Отдельные положения, рассредоточенные в различных правовых источниках, в некоторой степени восполняли данный пробел, но говорить о наличии определенных процессуальных гарантий для несовершеннолетних, подвергаемых уголовному преследованию, на данном этапе развития российского государства не приходится.

В начале XX в. в уголовно-процессуальном законодательстве появилась регламентация новой меры пресечения, применяемая к лицам, не достигшим 17-ти лет – присмотр за несовершеннолетними. В соответствии с указанной нормой, «несовершеннолетние от десяти до семнадцати лет, относительно коих, не взирая на их возраст, окажется необходимым принять мерою пресечения уклоняться от суда и следствия взятие их под стражу, помещаются на это время в воспитательно-исправительные заведения или в иные заведения для призрения детей, где сии заведения устроены, или отдаются под ответственный присмотр с обязательством представить их к следствию или суду, по усмотрению мирового судьи или их родителям, или лицам, на попечении коих они состоят, или же другим благонадежным людям, изъявившим на то согласие»¹.

Принятый УПК РСФСР 1960 г. внес существенные изменения в регламентацию уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних. Впервые за историю российского уголовного процесса отдельно была выделена глава, посвященная производству по делам в отношении указанной категории лиц. Включив в нее 13 норм, законодатель таким образом определил и сосредоточил в рамках одной главы все особенности ведения расследования и судебного разбирательства в отношении лиц, не достигших совершеннолетия. В этой же главе отдельной нормой (ст. 394) предусматривалась возможность применения к несовершеннолетним такой меры пресечения как отдача несовершеннолетнего под присмотр». Таким образом, спустя несколько десятков лет после исключения из системы мер пресечения, присмотр за несовершеннолетним, уже известный дореволюционному российскому законодательству, вновь появился в уголовно-процессуальном законодательстве. Безусловно, это можно считать положительным решением, позволяющим дифференцировано подходить к вопросу применения мер пресечения в отношении несовершеннолетних. Полагаем, что данный факт свидетельствует об осознании законодателем необходимости существования меры пресечения, которая может быть применена исключительно к лицам, не достигшим совершеннолетия, обеспечивая таким образом возможность беспрепятственного осуществления уголовного судопроизводства, но избегая применение излишне суровых мер пресечения.

Период с середины 80-х гг. XX века можно охарактеризовать как стремление к демократизации общества, и, соответственно, гуманизации во всех сферах, включая и уголовное судопроизводство. В особенности данные приоритеты нашли свое отражение в уголовной политике в отношении несовершеннолетних, ориентированной на международно-правовые нормы. Был взят курс на обеспечение особой защиты прав несовершеннолетних, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, что в полной мере соответствовало международным стандартам.

Отметим, что, сохранив определенные положительные достижения предыдущего законодательства (в частности, отдельную главу, посвященную производству по делам в отношении несовершеннолетних»), первый и до настоящего времени действующий уголовно-процессуальный закон постсоветского периода ввел и определенные новшества.

Прежде всего, были внесены изменения в систему мер пресечения, в ст. 98 УПК РФ законодатель предусмотрел такие меры, как подписка о невыезде и надлежащем поведении (ст. 102); личное поручительство (ст. 103); наблюдение командования воинской части (ст. 104); присмотр за несовершеннолетним (ст. 105); 5) залог (ст. 106); домашний арест (ст. 107); заключение под стражу (ст. 108). Таким образом, в первые годы действия УПК РФ в сфере регламентации мер пресечения от ранее действующего закона отличался тем, что была исключена из перечня мер пресечения такая, как поручительство общественных объединений, но, в то же время, появилась и новая мера пресечения – домашний арест. В 2018 году перечень мер пресечения был расширен за счет включения в него запрета определенных действий².

В отношении несовершеннолетних допускается избрание любой меры пресечения из числа тех, которые включены в их исчерпывающий перечень в ст. 98 УПК РФ, при этом, имеются определенные особенности их применения, которые подробно будут проанализированы далее. Безусловно положительным с точки зрения гуманного подхода к несовершеннолетним, вовлеченным в уголовное судопроизводство, является указание в ч. 2 ст. 423 УПК РФ на необходимость в каждом случае избрания меры пресечения в отношении несовершеннолетнего рассматривать вопрос о возможности отдачи его под присмотр. Таким образом, законодатель акцентировал внимание правоприменителей на необходимость более активного применения к несовершеннолетним специализированной меры пресечения.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что институт мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве сформировался только во времена правления Екатерины II, но особенности применения данных мер к несовершеннолетним нашли свое закрепление только в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. Фактически, на протяжении всего последующего развития уголовно-процессуального законодательства, особенности избрания мер пресечения к несовершеннолетним сводились к наличию специальной, применяемой только к ним меры пресечения – отдачи под присмотр, а также к установлению определенных ограничений при избрании в отношении указанной категории лиц других мер пресечения, в частности, заключения под стражу. В то же время, в определенные периоды развития государства, законодатель не считал необходимым выделять особенности применения мер пресечения к несовершеннолетним.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» от 18.04.2018 № 72-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Устав уголовного судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями правительствующего сената и циркулярами министра юстиции / Сост. М. П. Шрамченко и В. П. Широков. - СПб., 1911. - С. 158.
3. Камардина А. А. Развитие уголовно-процессуального законодательства, регулирующего применение меры пресечения в виде заключения под стражу // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. - 2014. - № 6 (50). - С. 251.
4. Кутуев Э. К. Развитие института принуждения в уголовном процессе в России в XVIII — первой половине XIX в. // История государства и права. - 2007. - № 10. - С. 17.
5. Орлов А. В. Система мер пресечения в России: история становления и перспективы развития // Вестник Самарского юридического института. - 2019. - № 1 (32). - С. 87.
6. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. - СПб., 1996. - Т. 2. - С. 318.

2 Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» от 18.04.2018 № 72-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

1 Устав уголовного судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями правительствующего сената и циркулярами министра юстиции / Сост. М. П. Шрамченко и В. П. Широков. - СПб., 1911. - С. 158.

АКБАРОВ Ильнар Ирекович

магистрант кафедры уголовного права и процесса Института права Уфимского университета науки и технологии

ПОНЯТИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье анализируется понятие специальных экономических знаний. На основе представленных суждений сформулировано авторское определение понятия специальных экономических знаний. Также в работе уделено внимание вопросу использования специальных экономических знаний в уголовном процессе. Отмечено, что они имеют огромную ценность на этапе предварительного расследования, в ходе производства которого, зачастую, недостаточно информации о совершенном преступлении и причастных к нему лицах. Доказывается необходимость привлечения лиц, обладающих специальными экономическими знаниями, во время проверки сообщения о совершении преступления экономической направленности, поскольку следователь далеко не всегда и в недостаточной степени обладает такими знаниями. Сделан вывод, что в уголовном процессе по делам о преступлении экономической направленности необходимо использовать все формы специальных экономических познаний: привлечение специалиста, проведение судебной экспертизы и др. Именно активное использование указанных знаний позволит значительно увеличить раскрываемость экономических преступлений, и тем самым повысить эффективность уголовного процесса.

Ключевые слова: специальные экономические знания, навыки и умения, преступления экономической направленности, экономические преступления, специалист, уголовный процесс, следователь.

AKBAROV Ilnar Irekovich

magister student of Criminal law and process sub-faculty of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology

THE CONCEPT OF SPECIAL ECONOMIC KNOWLEDGE AND ITS USE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article analyzes the concept of special economic knowledge. On the basis of the presented judgments, the author's definition of the concept of special economic knowledge is formulated. The paper also pays attention to the use of special economic knowledge in criminal proceedings. It is noted that they are of great value at the stage of preliminary investigation, during the production of which, often, there is insufficient information about the crime committed and the persons involved in it. The necessity of involving persons with special economic knowledge during the verification of a report on the commission of an economic crime is proved, since the investigator does not always and insufficiently possess such knowledge. It is concluded that in criminal proceedings in cases of economic crimes, it is necessary to use all forms of special economic knowledge: attracting a specialist, conducting a forensic examination, etc. It is the active use of this knowledge that will significantly increase the detection of economic crimes, and thereby increase the effectiveness of the criminal process.

Keywords: special economic knowledge, skills and abilities, economic crimes, economic crimes, specialist, criminal process, investigator.

В уголовном процессе использование специальных экономических знаний нельзя недооценивать, поскольку они способствуют наиболее точной квалификации преступления, помогают выдвигать, подтверждать или опровергать следственные версии, повышать эффективность проведения тактических операций [2, с. 486].

Кроме того, использование специальных экономических знаний позволяет заполучить сведения, благодаря которым можно правильно оценить как отдельные аспекты экономической деятельности, так и поведение индивидов.

Для понимания особенностей использования специальных экономических знаний в уголовном процессе, прежде всего, следует рассмотреть теоретические подходы к определению самого понятия «специальные экономические знания».

В научной литературе представлены следующие интерпретационные трактовки рассматриваемого понятия:

1) Специальные экономические знания – это «неюридические сведения из научной и практической деятельности в экономической области, которыми ведает лицо, обладающее такими знаниями благодаря обучению либо практическому опыту по специальности в сфере экономики, а также обладающее навыками и умениями, которые могут быть использованы в решении вопросов относительно установления оснований для принятия уполномоченными лицами процессуальных и организационно-тактических решений в уголовном процессе» [7, с. 137].

2) Специальные экономические знания – это «знания в банковской и финансово-кредитной сфере, а также в обла-

сти функционирования и правового регулирования того или иного рынка в экономике» (в общем смысле), «знания бухгалтерского учета и аудита, банковского дела, рынка ценных бумаг, банковского и корпоративного права, обычаев и лучших практик в банковской сфере, банкинга, цифровых технологий, применяемых в банковской сфере, информационного права, а также основ и особенностей функционирования паралегального (серого) и теневого секторов экономики» (в узком смысле) [3, с. 66].

3) Специальные экономические знания – это «знания и профессиональный опыт лиц, сведущих в области экономики и смежных с нею наук, необходимые для установления конкретного факта, который в дальнейшем может быть использован при рассмотрении дела по существу и (или) положен в основу судебного акта» [6, с. 228].

4) Специальные экономические знания – это «совокупность знаний в области экономики с учетом видов экономической деятельности: экономика и управление хозяйством; учет (бухгалтерский финансовый, управленческий, налоговый); анализ хозяйственной деятельности; контроль и др. Такой подход позволяет выделять, например, бухгалтерские знания, специальные знания в области финансов и налогов, иные знания» [8, с. 17].

5) Специальные экономические знания – это «совокупность знаний в области политической экономики, экономической теории, бухгалтерского учета, анализа хозяйственной деятельности, финансового контроля, ревизии и аудита и т.д., используемых в доказывании, а также знаний, имеющихся у ограниченного круга лиц в результате профессионально-

го обучения или работы по определенной специальности, привлекаемых к юридической деятельности в качестве специалиста или эксперта для содействия в целях обеспечения осуществления назначения уголовного судопроизводства» [1, с. 36].

В целом, представленные суждения о понятии специальных экономических знаний включают общие и специальные признаки. Однако, учитывая сформировавшиеся теоретические концепции, определяющие особенности экономической сферы, термин «специальные экономические знания», используемый в уголовном процессе по делам об экономических преступлениях, помимо бухгалтерских, финансовых, налоговых, статистических и других знаний в сфере экономики, должен включать в себя также знания об отношениях, возникающих в сфере цифровой экономики.

Поэтому целесообразно, на наш взгляд, под специальными экономическими знаниями, используемыми в уголовном процессе, понимать навыки и умения в области экономических наук, а также в практической деятельности в сфере финансово-кредитных отношений, налогов и налогообложения, бухгалтерского учета и отношений, возникающих в цифровой экономике, которые могут помочь уполномоченным органам установить объективную истину и сформировать доказательственную базу по уголовным делам об экономических преступлениях.

Переходя к вопросу об использовании экономических специальных знаний в уголовном процессе, важно отметить, что познание распространенных видов и проявлений экономической преступности намного облегчает поиск необходимой информации, которая позволяет правильно квалифицировать преступление, определить способ его совершения, охарактеризовать личность преступника, характер его деяний, что влияет на качественное построение версий и адекватную постановку задач расследования по уголовным делам экономической направленности. Особенно огромную ценность специальные экономические знания имеют на этапе предварительного расследования, в ходе производства которого, зачастую, недостаточно реальной информации о совершенном преступлении и причастных к нему лицах.

Именно поэтому лицо, уполномоченное проводить расследование, должно понимать, какая форма и какое время будут наиболее результативными для привлечения специалиста и взаимодействия с ним в рамках уголовного процесса по делу экономической направленности.

Безусловно, наиболее ценны в уголовном процессе те экономические знания, которыми овладевает специалист в результате профильной экономической деятельности, а также в результате профессионального повышения квалификации в данной сфере [4, с. 54].

Использование специальных экономических знаний в уголовном процессе выражается в следующем:

– лицо, обладающее экономическими знаниями, в качестве специалиста привлекается к проведению определенных следственно-судебных процедур и следственных действий (например, допросы, осмотр документов, постановка вопросов эксперту);

– лицо, обладающее экономическими знаниями, в качестве эксперта привлекается для проведения судебной экономической экспертизы;

– лицо, обладающее экономическими знаниями, в качестве специалиста привлекается для составления заключения по экономическим вопросам в ходе предварительного расследования уголовных дел.

Такое использование специальных экономических знаний позволяет следователю (дознавателю) получить достаточное количество доказательств, определиться с дальнейшим поведением и процессуальными действиями в ходе взаимодействия с участниками уголовного процесса.

В силу нормативных положений уголовно-процессуального законодательства специальные экономические знания могут быть использованы как в форме судебной экспертизы, так и в форме привлечения такого специалиста для составления соответствующего заключения, важного для установления обстоятельств совершения преступления экономической направ-

ленности, в том числе с целью пояснения различных вопросов, возникающих в связи с установлением объективной истины по уголовному делу об экономическом преступлении.

Тем не менее, использование специальных экономических знаний в уголовном процессе имеет свою специфику в установлении обстоятельств рассматриваемых преступных деяний. Такая специфика выражается в том, что необходимость в привлечении специальных экономических знаний возникает еще во время проверки сообщения о совершении преступления экономической направленности, т.е. еще до принятия решения о возбуждении уголовного дела. Именно в данный момент следователь (дознаватель) должен представлять экономическую направленность сообщаемого события. Чтобы правильно установить преступный умысел, важно выявить наличие экономических правонарушений. Однако следователь (дознаватель) далеко не всегда и в достаточной степени обладает такими знаниями, поэтому привлечение соответствующего специалиста именно на этапе проверки сообщаемого события видится нам как необходимость.

Важно также отметить, что экономические преступления также имеют свою специфику, поэтому следователю следует тщательно и с особой осторожностью осуществлять поиск необходимого специалиста, поскольку последний может быть заинтересован в исходе дела («воспользоваться случаем»). Во избежание таких случаев, уполномоченные сотрудники подразделений по борьбе с экономическими преступлениями должны постоянно совершенствовать свои профессиональные знания как в сфере бухгалтерского учета, так и в сфере гражданского и корпоративного права, что будет способствовать оперативному выявлению, предотвращению и расследованию преступлений экономической направленности [5, с. 52].

Резюмируя вышесказанное, можно сделать следующий вывод. В уголовном процессе по делам о преступлениях экономической направленности необходимо использовать все формы специальных экономических познаний: привлечение специалиста, проведение судебной экспертизы. Только активное использование указанных знаний позволит значительно увеличить раскрываемость экономических преступлений, и тем самым повысить эффективность уголовного процесса.

Пристатейный библиографический список

1. Голубятников С. П., Горбачева А. В. Формы использования специальных знаний при раскрытии и расследовании экономических преступлений: сравнительный анализ // Актуальные проблемы использования специальных знаний при выявлении и доказывании экономических преступлений: Материалы межвузовской научно-практической конференции 22 октября 2019 г. – Н. Новгород: Стимул-СТ, 2020.
2. Игнатъева В. А. К вопросу об использовании специальных психологических знаний в уголовном судопроизводстве // Аллея науки. – 2022. – Т. 1. – № 6 (69).
3. Какальев Ш., Тячмухаммедова С., Сапарова Ш. Ценность экономических знаний // In Situ. – 2023. – № 1.
4. Каунов А. М., Усенко А. С. Формы специальных знаний, используемых в раскрытии и расследовании криминальных банкротств // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2023. – № 1 (59).
5. Каунов А. М., Усенко А. С. Формы специальных знаний, используемых в раскрытии и расследовании криминальных банкротств // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2023. – № 1 (59).
6. Климович Л. П., Валентинавичюте И. Г. К вопросу тактики использования специальных экономических знаний адвокатом в уголовном деле // Бизнес. Образование. Право. – 2022. – № 3 (60).
7. Мифтахова Л. А. Проблемы участия психолога в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. – Уфа, 2001.
8. Шапиро Л. Г. Ситуационный подход к использованию специальных знаний при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности // Эксперт-криминалист. – 2013. – № 3.

ГОРКИНА Светлана Александровна

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры управления и организации деятельности УИС Академии ФСИН России

ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОСУЖДЕННЫХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА

Автор в статье рассмотрел особенности воспитательной работы в сфере исполнения наказаний без изоляции осужденных от общества, сделав акцент на внедрение в деятельность уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России системы электронного мониторинга подконтрольных лиц, модернизации системы учета и контроля за осужденными. На примере УФСИН России по Тверской области проанализировал уровень повторной преступности среди лиц, состоящих на учетах уголовно-исполнительных инспекций.

Ключевые слова: воспитательная работа, средства исправления осужденных, воспитательное воздействие, система электронного мониторинга подконтрольных лиц, модернизация системы учета и контроля за осужденными.

GORKINA Svetlana Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor, Deputy Head of Management and organization of activities of the UIS sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

EDUCATIONAL IMPACT ON CONVICTS: PROBLEMS AND PROSPECTS IN THE FIELD OF EXECUTION OF SENTENCES WITHOUT ISOLATION FROM SOCIETY

The author in the article considered the features of educational work in the field of execution of sentences without isolation of convicts from society, focusing on the introduction of the system of electronic monitoring of controlled persons into the activities of the penitentiary inspections of the Federal Penitentiary Service of Russia, modernization of the system of accounting and control of convicts. Using the example of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Tver region, I analyzed the level of repeated crime among persons registered with criminal enforcement inspections.

Keywords: educational work, means of correction of convicts educational impact, electronic monitoring system of controlled persons, modernization of the system of accounting and control of convicts.

Горкина С. А.

Современный этап развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации характеризуется дальнейшим расширением системы наказаний и иных мер уголовной ответственности, не связанных с лишением свободы, которые в настоящее время, применяются практически к каждому второму осужденному. Указанное обстоятельство подтверждает важность и необходимость исследования существующих проблем в деятельности уголовно-исполнительных инспекций в сфере исполнения наказаний без изоляции осужденных от общества.

Предупреждение преступлений и иных правонарушений осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества, укрепление законности при исполнении этих наказаний, внедрение в деятельность уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России системы электронного мониторинга подконтрольных лиц, модернизация системы учета и контроля за осужденными – являются приоритетными направлениями деятельности УИИ на современном этапе развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Современные средства дистанционного контроля за лицами, отбывающими наказание в виде ограничения свободы, позволяют решить одну из главных существующих проблем – снизить нагрузку на сотрудников УИИ, что в итоге позволит более эффективно планировать и осуществлять поставленные цели.

В настоящее время система электронного мониторинга подконтрольных лиц применяется к следующим категориям правонарушителей:

- 1) лицам, осужденным к ограничению свободы;
- 2) подозреваемым и обвиняемым при исполнении меры пресечения в виде домашнего ареста [1, с. 3].

В перечень технических средств надзора и контроля за лицами, отбывающими наказание без изоляции от общества, закрепленный в Постановлении Правительства РФ от 31 марта 2010 г. № 198¹, входят электронные, аудиовизуальные и иные технические средства, которые подразделяются на переносные и стационарные.

Особое внимание при внедрении инноваций в деятельность УИИ необходимо обратить на такое важное явление, как необходимость поддержания на должном уровне функционирования внедряемых инновационных технологий, а также развития используемых в настоящее время продуктов инновации в соответствии с нормами российского законодательства.

Принятая распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Концепция развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 года» относит к числу основных целей – дальнейшее расширение сферы применения наказаний, не связанных с лишением свободы, в связи с чем роль уголовно-исполнительных инспекций как органа, обеспечивающего контроль за подконтрольными лицами значительно возрастает.

Согласно статистических данных ФСИН России, по состоянию на 1 января 2023 г. в состав УИС входят 81 федеральное казенное учреждение «Уголовно-исполнительная инспекция» и 1 348 филиалов, на учете которых состоят 489

1 Об утверждении перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых уголовно-исполнительными инспекциями для обеспечения надзора за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы: постановление правительства РФ от 31.03.2010 № 198 // Рос. газ. – 2010. – 7 апреля.

825 человек, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества².

Необходимо отметить, что уровень повторной преступности среди лиц, состоящих на учетах уголовно-исполнительных инспекций, остается стабильно высоким и имеет негативную тенденцию к увеличению, так в 2015 году было снято с учета в связи с осуждением за новое преступление 11549 лиц; в 2016 г. – 10652; в 2017 г. – 15692; в 2018 г. – 19002; в 2019 г. – 19413; в 2020 г. – 16732; в 2021 г. – 16335³.

Назначение наказаний, не связанных с реальным лишением свободы, предоставляет правонарушителю возможность осознать содеянное и встать на путь исправления, не прибегая к его изоляции в исправительном учреждении. Однако при увеличении числа приговоров к наказаниям, не связанным с лишением свободы, наблюдается тенденция к резкому сокращению количества филиалов уголовно-исполнительных инспекций (если в 2008 году количество уголовно-исполнительных инспекций составляло 2440, то в 2023 – 1348), что в свою очередь негативно отражается на качестве и эффективности контроля за подучетными лицами, ведет к формализации проводимых профилактических мероприятий.

По данным ФКУ УИИ УФСИН России по Тверской области за 2022 год, количество осужденных без лишения свободы, в отношении которых в отчетном периоде были возбуждены уголовные дела за совершение повторного преступления после постановки на учет в УИИ, составило 272 подучетных лица (АППГ – 282) или 2,276 % (АППГ – 2,282 %) от числа лиц, прошедших по учетам. Наиболее высокий уровень повторной преступности в Нелидовском межмуниципальном филиале (5,128 % или 22 человека – 17 место), Ржевском межмуниципальном филиале (3,586 % или 34 человека – 16 место) и Вышневолоцком межмуниципальном филиале (3,526 % или 29 человек – 15 место).

Уровень повторной преступности среди несовершеннолетних осужденных в 2022 году составил 3,846 % (АППГ – 0,714 %). Повторные преступления совершены 5 несовершеннолетними подучетными⁴.

Как видно, ситуация неоднозначна, хотя в общем резких изменений уровня рассматриваемой преступности нет. Тем не менее, универсальный алгоритм работы с подконтрольными лицами и индивидуальной работы с осужденными теорией и практикой не выработан.

Уровень рецидивной преступности лиц, прошедших по учету Бологовского МФ УИИ за 12 месяцев в 2022 года составил – 9 человек или 2,05 % (АППГ – 9 человек или 1,1%), в процентном отношении данный показатель превышает показатель прошлого года на 0,95 % в связи с уменьшением количества осужденных, прошедших по учетам. По каждому факту повторного преступления, совершенного осужденным в период отбывания наказания, проводятся служебные расследования.

Причинами совершения повторных преступлений являются: привлечение ранее к уголовной ответственности, нежелание встать на путь исправления, социальная неустроенность, отсутствие постоянной трудовой занятости, особенности личности осужденных, низкий образовательный уровень.

Также одна из причин совершения повторных преступлений связана с неблагоприятной экономической обстановкой, сложившейся на территории г. Бологое и Бологовского района. Деятельность некоторых предприятий приостановлена в связи с банкротством, в сельской местности отсутствуют рабочие места, зачастую у осужденных нет средств, чтобы добраться до города на регистрацию, трудоустройство в городские предприятия также предусматривает поездки на

общественном транспорте, и оплата проезда до места работы. В связи с этим, некоторые осужденные не имеют средств на проживание и становятся на путь совершения преступлений, возможности трудоустроится на работу по какой-либо причине не имеют.

Профилактическая деятельность уголовно-исполнительных инспекций осуществляется во взаимодействии с отделом участковых уполномоченных полиции и отделом по делам несовершеннолетних, районным отделом судебных приставов. Проводится определенная работа, направленная на предотвращение повторных преступлений и правонарушений среди осужденных, а именно совместно с участковыми уполномоченными полиции проведены совместные проверки по месту жительства осужденных, состоящих на учете, в ходе которых с ними проведены беседы профилактического характера, а также с их родственниками. В случае выявления фактов уклонения осужденных от отбывания наказания или совершения административных правонарушений, влекущих нарушения общественного порядка, в суд незамедлительно направляются представления о применении к осужденным мер взыскания. Проведены индивидуальные беседы осужденных с врачом-наркологом. Проведена совместная регистрация с представителем Управления Федеральной службы судебных приставов.

С осужденными проводятся мероприятия воспитательно-профилактической направленности. Ежемесячно анализируются данные о состоянии повторной преступности среди осужденных к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества.

Ежемесячно проверяются личные дела осужденных, состоящих на профучете, а также в группе риска, рассматриваются вопросы, касающиеся предупреждения рецидивной преступности.

В целях улучшения работы, предупреждения повторных преступлений и правонарушений среди осужденных сотрудниками инспекции продолжается проведение работы с подучетными, совместно с сотрудниками полиции, Управления Федеральной службы судебных приставов, организуются рейды по проверке осужденных. Регулярно обновляется список осужденных, склонных к совершению правонарушений и новых преступлений. Намечена активизация в части проведения профилактических бесед с осужденными, привлечения их к культурно-досуговой деятельности.

Анализ материалов показал, что судебные органы, приговаривая осужденного к наказанию без изоляции от общества, не всегда объективно оценивают его личность, в связи с чем уголовно-исполнительные инспекции испытывают определенные трудности при постановке на учет рассматриваемую категорию лиц. Например, по состоянию на 1 января 2023 года на учет межмуниципального филиала по Бологовскому району Тверской области состояло 62 осужденных, не имеющих легально источника дохода. При этом часть осужденных не имело паспортов, военных билетов, постоянного места жительства, регистрации, что в свою очередь негативно влияет на процесс исполнения наказания в установленные законом сроки.

Изложенные факты свидетельствуют о том, что осужденные чувствуют безнаказанность и говорить о достижении целей уголовного наказания, к сожалению, не приходится. Как показало исследование материалов практики подобные ситуации не единичны и зачастую приводят к тому, что лицо, осужденное условно повторно совершает преступление.

Представляется, что в настоящее время, уголовно-исполнительные инспекции не способны оказывать серьезного противодействия повторной преступности. Прежде всего, это обусловлено несовершенством законодательства, недостаточно высоким уровнем профессиональной подготовки сотрудников УИИ, а также значительным увеличением нагрузки на каждого из них. Сложившаяся ситуация требует внедрения новых форм и методов в деятельность уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России, а также дальнейшего совершенствования организационно-правовых основ их деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Романова С. В. Практика применения электронных браслетов: история и современность // Концепт. – 2015. – № 2.

2 См.: Статистические данные ФСИН России по состоянию на 1 января 2023 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fsin.rf/statistics/> (дата обращения: 14.02.2023).

3 См.: Статистические данные ФСИН России по состоянию на 1 января 2023 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/> (дата обращения: 14.02.2023).

4 См.: Обзор «О состоянии повторной преступности за 2022 год в уголовно-исполнительных инспекциях Тверской области». – Тверь, 2023. – С. 4.

ЗОРИНА Наталья Сергеевна

старший научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

САДЫКОВА Регина Айдаровна

научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России, капитан внутренней службы

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ

В данной статье рассматривается процесс формирования личности несовершеннолетних правонарушителей. Анализируются особенности, которые обусловлены различными факторами, влияющие на этот процесс. А также предлагаются комплексные меры, которые могут помочь в решении проблемы формирования личности несовершеннолетних правонарушителей.

Ключевые слова: несовершеннолетний правонарушитель, социальная среда, противоправное поведение, девиантное поведение, преступность, подросток.

ZORINA Natalya Sergeevna

senior researcher of the Department for Improving Legal Regulation of the Penitentiary System of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penitentiary System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service»

SADYKOVA Regina Aidarovna

researcher of the Department for Improving Legal Regulation of the Penitentiary System of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penitentiary System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service», captain of the internal service

THE INFLUENCE OF THE SOCIAL ENVIRONMENT ON THE FORMATION OF THE PERSONALITY OF JUVENILE OFFENDERS

This article discusses the process of forming the personality of juvenile offenders. The features that are caused by various factors affecting this process are analyzed. Comprehensive measures are also proposed that can help in solving the problem of the formation of the personality of juvenile offenders.

Keywords: juvenile delinquent, social environment, illegal behavior, deviant behavior, crime, teenager.

Современное общество сталкивается с проблемой увеличения числа несовершеннолетних правонарушителей. Формирование личности является процессом, который происходит под влиянием различных факторов, таких как генетические, психологические и социальные. Среди них одним из ключевых является социальная среда, в которой человек вырос и развивался.

Несовершеннолетние нарушители в период внутриутробного развития, младенчества и раннего детства подвержены формированию различных нарушений психического развития; выраженным категориям особенностей и реакций; алкоголизму и наркомании; физическим отклонениям; задержке развития, что вызывает проблемы в работе и учебе, отношениях со сверстниками [1].

Несовершеннолетние правонарушители являются одной из наиболее уязвимых категорий населения. Формирование их личности происходит на пороге двух социальных групп - детской и взрослой, что делает этот процесс особенно сложным. В этом возрасте многие из них еще не сформировали своего мировоззрения и моральных принципов, но уже имеют определенные представления о социальной справедливости, равенстве. При этом, как правило, имеется определенный уровень негативного опыта, который может склонять к принятию антиобщественных поступков.

Каждый несовершеннолетний правонарушитель имеет свои особенности, обусловленные различными факторами. Однако, существуют общие черты формирования личности несовершеннолетних правонарушителей, такие как:

– бедность и отсутствие возможностей для достижения успеха может стать причиной для несовершеннолетних совершать противоправные действия;

– проблемы социализации и отсутствие положительных ролевых моделей. Несовершеннолетних правонарушителей часто окружают люди, склонные к противоправным действиям, отсутствуют положительные ролевые модели, которые могли бы помочь им выбрать другой путь. Среда, в которой живут несовершеннолетние правонарушители, часто богата противоречиями и негативными влияниями. Они могут быть вовлечены в провокационные ситуации, негативные моральные примеры, а также в расизм и насилие. К. В. Злоказов с соавторами отмечает, что чувствительность подростков и молодежи к социальному статусу и представлениям о себе, сопровождаемая отсутствием поддержки со стороны социального пространства, часто ложится в основу мести, выступающей в качестве инструмента справедливости и мотива совершения преступлений [2];

– проблемы в семье, такие как насилие, развод родителей. Прежде всего, влияние оказывают семейные отношения. Несовершеннолетним правонарушителям необходима поддержка и любовь родителей, а также доступ к образованию. Отсутствие этих факторов может привести к противоправным действиям. Определенную роль играет также отношение родителей и других значимых лиц к проступкам несовершеннолетних. Откровенное равнодушие или поддержка правонарушительных действий могут усиливать склонность ребенка к девиантному поведению. Важно понимать, что качество взаимодействия с окружающими может определять уровень мотивации, готовность к совершению правильных поступков и другие важные аспекты в развитии личности;

– проблемы с алкоголем или наркотиками могут стать причинами формирования личности несовершеннолетних правонарушителей. Для несовершеннолетних правонарушителей зачастую напрямую или косвенно связаны престу-

пления с наркотиками и алкогольными напитками. Влияние наркотиков и алкоголя может отрицательно влиять на личность, формируя агрессивное и неадекватное поведение [3].

Рост агрессивного поведения подростков шокирует общество в целом. Возрастные особенности подростков определяют развитие нарушений адаптации при неблагоприятных воздействиях окружающей среды и повышают вероятность различных поведенческих отклонений. Наиболее распространенными негативными социальными явлениями в обществе являются пьянство и алкоголизм. «В настоящее время в России существует целый ряд социальных явлений, порождающих употребление алкоголя, превращающих пьянство для некоторых граждан в образ жизни. Причем следует заметить, что алкоголизм «молодеет» и уверенно распространяется среди женского населения страны. В свою очередь, причины пьянства и алкоголизма, как и сама преступность, обусловлены совокупностью многочисленных объективных и субъективных факторов» [4].

Кроме того, влияние на формирование личности несовершеннолетних правонарушителей оказывает недостаток образовательных возможностей. Нередко ребенок не может получить необходимые знания и навыки для успешной социализации и развития. Это может стать ограничением для постижения сущности действительности, умения анализировать и обдумывать свои поступки, что может приводить к ухудшению качества жизни и развитию целого ряда проблем. На сегодняшний день у молодежи характеризуются пространственные границы, где есть высокий уровень неопределенности и тем самым роль активных действий у молодого поколения значительно возрастает. Ведь молодежь стремится к саморазвитию, где постоянно реализовывает свои цели. Но, стоит отметить, что социологический взгляд на самоопределение заключается в том, что этот процесс не прекращается на протяжении всей жизни, важность самоопределения в раннем возрасте, интенсивность и сложность этого процесса несравнимы с этим процессом в других возрастных категориях. У каждого региона присутствуют свои экономические и демографические характеристики, которые отображают уровень культурных и образовательных учреждений. Особое внимание, следует уделить, какими качествами подготовки обладает профессиональное образование, насколько востребованы специалисты конкретного профиля, соответствуют ли они в реальной практике, также условия труда и заработная плата будущего специалиста [5].

Для решения проблемы формирования личности несовершеннолетних правонарушителей необходимо комплексное решение со стороны государства, родителей и общественности.

Существуют различные программы и методы, которые могут помочь в решении проблемы формирования личности несовершеннолетних правонарушителей. Одни из них включают в себя эффективные программы, цель которых заключается в воссоединении семьи, получении образования и поддержки со стороны представителей различных сфер жизни.

Другие методы включают в себя использование социальных работников, полицейских, а также представителей церкви и образовательных учреждений, которые могут предоставить информацию и поддержку несовершеннолетним правонарушителям. Использование различных программ восстановления, направленных на устранение причин противоправного поведения может помочь перенаправить несовершеннолетних на правильный путь.

Профилактическую работу с любым несовершеннолетним, прежде всего, необходимо начинать с семьи и ее окружения. Надо более тщательно изучать обстановку в семьях, отслеживать роль родителей в воспитании подростков, принимать меры по устранению причин семейного благополучия.

Одним из основных способов предотвращения формирования личности несовершеннолетних правонарушителей является предоставление молодежи доступа к различным формам досуга и развлечений. Это могут быть спортивные секции, клубы, творческие вечера. Главное, чтобы подходящие мероприятия были доступны именно тем несовершеннолетним, которые находятся в рискованной группе. Стремление к альтернативному, более полезному отдыху может помочь несовершеннолетним отказаться от своих негативных привычек. Однако доступ к развлечениям и досугу не достаточен для предотвращения формирования личности несовершеннолетних правонарушителей. Важно обеспечить несовершеннолетним доступом к образованию и профессиональной подготовке. Владение профессиональными навыками в сочетании с полученным образованием позволяют

не только находить работу, но и формировать у молодежи чувство собственной значимости и уважения. Такой подход позволит государству и обществу в целом создать благоприятную среду для жизни и развития.

Ежегодно по инициативе Президента Российской Федерации принимаются дополнительные меры оказания помощи семьям с детьми, направленные на создание эффективно работающей системы поддержки семей, чтобы доходы граждан, в первую очередь воспитывающих детей, были достаточными для их достойной жизни [6].

На государственном уровне уже внесены предложения, а именно Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» является законодательным актом, созданным с целью профилактики возникновения молодежных девиаций через различные меры поддержки молодых граждан и созданием условий для их развития, чтобы не допустить девиации среди тех, кто сменил нынешнее поколение, и показать молодому поколению, обеспечение равных условий для духовного, культурного, интеллектуального, психического, профессионального, социального и физического развития и самореализации молодежи [7].

Сформировавшаяся личность несовершеннолетних правонарушителей, основанная на антиобщественных поступках, может привести к серьезным последствиям для их жизни как в настоящее, так и в будущее. Влияние социальных условий на формирование личности несовершеннолетних правонарушителей имеет огромное значение и требует комплексного решения со стороны государства, родителей и общественности. Только таким подходом можно добиться успеха в решении проблемы формирования личности несовершеннолетних правонарушителей и создать благоприятную среду для их успешной социализации и развития.

Пристатейный библиографический список

1. Чубарова А. Влияние социальной среды на формирование преступности несовершеннолетних // Бюллетень науки и практики. - 2021. - Т. 7. № 3. - С. 287-292.
2. Злоказов К. В., Капшусев С. С., Иванова А. М. Индивидуальные и социальные факторы мстительного поведения // Прикладная юридическая психология. - 2019. - № 1 (46). - С. 69-76.
3. Радченко Е. П. Американская система правосудия в отношении несовершеннолетних // Правовое регулирование и организация защиты прав несовершеннолетних осужденных: Сборник материалов круглого стола, Москва, 29 октября 2021 года / ФКУ НИИ ФСИН России, 2021. - Москва: Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт информационных технологий Федеральной службы исполнения наказаний», 2021. - С. 152-155, Москва, 29 октября 2021 года / ФКУ НИИ ФСИН России, 2021. - Москва: Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт информационных технологий Федеральной службы исполнения наказаний», 2021. - С. 152-155.
4. Тихонова Н. Е. Низший класс в социальной структуре российского общества // Социологические исследования. - 2011. - № 5. - С. 24-35.
5. Зорина Н. С. Профессиональное самоопределение молодежи как социальный феномен // Современный ученый. - 2022. № 3. - С. 265-267.
6. Павлова Л. В. О создании специального федерального органа исполнительной власти в сфере защиты прав детей // Административная деятельность правоохранительных органов Российской Федерации и зарубежных стран: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 20-летию кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, Рязань, 21 апреля 2022 года / Под общей редакцией Е. В. Сенатовой. - Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. - С. 85-88.
7. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» Доступ из справ. - правовой системы «КонсультантПлюс».

DOI 10.46320/2073-4506-2023-4-179-323-324

ЗИНЬКОВ Евгений Николаевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры публичного права Института права Самарского государственного экономического университета

ГОЛУБЦОВА Ксения Ивановна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Самарского юридического института ФСИИ России»

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРОНИКНОВЕНИЯ ЗАПРЕЩЕННЫХ ПРЕДМЕТОВ НА ТЕРРИТОРИЮ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

В статье анализируются особенности предупреждения проникновения запрещенных предметов на территорию исправительных учреждений. В исправительных учреждениях всегда имеются те осужденные, которые нарушают установленных порядок, противодействуют исправлению. Осужденные могут, в обход существующей системе технических средств, находить способы проникновения запрещенных предметов на территорию исправительного учреждения. Важным аспектом противодействия проникновению запрещенных предметов на территорию ИУ является добывание персоналом УИС сведений об их возможностях, знаниях, анализ этой информации. При анализе указанных сведений сотрудники УИС должны выработать конкретные меры по оптимизации системы технических средств, направленных на безопасность в исправительном учреждении.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, запрещенные предметы, осужденный, преступление, предупреждение, технические средства надзора и контроля.

ZINKOV Evgeniy Nikolaevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Public law sub-faculty of the Institute of Law of the Samara State University of Economics

GOLUBTSOVA Kseniya Ivanovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal and penal enforcement law sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

FEATURES OF PREVENTING THE PENETRATION OF PROHIBITED ITEMS INTO THE TERRITORY OF CORRECTIONAL INSTITUTIONS

The article analyzes the features of preventing the penetration of prohibited items into the territory of correctional institutions. In correctional institutions, there are always those convicts who violate the established order, resist correction. Convicts can, bypassing the existing system of technical means, find ways to penetrate prohibited items into the territory of the correctional institution. An important aspect of countering the penetration of prohibited items into the territory of the IU is obtaining information about their capabilities, knowledge, and analysis of this information by the personnel of the UIS. When analyzing the specified information, the employees of the penitentiary system should develop specific measures to optimize the system of technical means aimed at safety in a correctional institution.

Keywords: penal enforcement system, prohibited items, convict, crime, prevention, technical means of supervision and control.

Проблема необходимости совершенствования правоохранительной деятельности по противодействию преступности в учреждениях УИС на основе использования научно-технических достижений возникла не случайно. Согласно статистическим данным, в учреждениях, исполняющих наказания (исправительных учреждениях и следственных изоляторах), в год регистрируется в среднем около одной тысячи преступлений. Так, в 2020 году число преступлений в местах лишения свободы составило 1171, наибольшая часть из которых совершена в колониях – 960. В 2021 году число преступлений в местах лишения свободы составило 1184, наибольшая часть из которых совершена в колониях – 964. В 2022 году число преступлений в местах лишения свободы составило 1271, наибольшая часть из которых совершена в колониях – 944. Традиционно, чаще всего совершаются такие преступления, как приобретение, сбыт наркотических средств, а также побег. При этом количество нарушений установленного порядка отбывания наказания зафиксировано в больших количествах. Так, к примеру, в Самарской области в 2021 году количество нарушений составило 20983, в 2022 году 2053 [1].

Подобные нарушения опасны ввиду следующего. Во-первых, запрещенные предметы, вещи, вещества могут быть в последующем использованы в качестве орудия преступления как против осужденных, так и против сотрудников УИС, а также способствовать совершению иных преступлений (на-

пример, осужденный, имея доступ к мобильному телефону с интернетом, может сообщать своим сообщникам какие-либо сведения). Во-вторых, факт наличия запрещенных предметов, вещей, веществ в рамках исправительного учреждения способствует формированию неформальных коллективов, иерархии, а иногда приводит к насилию, шантажу, угрозам. В-третьих, в настоящее время правовые и технические аспекты предотвращения проникновения запрещенных предметов на территорию исправительных учреждений нуждаются в совершенствовании, доработке; существует множество препятствий и сложностей при предотвращении указанных нарушений, что делает правоохранительную систему более уязвимой к подобным нарушениям.

Как справедливо указывает К. В. Каретников, функционирование в исправительных учреждениях технических средств для противодействия преступности преследует цель обеспечения изоляции осужденных, охраны и надзора над ними, а также реагирование на изменения оперативной обстановки, пресечение каналов поступления запрещенных предметов, исключение возможности совершения осужденными преступлений [2].

Соглашаясь с указанной точкой зрения, отметим также, что для эффективной деятельности по предотвращению преступного проникновения запрещенных предметов на территорию УИС следует учитывать не только саму техни-

ческую составляющую оборудования, состоящего на вооружении ФСИН России, но и совместную координированную целенаправленную деятельность уполномоченных органов и подразделений, использующих имеющийся технический потенциал.

Необходимость эффективного использования и совершенствования технического оборудования в рамках исправительных учреждений обусловлена также высокой латентностью пенитенциарной преступности. Запрещенные предметы не всегда попадают на режимную территорию извне, зачастую их изготавливают сами осужденные. В основном осужденные изготавливают разнообразные колюще-режущие предметы, опасные как для других осужденных, так и для персонала УИС.

Обычно изготовление таких предметов происходит на производственной зоне, для чего используется специальное оборудование, к которому у осужденных есть доступ в связи с осуществлением трудовой деятельности, но также они могут изготавливаться в жилой зоне. Например, такие продукты, как сахар, продукты питания могут использоваться в жилой зоне для изготовления алкогольных напитков. Изготовление, хранение и распространение наркотических веществ часто изготавливается в жилой зоне самостоятельно. А вместе с тем, под действием алкогольных и наркотических веществ осужденные совершают наиболее тяжкие преступления.

Хранение запрещенных предметов на территории УИС является самым распространенным нарушением, под которым следует понимать фактическое обладание запрещенными предметами вне зависимости от того, где такие предметы были обнаружены. Обнаружение запрещенных предметов происходит при обыске у осужденных. Как показывает практика, необнаруженные сотрудниками учреждения запрещенные предметы, такие как: литература служебного пользования, топографические карты и компасы – повышают риск совершения побегов с мест лишения свободы. Осужденные, у которых зафиксирован факт наличия запрещенных вещей и предметов сотрудниками учреждения – в основной своей массе не предоставляют объяснений по вопросам способа, канала и субъекта передачи таких предметов. Зачастую, при вопросах о возникновении таковых вещей у них, осужденные ссылаются на процедуру «подброса» таких предметов сотрудниками учреждения или иными осужденными.

Согласно ч. 8 ст. 82 УИК РФ полный перечень запрещенных вещей и предметов устанавливается в ведомственных нормативных правовых актах Минюста России. Однако УИК РФ не содержит определения запрещенных вещей и предметов, которые осужденным запрещается иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать.

В приказе Минюста России от 04.07.2022 № 110 [3], установлен перечень вещей и предметов, которые подозреваемые и обвиняемые могут иметь при себе, хранить, получать в посылках, передачах и приобретать по безналичному расчету. Данный нормативный правовой акт устранил ранее существовавшие коллизии по данному вопросу, однако некоторые проблемы все еще остались нерешенными.

Так, задачей сотрудников отделов режима и безопасности учреждений УИС является пресечение проноса запрещенных предметов в соответствии с приложением № 3 к Приложению № 2 Приказа Минюста России от 04.07.2022 № 110 и выполнение необходимых правоприменительных действий при обнаружении и изъятии запрещенных предметов.

Согласно данным официальной статистической отчетности за 2021 г., представленной ФСИН России было изъято средств мобильной связи - 48 227, в том числе оперативными аппаратами учреждений или по их информации - 42 307, на режимной территории - 30 744, при попытке доставки - 17 483. Из них средства сотовой (мобильной связи) были изъяты у защитников (или их адвокатов) в количестве 288 единиц, у следователей или дознавателей в количестве 38 единиц, у

сотрудников учреждений и органов УИС - 193 единицы, у иных лиц 18 591. В 2020 г. при попытке доставки было изъято средств сотовой связи в количестве 29 518 единиц [4].

В целях совершенствования предупреждения проникновения запрещенных предметов на территорию учреждений уголовно-исполнительной системы предлагаем следующие меры:

1) привлечение осужденных к уголовной ответственности, предусмотренной при использовании ими некоторых запрещенных предметов (ст. 186, 191-192, 218, 222-226 УК РФ и др.);

2) установление 50-метровой границы режимной зоны с указателями «Режимная зона: проезд и проход запрещены» по согласованию с органами местного самоуправления;

3) совместное патрулирование сотрудниками исправительных учреждений и органов внутренних дел внешнего периметра учреждения;

4) снабжение патрулирующих групп радиофицированными транспортными средствами для организации преследования нарушителей, а также техническое оснащение персонала уголовно-исполнительной системы личными радиостанциями;

5) совершенствование организации соответствующей деятельности (планирование и проведение предупредительных мероприятий, налаживание взаимодействия между подразделениями, внешнего взаимодействия).

Пристатейный библиографический список

1. Показатели деятельности УФСИН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://63.fsin.gov.ru/activities/results/> (дата обращения: 10.05.2023)
2. Каретников К. В. Перекрытие каналов поступления запрещенных предметов в воспитательные колонии ФСИН России: организационные и правовые аспекты // Развитие уголовно-исполнительной системы: организационные, правовые и экономические аспекты: Сборник материалов международной научно-практической конференции, в рамках международного юридического форума «Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития», Новосибирск, 28 мая 2021 года. – Новосибирск, Новокузнецк: Новосибирский государственный университет экономики и управления; ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2021. – С. 72-76.
3. Приказ Минюста России от 04.07.2022 № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.05.2023)
4. Основные показатели деятельности УИС за 2022 г. – Тверь, 2023. – С. 32.

УНТЕРОВ Владимир Анатольевич

старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Самарского юридического института ФСИН России

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

В статье рассматриваются объективные и субъективные детерминанты, влияющие на механизм пенитенциарного преступления против жизни и здоровья. На этой основе выделяется несколько групп специфических конфликтов, порождающих преступность против жизни и здоровья в местах принудительной изоляции от общества.

Ключевые слова: преступление, жизнь, здоровье, осужденный, конфликт, предупреждение, детерминанта.

UNTEROV Vladimir Anatoljevich

senior lecturer of State and legal disciplines sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

SOME ASPECTS OF COUNTERACTION CRIMES AGAINST LIFE AND HEALTH IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS

The article examines objective and subjective determinants affecting the mechanism of penitentiary crimes against life and health. On this basis, several groups of specific conflicts are identified that generate crime against life and health in places of forced isolation from society.

Keywords: crime, life, health, convict, conflict, prevention, determinant.

Предупреждение совершения новых преступлений является целью применения наказаний в соответствии с ч. 2 ст. 43 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) и уголовно-исполнительного законодательства, согласно ч. 1 ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее — УИК РФ). Особо значимым представляется охрана жизни и здоровья человека от преступных посягательств, что определено в главе 16 УК РФ, предусматривающей соответствующие уголовно-правовые нормы в качестве наиболее важных, с которых начинается Основная часть УК РФ.

Совершение преступлений против жизни и здоровья имеет место и на территории исправительных учреждений, которые находятся в структуре уголовно-исправительной системы (далее — УИС), и составляют примерно пятую часть от всех официально зарегистрированных преступлений, совершенных на указанных объектах [1].

В уже утратившей силу Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 г. сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, обозначено в качестве одной из ее целей. Между тем в ныне действующей Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г. (далее — Концепция развития УИС) подобная цель вообще не закреплена.

Несмотря на то, что официальная статистика Федеральной службы исполнения наказаний России (далее — ФСИН России) в целом свидетельствует об уменьшении за последние несколько лет числа зарегистрированных преступлений против жизни и здоровья, совершаемых в учреждениях УИС (в частности, если в 2015 г. зарегистрировано 97 преступлений, то в 2022 г. их число составило 91), актуальность их предупреждения не снижается ввиду того, что сам факт допущения таких противоправных действий подрывает основы нормального отбывания наказания осужденными. Кроме того, высокий уровень рецидивной преступности (примерно каждое третье преступление совершается осужденными повторно), латентность рассматриваемых преступлений, отсутствие учета в статистических данных ФСИН России всех составов преступлений против жизни и здоровья, предусмотренных уголовным законодательством, негативные криминологические характеристики осужденных к лишению свободы, отсутствие комплексных общесоциальных и специальных-криминологических мер по воздействию на осужденных и иные обстоятельства также не позволяют говорить о высокой эффективности предупреждения рассматриваемых пенитенциарных преступлений [2].

Профилактика любого вида преступлений невозможна без установления причин и условий их совершения и условий. В этой связи, изучение причин и условий преступности занимает центральное место в теории криминологии. В целом в науке криминологии сложилось единство понимания сущности причин и условий преступности как негативных детерминантов (причин и условий), порождающих преступность и способствующих ее развитию.

Человек, оказавшийся в местах лишения свободы, вынужден подстраиваться под систему взаимоотношений, установленную господствующей в таких местах субкультурой. В результате индивид неизбежно проведет определенный срок в замкнутом обществе, состоящем из других осужденных. Это обстоятельство уже само по себе значительно урезает диапазон поведенческих моделей, из которых ему предстоит выбрать наиболее подходящую для себя. Это приводит к виктимизации личности, т. е. попадания ее в положение жертвы, которая вынуждена поступать определенным образом, не имея другого выхода [3].

Описанные обстоятельства ставят под угрозу жизнь и здоровье тех, кто идет вразрез с правилами и нормами, установленными криминальной субкультурой, поскольку она устроена так, что другие ее члены обязаны встать на защиту ее составных элементов, прибегая к насилию в отношении нарушителя «порядка». Немало среди осужденных тех, кто по собственному принял правила игры и обязанности отстаивать постулаты криминальной субкультуры, применяя к нарушителям насильственные методы в случае нарушения ими этих правил. В результате такая личность сильно криминализируется.

Сказанное позволяет в целом рассматривать факт принудительного помещения лица в условия изоляции от общества как виктимизирующий детерминант.

Причем среди них можно выделить наиболее виктимизированные группы: лица, впервые попавшие в места лишения свободы, лица пожилого возраста, страдающие психическими расстройствами, а также лица, совершившие определенного вида преступления (например изнасилование малолетнего) либо относящиеся к низшей касте (обязанных, петухов). Полагаем, что это обстоятельство требует специальной защиты прав осужденных, что также актуализирует необходимость пенализации пенитенциарной преступности против жизни и здоровья.

Эти объективные детерминанты сочетаются с субъективными, сопровождающими развитие конфликтных ситуаций между осужденными. Конфликты в этой среде проявляют себя в различных видах.

Человек, вынужденный провести долгое время в исправительном учреждении, в строго ограниченном кругу общения из криминализованных личностей одного пола, оказывается в противоречивой ситуации. В первую очередь ему придется приспособиться к новым обстоятельствам, в которых ему предстоит существовать. Это достаточно непростое испытание для личности, которая до заключения развивалась и жила в совершенно другой среде с другими нормами поведения. Как следствие, наблюдается рост замкнутости, агрессивности и неадаптивности, в комплексе делающих эту личность виктимной.

Одновременно с этим особо влиятельные осужденные, в чьих руках находится лидерство, манипулируют сложностью ситуации, действуя либо на укрепление системы субкультуры (в том числе с помощью насилия), либо разжигая пенитенциарную конфликтную ситуацию. Но даже те, кто более или менее успешно адаптировался в криминальной среде и занял какой-либо ранг в иерархии, так или иначе находятся в постоянном психологическом напряжении, поскольку весь образ жизни должен соответствовать полученному статусу во избежание потери авторитета и ухудшения отношения к себе.

Так, совершение преступления может связано и со стремлением осужденного восстановить свою репутацию в рамках норм криминальной субкультуры, что подчеркивает специфичность преступлений, совершаемых в учреждениях УИС.

Следует отметить, что согласно криминальным нормам поведения в случае совершения каких-либо оскорбительных действий в отношении осужденного последний обязан незамедлительно отреагировать на них, в основном посягательством на жизнь и здоровье. В противном случае в отношении него продолжатся издевательства, что повлечет понижение в социальном статусе. Все это также порождает межгрупповые и межличностные конфликты в среде осужденных крив [4].

Проанализировав влияние объективных и субъективных детерминантов на механизм пенитенциарного преступления против жизни и здоровья и сопоставив их с результатами изученных материалов уголовных дел, нами выявлено несколько групп специфических конфликтов, порождающих преступность против жизни и здоровья в местах принудительной изоляции от общества.

Во-первых, это конфликты групп отрицательной направленности с другими осужденными. Мотивация совершения преступления против положительно характеризующихся осужденных связана с оказанием последними помощи администрации исправительного учреждения (как правило, для получения ими облегченных условий отбывания наказания).

Вторую группу конфликтов составляют действия положительно характеризующихся осужденных. Причиной совершения ими преступления могут быть ответные действия на посягательства на их личность со стороны других групп осужденных или неосторожные преступления.

Третья группа — это конфликты осужденных нейтральной направленности, которые более склонны к насилию на бытовой почве и подвержены воздействию криминальных групп, способных оказать на них воздействие и заставить совершить преступное деяние.

Как мы видим, прослеживается определенная специфика конфликтных ситуаций, приводящих к совершению пенитенциарных преступлений против жизни и здоровья. Эта специфика, усиленная наличием пенитенциарного конфликта и воздействием криминальной субкультуры, вызывает групповую виктимизацию значительной части лиц, содержащихся в условиях принудительной изоляции от общества, что с учетом замкнутости среды их нахождения и продолжительности пребывания в ней существенно сужает возможности данных лиц избежать возникновения конфликтной ситуации, влекущей совершение в отношении них насильственного преступления, что делает их, по нашему мнению, в какой-то степени беззащитными перед данными обстоятельствами.

Сказанное с учетом повышенной общественной опасности преступлений против жизни и здоровья, совершаемых в пределах учреждений, обеспечивающих принудительную изоляцию от общества, актуализирует, по нашему мнению, необходимость частичной криминализации данных действий, призванную повысить охрану общественных отноше-

ний, страдающих от совершения данных преступлений и лиц, содержащихся в условиях изоляции от общества.

Нельзя не упомянуть о том, что действующее российское законодательство предоставляет примеры решения проблемы особой опасности для общества, которой характеризуются рассматриваемые нами преступления. В частности, в сфере преступлений, связанных с оборотом наркотиков в местах лишения свободы (п. «а» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ), была проведена частичная криминализация. Представляется целесообразным принять аналогичные меры и в отношении других преступлений в местах лишения свободы.

В то же время мы не считаем целесообразным подвергнуть криминализации абсолютно все преступления против жизни и здоровья, совершаемые в исправительных учреждениях. На наш взгляд, для достижения оптимального результата стоит криминализовать лишь самые опасные из них, а также те, случаи которых фиксируются чаще всего. Этого, по нашему мнению, будет достаточно для эффективной уголовно-правовой охраны рассматриваемой нами категории лиц.

На основании вышеизложенного представляется возможным сделать следующие выводы.

1. На общем и групповом уровне детерминации преступности против жизни и здоровья в исправительных учреждениях наибольшее значение имеют внутренние детерминанты социально-психологического характера, которые в значительной степени зависят от тюремной субкультуры, и детерминанты организационно-управленческого характера, проявляющиеся в недостатках системы учета правонарушений осужденных, в низком уровне профилактической работы и т.п.

2. На уровне причин совершения конкретного преступления наиболее опасный характер имеют субъективные факторы, связанные с негативной мотивацией виновных, психологическими сложностями адаптации к условиям изоляции и пенальный конфликт, объективные факторы, проявляющиеся в бытовой необустроенности осужденных и связанных с этим бытовых конфликтах, а также в грубости общения осужденных.

3. Механизм пенитенциарных преступлений против жизни и здоровья отличается наличием пенитенциарного конфликта и воздействием криминальной субкультуры, которые вызывают групповую виктимизацию у значительной части лиц, содержащихся в условиях принудительной изоляции от общества.

4. В целях обеспечения соответствующего уровня уголовно-правовой охраны соответствующих общественных отношений необходимо наиболее распространенные преступления против жизни и здоровья, совершаемые в исправительных учреждениях, дополнить квалифицирующим признаком, предусматривающим ответственность за причинение вреда жизни и здоровью лица, содержащегося в условиях принудительной изоляции от общества.

Пристатейный библиографический список

1. Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы за январь-декабрь 2022 г. Информационно-аналитический сборник. ФКУ НИИИТ ФСИН России. - Тверь, 2023. - С. 25.
2. Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы за январь-декабрь 2022 г. Информационно-аналитический сборник. ФКУ НИИИТ ФСИН России. - Тверь, 2023. - С. 29-30.
3. Качурова Е. С. Обстоятельства виктимизации от насильственных преступлений в местах лишения свободы // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. - 2020. - № 3. - С. 6-7.
4. Казак Б. Б. Безопасность уголовно-исполнительной системы: монография / Под ред. С. П. Пономарева, С. А. Дьячковского. - Рязань, 2001. - С. 90.

ХАСАНОВА Светлана Кузьминична

редактор журнала «Ведомости уголовно-исполнительной системы», полковник в отставке

КОНТРОЛЬ ЗА ОСУЖДЕННЫМИ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА В АСПЕКТЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ИХ ПРОТИВОПРАВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В статье рассматриваются вопросы прогнозирования поведения осуждённых без изоляции от общества, в частности - их возможного уклонения от контроля сотрудников уголовно-исполнительных инспекций в период отбывания наказания. Отмечается роль психологов инспекций в проведении психодиагностической и психокоррекционной работы, возможности используемых ими в работе программ для прогнозирования дальнейшего поведения подучетных лиц. Сделаны выводы о целесообразности усовершенствования имеющихся методик прогнозирования поведения осуждённых в целях профилактики их уклонения от контроля.

Ключевые слова: уголовно-исполнительные инспекции, прогноз, психолог, первоначальные – розыскные мероприятия, скрытие от контроля, методика.

KHASANOVA Svetlana Kuzminichna

Editor of the journal «Vedomosti of the penal system», retired colonel

MONITORING OF CONVICTS WITHOUT ISOLATION FROM SOCIETY IN THE ASPECT OF IMPROVING THE PREDICTION OF THEIR ILLEGAL BEHAVIOR

The article deals with the issues of predicting the conduct of convicts serving non-custodial sentences, in particular, their possible evasion from the supervision of members of penitentiary inspections during the sentence serving period. The role of inspectorate psychologists in carrying out psychodiagnostic and psychocorrective assessments, the possibilities of the programs utilised in their work in order to predict the further conduct of convicted persons are noted. Conclusions are drawn regarding the expediency of improving the existing methods for predicting the behavior of convicts in order to prevent their evasion from penitentiary supervision.

Keywords: criminal enforcement inspections, prognosis, psychologist, initial investigative measures, concealment from control, methodology.

К вопросу прогнозирования поведения осужденных неоднократно обращались российские ученые-пенитенциаристы в ходе проведения научных исследований.

Так, эта тема глубоко исследовалась доктором юридических наук профессором Г. А. Аванесовым, который является основоположником учения о криминологическом прогнозировании [1]. Материалы его исследований показывают, что индивидуальное прогнозирование требует продолжительного изучения поведения осужденного, учет его поступков (мотивов) не только в последнее время, но и за длительный период до этого.

А. Д. Глоточкин, В. Ф. Пирожков отмечают, что знание причин возникновения и динамики различных психических состояний человека позволяет выделять типичные психические состояния, повторяющиеся в похожих обстоятельствах, провоцирующих поступки и проступки, и тем самым предвидеть с достаточной достоверностью поведение преступника [2].

При этом, как утверждает И. М. Рагимов «прогноз ни в коем случае не может заменить конкретных оценок фактического поведения; он только помогает построить версии о возможном (наиболее вероятном) поведении осужденного в будущем, в процессе исполнения наказания с тем, чтобы вовремя принять профилактические меры» [3].

Статьей 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) регламентируется, что уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами.

Согласно части 6.1 статьи 12 УИК РФ «Осужденные имеют право на психологическую помощь, оказываемую сотрудниками психологической службы исправительного учреждения и иными лицами, имеющими право на оказание такой помощи. Участие осужденных в мероприятиях, связанных с оказанием психологической помощи, осуществляется только с их согласия».

В рамках современного уголовно-исполнительного законодательства обе вышеуказанные статьи реализуются в полном объеме сотрудниками учреждений, в обязанности которых входит контроль за исполнением решения суда (приговором) лицами, виновными в совершенном преступлении.

Так, психологическое сопровождение осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, осуществляется сотрудниками отделений (групп) психологического обеспечения уголовно-исполнительных инспекций территориальных органов ФСИН России (далее также – УИИ, инспекции). Указанные отделения (группы) состоят из аттестованных в большинстве своем сотрудников, которые строят работу с осужденными в первую очередь на прогнозировании их поведения в период отбывания наказания в соответствии с Инструкцией по организации деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы (утверждена приказом Минюста России № 238 в декабре 2005 года). Основываясь на приоритетных задачах, обозначенных рассматриваемой Инструкцией, отметим, что работа психолога в УИИ предполагает:

– оказание психологической помощи осужденным, подозреваемым и обвиняемым в адаптации к условиям соци-

альной изоляции, в преодолении кризисных и стрессовых ситуаций, оптимизацию межличностных отношений, в подготовке к освобождению и профессиональному самоопределению;

– психологическую коррекцию поведения осужденных, изучение социально-психологических процессов в их среде, психологическую профилактику негативных явлений в местах лишения свободы, формирование позитивного отношения к труду, учебе, социальным нормам и ценностям.

С 2019 года психологами УИИ применяется в работе Алгоритм психологического сопровождения осужденных, состоящих на учете в УИИ (далее – Алгоритм), разработанный соответствующими подразделениями службы. Работа с осужденными строится на базовых принципах Алгоритма, что выражается на практике в следующих формах и методах:

– изучение индивидуально-психологических особенностей личности осужденных, выяснение социально-психологических причин совершения преступления, криминально-значимых свойств личности и определение ближайших и отдаленных перспектив развития;

– контроль за состоянием развития социально-психологических процессов в ближайшем окружении, формирование просоциальных установок в процессе адаптации к социальной среде;

– выявление лиц, относящихся к «группе повышенного внимания» (имеющих психические отклонения, склонных к агрессии и различным видам деструктивного поведения, с высоким уровнем риска совершения преступления), разработка рекомендаций, программ по работе с ними;

– осуществление индивидуального психологического консультирования;

– и другое.

Эффективность проводимой работы психологом УИИ всегда зависит от всестороннего изучения индивидуальных психологических особенностей лиц, отбывающих наказание без изоляции от общества. При этом, по мнению М. Г. Дебольского, качественная психологическая работа включает в себя не только углубленные психодиагностические обследования личности осужденных, но и применение исправительных психокоррекционных программ [4].

Так, в деятельности психологов УИИ используются программы, разработанные образовательными организациями высшего образования уголовно-исполнительной системы: «Осознание своей роли в семье», «Управление гневом», «Снижение агрессивности у лиц, осужденных за насильственные преступления» и некоторые другие.

Следует отметить, что в уголовно-исполнительной системе ведется большая регулярная работа с осужденными в аспекте их психологического сопровождения. Однако подобная деятельность в основном ориентирована на профилактику их деструктивного поведения, профилактику совершения ими повторных преступлений в период отбывания наказания.

Указанный факт подтверждается изучением опыта психологического сопровождения осужденных, отбывающих наказания и иные меры уголовно-правового характера, не связанные с изоляцией от общества. Так, проведенный НИИ ФСИН России опрос сотрудников УИИ в 2021 году и первой половине 2022 показал, что психологами чаще всего используются следующие формы психологической работы с лицами, состоящими на учете в УИИ: психологическое сопровождение (более 89 %), индивидуальная беседа, тестирование

(более 81 %). Обе формы работы могут присутствовать одновременно.

Также в ходе опроса установлено, что наиболее эффективными формами психологической работы считаются: индивидуальное психологическое консультирование (более 72 %), индивидуальная психотерапия и психокоррекция (более 52 %). За указанный в исследовании период почти все осужденные прошли психодиагностику. Среди ее методик наиболее часто применяются: цветовой тест Люшера, опросник Шмишека, FPI-16, OCP, BCK.

Вместе с тем представители иных заинтересованных служб ФСИН России указывают и на назревшую необходимость приблизить уже наработанный опыт психологического сопровождения осужденных, состоящих на учете в УИИ, в сторону прогнозирования и профилактики их возможного скрывания от контроля УИИ и вероятности определения их местонахождения, основанного и сформулированного на данных их психологических характеристиках.

Вследствие этого нельзя не обратить свое внимание на тот факт, что указанные нами выше программы направлены на коррекцию уже имеющихся деструктивных отклонений в поведении осужденных, при этом в них имеются элементы диагностики их возможных проявлений в будущем. Например, программа по «Снижению агрессивности у лиц, осужденных за насильственные преступления» предусматривает такие методы диагностики подобного поведения как беседа, анкетирование, интервьюирование, наблюдение, анализ личных дел, автобиографий, независимых характеристик и другие.

Для решения обозначенной нами задачи – приблизить уже наработанный опыт психологического сопровождения осужденных, состоящих на учете в УИИ, в сторону прогнозирования и профилактики их возможного скрывания от контроля УИИ и вероятности определения их местонахождения – предполагается, что данные методы могут быть использованы и для прогноза дальнейшего поведения осужденного, в том числе, возможного скрывания от контроля УИИ и вероятности определения их местонахождения.

Важно отметить, что в настоящее время изучению индивидуально-психологических особенностей личности осужденных, прогнозирующих возможность уклонения осужденных от контроля УИИ, на наш взгляд, не уделяется достаточного внимания. Например, согласно Алгоритму, основаниями для включения в «группу повышенного внимания», независимо от результатов психодиагностического исследования, входят следующие категории подучетных лиц:

- лица, не достигшие совершеннолетнего возраста;
- осужденные с применением статьи 82 УК РФ (отсрочка отбывания наказания до достижения ребенком четырнадцати лет);
- осужденные за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности (статьи 131-135 УК РФ);
- осужденные за преступления террористического характера и экстремистской направленности;
- осужденные, состоящие на учете в УИИ, повторно совершившие преступление (и не изолированные от общества после совершения преступления);
- осужденные, имеющие дополнительную обязанность по прохождению курса занятий с психологом (по приговору суда).

– осужденные, включенные в «группу повышенного внимания» по результатам методики прогнозирования поведения осужденных «Портрет».

Считаем, что к данной группе целесообразно отнести также категорию осужденных, которые ранее уже были судимы и отбывали наказание без лишения свободы, в процессе которого скрылись от контроля УИИ (инспекцией проводились первоначальные розыскные мероприятия).

Указанная выше методика прогнозирования поведения осужденных «Портрет» (далее – Методика) разработана Томским государственным университетом в 2003 году¹. Она предназначена для самостоятельного применения инспекторами УИИ, не имеющими специальной психологической подготовки, при постановке осужденного на учет. Методика применяется не в отношении всех осужденных, состоящих на учете инспекции, а ограничивается только условно осужденными. Формуляр для составления индивидуального прогноза поведения содержит обширный список прогностических признаков, таких как вид совершенного преступного деяния, факты наличия прежних судимостей, возраст, образование, занятость, семейное положение преступника. Вместе с тем обстоятельства, свидетельствующие о возможном уклонении осужденного от контроля УИИ, в нем не учитываются. Тогда как этим прогностическим признаком может быть факт проведения первоначальных розыскных мероприятий при прежней судимости осужденного, заведения розыскного дела. При отсутствии соответствующего прогноза профилактика подобного поведения не может находиться в поле зрения психолога и инспектора при проведении работы с осужденным в период отбывания наказания.

Причинами поиска форм и методов предупреждения уклонения осужденных от отбывания наказания и контроля УИИ среди прочих являются имеющиеся проблемы в организации и осуществлении розыска данных лиц. Как отмечают С. А. Кутуков и С. Н. Смирнов, «...с первоначального этапа проведения розыскных мероприятий, а также в ходе последующих действий возникает большое количество проблем как правового, так и организационного характера» [6].

По нашему мнению своевременное прогнозирование возможного скрытия осужденного от контроля УИИ может способствовать частичному решению имеющихся проблем и снижению числа лиц, в отношении которых проводятся ПРМ. В связи с чем, целесообразно, следуя принципу дифференциации:

выявлять индивидуально-психологические особенности осужденных, отбывающих наказания и иные меры уголовно-правового характера, не связанные с изоляцией от общества, свидетельствующие о возможном скрытии от контроля УИИ;

дополнить категорию лиц, определенную Алгоритмом работы психолога УИИ как группа повышенного внимания, осужденными, ранее уже отбывавшими наказание без изоляции от общества и скрывавшимися от контроля УИИ;

усовершенствовать методику прогнозирования поведения осужденных «Портрет» с целью выявления осужденных, склонных к уклонению, скрытию от контроля УИИ;

разработать и применять психологические программы, направленные на предотвращение уклонения, скрытия осужденных от контроля УИИ.

Имеющийся опыт позволяет предположить, что психологическое изучение личности осужденных в УИИ должно быть направлено на выявление таких ее свойств, которые позволят прогнозировать и корректировать ее поведение в дальнейшем. Полученные результаты прогнозирования должны быть эффективно использованы психологом при разработке программы по работе с конкретным лицом, исходя из его индивидуальных особенностей и склонностей, и подготовке рекомендаций для инспекторов УИИ.

Пристатейный библиографический список

1. Аванесов Георгий Арташесович (1934-2014) // Академия управления МВД России: [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://a.mvd.rf/nauka/nauchnyj-potencial/vydaющиеся-ученые-академии-управления-мв/item/10074381/>.
2. Глоточкин А. Ф., Пирожков В. Ф. Психические состояния человека, лишенного свободы. М., 1968.
3. Рагимов И. М. Индивидуальное прогнозирование поведения осужденного в процессе исполнения наказания // Юридические науки и образование. 2019. № 58.
4. Дебольский М. Г. Нормативно-правовое обеспечение деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы на различных этапах ее развития // Уголовно-исполнительное право. 2018. № 1. С. 70-74.
5. Рекомендации по индивидуальному прогнозированию поведения условно осужденных: методика «Портрет» / Сост. К. Н. Тараленко. М.: ПРИ, 2003. 24 с.
6. Кутуков С. А., Смирнов С. Н. Актуальные проблемы розыска лиц, осужденных к наказаниям без изоляции от общества // Человек: преступление и наказание. 2016. № 3. С. 100-104.

¹ Рекомендации по индивидуальному прогнозированию поведения условно осужденных: методика «Портрет» / Сост. К. Н. Тараленко. М.: ПРИ, 2003. 24 с.

ДАВЛЕТОВ Вадим Илдарович

старший преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

АЛЕКСЕЕВ Антон Олегович

преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России

ПИЧУГИН Дмитрий Александрович

старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Уральского юридического института МВД России

ОРГАНИЗАЦИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ, ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ, ПРЕСЕЧЕНИЮ И РАСКРЫТИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ

Торговля людьми представляет собой один из видов преступлений, наказуемых уголовно-правовым законодательством, целью которого является купля-продажа людей с извлечением выгоды. Преступление, совершаемое в сфере торговли людьми, обуславливается как транснациональное преступное посягательство на свободу, честь и достоинство личности. Представленное исследование посвящено вопросам выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений в сфере торговли людьми оперативными подразделениями. Проведен комплексный анализ оперативно-розыскных мероприятий, позволяющих раскрыть данное преступление, а также приведен перечень причин, условий и обстоятельств, порождающих возникновение торговли людьми в современном мире.

Ключевые слова: торговля людьми, проституция, транснациональное преступление, оперативно-розыскные мероприятия, оперативные подразделения.

DAVLETOV Vadim Ildarovich

senior lecturer of Fire and tactical special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

ALEXEEV Anton Olegovich

lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

PICHUGIN Dmitriy Alexandrovich

senior lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Ural Law Institute of the MIA of Russia

ORGANIZATION OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES FOR THE IDENTIFICATION, PREVENTION, SUPPRESSION AND DISCLOSURE OF CRIMES IN THE FIELD OF HUMAN TRAFFICKING BY OPERATIONAL UNITS

Human trafficking is one of the types of crimes punishable by criminal law legislation, the purpose of which is the purchase and sale of people for profit. The crime committed in the field of human trafficking is conditioned as a transnational criminal encroachment on the freedom, honor and dignity of the individual. The presented research is devoted to the issues of detection, prevention, suppression and disclosure of crimes in the field of human trafficking by operational units. A comprehensive analysis of operational investigative measures allowing to solve this crime has been carried out, as well as a list of causes, conditions and circumstances that give rise to human trafficking in the modern world.

Keywords: human trafficking, prostitution, transnational crime, operational search.

В условиях складывания современных развитых общественных отношений, криминализации социума, а также совершенствования международных связей такое транснациональное преступление, как торговля людьми стало одно из актуальных, требующих использование определенных средств, методов, способствующих обнаружению, предупреждению, пресечению и раскрытию данного вида противоправных деяний. Наряду с возможностями уголовно-процессуального права, где весьма широко реализуются разнообразные следственные действия, занимает особое место оперативно-розыскная деятельность, которая в целом, как и процессуальная, ориентирована на изобличение преступника, на поиск и обнаружение фактов и обстоятельств, указывающих на преступность деяния, но при этом обуславливается специфическими особенностями.

Зачастую при расследовании и раскрытии преступлений, связанных с торговлей людьми, результаты, полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности, являются

единственными источниками значимой информации. Добытые оперативным путем сведения, относящиеся к событию преступления, во-первых, должны обуславливаться доказательственным значением, во-вторых, отвечать требованиям, заявленных уголовно-процессуальным законодательством, а, в-третьих, указывать на источник получения предполагаемого доказательства. Доказывание результатов ОРД, представленных непосредственно в виде доказательств, реализуется в пределах процедуры, установленной УПК РФ, посредством оценки их через призму относимости, допустимости и достоверности. Полученная в процессе реализации оперативно-розыскной деятельности информация может быть представлена в уголовном деле в виде показаний участников, вещественных доказательств или документов. Задачами процессуальных лиц на данном этапе расследования преступления обуславливается проверка представленных оперативных сотрудников результатов деятельности на достоверность в том, что лицо, реализуемое ОРД, во-первых,

уполномочено на осуществление ее, во-вторых, имелись правовые основания для ее проведения, в-третьих, соблюдало условия, правила и требования проведения.

Назначение оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой оперативными подразделениями системы МВД России, непосредственно в сфере торговли людьми определяется постоянным поиском значимой информации о фактах и обстоятельствах, относящихся к разновидности представленной преступности.

Обеспечение деятельности оперативных подразделений в области борьбы с торговлей людьми определяется нормами национального законодательства. Положения национального законодательства выделяют перечень оперативно-розыскных мероприятий, представляющих собой набор инструментов, использование которых сотрудниками оперативных подразделений возможно в конкретно сложившихся обстоятельствах и условиях. Разумеется, превалирующими оперативно-розыскными мероприятиями, реализуемых в рамках борьбы с торговлей людьми, принято считать опрос, наведение справок; наблюдение; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; прослушивание телефонных переговоров; проверочная закупка; оперативное внедрение; оперативный эксперимент [1].

Важно отметить, что реализация оперативно-розыскных мероприятий возможна лишь в соответствии с определенным перечнем задач, решаемых при выполнении их. Помимо того, что результаты, полученные в ходе ОРД, обуславливаются абстрактностью добытой информации, то крайне важно чтобы деятельность имела конкретную цель, направленность. А также полученные данные должны представляться в виде объекта, используемого в процессе доказывания на всех стадиях уголовного судопроизводства.

В представленной работе целесообразно акцентировать внимание непосредственно на тех характерных объектах, анализ которых позволит выделить эффективные метод и способы осуществления уголовного преследования преступников в сфере торговли людьми.

На сегодняшний день по всему миру созданы международные, а также общественные организации, призванные оказывать помощь жертвам, пострадавшим от преступных посягательств в области торговли людьми. Отсюда следует, что оперативные подразделения обязаны в тесной взаимосвязи с ними организовывать деятельность по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений. Ввиду латентности данной категории преступлений общее число фактов совершения их невозможно установить, к тому же жертвы неохотно распространяют данной информацией, в том числе правоохранительным органам.

Особое место в системе взаимодействия МВД России с иными подразделениями и организациями по борьбе с преступностью в сфере торговли людьми занимает Международная организация по миграции. Впервые в России представленные учреждения было образованы в 2007 г. в Москве. В специализированных реабилитационных центрах оказывалась медицинская, психологическая и социальная помощь жертвам торговли людьми. Разумеется, теперь сотрудникам правоохранительных органов представляется возможность получения данных от жертв преступления о лицах, занимающихся противоправной деятельностью, о местах нахождения жертв, что способствует непосредственно оперативному реагированию и принятию необходимых мер [3].

Наведение справок, как самостоятельное оперативно-розыскное мероприятие, также обуславливается актуальностью

в деятельности правоохранительных органов по раскрытию преступлений в сфере торговли людьми. Сбор информации о коммерческих и общественных объединениях, представляющих собой потенциальные социальные группы, преследующие цель вербовки людей и дальнейшей их эксплуатации. К таким зачастую относят: агентства по трудоустройству граждан за границей, модельные агентства, частные кинокомпании, эскортные фирмы, сектантские организации и др. Как правило, таких организаций выдают следующие особенности: существование отдельными мобильными группами; активная деятельность сотрудников данных организаций по поиску трудоспособных граждан – жертв; отсутствие соответствующих документов, удостоверяющих права заниматься данной деятельностью и т.д. Непосредственно такие «непоятные» организации способствуют реализации различных преступных схем в отношении уязвимой категории лиц.

Коммерческие объединения, деятельность которых направлена на предоставление услуг в сфере индустрии развлечений, а непосредственно торговлю людьми, под видом различных ночных стрип-клубов, ресторанов, массажных салонов, мотелей саун и т.д. реализовывают свою противозаконную деятельность. Распространенной формой эксплуатации граждан в таких заведениях выступает занятие проституцией, которая разграничивается на фирменную и эскортную проституцию. Эскортная проституция представляет собой организацию функционирования эскортных фирм, которые легально предоставляют услуги в поездках. Фирменная проституция предоставляет секс-услуги (полулегальная деятельность).

В рамках противодействия совершения преступлений в сфере торговли людьми такого рода организации должны находиться под постоянным контролем и надзором со стороны правоохранительных органов, контролируемых органов, поскольку они представляют повышенную опасность.

Таким образом, противодействие совершению преступлений в сфере торговли людьми представляет собой комплекс оперативно-розыскных мероприятий. Ориентирующим элементом деятельности оперативных подразделений является сбор значимой информации, поскольку ввиду того, что торговля людьми является транснациональным преступлением уследить за ней собственными силами не представляется возможным. Особый акцент делается на тесном взаимодействии с различными специализированными реабилитирующими центрами, а также лицами, пострадавшими от данного вида преступлений.

Пристатейный библиографический список

1. Левченко О. П. Противодействие торговле людьми и эксплуатации человека: правовой, организационный и криминалистический аспекты: Монография. - М.: Академия изучения проблем национальной безопасности, 2006. - С. 132.
2. Хомяков Н. Г. О практике применения уголовного законодательства, связанного с торговлей людьми // Палермская Конвенция. Протокол № 3: Контекст ООН и российские реалии: Материалы конференции. - М.: Центр помощи пережившим сексуальное насилие «Сестры», 2005. - С. 28.
3. Давлетов В. И. Правомерное поведение: понятие и содержание // Евразийский юридический журнал. - 2019. - № 6 (133). - С. 376-377.

ЕРЕМИН Сергей Германович

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Волгоградской академии МВД России

РЕШНЯК Ольга Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Волгоградской академии МВД России

ВАСИЛЬЕВ Дмитрий Владимирович

старший преподаватель кафедры предварительного расследования Волгоградской академии МВД России

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНО-БУХГАЛТЕРСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПО ДАННЫМ, СОПРЯЖЕННЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНЫХ СРЕДСТВ

В статье авторы дают классификацию судебных экспертиз экономической направленности, выделяя как приоритетную из них – судебно-бухгалтерскую экспертизу, сопряженную с использованием компьютерных средств. Из приведенной классификации авторы обосновывают, что, судебно-бухгалтерская экспертиза охватывает наиболее широкий круг вопросов экономического содержания, так как здесь и вопросы установления величины полученного дохода или произведенных расходов, и отражение отдельных фактов хозяйственной жизни в учете, и установление сумм причиненного материального ущерба и др.

Ключевые слова: эффективность, судебно-бухгалтерская экспертиза, компьютерные средства, факты хозяйственной жизни, материальный ущерб, цифровизация, расследование преступлений, единая система межведомственного взаимодействия.

EREMIN Sergey Germanovich

Ph.D. in Law, professor, professor of Criminalistics sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

RESHNYAK Olga Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminalistics sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia,

VASILJEV Dmitriy Vladimirovich

senior lecturer of Preliminary investigation sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

INCREASING THE EFFICIENCY OF THE PRODUCTION OF FORENSIC ACCOUNTING EXPERTISE BASED ON DATA ASSOCIATED WITH THE USE OF COMPUTER TOOLS

In the article, the authors give a classification of forensic examinations of the economic direction, highlighting as a priority of them - forensic accounting expertise, coupled with the use of computer tools. From the above classification, the authors substantiate that forensic accounting expertise covers the widest range of issues of economic content, since here are the issues of establishing the amount of income received or expenses incurred, and the reflection of individual facts of economic life in accounting, and the establishment the amount of material damage caused, etc.

Keywords: efficiency, forensic accounting expertise, computer tools, facts of economic life, material damage, digitalization, crime investigation, a unified system of interdepartmental interaction.

Использование экспертом-бухгалтером автоматизированных бухгалтерских программ по ведению хозяйственно-финансовой деятельности обуславливает получение соответствующей криминалистически значимой информации автоматизированным путем, обеспечивает эффективное решение типовых задач с использованием методов исследования объектов экспертизы с помощью компьютерных программ. Эксперт-бухгалтер при производстве исследования, является пользователем информации, поэтому должен владеть особенностями использования программного обеспечения и навыками для формулирования выводов, исходящих из решения стоящих перед ним вопросов.

Вполне очевидным становится значимость «...цифровой грамотности следственных подразделений и других правоохранительных органов, деятельность которых связана с раскрытием и расследованием преступлений, а также возможности повышения качества расследования на основе знаний о цифровизации» [1]. Исследование технико-экономического обоснования, обстоятельств и отдельных факторов экспертного производства позволяет обобщить и сформулировать следующие основные положения методики экспертного бухгалтерского исследования на предмет оценки и интерпретации экономических фактов хозяйственной жизни и формулирования объективного мнения с точки зрения уголовного преследования в разрезе четырех этапов:

Первый этап – назначение судебной экспертизы, где выбор ее вида осуществляется в соответствии с классификацией. Исходя из предмета исследования, в числе таковых определяют экономическую, налоговую, бухгалтерскую, компьютерно-техническую экспертизы, где критерием является сущность поставленных вопросов исследования.

В частности, налоговые расчеты с 2000 г. стали самостоятельной областью исследований, тогда как бухгалтерский учет изначально охватывает все сферы хозяйственной жизни экономического субъекта. Так, если вопрос подразумевает экспертное исследование полноты и своевременности исчисления и уплаты налогов в ИФНС, то должна назначаться, не судебно-бухгалтерская, а налоговая экспертиза. Когда предметом экспертного исследования служат данные бухгалтерского учета с целью установления оценки и интерпретации отдельных или совокупных фактов хозяйственной жизни, размера причиненного материального ущерба, то назначению подлежит также судебно-бухгалтерская экспертиза. При необходимости анализа экономической сути и последствий совершения какого-либо факта или их совокупности в хозяйственной жизни, оценке деятельности экономического субъекта, то требуется назначение судебно-экономической экспертизы [2].

Вышеизложенное позволяет построить следующую систему межведомственного взаимодействия: 1. Инициатор назначения судебно-бухгалтерской экспертизы (орган дозна-

ния, следователь, прокуратура и суд), оценивают материалы и выясняют обстоятельства уголовного дела. 2. Определяют предполагаемую уголовную квалификацию преступного деяния, предмет, объект исследования, цели, задачи, объем и характер имеющихся в распоряжении материалов и сведений. 3. Намечают перечень получения необходимых сведений из созданной единой системы межведомственного взаимодействия, требуемых для назначения исследования в рамках экспертизы: а) налоговой – налоговые обязательства и расчеты; б) бухгалтерской – факты хозяйственной жизни, суммы ущерба; в) экономической – экономическая оценка и интерпретация фактов хозяйственной жизни; г) финансовой – исследование показателей финансового состояния и финансово-экономической деятельности.

На первом этапе следователю необходимо использовать сведения из предлагаемой нами системы в целях ознакомления с методами исследования, практикой назначения и использования их результатов; выбора экспертного учреждения или эксперта; получения консультаций по вопросам назначения исследования; предоставления материалов, их содержания и возможности использования; формулирования вопросов; получения консультаций иных сведущих лиц.

Представляется, что рекомендуемая единая система межведомственного взаимодействия призвана фиксировать факты запроса и предоставления необходимых сведений эксперту, ее материалы должны содержать перечень доступных источников информации и шаблоны исследований. Предоставление для проведения экспертного исследования необходимых материалов сопряжено с вопросом изъятия сведений в электронной форме. При этом привлечение специалиста в области информационных автоматизированных технологий надлежит осуществлять во взаимодействии с экспертом-бухгалтером после разрешения вопроса о возможности им самостоятельной работы с применяемым хозяйствующим субъектом конкретным программным продуктом.

В случае невозможности самостоятельного использования программного обеспечения экспертом, исследование им документов и сведений в электронном виде следует проводить со специалистом-программистом. Это осуществляется с помощью той же системы межведомственного взаимодействия, неизменным участником которого является уполномоченный на совершение процессуальных действий инициатор экспертного исследования (сотрудники органов дознания, следствия, прокуратуры и суда).

Применение преступниками новейших технических разработок при совершении экономических преступлений обуславливает обязанность следователей по их изучению. Без соответствующих специальных знаний раскрытие и расследование преступлений невозможно. Ниже приведена схема с содержанием сведений единой системы межведомственного взаимодействия.

Второй этап – проведение исследования. Здесь предполагается использование конкретной методики, набор приемов исследования, поставленных в зависимости от его предмета и целей, формулировка вопросов, содержания представленных для исследования материалов. Опыт и качество работы эксперта являются определяющими на пути доказывания фактов, исходя из совокупности которых, может быть произведена оценка и квалификация преступления. Фактические данные указывают на недостаток квалифицированных кадров в экспертных учреждениях и загруженность экспертов работой, в том числе, отдельных специалистов, обладающих необходимыми познаниями. Все это приводит к затягиванию сроков рассмотрения материалов дела, тем более что правоохранительные и иные органы стремятся произвести экспертное исследование еще на стадии рассмотрения материала на предмет содержания признаков преступления (ст. 144 УПК РФ), т.е. до возбуждения уголовного дела [3].

Законодатель, устанавливая такую возможность, стремился к обеспечению эффективности уголовного производства, самого процесса рассмотрения материалов по признакам преступлений и уголовных дел, путем сокращения объема процессуальных действий. Однако, справедливости ради надо сказать, что указанные изменения в законодательстве не привели к принципиальному улучшению ситуации. В ходе проверки и рассмотрения сообщения о преступлении экспертное исследование представляется затруднительным

(ограниченностью сроков, возможностью истребования, получения и использования нужных материалов для производства судебно-бухгалтерской экспертизы). Участники уголовного судопроизводства зачастую долго представляют материалы, накапливаются и новые обстоятельства, без которых исследование оказывается не полным, да и не объективным. Восстановление нужных документов, как правило, занимает продолжительное время, не всегда быстрым бывает поиск свидетелей, установление отдельных фактов, получение консультаций, выяснение мнений независимых экспертов и уполномоченных органов при разрешении спорных вопросов. Здесь необходимо учитывать оценку положений законодательства, если речь идет о соответствии деяния нормам права, не определившим однозначную позицию по отдельным вопросам (например, уголовного, административного права).

Следует признать, что от эксперта-бухгалтера зависят скорость и качество проведения исследования, соответственно, его методика должна быть эффективной, он должен объективно оценить полноту и достоверность представленных следствием материалов. Полнота означает, что получен исчерпывающий перечень учетно-отчетных и иных сведений (первичных документов, учетных регистров, данных отчетности, материалов из иных источников, ориентированных на доказательство достоверности сведений хозяйствующего субъекта). При этом следователь и эксперт-бухгалтер должны убедиться, что нет данных или признаков того, что имеются дополнительные материалы, документы, обстоятельства, влияющие на решение вопроса о факте и содержании события, операции или сделки проверяемого субъекта.

Рассмотрим указанный механизм на примере исследования по факту невыплаты заработной платы. Установление факта невыплаты заработной платы свыше двух месяцев подряд или частичной невыплаты свыше трех месяцев подряд (ст. 145.1 УК РФ). Для проведения исследования необходимы данные о начислении сумм, подлежащих выплате, данные о фактической их выплате или зачете, согласно законно установленным возможностям (в возмещение ущерба, по исполнительным листам судов, по договору с работником, различные удержания). Если штат хозяйствующего субъекта составляет более 50 человек, исследование за период 6 месяцев сведений о каждом работнике будет весьма трудоемким и факт невыплаты или не полной выплаты заработной платы является болезненным для самих потерпевших. Однако, допросы работников или представителей администрации и бухгалтерии организации, позволят определить конкретные периоды. Задержка оплаты труда на срок свыше трех месяцев является основанием для работников обратиться в правоохранительные органы, инспекцию труда, администрацию и т.д.

Эксперту-бухгалтеру для исследования необходимы регистры бухгалтерского по начислению и выплате заработной платы (расчетно-платежные ведомости, наряды на работы и др.). Если учет велся с применением специальных программ на компьютерных средствах, потребуются специализированные бухгалтерские регистры по аналитическим счетам. Часто компьютерная программа не содержит средства выявления периодов невыплаты заработной платы, так как они могут соотноситься с ранними или поздними периодами, ориентированы на выплаты по отдельным категориям начислений. Необходимо учитывать и заинтересованность отдельных бухгалтеров в сокрытии учетных данных о невыплате зарплаты, не отражении начислений и указании фактически не произведенных выплат, что затрудняет ее достоверный расчет.

Пристатейный библиографический список

1. Еремин С. Г., Решняк О. А. Цифровая грамотность как способ повышения качества расследования преступлений // Юрист-Правовед. 2022. № 2 (101). С. 46-51.
2. Соловьева Л. Н. Человек в глобальном виртуальном пространстве: философское измерение // Общество: философия, история, культура. 2016. № 12. С. 38-40.
3. Кармазин Т. Ценности и ключевые компетенции в эпоху digital-социума // «Business Excellence». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria-stk.ru/ds/adetail.php?ID=181143> (дата обращения: 01.03.2022).

ЖУКОВ Николай Иванович

преподаватель кафедры огневой подготовки Омской академии МВД России

КАШИРСКИЙ Дмитрий Юрьевич

кандидат технических наук, доцент, начальник кафедры информатики и специальной техники Барнаульского юридического института МВД России

ШТАРЕВ Денис Олегович

заместитель начальника кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России

ПРОВЕДЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В ОТНОШЕНИИ СВИДЕТЕЛЕЙ

В данной статье рассматриваются отдельные моменты поведения оперативно-розыскных мероприятий, а именно тонкости и случаи применения оперативно-розыскных мероприятий в отношении свидетелей, в каких случаях их проведение является целесообразным и оправдывает затраченные средства их применения. Подробно рассмотрены правовые основания проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении свидетелей. Приведён анализ тактических сторон практической реализации оперативно-розыскной деятельности в случаях, когда объектом выступают свидетели. Отдельно обозначены ситуации, при которых проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении свидетеля является не только желательным, но и необходимым условием успешного противодействия преступности.

Ключевые слова: оперативно-розыскные мероприятия, потерпевший, следствие, раскрытие преступления, органы дознания, уголовное наказание.

ZHUKOV Nikolay Ivanovich

lecturer of Fire training sub-faculty of the Omsk Academy of the MIA of Russia

KASHIRSKIY Dmitriy Yurjevich

Ph.D. in technical sciences, associate professor, Head of Computer science and special technology sub-faculty of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

SHTAREV Denis Olegovich

Deputy Head of Professional training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

CONDUCTING OPERATIONAL INVESTIGATIVE MEASURES AGAINST WITNESSES

This article discusses some aspects of the conduct of operational investigative measures, namely the subtleties and cases of the use of operational investigative measures against witnesses, in which cases their conduct is appropriate and justifies the expended means of their application. The legal grounds for conducting operational investigative measures against witnesses are considered in detail. The analysis of the tactical aspects of the practical implementation of operational investigative activities in cases where the object is witnesses. Separately, the situations in which the conduct of operational investigative measures against a witness is not only desirable, but also a necessary condition for the successful counteraction of crime are indicated.

Keywords: operational search measures, victim, investigation, disclosure of crime, bodies of inquiry, criminal punishment.

Проведение оперативно-розыскных мероприятий было всегда, не будем далеко уходить в историю, затронем только исторический период советского времени. На тот момент подобные мероприятия регламентировались закрытыми нормативными документами, составляющие государственную тайну, что создавало определенные трудности при проведении расследования. Принятие 12 декабря 1993 г. Конституции РФ потребовало кардинально поменять всю законодательную систему и привести ее в соответствии с ее требованиями. На это ушло не один год работы, одним из результатов которой стало принятие Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 года. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 года имеет историческое значение для теории и практики для всей правоохранительной системы Российской Федерации. Данный закон значительно упростил работу органам дознания, следователям различных силовых структур, дало объективные предпосылки развития оперативно-розыскного права и оперативно-розыскного процесса.

Понятие оперативно-розыскной деятельности регламентировано ст. 1 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», где указано, что данная деятельность может осуществляться как гласно, так и не гласно оперативными подразделениями государственных органов перечисленных в ст. 13 данного закона и направлена на защиту человека и общества от преступных посягательств. Виды оперативно-розыскных мероприятий также указаны в ст. 6 данного закона, какие-либо изменения или дополнения в данный перечень возможны только принятием федерального закона.

В соответствии с Федеральным законом «Об ОРД» материалы, полученные в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, соответственно оформленные материалы направляются в соответствующие органы, такие как орган дознания, следственный комитет, либо непосредственно предоставляются в суде. В зависимости от того, кто занимается расследованием уголовного дела.

Условия проведения оперативно-розыскных мероприятий также отражены в законе «Об ОРД». Кроме оснований для проведения ОРМ, закон содержит общие и частные условия их осуществления, хотя и не разделяет их подобным образом (ст. 8 Закона об ОРД). Под условиями проведения оперативно-розыскных мероприятий следует понимать предусмотренные законом и другими нормативными правовыми актами меры, подлежащие обязательному соблюдению субъектами оперативно-розыскной деятельности в целях обеспечения легитимности осуществления оперативно-розыскных мероприятий.

Для принятия решения о производстве ОРМ должны быть повод и основания. При этом, гражданство, национальность, пол, место жительства, имущественное, должностное и социальное положение, принадлежность к общественным объединениям, отношение к религии и политические убеждения отдельных лиц не являются препятствием для проведения в отношении их ОРМ на территории РФ, если иное не предусмотрено федеральным законом (ст. 8 Закона об ОРД).

Все основания проведения ОРМ можно разделить на две группы:

- выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, розыск лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания и без вести пропавших;

- сбор сведений, необходимых для принятия решения о допуске отдельных лиц к сведениям, составляющим государственную тайну, различным видам деятельности, а также для обеспечения безопасности органов, осуществляющих ОРД.

При проведении анализа литературы и архивных уголовных дел можно прослеживается определенная закономерность, в тоже время можно увидеть, что результаты оперативно-розыскной деятельности со стороны обвинения в доказывании по уголовным делам вызывают различные споры, предметом которого является с одной стороны то, что результаты оперативно-розыскной деятельности имеют прямое доказательственное значение и являются основой уголовного дела, это показывает опыт большинства правоохранительных органов различных зарубежных стран и используются в качестве доказательства уголовных дел, с другой стороны, сторона защиты напротив, считают, что результаты оперативно-розыскной деятельности не могут быть использованы в качестве доказательств, так как результаты ОРД, в связи с тем, что способы и методы получения данных материалов в силу их особенностей, зачастую не соответствуют требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальным законом к доказательствам [1]. В Российской Федерации правовой основой для подобных утверждений являются положения ст. 2 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее по тексту — Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»), где в качестве одной из основных задач оперативно-розыскных органов является предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, выявление лиц, их совершивших. Из этого нормативного предписания делается вывод о том, что оперативно-розыскная деятельность является одной из форм борьбы с преступностью, что, по мнению

некоторых авторов, позволяет интерпретировать ее результаты как доказательства по уголовному делу, имеющие свойство относимости [2].

Проведение оперативно-розыскных мероприятий требует особенного внимания и концентрации от оперативных работников, для успешного достижения оперативно-технических целей. Например, не всегда по результатам проведения ОРМ и составления целого пакета документов у суда и стороны защиты могут возникнуть сомнения в законности действий оперативных подразделений. Однако случаются моменты, когда оперативным сотрудникам необходимо проявить особенный такт и понимание. К таким случаям относятся оперативно-розыскные мероприятия, проводимые в отношении свидетелей. Проведение оперативно-розыскных мероприятий (далее ОРМ) в отношении свидетеля возможно, однако не все из разновидностей ОРМ могут быть применены целесообразно. Цели, которые преследуются ОРМ должны быть сопоставимы с его результатами.

В практике известны случаи, когда проведение ОРМ было вызвано подозрениями следователя о том, что свидетель не до конца искренен во время допросов и имеет необходимость или заинтересованность в сокрытии части информации. Подобные подозрения может вызвать не только нестыковки в материалах допроса, но и фактические расхождения в вещественных доказательствах с рассказом свидетеля. В таких случаях проведение ОРМ может дать необходимую информацию о скрываемой части преступления. Оперативно-розыскные мероприятия являются скрытой частью расследования в чем, в некотором роде, превосходят следственные действия. Согласно деятельности, могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, проведения оперативно-розыскных мероприятий. Зачастую сведения, полученные при проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий получены с помощью негласных сотрудников, либо внедренных в организованные преступные группы. Соответственно данные сотрудников являются секретной информацией и оказывают содействие на конфиденциальной основе, также методы и тактика данной категории лиц составляют государственную тайну.

Показания свидетеля – один из ключевых моментов по уголовному делу и является порой ключевым источником доказательств. Статус свидетеля может получить каждый гражданин независимо от гражданства и социального статуса. Но при этом права и обязанности каждой категории могут существенно отличаться.

Свидетелем закон признает лицо, которому стали известны сведения, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано в связи с этим для дачи показаний.

Показания свидетелей и понятых в уголовном процессе сложно переоценить, данная категория лиц дают объективную полную картину событий расследуемого уголовного дела. В результате их показаний человека либо можно изобличить в совершении какого-либо преступления или же его оправдать.

Свидетель и понятой являются участниками уголовного судопроизводства или производства по делам об админи-

стративных правонарушениях и наделены как правами, так и обязанностями [3].

В качестве свидетеля по уголовному делу может быть привлечено любое лицо независимо от возраста, состояния здоровья, занимаемого положения и других обстоятельств. Однако из этого положения имеются исключения. Так, в качестве свидетелей не могут быть допрошены ряд лиц, такие как судья, присяжный заседатель т.к. они являются должностными лицами данного процесса и должны принимать по нему решение, адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого т.к. представляют сторону обвиняемого. К Государственному члену Совета Федерации, депутату Государственной Думы применяется особый порядок судопроизводства по уголовным делам.

В отношении свидетелей ОРМ целесообразно проводить в тех случаях, когда есть подозрения, что свидетель является соучастником расследуемого преступления, а роль свидетеля выбрана им для сокрытия реальной роли в совершенном преступлении. В таких случаях успех расследования всего преступления в целом может зависеть от компетентности и профессионализма оперативного работника. Секретный характер ОРМ может стать спасением в подобных случаях, так как открытые активные действия могут привести к уничтожению возможно оставшихся улик по расследуемому делу и побегу самого лжесвидетеля.

Также одной из причин частичного сокрытия показаний свидетелем может стать ложный донос. Хотя ответственность за ложный донос предусмотрена Уголовным Кодексом РФ граждане все еще идут на лжесвидетельство и ложный донос преследуя личные цели и мотивы. Самой частой причиной ложного доноса является месть. В таких случаях проведение ОРМ является необходимой частью расследования.

Однако не стоит непременно подозревать свидетеля в соучастии с подозреваемым или обвиняемым. Виной недоказанности и покровительства со стороны свидетеля по расследуемому уголовному делу могут стать в том числе запугивания со стороны оставшихся на свободе поделщиков уже известного следствию подозреваемого или обвиняемого.

В тех случаях, когда у следователя или оперативного сотрудника возникли основания полагать, что к свидетелю или его родственникам применяется давление целесообразно предложить свидетелю применение в отношении него или его семьи государственной защиты. В таких случаях проведение ОРМ может и не понадобиться.

В тех случаях, когда свидетель по расследуемому уголовному делу отказался от применения в отношении него государственной защиты целесообразным будет проведение ОРМ.

Иногда применение ОРМ необходимо не только в отношении самого свидетеля, но и в отношении его окружения. Это наиболее часто применяется при расследовании тех преступлений, где свидетель и подозреваемый (обвиняемый) находятся в родственных или дружеских отношениях и давление на свидетеля оказывается не из внешнего мира, а из внутреннего и привычного для свидетеля микроклимата.

В тех случаях, когда целесообразность применения ОРМ в отношении свидетеля не вызывает вопросов и применение

их согласовано и легально оперативным сотрудникам необходимо применить такт и осторожность. Это обусловлено тем, что свидетель находится в стрессе в связи с тем, что он наблюдал совершение преступления. В таких случаях если к стрессу от наблюдения преступления добавляется стресс от давления на личность со стороны криминальных элементов либо родственников свидетель может и вовсе отказаться от показаний, сбив направление доказательной линии. Поэтому оперативным сотрудникам в случаях проведения ОРМ в отношении свидетеля необходимо быть не только работниками органов внутренних дел, но и тонким психологами.

Таким образом хочется сказать, что проведение оперативно-розыскных мероприятий возможно в отношении свидетелей, но имеет множество аспектов, без соблюдения которых есть вероятность завести в тупик следствие.

Пристатейный библиографический список

1. Музафин Р. Р. Тактические методы проведения допроса подозреваемого и обвиняемого для дачи ими правдивых показаний // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. – 2021. – № 1. – С. 206-209. – EDN QFKGBJ.
2. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности»
3. Носова Д. Х., Муртазин А. И. Права человека // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. – 2020. – № 1. – С. 316-319. – EDN RRRKZEF.
4. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
5. Петрова Д. С. Проблема использования результатов негласных оперативно-розыскных мероприятий в доказывании по уголовным делам. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 40 (278). — С. 131-135. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/278/62832/> (дата обращения: 14.04.2023).

КУНДАКЧЯН Владимир Олегович

студент Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

ВЛЕЗЬКО Дмитрий Александрович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОРГАНАМИ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье автор рассматривает правовую основу, формы и виды взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. При изучении темы анализируется судебная практика и выявляются проблемы указанного взаимодействия с последующим предложением способов совершенствования взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность.

Ключевые слова: следователь, расследование преступлений, оперативно-розыскная деятельность, взаимодействие следователя.

KUNDAKCHYAN Vladimir Olegovich

student of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

VLEZKO Dmitry Aleksandrovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminology sub-faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

INTERACTION OF THE INVESTIGATOR WITH THE BODIES CARRYING OUT OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES DURING THE INVESTIGATION OF CRIMES

In the article, the author considers the legal basis, forms and types of interaction between the investigator and the bodies carrying out operational-search activities. When studying the topic, judicial practice is analyzed and the problems of this interaction are identified, followed by a proposal for ways to improve the interaction of the investigator with the bodies carrying out operational-search activities.

Keywords: investigator, investigation of crimes, operational-search activity, interaction of the investigator.

Следователь является одним из ключевых участников уголовного судопроизводства, обладающим определенными функциями и обязанностями, согласно уголовно-процессуальному законодательству.

В современной доктрине уголовного процесса существуют различные точки зрения относительно функций следователя, однако в большинстве случаев ученые сходятся во мнении о том, что следователь должен осуществлять следующие процессуальные функции: исследовательскую, расследовательскую, предъявительскую, защитную, контрольную, а также функцию участника доказывания. Каждая из этих функций имеет свои особенности и задачи, которые следователь должен выполнять в процессе расследования уголовного дела. Правильное выполнение процессуальных функций следователя является важным условием для обеспечения справедливости в уголовном судопроизводстве.

В настоящее время существует несколько точек зрения ученых относительно процессуальных функций следователя в рамках уголовного процесса. Одна из них заключается в том, что следователь является активным участником уголовного судопроизводства и выполняет ряд задач. Важным элементом работы следователя является формирование доказательственной базы по делу, чтобы обеспечить справедливость и законность при принятии решения о возбуждении уголовного дела и привлечении подозреваемых и обвиняемых к ответственности.

В процессе расследования и раскрытия преступлений следователи часто взаимодействуют с различными орга-

нами, ответственными за оперативно-розыскную деятельность, такими как полиция, ФСБ, ФСО и т.д. Они сотрудничают для обмена информацией, установления фактов, а также для выполнения ряда операций, которые могут помочь в расследовании уголовных дел. Кроме того, следователи также работают в тесном сотрудничестве с экспертами, свидетелями и жертвами, чтобы получить полную картину происшествий и найти виновных лиц. В результате такого сотрудничества достигается оптимизация борьбы с преступностью и защита общества от преступных деяний.

Следователь также обязан обеспечить выявление, пресечение и раскрытие преступлений, получение информации о ситуации, в которой произошло преступление, с целью формирования доказательственной базы для уголовного дела, а также установление личности преступника и его привлечение к уголовной ответственности. Эта работа требует тесного сотрудничества между следователем и органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, и является важным элементом в борьбе с преступностью.

Кроме того, следователь должен учитывать не только требования закона, но и принципы законности и справедливости, а также защищать права и свободы граждан, включая право на неприкосновенность частной жизни и личную тайну. В своей работе следователь должен строго соблюдать законы и процедуры, чтобы обеспечить справедливое и законное расследование преступлений.

В соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ следователь имеет право не только инициировать, но и участвовать в проведении оперативно-розыскных мероприятий. Эти мероприятия помогают установить факты, необходимые для формирования доказательственной базы по уголовному делу и привлечения виновных лиц к уголовной ответственности.

Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» является основным законодательным актом, регулирующим оперативно-розыскную деятельность в Российской Федерации. Он устанавливает принципы и порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий, а также определяет права и обязанности следователей и оперативных работников.

Одним из основных принципов оперативно-розыскной деятельности является принцип законности, который предполагает, что все оперативно-розыскные мероприятия должны проводиться в соответствии с законодательством. Также важными принципами являются разделение функций следователя и оперативных работников, согласованность действий и соответствие научно-практическим рекомендациям.

Следователь должен быть внимателен к соблюдению указанных принципов взаимодействия с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, так как это гарантирует правильность и законность действий при расследовании преступлений.

В соответствии с процессуальным законодательством, следователь играет важную роль в расследовании преступлений. Согласно требованиям закона, следователь должен самостоятельно планировать и проводить расследование, а также лично нести ответственность за результаты следствия. В процессе расследования следователь совместно с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, может проводить необходимые следственные действия и мероприятия, направленные на раскрытие преступления и установление виновного лица [1].

Однако, в процессе взаимодействия со специализированными органами, следователь должен соблюдать принципы законности, согласованности, разделения функций и соответствия научно-практическим рекомендациям. Кроме того, следователь выступает в качестве руководителя расследования, отвечая за его организацию и руководство, включая оперативно-розыскную деятельность. В конечном итоге, следователь осуществляет доказывание в уголовном деле с целью установления истины и привлечения виновного лица к уголовной ответственности.

Согласно Приказу СК РФ от 15.01.2011 года № 2², следователь обязан обеспечивать эффективное взаимодействие с различными правоохранительными органами при расследовании и раскрытии преступлений.

Быстрое и эффективное раскрытие многих видов преступлений, как показывает опыт следственной практики, ча-

сто невозможно без тесного взаимодействия и согласованных действий между следователями и оперативно-розыскными работниками органов дознания. Особенно важным является тактически и методически грамотное сотрудничество между ними при расследовании тяжких преступлений, таких как убийства, изнасилования, взяточничество, крупные хищения и кражи государственного и частного имущества, а также преступления в сфере экономики и разбойные нападения. Особое внимание уделяется взаимодействию при расследовании организованной преступной деятельности.

Сотрудничество между следователями и оперативно-розыскными работниками органов дознания играет ключевую роль в успешном раскрытии сложных и серьезных преступлений. Они должны тесно взаимодействовать на всех этапах расследования, начиная от сбора первичной информации и оперативных данных, до проведения допросов, осмотра места преступления, сбора доказательств и анализа полученной информации. Каждое действие должно быть тщательно согласовано и ориентировано на достижение общей цели - выявления и наказания виновных лиц.

Особенно важное значение такое сотрудничество имеет при расследовании преступлений, совершенных организованными преступными группами. В таких случаях, требуется слаженная работа всех участников расследования, координация действий, обмен информацией и оперативное реагирование на изменяющуюся ситуацию. Только таким образом возможно эффективное противодействие организованной преступной деятельности и раскрытие таких сложных преступлений.

Формы взаимодействия могут включать как процессуальные, так и непроцессуальные подходы. Процессуальные формы взаимодействия включают в себя официальные запросы на предоставление документов или проведение оперативно-розыскных мероприятий. Непроцессуальные формы взаимодействия могут включать в себя, например, более неформальный обмен информацией и т.д.

Сотрудничество между следователем и оперативными органами позволяет определить конкретные шаги следственных действий и оперативных мероприятий для выявления подозреваемого в преступлении и изъятия улик. В процессе этого взаимодействия также определяются потенциальные свидетели и физические доказательства. Если предварительное следствие приостановлено, следователь должен регулярно запрашивать информацию у оперативных органов о продвижении дела и, если необходимо, обращаться к прокурору с ходатайством о проверке соблюдения оперативно-розыскной деятельности в рамках Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Опыт следственной деятельности показывает, что быстрое и успешное раскрытие многих преступлений и решение сложных задач расследования неразрывно связаны с эффективным сотрудничеством между следователями и оперативно-розыскными работниками органов дознания. В криминалистике и следственной практике это явление известно как «взаимодействие». Оно представляет собой совокупность приемов и способов, которые составляют важный элемент тактического и методического арсенала при расследовании преступлений.

Особое значение взаимодействие имеет при расследовании тяжких преступлений, таких как убийства, изнаси-

1 Федеральный закон Российской Федерации от 12.08.1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // «Российская газета» от 18.08.1995 года № 160.

2 Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 15.01.2011 года № 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-sledstvennogo-komiteta-rf-ot-15012011-n-2-ob> (дата обращения: 15.03.2023).

лования, взяточничество, крупные хищения и кражи государственного и другого имущества, а также преступления в сфере экономики и разбойные нападения. Эффективное взаимодействие между следователями и оперативниками особенно необходимо при расследовании преступлений, совершенных организованными преступными группами.

Взаимодействие включает в себя четкое согласование действий, взаимоподдержку, обмен информацией, координацию оперативно-розыскных мероприятий и тесное взаимодействие на всех этапах расследования. От правильно налаженного взаимодействия между следователями и оперативниками зависит успех раскрытия преступления и наказания виновных.

Согласно законодательству России, взаимодействие между следователем и оперативными органами регулируется УПК РФ. Но помимо процедурных форм, на практике могут возникать ситуации, где требуется непроцессуальное взаимодействие, например, при обмене информацией о преступлении. В таких случаях, правовые основы для взаимодействия могут определяться другими источниками права, такими как Положения о Следственном комитете Российской Федерации. Они содержат инструкции о правилах сбора, хранения и передачи информации между следователями и оперативными органами в целях расследования преступлений. Таким образом, законодательство России обеспечивает правовую базу для взаимодействия между следователем и оперативными органами, включая процессуальные и непроцессуальные формы сотрудничества. Однако не исключена инициатива со стороны прокурора, начальника следствия. Поэтому в работе правоохранительных органов могут возникать ситуации, когда должностные лица имеют разные внутренние убеждения на основе имеющейся информации, в том числе противоречивой. В таких случаях необходимо проводить проверку этой информации в правоохранительных органах, чтобы избежать ошибок. Возможные разногласия между сотрудниками оперативных подразделений могут препятствовать правильному обнаружению и предотвращению преступлений.

Взаимодействие между следователями и оперативно-розыскными органами должно быть основано на законе и согласовано по всем принципиальным условиям. Оно направлено на раскрытие преступлений и решение всех других задач, связанных с расследованием и предупреждением преступлений. Важно, чтобы сотрудники правоохранительных органов смогли взаимодействовать грамотно и эффективно, несмотря на возможные различия во взглядах и мнениях. Это требует профессионального подхода и умения объединять усилия для достижения общей цели - борьбы с преступностью и защиты правопорядка.

После получения результатов оперативно-розыскных мероприятий, следователь должен изучить их и принять соответствующие меры для задержания подозреваемых и проведения необходимых следственных действий. Это может включать обыски, выемку документов и других вещей, контроль записей телефонных переговоров и другие меры, которые помогут выяснить обстоятельства дела. Важно еще раз упомянуть, что взаимодействие следователя с оперативно-розыскными органами регулируется УПК РФ, однако, на практике используются и другие источники права, которые определяют непроцессуальные формы взаимодействия.

Важно отметить, что при сборе и использовании информации, полученной оперативно-розыскными органами, следователь должен соблюдать требования закона, чтобы не нарушить права и свободы граждан. Также следователь должен иметь достаточные доказательства для возбуждения уголовного дела и вести расследование в соответствии с законом. Одной из причин прекращения уголовных дел, связанных с наркотиками, является возбуждение дел на основе непроверенных или недостаточных материалов. В настоящее время примерно 10% таких дел прекращаются из-за необоснованности их возбуждения [3]. Чтобы предотвратить такой исход, следователю необходимо обратиться к органам оперативно-розыскной деятельности, направив им письменное поручение о производстве необходимых мероприятий [4].

Закон не устанавливает исчерпывающего списка процессуальных решений, которые могут быть поручены органам ОРД, и дает следователю право давать поручения на проведение процессуальных действий, направленных на исполнение процессуальных решений. При этом, органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность [5], не могут принимать процессуальные решения по уголовному делу. Таким образом, взаимодействие между следователем и органами ОРД является важным аспектом расследования уголовных дел, и каждая сторона должна действовать в соответствии со своими полномочиями и обязанностями.

Следует отметить, что законодательством в некоторой мере регламентируются формы обмена информацией между различными участниками процесса расследования. В данном случае речь идет о мотивированном рапорте, который должен быть подан сотрудником оперативного подразделения следователю. Однако это не означает, что субъектам взаимодействия запрещено передавать часть информации устно. При этом обмен информацией в процессе расследования является двусторонним процессом, где обе стороны могут вносить свои вклады и делиться необходимыми данными.

Важно отметить, что эффективное взаимодействие между следователями и оперативными подразделениями играет ключевую роль в успешном расследовании преступлений. Правильный обмен информацией позволяет укреплять доверие и взаимопонимание между участниками процесса, а также способствует выявлению всех необходимых фактов и обстоятельств дела. Грамотное использование различных форм передачи информации, включая мотивированный рапорт и устные сообщения, может существенно облегчить процесс расследования и достижение положительных результатов.

Кроме того, совместное обсуждение результатов следственных и оперативно-розыскных действий является важным шагом в расследовании преступлений. Это позволяет определить возможные проблемы и ошибки в работе, а также разработать план действий для их устранения. Такое взаимодействие и обмен информацией между разными службами и органами правопорядка способствует более эффективному и успешному борьбе с преступностью [6].

Совместное обсуждение профилактических мер также является важной формой взаимодействия между следователем и оперативниками. Это позволяет снизить уровень преступности и предотвратить возможные преступления.

Наконец, проведение обоюдных консультаций по вопросам противодействия преступности, расследования пре-

ступлений и других важных вопросов также помогает эффективно бороться с преступностью.

Совместное планирование происходит в несколько этапов, начиная с первоначального плана, составленного следователем, и заканчивая обсуждением и утверждением плана на межведомственном совещании с участием представителей всех органов, занимающихся оперативно-розыскной деятельностью.

Экстремистская деятельность, как отмечается, представляет определенные трудности для расследования, так как часто является организованной, имеет множество мотивов и может иметь транснациональный характер [2]. Кроме того, лица, занимающиеся экстремистской деятельностью, стремятся к публичности и пропаганде своих идей, что усложняет процесс расследования. Поэтому важно, чтобы сотрудники всех органов, занимающихся расследованием, тщательно планировали свои действия и взаимодействовали между собой в ходе расследования.

На основе статьи можно выделить несколько проблем, связанных с взаимодействием следователя и органов оперативно-розыскной деятельности:

1. Недостаток доверия и взаимопонимания между следователем и оперативниками. Взаимное недоверие может привести к тому, что информация не будет передаваться в полном объеме, а это может снизить эффективность расследования преступлений.

2. Различный подход к расследованию преступлений. У следователя и оперативников может быть разное понимание того, каким образом нужно собирать доказательства и какие мероприятия следует проводить. Это также может привести к тому, что важная информация может быть упущена.

3. Неправомерное использование оперативно-розыскных мероприятий. Иногда оперативники могут принимать решения о проведении мероприятий без согласования со следователем, что может привести к нарушению прав граждан и незаконному использованию доказательств.

Для решения этих проблем можно предложить несколько путей:

1. Улучшение коммуникации между следователем и оперативниками. Необходимо создать условия для ежедневного обмена информацией между ними, чтобы улучшить взаимопонимание и доверие.

2. Обучение и тренировка. Необходимо проводить обучение и тренировки для следователей и оперативников, чтобы обеспечить одинаковый подход к расследованию преступлений.

3. Усиление контроля за оперативно-розыскными мероприятиями. Следователь должен контролировать проводимые мероприятия, чтобы предотвратить неправомерное использование доказательств и нарушение прав граждан.

4. Развитие технологий. Современные технологии могут помочь в улучшении взаимодействия между следователем и оперативниками. Например, использование специализированных программ для обмена информацией и контроля проводимых мероприятий.

Пристатейный библиографический список

1. Бахтеев Д. В., Драпкин Л. Я. Взаимодействие следователей органами дознания и другими участниками расследования преступлений // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2017. Багиев Х. Б. Проблемы соотношения процессуальной самостоятельности следователя с процессуальным контролем руководителя следственного органа // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2011. – № 1. – С. 50-55.
2. Влезько Д. А., Салыкина Д. А. К вопросу об уголовной ответственности за преступления, связанные с экстремистской деятельностью // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ). – Краснодар: КубГАУ, 2017. – № 08 (132). С. 104-116. – IDA [article ID]: 1321708010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2017/08/pdf/10.pdf>, 0,812 у.п.л.
3. Ветрова О. А. К вопросу о взаимодействии следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность при расследовании преступлений // Актуальные проблемы уголовного и гражданского судопроизводства. – 2016. – С. 31-38.
4. Ильясов А. И. Формы взаимодействия следователя с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Молодой ученый. – 2021. – № 47 (389). – С. 200-202.
5. Козловский П. В. Планирование расследования преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2019. – № 3 (50). – С. 90-97.
6. Чвалёв А. А. Взаимодействие следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, при расследовании преступлений. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2022. – № 45 (440). – С. 203-207.

МУСТАФИНА Гульнара Мажитовна

доцент кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России

ЛУЗЬКО Дмитрий Николаевич

заместитель начальника кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники в ОВД Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск

ХАХАЛКИНА Ульяна Викторовна

доцент кафедры педагогики, психологии и социальной работы Бирского филиала Уфимского института науки и технологий

ПРАВОВАЯ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ОРУЖИЯ

В статье авторами рассмотрены отдельные аспекты правовой и оперативно-розыскной характеристики преступлений, связанных с незаконным оборотом огнестрельного оружия. В статье приводятся ключевые моменты, которые необходимо учитывать правоохранительным органам при организации эффективного противодействия незаконному обороту оружия, что является одной из важнейших задач на текущий момент в нашем государстве. Использование в практике органов внутренних дел уголовно-правовых и оперативно-розыскных характеристик преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, в их взаимосвязи позволяет не только эффективно выявлять и раскрывать данные преступления, но и обеспечить высокий уровень предварительного расследования по ним.

Ключевые слова: уголовно-правовая характеристика преступления, оперативно-розыскная характеристика преступлений, преступления, связанные с незаконным оборотом оружия, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия.

MUSTAFINA Gulnara Mazhitovna

associate professor of Professional training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

LUZKO Dmitriy Nikolaevich

Deputy Head of Operational investigative activities and special equipment in the DIA sub-faculty of the East Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk

KHAKHALKINA Ulyana Viktorovna

Associate Professor of Pedagogy, psychology and social work sub-faculty of the Birsk branch of the Ufa Institute of Science and Technology

LEGAL AND OPERATIONAL-INVESTIGATIVE CHARACTERISTICS OF CRIMES RELATED TO ILLEGAL ARMS TRAFFICKING

In the article, the authors consider certain aspects of the legal and operational-investigative characteristics of crimes related to illegal firearms trafficking. The article presents the key points that need to be taken into account by law enforcement agencies when organizing effective counteraction to illegal arms trafficking, which is one of the most important tasks at the moment in our state. The use in the practice of internal affairs bodies of criminal-legal and operational-investigative characteristics of crimes related to illegal arms trafficking in their interrelation allows not only to effectively identify and disclose these crimes, but also to ensure a high level of preliminary investigation on them.

Keywords: criminal-legal characteristics of crimes, operational-investigative characteristics of crimes, crimes related to illegal arms trafficking, operational-investigative activities, operational-investigative measures.

Одной из важнейших задач, стоящих перед правоохранительными органами на современном этапе развития человеческого общества, является противодействие незаконному обороту огнестрельного оружия, а также преступлениям, совершаемым с применением такого оружия. В последнее время, данный вопрос представляется особо актуальным для нашей страны. Так, за период с января по октябрь прошлого года на территории Российской Федерации зарегистрировано на 29,7 % больше преступлений, совершенных с применением оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств [1]. Следует также отметить, что преступления, совершаемые с использованием оружия, зачастую имеют насильственный характер, отличаются высокой степенью общественной опасности и соответственно влекут за собой тяжкие последствия при совершении разбойных нападений, преступлений против личности и т.д. Всё это обуславливает необходимость всестороннего изучения преступлений, связанных с применением оружия и использование имеющихся знаний в этой области для организации эффективной борьбы с данными преступными деяниями.

Говоря об уголовно-правовой характеристике преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, необходимо отметить, что Уголовный кодекс Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) включает в себя целый ряд статей, предусматривающих ответственность за указанные противоправные деяния. Первым и основным в этом ряду является статья 222 УК РФ [2], согласно которой под угрозой уголовного наказания запрещено противозаконное приобретение, передача,

сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов, на примере которой и будет рассмотрена уголовно-правовая и оперативно-розыскная характеристика преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия. Стоит отметить, что все указанные действия образуют состав преступления лишь при условии, если они совершены с нарушением установленного действующим законодательством порядка, так как для отдельных физических и юридических лиц имеются вполне законные основания для приобретения и использования определенных видов огнестрельного оружия, даже с нарезным стволом. Например, для занятий охотой, спортивной стрельбой или организациям с особыми задачами, указанными в их уставных документах. В качестве объекта преступного посягательства по рассматриваемым видам преступлений признается безопасность общественных отношений в области оборота огнестрельного оружия, включая его основные части и боеприпасы к нему. Аналогично объектом преступления, предусмотренного статьей 222.1 УК РФ является безопасность социальных отношений в сфере оборота взрывчатых веществ и взрывных устройств. Двум вышеуказанным статьям по объекту преступного посягательства соответствуют две нормы основного уголовного закона, предусматривающие ответственность за изготовление, переделку и ремонт обозначенных предметов. Если же одновременно рассматривать понятие объекта преступного посягательства с оперативно-розыскного ракурса, то здесь необходимо отметить, что объектом злоумышленника, причастного к незаконному обороту оружия, является возможность приобрести, изготовить и

хранить оружие без оформления соответствующих разрешительных документов, совершить указанные действия тайно и скрытно от других лиц, в том числе уполномоченных осуществлять государственный контроль в данной сфере.

Объективная сторона совершения преступлений в сфере незаконного оборота оружия может выражаться как действиями, так и бездействием. Так, незаконное изготовление, изменение конструктивных особенностей (переделка), передача, сбыт и иные активные процессы с оружием представляют собой действие. А обычное хранение как раз является примером совершения преступления в форме пассивного, продолжающегося в течение времени бездействия. Здесь необходимо учитывать, что в зависимости от объективной стороны в действиях злоумышленника может как рассматриваться состав уголовно наказуемого деяния, так и отсутствовать. Так, например, хранение гладкоствольного длинноствольного огнестрельного оружия влечёт за собой лишь административную ответственность, предусмотренную статьей 20.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [3]. А вот сбыт этого же самого ружья уже влечёт за собой ответственность, предусмотренную частью 7 статьи 222 УК РФ.

Субъектом преступления в части незаконного хранения и сбыта огнестрельного оружия является вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Вместе с тем, законодатель предусмотрел, что за изготовление, хранение и оборот взрывчатых веществ, взрывных устройств, их хищение либо вымогательство, а также хищение и вымогательство оружия и боеприпасов, как противоправных деяний, представляющих особую опасность для общества, уголовная ответственность наступает с четырнадцати лет.

Говоря о субъекте преступления в сфере незаконного оборота оружия следует особо упомянуть оперативно-розыскные аспекты данного феномена. В первую очередь, следует отметить, что подавляющее большинство преступников в данном направлении представлено лицами мужского пола. Это объясняется природной тягой мужчин к оружию, заложенной на уровне базовых рефлексов. Наиболее распространенным видом совершения преступления в области незаконного оборота оружия является его незаконное хранение. Здесь субъектом может выступить практически неограниченный круг лиц. И всё же, с учётом опыта практических подразделений органов внутренних дел, в частности уголовного розыска, можно выделить следующие типичные субъекты, незаконно хранящие оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества.

Во-первых, это лица, ранее являвшиеся легальными владельцами огнестрельного оружия, например, охотники. При лишении лицензии на хранение оружия по истечению срока, за совершение правонарушения либо по иным причинам, данные лица зачастую нарушают требования о необходимости добровольной выдачи всех имеющихся единиц огнестрельного оружия и сопутствующих предметов. На практике даже бывают случаи, когда такие лица ложно заявляют об утере имеющегося оружия, не желая расставаться с ним добровольно. Также нередки случаи, когда человек выдаёт лицензирующему подразделению либо участковому уполномоченному полиции само ружьё, а вот боеприпасы к нему, порох и другие предметы оставляет у себя. Казалось бы, что ничего страшного в этом нет, однако практика правоохранительных органов свидетельствует о том, что незаконно, а значит бесконтрольно, находящееся в обороте оружие и взрывчатые вещества рано или поздно применяются в преступных целях либо самим хранящим лицом, либо третьими лицами, получившими к ним доступ.

Во-вторых, здесь также можно отметить лиц, являющихся зарегистрированными владельцами. Так, имея законное разрешение на хранение охотничьего ружья, например 12 калибра, и охотничий билет, злоумышленник может незаконно хранить нарезное огнестрельное оружие с целью браконьерства. Так как даже в случае обнаружения гильз и пуль, выпущенных из данного ружья на месте происшествия, невозможно будет их идентифицировать с пулегильзотекой, где имеются образцы только учтенных единиц оружия. Встречаются случаи, когда незаконное хранение происходит без конкретной цели. Например, когда к человеку, проживающему в непосредственной близости к охотничьим угодьям, приезжают его товарищи по интересам и оставляют у него свои боеприпасы, а иногда даже сами ружья, тем самым создавая провокационные условия для их незаконного использования, хищения и т.д.

Во-третьих, повышенный интерес представляют лица, судимые ранее за незаконный оборот огнестрельного оружия,

особенно за составы, связанные с нелегальным изготовлением и переделкой оружия. Практика борьбы с незаконным оборотом оружия показывает, что большинство злоумышленников продолжает свою противозаконную деятельность по созданию, применению и хранению огнестрельного оружия. С одной стороны, это обусловлено уже упоминавшимся влечением к оружию, а с другой – тем, что судимые лица уже не могут получить легальное разрешение на хранение огнестрельного оружия. Однако такие лица уже обладают знаниями и соответствующими навыками по сокрытию нелегально находящихся у них запрещенных в гражданском обороте предметов и веществ, что усложняет работу правоохранительных органов.

В практике органов внутренних дел существует ещё одна проблема в сфере противодействия незаконному обороту огнестрельного оружия – при изъятии редких образцов либо основных частей огнестрельного оружия в экспертно-криминалистических подразделениях, даже регионального и областного уровня, зачастую отсутствуют образцы для отстрела данных видов оружия или исследования на пригодность к использованию изъятых основных частей. Соответственно, решить вопрос о возбуждении уголовного дела не представляется возможным. Одним из вариантов решения данной проблемы является обращение в экспертно-криминалистические подразделения соседних субъектов либо в Экспертно-криминалистический центр МВД России.

В качестве одной из оперативно-розыскных характеристик преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, является широкое распространение в сети интернет различных текстовых и видеоматериалов, содержащих достаточные сведения о методах, способах и приёмах изготовления огнестрельного оружия. Какая-либо ответственность законодателем за размещение таких материалов не предусмотрена. Наглядным примером могут даже служить фильмы «Брат» и «Брат-2», в первом из которых последовательно представлен романтический алгоритм изготовления обрезка, а во втором – так называемого «поджига». Что касается видеоматериалов, имеющихся на ресурсе «ютуб», то там такие алгоритмы представлены даже с подробными комментариями, при этом редко где встречается предупреждение об уголовной ответственности за совершение тяжкого преступления, которым является изготовление или переделка огнестрельного оружия.

Определенную сложность в противодействии нелегальному изготовлению огнестрельного оружия также представляет возможность вполне легальной перевозки и пересылки некоторых частей и механизмов. Например, трубки, используемые при переделке сигнального пистолета МР-371, изготовленного по образцу знаменитого пистолета Макарова, под стрельбу боевыми или патронами ограниченного поражения, не являются чем-то запрещенным или ограниченным в гражданском обороте, следовательно, любой желающий может спокойно их купить либо заказать через интернет. При этом, сам сигнальный пистолет МР-371 также не требует наличия лицензии на его хранение и может быть приобретен любым совершеннолетним лицом по паспорту, без проверки его психического здоровья и даже возможно имеющейся судимости за ранее совершенные преступления.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что использование в практике органов внутренних дел уголовно-правовых и оперативно-розыскных характеристик преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, в их взаимосвязи позволяет не только эффективно выявлять и раскрывать данные преступления, но и обеспечить высокий уровень предварительного расследования по ним.

Пристатейный библиографический список

1. В России почти на 30 % выросло число преступлений с использованием оружия // РБК: новостной портал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/23/11/2022/637cfa59a79478ef> (дата обращения: 20.04.2023).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.04.2023).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.04.2023).

САФОНОВ Андрей Александрович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований Учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

БОНДАРЕВА Ирина Олеговна

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса и криминалистики Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России

К ВОПРОСУ О ПРАВИЛЬНОСТИ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

В данной статье подчеркивается важность точного документирования процесса и результатов следственного эксперимента, поскольку протокол будет считаться доказательством в суде. Протокол следственного эксперимента должен быть заполнен на месте происшествия, чтобы обеспечить точное описание ситуации. Протокол состоит из вводной и описательной частей, и типичными ошибками, возможными при его оформлении, являются несоблюдение закона, неправильное или неполное описание экспериментальных действий, стилистические ошибки. Ход и результаты следственного эксперимента могут быть зафиксированы с помощью аудио-, видео- или фотосъемки. Особенно полезна видеозапись, поскольку она позволяет наглядно и динамично продемонстрировать ход и результаты следственного эксперимента.

Ключевые слова: следственный эксперимент, протокол, доказательства, уголовное дело, требования закона, допустимость, аудиозапись, видеозапись, ошибки, процессуальные ошибки.

SAFONOV Andrey Alexandrovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Technical and forensic provision expert research sub-faculty of the Training and Research Complex of Forensic Examination of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

BONDAREVA Irina Olegovna

Ph.D. in Law, Deputy Head of Criminal process sub-faculty of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

TO THE QUESTION OF THE CORRECTNESS OF DOCUMENTING THE INVESTIGATIVE EXPERIMENT

This article emphasizes the importance of accurately documenting the process and the results of the investigative experiment, since the protocol will be considered evidence in court. The protocol of the investigative experiment must be completed at the scene of the incident to provide an accurate description of the situation. The protocol consists of introductory and descriptive parts, and typical mistakes possible in its design are non-compliance with the law, incorrect or incomplete description of experimental actions, stylistic errors. The course and results of the investigative experiment can be recorded using audio, video or photography. The video recording is especially useful because it allows you to visually and dynamically demonstrate the progress and results of the investigative experiment.

Keywords: investigative experiment, protocol, evidence, criminal case, requirements of the law, admissibility, audio recording, video recording, errors, procedural errors.

Точное документирование следственного эксперимента имеет решающее значение, поскольку полученный протокол будет служить доказательством в суде, существенно влияя на исход уголовного дела.

Фиксация доказательств – это процесс юридического закрепления соответствующих данных и методов обнаружения таким образом, чтобы обеспечить надлежащее разрешение дела. Хотя оформление протоколов следственного эксперимента может занять много времени, важно придерживаться правовых норм, таких как статья 166 УПК РФ, которая предусматривает, что протокол следственного действия должен точно отражать процессуальные действия и соответствующие обстоятельства. Также необходимо избегать подписания участвующими лицами неполных или неточных протоколов, поскольку это может сделать доказательства неприемлемыми в суде. Для обеспечения тщательного и точного описания ситуации целесообразно частично заполнить протокол следственного эксперимента до прибытия на место происшествия.

Правильное документирование следственного эксперимента имеет решающее значение, поскольку оно служит допустимым доказательством в суде. Систематический подход к сбору и документированию соответствующих данных необходим для успешного разрешения уголовных дел. Согласно исследованиям, проведенным А. В. Победкиным и В.

Н. Яшиным, фиксация доказательств должна включать предписанные законом методы сбора и фиксации фактической информации, а также средства и приемы, используемые для обнаружения и фиксации [2, с. 63].

Протокол следственного эксперимента состоит из вводной и описательной частей. Вводная часть должна содержать общие сведения, необходимые для проведения любого следственного действия, например, ст. 166 УПК РФ, а также конкретную информацию о цели, задачах, погодных условиях и уровне освещенности в процессе эксперимента. В нем также должны быть указаны реконструкция места и объекты, используемые в качестве муляжей.

В описательной части протокола должны быть указаны условия, методики, последовательность экспериментальных действий, результаты использования манекенов, гипсовых слепков, приборов для фиксации следственного процесса. Следует предусмотреть использование технических средств для документирования хода и результатов эксперимента, а также результаты, полученные на каждом этапе следственного действия. Если подозреваемый отказывается от участия в следственном эксперименте, в протоколе должна быть сделана соответствующая запись. Если комплекс экспериментальных действий выходит за рамки цели следственного эксперимента, необходимо составить дополнительный протокол.

Каждый участник должен быть лично ознакомлен с протоколом следственного эксперимента, либо следователь может зачитать его вслух. Любые замечания, сделанные участниками в процессе следственного действия, должны быть зафиксированы в протоколе.

К типичным ошибкам, возможным при документировании следственных экспериментов, относятся несоблюдение требований уголовно-процессуального законодательства, неправильное или неполное описание экспериментальных действий, нарушение последовательности их описания, включение ненужной информации, стилистические ошибки при изложении хода и результатов следственного эксперимента.

Следует отметить, что ошибки процессуального характера являются наиболее значимыми среди перечисленных ошибок, которые неизбежно (по формальным основаниям) делают протокол следственного эксперимента недопустимым доказательством. В определенных ситуациях и другие ошибки, например, противоречивые и путаные словесные формулировки, также могут привести к отклонению данного доказательства.

Как правило, ход и результаты следственного эксперимента могут быть задокументированы посредством аудио-, видео- или фотосъемки, что должно быть зафиксировано в протоколе и сопровождаться носителем записи или фототаблицей. Аудиозапись является преимуществом, так как позволяет зафиксировать полный устный отчет о следственном эксперименте. Некоторые ученые подчеркивают, что еще одной важнейшей характеристикой аудиозаписи является то, что она «позволяет уловить эмоциональный тон речи, чего нельзя достичь, представляя показания лиц в письменной форме» [1, с. 3-4]. При необходимости аудиозапись можно прослушать, разрешив многие спорные моменты относительно хода и результатов следственного эксперимента.

Приступая к аудиозаписи, следует записать место, дату, время проведения следственного эксперимента, его цели и задачи, состав участников, номер уголовного дела. По окончании записи следует также зафиксировать время и показания участников.

Помимо устного изложения информации, видеозапись позволяет наглядно и анимировано продемонстрировать ход следственного эксперимента и его результаты. Целесообразно вести видеозапись всего следственного эксперимента, так как видеозапись помогает объективно и достоверно оценить полноту и точность следственного эксперимента, особенно в случае возникновения споров. Кроме того, в ситуациях, когда необходимо повторить следственный эксперимент, а место его проведения изменилось, видеозапись позволяет максимально точно воссоздать первоначальную ситуацию. Ученые предполагают, что видеозапись во время следственного эксперимента может позволить экспертизе «выявить участника следственного действия, который намеренно искажил экспериментальные действия с целью обмана» [3, с. 62].

Процесс и результаты следственного эксперимента можно зафиксировать и с помощью фотографий, однако использование двух методов в совокупности является наиболее эффективным, так как позволяет выделить важнейшие этапы и создать более полную картину проведенных экспериментальных действий. Фотосъемка имеет ряд преимуществ перед видеозаписью, включая возможность быстрого просмотра отснятого материала без специализированного оборудования и возможность представления доказательств в бумажном формате. При проведении фотосъемки главное правило – четко и понятно представить не только основные моменты следственного действия, но и лиц, участвующих в нем. Каждый снимок должен сопровождаться пояснительной надписью на фототаблице, которая должна соответствовать месту действия во время следственного эксперимента. В противном случае достоверность данных, полученных в ходе

экспериментальных действий, может быть поставлена под угрозу.

Например, рассмотрим уголовное дело по факту нарушения ч. 1 ст. 264 УК РФ. В ходе расследования был проведен следственный эксперимент по определению расстояния, на котором водитель может увидеть пешехода на пешеходном переходе в темное время суток. В ходе следственного действия были сделаны фотографии, полученные результаты были занесены в фототаблицу, которая была приложена к протоколу. Однако на фотографиях было четко видно, что следственный эксперимент проводился при включенном уличном освещении, в то время как в протоколе было указано, что экспериментальные действия проводились только при включенных фарах автомобиля. Данное несоответствие вызвало необходимость повторения следственного эксперимента по делу.

Представление хода и результатов следственного эксперимента может также включать диаграммы и рисунки для большей визуальной наглядности. Эти документы должны быть датированы и содержать обозначения и подписи всех лиц, участвовавших в эксперименте.

Подводя итог, можно сказать, что протокол следственного эксперимента состоит из вводной и описательной частей. В вводной части должны быть указаны цель, задачи и другие существенные условия эксперимента, включая погоду и освещение. В ней также следует упомянуть о реконструкции экспериментальной площадки и любых объектах, используемых в качестве муляжей. Описательная часть должна подробно описывать условия и процедуры эксперимента, последовательность экспериментальных действий и результаты применения манекенов, гипсовых слепков и различных приспособлений. В ней также должны быть приведены сведения о технических средствах фиксации хода и результатов эксперимента, о результатах проведенных опытов на каждом этапе.

В ходе следственного эксперимента информация о его ходе и результатах может быть записана с использованием аудио-, видео- или фотографических методов. В протоколе должна быть сделана отметка о проведении записи, а также приложен носитель записи или фототаблица. Видеозапись предпочтительнее других методов, поскольку она позволяет эффективно передать вербальные и визуальные аспекты эксперимента. Рекомендуется записывать весь эксперимент, а для лучшего понимания можно также использовать диаграммы и рисунки.

Пристатейный библиографический список

1. Леви А. А., Горинов Ю. А. Звукозапись и видеозапись в уголовном судопроизводстве. – Москва: Юрид. лит., 1983. – 109 с.
2. Победкин А. В., Яшин В. Н. Следственные действия: монография. – Москва: Юрлитинформ, 2016. – 185 с.
3. Сергеев В. В. Специфика производства следственного эксперимента в условиях противодействия расследованию преступления // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2018. – № 4. – С. 60-65.

ФЕДИНА Любовь Михайловна

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры специально-технической подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, майор полиции

ФЕДИН Мурат Анатольевич

следователь Иристонского МСО по г. Владикавказ следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по РСО-Алания, майор юстиции

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ УБИЙСТВ, СОВЕРШЕННЫХ В УСЛОВИЯХ НЕОЧЕВИДНОСТИ

В данной статье предпринята попытка подробного изучения обстоятельств совершения преступлений при отсутствии очевидцев, их значение в криминогенной обстановке, влияния на развитие правового государства в целом и реализации его возможностей по защите граждан. На основе проведенного исследования авторами выделены криминалистические характеристики и особенности методики раскрытия и расследования данной категории преступлений. В качестве выводов сформулированы основные ошибки, допускаемые сотрудниками правоохранительных органов, и предложены некоторые способы их решения.

Ключевые слова: убийство, преступление, раскрытие, расследование, неочевидность, экспертиза, допрос, подозреваемый, свидетель, доказательство.

FEDINA Lyubov Mikhaylovna

Ph.D. in Law, lecturer of Special technical training sub-faculty of the North Caucasus Institute of advanced training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, major of police

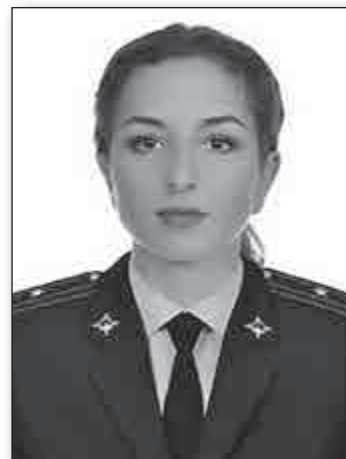
FEDIN Murat Anatoljevich

Investigator of the Iriston MSO for Vladikavkaz of the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the RSO-Alania, major of justice

METHODOLOGICAL FEATURES OF THE DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF MURDERS COMMITTED IN CONDITIONS OF NON-OBVIOUSNESS.

This article attempts to study in detail the circumstances of the commission of crimes in the absence of eyewitnesses, their significance in the criminogenic situation, the impact on the development of the rule of law as a whole and the realization of its capabilities to protect citizens. Based on the conducted research, the authors have identified the criminalistic characteristics and features of the methods of disclosure and investigation of this category of crimes. The main mistakes made by law enforcement officers are formulated as conclusions, and some ways of solving them are proposed.

Keywords: murder, crime, disclosure, investigation, non-obviousness, examination, interrogation, suspect, witness, evidence.

Федина Л. М.

Федин М. А.

Наиболее значимой чертой правового государства является неукоснительное соблюдение всеми членами общества правовых норм, а также обеспечение неотвратимости наказания, в случае их нарушения. По этой причине, целесообразно не только направлять усилия на предупреждение совершения преступлений, но и сокращать число преступлений, остающихся нераскрытыми, путем принятия действенных мер по установлению преступника, должному расследованию и последующему осуждению виновных.

Безнаказанность преступника, как правило, порождает совершение им новых преступлений. Кроме того, упущения со стороны сотрудников правоохранительных органов, не принятие квалифицированных первоочередных мер по раскрытию преступления и установления лица совершившего, приводит к безвозвратной потере возможностей, и, как следствие, накопление остатка нераскрытых преступлений прошлых лет. Данное обстоятельство находит свое подтверждение системой и статистическими данными. Так, в первом квартале 2023 года в России раскрыто 275 убийств и покушений на убийства, зарегистрированные в прошлые отчетные периоды, что составляет лишь 5,8 % от общего числа [1].

В связи с этим, убийства, совершенные в отсутствие очевидцев, находятся на особом контроле в системе правоохранительных органов и требуют повышенной концентрации, взаимодействия и профессионализма многих служб и подразделений.

Успех в раскрытии подобного рода преступлений, во многом зависит от ряда важных организационных мер, к числу которых относится быстрое оповещение дежурной службы регионального МВД о совершенном убийстве или об обнаружении трупа человека с признаками насильственной смерти, а также

дежурного следователя соответствующего районного отдела СК России.

Немаловажным фактором в успешном раскрытии преступления является активное взаимодействие следователя с экспертами, которые также, на наш взгляд, должны привлекаться следователем при выдвижении следственных версий. Знание следователем возможностей отдельных видов судебных экспертиз может положительно сказаться при расследовании уголовного дела.

Здесь представляется целесообразным остановиться на таком виде экспертиз, как психофизиологическое исследование с применением полиграфа, которое, хоть и не может составить доказательственную базу обвинительного заключения, однако зачастую положительно влияет на мнение судьи, рассматривающего дело по существу, так как, согласно ст. 17 УПК РФ [2], судья оценивает доказательство по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Таким образом, с учетом появляющихся новых технических средств и возможностей, которые используются в доказывании, по делам прошлых лет целесообразно, в том числе, применять названный вид экспертного исследования.

Кроме того, при наличии изъятых следов (биологических, следов рук и пр.) является целесообразным проведение по имеющимся следам сначала экспертиз, исключающих уничтожение следов, дополнительных судебных экспертиз, а в последующем, при необходимости, экспертиз, в ходе производства которых, изъятые следы могут быть как частично, так и полностью уничтожены.

В поручении, направляемом органу дознания, следователь должен отразить личностные сведения о потерпевшем, время и место убийства, версии о круге лиц, среди которых может находиться убийца, и криминалистически значимые сведения, положенные в основу указанных версий. Также в поручении необходимо указать, какие криминалистически значимые сведения необходимо установить, чтобы проверить выдвинутую версию или ряд версий, или установить конкретных свидетелей, которые могут дать ценные сведения для следствия или о подозреваемых. Наряду с этим отметить контингент лиц, при работе с которыми следует сосредоточить особое внимание, а также минимальный перечень вопросов, необходимых для установления всех обстоятельств случившегося.

В большинстве случаев убийцей является лицо, имевшее последний контакт с потерпевшим (исключение могут составлять случаи отравления потерпевшего). В связи с чем, данные контакты классифицированы следующим образом:

1) Открытый или видимый контакт, когда свидетели указывают на конкретное лицо, с кем незадолго до смерти находился потерпевший;

2) Невидимый, но состоявшийся контакт, когда свидетели указывают на лицо, с которым потерпевший незадолго до смерти должен был встретиться;

3) Вероятный контакт, когда свидетели указывают на лицо, которое находилось в определенное время в месте, где произошло убийство;

4) Опосредованный контакт, когда предполагаемым убийцей может выступать лицо из окружения потерпевшего, заинтересованное в убийстве по различным мотивам.

В связи с вышеизложенным, необходимо рассмотреть вопрос о создании по расследуемому уголовному делу следственно-оперативную группу, с целью отработки всех возможных версий как по отдельности, так и в совокупности, для исключения неподтвердившихся, и дальнейшей слаженной работы в выбранном направлении и отработке версии, которая является единственно верной.

Отдельно следует отметить, что в условиях постепенной компьютеризации, появляется возможность учета ранее совершенных преступлений, с учетом криминалистических характеристик преступления.

Следователям необходимо периодически производить анализ названной категории дел, с целью выявления закономерности по месту совершения (возможности передвижения преступника в близ лежащие населенные пункты и регионы России), способы и характеристикам жертв, и выявлению серийного характера преступлений.

В ходе изучения дел об убийствах, совершенных в прошлые годы, и принятых к производству, полагаем целесообразным аппарату предварительного расследования подробно изучать поступившие уголовные дела с составлением заметок, в ходе чего отмечать ошибки, неточности и упущения, допущенные ранее.

Особое внимание следует обращать на ошибки, допущенные при осмотре места происшествия и трупа; ошибки, касающиеся назначения и использования результатов экспертных исследований по изъятым следам; поверхностное собирание доказательств, формальный подход к проведению допросов по делу, неполнота получаемых показаний, неустранение противоречий в них, а также несвоевременность производства отдельных следственных действий и пр.

Приняв уголовное дело об убийстве прошлых лет к своему производству, отмечается целесообразным проведение допроса следователя, осуществившего первоначальный выезд на место происшествия, по воспринятой последним обстановке, так как зачастую не все сведения, воспринятые следователем, могут быть отражены им протоколе осмотра места происшествия. Кроме этого, в случае, когда данный следователь возбудил уголовное дело и производил расследование на первоначальной стадии, имел личный контакт со всеми очевидцами, целесообразно выяснить их эмоциональное состояние в момент производства с их участием следственных действий, так как такая информация, как правило, в протоколах следственных действий не содержится, а также задать иные вопросы для установления всей картины и обстоятельств расследования, в том числе по вопросам обоснованности выдвинутых версий и какие обстоятельства легли в основу той или иной версии.

Следователь должен учитывать все элементы, поскольку доказыванию свойственно преодоление разнообразных проблем расследования, что обусловлено информационной недостаточностью.

Для установления личности преступника, следователю необходимо ответить на вопрос, зачем совершено преступление, кому это выгодно, то есть определить мотив преступления. Основными общими версиями, позволяющими правильно спланировать действия следователя по раскрытию преступления, являются версии о мотиве преступления. Мотив может быть: корыстным (по найму), бытовым (месть, ревность, зависть и т.д.), хулиганским, половым, национальным (расовым) или религиозным.

После установления мотива необходимо определить знакомым или незнакомым потерпевшему лицом совершено убийство, что позволит сузить круг лиц, подлежащих проверке на причастность к совершенному преступлению.

Количество и состав версий в процессе расследования могут изменяться в зависимости от поступающей информации, а предмет необходимости и возможности существующих и составление дополнительных следственных планов.

Каждое принятое к своему производству уголовное дело прошлых лет следователю необходимо подробно изучить на предмет необходимости и возможности производства по делу исследований вещественных доказательств по делу с применением новых методов и средств, новых технологий, необходимости постановки на криминалистический учет изъятых следов.

Кроме этого, дополнительно допросить родственников по обстоятельствам, ставших им известными в последующем, а также свидетелей и лиц из прежнего круга подозреваемых (при наличии таковых).

Запросить и, в случае наличия, истребовать из органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, новые оперативно-значимые материалы по имеющимся наработкам, а также организовать межведомственное совещание по вопросам раскрытия совершенного преступления, планирования дальнейших следственных и оперативных мероприятий по делу.

Последним и заключительным этапом будет являться проверка конкретного лица на причастность к совершенному преступлению. Здесь должен быть проведен исчерпывающий комплекс следственных действий в отношении и с участием этого подозреваемого: освидетельствование, обыски и выемки для обнаружения и изъятия вещественных доказательств, предъявление подозреваемого для опознания, очные ставки, допросы подозреваемого с использованием доказательств, изобличающих его в убийстве, а также проведение экспертиз, в том числе дополнительных. Это обусловлено тем, что в момент совершения преступления и предыдущего расследования по делу до его приостановления, могли отсутствовать отдельные виды судебных экспертиз, либо картотеки учета по отдельным следам (например, экспертиза ДНК).

Пристатейный библиографический список

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-март 2023 года // мвд.рф: официальный справочник ФКУ «ГИАЦ МВД России», 07.04.2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/37377025/> (дата обращения: 10.05.2023).
2. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.04.2023). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справочной правовой системы «Гарант». <http://garant.ru> (дата обращения: 30.04.2023).
3. Гаужаева В. А. Особенности формирования и фиксации мысленного образа лица, совершившего преступление со слов потерпевшего // Проблемы в российском законодательстве. – 2018. – № 2. – С. 212-214.
4. Зюзина И. В. Механизм преступлений против собственности, совершенных в условиях неочевидности как источник криминалистически значимой информации // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 12 (192). – С. 163-165.
5. Колесников А. В. Понятие и характеристика преступлений против личности, совершаемых в условиях неочевидности // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2015. – № 17 (3). – С. 115-126.
6. Зюзина И. В. Выявление следовой картины преступлений, совершенных в условиях неочевидности // Закон и право. – 2020. – № 7. – С. 167-171.

САИДОВА Шуанат Магомедалиевна

магистрант кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Дагестанского государственного университета

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПО ПРИМЕНЕНИЮ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ*

В статье проводится анализ норм уголовно-процессуального закона и практика их реализации по вопросу применения меры пресечения в виде заключения под стражу. Заключение под стражу является самой строгой мерой пресечения и поэтому требует детального соблюдения на практике норм, регламентирующих порядок ее применения. Анализируется деятельность органов предварительного следствия и дознания при направлении в суд ходатайства об избрании, продлении меры пресечения в виде заключения под стражу, выявляются пробелы в их деятельности и предлагаются возможные варианты решения.

Ключевые слова: заключение под стражу, органы предварительного следствия, суд.

SAIDOVA Shuanat Magomedalieva

magister student of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

IMPROVING THE ACTIVITIES OF INVESTIGATIVE BODIES ON THE APPLICATION OF A PREVENTIVE MEASURE IN THE FORM OF DETENTION

The article analyzes the norms of the criminal procedure law and the practice of their implementation on the issue of applying a preventive measure in the form of detention. Detention is the most severe measure of restraint and therefore requires detailed compliance in practice with the rules governing the procedure for its application. The activities of the bodies of preliminary investigation and inquiry are analyzed when submitting a petition to the court for election, extension of a measure of restraint in the form of detention, gaps in their activities are identified and possible solutions are proposed.

Keywords: detention, preliminary investigation bodies, court.

Заключение под стражу является наиболее строгой мерой пресечения, ограничивающей права и свободы подозреваемого, обвиняемого лица наравне с лишением свободы как мерой наказаний. Соответственно принятие решения, связанного с заключением под стражу, требует от судей большей степени взвешенности и внимательности, но на практике выявляется очень много проблем, связанных с деятельностью органов предварительного следствия и дознания, направляющих в суд ходатайство об избрании, продлении или изменении меры пресечения в виде заключения под стражу.

Так, в соответствии с требованиями УПК РФ ходатайство об избрании, продлении меры пресечения в виде заключения под стражу должно быть мотивированным, то есть в нем должны содержаться мотив и основания, в силу которых необходимо применить меру пресечения в виде заключения под стражу, а не иную более мягкую меру, что на практике не всегда происходит.

В ходатайстве об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу не всегда приводятся реальные основания, требующие применения столь строгой меры пресечения. Порой следователи ограничиваются формальным перечислением оснований, указанных в ст. 97 УПК РФ без конкретных, исчерпывающих данных по делу, подтверждающих реальность данных оснований [2].

Так, Советский районный суд г. Махачкалы рассмотрев постановление следователя ОП по Советскому району УМВД РФ по г. Махачкала о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении С., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч.

1 ст. 222 УК РФ, отказал в удовлетворении ходатайства следователя и избрал подозреваемому лицу домашний арест.

Следователь обосновал свое ходатайство тем, что С. обвиняется в совершении преступления средней тяжести, санкцией которого предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет, в связи с чем, имеются достаточные основания полагать, что С., находясь на свободе, может скрыться от следствия и суда, а также продолжать заниматься преступной деятельностью, воспрепятствовать установлению истины по делу. Проверив представленные материалы, заслушав мнение сторон, суд установил, что постановление о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу от 28 декабря 2022 года вынесено надлежащим должностным лицом, содержит мотивы и основания, на которых следователь основывает ходатайство. Приобщенный к ходатайству материал содержит конкретные сведения, свидетельствующие об обоснованности подозрения в причастности С. к совершению преступления, а именно: копия протокола допроса С. в качестве подозреваемого от 27.12.2022г.; копия протокола личного досмотра С. от 26.12.2022г.; копия справки об исследовании № 131 от 27.12.2022г. С. задержан 27 декабря 2022 г. по основаниям, предусмотренным п. 3 ч. 1 ст. 91 УПК РФ. По изложенным основаниям, суд признает обоснованным подозрение в причастности С. к совершению преступления и обоснованным его задержание. Личность С. установлена, имеет постоянное место жительства, ранее не судим.

В судебном заседании следователь не привел доводы о том, что в условиях более мягкой меры пресечения, С. может скрыться от следствия и суда, продолжить заниматься преступной деятельностью, иным путем воспрепятствовать ходу дознания, а также свидетельствующие о том, что применение иной меры пресечения, не связанной с содержанием под стражей, не обеспе-

* Научный руководитель: Бегова Динара Якубовна, кандидат юридических наук, доцент.

чит надлежащее поведение подозреваемого, на стадии предварительного расследования, а также его явку в суд.

Сама по себе тяжесть преступления, в совершении которого обвиняется С. не может служить достаточными основаниями для избрания в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражей. При этом, с учетом обстоятельств, предусмотренных ст. 99 УПК РФ, и обстоятельств, касающихся события преступления, в совершении которого С. подозревается, суд считает, что цели, преследуемые избранием в отношении С. меры пресечения в виде заключения под стражу, на данном этапе следствия, могут быть достигнуты применением в отношении него иной, более мягкой меры пресечения, а именно домашнего ареста¹.

Материалы данного дела демонстрируют нам также и то, что органы предварительного следствия пытаются повсеместно применять меру пресечения в виде заключения под стражу, так как нахождение под стражей облегчает им работу с подозреваемыми, обвиняемыми лицами, делают их работу более «эффективной». При нахождении подозреваемого, обвиняемого лица в условиях изоляции, он не сможет вмешаться в деятельность органов следствия и дознания, помешать им в расследовании дела, скрыться от них, а следователь или дознаватель может проводить следственные мероприятия в любой момент. Отсюда и вытекает проблема переполненности мест содержания под стражей. К августу 2022 г. СИЗО по России были заполнены на 96 %. В соответствии с Федеральным Законом «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» на одного человека в камере выделяется 4 квадратных метра, но в силу переполненности мест содержания под стражей, данная норма фактически не реализуется.

При повторном продлении срока заключения под стражу органы следствия и дознания при мотивировании своего ходатайства приводят те же основания, что и при предыдущих продлениях, указывая на необходимость проведения следственных действиях, о необходимости которых заявлялось и в предыдущем ходатайстве. Данный факт свидетельствует о формальном подходе следователей к своей деятельности. В подобных случаях суд выносит частное постановление о неэффективности предварительного следствия и волоките.

Также следователи не всегда прикладывают материал, характеризующий личность подозреваемого, обвиняемого, или представляют его не в полном объеме. В случае заявления ходатайства об избрании заключения под стражу, возможны ситуации, когда следователи, дознаватели в силу ограниченности во времени не успели получить некоторые сведения, например сведения о судимости лица из ГИАЦ МВД РФ или сведения о том, что подозреваемое лицо является спецсубъектом. В этом случае следователь заявляет ходатайство о продлении срока задержания до 72 часов. Суд и органы прокуратуры также обращают внимание на то, что при установлении личности подозреваемого, обвиняемого лица, следователи порой указывают на наличие судимости у лица, хотя фактически судимость погашена и юридически лицо считается несудимым.

Подобные ошибки зачастую допускаются следователями в силу ограниченности во времени, ведь за те 40 часов, что им предоставлены, они должны успеть допросить подозреваемого, обвиняемого лица, допросить потерпевшего, если он проходит по делу, допросить свидетелей, вынести поста-

новления о назначении экспертизы, если она необходима по делу, собрать данные, характеризующие личность подозреваемого, обвиняемого лица [3].

В целях решения подобных проблем некоторые исследователи, такие как Белозерцев С. М. и Балашова А. А., считают целесообразным внести изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ и увеличить срок задержания. Так, если подозреваемым является иностранный гражданин, то срок задержания следует продлить до 60 часов, а срок предоставления материалов в суд сократить до 6 часов до истечения срока задержания. При задержании двух и более лиц, подозреваемых (обвиняемых) в совершении одного преступления, срок задержания необходимо продлить до 72 часов, а срок предоставления материалов в суд сократить до 6 часов до истечения срока задержания [1]. Но нельзя согласиться с данным предложением и увеличивать срока задержания, установленный Конституцией РФ – 48 часов. Для решения проблемы нехватки времени у следователя для проведения следственных действий при расследовании больших уголовных дел, целесообразнее создавать следственно-оперативные группы, а не увеличивать срок задержания, установленный на уровне Конституции РФ.

Таким образом при решении вопроса об избрании, продлении или изменении меры пресечения в виде заключения под стражу выявляются определенные недостатки в работе органов предварительного следствия и дознания, но всегда нужно исходить из того, что заключение под стражу является самой строгой мерой пресечения, максимально ограничивающей права, свободы и законные интересы человека, идущей наравне с такой мерой наказания как лишение свободы. Нужно понимать, что заключение под стражу – мера пресекательная, а не карательная и содержание под стражей лиц, в отношении которых ведется предварительное расследование, не должно быть общим правилом.

Пристатейный библиографический список

1. Белозерцев С. М., Балашова А. А. Проблемы, возникающие при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу / Текст: электронный // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России – 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problems-voznikayushchie-pri-izbranii-mery-presecheniya-v-vidе-zaklyucheniya-pod-strazhu>.
2. Гаджирмазанова П. К. Практика применения судами меры пресечения в виде заключения под стражу / Текст: электронный // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки – 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/praktika-primeneniya-sudami-mery-presecheniya-v-vidе-zaklyucheniya-pod-strazhu-nuzhdaetsya-v-sovershenstvovanii>.
3. Назаров А. Д. Следственные и судебные ошибки при заключении под стражу // Российская юстиция. – 2019. – № 4. – С. 39-43.

¹ Постановление Советского районного суда г. Махачкалы от 29 декабря 2022 г. по материалу // Архив Советского районного суда г. Махачкалы.

АБДУЛАТИПОВ Абдулатип Магомедзагидович

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридического института Дагестанского государственного университета

МАГОМЕДОВ Шахбан Русланович

магистр профиля подготовки «Проблемы уголовной политики и её реализации в борьбе с преступностью» Юридического института Дагестанского государственного университета

УРУМОВ Аскер Валерьевич

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры специально-технической подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

Актуальность настоящего исследования заключается в особой общественной опасности террористических сообществ и совершаемых ими посягательств, а также в необходимости разработки эффективных предупредительно-профилактических мер противодействия их деятельности с учётом современных внутренних и внешних террористических угроз. В статье проводится развернутый анализ криминологической характеристики создания террористических сообществ и участия в них на современном этапе. В качестве наиболее опасного фактора авторы отмечают предпринимаемые небезуспешные попытки спецслужб враждебных России государств сформировать на её территории террористическую сеть для занятия диверсионно-террористической деятельностью в связи с проведением специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины.

На современном этапе Российская Федерация превратилась в объект и территорию международной гибридной войны. Все это сопровождается большим всплеском антигосударственного терроризма и вовлечением молодежи в международные террористические организации. С учетом указанных факторов авторами предложены меры, направленные на обеспечение общественной безопасности, недопущение диверсионно-террористической деятельности, усиление антитеррористической безопасности объектов жизнеобеспечения и стратегического назначения.

Ключевые слова: преступления террористической направленности, террористическое сообщество, организованная группа, структурированная организованная группа, криминологическая характеристика, противодействие.

ABDULATIPOV Abdulatip Magomedzagidovich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law and criminology sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

MAGOMEDOV Shahban Ruslanovich

master of the training profile «Problems of criminal policy and its implementation in the fight against crime» of the Institute of Law of the Dagestan State University

URUMOV Asker Valerjevich

Ph.D. in Law, senior lecturer of Special and technical training sub-faculty of the North-Caucasian Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

FEATURES OF TERRORIST COMMUNITY CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS IN THE MODERN PERIOD

The relevance of the research lies in special social danger of terrorist communities and the encroachments they commit, as well as in the need to develop effective preventive measures to counter their activities, taking into account modern internal and external terrorist threats. The article provides a detailed analysis of the criminological characteristics of terrorist communities creation and participation in them at the present stage. As the most dangerous factor the authors note unsuccessful attempts of the special services of states hostile to Russia to form a terrorist network on its territory to engage in sabotage and terrorist activities, because the conduct of a special military operation to demilitarize and denazify Ukraine.

At present, the Russian Federation has become an object and territory of an international hybrid war. All this is accompanied by a large surge in anti-State terrorism and by young people's involvement in international terrorist organizations. Taking into account these factors, the authors propose measures aimed at ensuring public safety, preventing sabotage and terrorist activities, strengthening the anti-terrorist security of life support and strategic facilities.

Keywords: terrorist crimes, terrorist community, organized group, structured organized group, criminological characteristics, counteraction.

В современный период в нашей стране, как и во всём мире, широкое распространение получили различные формы организованной преступности, в том числе и террористической направленности. В связи с этим проблема противодействия организованным формам террористической деятельности стала актуальной. Наибольшую остроту данный вопрос приобрел в связи разведывательно-подрив-

ной деятельностью украинских спецслужб, проводимой на территории Российской Федерации при поддержке стран Запада и США.

Открывая заседание НАК России по итогам за 2022 год, его председатель А. В. Бортников отметил, что «в текущем году значительно увеличилось количество террористических проявлений, прежде всего в приграничных регионах,

расположенных в ЦФО и ЮФО. Это связано как с разведывательно-подрывной деятельностью украинских спецслужб, проводимой при поддержке стран Запада во главе с США, так и с попытками создания сторонниками международных террористических организаций законспирированных ячеек и совершения преступлений террористической направленности»¹.

Одним из наиболее опасных видов организованной террористической преступности стала организация террористического сообщества и участие в нем (ст. 205.4 УК РФ), включённая в уголовный кодекс в 2013 году. Несмотря на невысокий удельный вес в общей структуре преступности, организованные формы террористической деятельности отличаются крайне высокой степенью общественной опасности, растущим деструктивным влиянием на политическую и социально-экономическую ситуацию в Российской Федерации целом и в отдельных её субъектах, в особенности, на территории Северного Кавказа. Кроме того, введение в УК РФ ст. 205.4 поставило перед учёными-юристами, криминологами и сотрудниками судебно-следственных органов немаловажную проблему, обусловленную спецификой новой формы соучастия, обозначенной в диспозиции исследуемой статьи. До этого ни в уголовно-правовой, ни в криминологической науке такой двойственной формы организованного соучастия не было предусмотрено, что обусловило также возникновение коллизии определённых уголовно-правовых норм, а также послужило причиной неполноценной правоприменительной практики. Это также обусловило актуальность глубоких теоретических и практических исследований данной преступности.

Эти исследования проведены в научных трудах А. М. Абдулатипова, П. В. Агапова, А. Н. Аулова, А. С. Васнецовой, А. Г. Волеводза, А. И. Гурова, В. С. Комиссарова, С. М. Кочои, С. А. Пичугина, А. В. Петрянина, А. И. Рарога, А. В. Ростокинского, И. А. Тарханова, В. В. Ульяновой, В. С. Устинова, С. Н. Фридинского, А. Г. Хлебушкина а также в диссертациях В. П. Алехина, В. В. Малиновского, М. В. Сипки, В. В. Ульяновой, С. П. Тройнова, С. В. Нестерова, С. Ю. Богомолова, М. А. Комаровой, Ю. Р. Хамзевой, Д. М. Минязева и др.

Несмотря на некоторое скептическое отношение учёных и практических работников к данной норме, её принятие внесло определённую положительную лепту в обеспечение безопасности соответствующих объектов правовой защиты от террористических угроз.

Так, по данным НАК РФ, только в 2022 году «на стадии приготовления предотвращено 123 преступления террористической направленности, в том числе 64 теракта. Пресечена деятельность 68 законспирированных ячеек международных террористических организаций»². С момента принятия исследуемой статьи (ст. 205.4 УК РФ) с 2013 по 2022 год на территории Российской Федерации зарегистрировано 4, 1, 1, 1, 3, 19, 2, 12, 5 преступлений соответственно. Вместе с тем по данным АПИ «Судебная статистика» с 2016 по 2022 год по

указанной статье осуждено 2, 1, 1, 13, 30, 18 участников террористического сообщества соответственно³.

Приведённая статистика свидетельствует о невысокой эффективности исследуемой нормы в уголовно-правовом противодействии деятельности террористических сообществ.

Одним из регионов с наиболее распространённой террористической активностью является Республика Дагестан. Обстановка по линии терроризма и экстремизма на её территории по итогам 2022 года в целом характеризуется как относительно стабильная. Абсолютное большинство выявленных в регионе за этот период преступлений террористической направленности было совершено за предшествующий период. По сведениям ИЦ МВД по Республике Дагестан в 2022 году в республике зарегистрировано 437 (за аналогичный период прошлого года - 493, что на 11,4 % меньше чем в 2022 году) преступлений террористической направленности, из них по ст. 208 УК РФ - 138 (172), по ст. 205.1 УК РФ - 51 (69) [4].

Из изложенного можно сделать вывод о том, что основную долю зарегистрированных террористических преступлений составляют выявленные в анализируемый период, но совершённые за предыдущие годы преступления, сходные с организацией террористического сообщества и участием в нём, которые связаны с вовлечением жителей региона в деятельность международных террористических организаций (далее - МТО) в основном за пределами Российской Федерации. Так, из зарегистрированных в 2022 году 437 преступлений террористической направленности непосредственно за рассматриваемый период на территории республики совершено 27 (из них 4 случая предотвращены на стадии приготовления). Остальные преступления связаны с фактами участия в МТО за рубежом и оказания содействия террористической деятельности в прошлые годы.

В результате предпринятых упреждающих мер в 2022 году на стадии формирования разобщены 4 автономные законспирированные террористические ячейки, в сферу деятельности которых входили города Махачкала, Дербент, Дагестанские Огни и Дербентский район. В ходе специальной операции задержано 10 и нейтрализовано 2 участника сообщества, изъяты различные средства поражения.

Как видно из материалов исследования, объектами устремлений террористических сообществ, как и раньше, остаются объекты и личный состав правоохранительных органов, объекты органов власти и местного самоуправления, а также другие объекты уголовно-правовой защиты.

При этом *террористическое сообщество, как специфический вид организованной формы соучастия, имеет свои особенности с характерными только для него признаками, к которым можно отнести:*

- наличие цели совершения преступлений террористической направленности, а именно подготовка и совершение одного или нескольких преступлений, предусмотренных в исследуемой статье;
- подготовка и совершение иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма;
- наличие руководства таким сообществом, его составной частью или входящим в террористическое сообщество структурным подразделением.

1 В Москве прошло итоговое заседание Национального антитеррористического комитета и Федерального оперативного штаба // Официальный сайт Национального антитеррористического комитета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nac.gov.ru/nak-prinimaet-resheniya/v-moskve-proshlo-itogovoe-zasedanie-nacionalnogo-1.html> (дата обращения: 28.04.2023).

2 Там же.

3 Судебная статистика Российской Федерации // Официальный сайт Агентства правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 28.04.2023).

Кроме того, ему присуща устойчивость и сплочённость группы, а также то, что объединение осуществляется заранее.

На основании изложенного, а также с учётом положений диспозиции исследуемой нормы, можно дать криминологическую трактовку террористического сообщества как *устойчивой сплочённой группы лиц либо структурированной группы лиц, заранее объединившихся в общих целях для подготовки и совершения одного или нескольких преступлений террористической направленности, предусмотренных в ч. 1 ст. 205.4 УК РФ, а также подготовки и совершения иных преступлений, совершаемых в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма.*

Как отмечает С. И. Бушмин и Г. Л. Москалев: «При описании террористического сообщества законодатель фактически отказывается от использования признаков преступного сообщества, предусмотренных ч. 4 ст. 35 УК РФ» [3, с. 50]. Только структурированная организованная группа, признаваемая террористическим сообществом, по сути своей является преступным сообществом. То есть террористическое сообщество имеет признаки обоих видов организованных форм преступлений, предусмотренных в ст. 35 УК РФ. В связи с этим по своему уровню оно занимает промежуточное место между ними.

Примером структурированных организованных террористических групп могут быть функционировавшие в ряде городов и районов Республики Дагестан так называемые «Джамааты» (организованные террористические группы какого-либо города или района), в состав которых входили террористические ячейки [1; 2, с. 103].

Они структурно были объединены в террористическое сообщество под названием «Вилаят Дагестан». Из материалов изученного уголовного дела [6] следует, что указанное террористическое сообщество структурно состояло в преступном сообществе «Имарат Кавказ». К моменту своей нейтрализации оно включало в себя 5 территориальных секторов из 13 ячеек (организованных групп), объединённых в структурированную группу общей численностью до 80 участников. Руководителями каждой из таких группировок назначались так называемые «Амиры» и их заместителями – «Найбы», спорные моменты решали так называемые кадии, обладающие шариатскими знаниями.

Важнейшую роль при криминологической характеристике террористического сообщества играет изучение личности его организаторов и участников в целях обеспечения индивидуально-профилактической работы с такими лицами, а также лицами, потенциально склонными к совершению таких преступлений. Всестороннее изучение совокупности криминологических признаков таких лиц отчасти помогает также выявлять лиц, склонных к террористическим проявлениям, для организации с ними в дальнейшем превентивной работы в целях недопущения с их стороны подобных проявлений.

Как справедливо отмечает А. С. Васнецова, «для выполнения этой цели необходимо обладать наиболее полными сведениями о характеристиках, свойственных контингенту террористов. Справиться с данной задачей можно лишь путем проведения масштабных научных исследований рассматриваемой тематики»⁴.

Для исследования личности террориста были изучены обвинительные приговоры судов, материалы научной литературы по данной тематике, а также использован личный опыт некоторых авторов исследования, полученный в ходе борьбы с терроризмом, на оперативных и руководящих должностях органов внутренних дел.

Как известно, в составе террористического сообщества выделяются лица, создающие сообщество, организаторы, руководители, участники сообщества и пособники. Несмотря на наличие многочисленных общих свойств, каждый из них имеет существенные криминологические особенности.

Как отмечает Ж. К. Оспанова, «НВФ имеет устойчивый характер организации, взаимосвязь всех членов групп между собой намеченной целью, строгой иерархичностью власти и подчинения. Поэтому необходимо рассматривать участника незаконного военизированного формирования, изучая его основные особенности личности, дифференцируя «высший» и «низший» звенья организованной группы. К высшему типу отнесем организатора, лидера незаконных военизированных формирований, к низшим – остальных членов группы»⁵.

Исследование личности организаторов и руководителей сообщества показывает, что в настоящее время для них характерны следующие особенности:

- рост активности исследуемой категории преступников, связанный с проведением специальной военной операции на Украине;
- подготовка преступлений террористической и диверсионной направленности, а также лиц, привлекаемых к организации и руководству их совершением за пределами Российской Федерации на территории враждебных нам государств;
- использование в качестве таковых иноагентов внутри нашей страны;
- наличие в качестве организаторов и руководителей и активных участников не только россиян, но и иностранных граждан;
- особая активность вербовки и иного вовлечения лиц в состав сообщества в молодёжной и подростковой среде;
- попытки возврата в Российскую Федерацию опытных террористов с транснациональными преступными связями, принимавших участие в МОТ, для их привлечения к созданию террористической сети внутри России;
- использование для этого миграционных процессов в Российскую Федерацию, особенно из Украины и стран Средней и Центральной Азии;
- использование информационных ресурсов и мессенджеров в организации и руководстве террористической деятельностью, в том числе из территории другого государства (к примеру, деятельность ЦИПСО СБУ Украины и спецслужб западных враждебно настроенных против России государств).

Как правильно отмечают В. В. Меркурьев и другие авторы, «формирование личности преступника-участника террористической деятельности уже несколько десятилетий проходит в условиях развития новых геополитических реалий, усиления военно-политической напряженности во многих регионах мира» [5, с. 4]. В качестве примера можно привести

4 Васнецова А. С. Криминологическая характеристика организаторов и участников организованных преступных формирований террористической направленности (первый этап криминологического исследования) // Полицейская деятельность. 2020. № 6. С. 37-63. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://enotabene.ru/nb/article_34318.html (дата обращения: 28.04.2023).

5 Оспанова Ж. К. Особенности криминологической характеристики участников незаконных военизированных формирований // Молодой ученый. 2012. № 4. С. 298-303. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/39/4581/> (дата обращения: 28.04.2023).

совершенный 2 апреля 2023 года в Санкт-Петербурге теракт в отношении Российского военного журналиста В. Татарского, организованный спецслужбами Украины с вербовкой исполнителей в России из числа лиц, сотрудничающих с так называемым Фондом борьбы с коррупцией Навального, признанного иноагентом, активной сторонницей которого является задержанная Д. Трепова⁶.

Таким образом, организаторы выстраивают стратегию террористической деятельности сообщества, осуществляют координацию деятельности структурных единиц (ячеек), определяют лидеров ячеек (организованных групп), проводят вербовку и вовлечение членов в их ряды для непосредственной реализации преступных намерений, обеспечивают устойчивые связи и взаимодействие между ними, регулируют финансовые потоки и распоряжаются имуществом, добытым преступным путём, а также выполняют иные управленческие функции, в том числе устанавливают и используют коррупционные связи в правоохранительных и судебных органах и в государственной структуре. Они, как правило, сами не участвуют в совершении отдельных видов преступлений, а создают для этого все необходимые условия. Организаторы и руководители осуществляют подготовку и планирование преступной деятельности либо совершение отдельных видов преступлений. Они изучают место, обстановку, способы и время совершения посягательства, определяют необходимое количество исполнителей и пособников, привлекаемых орудий и средств совершения преступления, инструктируют и обучают рядовых исполнителей, принимают конспиративные меры, изучают и реализуют способы уклонения от уголовной ответственности и наказания, сокрытия и распределения добытых преступным путём материальных и финансовых средств и т.д.

Как указывается в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, такое руководство может выражаться «в разработке общих планов деятельности террористического сообщества; в подготовке к совершению конкретных преступлений террористической направленности; в совершении иных действий, направленных на достижение целей, поставленных перед террористическим сообществом или входящими в его структуру подразделениями при их создании (например, распределении ролей между участниками сообщества, в организации материально-технического обеспечения, в разработке способов совершения преступлений, в принятии мер безопасности в отношении членов)»⁷.

Перечисленные деяния не являются исчерпывающими в реализации роли организатора сообщества. В качестве примера можно привести решение Московского городского суда в отношении И. И. Асташина, который создал террористическое сообщество под названием «Синдикат «Автономная боевая террористическая организация (АБТО)» в целях оказания воздействия на принятие решений органами государственной власти Российской Федерации об изменении

параметров внутренней политики в сфере миграции России в интересах русского народа. Сообщество было создано им путём подбора лиц с радикальными националистическими взглядами о превосходстве русского народа над другими нациями. Группа отличалась устойчивостью, сплочённостью участников. Асташин не только создал, но и организовал деятельность группы, давал поручения, контролировал их реализацию, следил за внутригрупповой дисциплиной и соблюдением конспирации, подбирал участников для планирования, подготовки и совершения конкретных преступлений террористической направленности. Данная группа характеризуется наличием структурированных элементов внутри группы, то есть данное террористическое сообщество можно признать и преступным сообществом в смысле статьи 210 УК РФ⁸.

Из числа лиц, привлечённых к уголовной ответственности за совершение исследуемого преступления, доля организаторов и руководителей преступного сообщества минимальна в связи с наличием проблем уголовно-правовой оценки их деятельности. Эффективность введённой в связи с этим новой нормы, устанавливающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии, на сегодняшний день тоже невысокая. Безнаказанность руководящего звена преступных структур, естественно, способствует воспроизводству терроризма.

В правоприменительной практике различаются лидеры преступных групп, действующие по политическим, религиозным, националистическим, корыстным и некоторым иным мотивам.

В ходе своих объёмных исследований А. С. Васнецова отмечает характерные для лидеров сообщества черты: «Организаторы и руководители ТОПФ относятся к последовательно-криминогенному подтипу личности, они способны при необходимости приспосабливать в своих интересах конкретную социальную среду, ситуация совершения преступления ими активно создается. Организаторы и руководители ТОПФ обладают ярко выраженной индивидуальностью, лидерскими способностями, большой предприимчивостью и инициативой»⁹.

Криминологическая характеристика рядовых участников террористической деятельности существенно отличается от характеристики личности организаторов и руководителей. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации участие в террористическом сообществе трактуется как «вхождение лица в террористическое сообщество с намерением непосредственно участвовать в осуществлении террористической деятельности либо в подготовке и совершении одного либо нескольких преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205.4 УК РФ, а также иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма, а также выполнения лицом иных функциональных обязан-

6 Террористический акт в отношении известного журналиста Владлена Татарского был спланирован спецслужбами Украины // Официальный сайт Национального антитеррористического комитета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nac.gov.ru/terrorizmu-net/terroristicheskiy-akt-v-otnoshenii-izvestnogo-zhurnalista.html> (дата обращения: 28.04.2023).

7 Постановление Пленума Верховного Суда от 9 февраля 2012 года № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Доступ из справочной правовой системы «Консультант плюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (дата обращения: 28.04.2023).

8 Решение Московского городского суда № 3 -67/2013: определение от 28.06.2013 по делу № 5-АПГ13-50 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/4d726d59-b511-407a-a2ed-632ad250df2d> (дата обращения: 28.04.2023).

9 Васнецова А. С. Криминологическая характеристика организаторов и участников организованных преступных формирований террористической направленности (первый этап криминологического исследования) // Полицейская деятельность. 2020. № 6. С. 37-63. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://e-notabene.ru/nb/article_34318.html (дата обращения: 28.04.2023).

ностей по обеспечению деятельности террористического сообщества»¹⁰.

Изученные материалы уголовных дел показывают, что в основном рядовые исполнители относятся к разным типам криминогенной личности, от последовательно-криминогенного типа до ситуативно-криминогенного либо ситуативного типа. Их личность формируется в неблагоприятной среде, которая приводит к деградации нравственных, психических и психологических свойств и ценностной ориентации. Для них характерна нацеленность на идейные и потребительские ценности, преданность лидерам, нередко до фанатизма («смертники», новообращённые в религии и т.д.), а также приверженность установившимся в их среде традициям и обычаям криминальной субкультуры.

В настоящее время в поведении террористов преобладают корыстные мотивы. По результатам многочисленных исследований разных учёных, всё чаще такие преступления совершаются для получения материальной выгоды, которая становится основным источником жизнеобеспечения, из чего можно сделать вывод о постепенном приобретении ими черт профессиональных преступников.

Среди рядовых участников сообщества встречаются не только граждане Российской Федерации, но также и иностранные граждане из ближнего и дальнего зарубежья, большинство из которых прибывали на территорию России по квоте трудовой миграции. Так, в качестве примера можно привести террористическое сообщество, созданное группой граждан из Таджикистана из семи человек, прибывших в Россию в качестве трудовых мигрантов. Ранее члены этой группы состояли в международной террористической организации «ИГИЛ». Они планировали, а в июле 2017 года совершили покушение на подрыв высокоскоростного поезда «Сапсан»¹¹.

Результаты исследования показывают, что по социальному положению эти лица обычно имеют материальный достаток ниже среднего, возраст - от 15 до 40 лет, очень редко старше 40 лет. Большинство из них получили среднее образование, как правило, не имеют постоянного места работы, женаты, имеют детей, абсолютное большинство из них несудимы. Как показывают результаты оперативно-розыскных мероприятий на стадии приготовления в группах встречаются и подростки. Среди организаторов ранее судимые лица встречаются очень редко. По месту жительства и работы одни из них характеризуются положительно, а другие - отрицательно, примерно, в равных соотношениях.

Как отмечает А. С. Васнецова, «соотношение не граждан и граждан Российской Федерации составляет по приговорам 14,8 %. Встречаются нетипичные факты участия в ТОПФ, когда в такую деятельность включаются социально успешные лица. Например, Т. Ж. А. (военнообязанный, врач-хирург, не судим)»¹².

10 Постановление Пленума Верховного Суда от 9 февраля 2012 года № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Доступ из справочной правовой системы «Консультант плюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (дата обращения: 28.04.2023).

11 МОВС осудил членов ячейки ИГИЛ за подготовку теракта с «Сапсаном» // РАПСИ (Российское агентство правовой и судебной информации). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rapsinews.ru/judicial_news/20190712/301610287.html (дата обращения: 28.04.2023).

12 Васнецова А.С. Криминологическая характеристика организаторов и участников организованных преступных формирований

Они подвержены влиянию со стороны лидеров и идеологов сообщества, многие из них придерживаются идеологии нетрадиционных религиозных течений, кроме того, занимаются распространением этой идеологии. Им, в основном, присущ низкий уровень правосознания, неразборчивость в происходящих внутри страны и на международном уровне событиях. По многим социальным и нравственным критериям такие лица отличаются социально запущенным поведением, им присущи устойчивые антиобщественные взгляды, агрессивность, нарциссизм, фанатизм идейных установок, нежелание прислушиваться и анализировать идейные позиции и мнения других и даже игнорирование таковых.

В настоящее время главная террористическая угроза обусловлена двумя основными факторами:

- попытками украинских спецслужб совместно со спецслужбами враждебно настроенных к России стран Запада и Восточной Европы при поддержке США организовать диверсионно-террористическую деятельность на территории Российской Федерации в целях её ослабления, с использованием в том числе внутренних иноагентов из числа физических и юридических лиц (к примеру, фонд Навального);

- стремлением лидеров МТО возобновить деятельность латентных законспирированных террористических ячеек на территории России в целях возобновления и активизации террористической деятельности в нашей стране, а также создания в этих же целях новых ячеек из числа прибывающих нелегально либо по каналам трудовой миграции участников МТО и приверженцев идеологии терроризма из числа стран с повышенной террористической активностью, в первую очередь Центрально-Азиатского региона. А также из числа граждан Украины и лиц без гражданства, прибывших на территории (или из территории) ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей.

Как отмечают учёные-криминологи, отсутствие единой методики выявления террористических детерминантов не позволяет органам власти осуществлять системное превентивное реагирование на отдельные террористические угрозы.

В современный период угрожающими факторами в данной сфере также являются:

- лица из группы риска: судимые за преступления террористической направленности и экстремистского характера, родственная база членов НВФ, МТО, приверженцы радикальной религиозной идеологии;

- вербовочная деятельность сторонников МТО, распространение радикальной религиозной идеологии среди населения, в том числе через сеть Интернет, в целях склонения граждан, в первую очередь молодежи и подростков, к участию в террористической и экстремистской деятельности;

- инициализация протестной активности со стороны отдельной категории граждан, в том числе координируемая со стороны Украины и других недружественных западных стран, направленная на дестабилизацию обстановки в Российской Федерации.

С учетом указанных факторов и в целях минимизации вреда от их последствий можно предложить следующие меры, направленные на обеспечение общественной безопасности, недопущение диверсионно-террористической деятельности

террористической направленности (первый этап криминологического исследования) // Полицейская деятельность. 2020. № 6. С. 37-63. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://enotabene.ru/nb/article_34318.html (дата обращения: 28.04.2023).

сти, усиление антитеррористической безопасности объектов жизнеобеспечения и стратегического назначения, в первую очередь топливно-энергетического комплекса и транспортной инфраструктуры [7], мест массового пребывания населения, укрепление государственной границы субъектов Центрального и Южного федеральных округов с Украиной, на территории которых периодически совершаются диверсионные и террористические акты:

– установление и привлечение к уголовной ответственности лиц, причастных к распространению экстремистской и террористической идеологии, вербовочной и пособнической деятельности;

– совершенствование форм и методов профилактической работы в сфере противодействия экстремистской и террористической идеологии;

– противодействие вовлечению молодежи и подростков в экстремистскую и террористическую деятельность, осуществление постоянного контроля за поведением лиц, судимых за террористические посягательства;

– недопущение проникновения на территорию России диверсантов и террористов, приверженцев идеологии терроризма из стран с террористической активностью по каналам трудовой миграции, регулярное проведение проверок мигрантов, прибывающих из таких стран, в целях выявления среди них лиц с террористическими намерениями;

– в целях выявления фактов осуществления пропаганды идеологии терроризма и экстремизма среди спецконтингента, активизировать в учреждениях уголовно-исполнительной системы контроль над осужденными, отбывающими наказание за совершение общеуголовных преступлений;

– проведение системной работы по пенитенциарной и постпенитенциарной ресоциализации, социальной реабилитации и адаптации лиц, ранее осужденных к лишению свободы за преступления террористической направленности либо к наказаниям или иным мерам уголовно-правового воздействия без изоляции от общества, в целях профилактики рецидива терроризма с их стороны;

– пресечение осуществляемой по поручению лидеров МТО пропагандистской деятельности в религиозных учебных заведениях, мечетях, молельных домах и комнатах со стороны adeptов радикальных религиозных течений, особенно тех, кто получил духовное образование за рубежом;

– установление оперативного контроля за юридическими и физическими лицами, признанными иноагентами, со стороны которых возможны действия, направленные против интересов Российской Федерации;

– перекрытие каналов ресурсной поддержки террористов со стороны физических и юридических лиц;

– осуществление постоянного мониторинга печатных, электронных средств массовой информации, аудио- и видеоматериалов, особенно сетевых ресурсов Интернета в целях выявления фактов размещения запрещенного контента, связанного с террористической и экстремистской деятельностью, а также направленных на дискредитацию деятельности органов государственной власти России, в том числе в связи с проводимой Вооруженными силами Российской Федерации специальной военной операцией на территории Украины;

– своевременное реагирование и пресечение несанкционированных протестных акций, направленных на дестабилизацию обстановки в Российской Федерации, её отдельных регионов и населённых пунктов.

Пристатейный библиографический список

1. Абдулатипов А. М., Урумов А. В. Особенности формирования «спящих ячеек» террористических структур (на примере Республики Дагестан). Евразийский юридический журнал. - 2022. - № 10. - С. 422-426.
2. Абдулатипов А. М. Уголовно-правовые проблемы организованной террористической деятельности // Юридический вестник ДГУ. - 2021. - № 4. - С. 101-107.
3. Бушмин С.И., Москалев Г. Л. Комментарий к уголовному законодательству о противодействии террористической и экстремистской деятельности: монография. - Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. - 172 с.
4. Данные из статистических таблиц ИЦ МВД по Республике Дагестан.
5. Меркурьев В. В., Соколов Д. А., Васнецова А. С. и др. Криминологическое исследование личности участника террористической деятельности / Под общ. ред. В. В. Меркурьева. - М.: Проспект, 2022. - 368 с.
6. Уголовное дело № 49012 от 24.02.2014 // Архив Верховного суда Республики Дагестан.
7. Урумов А. В. Особенности подготовки сотрудников территориальных органов МВД России к применению рентгенотелевизионных систем, предназначенных для выявления фактов сокрытия взрывчатых веществ и взрывных устройств, оружия, боеприпасов и других опасных предметов и веществ // Пробелы в российском законодательстве. - 2022. - № 5. - С. 18-26.

КАРАВАЕВ Александр Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел Воронежского института МВД России, подполковник полиции

ВАЛИЕВА Альбина Рифовна

кандидат политических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента Башкирского государственного аграрного университета

КОВАЛЁВ Тимур Витальевич

преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России, старший лейтенант полиции

ПРОФАЙЛИНГ: ЗНАЧЕНИЕ В РАССЛЕДОВАНИИ СЕРИЙНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В настоящей статье описывается метод профайлинга, как новый способ выявления психологических характеристик преступников и составления преступного профиля для расследования серийных преступлений. В статье подробно анализируются факторы, которые учитываются при формировании психологического портрета преступника, а также описывается процесс составления преступного профиля. Авторы отмечают, что профайлинг может быть эффективным инструментом в расследовании серийных преступлений, однако он имеет свои ограничения и недостатки, которые также должны быть учтены. Общая цель статьи - продемонстрировать важность профайлинга и его потенциал в борьбе с серийными преступлениями.

Ключевые слова: профайлинг, серийные преступления, психологический портрет, преступный профиль, личность преступника.

KARAVAEV Alexander Alexandrovich

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative activity of internal affairs sub-faculty of the Voronezh Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

VALIEVA Albina Rifovna

Ph.D. in political sciences, associate professor of Economics and management sub-faculty of the Bashkir State Agrarian University

KOVALEV Timur Vitaljevich

lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia, senior lieutenant of police

PROFILING: SOME ASPECTS OF THE INVESTIGATION OF SERIAL CRIMES

This article describes the profiling method as a new way to identify the psychological characteristics of criminals and compile a criminal profile for the investigation of serial crimes. The article analyzes in detail the factors that are taken into account when forming a psychological portrait of a criminal, and also describes the process of compiling a criminal profile. The authors note that profiling can be an effective tool in the investigation of serial crimes, but it has its limitations and disadvantages, which should also be taken into account. The general purpose of the article is to demonstrate the importance of profiling and its potential in the fight against serial crimes.

Keywords: profiling, serial crimes, psychological profile, criminal profile, criminal identity.

Профайлинг (англ. profiling) - процесс анализа и изучения поведения, характеристик и качеств пользователя или группы пользователей.

В контексте социальной психологии профайлинг может использоваться для определения личности, мотивов и других важных аспектов поведения человека.

Большой вклад в развитие идей криминалистического профиля внес Чезаре Ломброзо, который выделил 18 критериев, которым должны соответствовать преступники [1].

Весомым в развитие этого вопроса был также и вклад германского криминолога доктора Эриха Ваффена (Erich Wuffen), который в своей работе «Женщина как сексуальный убийца» по сути описал социальные, поведенческие, а также биологические основы совершения убийств женщинами и вывел соответствующие профили женщин-убийц [2].

Среди отечественных авторов научный интерес к особенностям составления профиля преступника, проявили такие исследователи, как: Абрамовский А. А., Сафуанов Ф. С., Назарова Е. А., Волчецкая Т. С. и др.

В практике деятельности правоохранительных органов всего мира метод профайлинга имеет место быть, а именно в процессе раскрытия и расследования тяжких и особо тяжких преступлений [3].

Изначально термином криминологический «профайлинг» обозначали составление психологического портрета

(профиля) преступника по следам на месте преступления (профилирование личности). Сегодня как равнозначные используются следующие понятия профайлинг правонарушителей, профайлинг личности преступника, криминологический профайлинг или анализ криминального расследования [4].

Главная цель профайлинга – составление преступного профиля, который основывается на психологическом портрете преступника. С помощью профайлинга следователи могут определить характеристики личности преступника, его мотивы и метод преступления.

Формирование психологического портрета преступника основывается на анализе различных факторов, связанных с жизнью и поведением подозреваемых или обвиняемых лиц. Перечислим некоторые особенности формирования психологического портрета преступника:

1. Формирование психологического портрета преступника начинается со сбора информации из различных источников: открытых источников (например, социальные сети, интернет-форумы), закрытых источников (например, материалы следствия, медицинские записи) и личных наблюдений.

2. Для формирования психологического портрета преступника необходимо изучить его поведение и социальную активность. Это может включать анализ жизненных обстоя-

тельств, а также деятельности преступника в прошлом и настоящем.

3. Проведение оценки психического состояния: эксперты могут проводить оценку психического состояния преступника по различным признакам, таким как эмоциональная реакция, социальная адаптированность, уровень интеллекта и т.д.

4. После сбора всех данных и их анализа эксперты составляют характеристику личности преступника. Эта характеристика может включать описание его поведения, уровня интеллекта, личностных черт и т.д.

5. В некоторых случаях эксперты могут сравнить психологический портрет преступника с портретами других преступников для выявления общих особенностей и паттернов.

В целом, формирование психологического портрета преступника является сложным и многоэтапным процессом, требующим сбора и анализа большого количества информации. Однако, это может помочь правоохранительным органам выявить подозреваемых лиц и предотвратить преступления в будущем.

Профайл при этом составляется на основании анализа следующих факторов:

- характеристики жертвы;
- сценарий преступления;
- следы на месте преступления;
- демографические данные преступника;
- психологические характеристики преступника.

Профайлинг включает в себя также анализ сценария преступления. Эта часть профайлинга может помочь следователям в определении характеристик преступника, таких как его метод или мотив. Например, если преступник оставил следы на месте преступления, то следователи могут использовать эту информацию для выявления типа преступника.

Один из самых важных элементов профайлинга — это составление преступного профиля. Профиль может включать в себя такие характеристики, как пол, возраст, образование и т.д. Эти данные могут помочь следователям в выявлении подозреваемых лиц. Кроме того, профиль может включать также описание преступника, его психологических особенностей и мотивов.

Профайлинг стал широко применяться в России только сравнительно недавно, однако уже есть несколько примеров успешного использования этого метода в расследовании резонансных дел.

Один из таких примеров - расследование дела о серийном убийце в городе Новочеркасск в 2016 году. Серийный убийца действовал на территории Южного федерального округа и совершил более 20 убийств. В процессе расследования к делу был привлечен психолог и профайлер М. А. Блюм, которая составила преступный профиль преступника. Благодаря ее работе, были выявлены основные характеристики преступника – мужчина, возрастом от 25 до 40 лет, среднего или низкого роста, склонный к агрессивности и насилию. Эта информация помогла следственным органам сузить круг подозреваемых и задержать преступника.

Еще один пример успешного использования профайлинга – дело о серийных убийствах в Подмосковье. С 2011 по 2012 год в Подмосковье было совершено несколько серийных убийств молодых женщин. В результате расследования к делу был привлечен известный психолог и профайлер А. Шарогоров, который составил преступный профиль преступника. Он предположил, что преступник мог быть женат, иметь детей, испытывать чувство подавленности и неудовлетворенности в личной жизни. Благодаря этим данным, следственным органам удалось задержать подозреваемого, который в конечном итоге признался в совершении убийств.

Несмотря на множество положительных характеристик, профайлинг также имеет свои ограничения и недостатки. В частности, существует риск создания стереотипов, что может привести к ошибочным выводам и затруднить расследование преступлений. Кроме того, профайлинг не всегда может быть эффективным в случае, если преступник не имеет характерных черт или психологических особенностей.

Перспективы использования профайлинга при расследовании преступлений очень высоки. Этот метод является эффективным инструментом, который может помочь следователям в выявлении подозреваемых лиц и определении мотивов преступления. Профайлинг также может быть полезен для предотвращения повторных преступлений.

Существуют различные направления и перспективы использования профайлинга в борьбе с преступностью. Одним из наиболее перспективных направлений является применение профайлинга в качестве инструмента для борьбы с терроризмом. В этом случае профайлинг может помочь правоохранительным органам в выявлении потенциальных террористов, идентификации их мотивов и разработке соответствующих мер по предотвращению террористических актов.

Другим направлением является применение профайлинга в области кибербезопасности. В условиях быстрого развития информационных технологий киберпреступления становятся все более распространенными и опасными. Профайлинг может помочь в выявлении хакеров и киберпреступников, а также определении мотивов и методов их действий.

Таким образом, профайлинг является эффективным методом расследования преступлений, который позволяет выявить психологические характеристики злоумышленника и составить его преступный профиль. Благодаря чему правоохранительные органы могут сузить круг подозреваемых, ускорить процесс расследования и предотвратить повторение преступлений.

В ходе статьи были рассмотрены примеры из отечественной и зарубежной практики, где использовался профайлинг для раскрытия серьезных и сложных преступлений. Кроме того, мы обсудили инструменты и методы, которые используют профайлеры в своей работе, а также перспективы применения профайлинга в борьбе с преступностью.

Необходимо отметить, что профайлинг может вызывать определенные проблемы и ограничения в силу возможных нарушений конфиденциальности данных. Однако, при правильном использовании, он может стать эффективным инструментом в борьбе с преступностью и помочь правоохранительным органам в выявлении потенциальных подозреваемых и предотвращении преступлений.

Пристатейный библиографический список

1. Волчецкая Т. С., Абрамовский А. А. Криминалистический профайлинг в России и за рубежом // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. - 2018. - № 4-2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskiy-profayling-v-rossii-i-za-rubezhom> (дата обращения: 17.05.2023).
2. Turvey Brent E. Criminal profiling. An introduction to behavioral evidence analysis. - Academic Press, 2011. - 728 p.
3. Брюхнов А. А., Ковальчук В. А. Профайлинг как метод определения психолого-криминалистического портрета // Уголовно-исполнительное право. - 2022. - № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/profayling-kak-metod-opredeleniya-psihologo-kriminalisticheskogo-portreta> (дата обращения: 17.05.2023).
4. Дзиковская С. Г. Криминалистический профайлинг: понятие и виды // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. - 2015. - № 4-4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskii-profayling-ponyatie-i-vidy> (дата обращения: 17.05.2023).

КИЯШКО Кристина Сергеевна

адъюнкт Факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии права и управления
ФСИН России

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННОГО – ЧЛЕНА ЭКСТРЕМИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ «А.У.Е.»

В настоящем исследовании анализируется специфика криминологической характеристики лиц, совершающих преступления экстремистской направленности. В частности, осужденных, причастных к экстремистским организациям «А.У.Е.». Исследованы их социально-ролевые, социально-демографические и нравственно-психологические свойства личности. В криминологической литературе на сегодняшний день отсутствует теоретическое описание изучаемых в настоящем исследовании особенностей личности преступников – членов экстремистской организации «А.У.Е.», что обуславливает актуальность проведенного исследования.

Целью работы служит объективная необходимость изучения, анализа и систематизации особенностей личностных характеристик осужденных-членов МОД «А.У.Е.» в криминологическом аспекте для повышения эффективности раскрываемости совершаемых ими преступлений сотрудниками правоохранительных органов.

В настоящем исследовании предлагаются пути совершенствования предупреждения совершения преступлений участниками экстремистской организации «А.У.Е.» с учетом особенностей личности рассматриваемых преступников.

Ключевые слова: экстремизм, личность, преступник-экстремист, типология, экстремистская организация «А.У.Е.»

KIYASHKO Kristina Sergeevna

adjunct of the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel of the Academy of the FPS of Russia

FEATURES OF CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY OF A CONVICTED MEMBER OF THE EXTREMIST MOVEMENT “A.U.E.”

This study analyzes the specifics of the criminological characteristics of persons committing extremist crimes. In particular, convicts involved in extremist organizations “A.U.E.”. Their socio-role, socio-demographic and moral-psychological properties of personality are investigated. To date, there is no theoretical description in the criminological literature of the personality characteristics of criminals studied in this study – members of the extremist organization “A.U.E.”, which determines the relevance of the study.

The objective of the work is the objective need to study, analyze and systematize the features of the personal characteristics of convicted members of the MOD “A.U.E.” in the criminological aspect to improve the efficiency of detection of crimes committed by law enforcement officers.

This study suggests ways to improve the prevention of crimes committed by members of the extremist organization “A.U.E.”, taking into account the personality characteristics of the criminals in question.

Keywords: extremism, personality, extremist criminal, typology, extremist organization “A.U.E.”.

Кияшко К. С.

Современная криминогенная обстановка в России свидетельствует о повышении уровня совершения преступлений экстремистской направленности. Ввиду чего, необходимо изучить статистические данные, позволяющие проанализировать динамику данных преступлений за последние пять лет. (2017-2021 гг.)

Согласно статистическим сводным данным Генпрокуратуры Российской Федерации за 2017 год было зарегистрировано 1398 преступлений экстремистской направленности. В 2018 году по официальным данным в России зарегистрировано 1265 преступлений экстремистской направленности, что в процентном соотношении (на 16,8 %) меньше по сравнению с предыдущим годом. Такой регресс связан с общим повышением уровня межведомственного взаимодействия оперативных и следственных подразделений правоохранительных органов. Положительная тенденция к снижению преступлений экстремистской направленности прослеживается и в 2019 году – 585 преступлений. Наблюдается общее снижение совершения анализируемых преступлений на 53,8 % (с 1 265 до 585). Однако 2020 год ознаменован тенденцией высокой динамики совершения преступлений экстремистской направленности. По отчетным данным Генпрокуратуры РФ за 2020 год зарегистрировано 833 преступления, что на 42 % больше, по сравнению с 2019 годом. В 2021 году также наблюдается

рост числа случаев экстремизма в России. Так, с января по сентябрь количество преступлений увеличилось более чем на 30 % по сравнению с аналогичным периодом в прошлом году. Всего за год зарегистрировано 1057 преступлений [1]. Данный показатель позволяет выявить прирост в 26,9 %, по сравнению с прошлым годом.

Эффективность предупреждения совершения преступлений экстремистской направленности во многом зависит от объективной криминологической характеристики.

В настоящем исследовании представляется актуальным рассмотреть личность преступника как один из наиболее важных элементов криминологической характеристики данного вида преступлений.

В научной литературе проблематика типологии и классификации личности преступника занимает особое место, так как отсутствует единообразный подход в данном направлении.

Типология, в свою очередь, является методом научного познания, в основе которого лежит расчленение систем объектов и их группировка с помощью обобщенной, идеализированной модели или типа [2, с. 12].

Типологии и классификации личности преступников разрабатывали такие отечественные криминологи и психологи, как С. В. Познышев, А. Б. Сахаров, А. Г. Ковалев, А. И.

Долгова, А. Ф. Лазурский, В. Д. Филимонов, П. С. Дагель, Ю. А. Воронин, К. Е. Игошев, Г. М. Миньковский, К. К. Платонов, А. Р. Ратинов, А. Д. Глоточкин, Г. Г. Бочкарева, В. Г. Деев, А. И. Ушатиков, Ю. М. Антонян, В. Н. Кудрявцев и др.

В 1926 году впервые С. В. Познышевым [3, с. 138] была предложена отечественная психологическая классификация личности преступника. В ее основу была положена зависимость поведения преступника от эмоциональности и рассудочности в мотивации совершенных им преступлений.

К. К. Платонов выделял такой критерий типологии личности преступника как противоправная деятельность и потенциальное намерение к совершению преступления. По его мнению, преступники по типам личности подразделяются на: самых отягощенных; способных совершить противоправное деяние лишь под воздействием внешних факторов; ситуативный тип; с повышенным уровнем правосознания, однако пассивным отношением к нарушителям правовых норм; с высоким уровнем правосознания, активным противодействием нарушению правовых норм другими [4, с. 22].

Так, в теории существует дифференцированное множество подобных классификаций, каждая из которых, в свою очередь имеет место быть.

В настоящем исследовании объектом изучения является личность осужденного - члена экстремистской организации «А.У.Е.». Решением Верховного суда Российской Федерации от 17.08.2020 общественное движение «Арестантское уголовное единство» признано экстремистским и его деятельность на территории России запрещена [5, с. 215].

Нужно сказать, что одним из важнейших элементов криминологической характеристики преступлений экстремистской направленности является личность преступника экстремиста. Несмотря на то, что многие авторы (Антонян Ю. М., Гришко А. Я., Лепёшин Д. А., Еремин Д. М., Петрянин А. В.) в своих трудах рассматривали непосредственно личность экстремистов, остаются не изученными аспекты узко-профиля личности преступника - члена экстремистского движения «А.У.Е.».

Проанализировав практические материалы, мы пришли к выводу о том, что такая характеристика качественно отличается от типичной характеристики личности экстремиста-террориста, имеет свои специфические особенности.

Так, изучение структуры личности преступника – члена МОД «А.У.Е.» позволяет выявлять типовые особенности субъектов и ситуаций совершения преступлений, которые имеют огромное значение для эффективной организации предупредительной работы изучаемого вида преступности.

Несмотря на то, что, на сегодняшний день судебная практика по уголовным делам не так обширна для анализа личности субъектов совершенных преступлений, можно выявить специфические особенности таковых. В настоящем исследовании автор использовал метод опроса осужденных, причастных к МОД «А.У.Е.». Так, выборка составила 20 человек из трех исправительных колоний Ставропольского края. Результаты проведенного исследования, послужили основой для построения структурных элементов потенциальной личности преступника-члена МОД «А.У.Е.».

Одним из важнейших элементов криминологической характеристики личности исследуемых преступников является социально-демографическая характеристика.

Гендерной особенностью преступников являются то, что все члены – участники экстремистского движения – мужчины. Возраст варьируется от 18 до 65 лет. Такой разброс в возрастном диапазоне затрудняет составление типичного образа преступника, что в свою очередь отражается на сложности разработки частно-превентивных мер.

Наиболее значимым компонентом в изучении личности преступника-члена МОД «А.У.Е.», на наш взгляд, является социально-ролевая характеристика. Изучение и анализ таковой позволяют определить социальную роль преступника в конкретной сформировавшейся ячейке и ее функционал, что имеет важное значение для уголовно-правовой характеристики преступлений, совершенных экстремистской организацией.

Объективно отмечают наличие единой групповой цели как признак группового преступления Л. М. Прокументов, А. В. Шеслер [6, с. 93]. Действительно, преступление признается совершенной группой лиц, лишь при наличии причинной связи между изначально возникшей общей целью и наступившим результатом. Уголовно-наказуемые преступления,

совершаемые лицами – участниками МОД «А.У.Е.» в основном совершаются группой таких лиц. Введу чего, при вынесении справедливого наказания судом очень важно определить функционально-ролевой статус каждого лица, ведь от этого зависит степень тяжести назначаемого наказания.

В ходе проведенного исследования установлено, что около 60 % экстремистов ранее не имели судимости и не привлекались к уголовной ответственности. Данный факт позволяет сделать вывод о том, что такие лица мало знакомы с методами расследования, чаще всего сразу признают свою причастность к криминальной субкультуре.

На основании вышеказанного следует согласиться с мнением Ю. М. Антоняна: «совершение преступления выступает в качестве способа утверждения и самоутверждения, обеспечения целостности личности, следовательно, имеет бытийное значение, хотя в реальности обычно не оценивается так ни самим индивидом, ни окружающими» [8, с. 210]. Действительно, сами преступники не признают того факта, что совершили преступление именно с такой целью, чаще всего гиперболизируют значимость и необходимость содеянного.

В заключении нужно сказать, что личность преступника-члена экстремистской организации «А.У.Е.» – это комплекс особенностей уголовно-правовой, нравственно-психологической, социально-демографической, нравственно-психологической и социально-ролевой криминологической характеристики, свойства которых являются причинами и условиями совершения преступлений экстремистской направленности.

Комплексное изучение социальных связей – это процесс изучения его «среды обитания», т.е. взаимодействие субъекта и микрообщества, влияние этих связей на преступное поведение.

Таким образом, очевидным становится то, что теоретическое описание личности преступника – члена экстремистской организации «А.У.Е.» необходимо практическим сотрудникам для своевременного выявления таких лиц с целью профилактики совершения экстремистских преступлений. Однако в научной литературе отсутствует полное либо частичное описание рассматриваемых нами преступников.

Из вышеизложенного следует, что на сегодняшний день сложно объективно рассматривать социально-функциональные роли участников экстремистской организации «А.У.Е.», существует проблема в доказывании той или иной роли. Так, подробное теоретическое описание личности преступников-членов «А.У.Е.» в научной литературе, по нашему мнению будет способствовать эффективному выявлению и привлечению к ответственности виновных.

Пристатейный библиографический список

1. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ep.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics> (дата обращения: 01.02.2023).
2. Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Личность преступника. – СПб., 2004. – 366 с.
3. Познышев С. В. Криминальная психология. Преступные типы. – Ленинград: Государственное издательство, 1926. – 270 с.
4. Сергеева А. В. Особенности досудебного производства по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – 30 с.
5. Кияшко К. С. Экстремистское движение «А.У.Е.»: уголовно-правовой аспект // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 11 (203). – 652 с.
6. Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Уголовно-правовые средства противодействия групповой преступности // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2022. – № 43. – С. 86-96. doi: 10.17223/22253513/43/7.
7. Борисов С. С. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2012. – 435 с.
8. Антонян Ю. М. и др. Некоторые отличительные психологические особенности личности неосторожных преступников // Личность преступников и индивидуальное воздействие на них. – М., 1989. – 388 с.

СЕЛИВЕРСТОВА Мария Геннадьевна

аспирант кафедры уголовного права и криминологии Северо-Кавказского федерального университета, адвокат Ставропольской краевой коллегии адвокатов

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ РИСКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА ИЛИ ДИСКРЕДИТАЦИЯ ПРАВ АДВОКАТОВ КАК КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В данной статье приводятся примеры нарушений профессиональных прав адвокатов должностными лицами, выступающие самостоятельным детерминантом в формировании криминологического риска совершенных преступлений. Отмечается необходимость принятия мер для устранения указанных дестабилизирующих факторов в ходе исполнения адвокатом своих обязанностей в целях защиты прав последнего, а также интересов его доверителей.

Ключевые слова: профессиональные риски адвокатской деятельности, адвокатура, криминологические риски, защитник.

SELIVERSTOVA Mariya Gennadjevna

postgraduate student of Criminal law and criminology sub-faculty of the North Caucasus Federal University, lawyer of the Stavropol Regional Bar Association

THE PROFESSIONAL RISKS OF THE LAWYER'S ACTIVITY OR THE DISCREDITING OF THE RIGHTS OF LAWYERS AS A CRIMINOLOGICAL FACTOR IN THE COMMISSION OF CRIMES

This article provides examples of violations of the professional rights of lawyers by officials who act as an independent determinant in the formation of the criminological factor of crimes. It is noted that it is necessary to take measures to eliminate these destabilizing factors in the course of the lawyer's performance of his duties in order to protect the rights of the latter, as well as the interests of his principals.

Keywords: Professional risks of advocacy, advocacy, criminological risks, attorney.

О. Ренна, определял риск как возможность того, что человеческие действия или результаты его деятельности приведут к последствиям, которые воздействуют на человеческие ценности [1, с. 82].

Для добросовестного адвоката такой ценностью является его репутация, формирующаяся порой годами, в течение которых он оттачивал свои профессиональные навыки и успешно их реализовывал на практике.

Кроме того, для каждого адвоката важен не только его профессиональный рост, но и престиж всего адвокатского сообщества.

Исходя из изложенного можно говорить, что риски в адвокатской деятельности могут быть определены через возможность несения негативных последствий интересам самого адвоката в ходе исполнения им своих профессиональных обязанностей, его доверителя, а также причинения вреда адвокатуре путем подрыва ее авторитета в глазах общества и государства.

Одним из главных детерминантов, лежащих в основе риска в адвокатской деятельности, это не выполнение адвокатом методических регламентацией, и действие без учета имеющихся разъяснений органов адвокатского сообщества, что нередко приводит не только к возбуждению дисциплинарных производств, но и к незаконному возбуждению уголовных дел в отношении профессиональных советников. Однако, очевидно, что множественность заранее не предвиденных обстоятельств указывает на то, что фактически невозможно закрепить ни в минимальных стандартах, ни в разъяснениях последовательность действий, а потому считаю, что на уровне высших органов адвокатского сообщества изначально должно актуализироваться начало не только защиты прав доверителей, но в качестве приоритета защита каждого адвоката, в целях обеспечения принципов адвокатской деятельности, в том числе корпоративного единства и целостности.

«Каждый труд должен быть оплачен»

Еще одной ценностью для адвоката является выплата ему заслуженного вознаграждения, что в условиях работы по назначению в настоящее время часто нарушается. Так, необоснованным на мой взгляд является сложившаяся практика судов в части установления минимального количества томов в день для ознакомления адвокатами с материалами дела, а особенно данный факт демонстрируется в ситуации,

где поджимают сроки, и требования состава суда возрастают до немыслимых объемов по многоэпизодным и многосубъектным уголовным делам. Иногда адвокатам приходится знакомиться более 35 томов в день. В том случае если адвокат не успевает ознакомиться в установленный судом срок, в судебном заседании нередко звучат дискредитирующие фразы в адрес адвоката, что последний не выполняет свои обязанности должным образом и все это происходит в присутствии подзащитных.

Указанные действия приводят к нарушению конституционного права адвоката на оплату его труда.

Подобная практика не только нарушает профессиональные права адвокатов, но и создает криминогенный риск в рамках расследования и рассмотрения уголовных дел, приводит к некачественному исполнению адвокатами своих обязанностей, к осуществлению последним пассивной защите, в следствие чего допускается и грубое нарушение закона недобросовестными следователями, которые понимают, что действия адвоката не носят активный защитительный характер, и спокойно могут нарушать процессуальный порядок производства, вплоть до фальсификации доказательств. В том числе, собиравшие подписей участников свидетелей, понятых, потерпевших, обвиняемых и их адвокатов по окончании расследования, проставление даты и времени проведения следственного действия в протоколах «задними числами».

Кроме того, зная, что не весь труд адвоката будет по достоинству оплачен, недобросовестные адвокаты прибегают к формальному заключению соглашения и получают «двойной гонорар» как из бюджетных средств, работая по назначению, так и из средств подзащитного. Таким образом, доверителю требуется не только защита в ходе предъявляемого ему обвинения, но и от неблагоприятных действий предоставленного ему государством адвоката, который в лучшем случае может обойтись формальным присутствием в деле, а в худшем осуществить в отношении доверителя действия, нарушающие законодательство РФ.

Отмечается в практике и гонение адвокатов через возбуждение в отношении их уголовных дел в связи со значительными суммами гонораров. Данное обстоятельство считаю не только вмешательством в адвокатскую деятельность, но и своего рода воспрепятствование ей, потому, как только адвокат может определить стоимость своей работы в зависи-

мости от сложности дела, от средств необходимой защиты и т.д.

Обесценивание статуса российского адвоката, происходит путем удешевления его труда, руками правоохранительных органов и судей. Так, помимо отказов в выплате труда адвоката привлеченного по постановлению уполномоченного должностного лица, судьи повсеместно снижают размер денежных выплат подлежащих взысканию с проигравшей стороны. Данное обстоятельство, так же дискредитирует адвоката в глазах его доверителя, который заплатил адвокату больше, чем было получено по итогу рассмотрения дела, с учетом достижения положительного результата.

«На войне все средства хороши»

Дискредитация адвоката как профессионального советника в глазах его доверителя еще одна порочная практика созданная и активно применяющаяся в отношении неугодных адвокатов следователями, судьями.

Ни раз уже в повестке дня в профессиональной среде адвокатов звучала проблема сомнительного отказа от защитника в ходе предварительного следствия. Можно констатировать, что иной раз такие отказы принимаются следователями и удовлетворяются, когда приходит принципиальный адвокат и выстраивается позиция защиты, не отвечающая интересам следствия.

Устранение неугодного адвоката, в ходе судебного разбирательства, применяется путем третирования судом действий адвоката, в целях его дискредитации, формирования утраты доверия, создания ощущения у клиента в непрофессионализме и некомпетентности выбранного им адвоката.

Так, встречаются случаи, когда судьи указывают, что должен был сделать адвокат и чего, по их мнению, он не сделал, или открыто высказывают о неподготовленности адвоката к процессу в ситуации не отвечающей действительности.

Замена адвоката зачастую происходит ввиду отсутствия адвоката в судебном заседании, в связи с несвоевременным его уведомлением о дате и времени заседания или в вообще с отсутствием такого извещения.

Эскалация конфликта между профессиональными участниками судопроизводства происходит ввиду нежелания учитывать график адвоката, наличие у него других судебных заседаний, следственных действий. А ведь именно работа адвоката по своему объему объединяет в себе деятельность и следователя (участие в следственных действиях, в том числе с выездом на место происшествия, посещение следственных изоляторов, и т.д.) и судей (оценка доводов изложенных в судебном акте и составление апелляционных жалоб или возражений, посещение психиатрических больниц при разрешении вопроса о принудительной госпитализации, участие в судебном заседании и фиксация содержания процесса, ознакомление с протоколом судебного заседания, составление замечаний, и т.п.).

«И снова частник»

Судьи так же открыто не считают с правом адвоката на отпуск. К сожалению, в настоящее время адвокат сталкивается в своей профессиональной деятельности с ситуацией, когда, чтобы уехать в отпуск на две недели необходимо либо закрыть глаза на угрозу вынесения частного постановления в связи с неявкой в судебное заседание или каждый раз подстраиваться под сроки делопроизводства по делу у каждого судьи и фактически посчитаться своим конституционным правом.

В ситуации участия адвоката по назначению, в ряде случаев реализованное желание последнего уехать в отпуск, заканчивается заменой его на другого защитника.

Не считаются судьи и с человеческими факторами адвоката, и с его рабочим и личным временем. В ожидании начала судебного заседания можно провести в коридоре суда более трех часов. И несмотря на имеющиеся рекомендации действий адвоката, амбивалентное указание на то, что адвокат может покинуть здание суда при учете осуществления всех необходимых действий, включающие подачу ходатайства, и при наличии иных следственных действий или судебных заседаний, не гарантирует защиту адвоката от «убийства» его

собственного времени, потери дохода, или получения частного постановления.

«Клиент твой - враг твой»

В сфере оказания услуг существует поговорка: Клиент мой-враг мой». Кодексом профессиональной этики адвоката предусматривается, что основным критерием взаимодействия доверителя и адвоката является наличие доверия, формирующее через добросовестные, порядочные действия адвоката профессионального советника¹. Однако не во всех случаях причиной разногласий и как следствие расторжений соглашений является нарушения со стороны защитника¹.

На сегодняшний день остается тревожным вопрос для адвоката, что делать если сам доверитель начинает вести себя неблагоприятно, допускает оскорбительные и унижительные выражения в адрес адвоката, оказывает на последнего давление. При этом доверитель не уклоняется от выполнения условий соглашений на оказание юридической помощи и договорные обязательства с его стороны выполняются, а потому расторгнуть соглашение и прекратить взаимоотношения адвокату в данной ситуации достаточно проблематично.

В ежедневной работе адвокат сталкивается с нарушением его профессиональных и личных прав. При этом, отстаивая законные интересы своих доверителей, адвокат борется с несправедливостью, не только затрагивающей граждан, но и самих профессиональных советников. Следует понимать, что у каждого индивида есть свой физиологический и психологический ресурс.

Допуская в отношении адвокатов нарушения их профессиональных прав со стороны должностных лиц, сознательно игнорируя или молчаливо легализуя подобную порочную практику, повышается криминогенный порог, где формируется почва для совершения преступлений как должностными лицами, так и адвокатами, так как преступление это смесь самых разных действий, у которых есть разные причины [3, с. 44].

Считаю необходимым, больше внимание уделить к выработке превентивных методик для защиты профессиональных прав адвокатов, тем самым обеспечить, не только гарантии его независимой деятельности от уже «обыденной» незаконности и пренебрежения со стороны сотрудников правоохранительных органов и судов, но и поддержания авторитета адвокатуры, как института гражданского общества.

Пристатейный библиографический список

1. Ренн О. Три десятилетия исследования риска // Вопросы анализа риска. - 1999. - Т. 1. № 1. - С. 80-99.
2. Кодекс профессиональной этики адвоката: принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44841/ (дата обращения: 23.04.2023).
3. Кантер Д. Криминальная психология / Пер. с англ. Тапабанова Е. М. - Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2021. - С. 44.

¹ Кодекс профессиональной этики адвоката: принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44841/ (дата обращения: 23.04.2023).

ИДИЛОВ Аюб Ибрагимович

аспирант кафедры судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности Российского университета дружбы народов

ПОНЯТИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРАВОВОМ КОНТЕКСТЕ

В статье рассмотрен всесторонний анализ существующих концепций искусственного интеллекта в правовом аспекте и для дальнейшего регулирования инноваций в этой сфере. Цель состоит в том, чтобы выявить общие понятия или расхождения, которые следует учитывать при правовых оценках систем искусственного интеллекта и возникающих проблем в его применении и разработке. Предлагаются некоторые адаптации существующих представлений о характеристиках искусственного интеллекта, оценка выгод и рисков при соблюдении нормативных требований.

Ключевые слова: искусственный интеллект, право, судебная система, зарубежное законодательство

IDILOV Ayub Ibragimovich

postgraduate student of Judicial power, civil society and law enforcement sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia

THE CONCEPT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN A LEGAL CONTEXT

The article considers a comprehensive analysis of the concepts of artificial intelligence in the legal aspect and for regulating the spread of innovations in this area. The goal is to identify common concepts or discrepancies that should be taken into account when evaluating artificial intelligence legal systems and identifying problems in its application and development. Some chronic manifestations of the signs of artificial intelligence are proposed, as well as an assessment of the benefits and risks in the detection of normative diseases.

Keywords: artificial intelligence, law, judicial system, foreign legislation.

Введение

В недалеком прошлом многие были убеждены, что искусственный интеллект существенно не влияет на юридическую практику, но сейчас, когда мы переживаем очередную технологическую революцию, ученые всего мира обратили свое внимание на техническое усовершенствование [1, с.20]. Считалось, что юридическая профессия по самой своей природе требует специальных навыков и тонкого суждения, которые могут предоставить только люди, и поэтому они будут невосприимчивы к разрушительным изменениям, вызванным цифровой трансформацией. Тем не менее, применение технологии машинного обучения в юридическом секторе в настоящее время становится все более распространенным, особенно в качестве инструмента, позволяющего сэкономить время юристов и предоставить более подробный анализ постоянно увеличивающихся наборов данных, чтобы помочь в принятии юридических решений в судебных системах по всему миру.

Само понятие искусственного интеллекта было предложено еще в 1950-х годах и благодаря работам математика Алана Тьюринга [18], прославившегося после того, как он помог взломать немецкий код *Enigma* во время Второй мировой войны [12]. В мире не было никого, кто был бы лучше подготовлен для изучения этой сферы. Его статья «Вычислительная техника» и интеллект до сих пор является одной из наиболее часто цитируемых в этой области. Он намеревался воспроизвести человеческий интеллект с помощью автоматизированных технологических процессов и прилагаемых методов тестирования [14]. В 1968 году Марвин Мински, один из основателей искусственного интеллекта сказал: искусственный интеллект — это «наука о том, как заставить машины работать» [3]. А ученый-компьютерщик Джон Маккарти разработал важные инструменты программирования (например, *LISP*) и в настоящее время

считается отцом современного искусственного интеллекта [10]. Согласно современному словарю *Merriam-Webster*, искусственный интеллект — это двойное понятие, охватывающее, во-первых, «ветвь информатики, занимающуюся моделированием разумного поведения в компьютерах», а во-вторых, «способность машины имитировать разумное поведение человека». По мнению европейских экспертов, определение искусственного интеллекта состоит в следующем: «системы, которые демонстрируют разумное поведение, анализируя свое окружение и предпринимая действия — с некоторой степенью автономии искусственного интеллекта — для достижения конкретных целей» [5].

Хотя эти определения могут развиваться, они раскрывают конечную цель искусственного интеллекта, а именно имитацию человеческого интеллекта. Быстрое развитие устройств на основе искусственного интеллекта, выходящих на профессиональные и потребительские рынки вместе с ажиотажем вокруг возможностей данного продукта, обязывает правительства разрабатывать адаптированные этические и нормативные рамки, предназначенные для обеспечения исключительного развития искусственного интеллекта на службе человечества. Как следствие, правовая политика идет рука об руку с правилами защиты основных прав человека. Определение точного объекта регулирования в динамических технологических областях само по себе является сложной задачей.

Учитывая, что искусственный интеллект по-прежнему является открытым понятием, которое относится к очень широкому спектру продуктов и приложений, не существует транснационального соглашения по общепринятому рабочему определению, ни на технический, ни юридический, политический уровни. Поскольку нет юридического и политического консенсуса в отношении того, что такое искусственный интеллект. В Европе и во всем мире появилось множество

определений, которые либо слишком всеобъемлющи, либо слишком специфичны для отдельных секторов.

Основа

Важным дополнением к квалификации искусственного интеллекта является рассмотрение этических вопросов и применимых законов, представляющих ограничения функциональных возможностей искусственного интеллекта и необходимых вариантов планирования для пользователей, чтобы уважать их права. Такие инструменты, имеющие множество форм и функций, следует рассматривать с этической и юридической точек зрения на нескольких уровнях, от настройки программы до окончательной юридической квалификации искусственного интеллекта устройства, с учетом контекста. Как упоминалось Комиссией ЕС и *AI HLEG EC* (*High-level expert group on artificial intelligence* – Группа экспертов высокого уровня по искусственному интеллекту), «системы на основе искусственного интеллекта могут быть чисто программными, действующими в виртуальном мире (например, голосовые помощники, программное обеспечение для анализа изображений, поисковые системы, системы распознавания речи и лиц) или могут быть встроены в аппаратных устройствах (например, передовых роботах, автономных автомобилях, дронах или приложениях Интернета)» [6].

К примеру, согласно законодательства Европейского союза программа искусственный интеллект, какими бы ни были ее характеристики и функции, должна юридически квалифицироваться как «компьютерная программа» (или программное обеспечение) [4]. Директива 2009/24/ЕС, преамбула 10, гласит, что «функция компьютерной программы состоит в том, чтобы связываться и работать вместе с другими компонентами компьютерной системы и с пользователями, и для этой цели должна быть логическая и, при необходимости, физическая взаимосвязь и требуется взаимодействие, чтобы позволить всем элементам программного и аппаратного обеспечения работать с другим программным и аппаратным обеспечением и с пользователями всеми способами, для которых они предназначены».

Распространенная проблема, связана с надежными достижениями внутренних отношений между людьми и искусственным интеллектом. Три основные категории предубеждений, которые влияют на искусственный интеллект: когнитивное искажение со стороны программиста, статистическое предубеждение и экономическое предубеждение [17]. Из-за человеческого программирования, по крайней мере, для начального алгоритма, та же предвзятость, что и для человеческого мышления, имеет тенденцию передаваться через программы, которые ими автоматизируются. Как отмечает BBC, «искусственный интеллект гораздо более человечен, чем мы когда-либо думали. Что, пожалуй, самое страшное из всех представлений» [2]. В качестве иллюстрации можно вспомнить плохие результаты алгоритмов *Google* [11] и *Twitter* [16], которые оказались предвзятыми, а при использовании искусственного интеллекта — сексистскими и расистскими. Человеческие стереотипы, эмпирическое неравенство и другие когнитивные искажения можно легко преобразовать в цифровую среду с помощью обучающих данных, используемых искусственным интеллектом, и конкретных алгоритмических инструкций по обработке данных. Необходимо серьезно относиться к первостепенной роли этики в ответственной раз-

работке программ и устройств. Рассмотрение этичности алгоритмов искусственного интеллекта имеет первостепенное значение для снижения рисков неправильного использования или побочных эффектов технологии перед ее выпуском на рынок. Выполнение этой этической оценки в основном является обязанностью инженеров, разработчиков и проектировщиков.

Несколько заявлений об этике искусственного интеллекта были опубликованы различными неправительственными и государственными организациями (например, Монреальская декларация [19]; ЕС [7]) или частными организациями (например, *IEEE*- Институт инженеров электротехники и электроники [9], *ACM* - Ассоциация вычислительной техники [1]). К примеру, в ЕС руководящие принципы *AHLEG* закрепляют этические принципы для тщательного изучения и предоставления инструмента оценки сообществу заинтересованных сторон [8]. Человек задуман как арбитр, решающий, является ли действие искусственный интеллект этически обоснованным, законным и, наконец, надежным в конкретном контексте. Таким образом, «надежный искусственный интеллект» определяется тремя компонентами. Во-первых, оно должно быть законным, обеспечивающим соблюдение всех применимых законов и правил. Во-вторых, он должен быть этичным, демонстрируя уважение и соблюдение этических принципов и ценностей. В-третьих, он должен быть надежным как с технической, так и с социальной точки зрения, поскольку даже с добрыми намерениями использование его может причинить непреднамеренный вред.

Процесс разработки модели искусственного интеллекта заставляет человека задуматься о юридических разработках в этой сфере. Моделирование включает в себя выяснение ключевые составляющие основанного на прецедентах, такие как оценка релевантности прецедентов новым ситуациям, различая противоположные судебные дела и установление связей между соответствующими делами, затем подробное описание их и построение программы для их выполнения. Желание разработать модель юридического обоснования не ново. Конечно ключевые аспекты юридического обоснования, такие как анализ прецедента, были предметом многих дискуссий. Однако, по большей части, предыдущие исследования не обеспечили уровень детализации искусственного интеллекта, необходимый для модели, в которой они могут быть реализованы в виде компьютерной программы.

В искусственном интеллекте человек вынужден быть детализированным. Например, закон описывается как «рассуждение на примере». Может быть подходящим уровнем описания для некоторых целей, но для искусственного интеллекта он оставляет слишком много вопросов без ответа. Чтобы воспользоваться бесценными знаниями, предлагаемыми учеными-юристами о правовых рассуждениях, необходимо указать, как должны происходить рассуждения, а также какая информация и методы требуются. Такой подход заставляет человека быть неуклонно аналитичным и конкретным. Закон предлагает широкие возможности для разработки аналитических и вычислительных моделей искусственного интеллекта. Право также обладает уникальными характеристиками, которые делают его особенно сложной областью для искусственного интеллекта, такие как:

– юридическая аргументация, которая многообразна, богата и разнообразна: она включает аргументацию с прецедентами, правилами, законами и принципами;

– специализированные юридические знания, такие как прецеденты и законодательные нормы, хорошо задокументированы и доступны из многих источников, трактаты, переформулировки, уставы, коммерческие сводки, и научные комментарии;

– закон обладает самосознанием и самокритичностью и имеет устоявшуюся традицию изучения своих процессов и предположений, выключая живые дебаты между конкурирующими сторонниками

– характер ответов в законе иной, чем в многие другие дисциплины: ответы гораздо больше зависят от степени чем четкое «да» или «нет», и они могут меняться со временем.

– знания, используемые в юридических рассуждениях, разнообразны: здравого смысла к специальным юридическим знаниям, и они сильно различаются парой в структуре, характере и использовании.

Эти наблюдения предполагают возможность плодотворного синергизма между правом и искусственным интеллектом. Мульти-modalность в этом случае означает, что программа искусственный интеллект должна знать о нескольких способах рассуждения и способы их совместного использования. Что закон дает исследователю определенный стиль рассуждений, который можно включить в модель и использовать для анализа юридических норм. Юридические знания — это гораздо больше, чем «книга знаний» традиционных юридических материалов. Тем не менее, изучение закона искусственным интеллектом дает хорошее начало, эпистемологическую опору. Даже основанные на правилах аспекты юридического рассуждения не могут быть смоделированы чисто дедуктивно. Это также означает, что, к сожалению, никогда не бывает в точности *quod erat demonstrandum* («что требовалось доказывать») в конце рассуждения, чтобы определить его как разумное и безупречное, как это делается в математике. Все эти наблюдения предполагают, что право является чрезвычайно сложной областью для искусственного интеллекта. Однако, в свою очередь, закон также выиграет от искусственного интеллекта, как аналитически, так и практически.

На сегодняшний день множество зарубежных стран использует искусственный интеллект во многих правовых аспектах. Например, Китай является самым передовым в плане создания и развития нанотехнологий, искусственного интеллекта и робототехники. С 2013 года Китай опубликовал ряд национальных политических документов, которые отражают намерение разрабатывать и развертывать программы искусственного интеллекта в различных секторах [13].

В Европе значительный шаг на пути к цифровым инновациям в судебных системах был сделан с созданием Европейской комиссии по эффективности правосудия (CEPEJ) [5], которая опубликовала «Европейскую этическую хартию по использованию искусственного интеллекта в судебных системах и их среда», один из первых нормативных документов по искусственному интеллекту. Хартия содержит набор принципов, которые должны использовать законодатели, юристы и политики при работе с инструментами искусственного интеллекта, направленные на обеспечение совместимости использования искусственного интеллекта в судебных системах

с основными правами, в том числе закрепленными в Европейской конвенции о правах человека. Права и Конвенция о защите физических лиц в отношении автоматической обработки персональных данных.

Использование искусственного интеллекта в судебных системах изучается судебными органами, прокуратурой и другими судебными органами по всему миру. Например, в сфере уголовного правосудия использование систем искусственного интеллекта для оказания помощи в расследовании и автоматизации процессов принятия решений уже используется во многих судебных системах по всему миру. Учитывая быстрое развитие в этой области, проблемы и возможности, связанные с использованием искусственного интеллекта в судебных системах и их последствиями для прав человека и верховенства закона, должны стать частью дискуссий между заинтересованными сторонами судебной системы.

Искусственный интеллект обладает огромным потенциалом для использования на благо общества и достижения целей устойчивого развития. Несмотря на то, что он используется для решения многих наиболее важных социальных проблем человечества, его использование также вызывает обеспокоенность по поводу нарушения прав человека, таких как право на свободу выражения мнений, право на неприкосновенность частной жизни, защиту данных и не дискриминацию. Технологии на основе искусственного интеллекта открывают большие возможности, если они разработаны с учетом универсальных норм, этики и стандартов и, если они основаны на ценностях, основанных на правах человека и устойчивом развитии.

Появление правовой аналитики и прогнозирующего правосудия имеет последствия для прав человека, поскольку непрозрачность систем искусственного интеллекта может идти вразрез с принципами открытого правосудия, надлежащей правовой процедуры и верховенства закона. К примеру Верховный суд штата Висконсин признал важность роли судьи, заявив, что такое программное обеспечение для машинного обучения не заменит их роль, но может использоваться для их помощи. Как мы можем себе представить, это дело открыло двери для нового способа отправления правосудия. Перенесемся в Шанхай, где согласно сводке новостей, рассказывающих нам историю о первом роботе, когда-либо созданном для анализа материалов дела и обвинения обвиняемых на основе устного описания дела. Ученые отточили робота, используя огромное количество случаев, чтобы машина могла идентифицировать различные виды преступлений (например, мошенничество, кражу, азартные игры) с заявленной точностью 97 % [15].

Прогнозы на основе искусственного интеллекта, используемые для помощи судам, становятся все более распространенными и могут вызывать серьезные опасения, включая предвзятость. Несколько регулирующих органов сотрудничают в разработке набора правил, принципов и руководств для регулирования платформ искусственного интеллекта в судебных системах и в более общем плане.

Заключение.

Технология, которая характеризуется высокой сложностью, непредсказуемостью и автономией в принятии решений и способностях к обучению, искусственной интеллект может бросить вызов традиционным представлениям о

праве. Тем не менее в настоящее время правовые системы сталкиваются с беспрецедентным количеством проблем, связанных с искусственным интеллектом, связанных, среди прочего, с необходимостью предотвращения алгоритмической предвзятости, защиты человеческого контроля над работой автоматизированных интеллектуальных систем. Однако применение искусственного интеллекта в правовых структурах, во многом бы облегчило работу юристов и на сегодняшний день идет по пути активного внедрения его в правовые системы. Но остается так и неясно, является ли искусственный интеллект правильным инструментом для устранения предвзятости или восстановления человеческого присутствия в полностью автоматизированных системах все еще необходимо. Это развитие, несомненно, бросит вызов существующей правовой доктрине и установившейся государственной политике [13]. Мировому сообществу необходимо разработать перспективные законы, касающиеся регулирования искусственного интеллекта.

Пристатейный библиографический список

1. Association for Computing Machinery's (ACM) Committee On Professional Ethics (COPE). Code of Ethics. Ed. 2018.
2. BBC Ideas. Could artificial intelligence replace governments? Video. Animated by Kong Studio. 3 October 2019. <https://www.bbc.com/ideas/videos/could-artificial-intelligence-replace-governments/p07px5jb> (Accessed on April 2020).
3. Dennis, Michael Aaron. "Marvin Minsky". Encyclopedia Britannica, 2023. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.britannica.com/biography/Marvin-Lee-Minsky>.
4. EU, Directive n°2009/24/EC of the European Parliament and of the Council of 23 April 2009 on the legal protection of computer programs. OJ L 111, 5 May 2009, p. 16–22.
5. European Commission, Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of 33 the Regions on Artificial Intelligence for Europe, COM(2018) 237 final, Brussels, 25 April 2018.
6. High Level Expert Group on Artificial Intelligence (AIHLEG), A definition of AI: Main capabilities and scientific disciplines, 8 April 2019.
7. High Level Expert Group on Artificial Intelligence (AIHLEG), Ethics Guidelines for Trustworthy 34 AI, 8 April 2019.
8. High Level Expert Group on Artificial Intelligence (AIHLEG), Ethics Guidelines for Trustworthy 34 AI, 8 April 2019.
9. IEEE Global Initiative for Ethical Considerations in Artificial Intelligence (AI) and Autonomous Systems (AS). [Electronic resource]. – Access mode: https://standards.ieee.org/news/2017/ieee_p7004.html (Accessed on April 2020).
10. Institute for Applied Psychometrics (IAP), Webpage on Cattell-Horn-Carroll (CHC) Theory and evolutions. [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.iapsych.com/CHCPP/CHCPP.HTML> (Accessed on April 2020)
11. Cohn J. Google's Algorithms Discriminate against Women and People of Color, Epub: Bright Magazine. 16 May 2019.
12. Mendoza-Caminade, Le droit confronté à l'intelligence artificielle des robots: vers l'émergence de nouveaux concepts juridiques ? Recueil Dalloz (8 / 7677), 25 Février 2016, p. 445 (in French).
13. Morozov V., Chukreev V., Rizayeva D. Legal regulation of technologically improved people in the United States and China // BRICS Law Journal. – 2022. – Vol. 9. No. 4. – P. 4-20. – DOI 10.21684/2412-2343-2022-9-4-4-20. – EDN VLEYZA.
14. Epstein R., Roberts G., Beber G. Parsing the Turing Test: Philosophical and Methodological Issues in the Quest for the Thinking Computer. Ed. Springer, 2009.
15. Raffaele Giarda, Camilla Ambrosino, Artificial Intelligence in the administration of justice // Baker & McKenzie International blog. 2022.
16. Ghaffary S. The algorithms that detect hate speech online are biased against black people, Epub: Vox. 15 August 2019.
17. Techopedia. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.techopedia.com/definition/31622/strong-artificial-intelligence-strong-ai> (Accessed on April 2020).
18. Tessier V. Bonnemains, C. Saurel. Mettre l'éthique dans l'algorithme? // Blog Binaire du Monde. 2018.
19. UNESCO, Working document: Toward a draft text of a Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence: working document, Virtual discussion of the Ad Hoc Expert Group (AHEG) for the preparation of a draft text of a recommendation on the ethics of artificial intelligence, SHS/BIO/AHEG-AI/2020/3 REV, 2020.

ПОПОВ Александр Максимович

аспирант кафедры судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности Российского университета дружбы народов

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРИНЦИПА НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Данная статья посвящена рассмотрению положений основополагающих принципов судебной власти. В качестве наиболее общих положений, выражающих суть и содержание изучаемого явления, принципы судебной системы отражают характер судебной власти и уровень правового развития общества. Статус судебной власти раскрывается прежде всего путем формулирования принципов его осуществления. Рассмотрены способы, с помощью которых сами судебные органы могут защищать и поощрять независимость судебных органов.

Ключевые слова: судебная система, судебная власть, статус судей, зарубежный опыт.

POPOV Alexander Maximovich

postgraduate student of Judicial power, civil society and law enforcement sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF INDEPENDENCE OF JUDGES IN FOREIGN COUNTRIES

This article is devoted to the consideration of the provisions of the fundamental principles of the judiciary. As the most general provisions expressing the essence and content of the phenomenon under study, the principles of the judicial system reflect the nature of the judiciary and the level of legal development of society. The status of the judiciary is revealed primarily by formulating the principles for its implementation. The ways in which the judiciary themselves can protect and promote the independence of the judiciary are considered.

Keywords: judicial system, judiciary, status of judges, foreign experience.

Судебная независимость, то есть способность судей действовать независимо от внешнего влияния, которое может исказить или ограничить их способность справедливо осуществлять правосудие, имеет основополагающее значение для поддержания неподкупности судебной системы и верховенства права как такового. Независимость, как таковая имеет решающее значение для поддержания неподкупности судебной власти. Судьи должны чувствовать себя свободно справедливо оценивать рассматриваемые вопросы на основании представленных доказательств и соответствующего закона, обеспечивать от внешнего давления в ином случае подвергаясь такому внешнему давлению и чужим интересам, судьи будут чувствовать себя ограничены в своих полномочиях по принятию решений. Ограничения судебной независимости подрывают функцию судебной власти, подвергают ее внешнему давлению и подрывают прозрачность судебной функции. Однако более распространенным является использование поэтапных законодательных и административных попыток ограничить и ущемить независимость судебной власти и становятся все более распространенными во всем мире, главным образом в результате чрезмерных действий исполнительной и законодательной власти, направленных на ограничение функций судебной власти. Такие постепенные изменения часто кажутся относительно безобидными для случайного наблюдателя, общественности или средств массовой информации, и влияние таких постепенных изменения не всегда сразу очевидно и носят коварный характер. Многие небольшие и постепенные изменения в судебных функциях могут, тем не менее, иметь кумулятивное последствие снижения способности судей действовать независимо и применять закон справедливо. Во избежание подобных последствий создаётся институциональная структура, целью которой является разработка комплекса действий, направленных на сохранение судебной независимости, это поможет

обеспечения честности и неподкупности судей в продвижении общих целей по защите прав и свобод гражданина любого правового государства.

Особое значение приобретают гарантии независимости судей, которые нуждаются в научном осмыслении, систематизации и, как следствие, построении механизма их реализации. При этом анализ тенденций развития судебной системы Российской Федерации и обеспечения независимости судей в сложившихся в настоящее время условиях позволяет сделать вывод о необходимости разработки новых научно обоснованных подходов к осмыслению и разрешению существующих проблем. На этом основании следует рассмотреть независимость судебной власти во многих зарубежных странах. Совершенствование отечественного законодательства, которое возможно только после детального изучения законодательной базы других стран, создаст основу для принятия решений по обеспечению правовой защиты населения нашей страны [4, с. 188-194].

Его миссия заключается в поддержке стран региона в их процессах реформы правосудия. С этой целью он разрабатывает учебные мероприятия, исследования и эмпирические исследования, а также другие инициативы для достижения своих трех основных целей: провести углубленное изучение систем правосудия и разработать новаторские подходы к обсуждению судебных реформ; способствовать сотрудничеству и обмену опытом между ключевыми заинтересованными сторонами в регионе, а также создавать и распространять инструменты, повышающие качество имеющейся информации о правосудии в Северной и Южной Америке.

Существуют основные гарантии обеспечения надлежащего отправления правосудия в каждом обществе. Чтобы система правосудия функционировала должным образом, общественность должна доверять ей. Правосудие должно быть эффективным и доступным. Должны быть обеспечены

его качество, справедливость и способность разрабатывать разумные правовые нормы. Конечной целью системы должна быть защита прав человека. Для достижения этой цели судебная власть должна быть независимой и беспристрастной. Эти вопросы указывают на напряженную концептуальную связь между двумя основными ценностями: независимостью суда и подотчетностью суда. Они демонстрируют, что, несмотря на важность независимости судей, также важно, чтобы судебная власть, как и другие ветви власти, была подотчетна обществу. Дискуссия на тему того, насколько далеко должна заходить эта подотчетность и какие институты следует создать для защиты от злоупотреблений своими полномочиями судей, не теряет своей актуальности. На данном этапе может быть достаточно указать, что должны быть созданы надлежащие структуры и механизмы, чтобы сбалансировать вопросы подотчетности с требованиями судебной независимости.

Обратимся теперь к изучению значения судебной независимости. Различные правовые традиции мира наделяют этот термин разным содержанием. Чтобы прийти к международному определению, необходимо опираться на Основные принципы независимости судебных органов ООН 1985 года, которые общие для всех правовых систем мира¹.

Принцип 2 гласит, что: Судебные органы решают переданные им дела беспристрастно, на основе фактов и в соответствии с законом, без каких-либо ограничений, неправомерного влияния, побуждения, давления, угроз или вмешательства, прямого или косвенного, с чьей бы то ни было стороны и по каким бы то ни было причинам².

В соответствии с этим принципом независимость включает в себя беспристрастность, но выходит за ее пределы. Беспристрастность отражает способность судьи, по словам Комитета ООН по правам человека, не: питать какие-либо предубеждения по поводу поставленного перед ним вопроса и [...] не действовать таким образом, чтобы способствовать интересам одной из сторон [9].

Однако с самого начала следует отметить, что независимость судебной власти — не единственная концепция, защищающая судей от давления. Есть и другие родственные доктрины, которые способствуют этому иммунитету. Например, согласно Американского права существует доктрина *Sub judice contempt* [10], которая требует исключения комментариев о незавершенных судебных процессах. Судебная практика во многих странах воздерживается от обсуждения вопроса, находящегося на рассмотрении суда, а также содержит правила, и традиции, ограничивающие участие судей в политических или общественных спорах.

Однако вопрос независимости судей затрагивает не только правовые аспекты, на сегодняшний день существует ряд независимых организаций, занимающихся продвижением законности.

Например, Институт CEELI это независимая некоммерческая неправительственная организация, занимающаяся

развитием и обучением международной сети профессионалов в области права и судебной системы, приверженных продвижению верховенства закона. Благодаря инновационным учебным программам Институт CEELI обучает юристов, уделяя особое внимание предоставлению инструментов для продвижения прав человека, укрепления демократических институтов, борьбы с коррупцией и поддержки свободной рыночной экономики [20]. Он был основан в 1999 году и расположен на вилле Гребовка Прага, Чехия. Тем не менее в июле 2022 года Россия внесла институт CEELI в список «нежелательных организаций» [5]. Был также создан Justice Studies Center of the Americas (Американский центр изучения правосудия) — международное агентство, созданное в 1999 году институтами Межамериканской системы. Штаб-квартира находится в Сантьяго-де-Чили, а ее членами являются активные государства-члены Организации американских государств (ОАГ). Его миссия заключается в поддержке стран региона в их процессах реформы правосудия. С этой целью он разрабатывает учебные мероприятия, исследования и эмпирические исследования, а также другие инициативы для достижения своих трех основных целей: провести углубленное изучение систем правосудия и разработать новаторские подходы к обсуждению судебных реформ; способствовать сотрудничеству и обмену опытом между ключевыми заинтересованными сторонами в регионе, а также создавать и распространять инструменты, повышающие качество имеющейся информации о правосудии в Северной и Южной Америке [16]. Однако многие считают, что реформы не принесли ожидаемых результатов. Кроме того, не проводилось систематических или углубленных оценок проделанной до сих пор работы, что привело к ослаблению сильного первоначального стремления [13].

Возвращаясь ко второму принципу независимости судебных органов ООН 1985 года следует отметить, что на судебную власть, а не на судью, указывает то, что концепция судебной независимости не ограничивается только отдельными судьями и их материальной и личной независимостью. Он также включает в себя коллективную независимость судебной власти как института. Камбоджийские судьи подняли эту проблему на семинаре CIJL под названием «Независимость и функции судей в Камбодже», который состоялся в июле 1993 года [19].

Некоторые из этих функциональных и структурных гарантий заслуживают отдельного внимания. К примеру, личная независимость судей касается таких вопросов, как назначение судей, продвижение по службе, перевод и освобождение от должности. В различных правовых системах и традициях широко признано, что исполнительный контроль над такими вопросами несовместим с независимостью судебной системы, и это отражено в Основных принципах ООН³.

Независимость судебной системы не должна восприниматься только как ограждение судьи от внешнего давления. Принцип указывает на то, что судьи должны быть защищены от давления «с любой стороны и по любой причине». Эта формулировка отражает необходимость защиты внутренней независимости судей по отношению и к их коллегам. Вышеизложенное особенно актуально для американского

1 Основные принципы независимости судебных органов (приняты седьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Милан (Италия), 26 августа - 6 сентября 1985 г., одобрены резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г. № 40/32 и от 13 декабря 1985 г. № 40/146).

2 Основные принципы независимости судебных органов (приняты седьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Милан (Италия), 26 августа - 6 сентября 1985 г., одобрены резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г. № 40/32 и от 13 декабря 1985 г. № 40/146).

3 Основные принципы независимости судебных органов Приняты седьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшимся в Милане с 26 августа по 6 сентября 1985 года, и одобрены резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/32 от 29 ноября 1985 года.

законодательства, где в некоторых юрисдикциях, вышестоящим судьям позволено контролировать и инструктировать нижестоящих судей относительно их фактических решений до их вынесения. Внутренняя независимость также связана с вопросами самооценки и защиты от идеологических или политических предубеждений, или карьерного интереса. Однако судьи все чаще подвергаются внешнему вмешательству и давлению, которые снижают их независимость, как скрытым, так и прямым образом.

Очевидные, но распространенные угрозы независимости судебной власти включают очень публичные политические нападки на судебную власть, как это происходит в настоящее время в США, часто с личными угрозами в адрес отдельных судей. Судебная независимость имеет решающее значение для поддержания неподкупности судебной системы. Ограничения судебной независимости развращают работу судебной системы, подвергают ее давлению извне и подрывают прозрачность судебной функции. Так создавая судебную систему США, опирались на идею разделения властей и выделяя отдельную ветвь власти - судебную власть для того, чтобы обеспечить независимую федеральную судебную систему, которая будет контролировать две другие ветви. Основная идея заключалась в том, что независимая судебная система играет центральную роль в республиканской форме правления и «критически важна для справедливости и беспристрастности». И чтобы обеспечить такую судебную независимость, было предусмотрено в самой Конституции, что федеральные судьи будут назначаться пожизненно — технически, за хорошее поведение — что Конгресс не может уменьшить вознаграждение федеральных судей, и что судьи могут быть отстранены от должности только в порядке импичмента — и только за тяжкие преступления и проступки. Иными словами, они создали федеральную судебную систему, в общем и целом, невосприимчивую к политическому давлению. Однако по состоянию на январь 2017 года одна треть всех судей или судей, заседающих в высших судах США, участвовали в выборах стоимостью более миллиона долларов, что привело к всплеску участия хорошо финансируемых заинтересованных групп и расходы называли «темными деньгами» [14]. Как сказал судья О'Коннор, обсуждая дело «Caperton v. Massey Coal»: «Если бы я знал, что веду судебный процесс перед судьей, который получил такие деньги от моего оппонента, я бы не подумал, что получил справедливую встряску» [7].

К сожалению, похоже, что общественность все чаще и ошибочно поддерживает эту точку зрения. Один недавний опрос показал, что почти 90 процентов избирателей считают, что взносы на избирательную кампанию играют роль в том, как судьи штата решают дела [15]. Все чаще граждане с большим недоверием относятся к решениям судей государственных судов, с меньшей вероятностью верят в то, что судьи действуют беспристрастно, и с большей вероятностью думают, что они «просто политики в черных мантиях». Мнение это вполне оправдано, так как возможность для особых интересов помочь избрать судей, которые будут выполнять приказы в каких-либо политических интересах, или будут подвержены влиянию, или будут действовать желаемым образом в желаемое время.

Подобное давление можно наблюдать и во многих государствах-членах Совета Европы. Так согласно доклада боснийской правозащитницы, специалист по масс-медийному праву Дуня Миятович [12] в настоящее время мы наблюдаем растущие и вызывающие тревогу попытки исполнительной и законодательной власти использовать свои рычаги давле-

ния, чтобы влиять на судебную власть и давать ей указания, а также подрывать независимость судебной системы.

Дуня Миятович в своем отчете по Венгрии после визита в феврале прошлого года подчеркнула озабоченность по поводу влияния ряда законодательных мер, принятых в 2010-х годах, на полномочия и независимость судебной власти в стране. Она также отметила необходимость соблюдения системы сдержек и противовесов в отправлении правосудия и предупредил об опасности его политизации. Одна из ключевых рекомендаций заключалась в укреплении коллективного судейского самоуправления [21].

Недалеко ушла и Польша, судебная реформа страны, сопровождалась финансируемой государством кампанией по дискредитации судей и негативными заявлениями официальных лиц, которая оказала серьезное влияние на функционирование и независимость судебной системы страны, включая ее конституционный суд и судебный совет. Невозможно оставить без внимания увольнение, замену и понижение в должности сотен председателей судов и прокуроров, применение дисциплинарного производства в отношении откровенных судей и прокуроров, а также совмещение мощных функций министра юстиции и генерального прокурора в руках активного политик [11].

Независимость и беспристрастность судебной системы Турции также была подорвана во время чрезвычайного положения и после него. В частности, конституционные изменения в отношении Совета судей и прокуроров, которые явно противоречили стандартам Совета Европы, так же, как и приостановление на период двухлетнего чрезвычайного положения действия обычных гарантий и процедур увольнения, найма и назначения судей и прокуроров [8].

Вместо того, чтобы отстаивать и укреплять независимость, беспристрастность и эффективность судебной системы, некоторые правительства и политики вмешиваются в судебную систему и даже прибегают к угрозам в адрес судей.

В 2019 году министр внутренних дел Италии Маттео Сальвини усилил нападки на трех мировых судей в социальных сетях из-за некоторых вынесенных ими решений, которые, по его мнению, бросали вызов все более ограничительной иммиграционной политике правительства [6]. СМИ сообщили об угрозах расправы в социальных сетях в адрес этих судей после нападения на министра. Сообщается, что еще одна словесная атака того же министра на судью по другому вопросу побудила власти предоставить этому судье защиту со стороны полиции из-за последовавших угроз убийством.

В Сербии в мае прошлого года во время парламентских дебатов о введении пожизненного заключения без возможности условного освобождения за некоторые из тяжких уголовных преступлений спикер парламента, несколько депутатов и министр юстиции подвергли критике судью Белградского апелляционного суда, Миодраг Маич, потому что он предупредил, что это законодательное предложение несовместимо с прецедентной практикой Европейского суда по правам человека. Судья подвергся личным нападкам, а его профессиональная квалификация и качество его работы были поставлены под сомнение в ходе дебатов, поскольку он использовал свое право на свободу выражения мнений, чтобы высказать свое мнение по вопросу, представляющему общественный интерес в сфере правосудия.

Подводя итоги, стоит отметить, что дебаты относительно независимости судебной власти актуальны и сегодня пока не будут приняты меры. Осуществляя принципы независи-

мости судебной власти, мы защищаем права человека. Как отмечает Венецианская комиссия, «верховенство закона было бы пустой оболочкой, если бы не было доступа к правам человека» [17].

Государства должны полностью соблюдать правовые нормы ООН в этой области и поддерживать независимость судебной системы.

Необходимо привлекать судей и консультироваться с ними при подготовке законодательства, касающегося их интересов и функционирования судебной системы.

Судьи должны пользоваться гарантиями пребывания в должности и защитой от необоснованного досрочного отстранения от должности или недобровольных переводов.

Право судей выражать свое мнение по вопросам, представляющим общественный интерес, должно быть гарантировано.

Когда подрываются верховенство права и независимость судей, подрываются права человека.

Пристатейный библиографический список

1. Основные принципы независимости судебных органов (приняты седьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Милан (Италия), 26 августа - 6 сентября 1985 г., одобрены резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г. № 40/32 и от 13 декабря 1985 г. № 40/146)
2. Основные принципы независимости судебных органов (приняты седьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Милан (Италия), 26 августа - 6 сентября 1985 г., одобрены резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г. № 40/32 и от 13 декабря 1985 г. № 40/146)
3. Приняты седьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшимся в Милане с 26 августа по 6 сентября 1985 года, и одобрены резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/32 от 29 ноября 1985 года.
4. Ризаева Д. Э., Манна. А. А. К. Общая характеристика обстоятельств, исключаящих уголовную ответственность во Франции и Германии // Вестник Владимирского юридического института. – 2016. – № 4 (41). – С. 188-194. – EDN XDXUTB.
5. «Минюст включил Bellingcat и The Insider в список нежелательных организаций» // Ведомости, 26 июля 2022, 18:15 / Общество. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2022/07/26/933155-minyust-vklyuchil-bellingcat-i-insider-v-spisok>.
6. Angela Giuffrida, Lorenzo Tondo - Italy's far-right interior minister, Matteo Salvini, escalates attack on judges // The Guardian, 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2019/jun/06/salvini-steps-up-attacks-on-italian-judges-who-challenge-him>.
7. Caperton v. Massey Coal, No. 08-22 // 556 US _ (2009)
8. Commissioner for Human Rights of the council of Europe Dunja Mijatović, Turkey needs to put an end to arbitrariness in the judiciary and to protect human rights defenders, 2019.
9. Communication No. 387/1989 Karttunen v. Finland.
10. Contempt of Court, Reporting Restrictions and Restrictions on Public Access to Hearings // Revised: 04 May 2022, updated 09 September 2022 | Legal Guidance. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cps.gov.uk/legal-guidance/contempt-court-reporting-restrictions-and-restrictions-public-access-hearings>.
11. Council of Europe Commissioner for Human Rights, Report on visit Poland, 28.06.2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.coe.int/en/web/commissioner/-/the-independence-of-judges-and-the-judiciary-under-threat>.
12. Dunja Mijatović, The independence of judges and the judiciary under threat // Comments Human Rights comment, Strasbourg. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.coe.int/en/web/commissioner/-/the-independence-of-judges-and-the-judiciary-under-threat>.
13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.devex.com/organizations/justice-studies-center-of-the-americas-jscs-60659>.
14. Judge Paul L. Friedman, Threats to Judicial Independence and the Rule of Law // American Bar Association, 2019.
15. Judge Paul L. Friedman, Threats to Judicial Independence and the Rule of Law // American Bar Association, 2019.
16. Justice Studies Center of the Americas (JSCA). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cejamericas.org/en/home/>
17. Lionel Cohen, Lecture - The Universality of the Rule of Law as an International Standard, Jerusalem, 2018.
18. Lucy West (2019) The limits to judicial independence: Cambodia's political culture and the civil law, Democratization, 26:3, 537-553, DOI: 10.1080/13510347.2018.1553956.
19. Mona A. Rishmaw, The Harassment and Persecution of Judges and Lawyers // Centre for the Independence of Judges and Lawyers, Geneva- Switzerland, 1993.
20. Overview/CEELI Institute – Central and Eastern European Law Initiative. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ceeliinstitute.org>.
21. Report following visit to Hungary by Commissioner for human rights of the council of Europe Dunja Mijatović, from 4 to 8 February 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/report-on-the-visit-to-hungary-from-4-to-8-february-2019-by-dunja-mija/1680942f0d>.

БАЖАНОВ Сергей Андреевич

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы Центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАРОДНОЙ МИЛИЦИИ В БОЛГАРИИ

Данная статья является одной из серии статей, в которых представлен историко-правовой обзор положений Закона о народной милиции Болгарской Народной Республики от 29.10.1976, регламентировавшего различные аспекты деятельности органов милиции. Конкретно в данной статье автором представлен обзор положений закона, регламентировавших порядок использования милицией в служебных целях автотранспорта организаций и частных лиц, назначение и применение милицией превентивных административных мер к определенным гражданам, а также некоторые особенности, связанные с прохождением службы в органах милиции.

Ключевые слова: Болгария, милиция, превентивные административные меры, структура, прохождение службы.

BAZHANOV Sergey Andreevich

Ph.D. in Law, leading researcher of the Department for Improving the Regulatory Regulation of the Activities of the Penal Enforcement System of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penal Enforcement System of the Federal State Institution of the FPS of Russia

LEGAL AND ORGANIZATIONAL ISSUES OF THE ACTIVITIES OF THE PEOPLE'S MILITIA IN BULGARIA

This article is one of a series of articles that provide a historical and legal overview of the provisions of the Law on the People's Militia of the Bulgarian People's Republic of 10/29/1976, which regulated various aspects of the activities of the police. Specifically, in this article, the author provides an overview of the provisions of the law that regulated the procedure for the use by the police for official purposes of vehicles of organizations and individuals, the appointment and application of preventive administrative measures by the police to certain citizens, as well as some features associated with serving in the police.

Keywords: Bulgaria, police, preventive administrative measures, structure, service.

В конце 70-х годов прошлого века болгарским законодателем (Народное Собрание Народной Республики Болгария) был принят «Закон о народной милиции» от 29.10.1976, который ступил в силу 01.03.1977 (далее – Закон о милиции) [1]. Данная статья является одной из серии статей, посвященных историческому обзору вышеуказанного закона.

Одно из положений рассматриваемого закона определяло правила использования сотрудниками милиции в служебных целях транспорта, принадлежащего государственным организациям и частным лицам, с обязательным возмещением понесенного владельцем расходов. Здесь следует отметить, что аналогичные положения содержались и в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 08.06.1973 «Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью» (далее – Указ Президиума ВС СССР от 08.06.1973), в частности, законодатель (ч. 7 п. о) предоставлял милиции в целях обеспечения выполнения возложенных на нее обязанностей следующие основные права: «использовать в случаях, не терпящих отлагательства, средства передвижения (кроме специальных и дипломатических автомобилей), принадлежащие предприятиям, организациям, учреждениям или гражданам, для выезда к месту происшествия или стихийного бедствия, для преследования скрывающихся преступников, доставления в лечебные учреждения граждан, нуждающихся в безотлагательной медицинской помощи, доставления в милицию задержанных преступников и злоумышленников общественного порядка».

Закон о милиции впервые в практике нормативного регулирования государственного управления в Болгарии

предоставлял право органам милиции при необходимости организовать специальную охрану учреждений, хозяйственных и других организаций и иных объектов на договорных началах.

Это положение расширяло возможности использования специальных технических средств в интересах охраны социалистической собственности. Аналогичные права у милиции в законодательстве СССР появились лишь с принятием Закона СССР от 06.03.1991 № 2001-1 «О советской милиции» (ст. 11 п. 18).

Отражение в Законе о милиции нашли превентивные административные меры. Следует указать, что их применение не требовало предварительного согласия органов прокуратуры. Это представляло собой определенную оперативную самостоятельность милиции в данной сфере.

Ст. 39 Закона о милиции устанавливала, что для предотвращения преступлений и других антиобщественных проявлений орган милиции мог в «особо важных случаях» применять «превентивные административные меры». Они заключались прежде всего в запрете конкретным лицам покидать место жительства – (определенный населенный пункт) на срок до 6 месяцев. Кроме того, органы милиции получали право устанавливать на срок до 6 месяцев применение такой правоограничительной меры, как «административный надзор».

Подобный акт предусматривал применение сразу нескольких ограничительных мер: 1) запрещение посещения определенных населенных пунктов или их частей, некоторых общественных заведений, покидать жилище в известное вре-

Бажанов С. А.

мя суток; 2) установление обязательной явки в назначенное время в ближайший орган милиции.

Закон о милиции устанавливал точный перечень категорий лиц, в отношении которых могли применяться превентивные административные меры:

а) осуждавшиеся за преступления против Народной Республики Болгарии; б) рецидивисты, осуждавшиеся за умышленные преступления против социалистической или личной собственности, за подделку документов и денежных знаков, за квалифицированную контрабанду и валютные преступления, применение насилия или угрозу его применения, за оказание сопротивления органам власти и хулиганство; в) ведущие бродяжнический образ жизни или занимающиеся попрошайничеством, уклоняющиеся от занятия общественно полезным трудом; г) систематически ведущие аморальный образ жизни; д) совершающие антиобщественные проявления, посягающие на безопасность страны [2].

Закон о милиции определял, что в отношении круга лиц, перечисленных в п.п. «а» и «в», превентивные административные меры могли применяться только в тех случаях, когда имелись явные проявления, представляющие опасность для общественного порядка и безопасности страны. Законом о милиции был установлен минимальный возраст для субъектов превентивных административных мер – 18 лет.

Данные ограничительные меры назначались путем издания мотивированного приказа министром внутренних дел или начальником окружного управления органов внутренних дел. Закон о милиции предусматривал (ст. 41) сокращение времени и объема применения превентивных административных мер и их отмену в случаях, когда в этом отпала необходимость.

В свою очередь граждане, в отношении которых применены превентивные административные меры, могли обжаловать принятое должностными лицами решение в административном порядке в рамках Закона об административном производстве (ст. 40 п. 2).

По нашему мнению, определенный интерес представляет и третья глава Закона о милиции, посвященная целиком принципам организации органов милиции, ее комплектованию личным составом, материальному обеспечению.

Так, согласно ст. 28 Закона о милиции руководство органами внутренних дел осуществлял директор народной милиции. Законодатель разделил милицию на три основных вида: 1. Общую милицию, которая исполняла задачи на всей территории страны; 2. Общинную милицию, в обязанности которой входило исполнение задач на территории отдельных общин (районов); 3. Ведомственную милицию по охране определенных объектов. Общинная милиция содержалась за счет средств соответствующих народных Советов, а ведомственная – за счет средств учреждений, хозяйственных и других организаций, которых она обслуживала. Органы милиции могли создавать подразделения ведомственной охраны для защиты от посягательства имущества, принадлежащего учреждениям, хозяйственным и другим организациям, а также отдельных объектов, которые действовали под их контролем.

Сотрудники милиции разделялись на рядовой, сержантский и офицерский составы, которым присваивались звания: а) рядовой состав – рядовой и ефрейтор милиции; б) сержантский состав – младший сержант, сержант, старший сержант, старшина милиции; в) офицерский состав – младшие офицеры – младший лейтенант, старший лейтенант, капитан милиции; старшие офицеры – майор, подполковник, полковник милиции; высшие офицеры – генерал-майор, генерал-лейтенант, генерал-полковник милиции.

Законом о милиции предусматривалось присвоение званий рядового и сержантского составов учащимся школ народной милиции.

Звания младших и старших офицеров присваивалось приказом министра внутренних дел, а высших офицеров – Государственным Советом по представлению Совета Министров. В качестве наказания за совершение грубых дисциплинарных нарушений законом предусматривалась возможность понижения в звании виновных сотрудников рядового, сержантского и офицерского составов по решению органа, присвоившего данное звание. Помимо аттестованных сотрудников в органах милиции могли работать и служащие в должностях административно-технического и вспомогательного персонала.

Согласно ст. 32 Закона о милиции на службу в органы милиции могли быть приняты граждане Болгарии, удовлетворяющие требованиям, предъявляемым к состоянию здоровья, образованию деловым и политическим качествам и подготовке. Важно отметить наличие в Законе о милиции определенных ограничений, связанных с увольнением со службы по инициативе сотрудника, в частности лица офицерского, сержантского и рядового состава могли оставить службу по собственному желанию лишь после 5 лет службы, а закончившие образовательные организации органов милиции – 10 лет.

Обязательным условием прохождения на службы в органы милиции было принятие сотрудниками присяги, текст которой утверждался Государственным Советом Болгарии.

Закон о милиции (ст. 35) предоставлял гражданам проходящим службу в органах внутренних дел определенные социальные гарантии, среди которых: обязательный ежегодный отпуск, продолжительностью 30 календарных дней, дополнительный оплачиваемый отпуск, продолжительностью 15 календарных дней, за стаж службы в органах милиции, вооруженных силах и иных правоохранительных органах, продолжительностью 20 лет и более, оплачиваемый отпуск по болезни, продолжительностью до 2-х лет (при болезни, продолжительностью более одного года, решение о продлении отпуска принимал лично министр внутренних дел на основании медицинского заключения).

В качестве еще одной особенности рассматриваемого закона являлось отсутствие в нем прямого запрета на продолжение службы при достижении предельного возраста, однако же, со службы могли быть уволены: 1) мужчины при достижении 55 лет и женщины – 50 лет; 2) по состоянию здоровья; 3) ввиду перехода на пенсию; 4) по сокращению штатов; 5) ввиду перехода на выборные должности; 6) в связи с невозможностью использования; 6) по дисциплинарным причинам [3].

При увольнении со службы сотрудникам органов милиции выплачивалось единовременное пособие, размер которого устанавливался Советом Министров Болгарии, за исключением сотрудников, уволенных по дискредитирующим основаниям.

Дальнейший обзор положений рассматриваемого Закона о милиции в его историческо-правовом аспекте в части, касающейся порядка и форм взаимодействия органов милиции с другими государственными органами и общественными организациями, будет представлен в следующей статье.

Пристатейный библиографический список

1. «Народен Страж». - София, 1976, 16 ноября.
2. Эбзеева Э. П. Новое законодательство о народной милиции Болгарии // За рубежом: информационный сборник. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1977. – С. 21-29.
3. Правоохранители социалистических государств. Милитация НРБ. 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://picturehistory.livejournal.com/6846355.html?ysclid=li1qepcep0410787201> (дата обращения: 25.04.2023).

БАРЫШНИКОВА Мария Владимировна

студент 3 курса Самарского юридического института ФСИН России

МИХАЙЛОВ Вячеслав Сергеевич

старший преподаватель кафедры режима и охраны в уголовно-исполнительной системе Самарского юридического института ФСИН России

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Данная статья раскрывает аспекты применения беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в оперативно-розыскной деятельности. В правоохранительной деятельности наблюдается стремительное развитие технического направления, позволяющее применять все более новые методы и средства с целью пресечения и раскрытия преступлений. Беспилотные летательные аппараты позволяют получить максимальный объем информации, тем самым воссоздав полную картину преступления и предпринять меры по нахождению лиц, совершивших преступное деяние. Автором выделяются преимущества летательных аппаратов перед традиционными методами, а именно: возможность использования устройств в независимости от погодных условий и времени суток, обнаружение объектов в труднодоступных местах, а самое главное гарантируют безопасность оперативным сотрудникам. В статье приводятся способы решения проблем, связанных с деятельностью БПЛА.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, беспилотные летательные аппараты, методика борьбы с БПЛА, нахождение лиц.

BARYSHNIKOVA Mariya Vladimirovna

student of the 3rd course of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

MIKHAYLOV Vyacheslav Sergeevich

senior lecturer of Regime and security in the penal system sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

FEATURES OF THE USE OF UNMANNED AERIAL VEHICLES IN OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES

This article reveals aspects of the use of unmanned aerial vehicles (UAVs) in operational investigative activities. In law enforcement, there is a rapid development of the technical direction, which allows the use of more and more new methods and means to prevent and solve crimes. Unmanned aerial vehicles allow you to get the maximum amount of information, thereby recreating the full picture of the crime and taking measures to find the persons who committed the criminal act. The author highlights the advantages of aircraft over traditional methods, namely: the ability to use devices regardless of weather conditions and time of day, the detection of objects in hard-to-reach places, and most importantly guarantee the safety of operational personnel. The article provides ways to solve problems related to the activities of UAVs.

Keywords: operational search activity, unmanned aerial vehicles, methods of combating UAVs, finding persons.

Беспилотный летательный аппарат (БПЛА) — это самостоятельный летательный объект, который не имеет пилота на борту, передвигается в воздухе за счет встроенной управляющей программы или же при помощи дистанционного управления.

Успешное применение связывают с развитием микропроцессорной вычислительной техники, передачи информации, искусственного интеллекта. Запуск летательных аппаратов или других воздушных судов неразрывно требует соблюдения Федеральные правила использования воздушного пространства (далее- Правила). Они фиксируют обязанность направления в центр Единой системы организации воздушного движения РФ плана полета беспилотник и занимается выдачей разрешения на использование воздушного пространства. Взлет, посадка на территории населенного пункта или пролет над ним возможно только с разрешения органа местного самоуправления самого пункта, в городе - уполномоченного органа исполнительной власти [1, с. 123-127].

Летательные аппараты стали популярны во многих силовых ведомствах, механизм применения воздушного пространства при подтверждении указанных режимов уже разработан [2, с. 104-109].

Правоохранительная сфера, как и военная является востребованной в применении беспилотных устройств, в связи с этим на рынке труда появляется новая профессия – оператор БПЛА. Цель применения летательных аппаратов состоит в том, что их деятельность направлена на выполнение задач, тем самым достигая определенных результатов, оперативным соединением в установленный срок. Использование устройств для обеспечения подготовки, а также организованной корректировки действий наземных сил, документальной фиксации и анализа результатов выполнения задач полностью соответствует требованиям. В государственных структу-

рах активно применяются следующие типы БПЛА: гексакоптеры, мультироторные аппараты с вертикальным взлетом и посадкой и многие другие. Однако применение БПЛА в оперативно-розыскной деятельности вызывает определенные юридические трудности, такие как вопросы конфиденциальности и неприкосновенности частной жизни, особенно когда они используются для наблюдения за людьми. Поэтому необходимо соблюдать юридические нормы и права граждан на защиту частной жизни [3, с. 66-68].

Для того чтобы не нарушать правовые нормы следует внести следующие меры, такие как:

1. Использование БПЛА только при наличии достаточных оснований, таких как подозрение в совершении преступления или наличие угрозы безопасности.

2. Контроль за соблюдением запрета наблюдения за частной жизнью граждан за исключением тех случаев, когда это требует неотложного изучения.

3. Придерживаться правила конфиденциальности и защиты персональных данных, получаемых при помощи действия БПЛА.

4. Уведомление граждан о работе летательных аппаратов, если это не препятствует выполнению цели операции.

5. Опирайтесь на соблюдение юридических процедур, такие как получение судебного разрешения на использование аппаратов для определенной операции, если это требуется по закону.

6. Придерживаться временных рамок, чтобы минимизировать воздействие на частную жизнь граждан [4, с. 106-107].

Пожалуй, единственное, куда еще не проникли эти ловкие, маневренные устройства — это в сферу транспорта и доставки по воздуху, но это вопрос времени. Обеспечение безопасности, охрана объектов, ресурсов, выявление нелегальных пересечений границ, антитеррористическая деятельность — и это далеко не полный перечень сфер использования

беспилотников. Они стали незаменимым инструментом в оперативно-розыскной работе. Выявление, предупреждение, пресечение преступлений, осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших и добывание информации о событиях и действиях, создающих угрозу сферам жизнедеятельности. Аппараты, используемые в оперативно-розыскной деятельности, могут быть оснащены также специальными устройствами для борьбы с криминалом и терроризмом, к примеру в некоторых городах в их конструкции присутствуют громкоговорящие датчики, используемые для взаимодействия с находящимися на местности злоумышленниками или же защитной системой, которая позволяет отбивать выстрелы [5, с. 40-45].

На данный момент летательные аппараты различны по строению, назначению, названию и по другим характеристикам. В зависимости от модификации они могут быть дистанционно-управляемыми, а также выполнять свой полет частично или полностью в автономном режиме [6, с. 87-92].

Летательные аппараты в своей конструкции содержат камеры, приборы ночного видения, тепловизор, GPS-навигация и прочие составляющие — все это позволяет выполнять различные задачи, получать точную и быструю информацию о местности, что улучшает процесс принятия решений и повышает эффективность работы правоохранительных органов [7, с. 304-305].

БПЛА активно применяются при ликвидации чрезвычайных ситуаций, а также при массовых мероприятиях с целью выяснения обстановки.

Стоит сказать, что в оперативно-розыскной деятельности использование летательных аппаратов в целях решения задач ОРД в настоящее время сильно расширилось. По большей части это относится к проведению первичных мероприятий [8, с. 4736-4739].

Активно применяются данные аппараты в поисковых мероприятиях, ведь именно они позволяют достичь даже труднодоступные места, последние модели являются самыми усовершенствованными и тем самым обеспечивают эффективную результативность проведения гласных и негласных ОРМ.

Выбор правоохранительных органов остановился на данной инновации в связи со весомыми преимуществами:

1. Отсутствие авиационной направленности, что способствует использовать их вне авиационных формирований ОВД;

2. Компактность;

3. Простая система управления;

4. Отсутствие привязанности к погодным условиям;

5. Возможность использования аппаратов в опасных районах;

6. Выгодная эксплуатация.

7. Обеспечение безопасности сотрудников правоохранительных органов. БПЛА частично (или полностью) заменяет необходимость представителям правоохранительных органов вступать в физический контакт с подозреваемыми или опасными объектами, что повышает защищенность оперативников.

В тот же момент, как и все технические средства БПЛА несет за собой ряд проблем, связанных с их применением. Аппараты на сегодняшнее время имеют высокий ценник, поэтому доступ к ним может быть ограничен для многих органов правопорядка. Большим минусом будет считаться их уязвимость к атакам. Беспилотники подвергаются нападению со стороны злоумышленников, что может уменьшать их эффективность использования в розыске.

Среди сотрудников правоохранительных органов выделяют маленький процент, знающих принцип работы беспилотников, для этого необходимо ввести курсы по повышению квалификации по применению БПЛА в оперативно-розыскной деятельности, это помогло бы улучшить профессиональный уровень сотрудников и улучшить качество выполнения мероприятий.

Дополнительными мерами, которые могут быть приняты для соблюдения прав граждан при использовании БПЛА в оперативно-розыскной деятельности, является:

1. Обучение правоохранительных органов и других специалистов, которые применяют аппараты, правилам соблюдения конфиденциальности и защиты персональных данных.

2. Регулярное аудиторское использование их для оперативно-розыскной деятельности, чтобы убедиться, что права граждан соблюдаются и что информация, собранная с помощью летательных устройств, используется только в соответствии с законом.

3. Создание юридических механизмов для опротестования решений о применении БПЛА, если граждане считают, что их права были нарушены.

4. Разработка нормативных документов, регулирующих деятельность устройств в оперативно-розыскной деятельности и обеспечивающих соблюдение прав граждан.

Если рассматривать правовую основу применения беспилотников в наше время, то ее основа заложена и регламентируют это конкретные статьи Воздушного законодательства и ведомственные акты [9, с. 69-73].

Но ни в УПК РФ, ни в ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» использование БПЛА как отдельного технического аппарата не закреплено, в связи с этим предлагается возможность введения в ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» положение о применении БПЛА, тем самым закрепив их деятельность на законодательном уровне. На сегодняшний день из-за стремительного прогресса в производстве летательных аппаратов не сформировалась отдельная правовая база, позволяющая свободно эксплуатировать устройства в тактико-стратегическом направлении, для его реализации необходимо разработать отдельную инструкцию «О порядке использования БПЛА и его результатов».

Итак, на основе выше сказанного, можно прийти к выводу, что сфера применения беспилотных летательных аппаратов продолжает расширяться. Использование оперативными подразделениями современных технических средств, тех же БПЛА позволит существенно наладить и улучшить результат проводимых специальных мероприятий, сэкономит время, а самое главное, позволит исключить случаи, связанные с риском жизни и здоровья сотрудников.

Пристатейный библиографический список

1. Митюшин Д. А. Роль и место систем и комплексов с беспилотными летательными аппаратами в деятельности органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 12. – С. 123-127.
2. Ткач М. Е. Нечеткая идентификация протяженных объектов по результатам спутникового мониторинга. // Интеллектуальные ресурсы - региональному развитию. – 2019. – № 1. – С. 104-109.
3. Иванов Д. С. Применение правоохранительными органами беспилотных летательных аппаратов при раскрытии и расследовании преступлений // Пробелы в российском законодательстве. – 2022. – № 3. – С. 66-68.
4. Леоненко Р. И. О целесообразности использования беспилотных летательных аппаратов в практике осмотра мест происшествия по делам, связанным с авиакатастрофами // Вестник Московского университета МВД России. - М.: Изд-во Моск. ун-та МВД России. – 2015. – № 9. – С. 106-107.
5. Кежов А. А., Грачев Ю. А., Степанов И. В. Организационно-правовое обеспечение беспилотных комплексов в системе МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – № 3. – С. 40-45.
6. Скорый Ю. Р., Бурмистров И. А. К вопросу о законности проведения оперативно-розыскных мероприятий // Nauka-rastudent. – 2017. – № 2. – С. 87-92.
7. Баррат Д. Последнее изобретение человечества: Искусственный интеллект и конец эры Homo sapiens // Наука и интеллект. – 2016. – № 14. – С. 304-305.
8. Мячкина Н. Область применения беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в современном мире // Международная научно-техническая конференция молодых ученых БГТУ. – 2017. – С. 4736-4739.
9. Вытовтов А. В. Применение беспилотных летательных аппаратов при проведении культурно массовых мероприятий // Computational nanotechnology. – 2015. – № 4. – С. 69-73.

ГУСЕЙНОВ Амирджан Ахмедович

старший преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

АБАЗОВ Андемиркан Борисович

кандидат юридических наук, доцент кафедры деятельности ОВД в особых условиях Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

ПУГАЧЕВ Алексей Валерьевич

кандидат педагогических наук, доцент кафедры огневой подготовки Воронежского института МВД России

НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ОШИБОК СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ОБРАЩЕНИИ С ОГНЕСТРЕЛЬНЫМ ОРУЖИЕМ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Одной из составляющих высокого профессионализма работников ОВД является умение владеть оружием [1]. Именно это подчеркивается в руководящих документах МВД России, в которых указывается на то, что огневая подготовка рядового и начальствующего состава выступает одним из важнейших направлений в решении задач, стоящих перед органами внутренних дел на современном этапе. Для формирования и развития у обучающихся образовательных организаций МВД России навыков обращения с огнестрельным оружием необходимо не только усвоить инструктивную информацию, но и анализировать типичные ошибки сотрудников органов внутренних дел в повседневном обращении с огнестрельным оружием. В данной статье приведен материал для изучения и анализа на занятиях по огневой подготовке.

Ключевые слова: сотрудник органов внутренних дел, огнестрельное оружие, обращение с огнестрельным оружием, ошибки, предупреждение, огневая подготовка.

GUSEYNOV Amirdzhan Akhmedovich

senior lecturer of Fire and tactical special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

ABAZOV Andemirkan Borisovich

Ph.D. in Law, associate professor of Internal affairs in special conditions sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

PUGACHEV Alexey Valerjevich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Fire training sub-faculty of the Voronezh Institute of the MIA of Russia

AREAS OF WORK TO PREVENT MISTAKES OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS IN HANDLING FIREARMS IN EVERYDAY ACTIVITIES

One of the components of the high professionalism of police officers is the ability to wield weapons [1]. This is what is emphasized in the governing documents of the Ministry of Internal Affairs of Russia, which indicate that the fire training of ordinary and commanding personnel is one of the most important directions in solving the tasks facing the internal affairs bodies at the present stage. In order to form and develop the skills of handling firearms among students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, it is necessary not only to learn instructional information, but also to analyze typical mistakes of law enforcement officers in the daily handling of firearms. This article provides material for study and analysis in fire training classes.

Keywords: law enforcement officer, firearms, handling firearms, mistakes, warning, fire training.

Ситуация по владению оружием сотрудниками ОВД в целом имеет положительную динамику по регионам России. Табельное оружие для пресечения противоправных действий, а также при задержании нарушителей в оперативно-служебных обстановках сотрудниками применяется строго в рамках федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» (далее – закон «О полиции»).

Чаще всего сотрудники органов внутренних дел при выполнении задач по охране общественного порядка и обеспечению безопасности применяют огнестрельное оружие (пистолет Макарова) в следующих случаях:

– в соответствии с пунктом 1 части 3 статьи 23 закона «О полиции» для остановки транспортного средства, когда управляющее им лицо отказывается выполнить неоднократные требования сотрудника об остановке и пытается скрыться, создавая угрозу жизни и здоровью граждан;

– при защите другого лица либо себя от посягательства, если это посягательство сопряжено с насилием, опасным для жизни или здоровья, что соответствует пункту 1 части 1 статьи 23 закона «О полиции»;

– при обезвреживании животного, угрожающего жизни и здоровью граждан и (или) сотрудника полиции – пункт 2 часть 3 статьи 23 закона «О полиции»;

– с целью производства предупредительного выстрела, подачи сигнала тревоги или вызова помощи путем производства выстрела вверх или в ином безопасном направлении, предусмотренном пунктом 4 части 3 статьи 23 закона «О полиции».

Среди должностных лиц, применяющих огнестрельное оружие выделяется несколько категорий: во-первых, сотрудники ДПС и государственные инспекторы ОГИБДД; во-вторых, сотрудники патрульно-постовой службы полиции, которые применяют оружие в связи с выполнением своих служебных обязанностей; в-третьих, участковые уполномоченные полиции, которые имеют право носить огнестрельное оружие при заступлении на службу; в-четвертых, сотрудники оперативных подразделений уголовного розыска и органов предварительного следствия.

Согласно практики наибольшее число случаев применения огнестрельного оружия приходится на долю подразделений дорожно-патрульной службы ГИБДД (далее – ДПС), а также подразделений патрульно-постовой службы полиции. В меньшем количестве применяется оружие участковыми уполномоченными полиции.

В практике применения оружия в повседневной деятельности могут случиться чрезвычайные происшествия, связанные с нерегламентированным, прежде всего, небрежным (неумелым) обращением с огнестрельным оружием, в том числе при его получении или при сдаче.

При получении или сдаче огнестрельного оружия причиной чрезвычайных происшествий может послужить осмотр неразряженного оружия оперативными дежурными для оценки его чистоты, а также в ходе чистки оружия. Кроме того, имеются случаи нерегламентированного законодательством применения огнестрельного оружия при суицидальном проявлении.

Непроизвольные выстрелы в основном происходят в результате нарушения алгоритма действий с оружием. Невверные действия могут совершать сотрудники ДПС, дежурной части, участковые уполномоченные полиции, а также сотрудники изоляторов временного содержания. В редких случаях допускают нарушения алгоритма действий с оружием сотрудники подразделения по работе с личным составом и органов предварительного следствия.

Анализ служебных проверок, а также просмотр видеоматериалов с камер видеонаблюдения, размещенные в комнате чистки оружия дежурных частей, по фактам непроизвольных выстрелов показывают, что основными причинами чрезвычайных происшествий являются нарушение алгоритма действий с оружием при получении или сдаче, когда допускаются грубые нарушения мер безопасности.

Среди типичных ошибок выделяют неизвлечение магазина с основания рукоятки, проведение осмотра патронника ненадлежащим образом, то есть без постановки на затворную задержку, а также нажатие на спусковой крючок, при котором производится спуск курка с боевого взвода, что приводит к непроизвольному выстрелу.

Со стороны руководителей подразделений и ответственных лиц необходим должный контроль за процессом получения или сдачи оружия в комнату хранения оружия, не допускающий халатного отношения и пренебрежения к требованиям мер безопасности, а также нехватки достаточного уровня знаний в части соблюдения инструкции. Так, чрезвычайное происшествие может стать следствием допуска в помещение одновременно нескольких сотрудников без учета обстановки, располагающей для соблюдения безопасности, например, если один из сотрудников передвигается с оружием в руках к пулеулавлителю в то время, когда в направлении пулеулавливателя находятся его коллеги, что создает опасность жизни и здоровью окружающих.

Анализ просмотра записей с видеокамер, установленных в комнате для чистки оружия, позволяет делать вывод, что после непроизвольного выстрела сотрудники теряют контроль над оружием, впадают в стрессовую ситуацию, выглядят растерянными и скованными, направляя в сторону других сотрудников, подвергают их опасности из-за страха и отсутствия самоконтроля, не в состоянии самостоятельно разрядить оружие и привести его в безопасное положение. Подобные факты неосторожного обращения с оружием свидетельствуют о том, что зачастую непроизвольный выстрел в силу своей внезапности и неожиданности вызывает у сотрудника острую реакцию на стресс, проявляющуюся в виде неконтролируемых хаотичных движений с заряженным оружием в руках, бегства из помещения, впадение в ступор и т.д., что приводит к грубым нарушениям правил обращения с табельным оружием и способствует совершению чрезвычайных происшествий. Рассматриваемые факты говорят о недостаточной специальной и психологической подготовке сотрудников ОВД к действиям в экстремальных ситуациях оперативно-служебной деятельности. Таким образом, на практических занятиях по огневой подготовке следует отрабатывать не только устойчивое выполнение нормативов (к примеру, «разряжание пистолета»), но и уделять особое внимание выработке морально-психологической устойчивости [2], [3].

В качестве наглядных примеров, которые указывают на прямое нарушение алгоритма действий при обращении с оружием, можно привести на занятиях следующие ситуации и проанализировать их.

Ситуация 1. Сотрудник службы участковых уполномоченных полиции зашел в комнату для вооружения личного состава с целью получить табельное оружие перед заступлением на службу. Снарядив магазин 8 патронами, вставил его в основание рукоятки пистолета и заметил, что оружие не стоит на предохранителе. В связи с этим решил проверить отсутствие патрона в патроннике, поставив при этом затвор на затворную задержку. Осмотрев патронник и убедившись, что патрон отсутствует, снял затвор с затворной задержки, при этом не учел, что снаряженный магазин находится в рукоятке пистолета, направив пистолет в сторону пулеулавливателя нажал на спусковой крючок, в результате чего произошел непроизвольный выстрел.

Ситуация 2. В ходе приема оперативным дежурным территориального ОВД табельного оружия от сотрудника службы участковых уполномоченных полиции, последний, находясь

в комнате вооружения и чистки оружия в присутствии ответственного от руководящего состава по требованию сотрудника другого подразделения передал оперативному дежурному через окошко заряженное табельное оружие (снаряженный магазин находился в рукоятке пистолета) для проверки его на чистоту. Взяв в руки оружие, сотрудник, по требованию которого была осуществлена передача заряженного оружия, выключил предохранитель, оттянул спусковую скобу вниз и отделил затвор от рамки. Проверив чистоту оружия, не убедившись в отсутствии магазина в основании рукоятки пистолета, присоединил затвор к рамке, в ходе которого произошло досылание патрона в патронник, далее произвел контрольный спуск в сторону комнаты хранения оружия, в результате чего произошел выстрел.

Ситуация 3. Инспектор ДПС для заступления на службу прибыл для вооружения в дежурную часть. В присутствии начальника подразделения начальником смены дежурной части было произведено вооружение и разоружение наряда ДПС. При вооружении инспектор ДПС, в нарушение алгоритма действий находясь в комнате приема-выдачи оружия и боеприпасов, после получения оружия, снарядив магазин патронами, вставив один из них в основание рукоятки, направил к пулеулавлителю для осмотра оружия, тем самым отведя затвор в заднее крайнее положение, не осмотрев должным образом, произвел нажатие на спусковой крючок, в результате чего произошел непроизвольный выстрел в пулеулавнитель.

Данные происшествия случились из-за нарушения требований мер безопасности при обращении с оружием и нарушения алгоритма действий при осуществлении его разряжания и осмотра.

Таким образом, проанализировав вышеперечисленные случаи, можно сделать вывод о том, что умение владеть оружием является главной непосредственной составляющей высокого профессионализма сотрудников органов внутренних дел. Для того, чтобы обеспечить достижение овладения навыками обращения с оружием, необходимо систематически проводить занятия с личным составом [4], а также обеспечивать их надлежащую морально-психологическую подготовку. Помимо этого, следует проводить профилактические мероприятия с целью предупреждения чрезвычайных происшествий, связанных с нарушением алгоритма действий при обращении с огнестрельным оружием.

Пристатейный библиографический список

1. Галкин Д. М. К вопросу о совершенствовании техники скоростной стрельбы из пистолета // Правоохранительные органы: теория и практика. – 2017. – № 1. – С. 118-120.
2. Гусейнов А. А. Актуальные проблемы обеспечения тактической подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Актуальные вопросы совершенствования тактико-специальной, огневой и профессионально-прикладной физической подготовки в современном контексте практического обучения сотрудников органов внутренних дел: Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 21–22 мая 2021 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 189-192.
3. Гусейнов А. А., Давлетов В. И. О значении психологической подготовки курсантов образовательных организаций МВД России к применению огнестрельного оружия // Актуальные проблемы теории и практики специальной подготовки в органах внутренних дел: Сборник научных статей. Всероссийская научно-практическая конференция, Москва, 06 октября 2021 года. – Москва: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2021. – С. 98-100.
4. Гусейнов А. А., Давлетов В. И. Использование современных технических средств при проведении занятий по тактико-специальной подготовке // Вопросы совершенствования физической, тактико-специальной и огневой подготовки сотрудников полиции к оперативно-служебной деятельности: Волгоград, 21-28 апреля 2020 года. Том Выпуск 3. – Волгоград: Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. – С. 36-41.

КИМ Вадим Олегович

начальник кафедры физической подготовки Уфимского юридического института МВД России

АМЕЛИН Сергей Геннадьевич

доцент, доцент кафедры физической подготовки Омской Академии МВД России

ЛЕЩЕНКО Евгений Александрович

преподаватель кафедры физической подготовки и спорта Краснодарского университета МВД России

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СПОРТА И ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ КАК УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ

В данной статье авторами раскрываются и обозначаются пути решения проблем спортивной направленности и физической подготовки в целом в образовательных организациях МВД России.

Решение этих проблем требует комплексного подхода и системного подхода к организации физической и специальной подготовки в правоохранительных органах. Необходимо развитие качественной научной базы в данной области, повышение уровня квалификации тренеров и научных сотрудников, а также совершенствование оборудования и технологий.

Ключевые слова: физическая подготовка, спорт, боевые приемы борьбы, физическая нагрузка, тренировочный процесс.

KIM Vadim Olegovich

Head of Physical training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

AMELIN Sergey Gennadjevich

associate professor, associate professor of Physical training sub-faculty of the Omsk Academy of the MIA of Russia

LESHCHENKO Evgeniy Alexandrovich

lecturer of Physical training and sports sub-faculty of the Krasnodar University of the MIA of Russia

ACTUAL PROBLEMS OF SPORTS AND PHYSICAL TRAINING AS AN ACADEMIC DISCIPLINE IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

In this article, the authors reveal and identify ways to solve the problems of sports orientation and physical training in general in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Solving these problems requires an integrated approach and a systematic approach to the organization of physical and special training of law enforcement agencies. It is necessary to develop a high-quality scientific base in this area, improve the level of qualification of trainers and researchers, as well as improve equipment and technologies.

Keywords: physical training, sports, fighting techniques of wrestling, physical activity, training process.

Физическая подготовка обучающихся в образовательных организациях МВД России является одним из важных аспектов профессиональной подготовки будущих сотрудников правоохранительных органов. Она включает в себя комплекс упражнений, направленных на развитие силы, выносливости, ловкости и координации движений.

Для достижения эффективности физической подготовки, в образовательных организациях МВД России используются различные методы и формы занятий. Это может быть как групповые, так и индивидуальные занятия под руководством опытных тренеров и преподавателей.

На основе индивидуального подхода к каждому обучающемуся, подбирается оптимальные программы тренировок (для групп спортивного совершенствования), учитывающая возраст, текущий уровень физической подготовки и некоторые другие факторы. Кроме того, в процессе физической подготовки обучающиеся проходят контрольные зачеты на выносливость, силу и координацию. Эти показатели позволяют определить текущий уровень физической подготовки каждого обучающегося и разработать индивидуальную программу тренировок [1]. Таким образом, физическая подготовка является неотъемлемой частью профессиональной подготовки будущих сотрудников правоохранительных органов и является гарантией их безопасности и эффективности в работе.

Среди актуальных проблем физической и специальной подготовки силовых структур можно выделить:

1. Недостаточная мотивация и дисциплина. Низкий уровень мотивации и недостаточная дисциплина могут привести к тому, что силовые структуры не будут достигать желаемых результатов в боевой и спортивной деятельности [2].

2. Неравномерность и неполноценность тренировок. Недостаточная физическая подготовка может привести к травмам, а также неблагоприятно сказаться на результативности в спортивной или боевой деятельности.

3. Недостаток квалифицированных тренеров. Недостаточное количество квалифицированных тренеров для силовых структур может привести к тому, что тренировочный процесс будет неэффективным.

4. Недостаточная техническая оснащенность. Отсутствие соответствующего оборудования может привести к ограничениям в проведении качественной специальной подготовки силовых структур.

5. Недостаток финансовых средств. Нехватка финансовых средств может приводить к тому, что программы специальной подготовки не могут быть полностью реализованы.

6. Недостаток учета индивидуальных особенностей. Необходимо учитывать индивидуальные особенности физической подготовленности каждого сотрудника полиции, чтобы достичь максимальной эффективности тренировок.

Физическая подготовка является одной из важнейших составляющих подготовки кадров в вузах МВД. Ее особенности заключаются в следующем [3]:

1. Высокий уровень требований к физической подготовленности – для курсантов МВД необходимо иметь высокий уровень физической подготовки, поскольку их будущая профессия связана с постоянной физической нагрузкой.

2. Обязательность физкультурных занятий – в учебном плане вузов МВД заложены специальные физические тренировки, которые студенты должны проходить в обязательном порядке.

3. Специальные направленности физической подготовки – в зависимости от будущей профессии (кадеты ВУЗов МВД готовятся к работе в различных структурах министерства – полиция, пожарная охрана, спасательные службы), физическая подготовка может быть направлена на развитие конкретных навыков и умений.

4. Тестирование и оценка физических показателей – каждый обучающийся проходит тестирование, которое позволя-

ет определить уровень его физической подготовленности. В соответствии с полученными результатами ставится оценка.

5. Участие в спортивных мероприятиях – для повышения мотивации и развития командного духа курсанты принимают участие в различных спортивных соревнованиях.

6. Строгий контроль за прохождением физкультурных занятий – система учета пропущенных занятий направлена на обеспечение регулярной физической подготовки студентов.

Таким образом, физическая подготовка в вузах МВД имеет особые требования и направлена на формирование высокой физической подготовленности, необходимой для будущих кадров структур министерства внутренних дел.

Однако, основой тренировки сотрудников МВД России и учащихся образовательных организаций является не только физическая подготовка, но и психологическая стойкость и профессионализм в действиях. Обычно, все приемы изучаются комплексно, таким образом, что сотрудники могли применять их в реальных ситуациях с максимальной эффективностью.

Цель исследования

Цель исследования уровня владения боевыми приемами борьбы и общей физической подготовки курсантов состоит в оценке эффективности обучения боевым приемам и технике борьбы, а также в выявлении индивидуальных проблем курсантов и анализе их работоспособности в разных ситуациях боя. Такое исследование помогает определить, как курсанты используют полученную боевую подготовку в реальном времени, насколько высоко их уровень эффективности, и где требуются улучшения. Результаты исследования позволят улучшить процесс обучения и повысить уровень подготовки курсантов в борьбе [4].

Методика и организация исследования

Методы исследования уровня владения боевыми приемами борьбы курсантов:

1. Теоретические анализы: исследование литературы, статистические данные;
2. Оценка боевых приемов: спортивные энциклопедии, спортивные справочники, инструкции для формирования боевой подготовки и т.д.;
3. Тренировочные тесты: тесты обучения правильным боевым позам и использованию основных ударных приемов;
4. Тест-сценарии: в роли судьи курсанты принимают участие в сценариях, имитирующих реальный бой с определенными условиями;
5. Хронометраж и скорость реакции: исследование скорости реакции на условия боя и изменение позиций со временем, позволяющее оценить уровень обучения;
6. Соревновательный показатель: оценка умения применять боевые навыки, сопоставление скорости и умения противостоять оппоненту, применяя разные тактики.

Результаты исследования и их обсуждения

Результаты исследования уровня владения боевыми приемами борьбы и физической подготовки курсантов могут быть разнообразными, в зависимости от конкретных условий и методов исследования. Однако, обычно исследование включает в себя оценку следующих показателей:

- Знание техники борьбы и боевых приемов: тестирование курсантов на знание базовых приемов и их применение в условиях тренировочных боев.
- Физическая подготовленность: оценка уровня физической выносливости, силы и гибкости курсантов.
- Техника и эффективность применения боевых приемов в реальных условиях: анализ и сравнение, как курсанты используют полученную технику борьбы и боевые приемы в реальном времени.

Результаты исследования могут показать, насколько эффективным было обучение боевым приемам и физической подготовке курсантов, а также помочь в определении областей, требующих улучшения в процессе обучения. Исследования также могут выявить индивидуальные проблемы курсантов в технике борьбы и физической подготовке и помочь им преодолеть эти проблемы с помощью индивидуальных тренировок и коррекции техники.

Как исследовать уровень владения боевыми приемами борьбы курсантов?

1. Установить стандартное определение боевых приемов борьбы для курсантов. Это может быть список основных приемов или техник, которые они должны знать и уметь выполнять.

2. Объективно оценить уровень владения каждым приемом с помощью экспертов в области борьбы. Это могут быть тренеры, профессиональные борцы или другие эксперты.

3. Разработать тестовые задания, включающие выполнение боевых приемов борьбы. Эти задания могут быть как теоретическими, так и практическими. Теоретические задания могут включать вопросы, связанные с описанием и назначением каждого приема, а практические задания могут включать его выполнение в реальной боевой ситуации.

4. Опросить курсантов об их уровне владения каждым приемом борьбы. Это можно сделать с помощью анкет или опросников, включающих упражнения по выполнению различных приемов.

5. Сравнить полученные результаты со стандартом определения боевых приемов борьбы для курсантов. Если курсанты знают и выполняют приемы на должном уровне, можно сделать вывод об их эффективности в этой области. Если же результаты не удовлетворительны, то нужно провести дополнительные учебные занятия для повышения квалификации.

Выводы

Существует несколько способов повышения уровня физической подготовки курсантов МВД России:

1. Разнообразить тренировочный процесс. Использование различных видов физических упражнений и видов спорта поможет обеспечить комплексный тренинг всех мышечных групп и повысить мотивацию курсантов.
2. Организация ежедневных физических занятий. Регулярные тренировки помогут улучшить физическую форму, повысить выносливость и силу тела. Также это способствует выработке привычки заниматься физическими упражнениями регулярно.
3. Использовать методики интенсивного тренировочного процесса. Интенсивные тренировки, направленные на развитие выносливости, силы и скорости, помогут курсантам улучшить работу сердечно-сосудистой системы и повысить уровень физической подготовки.
4. Организация соревнований и тренировочных сборов. Соревнования и тренировочные сборы позволяют курсантам проверить свой уровень подготовки, а также помогают развивать командный дух и способствуют достижению желаемых результатов в спорте.
5. Индивидуальный подход. Индивидуальный подход к каждому курсанту позволяет учитывать его физические возможности и особенности организма при составлении индивидуальной программы тренировок. Также это помогает повысить мотивацию курсанта, так как он видит, что его индивидуальные потребности учитываются, и он может достигнуть желаемого результата.

Пристатейный библиографический список

1. Степанов Г. И., Бабин А. В., Зиннатов Р. Р. Актуальные проблемы в формировании профессиональных навыков в выполнении боевых приемов борьбы у сотрудников подразделений органов внутренних дел // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 2 (153). – С. 373-374.
2. Алдошин А. В. Спорт в профессиональной физической подготовке сотрудников ОВД // Наука и практика. – 2014. – № 3 (60). – С. 126-129. – ISSN 2311-5300.
3. Бабин А. В. Инновационная методика преподавания дисциплины «физическая подготовка» в образовательных организациях МВД России // В сборнике: Физическая подготовка сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Сборник научных статей Всероссийского конкурса. Редколлегия: Р. В. Камнев, О. С. Панова, Д. Г. Овечкин [и др.]. – Волгоград, 2022. – С. 11-17.
4. Бабин А. В., Лукьянов А. Б. Актуальные проблемы физической подготовки и спорта сотрудников органов внутренних дел и пути их решения // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 9 (160). – С. 473-475.

КАНЗАФАРОВ Марсель Альбертович

преподаватель кафедры физической подготовки Уфимского юридического института МВД России

АМЕЛИН Сергей Геннадьевич

доцент кафедры физической подготовки Омской Академии МВД России

СТРИГА Олег Николаевич

старший преподаватель кафедры физической подготовки и спорта Краснодарского университета МВД России

ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

В данной статье рассматриваются аспекты организации самостоятельных занятий по физической подготовке, осуществляемых в учебное и внеучебное время курсантами и слушателями, порядок их проведения в рамках общей профессионально-прикладной подготовки. Обосновывается эффективность самостоятельного освоения умений и навыков оперативно-служебного характера, также отмечается важность и неотъемлемость развития физических качеств и поддержания физической активности обучающихся.

Актуальность работы определяется проблемами поддержания и совершенствования физической подготовки как одного из главных факторов будущей успешной профессиональной деятельности сотрудников полиции, успешного применения ими полученных теоретических знаний в работе.

Цель работы состоит в анализе и обобщении основных вопросов организации самостоятельных занятий физической подготовкой, обосновании роли ее проведения.

Ключевые слова: самостоятельная подготовка, сотрудники полиции, курсанты, физическая активность, профессиональная деятельность.

KANZAFAROV Marcel Albertovich

lecturer of Physical training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

AMELIN Sergey Gennadjevich

associate professor of Physical training sub-faculty of the Omsk Academy of the MIA of Russia

STRIGA Oleg Nikolaevich

senior lecturer of Physical training and sports sub-faculty of the Krasnodar University of the MIA of Russia

ORGANIZATION AND CONDUCT OF INDEPENDENT PHYSICAL TRAINING OF CADETS AND STUDENTS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

This article discusses aspects of the organization of independent physical training classes carried out during academic and extra-curricular time by cadets and trainees, the procedure for their conduct within the framework of general professional and applied training. The effectiveness of self-development of operational and service skills is substantiated, the importance and inseparability of the development of physical qualities and maintenance of physical activity of students is also noted.

The relevance of the work is determined by the problems of maintaining and improving physical fitness as one of the main factors of the future successful professional activity of police officers, the successful application of their theoretical knowledge in work.

The purpose of the work is to analyze and summarize the main issues of organizing independent physical training, substantiating the role of its implementation.

Keywords: self-preparation, police officers, cadets, physical activity, professional work.

Профессионально-прикладная физическая подготовка в системе образовательных организаций МВД России рассматривается как сложностасная, целенаправленная учебная деятельность, организация которой напрямую влияет на общее формирование получаемых теоретических знаний и практических навыков и умений, а также психологической готовности у курсантов и слушателей.

Неотъемлемым элементом организации физической подготовки является самоподготовка, являющаяся одной из основополагающих форм подготовки курсантов и направленная на раскрытие и воспитание у курсантов новых физических возможностей, повышению способностей применения ими боевых приемов борьбы и специальных средств, развитию заинтересованности обучающихся на положительный результат и повышению мотивации [1].

Самостоятельные занятия проводятся наряду со специально организованными занятиями по физической подготовке, предусмотренными учебным планом и графиком учебного процесса, без непосредственного участия преподавателя, но по его заданию с последующим консультированием.

Так, навыки, полученные на занятиях в учебное время, отрабатываются курсантами и слушателями самостоятельно в предусмотренное служебным распорядком дня время либо во внеучебный период, побуждая на постоянной основе совершенствовать свои показатели в работе. В данном

случае обучающиеся отрабатывают полученные знания непосредственно после разбора упражнений с преподавателем на занятиях, где происходит демонстрация, а затем четкое, подконтрольное выполнение приемов курсантами и слушателями [2].

Как правило, в рамках учебных занятий объясняются правила выполнения базовых приемов, полезных для занимающихся, которые в последующем будут являться основой для формирования более сложных навыков, повышения уровня их применения, разработки индивидуальных способов действий в различных условиях. Но в рамках самостоятельной физической подготовки у обучающихся также появляется возможность развития вариативности выполнения упражнений, построения ситуационных задач и поиска их решения с учетом ранее полученных, однако уже самостоятельно усовершенствованных базовых знаний.

Немаловажную роль в организации самостоятельной подготовки играет преподаватель. Учитывая специфику деятельности, индивидуальные физические и психические особенности, степень подготовленности занимающегося, он определяет уровень сложности, количество и продолжительность самостоятельных занятий, а также дифференцирует план нагрузок, их плановость и умеренность в освоении [3]. Индивидуальность и доступность в таком подходе определяются неодинаковой быстротой и полнотой усвоения

знаний, временем овладения навыками, разным уровнем физических качеств и физической активности. Задачи физического воспитания должны обуславливаться индивидуальными способностями курсантов.

Необходимо обращать особое внимание на слабоуспевающих обучающихся, которые по определенным причинам не могут выполнять поставленные на учебных занятиях задачи и отстающих от других обучающихся по физическим показателям. Для них разрабатывается своя программа тренировок, наиболее подходящая по уровню их физической активности, а также состояния здоровья в случаях посттравматического периода.

В методике организации и проведения самоподготовки необходимо обратить внимание на привлечение внимания со стороны обучающихся, формирования их интереса к самосовершенствованию, повышению мотивации к достижению высоких результатов. Предлагаемые для выполнения упражнения преимущественно должны носить хороший оздоровительный эффект и отражать позитивные физические сдвиги [4].

Здесь также важен принцип индивидуализации, означающий постановку цели для каждого занимающегося, формированию у него стремления к достижению определенных результатов в освоении дисциплины, а также успешной сдачи зачета или экзамена.

Тактически верным будет предлагать для выполнения задания, которые будут наиболее интересны обучающимся и в которых они будут проявлять активность и инициативность. Также предлагается обозначать нестандартные, ранее не изученные ситуации, требующие применения всей совокупности полученных ранее знаний, их технически верной отработке и последующего анализа негативно повлиявших факторов, самостоятельной оценке собственных показателей и последующего разбора ошибок с преподавателем посредством проводимых им консультаций [5].

Важно отметить, что консультирование преподавателя являются необходимым этапом всего процесса самостоятельной физической подготовки курсантов, которые заключаются в подробном объяснении технических моментов выполнения тех или иных элементов упражнений, разбора и исправления основных ошибок, допускаемых при самостоятельных занятиях. Такая педагогическая поддержка помогает обучающимся быстрее освоить новые приемы и эффективнее выполнять уже пройденные.

Самоконтроль и наблюдение активизирует деятельность обучающихся с положительной стороны, включая психологическую работу над совершенствованием себя и своего тела, формируя у курсантов и слушателей желание развивать физические показатели, повышать уровень физической активности в течение всего дня, пробовать включать в работу профессиональные спортивные нагрузки [6].

В данном случае преподаватель должен контролировать эффективность воздействия самостоятельных занятий; обозначать изменения в динамике развития физической подготовки обучающихся; отмечать положительно влияющие на подготовку условия; мотивировать на дальнейшую самостоятельную подготовку, выбирая более сложные вариативные задания, либо сводить тренировочные упражнения до минимума с целью избежания травм и переутомления.

При проведении самостоятельных занятий по физической подготовке основополагающим принципом является соблюдение постепенности и плановости в возрастании физических нагрузок. Необходимо учитывать, что значительное превышение функциональных возможностей организма допускается в экстремально складывающихся условиях, а не в ходе физических тренировок. Следовательно, повышение или понижение нагрузок будет прямо зависеть от индивидуальных показателей организма.

Зачастую курсанты пренебрегают данным правилом в целях достижения высокого результата за относительно короткий промежуток времени. К примеру, проводят недостаточное качественную, неполную разминку перед переходом к основным упражнениям или берут слишком большой вес на тренажерах, не соблюдают инструкций к его применению, тем самым подвергая, в первую очередь, себя и свой организм стрессу, нежелательным физическим и психологическим травмам.

Составной частью самоподготовки выступают самоконтроль и самодисциплина, данные показатели являются

необходимым условием правильной организации всего процесса самостоятельной физической подготовки. Занимающимся курсантам и слушателям рекомендуется вести дневник самоконтроля, записи в котором будут содержать основную информацию о количестве, характере, длительности тренировок, а также оценку своего самочувствия, результативность комплексов упражнений, в некоторых случаях – медицинские показатели. Таким образом занимающийся сам может планировать интенсивность занятий, постепенное увеличение нагрузок.

Обобщая изложенное, следует отметить, что в условиях постоянно возрастающих требований к физической подготовленности курсантов и слушателей ведомственных образовательных учреждений возникает необходимость организации и проведения дополнительных занятий физической подготовкой в рамках самоподготовки. Такая подготовка формирует у обучающихся понимание значения основных принципов самообучения, развивает и совершенствует физически профессионально значимые качества, в последующем необходимые для успешного выполнения служебных задач.

Пристатейный библиографический список

1. Бабин А. В., Лукьянов А. Б. Самостоятельная физическая подготовка в спортивной досуговой деятельности обучающихся образовательных организаций МВД России // В сборнике: Актуальные вопросы совершенствования огневой, физической и тактико-специальной подготовки обучающихся образовательных организаций МВД России. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. - Уфа, 2022. - С. 24-26. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48766023> (дата обращения: 16.03.2023).
2. Панова О. С., Белецкий А. А., Бабин А. В. и др. Организация процесса самостоятельной физической подготовки обучающихся образовательных организаций МВД России как элемент совершенствования профессиональной подготовки // Глобальный научный потенциал. - 2022. - № 11 (140). - С. 180-184. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50153219> (дата обращения: 17.03.2023).
3. Киреева Д. И., Кузнецов М. Б. Некоторые аспекты организации и проведения самостоятельной физической подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций Министерства внутренних дел России // Наука-2020. - 2021. - № 9 (54). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-organizatsii-i-provedeniya-samostoyatelnoy-fizicheskoy-podgotovki-kursantov-i-slushateley-obrazovatelnykh-organizatsiy-mvd-rossii> (дата обращения: 16.03.2023).
4. Бабин А. В. Инновационная методика преподавания дисциплины «физическая подготовка» в образовательных организациях МВД России // В сборнике: Физическая подготовка сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Сборник научных статей Всероссийского конкурса. Редакция: Р. В. Камнев, О. С. Панова, Д. Г. Овечкин [и др.]. - Волгоград, 2022. - С. 11-17. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50343373> (дата обращения: 16.03.2023).
5. Броев А. Х. Организация самостоятельной физической подготовки слушателей вузов МВД России // Образование. Наука. Научные кадры. - 2019. - № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-samostoyatelnoy-fizicheskoy-podgotovki-slushateley-vuzov-mvd-rossii>.
6. Бабин А. В., Лукьянов А. Б. Актуальные проблемы физической подготовки и спорта сотрудников органов внутренних дел и пути их решения // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 9 (160). - С. 473-475. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47195114>. (дата обращения: 18.03.2023).

СТУКАНОВ Илья Андреевич

аспирант Российской таможенной академии, старший оперуполномоченный оперативно-розыскного отдела Центральной оперативной таможни ФТС России

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЕАЭС: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ, ПУТИ РЕШЕНИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Актуальность темы исследования обусловлена комплексом обстоятельств, напрямую влияющих на организацию обеспечения внешнеэкономической безопасности России как члена Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). В целях исследования необходимо выявление проблемных вопросов осуществления оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) в условиях единого экономического пространства, а также разработка предложений по совершенствованию данной деятельности. Эмпирическую основу составил личный опыт службы автора в таможенных органах РФ; кроме того, использовались диалектический метод, логический метод, метод сравнительно-правового анализа, метод аналогии и экстраполяции. В ходе исследования имеющихся инструментов межгосударственного взаимодействия оперативных подразделений таможенных органов в борьбе с трансграничной преступностью выявлено отсутствие механизма экстерриториальности при проведении оперативно-розыскных мероприятий, различия квалификации таможенных деликтов, а также правового статуса таможенных органов как субъектов ОРД в России и других государствах-участниках ЕАЭС. В целях совершенствования механизмов ОРД в условиях единого экономического пространства ЕАЭС выдвинуты предложения по внесению изменений в нормативное регулирование данной деятельности на национальном и межгосударственном уровнях, а также ряд мер практического характера.

Ключевые слова: таможенные органы, оперативно-розыскная деятельность, оперативное подразделение, Евразийский экономический союз, единое экономическое пространство, трансграничная преступность, международное сотрудничество.

STUKANOV Ilya Andreevich

postgraduate student of the Russian Customs Academy, chief detective of the Central Investigative Customs Office of the Federal Customs Service

DETECTIVE ACTIVITY OF THE RUSSIAN CUSTOMS AUTHORITIES IN THE CONDITIONS OF THE SINGLE ECONOMIC SPACE OF THE EAEU: PROBLEMATIC ISSUES, SOLUTIONS, DEVELOPMENT PROSPECTS

The relevance of the research topic is due to a set of circumstances that directly affect the organization of ensuring Russia's foreign economic security as a member of the Eurasian Economic Union (EAEU). For the purposes of the study, it is necessary to identify problematic issues of the implementation of investigative activities in the conditions of the single economic space, as well as to develop proposals for improving this activity. The empirical basis was the personal experience of the author's service in the customs authorities of the Russian Federation; in addition, the dialectical method, the logical method, the method of comparative legal analysis, the method of analogy and extrapolation were used. In the course of the study of the available tools for interstate interaction of detective units of customs authorities in the fight against cross-border crime, the absence of an extraterritoriality mechanism during detective activities, differences in the qualification of customs torts, as well as the legal status of customs authorities as subjects of the detective activities in Russia and other EAEU member states was revealed. In order to improve the mechanisms of detective activities in the conditions of the single economic space of the EAEU, proposals have been put forward to amend the regulatory regulation of this activity at the national and interstate levels, as well as a number of practical measures.

Keywords: customs authorities, detective activity, investigative unit, Eurasian Economic Union, common Economic Space, cross-border crime, international cooperation.

Нарастающие интеграционные процессы в рамках ЕАЭС, увеличение объема товаропотоков между его государствами-участниками, общее изменение структуры внешнеэкономической деятельности по причине беспрецедентного санкционного давления со стороны недружественных западных стран, неблагоприятная оперативная обстановка, связанная с незаконным оборотом вооружений в зоне Специальной военной операции на территории Украины и новых субъектов Российской Федерации – комплекс данных обстоятельств обуславливает актуальность темы исследования и необходимость объединения усилий в повышении эффективности использования существующих возможностей международного правоохранительного сотрудничества. Применение имеющихся механизмов взаимодействия оперативных подразделений таможенных органов стран-членов ЕАЭС в

борьбе с трансграничной преступностью сопряжено с рядом проблемных вопросов, которые требуют разработки соответствующих предложений по их решению в практической деятельности.

Характеризуя предмет исследования, следует начать с нормативно-правового акта, наделяющего таможенные органы соответствующим объемом правоохранительных полномочий, а именно с Таможенного кодекса ЕАЭС. Статьей 354 Кодекса установлено, что «таможенные органы осуществляют оперативно-розыскную деятельность в целях выявления лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, признаваемое в соответствии с законодательством государств-членов преступлением, исполнения запросов международных организаций, таможенных и иных компетентных органов государств, не являющихся чле-

нами Союза, в соответствии с международными договорами государств-членов с третьей стороной»¹.

Основным проблемным вопросом, связанных с осуществлением оперативно-розыскной деятельности таможенными органами на единой территории ЕАЭС, является отсутствие регламентации организации процесса ОРД на территории стран-членов ЕАЭС (за исключением территории России), так как ныне действующий Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» определяет проведение оперативно-розыскных мероприятий исключительно на территории Российской Федерации². Аналогичное положение дел в законодательном регулировании ОРД имеет место и у других государств-членов ЕАЭС. Таким образом, несмотря на единство таможенной территории, таможенные органы государств-членов вынуждены ограничиваться проведением оперативно-розыскных мероприятий в пределах собственных государственных границ, а возникающие проблемы борьбы с транснациональной преступностью решать в процессе взаимодействия, которое сложно назвать оперативным.

Организуемая в существующих условиях борьба национальных таможенных органов с преступностью посредством ОРД зачастую упирается в отсутствие описанных механизмов экстерриториальности: например, при выявлении нарушений процедуры таможенного транзита, образующих состав контрабанды стратегических важных товаров и ресурсов (ст. 226.1 УК РФ)³, преследуемое оперативными подразделениями российских таможенных органов транспортное средство зачастую уходит обратно на территорию другого государства-члена ЕАЭС, с которым отсутствует пограничный контроль (Республика Беларусь), что исключает возможность дальнейшего проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) для отслеживания места стоянки, погрузки и перетарки орудия преступления (тягача и прицепа), установления и избличения исполнителей преступления (водителей, экспедиторов), выявления иных транспортных средств, использующихся в контрабандных перевозках.

Еще одной проблемой в организации противодействия таможенной преступности инструментами ОРД является отсутствие законодательной унификации таможенных деликтов в странах ЕАЭС. Из указанного обстоятельства проистекает отсутствие полномочий соответствующих служб государств-членов на исполнение направленных российскими таможенными органами поручений и запросов в рамках противодействия деяниям, которые их законодательством преступлениями не признаются. Эти обстоятельства широко используются злоумышленниками при организации каналов по незаконному выводу денежных средств за пределы Российской Федерации, в частности, на территорию Респу-

блики Казахстан, в законодательстве которого содержится аналог ст. 193 УК РФ «Уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации» – ст. 235 УК РК «Невыполнение требования репатриации национальной и (или) иностранной валюты»⁴, но отсутствует состав, аналогичный ст. 193.1 УК РФ, связанный с умышленным использованием для данных целей заведомо подложных документов, имеющих отличную субъективную сторону и характеризующийся более высокой степенью общественной опасности. Кроме того, абсолютно различные количественные критерии предельных таможенных преступлений, установленные законодателями государств-участников ЕАЭС, также не способствуют применению единых подходов к противодействию.

Также необходимо отметить и принципиальные различия в правовом статусе таможенных органов государств-членов ЕАЭС. Так, они наделены полномочиями субъектов ОРД в Республике Беларусь⁵, Республике Армения⁶ и Республике Кыргызстан⁷. Напротив, в Республике Казахстан таможенные органы, а именно подразделения Комитета государственных доходов, несут исключительно фискальную функцию. Уголовно-правовое противодействие таможенной преступности, в том числе средствами и методами оперативно-розыскной деятельности, в этой стране осуществляется подразделениями органов службы экономических расследований⁸. Указанное обстоятельство не соотносится с вышеприведенным положением Таможенного кодекса ЕАЭС, подразумевающего наличие статуса субъекта ОРД у таможенных органов всех его государств-участников.

Таким образом, межгосударственное сотрудничество в рамках ЕАЭС по направлению борьбы с преступностью силами и средствами ОРД сопряжено с рядом проблемных вопросов. В числе мер, направленных на совершенствование данной деятельности, представляется целесообразным принятие на национальном и межгосударственных уровнях скоординированных мер, а именно: внесения изменений в национальное законодательство об ОРД в части возможности проводить оперативно-розыскные мероприятия за пределами суверенной территории одного государства, а также разработки в рамках ЕАЭС специальных договоров либо целого

1 «Таможенный кодекс Евразийского экономического союза» (ред. от 29.05.2019) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.04.2023).

2 Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.04.2023).

3 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.04.2023).

4 Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2023). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252#sub_id=2350000 (дата обращения: 24.04.2023).

5 Закон Республики Беларусь от 15.07.2015 № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kgb.by/special/ru/zakon289-3/> (дата обращения: 24.04.2023).

6 Закон Республики Армения от 19.11.2007 № 3Р-223 «Об оперативно-розыскной деятельности». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=52390 (дата обращения: 24.04.2023).

7 Закон Кыргызской Республики от 16.10.1998 № 131 «Об оперативно-розыскной деятельности» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 18.01.2022). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30234289 (дата обращения: 24.04.2023).

8 Закон Республики Казахстан от 15.09.1994 № 154-ХІІІ «Об оперативно-розыскной деятельности». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1003158 (дата обращения: 24.04.2023).

их пакета уголовно-правового и уголовно-процессуального порядка, направленного на максимальную унификацию соответствующего законодательства, перечня уголовно-наказуемых таможенных деликтов, степени ответственности за их совершение, правового статуса таможенных органов как субъектов ОРД.

Рассматривая организацию взаимодействия оперативно-розыскных подразделений российских таможенных органов с аналогичными подразделениями органов правоохранительных государств-членов ЕАЭС по вопросам противодействия преступной деятельности в сфере таможенного дела, необходимо отметить, что имеющиеся проблемы во взаимодействии могут быть также преодолены рядом мер, в числе прочего:

– учреждение постоянно действующих объединенных оперативных групп с участием оперативных сотрудников соответствующих подразделений правоохранительных органов государств-членов ЕАЭС по различным направлениям работы, составление четких алгоритмов взаимодействия в случае выявления соответствующих признаков нарушения права ЕАЭС;

– расширение использования современных специализированных программных средств, разрабатываемых с учетом предложений практикующих оперативных работников, объединяющих доступ к различным национальным базам данных в целях незамедлительного обмена оперативно-значимой информацией и совместной реализации оперативных разработок;

– сосредоточение основных усилий взаимодействующих таможенных органов на выявлении новых преступных схем, постоянно видоизменяющихся в соответствии с оперативной обстановкой и общей структурой внешнеэкономических процессов, в частности по направлению борьбы с незаконными валютными операциями;

– сокращение сроков информационного обмена между субъектами правоохранительной деятельности России и зарубежных стран;

– проведение регулярных оперативно-профилактических мероприятий на каналах незаконного перемещения наркотических веществ, табачных изделий, алкогольной продукции, драгоценностей, объектов СИТЭС и других запрещенных к обороту предметов.

Указанные меры позволят повысить эффективность объединения различных ресурсов, средств и методов в целях надлежащей защиты экономической и национальной безопасности сопредельных государств, в перспективе способствуя углублению степени интеграции в рамках ЕАЭС как одного из основных стратегических приоритетов внешней политики Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Макаров А. В., Жукова А. С. Правоохранительная деятельность таможенных органов РФ в условиях Таможенного союза // Юридический мир. – 2016. – № 10. – С. 49-53.

2. Яковец Е. Н. Проблемы противодействия трансграничной преступности в рамках Содружества Независимых Государств // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2021. – № 1. – С. 15-18.
3. Калдышев А. Н. Совершенствование модельного законодательства в области обеспечения безопасности в пограничном пространстве // Международное право. – 2019. – № 2. – С. 34-41.
4. Карпика А. Г. Актуальные вопросы совершенствования правового регулирования оперативно-розыскной деятельности государств - участников Евразийского экономического союза // ЮП. – 2021. – № 2 (97). – С. 126-130.
5. Основы оперативно-розыскной деятельности: учебник: в 2 т. Т. 1: Общая часть / С. П. Жданов, О. Г. Карпович, Е. С. Недосекова и др.; предисл. В. Б. Мантусова; под ред. А. Ю. Шумилова. – М.: РИО Российской таможенной академии. – 2020. – 430 с.
6. Парманасов А. Д. Законодательное регулирование оперативно-розыскной деятельности в странах-участниках Евразийского экономического союза (по материалам органов внутренних дел): дис. ... канд. юрид. наук: – СПб., 2017. – 263 с.
7. Модельный закон «Об оперативно-розыскной деятельности». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902050857> (дата обращения 24.04.2023)
8. Лаптев Р. А., Коварда В. В., Большчева Е. А. Исследование роли таможенных органов стран ЕАЭС в обеспечении экономической безопасности национальных государств и интеграционного объединения в целом // Вестник Евразийской науки. – 2021. – № 2. – С. 1-22.
9. Лаптев Р. А., Рогов Р. А. Исследование роли таможенных органов в обеспечении экономической безопасности России в условиях глобализации // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. – № 1-1. – С. 77-85.
10. Нагаев А. М. Понятие и признаки оперативно-розыскной деятельности в странах-участниках Евразийского экономического союза // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 1 5. – С. 557-565.

БАЖАНОВ Сергей Андреевич

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы Центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

МЕДВЕДЕВА Инна Николаевна

старший научный сотрудник отдела по исследованию проблем трудовой занятости осужденных и экономических проблем функционирования уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОРПУСА НАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОБЗОР

В начале 70-х годов правящей партией и Правительством Чехословацкой Социалистической Республики был принят Закон «О Корпусе народной безопасности». Корпус народной безопасности был составной частью Министерства внутренних дел ЧССР. Учитывая особое положение корпуса в системе органов внутренних дел, законодатель возлагал на него обширный комплекс задач в сфере обеспечения общественного порядка и обеспечения государственной безопасности страны от защиты государства от враждебной деятельности служб третьих стран до обеспечения безопасности дорожного движения. Вместе с тем законодатель, наделяя сотрудников корпуса широкими властными полномочиями в сфере правоохранительной деятельности, воплощал в жизнь и принципы гуманизма, заботы о чести, достоинстве и авторитете граждан. Так, впервые гражданам в случае угрозы возбуждения уголовного дела разрешалось отказаться от дачи показаний.

Ключевые слова: Чехословакия, органы внутренних дел, правоохранительная деятельность, историко-правовой обзор.

BAZHANOV Sergey Andreevich

Ph.D. in Law, leading researcher of the Department for Improving the Regulatory Regulation of the Activities of the Penal Enforcement System of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penal Enforcement System of the Federal State Institution of the FPS of Russia

MEDVEDEVA Inna Nikolaevna

senior researcher of the Department for the Study of the problems of employment of convicts and economic problems of the functioning of the Penitentiary System of the Center for the Study of Problems of Management and organization of the execution of Sentences in the Penal System of the Federal Penitentiary Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia

LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES OF THE PEOPLE'S SECURITY CORPS OF THE CZECHOSLOVAK SOCIALIST REPUBLIC: HISTORICAL AND LEGAL REVIEW

In the early 70s, the ruling party and the Government of the Czechoslovak Socialist Republic adopted the Law "On the People's Security Corps". The People's Security Corps was an integral part of the Ministry of Internal Affairs of Czechoslovakia. Considering the special position of the corps in the system of internal affairs bodies, the legislator assigned to it an extensive set of tasks in the field of ensuring public order and ensuring the state security of the country from protecting the state from the hostile activities of third countries to ensuring road safety. At the same time, the legislator, endowing the corps employees with broad powers in the field of law enforcement, also embodied the principles of humanism, concern for the honor, dignity and authority of citizens. So, for the first time, citizens were allowed to refuse to testify in the event of a threat of initiation of a criminal case.

Keywords: Czechoslovakia, internal affairs bodies, law enforcement, historical and legal review.

В начале 70-х годов прошлого века Коммунистической партией и Правительством Чехословацкой Социалистической Республики (далее – ЧССР) был принят курс на «укрепление социалистической законности в стране, совершенствование организации и стиля работы государственного аппарата» [1]. В рамках данной работы был принят Закон «О Корпусе народной безопасности» от 24.04.1974 [2].

Здесь следует пояснить, что Корпус народной безопасности ЧССР (далее – КНБ) являлся несомненно важнейшей подсистемой органов внутренних дел. Законодателем на КНБ возлагался обширный комплекс задач от обеспечения

общественного порядка до обеспечения государственной безопасности страны, в частности:

- а) противодействие и раскрытие всякой враждебной деятельности против ЧССР;
- б) сбор и обработка информации, необходимой для укрепления безопасности государства, его политики, развития экономики;
- в) обеспечение конституционных прав граждан;
- г) обеспечение охраны объектов особого значения;
- д) задержание лиц, виновных в совершении преступлений и проступков;

Бажанов С. А.

Медведева И. Н.

е) участие в мероприятиях, способствующих обороноспособности страны, защите ее государственных границ и экономической мощи;

ж) участие в регулировании и обеспечении безопасности дорожного движения.

Помимо перечисленных выше задач на КНБ решением министра внутренних дел в пределах ЧССР и приказами министров внутренних дел субъектов, входящих в ЧССР, в пределах подмандатной территории могли быть возложены дополнительные задачи.

Так, в параграфе 6 вышеназванного закона говорилось о том, что при возникновении угрозы общественному порядку, которая не может быть устранена силами и средствами других государственных органов, аппарат КНБ должен оказать им необходимую помощь в восстановлении нормального положения.

Если же подобные действия осуществлялись КНБ по собственной инициативе, то закон обязывал должностных лиц ведомства извещать о своих действиях соответствующий компетентный государственный орган, а в первоочередном порядке местный Совет.

Перечисленные функции КНБ определяли его структуру, статус и полномочия сотрудников.

Так, штатная структура КНБ была разделена на две самостоятельные службы – службу государственной безопасности и службу милиции.

Соответственно, как директивный аппарат корпуса, так и сеть оперативных органов состояла из подразделений обеих служб.

Структурно же КНБ был организован по военному принципу единоначалия: начальником обеих служб является министр внутренних дел ЧССР; соответственно министры внутренних дел ЧССР — по отношению к нижестоящим региональным органам КНБ.

Детальная регламентация взаимоотношений отношений начальников и подчиненных в отдельных службах КНБ определялась требованиями законов: «О деятельности Чехословацкой Социалистической Республики в делах общественного порядка и безопасности», «О деятельности федеральных министерств» и «О служебных отношениях сотрудников Корпуса народной безопасности» [3].

Характерной чертой рассматриваемого закона являлась четко выраженная в его положениях забота законодателя о последовательном проведении в жизнь принципов социалистического гуманизма, об обеспечении гарантируемых конституцией прав граждан. Так, закон обязывает сотрудников корпуса при выполнении служебных заданий и других обязанностей по службе постоянно заботиться о чести, достоинстве, авторитете граждан так же, как и о своей собственной личности представителя социалистического государства. Каждый сотрудник должен был предпринимать все зависящее от него, чтобы в процессе служебных действий не наносился бессмысленный ущерб гражданам, не преступались границы, установленные законом. Наконец, закон обязывает также сотрудников корпуса, выполняющих обязанности по службе в процессе общения с гражданами информировать их об основных законных правах и обязанностях.

При создании ситуация, угрожающей жизни, здоровью и имуществу гражданина, сотрудник КНБ обязан был принять меры к ликвидации этой угрозы.

Закон предоставляет сотрудникам определенные полномочия, необходимые для достижения поставленных перед ними целей.

Они имели право вызывать любых граждан, которые могут помочь в раскрытии преступления, обнаружении преступника или разыскиваемых предметов.

Существенным для законодательства ЧССР являлось предоставление гражданам права не отвечать на поставленные сотрудниками КНБ вопросы, если это грозит возбуждением уголовного преследования против как опрашиваемого, так и его близких.

Лицам, вызванным в подразделение КНД, должны были быть возмещены понесенные в связи с этим расходы, за исключением тех случаев, когда вызовы имели место по поводу противоправных действий граждан.

Если лицо, вызванное в подразделения КНБ, не явится без достаточных оснований, то оно могло быть доставлено принудительно.

Сотрудникам КНБ предоставлялось право при исполнении служебных обязанностей требовать от каждого лица удостоверение своей личности, а граждан Закон 1974 года (§ 20) обязывает исполнять эти требования.

Гражданин, который не может удостоверить свою личность, мог быть доставлен в органы КНБ. Задержанный в этом случае должен был быть освобожден немедленно или не позже 24 часов после выяснения его личности.

В исключительных случаях, когда иным способом нельзя установить личность задержанного, закон разрешает сотрудникам КНБ фотографировать его, производить антропометрию, дактилоскопировать и устанавливать наличие особых примет на теле, сопровождая все это определенными процессуальными действиями. Разрешалось брать на экспертизу образец почерка задержанного, проверять его вещи. Задержанный в этих случаях обязан был выполнять требования сотрудников КНБ.

Кроме того, закон уполномочивал сотрудников КНБ участвовать в предварительном расследовании и производить действия, необходимые для выяснения вины подозреваемого и установления свидетелей преступления.

Согласно параграфу § 23 закона сотрудники КНБ могли в ходе проведения неотложных служебных действий задерживать каждого, кто своим неподобающим поведением нарушал общественный порядок. При задержании на срок выше 24 часов орган КНБ должен был уведомить родственников задержанного, если же задержанный является военнослужащим – непосредственного командира или начальника. Данное правило предполагало некоторые исключения, продиктованные важными обстоятельствами.

По мнению специалистов, принятие Закона «О Корпусе народной безопасности» являлось важным звеном в цепи мероприятий по укреплению социалистической государственности в Чехословакии [1].

Пристатейный библиографический список

1. Эбзеева Э. П. Новое законодательство об органах внутренних дел ЧССР // За рубежом: информационный сборник. - М.: ВНИИ МВД СССР, 1977. - С. 36-38.
2. Zakon z dne 24 dubna 1974. O sboru narodni bespecnosti // «Zbirka zalconu». - 1974. - № 6.
3. Федеральное МВД ЧССР. 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://shieldandsword.mozohin.ru/soyuznik/cz/fmv6989/index.htm> (дата обращения: 25.05.2023).

МИНГУЛОВ Ильнур Рашитович

старший преподаватель кафедры физической подготовки Уфимского юридического института МВД России

ИВАНЧЕНКО Евгений Сергеевич

кандидат педагогических наук, начальник кафедры физической подготовки Восточно-Сибирского института МВД России

МУХАНОВ Юрий Викторович

кандидат педагогических наук, доцент, заместитель начальника кафедры физической подготовки Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина

ФОРМИРОВАНИЕ СИЛОВЫХ СПОСОБНОСТЕЙ В РАМКАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ МВД РОССИИ

В представленной статье рассматривается проблема развития силовой выносливости у сотрудников полиции в процессе их профессионально-служебной подготовки. Данное физическое качество играет огромную роль в формировании общей физической подготовки сотрудников, обеспечивая наиболее эффективное выполнение служебно-боевых задач, направленных на обеспечение правопорядка и законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина. От развития силы и силовой выносливости зависит степень сопротивления и противодействия внешним воздействиям, возможность использования максимального ресурса организма в условиях экстремальных ситуаций.

В работе описываются основные средства и методы развития силовых качеств, принципы построения силовых тренировок, а также обосновывается значение развития силы и силовой выносливости как основополагающих физических качеств в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Актуальность работы детерминируется требованием постоянного и целенаправленного развития физических качеств сотрудников органов внутренних дел, совершенствования уровня их физических показателей, влияющих на возможность умелого и правильного применения физической силы. В условиях современности к сотрудникам полиции предъявляются высокие требования относительно профессиональной физической подготовки в целях борьбы с преступностью.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, физическая подготовка, сила, выносливость, силовые способности, сотрудник полиции.

MINGULOV Ilnur Rashitovich

senior lecturer of Physical training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

IVANCHENKO Evgeniy Sergeevich

Ph.D. in pedagogical sciences, Head of Physical training sub-faculty of the East Siberian Institute of the MIA of Russia

MUKHANOV Yuriy Viktorovich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, Deputy Head of Physical training sub-faculty of the I. D. Putilin Belgorod Law Institute of the MIA of Russia

FORMATION OF POWER ABILITIES IN THE FRAMEWORK OF PROFESSIONAL TRAINING OF EMPLOYEES OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

The article deals with the problem of the development of strength endurance among police officers in the process of their professional and service training. This physical quality plays a huge role in the formation of the general physical training of employees, ensuring the most effective performance of service and combat tasks aimed at ensuring law and order and legality, respect for human and civil rights and freedoms. The degree of resistance and resistance to external influences, the possibility of using the maximum resource of the body in extreme situations depends on the development of strength and strength endurance.

The paper describes the main means and methods of developing strength qualities, the principles of building strength training, and also substantiates the importance of developing strength and strength endurance as fundamental physical qualities in the professional activities of law enforcement officers.

The relevance of the work is determined by the requirement of constant and purposeful development of the physical qualities of employees of the internal affairs bodies, improving the level of their physical indicators that affect the possibility of skillful and correct use of physical force. In modern conditions, high demands are placed on police officers regarding professional physical training in order to combat crime.

Keywords: professional training, physical training, power, endurance, power abilities, police officer.

Подготовка и обучение квалифицированных кадров для дальнейшей службы в современных условиях усложняется высокими требованиями к их профессиональным качествам, в числе которых преобладают физические показатели. Ввиду этого большое внимание направлено на

необходимость развития силовых способностей в рамках общей физической подготовки.

Основным нормативно-правовым актом, регламентирующим организацию физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД

РФ), определены задачи и цель физической подготовки сотрудников, а также средство физической подготовки, под которым понимаются различные виды упражнений общей физической подготовки и служебно-прикладные упражнения [1]. В свою очередь, главным способом развития силы являются упражнения по общей физической подготовке.

Следует понимать, что сила является одним из базовых физических качеств, определяемая как способность организма преодолевать внешнее сопротивление и противодействовать ему с помощью собственных мышечных напряжений. Развитие силы эквивалентно развитию мышечной массы, поскольку мышечная масса является структурным компонентом, а сила – это одна из ее функций [2]. Уровень прилагаемых мышечных усилий напрямую влияет на эффективность применения боевых приемов борьбы, нанесения ударов, применения специальных средств, а также огнестрельного оружия.

В определенном соотношении физические способности во многом зависят от анатомических, психологических и физиологических особенностей организма, но это не является утверждением того, что врожденные задатки не следует развивать. Приобретаемые навыки, в том числе и двигательные, возможно совершенствовать путем какого-либо вида деятельности, то есть динамического и упорядоченного процесса, ориентированного на достижение заданных целей. Таким образом, силовые качества необходимо сопоставлять с генетическими свойствами, но вырабатывать и улучшать их необходимо собственными непрерывными усилиями.

Развитие силовых способностей происходит посредством различных средств и методов. К средствам развития силы относятся упражнения на определенные группы мышц, которые по характеру и объему воздействия подразделяются на упражнения общего воздействия, регионального и локального. К упражнениям общего воздействия относятся те, при выполнении которых задействуется не менее 75 % всех мышц, регионального – от 30 % до 60 %, локального, или изолированного, – менее 30 % от общего объема мышц. По видам такие средства можно условно классифицировать на следующие:

1. Упражнения с отягощениями (например, гири, штанга, гантели и другие).
2. Упражнения с использованием собственного веса тела (сгибание и разгибание рук в упоре лежа, подтягивание в висе, наклоны вперед из положения лежа на спине силовые комплексные упражнения).
3. Тренировка с помощью спортивных тренажеров (выполнение упражнений на гиперэкстензии, вертикальный жим, жим ногами).
4. Упражнения с использованием гибких предметов, которые создают сопротивление (такие как эспандеры или резиновые жгуты) [3].

К основным же методам развития силовых способностей организма будут относиться такие методы, как: повторный метод, метод максимальных усилий и динамический метод.

Повторный метод (метод повторных усилий). Заключается в выполнении упражнения с использованием внешних отягощений с предельным числом повторений, то есть до значительного утомления или «до отказа». В данном случае предел усилия определяется не массой отягощения, а числом повторений.

Метод максимальных усилий. Противоположен по механизму и характеру выполнения предыдущему методу. Состоит в преодолении максимального или около максимального сопротивления за минимальное количество повторений. Данный метод позволяет обеспечивать рост максимальной динамической силы, а также способность выполнять усилия большой мощности, но его использование возможно только после предварительной базовой силовой тренировки с соответствующим уровнем физической подготовленности сотрудников полиции.

Динамический метод. Под ним понимается выполнение упражнения с относительно небольшой величиной сопротивления с максимальным темпом выполнения. Такая работа позволяет создать максимальное силовое напряжение и применяется для развития такой скоростно-силовой способности как «взрывной» силы, то есть способности человека выполнять максимальные усилия в кратчайший срок [4].

Данные методы следует использовать в совокупности при условии соблюдения режима тренировочных занятий ввиду их специальной направленности.

В условиях специфичности служебно-боевых задач, поставленных перед сотрудниками полиции, возникает необходимость в совершенствовании силовой выносливости, которая выражается в способности проявления значительной силы за продолжительный период времени.

В данном случае речь идет о поддержании интенсивности работы и подключения дополнительных волевых усилий в условиях прогрессивно углубляющегося утомления. Такое качество позволяет выдерживать интенсивные физические и психические нагрузки, повышать работоспособность и общую выносливость сотрудников ОВД РФ. В целом, силовая выносливость является важнейшим физическим показателем, который направлен на профессионально-служебную деятельность в экстремально-сложившихся условиях. Силовая выносливость позволяет длительное время противостоять воздействиям неблагоприятных факторов служебно-боевой деятельности, поддерживать слаженную работу оперативных групп специальных подразделений, наиболее эффективным образом применять оружие и технику [5].

Развитие силовых качеств невозможно без соблюдения некоторых принципов тренировочного процесса, являющихся базисом в профессиональной физической подготовке сотрудников. Среди которых:

Принцип прогрессивной и планомерной нагрузки, обеспечивающийся за счет постоянного увеличения физической нагрузки по мере привыкания мышц к прежнему уровню путем повышения интенсивности тренировочных занятий, перехода к более сложным упражнениям, увеличения массы отягощений с целью позитивного изменения

показателей силовой работы мышц, предотвращения их стагнации.

Принцип выбора и техники выполнения упражнения, заключающийся в правильном понимании работы опорно-двигательного аппарата, избежание выполнения травмоопасных упражнений, упора на развитие всех групп мышц.

Принцип индивидуальности, который подразумевает собой учет реальных возможностей организма, уровня подготовленности и цели тренировочных занятий.

Принцип разнообразия, согласно которому необходимо периодически вносить изменения в программу тренировок в зависимости от индивидуальных изменений с целью повышения их эффективности [6].

Вышеперечисленные принципы позволяют наиболее рациональным образом выстраивать программу тренировок, степень их интенсивности и определения индивидуальных особенностей тренирующихся.

В заключение следует отметить, что совершенствование силовых способностей сотрудников ОВД РФ лежит в основе формирования профессионально значимых качеств, успешного выполнения возложенных оперативно-служебных задач, направленных на пресечение преступлений, обеспечение правопорядка, личной безопасности, а также защиты граждан от противоправных посягательств. Силовые качества наиболее полным образом способствуют общему развитию организма и повышению его работоспособности, выступают неотъемлемым элементом профессиональной физической подготовки сотрудников.

Пристатейный библиографический список

1. Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации: Приказ МВД России от 1 июля 2017 г. № 450.
2. Бабин А. В., Мингулов И. Р. Особенности формирования силовых способностей у сотрудников ОВД РФ в процессе их физической подготовки // В сборнике: Совершенствование физической подготовки сотрудников правоохранительных органов. сборник научных статей. - Орел, 2022. - С. 30-33. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49242525> (дата обращения: 16.03.2023).
3. Карданов А. К. О методах совершенствования силовой выносливости сотрудников специальных подразделений правоохранительных органов // Наука и спорт: современные тенденции. - 2018. - № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-metodah-sovershenstvovaniya-silovoy-vynoslivosti-sotrudnikov-spetsialnyh-podrazdeleniy-pravoohranitelnyh-organov> (дата обращения: 07.04.2023).

4. Хажироков В. А. Особенности формирования силовых способностей у сотрудников ОВД в процессе их физической подготовки // Наука и спорт: современные тенденции. - 2018. - № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-silovyh-sposobnostey-u-sotrudnikov-ovd-v-protse-ih-fizicheskoy-podgotovki> (дата обращения: 07.04.2023).
5. Бабин А. В., Иванченко Е. С., Овечкин Д. Г. Физическая активность как количественный показатель общей физической подготовки сотрудников полиции и курсантов // Евразийский юридический журнал. - 2022. - № 8 (171). - С. 372-373. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49720354> (дата обращения: 18.03.2023).
6. Сысоев А. А., Разницын В. А. Скоростно-силовая подготовка сотрудников полиции. Средства и методы развития скоростно-силовых способностей // Вестник экономической безопасности. - 2016. - № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/skorostno-silovaya-podgotovka-sotrudnikov-politsii-sredstva-i-metody-razvitiya-skorostno-silovyh-sposobnostey-1> (дата обращения: 07.04.2023).

БАХОНИНА Елена Игоревна

кандидат технических наук, доцент Уфимского государственного нефтяного технического университета

НАСИБУЛЛИНА Валерия Андреевна

магистрант Уфимского государственного нефтяного технического университета

ТАЖЕТДИНОВА Айсылу Азаматовна

магистрант Уфимского государственного нефтяного технического университета

ЯХИНА Элиза Наилевна

магистрант Уфимского государственного нефтяного технического университета

ИЗМЕНЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ПО ОХРАНЕ ТРУДА, СВЯЗАННЫЕ С ПРОЦЕДУРОЙ ОЦЕНКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РИСКА

Тенденции современной охраны труда идут по пути внедрения превентивных мер, одной из таких мер является проведение процедуры оценки профессиональных рисков на производстве. Поскольку вопрос об изменениях в законодательстве по охране труда стоял очень остро, были введены поправки, а также разработаны новые документы, вступившие в силу с 1 марта 2022 года.

В статье приведен анализ новых требований по охране труда, коснувшихся порядка проведения процедуры оценки профессиональных рисков.

Целью статьи является рассмотрение законодательных актов, регламентирующих процедуру оценки профессиональных рисков.

Ключевые слова: производственный травматизм, профессиональный риск, система управления охраной труда.

BAKHONINA Elena Igorevna

Ph.D. in technical sciences, associate professor of the Ufa State Petroleum Technical University

NASIBULLINA Valeriya Andreevna

magister student of the Ufa State Petroleum Technical University

TAZHETDINOVA Aisulu Azamatovna

magister student of the Ufa State Petroleum Technical University

YAKHINA Eliza Nailevna

magister student of the Ufa State Petroleum Technical University

CHANGES IN LABOR PROTECTION LEGISLATION RELATED TO THE OCCUPATIONAL RISK ASSESSMENT PROCEDURE

Trends in modern occupational safety and health go along the way of introducing preventive measures, one of such measures is to carry out the procedure of occupational risk assessment at work. As the issue of changes in labor protection legislation was very acute, amendments were introduced and new documents were developed, which came into force on March 1, 2022.

The article provides an analysis of the new requirements for occupational safety and health, which touched upon the procedure for assessing occupational risks.

The purpose of the article is to review the legislative acts regulating the procedure of occupational risk assessment.

Keywords: occupational injuries, occupational risk, occupational safety management system.

Как показывает статистика производственного травматизма, взятая с официального сайта Росстат, в целом количество травм, полученных работниками при выполнении своих должностных обязанностей на производстве, начиная с 2000 года снижается. При этом примечательно, что доля несчастных случаев со смертельным исходом, напротив, растёт. Если в 2000 году она составляла 2,9 %, то в 2022 году – 5,6 %. Этот тренд связывают в большей степени с модернизацией производства, на предприятия внедряют всё более сложные механизмы, вследствие чего количество возможных опасностей возрастает [1].

Ключом к решению этой проблемы на сегодняшний день становится такая превентивная мера, как внедрение процедуры оценки профессионального риска. Данная процедура направлена на предупреждение возникновения несчастных случаев на производстве путём заблаговременного выявления возможных рисков и разработки соответствующих мероприятий для снижения их уровня [3].

Оценка профессиональных рисков традиционно проводится в несколько этапов: идентификация опасностей; анализ рисков, в который входит определение уровня рисков,

определение допустимости уровня рисков и необходимости принятия мер безопасности, выбор методов управления рисками и их реализация; повторный анализ рисков для проверки достижения допустимости уровня рисков [2].

До недавнего времени эта процедура фактически ничем не регламентировалась, вследствие чего многие работодатели относились к ней достаточно халатно, во многих организациях она носила лишь формальный характер.

Однако с 1 марта 2022 года законодательство изменилось, был введен ряд поправок в X раздел Трудового кодекса РФ, которые закрепили обязательность проведения оценки профрисков на предприятии [5].

В ходе данного исследования был проведен анализ некоторых из них:

1) Введены поправки в ст. 209.1 ТК РФ (снижение уровня профессиональных рисков на рабочем месте закрепляется в качестве основного принципа по обеспечению безопасности работника);

2) Введены поправки в ст. 214 ТК РФ (в обновленной статье фиксируется обязательство работодателя обеспечивать

«систематическое выявление опасностей и профрисков, их регулярный анализ и оценку, расследование и учет несчастных случаев, учет и рассмотрение причин и обстоятельство микроповреждений», таким образом процедура оценки профессиональных рисков перестает носить формальный характер);

3) Введены поправки в ст. 214.1 ТК РФ (работник, согласно поправкам, имеет право не приступать к своим должностным обязанностям до устранения факторов риска);

4) Введены поправки в ст. 214.2 ТК РФ (работодатель теперь вправе устанавливать аудио- и видео- фиксацию на своем производстве, данная мера позволит обеспечить контроль за трудовым процессом, что позволит вовремя среагировать, если будут нарушены правила по охране труда);

5) Введены поправки в ст. 218 ТК РФ (введена новая классификация рисков в зависимости от причины: травмированное и приобретение профессиональных заболеваний, что позволит точно определять какой именно страховой случай произошел с работником и облегчит дальнейшую процедуру его расследования);

6) Вступил в силу Приказ Минтруда № 926 от 28.12.2021 г., утверждающий «Рекомендации по выбору методов оценки уровней профессиональных рисков и по снижению уровней таких рисков» (законодательство не обязывает работодателя пользоваться именно этим документом при выборе методики для оценки профессиональных рисков на его предприятии, однако именно здесь для удобства собраны многие существующие методики).

Каким методом проводить оценку и как доносить информацию о выявленных рисках – выбор работодателя, тем не менее наиболее эффективным и понятным для работника считается такой документ, как карта риска [5].

Карта риска в 2023 году может иметь произвольную форму, однако есть определенные пункты, которые, согласно требованиям нормативно-правовых актов, следует включить в данный документ:

- 1) наименование рабочего места;
- 2) перечень опасностей;
- 3) уровень риска;
- 4) средства предупреждения или меры по снижению риска;
- 5) дата ознакомления, Ф. И. О. и подпись работника.

Что касается метода, с помощью которого оцениваются риски, его можно выбрать согласно «Рекомендациям по выбору методов оценки уровней профессиональных рисков и по снижению уровней таких рисков», утвержденных Приказом Минтруда № 926, в зависимости от специфики предприятия.

Наиболее популярными на сегодняшний день методами являются:

- 1) матричный метод;
- 2) матричный метод на основе балльной оценки;
- 3) анализ «галстук-бабочка»;
- 4) контрольные листы;
- 5) анализ причинно-следственных связей;
- 6) метод анализа сценариев;
- 7) метод анализа «дерева решений»;
- 8) метод анализа влияния человеческого фактора;
- 9) оценка рисков получения профессионального заболевания.

Помимо перечисленных, встречаются методики, которые были разработаны на самих предприятиях. Необходимо отметить, что на практике редко прибегают к какому-то одному методу, зачастую работодатель применяет комплекс из сразу нескольких методик, подходящих под его трудовую деятельность.

Из всего вышеперечисленного можно сделать вывод, что работодатель при выборе методики для оценки профриска должен принимать во внимание размер организации, сложность технологического процесса и оборудования, характеристики риска.

Согласно новым Рекомендациям Минтруд предлагает учитывать:

- 1) Масштабы применения результатов оценки (на уровне организации / для отдельного проекта или структурного подразделения / на уровне конкретного производственного процесса, оборудования);
- 2) Временный диапазон проявления риска (краткосрочный / среднесрочный / долгосрочный);

3) Уровень принятия решений при управлении риском (стратегический – высшее руководство / операционный – структурное подразделение или проект / тактический – конкретный работник).

Следует отметить, что в данном документе всё же остались неосвоенные вопросы.

Глава VI Рекомендаций содержит алгоритм процедуры планирования, а также реализации мер по управлению рисками. В том числе приведены примеры отдельных методов:

- 1) замена опасной работы на менее опасную;
- 2) использование СИЗ;
- 3) сокращение продолжительности рабочего времени и др.

Но при этом Рекомендации не содержат конкретных примеров прикладного применения процедуры оценки. Например, как использовать результаты оценки профессиональных рисков при планировании обучения персонала или разработке Положения о системе управления охраной труда. [5]

Кроме того, нет периодичности проведения оценки. Статья 214 Трудового кодекса в ред. от 1 марта 2022 года и примерное положение о системе управления охраной труда закрепляют обязанность работодателя систематически выявлять опасности и профриски, проводить их анализ и оценку. Насколько часто нужна эта процедура – раз в 3 года или 5 лет, в нормативных документах не уточняется.

И, наконец, в приказе № 926 нет требований к экспертам по оценке профрисков и рекомендаций по выбору экспертной организации. Вся ответственность за применение методик целиком и полностью ложится на плечи работодателя.

Так или иначе, контрольно-надзорные органы на сегодняшний день уделяют особое внимание оценке профрисков и тщательно проверяют, осуществляется ли она на предприятии и каким именно методом.

Ответственность работодателя за непроведение процедуры оценки рисков на своем предприятии (на основании статьи 5.27.1 КоАП РФ) влечет наложение административных штрафов в следующих размерах:

- 1) на должностных лиц – от 2000 до 5000 рублей;
- 2) на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица – от 2000 до 5000 рублей;
- 3) на юридических лиц – от 50000 до 80000 рублей.

Таким образом, следует ожидать, что переход на новое законодательство займет определенное время. Этот период может занять 5 лет. Так многие из перечисленных в работе поправок планировалось ввести ещё в 2021 году, однако до этого года они не были введены. Вместе с тем, изменения в законодательстве смогут обеспечить смещение ориентира современной охраны труда в сторону применения превентивных мер, ведь всегда легче предупредить ситуацию, чем устранять её последствия.

Пристатейный библиографический список

1. Абдрахманова К. Н., Шабанова В. В., Федосов А. В. и др. Применение моделирования процесса развития аварии и оценки риска в целях обеспечения безопасной эксплуатации объектов нефтегазового комплекса // Безопасность техногенных и природных систем. – 2020. – № 2. – С. 2-13.
2. Белов П. Г. Управление рисками, системный анализ и моделирование в 3 ч. Часть 1: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 211 с.
3. Белов П. Г. Управление рисками, системный анализ и моделирование в 3 ч. Часть 2: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 250 с.
4. Белов П. Г. Управление рисками, системный анализ и моделирование в 3 ч. Часть 3: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 272 с.
5. Охрана труда: ключевые изменения с 1 марта 2022 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/article/1486534/> (дата обращения: 25.05.2023).

ДОНСКИХ Дмитрий Валерьевич

аспирант кафедры сравнительной политологии Факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов

МЕЛЬНИКОВ Андрей Олегович

аспирант кафедры сравнительной политологии Факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов

РОЛЬ РОССИИ НА ПУТИ К ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМУ ПЕРЕХОДУ И УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ

Современный энергетический рынок претерпевает значительные изменения. Во многом они связаны с такими тенденциями как декарбонизация, увеличение внимания к зеленой энергетике, замещение традиционных энергоносителей, повышение энергоэффективности. Это вызывает не только изменения в энергетической отрасли, но и в социальной и политической среде. Значимость экспортеров энергии на мировом энергетическом рынке падает, как и их влияние на ценообразование. В целом, эти процессы принято называть энергетическим переходом. В рамках исследования ставится задача выявить современные особенности энергетического перехода, его особенности на современном этапе и место Российской Федерации как одного из крупнейших экспортеров энергоносителей на формирующемся заново энергетическом рынке. В статье анализируется готовность российского корпоративного сектора к конкуренции в новых условиях, выявляется потенциал водородной энергетики, а также анализируются условия внутреннего рынка страны. Одним из важных результатов исследования является оценка позиции РФ по участию в климатической повестке и тех форм участия, которые не будут сказываться на экономике страны негативным образом.

Ключевые слова: Россия, энергетический переход, энергетическая безопасность, международные отношения.

DONSKIKH Dmitriy Valerjevich

postgraduate student of Comparative political science sub-faculty of the Faculty of Humanities and Social Sciences of the Peoples' Friendship University of Russia

MELNIKOV Andrey Olegovich

postgraduate student of Comparative political science sub-faculty of the Faculty of Humanities and Social Sciences of the Peoples' Friendship University of Russia

THE ROLE OF RUSSIA ON THE WAY TO THE ENERGY TRANSITION AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT

The modern energy market is undergoing significant changes. In many ways, they are associated with such trends as decarbonization, increased attention to green energy, replacement of traditional energy carriers, and increased energy efficiency. This causes not only changes in the energy industry, but also in the social and political environment. The importance of energy exporters in the global energy market is declining, as is their influence on pricing. In general, these processes are called the energy transition. As part of the study, the task is to identify the modern features of the energy transition, its features at the present stage and the place of the Russian Federation as one of the largest energy exporters in the newly emerging energy market. The article analyzes the readiness of the Russian corporate sector to compete in the new conditions, identifies the potential of hydrogen energy, and analyzes the conditions of the country's domestic market. One of the important results of the study is an assessment of the position of the Russian Federation on participation in the climate agenda and those forms of participation that will not affect the country's economy in a negative way.

Key words: Russia, energy transition, energy security, international relations.

Мировые энергетические рынки в настоящее время переживают процессы глубокой трансформации под влиянием множества факторов культурных и социальных изменений, международных отношений, научных открытий и технологических новшеств, что приводит к нестабильности и высокой неопределенности, способной существенно изменить структуру мировой энергетики в середине -сроки и долгосрочную перспективу и формируют новые вызовы ее развитию.

Из-за недостаточного спроса на внутреннем рынке Россия сильно зависит от мировых энергетических рынков традиционных энергоресурсов. Снижение спроса на ископаемое топливо на основных экспортных направлениях рассматривается как серьезный риск для российского энергетического сектора. Менее значительная зависимость от нефти и газа в связи с растущей диверсификацией мирового энергетического баланса может отрицательно сказаться на геополитическом статусе России, это в значительной степени основано на ее положении в качестве важнейшего поставщи-

ка энергоресурсов. В то же время, учитывая значительный вклад России в мировую энергетическую систему, значение российской стратегии энергетического перехода выходит за рамки вопросов национального экономического развития и безопасности и может способствовать достижению целей создания устойчивой энергетики в глобальном масштабе.

Поскольку Россия является одним из мировых лидеров по производству и экспорту углеродных энергоресурсов, прогнозируемые изменения потребуют от страны ускоренного перехода к более эффективному, гибкому и устойчивому энергетическому сектору. За счет снижения негативного воздействия энергетических отраслей на окружающую среду и адаптации их к изменению климата Россия может внести существенный вклад в низкоуглеродное развитие мировой экономики и смягчение последствий изменения климата.

Следует отметить два направления исследования энергетического перехода это: изучить возможные модели перехода к энергетике в России в рамках более широкой концепции устойчивости и с учетом множества доступных технологи-

ческих вариантов, а также определить вклад России в глобальный низкоуглеродный переход, также международные усилия что бы сохранить окружающую среду и бороться с изменением климата. Во-первых, текущая роль России в геополитике кратко обозначена как отправная точка для дальнейшего анализа. Затем обобщаются геополитические последствия энергетического перехода в целом и конкретно для России. Наконец, роль России в изменении глобального энергетического ландшафта обсуждается через призму возможного вклада в мировую энергетическую устойчивость, опираясь на существующее положение и естественные преимущества. Вклад заключается в определении стратегических направлений развития российского энергетического сектора, которые могли бы позволить сохранить его роль в трансформирующемся глобальном энергетическом секторе как поставщика доступных, надежных и экологически безопасных вариантов энергии.

В составе ресурсно-технологической структуры мировой энергетики, сложившейся в XX веке, Россия занимает уникальный статус крупного производителя, потребителя и экспортера всех видов углеродных энергоресурсов. Положение России на мировых энергетических рынках в мировом энергетическом секторе рассматривается как основной источник геополитического и внешнеэкономического влияния страны не только в региональном, но и в глобальном масштабе. Такая позиция обусловлена рядом факторов, включая богатые запасы энергоресурсов¹ и огромную энергетическую инфраструктуру и транспортную систему. Транспортная система России включает более 67 тыс. км магистральных нефтепроводов² и более 170 тыс. км магистральных газопроводов³. В настоящее время разрабатывается ряд проектов по дальнейшему расширению этой транспортной системы на восток для диверсификации вариантов экспорта. По состоянию на 2021 г. на Россию приходилось примерно 6%, 17% и 3% мировой добычи нефти, природного газа и угля соответственно⁴. С начала 2000-х годов Россия радикально увеличила экспорт энергоносителей, укрепив свои позиции на международной арене. В 2021 году Россия была крупнейшим экспортером природного газа с долей 17,3% в мировом экспорте и вторым по величине экспортером нефти после Саудовской Аравии с долей 12,8% в мировом экспорте. Статус абсолютного мирового лидера в экспорте энергетике подразумевает важность стратегической позиции России в отношении энергетического перехода не только для самой страны, но и в глобальном масштабе. Из-за недостаточного спроса на внутреннем рынке Россия сильно зависит от мирового энергетического рынка традиционных энергоресурсов.

Энергетический сектор в настоящее время обеспечивает около 40 % доходов федерального бюджета⁵ и более 50 %

российского экспорта⁶. В соответствии с ролью энергетического сектора в экономике России, а также в международных отношениях, цель развития энергетики в России, сформулированная в Энергетической стратегии России⁷, заключается, с одной стороны, в максимальном социально-экономическом развитии страны и с другой стороны, укрепление и сохранение позиций Российской Федерации в мировой энергетике на основе повышения конкурентоспособности российской энергетики, географической и продуктовой диверсификации экспорта и повышения качества экспортной продукции.

Между тем глобальная политика декарбонизации, усугубляемая политической нестабильностью и высокой волатильностью цен, делает более уязвимым российский экспорт традиционных энергоресурсов. Появление новых производителей, возрастающее значение нетрадиционных ресурсов углеводородов и ускоренное развитие возобновляемых источников энергии приводят к усилению конкуренции на ключевых мировых энергетических рынках.

В условиях глобальных вызовов российская энергетическая политика последних лет была направлена на развитие и углубление международного сотрудничества. Не являясь членом ОПЕК и МЭА (Международное энергетическое агентство), Россия поддерживает активные контакты с обеими организациями, в том числе по вопросам энергетической безопасности. На рынке природного газа Форум стран-экспортеров газа является важным механизмом реагирования на конъюнктуру рынка. Форум стран-экспортеров газа, в задачи которой входит защита интересов и суверенитета энергетической политики своих государств-членов и координация усилий по продвижению природного газа на мировой арене⁸. Взаимоотношения между производителями и потребителями энергоресурсов находятся в центре внимания Международного энергетического форума, который является неформальной международной организацией, регулярно проводящей министерские встречи. Россия принимает активное участие в деятельности МЭФ. По инициативе ее проблемы глобальной энергетической безопасности и устойчивости обсуждаются именно в рамках «Группы двадцати»⁹. На саммите в Санкт-Петербурге в 2013 г. «Группа двадцати» учредила Рабочую группу по устойчивому энергетическому развитию, уполномоченную заниматься такими вопросами, как энергоэффективность, глобальная энергетическая структура, прозрачность рынка и инвестиции.

Многостороннее и двустороннее энергетическое сотрудничество на региональном уровне осуществляется в рамках региональных экономических организаций на основе соответствующей международно-правовой базы. Региональные приоритеты российской энергетической дипломатии

1 According to BP Statistical Review of World Energy 2022, Russia accounts for 6.7 % of total proved oil reserves and 17.1 % of total proven natural gas reserves.

2 Transneft Annual Report 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.transneft.ru/u/section_file/56231/2021.06.29_go_dlya_raskritiya_.pdf.

3 Gazprom official site. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gazprom.ru/about/production/transportation/>.

4 BP Statistical Review of World Energy 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf>.

5 В 2019 году доля энергетики в доходах федерального бюджета составила 39,9 %. В 2020 году этот показатель снизился до 28% как в результате снижения нефтегазовой выручки в связи с неблагоприятной внешней конъюнктурой, так и за счет увеличения нефтегазовой выручки. Минфин, Годовая информация

об исполнении федерального бюджета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute/?id_65=80041-yezhegodnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_federalnogo_byudzheta_dannye_s_1_yanvarya_2006_g.

6 Федеральная таможенная служба, Структура экспорта товаров. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://customs.gov.ru/folder/519>.

7 Minenergo RF (2020). Энергетическая стратегия России до 2035 года. М.: Министерство энергетики Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minenergo.gov.ru/node/1026>.

8 The coalition was created in 2008 with strong support from Russia and currently represents 70% of proven gas reserves, 44 % of its marketed production, 52 % of pipeline, and 51 % of LNG exports across the globe. GECF official site. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gecf.org/about/overview.aspx>

9 The Russian Presidency of the G20: Outline. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/67044>.

предусматривают, что меры по укреплению позиций в Европейском регионе, являющемся основным рынком сбыта российских нефти и газа, должны дополняться активными действиями по расширению экспортных потоков России в восточном направлении.

Принимая во внимание то, что глобальные тенденции энергетического перехода представляют реальную угрозу геополитическому статусу и роли России на мировом энергетическом рынке, есть возможность для более оптимистичного взгляда, сфокусированного на потенциальном вкладе страны в глобальные усилия, направленные на переход к более устойчивой энергетике как в среднесрочной, так и в долгосрочной перспективе. Это может формироваться по следующим стратегическим направлениям:

- оптимизация традиционной промышленности, связанной с ископаемым топливом, в сочетании с природными и технологическими вариантами улавливания углерода для получения коммерчески и экологически жизнеспособных безуглеродных нефти и газа;
- увеличение доли СПГ в качестве важного переходного топлива с важным потенциалом декарбонизации для сектора тяжелых транспортных средств;
- участие в построении водородной экономики в качестве поставщика «голубого» и «зеленого» водорода и разработчика технологий;
- раскрытие потенциала ядерной энергетики как надежного источника экологически чистой энергии на основе опыта в области ядерных технологий.

Будущее с нулевыми выбросами не равно будущему без энергии, основанному на ископаемом топливе, и Россия может стать лидером в продаже безуглеродных нефти и газа, в частности, в качестве ископаемого топлива с наименьшими выбросами парниковых газов. Решение проблемы устойчивой энергетики требует участия многих заинтересованных сторон, и игнорирование роли ископаемых видов топлива может иметь негативные последствия. Сбалансированный эволюционный, а не революционный подход к ответственному и справедливому энергетическому переходу предполагает примирение необходимости принятия немедленных мер, направленных на ограничение выбросов, с разумным подходом к управлению существующей энергетической инфраструктурой. Для обеспечения устойчивого глобального энергоснабжения необходимо найти рациональный баланс между традиционными и новыми источниками энергии. Массивная индустрия ископаемого топлива может стать надежной основой для построения устойчивой энергетики в будущем. Учитывая обширный накопленный операционный и технологический опыт, а также инвестиционные возможности, нефтегазовая отрасль имеет хорошие возможности для того, чтобы взять на себя инициативу в программе преобразований.

Поскольку более половины нефти в России добывается ограниченным числом компаний, контролируемых государством, стратегии сектора ископаемого топлива можно анализировать с корпоративной точки зрения. Стратегии декарбонизации вертикально интегрированных нефтегазовых компаний можно в основном классифицировать следующим образом:

- компенсация выбросов (проекты лесовосстановления, получение углеродных кредитов);
- преобразование производства (технологии CCUS (использование и хранение улавливания углерода), энергоэффективность, цифровая оптимизация, сокращение сжигания попутного газа, использование ВИЭ в работе)

– продуктовая номенклатура преобразования (биотопливо; голубой водород);

– трансформационная бизнес-модель (инвестиции в проекты ВИЭ, зарядные станции для электромобилей).

Российские компании неохотно участвуют в глобальной тенденции перехода к энергетике, не имеют четкой стратегии декарбонизации и вкладывают ограниченные средства в развитие экологически чистых энергетических технологий. Между тем существует большой потенциал как в компенсации выбросов за счет проектов лесовосстановления, так и в преобразовании операций для повышения эффективности и значительного снижения уровня выбросов. В проекте Стратегии низкоуглеродного развития России до 2050 г. энергоэффективность рассматривается как ключевой источник сокращения выбросов¹⁰. В то же время российские нефтегазовые компании традиционно связывают энергоэффективность со снижением эксплуатационных расходов, императив регулирования климата подчеркивают важность повышения энергоэффективности как инструмента декарбонизации. Интеграция ВИЭ в эксплуатацию до настоящего времени была ограниченной и фрагментарной, но может быть жизнеспособным вариантом для удаленной производственной и транспортной инфраструктуры. Россия обладает большим потенциалом в области лесного хозяйства и большими площадями земель и водно-болотных угодий, что создает возможности для естественного поглощения CO₂ экосистемами. Существует также ряд технологических вариантов улавливания и утилизации углерода, уже доступных и находящихся в стадии разработки, которые могут обеспечить традиционную энергию с минимальным углеродным следом. Опираясь на естественное конкурентное преимущество, дополненное промышленными системами CCUS, Россия в состоянии сохранить свою роль глобального поставщика энергии. Это требует срочной адаптации российского законодательства к повестке дня в области изменения климата и создания системы торговли квотами на выбросы в соответствии с международными стандартами для стимулирования российских нефтяных компаний к инвестированию в проекты по выбросам CO₂. Менее очевидным узким местом для разработки низкоуглеродных технологий российскими компаниями является недостаточная интеграция концепции открытых инноваций в управление инновациями и недостаточное развитие корпоративного венчурного капитала как по культурным, так и по юридическим причинам. Российским компаниям следует более активно участвовать в технологическом сотрудничестве и важных международных отраслевых технологических инициативах, таких как Нефтегазовая климатическая инициатива и Газовое глобальное партнерство по сокращению сжигания попутного газа.

Водород широко обсуждается как жизнеспособный вариант в контексте энергетического перехода.

Россия обладает значительным потенциалом для производства и экспорта водорода в глобальном масштабе¹¹.

Ряд российских исследовательских центров занимается разработкой технологий получения водорода с низким углеродным следом, в том числе электролизом, получением водорода реакцией алюминия с водой, адиабатической

10 Проект Стратегии низкоуглеродного развития России до 2050 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://economy.gov.ru/material/file/babacbb75d32d90e28d3298582d13a75/proekt_strategii.pdf

11 The hydrogen economy – a path towards low carbon development, 2019 SKOLKOVO Energy Centre. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Research/SKOLKOVO_EneC_Hydrogen-economy_Eng.pdf

конверсией метана и высокотемпературными ядерными реакторами. Технологии транспортировки и хранения в основном разрабатываются Газпромом, изучающим возможность увеличения доли водорода в транспортируемом природном газе¹². Варианты транспортировки сжиженного водорода изучаются в контексте российской космической программы. Ряд компаний сосредоточены на технологиях топливных элементов для использования водорода.

При существующей разветвленной газотранспортной инфраструктуре, а также динамично развивающейся отрасли СПГ Россия имеет хорошие позиции в качестве поставщика «голубого» водорода по трубопроводам и в сжиженном виде. Производство водорода и метано-водородных смесей из природного газа является перспективным направлением диверсификации и повышения эффективности использования природного газа. Другим вариантом может стать «зеленый» водород либо с привлечением существующих атомных и гидроэлектростанций, либо за счет реализации огромного потенциала возобновляемой энергетики.

В 2020 г. Правительство РФ утвердило план мероприятий по развитию водородной энергетики до 2024 г.¹³, направленный на увеличение производства и расширение сферы применения водорода как экологически чистого энергоносителя, а также на выход России в число мировых лидеров по производству и экспорту водорода. Россия планирует интенсивно наращивать экспорт водорода и к 2030 году занять 20-25% мирового рынка торговли водородом. В 2024 г. Россия рассчитывает экспортировать 0,2–1 млн т/год водорода, к 2035 г. – 2–7 млн т/год, а к 2050 г. – 7,9–33,4 млн т/год.

Среди традиционных источников энергии природный газ является наиболее экологически перспективным и, наряду с возобновляемыми источниками энергии, может обеспечить решение актуальных задач по снижению выбросов парниковых газов. За последнее десятилетие мировое потребление СПГ росло в четыре раза быстрее, чем производство природного газа, а число стран-импортеров увеличилось более чем вдвое. Потенциал России на мировом рынке СПГ поддерживается рядом факторов, в том числе крупнейшей в мире ресурсной базой и выгодным географическим положением, близким как к Европе, так и к Азии. Северный морской путь может развиваться как важный транспортный маршрут, связывающий российские арктические проекты с рынками Европы и Азии. Совместно с Shell российский газовый гигант «Газпром» начал поставлять потребителям углеродно-нейтральный СПГ. Крупнейший в России независимый производитель природного газа «Новатэк» продолжает наращивать экспертизу в области углеродно-нейтрального СПГ и развивает сотрудничество с TotalEnergies по снижению выбросов парниковых газов в совместных СПГ-проектах, использованию технологий CCUS, использованию возобновляемых источников энергии и водородного топлива в СПГ проекты. При дополнительном сокращении выбросов, а также обширной компенсационной деятельности природный газ может оставаться важнейшим элементом глобальной энергетической системы.

Ряд стран во всем мире изучают ядерную энергетику как часть портфеля вариантов поддержки устойчивого развития. Понятно, что атомная энергетика будет частью мирового энергетического баланса, но ее доля и темпы роста будут

зависеть от ряда факторов. Наряду с факторами, во многом определяемыми развитием самой атомной отрасли, такими как темпы внедрения новых ядерных технологий и разработка политики обращения с накопленными отходами, другие факторы, такие как энергетическая политика, структура рынка и механизмы финансирования формируются и находятся под влиянием более широкого круга заинтересованных сторон за пределами ядерной отрасли.

Россия могла бы выступать поставщиком как ядерных технологий, так и топлива. Россия пытается развить уникальную компетенцию в ядерных технологиях нового поколения. Передовые ядерные технологии, подходящие для более широкого спектра промышленных применений, могут способствовать глубокому обезуглероживанию всех видов энергии. В России передовая атомная энергетика пользуется постоянной государственной поддержкой, а НИОКР проводятся крупными государственными предприятиями. Россия имеет мощности по дообогащению регенерированного урана. В 2015 году Россия официально начала промышленное производство смешанного оксидного топлива. В конце 2019 года Россия начала эксплуатацию атомной станции ММР (малый модульный реактор) у побережья. Ядерные технологии, основанные на замкнутом ядерном топливном цикле, могли бы обеспечить огромный безуглеродный источник энергии для ряда стран, не входящих в ОЭСР, характеризующихся быстрым ростом спроса на энергию.

Россия долгое время не желала участвовать в климатической повестке, недооценивая актуальность возникающих тенденций для глобального энергетического будущего. Между тем трансформация мирового энергетического рынка сопряжена со значительными рисками, а также огромным потенциалом для российской энергетики. Принимая во внимание текущее состояние и природные преимущества, можно выделить следующие стратегические направления развития российской энергетики: обеспечение коммерчески и экологически рентабельных обезуглероживаемых нефти и газа, увеличение присутствия в СПГ как важном переходном топливе, участие в построении водородной экономики, а также раскрытие ядерной энергетики. Энергетический потенциал как надежный источник экологически чистой энергии. Это требует более глубокого участия в глобальной повестке дня в области климата, срочной адаптации режима регулирования и ускорения развития технологий, поддерживаемого более широкой реализацией концепции открытых инноваций.

Пристатейный библиографический список

1. Мехдиев Э. Т., Содиков Ш. Д. О межрегиональных энергетических проектах с участием стран Центральной Азии (Тапи, Тутап, Иран – Пакистан, Casa-1000) // Международные отношения. - 2017. - № 3. - С. 68-79.
2. Гулиев И. А., Соловова Ю. В. Адаптация общекорпоративной и инновационной стратегии международных нефтегазовых компаний к тенденциям энергетического перехода // Экономика: вчера, сегодня, завтра. - 2021. - Т. 11. № 8-1. - С. 262-269.
3. Соколова Е. С., Егорова Л. И., Мехдиев Э. Т., Торопова Н. В. Сланцевая революция в мире: достижения и перспективы // Нефтегазовое дело. - 2020. - Т. 18. № 4. - С. 27-39.

12 Официальный сайт Газпрома. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gazprom.ru/f/posts/34/108167/gazprom-magazine-2021-3.pdf>.

13 Дорожная карта развития водородной энергетики в Российской Федерации до 2024 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minenergo.gov.ru/view-pdf/19194/126275>.

ТЕУВАЖЕВ Заур Анисович

преподаватель кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, старший лейтенант полиции

РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОСТИ

Средства массовой информации играют важную роль в противодействии преступности, как в раскрытии таких фактов, так и в препятствии этим процессам. При этом новостедаватель может играть как положительную, так и отрицательную роль в правоохранительном процессе. Важное значение имеет тщательная проверка информации и ее источников перед ее распространением. Этические и профессиональные стандарты помогут соблюдать информационную безопасность и предотвратить распространение ложной информации, что может привести к ошибкам в расследовании и необоснованным обвинениям. Компетентное использование массмедиа в целом приведет к более эффективному противодействию преступности в целом, в том числе путем формирования правильного отношения социума к противоправным деяниям и правоохранительным органам.

Ключевые слова: средство массовой информации, новость, роль, преступность, противодействие.

TEUVAZHEV Zaur Anisovich

lecturer of Activities of the internal affairs bodies in special conditions sub-faculty of the North Caucasian Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, senior lieutenant of police

THE ROLE OF THE MEDIA IN COMBATING CRIME

The media play an important role in combating crime, both in revealing such facts and in preventing these processes. At the same time, the news-giver can play both a positive and a negative role in the law enforcement process. Careful verification of information and its sources before dissemination is essential. Ethical and professional standards will help maintain information security and prevent the spread of false information, which can lead to errors in the investigation and unfounded accusations. The competent use of the mass media as a whole will lead to a more effective fight against crime in general, including through the formation of the right attitude of society towards illegal acts and law enforcement agencies.

Keywords: mass media, news, role, crime, counteraction.

Тема роли средств массовой информации (далее – СМИ) в предупреждении преступности представляет собой ключевой объект исследования современных научных трудов в рамках правоведения. Медиа как инструмент массовой информации имеет способность оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на общество. Некоторые СМИ могут обладать высоким качеством профессионализма и стремиться к объективному освещению различных вопросов. Также они играют ключевую роль в информировании общественности о различных преступлениях. Привлечение внимания в том числе со стороны правоохранительных органов к особо жестоким преступлениям, или к ряду причин и условий способствующих их совершению, в свою очередь могут привести к улучшению криминальной обстановки в стране.

Нужно учитывать, что в последнее время большинство новостедавателей, в основном, заботятся о своих рейтингах и вынуждены использовать такую линию, которая «тянет» на просмотр [1]. Массмедиа играют важную роль в противодействии преступности. Они могут, как помочь в раскрытии преступлений и поимке преступников, так и препятствовать этому процессу. Ответственность за информационную безопасность лежит не только на полиции и правоохранительных органах, но и на СМИ.

СМИ должны не только информировать общественность об актуальных событиях в сфере преступности, но и обязательно проверять информацию, которую они получают от источников. Кроме того, СМИ должны быть готовы к критике и открыты к диалогу с органами правопорядка и общественностью.

Однако, СМИ также могут стать источником распространения ложной информации, что может привести к ошибкам в расследовании и даже к необоснованным обви-

нениям. Поэтому, СМИ должны соблюдать этические и профессиональные стандарты, и не разглашать лишнюю информацию, которая может помочь преступникам.

Средства массовой информации имеют огромное влияние на формирование общественного мнения, в том числе в области права и юриспруденции. Они являются одним из самых мощных каналов распространения информации и могут оказывать огромное влияние на то, как общество воспринимает правоохранительные органы, преступников и происходящие преступления.

Они могут оказывать влияние на общественное мнение о преступности и правоохранительных органах, начиная с представления подозреваемого как лица социально неприемлемого и имеющего преступное прошлое. Могут позитивно влиять на формирование общественного мнения и вызывать чувство ответственности у своих зрителей и читателей. Свободный доступ к информации, освещение правоохранительных рейдов и судебных разбирательств, обеспечение прозрачности правоохранительной деятельности позволяют общественности ориентироваться в ситуации, давать свой собственный вклад в контроль за происходящим.

Этот процесс создает у общества отрицательный образ злоумышленника, который воспринимается как опасный и необходимый для изоляции от общества. Однако, не все преступления получают одинаковое освещение в СМИ: имеют место факты, когда некоторые преступления по каким-то различным причинам могут преподноситься в медиапространстве в положительном ключе, в некоторой степени оправдывая и прощая их в силу различных обстоятельств. Такие действия СМИ могут приводить к деформации общественного мнения, основанного на стереотипах о преступниках и уголовном правосудии, и укреплению социальных норм и ценностей.

Образ правохранителя, в свою очередь, изображается в средствах массовой информации как справедливый, героический и надежный человек, готовый рисковать своей жизнью ради общественного блага и установления правосудия [2]. Однако могут возникать случаи, когда СМИ заостряют внимание в отдельных блоках новостей, на различных нарушениях со стороны представителей правоохранительных органов. Это ведет к нарастанию недоверия со стороны общества к органам правопорядка [3].

Таким образом, СМИ играют важную роль в формировании общественного мнения о преступности и правоохранительных органах. Результаты опросов показывают, что общественное мнение в значительной степени формируется на основе информации, полученной из информационного пространства, в том числе имеющего распространение в киберпространстве [5]. Поэтому массмедиа должны нести ответственность за точность и объективность информации, которую они передают обществу. Более того, они могут использовать свое влияние и рейтинг в продвижении более объективного и сбалансированного восприятия деятельности правоохранительных органов. Если в средствах массовой информации будут присутствовать мнения различных специалистов и экспертов, а также будут отображаться различные точки зрения, освещаться преступления и уголовные дела с большим вниманием к контексту и социальным историям, то это может помочь ограничить стереотипы и предубеждения в обществе и способствовать более адекватному восприятию правоохранительных органов.

СМИ могут оказывать влияние не только на общественное мнение, но и на сами правоохранительные органы. Освещение обстоятельств совершенного противоправного деяния в новостной ленте в последующем может способствовать возбуждению уголовного дела либо принятию иного законного процессуального решения в отношении виновных лиц, благодаря формированию в медиапространстве негативной реакции на обстоятельства происшедшего.

К сожалению, возможен и обратный эффект. Например, правительство может преследовать или ограничивать деятельность независимых СМИ для поддержания своих официальных позиций. В Российской Федерации, как и во многих других странах, свобода слова и доступ к информации являются важнейшими составляющими демократии. Однако, в некоторых государствах происходят нарушения этих прав, такие как ограничения на распространение определенной информации и контроль за тем, что говорят СМИ. Эти ограничения могут привести к недостатку информированности и влиять на политические процессы, следствием чего являются нарушения свободы слова и доступа к информации. Нередко такую практику в последнее время констатируют в ряде стран Африки и Ближнего Востока. Многие международные организации призывают страны соблюдать свободу слова и доступ к информации для поддержки демократии.

Россия в последнее время столкнулась с достаточно высоким уровнем преступности, что затронуло и медиа-сферу [4]. Некоторые СМИ рассказывают об особо жестоких преступлениях, подчеркивая их окружающие обстоятельства и поднимая общественный интерес. Однако, порой такая журналистика провоцирует потребление аудиторией большого количества криминальной новостной информации, вызывает негативные эмоции, чувства страха и беспомощности у граждан, тем самым невольно способствуя повышению уровня преступности.

Это может привести к укреплению стереотипов об «опасных» группах населения, включая тех, кто вовсе не замешан в противоправной деятельности. Более того, чрезмерная концентрация на криминальной конъюнктуре может затруднить обсуждение других, не менее важных проблем общества.

Таким образом, СМИ могут оказать как положительное, так и отрицательное воздействие на общество, и в первую очередь на формирование мнения о правоохранительных органах и преступлениях. Необходимо стараться защищать свободу слова и убедить новостедавателей в необходимости сбалансированного, ответственного и точного отображения информации обществу.

Общество и государство должны проявлять интерес к проблеме и максимально привлекать грамотных правоведов и журналистов для обеспечения адекватного уровня журналистики в СМИ. Надо отметить, что перестановка акцента в работе российских медиа – придание преимуществ качественной журналистике в отличие от акцента на увеличение рейтинга – будет способствовать снижению количества преступлений в обществе, повысит уровень правовой культуры граждан, увеличит уважение к высококачественной журналистике и способствует поднятию моральных и этнических ценностей в социуме. Таким образом, призываем к проведению комплексных мер по регулированию работы СМИ в России, с учетом мнения общества и опыта международного сообщества, чтобы обеспечить высококачественную журналистику и социальную стабильность.

Таким образом, необходимо связать все стороны явления и предложить определенные меры по регулированию работы российских СМИ. Одни сторонники полного контроля со стороны государства, другие предлагают саморегулирование со стороны редакционных коллективов. Вопросы регулирования работы средств массовой информации и их влияния на преступность остаются актуальными в России, требуют дальнейшего исследования и разработки мер более эффективного регулирования медиа-сферы. Необходимо проведение кампаний, имеющих целью повышение качества телевизионных и иных информационных продуктов.

В целом, СМИ являются важным инструментом в противодействии преступности, и их роль не может быть недооценена. Правильное их использование поможет к укреплению взаимодействия между правоохранительными органами и общественностью, и приведет к более эффективному противодействию преступности в целом.

Это поможет уменьшить число преступлений, повысит уровень правовой культуры граждан, увеличит уважение к высококачественной журналистике и способствует поднятию моральных и этнических ценностей в социуме.

Пристатейный библиографический список

1. Битов А. А., Жуков А. З., Абазов А. Б. Актуальные проблемы информационно-правового регулирования деятельности СМИ в России // В сборнике: Лучшая научная работа - 2021. Сборник статей II Международного научно-исследовательского конкурса. - Пенза, 2021. - С. 139-141.
2. Канкулов А. Х., Рязанов К. К. Взаимодействие подразделений ОВД при проведении ОРМ по розыску пропавших несовершеннолетних // Право и государство: теория и практика. - 2022. - № 9 (213). - С. 190-192.
3. Кушхов Р. Х., Сурцев А. В., Напсоков А. Р. Лица, оказывающие содействие органам внутренних дел в оперативно-розыскной деятельности // Евразийский юридический журнал. - 2022. - № 3 (166). - С. 404-405.
4. Лифанова Л. Г., Гаужаева В. А. Отдельные вопросы организации проверки сообщения о преступлении // Евразийский юридический журнал. - 2022. - № 8 (171). - С. 277-278.
5. Шамаев А. М. Распространение заведомо ложной информации как основание привлечения к юридической ответственности // Евразийский юридический журнал. - 2022. - № 3 (166). - С. 423-424.

ФЕДОСОВ Артем Васильевич

кандидат технических наук, доцент Уфимского государственного нефтяного технического университета

ТАЖЕТДИНОВА Айсылу Азаматовна

магистрант Уфимского государственного нефтяного технического университета

НАСИБУЛЛИНА Валерия Андреевна

магистрант Уфимского государственного нефтяного технического университета

КОНСТАНТИНОВА Ольга Валериановна

магистрант Уфимского государственного нефтяного технического университета

АНАЛИЗ ТРЕБОВАНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ ОБУЧЕНИЯ ВОПРОСАМ ОХРАНЫ ТРУДА

Состояние процесса обучения в области охраны труда в настоящее время можно охарактеризовать как непостоянное и неоднозначное. С одной стороны, существует ряд положительных тенденций, которые свидетельствуют о том, что вопросы охраны труда становятся все более важными и востребованными. Однако, с другой стороны, все еще существуют проблемы, связанные с недостаточной осведомленностью работников в области охраны труда, а также недостаточной эффективностью методов обучения.

В статье проведен критический анализ изменений в нормативных требованиях, касающихся обучения в области охраны труда.

Целью статьи является рассмотрение изменений законодательных требований, сравнение новых правил по обучению охране труда с отмененными правилами.

Ключевые слова: охрана труда, обучение по охране труда, нормативные правила, постановление Правительства.

FEDOSOV Artem Vasiljevich

Ph.D. in technical sciences, associate professor of the Ufa State Petroleum Technical University

TAZHETDINOVA Aisulu Azamatovna

magister student of the Ufa State Petroleum Technical University

NASIBULLINA Valeriya Andreevna

magister student of the Ufa State Petroleum Technical University

KONSTANTINOVA Olga Valerianovna

magister student of the Ufa State Petroleum Technical University

ANALYSIS OF THE REQUIREMENTS OF THE RUSSIAN FEDERATION LEGISLATION IN THE FIELD OF OCCUPATIONAL SAFETY TRAINING

The state of the occupational safety training process at present can be characterized as inconsistent and ambiguous. On the one hand, there are a number of positive trends, which show that occupational safety issues are becoming more and more important and in demand. However, on the other hand, there are still problems associated with the lack of awareness of workers in the field of occupational safety and health, as well as insufficient effectiveness of training methods.

The article critically analyzes the changes in regulatory requirements for occupational safety training.

The purpose of the article is to review the changes in the legislative requirements and to compare the new rules on occupational safety training with the repealed rules.

Keywords: occupational safety, occupational safety training, regulatory rules, government decree.

Обучение работников требованиям охраны труда на сегодняшний день является неотъемлемой частью работы предприятий. Согласно статье 214 Трудового кодекса Российской Федерации, работодатель обязан обеспечить обучение и проверку знаний требований охраны труда работников. Это необходимо для того, чтобы работники могли безопасно выполнять свои рабочие обязанности и избежать возможных травм и профессиональных заболеваний. Обучение по охране труда должно проводиться при приеме на работу, при изменении условий труда, а также периодически в соответствии с графиком, утвержденным работодателем. Оно должно включать в себя знакомство с правилами и нормами охраны труда, а также средствами индивидуальной и коллективной защиты. Проверка знаний работников по охране труда также является необходимой для того, чтобы убедиться в их компетентности и готовности к безопасной работе. Результаты проверки знаний должны фиксироваться в соответствующих документах и использоваться для улучшения системы обучения и контроля.

Постановление Правительства Российской Федерации от 24.12.2021 № 2464 «О порядке обучения по охране труда и проверки знания требований охраны труда» устанавливает порядок обучения и проверки знаний. Оно заменило ранее действующее

Постановление от 13.01.2003 № 1/29, которое действовало практически 20 лет.

Новое Постановление Правительства вызвало ряд затруднений у работодателей существенными изменениями в области проведения обучения, проверки знаний работников. Документ распространяется на все организации, включая индивидуальных предпринимателей. Также требования данного документа распространяются на образовательные организации и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность по оказанию услуг в сфере охраны труда. Для них с 1 сентября 2022 года исчезло требование о наличии образовательной лицензии, но основным правилом для ведения такой деятельности теперь служит аккредитация в Минтруде согласно пункту 2 Правил Постановления Правительства РФ от 16.12.2021 № 2334 «Об утверждении Правил аккредитации организаций, индивидуальных предпринимателей, оказывающих услуги в области охраны труда, и требований к организациям и индивидуальным предпринимателям, оказывающим услуги в области охраны труда». Для получения аккредитации организации, индивидуальные предприниматели, соответствующие требованиям, утвержденным постановлением Правительства № 2334, представляют в Министерство труда и социальной защиты

Российской Федерации заявление о регистрации в реестре с пакетом необходимых документов.

Анализируя новое Постановление № 2464, можно выделить ряд «особенностей» по сравнению с предыдущим Постановлением, истратившим силу. В новых правилах закрепляется риск - ориентированный подход в подготовке персонала. Согласно пункту 16 Правил, появились два новых основания для внепланового инструктажа. Первое – это аварии или несчастные случаи на производстве. Второе – выявление новых опасностей при проведении специальной оценки условий труда и оценки профессиональных рисков.

У каждого работодателя, согласно приложению 4 новых Правил, устанавливается минимальное количество сотрудников, которые должны обучиться во внешних обучающих центрах. Количество таких сотрудников зависит от категории риска организации и штатной численности сотрудников. Работодатель может узнать свою категорию риска через онлайн- калькулятор на сайте Роструда или же подать письменный запрос в Государственную инспекцию труда.

Работники теперь проходят обучение по пяти программам. Это обучение по применению средств индивидуальной защиты, оказанию первой помощи пострадавшим, общим вопросам охраны труда, безопасным методам и приемам выполнения работ, выполнению работ повышенной опасности. Работодатель должен составить программы обучения по этим пяти программам. Они должны быть конкретизированы под требования безопасности на индивидуальных рабочих местах. Поэтому, объем обучения работника во многом будет зависеть не от его должности, а в большей степени от результатов специальной оценки условий труда и оценки профессиональных рисков.

Согласно пункту 45 Правил, в каждой программе должна быть отражена информация о темах обучения, количестве часов проведения обучения, о проведении практических занятий, об организации обучения и проверки знаний работников.

Пункты 46 и 54 Постановления Правительства № 2464 устанавливают требования к работодателям по обучению или освоению работников от обучения по специальной программе с учетом результатов оценки профессиональных рисков и специальной оценки условий труда.

В Постановлении Правительства № 1/29 фигурировало понятие «внеочередная проверка знаний». Новое Положение вводит понятие «внеплановое обучение». Внеплановое обучение проводится при вступлении в силу нормативного законодательства, вводе в эксплуатацию новых видов оборудования, инструментов и приспособлений, внедрении новых технических процессов, использовании новых видов сырья и материалов, требующих дополнительных знаний по охране труда работников. Также внеплановое обучение проводится при изменении должностных (функциональных) обязанностей работников, которые непосредственно связаны с осуществлением производственной деятельности и влияют на безопасность труда.

Отличительной особенностью Постановления Правительства № 2464 является наличие конкретных требований к стажировкам. Стажировка по охране труда на рабочем месте позволяет сотрудникам получить практические навыки в области безопасных методов и приемов выполнения работ в контексте их трудовой деятельности. Для прохождения стажировки необходимо успешно пройти инструктаж по охране труда и обучение требованиям охраны труда по программам, указанным в Правилах Постановления.

В Разделе 9 Положения описаны требования к работодателям, которые самостоятельно обучают своих сотрудников. Число мест обучения определяется на основе количества работников в организации и должно составлять не менее одного места на сто работников организации. Для укомплектования места обучения работников работодателю необходимо предоставить все необходимое оборудование для проведения занятий, учебно-методические материалы, информационно-справочные материалы.

Работодатели, отнесенные законодательством Российской Федерации к микропредприятиям, могут проводить обучение работников требованиям охраны труда, обучение оказанию первой помощи и обучение применению средств индивидуальной защиты во время проведения инструктажей по охране труда на рабочем месте. Если на микропредприятии не проводятся работы повышенной опасности, то согласно статье 100 Положения, работодатель вправе заменить обучение по охране труда инструктажами. В таком случае, как минимум одно лицо должно пройти внешнее обучение в учебном центре в соответствии с Приложением 4 к Постановлению. Такими лицами обычно являются представители самого микропредприятия или индивидуальные предприниматели.

Работодатели, отнесенные в соответствии с законодательством Российской Федерации к микропредприятиям, имеют право совмещенно проводить с работниками вводный инструктаж и инструктаж по охране труда на рабочем месте. Руководители или ответственные лица в микропредприятиях могут вести единый документ регистрации проведения инструктажа по охране труда для всех видов инструктажей.

С 1 сентября 2022 года работодатели, согласно Постановлению, у которых нет службы охраны труда, могут отдавать вводные инструктажи на аутсорсинг - это передача функции службы или специалиста по охране труда профильному аккредитованному подрядчику. Поддержка компании или предприятия в таком виде позволяет эффективно выполнять обязательства в сфере охраны труда и оптимизировать расходы. Компания, занимающаяся аутсорсингом, контролирует сроки обучения сотрудников, назначает инструктажи и разрабатывает мероприятия по предупреждению несчастных случаев, составляет нужную документацию и защищает руководителя от рисков штрафов.

Также важно отметить, что работодатель несет ответственность за безопасность своих сотрудников и должен обеспечивать им все необходимые условия для выполнения работы без риска для их здоровья и жизни. В случае нарушения требований по охране труда, работодатель может быть привлечен к административной или уголовной ответственности.

Обучение по охране труда является неотъемлемой частью профессионального роста работника и должно быть внимательно организовано и контролируется работодателем. Ведь только так можно обеспечить безопасную работу и предотвратить возможные производственные травмы и заболевания. Важно отметить, что обучение по охране труда не должно быть формальным и поверхностным. Работодатель должен создавать условия для полноценного обучения и понимания работниками требований по охране труда, а также для их практической реализации в рабочей деятельности.

Соблюдение требований охраны труда – это не только законодательная обязанность работодателя, но и важный аспект заботы о здоровье и безопасности сотрудников. Обучение по охране труда должно проводиться регулярно и в полном объеме, а также включать проверку знаний и практические навыки. Вложения в обучение и создание безопасных условий труда – это инвестиции в будущее компании и ее сотрудников. Важно также помнить о необходимости внепланового обучения при изменении условий труда, а также о проведении стажировок на рабочих местах для получения практических навыков. Работодатели, которые обучают своих работников самостоятельно, должны строго соблюдать требования законодательства и обеспечивать полное оснащение мест обучения необходимым оборудованием и материалами.

Таким образом, анализ требований законодательства по обучению вопросам охраны труда показал, что новое постановление достаточно сильно усложнило работу по обучению охране труда, ведению документации, как для работодателей, так и для обучающих организаций. Остается множество вопросов, ответов на которые еще не получены.

Пристатейный библиографический список

1. Разработка программного продукта для совершенствования организации процесса обучения в сфере охраны труда / А. В. Федосов, Н. Х. Абдрахманов, Р. Р. Валеева [и др.] // Защита окружающей среды в нефтегазовом комплексе. – 2023. – № 3 (312). – С. 48-53.
2. Федосов А. В., Абдрахманов Н. Х., Гусева А. С., Ахметьянов Р. Р. Возможность применения результатов неразрушающего контроля для оценки профессиональных рисков в системе управления охраной труда // Безопасность техногенных и природных систем. – 2022. – № 1. – С. 4-8.
3. Федосов А. В., Аскарова А. А. Моделирование биологического фактора при специальной оценке условий труда // Безопасность жизнедеятельности. – 2016. – № 1 (181). – С. 14-17.
4. Вадулина Н. В., Абдрахманов Н. Х., Федосов А. В., Валекжанин Д. Ю., Исмаилов М. И., Расулов С. Р. Расследование несчастных случаев на производстве. – Текст: непосредственный // Нефтегазовое дело. – 2022. – С. 138.
5. Федосов А. В., Абдрахманов Н. Х., Тажетдинова А. А., Исмаилов М. И., Бакиров Д. Р. Особенности проведения производственного контроля за состоянием условий труда на предприятиях нефтегазовой отрасли // Защита окружающей среды в нефтегазовом комплексе. – 2022. – № 4 (307). – С. 47-53.

ХАВАДЖИ Динара Ремзиевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА АДВОКАТУРЫ В РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XIX НАЧАЛЕ XX ВВ.

В данной статье рассматриваются аспекты становления и развития института адвокатуры в России в середине XIX начале XX вв. Российская Федерация – правовое государство, в котором обеспечивается защита прав и свобод человека и гражданина. Судебную защиту прав и свобод граждан гарантирует ст. 46 Конституции РФ Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина. В этом аспекте адвокатура выступает как социально-правовой институт, деятельность которого включает защиту прав, свобод и законных интересов лица в суде установленными законом способами.

Ключевые слова: адвокатура, судебная защита, правовое государство, квалифицированная юридическая помощь, судебная реформа, суды присяжных.

Хаваджи Д. Р.

KHAVADZHI Dinara Remzievna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Theory and history of law and state sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

FORMATION OF THE INSTITUTE OF ADVOCACY IN RUSSIA IN THE MID-XIX - EARLY XX CENTURIES

This article discusses aspects of the formation and development of the institution of advocacy in Russia in the middle of the 19th and early 20th centuries. The Russian Federation is a legal state in which the protection of the rights and freedoms of man and citizen is ensured. Judicial protection of the rights and freedoms of citizens is guaranteed by Art. 46 of the Constitution of the Russian Federation Constitutional guarantees of the rights and freedoms of man and citizen. In this aspect, the bar acts as a social and legal institution, whose activities include the protection of the rights, freedoms and legitimate interests of a person in court in the ways established by law.

Keywords: advocacy, judicial protection, rule of law, qualified legal assistance, judicial reform, jury trials.

Российская Федерация - правовое государство, в котором обеспечивается защита прав и свобод человека и гражданина. Судебную защиту прав и свобод граждан гарантирует ст. 46 Конституции РФ [1]. В этом аспекте адвокатура выступает как социально-правовой институт, деятельность которого включает защиту прав, свобод и законных интересов лица в суде установленными законом способами. Институт адвокатуры можно рассмотреть через призму истории его становления и развития в середине XIX начале XX вв.

Согласно, ст. 3 Федерального закона от 31.05.2002 N 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатура – это профессиональное сообщество адвокатов и как институт гражданского общества не входит в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Адвокатская квалифицированная помощь оказывается человеком, получившим статус адвоката [2]. В целом оказание адвокатами различных видов квалифицированной помощи является одним из самых важных фундаментов на пути к полному становлению правового государства, поскольку такая деятельность ведёт к обеспечению действенной защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц от любого произвола и со стороны поступающих противозаконно граждан, и со стороны государства.

Впервые термин «адвокат» в России был применен в 1716 году, в Воинских уставах Петра Великого. С самого начала роль адвоката брали на себя лица, не причастные к такому роду деятельности, не имеющего достаточного образования.

В России институт адвокатуры образовался при Александре II в 1864 году. Роль судебной реформы 1864 года велика в становлении и развитии адвокатуры и законодательства в Российской империи. Благодаря судебной реформе суд стал открытым, появились суды присяжных, судебная власть

была полностью отделена от остальных органов власти, самое главное - стороны процесса получили равные права.

В 1917 году была уничтожена прежняя судебная система. 26 мая 1922 года Народный комиссариат юстиции было принято «Положение об адвокатуре». В итоге были созданы коллегии адвокатов как самостоятельные общественные организации [3]. Постоянно совершались попытки для совершенствования или реорганизации деятельности адвокатуры и ее функций.

В развитии адвокатуры отмечают такие исторические периоды. Первый период так называемых экспериментов с системой правозащитников с 1917 по 1922 года. Во втором, происходило становление коллегий защитников, как новых органов защиты прав личности. Впоследствии деятельность защитников, а затем адвокатура попала под политику объединения частнопрактикующих адвокатов в коллегии (1922-1939 гг.)

Третий. Адвокатура претерпевала жесткий судебный, а также государственный контроль с 1939 по 1989 года. В последний, четвертый период, после 1989 года, адвокатура существовала в рамках реформ, а позже в новом государстве, в качестве устойчивого института.

Повсеместно, менялось не только положение адвокатуры в стране, но и законодательная база, которая регулировала адвокатскую деятельность. За немалый промежуток, в точности, пятьдесят лет, вступило в силу четыре нормативных акта, регулирующих работу адвоката.

Первым стало – «Положение об адвокатуре СССР» от 16 августа 1939 года (утратило силу в 1962 году). Дефиниция «адвокат» вошло в оборот правовой системе, в соответствии с этим нормативно-правовых актов. Вышеуказанное положение давало возможность образования коллегий в субъектах страны. Положение об адвокатуре 1939 года определило

требования к адвокатам. Их статус в СССР не позволял иметь судимость, или когда-либо лишение избирательных прав. Данное положение отмечало, какие услуги должны оказывать адвокаты: юридические консультации, составление заявлений, жалоб и других документов, участие адвокатов в судебных процессах по уголовным и гражданским делам. Важным фактом, в описываемый период, являлось то, что советская адвокатура была самостоятельной, и не зависела от государства.

«Положение об адвокатурах РСФСР» от 25 июля 1962 года, имело ряд нововведений [4]. Во-первых, в коллегию адвокатов мог быть принят гражданин СССР с юридическим образованием, имеющий стаж работы не менее двух лет, либо прошедший стажировку не менее полугода, либо лицо, имеющее стаж работы по специальности юриста не менее 5 лет, не окончившего нужного высшего образования. Адвокатам было предоставлено при необходимости запрашивать справки, характеристики и другие документы из государственных организаций. Стоит добавить, что юридическая помощь адвокатов, стала предоставляться, предприятиям, организациям, колхозам и совхозам.

Изменились и основания отстранения из членства коллегии: непригодность в профессиональном плане, систематическое нарушение дисциплины и отказ от выполнения обязанностей и совершение иных преступлений. Статус адвокатуры был закреплён и в нормативной базе, к которой можно отнести Конституцию СССР. В 1979 году вступил в силу «Закон об адвокатурах СССР» [5] и в 1980 году «Положение об адвокатурах РСФСР» [6]. Законодательно, адвокат стал участником стадии предварительного следствия и стали строже гарантии сохранения адвокатской тайны. Адвокатура стала менее зависимой от органов государственной власти. В деятельности союза адвокатуры вносились общие принципы организации и порядка. К ним относили: необходимость воспитания граждан в духе советских законов, соблюдения дисциплины труда, сохранности социалистической законности. В соответствии с указанным Законом СССР «Об адвокатурах в СССР» и другими актами за соблюдением адвокатурой данных принципов наблюдали: Министерство юстиции РСФСР, Министерства юстиции автономных республик и другие отделы юстиции. Оставалась неизменной норма: при поступлении на должность адвоката, образование должно быть обязательно высшее юридическое. Министерство юстиции устанавливало квоты на количество адвокатов.

В Российской Федерации только адвокат является профессиональным представителем стороны защиты. На сегодняшний день Россия не создаёт новую адвокатуру, а развивает уже существующую, способную на практике реализовывать либеральные ценности, принимая при этом отечественный опыт и во времена возникновения присяжной адвокатуры в 1864 г.

Как пишет Сырых В. М., в РСФСР значительная часть российских идеологов не были уверены в необходимости и пользы защиты в условиях пролетарского судопроизводства [7]. Существовали дискуссии как относительно целесообразности допуска адвокатов в суд, так и в отношении органа, способного обеспечить эффективный контроль над деятельностью коллегий защитников. Претензии в своём содержании несли мысль, что адвокаты за большие гонорары оправдывают любого заведомого лица, совершившего преступление, а сама адвокатура пропагандирует антисоветские мысли.

Но всё же, в советский период адвокатура была легализована в условиях жесткого контроля социального состава коллегий. Значительные проблемы вызывал и дифференцированный подход в определении размера гонорара защитников за участие в судебном процессе.

Известные общественно-политические деятели считали, что в условиях советской власти происходила фактиче-

ская замена классической адвокатуры на «адвокатуру судебную» [8]. По мнению некоторых исследователей, именно в период своего развития советская адвокатура прошла ряд важных этапов, одним из которых считалось придание ей конституционного значения [9].

Таким образом, адвокатура выступает отражением не только провозглашенных в Конституции РФ прав и свобод, но и их прямым воплощением, поскольку, например, деятельность адвокатов, касающаяся оказания юридической помощи, ведет к повышению уровня правосознания, что является основой особого отношения к ценности права и закона.

Пристатейный библиографический список

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
2. Федеральный закон от 31.05.2002 N 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022). // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/.
3. Горбунова, Н. А. Исторические особенности развития адвокатуры в России // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство» - 2017 – Т. 5. - № 1 (17). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://esj.pnzgu.ru/page/37823>.
4. Закон РСФСР от 20.11.1980 «Об утверждении Положения об адвокатурах РСФСР». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_213/.
5. Закон СССР от 30.11.1979 «Об адвокатурах в СССР». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7/ (дата обращения: 20.02.2023).
6. Закон РСФСР от 20.11.1980 «Об утверждении Положения об адвокатурах РСФСР». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_213/.
7. История суда и правосудия в России: в 9 томах / ответственные редакторы: В. В. Ершов, В. М. Сырых; Российский государственный университет правосудия. - Москва: Норма, 2016. - Т. 7: Судостроение и судопроизводство периодов нэпа и построения основ социализма (1921 - 1956 годы) / В. М. Сырых. - 2022. - 687 с. - ISBN 978-5-00156-162-0.
8. Шамба Т. С. Адвокатура как элемент системы правового государства: российские реалии и проблемы начала XXI века // Журнал «Евразийская адвокатура» Учредители: Евразийский научно-исследовательский институт проблем права. - 2017. - № 3 (28). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29429778>.
9. Чорный И. Н. Адвокатура как институт защиты прав и свобод личности: историко-правовое исследование // Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - СПб., 2011. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/advokatura-kak-institut-zashchity-prav-i-svobod-lichnosti>.

ЗОРИНА Наталья Сергеевна

старший научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ У НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В данной статье рассмотрена профилактика агрессивного поведения у несовершеннолетних. Рассматриваются основные факторы, способствующие подростковой агрессии. Предлагается педагогическая профилактика агрессивного поведения у несовершеннолетних, которая включает в себя использование различных подходов, состоящая в использовании позитивных методов воспитания и обучения в образовательном учреждении.

Ключевые слова: агрессивное поведение, девиантное поведение, агрессивное поведение, педагогическая профилактика, правонарушитель, подросток, несовершеннолетний.

ZORINA Natalya Sergeevna

senior researcher of the Department for Improving Legal Regulation of the Penitentiary System of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penitentiary System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service»

PEDAGOGICAL PREVENTION OF AGGRESSIVE BEHAVIOR IN MINORS

This article discusses the prevention of aggressive behavior in minors. The main factors contributing to adolescent aggression are considered. The pedagogical prevention of aggressive behavior in minors is proposed, which includes the use of various approaches, consisting in the use of positive methods of education and training in an educational institution.

Keywords: aggressive behavior, deviant behavior, aggressive behavior, pedagogical prevention, offender, teenager, minor.

Зорина Н. С.

Одной из форм девиантного поведения, наиболее часто встречающейся у несовершеннолетних сегодня, является агрессивное поведение. Проявление агрессии в детских и учебных заведениях является проблемой, которая все больше волнует учителей и родителей. Задачей психологов и педагогов на современном этапе должно стать выявление детей, склонных к проявлению высокой степени агрессии, а также психокоррекционной работы с такими подростками [1].

Агрессивное поведение является общей проблемой во всех странах и особенно важно, когда речь заходит о несовершеннолетних правонарушителях. Такие люди могут проявлять агрессивное поведение, которое может оказать значительное влияние на их собственную жизнь, а также на жизнь окружающих их людей.

Именно несовершеннолетние все чаще проявляют девиантное поведение в обществе, которое выражается в антисоциальных поступках, таких как; алкоголизм, наркомания, воровство и разбой. Все больше стала проявляться жестокость к старшему поколению, где в дальнейшем перерастает в преступность среди несовершеннолетних [2].

Различия феноменов понятия «агрессивность» и «агрессия» было рассмотрено А. Ратиновым, который считал, что агрессивность – это свойство личности, личностной позиции, которая проявляется в деструктивных тенденциях в сфере межличностных отношений. Агрессия по мнению автора, понимается как проявление агрессивности в деструктивных действиях [3].

Целый ряд психологических и социальных факторов способствует агрессивному поведению несовершеннолетних. Одним из главных психологических факторов является неспособность регулировать эмоции. Несовершеннолетние

часто с трудом контролируют свои эмоции, что может привести к импульсивному и агрессивному поведению. Низкая самооценка также может способствовать агрессивному поведению, поскольку несовершеннолетние могут прибегать к агрессии, чтобы почувствовать себя могущественными или контролирующими ситуацию.

Социальные факторы, способствующие подростковой агрессии, включают факторы окружающей среды, такие как подверженность насилию или жестокому обращению, а также семейные факторы, такие как пренебрежение родителями, жестокое обращение или конфликт. Несовершеннолетние правонарушители также могут находиться под влиянием своих сверстников, которые могут поощрять агрессивное поведение и формировать искаженное представление о приемлемом поведении.

Необходимо выделить определенные типы агрессивного поведения, которые чаще встречаются у несовершеннолетних. Например, инструментальная агрессия, которая включает агрессию с определенной целью, например, для достижения желаемого результата, более распространена у несовершеннолетних, чем враждебная агрессия, которая представляет собой агрессию без какой-либо четкой цели.

Кроме того, существуют гендерные различия в типах агрессивного поведения, проявляемого несовершеннолетними. Подростки мужского пола более расположены к физической агрессии, в то время как девушки склонны к агрессии в отношениях, которая включает в себя манипулирование личными отношениями или нанесение им ущерба.

Агрессивное поведение у несовершеннолетних является серьезной проблемой в обществе. Оно может привести к негативным последствиям для здоровья и благополучия не

только подростка, но и его окружения. Один из способов решения этой проблемы заключается в педагогической профилактике.

Социально-педагогическая реабилитация есть система мер, направленных на устранение или ослабление влияния неблагоприятных факторов, восстановление статуса личности, оказание помощи в освоении социальных ролей в соответствии со статусом личности, изменение поведения, интеллектуальной деятельности, получение образования на основе переобучения, воспитания, ресоциализации [4].

Педагогическая профилактика агрессивного поведения у несовершеннолетних включает в себя использование различных подходов. Один из подходов состоит в использовании позитивных методов воспитания и обучения в образовательном учреждении. Такие методы включают в себя установление отношений доверия между ребенком и педагогом, разъяснение правил поведения, применение поощрения за желанное поведение и обучение навыкам конструктивного разрешения конфликтов.

Еще одним немаловажным педагогическим подходом является использование программ повышения социальной компетентности. Эти программы обучают подростков навыкам эмоционального регулирования, эффективной коммуникации и управления конфликтами. Они также помогают развить навыки социальной адаптации, что способствует уменьшению риска агрессивного поведения.

Одним из главных способов предотвращения агрессии у подростков является культура безопасности, которая базируется на развитии эмоциональной саморегуляции и эффективных навыков реакции на стрессовые ситуации. Несовершеннолетним должны быть разъяснены соответствующие навыки, которые позволят им контролировать свои эмоции и действовать конструктивно в условиях конфликта.

На сегодняшний день государство создает конкретные меры по защите прав ребенка и профилактики правонарушений несовершеннолетних, а также правонарушений, которые совершаются в отношении детей. Согласно Указу Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 г. № 240 «Об объявлении Российской Федерации Десятилетия детства» [5]. Главной задачей государства является реализация мероприятий, направленных на формирование здорового образа жизни у детей и молодежи, а также создать комплекс мер социальной поддержки семей, имеющих детей, в том числе многодетных семей, тем самым обеспечить благополучное и безопасное детство.

Основополагающим нормативным правовым актом в данной сфере является — Федеральный закон от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», который систематизировал различные нормы, регулирующие вопросы профилактики правонарушений, закрепил единую систему органов и учреждений, осуществляющих профилактическую деятельность. Основная цель профилактической работы — защита ребёнка, его жизни, достоинства, права на развитие в меняющихся условиях социальной реальности [6].

Таким образом, из вышесказанного можно сделать вывод, что агрессивное поведение несовершеннолетних — это сложная проблема, в которой играют роль различные психологические и социальные факторы. Для эффективного решения этой проблемы важно выявить глубинные причины агрессии и обеспечить соответствующее вмешательство и поддержку. Это может включать в себя оказание поддержки и консультирование по вопросам эмоциональной регу-

ляции, а также устранение социальных факторов, таких как насилие и жестокое обращение в окружающей среде. Целью мероприятий по борьбе с агрессивным поведением несовершеннолетних должно быть уменьшение агрессивного поведения и содействие позитивному поведению и социальной интеграции.

В заключение, необходимо сказать, что педагогическая профилактика агрессивного поведения у несовершеннолетних является составной частью работы с подростками. Она основана на использовании различных подходов, включая позитивные методы воспитания, программы повышения социальной компетентности и работу социальных служб. Однако, чтобы эффективно предотвращать агрессивное поведение у несовершеннолетних, необходимо в первую очередь обратить внимание на его коренные причины, включая социальные и психологические факторы. Важно помнить, что педагогическая профилактика агрессивного поведения является более эффективной, если она реализуется в рамках комплексного подхода и при поддержке общества.

Пристатейный библиографический список

1. Федосеева И. В. Проблема профилактики и коррекции агрессивного поведения несовершеннолетних // 2010. - № 4-1. - С. 102-105.
2. Зорина Н. С. Криминологические аспекты изучения криминальной агрессии несовершеннолетних // Закон и право. - 2023. - № 2. - С. 185-187.
3. Ратинов А. Р. К ядру личности преступника // актуальные проблемы уголовного права и криминологии. - М.: РН Всесоюз. ин-та по обучению причин и раб. мера предопределения правонарушений, 1981. - С. 67-86.
4. Дутенец А. С., Павлова Л. В. О некоторых вопросах организации индивидуальной профилактической работы в отношении несовершеннолетних как способа защиты их прав // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 марта 2023 года / Под общей редакцией А. И. Каплунова, сост.: А. И. Каплунов, А. О. Дрозд, Н. М. Крамаренко, Э. Х. Мамедов. - Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. - С. 672-677.
5. Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» Доступ из справ. - правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» Доступ из справ. - правовой системы «КонсультантПлюс».

ЛАТЫПОВА Эльвира Рашитовна

кандидат педагогических наук, доцент Института химических технологий и инжиниринга Уфимского государственного нефтяного технического университета

РОДИОНОВ Глеб Антонович

магистрант Института химических технологий и инжиниринга Уфимского государственного нефтяного технического университета

МИННИГАЛЕЕВА Алсу Альфироновна

старший преподаватель кафедры иностранных языков с курсом латинского языка Башкирского государственного медицинского университета Минздрава России

ЗНАЧЕНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ЗАРУБЕЖНЫМИ ПАРТНЕРАМИ В НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ

В статье рассматриваются проблемы, связанные с взаимодействием российских нефтегазовых и нефтехимических компаний с зарубежными партнерами в контексте межкультурного диалога при заключении договоров о совместном сотрудничестве, а также при обмене опытом сотрудников. Главная задача статьи – выявить особенности и уязвимые места при коммуникативном взаимодействии народов с абсолютно разными культурами, менталитетом, манерами общения и мировоззрением. Авторы подробно анализируют специфику коммуникативного поведения каждого этноса для сравнения с государствообразующим народом России. В будущем это поможет в успешном проведении деловых встреч с иностранными представителями нефтегазовых и нефтехимических компаний, а также в диалогах при совместной работе сотрудников по программе обмена опыта. Обращается внимание на то, что большое количество успешно проведенных встреч, профессиональное взаимодействие между сотрудниками разных компаний повлечет за собой еще больше заинтересованных инвесторов для участия по разработке крупных совместных проектов и промышленных предприятий, тем самым оказывая положительное влияние на социальную и экономическую сферу страны. Также стоит отметить, что заинтересованность в культуре другого народа и знание ее основных элементов расширяет кругозор человека и обогащает его духовно.

Ключевые слова: диалог, язык, сотрудничество, нефтехимия, культура, общение.

LATYPOVA Elvira Rashitovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of the Institute of Chemical Technology and Engineering of the Ufa State Petroleum Technological University.

RODIONOV Gleb Antonovich

magister student of the Institute of Chemical Technology and Engineering of the Ufa State Petroleum Technological University

MINNIGALEEVA Alsu Alfirovna

senior lecturer of Foreign languages with the Latin language course sub-faculty of the Bashkir State Medical University of the Ministry of Health of Russia

IMPORTANCE OF INTERCULTURAL COMMUNICATION IN COOPERATION WITH FOREIGN PARTNERS IN THE OIL AND GAS INDUSTRY

The article discusses the problems associated with the interaction of Russian oil and gas, petrochemical companies with foreign partners in the context of intercultural dialogue in the process of concluding agreements on joint cooperation, as well as when exchanging the experience of employees. The main task of the article is to identify the features and weakness in the communicative interaction of peoples with completely different cultures, mentalities, communication manners and worldview. The authors analyzes in detail the specifics of the communicative behavior of each ethnic group for comparison with the state-forming people of Russia. In the future this will help in the successful conduct of business meetings with foreign representatives of oil and gas and petrochemical companies, as well as in dialogues when employees work together under the experience exchange program. Attention is given to a large number of successful meetings, professional interaction between employees of different companies. All this can help to entail more interested investors to participate in the development of large joint projects and industrial enterprises, thereby having a positive impact on the social and economic sphere of the country. It is also worth noting that interest in the culture of another people and knowledge of its basic elements expands a person's horizons and enriches him spiritually.

Keywords: dialogue, language, cooperation, petrochemistry, culture, communication.

Развитие нефтегазовой и нефтехимической промышленности России, как и любой другой страны в условиях рыночной экономики, без взаимовыгодного сотрудничества с иностранными компаниями и обмена опытом в нынешних реалиях невозможно.

Для успешного взаимодействия между компаниями, представителями которых являются люди разных культур, необходимо учитывать особенности межкультурной коммуникации. Это означает понимание различий в менталитете, языке и культуре, а также умение находить общий язык и

принимать друг друга. Важно понимать, что культуры могут иметь разные подходы к деловой этике, нормам поведения и традициям. Поэтому, компании должны учитывать эти различия и приспосабливаться к ним.

Подобные проблемы актуальны и в совместных проектах нефтегазовой отрасли. Нефтегазовый проект «Сахалин-1» является одним из крупнейших в Российской Федерации, имеющий прямые иностранные инвестиции [14]. Проект реализуется международным консорциумом, в который входят ПАО «Роснефть» (Россия), ExxonMobil (США), ONGC

(Индия) и SODECO (Япония). Для достижения успешного результата этого проекта необходима тесная межкультурная коммуникация между русскими, американцами, индийцами и японцами.

Термин «коммуникация» имеет множество определений. Американский социолог Чарльз Кули определил его как «механизм, посредством которого становится возможным существование и развитие человеческих отношений – все символы разума вместе со способами их передачи в пространстве и сохранения во времени» [2].

По мнению исследователя О. И. Магьяша, «коммуникация – не просто процесс обмена информацией, это процесс создания некоей общности, в которой мы осмысливаем информацию и соотносим наши смыслы со смыслами наших коммуникативных партнеров, создавая таким образом определенную степень взаимопонимания. При этом происходит не столько самовыражение и передача-прием уже сформированных смыслов, сколько совместное смыслообразование» [5].

Общение между русскими и американцами может иметь свои особенности, связанные с культурными различиями и историческими обстоятельствами [15].

Согласно И. Г. Гердеру, культура является выражением духовной жизни народа и его исторического развития [11]. Культура может также способствовать развитию творческого потенциала, образованию, экономическому и социальному прогрессу, а также укреплению национальной идентичности и гражданского единства. В свою очередь, термин «культура» ложится в основу понятия культурного различия.

Известный американский антрополог Э. Т. Холл определяет культурное различие как различие в способах восприятия, мышления, чувствования и поведения, которые происходят из культурных различий между людьми. Он утверждает, что культурные различия могут привести к недопониманию и конфликтам между людьми из разных культур, и что необходимо учитывать эти различия при взаимодействии с другими людьми [18].

В целом, американцы склонны к прямолинейному и открытому общению, они говорят напрямую и часто используют эмоциональную экспрессию. Русские же склонны к более ненавязчивому и индиректному общению, они могут использовать намеки и подразумеваемые значения. Кроме того, в русской культуре важна роль истории и традиций, что может сказаться на общении с американцами, у которых такой фокус может быть менее явным. Также важно учитывать различия в языковых нормах и стилях, которые могут повлиять на восприятие сообщений и эффективность общения.

Русские и американцы имеют различный подход к принятию деловых решений. Российские специалисты склонны решать вопросы коллективно, оценивая себя как индивидуалистов и коллективистов в равной степени, а зарубежных коллег – как ярко выраженных индивидуалистов. Американцы, в свою очередь, считают русских коллективистами [16]. Таким образом, хотя русские и американцы имеют общие интересы в технических новшествах и проявляют гостеприимство при встрече с зарубежными гостями, различия в их культурных особенностях могут привести к проблемам в бизнесе. Поэтому, для успешного сотрудничества между русскими и американцами необходимо учитывать различия в их подходах к принятию решений и находить компромиссы, чтобы обе стороны чувствовали себя равноправными и уважаемыми.

Особенностью общения японцев является отсутствие краткости и ясности изложенной мысли. То есть в тех случаях, где можно обойтись одним словом, японцы обрушивают на собеседников фразы, не имеющих смысловой нагрузки. Подобное поведение у русских порой вызывает недоумение.

Русские люди, как правило, обладают яркой экспрессивностью и эмоциональностью, что проявляется в их жестикуляции. Они могут использовать жесты для подчеркивания

своих слов и выражения эмоций. В то же время, японцы склонны к более сдержанному поведению и не столь активному использованию жестов при общении [12].

Эти культурные различия могут приводить к недопониманию между русскими и японцами в общении. Русские могут считать, что японцы не проявляют достаточно эмоций и не понимают их выражений. В свою очередь, японцы могут считать, что русские слишком эмоциональны и не проявляют достаточной серьезности в общении.

В общении русских с индийцами стоит отметить, что оба представителя этих народов эмоциональны, но степень эмоциональности разная. В отличие от индийцев, русские по общению более сдержаны. В приветствии же индийцы не используют привычное рукопожатие, а просто встречают гостей традиционным приветствием «намасте» или «на-маскар» – двумя прижатыми одна к другой на уровне груди ладонями [10].

И русские, и индийцы являются коллективистами. Индивидуальные личности конечно же ценятся, однако все равно в своих решениях мы зависим от коллективного мнения. И кстати индийцы – коллективисты в большей степени.

Стоит также отметить, что российские нефтегазовые компании активно сотрудничают с арабскими странами (ОАЭ, Саудовская Аравия, Ирак и т.д.). Арабский народ тоже имеет свои национальные особенности в общении.

Как и русским, арабам свойственен жест рукопожатия. Если происходит встреча с несколькими арабами, то первым жмут руку старшим. А если в делегации присутствует девушка, то в качестве приветствия ей достаточно кивнуть [7].

Арабский стиль ведения переговоров отличается вдумчивой неспешностью, в то время как русские зачастую начинают торопиться и редко вдумываются в свои фразы. Переговоры со спешкой у арабов может вызвать подозрение. Для арабской культуры характерен дух коллективизма, поэтому во время переговоров важна демонстрация гармонии и согласия. Арабы предпочитают хорошо узнать партнера перед тем, как вести с ним коммерческие и другие дела [17].

За последние годы, Россия и Китай тесно сблизились в торгово-экономическом сотрудничестве, в том числе и в нефтегазовой отрасли. На территории Российской Федерации имеется нефтедобывающая компания «Удмуртнефть», которая с 2006 года работает под управлением «Роснефти» и китайской компании Sinopec.

Переговоры являются одним из распространенных видов коммуникации в среде межкультурного взаимодействия. В своей работе исследователь А. С. Головина определяет их как последовательность взаимных предложений, с помощью которых стороны стараются достичь наиболее результативного приемлемого разрешения конфликта [1]. Существует несколько видов переговоров: деловые, политические, коллективные, личные и межличностные.

Основу китайского стиля ведения переговоров составляет конфуцианская этика и стремление к консенсусу. В переговорах чаще всего используются мягкие переговорные техники. Русский стиль ведения переговоров, с другой стороны, может быть более прямолинейным и фокусироваться на защите интересов своей стороны. Однако, как и в китайском стиле, русские переговорщики могут использовать мягкие техники, такие как установление доверия и поиск общих интересов, для достижения взаимоприемлемого результата.

Китайцы сами по себе народ более скромный и закрытый, в отличие от русских. Это можно заметить при первом обращении к ним.

Стоит подчеркнуть, что в китайском стиле общения воплощаются идеалы их национальной культуры, особенно выражается готовность ждать созревания нужных условий с безграничным терпением. Именно эта черта помогает им отслеживать поведение партнера по переговорному процессу, проанализировать все совершенные им ошибки и промахи,

чтобы использовать их в своих интересах (иметь тактическое преимущество) [13].

Несмотря на сложности в отношении стран Европейского Союза, некоторые европейские государства продолжают сотрудничество в нефтегазовой и нефтехимической отрасли. Совместное российско-бельгийское предприятие по производству ПВХ «Русвинил» является ведущим в Нижегородской области Российской Федерации. Акционерами предприятия являются: «Сибур» (Россия), Solvay (Бельгия) и BASF (Германия). Как можно заметить, в этом совместном проекте присутствует коммуникативное взаимодействие русских с бельгийцами и немцами.

У бельгийцев также принято приветствовать человека жестом рукопожатия. Причем если у русских оно принято только по отношению к мужчинам, то у бельгийцев оно распространено и по отношению к женщинам. В добавок к этому, у бельгийцев рукопожатие должно быть достаточно крепким и во время первой встречи может продолжаться все то время, пока стороны представляются друг другу [8].

Бельгийский народ в общении более закрытый, чем русские. Также от них не стоит ожидать какого-то теплого и задушевного общения. В диалоге бельгийцы стараются по возможности избежать каких-либо конфликтов и подбирают аккуратные выражения при высказывании собственного мнения.

В немецко-русской коммуникации есть тоже свои особенности. Приветствие у немцев рукопожатием, как и у бельгийцев, тоже распространено среди женщин. Причем если по приветствию русский мужчина пожмет руку только представителям сильного пола, немецкая женщина будет возмущена таким поведением.

В общении немцы более прямолинейны и всегда стремятся говорить окружающим только правду, даже если та им не понравится. Говоря горькую правду, немцы уверены, что они так помогают окружающим [9]. Стоит еще отметить, что немецкий народ привык общаться на расстоянии и им не характерны такие жесты как хлопнуть по плечу или приобнять друг друга – для них это считается вторжением в личное пространство, что, собственно, их и раздражает.

Таким образом, для того, чтобы сотрудничество российских компаний с американскими, японскими, индийскими, арабскими, китайскими, бельгийскими и немецкими партнерами в сфере нефтегазовой и нефтехимической отрасли было успешным, представителям этих компаний, а также их сотрудникам, которых могут отправить в командировку по обмену опытом, необходимо знать национальные особенности межкультурного общения, дабы избежать каких-либо конфликтов и недоразумений. В деловом разговоре с человеком другой культуры, этноса и менталитета, нужно искать так называемую золотую середину – для этого необходимо знать хотя бы какие-то базовые элементы другой культуры. Например, не стоит немца хлопнуть по плечу, пытаться разговорить бельгийца на задушевное общение, с уважением относиться к закрытости и сильной терпеливости китайцев, не торопить деловую встречу с арабами и так далее. И если российские представители нефтегазовых и нефтехимических компаний будут знать хотя бы простые элементы культур других народов, то больше вероятности того, что деловая встреча по заключению договоров о партнерстве и сотрудничестве пройдет успешно. Будет больше совместных проектов, промышленных предприятий, что, собственно, положительно отразится на экономической сфере страны, снизит безработицу, повысит уровень жизни населения и уровень привлекательности страны для инвестиций.

Пристатейный библиографический список

1. Головина А. С. Деловые переговоры. Стратегия победы. – Питер, 2021. – 185 с.
2. Кули Ч. Общественная организация // Тексты по истории социологии XIX-XX веков. Хрестоматия. – М.: Наука, 1994. – С. 379.

3. Латыпова Э. Р., Алексеев К. Е., Ермоленко А. Д., Клявлин А. М. Межкультурная коммуникация между представителями различных культурных групп в сферах интернета // Наука и школа. – 2020. – № 3. – С. 164-171.
4. Латыпова Э. Р., Мусина А. Р., Егорова Д. В. Роль коммуникаций в современном информационном обществе // Вопросы педагогики. – 2020. – № 5-1. – С. 204-207.
5. Матьяш О. И. Что такое коммуникация и нужно ли нам коммуникативное образование // Сибирь. Философия. Образование. – 2002. – Т. 6. – С. 37.
6. Шамшури И. А., Латыпова Э. Р., Мухамадиева К. Т. Особенности межкультурного взаимодействия инженеров-проектировщиков // Мир науки. Социология. Филология. Культурология. – 2022. – Т. 13. № 2.
7. Арабы за столом переговоров. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cuaderno.ru/araby-za-stolom-peregovorov/> (дата обращения: 13.11.2022).
8. Бельгия. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://geo-culture.ru/country/belgium> (дата обращения: 13.11.2022).
9. Десять особенностей общения немцев. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://germany.nashieu.com/interesno/devyat-osobennostej-obshheniya-nemtsev> (дата обращения: 13.11.2022).
10. Индийское вербальное коммуникативное поведение. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vuzlit.com/846514/indiyskoe_verbalnoe_kommunikativnoe_povedenie (дата обращения: 13.11.2022).
11. Культурологические взгляды И. Г. Гердера. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://psyera.ru/kulturologicheskie-vzglyady-i-g-gerdera_13666.htm (дата обращения: 13.11.2022).
12. Невербальное поведение русских и японцев в сопоставительном аспекте. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://universum.com/ru/philology/archive/item/3298> (дата обращения: 13.11.2022).
13. Особенности общения с китайцами. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://readmas.ru/mir/goroda-i-strany/osobennosti-obshheniya-s-kitajcami.html> (дата обращения: 13.11.2022).
14. Разработка сахалинских месторождений. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3779056> (дата обращения: 13.11.2022).
15. Россияне и американцы – разница менталитетов двух народов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://americausa.ru/kultura/rossiyane-i-amerikancy-raznica-mentalitetov-dvux-narodov.html> (дата обращения: 13.11.2022).
16. Русские и американцы: сравнение национальных характеров. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://рустрана.рф/4145/Русские-и-американцы-сравнение-национальных-характеров> (дата обращения: 13.11.2022).
17. Стиль ведения переговоров представителями развивающихся стран. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://spravochnik.ru/mezhdunarodnye_otnosheniya/stil_vedeniya_peregovorov_predstavitelnyami_razvivayuschihся_stran (дата обращения: 13.11.2022).
18. Эдвард Холл: основы межкультурной коммуникации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ludirosta.ru/post/edvard-kholl-osnovy-mezhkulturnoy-kommunikatsii_1794 (дата обращения: 13.11.2022).

НИКОЛАЕВ Николай Юрьевич

старший преподаватель кафедры огневой подготовки Уральского юридического института МВД России, г. Екатеринбург

КОНСТАНТИНОВ Владимир Николаевич

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры огневой подготовки Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск

ЗИГАНШИН Марсель Нурсиевич

старший преподаватель кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКИ, СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ, МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ

В данной статье рассмотрены некоторые вопросы в части касающихся: цифровизации обучения огневой подготовки, методов повышения знаний, умения, навыков, а также конкретные пошаговые действия для достижения положительного результата. Так как именно постоянные тренировки и оттачивание навыков поможет в повседневной профессиональной деятельности обучающемуся. Таким образом, грамотный, правильный и своевременный составленный алгоритм по достижению качественного результата сыграет решающую роль для сотрудника органа внутренних дел в повышении им знаний, умений и навыков, которые он будет применять в своей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: совершенствование систем, обучение, подготовка, обучающийся, огневая подготовка, оружие.

NIKOLAEV Nikolay Yurjevich

senior lecturer of Fire training sub-faculty of the Ural Law Institute of the MIA of Russia, Yekaterinburg

KONSTANTINOV Vladimir Nikolaevich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, associate professor of Fire training sub-faculty of the East Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk

ZIGANSHIN Marcel Nursievich

senior lecturer of Criminology sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

TOPICAL ISSUES OF FIRE TRAINING, THE STATE, PROSPECTS FOR IMPROVEMENT, TRAINING METHODS

This article discusses some issues related to: digitalization of fire training training, methods of increasing knowledge, skills, and specific step-by-step actions to achieve a positive result. Since it is constant training and honing skills that will help the student in his daily professional activities. Thus, a competent, correct and timely compiled algorithm, upon achieving a qualitative result, will play a decisive role for an employee of the internal affairs body in increasing their knowledge, skills and abilities that they will apply in their professional activities.

Keywords: systems improvement, training, training, student, fire training, weapons.

В современном мире новейшие технологии шагнули далеко вперед. Автоматизация процесса занимает ведущие позиции в образовании, техники, науки. Использование данных новейших процессов позволяет выполнять различные задачи более эффективно и быстро по сравнению с традиционными методами. Данными разработками занимаются: Российская академия наук, научно-исследовательские отделы ведомственных образовательных организаций, научные кружки кафедр университетов, академий и институтов.

Благодаря новейшим разработкам докторов, кандидатов наук в разных областях создаются более эффективные условия обучения молодых специалистов. В подготовке специалистов органов внутренних дел также важное место занимает автоматизация процесса и внедрение современных технологий [3, с. 148-150]. Берём во внимание учебную дисциплину "Огневая подготовка". Данная дисциплина является неотъемлемой частью профессиональной подготовки сотрудника правоохранительных органов. Уже с самых первых дней службы в ОВД сотрудники тщательно изучают данную учебную дисциплину [1].

Первым этапом является проработка теоретической части, в которую входит: заучивание и понимание мер безопасности при проведении стрельб (гранатометание), изучение тактико-технических характеристик (ТТХ) оружие и боеприпасов, используемых на вооружении в МВД, отработка действий по подаваемым командам, устранение задержек разных видов оружия.

После освоения теоретического материала вторым этапом следует освоение и отработка практических навыков. К данному этапу относится: изучение и отработка нормативов

согласно наставлению по огневой подготовке в МВД России, отработка элементов качественного выстрела при стрельбе из пистолета Макарова и автомата Калашникова, смены положений для стрельбы, а также смены магазина из различных положений с использованием укрытия.

Третий этап — это доведения вышеуказанных действий до автоматизма, т. е. совершенствование знаний, умений, навыков для повышения мастерства и профессионализма. Однако, чтобы быстро и эффективно усваивался навык по практической стрельбе у начинающих специалистов, требуется использование специальных тренажёров [3, с. 106-108] и интерактивных средств. Сюда следует отнести следующее средства педагогической коммуникации:

- компьютерные средства
- тренажёрные средства
- учебно-тренировочные средства
- методические указания, рекомендации
- формы, методы и приемы обучающегося воздействия.

При правильном и грамотном использовании данных средств и методов обучения, выбранный подход позволяет соединять теоретические и практические навыки у неопытного сотрудника без рисков для жизни и здоровья [6]. Особенно это важно на первоначальном этапе обучения. Также данные методы способствуют освоению разным техник, положений для стрельбы и ввод данных. Например, с помощью виртуальной реальности можно создавать обстановку и условия максимально приближенные к боевым, отрабатывать стрельбы в разных тактических условиях.

В процессе обучения у сотрудника есть большая вероятность допущения ошибок при обращении с разными вида-

ми вооружения. Всё начинается с изучения мер безопасности при обращении с огнестрельным оружием. Этому первоначальному этапу уделяется много времени. Целью является понимание, и запоминание начинающим обучающимся правил обращения с оружием. При отсутствии данных знаний обучающийся не может быть допущен к практическим стрельбам, иначе это может привести к тяжким последствиям.

После усвоения теоретического материала, в частности мер безопасности, на руки выдается учебное оружие (например, ПМ, АК - 74). Почему именно охолощенное? Потому что при отсутствии практических умений и навыком обращения с боевым оружием невозможно доверить человеку данное оружие. На данном этапе обучающийся изучает тактико-технические характеристики оружия (ТТХ), нормативы в соответствии с наставлением по огневой подготовке, отрабатывает действия по подаваемым командам, а также учится устранять задержки при стрельбе из пистолета Макарова и автомата Калашникова.

После усвоения вышеперечисленного материалы обучающийся допускается к практическим стрельбам. Руководители стрельб внимательно наблюдают за действиями сотрудника на огневом рубеже и при грубом нарушении мер безопасности удаляют с последующим результатом как неудовлетворительно. Рассматривая более подробно непосредственно сам этап производство выстрела, обращая внимание на следующие моменты: создание устойчивого положения корпуса тела, ног, головы; формирование правильного хвата оружия; дыхание при выстреле; плавный и отработанный спуск; восстановление мышц к готовности после смены положения для стрельбы.

Особое внимание, которое подлежит разбору, является психологический барьер [5]. Каждый человек, который первый раз в жизни берёт огнестрельное оружие в руки, испытывает волнение. Это, весьма, нормальное явление, т.к. человеку свойственно переживать. За короткий срок решить данную проблему не представляется возможным. Более явно это выражается на первоначальном этапе, например, на 1 курсе обучения в ВУЗе МВД.

Постепенно, с каждым годом, навык, и умения обращаться с оружием возрастает. Проблема решается сама собой. Существуют и иные способы “держать себя в руках” во время выполнения стрельб. Это заниматься дополнительно в рамках самостоятельной подготовке [7]. В итоге результат не заставит себя ждать. Через некоторое время будут заметны улучшения в качестве стрельбы и отсутствие психологического “нервоза”, “коматозного состояния”.

Для более успешного решения данной проблемы требуется отработка навыков в условиях приближенным к боевым. А это значит, стрелять нужно не в тире на крытых участках в комфортных условиях, а на полигоне, при сложных погодных условиях, по движущимся мишеням и т.д. Такой подход позволит с легкостью решать поставленные задачи перед сотрудниками ОВД, т.к. закаляет и формирует необходимые качества. Всё это в совокупности даёт правильную картину производства качественного выстрела. Необходима систематическая отработка всех вышеперечисленных пунктов. Именно это поможет преодолеть психологический барьер при работе с боевым, огнестрельным оружием.

Обратим внимание на правильную последовательность действий, которые приведут нас к эффективному результату. Свой алгоритм мы представим в следующем виде:

1. Для начала необходимо определиться со сроком достижения поставленной цели, это может быть:

- короткий период (подготовка к соревнованиям)
- средний период (обучение в ведомственном ВУЗе)
- длинный период (получение различных степеней и званий в течение жизни)

2. Исходя уже из приобретённых навыков, а также при помощи наставников и руководителей выбрать для себя собственный путь к достижению цели.

3. Начать работать по плану, беря во внимание замечания руководителей по допущенным ошибкам, недочётам и иным помехам.

4. Корректировать алгоритм действий в зависимости от прогресса (это может быть, как более быстрее освоение тех или иных вопросов, так и наоборот, испытывать трудности и увеличивать срок решения поставленных задач).

5. Если речь идёт о достижении краткосрочного результата, то после достижения цели, продолжаем совершенствоваться в различных направлениях.

6. Говоря, о реализации среднесрочных и долгосрочных целей тут надо понимать, что отработка навыков и умений действия с огнестрельным, пневматическим и иным видам оружия, а также выполнения нормативов, предусмотренных НПА МВД России, становятся частью профессиональной подготовки и требует систематического и качественного контроля [4, с. 79-83].

Таким образом, грамотный, правильный и своевременный составленный алгоритм по достижению качественного результата сыграет решающую роль для сотрудника органа внутренних дел в повышении им знаний, умений и навыков, которые он будет применять в своей профессиональной деятельности. А также внедрение новейших технологий, информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), современных средств и методов обучения позволяет решать сложные задачи, стоящие перед правоохранительными органами. Это происходит за счёт качественного обучения начинающих специалистов и ответственного подхода к решению поставленных задач.

Постоянные тренировки и оттачивание навыков производства качественного выстрела поможет нам в дальнейшей повседневной профессиональной деятельности. Когда мы складываем все условия для качественного обучения, то непременно придём к итоговому результату. Главное правильно расставлять приоритеты и не запускать отдельные моменты, которые испытывают сложности.

Пристатейный библиографический список

1. Анпилогова А. В., Анциферова А. А., Тарыкин В. К. Особенности огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел // Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы: сборник научных статей в рамках проведенного симпозиума с международным участием / Редколлегия: А. А. Горохов (отв. ред.). – Курск, 2021. – С. 23-28.
2. Ахияров Р. А. Использование электронных тренажеров при подготовке сотрудников органов внутренних дел // Служебно-прикладные виды спорта МВД России: современное состояние и направления совершенствования: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 25 июня 2020 года / Под общей редакцией О. С. Носкова. – Уфа: Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. – С. 106-108. – EDN ZHFFZU.
3. Гедгафов М. М. Применение современных технологий обучения при подготовке стрелков // Образование. Наука. Научные кадры. – 2021. – № 1. – С. 148-150.
4. Иванов В. Е., Кузнецова Е. В., Яблонский К. А. Актуальные проблемы обеспечения огневой подготовки как составной части профессиональной служебной подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2019. – № 1. – С. 79-83.
5. Николаев Н. Ю. Психологические трудности применения сотрудниками органов внутренних дел огнестрельного оружия // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии: материалы двадцать седьмой Всероссийской научно-методической конференции, Иркутск, 01–02 марта 2022 года. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 116-118. – EDN KNVXCA.
6. Савилов Р. А. Особенности огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел // Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы: сборник научных статей студентов / Юго-Западный государственный университет, Союз криминалистов и криминологов, МПЮА имени О.Е. Кутафина, 2018. – С. 282-286.
7. Таков А. З. Проблемы использования компетенций в обучении слушателей образовательных организаций МВД России на занятиях по огневой подготовке // Образование. Наука. Научные кадры. – 2021. – № 1. – С. 212-214.

СУХОРУКОВ Владимир Анатольевич

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России

ПОЛИТИКО-ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА С СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В статье на основе исторических материалов проанализирован процесс становления и развития системы политических органов и политической работы в органах внутренних дел в советский период. Отсутствие политического воспитания сотрудников в постсоветский период негативно сказалось на качестве воспитательной работы. Для обеспечения эффективности защиты прав и свобод граждан, повышения профессионализма и надежности правоохранительных органов и укрепления доверия общества к ним необходима не просто воспитательная, а политико-воспитательная работа с сотрудниками правоохранительных органов. В статье предлагается воссоздать институт политических работников в правоохранительных органах.

Ключевые слова: воспитательная работа, морально-психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел, государственная идеология, политические органы, специалист по работе с личным составом, политико-воспитательная работа.

SUKHORUKOV Vladimir Anatoljevich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, associate professor of Philosophy sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

POLITICAL AND EDUCATIONAL WORK WITH THE INTERNAL AFFAIRS AGENCIES OFFICERS

Based on historical materials the process to form and develop the system of both political bodies and political work in the internal affairs agencies during the Soviet period is analyzed in the article. Absence of political education of officers in the post-Soviet period resulted in the negative quality of educational work. To ensure the effectiveness of protecting the rights and freedoms of citizens, increasing the professionalism and reliability of law enforcement agencies as well as strengthening public confidence to them, it is necessary to carry out not educational, but political and educational work with law enforcement officers. The author proposes to reform the institution of political officials in law enforcement agencies.

Keywords: educational work, moral and psychological support of the internal affairs agencies activities, state ideology, political bodies, specialist working with personnel / staff, political and educational work.

Воспитательная работа с сотрудниками правоохранительных органов имеет огромное значение для обеспечения эффективного функционирования правоохранительной системы.

Приказ МВД России от 25 декабря 2020 г. № 900 «Вопросы организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» определяет воспитательную работу как целенаправленную деятельность по формированию у сотрудников комплекса гражданских, профессиональных, психологических и нравственных качеств, обусловленных потребностями службы [1; Приложение. П. 4.5].

Но, во-первых, это только один из видов морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, наряду с психологической и социальной работой. Хотя, по сути, морально-психологическое обеспечение – это и есть воспитательная работа, а психологическая и социальная работа – это ее составные части.

А, во-вторых, нравственные и особенно гражданские качества сотрудников правоохранительных органов должны формироваться не просто в процессе воспитания, а в процессе систематической и целенаправленной воспитательной работы, опирающейся на государственную идеологию. В этом случае у сотрудников будут формироваться качества, необходимые для эффективного выполнения своих профессиональных обязанностей:

Чувство ответственности – осознание своей ответственности за соблюдение закона и защиту прав граждан.

Честность и справедливость – честность и непредвзятость в работе, принятие решения на основе закона и фактов, стремление к правосудию и охране закона.

Уважение к правам человека – правильное общение с людьми, понимание их проблем и потребностей, своевременное и эффективное реагирование на запросы и жалобы граждан.

Профессионализм и уверенность в действиях – стремление к повышению квалификации и максимально качественному выполнению профессиональных обязанностей, готовность к самым разнообразным ситуациям и быстрому принятию решения в рамках действующего законодательства.

Сплоченность и слаженность в работе – способность работать с коллегами в условиях любых ситуаций.

Эти качества помогают сотрудникам правоохранительных органов выполнять свои профессиональные обязанности с высокой эффективностью и этичностью, что способствует созданию более безопасного и стабильного общества.

История становления и развития политических органов в системе правоохранительных органов началась с формирования на добровольных началах рабочей милиции в России в 1917 году. Политический характер носила сама деятельность милиции, которая вела борьбу с контрреволюцией и занималась устранением противников советской власти. Целью политической работы становится внедрение идей революционной законности средствами политической и правовой пропаганды.

После Гражданской войны в условиях мирного времени в частях милиции вводятся должности комиссаров, помощников по политчасти и политических руководителей (политруков), результатом деятельности которых явилось формирование убежденных сторонников Советской власти, готовых в любой момент с оружием в руках ее защищать.

В годы Великой Отечественной войны сотрудники милиции, наравне со всеми, воевали на всех фронтах, участвовали в партизанском движении в тылу врага, вели борьбу с диверсантами, охраняли общественный порядок и безопасность. В тяжелых военных условиях роль политруков и политработников по мобилизации сотрудников на решение сложных задач значительно возросла.

После войны в городских и районных отделах милиции вводятся должности заместителей начальников по политической части.

В соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 ноября 1968 года «О мерах по дальнейшему укреплению советской милиции» в тех подразделениях, где количество личного состава превышало 40 человек сотрудников, вводились должности заместителей начальников горрайорганов милиции по политико-воспитательной работе. А на базе Ленинградской военно-политической школы было создано Высшее политическое училище МВД СССР для подготовки квалифицированных кадров политработников.

В соответствии с «Положением о политических органах в системе МВД СССР», утверждённым 31 марта 1988 года ЦК КПСС, была создана единая для всех органов внутренних дел система политорганов. В МВД СССР функционировало Политуправление, в МВД союзных и автономных республик, УВД, УВДТ, УИТУ были сформированы политические отделы. В горрайорганах численностью более 200 человек создавались политчасти, а там, где насчитывалось менее 200 человек – вводилась должность заместителя начальника (командира) органа (подразделения) по политчасти. Ответственность за политико-моральное состояние личного состава политработники несли совместно с руководителями органов внутренних дел.

В 1990 году после отмены ст. 6 Конституции СССР система политорганов МВД была ликвидирована. Министерство внутренних дел предложило перестроить политико-воспитательную и кадровую работу, создав единую структуру – систему подразделений по работе с личным составом. На них были возложены функции по подбору, расстановке, подготовке и повышению квалификации кадров органов внутренних дел, социально-правовой и воспитательной работы с личным составом.

Перечень этих функций точно иллюстрирует название должности и характер деятельности специалистов по работе с личным составом, которые должны заниматься в первую очередь кадровой работой, и только потом – воспитательной. Негативные последствия такого функционального перекоса сказались на качестве воспитательной работы.

Кадровая работа и воспитательная работа – это два разных вида деятельности. При этом, кадровая работа должна быть составной частью воспитательной работы, а не наоборот. В этой связи, логично было бы подразделения по организации воспитательной работы сделать самостоятельными подразделениями наряду с кадровыми подразделениями. А руководителей этих подразделений – назначить заместителями начальника органа внутренних дел, подчеркивая важность этой деятельности.

Специалист по воспитательной работе должен быть профессионально подготовленным сотрудником и, в то же время, – знать все тонкости работы с людьми, уметь эффективно использовать методы, формы и средства воспитательной работы. Именно такие кадры готовили в Высшем политическом училище имени 60-летия ВЛКСМ МВД СССР в

Ленинграде (кстати, выпускником этого училища является Министр внутренних дел Российской Федерации, Генерал полиции Российской Федерации Владимир Александрович Колокольцев). Сегодня возникает потребность в возобновлении их подготовки в специальном учебном заведении.

Для обеспечения эффективности защиты прав и свобод граждан, повышения профессионализма и надежности правоохранительных органов и укрепления доверия общества к ним необходима не просто воспитательная, а политико-воспитательная работа с сотрудниками.

Важность политической составляющей воспитательной работы с сотрудниками в том, что они являются государственными служащими, представителями государства, лицами, ответственными за обеспечение правопорядка и защиту гражданских прав и свобод. Кроме того, сотрудники правоохранительных органов имеют широкие властные полномочия, которые должны уметь правильно использовать.

Наконец, государство даёт им в руки оружие, ставит задачи защиты личности, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности – т.е. использует в качестве инструмента реализации государственной внутренней политики. И, конечно же, находиться вне политического влияния государства сотрудники правоохранительных органов не должны. Необходимо не только давать сотрудникам профессиональные знания и формировать у них профессиональные навыки и умения, но и воспитывать их, помогать им искать верные ориентиры в жизни, защищать их сознание от идеологических диверсий информационной войны.

Политико-воспитательная работа – это комплекс мероприятий, направленных на формирование и развитие у сотрудников правоохранительных органов социально значимых ценностей и понимания роли государства в обществе, привитие норм профессиональной этики и культуры поведения. Политико-воспитательная работа с сотрудниками правоохранительных органов направлена на развитие у них профессиональных компетенций, этических и моральных качеств, которые помогут им правильно и эффективно выполнять свои обязанности.

Кроме того, политико-воспитательная работа способствует формированию у сотрудников правильной национальной и политической идентичности, что в свою очередь повышает уровень доверия граждан к государству и правоохранительным органам.

Пристатейный библиографический список

1. Вопросы организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: Приказ МВД России от 25 декабря 2020 г. № 900. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс».

ЛАТЫПОВА Эльвира Рашитовна

кандидат педагогических наук, доцент Института химических технологий и инжиниринга Уфимского государственного нефтяного технического университета

МИХЕЛЁВ Андрей Михайлович

магистрант Института химических технологий и инжиниринга Уфимского государственного нефтяного технического университета

ЗНАЧЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ

Статья представляет интерес для студентов и преподавателей вузов. Как следует из названия, в статье рассматриваются проблемы межкультурной коммуникации. Обращает внимание на формирование межкультурных компетенций, способствующих решению межкультурных проблем. Следует подчеркнуть, что особое внимание уделяется формированию межкультурных компетенций у студентов в процессе обучения, что является одной из важнейших задач иноязычного образования в процессе продуктивного межкультурного общения. Подробно рассматриваются группы направлений, которые формируют межкультурную коммуникативную компетенцию. Данная статья будет большим подспорьем в изучении адаптации иностранных студентов в высшем учебном заведении и в повседневной жизни. Дается подробный анализ предотвращения возникновения трудностей, которые могут возникнуть при адаптации к новым условиям. Текст передает ценную информацию о культуре общения, правилах поведения и знании невербальных форм выражения, которые способствуют лучшему общению. Подчеркивается необходимость использования информации о жизни, языке, культуре, традициях и обычаях. В статье сделаны выводы о том, что межкультурная компетентность возникает при взаимодействии культурных контактов в различных сферах деятельности.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, культура, изучение иностранных языков, общение.

LATYPOVA Elvira Rashitovna

Ph.D. in pedagogic sciences, associate professor of the Institute of Chemical Technology and Engineering of the Ufa State Petroleum Technical University

MIKHELEV Andrey Mikhaylovich

magister student of the Institute of Chemical Technology and Engineering of the Ufa State Petroleum Technical University

THE IMPORTANCE OF FORMING INTERCULTURAL COMPETENCE IN STUDENT EDUCATION

The article is of interest to students and university professors. As the title implies the article describes the problems of intercultural communication. It draws our attention to the formation of intercultural competencies that contribute to the resolution of intercultural problems. It should be stressed that the formation of intercultural competencies among students in the learning process is emphasized which is one of the most important tasks of foreign language education in the process of productive intercultural communication. The groups of directions that form intercultural communicative competence are considered in detail. This article will be of great help at the studying of foreign students' adaptation in higher education and in everyday life. It gives a detailed analysis of the prevention of the occurrence of difficulties that may arise in the process of adaptation to new conditions. The text transmits a valuable information about the culture of communication, rules of conduct and knowledge of non-verbal forms of expression which contribute to better communication. The need is stressed to employ information about life, language, culture, traditions and customs. In the article conclusions are drawn that intercultural competence occurs during the interaction of cultural contacts in various fields of activity.

Keywords: intercultural communication, intercultural competencies, culture, learning foreign languages, communication.

Международное деловое общение из года в год набирает все большие масштабы. Происходит тесный контакт в экономике и товарообороте разных стран. Развитие новых технологий достигла впечатляющих результатов. Проанализировав все эти достижения можно сказать, что интерес к межкультурной коммуникации вырос. В России, а также в странах ближнего зарубежья люди говорят более чем на 300 языках и наречиях. Все это многообразие различных языков и языковых диалектов, традиций и обычаев иногда может выливаться в проблемы межкультурного характера и вста-

вать перед каждым человеком. И главным возникает проблема о необходимости поиска совместных точек соприкосновения, решения речевых барьеров в процессе взаимодействия и общения [5].

Проблема межкультурной коммуникации начинает обостряться в 90-е годы, в связи с выходом Республик из состава Советского союза и как итог российской науке возникает вопрос о более тщательном изучении проблем межкультурной коммуникации. В современном обществе и отечественной науке интерес к межкультурной коммуникации

Латыпова Э.Р.

Михелёв А. М.

был всегда актуальным. Именно преподаватели иностранных языков первыми начали изучать межкультурные коммуникации [3].

Согласно исследованиям, недостаточно только знание языка для эффективного межнационального общения, необходимо также понимание о культуре и традициях другой нации [8].

Сегодня при рассмотрении рабочих программ, по которым обучают студентов высших учебных заведений, можно сделать вывод, что проблема межкультурной коммуникации недостаточно рассматривается у студентов технических направлений. Данная проблема только вскользь рассматривается при обучении иностранным языкам. Современная тенденция развития мировой экономики стремится к увеличению обмена опытом между квалифицированными специалистами технических направлений, что за собой ведет необходимость развития навыков в общении с представителями других наций.

Согласно выше изложенным рассуждениям вытекает проблема, связанная с формированием межкультурной компетенции студентов неязыковых направлений подготовки. С точки зрения Д. В. Арастуяна межкультурная компетенция — это навык-способность, позволяющий языковой личности выйти за пределы собственной культуры, впитать в себя все многообразие других культур, но при этом не утратить уникальность собственной культуры [1].

В своих научных трудах О. А. Леонтович, пытаясь раскрыть понятие «межкультурная коммуникативная компетенция» писал, что она «... является конгломератом трех составляющих: языковой, коммуникативной и культурной компетенции...» [6].

Языковая компетенция включает в себя, правильной подбор и использование языковых средств выразительности, актуальных в данной ситуации общения. Использование коммуникативной компетенции заключается в применении механизмов, приемов приводящих, к обеспечению плодотворного процесса общения. Смысл культурной компетенции заключается в использовании лексических средств выразительности и очень схож с понятием культурной грамотности

И. Л. Плузнику удалось сформировать сущность межкультурной коммуникативной компетенции: «... межкультурная коммуникативная концепция представляет собой функциональные умения понимать взгляды и мнения представителей другой культуры, корректировать свое поведение, преодолевать конфликты в процессе коммуникации, признавать право на существование различных ценностей, норм поведения...» [7].

Одним из критериев формирования межкультурной компетенции у студентов можно выделить способности принимать участие во взаимодействии или диалоге культур. И только тогда, когда он основан на принципе равенства и взаимного уважения разных культур. Ю. Лотман писал: «диалог культур — это такой вид взаимодействия между «культурой-передатчиком» и «культурой-приемником», который способствует развитию воспринимающей культуры и открывает для нее новые возможности» [2].

Формирование у личности представлений о культуре и традициях других наций, а также о принадлежности к своему этносу должно формироваться именно в студенческие годы, когда человек в полной мере осознает всю реальность бытия. Именно предпосылками, способствующими формированию межкультурных компетенций, выступает обучение иностранным языкам.

В процессе изучения иностранных языков можно выделить следующую группу направлений, направленных на формирование межкультурной коммуникативной компетенции:

- поликультурное направление заключается в получение новых знаний о чужой культуре. И через её отражение у нас складывается более детальное представление о своей собственной культуре. Рассматривая собственную культуру с позиции чужой, мы начинаем видеть те моменты, что направлены на сближение и объединение культур, а не противостояния и противоречия.

- толерантность проявляется в способности взаимодействовать с людьми другой культуры на основе учета их ценностей, нравов, норм, обычаев и представлений; способность подстраивать свое поведение в процессе общения с носителем чужой культуры, но при этом толерантность не является терпимостью. Личность не просто подчиняется другой культуре, а сопереживает и откликается на эмоции;

- поведенческое направление заключается в нахождение конструктивных компромиссов общения, изменение манеры поведения, те, которые приняты в данной культуре, умение вступать в контакт и поддерживать его;

- лингвосоциокультурное направление можно раскрыть, как способность человека владеть знаниями о системе языка, обмениваться мнениями, подтверждать внимание к собеседнику [7].

Для того чтобы процесс формирования межкультурных коммуникативных компетенций проходил быстрее во всем мире стали прибегать к проведению международных конференций, обменам студентами и преподавателями между университетами. В последнее десятилетие эта тенденция значительно усилилась в связи с интеграцией мировой экономики. Для поддержания и закрепления желаемого эффекта в коммуникативной деятельности необходима постановка коммуникативных целей, осознанное общение с носителями языка, создание условий для общения с иноязычными субъектами. В процессе изучения иностранных языков студенты совместно с преподавателями могут рассматривать самые разные ситуации, например, поход в театр, путешествие в другую страну или участие в научно-практической конференции. В процессе такого общения собеседники начинают понимать различия между культурами носителей языка, а также будет расширяться словарный запас, позволяющий более просто выражать свои мысли. Чем дольше студенты общаются с представителями иноязычной культуры, тем быстрее они смогут совершенствовать свою межкультурную компетенцию.

Процесс глобализации охватывает все сферы человеческой деятельности, и сфера культуры в этом плане не является исключением. В основном, под культурой понимают человеческую деятельность в её самых разных проявлениях, включая все формы и способы человеческого самовыражения и самопознания, накопление человеком и социумом в целом навыков и умений.

До недавнего времени история человечества складывалась лишь из историй отдельных стран и народов. Сегодня же она трансформируется в единую историю глобального человечества, в которой изменения происходящие в одной стране, так или иначе, отражаются на жизни всего остального мира. Развитие регионов приводит к тому, что народы разных культур теряют свою уникальность, происходит слияние культурных ценностей, границы становятся размытыми и со временем исчезают. В результате процесса глобализации и

цифровизации возможностей для общения между носителями разных культур стало значительно больше, и эти возможности стали обыденностью для многих стран и народов. Такая ситуация обусловила большой интерес представителей различных наук к процессам культурного взаимодействия и взаимовлияния, которые мы называем межкультурной коммуникацией.

В 1950-х годах Эдвард Холл впервые употребил понятие межкультурной коммуникации. Г. Трейгер и Э. Холл вкладывали в это понятие следующий смысл: «идеальную цель, к которой должен стремиться человек в своем желании как можно лучше и эффективнее адаптироваться к окружающему миру» [4, 12].

А. П. Садохин в своих работах писал: «Межкультурная коммуникация есть совокупность разнообразных форм отношений и общения между индивидами и группами, принадлежащими к разным культурам» [9].

Согласно определению, Т. Б. Фрик: «Межкультурная коммуникация — это общение людей, которые представляют разные культуры» [11].

Исходя из рассуждений об обучении иностранному языку, как средству межкультурной коммуникации можно сделать вывод, что «язык должен изучаться как неотъемлемая и неотделимая часть мира и культуры народа, который на нем говорит» [10].

Не только понимать иностранную речь, но и также общаться и продуцировать ее в устной и письменной форме — сложная задача. При обучении студентов надо помнить, что коммуникация состоит не только из слов. Кроме знания языка студенты должны знать культуру общения, правила поведения, знание невербальных форм выражения — мимика и жесты — это основа успешной межкультурной коммуникации. Необходимо учитывать такие языковые явления, как сочетаемость слов и их отсутствие, специфика фразовых единиц.

Например, в английском языке при обращении с друзьями нужно использовать нейтральные *a friend* и *a man*, а *a guy*, *a fellow*, *old chap*, *pal*. Также нужно правильно подбирать фразы, чтобы не обидеть собеседника. Так как некоторые слова они используют в очень эмоциональном состоянии. При общении с англичанами всегда нужно обращать внимание на то, что рассказывает вам собеседник.

Однако, помимо особенностей самого языка, необходимо также учитывать национальный характер носителей, их традиции и обычаи, и даже образ жизни. Только синтезируя все эти факторы, можно добиться адекватного понимания и хорошего общения.

Согласно проведенному исследованию можно сделать вывод, что для продуктивного взаимодействия и общения между представителями разных культур необходимо преодоление языкового барьера. Неудачи и недопонимание в процессе межкультурной коммуникации, в основном, связаны с культурными различиями. Межкультурное общение обладает своими закономерностями, которые коренным образом оказывают влияние на взаимодействие субъектов общения.

Для создания предпосылок развития продуктивного межкультурного общения, необходимо формирование межкультурных компетенции у студентов, что является одной из важнейших задач иноязычного образования. В межкультурной коммуникации иностранный язык служит средством межкультурного обмена между людьми из разных культурных сообществ. В результате межкультурного взаимодействия

студентов различных национальностей наряду с овладением иностранными языками происходит приобретение культурологических знаний и формирование способности понимать менталитет носителей других языков.

Пристатейный библиографический список

1. Арустамян Д. В., Байкова Е. Д. Межкультурное общение как процесс межличностного взаимодействия. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2014. — № 1 (60). — С. 734-736.
2. Берестовская Д. С. Текст и коммуникация в пространстве культуры: коллективная монография / Под общ. ред. Д. С. Берестовской, И. А. Андрищенко. — Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019.
3. Гузикова М. О., Фофанова П. Ю. Основы теории межкультурной коммуникации: [учеб. пособие]. М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. — Екатеринбург: Издво Урал.ун-та, 2015. — 124 с.
4. Денисова И. В., Еременко А. П. Типы межкультурных коммуникаций // IV Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум» 15 февраля – 31 марта 2012 года.
5. Латыпова Э. Р. Формирование межкультурных коммуникативных умений бакалавров в процессе обучения иностранному языку в современном вузе // Вестник Майкопского государственного технологического университета. — 2015. — С. 74-76.
6. Леонтович О. А. Международное обучение на базе Центра американистики ВГПУ // Модернизация содержания и методов иноязычного обучения как приоритетное направление в условиях непрерывного языкового образования»: тез. докл. II Регион. науч.-практ. конференции, Волгоград 17-18 янв. 2003 г. / Сост.: С. А. Пятаева, М. А. Железнякова. — Волгоград: Перемена, 2003. — С. 32-33.
7. Плузник И. Л. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции студентов гуманитарного профиля в процессе профессиональной подготовки»: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. — Тюмень, 2003. — 25 с.
8. Сахно И. В. Межкультурная компетенция как условие успешных бизнес-переговоров // Вестник ТГУ. — 2014. — № 4 (132).
9. Садохин А. П. Введение в межкультурную коммуникацию. — М.: Высшая школа, 2005. — 310 с. — 3000 экз. — ISBN 978-5-406-02451-5.
10. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — Москва: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2008. — 352 с.
11. Фрик Т. Б. Основы теории межкультурной коммуникации: учебное пособие. — Томск: Томский политехнический университет, 2013. — 100 с.
12. Hall E. T. Hidden Differences: Studies in International Communication. — Grunder&Jahr, 1983. — P. 24.

ИСКРА Никита Сергеевич

студент 4 курса Факультета подготовки специалистов для судебной системы (Юридический факультет) Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

РИМСКИЙ Владислав Геннадиевич

бакалавр по специализации «Психология», студент 1 курса магистратуры направления подготовки «Психология развития. Возрастная психология» Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова

НАДТОЧИЙ Мария Сергеевна

бакалавр по специальности «Юриспруденция», юрисконсульт Государственного казённого учреждения Республики Крым Крымской республиканской аварийно-спасательной службы «КРЫМ-СПАС»

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ИНТЕРЕСАХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ*

В данной статье рассмотрено текущее состояние законодательного регулирования в Российской Федерации, изучен международный опыт. Опираясь на международный опыт и передовую практику, даются конкретные рекомендации по разработке законодательства. В статье подчеркиваются преимущества и важность развития и правового регулирования психологической деятельности. Статья служит ценным ресурсом для юристов, психологов, политиков и заинтересованных сторон, участвующих в формировании правовой базы психологической деятельности в Российской Федерации.

Ключевые слова: правовое регулирование, психологи, психологическая деятельность, единая система, комплексная структура, перспективы законодательного развития, международный опыт, профессиональные стандарты, защита психологов и клиентов, профессиональная мобильность, исследования и инновации, общественное доверие, рекомендации, заинтересованные стороны.

ISKRA Nikita Sergeevich

student of the 4th course of the Faculty of Training Specialists for the Judicial System (Faculty of Law) of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

RIMSKIY Vladislav Gennadjevich

bachelor's degree in Psychology, 1st year student of the master's degree in the field of training "Psychology of development. Age psychology" of the Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University

NADTOCHIY Mariya Sergeevna

bachelor's degree in Law, Legal adviser of the State Public Institution of the Republic of Crimea Crimean Republican Emergency Rescue Service «CRIMEA-SPAS»

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF LEGISLATION IN THE FIELD OF PSYCHOLOGICAL REGULATION IN THE INTERESTS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT**

In this article the current state of legislative regulation in the Russian Federation is considered, international experience is studied. Based on international experience and best practices, specific recommendations for the development of legislation are given. The article emphasizes the advantages and importance of the development and legal regulation of psychological activity. The article serves as a valuable resource for lawyers, psychologists, politicians and stakeholders involved in the formation of the legal framework of psychological activity in the Russian Federation.

Keywords: legal regulation, psychologists, psychological activity, unified system, complex structure, prospects for legislative development, international experience, professional standards, protection of psychologists and clients, professional mobility, research and innovation, public trust, recommendations, stakeholders.

В последние годы в Российской Федерации область психологии переживает значительный рост и трансформацию. В связи с растущим вниманием к психическому здоровью и признанием психологии в качестве одной из важнейших дисциплин существует необходимость в пересмотре правовых рамок, регулирующих деятельность психологов. Мы стремимся изучить перспективы правового регулирования дея-

тельности психологов в Российской Федерации, углубляясь в меняющийся ландшафт профессиональной деятельности и последствия как для практикующих психологов, так и для их клиентов.

Актуальность этой темы обусловлена признанием того, что психическое здоровье играет неотъемлемую роль в общем благополучии отдельных людей и общества в целом [1]. По мере роста спроса на психологические услуги становится необходимым создание надежной правовой базы, обеспечивающей этические стандарты, защищающей права и интересы как психологов, так и клиентов и поддерживающей честность профессии. Поскольку психология в настоящее время признана отдельной дисциплиной в более широкой области здравоохранения, практикующим её специалистам

* Научный руководитель: Сошина Наталья Викторовна, старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права КрФ ФБГОУ ВО «Российский государственный университет правосудия».

** Scientific supervisor: Soshina Natalya Viktorovna, Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure Law of the Crimean Branch FSBEIHE «Russian State University of Justice».

приходится ориентироваться в сложной сети юридических обязательств и этической ответственности.

Отсутствие системы правовых норм, ориентированных на регулирование деятельности психологов в Российской Федерации, создало неопределенность и потенциальные риски как для профессионалов, так и для их клиентов. Хотя некоторые основные принципы существуют на федеральном и региональном уровнях, например этические кодексы психолога [2], им часто не хватает согласованности, что приводит к различным стандартам практики и непоследовательной защите потребителей психологических услуг. В данной статье предпринята попытка проанализировать существующий правовой ландшафт, выявить проблемы и недостатки и предложить потенциальные пути правовой реформы, которые помогли бы сделать регулирование деятельности психологов эффективнее.

Постараясь изучить международный опыт и сравнительную правовую базу, мы оценим, как в других странах справляются с правовым регулированием деятельности психологов. Опираясь на этот опыт, мы сможем предложить потенциальные решения, которые могут быть адаптированы к уникальным потребностям и контексту Российской Федерации. Кроме того, мы изучим преимущества внедрения единой и всеобъемлющей правовой базы, которая обеспечивает компетентность и добросовестность психологов при одновременной защите прав и интересов их клиентов.

Эта статья особенно актуальна не только для юристов, но и для психологов, практикующих врачей, политиков и общественности. Проливая свет на перспективы правового регулирования деятельности психологов, она призвана стимулировать содержательные дискуссии и принятие обоснованных решений относительно будущего охраны психического здоровья в России. В конечном счете, наши коллективные усилия по созданию надежной правовой базы будут способствовать профессиональному развитию психологов, укреплению общественного доверия и повышению общего качества психологических услуг в Российской Федерации.

В настоящее время нормативная база, регулирующая деятельность психологов в Российской Федерации, характеризуется сочетанием федеральных и региональных нормативных актов, а также профессиональных руководств, издаваемых различными психологическими ассоциациями [3]. Однако важно отметить, что в существующей правовой базе отсутствуют всеобъемлющие и стандартизированные правила, специально разработанные для психологов, что приводит к фрагментированной и непоследовательной нормативно-правовой базе.

На федеральном уровне существует несколько законов, которые косвенно влияют на деятельность психологов. Наиболее заметными из них являются Федеральный закон «Об охране здоровья граждан», который устанавливает общие принципы оказания медицинской помощи, в том числе психиатрической. Кроме того, Федеральный закон «Об образовании» устанавливает образовательные стандарты для программ по психологии, но в нем не рассматриваются всесторонние правовые аспекты психологической практики.

Профессиональные ассоциации, такие как Российское психологическое общество (РПО), разработали свои собственные этические принципы [2] и стандарты практики.

Настоящие руководящие принципы направлены на предоставление профессиональных рекомендаций психологам и популяризацию этического поведения в данной области. Однако соблюдение этих принципов является добровольным, и им не хватает юридической силы для обеспечения соблюдения или устранения потенциальных нарушений.

Отсутствие унифицированной правовой базы, которая бы регулировала психологическую деятельность, создает ряд проблем. Во-первых, это создает двусмысленность и неопределенность в отношении прав и обязанностей психологов, а также прав клиентов, обращающихся за психологическими услугами. Такое отсутствие ясности может подорвать профессиональную деятельность и защиту прав потребителей. Кроме того, отсутствие четких правовых норм может препятствовать развитию профессии, интеграции психологической службы в систему здравоохранения.

В целом, действующая нормативно-правовая база для психологов в России характеризуется сочетанием федеральных и региональных законов, а также добровольных профессиональных рекомендаций. Этой фрагментированной системе не хватает согласованности, и она не обеспечивает адекватной защиты как психологов, так и их клиентов. В результате растет признание необходимости всеобъемлющего правового регулирования, специально разработанного для психологов, которое повысило бы профессиональную подготовку, защитило бы права клиентов и способствовало бы развитию профессии в Российской Федерации.

Переходя к международному опыту, стоит отметить, что в европейских странах законодательное регулирование психологической деятельности существенно различается, отражая различные подходы и правовые системы по всему континенту. Однако существуют общие темы и принципы, лежащие в основе регулирования этой профессии, с общей целью обеспечения высоких профессиональных стандартов, защиты клиентов и поддержания общественного доверия. Хотя конкретные законы и нормативные акты в разных странах различаются, в европейских юрисдикциях можно наблюдать несколько ключевых аспектов.

Одним из фундаментальных аспектов законодательного регулирования в европейских странах является признание психологии регулируемой профессией. Это признание часто предполагает создание уставных органов или профессиональных советов, ответственных за надзор за стандартами профессии, лицензированием и дисциплинарными процедурами. Эти органы, как правило, наделены полномочиями в соответствии с конкретными законами, которые определяют их роли и обязанности.

Юридические требования к практикующей психологии, как правило, включают образовательную квалификацию, обучение под наблюдением и постоянное профессиональное развитие. В европейских странах, как правило, действуют законы, устанавливающие минимальные образовательные стандарты для психологов, такие как специальные программы получения степени или требования к аккредитации. Например, в Соединенном Королевстве Совет по профессиям в области здравоохранения (HCPC) [4] регулирует профессию в соответствии с Законом о профессиях в области здравоохранения 2002 года [5], который устанавливает требования к образованию и профессиональные стандарты для психологов.

Кроме того, правовые нормы часто затрагивают вопросы профессиональной этики и поведения. Многие европейские страны приняли кодексы этики, которые определяют поведение и обязанности психологов. Эти кодексы обычно охватывают такие темы, как конфиденциальность, информированное согласие, компетентность и конфликт интересов. Например, у Немецкого психологического общества (DGPs) [6] есть Кодекс поведения, который содержит этические рекомендации для психологов в Германии.

Что касается защиты клиентов, то законодательство обычно регулирует вопросы, связанные с конфиденциальностью и неприкосновенностью частной жизни. Законы, как правило, устанавливают обязанность психологов сохранять конфиденциальность информации о клиентах и описывают ограниченные обстоятельства, при которых конфиденциальность может быть нарушена. Эти законы часто согласуются с более широкими правилами защиты данных и конфиденциальности в каждой стране, такими как Общий регламент по защите данных (GDPR) [7] в Европейском союзе.

Кроме того, законодательная база европейских стран часто предусматривает введение жалоб и дисциплинарных процедур для защиты прав и интересов клиентов и поддержания эффективного правового регулирования. Эти процедуры обычно включают расследование жалоб на психологов и, при необходимости, применение дисциплинарных мер. Конкретные механизмы и процедуры рассмотрения жалоб и дисциплинарных взысканий различаются в разных странах, но предназначены для обеспечения справедливого и прозрачного разбирательства. Например, в Нидерландах при Ассоциации голландских психологов (NIP) [8] действует дисциплинарный совет, который осуществляет надзор за профессиональным поведением и рассматривает жалобы на психологов.

Важно отметить, что законодательное регулирование психологической деятельности в европейских странах является развитой областью, которая постоянно обновляется и пересматривается. Многие страны активно проводят периодические обзоры своего законодательства, чтобы убедиться в его актуальности, эффективности и соответствии современным стандартам и формирующейся практике.

В заключение следует отметить, что законодательное регулирование психологической деятельности в европейских странах направлено на повышение высоких профессиональных стандартов, защиту прав и интересов клиентов и поддержание общественного доверия. Конкретные законы и нормативные акты различаются в разных странах и охватывают такие области, как образование, этика, конфиденциальность и процедуры подачи жалоб. Особенностью стран Европы от России также является необходимость получения лицензии для проведения психологических консультаций. Создавая надежную правовую базу, европейские страны стремятся обеспечить компетентность, добросовестность и подотчетность психологов, одновременно способствуя защите тех, кто обращается за психологическими услугами.

В Соединенных Штатах законодательное регулирование психологической деятельности осуществляется в основном на уровне штатов, причем каждый штат уполномочен устанавливать свои собственные законы и подзаконные акты. Главной целью является обеспечение высочайших стандартов профессионализма, компетентности и этического поведения

среди психологов. Хотя конкретные законы в разных штатах могут отличаться, в законодательной базе можно проследить несколько ключевых аспектов и общих элементов.

Лицензирование является фундаментальным требованием для практики психологии в Соединенных Штатах. Государственные лицензионные советы отвечают за регулирование профессии и выдачу лицензий квалифицированным специалистам. Законы о лицензировании обычно определяют требования к образованию, экзаменам и опыту работы, которые психологи должны выполнять для получения и поддержания в силе своих лицензий. Конкретные законы и нормативные акты, регулирующие выдачу лицензий, могут различаться в разных штатах, но в целом они соответствуют стандартам, установленным Ассоциацией советов по психологии штатов и провинций (ASPPB) [9].

Законодательные акты часто определяют требования к образованию для получения лицензии психолога. В большинстве штатов требуется докторская степень (Ph.D. или Psy.D.) по психологии в аккредитованном учебном заведении.

Экзамен по профессиональной практике в области психологии (EPPP) [9], разработанный ASPPB, широко используется во всех штатах в качестве требования для получения лицензии. EPPP – это комплексный национальный экзамен, который оценивает знания и компетентность кандидата в области психологии. В некоторых штатах могут также проводиться дополнительные экзамены или экзамены, относящиеся к конкретному штату, которые должны сдать кандидаты.

Законодательные акты часто включают этические стандарты, которых психологи должны придерживаться в своей профессиональной практике. Эти стандарты, как правило, сосредоточены на конфиденциальности, информированном согласии, границах, компетенции и предотвращении конфликтов интересов. Хотя конкретные этические принципы могут устанавливаться профессиональными ассоциациями, такими как Американская психологическая ассоциация (APA) [10], основные из них кодифицированы в государственных законах или нормативных актах.

Законодательные акты могут определять сферу деятельности психологов, описывая конкретные виды деятельности, методы и вмешательства, которые психологи уполномочены выполнять в рамках своей лицензии. Эти законы часто направлены на защиту клиентов, не позволяя неквалифицированным лицам оказывать психологические услуги. Для сохранения и продления своих лицензий психологам, как правило, требуется проходить непрерывное образование.

Хотя конкретные законы и нормативные акты могут существенно различаться в разных штатах, широкая законодательная база, регулирующая психологическую деятельность в Соединенных Штатах, также как и в Европе, направлена на защиту общества путем установления стандартов профессиональной компетентности, этического поведения и благополучия клиентов. Гарантируя, что лица, практикующие психологию, соответствуют этим стандартам, система регулирования стремится укрепить общественное доверие, сохранить целостность профессии и гарантировать защиту прав и интересов тех, кто обращается за психологическими услугами.

Нами был проведён опрос общественного мнения, результаты которого помогают понять в каком направлении

общество видит развитие законодательного регулирования психологической деятельности [11]. Хотелось бы привести основные выводы:

1. Абсолютное большинство респондентов выразило мнение, что российское законодательство в области регулирования психологической деятельности требует доработки.

2. В целом, мнение по вопросу «кто менее защищен с правовой точки зрения в рамках психологической практики?» разделилось поровну.

3. Абсолютное большинство респондентов выразило мнение, что следует ввести обязательное лицензирование на осуществление психологической деятельности.

4. Большинство респондентов выразило мнение, что следует установить четкий механизм рассмотрения жалоб на психологов.

5. Опрос выявил значительный интерес к интеграции психологической службы в систему здравоохранения.

6. Значительная часть респондентов выразила желание создать единый национальный регулирующий орган, осуществляющий надзор за областью психологии.

7. Опрос подчеркнул важность надежных этических принципов для формирования поведения в профессии. Респонденты признали необходимость всеобъемлющих и подлежащих исполнению этических принципов.

8. Абсолютное большинство респондентов выделили важность выделения ресурсов на кампании по информированию общественности о роли психологов, проблемах психологического здоровья и важности поиска квалифицированных специалистов.

Опираясь на международный опыт и лучшие практики, можем предложить следующие направления по развитию законодательства в области психологии в Российской Федерации:

Создание национального регулирующего органа: необходимо рассмотреть возможность создания централизованного национального регулирующего органа в области психологии, аналогичного регулирующим органам в различных европейских странах и Соединенных Штатах. Этот орган будет отвечать за установление и обеспечение соблюдения единых профессиональных стандартов, процедур лицензирования и этических принципов по всей стране. Это обеспечило бы надзор, последовательность и подотчетность в практике психологии, укрепив общественное доверие и обеспечив высокое качество услуг.

Внедрение комплексного процесса лицензирования: необходимо разработать комплексный процесс лицензирования, который включает в себя строгие экзамены, как национальные, так и возможно региональные, для оценки знаний и компетентности практикующих психологов. Экзамены должны охватывать широкий спектр психологических методов и принципов, этики и профессионального поведения. Это гарантировало бы, что лицензированные психологи обладают необходимыми навыками и знаниями для предоставления эффективных и профессиональных услуг.

Усилить защиту прав и интересов клиентов: по нашему мнению, также необходимо разработать императивные правила или стандарты, в которых особое внимание уделяется защите клиентов, установив четкие руководящие принципы в отношении прав клиентов, конфиденциальности, информированного согласия и рассмотрения жалоб. Это мо-

жет включать правовые положения, обеспечивающие конфиденциальность и безопасность клиентской информации, обязательные процедуры получения информированного согласия и прозрачный механизм рассмотрения жалоб или непропорциональных действий.

Необходимо уделить особое внимание непрерывному образованию: мы считаем, что необходимо продумать и разработать систему обучения на протяжении всей профессиональной деятельности путем внедрения обязательных требований к непрерывному образованию для психологов. Необходимо побуждать и агитировать специалистов в области психологии участвовать в регулярных тренингах, семинарах и конференциях, чтобы быть в курсе достижений в этой области, практики, основанной на фактических данных. Это обеспечило бы постоянное повышение квалификации и знаний психологов в РФ

Установка обязательных этических принципов: необходимо всеобъемлющие и подлежащие исполнению этические принципы для психологов в РФ, которые должны касаться таких вопросов, как конфиденциальность, этика, профессиональные границы, культурная компетентность и использование методов и технологий на практике. Они должны регулярно обновляться, чтобы соответствовать развитию общества и психологии.

Также мы предлагаем изучать и сопоставлять нашу правовую базу с законодательными базами стран, которые успешно регулируют сферу психологии. Таким образом можно анализировать передовую практику, извлеченные уроки и успешные подходы для информирования о развитии законодательства в России. Международное сотрудничество, исследования и обмен знаниями могут дать ценную информацию для формирования эффективного законодательства.

Рассматривая эти предложения, основанные на международном опыте и опросе общественности, можно укрепить законодательную базу, регулиующую психологию в Российской Федерации, для обеспечения самых высоких профессиональных стандартов, защиты прав и интересов как самих психологов, так и их клиентов, а также для содействия дальнейшему росту и продвижению этой области.

Внедрение единой и всеобъемлющей правовой базы, регулиующей психологическую деятельность, дает ряд преимуществ:

Единая структура обеспечивает последовательность и ясность в нормативных актах, регулирующих психологическую деятельность по всей стране. Это устраняет расхождение и противоречивые требования, которые могут вытекать из различных региональных нормативных актов. Психологи и клиенты могут иметь четкое представление о стандартах и ожиданиях, облегчая предоставление услуг и обеспечивая равный доступ к ним.

Всеобъемлющая система устанавливает строгие требования к образованию и лицензированию, гарантируя, что психологи обладают необходимой квалификацией, знаниями и навыками для эффективной практики. Это способствует повышению профессиональной компетентности и экспертных знаний, повышая качество психологических услуг, предоставляемых отдельным лицам и сообществам.

Единая структура внушает общественное доверие, демонстрируя приверженность самым высоким стандартам профессионализма и этики. Это вселяет уверенность кли-

ентов, обращающихся за психологическими услугами, зная, что психологи работают в рамках хорошо регулируемой системы, которая гарантирует соблюдение и защиту их права и интересов. Четкие рекомендации по защите клиентов, конфиденциальности и этическому поведению помогают поддерживать профессиональную честность и устранять любые потенциальные нарушения или жалобы.

Единая структура способствует профессиональной мобильности, позволяя психологам практиковать в разных регионах страны. Это упрощает процесс лицензирования, снижая барьеры для профессионалов, которые хотят переехать или предоставлять услуги в различных местах. Такая гибкость выгодна как психологам, так и общественности, обеспечивая доступ к более широкому кругу квалифицированных специалистов.

Систематизированная правовая база способствует сотрудничеству и интеграции психологических служб в различные секторы, например: министерство чрезвычайных ситуаций, здравоохранение, образование, вооруженные силы Российской Федерации, социальные службы. Это способствует междисциплинарной командной работе, укреплению партнерских отношений с другими профессионалами и продвижению целостного подхода к удовлетворению потребностей отдельных людей.

Такая система подчеркивает важность постоянного профессионального развития посредством обязательных требований к непрерывному образованию. Это побуждает психологов быть в курсе последних исследований, достижений и передовой практики в этой области. Такое стремление к профессиональному развитию обеспечивает постоянный рост и совершенствование профессии, в то же время возлагая на психологов ответственность за сохранение своих знаний и навыков на протяжении всей профессиональной деятельности.

Перспективы правового регулирования деятельности психологов в Российской Федерации значительны, и разработка единой правовой базы имеет решающее значение. Это обеспечило бы ясность и последовательность, гарантируя, что специалисты придерживаются стандартизированных руководящих принципов, и повысило бы качество психологических услуг. А также повысило бы общественное доверие, продемонстрировав приверженность профессиональной деятельности, прозрачности и этическому поведению. Это позволило бы упорядочить процессы регулирования, снизить административное бремя и повысить эффективность надзора за психологической практикой.

Принимая во внимания эти предложения и разрабатывая систематизированную правовую базу, Российская Федерация может обеспечить высочайшие профессиональные стандарты, защитить права и интересы психологов и клиентов, а также способствовать дальнейшему росту и продвижению области психологии.

Пристатейный библиографический список

1. Лызь Н. А. О структуре психического здоровья человека (обзор исследований) // Известия Южного федерального университета. Технические науки. – 2004.
2. Этический кодекс психолога // Российское психологическое общество. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://рпо.рф/рпо/documentation/ethics.php> (дата обращения: 04.05.2023).
3. Перечень Профессиональных Объединений Психологов, Психотерапевтов, Психиатров // Интернет-ресурс LifeCon. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lifecon.ru/associations/> (дата обращения: 05.04.2023).
4. Стандарты квалификации – Практикующие психологи // Совет по профессиям в области здравоохранения. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hcpc-uk.org/resources/standards/standards-of-proficiency-practitioner-psychologists/> (дата обращения: 05.04.2023).
5. National Health Service Reform and Health Care Professions Act 2002. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/17/notes/contents> (дата обращения: 05.04.2023).
6. Немецкое психологическое общество. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dgps.de/> (дата обращения: 06.05.2023).
7. Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и совета О защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и о свободном перемещении таких данных и отмене Директивы 95/46 / ЕС (Общие правила защиты данных). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ogdpr.eu/ru/gdpr-2016-679> (дата обращения: 04.05.2023).
8. Ассоциации голландских психологов (NIP). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psynip.nl/> (дата обращения: 05.05.2023).
9. Ассоциацией советов по психологии штатов и провинций (ASPPB). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.asppb.net/> (дата обращения: 06.05.2023).
10. Американская психологическая ассоциация (APA). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.apa.org/> (дата обращения: 06.05.2023).
11. Результаты опроса «Перспективы развития законодательства в области психологического регулирования в интересах устойчивого развития». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.google.com/forms/d/1iA1aVjqDBFOvARxdqYyeH3tiUXap3FfifbJFxuOPDUI/viewanalytics> (дата обращения: 08.05.2023).

ИСАЕВ Мурад Шамилович

аспирант кафедры психологии и социально-культурного сервиса Донского государственного технического университета

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ВЫНЕСЕНИЕ ВЕРДИКТА ПРИСЯЖНЫМИ ЗАСЕДАТЕЛЯМИ*

Настоящая статья посвящена анализу роли психологических факторов, оказывающих влияние на присяжных заседателей при вынесении вердикта. Посредством анализа теоретических и эмпирических данных авторы приходят к выводу, что к числу основных психологических факторов, которыми обусловлены вердикты присяжных заседателей, являются уровень правосознания и тревожности граждан. Также установлено, что вердикт присяжных заседателей напрямую зависит от качества подготовки уголовного дела к судебному разбирательству и проведенного предварительного следствия.

Ключевые слова: присяжные заседатели, психологические факторы, эмоции, вердикт, уровень правового развития, правосознание.

ISAEV Murad Shamilovich

postgraduate student of Psychology and socio-cultural service sub-faculty of the Don State Technical University

PSYCHOLOGICAL FACTORS INFLUENCING THE VERDICT OF THE JURY**

This article is devoted to the analysis of the role of psychological factors that influence jurors in reaching a verdict. Through the analysis of theoretical and empirical data, the authors come to the conclusion that among the main psychological factors that determine the verdicts of jurors are the level of legal awareness and anxiety of citizens. It is also established that the verdict of the jury directly depends on the quality of the preparation of the criminal case for trial and the preliminary investigation conducted.

Keywords: jurors, psychological factors, emotions, verdict, level of legal development, legal awareness.

Институт присяжных заседателей является одним из неотъемлемых атрибутов состязательного уголовного процесса в цивилизованном правовом и демократическом государстве. Для отечественного уголовного судопроизводства практика участия присяжных заседателей в разрешении уголовных дел не является чем-то новым, поскольку она активно применялась еще со второй половины 19 века после судебной реформы 1864 г. Именно благодаря появлению «суда присяжных заседателей» и трансформации уголовного процесса из инквизиционного в состязательный в России стали активно развиваться адвокатура и искусство ораторского мастерства, которым должны были обладать не только представители стороны защиты, но и государственного обвинения. Данное обстоятельство объясняется тем, что при участии присяжных заседателей в центре судебного разбирательства ставился лишь вопрос о фактических обстоятельствах дела.

После событий 1917 года институт присяжных заседателей советская власть упразднила, он был восстановлен лишь в 1989 году, однако на деле не применялся вплоть до принятия Конституции Российской Федерации, в части 2 статьи 47 которой было провозглашено право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей, но не всегда, а лишь в случаях, прямо предусмотренных законом.

Сущность института присяжных заседателей заключается в том, что разрешение вопроса о наличии события преступления и виновности подсудимого осуществляется не профессиональным судьей, имеющим высшее юридическое образование, а коллегией граждан, заранее не имеющих представления о рассматриваемом деле, о личности потерпевшего и подсудимого, а также не знакомых с материалами предварительного следствия. Основываясь лишь на тех данных, которые станут им известны в ходе судебного следствия, присяжные должны посредством ответа на поставленные перед ними вопросы вынести оправдательный либо обвинительный вердикт и при необходимости решить заслуживает ли подсудимый снисхождения.

Участие присяжных заседателей в рассмотрении уголовного дела напрямую обусловлено волеизъявлением обвиняе-

мого и соответствия предъявленного ему обвинения требованиям действующего уголовно-процессуального законодательства. До недавнего времени рассмотрение уголовных дел с участием присяжных заседателей практиковалось только в верховных (областных, краевых и др.) судах республик, с внесением в 2017 году в УПК РФ поправок был реформирован порядок отбора присяжных заседателей и закреплена возможность их функционирования в составе районных судов.

С момента появления в Российской Империи института присяжных заседателей велась дискуссия относительно объективности и справедливости выносимого присяжными вердикта. Данная дискуссия сохраняет свою актуальность и в настоящее время, поскольку имеют место случаи вынесения присяжными оправдательных вердиктов по делам, в которых факт совершения подсудимым преступления при наличии у него прямого умысла является очевидным. Анализ статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2017-2021 годы показал, что популярность института присяжных заседателей неуклонно возрастает, как и возрастает количество лиц, ежегодно признаваемых присяжными заседателями невиновными в совершении преступлений (см. табл. 1).

Некоторые специалисты отмечают, что склонность присяжных к вынесению оправдательных приговоров обусловлена отсутствием у них специальных познаний в области права, низким уровнем правосознания и преобладанием иррационального компонента, который в свою очередь, как правило, детерминирован высоким уровнем тревожности членов коллегии и (или) отсутствием достаточной доказательственной базы, достоверно свидетельствующей о наличии вины подсудимого [1, с. 65].

В свое время известный французский психолог Гюстав Лебон отмечал, что: «присяжные, как и толпа, легко подчиняются влиянию чувств и очень мало – влиянию рассуждения [2, с. 46].

В научной литературе сложилось мнение, согласно которому большое количество оправдательных вердиктов присяжных заседателей связаны с подверженностью последних влиянию эмоций, а также отсутствием ответственности за принимаемое решение и необходимости его обоснования.

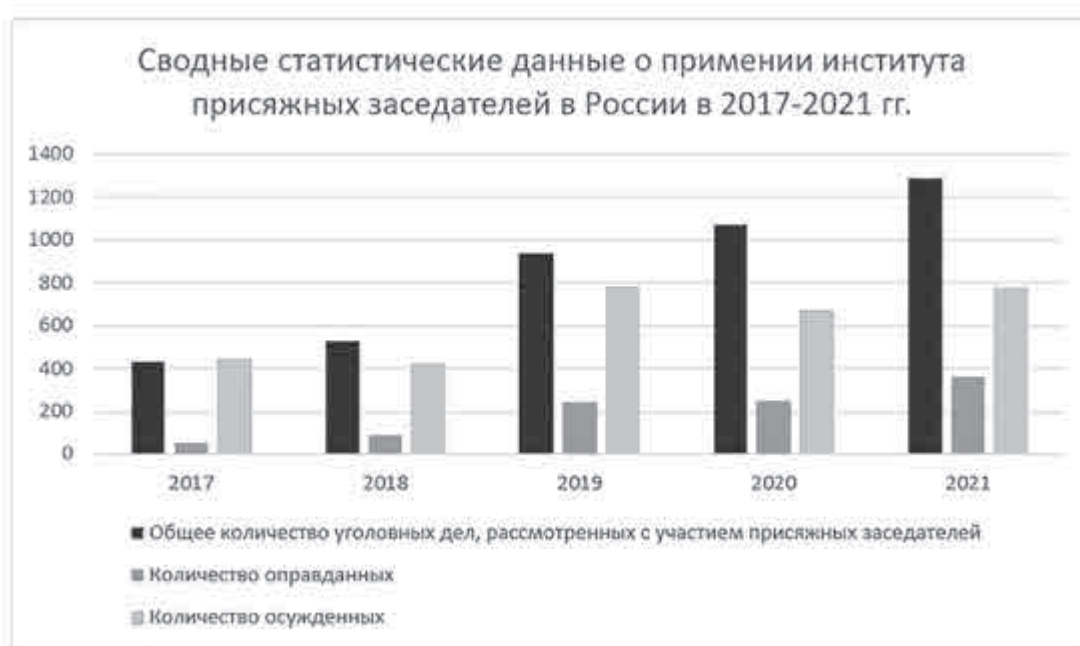
Анализ теоретических источников по рассматриваемому вопросу показал, что детерминанты вердикта коллегии присяжных уже на протяжении длительного периода времени находятся в поле зрения исследователей различных отраслей знания (психология, юриспруденция и т.д.).

Большинство авторов полагают, что все факторы, влияющие на вынесение оправдательного или обвинительного вердикта присяжными заседателями, можно разделить на две группы: внешние и внутренние [3, с. 160]. Первые, как отмечает

* Научный руководитель: Сулаева Жанна Абдулгамидовна – доктор филологических наук, доцент, профессор, заведующая кафедрой психологии и социально-культурного сервиса Донского государственного технического университета.

** Scientific supervisor: Sulaeva Zhanna Abdulgamidovna – Ph.D. in philological sciences, associate professor, professor, Head of Psychology and socio-cultural service sub-faculty of the Don State Technical University.

Таблица 1. Популярность института присяжных заседателей в Российской Федерации

А. А. Кучаева, включают в себя «показания свидетелей, процедурные особенности рассмотрения уголовного дела, личностные характеристики подсудимого и потерпевшего, инструкции судьи и т.д.» [3, с. 160].

А. С. Калашникова, в своей работе, посвященной влиянию на вердикт присяжных заседателей внутренних факторов, дифференцирует последние на социо-демографические и психологические [4, с. 12].

Примерами социо-демографических внутренних факторов могут служить гендерный признак, возраст, национальная и религиозная принадлежность, уровень образования, материальное положение и ряд других.

Наибольший интерес в рамках настоящего исследования вызывают психологические факторы, под воздействием которых выносятся вердикт коллегии присяжных.

По мнению В. А. Рыбакова, центральную роль среди психологических факторов играет правосознание присяжных заседателей [5, с. 28]. Данную точку зрения разделяет и А. А. Кучаева [3, с. 161]. В общей теории права под правосознанием принято понимать совокупность взглядов, идей и представлений о явлениях правового порядка. Применительно к теме настоящей статьи правосознание представляет собой систему взглядов индивида относительно таких категорий, как преступность, подсудимый, потерпевший, правосудие, наказание, ответственность и т.д.

Как справедливо отмечает О. А. Гулевич [6], существенное значение при вынесении вердикта имеет отношение присяжных к представителям сторон уголовного процесса: прокурору, адвокату, потерпевшему, подсудимому, а также к самому уголовному закону. Например, при рассмотрении присяжными заседателями уголовного дела по обвинению женщины в убийстве мужа, который применял по отношению к ней физическое насилие, высока вероятность вынесения оправдательного приговора, поскольку существенную роль в совершенном деянии играет поведение самого потерпевшего, чьи безнравственные и общественно порицаемые действия подтолкнули подсудимую к совершению преступления.

В описываемой ситуации при наличии грамотно выстроенной линии защиты и соответствующего поведения подсудимой, фокус внимания присяжных смещается с общественно опасного деяния и его последствий на причины, лежащие в основании его совершения. Даже признавая факт совершения убийства, присяжные могут прийти к выводу об отсутствии вины подсудимой. В их сознании сформируется представление о ней, как о жертве стечения обстоятельств, а противоправное деяние будет расцениваться как единственно возможный вариант развития событий.

Эмпатичные люди с высоким уровнем тревожности будут склонны к оправданию подсудимой, либо к признанию ее заслуживающей снисхождения. Сопереживая «жертве» и ее

нелегкой судьбе, члены коллегии, голосующие за вынесение оправдательного вердикта, тем самым пытаются облегчить ее тяготы и снять с себя часть ответственности за ее дальнейшую судьбу.

Аналогичным образом обстоит ситуация в делах, по которым предварительное следствие проведено некачественно и не располагает достаточными доказательствами виновности обвиняемого. Наличие неустраняемых сомнений в том, что преступление совершил подсудимый, порождает субъективную неуверенность у каждого из членов коллегии. В совокупности со страхом осуждения невиновного эти факторы ложатся в основу оправдательного вердикта.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод, что установление связи между психологическими процессами и вердиктом присяжных заседателей имеет важное прикладное значение при формировании коллегии присяжных. При формировании коллегии присяжных заседателей необходимо определять уровень их правосознания с целью формирования коллегии из примерно одинакового числа присяжных, склонных к вынесению оправдательных или обвинительных приговоров. Соблюдение данного условия позволит обеспечить вынесение справедливого приговора, соответствующего не только нормам морали и нравственности, но и нормам закона.

Пристатейный библиографический список

1. Кондрачук О. Н. Влияние эмоций на вердикт присяжных заседателей // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2005. – № 3-1 (41). – С. 65-68.
2. Лебон Г. Психология народов и масс. – М., 1996.
3. Кучаева А. А. Психологические факторы, влияющие на вердикт присяжных заседателей // Ученые записки: сборник научных трудов, Оренбург, 14-15 ноября 2019 года. – Оренбург: РПК Полиарт, 2020. – С. 159-163.
4. Калашникова А. С., Левочкина Н. С. Внутренние факторы, влияющие на вердикт присяжных заседателей // Психология и право. – 2013. – № 2. – С. 11-21.
5. Рыбаков В. А. Правосознание: к вопросу о понятии // Вестник Омского университета. Серия: право. – 2015. – № 3 (44).
6. Гулевич О. А. Психологические основы юриспруденции: Учебное пособие. – М., 2009.
7. Сулаева Ж. А. Проблемы формирования мотивации профессионального развития личности в современном обществе. – Махачкала: ФГБОУ ВО «ДГТУ», 2023. – 100 с.

КАРАБАЕВ Александр Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел Воронежского института МВД России, подполковник полиции

ВОСКОБОЕВ Александр Иванович

кандидат педагогических наук, доцент кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России, полковник полиции

АРТАМОНОВА Мария Александровна

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, майор полиции

НУРУТДИНОВ Ильнур Ильдусович

старший преподаватель кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России, майор полиции

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

Морально-психологическая подготовка сотрудников полиции играет важную роль в профессиональной деятельности сотрудников ОВД. В настоящей статье представлен обзор актуальных аспектов и методов морально-психологической подготовки сотрудников полиции. Авторы освещают влияние моральных и психологических аспектов на работу полиции, рассматривают проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются сотрудники полиции, и предлагают стратегии и методы для эффективной подготовки сотрудников полиции в этой области.

Ключевые слова: моральная подготовка, психологическая подготовка, подготовка сотрудников полиции, профессиональная деформация, профессиональное выгорание, профилактика профессиональной деформации.

KARAVAEV Alexander Alexandrovich

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative activity of internal affairs sub-faculty of the Voronezh Institute of the MIA of Russia, lieutenant of colonel police

VOSKOBUEV Alexander Ivanovich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Tactical and special training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia, colonel of police

ARTAMONOVA Maryia Alexandrovna

Ph.D. in Law, lecturer of Criminal law and criminology sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia, major of police

NURUTDINOV Ilnur Ildusovich

senior lecturer of Criminal law sub-faculty of the Kazan Law Institute of the MIA of Russia, major of police

ACTUAL PROBLEMS OF MORAL AND PSYCHOLOGICAL TRAINING OF POLICE OFFICERS

Moral and psychological training of police officers plays an important role in the professional activities of police officers. This article presents an overview of the current aspects and methods of moral and psychological training of police officers. The authors highlight the impact of moral and psychological aspects on the work of the police, consider the problems and challenges faced by police officers, and propose strategies and methods for effective training of police officers in this area.

Keywords: moral training, psychological training, police training, professional deformation, professional burnout, prevention of professional deformation.

Сотрудники полиции сталкиваются с разнообразными сложными ситуациями в своей профессиональной деятельности, требующими высокой моральной и психологической готовности. Морально-психологическая подготовка играет ключевую роль в обеспечении эффективности работы полиции. В настоящей статье будут рассмотрены основные аспекты морально-психологической подготовки сотрудников полиции и предложены рекомендации для ее развития.

Морально-психологическая подготовка представляет собой совокупность плановых учебных мероприятий по привитию сотрудникам органов внутренних дел знаний основных аспектов государственной политики, положений действующего законодательства в области обеспечения законности и правопорядка, требований директивных документов МВД России, а также методическому обеспечению руководителей учебных групп [6].

Целью психологической подготовки сотрудников полиции является формирование психологической готовности и устойчивости, прежде всего путем самосовершенствования личностных и развития профессионально важных качеств, получения опыта действий в моделируемых ситуациях [2].

К актуальным проблемам морально-психологической готовности сотрудников полиции можно отнести следующие:

– невысокий уровень учебной и профессиональной мотивации сотрудников как результат недостатков системы профориентации;

– низкий уровень качества усвоения необходимых профессиональных знаний умений и навыков, что является следствием невысокого базового уровня образования сотрудников;

– низкий уровень интеграции изучаемых учебных дисциплин, который в условиях многопредметности приводит к приобретению сотрудниками бессистемных, формальных знаний, трудностям их применения на практике и пр.

Что как следствие, согласно мнению Машекуашевой М. Х. [4] влечет за собой слабую сформированность умения коллективной организации деятельности, применения общих алгоритмов правоохранительных действий и не в полной мере готовит молодое пополнение органов внутренних дел к профессиональной деятельности.

Анализ эмпирических источников позволил нам выделить следующие психологические проблемы, с которыми сталкиваются сотрудники полиции:

1. Посттравматический стрессовый синдром (ПТСС): Сотрудники полиции регулярно сталкиваются с опасными и травматическими ситуациями, которые могут привести к развитию посттравматического стрессового синдрома. ПТСС проявляется в виде навязчивых воспоминаний, кошмаров, тревоги, эмоционального и физического истощения. Про-

блема заключается в том, что многие сотрудники полиции могут столкнуться с трудностями в распознавании и обработке своих эмоций и стрессовых реакций, что может негативно сказаться на их психическом и физическом здоровье, а также на качестве выполнения служебных обязанностей.

Для профилактики данного явления можно применять в процессе обучения метод ситуационного морального выбора (моральных дилемм), моральных казусов. Его суть заключается в том, что сотруднику полиции предлагается заранее разработанная ситуация, имеющая место при реализации им профессиональных функций. Данная ситуация должна содержать моральный аспект и, кроме того, иметь отношение к службе, отвечать требованиям морально-психологической подготовки. При этом в ней не может быть верных оценок действиям участвующих лиц [5].

2. Эмоциональное выгорание: Сотрудники полиции часто сталкиваются с высоким уровнем стресса, эмоциональной напряженностью и длительным воздействием травматических событий. Это может привести к эмоциональному выгоранию, которое проявляется в усталости, отчуждении от работы и коллег, снижении эмпатии и сопереживания, а также ухудшении качества работы. Морально-психологическая подготовка должна включать меры по предотвращению и управлению эмоциональным выгоранием, такие как развитие стратегий самоуправления эмоциями, укрепление психологической поддержки и создание условий для восстановления и отдыха.

Согласно исследованиям [1] высокая эффективность профессиональной деятельности сотрудников связана с высоким уровнем проявления следующих симптомов эмоционального выгорания: «неудовлетворенность собой», «тревога и депрессия», «неадекватное эмоциональное реагирование», «личностная отстраненность (деперсонализация)» и «психосоматические и психовегетативные нарушения». Авторы исследования отмечают, что уровень стрессоустойчивости и эмоционального выгорания у сотрудников экспериментальной группы связан с эффективностью их профессиональной деятельности. Высокий уровень профессиональной ответственности за выполнение служебных обязанностей способствует снижению стрессоустойчивости и развитию синдрома эмоционального выгорания.

Так же на процесс эмоционального выгорания влияет и развитость эмоционального интеллекта. Так, развитый эмоциональный интеллект обуславливает наличие у сотрудников знаний о своих сильных и слабых сторонах личности, способствует их оперативной мобилизации личностных ресурсов для преодоления негативно окрашенных эмоциональных состояний, для сосредоточения и обеспечения вовлеченности в служебную деятельность, способствует адекватному восприятию и оценке сотрудниками себя, своих возможностей, профессиональных действий и достижений [3]. Исходя из изложенного можно сделать вывод о том, что эмоциональный интеллект препятствует развитию профессионального выгорания, в частности, таких его составляющих, как эмоциональное истощение и редукция личностных достижений.

3. Профессиональная деформация: Сотрудники полиции могут столкнуться с профессиональной деформацией, когда длительное воздействие стресса и травматических ситуаций влияет на уже сформировавшуюся систему ценностей, мировоззрение и поведение. Это может проявляться в цинизме, жесткости, агрессивности или безразличии к потерпевшим по уголовным делам, лицам, обратившимся за помощью. Для профилактики профессиональной деформации важно развивать этические принципы и профессиональные ценности, умение переключать внимание, отвлекаться от рутины службы. Поддержка разнообразия и создание баланса между работой и личной жизнью помогают сотрудникам полиции справляться с напряжением и стрессом, связанными с их профессией. Полицейским следует поощрять участие в хобби, физическую активность, проведение времени с семьей и друзьями.

Для решения актуальных проблем морально-психологической подготовки сотрудников полиции необходимо разработать комплексный подход, который будет включать в себя проведение регулярных оценок психологического состояния и потребностей сотрудников, предоставление профессиональной психологической поддержки, внедрение программ самоуправления эмоциями и стратегий снятия стресса, а также улучшение организационной поддержки и создание благоприятной рабочей среды.

Важно регулярно проводить оценку психологического состояния сотрудников и определять их потребности в поддержке. Это позволит выявить ранние признаки посттравматического стресса и эмоционального выгорания, а также предоставить своевременную помощь.

Профессиональная психологическая поддержка играет важную роль в морально-психологической подготовке сотрудников полиции. Обученные психологи могут предоставить эмоциональную поддержку, помочь развить стратегии самоуправления эмоциями и снятия стресса, а также провести индивидуальные или групповые сеансы консультирования.

Разработка и внедрение программ самоуправления эмоциями и стратегий снятия стресса также является важным аспектом морально-психологической подготовки. Обучение сотрудников методам регуляции эмоций, практике медитации и релаксации, а также обучение стратегиям преодоления стресса помогут им эффективно справляться с нагрузками и сохранять психологическую устойчивость.

Пристатейный библиографический список

1. Агапов В. С., Фельдман И. Л., Роднова Ю. С., Смирнова И.Е. Взаимосвязи стрессоустойчивости, эмоционального выгорания и эффективности профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. - 2022. - № 3. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyazi-stressoustoychivosti-emotsionalnogo-vygoraniya-i-effektivnosti-professionalnoy-deyatelnosti-sotrudnikov-organov> (дата обращения: 29.05.2023).
2. Гуралев В. М., Фомин С. А. Психологическая подготовка сотрудников специальных подразделений в ОВД // Научный компонент. - 2019. - № 4 (4). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-podgotovka-sotrudnikov-spetsialnyh-podrazdeleniy-v-ovd> (дата обращения: 29.05.2023).
3. Дворцова Е. В. Эмоциональный интеллект и стрессоустойчивость как факторы профессионального выгорания сотрудников правоохранительных органов // Теория и практика социогуманитарных наук. - 2022. - № 1 (17). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnyy-intellekt-i-stressoustoychivost-kak-factory-professionalnogo-vygoraniya-sotrudnikov-pravoohranitelnyh-organov> (дата обращения: 29.05.2023).
4. Машекуашева М. Х. Актуальные вопросы профессиональной подготовки сотрудников полиции: морально-психологический аспект // Проблемы в российском законодательстве. - 2017. - № 4. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-professionalnoy-podgotovki-sotrudnikov-politsii-moralno-psihologicheskii-aspekt-1> (дата обращения: 29.05.2023).
5. Машекуашева М. Х. Актуальные проблемы профессионально-психологической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. - 2015. - № 9. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-professionalnopsihologicheskoy-podgotovki-v-organah-vnutrennih-del-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 29.05.2023).
6. Цилик В. А. Современные проблемы морально-психологической подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. - 2015. - № 2 (34). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-moralno-psihologicheskoy-podgotovki-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 29.05.2023).

ХАМИТОВ Айнур Расимович

старший преподаватель кафедры специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России, майор полиции

БУХТОЯРОВ Иван Иванович

старший преподаватель кафедры огневой подготовки Воронежского института МВД России, подполковник полиции

БОЛОБАН Максим Леонидович

преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России, капитан полиции

РАЗВИТИЕ ГОТОВНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОВД К ДЕЙСТВИЯМ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ

Данная научная статья посвящена вопросу развития готовности сотрудников органов внутренних дел к действиям в особых условиях. В условиях современного общества, где сталкиваются различные угрозы и вызовы, сотрудники ОВД должны быть готовы эффективно действовать в разнообразных ситуациях, таких как чрезвычайные ситуации, террористические акты, массовые беспорядки и другие. Авторы рассматривают основные факторы, влияющие на подготовку сотрудников полиции к действиям в особых условиях, а также рассматривают процесс разработки специализированных программ и планов подготовки сотрудников полиции к действиям в особых условиях.

Ключевые слова: особые условия, развитие готовности, обучение сотрудников полиции, экстремальные условия, психологическая подготовка.

KNAMITOV Ainur Rasimovich

senior lecturer of Special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of MIA of Russia, major of police

BUKHTOYAROV Ivan Ivanovich

senior lecturer of Fire training sub-faculty of the Voronezh Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

BOLOBAN Maxim Leonidovich

lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia, captain police

DEVELOPMENT OF THE READINESS OF POLICE OFFICERS TO ACT IN SPECIAL CONDITIONS

This scientific article is devoted to the development of readiness of employees of internal affairs bodies to act in special conditions. In the conditions of modern society, where various threats and challenges are faced, police officers should be ready to act effectively in a variety of situations, such as emergencies, terrorist acts, mass riots and others. The authors consider the main factors influencing the training of police officers to act in special conditions, as well as consider the process of developing specialized programs and plans for training police officers to act in special conditions.

Keywords: special conditions, readiness development, training of police officers, extreme conditions, psychological training.

Сотрудники органов внутренних дел являются ключевыми фигурами в обеспечении правопорядка и безопасности в обществе. В их задачи входит защита граждан, предотвращение преступлений, обеспечение общественного порядка и общественной безопасности. В связи с постоянно меняющейся обстановкой и возникновением новых угроз, необходимо развивать готовность сотрудников ОВД к действиям в особых условиях.

Особые условия деятельности - такие условия деятельности, в которых возникает потребность осуществления дополнительных (на уровне законодательных и исполнительных органов власти) мер правового, организационно-тактического и иного характера, необходимого ресурсного обеспечения - для нормализации особых условий в минимально сжатые сроки и с наименьшими затратами [6].

Развитие готовности сотрудников полиции к действиям в особых условиях входило в поле научного внимания таких авторов, как: Н. Болтенков, Г. Григоренко, М. Дияченко, Г. Троцко, Л. Кандыбович, А. Линенко, Н. Левитов, К. Платонов, Л. Вейланде и др. Анализ эмпирических источников позволяет рассматривать профессиональную готовность в контексте мобилизационной составляющей планируемой деятельности, посредством чего осуществляется специфическая активация различных функций организма, тем самым достигается оптимальное психофизиологическое состояние, позволяющее осуществлять деятельность.

Говорить о сформированной готовности можно лишь тогда, когда сотрудник полиции может успешно осуществлять профессиональные функции, его профессиональный опыт непрерывно пополняется, развиваются такие качества как сдержанность, самоконтроль, умение быстро принимать наиболее эффективное решение в условиях дефицита времени [2].

В развитии готовности сотрудников ОВД к действиям в особых условиях существуют ряд факторов, которые оказы-

вают влияние на их подготовку и реакцию. Ключевыми факторами являются:

а) Обучение. Систематическое обучение и тренировки позволяют сотрудникам ОВД приобретать необходимые знания, навыки и опыт для эффективного действия в особых условиях. Обучение должно включать как теоретическую базу, так и практические упражнения, моделирующие реальные ситуации. Такие тренировки помогают развивать реакцию на стрессовые ситуации, улучшают координацию действий, способствуют формированию командного взаимодействия и укрепляют профессиональные навыки.

б) Психологическая подготовка. В особых условиях сотрудникам ОВД приходится сталкиваться с экстремальными ситуациями, которые могут вызывать стресс и тревогу. Психологическая подготовка помогает развивать у сотрудников устойчивость к стрессу, способность принимать взвешенные решения в сложных ситуациях и эмоциональную устойчивость.

в) Обновление технической базы. В развитии готовности сотрудников ОВД к действиям в особых условиях важную роль играет обеспечение их современной технической базой. Это включает в себя использование передовых средств связи, оборудования для разведки и обнаружения, защиты и спасательных средств. Обновление технической базы позволяет сотрудникам ОВД более эффективно справляться с возникающими угрозами и задачами в особых условиях.

Для эффективного развития готовности сотрудников ОВД к действиям в особых условиях требуется разработка специализированных программ и планов подготовки. Такие программы должны включать следующие аспекты:

а) Первоначальный анализ особых условий, с которыми могут столкнуться сотрудники ОВД, позволяет определить основные потребности в их подготовке. Это может быть проведение исследований и анализа опыта предыдущих случаев особых условий, а также взаимодействие с другими специ-

алистами и организациями, которые имеют опыт работы в особых условиях.

б) На основе анализа особых условий необходимо разработать учебные программы, которые охватывают все необходимые аспекты подготовки сотрудников ОВД. Эти программы должны включать теоретическую базу, практические тренировки, симуляции и реалистичные сценарии, чтобы сотрудники могли получить навыки и опыт, необходимые для эффективного действия.

в) Для поддержания и развития готовности сотрудников ОВД необходимо проводить регулярные тренировки и учения. Они помогают сохранить и улучшить полученные навыки, проверить эффективность применения различных тактик и стратегий, а также развивать командный дух и взаимодействие между сотрудниками.

г) Важным этапом развития готовности сотрудников ОВД является оценка и анализ результатов подготовки. Это позволяет выявить проблемные области и слабые места, а также корректировать программы и планы подготовки для повышения эффективности и эффективности действий сотрудников в особых условиях.

Развитие готовности сотрудников ОВД к действиям в особых условиях требует постоянных усилий и вложений сил и средств. Однако, эти усилия оправданы тем, что способствуют обеспечению безопасности граждан и эффективному функционированию правоохранительных органов в любых условиях.

Рассмотрим подробнее психологический аспект развития готовности сотрудников полиции к действиям в особых условиях. Психологическая готовность, представляет собой длительное или кратковременное внутреннее состояние сотрудника полиции, направленное на сознательное или неосознанное воспроизведение ситуации. Такая готовность помогает должностным лицам без труда выполнять свои обязанности, в правильном русле использовать опыт, знания и свои индивидуальные качества, сохранить самообладание в тех или иных ситуациях [1, с. 162].

Наиболее актуальной проблемой психологической подготовки сотрудников полиции к действиям в особых условиях является проблема развития готовности к применению огнестрельного оружия.

Развитие готовности сотрудников полиции к применению огнестрельного оружия требует не только технической подготовки, но и психологической стабильности и уверенности в своих действиях. Правильная подготовка сотрудников полиции к использованию огнестрельного оружия является необходимым условием для обеспечения безопасности граждан.

Если говорить о психологической готовности сотрудников полиции к применению огнестрельного оружия, то она будет представлять собой процесс, в результате которого у полицейского должны быть сформированы психические и морально-волевые качества, позволяющие в короткий временной промежуток оценить ситуацию и правомерность применения огнестрельного оружия.

Оказавшись в экстремальной ситуации, сотрудник полиции должен:

1. По возможности максимально полно и объективно произвести оценку ситуации, ее отдельным элементам.

2. Исходя из воспринятой информации, в максимально короткие сроки дать оценку имеет ли место угроза жизни и здоровью окружающих граждан, самому сотруднику полиции, какие негативные последствия могут наступить, какие есть направления изменить ситуацию.

3. Уже исходя из оценки ситуации, сотрудник полиции должен принять решение о правомерности применения огнестрельного оружия [3].

Психологические исследования показывают, что умение сотрудника милиции принимать правильные решения (особенно в экстремальной обстановке) можно совершенствовать, если наравне с физической, стрелковой и другой профессиональной подготовкой заниматься изучением психологических аспектов конкретной обстановки (например, чрезвычайной, конфликтной и др.) [4].

Применяя огнестрельное оружие, сотрудник органов внутренних дел в той или иной мере испытывает стресс. Сотрудник испытывает стресс, как перед применением оружия, так и сразу после него. Это связано с тем, что не каждый гражданин, да и вообще сотрудник полиции, способен причинить вред жизни и здоровью другому человеку, особенно когда этот вред связан с применением огнестрельного оружия.

Для борьбы со своим стрессом сотрудники органов внутренних дел должны обладать специальными качествами личности, а для того, чтобы их усвоить, необходимо, вообще, разобраться с понятием оружия и его качествами [5].

Таким образом, развитие готовности сотрудников органов внутренних дел к действиям в особых условиях является неотъемлемой частью профессиональной подготовки. В современном обществе, где возникают различные угрозы и вызовы, сотрудники ОВД должны быть готовы эффективно действовать в разнообразных ситуациях, таких как чрезвычайные ситуации, террористические акты, массовые беспорядки и другие.

В процессе развития готовности сотрудников ОВД к действиям в особых условиях необходимо учитывать несколько ключевых аспектов. Прежде всего, систематическое обучение и тренировки играют важную роль в формировании необходимых знаний и навыков. Практические упражнения и симуляции реальных ситуаций помогают сотрудникам ОВД развить реакцию на стрессовые ситуации, улучшить координацию действий и формировать командное взаимодействие.

Психологическая подготовка также является важным аспектом развития готовности сотрудников ОВД. В условиях особых ситуаций, где требуется принимать взвешенные решения и сохранять эмоциональную устойчивость, психологическая подготовка позволяет сотрудникам справляться с возникающими стрессовыми ситуациями.

Пристатейный библиографический список

1. Губенков А. О., Дурнев А. И. Нестандартные методы и формы проведения занятий по огневой подготовке как элемент обеспечения личной безопасности сотрудника ОВД // Наука-2020. - 2021. - № 1 (46). - С. 160-164.
2. Носова Д. Х., Амирова Л. А., Хагугаев М. О. Психолого-педагогические аспекты развития готовности сотрудников полиции к профессиональной деятельности // Психология и педагогика служебной деятельности. - 2023. - № 1. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskie-aspekty-razvitiya-gotovnosti-sotrudnikov-politsii-k-professionalnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 26.05.2023).
3. Иванов А. К. Вопросы психологической готовности сотрудников полиции к применению огнестрельного оружия // Евразийский научный журнал. - 2019. - № 3. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-nauki-voprosy-psihologicheskoy-gotovnosti-sotrudnikov-politsii-k-primeneniyu-ognestrel'nogo-oruzhiya> (дата обращения: 26.05.2023).
4. Сорокотягин И. Н. Психология применения оружия сотрудниками милиции // Психопедагогика в правоохранительных органах. - 1996. - № 1 (3). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-primeneniya-oruzhiya-sotrudnikami-militsii> (дата обращения: 29.05.2023).
5. Тихонович М. И. Формирование психологической готовности сотрудников органов внутренних дел к применению огнестрельного оружия в реальных условиях // Наука-2020. - 2022. - № 1 (55). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-psihologicheskoy-gotovnosti-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del-k-primeneniyu-ognestrel'nogo-oruzhiya-v-realnyh> (дата обращения: 29.05.2023).
6. Чуносков М. А. Компоненты профессиональной готовности сотрудников органов внутренних дел к выполнению служебных задач в экстремальных ситуациях // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. - 2021. - № 3-1. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/komponenty-professionalnoy-gotovnosti-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del-k-vypolneniyu-služebnyh-zadach-v-ekstremal'nyh-situatsiyah> (дата обращения: 26.05.2023).

БАИРОВ Андрей Семёнович

кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск

МЕТОДЫ ПРОФИЛАКТИКИ НАРКОПОТРЕБЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)

В статье анализируются процессы глобализации и вестернизации, способствовавшие либерализации незаконного потребления подконтрольных психоделических веществ, росту наркооборота на территории страны с начала 1990-ых гг. В работе исследуются нормативно-правовые акты, ставшие причиной наркотизации России, в т.ч. активизации деятельности мировых наркосиндикатов и других криминальных субъектов, способствовавших распространению наркомании. Автор рассматривает наркотизм как следствие прекращения действия антинаркотической пропаганды и утверждения принципа добровольного лечения от наркомании в 1992 г., а также ликвидации лечебно-трудовых профилакториев. Особое внимание уделяется отмене административной и уголовной ответственности за употребление наркотиков в немедицинских целях в 1991 г. как конкретно-исторической причине увеличения числа наркоманов. Новизна исследования заключается в усматривании логической связи между сменой государственного внешнеполитического курса, внутриполитическими решениями законодательной власти в области наркотической политики и наркоситуацией в стране. Актуальность профилактики распространения потребления наркотических средств и психотропных веществ путем возвращения лечебно-трудовых профилакториев обусловлена тем, что данные меры позволят снизить уровень наркопреступности, вовлеченность населения в незаконный наркооборот посредством изоляции наркопотребителей в целях принудительного лечения.

Ключевые слова: наркотизация, социологическое исследование, лечебно-трудовые профилактории, конопля, наркоситуация, спрос.

BAIROV Andrey Semyonovich

Ph.D. in philosophical sciences, senior lecturer of Philosophy and social-humanitarian disciplines sub-faculty of the East-Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk

DRUG PREVENTION METHODS (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BURYATIA)

The article analyzes the processes of globalization and westernization that contributed to the liberalization of the illegal consumption of controlled psychedelic substances, the growth of drug trafficking in the country since the early 1990s. The work examines the legal acts that have become the cause of drug addiction in Russia, incl. revitalization of the activities of world drug syndicates and other criminal entities that contributed to the spread of drug addiction. The author considers drug addiction as a consequence of the cessation of anti-drug propaganda and the establishment of the principle of voluntary treatment for drug addiction in 1992, as well as the liquidation of medical and labor dispensaries. Particular attention is paid to the abolition of administrative and criminal liability for the use of drugs for non-medical purposes in 1991 as a concrete historical reason for the increase in the number of drug addicts. The novelty of the study lies in seeing a logical connection between the change in the state foreign policy, domestic political decisions of the legislature in the field of drug policy and the drug situation in the country. The relevance of preventing the spread of consumption of narcotic drugs and psychotropic substances by returning medical and labor dispensaries is due to the fact that these measures will reduce the level of drug crime, the involvement of the population in illegal drug trafficking by isolating drug users for the purpose of compulsory treatment.

Keywords: Narcotization, sociological research, medical and labor dispensaries, cannabis, drug situation, demand.

Проблема наркомании относится к числу нарастающих угроз современности. Она обусловлена многими причинами. Во-первых, глобализация, объединившая народы и страны, ускорила процесс миграции и обмена рок-наркокультурой, основанной на признании приемлемости и либерализации употребления различных наркотиков. Эта культура характерна для тех стран, где нелегальная, полуполюгальная и легальная наркомания давно стала повседневностью.

Во-вторых, не секрет то, что наркоторговля превратилась сегодня в мощную индустрию, обороты которой составляют миллиарды долларов на мировом рынке. В этом отношении особо выделяется Голландия, где производится значительное количество синтетических наркотиков, циркулирующих на мировых рынках; страны «золотого полумесяца» (Афганистан, Пакистан и Иран); страны «золотого треугольника» (Бирма, Лаос и Таиланд); государства Латинской Америки (Боливия, Колумбия, Перу и т.д.); африканские страны (Гана, Замбия, Марокко, Нигерия, Танзания и другие).

Перечисленные и другие проблемы привели к появлению и развитию наркомании в России, в том числе и в Бурятии. Поэтому российскую и бурятскую общественность волнуют вопросы:

- является наркомания стихийным бедствием, как, например, ураган, или же это результат действия или бездействия различных политических, экономических, криминальных и других субъектов;
- можно ли не допустить развитие наркомании и какова степень распространения данного процесса в различных субъектах РФ, в том числе и в Бурятии;
- какова структура потребления наркотических веществ и т.д.

Исследование наркотизации общества относится к категории прикладных. Любое прикладное социологическое исследование призвано дать информацию для выработки рекомендаций и принятия управленческих решений, направленных на ликвидацию, искоренение тех или иных проблем. В данном случае проблем наркомании.

Обусловлено это тем, что без получения своевременной и достоверной информации невозможно разработать предложения, направленные на устранение наркомании, ибо без качественной информационной базы невозможно уяснить реальную ситуацию.

В исследовании использована многоступенчатая выборка. Районы и квотные задания по ним были определены отделом межведомственной профилактики органов наркоконтроля. Общий объем выборочной совокупности должен был составить 2000 респондентов, что полностью выполнено исследовательской группой.

На второй ступени нами выбраны поселения и микрорайоны в г. Улан-Удэ. На последней ступени осуществлялся половозрастной отбор в семьях, отобранных по маршруту и шагу выборки.

Наркотизация российского общества стала активно развиваться после отмены в 1991 г. Верховным Советом РСФСР административной и уголовной ответственности за потребление наркотиков в немедицинских целях. Данное решение и последующее разрушение институтов власти, упразднение государственной монополии на производство и продажу алкогольной продукции, ликвидация лечебно-трудовых профилакториев (ЛТП) и т.д. создали ситуацию нестабильности в обществе.

Эти процессы сопровождались прекращением антинаркотической пропаганды, а принятие в 1992 году на волне критики советской карательной психиатрии Закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»¹ утвердил принцип добровольного лечения от наркомании (ст. 4) и, в конечном счете, к упразднению принудительной наркологической помощи. При разрушенной системе государственной наркологической помощи и ликвидации лечебно-трудовых профилакториев перестали принудительно лечить даже тех наркоманов, которые были социально опасны.

Названные процессы в сочетании с расширением пропаганды наркотической субкультуры и распространением девиза: «Разрешено все, что не запрещено законом!» привели к быстрому распространению наркомании.

По мнению Е. Брюна, главного нарколога России, в нашей стране в 2013 году насчитывалось 8,5 млн. наркоманов, что в расчете на 1000 жителей составляет примерно 60 человек. А в расчете на 1000 14 – 64 летних жителей России, естественно же, значительно выше.

Еще одним катализатором распространения наркомании служит глубокая имущественная дифференциация общества, увеличение количества безработных людей.

Удельный вес лиц, относящихся к перечисленным категориям, в среднем по республике составляет более 8 %, в городской местности – примерно 10 %, в селах Бурятии – до 8 %.

Наркотизация населения связана с различными причинами. Сумма денег, расходуемых на приобретение наркотиков, и способы их добывания. Подавляющее большинство

сельских наркоманов заявляют о бесплатном приобретении наркотиков.

Как видим, на наркотики тратят деньги преимущественно городские жители, более подверженные вестернизации городского образа жизни. А иногда их расходы выливаются в довольно крупные суммы. Бесплатное приобретение наркотиков связано с тем, что многие пользуются подарками или же сами их изготавливают.

Быстрое увеличение количества наркоманов, начавшееся после отмены в 1991 г. Верховным Советом РСФСР административной и уголовной ответственности за потребление наркотиков в немедицинских целях, говорит о том, что наркомания не является стихийным бедствием, как, например, ураган, а имеет определенную конкретно-историческую причину. К их числу, прежде всего, относятся недооценка или неупорядоченность нормативно-правового регулирования данного процесса, неразвитость социально-экономических условий, способствующих повышению уровня занятости населения и т.д.

В сельских поселениях наркотиками начинают баловаться с детских лет, но критическим является подростковый возраст. В городских поселениях к наркомании чаще других прибегает 18 – 20-летняя молодежь, значительная часть которых перед вступлением в самостоятельную жизнь не видит перспективы своего развития.

Сельские наркоманы в основном потребляют коноплю (49,4 %), ананшу (14,6 %), марихуану (9 %) и гашиш (6,7 %). В городе чаще, чем в селе, распространены другие виды наркотиков. Это – амфетамины, зимуха, кокаин, крек, героин, спайсы и т.д.

Предпочтение того или иного наркотика во многом зависит от доступности и дешевизны. Судя по ответам респондентов, в Бурятии недостаточно развита наркоторговля, т.к. 76,5 % наркоманов заявили, что на приобретение наркотиков не расходуют деньги.

Самый распространенный способ потребления наркотиков – это курение (81,4 %), затем жевание (7,6 %), вдыхание (7,6 %), внутривенное введение (5,8 %). Эти способы потребления наркотиков имеют определенную дифференциацию в разрезе города и села. В районах доминируют курение (83,4 %) и жевание (10,9 %). А в городах чаще, чем в селах, распространено вдыхание и внутривенное введение (по 11,3 %).

Проведенный анализ подтверждает тот факт, что проблема распространения и употребления наркотических средств и психотропных веществ по-прежнему остается актуальной. Наркоситуация характеризуется высоким уровнем наркопреступности, ростом распространения наркотиков и их немедицинского потребления. На нелегальном наркорынке республики в сельских районах наибольшее распространение получили наркотики, изготавливаемые из дикорастущей конопли.

Ежегодно с 2010 года координаты всех очагов произрастания дикорастущей конопли, установленные сотрудниками органов наркоконтроля при помощи спутниковых навигаторов, заносятся в электронную базу данных о выявленных очагах дикорастущей конопли. Сравнение местонахождения очагов за шесть лет показало, что в основном очаги остаются

1 Закон РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» от 02.07.1992 № 3185-1.

на тех же местах и миграции сорняка не наблюдается. При этом за последние годы происходит значительное уменьшение их площадей, либо растения вообще больше не произрастают.

По результатам анализа имеющихся данных есть основания предполагать, что дополнительными факторами, влияющими на ситуацию в сфере незаконного оборота наркотиков на территории республики является наличие преступной среды, сформированной из лиц, имеющих криминальный опыт в совершении наркопреступлений и активно влияющих на наркоситуацию, а также значительный удельный вес лиц без постоянного источника дохода и занятий: порядка 65-70 % лиц совершают рецидив наркопреступлений и не имеют постоянных источников дохода и занятий и 44,4 % – лица в возрасте от 18 до 29 лет.

Указанные обстоятельства влияют на изменение оперативной обстановки. Лица, причастные к незаконному обороту применяют дополнительные меры конспирации, в дальнейшем спланиваются в различные группы и в конечном итоге повышается организованность противоправной деятельности.

Кроме того, изъятия наркотических средств, производимых правоохранительными органами республики, свидетельствуют о наличии очагов произрастания дикорастущей конопли, оставшиеся вне обследования.

Фактически в республике сформировался определенный контингент лиц, принимающий участие в незаконном обороте наркотиков.

Основные усилия заинтересованных министерств и ведомств направлены на снижение темпов роста потребления наркотических средств и психотропных веществ, создание единой системы формирования положительных моральных и нравственных ценностей, определяющих негативное отношение к незаконному потреблению наркотиков.

Таким образом на наркоситуацию в Республике Бурятия влияют следующие факторы:

– участие в заготовке и переработке дикорастущих наркосодержащих растений, курьерские перевозки являются одним из источников потенциального достаточно прибыльного заработка для целых семей, не требующего материальных затрат. Повышенный спрос на наркотики объективно способствует дальнейшему росту наркопреступности, также данному негативному социальному явлению определенно способствуют:

– распространенность алкоголизма, как сопутствующего наркотизации населения Бурятии фактора, остается по-прежнему высокой;

– криминогенную ситуацию с распространением наркотических средств в республике и латентный характер заболеваемости потребителей наркотических средств среди сельских жителей усугубляет нехватка врачей-наркологов;

– высокий уровень разводов республике (на 1,9 брака в среднем приходится 1 развод), снижение роли семьи, отцовства в воспитании и успешной социализации подрастающего поколения, рост популярности гражданских браков;

– недостаточная обеспеченность образовательных учреждений Республики Бурятия психологами и социальными

педагогами, особую потребность в психоневрологической службе испытывают северные районы республики, где наблюдается рост наркологических заболеваниями у молодежи;

– отмечается низкий уровень осведомленности населения республики, прежде всего сельской молодежи, об административной и уголовной ответственности за сбыт и употребление наркотических средств.

По различным оценкам экспертов в студенческой среде, опыт употребления наркотических веществ имеют до трети студентов, обучающихся в ВУЗах. Доля систематически употребляющих алкоголь и никотин значительно больше. В связи с этим в концепции воспитательной работы высших учебных заведений в качестве одного из приоритетных направлений усматривается формирование антинаркотической устойчивости у студентов.

Также усматривается целесообразным возвращение системы лечебно-трудовых профилакториев с целью принудительного лечения наркомании и алкоголизма среди населения, что будет являться возрождением советской карательной психиатрии и ударом по приверженцам «демократических» ценностей, тем более что выход России из ряда международно-правовых договоров (ЕСПЧ и др.) позволяет более эффективно реализовать данный ряд мер в условиях новой политической реальности.

Поэтому прежде всего упорядоченность нормативно-правового антинаркотического законодательства, социально-экономическое развитие регионов, повышение уровня занятости населения и девестернизация духовной жизни россиян являются краеугольными факторами решения проблемы искоренения наркомании.

Пристатейный библиографический список

1. Закон РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» от 02.07.1992 № 3185-1.

LYSENKO Nelly Alexeevna

master in Law, senior lecturer of Linguistics and foreign languages sub-faculty of the Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of the RLA of Russia)

MOLCHANOVA Svetlana Evgenjevna

associate professor of Linguistics and foreign languages sub-faculty of the Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of the RLA of Russia)

THE MAIN FEATURES OF THE USE OF THE INFINITIVE IN LEGAL DOCUMENTS

The purpose of the article is to consider specific features of usage of the Infinitive in legal documents. The tasks the author makes an attempt to carry out are: to determine which syntactic functions are typical for the Infinitive and which forms of the Infinitive are characteristic of above mentioned kind of documents, as well as to find out some peculiarities of its functioning. The conducted research provided the author with the conclusion that the non-finite form of the verb performs the following syntactic functions in this type of discourse: a part of a compound verbal modal predicate, attribute, object, complex subject, adverbial modifier of purpose, subject, predicative, complex object, a part of a compound verbal aspect predicate. The Infinitive is used as a part of such infinitive structures as the Subjective Infinitive Construction and the Objective with the Infinitive Construction in 9 % of its functioning. The most frequently used forms of the Infinitive are Simple Active and Simple Passive, which is more typical here than in other functional styles. Perfect Active Infinitive occurs mainly when the Infinitive is a part of the Subjective Infinitive Construction. Perfect Passive form can be found within the same construction but in more rare cases.

Keywords: the Infinitive, syntactic functions of the Infinitive, forms of the Infinitive, legal documents.

ЛЫСЕНКО Нелли Алексеевна

магистр права, старший преподаватель кафедры языкознания и иностранных языков Российского государственного университета правосудия (РПА Минюста России)

МОЛЧАНОВА Светлана Евгеньевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и иностранных языков Российского государственного университета правосудия (РПА Минюста России)

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИНФИНИТИВА В ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ

Целью статьи является рассмотрение основных особенностей употребления инфинитива в юридических документах. Автор предпринимает попытку решить следующие задачи: определить, какие синтаксические функции типичны для инфинитива, какие его формы употребляются в вышеупомянутом типе документов, а также выявить основные особенности функционирования данной неличной формы глагола. Проведённый анализ примеров, отобранных методом сплошной выборки, позволил сделать вывод о том, что в рассматриваемом виде дискурса инфинитив выполняет следующие синтаксические функции: часть составного глагольного модального сказуемого, определение, дополнение, сложное подлежащее, обстоятельство цели, подлежащее, предикатив, сложное дополнение, часть составного глагольного аспектного сказуемого. Соотношение случаев функционирования инфинитива в составе таких инфинитивных конструкций, как субъектный инфинитивный оборот и объектный инфинитивный оборот и вне таковых составляет 9 % к 91 %. Самой частоупотребимой является простая форма инфинитива в активном или пассивном залоге, причём форма в пассивном залоге здесь чаще встречается по сравнению с другими функциональными стилями. Перфектные формы употребляются, в основном, в составе субъектного инфинитивного оборота, перфектная форма в пассивном залоге встречается достаточно редко.

Ключевые слова: инфинитив, синтаксические функции инфинитива, формы инфинитива, юридические документы.

Characteristic traits of the style of official documents have a certain impact on the forms and functions of the Infinitive in legal documents. The conducted analysis of such documents as power of attorney, proxy, promissory note, certificate of incorporation, deed, various types of contracts and agreements (sale and purchase, share pledge, loan, employment, rental) allowed to understand that the Infinitive performs the following nine syntactic functions in the discourse under study: a part of a compound verbal modal predicate (in 44,2 % of its functioning), attribute (23 %), object (14 %), complex subject (7,8 %), adverbial modifier of

purpose (5,4 %), subject (1,6 %), predicative (1,6 %), complex object (1,6 %), a part of a compound verbal aspect predicate (0,8 %). The correlation between the usage of the Infinitive outside a construction and the usage of the Infinitive as a part of an infinitive construction is 91 % to 9 %.

As is seen from the above provided statistics most frequently the Infinitive occurs as a part of a compound verbal modal predicate (practically in half of the instances of its functioning). This fact can be accounted for by the imperative character of legal documents which presupposes the abundant usage of modal verbs and phrases. There are

two most often used modal verbs in legal documents. They are the verbs *shall* and *be to*. For example: *The Corporation is to have perpetual existence* [2, p. 334]. It's also worth mentioning that in half of the cases the Infinitive is Simple Passive. For example: *Interest shall be calculated hereunder* [2, p. 424]. One and the same modal verb can be used within a sentence with an active and a passive form of the Infinitive. For example: *A final results report shall be due at the conclusion of the project and shall be submitted to the company in a confidential written report at such time* [2, p. 348]. There are instances where the Infinitive shows priority and is used in the forms called Perfect Active or Perfect Passive: *Prior to closing, the Seller shall have issued a title commitment by a reputable title insurance company ...* [2, p. 353]. *If a copy of this Note ... shall have been filed in such action ...* [2, p. 422]. Several homogeneous infinitives after a modal verb can be considered one of characteristics of legal documents. For example: *The Borrower shall obtain, maintain in full force and effect and comply with the terms of all consents ...* [2, p. 482]. The modal verb *must* comes third in the frequency of usage of modal verbs in legal documents. For example: *The above cable notification must be confirmed by a letter* [2, p. 430]. The modal verb *should* is more often found at the beginning of a sentence with the inverted word order. In such cases it expresses a problematic action rather than an obligation. For example: *Should the delay in delivery exceed four months the Buyers shall have the right to cancel the Contract or a part thereof* [2, p. 438]. Parties to a contract tend to give an impression that any difficulty in fulfilling the contract is not likely to happen. However, the modal verb can also convey the meaning of obligation. For example: *Each package should bear the following marks ...* [2, p. 432]. The modal verbs as *can* (*could*), *may* (*might*) mostly convey the meaning of possibility or impossibility of fulfilling an action, which depends on the circumstances. For example: *If the defects cannot be eliminated ...* [2, p. 430]. *The Sellers are to cover the losses the Buyers may sustain* [2, p. 440]. The detailed and elaborate description characteristic of legal documents results in another specific feature of the usage of the Infinitive in this type of discourse, which is the possibility of inserting a parenthesis between a modal verb and an infinitive that follows it. For example: *Bank may, at its option, begin accruing interest* [2, p. 420]. Least often one can come across such modal verbs as *need* and *will*. For example: *Elections of directors need not be by written ballot unless the By-Laws of the corporation shall so provide* [2, p. 334]. *The purchaser also will not use any Due Diligence Information to compete with the Seller* [2, p. 345]. The modal phrases *be entitled to*, *be willing to*, *be obliged to* (*be obligated to*), *be (un)able to*, *be liable to* also occur in legal documents. For example: *... the latter is obliged to pay the penalty* [2, p. 438]. *... stating the sum of money he is willing to give ...* [2, p. 337]. *The party which is unable to fulfill its obligations ... is to inform the other Party* [2, p. 438].

The function of an attribute is very characteristic for the Infinitive in legal documents. The typical antecedent is represented by one of the following nouns: *right, power, authority, capacity, failure, goods, service, communication, duty, steps, (in)ability, intention, action, benefits, language, amount*. For

example: *The language to be used in the arbitral proceedings shall be English* [490]. *The goods are to be shipped in export seaworthy packing suitable for the type of goods to be delivered* [2, p. 432]. It should be noted that in the majority of cases the Infinitive is in the passive form, which makes its usage in the discourse under study different as compared to its usage in other types of discourse. The negative form of the Infinitive that performs attributive function is not frequent. For example: *... with an amount not to exceed fifteen percent* [2, p. 422]. Due to excessively explanatory character of legal documents there are instances in which several attributive infinitives refer to one and the same antecedent. For example: *The Buyers have the right to reject the defective equipment or to request a corresponding reduction from its price* [2, p. 434]. The antecedents together with attributive infinitives can form parallel constructions. For example: *Failure to obtain financing or refusal of wife or husband of Buyer to execute the required documents hereunder does not relieve the Buyer of his/her legal liability to complete the sale* [2, p. 352]. One can come across the instances of a split infinitive in the function of an attribute. For example: *Seller reserves the right to unilaterally and automatically cancel escrow ...* [2, p. 352].

Most frequently the Infinitive performs the function of an object after such verbs and verbal phrases as *to agree, to fail, to seek, to promise, to engage, to wish, to advise, to authorize, to threaten, to be free*. For example: *Debtor agrees to reimburse Bank of all costs* [2, p. 424]. The detailed description in legal documents accounts for the occurrence of such sentences in which several homogeneous objects expressed by the Infinitive come after one predicate. For example: *Resident agrees not to transfer, assign or sublet the premises or any part thereof* [2, p. 360]. In some cases the Infinitive functions as an object to a participle II carrying out an attributive function or to another infinitive (in the active or passive form) used as a part of a compound verbal modal predicate. For example: *... other communications required or permitted to be given hereunder shall be in writing ...* [2, p. 350]. *The employee may be asked to work outside of the contracted hours* [2, p. 355]. An object expressed by the Infinitive can resort to several homogeneous predicates or parts of such. For example: *Guarantor hereby unconditionally guarantees and promises to perform each obligation* [2, p. 346]. The infinitive in the above mentioned function can be a part of such syntactic structure as chiasmus. For example: *Buyer hereby agrees to purchase from Seller and Seller hereby agrees to sell to Buyer ...* [2, p. 352].

The Subjective Infinitive Construction in which the Infinitive performs the function of a complex subject can be of two types in legal documents. In the construction of the first type the predicate is the passive form of such verbs denoting mental activity as *to deem* (most frequently used), *to consider, to understand, to adjudge, to construe, to expect, to find, to hold, and the verbs to require and to allow*. In this construction the Infinitive is used alongside a nominal component that performs the function of the subject. Thus, the two main components of the Subjective Infinitive Construction are a nominal component and an infinitive; in most cases there are also some dependant words. For example: *The borrower*

is deemed to be unable to pay [2, p. 484]. The delivery date is understood to be the date of the "clean-on-board" Bill of lading issued in the name of the Buyers [2, p. 430]. The parties will be allowed to come to an agreement [2, p. 450]. As is obvious from the examples mostly the infinitive of the verb *to be* is used. In some cases the perfect form of the Infinitive is employed. For example: *If the employee is found to have committed minor misconduct, the Employer has the option of a verbal warning* [2, p. 355]. Very often the modal meaning expressed by a modal verb is added to the predicate. For example: *If any provision of this Agreement shall be adjudged to be invalid ...* [2, p. 490]. *No event of Default or Potential Event of Default has occurred or is continuing or might be expected to result from the borrowing of any Tranche ...* [2, p. 482]. Functioning as a complex subject the Infinitive can be in the perfect passive form. For example: *Any notice so served by hand, fax or post shall be deemed to have been duly given* [2, p. 452]. The second type of the Subjective Infinitive Construction contains the predicate in the active voice expressed by the verb *to prove*. For example: *If ... the equipment proves to be defective ... the sellers undertake to eliminate the defects* [2, p. 434].

In legal discourse the purpose of committing an action is quite often named. The purpose can be conveyed by the Infinitive performing the function of an adverbial modifier. For example: *The attorney can ... pledge, encumber, or hypothecate personal property goods to secure payment of a note or performance of any obligation or agreement* [2, p. 414]. Despite the fact that the Infinitive in the function under consideration is quite often used without any connector, in some cases it is introduced by the connectors *in order to* and *so as*. For example: *The parties agree that they shall do all things necessary in order to effect the Company's approval* [2, p. 337]. *... to make such equitable adjustments to this Agreement as may be appropriate, so as to effect the original intent of the parties* [2, p. 472]. The Infinitive as a unit conveying purpose can be used alongside a unit rendering condition in an alternative structure. For example: *The Company shall be entitled to injunctive and other equitable relief in the event of, or to prevent, a breach of any provision of this Agreement by the Contractor* [2, p. 349]. In some instances an infinitive playing the role of an adverbial modifier of purpose can come after an infinitive functioning as an object. For example: *Resident is hereby advised to obtain his own insurance policy to cover any personal losses* [2, p. 360].

The Infinitive can function as a subject and a predicative. For example: *The Party, for which it became impossible to meet obligations under the Contract* [2, p. 436] (subject). *The purposes for which the corporation is formed are to engage in any lawful act ...* [2, p. 334] (predicative).

As a complex object the Infinitive is used after such verbs denoting permission, compulsion and intention as *to permit, to cause, to intend*. In such instances the Infinitive is accompanied by a nominal component which occupies the position and performs the function of an object. So there are two principal components in the construction: a nominal component and an infinitive. For example: *The Pledger shall not ... permit anything to be done that might impair the value of the Collateral shares ...* [2, p. 468]. *The parties hereto have caused*

this Agreement to be duly executed and delivered on the day and year first written above [2, p. 472]. *The parties intend this letter agreement to be binding and enforceable* [2, p. 344]. In the majority of cases the form of the Infinitive is Simple Passive.

In very rare cases the Infinitive functions as a part of a compound verbal aspect predicate. For example: *The Seller will continue to operate the Business consistent with the past practice* [2, p. 344].

So, the Infinitive possesses certain specific features when used in legal documents. The most common syntactic functions performed by this non finite form of the verb in the above mentioned documents are: a part of a compound verbal modal predicate, attribute, object, complex subject, adverbial modifier of purpose. The forms characteristic of the Infinitive in this type of discourse are Simple Active and Simple Passive, mostly in constructions - Perfect Active and Perfect Passive.

Пристатейный библиографический список

1. Молчанова С. Е. Особенности употребления неличных форм английского глагола в современной разговорной речи // Гуманитарные и социальные науки. - 2020. - № 3. - С. 96-108.
2. Юридический перевод: учебное пособие по переводу с английского языка на русский / Под. ред. П. В. Рыбина. - М.: Проспект, 2019.

АВДЕЕВА Лариса Алексеевна

кандидат экономических наук, доцент Уфимской высшей школы экономики и управления Уфимского государственного нефтяного технического университета

СОЛОВЬЕВА Ирина Анатольевна

кандидат экономических наук, доцент Уфимской высшей школы экономики и управления Уфимского государственного нефтяного технического университета

ХАЖИ-АЛИЕВ Ибрагим Магомедович

магистрант Уфимской высшей школы экономики и управления Уфимского государственного нефтяного технического университета

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НА НЕФТЯНЫХ СКВАЖИНАХ ТЕХНОЛОГИЙ ВОДООГРАНИЧЕНИЯ ПРИТОКА ЖИДКОСТИ

В статье предложены методические подходы к оценке эффективности применения на нефтяных скважинах технологии водоограничения притока жидкости с использованием составов на основе стабильных обратных эмульсий. Разработаны направления совершенствования учета основных составляющих технологического и экономического эффекта, получаемого при внедрении рассматриваемой технологии.

Предложенная методика оценки эффективности технологии водоограничения притока жидкости на нефтяных скважинах способствует повышению обоснованности технических и управленческих решений, оптимизации расходования средств нефтяных компаний, направляемых на выполнение планов по добыче нефти.

Ключевые слова: нефтяная компания, геолого-техническое мероприятие, дебит, оценка, эффективность, водоограничение, затраты, планирование.

AVDEEVA Larisa Alekseevna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of the Ufa Higher School of Economics and Management of the Ufa State Petroleum Technical University

SOLOVJEVA Irina Anatoljevna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of the Ufa Higher School of Economics and Management of the Ufa State Petroleum Technical University

KHAZHI-ALIEV Ibrahim Magomedovich

magister student of the Ufa Higher School of Economics and Management of the Ufa State Petroleum Technical University

IMPROVING THE METHODOLOGICAL APPROACH TO PERFORMANCE EVALUATION OF THE USE OF LIQUID INFLOW WATER LIMITATION OPERATING PROCEDURE IN OIL WELLS

The article proposes methodological approaches to performance evaluation of the application of the use of liquid inflow water limitation operating procedure in oil wells using compositions based on stable reverse emulsions. The directions of improving the accounting of the main components of the technological and economic effect obtained during the introduction of the technology in question have been developed.

The proposed methodology for performance evaluation of the use of liquid inflow water limitation operating procedure in oil wells contributes to improving the validity of technical and managerial decisions, optimizing the expenditure of funds of oil companies directed to the implementation of oil production plans.

Keywords: oil company, geological and technical actions, flowrate, assessment, efficiency, water limitation, costs, planning.

Авдеева Л. А.

Соловьева И. А.

Хажу-Алиев И. М.

Одной из приоритетных задач эксплуатации нефтяных месторождений является поддержание объемов добычи нефти с целью увеличения срока их рентабельной разработки, максимизации отбора запасов и обеспечения долгосрочного эффективного и устойчивого функционирования нефтяной компании [1].

Увеличение экономически целесообразного срока эксплуатации скважин достигается за счет проведения комплекса геолого-технических мероприятий (ГТМ), обеспечивающих замедление темпов снижения добычи нефти.

Применение ГТМ является одним из необходимых условий эффективного использования ресурсного потенциа-

ла нефтяной компании. Анализ результатов выполненных ГТМ, достоверная оценка эффективности планируемых к внедрению методов приобретают определяющее значение при формировании программы ГТМ нефтедобывающего предприятия. Программа ГТМ содержит совокупность разнообразных мероприятий, ориентированных на достижение долгосрочных целей компании и имеющих общие ограничения по ресурсам.

При многообразии методов, выбор вида ГТМ для конкретной скважины является специфической многокритериальной задачей в связи с тем, что, как правило, существует несколько технически возможных вариантов воздействия, и, что не менее важно, необходимо учитывать то обстоятельство, что любое необоснованное расчетами вмешательство в процесс эксплуатации скважины может привести к экономическим потерям, которые выражаются не только суммой затрат на проведение мероприятия, а еще и недополучением величины плановой прибыли.

В создавшихся условиях возрастает важность достоверного технико-экономического обоснования планируемых мероприятий для повышения качества принимаемых управленческих решений.

Следует отметить, что при выборе ГТМ серьезное внимание должно быть уделено решению проблем преждевременного обводнения скважин. В связи с этим обстоятельством, в данной работе для повышения экономической эффективности работ, связанных с изоляцией обводнившихся высокопроницаемых пропластков, рассматриваются селективные составы, обеспечивающие избирательное блокирование только водонасыщенных частей продуктивного пласта, что увеличивает нефтеотдачу и объем добываемой нефти. В этом направлении весьма перспективными являются составы на основе стабильных обратных эмульсий (СОЭ).

Существующие подходы к оценке экономической эффективности методов увеличения нефтеотдачи пластов в должной мере не учитывают специфические особенности технологии применения обратных эмульсий, что снижает обоснованность принимаемых управленческих решений при формировании нефтяными компаниями программ ГТМ.

Для повышения эффективности программ ГТМ предлагаются следующие направления совершенствования методики их оценки с учетом особенностей технологии применения обратных эмульсий.

Расчет планируемых результатов, по нашему мнению, следует производить для каждой скважины на основе текущих технологических параметров ее работы, а также ожидаемых параметров при реализации каждого ГТМ. При этом в качестве эффективных следует считать те ГТМ, которые не только обеспечивают прирост добычи нефти, но и замедление темпов ее падения [2], [3].

В качестве основного показателя технологического эффекта рассматривается объем дополнительной добычи нефти из скважины. Расчет дополнительной добычи нефти на стадии планирования ГТМ производится на основе статистической или гидродинамической моделей работы скважины [4].

Выбор начальных базовых дебитов и коэффициентов их изменения производится исходя из анализа работы скважины перед выполнением ГТМ.

Дополнительная добыча нефти (ΔQ_i) за счет проведения планируемых ГТМ определяется как разность между прогнозной (при проведении ГТМ) ($Q_{\text{п}}$) и базовой добычей ($Q_{\text{б}}$):

$$\Delta Q_i = Q_{\text{п}} - Q_{\text{б}} \quad (1)$$

На действующем фонде скважин технологический эффект от проведения ГТМ, с применением рассматриваемой в данной работе технологии водоограничения притока жидкости, получается за счет прироста добычи нефти и ограничения попутно добываемой воды из скважины за расчетный период. Технологический эффект рассчитывается за весь период работы скважины на улучшенном режиме.

Ограничение попутно добываемой воды предлагается рассматривать в качестве одного из аспектов технологического эффекта.

Объем ограничения попутно добываемой воды по скважине определяется по формуле:

$$Q_{\text{д}} = ((q_{\text{ж}0} - q_{\text{н}0}) - (q_{\text{ж}1} - q_{\text{н}1})) \cdot 360 \cdot K_{\text{г}}, \quad (2)$$

где: $q_{\text{ж}0}$ – дебит скважины по жидкости до геолого-технического мероприятия, т/сут.;

$q_{\text{ж}1}$ – дебит скважины по жидкости после геолого-технического мероприятия, т/сут.;

$q_{\text{н}0}$ – дебит скважины по нефти до геолого-технического мероприятия, т/сут.;

$q_{\text{н}1}$ – дебит скважины по нефти после геолого-технического мероприятия, т/сут.

В качестве экономического эффекта (\dot{Y}_i) от применения методов увеличения нефтеотдачи пластов (МУН), не требующих инвестиционных вложений, рассматривается разность между стоимостной оценкой результатов (R_i) и стоимостной оценкой затрат (C) за расчетный период:

$$\dot{Y}_i = R_i - C \quad (3)$$

Стоимостная оценка результатов эксплуатации добывающей скважины, на которой применен один из методов МУН или других ГТМ, определяется ожидаемым доходом от реализации добытой за расчетный период нефти.

Стоимостная оценка затрат по скважине рассчитывается на основании калькуляции себестоимости добычи нефти и газа по месторождению (ТПП, НГДУ) с выделением условно-переменной части затрат и определением удельных операционных переменных затрат.

При обосновании экономического эффекта ГТМ (в данном случае, технологии водоограничения) принимается условие, что к условно-переменной части затрат относятся затраты по элементам следующих статей калькуляции себестоимости добычи нефти: расходы на энергию по извлечению нефти; по искусственному воздействию на пласт; по

сбору и транспортировке нефти и газа; по технологической подготовке нефти; внепроизводственные расходы.

При обосновании эффективности метода следует учитывать, что применение технологии водоограничения притока жидкости оказывает влияние как на увеличение добычи нефти, так и снижение объемов попутно добываемой воды. Этот фактор обеспечивает экономию текущих затрат, образуемую за счет снижения отбора воды. В этом случае себестоимость 1 тонны дополнительной добычи нефти (\tilde{N}_A) определяется по формуле:

$$\tilde{N}_A = (Q_{\tilde{A}} \cdot \dot{O}_{\tilde{r}} - Q_A \cdot C_{\tilde{\phi}}) / Q_{\tilde{A}}, \quad (4)$$

где: $Q_{\tilde{A}}$ – увеличение объема добычи нефти, м³;

Q_A – сокращение объема попутно извлекаемой воды, м³;

$\dot{O}_{\tilde{r}}$ – условно-переменные затраты на добычу 1 т нефти, руб./м³;

$C_{\tilde{\phi}}$ – условно-переменные затраты на 1 м³ попутно добываемой воды, руб./м³;

Кроме того, применение технологии водоограничения с применением стабильных обратных эмульсий (СОЭ) способствует увеличению межремонтного периода работы (МРП) скважины и снижению затрат по их эксплуатации.

Влияние увеличения межремонтного периода работы скважин на сокращение затрат по текущему ремонту скважин при использовании рассматриваемой технологии предлагается учитывать следующим образом.

$$K_p = M_i / M_m, \quad (5)$$

где K_p – коэффициент, увеличения МРП скважины при применении технологии водоограничения с применением стабильных обратных эмульсий, доли ед.;

M_i – МРП работы скважин по i-му объекту разработки после применения технологии водоограничения с применением стабильных обратных эмульсий, сут;

M_m – МРП работы скважин в среднем по месторождению, сут.

Таким образом, предложенные направления совершенствования методического подхода к выбору и обоснованию направлений повышения эффективности эксплуатации нефтяных скважин за счёт применения технологий водоограничения учитывают специфику данной технологии, обеспечивают комплексный подход к оценке результативности мероприятий, включаемых в программы ГТМ, способствуют оптимизации средств нефтяных компаний, направляемых на выполнение планов по добыче нефти.

Пристатейный библиографический список

1. Авдеева Л. А. О проблемах повышения энергетической эффективности производства // Проблемы и тенденции развития инновационной экономики: международный опыт и российская практика: материалы II Международной научно-практической конференции. – Уфа: Изд-во УГНТУ, 2014. – С. 9-12.
2. Гильмутдинов А. И., Авдеева Л. А. Совершенствование методов планирования геолого-технических мероприятий с учетом минимального рентабельного дебита скважин // Проблемы и тенденции развития инновационной экономики: международный опыт и российская практика: материалы VI Международной научно-практической конференции / Редкол.: Т. Б. Лейберт. – Уфа, Изд-во УГНТУ, 2016. – С. 103-105.
3. Авдеева Л. А., Соловьева И. А., Гильмутдинов А. И. Совершенствование методов планирования гидроразрыва пласта на нефтяных месторождениях // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 6 (121). – С. 413-416.
4. Burenina I. V., Avdeeva L. A., KHalikova M. A., Gerasimova M. V., Solovjeva I. A. Improving methodological approach to measures planning for hydraulic fracturing in oil fields // Journal of Mining Institute. – 2019. – Т. 237. – С. 344-353.

ВДОВИНА Алина Нафисовна

старший научный сотрудник отдела по исследованию проблем трудовой занятости осужденных и экономических проблем функционирования уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

ОСОБЕННОСТИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

В пенитенциарных учреждениях любой страны необходим постоянный контроль за надлежащим питанием. Статья посвящена исследованию особенностей продовольственного обеспечения осужденных в пенитенциарных учреждениях некоторых зарубежных стран. Целью исследования было выявление питательной ценности блюд, подаваемых в тюрьмах. Проанализирован 14-дневный рацион питания по двум нормам в польских тюрьмах разного типа. Тип рациона существенно различал среднее содержание более половины анализируемых компонентов, тогда как рацион питания в зависимости от сезонности оказался статистически незначимым. Результаты настоящего исследования показывают возможность дальнейшей разработки правовых положений, регулирующих питание в тюрьмах с точки зрения не только энергетической ценности и обеспеченности макроэлементами, но и потребления минералов и витаминов.

Ключевые слова: тюрьма, осужденный, калорийность, рацион питания, питательная ценность.

VDOVINA Alina Nafisovna

senior researcher of the Department for the study of the problems of employment of convicts and economic problems of the functioning of the Penitentiary System of the Center for the Study of Problems of Management and organization of the execution of Sentences in the Penal System of the Federal Penitentiary Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia

PECULIARITIES OF FOOD PROVISION OF CONVICTS IN PENITENTIARY INSTITUTIONS OF SOME FOREIGN COUNTRIES

In penitentiary institutions of any country, constant monitoring of proper nutrition is necessary. The article is devoted to the study of the peculiarities of the food supply of convicts in penitentiary institutions of some foreign countries. The aim of the study was to identify the nutritional value of dishes served in prisons. The 14-day diet was analyzed according to two norms in Polish prisons of different types. The type of diet significantly differed in the average content of more than half of the analyzed components, while the diet, depending on seasonality, turned out to be statistically insignificant. The results of this study show the possibility of further development of legal provisions regulating nutrition in prisons in terms of not only energy value and availability of macronutrients, but also the consumption of minerals and vitamins.

Keywords: prison, convict, caloric content, diet, nutritional value.

Постановка проблемы и актуальность темы исследования.

Питание играет решающую роль в физическом, психическом и эмоциональном благополучии человека. Большая часть того, что употребляют в пищу осужденные в учреждениях пенитенциарных систем всего мира, определяется за них [1]. Обеспечение заключенных питанием является одной из главных задач администраций пенитенциарных учреждений. В разных государствах к ее решению относятся по-разному.

В Японии министерство юстиции определяет калорийность питания для различных категорий заключенных. Так, для заключенного мужчины она составляет 2220-2620 ккал; для несовершеннолетнего заключенного мужского и женского пола нормы разные – 2 630-2 830 и 2 200-2 400 соответственно; заключенные женщины в день получают 2 200–2 300 ккал.

В Великобритании калорийность минимальных суточных норм для питания мужчин и женщин от 19 до 74 лет должна составлять приблизительно 2 225 ккал в день [2].

В польских тюрьмах энергетическая ценность блюд не должна быть ниже 2 600 ккал или 2 800 ккал в случае содержания несовершеннолетних под стражей, при этом 10-15 % энергии должно поступать из белков, менее 30 % - из жиров

и 50-65 % - из углеводов. Количественное содержание овощей и фруктов (не включая картофель) должно составлять не менее 300 г в день.

В тюрьме Хальден (Норвегия) руководящим принципом является регулярность еды для заключенных. Кроме того, еда должна быть вкусной, сытой и в достаточном количестве. Основной прием пищи и ужин должны состоять из двух блюд (основное блюдо, второе блюдо или десерт). Основное блюдо должно включать рыбу не реже двух раз в неделю и составлять 10-15 % белка, 30 % жира и 55-60 % углеводов, количество энергии на один обед составляет примерно около 12 МДж (около 2 870 ккал). Для трех ежедневных приемов пищи для заключенных готовят различные виды хлеба, а также различные спреды и начинки. Кроме того, у заключенных в данной тюрьме каждая камера оснащена холодильником, каждые 10–12 камер имеют общую зону с кухней и гостиной. Кухня имеет столовые приборы из нержавеющей стали, фарфоровые тарелки и обеденный стол. Тюрьма обеспечивает питанием, но заключенные могут купить продукты в магазине тюрьмы и приготовить себе еду самостоятельно [2].

А вот в датских тюрьмах предварительного заключения, расположенных в небольших городах, отсутствуют кухни, позволяющие массово обеспечивать всех заключенных пита-

нием. Пища для лиц, содержащихся в данных учреждениях, готовится в региональной тюрьме с минимальной строгостью режима. Далее ее привозят в учреждение, разогревают и подают заключенным. Обязательное количество приемов пищи в день составляет три раза: завтрак, холодный обед (шведский стол с бутербродами), горячий ужин. Блюда доставляются с кухни в жилые блоки, далее заключенные могут принимать пищу отдельно, каждый в своей камере, а могут в небольших группах.

В учреждениях данного типа не предусмотрена возможность самостоятельного приготовления пищи, т.к. отсутствует доступ к кухонным принадлежностям, а также имеются ограничения по использованию воды. Однако в жилых блоках имеются кухонные помещения, обеспеченные необходимым оборудованием для приготовления пищи в небольших группах. Для этого заключенные должны предварительно забронировать данное помещение. Возможность самообслуживания предоставляется только при условии наличия достаточного количества сотрудников, обеспечивающих наблюдение за данным помещением.

Однако, несмотря на достаточно разнообразные способы организации питания, некоторые заключенные выражают свою неудовлетворенность предоставляемыми продуктами. Так, был проведен опрос, в котором ряд заключенных выражали сомнение в отношении чистоты кухонь, качества и свежести продуктов, а также были недовольны маленьким количеством горячих блюд [3].

Здоровое сбалансированное питание должно содержать большое количество фруктов и овощей, ограниченное - жира, соли и сахара.

В нескольких польских тюрьмах был проведен анализ и дана оценка по наличию в рационе питания отдельных питательных веществ в соответствии с требованиями к питанию осужденных. С этой целью были выбраны несколько пенитенциарных учреждений, расположенных в центральной и восточной частях Польши. Большинство учреждений были мужскими тюрьмами для взрослых.

Исследование.

В исследовательскую часть входил временной промежуток в 14 дней одного из месяцев в разное время года. В расчеты не включались продукты питания, которые заключенные могли покупать не реже трех раз в месяц в тюремной столовой, или продуктовые посылки, которые заключенные получали раз в месяц от своих родственников. Были проанализированы меню из обычной нормы и меню лечебного диетпитания и все продукты питания, в них указанные. В исследование попало 42 параметра ежедневного рациона питания: энергетическая ценность, запас энергии (из белков, углеводов и жиров), общий белок, общий жир, общее количество углеводов, пищевые волокна, аминокислоты (изолейцин, лейцин, лизин, метионин, цистеин, фенилаланин, триптофан), сахароза, холестерин, жирные кислоты (насыщенные, мононенасыщенные, полиненасыщенные, α -линоленовая, линолевая кислота), минералы (натрий, калий, кальций, фосфор, магний, железо, цинк, медь, марганец) и витамины А (как эквиваленты ак-

тивности ретинола), ретинол, В1, В2, ниацин, В6, В12, С, D, Е и фолиевая кислота (в качестве пищевых эквивалентов фолиевой кислоты). В результатах учитывались усредненные технологические потери, вызванные термической обработкой, предложенные производителем программного обеспечения. Статистический анализ, проведенный с использованием программы Statistica 13.1, был основан на среднем содержании питательных веществ в меню каждой тюрьмы. Двухфакторный дисперсионный анализ был использован для проверки того, влияют ли тип рациона и сезон на содержание анализируемых питательных веществ.

Результат исследования.

На основе статистического анализа было установлено, что средняя дневная стоимость питания и напитков, предоставляемых только в тюрьме, составила приблизительно 0,99 евро при обычном рационе, а при лечебном диетпитании - 1,22 евро. Заключенные из проанализированных тюрем жаловались на качество питания. Чаще всего они сообщали о небольших порциях, низкой энергетической ценности блюд и низком качестве мяса для бутербродов и других блюд. Согласно информации, предоставленной сотрудниками тюрем, количество пищи, потребляемой заключенными во время приема пищи, составило 91 %.

Тип рациона оказал существенное влияние на различия в среднем содержании более половины анализируемых питательных веществ, тогда как сезон оказался статистически незначимым фактором. Содержание 10-ти пищевых компонентов, а именно: белка, изолейцина, лейцина, лизина, метионина, цистеина, фенилаланина, триптофана, ниацина и белка (% энергии), было ниже в обычной диете, чем в лечебном диетпитании. Среднее содержание остальных 14-ти питательных веществ: жира, натрия, магния, железа, цинка, меди, марганца, ретинола, витамина С, витамина В12, пищевых волокон, холестерина, общего количества мононенасыщенных жирных кислот и жира (% энергии) было выше в обычном рационе. Сахароза покрывала 8 % от общего потребления энергии в случае обычной диеты и 7,4 % - в случае лечебного диетпитания. Доля энергии, получаемой из насыщенных жирных кислот, была ниже рекомендуемых 10 %. Были обнаружены значительные отклонения от рекомендаций в поступлении некоторых микроэлементов.

Точная оценка рекомендуемой энергетической ценности блюд была затруднена из-за различного уровня физической активности польских заключенных. Результаты исследования, проведенного в 16 польских тюрьмах, показывают, что уровень физической активности низкий, умеренный и высокий у 45,4 %, 35,3 % и 19,3 % заключенных соответственно [4].

В ходе исследования было выявлено множество недостатков в качестве меню, подаваемого в польских тюрьмах, что можно объяснить расплывчатостью правовых норм, налагаемых на стандарты питания в данных учреждениях, особенно в том, что касается питательной ценности блюд.

Тем не менее, польские правовые нормы более конкретизированы, чем в других странах, например, на Бал-

канах. В немецких правилах упоминается только о том, что питательная ценность тюремного питания должна контролироваться медицинским персоналом [5]. Согласно правилам, действующим в Республике Словакия, каждый заключенный должен получать трехразовое питание с питательной ценностью, соответствующей типу и интенсивности работы, возрасту и состоянию здоровья. Следует также принимать во внимание культурные и религиозные требования. Перерыв между приемами пищи не должен превышать 7 часов. Однако информация о питательной ценности блюд отсутствует.

Также было изучено питание, подаваемое в канадских тюрьмах, где была проведена реформа системы общественного питания, когда Исправительная служба Канады (CSC) создала стандартизированное меню для питания заключенных мужского пола. Был проведен анализ национального меню, подаваемого в канадских тюрьмах, с целью сравнения с эталонным рационом питания (DRIS) для взрослых мужчин и внутренней оценкой питания, о которой сообщает CSC.

Программное обеспечение для анализа рациона питания NutrificR использовалось для анализа меню 4-недельного цикла. Некоторые питательные вещества не соответствовали целевому показателю. Содержание натрия (3 404,2 мг) было выше допустимого верхнего уровня потребления (UL) в 2 300 мг, содержание ω -6 (линоленовой кислоты) (10,8 г) было ниже AI в 14 г, а содержание витамина D (16,2 мкг) было ниже целевого показателя в 20 мкг для лиц старше 70 лет [6].

Выводы.

Следует подчеркнуть, что настоящие результаты основаны исключительно на анализе меню-раскладки и данных, предоставленных соответствующими службами, и они не включают продукты питания, которые заключенные могут покупать в магазинах на территориях тюрем или получать от родственников. Еще одним ограничением результатов является отсутствие информации о том, все ли заключенные потребляют одинаковые порции пищи. Это связано со сложной тюремной иерархией и содержанием в камерах.

Результаты настоящего исследования показывают, что питание, предоставляемое в тюрьмах некоторых зарубежных стран, не в полной мере соответствует стандартным нормам потребления питательных веществ. В проанализированных типах диет был выявлен недостаточный уровень витаминов и минералов.

Также у осужденных пенитенциарных учреждений многих иностранных государств имелись жалобы на качество и свежесть продуктов питания, маленькие порции, низкую энергетическую ценность блюд и т.д. Несомненно, результаты исследования указывают на необходимость разработки новых стандартов питания в тюрьмах, которые содержали бы более конкретные рекомендации, чем действующие стандарты. Следовательно, необходимо проведение дальнейших исследований для расширения знаний о питании заключенных и его влиянии на их здоровье.

Пристатейный библиографический список

1. Радченко Е. П., Вдовина А. Н. Роль организации питания в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». – 2022. – № 26. – С. 117-122.
2. Наприс Ж. С., Гузенко А. Н. Зарубежный опыт продовольственного обеспечения заключенных // Человек: преступление и наказание. – 2022. – Т. 30. № 3. – С. 374-381.
3. Борисова Д. П. Организация питания лиц, содержащихся в зарубежных пенитенциарных учреждениях, на примере скандинавских стран (Норвегия, Дания) // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2020. № 3 (38). С. 5-11.
4. Яворска А. Физическая активность в тюрьмах и основные аспекты личности мужчин, отбывающих тюремное заключение / Пол. Дж. Соч. Реабилитация. 2015. № 9. С.137-157.
5. Gesetz über den Vollzug der Freiheitsstrafe und der freiheitsentziehenden Maßregeln der Besserung und Sicherung (Strafvollzugsgesetz—StVollzG) vom 16. März 1976 (BGBl. I S. 581, 2088; 1977 I S. 436), Das Zuletzt Durch Artikel 1 des Gesetzes vom 19. Juni 2019 (BGBl. I S. 840) Geändert Worden ist.». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gesetze-im-internet.de/stvollzg/BjNR005810976.html> (дата обращения: 15.05.2023).
6. Джонсон С., Лаббе С., Лашанс А., Леблан К.П. Меню, подаваемое в канадских тюрьмах: анализ питания. Питательные вещества. 2022 18 августа; 14 (16):3400. doi: 10.3390/nu14163400. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/36014903/> (дата обращения: 25.05.2023).

СПАССКАЯ Наталия Владимировна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры инноватики и прикладной экономики Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

СОТНИКОВА Елена Анатольевна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и управления персоналом Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, при Президенте Российской Федерации, г. Орел

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В АНТИКРИЗИСНОМ УПРАВЛЕНИИ

Управление субъектом хозяйствования на основе реализации эффективных антикризисных программ, направленных на преодоление кризисных состояний в деятельности первичного звена экономики – предприятий, невозможно без привлечения капитала. В статье исследованы особенности инвестиционной деятельности, осуществляемой в рамках антикризисного управления, обоснованы организационные и финансовые аспекты, обеспечивающие достижение положительного антикризисного эффекта.

Ключевые слова: антикризисное управление, инвестиционная политика, финансовые ресурсы, эффективность.

SPASSKAYA Nataliya Vladimirovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor, Head of Innovation and applied economics of the I. S. Turgenev Oryol State University

SOTNIKOVA Elena Anatoljevna

Ph.D. in economical sciences, associate professor, associate professor of Management and personnel management sub-faculty of the Central Russian Institute of Management – branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation, Oryol

INVESTMENT POLICY IN CRISIS MANAGEMENT

Management of a business entity based on the implementation of effective anti-crisis programs aimed at overcoming crisis conditions in the activities of the primary link of the economy – enterprises, is impossible without attracting capital. The article examines the features of investment activities carried out within the framework of anti-crisis management, substantiates organizational and financial aspects that ensure the achievement of a positive anti-crisis effect.

Keywords: anti-crisis management, investment policy, financial resources, efficiency.

В циклах управления предприятием антикризисное управление представляет процесс преодоления кризиса с помощью определения финансового состояния организации и воздействия определенных антикризисных механизмов через функции производства, планирования, организации и мотивации в циклах управления. Конфликт интересов, дефицит времени, высокая степень неопределенности и другие неблагоприятные условия, способствующие развитию кризисной ситуации, затрудняют реализацию антикризисных управленческих решений.

Сущность инвестиционной политики в системе антикризисного управления на уровне бизнес-структур составляет комплексная система мероприятий, с соответствующими адекватными текущей ситуации методами и инструментами, которые определяются управляющей подсистемой в зависимости от целей, которые необходимо достичь при помощи антикризисного управления. Вместе с тем, к наиболее общим параметрам инвестиционной политики в антикризисном управлении относят: определение требуемого объема инвестиционных ресурсов, структуры инвестиционных вложений и сроков их окупаемости, а также весьма важным является вопрос относительно источников финансирования разработанной инвестиционной программы. Последнее особенно актуально для предприятий, пребывающих в кризисных условиях и испытывающих как недостаток собственного капитала, так и трудности с привлечением заемных средств. В целом можно констатировать, что от эффективности разработанной системы мер в области инвестиционной политики, зависит, прежде всего, экономическое, организационное, техническое, а вместе с ними в конечном итоге и финансо-

вое состояние субъекта, в отношении которого проводятся антикризисные мероприятия.

Рассматриваемая в структуре антикризисного управления политика инвестирования представляет собой довольно сложную, полностью взаимообусловленную и функционально взаимосвязанную упорядоченную совокупность различных видов хозяйственной деятельности коммерческих предприятий, которая в первую очередь нацелена на как можно ранее преодоление существующего кризиса, и последующее поступательное развитие предприятия, путём получения суммы прибыли, а так же других положительных сопутствующих финансовых эффектов, достигаемых в процессе реализации инвестиций.

К основным этапам, используемым при разработке и реализации политики инвестирования на предприятии следует отнести: выявление долгосрочных антикризисных целей; выработку приоритетов в улучшении предприятия; оценку альтернативных инвестиционных проектов; выбор более выгодных вложений капитала; оценку последствий внедрения инвестиционных проектов организации [2].

В антикризисном управлении политика инвестирования должна быть разработана на текущий период (реализация инвестиционных мероприятий, предусмотренных на текущий год), среднесрочную (выбор источников финансирования и конкретного антикризисного инвестиционного проекта) и на долгосрочную перспективу (выбор стратегических приоритетов).

Анализ рынка продукции (услуг) необходим для обоснования инвестиционной политики хозяйствующего субъекта, производимой субъектом антикризисного управления, или новой, запланированной к выпуску, что является гаран-

том возможности ее реализации [1]. Данные о величине и динамике затрат на протяжении всего горизонта инвестирования, а также информация о составе и структуре источников финансирования кризисного предприятия, выступают обязательными элементами бизнес-плана организации при обосновании инвестиционного проекта для потенциальных инвесторов и стейкхолдеров. Особенно это касается привлечения заёмного капитала, поскольку в этом случае привлекаются финансовые ресурсы кредиторов, которые подлежат обязательному возврату с уплатой процентных платежей за пользование заёмным капиталом. Когда речь идёт о предприятии, пребывающем в кризисном состоянии, то в данном случае риски инвестирования достаточно высоки и инвестор хочет быть уверен в возврате вложенных средств.

Три этапа, которые можно выделить при формировании политики инвестирования в условиях кризиса предприятия сводятся к следующему:

1. Необходимо осуществить конечный выбор экономически выгодного и целесообразного инвестиционного проекта, который будет в конечном итоге принят для реализации. Как правило такой проект выбирается из ряда альтернативных и для осуществления подобного выбора используются экономические критерии в виде целостной системы показателей, основанной на концепции дисконтирования, поскольку стоимость финансовых ресурсов с течением времени изменяется, инвестиции осуществляются в текущем периоде, а доходы инвестиционный проект принесёт лишь в будущем.

2. Определение так называемых «точек роста», то есть перспективных направлений, в рамках которых возможно и целесообразно осуществлять инвестирование. Эти направления должны быть актуальными, перспективными с точки зрения получения дополнительных доходов и прибыли для хозяйствующего субъекта, пребывающего сегодня в кризисной ситуации. С целью определения таких перспективных направлений на предприятии, пребывающем в условиях кризиса, необходимо:

– определить целевую аудиторию, для которой будет реализовываться продукция (работы, услуги), которые предприятие будет производить согласно бизнес-плану, а также определить величину платёжеспособного спроса конечного потребителя и рассчитать воронку продаж на продукцию, предполагаемую к выпуску;

– провести сравнительный анализ действующих на текущий момент рыночных цен с предполагаемыми затратами предприятия на выпуск продукции. Кроме того обязательным условием является прогнозирование динамики уровня цен на весь период реализации предлагаемого инвестиционного проекта, причём в прогнозные оценки необходимо в обязательном порядке заложить прогнозируемые темпы инфляции, которые планирует обеспечивать Центральный банк Российской Федерации на протяжении всего горизонта планирования;

– определить наиболее перспективные возможности производства продукции, планируемой к выпуску в рамках нового инвестиционного проекта. Особое значение в данном процессе приобретает выбор наиболее прогрессивной и передовой технологии производства. Чем более прогрессивной является используемая в производственном процессе технология производства, тем больше возможности производителя получать экономию на издержках производства и повышать качество выпускаемого продукта.

3. В случае, когда речь идёт о предприятии, пребывающем в состоянии кризиса важно определить его собственные резервы производства, которые могут быть задействованы при реализации нового инвестиционного проекта. Как правило, подобные резервы мощности, трудовых и прочих ресурсов на предприятии имеются. Вовлечение этих резервов позволит добиться значительной экономии и снизить из-

держки на новое производство, а так же потребует от предприятия меньшую сумму привлечения заёмного капитала.

Оценка эффективности вкладываемых средств составляет основу для принятия антикризисных решений по инвестициям. Чистый дисконтированный доход; индекс доходности; внутренняя норма доходности; срок окупаемости – это те показатели, которые используются при сравнении инвестиционных проектов, направленных на вывод предприятия из кризиса. Общим для всех методов, основанных на использовании концепции дисконтирования, является отсутствие в них анализа распределения денежных потоков по всей плоскости планирования инвестиций (уменьшающихся, постоянных, увеличивающихся или изменяющихся денежных потоков). По этой причине решения инвесторов и финансовые цели – это то, что необходимо учитывать при их использовании.

Методы используемых для оценки эффективности инвестиционных проектов в антикризисном управлении, основанные на концепции дисконтирования, нельзя рассматривать как конечный этап инвестиционной политики. Все они используются инвестором как ориентиры для принятия окончательного инвестиционного решения. Поскольку здесь учитываются не только положительные значения полученных количественных характеристик, но и оценивается большой пул некачественной информации. Кроме того, оценивается общая стратегия развития бизнеса в перспективе и ряд других факторов. В конечном итоге, следует констатировать, что успешная реализация инвестиционной политики на кризисных предприятиях может быть достигнута при оптимальном сочетании и синергии критериев как формального, так и неформального характера.

Таким образом, основная цель политики инвестирования, которая применяется как составная часть антикризисного управления состоит в том, чтобы обеспечить на предприятии, которое подверглось воздействию дестабилизирующих факторов его развития, условия, в которых возникшие у него финансовые проблемы и затруднения носили временный, желательно краткосрочный, а не затяжной характер. В данном случае речь не идёт о применении к данным предприятиям процедуры банкротства или внешнего управления, просто необходимо запустить, настроить и отладить действенный механизм преодоления возникших у субъекта хозяйствования проблем текущего развития, пока эти проблемы не приняли более масштабный и необратимый характер.

Пристатейный библиографический список

1. Губин В. А., Хандамова Э. Ф., Щепакин М. Б. Механизмы антикризисного управления предприятием в условиях перманентной нестабильности // Экономика, предпринимательство и право. - 2021. - Т. 11. № 5. - С. 1195-1210.
2. Тимофеев С. В. Сфера инфраструктурных инвестиций и антикризисные меры поддержки государственно-частного партнерства в период пандемии // Молодежная неделя науки ИПМЭиТ. Сборник трудов Всероссийской студенческой научно-учебной конференции. Санкт-Петербург, 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_48575715_66878640.pdf (дата обращения: 18.03.2023 г.).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-4-179-436-439

ТОЛИКОВА Елена Эдуардовна

доктор экономических наук, профессор кафедры инновационного предпринимательства (ИБМ7) Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана

СОБКО Андрей Александрович

студент 4 курса Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К СОЗДАНИЮ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ЦИФРОВЫХ ДВОЙНИКОВ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Статья посвящена определению ключевых терминов в сфере цифровых двойников. Проведен анализ корреляции цифровых двойников с IoT и блокчейн. Уточнена роль цифровых двойников в различных аспектах инновационного и экономического развития. Проведен комплексный обзор нормативно-правовой базы регулирования процессов создания и использования цифровых двойников. Отдельно обозначено методическое обеспечение цифровых двойников в серии стандартов ГОСТ 57700.

Определены границы ответственности разработчиков и пользователей цифровых двойников. Сделаны выводы о ключевых факторах риска в сфере создания и использования цифровых двойников. Разработаны направления инновационного развития создания и использования цифровых двойников в плоскости экономики и правового регулирования.

Ключевые слова: инновация, цифровой двойник, блокчейн, регулирование, ГОСТ.

TOLIKOVA Elena Eduardovna

Ph.D. in economical sciences, professor of Innovative entrepreneurship (IBM7) sub-faculty of the N. E. Bauman Moscow State Technical University

SOBKO Andrey Alexandrovich

student of the 4th course of the N. E. Bauman Moscow State Technical University

INNOVATIVE APPROACHES TO CREATING AND USING DIGITAL TWINS: ECONOMIC AND LEGAL ASPECTS

The article is devoted to the definition of key terms in the field of digital twins. An analysis of the correlation of digital twins with IoT and blockchain was carried out. The place of digital twins in various aspects of innovative and economic development has been clarified. A comprehensive analysis of the regulatory framework for the creation and use of digital twins was carried out. The methodological support of digital twins in the GOST 57700 series of standards is separately indicated.

The limits of responsibility of developers and users of digital twins have been determined. Conclusions have been drawn about the key risk factors in the creation and use of digital twins. The directions of innovative development of the creation and use of digital twins in the plane of economics and legal regulation have been developed.

Keywords: innovation, digital twin, regulation, blockchain.

В 2023 году актуальным, научно и практически значимым вопросом стал «Как и где применять цифровые двойники?» Очевидно, что этот феномен перестал быть инновационным атрибутом только цифровых технологий и процессов, и прочно вошел в производственно-хозяйственную жизнь.

Создание цифровых двойников стало возможным благодаря развитию информационных технологий, анализу больших данных и использованию машинного обучения. Однако, несмотря на все преимущества и перспективы использования цифровых двойников, вопросы правового регулирования и учета этих технологий остаются так же остро актуальными и требуют дополнительного изучения.

Определим терминологическое понимание цифровых двойников (далее – ЦД). По мнению М. Гривса, который впервые описал концепцию цифрового двойника в публикации «Происхождение цифровых двойников», «цифровые двойники – это виртуальные модели реальных объектов или систем, которые позволяют проводить анализ, оптимизацию и предсказывать их поведение в реальных условиях, они точно воспроизводят форму и действия оригинала и синхронизирована с ним» [1]. Интеграция цифровых двойников с другими технологиями, такими как интернет вещей (IoT), облачные вычисления и блокчейн, также представляет собой значительный вызов (рисунок 1, 2).

Взаимодействие различных платформ, систем и устройств может быть сложным и требует разработки универсальных решений для обеспечения совместимости и эффективного взаимодействия.

Важным аспектом является также учет правовых и регулятивных рамок при использовании цифровых двойников. В связи с активным развитием данной технологии важно учитывать особенности правового регулирования в разных странах, а также международные стандарты и принципы.

Вопросы защиты интеллектуальной собственности, ответственности за неправильное использование и проблемы конфиденциальности данных являются одними из ключевых аспектов.

Правительство Российской Федерации проявляет заинтересованность в создании и развитии цифровых двойников по значимым причинам (таблица 1).

В России существует ряд указов и постановлений Президента РФ и Правительства, направленных на установление базовых принципов использования цифровых двойников.

Таковыми документами являются:

Федеральный закон «О цифровой экономике» от 1 марта 2019 года (№ 28-ФЗ) [2]. Этот закон устанавливает основные принципы и правила функционирования цифровой экономики в России, включая использование технологий цифровых двойников.

Федеральный закон «О персональных данных» от 27 июля 2006 года (№ 152-ФЗ) [3]. Этот закон регулирует обработку персональных данных в России. Он содержит положения, касающиеся использования цифровых двойников в контексте обработки персональных данных.

Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» в соответствии с которым сформирована национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [4].

Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 года (№ 149-ФЗ) [5]. Этот закон определяет общие принципы защиты информации, включая обработку и использование цифровых двойников.

Постановление Правительства РФ «О стратегии развития цифровой экономики в Российской Федерации» от 28 июля 2017 года (№ 1632) [6]. В данном постановлении утверждается стратегия развития цифровой экономики в России, в которой могут использоваться цифровые двойники.

Также в России утвержден первый в мире стандарт в области цифровых двойников изделий [7] (рисунок 3). При этом необходимо отметить, что стандарт является полностью отечественной разработкой. В частности, впервые в мировой практике устанавливается единое определение «цифрового двойника изделия» - «цифровой двойник изделия: система, состоящая из цифровой модели изделия и двусторонних информационных связей с изделием (при наличии изделия) и (или) его составными частями». Также в рамках стандарта впервые стандартизова-

Рисунок 1. Сферы применения Цифровых двойников в области Интернета вещей (IoT)

Рисунок 2. Интеграция цифровых двойников с блокчейн

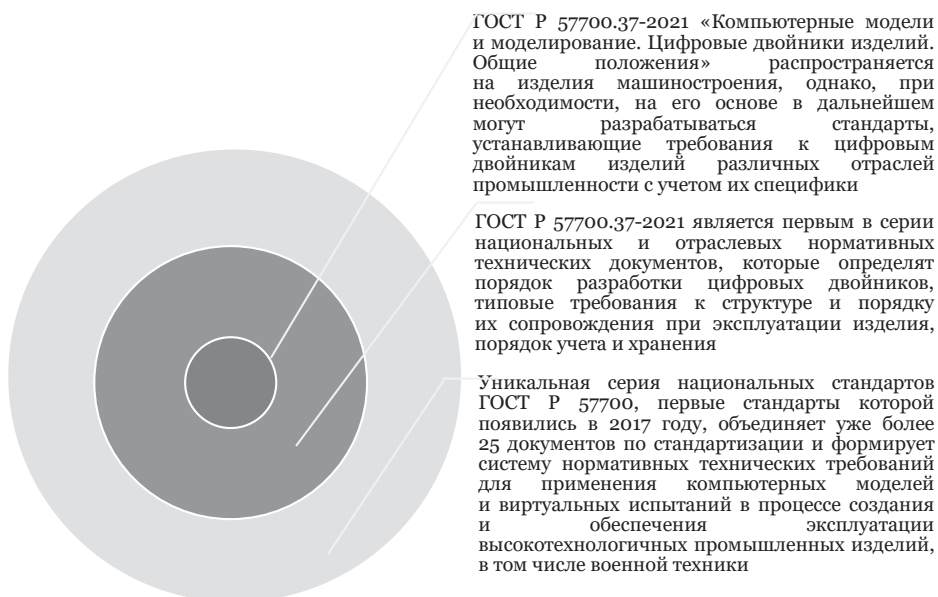

Рисунок 3. Характеристики серии национальных стандартов ГОСТ Р 57700 и их применение в сфере моделирования ЦД

Таблица 1. Применение ЦД при достижении целей экономического развития

№	Цель применения ЦД	Результат применения ЦД
1	Снижение транзакционных издержек	Цифровые двойники могут служить инструментом для моделирования, симуляции и оптимизации различных процессов и систем. Это позволяет повысить эффективность и конкурентоспособность отечественных предприятий, улучшить качество продукции и услуг, а также снизить затраты
2	Стимулирование инноваций и технологический прогресс	Цифровые двойники представляют собой передовую технологию, которая может способствовать развитию различных отраслей, включая промышленность, транспорт, здравоохранение, архитектуру
3	Цифровизация государственного сектора	Правительство РФ реализует программы и стратегии по цифровизации государственного сектора. Цифровые двойники могут использоваться для создания виртуальных моделей и симуляций, которые помогают улучшить эффективность государственных услуг, планирования развития регионов, управления инфраструктурой и принятия решений на основе данных
4	Безопасность и киберзащита	Цифровые двойники могут быть использованы для анализа и прогнозирования угроз безопасности, симуляции кибератак и обучения специалистов по киберзащите. Правительство РФ проявляет интерес в разработке и применении таких технологий для обеспечения кибербезопасности страны
5	Развитие искусственного интеллекта	Цифровые двойники могут служить основой для разработки искусственного интеллекта и машинного обучения. Правительство РФ поддерживает развитие этих областей, так как они считаются ключевыми для будущего экономического и технологического прогресса
6	Цифровой суверенитет	Создание цифровых двойников может способствовать развитию отечественных технологий и платформ, что в свою очередь укрепляет цифровую суверенность государства. Правительство РФ стремится уменьшить зависимость от иностранных решений и обеспечить контроль над цифровыми ресурсами
7	Образование и наука	Цифровые двойники предоставляют новые возможности для образования и научных исследований. Правительство РФ активно поддерживает развитие образования и науки, включая развитие цифровых технологий и инструментов, таких как цифровые двойники, для обучения студентов и проведения исследований
8	Обеспечение международной конкурентоспособности	Создание и использование цифровых двойников является частью стратегии развития России как технологической и инновационной державы. Правительство РФ стремится укрепить международную конкурентоспособность страны, привлечь инвестиции в высокотехнологичные проекты и развивать экспорт цифровых решений
9	Развитие цифровой экономики	Цифровые двойники считаются важным инструментом для развития цифровой экономики в России. Они способствуют цифровизации отраслей, созданию новых цифровых продуктов и услуг, а также стимулируют инновации и рост экономики
10	Устойчивое развитие	Цифровые двойники могут играть ключевую роль в достижении целей устойчивого развития, таких как сокращение выбросов, энергоэффективность и оптимизация ресурсного использования. Правительство РФ проявляет интерес в использовании цифровых двойников для содействия экологической устойчивости и решения экологических проблем

ны следующие понятия: «цифровые (виртуальные) испытания», «цифровой (виртуальный) испытательный стенд» и «цифровой (виртуальный) испытательный полигон» [7].

В правовом аспекте ответственность за использование цифровых двойников возлагается как на разработчиков, так и на пользователей (Таблица 2).

Кроме того, создание и использование цифровых двойников может затрагивать права интеллектуальной собственности, такие как авторские права, патенты и торговые марки. Важно обеспечить соблюдение этих прав, а также разработать механизмы для их защиты в контексте цифровых двойников [8].

Однако, при создании и внедрении цифровых двойников возникает ряд рисков и сложностей [9], [10], [11].

Создание точных и надежных цифровых двойников требует значительных знаний и опыта в области моделирования, симуляции и анализа данных. В некоторых случаях может потребоваться разработка специальных алгоритмов и методов обработки данных. Создание точных и надежных цифровых двойников требует значительных знаний и опыта в области моделирования, симуляции и анализа данных [12], [13], [14].

В некоторых случаях может потребоваться разработка специальных алгоритмов и методов обработки данных, интеграция с другими технологиями и средами, а также обеспечение высокой производительности и масштабируемости решений (Таблица 3).

Так, в заключении сделаем следующие выводы:

Во-первых, цифровые двойники представляют собой перспективную технологию, которая открывает новые возможности

для оптимизации и контроля процессов в промышленности, науке и исследованиях. Однако, для успешного развития и внедрения цифровых двойников важно решить ряд правовых и экономических вопросов, связанных с их созданием и использованием. В данной статье были рассмотрены основные научно-методические подходы к созданию цифровых двойников и меры регулирования.

Во-вторых, цифровые двойники являются перспективной и инновационной технологией, которая может привести к значительному улучшению процессов в различных отраслях, таких как промышленность, умные города, здравоохранение и образование. Однако для успешного внедрения и использования цифровых двойников необходимо решить ряд технических, правовых и этических вопросов.

В-третьих, специалистам в области экономической науки и права следует активно изучать и анализировать возникающие проблемы, разрабатывать методы создания и использования цифровых двойников, а также учитывать международный опыт и сотрудничество. Только совместными усилиями ученых, законодателей, разработчиков и пользователей можно добиться гармоничного развития и внедрения цифровых двойников для создания устойчивого и эффективного будущего российской экономики.

Пристатейный библиографический список

1. Зуйкова А. Новые правила на рынке IoT: зачем власти принимают закон о «Умном городе» // РБК Тренды. –

Таблица 2. Разграничение ответственности за использование цифровых двойников

Ответственность разработчиков за использование цифровых двойников	Ответственность пользователей за использование цифровых двойников
Разработчики цифровых двойников несут ответственность за качество своих продуктов, включая точность и надежность предоставляемой информации, а также за соблюдение принципов безопасности и защиты данных. Разработчики должны также учитывать потенциальные риски, связанные с использованием цифровых двойников в различных отраслях и сценариях, и стремиться к минимизации негативного воздействия на окружающую среду, социальные и экономические аспекты. В случае выявления уязвимостей или ошибок в своих продуктах разработчики обязаны оперативно их исправлять и информировать пользователей о возможных рисках	Пользователи цифровых двойников также несут ответственность за соблюдение правил и норм использования технологии, а также за возможные негативные последствия, связанные с их применением. Пользователи, в свою очередь, должны использовать цифровые двойники в соответствии с предоставленной документацией и руководствами, а также соблюдать все применимые законы и регуляции. Они должны также проявлять бдительность в отношении возможных угроз кибербезопасности и обеспечивать защиту своих систем и данных

Таблица 3. Сложности создания цифровых двойников и их возможные решения

№	Сложность на этапе создания ЦД	Решение ситуации
1	Сбор данных	Использование датчиков, IoT-устройств и систем мониторинга для получения реальных данных. Применение алгоритмов обработки сигналов и сенсорных технологий для точного измерения параметров
2	Интеграция данных	Разработка стандартов и протоколов для обмена и интеграции данных из различных источников. Использование технологий Big Data и облачных вычислений для хранения и анализа больших объемов данных
3	Создание модели	Применение методов компьютерного моделирования, 3D-сканирования и реконструкции для создания виртуальной модели. Использование алгоритмов машинного обучения и искусственного интеллекта для автоматического создания модели
4	Синхронизация с реальностью	Разработка алгоритмов реального времени для обновления и синхронизации данных между цифровым и реальным объектом. Использование сенсоров и обратной связи для обновления модели на основе изменений в реальном мире
5	Техническая сложность	Обучение и развитие навыков команды, вовлеченной в создание и поддержку цифровых двойников, очень важны. Кроме того, может быть полезно использовать различные инструменты и платформы, которые упрощают процесс создания и управления цифровыми двойниками. Совместная работа с экспертами в области технологий также может помочь преодолеть технические проблемы
6	Управление сложностью моделирования	Разработка инструментов и платформ для управления и визуализации сложных моделей. Применение алгоритмов оптимизации и сокращения размера модели для повышения производительности
7	Кибербезопасность	Разработка механизмов шифрования и защиты данных, используемых в цифровых двойниках. Внедрение многоуровневых систем аутентификации и авторизации для предотвращения несанкционированного доступа
8	Интеграция с реальными системами	Разработка гибких и открытых интерфейсов, стандартов и протоколов для интеграции с различными системами. Применение технологий API и платформ для обмена данными и управления взаимодействием между цифровым и реальным объектом

- [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/6107e5339a79478125166eeb>.
- «Федеральный закон от 01.07.2021 № 243-ФЗ «О цифровых двойниках»». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/351139504>.
 - «Федеральный закон от 6.02.2023 № 152-ФЗ «О персональных данных»». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901990046>.
 - Колесников М. А. Нормативное регулирование цифровой среды. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy/.
 - «Федеральный закон от 01.03.2023 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901990051>.
 - «Федеральный закон от 30.12.2020 № 519-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/436754837>.
 - «Национальный Стандарт России от 01.01.2020 ГОСТ Р 57700.37-2021». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1200180928>.
 - Васильев А. Н., Тархов Д. А., Малыгина Г. Ф. Методы создания цифровых двойников на основе нейросетевого моделирования // Современные информационные технологии и ИТ-образование // Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия. – 2018. – Том 14. № 3. – С. 524.
 - Data protection in the EU. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/info/law/law-topic/data-protection_en.
 - ISO/TC 184/SC 4 – Industrial data. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.iso.org/committee/54158.html>.
 - Systems Committee (SyC) Smart Manufacturing. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.iec.ch/smartmanufacturing>.
 - Tao F., Cheng J., Qi Q., Zhang M., Zhang H., Sui F. Digital Twin-driven Product Design, Manufacturing and Service with Big Data // International Journal of Advanced Manufacturing Technology. – 2019. – № 94 (9-12). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1007/s00170-017-0233-1>.
 - Monostori L. Cyber-physical Production Systems: Roots, Expectations and R&D Challenges // Procedia CIRP. – 2019. – № 79. 3-8. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.procir.2019.02.001>.
 - Maier A., Weigelt S., Brökelmann T. Industry 4.0 and the Digital Twin: A Framework for Creating a Cyber-Physical System // Journal of Industrial Information Integration. – 2020. – 20. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.jii.2020.100144>.

КХОСЛА Гаурав

кандидат экономических наук, Российская академия народного хозяйства и госслужбы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ В ИНДИИ В 1991 ГОДУ – ЗАЧЕМ ОНИ ПОНАДОБИЛИСЬ

В статье рассматривается экономический кризис в Индии в 1990-91 годах, связанный с крупными внутренними и внешними геополитическими событиями того же периода, и, как следствие, меры, принятые тогдашним индийским правительством для предотвращения суверенного дефолта. В статье анализируется экономическое положение индийской экономики в 1991 году, включая кризис платежного баланса в Индии и причины, лежащие в его основе, что вынудило министерство финансов Индии в своем годовом бюджете провести первые крупные фискальные реформы индийской экономической политики со времени обретения Индией независимости. В этой статье рассматриваются и анализируются реформы, осуществленные правительством Индии в последующие годы с учетом новой политики, изменений в существующей политике и их отличия от старой политики. Этот исследовательский документ будет завершен, а за ним последует еще один исследовательский документ в части 2, анализирующий влияние этих реформ на экономику Индии в следующие три десятилетия до 2021 года с их недостатками и успехами.

Ключевые слова: 1991 год, Экономический кризис, Платежный баланс, Девальвация, Дефицит текущего счета, Экспорт, Импорт, Лицензия Радж, Экономическая Либерализация, Приватизация, Глобализация, Иностраннные инвестиции, рост ВВП.

KHOSLA Gaurav

Ph.D. in economical sciences, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA)

INDIAN ECONOMIC REFORMS IN 1991 – WHY WERE THEY NEEDED

The article examines the economic crisis in India in 1990-91, associated with major internal and external geopolitical events of the same period, and, as a result, the measures taken by the then Indian government to prevent sovereign default. The article analyzes the economic situation of the Indian economy in 1991, including the Balance of payment crisis in India and the reasons responsible for the same, which forced the Ministry of Finance of India, in its annual budget, to carry out first major fiscal reforms of Indian economic policy since Indian independence. The article studies and analysis the reforms undertaken by Government of India in following years with new policies, change in existing policies and how they were different from old policies. This research paper will be concluded and followed by another research paper as part 2 analyzing the impact of these reforms on Indian economy in next three decades till 2021 with their flaws and successes.

Keywords: 1991, Economic crisis, Balance of payments, Devaluation, Current account deficit, Export, Import, License Raj, Economic liberalization, Privatization, Globalization, Foreign investment, GDP growth.

1. Введение

В 1991 году, во время распада Советского Союза, одного из самых надежных друзей/партнеров Индии в эпоху холодной войны, индийская экономика находилась на грани банкротства и суверенного долгового дефолта. Чтобы вырваться из этого экономического кризиса, нужны были внезапные жесткие и эффективные шаги. Реформы, в виде «**Либерализации Индийской Экономики**», помогли ей в последующие годы избежать долгового дефолта и побудить страну и миллионы ее населения выйти из нищеты. Серьезная проблема **Платежного Баланса** вызвала острый экономический кризис в 1991 году. В ответ министерство финансов Индии в рамках своего бюджета на 1991 год приступило к реализации многогранной программы реформ, направленной на восстановление макроэкономического баланса Индии и ускорение роста. **Реформы экономической либерализации** привели к ликвидации неэффективной системы контроля, которая до 1991 года связывала частный сектор и закрывала экономику для торговли и инвестиций.

За последние три десятилетия, с 1991 по 2021 год, экономика Индии перешла из стран с низким уровнем дохода в страны со средним уровнем дохода, миллиардеры из Ин-

дии значительно увеличились в списке тысяч крупнейших миллиардеров согласно списку миллиардеров FORBES. Индия стала центром информационных технологий, фармацевтики и автомобильного сектора, создавая рабочие места для миллионов людей. Иностраннные инвестиции в Индию имеют огромное участие, особенно со стороны инвесторов из США и ЕС. Но, все еще будучи второй по численности населения страной после Китая, многие индейцы живут в нищете. Разрыв в уровне доходов и богатства в Индии между богатыми и бедными очень велик.

2. Методология исследования

В этом исследовании автор собирал данные с сайта Резервного банка Индии (RBI - индийский центральный банк), различных правительственных публикаций и научных публикаций в журналах. Исследование основано главным образом на вторичных данных и сосредоточено на сравнении экономической ситуации в Индии в 1990-е годы. Статья содержит предварительные выводы, и поскольку исследование находится на ранней стадии на этой стадии, статья в основном описательна.

Выбор использования методологии исследования на основе вторичных данных может быть обоснован характером первичных данных. Это исследование обеспечивает основу для эмпирического развития и практического применения. Методология настоящего документа также выступает в качестве ограничения, и поэтому предполагается, что практическая проверка результатов с помощью полевых работ поможет уточнить соответствующие параметры.

3. Краткая История Экономики Индии до 1991 г.

До экономических реформ 1991 года индийская экономика сильно отставала, широко известна в Европе и Северной Америке как бедная страна, часто ищущая продовольствия и денежной помощи от МВФ и развитых стран. Экономический прогресс был подорван бесполезными тысячами мер контроля, во имя святого социализма, а затем коррумпировано использованными политиками и бюрократами для создания покровительственных сетей и наполнения своих карманов взятками. Доля Индии в мировой торговле неуклонно снижалась с 2,2 % в 1947 году, в год независимости Индии, до 0,45 % в 1985 году, и это было фактически одобрено как торжество социалистической идеологии индийской политики. В центре внимания правительства было укрепление в первую очередь национального государственного сектора, который полностью или частично контролировался государственными учреждениями. Частный сектор должен был работать по строгим правилам, должен был нести множество бюрократических формальностей и должен был ждать долгое время и очереди, без гарантии успеха, даже для передачи архитектурных чертежей для строительства промышленного здания или получения воды и электричества. Ничто не могло быть произведено без промышленной лицензии или импортировано без лицензии на импорт, а таких лицензий было мало и их было трудно получить. Индия была, пожалуй, единственной страной, где увеличение производительности или лицензированных мощностей считалось преступлением [1].

В течение первых трех десятилетий после обретения независимости, с 1950-х по 1980-е годы, в Индии наблюдался застой низких годовых темпов роста в размере около 3,5 %, что было изощренно названо «**Индуистскими Темпами Роста (Hindu Growth Rate)**». Этот спектакль сейчас может выглядеть неубедительно по сравнению с восточно-азиатскими тиграми, но в то время он казался вполне уважительным. С поправкой на покупательную способность ВВП Китая на душу населения не обогнал индийский до 1991 года [2].

4. Война в Персидском Заливе, Распад СССР и Экономическая Либерализация Индии

1990-91 годы не были обычными годами в мировой истории. В этом году мир стал свидетелем крупных событий, которые изменили бы будущее и форму многих стран, для одних в позитивном ключе, а для других в негативном. Не было бы неправильно говорить о том, что события 1990 и 1991 годов были немногочисленными основными причинами, которые прямо или косвенно изменили будущего

архитектора почти всех крупных стран и их роль в геополитике в ближайшие три десятилетия.

Война в Персидском заливе – потрясение цен на нефть 1990 года. После окончания войны с Ираном, помимо огромных человеческих потерь и невозможных экономических потерь, Ирак получил огромный внешний долг. Цена нефти на мировом рынке к тому времени упала до \$7 за баррель. Долг Ирака с конца войны 1980-1988 годов превысил 100 миллиардов долларов. На саммите арабских государств в мае 1990 года Саддам Хусейн обвинил Кувейт и Саудовскую Аравию в увеличении добычи нефти, что привело к падению цен на нефть, что привело к падению доходов Ирака. 2 августа 1990 года Ирак вторгся в Кувейт. Вторжение Ирака в Кувейт привело к семимесячной военной оккупации страны Ираком. Во время войны произошёл резкий скачок цен на нефть со среднемесячным ростом цен на нефть с 17 долларов за баррель в июле 1990 года до 36 долларов за баррель в октябре 1990 года, пик - 46 долларов за баррель в середине октября [4].

Распад СССР и влияние на Индию. В период холодной войны между США и СССР военные отношения между Индией и Советским Союзом (СССР) были очень прочными. В 1991-92 годах Советский Союз распался, на его месте остались пятнадцать суверенных республик и СНГ [5].

Поскольку Индия не имела тесных связей с США и развитыми европейскими странами до 1991 г., СССР был для Индии естественным партнером и другом. Фактически вся торговля между СССР и Индией велась в индийских рупиях или рублях СССР. Распад Советского Союза в 1991 году вызвал проблемы для Индии, поскольку у страны не было много альтернативных торговых партнеров и переездов, не было достаточно валютных резервов для поддержки импорта и обязательств [6].

Защищенная и регулируемая экономика Индии вполне соответствовала экономике СССР. Государственная торговля мягкими рупиями и рублями связала две экономики. Централизованная бюрократия в Москве очищала поставки оружия. После распада на 15 новых республик многие вопросы остались неясными [5].

Крах советской империи оставил индийских лидеров идеологически и стратегически ослабленными, понимая, что новые реальности требуют нового мышления, но неохотно соглашаясь с тем, что мир, на который они знали и на который они работали, теперь больше не существует. В настоящее время Индия должна найти способы переформулировать демократический социализм таким образом, чтобы это было совместимо с эффективностью рынка и ее независимой внешней политикой таким образом, чтобы это способствовало формируемому мировому порядку [6].

Кризис платежного баланса (BOP), 1991. К концу 1990 года, в преддверии войны в Персидском заливе, экстраемальная ситуация означала, что валютные резервы Индии истощались очень быстро из-за высоких расходов на импорт сырой нефти из-за внезапного скачка цен на нее. К июню 1991 года валютные резервы Индии составляли менее 1 миллиарда долларов, чего едва хватало для финанси-

рования трехнедельного импорта. Распад СССР создал для Индии немедленную потребность в поиске новых поставщиков нефти и острую потребность в валютных резервах для оплаты их.

Фактически, дисбаланс в платежном балансе начал возникать в последние годы 1990-х годов. Ситуация переросла в кризис с Кувейтской войной и распадом СССР. Рынки потеряли уверенность в способности правительства справиться с ситуацией. Иностранные банки перестали выдавать новые кредиты, настаивая на погашении старых. Денежные переводы от граждан, проживающих и работающих за границей, стали отрицательными. Существовавшее до марта 1991 года правительство не могло решить проблемы.

Валютные резервы были на дне, и были опасения, что Индия не выполнит свои долговые обязательства. Новое коалиционное правительство во главе с премьер-министром П. В. Нарасимха Рао и министр финансов Манмохан Сингх инициировали переговоры с МВФ о кредитах, которые помогли бы решить насущную проблему преодоления кризиса платежного баланса [7].

В конце мая 1991 года экономическая картина Индии была совсем не привлекательной из-за ее плохой и рискованной формы. Государственные расходы превышали заработную плату, что привело к высокому дефициту бюджета. Валовой дефицит бюджета достиг пика в 12,7 % ВВП в 1990-91 гг. по сравнению с 9 % ВВП в 1980-81 гг. Это увеличило внутренний долг правительства, составлявший в 1990-1991 годах 53 % ВВП. Дефицит текущего счета Индии увеличился с 113,50 млрд. рупий в 1989-90 году до 173,50 млрд. рупий в 1990-91 году. Проблемы правительства усугубляются дефицитом бюджета в размере 8 процентов от валового внутреннего продукта (ВВП) и дефицитом текущего счета в размере 2,5 процента от ВВП. **У Индии было менее одного миллиарда долларов в валютных резервах, чего достаточно для удовлетворения потребностей в импорте в течение трех недель.** Страна была на грани дефолта по своим международным долговым обязательствам. Инвесторы вытаскивали свои деньги. Краткосрочные кредиты иссякли, так как экспортеры опасались, что они не будут выплачены. Двухзначная инфляция увеличила нагрузку на простого человека. Сокращение дефицита бюджета имело важное значение в 1991 г., поскольку кризис был вызван избытком внутреннего спроса, поглощением импорта и увеличением дефицита счета текущих операций [8].

Правительство вместе с Резервным банком Индии провело двухэтапную девальвацию рупии, которая была девальвирована по отношению к основным валютам примерно на 18 % в июле 1991 года. Это было сделано с целью повышения конкурентоспособности индийского экспорта [9].

Центральный банк передал в залог золотые запасы Индии Банку Англии четырьмя траншами с 4 по 18 июля 1991 г., собрав таким образом около 400 миллионов долларов [8, 9].

India's Foreign Exchange Reserves

Month / Year	Foreign Exchange Reserves (In ₹.Crore)
December 1989	5277
December 1990	2152
January 1991	4719
May 1991	2677
June 1991	2383
July 1991	3313
December 1991	9287

Рисунок 1. Индийские валютные резервы, источник: Reserve Bank of India

5. Заключение- Структурные реформы в форме либерализация индийской экономики

В июле 1991 года Индия отказалась от своей политики социализма и начала обширные неолиберальные изменения в своей экономике. Но это было сложное и непростое решение из-за антииностранный инвестиционной политики индийского правительства с момента обретения независимости.

Стратегия реформ, начатая в Индии в июле 1991 года, представляет собой сочетание макроэкономической стабилизации и структурной перестройки. Она руководствуется краткосрочными и долгосрочными целями. Стабилизация была необходима в краткосрочной перспективе для восстановления равновесия платежного баланса и для контроля за инфляцией. В то же время реформы не менее важны с долгосрочной точки зрения. Таким образом, новому правительству, вступившему в должность в июне 1991 года, пришлось действовать оперативно, с тем чтобы справиться с ситуацией и вернуть экономику с грани дефолта в платежи. Очевидно, что для полного преодоления кризиса экономика нуждается в существенных реформах. [9]

Фискальные реформы. Ключевым элементом усилий по стабилизации было восстановление фискальной дисциплины. Чем больше дефицит бюджета, тем больше государственные займы у Резервного банка Индии. Чем больше сумма кредита, тем больше денежная масса и выше уровень инфляции. Точно так же дефицит бюджета тесно связан с ухудшением платежного баланса и увеличением внешних и коммерческих заимствований. Увеличение совокупной денежной массы и совокупного спроса приводит к увеличению спроса на импорт. С другой стороны, инфляция и, как следствие, рост издержек производства снижают конкурентоспособность экспорта, что приводит к дефициту торгового баланса. Отток валютных резервов отрицательно сказывается на платежном балансе.

Дефицит бюджета в 1990-1991 годах достигал 8,4 % ВВП. Бюджет на 1991-1992 годы сделал смелый шаг в направлении исправления фискального дисбаланса. Он предусматривал сокращение бюджетного дефицита почти на два процентных пункта ВВП с 8,4 процента в 1990-1991 годах до 6,5 процента в 1991-92 годах. Бюджет направлен

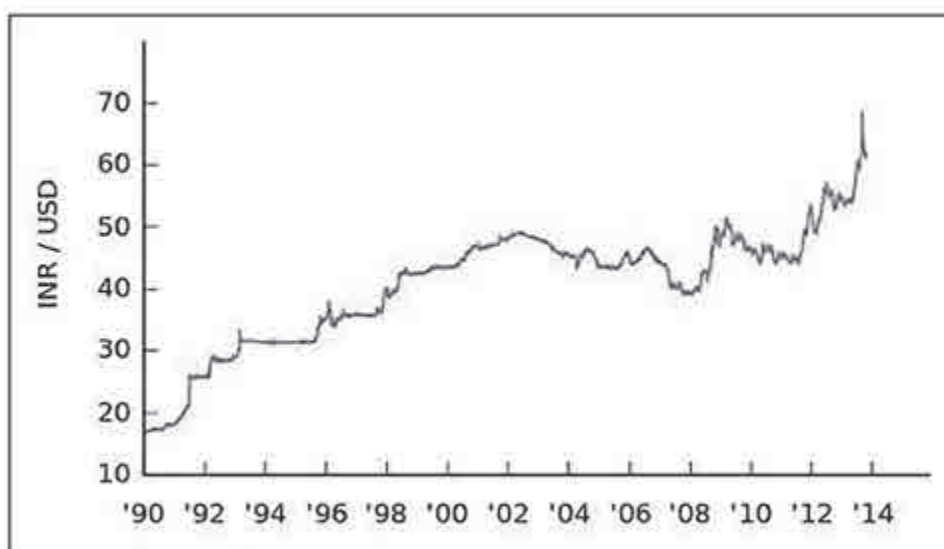

Рисунок 2. INR/USD с 1990-2014 гг., источник: Rediff.com

на сдерживание государственных расходов и увеличение доходов; обращение вспять тенденции к снижению доли прямых налогов в общем объеме налоговых поступлений и сдерживание демонстративного потребления [10].

Реформы денежно-кредитного и финансового сектора. Второй комплекс реформ был проведен в валютно-финансовом секторе. Эффективная банковская система и хорошо функционирующий рынок капитала имеют важное значение для мобилизации сбережений жителей и направления их на продуктивные цели. Высокие темпы сбережений и производительных инвестиций имеют важное значение для экономического роста. До 1991 года, когда в банковской системе и на рынке капитала наблюдался впечатляющий рост объема операций, они испытывали многочисленные недостатки в плане эффективности и качества своих операций.

Денежные реформы были направлены на устранение искажений процентных ставок и рационализацию структуры кредитных ставок. Новая политика во многих отношениях пыталась сделать банковскую систему более эффективной. Были введены **важные изменения в «Требования банков к резервам»** Одним из основных изменений в требованиях к резервам было сокращение **«Коэффициент покрытия ликвидности (SLR)»** и **«коэффициента резерва наличности (CRR)»**.

Важным решением, принятым в рамках этой реформы, была **«Либерализация процентных ставок»**. Процентные ставки по срочным депозитам были децентрализованы в несколько этапов, что дало банкам право принимать решения в рамках нормативов, начиная с более долгосрочных депозитов, а либерализация постепенно распространялась на депозиты с более коротким сроком погашения [10].

В 1992 году Совет по ценным бумагам и биржам Индии (SEBI) был создан в качестве официального органа для предотвращения мошенничества и обеспечения прозрачности на рынке, а также для защиты интересов инвесторов, эмитентов ценных бумаг и участников рынка.

Реформы промышленной и торговой политики. Накануне принятия бюджета на 1991 г. была представлена новая революционная промышленная политика. Новая промышленная политика, принятая в 1991 г., в значительной степени была направлена на дерегулирование промышленности, чтобы способствовать росту более эффективной и конкурентоспособной промышленной экономики. Основная цель Новой промышленной политики 1991 года заключалась в предоставлении возможностей для рыночных сил и повышении эффективности. Более крупные роли были предоставлены [12, 14].

L – Либерализация (Уменьшение государственного контроля)

P – Приватизация (Увеличение роли и масштабов частного сектора)

G – Глобализация (Интеграция экономики Индии в мировую экономику)

Это привело к необходимости для существующих отечественных фирм конкурировать с новыми фирмами с современными технологиями. Правительство разрешило отечественным фирмам импортировать более совершенную технологию для повышения эффективности и иметь доступ к более совершенной технологии. Главными элементами реформы промышленной политики в Индии в 1991 году была отмена режима «лицензионного раджа». Промышленное лицензирование было отменено для всех отраслей, не допускающих 18 видов деятельности, независимо от уровня инвестиций. При этом 80 процентов отрасли было выведено из рамок лицензирования. Монополия государственного сектора ограничивается лишь несколькими секторами, важными для национальной безопасности. Было сокращено число секторов, зарезервированных для государственного сектора, и было разрешено более широкое участие частного сектора в основных отраслях [14].

Одной из важных мер, предпринятых для улучшения состояния платежного баланса, была девальвация рупии. В первую же неделю июля 1991 года рупия обесценилась примерно на 20 процентов. Цель состояла в том, чтобы

преодолеть разрыв между реальным и номинальным валютными курсами, возникший из-за роста инфляции, и тем самым сделать экспорт конкурентоспособным.

В рамках своих усилий по увеличению экспорта индийское правительство объявило о новой торговой политике, которая стремилась внести изменения в процесс лицензирования. Торговые реформы направлены на достижение основной цели достижения определенного и постоянного улучшения положения в области торговли и платежей в стране.

В ходе либерализации в области торговли основное внимание уделялось политике, направленной на расширение экспорта. Контроль за импортом был ослаблен, и были созданы стимулы для расширения производственного потенциала в экспортном секторе и повышения конкурентоспособности экспортных отраслей. Учитывая рост экспорта в результате массовой девальвации рупии, правительство отказалось от экспортных субсидий [11].

Поощрение иностранных инвестиций. Правительство приняло ряд мер для поощрения иностранных инвестиций в Индии в пореформенный период. В 1991 году правительство объявило конкретный список высокотехнологичных и приоритетных для инвестиций отраслей, в которых автоматически предоставлялось разрешение на прямые иностранные инвестиции до 51 процента иностранного капитала. Предел был поднят до 74 процентов, а затем до 100 процентов для многих из этих отраслей. Более того, за прошедшие годы к этому списку добавилось много новых отраслей. Совет по содействию иностранным инвестициям (FIPV) был создан для ведения переговоров с международными фирмами и утверждения прямых иностранных инвестиций в отдельных областях [1, 13].

Пристатейный библиографический список

1. Сваминатан С. Анклесария Айяр. Двадцать пять лет индийской экономической реформы // Институт Катона, анализ политики. 2016. № 3.
2. Балдев Радж Наяр. Когда закончились «индуистские» темпы роста? // Экономический и политический еженедельник. 2006. № 41 (19). С. 1885-1890.
3. Аннапурна Митра и Риа Касливал. Двойные кризисы в Персидском заливе: последствия для Индии // Observer Research Foundation, специальный отчет ORF. Апрель, 2020. - № 105.
4. Александр Шарковский. Битва за цены на нефть в Персидском заливе, Запад искусно выстроил западню для своего бывшего союзника Саддама Хусейна, 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nvo.ng.ru/wars/2017-09-22/1_966_oil.html (дата обращения 27.12.2022)
5. Распад СССР и его влияние на международные отношения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.yourarticlelibrary.com/history/collapse-of-ussr-and-its-impact-on-international-relations/48505> (Дата обращения 29.12.2022)

6. Сюзанна Ховер Рудольф и Ллойд И. Рудольф. Распад Советского Союза потряс Индию, 1991 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.csmonitor.com/1991/1007/07182.html> (дата обращения: 29.12.2022)
7. Валерия Серра и Света Чаман Саксена. Что вызвало валютный кризис 1991 года в Индии? Международный валютный фонд, октябрь 2000 г. № WP/00/157
8. Бюджет 1991 г.: Что обещал Манмохан Сингх и что было выполнено, 2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/budget-1991-what-manmohan-singh-promised-and-what-was-delivered/articleshow/9339032.cms?from=mdr> (дата обращения 09.01.2023)
9. Аджит Кумар Сингх. Фискальные реформы в Индии с 1991 года: критическая оценка // Индийский журнал государственного управления. Июль, 2004. - № 50 (3). С. 733-745.
10. Лоуренс Р. Кляйн и Т. Паланивел. Экономические реформы и перспективы роста в Индии. Австралийский национальный университет. Австралийский исследовательский центр Южной Азии, 2001.
11. Дипали и Кунал Лутра. Трансформация индийской экономики (с особым упором на либерализацию, приватизацию и глобализацию) // IJRAR. 2018. № 5 (1).
12. Дипали и Кунал Лутра. Трансформация индийской экономики (с особым упором на либерализацию, приватизацию и глобализацию) // IJRAR. 2018. № 5 (1).
13. Ахлувалия М. С. Экономические реформы в Индии: достижения и дальнейшие шаги // Обзор экономической политики в Азии. 2018. № 14. С. 1–17.
14. Адитья Бхаттачарджей. Промышленная политика в Индии с момента обретения независимости // Индийский Экономический Обзор. 2022. № 57. С. 565-598.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-4-179-445-446

ЗАЙЦЕВА Анастасия Андреевна

аспирант Международного банковского института имени Анатолия Собчака

ПУТИ УЛУЧШЕНИЯ КОМПЛЕКСНОЙ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ СТРОИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Комплексная оценка эффективности деятельности строительных организаций является важнейшей задачей развития народно-хозяйственного комплекса, так как строительство, как хозяйственный комплекс определяет процесс воспроизводства остаточного эксплуатационного ресурса основных фондов страны. Объект исследования – строительный комплекс, как отрасль промышленности по воспроизводству пассивной части основных фондов страны. Предмет исследования – состояние отдельного хозяйствующего субъекта (элемента строительного комплекса), характеризующееся комплексностью. В исследовании представлена группировка показателей: финансовые, операционные, стратегические, показатели устойчивости, которые в комплексно и в полной мере характеризуют состояние строительной организации. Аргументируется необходимость оценки эффекта, как комплексного аддитивного показателя бюджетного, социального и экономического эффектов. Представлены стратегические инструменты для организации системы комплексной оценки эффективности строительных организаций в современных условиях.

Ключевые слова: бюджетный эффект, социальный эффект, экономический эффект, социальная ответственность, финансовое положение.

ZAYTSEVA Anastasiya Andreevna

postgraduate student of the Anatoliy Sobchak International Banking Institute

WAYS TO IMPROVE THE COMPREHENSIVE ASSESSMENT OF THE EFFECTIVENESS OF CONSTRUCTION ORGANIZATIONS IN MODERN ECONOMIC CONDITIONS

A comprehensive assessment of the effectiveness of the activities of construction organizations is the most important task of the development of the national economic complex, since construction, as an economic complex, determines the process of reproduction of the residual operational resource of the country's fixed assets. The object of research is the construction complex, as an industry for the reproduction of the passive part of the country's fixed assets. The subject of the study is the state of a separate economic entity (an element of a building complex), characterized by complexity. The study presents a grouping of indicators: financial, operational, strategic, sustainability indicators, which comprehensively and fully characterize the state of a construction organization. The necessity of evaluating the effect as a complex additive indicator of budgetary, social and economic effects is argued. Strategic tools for the organization of a system of integrated assessment of the effectiveness of construction organizations in modern conditions are presented.

Keywords: budget effect, social effect, economic effect, social responsibility, financial situation.

Комплексная оценка деятельности строительной организации требует использования набора показателей эффективности, охватывающих различные аспекты деятельности организации. Данные показатели можно разделить на несколько категорий экономической оценки и анализа, включая финансовые, операционные, стратегические показатели и показатели устойчивости.

- Финансовые показатели используются для оценки финансовых показателей деятельности строительных организаций. Эти показатели включают в себя такие показатели, как выручка, норма прибыли, окупаемость инвестиций и денежный поток. Финансовые показатели дают представление о финансовом состоянии организации и ее способности генерировать прибыль и денежный поток.

- Операционные показатели используются для оценки эффективности и результативности строительных организаций. Эти показатели включают в себя такие показатели, как время завершения проекта строительства, затраты на единицу продукции (кв. метр, куб метр), производительность и качество. Операционные показатели дают представление о способности организации выполнять проекты в срок, в рамках бюджета и в соответствии с требуемыми строительными нормами и правилами.

- Стратегические показатели используются для оценки стратегических показателей деятельности стро-

Зайцева А. А.

ительных организаций. Эти показатели включают такие показатели, как доля рынка, удовлетворенность клиентов, инновации технологий строительного производства и вовлеченность штатных сотрудников. Стратегические показатели дают представление о способности строительной организации достигать своих стратегических целей и создавать ценность результатов хозяйствования для заинтересованных сторон.

- Показатели устойчивости используются для оценки экологического и социального воздействия реализации проектов строительства строительных организаций. Эти показатели включают такие показатели, как углеродный след, сокращение отходов, вовлечение общественности и благоустройство общественного пространства в рамках концепции устойчивого развития. Показатели устойчивости дают представление о реализации концепции устойчивого развития и способности строительной организации вносить вклад в построение более устойчивого общественного пространства. Важным фактором устойчивости выступает социальная ответственность: «Далее в 1975 году Edward Bowman отмечает в своём исследовании, что социальная ответственность фактически является «корпоративной гражданской позицией», которая может быть количественно измерима» [1, с. 23], оценка которой может заключаться в размере расходной части на социальные программы.

Следует отметить, что, выбор конкретных показателей эффективности для комплексной оценки деятельности строительной организации должен быть адаптирован к конкретным потребностям и целям организации (гражданское строительство, промышленное строительство, строительство линейных объектов). Разные организации могут расставлять приоритеты по разным показателям в зависимости от их размера, сферы охвата и стратегических приоритетов хозяйствования. Например, крупная строительная организация может отдавать приоритет финансовым показателям, таким как выручка и норма прибыли, в то время как организация меньшего размера может отдавать приоритет операционным показателям, таким как производительность и качество объекта строительства. Аналогичным образом, строительная организация, в своей деятельности ориентирующаяся на принципы устойчивого развития, может уделять приоритетное внимание таким показателям устойчивости, как углеродный след и сокращение отходов. Кроме того, использование показателей эффективности для комплексной оценки строительной организации должно дополняться другими инструментами и методами оценки. Они могут включать опросы, механизмы обратной связи и стратегии взаимодействия с заинтересованными сторонами, которые могут дать дополнительную информацию о результатах деятельности организации и восприятии заинтересованных сторон, включая органы государственного регулирования и контроля. Также использование показателей эффективности для комплексной оценки строительной организации должно быть частью более широкой системы управления эффективностью, которая включает постановку целей, мониторинг и оценку. Эта система должна быть разработана таким образом, чтобы согласовывать цели организации с результатами индивидуальной деятельности, а также обеспечивать обратную связь и признание сотрудников. Таким образом, комплексность должна включать в себя три элемента, формирующих эффективность хозяйствования: бюджетный, социальный и экономический. Бюджетный эффект предполагает поступление в доходную часть бюджета разных уровней от реализации проектов строительства. Социальный эффект, методически самый сложный в расчёте из трёх перечисленных представляет собой следующее: «Социальный эффект - это положительное изменение уровня жизни социальной группы (индивида), в виде увеличения потребления продукции, услуг и т. д. и качества жизни, в виде появления новых прогрессивных альтернатив относительно существующих, в результате реализации инвестиционного процесса сторонними лицами при сохранении уровня реальных стоимостных затрат социальной группы (индивида)» [2, с. 64].

Для того чтобы реализовать комплексность в оценке эффективности деятельности строительной организации можно предложить ряд стратегических инструментов:

1. Разработка полного набора показателей эффективности: Использование всеобъемлющего набора показателей эффективности может обеспечить более точную и детальную оценку эффективности строительных организаций. Эти показатели должны охватывать различные аспекты деятельности организации, включая финансовые, операционные и стратегические показатели.

2. Чёткое определение понятия устойчивости с разработкой целевых уровней и состояний устойчивости: Показатели устойчивости должны быть включены в показатели эффективности реализации проектов строительства, формируя самостоятельный раздел экологического и социального воздействия проектов строительства, данный шаг может помочь организациям улучшить свои методы обеспечения устойчивости и продемонстрировать свою приверженность устойчивому развитию.

3. Использование бенчмаркинга: Бенчмаркинг можно использовать для сравнения результатов деятельности строительных организаций с отраслевыми стандартами и передовой практикой строительства в мире. Это может помочь строительным организациям определить области для улуч-

шения технологий строительства и внедрить передовые методы управления реализацией проектов строительства для повышения своей эффективности.

4. Внедрение систем управления производительностью: Системы управления производительностью могут использоваться для мониторинга и оценки эффективности строительных организаций. Эти системы должны быть разработаны таким образом, чтобы согласовывать стратегические цели организации с результатами индивидуальной деятельности, а также обеспечивать обратную связь и признание сотрудников.

5. Внедрение технологий автоматизации и механизации комплексной оценки и учёта: Использование технологии может повысить эффективность строительных организаций. Например, использование информационного моделирования зданий (BIM) может повысить точность и скорость разработки строительных проектов, в то время как использование программного обеспечения для управления проектами может улучшить планирование и координацию проектов.

6. Формирование удовлетворенности заказчиков: Удовлетворенность заказчиков должна быть ключевым показателем эффективности строительных организаций. Это можно измерить с помощью опросов, механизмов обратной связи и других стратегий взаимодействия с клиентами. Сосредоточившись на удовлетворении потребностей заказчика, строительные организации могут улучшить свою репутацию, привлечь новых заказчиков и увеличить свои доходы.

7. Развитие технической культуры постоянного совершенствования: Строительные организации должны развивать культуру постоянного совершенствования для повышения своей эффективности. Этого можно достичь, поощряя сотрудников определять области для улучшения, предоставляя возможности для обучения и развития, а также поощряя повышение квалификации основных работников строительной организации.

8. Создание эффективной системы поощрения и компенсации в рамках сдельной системы оплаты труда: Сотрудничество и командная работа необходимы для эффективной реализации строительных проектов. Строительные организации должны развивать эффективную систему поощрения и компенсации результативности работников и рабочих, чтобы улучшить коммуникацию, координацию и принятие решений.

Заключение

В заключение необходимо отметить, что выбор показателей эффективности для комплексной оценки строительной организации должен соответствовать специфике вида строительства (существует значительная разница, например, между строительством мостов или малоэтажным строительством). Применяя всесторонний и интегрированный подход к оценке эффективности, строительные организации могут повысить свою эффективность, усовершенствовать практику устойчивого развития и достичь своих организационных целей.

Пристатейный библиографический список

1. Сухова О. В. Социальный подход в системе вознаграждения и оплаты труда управленческого персонала в строительстве // Дискуссия. – 2021. – № 6 (109). – С. 20-26. – DOI 10.46320/2077-7639-2021-6-109-20-26. – EDN ROIKRV.
2. Хайруллин В. А., Ахундов Э. Р., Кузнецов Д. В., Зенцов В. Н. Оценка социального и бюджетного эффекта при реализации инвестиционных проектов затратного типа в строительстве. – Казань: Общество с ограниченной ответственностью «Бук», 2021. – 226 с. – ISBN 978-5-00118-689-2. – EDN UJFIKO.

КЛЯВЛИНА Яна Марсовна

кандидат экономических наук, доцент Уфимского государственного нефтяного технического университета

КЛЯВЛИН Марс Салихович

доктор химических наук, профессор Уфимского государственного нефтяного технического университета

БАКИЕВА Диана Илшатовна

студент Уфимского государственного нефтяного технического университета

АСЛАНЯН Давид Варданович

студент Уфимского государственного нефтяного технического университета

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КАТАЛИТИЧЕСКИХ ФИЛЬТРУЮЩИХ МАТЕРИАЛОВ ПРИ ОБЕЗЖЕЛЕЗИВАНИИ И ДЕМАНГАНАЦИИ

В данной статье приведены современные каталитические фильтрующие загрузки отечественного производства, которые применяются в целях очистки воды. Как технологическая структура, фильтрующий материал описывается рядом параметров, которые воздействуют на сооружения, как и на сам результат водоподготовки. Меняя данные параметры, можно предопределять эффективность сооружений, так и качество подготовленной воды, а при разработке технологии для водоподготовки нужно определять более экономичные параметры фильтрующего материала. Исследования показывают, что фильтрующая загрузка в процессе обезжелезивания и деманганации является основным фактором, обуславливающим удаление марганца и железа из подземных вод.

Ключевые слова: водоподготовка, деманганация, обезжелезивание, эффективность удаления железа и марганца, каталитические фильтрующие загрузки, МЖФ, МФО-47, Сорбент АС, Сорбент АС+МС, кварцевый песок, напорный фильтр, экономическая оценка.

KLYAVLINA Yana Marsova

Ph.D. in economical sciences, associate professor of the Ufa State Petroleum Technical University

KLYAVLIN Mars Salikhovich

Ph.D. in chemical sciences, professor of the Ufa State Petroleum Technical University

BAKIEVA Diana Ilshatovna

student of the Ufa State Petroleum Technical University

ASLANYAN David Vardanovich

student of the Ufa State Petroleum Technical University

COMPARATIVE ECONOMIC EVALUATION OF THE USE OF CATALYTIC FILTER MATERIALS IN DE-IRONING AND DEMANGANATION

This article presents modern catalytic filter loadings of domestic production, which are used for water purification. As a technological structure, the filter material is described by a number of parameters that affect the structures, as well as the result of water treatment itself. By changing these parameters, it is possible to determine the efficiency of structures and the quality of the prepared water, and when developing a technology for water treatment, it is necessary to determine more economical parameters of the filter material. Studies show that the filter loading in the process of degreasing and demanganation is the main factor causing the removal of manganese and iron from groundwater.

Keywords: water treatment, demanganation, degreasing, iron and manganese removal efficiency, catalytic filter loadings, MFF, MFO-47, Sorbent AC, Sorbent AC+MS, quartz sand, pressure filter, economic assessment.

Введение

В настоящее время на рынке представлено большое количество установок по обезжелезиванию и деманганации, как зарубежного, так и отечественного производства. Как правило, в данных установках применяется каталитический метод извлечения из воды растворенных соединений железа и марганца с предварительной обработкой одним или комбинацией реагентов.

Основу большинства установок обезжелезивания и деманганации подземных вод составляет напорный автоматический фильтр, загруженный каталитической фильтрующей загрузкой. Наибольшее распространение получили фильтры зарубежного производства, так как отличаются от отечественных современным дизайном, качеством исполнения, надежностью работы, эксплуатационными характеристиками и уровнем автоматизации.

Цель данной работы заключалась в подборе и выявления экономической целесообразности состава каталитической

фильтрующей загрузки для напорного автоматического фильтра.

Основная часть

Использование каталитических фильтрующих материалов позволяет нам уменьшить объем фильтровальных сооружений, ускорить процесс окисления растворенных соединений марганца и железа, добиться высоких показателей очистки воды при водоподготовке, что особенно актуально при разработке технологии водоподготовки, адаптированной к конкретным местным условиям, для водопотребителей. Данные преимущества позволяют существенно снизить затраты на оборудование и обслуживание на станции водоподготовки [1].

Особый интерес представляют собой каталитические материалы отечественного производства, имеющие оптимальное соотношение цена/качество, устойчивые к хлорным реагентам, имеющую небольшую насыпную плотность и не

Таблица 1. Сравнительная характеристика фильтрующих загрузок

Рабочие условия	Название фильтрующего материала			
	МЖФ	МФО-47	Сорбент АС	Сорбент МС
Скорость фильтрования, м/ч	7-12	8-15	10-20	10-15
Интенсивность промывки, л/с на 1 м ²	10	5,5-7,0	5,5	14,0-16,5
Регенерация	Обратная промывка			
Крупность загрузки	0,5-1,5	0,5-1,5	0,7-1,5	0,5-1,0
Высота слоя загрузки, мм	Не менее 700	Не менее 700	400-1000	400-1000
Стоимость материала, руб/л	170	96	87,04	66

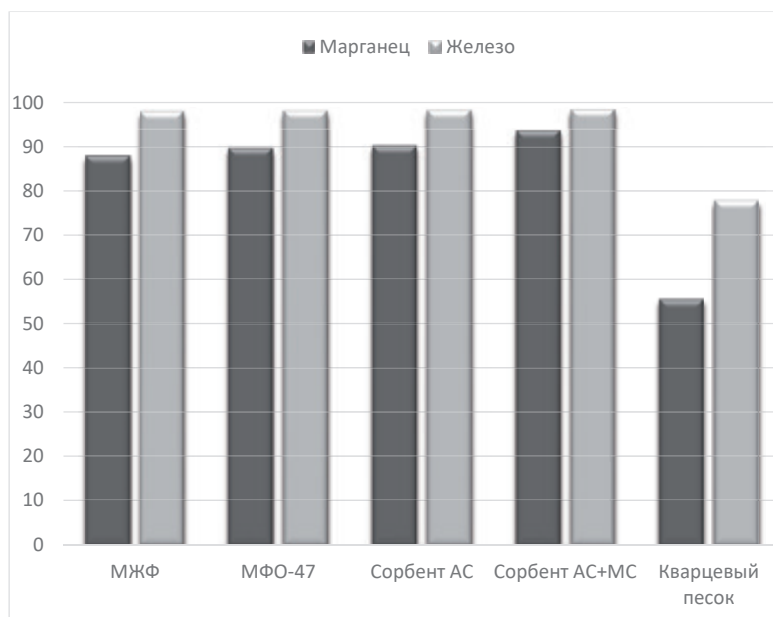

Рисунок 1. Эффективность удаления железа и марганца, %

требующие реагента для регенерации загрузки- что уменьшает стоимость данной технологии [2].

В качестве исследуемых материалов были отобраны современные каталитические фильтрующие загрузки отечественного производства: МЖФ, МФО-47, Сорбент АС, Сорбент АС+МС. При этом проводились сравнительные опыты с традиционным кварцевым песком.

Методы и материалы. Материалом исследования являлись выбранные образцы фильтрующих материалов. Исследование проводилось по схеме: окисление гипохлоритом натрия с последующим фильтрованием, также проводился анализ экономической целесообразности использования отечественных каталитических фильтрующих материалов.

Результаты и их обсуждение. Фильтрующие загрузки актуальны для технологий водоподготовки, потому что дополнительные сооружения и их обслуживание ведет к увеличению стоимости технологии. Для более детального сравнения, приведены характеристики фильтрующих загрузок в таблице 1.

На основании полученных экспериментальных данных построена диаграмма, показывающая эффективность удаления железа и марганца для исследуемых каталитических фильтрующих материалов.

По результатам исследований было установлено, что наилучшей по эффективности стала смесь каталитических материалов: сорбентов АС и МС. эффективность по железу составила -98,46%, марганцу-93,73%

Для определения экономической выгоды, фильтрующей загрузки Сорбента АС+МС, рассчитаем разницу с загрузками МЖФ, МФО-47, Сорбент-АС

$$P = X_{\text{МЖФ}} - X_{\text{АС+МС}} = 170 - 76,52 = 93,48 \text{ руб/л} \quad (1)$$

$$P = X_{\text{МФО-47}} - X_{\text{АС+МС}} = 96 - 76,52 = 19,48 \text{ руб/л} \quad (2)$$

$$P = X_{\text{АС}} - X_{\text{АС+МС}} = 87,04 - 76,52 = 10,52 \text{ руб/л} \quad (3)$$

По результат было определено, что экономически выгодным является фильтрующая каталитическая загрузка Сорбент АС+МС (в соотношении 50%/50%). Данный Сорбент АС+МС позволяет сократить затраты на сооружение – напорный фильтр.

Вывод

Подобрана каталитическая фильтрующая загрузка, которая повышает эффективность очистки по железу и марганцу, а также позволяет нам уменьшить затраты на закупку и обслуживание фильтрующих материалов для напорных фильтров при водоподготовке.

Пристатейный библиографический список

1. Николадзе Г. И. Обезжелезивание природных и оборотных вод. – М: Стройиздат, 1980. – 160 с.
2. Животнев В. С., Сукасян Б. Д. Обезжелезивание природных вод. – М., 1975. – 67 с.
3. СанПин 2.1.4.1074-01 Питьевая вода. Гигиенические требования к качеству воды централизованных систем питьевого водоснабжения. Контроль качества. – Москва, 2002. – С. 6.
4. СНиП 2.04.02-84*. Водоснабжение. Наружные сети и сооружения. – М.: Стройиздат, 1984. – 65 с.
5. Клявлиня Я. М., Клявлин М. С., Бобков О. В., Талипов Р. А. Повышение экономической эффективности при совершенствовании организации производственного процесса // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 12 (115). – С. 401-402.

КОСТЫЛЕВА Елена Геннадиевна

кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных и политических коммуникаций Уфимского государственного нефтяного технического университета

ГИМРАНОВ Азамат Альбертович

студент Уфимского государственного нефтяного технического университета

ПОСЛЕДСТВИЯ ПОВЫШЕНИЯ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА ДЛЯ РЫНКА ТРУДА

Авторы рассматривают влияние пенсионной реформы в России на рынок труда и отношение населения к факту повышения пенсионного возраста. Исследование основывается на данных авторского конкретно социологического исследования среди работающего населения и пенсионеров города Уфы Республики Башкортостан. Авторы проводят аналитический обзор публикаций экономистов и данных статистики для определения последствий пенсионной реформы для развития экономики страны.

Ключевые слова: пенсионная реформа, рынок труда, население страны.

KOSTYLEVA Elena Gennadjevna

Ph.D. in sociological sciences, associate professor of Social and political communications sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technological University

GIMRANOV Azamat Albertovich

student of the Ufa State Petroleum Technological University

CONSEQUENCES OF RAISING THE RETIREMENT AGE FOR THE LABOR MARKET

The authors consider the impact of the pension reform in Russia on the labor market and the attitude of the population to the fact of raising the retirement age. The study is based on the data of the author's sociological study among the working population and pensioners of the city of Ufa, Republic of Bashkortostan. The authors conduct an analytical review of publications of economists and statistical data to determine the consequences of the pension reform for the development of the country's economy.

Keywords: pension reform, labor market, population of the country.

Актуальность исследования влияния повышения пенсионного возраста в России на рынок труда обусловлена следующими обстоятельствами. Во-первых, многие российские граждане не поддерживают факт повышения возраста выхода на пенсию. Во-вторых, это крайне важное событие для экономики с далеко идущими последствиями не только для самих пенсионеров, но и для всех россиян. Если положительные последствия от повышения пенсионного возраста для пенсионной системы государства вполне ясны, то последствия от принятия такой меры для населения и экономики страны не лежат на поверхности, что придает данному вопросу особую актуальность.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью оценить последствия увеличения пенсионного возраста для населения страны, а также на основании анализа оценок и установок общественного мнения определить уровень экономической активности и причин «ухода» будущих пенсионеров в «экономическую неактивность».

Достоверность результатов исследования подтверждается данными авторского социологического исследования, проведенного в 2018 году по проблеме повышения пенсионного возраста на примере РБ. В качестве основного метода исследования использовался метод группового анкетирования. В качестве респондентов выступили две категории населения города Уфы: работающее население и пенсионеры. Выборочная совокупность составила 427 человек. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных.

На первом этапе исследования мы провели анкетирование жителей города Уфы с целью изучения отношения населения к пенсионной реформе, а именно, повышению пенсионного возраста.

На втором этапе мы проанализировали мнение экспертов о последствиях пенсионной реформы для экономики Российской Федерации.

Как показали результаты проведенного нами опроса, подавляющее большинство опрошенных не поддерживают изменения пенсионной реформы. Так, 41% опрошенных выразил «скорее отрицательное» отношение, а 55% - «резко отрицательное» отношение. Сторонники повышения пенсионного возраста составляют 4% опрошенных, они из числа нынешних пенсионеров.

Причиной своего негативного отношения к повышению пенсионного возраста респонденты считают: «недостаточность рабочих мест» - 31%, «низкую продолжительность и качество жизни» - 41%, «ухудшение здоровья» - 9%, и другие причины.

По мнению опрошенных, изменение пенсионного возраста негативно скажется на репутации государства, так как данное нововведение большинство респондентов связывают с отказом госструктур от социального обязательства по пенсионным выплатам [6].

В качестве весомого аргумента против повышения пенсионного возраста 55% респондентов ссылаются на низкую среднюю продолжительность жизни россиян (66 лет), вследствие чего многие граждане могут не дожить до получения пенсии [7]. Большинство респондентов (52%) выбрали в качестве аргумента против повышения пенсионного возраста утверждение, что без пенсионных выплат будет наблюдаться резкое снижение уровня жизни россиян. Аналогичного мнения придерживается ряд экспертов, занимающихся изучением бедности в России [12], [14], [15], [16].

Кроме того, 45% пенсионеров, негативно оценивающих пенсионную реформу, отмечают, что у лиц старшего возраста значительно уменьшаются шансы трудоустройства и подработки. Опрошенные из категории работающего населения (47%) также прогнозируют ситуацию, связанную с ростом безработицы. Однако в качестве «группы риска» они называют молодежь. Так как пенсионеры будут вынуждены продолжать работать, чтобы сохранить свой уровень жизни

и работодатели будут продолжать сотрудничество с «проверенными» и более опытными кадрами. Данное мнение подтверждает ряд экспертов, подчеркивая, что работодатель, сотрудничая с пенсионерами избегает издержек, связанных с наймом и адаптацией новых работников [9], [11]. По статистическим данным ФСС в 2018 году большую часть (53,4%) безработных в Российской Федерации составляла молодежь до 29 лет [1].

Эксперты отмечают, что наиболее сложной может оказаться ситуация с поиском работы для лиц предпенсионного возраста, потерявших работу. Так как плохое здоровье не позволит им конкурировать с более молодыми кандидатами [4].

Эксперты указывают на усугубление проблемы бедности в России из-за опасности снижения темпов роста оплаты труда вследствие превышения предложения рабочей силы над его спросом [7].

Существенной проблемой вследствие повышения пенсионного возраста может стать снижение рождаемости [4], [8]. Так как «институт бабушек» оказывается под угрозой устранения из-за необходимости продолжать работать. Соответственно большое количество молодых женщин детородного возраста будет вынуждено либо прекращать работать, либо откладывать рождение ребенка на более поздний срок.

В качестве негативного последствия повышения пенсионного возраста эксперты указывают опасность роста теневой экономики. По данным Росстата, в России в 2016 году показатель потребности организаций в работниках для замещения вакантных рабочих мест снизился на 261,3 тыс.человек. Это составляет 2,2% от всего числа рабочих мест в стране. По данным РАНХиГС, зарплату «в конверте» сегодня получает порядка 33 млн человек, или 44,8% от общего количества занятого населения. Одновременно снижается доля россиян, которые при поиске работы выбрали бы место только с официальным оформлением [10].

Экономисты отмечают, что изменения в пенсионной форме выгодны для функционирования Пенсионного фонда России. Снижение совокупного объема выплат позволит проводить регулярную индексацию пенсий, улучшить статистические показатели функционирования пенсионной системы [17].

В условиях демографической «ямы» увеличение пенсионного возраста имеет положительное значение, так как увеличится численность трудоспособного населения, а также будет решена проблема квалифицированных кадров [3].

Одним из позитивных последствий повышения пенсионного возраста в РФ может стать рост инвестиций в человеческий капитал. Население, зная о том, что период трудовой жизни будет значительным, будет заинтересовано повышать свой уровень образования [5], [13]. Это, в свою очередь, выгодно для государства и общества.

Суммируя вышесказанное, заметим, что повышение пенсионного возраста для всех категорий граждан России не может рассматриваться как наиболее эффективный способ решения имеющихся проблем. Как было замечено, негативные последствия в таком случае вполне могут нивелировать положительный эффект для экономики государства. Пожалуй, оптимальным вариантом может стать постепенное повышение пенсионного возраста для отдельных категорий граждан, в первую очередь, не занятых на вредных производствах.

Пристатейный библиографический список

1. Габдулхакова Р. В., Козлова Ю. Б., Грогуленко Н. В. Медиаобраз: современные трактовки и подходы к изучению // Евразийский юридический журнал. 2021. № 4 (155). С. 406-407.
2. Гайсина Л. М., Левашов Д. А. Трудовой коллектив как институт социальной реабилитации людей с ограниченными возможностями // Интеллектуальные технологии и средства реабилитации и абилитации людей с ограниченными возможностями

- (ИТСП-2018). Труды III международной конференции. 2018. С. 325-329.
3. Гареев Э. С., Костылева Е. Г. Средний класс как элемент устойчивости социальной иерархии российского общества // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2016. № 3 (131). С. 73-77.
4. Грогуленко Н. В., Азаматова К. А., Арсланов А. А., Палаев П. С. Тренды контент-маркетинга в 2021 году // Евразийский юридический журнал. 2021. № 3. (154). С. 428-429.
5. Грогуленко Н. В., Левашов Д. А. Значение «цифровых компетенций» специалистов для развития информационных технологий на нефтегазовых предприятиях // Евразийский юридический журнал. 2022. № 5 (168). С. 436-437.
6. Иванова А. А., Шильдт Л. А. Общественный культурный кластер как система активного взаимодействия социальных слоев города Уфы // Вестник молодого ученого УГНТУ. 2015. № 2 (2). С. 99-101.
7. Карачурина Г. Г., Шильдт Л. А., Тупикина П. С. Кризис 2020 как фактор снижения инвестиций в мировую нефтегазовую отрасль // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2021. № 2 (158). С. 52-56.
8. Козлова Ю. Б., Костылева Е. Г., Литвиненко И. Л. Оптимизация экономической эффективности каналов и инструментов коммуникации в условиях долгосрочной вирусной пандемии: проблемы и тенденции // Экономика и государство: новые стимулы и вызовы экономического развития в условиях долгосрочной вирусной пандемии. Москва, 2022. С. 154-189.
9. Костылева Е. Г., Вахитова Р. Т., Бикбулатова Д. Р., Бирюзов О. С. Электоральное поведение студентов российских вузов // Евразийский юридический журнал. 2020. № 1 (140). С. 363-364.
10. Костылева Е. Г., Зарипова Д. Р. Условия формирования модели инновационного развития нефтегазовой отрасли России на примере предприятия «Роснефть» // Евразийский юридический журнал. 2021. № 4 (155). С. 450-451.
11. Костылева Е. Г., Юсупов Р. М., Юсупова Г. Р. Отношение российской молодежи к электоральным процессам // Евразийский юридический журнал. 2019. № 12 (139). С. 351-352.
12. 12. Kosintseva T. D., Khairullina N. G., Gluhik I. N., Pryakhina E. N., Nikiforov A. Yu., Bogdanova J.Z. The life of young Russia: value orientations and life paths // Espacios. 2017. T. 38. № 56. С. 25.
13. 13. Bakulina Yu. V., Nikiforov A. Yu., Minakov P. A., Burangulov E. R. The role of education in shaping the ecological culture of contemporary students // Education in the Asia-Pacific Region. 2022. T. 65. С. 23-30.
14. 14. Gaisina L. M., Barbakov O. M., Koltunova Yu. I., Shakirova E. V., Kostyleva E. G. Social management systems' modeling based on the synergetic approach: methods and fundamentals of implementation // Academy of Strategic Management Journal. 2017. Vol. 16. № Specialissue 1. pp. 83-95.
15. 15. Kostyleva E. G., Safin T. I., Galin I. N. Influence of digitalization of economy on social responsibility of engineering workers of fuel and energy complex // Евразийский юридический журнал. 2020. № 7 (146). С. 446-447.
16. 16. Kostyleva E. G., Grogulenko N. V., Valitova N. E., Gareev E. S. Impact of the process of digitalization of the economy on deviant forms of economic behavior // Business 4.0 as a Subject of the Digital Economy. Cham, 2022. С. 433-438.
17. 17. Kostyleva E. G., Grogulenko N. V., Valitova N. E., Gareev E. S. Social responsibility of engineering staff workers as a factor in the economic growth of the national economy // Business 4.0 as a Subject of the Digital Economy. Cham, 2022. С. 81-86.

ПОЛЬШАКОВА Наталья Викторовна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры цифровой экономики и информационных технологий Орловского государственного аграрного университета имени Н. В. Парахина

УВАРОВА Марина Николаевна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры цифровой экономики и информационных технологий Орловского государственного аграрного университета имени Н. В. Парахина

ГРИШИНА Светлана Юрьевна

кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры цифровой экономики и информационных технологий Орловского государственного аграрного университета имени Н. В. Парахина

ДИМОВ Алексей Александрович

старший преподаватель кафедры цифровой экономики и информационных технологий Орловского государственного аграрного университета имени Н. В. Парахина

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ АПК РЕГИОНА В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В публикации раскрываются основные характеристики диагностики текущего состояния и перспектив внедрения цифровых технологий в производственные процессы регионального АПК. Авторами обосновывается актуальность их использования для формирования вектора эффективного функционирования сельского хозяйства, которое имеет важное значение для обеспечения требуемого уровня национальной продовольственной безопасности. В исследовании акцентируется внимание на необходимости создания благоприятных условий для использования средств и инструментов цифровизации в бизнес-процессах АПК, которые могут повысить их производительность и обеспечить прирост материального продукта.

Ключевые слова: цифровая экономика, сельскохозяйственные организации, цифровизация сельского хозяйства, цели цифровой трансформации, задачи цифровой трансформации.

POLSHAKOVA Natalya Viktorovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor, associate professor of Digital economics and information technologies sub-faculty of the N. V. Parakhin Orel State Agrarian University

UVAROVA Marina Nikolaevna

Ph.D. in economical sciences, associate professor, associate professor of Digital economics and information technologies sub-faculty of the N. V. Parakhin Orel State Agrarian University

GRISHINA Svetlana Yurjevna

Ph.D. in physical and mathematical sciences, associate professor, associate professor of Digital economics and information technologies sub-faculty of the N. V. Parakhin Orel State Agrarian University

DIMOV Alexey Alexandrovich

senior lecturer of Digital economics and information technologies sub-faculty of the N. V. Parakhin Orel State Agrarian University

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF THE REGION IN THE DIGITAL SPACE

The publication reveals the main characteristics of diagnosing the current state and prospects for the introduction of digital technologies in the production processes of the regional agro-industrial complex. The authors substantiate the relevance of their use for the formation of a vector for the effective functioning of agriculture, which is important for ensuring the required level of national food security. The study focuses on the need to create favorable conditions for the use of digitalization tools and tools in the business processes of the agro-industrial complex, which can increase their productivity and ensure the growth of a material product.

Keywords: digital economy, agricultural organizations, digitalization of agriculture, goals of digital transformation, tasks of digital transformation.

Инновационные цифровые технологии 21 века скрывают большой потенциал для экономического роста АПК благодаря новым возможностям управления, автоматизации производственных процессов и точности. Цифровые технологии в значительной степени применимы к агропромышленному производству за счет его технологического разнообразия, и трудоемкости производственных процессов. Основной задачей цифровизации АПК является именно ослабление целевых конфликтов при возможности повышения эффективности и устойчивости агропромышленного производства путем кардинальных изменений качества управления не только производственно-технологическими процессами, но и процессами принятия решений на всех уровнях управ-

ленческой пирамиды на основе использования современных способов производства, обработки и дальнейшего использования информации о состоянии контролируемого объекта и выработки прогнозных сценариев возможных изменений в управляемых объектах и подсистемах.

Опыт и практика как зарубежных так и отечественных сельскохозяйственных производителей говорят о том, что применение современных информационных технологий позволяет сформировать оптимальные почвенно-агротехнические и организационно-территориальные условия, которые способны обеспечить значительное повышение урожайности и производительности труда, снижение материальных затрат на ГСМ, электроэнергию, средства защиты растений,

и других видов расходов, а так же сохранение плодородия почв и защиту окружающей среды [8].

«Индустрия 4.0» и глобальное внедрение цифровых технологий, которые меняют структуру и облик экономики стран и целых регионов, вызывает рост внутриотраслевой конкуренции, расширение рынков, а также, повышение конкурентоспособности отраслевых производств отдельных стран. Результатом этих процессов является рост национальных экономик [6]. Актуальность и необходимость внедрения цифровых технологий в социально-экономическую сферу государства в целом и в отрасли АПК в части, регламентируются Распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [1]. Применение IT-технологий и автоматизации производственных процессов в АПК позволяет решить многие задачи непосредственно связанные со значительным увеличением объема получаемых и обрабатываемых данных, повышением достоверности их анализа, которые лежат в основе принятия технологических и управленческих решений [9] в ходе производства и реализации продукции сельского хозяйства.

Чтобы оценить текущее состояние цифровизации АПК, рассмотрим ряд статистико-аналитических показателей. Для обеспечения бесперебойной работы IT-инструментария необходимо использование сети Internet в предприятиях АПК. В настоящее время Internet в своей деятельности используют 82 % аграрных предприятий [4], трудности могут быть связаны с недостаточным покрытием и низким качеством сети на сельских территориях. Сельскохозяйственные предприятия характеризуются более низким, чем в среднем по экономике, уровнем внедрения цифровых технологий.

Наиболее активно применяются в АПК геоинформационные системы. Так, доля предприятий АПК, использующих ГИС составляет 14,6 %. Использование промышленных роботов сельскохозяйственными предприятиями в 2022 году составила 4,1 % организаций. Доля предприятий АПК использующих технологии извлечения и анализа больших данных (Big Data) и систем искусственного интеллекта в этом же периоде составила 4,6 % и 2,2 % соответственно. Удельный вес применяющих такие решения предприятий — в 2 раза ниже, чем в экономике страны в целом [2]. Внедрение цифровых технологий в производственные процессы подталкивает сельскохозяйственные предприятия к активному использованию информационных систем и специализированного программно-прикладного обеспечения. В 2022 году доля сельскохозяйственных предприятий, использующих специализированное программное обеспечение, существенно ниже, чем во многих других отраслях экономики. По данным ИСИЭЗ НИУ ВШЭ такие системы как ERP, MES востребованы в основном лишь крупными предприятиями и агрохолдингами.

Для малых форм агробизнеса потребности в цифровой инфраструктуре гораздо ниже чем у агрохолдингов и возможности ее выстраивания существенно ограничены, а обеспечение B2B (бизнес для бизнеса) и B2C (бизнес для потребителя) - взаимодействия, как известно, строится на интеграции в уже сложившиеся цифровые экосистемы крупных производителей [6]. Однако, некоторые цифровые продукты востребованы со стороны нишевых производителей и предприятий малого и среднего бизнеса [7]. Данные оснащенности предприятий АПК компьютерным оборудованием и используемыми ими IT-технологиями для реализации производственной деятельности, говорят о сокращении ис-

пользования персональных компьютеров на 1,4 процентных пункта сельскохозяйственными товаропроизводителями Орловской области обусловлено внедрением в производственные процессы мобильной компьютерной техники, при этом на 26 п.п. выросло количество серверов, что говорит об активном использовании облачных сервисов, увеличение которых по сравнению с 2010 годом в 2021 году составило 20 п.п. Использование облачных технологий, естественно, не возможно без организации и использования доступа к сети Internet, темпы роста которого в анализируемом периоде увеличились на 31,6 п.п.

Сокращение использования персональных компьютеров на 1,4 п.п. сельскохозяйственными товаропроизводителями Орловской области обусловлено внедрением в производственные процессы мобильной компьютерной техники, использование которой невозможно без организации и использования доступа к сети Internet, темпы роста которого в анализируемом периоде увеличились на 31,6 п.п. В условиях санкционного давления и мер по импортозамещению российский IT-рынок стал динамично развиваться. Так, при интенсивной реализации национальной программы за десять лет (2012-2022 гг.) охват Интернетом сельскохозяйственных предприятий увеличился в 5 раз, однако уровень использования цифровых технологий зависит от категории хозяйств. Внедрение в производственные процессы управления предприятий АПК CRM, ERP, SCM-системами имеют положительную динамику. В среднем по стране прирост укомплектованности предприятий АПК аналогичными системами в 2021 году составляет 32 %. Следует отметить, что данный показатель, выше аналогичного в среднем по Российской Федерации. Данное обстоятельство позволяет с положительной стороны оценить внедрение цифровых технологий в деятельность предприятий АПК региона.

Ключевым индикатором реализации национальной программы является такой показатель как «Внутренние затраты на развитие цифровой экономики за счет всех источников по доле в валовом внутреннем продукте страны» [5]. По данным ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, валовые внутренние затраты на развитие цифровой экономики в Российской Федерации в 2021 г. составили более 4,5 трлн. руб., что на 19,4 % больше чем в 2020 году, причем их доля в ВВП, который продемонстрировал опережающие темпы роста – более 20 %, сократилась с 3,8 до 3,7 % [2].

Валовые внутренние затраты на развитие цифровой экономики в Орловской области в 2021 г. составили 2,8 млрд руб., что в 1,3 раза превышает тот же показатель за 2017 год. Доля внутренних затрат в ВРП, продемонстрировавшем опережающий рост (+15,8 %), увеличилась с 10,7 % в 2019 году до 12,9 % в 2021 году (рис. 1). Структура валовых внутренних затрат на развитие цифровой экономики по данным ФБГУ Центра экспертизы и координации информатизации распределяется следующим образом: – на связь и инфраструктуру – 57,6 %; – на информационные системы – 25,2 %; – электронное правительство 17,2 %. Все эти результаты указывают на достижение цифровой зрелости в Орловской области, которые планируется осуществлять в основном за счет поэтапного внедрения государственных информационных систем.

Одной из острых проблем в стратегии цифровой трансформации сельского хозяйства является высокая капиталоемкость затрат на внедрение цифровых технологий. Поэтому реализация ключевых целей цифровой трансформации – повышения производительности, организации эффективного сбыта продукции и – должна осуществляться с

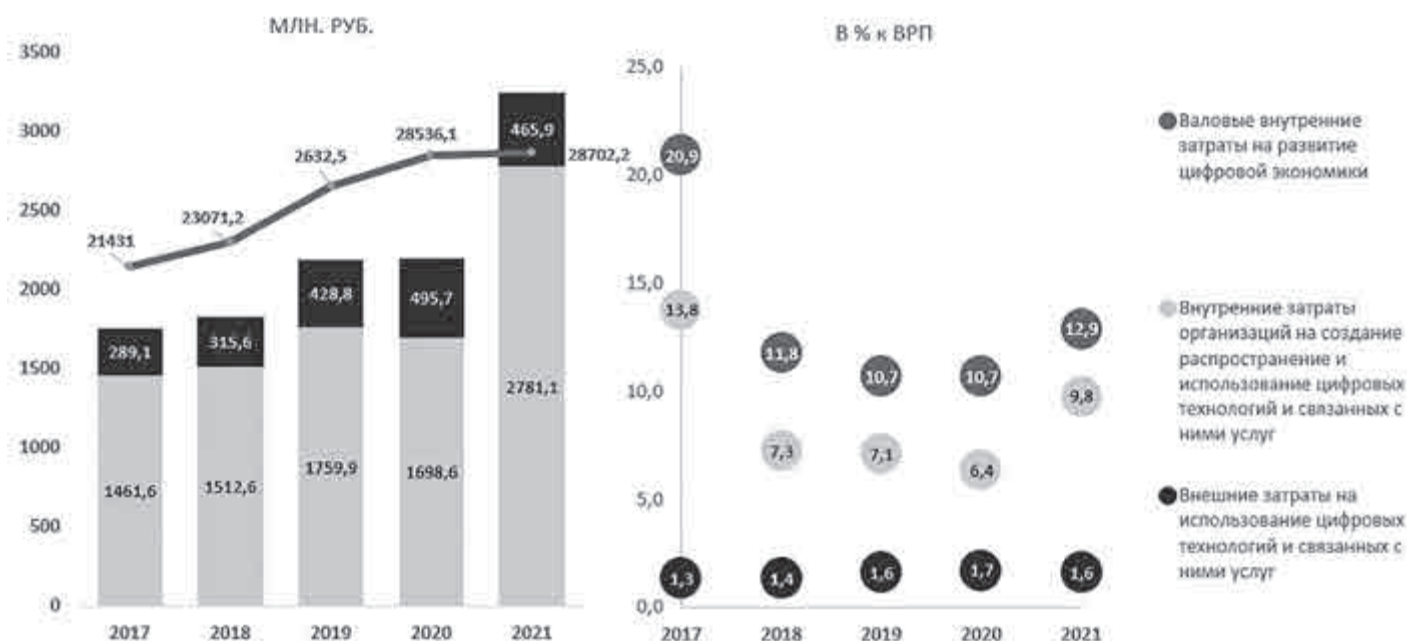

Рисунок 1. Затраты на внедрение и использование цифровых технологий в Орловской области

наименьшими затратами со стороны производителей и при поддержке государства, так как приоритетные технологии для цифровой трансформации отраслей АПК, требуют значительных капитальных вложений. Внедрение и эксплуатация IT-технологий выступает основным элементом повышения эффективности сельскохозяйственного производства в РФ, при этом являясь фактором достижения высокого уровня конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции. Основным вектором развития цифровой трансформации производственно-экономической деятельности предприятий АПК является создание «умного сельского хозяйства», основой которого выступает автоматизация большинства производственных процессов и управлении BigData. Анализ текущего уровня цифровых трансформаций сельскохозяйственного производства Орловской области позволил выявить положительную динамику в области применения агропромышленных предприятий CRM, ERP, SCM-системами, а также рост числа предприятий, активно использующих мобильные устройства, облачные и Web-технологии. Данные обстоятельства с положительной стороны характеризуют преобразования в области цифровизации АПК Орловской области, но в тоже время абсолютные значения рассмотренных показателей находятся на крайне низком уровне, что требует более активного использования стимулирующих инструментов, обеспечивающих повышение интенсификации применения цифровых технологий в сельском хозяйстве.

Пристатейный библиографический список

1. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
2. Абдрахманова Г., Ковалева Г. Рост затрат на развитие цифровой экономики: экспресс-информация ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. - М., 2022.
3. Буклагин Д. С., Мишуров Н. П., Федоренко В. Ф., Соловьев С. А., Балабанов В. И. Цифровые технологии и системы управления сельскохозяйственным про-

изводством. - М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2021 - 88 с.

4. Абдрахманова Г. И., Вишневецкий К. О., Гохберг Л. М. и др. Индикаторы цифровой экономики 2021: стат. сб. - Москва: НИУ ВШЭ, 2021. - 381 с.
5. Калиничева Е. Ю., Уварова М. Н., Кузнецова Т. М., Жилина Л. Н. Экономическая оценка агропромышленного комплекса региона в условиях цифровизации социально-экономических процессов // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. - 2021. - № 9.
6. Польшакова Н. В. Цифровая трансформация сельского хозяйства России как технологический прорыв и переход к Индустрии 4.0 // Вызовы современности и стратегия развития аграрной экономики. Материалы международной научно-практической конференции. - Орел, 2022. - С. 104-110.
7. Польшакова Н. В., Александрова Е. В. Автоматизация системы управления, анализа и планирования производственной деятельности НОПЦ «Интеграция» // Вестник аграрной науки. - 2021. - № 2 (89). - С. 52-159.
8. Трачук А. В., Линдер Н. В., Антонов Д. А. Влияние информационно-коммуникационных технологий на бизнес-модели современных компаний // Стратегические решения и риск-менеджмент. - № 5. - С. 60-69.
9. Шатохин М. В., Гордеев И. А., Игнатова М. Н., Кремер К. А. Состояние и перспективы цифровизации регионального АПК // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. - 2021. - № 8.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-4-179-454-455

ПЧЕЛИНЦЕВА Светлана Александровна

доцент кафедры международных финансов и бухгалтерского учета Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики

ДАВЫДОВА Ольга Анатольевна

доцент кафедры международных финансов и бухгалтерского учета Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики

КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ МАЛОГО БИЗНЕСА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В данной статье авторы раскрывают основные проблемы, с которыми сталкиваются предприятия малого бизнеса в современных условиях. Авторы справедливо подчеркивают, что у малого бизнеса есть фундаментальные экономические проблемы, с которыми приходится иметь дело в современных условиях. В результате исследования проведен анализ основных проблем, с которыми столкнулись предприятия малого бизнеса в современных условиях. В заключении исследования авторы приходят к выводу, что несмотря на большое количество проблем, возникающих на пути развития малого бизнеса, прослеживается положительная тенденция в разрушении стереотипов и поиск новых возможностей для бизнес.

Ключевые слова: проблемы малого бизнеса, малый бизнес, автоматизация, повышение конкурентоспособности, глобализация, цифровизация, инновации.

PCHELINTSEVA Svetlana Alexandrovna

associate professor of International finance and accounting sub-faculty of the St. Petersburg University of Management and Economics Technologies

DAVYDOVA Olga Anatoljevna

associate professor of International finance and accounting sub-faculty of the St. Petersburg University of Management and Economics Technologies

KEY PROBLEMS OF SMALL BUSINESS IN MODERN CONDITIONS

In this article, the authors reveal the main problems faced by small businesses in modern conditions. The authors rightly emphasize that small businesses have fundamental economic problems that they have to deal with in modern conditions. As a result of the study, the analysis of the main problems faced by small businesses in modern conditions was carried out. In the conclusion of the study, the authors conclude that despite the large number of problems that arise on the path of small business development, there is a positive trend in the destruction of stereotypes and the search for new business opportunities.

Keywords: problems of small business, small business, automation, increasing competitiveness, globalization, digitalization, innovation.

Пчелинцева С. А.

Давыдова О. А.

В связи с меняющейся социально-экономической, политической, демографической ситуацией необходимо проанализировать наиболее значимые аспекты проблемы малого бизнеса в современных условиях. В современных условиях происходит усиление конкуренции, в связи с чем руководители бизнеса постоянно ищут новые рычаги повышения конкурентоспособности и инструменты управления бизнесом [2, с. 86-90].

При этом повышение конкурентоспособности распространяется на все уровни ее иерархии продукции (товаров и услуг), предприятия, отрасли, региона и страны в целом, но особое значение имеет конкурентоспособность предприятия как основной составляющей экономики [4].

В современных условиях проблемы малого бизнеса в России являются актуальными. В период финансового кризиса стране нужны предприниматели, активно участвующие в общественной жизни. Малый бизнес достаточно мобилен в рыночной системе. Это также создает атмосферу конкуренции и быстро окупается. Конкурируя друг с другом, предприниматели вынуждены постоянно прогрессировать и развиваться. В результате качество товаров и услуг поднимается на новый уровень. [5, с. 271-273].

Над изучением проблем малого бизнеса в современных условиях работали большое количество ученых: Мурыгина Л. С., Портер Э. М., Хамидуллин Ф. Ф. и другие, однако данный вопрос требует глубоко изучения.

У малого бизнеса есть фундаментальные экономические проблемы, с которыми приходится иметь дело. В каждой отдельном малом бизнесе, ресурсы очень сильно ограничены. В результате решения относительно использования ресурсов должны приниматься совместно отдельными лицами, деловыми корпорациями и обществом. На наш взгляд, на началь-

ном этапе развития малого бизнеса встают три ключевые фундаментальные проблемы.

Что производить? предприниматель должен определять, какие продукты и услуги и в каком объеме производить. Так или иначе, такого рода решения должны координироваться в каждом обществе. В некоторых случаях правительство решает. В других случаях потребители и производители принимают совместные решения, чтобы выяснить, на что будут использованы ресурсы общества. В рыночной экономике выбор «что производить?» осуществляется главным образом покупателями, действующими в своих собственных интересах для удовлетворения своих потребностей. Их требования удовлетворяются организациями, стремящимися к прибыли.

В случае, если производитель производит товар, который покупатели не покупают в большом количестве, вероятнее всего, он получит низкий доход. Производителю придется повышать качество и модифицировать продукт в соответствии со вкусами покупателя. Если товар по-прежнему не пользуется спросом, производитель, скорее всего, прекратит производство. Таким образом, покупатели получают товары, в которых они нуждаются.

Клиенты принимают решение «что?». Они выбирают определенные товары и услуги, тратя деньги на те, которые им нравятся. Каждый производитель должен предлагать то, что хотят покупатели, чтобы они могли эффективно конкурировать с другими производителями. Государство также играет определенную роль в принятии решений, что производить. Например, закон, требующий, носить светоотражающие жилеты в темное время суток, влечет за собой спрос на светоотражающие жилеты, и предприятия, стремящиеся к прибыли, будут их производить.

«Как производить?» Эта основная проблема малого бизнеса касается сочетания ресурсов, которые необходимо использовать для создания каждого товара и услуги. Такого рода решения обычно принимаются малым бизнесом, который пытается создавать свои продукты с наименьшими затратами. В качестве примера: банковские учреждения заменили большинство своих сотрудников, обслуживающих прилавки, банкоматами, телефонным банкингом и сетевым банкингом. Эти электронные способы перемещения денег, использующие капитал в отличие от трудовых ресурсов, снизили производственные издержки банков.

Первоначальный подход к производству, использующий комбинацию ресурсов, которая включает небольшой капитал и много труда, является трудоемким, в то время как второй, использующий немного труда и много капитала, является капиталоемким. Каждое из этих решений было принято на основе самых дешевых и доступных современных технологий.

Для кого производить? Это проблема малого основана на том, кто какую долю продуктов и услуг, производимых малым бизнесом, получает. Доля продукции, которую может потреблять каждый человек и семья, определяется их доходом. Доход распределяется в соответствии со стоимостью ресурсов, которые малый бизнес должен продать.

Решение для кого может даже зависеть от нехватки квалифицированных кадров, и в этом случае организации будут обеспечивать более высокие доходы для привлечения работников с редкими навыками. Точно так же может потребоваться высокая заработная плата для привлечения работников в сельские районы.

Также немаловажными проблемами малого бизнеса в современных условиях являются следующие:

- *нехватка квалифицированных кадров*, с данной проблемой сталкиваются не только предприятия малого бизнеса, но и крупнейший предприятия обрабатывающие отрасли, строительные отрасли и т.д. т.к. молодое поколение с неохотой идет на тяжелый труд, а пожилое поколение уходит на пенсию. Для решения данной проблемы необходимо сотрудничать колледжами и предлагать учебные программы для преодоления дефицита квалифицированной рабочей силы;

- *автоматизация*, скорость автоматизации растет с каждым днем, потому что конкуренты используют это для достижения определенных преимуществ перед другими участниками рынка. Малым предприятиям нужно постоянно изучать новые технологии и разрабатывать свою долгосрочную стратегию, чтобы оставаться достаточно гибкими для прогнозирования возможного развития в вашей отрасли. Современный деловой мир довольно сложен, и он сопряжен с определенными рисками из-за информационных технологий;

- *глобализация*, вызовы глобализации затрагивают многие предприятия. Им необходимо понимать иностранную культуру, чтобы иметь возможность выходить на новые рынки со своими текущими услугами или продуктами. Эта способность также важна для создания новых продуктов, распознавания появляющихся конкурентов и т.д. Владельцы предприятий могут решить эту главную проблему, если они лучше разбираются в международных рынках. Вот почему необходим подробный анализ или сбор информации;

- *неопределенность*, малый бизнес чувствует себя неуверенно из-за неопределенности на кредитных рынках, того, как на них повлияют нормативные акты, как будут вести себя конкуренты, как новые технологии повлияют на выпускаемые ими продукты или услуги все это приводит к тому, что бизнес ориентируется на краткосрочную перспективу, а не долгосрочную;

- *инновации*, незначительная часть малого бизнеса сосредоточилась на создании инновационной корпоративной культуры. Это указывает на то, что они борются с инновациями, потому что они им кажутся пугающими. Чтобы решить эту проблему, бизнесу необходимо стать более инновационным, сохраняя при этом чувство контроля над организацией, не забывая традиции;

- *отсутствие кредитного рейтинга*, агентства по оценке кредитоспособности часто не уделяют должного внимания малому бизнесу что создает большие проблемы отношении одного из наиболее важных критериев, предъявляемых банками и другими финансовыми учреждениями. И из-за связанных с этим неопределенностей банки всегда настаивают на том, чтобы их клиенты из малого бизнеса представляли приемлемый кредитный рейтинг и основывали свое решение на этой системе, чтобы контролировать риски;

- *дискриминация в процентных ставках по кредитам*, банки и другие финансовые учреждения, как правило, запрашивают личные гарантии у владельцев малого бизнеса и устанавливают процентные ставки на более высоком уровне, чем те, которые взимаются с крупных и устоявшихся компаний. Малому бизнесу очень сложно получить среднесрочные кредиты из-за несоответствия сроков погашения активов и обязательств. Долгосрочные кредиты получить легче, чем средне- и краткосрочные. Причина в том, что долгосрочные кредиты обеспечиваются ипотекой под залог имущества;

- *отсутствие доверия фондового рынка*, фондовые рынки зачастую не доверяют предложениям малого бизнеса, даже когда для этого недоверия нет обоснованных причин, это заставит фирму выпустить большее количество акций, что, в свою очередь, еще больше уменьшит прибыль небольшой компании;

- *техническое обслуживание и накладные расходы*, чем как только начинает расширяться бизнес, становится больше различных проблем. Однако самое интересное в том, что как только предприятие начнет увеличивать объемы производства, производственные мощности будут использоваться чаще и быстрее изнашиваться, а накладные расходы возрастут, потому что предприятие производит больше продукции;

- *нормативно-правовые аспекты*, меняющаяся нормативная среда является главной проблемой во многих отраслях. Кроме того, неопределенная финансовая среда или политическая усложняет положение многих предприятий сегодня. Никто не хочет иметь дело с неизвестными правилами и политиками. Чтобы решить эту распространенную бизнес-проблему, необходимо понимать значение государственной политики и нормативных актов в выбранной области. Также сложная экономическая ситуация в стране заставляет банки взимать очень высокие проценты за заимствования. Кредитование малого бизнеса является рискованным для банка. Налоги и административные барьеры вынуждают бизнесменов давать взятки [6, с. 46-49]. Согласно статистике, Россия заняла 138-е место в списке Индекса восприятия коррупции.

В заключение, обобщая вышесказанное, можно сделать следующий вывод, несмотря на большое количество проблем, возникающих на пути развития малого бизнеса, прослеживается положительная тенденция в разрушении стереотипов и поиск новых возможностей для бизнес. Сегодня государство оказывает всевозможные меры поддержки малому бизнесу, Минэкономразвития Российской Федерации разработало и утвердило Концепцию долгосрочного социально-экономического развития РФ [1, с. 46-61].

Неужных проблем можно избежать при правильном прогнозировании управления рисками и заблаговременном планировании пошаговых способов решения и уменьшения риска возникновения потенциально более серьезных проблем в ближайшие годы.

Пристатейный библиографический список

1. Бегзи А. Д. От плана к плану... Юбилей экономических органов Тувы и задачи стратегического планирования // Новые исследования Тувы. - 2011. - № 4 (12). - С. 46-61.
2. Закатенкова Д. С., Жуковский Д. А. Факторы конкурентоспособности промышленного предприятия. В сборнике: Развитие экономики и менеджмента в условиях перехода к цифровой экономике. Сборник научных трудов. Под общей редакцией К. А. Барму-ты. - Ростов-на-Дону, 2021. - С. 86-90.
3. Мурыгина Л. С. Теория малого предпринимательства в условиях рыночной экономики [Текст]: монография. - Челябинск: Изд-во ЗАО «Библиотека А. Миллера», 2018. - 212 с.
4. Портер, Э. М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов. - М.: Альпина Паблишер, 2019. - 453 с.
5. Сатарова Л. Ф., Соцкова С. И. Роль бухгалтерского учета в повышении эффективности малого бизнеса // Известия института систем управления СГЭУ. - 2017. - 1 (15). - С. 271-273.
6. Храмченко Н. А. Проблемы малого бизнеса в России. В сборнике: Всероссийский форум молодых исследователей. - 2021. - С. 46-49.

РАДЧЕНКО Елена Павловна

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела изучения проблем управления и реформирования уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

ВДОВИНА Алина Нафисовна

старший научный сотрудник отдела по исследованию проблем трудовой занятости осужденных и экономических проблем функционирования уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ СРЕДСТВ В ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ СЕКТОР УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена исследованию повышения экономической эффективности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Отметим, что в настоящее время отмечается замедление роста мировой экономики после пандемии и введенных западными странами санкций. Современное «партнерство» в рамках ГЧП строится на основании взаимовыгодной кооперации государственных и частных структур, создаваемых под определенные цели и опирающихся на соответствующие договоренности сторон.

Ключевые слова: экономика, осужденные, безопасность, государственно-частное партнерство, уголовно-исполнительная система.

RADCHENKO Elena Pavlovna

Ph.D. in economical sciences, leading researcher of the Department for the Study of Problems of Management and Reform of the Penal System of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penal System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service»

VDOVINA Alina Nafisovna

senior researcher of the Department for the study of the problems of employment of convicts and economic problems of the functioning of the Penitentiary System of the Center for the Study of Problems of Management and organization of the execution of Sentences in the Penal System of the Federal Penitentiary Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia

CONCEPTUAL SOLUTIONS FOR ATTRACTING INVESTMENT FUNDS TO THE PRODUCTION SECTOR OF THE PENAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to the study of increasing the economic efficiency of the penal system of the Russian Federation. It should be noted that at present there is a slowdown in the growth of the world economy after the pandemic and the sanctions imposed by Western countries. Modern "partnership" within the framework of PPP is built on the basis of mutually beneficial cooperation of public and private structures created for specific purposes and based on the relevant agreements of the parties.

Keywords: economy, convicts, security, public-private partnership, penal enforcement system.

Постановка проблемы и актуальность темы исследования. В уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (далее – УИС) функционируют центры трудовой адаптации осужденных, в которых созданы рабочие места [1].

Кроме того, привлечение осужденных к общественно полезному труду в указанных выше центрах решает задачу возмещения денежных средств по исполнительным листам.

В сложившейся ситуации, при спаде экономических показателей в стране и санкционных ограничениях, перед обществом и государством встает актуальный вопрос, могут ли центры трудовой адаптации, созданные как структурные подразделения исправительных учреждений, взаимодействовать с «организацией любой организационно-правовой формы» для трудоустройства осужденных к лишению свободы. Поэтому целесообразно продолжить исследования в направлении повышения эффективности функционирования производственного сектора УИС посредством применения механизмов государственно-частного партнерства (далее – ГЧП) [2]. Вопросы государственного регулирования и взаимодействия УИС и бизнес-сообщества, трудовой занятости осужденных широко освещались в работах отечественных ученых, таких как: В. В. Носов, М. Н. Козин, В. И. Андреев, В. А. Седых, И. Я. Суржанская, Е. А. Мурзина, С. Х. Шамсунов. Значительный вклад в развитие и решение проблем ГЧП в России внесли такие отечественные ученые, как: В. С. Ефимов, В. Г. Варнавский, А. В. Клименко, В. А. Королев и другие [3].

Материалы и методы исследования. На законодательном уровне закреплены положения о государственной поддержке учреждений в организации производственной деятельности. Данные нормы отражены в Законе об учреждениях и органах, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы, предусматривающие обязанность Прави-

тельства Российской Федерации размещать заказы для удовлетворения государственных нужд на собственном производстве учреждений.

Предприниматели, бизнес, особенно региональный, в условиях дефицита квалифицированных рабочих кадров, площадей для расширения своей деятельности заинтересованы в том, чтобы такое сотрудничество расширять. Но есть ряд особенностей, с которыми сталкиваются в процессе взаимодействия: с одной стороны, организации, а с другой сама УИС, которая заинтересована, чтобы с ней взаимодействовал бизнес [4]. При этом имеется ряд проблемных вопросов, требующих своего решения: не хватает информационной поддержки, отсутствие выделения денежных средств на участие в выставках, устаревшее оборудование, которое не позволяет разворачивать современное производство.

Результаты. В процессе исследования были разработаны вопросы к анкетам, которые были направлены в некоторые территориальные органы УИС и представителям бизнес-сообществ, расположенных в разных регионах России. Всего в опросе было задействовано 100 респондентов, но ответы получены от 78. Таким образом, в результате опроса были выявлены факторы, оказывающие влияние на эффективность взаимодействия производственных подразделений исправительных учреждений УИС с бизнес-структурами, представленные в таблице 1.

С целью привлечения бизнес-структур к совместным работам с УИС в рамках ГЧП необходимо рассмотреть и возможность проекции ряда льгот. В информационном поле по средствам Министерства промышленности и торговли необходимо интегрировать данные о производственной деятельности УИС и продолжить работу в направлении размещения информации о ресурсах УИС для бизнес-сообщества.

Таблица 1. Факторы, оказывающие влияние на эффективность взаимодействия производственных подразделений исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы с бизнес-структурами

№	Факторы, обеспечивающие эффективность взаимодействия бизнеса с производственными подразделениями исправительных учреждений УИС	Факторы, препятствующие эффективному взаимодействию бизнеса с производственными подразделениями исправительных учреждений УИС
1	Безвозмездная передача площадей	Конкуренция среди производителей аналогичной продукции
2	Недорогая рабочая сила	Недобросовестные поставщики
3	Возможность обучения персонала под потребности партнера	Низкая квалификация труда осужденных к лишению свободы
4	Доступ к рынку сбыта продукции	Потеря времени и простои транспортных средств, связанные с особым пропускным режимом
5	Индивидуальный подход к каждому клиенту	Недостаточно разработанные нормативно-правовые акты
6	Снижение или полное отсутствие затрат на охрану своего технологического оборудования и выпускаемой продукции	Некоторые положения Федерального закона № 44-ФЗ
7	Тщательный контроль качества	Сложности в согласовании открытия новых видов производств
8	Готовые производственные помещения и коммуникации, погрузочные механизмы и площадки	Отсутствие возможности наличного расчета
9	Низкая себестоимость выпускаемой продукции	

Источник: таблица сформирована на основании материалов, полученных авторами в результате опроса.

В качестве предложения по решению вопроса по взаимодействию бизнес-структур с территориальными органами УИС (колонии-поселения, центры трудовой адаптации осужденных, участки, функционирующие как исправительные центры), в целях развития внутриведомственных контрагентских отношений между исправительными учреждениями (особенно для тех учреждений, где отсутствует производственный сектор), целесообразно разработать и утвердить приказом Министерства юстиции России типовой договор, регулирующий порядок, права и ответственность сторон. В силу того, что колония-поселение УИК РФ отнесено к виду учреждений, исполняющих наказания, решение о ликвидации или изменении вида учреждения принимается Министерством юстиции России [5].

Существуют вопросы, требующие решения на федеральном уровне, – это вопросы размещения оборудования на территориях учреждений УИС, взаимодействия УИС с бизнес-сообществом, вопросы стимулирования предпринимателей, а также вопросы внесения изменений в нормативно-правовые документы.

Для решения вопросов, связанных с возможностью привлечения к общественно полезному труду осужденных к принудительным работам на производственных объектах исправительных учреждений, совместно с представителями бизнеса необходимо исследовать действующую нормативно-правовую базу, регулиющую трудовые отношения лиц, осужденных к принудительным работам.

Что касается учреждений, то необходимо провести детальный мониторинг положений о закупках Федерального закона № 44-ФЗ (далее – ФЗ № 44-ФЗ) от 05.04.2013 г. с целью приведения его к фактической ситуации с закупками в учреждениях [6]. В настоящее время прорабатывается несколько изменений в данный федеральный закон. И можно отметить, что профильные ведомства (Федеральная антимонопольная служба, Министерство финансов Российской Федерации) тоже работают в этом направлении. Для того, чтобы загрузить все мощности учреждений, необходимо максимальное использование ресурсов данных учреждений, в том числе и в реализации приоритетных национальных и региональных проектов. Правовые ограничения всегда будут оказывать влияние на деятельность производственного сектора УИС и его эффективность. ФЗ № 44-ФЗ нуждается в корректировках, учитывающих специфику УИС в обеспечении государственными заказами учреждений системы [7]. Возможность повышения эффективности производственного сектора УИС может заключаться в формировании общего механизма ГЧП.

Вывод. Для развития производственной сферы УИС целесообразно: внести изменения в действующее законодательство Российской Федерации в целях обеспечения возможности привлечения промышленными подразделениями УИС инвестиционных средств с применением механизмов ГЧП; довести уровень удовлетворения внутрисистемных потребностей УИС за счет выпускаемой продукции до 100 %, с учетом проведения

постоянного аудита ценообразования со стороны Федеральной службы исполнения наказаний; организовать учет трудозанятости [8] и мотивировать осужденных к труду; вернуть институт заместителей начальников учреждений по производству, должности которых укомплектовать преимущественно бывшими сотрудниками, имеющими желание вновь продолжить службу.

Пристатейный библиографический список

1. Седых В. А., Авдеев В. В., Родионов А. В., Скиба А. П. Некоторые вопросы правового регулирования трудоустройства осужденных к принудительным работам в рамках государственно-частного партнерства в производственном секторе уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. - 2020. - № 10 (221). - С. 53-61.
2. Приказ ФСИН России от 23.04.2010 № 171 «Об утверждении Положения об управлении трудовой адаптации осужденных Федеральной службы исполнения наказаний» // СПС КонсультантПлюс.
3. Radchenko E. P., Shamsunov S. N., Tishchenko Y. Y., Pyrchenkova G. S. Public-private partnership projects in increasing efficiency of penal institutions production sector. ICEST 2020. International Conference on Economic and Social Trends for Sustainability of Modern Society. Article 50, P. 443-451. DOI: 10.1051/epsbs/2020.10.03.50. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.europeanproceedings.com/data/article/10005/11370/article_10005_11370_pdf_100.pdf
4. Радченко Е. П., Вдовина А. Н. Привлечение внебюджетных инвестиций как способ обеспечения экономической безопасности проектов государственно-частного партнерства // Человек: преступление и наказание. - 2022. - Т. 30. № 2. - С. 206-216.
5. Родионов А. В., Звягина А. В., Круть А. А. Риски при реализации проектов государственно-частного партнерства: классификация, управление, направления минимизации // Азимут научных исследований: экономика и управление. - 2020. - Т. 9. № 3 (32). - С. 297-300.
6. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
7. Гришин Д. А., Павлова Л. В. Организация и правовые основы финансового обеспечения и ведомственного финансового контроля учреждений и органов ФСИН России в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы учебное пособие. - Рязань, 2010.
8. Юнусов Э. А., Оленев М. Г. Аутстаффинг как инструмент государственно-частного партнерства по обеспечению трудовой занятости осужденных в пенитенциарной системе. Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России, выпуск 1. - М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2019. - С. 227-233.

СЕДЫХ Владимир Александрович

кандидат сельскохозяйственных наук, доктор биологических наук, главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем трудовой занятости осужденных и экономических проблем функционирования уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

РАДЧЕНКО Елена Павловна

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела изучения проблем управления и реформирования уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

ВДОВИНА Алина Нафисовна

старший научный сотрудник отдела по исследованию проблем трудовой занятости осужденных и экономических проблем функционирования уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

ОСОБЕННОСТИ РАЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена исследованию особенностей рационального использования земель сельскохозяйственного назначения в Российской Федерации. К ним приковано все внимание государства. Они находятся под контролем и надзором властей всех уровней. Причина такой заботы государства об этих землях кроется в их способности к воспроизводству сельскохозяйственных растений. На этой способности земли базируется сельское хозяйство, обеспечивается продовольственная безопасность и независимость нашей страны. Поэтому для организаций, в том числе и для учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, обладающими землями сельскохозяйственного назначения и занимающимися выращиванием сельскохозяйственных культур, важно знать не только назначение земли, но и какие почвы присутствуют на ее территории, какими свойствами они обладают и пригодны ли они для выращивания сельскохозяйственных культур.

Ключевые слова: земля, землеустройство, продовольственная безопасность, уголовно-исполнительная система.

SEDYKH Vladimir Alexandrovich

Ph.D. in agricultural sciences, Ph.D. in biological sciences, chief researcher of the Department for the study of the problems of employment of convicts and economic problems of the functioning of the penitentiary system of the Center for the study of problems of management and organization of the execution of sentences in the penal system of the Federal Penitentiary Institution Scientific Research Institute of the FPS of Russia

RADCHENKO Elena Pavlovna

Ph.D. in economical sciences, leading researcher of the Department for the Study of Problems of Management and Reform of the Penal System of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penal System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service»

VDOVINA Alina Nafisovna

senior researcher of the Department for the study of the problems of employment of convicts and economic problems of the functioning of the Penitentiary System of the Center for the Study of Problems of Management and organization of the execution of Sentences in the Penal System of the Federal Penitentiary Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia

FEATURES OF RATIONAL USE OF AGRICULTURAL LAND IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to the study of the features of rational use of agricultural land in the Russian Federation. All the attention of the state is focused on them. They are under the control and supervision of the authorities at all levels. The reason for the state's concern for these lands lies in their ability to reproduce agricultural plants. Agriculture is based on this ability of the earth, food security and independence of our country are ensured. Therefore, it is important for organizations, including institutions of the penal enforcement system of the Russian Federation, possessing agricultural lands and engaged in the cultivation of agricultural crops, to know not only the purpose of the land, but also what soils are present on its territory, what properties they possess and whether they are suitable for growing crops.

Keywords: land, land management, food security, penal enforcement system.

Постановка проблемы и актуальность темы исследования.

Одной из проблем, стоящих перед государством, является рациональное использование земель. Актуальность темы заключается в том, что полученные ре-

зультаты являются основой для создания проекта внутрихозяйственного землеустройства для учреждений уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) с целью более рационального использования земель сельскохозяйственного назначения. Государство принимает целый

ряд законов, нормативных и правовых актов, где особое место занимает Федеральный закон от 18.06.2001 № 78-ФЗ «О землеустройстве» (далее – ФЗ-78), который устанавливает правовые основы проведения землеустройства в целях обеспечения рационального использования земель [1]. Основной задачей закона является приведение земель в порядок с целью получения максимального количества высококачественной продукции при минимально необходимых затратах, при условии сохранения и воспроизводства плодородия почвы и удержания экологического равновесия в природе для нынешнего и будущих поколений нашей страны [2], [3], [4].

Материалы и методы исследования.

Информационную базу исследования составили статистические и аналитические материалы, официальные сайты международных и региональных органов государственной власти, а также использовались материалы монографических и коллективных работ, научно-практических конференций, публикаций в открытой периодической печати. Для обработки статистической информации и проведения расчетов использованы: новейшие спутниковые технологии GPS, Галилео, ГЛОНАСС, метод системного анализа, абстрактно-логический, монографический, расчетно-конструктивный и другие. Следует отметить исследования таких авторов по данной проблематике как: Алтухова А. И., Волкова С. Н., Докучаева В. В., Савича В. И., Ускова И. Б., Якушева В. П. и других [5], [6], [7], [8], [9], [10].

Результаты исследования.

Для успешного выполнения поставленных задач в ФЗ-78 прописан перечень мероприятий, которые необходимо выполнить всем землевладельцам [1]. Одним из таких мероприятий, особенно это касается земель сельскохозяйственного назначения, является создание проекта внутрихозяйственного землеустройства (далее – ПВЗ). В настоящее время широкое распространение получили интенсивные системы земледелия. Однако, они не всегда могут быть рациональными. Поэтому, осознавая отмеченные последствия от интенсивных систем земледелия, многие землепользователи при создании ПВЗ все чаще начинают применять адаптивно-ландшафтную систему земледелия [11].

При рассмотрении земель Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН России) можно отметить, что формировались они в условиях степной и лесостепной зон, которые характеризуются благоприятными условиями для почвообразования. Благодаря таким характеристикам почвообразования почвы здесь формируются черные, отсюда и название черноземы, с высокими показателями по плодородию.

В своих исследованиях мы использовали крупномасштабные почвенные карты, так как эти карты изображают группы почв вплоть до видов и разновидностей. Определение номенклатуры почвы происходило путем наложения кадастрового номера земельного участка на почвен-

ные карты, затем идентифицировалось с публичной кадастровой картой Росреестра. К сожалению, не все земли сельскохозяйственного назначения, принадлежащие ФСИН России по кадастровым номерам, были выделены на местности. Информация об их геометрии отсутствует в Росреестре. По этой причине для изучения почвенного покрова земель сельскохозяйственного назначения была взята только третья часть от всего земельного фонда УИС, а именно – 66 655,1 из 175 677,7 га.

В этой связи получить характеристику участка и разработать проект по внедрению природоохранных систем земледелия на землях сельскохозяйственного назначения на основе ГИС-технологий для УИС сложно. Если нет разграничения и нет привязки к местности, то определить, кому принадлежит эта земля, пруд, дороги, кустарники без уточнения границ территории практически невозможно. Но присутствуют территориальные органы ФСИН России, которые размежевали свою землю, и для них, в частности для Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Тульской области (далее – УФСИН), можно составить план внутрихозяйственного землеустройства, ориентированный не только на использование природных сил земли, но и на их сохранение.

Как уже говорилось выше, для создания цифрового проекта внутрихозяйственного землеустройства на основе ГИС-технологий необходимо иметь кадастровые номера участков, точные их границы и привязку к месту. Наложив их на агроклиматическую или почвенную карту местности, мы уже получаем практически всю ту информацию, которая нам необходима для разработки внутрихозяйственного проекта. По данным публичной карты Росреестра из 26 кадастровых участков общей площадью 1 435,13 га по УФСИН не размежеваны и не привязаны к местности только два. На сегодняшний день в распоряжении УФСИН находятся 25 участков, из которых 24 размежеваны и имеют четкие границы полей.

Благодаря проведенному межеванию и современным технологиям дистанционного зондирования земли (ДЗЗ), можно увидеть реальную и объективную картину состояния каждого земельного участка, принадлежащего на праве бессрочного пользования УФСИН, представленную в таблице 1.

Сделали вывод, что в данном территориальном органе уже не все земли можно отнести к землям сельскохозяйственного назначения. Например, земли кладбища, территории полигонов ТБО, частные огороды и сады. Это, скорее всего, земли поселений, только их почему-то забыли передать в муниципальную собственность. Поэтому необходимо срочно обратиться с просьбой в Росимущество и передать эти земли по назначению.

Что касается использования сельскохозяйственных угодий, то здесь, на площади 298 га, явно прослеживается весь спектр их деградации: зарастание кустарниками, образование овражно-балочного комплекса, переувлажнение. А согласно нормам земельного законодательства в целях охраны земель арендаторы земельных участков обязаны проводить мероприятия по сохранению почв и их плодородию.

Таблица 1. Характеристика земли УФСИН России по Тульской области

Использование	Характеристика	Площадь, га
Пашня	Территория, используемая в сельскохозяйственном производстве	805
Лес	Лесополосы, лесные массивы, участки, заросшие массивами деревьев	86
Молодой лес	Участки, занятые подростом, кустарниками и зарастающие молодыми деревьями	132
Сады-огороды	Территория с предположительно частными огородами и садами	16
Луг	Территория, занятая преимущественно травянистой растительностью	300
Болото	Заболоченные и переувлажненные участки	3
Лощина	Отрицательная эрозионная форма рельефа. Препятствует какому-либо использованию.	3
ОБК	Овражно-балочный комплекс. Крутые склоны с линейной эрозионной сетью и выположенные днища. Преимущественно заросшие травянистой растительностью. Пригодны к частичному пастбищному использованию.	73
Строения	Территория под строениями	1
Кладбище	Участки кладбищ	7
Вода	Водные объекты	1
Мусор	Территория полигона ТБО	7

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 18.06.2001 № 78-ФЗ «О землеустройстве» // СПС Консультант Плюс.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 16.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022) // СПС Консультант Плюс.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // СПС Консультант Плюс.
4. Буклагин Д. С. Пятый технологический уклад: место агропромышленного комплекса России // Экономический анализ: теория и практика. – 2017.
5. Алтухов А. И. Сельскохозяйственное районирование – основа разработки схемы размещения и специализации сельского хозяйства // Экономика сельского хозяйства России. – 2018. – № 8. – С. 2-11.
6. Волков С. Н. Землеустройство. Т. 1-9. – М.: Колос, 2002-2009.
7. Докучаев В. В. Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Отчет по Нижегородскому губернскому земству. Вып. 1. – СПб.: Типография Евдокимова, 1886. – 391 с.
8. Савич В. И., Амергужин Х. А., Карманов И. И., Карманов И. И., Булгаков Д. С., Федорин Ю. В., Карманова Л. А., Оценка почв. – Астана, 2003.
9. Усков И. Б., Усков А. О. Основы адаптации земледелия к изменениям климата. – СПб., 2014. – 384 с.
10. Якушев В. П., Якушев В. В. Информационное обеспечение точного земледелия. – СПб.: Изд-во ПИЯФ РАН, 2007. – 384 с.
11. Агроэкологическая оценка земель, проектирование адаптивно-ландшафтных систем земледелия и агротехнологий. Методическое руководство. Под ред. В. И. Кирюшина, А. Л. Иванова – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2005. – 784 с.
12. Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rosreestr.gov.ru> (дата обращения: 16.03.2023).
13. Седых В. А., Радченко Е. П. Почвы земель сельскохозяйственного назначения УИС РФ // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. – 2022. – Выпуск 3. – С. 209-214.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-4-179-461-466

ТОЛИКОВА Елена Эдуардовна

доктор экономических наук, профессор кафедры инновационного предпринимательства (ИБМ7) Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана

ГЛИНКИНА Элина Максимовна

студент 4 курса Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ В РФ: АСИММЕТРИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЕ

Статья выявляет проблему асимметрии инноваций и инвестиций в российской экономике в условиях решения задач импортозамещения и обеспечения технологического суверенитета.

Проведена актуализация вопросов координации инновационной и инвестиционной деятельности. Сделан обзор действующей нормативно-правовой базы в сфере государственной поддержки инноваций в РФ. Актуализированы количественные показатели инвестиций в основной капитал отраслей российской экономики.

Систематизированы программные мероприятия государственной поддержки инноваций в России, проведена классификация форм и методов стимулирования инновационной деятельности.

Выявлены проблемы развития инновационной инфраструктуры. Разработаны предложения по устранению асимметрии инвестиционной деятельности в инновационной сфере.

Ключевые слова: инновации, инвестиции, инфраструктура, государственные программы, асимметрия.

TOLIKOVA Elena Eduardovna

Ph.D. in economical sciences, professor of Innovative entrepreneurship (IBM7) sub-faculty of the N. E. Bauman Moscow State Technical University

GLINKINA Elina Maksimovna

student of the 4th course of the N. E. Bauman Moscow State Technical University

IMPORT SUBSTITUTION IN THE RUSSIAN FEDERATION: ASYMMETRY OF INVESTMENT ACTIVITIES IN INNOVATION

The article reveals the problem of asymmetry of innovations and investments in the Russian economy in the context of solving the problems of import substitution and ensuring technological sovereignty.

The issues of coordination of innovation and investment activities were updated. An analysis of the current regulatory framework in the field of state support for innovations in the Russian Federation has been made. Quantitative indicators of investments in fixed assets of sectors of the Russian economy have been updated.

The program measures of the state support for innovations in Russia were systematized, the classification of forms and methods of stimulating innovative activities was carried out.

The problems of developing innovative infrastructure have been identified. Proposals have been developed to eliminate the asymmetry of investment activities in the innovation field.

Keywords: innovation, investment, infrastructure, government programs, asymmetry.

Актуальность вопросов, связанных с поиском инвестиционных ресурсов в инновационную деятельность российских компаний в 2023 году не вызывает сомнения. Это обусловлено тем, что:

Во-первых, Россия продолжает стремительно развиваться в области цифровых технологий и искусственного интеллекта, и поэтому в этой области возникает множество перспективных проектов, требующих инвестиций. Кроме того, мировая экономика продолжает переживать сложный период, связанный с последствиями пандемии COVID-19, что приводит к ограничениям в области торговли и нестабильности на мировых рынках. В таких условиях инвесторы и предприниматели ищут новые возможности для инвестирования своих средств, и российские рынки могут стать привлекательным объектом для инвестирования в области инноваций.

Во-вторых, Россия продолжает активно развивать свою экономику в рамках стратегии национальной технологической инициативы, которая предусматривает инвестирование в различные отрасли, в том числе в область высоких технологий. Несмотря на успешные результаты, многие проекты

нуждаются в дополнительном финансировании, чтобы добиться коммерческого успеха.

В-третьих, Россия продолжает совершенствовать свои инвестиционные механизмы и привлекательность для иностранных инвесторов, включая различные льготы, налоговые каникулы и другие меры стимулирования инвестирования в российскую экономику.

Санкции являются еще одним фактором, который делает поиск инвестиционных ресурсов в инновационную деятельность российских компаний более актуальным. Несмотря на то, что ряд стран снимают санкции с России, в том числе в отношении некоторых отраслей экономики, существуют и другие страны, которые продолжают налагать ограничения на торговлю и инвестиции в российские компании. Санкции могут оказать негативное влияние на экономику России, так как ограничивают доступ к зарубежным инвестиционным ресурсам, что усложняет реализацию инновационных проектов. В таких условиях, для сохранения устойчивости и развития экономики России, необходимо усилить работу по поиску альтернативных источников фи-

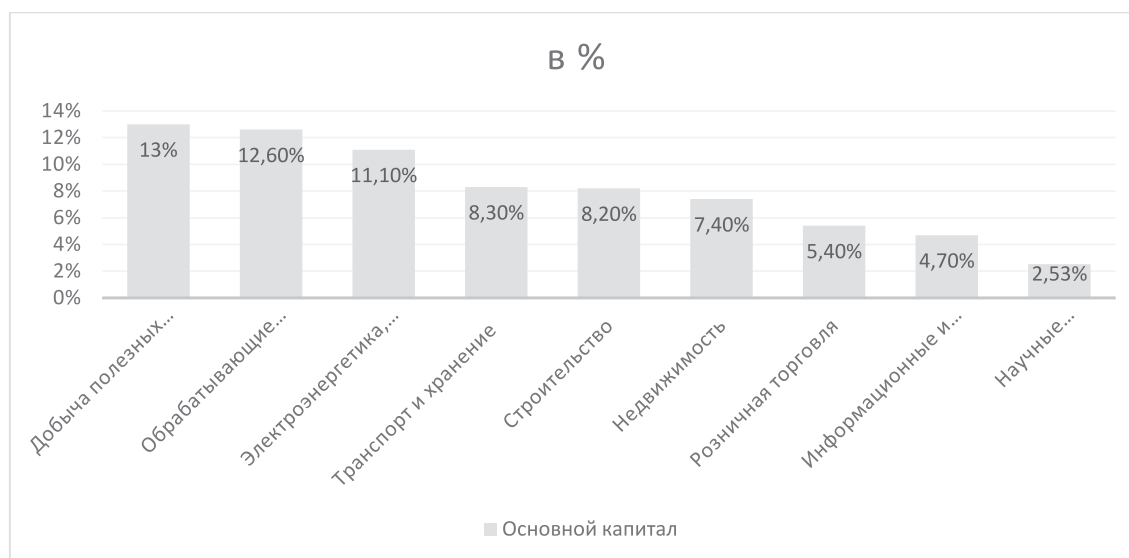

Рисунок 1. Объем инвестиций в основной капитал России по отраслям*

нансирования, включая внутренние источники, в том числе государственные инвестиции в научные разработки и инновации. Санкции также могут стимулировать развитие технологического суверенитета России, поскольку они заставляют компании и государственные организации внедрять свои собственные технологии и принимать инвестиционные решения, не зависящие от зарубежных партнеров.

Однако несмотря на активные действия России в области технологического суверенитета, многие эксперты отмечают, что в стране присутствует асимметрия: инвестиционные потоки асимметричны целям импортозамещения. Одной из главных проблем является недостаток частных инвестиций и финансирования именно в инновационных отраслях.

Кроме того, Россия в некоторой степени зависит от импорта высокотехнологичной продукции и оборудования, особенно в отраслях, которые требуют значительных инвестиций, таких как электроника и машиностроение. В условиях санкций и ограничений со стороны западных стран, Россия ищет новые рынки, однако эти рынки не всегда готовы предоставить высококачественную продукцию и технологии.

Существуют проблемы с интеллектуальной собственностью и патентным законодательством, которые не всегда защищают права отечественных производителей и инноваторов. Это может привести к ситуации, когда российские компании и ученые не получают прибыль и не получают заслуженного признания за свои достижения.

В РФ присутствует асимметрия инвестиционных потоков, так как часто инвестиции «уходят» в проекты, которые не имеют отношения к импортозамещению, а направлены на развитие других социально-значимых сфер, таких как фармацевтика, биотехнологии.

Эксперты отмечают, что в России существует проблема с отсутствием квалифицированных кадров и слабой связью между научными и исследовательскими учреждениями и бизнесом:

– По мнению Е. В. Бахановой (статья «Кадровый потенциал региона РФ как социальный статус модернизации

экономики»), в России существует проблема нехватки квалифицированных кадров, особенно в сфере информационных технологий и инноваций [1].

– М. В. Чистова (в работе «Государственная поддержка инновационной деятельности: опыт регионов Российской Федерации») отмечает, что проблема отсутствия связи между научными учреждениями и бизнесом связана с неэффективностью существующих программ государственной поддержки инноваций [2].

– Н. Л. Удальцова (в статье «Инновации в России: проблемы и перспективы») указывает на низкий уровень коммерциализации научных разработок в России и нехватку квалифицированных кадров в сфере инноваций [3]. Это затрудняет применение новых технологий в производстве и создание новых продуктов, которые могут заменить импортные аналоги.

Также стоит упомянуть, что инвесторы в России часто сталкиваются с проблемой нехватки финансирования и низкой доходностью инвестиций в инновации. Многие инвесторы предпочитают вкладывать деньги в более стабильные отрасли, чем в высокотехнологичные инновации.

В целом, можно сказать, что инновации и инвестиции в России есть, но не все они направлены на решение задач импортозамещения, то есть присутствует проблема асимметрии инвестиционных потоков.

В России существует ряд указов и постановлений Президента и Правительства, направленных на стимулирование инвестиций в инновации и технологии.

Один из таких документов - указ Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [4]. В этом документе указывается, что одной из основных задач развития страны является «обеспечение инновационного развития экономики Российской Федерации путем увеличения инвестиций в исследования и разработки, трансфера технологий и развития человеческого капитала».

Правительство РФ принимает ряд постановлений и решений, направленных на поддержку инвестиций в инновации. К примеру, Правительство РФ приняло решение от 27 декабря 2016 года № 2669-р «О национальной технологической инициативе» [5]. Эта инициатива предусматривает

* Составлено авторами на материалах. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru>.

Таблица 1. Программные мероприятия государственной поддержки инноваций в РФ

№	Название программы/ подпрограммы	Направленность мероприятия
1	«Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»	направлена на обеспечение кадрового потенциала в области науки и инноваций, включая поддержку научных исследований, проведение стажировок, обучение и переподготовку научных и инженерных кадров
2	«Развитие фундаментальных наук»	направлена на развитие фундаментальных научных исследований в России, включая финансирование научных проектов и создание инфраструктуры для проведения научных исследований
3	«Технологическое развитие»	направлена на финансирование проектов в области разработки новых технологий и их внедрения в промышленность. В рамках этой программы предусмотрена поддержка проектов в области информационных технологий, нанотехнологий, биотехнологий и других секторов экономики
4	«Умные города»	направлена на создание инновационных городов и развитие инфраструктуры умных городов. В рамках этой программы предусмотрены меры поддержки проектов в области информационных технологий, транспорта, жилищно-коммунального хозяйства и других секторов
5	«Инновационная экономика»	направлена на создание условий для развития инновационной экономики в России, включая поддержку малых и средних предприятий, создание инновационных кластеров, развитие технологических парков и других мероприятий
6	«Национальная технологическая инициатива»	направлена на создание условий для развития высокотехнологичных отраслей экономики, включая поддержку стартапов, создание инновационных кластеров и технопарков, развитие цифровой экономики
7	«Технологический прорыв»	предполагает финансирование высокотехнологичных проектов в различных областях, таких как информационные технологии, биотехнологии, атомная энергетика, новые материалы и многие другие. Программа предусматривает выделение государством значительных средств на развитие инновационной деятельности, а также налоговые и другие льготы для компаний, работающих в этой области
8	«Инновационная система»	ее основной целью является поддержка малых и средних предприятий, занимающихся научными исследованиями и разработкой новых технологий. В рамках программы предусмотрено финансирование проектов, а также консультационная поддержка и обучение представителей инновационных компаний

создание 17 национальных технологических инициативных центров в различных отраслях экономики, которые будут развивать новые технологии и продукты.

По данным Росстата [6], доля инвестиций в научные исследования и разработки в России за последние годы увеличивается. Так, в 2020 году научно-исследовательские работы получили инвестиции в размере 643,2 миллиарда рублей, что на 18,9% больше, чем в 2019 году.

Однако, несмотря на значительные инвестиции в этот сектор, Россия продолжает сталкиваться с проблемой импортозамещения. Инновации и технологии, разрабатываемые в России, не всегда могут заменить импортные аналоги, что приводит к необходимости продолжать импортировать продукты и услуги из-за рубежа. Одной из главных причин, по которой инновации в России не всегда способны заменить импортные продукты, является отсутствие крупных инновационных компаний, которые могли бы эффективно развивать и продвигать новые технологии. Вместо этого, в России действуют разрозненные научные и исследовательские организации, которые не всегда могут обеспечить необходимый уровень инновационности и масштабируемости проектов.

Также по данным Росстата, в 2020 году объем инвестиций в основной капитал России составил 25,4 триллиона рублей [6].

В разрезе отраслей основной капитал распределен следующим образом (рисунок 1): добыча полезных ископаемых - 3,3 триллиона рублей (13%); обрабатывающие производства - 3,2 триллиона рублей (12,6%); электроэнергетика,

газ и пар - 2,8 триллиона рублей (11,1%); транспорт и хранение - 2,1 триллиона рублей (8,3%); строительство - 2,1 триллиона рублей (8,2%); недвижимость - 1,9 триллиона рублей (7,4%); розничная торговля - 1,4 триллиона рублей (5,4%); информационные и телекоммуникационные услуги - 1,2 триллиона рублей (4,7%); научные исследования и разработки - 643,2 миллиарда рублей (2,53%) [7].

Значительную долю социальных инвестиций составляют транспортные сооружения, коммунальные объекты, медицинские учреждения, образовательные учреждения. Несмотря на то, что доля инвестиций в основной капитал в отраслях, связанных с развитием высокотехнологичного сектора, таких как информационные технологии, научные исследования и разработки, составляет меньшую долю, однако, по мере развития экономики России, этот сектор становится все более привлекательным для инвестиций, так как в свете современных глобальных тенденций, технологический суверенитет становится все более важным для страны.

Стратегия импортозамещения заключается в снижении импорта товаров и услуг путем развития внутреннего производства и замены импортных товаров аналогами отечественного производства [8]. Такая стратегия предполагает увеличение доли национального производства в экономике страны и сокращение зависимости от импорта.

Значимость применения стратегии импортозамещения связано с несколькими факторами.

Во-первых, это позволит укрепить экономическую независимость страны (добиться технологического суверенитета)

Таблица 2. Формы финансовой и организационной поддержки развития инноваций

№	Программа или Фонд	Форма государственной поддержки
1	Программа «Ускоренное развитие технологических предприятий»	предоставляются гранты, а также субсидии на создание производства
2	Фонд перспективных исследований	предоставляет гранты на научные исследования в области технологий будущего, среди направлений фонда - биотехнологии, квантовые технологии, нейротехнологии
3	Программа «Стартовый капитал»	предоставляются гранты
4	Программа «Развитие высокотехнологичного производства»	предусмотрены налоговые льготы на имущество и прибыль, а также субсидии на создание производств
5	Программа «Центры компетенции»	предоставляются гранты на создание центров компетенции и научно-исследовательских лабораторий
6	Программа «Инновационный потенциал»	предоставляются субсидии на разработку и внедрение инновационных технологий
7	Программа «Научные исследования и разработки»	осуществляется поддержка научных исследований и разработок в различных отраслях экономики
8	Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере Фонд инфраструктурных и образовательных программ Фонд перспективных исследований и разработок	оказывают помощь в создании новых технологических компаний, а также доступ к различным источникам финансирования

Таблица 3. Программы национальной системы технологических инициатив

№	Программа НСТИ	Специализация программы
1	«Старт»	направлена на поддержку инновационных стартапов, которые находятся в ранней стадии развития. В рамках этой программы компаниям предоставляется доступ к инфраструктуре технопарков и бизнес-инкубаторов, а также менторская поддержка и консультации экспертов
2	«Сколково»	финансирует инновационные проекты в области информационных технологий, биотехнологий, энергетики, космических технологий и других отраслях. Программа включает в себя гранты на исследования и разработки, а также предоставляет услуги по интеллектуальной собственности, экспертизе технологий и маркетинговой поддержке
3	«Цифровая экономика»	направлена на развитие цифровой экономики в России. В рамках этой программы компаниям предоставляется финансовая поддержка на разработку цифровых технологий, а также консультации экспертов и менторов
4	«Национальные технологические инициативы»	финансирует проекты в области робототехники, искусственного интеллекта, квантовых технологий, биотехнологий и других современных технологий. В рамках этой программы компаниям предоставляются гранты на исследования и разработки, а также экспертная поддержка и консультации

и снизить ее зависимость от импорта, особенно в условиях международных санкций.

Во-вторых, это стремление создать новые рабочие места, повысить уровень занятости и улучшить экономическую ситуацию в регионах.

В-третьих, это возможность развивать технологические и производственные отрасли, создавать новые инновационные компании и повышать конкурентоспособность российских товаров на внутреннем и мировых рынках.

Однако развитие внутреннего производства может требовать значительных вложений и времени. Поэтому в России развиваются различные механизмы инвестирования в инновации в целях импортозамещения.

К примеру, Правительство РФ предоставляет различные программы государственной поддержки, направленные на финансирование проектов в области научных исследований, разработку новых технологий и производства (Таблица 1).

В рамках этих программ государство может предоставлять гранты, субсидии, налоговые льготы, а также привлекать иностранные инвестиции в различные отрасли экономики (Таблица 2).

Одним из основных направлений инвестирования в инновации в России в целях импортозамещения является развитие высокотехнологичных отраслей, таких как электроника, информационные технологии, машиностроение, авиационная и космическая промышленность. В этих отраслях могут быть использованы различные технологии, такие как 3D-печать, искусственный интеллект, интернет вещей.

Правительство РФ активно принимает решения о выделении средств на поддержку инноваций и технологий. В 2020 году был утвержден Федеральный бюджет на 2021-2023 годы [9], в котором были выделены значительные средства на поддержку инноваций. В 2020 году была создана национальная система технологических инициатив (НСТИ), которая призвана поддерживать инициативные компании, развивающие высокотехнологичную экономику в России.

НСТИ разработала несколько программ поддержки (Таблица 3).

Программы НСТИ являются частью стратегии России по развитию национальных технологий и укреплению технологического суверенитета [10].

Таким образом, Президент РФ и российское Правительство принимают активные меры для поддержки инвестиций

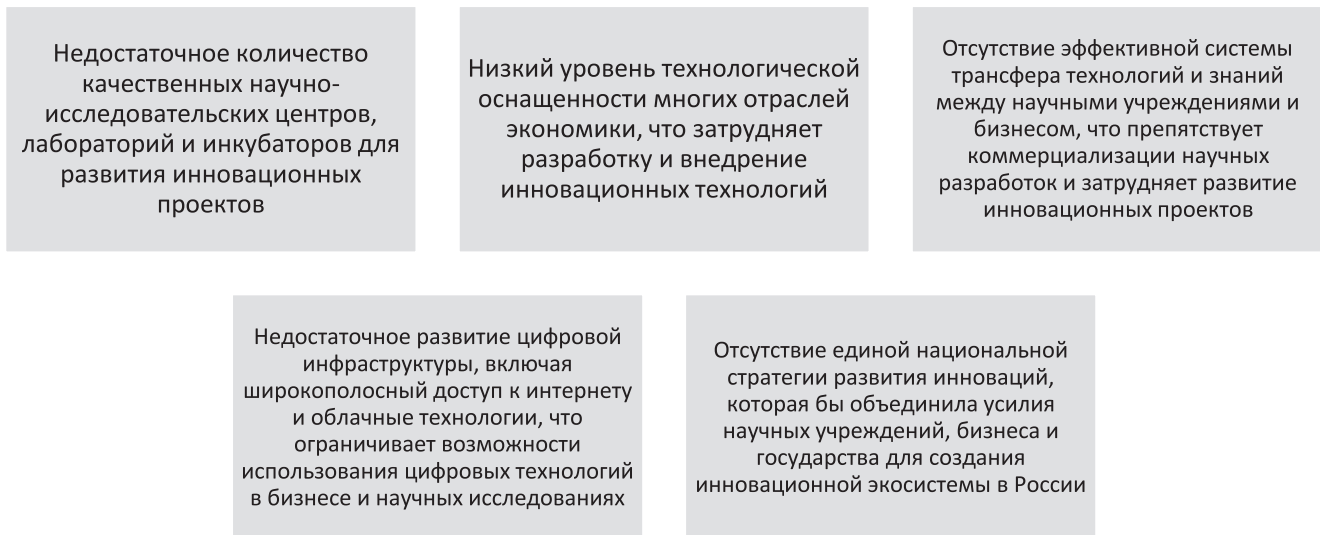

Рисунок 2. Проблемы развития инфраструктуры инноваций

Таблица 4. Направления устранения асимметрии инвестиционных потоков в инновационной сфере

№	Направления	Мероприятия в рамках направлений
1	Повышение эффективности государственных программ поддержки инноваций	Совершенствование программ поддержки, таких как «Сколково» и «Иннопрактика», направленных на финансирование инновационных проектов, создание условий для их развития и привлечения инвестиций
2	Улучшение инвестиционного климата	Создание условий для привлечения инвесторов и улучшение инвестиционного климата в стране, таких как упрощение процедур регистрации компаний
3	Продвижение научно-технических достижений	Коммерциализация научно-технических достижений в России и за рубежом (приоритетно в странах ЕАЭС)
4	Развитие образовательных программ	Актуализация требований к образовательной системе, в том числе подготовка высококвалифицированных кадров в сфере науки и технологий
5	Развитие инфраструктуры	Создание научных парков, лабораторий и инкубаторов, а также развитие сетей быстрого интернета и другой технической инфраструктуры
6	Развитие кластеров	Создание кластеров, объединяющих компании и научно-исследовательские учреждения для совместной работы и развития инновационных проектов
7	Увеличение государственных расходов на науку и инновации совместно с частными инвесторами	Стимулирование венчурных инвесторов

в инновации и технологии, которые должны помочь России достичь экономического роста и конкурентоспособности на мировом рынке. Однако несмотря на все усилия, инвестиции в инновации не всегда направлены на решение задач импортозамещения [11-12].

Также стоит упомянуть о важности образования и подготовки кадров в области высоких технологий. Россия работает над усилением образовательных программ и научных исследований, чтобы обеспечить квалифицированные кадры для развития отечественных технологий, флагманом в этой области является МГТУ им. Н.Э. Баумана.

Инновации и инвестиции являются ключевыми факторами, которые определяют экономический рост и развитие в любой стране. Россия не является исключением, и в последние годы Правительство и бизнес-сообщество активно вкладывают средства в инфраструктурные проекты в области науки, технологий и инноваций [13].

Несмотря на это, в России остаются проблемы с инфраструктурой, которая не всегда соответствует требованиям современных инновационных проектов (рисунок 2).

Еще одной проблемой является отсутствие достаточного уровня инвестирования в стартап-проекты [14-19]. Частные венчурные инвесторы часто не готовы рисковать и

вкладывать деньги в развитие новых технологий, поскольку этот сектор считается слишком рискованным и нестабильным, а для государства как мы видим из статистики, в данный момент являются приоритетными другие направления.

Таким образом, хотя в России существуют значительные инвестиции в инновации и технологии, это не всегда означает, что страна сможет успешно заменить импортные продукты и услуги. Чтобы добиться успеха в этой области, необходимо устранить асимметрию инвестиционных потоков (Таблица 4).

Кроме того, необходимо поступательно и комплексно улучшать бизнес-среду и обеспечивать более высокий уровень доступности капитала (из различных источников) для инновационных проектов.

Российское Правительство уже предпринимает шаги в этом направлении, в том числе предоставляя налоговые льготы и гранты для инновационных проектов, но необходимо еще больше усилий для привлечения частных инвесторов. Также не стоит забывать о важности образования и научных исследований в развитии инновационных технологий. Университеты и научные центры должны получать достаточную поддержку для проведения научных исследований и разви-

тия новых технологий. В этом случае у России появится достаточный кадровый потенциал для развития и продвижения инновационных продуктов и услуг на мировом рынке.

Пристатейный библиографический список

1. Баханова Е. В. Кадровый потенциал региона РФ как социальный ресурс модернизации экономики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2012. № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kadrovyu-potentsial-regiona-rf-kak-sotsialnyu-resurs-modernizatsii-ekonomiki>.
2. Чистова М. В. Государственная поддержка инновационной деятельности: опыт регионов Российской Федерации // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2017. № 2 (200). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-podderzhka-innovatsionnoy-deyatelnosti-opyt-regionov-rossiyskoj-federatsii>.
3. Удальцова Н. Л. Инновации в России: проблемы и перспективы // Стратегии бизнеса. 2013. № 1 (1). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsii-v-rossii-problemy-i-perspektivy>.
4. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/557309575>.
5. Решение Правительства РФ от 27 декабря 2016 года № 2669-р «О национальной технологической инициативе». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/420349846>.
6. Россия в цифрах: 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GOyirKPV/Rus_2020.pdf, 2020. С. 198-217.
7. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GOyirKPV/Rus_2020.pdf.
8. Кирбитова С. В., Никитина К. К. Политика импортозамещения в теории и практике // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2018. № 4 (85). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-importozamescheniya-v-teorii-i-praktike/viewer>.
9. Федеральный закон от 26 ноября 2020 года «О федеральном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/573038220>.
10. Оборин М. С. Проблемы и перспективы импортозамещения продовольственных товаров в Российской Федерации // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Сельскохозяйственные науки. Экономические науки». 2020. № 3 (23). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-importozamescheniya-prodovolstvennyh-tovarov-v-rossiyskoj-federatsii>.
11. Кривенко Н. В., Епанешникова Д. С. Инновационное импортозамещение как новый импульс для развития экономики // Россия: тенденции и перспективы развития. 2021. № 16 (1). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnoe-importozameschenie-kak-novyy-impuls-dlya-razvitiya-ekonomiki>.
12. Попова И. Н., Сергеева Т. Л. Импортозамещение в современной России: проблемы и перспективы // Beneficium. 2022. № 2 (43). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/importozameschenie-v-sovremennoy-rossii-problemy-i-perspektivy>.
13. Карелина М. Г. Инновационная активность российских регионов: проблемы измерения и эконометрический подход // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 21 (396). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnaya-aktivnost-rossiyskih-regionov-problemy-izmereniya-i-ekonometricheskiy-podhod>.
14. Харламов А. В., Харламова Т. Л., Поняева И. Государственное управление инновационным развитием с использованием возможностей импортозамещения // Известия СПбГЭУ. 2022. № 4 (136). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennoe-upravlenie-innovatsionnym-razvitiem-s-ispolzovaniem-vozmozhnostey-importozamescheniya>.
15. Туманян Ю. Р., Индустриев М. А. Импортозамещение как фактор инновационного развития экономики России // Известия Саратовского ун-та Новая серия. Сер. Экономика. Управление. Право. 2022. № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/importozameschenie-kak-faktor-innovatsionnogo-razvitiya-ekonomiki-rossii>.
16. Ушакова Е. В., Пак Х. С. Роль инновационного потенциала в политике импортозамещения региона // ТДР. 2015. № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-innovatsionnogo-potentsiala-v-politike-importozamescheniya-regiona>.
17. Петрище В. И. Формирование национальной инновационной системы в условиях развивающейся экономики России // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 21. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-natsionalnoy-innovatsionnoy-sistemyv-usloviyah-razvivayusheysya-ekonomiki-rossii>.
18. Коломыц О. Н. Региональные аспекты развития инновационной деятельности // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. 2013. № 13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-aspekty-razvitiya-innovatsionnoy-deyatelnosti>.
19. Жакевич А. Г. Импортозамещение: проблемы и перспективы // Вестник МИЭП. 2015. № 1 (18). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/importozameschenie-problemy-i-perspektivy>.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-4-179-467-470

ФАЙЗУЛЛИН Фаниль Саитович

доктор философских наук, профессор, академик Академии наук Республики Башкортостан, Главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук

ФАЙЗУЛЛИН Тагир Фанилевич

кандидат социологических наук, ректор Института непрерывного профессионального образования в сфере здравоохранения при Медицинской палате Республики Башкортостан

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКЕ

Исследования социального капитала носят междисциплинарный характер, в которых участвуют представители самых различных наук. В сложившейся ситуации обнаруживается неоднозначное понимание сущности и содержания этого сложного феномена. Создание общей фундаментальной основы дальнейших исследований этого явления и его реализации требует изучения формирования самой категории «социальный капитал» в научной литературе. В связи с этим в статье подвергается анализу формирование и использование категории «социальный капитал» в зарубежных изданиях. В статье утверждается, что зарубежными исследователями выполнена значительная работа по изучению определенных аспектов социального капитала, результаты которых должны использоваться при дальнейшем исследовании этого феномена. Вместе с тем обоснована подчеркивается, что в западной литературе социальный капитал преимущественно рассматривается как социально-психологическое явление и при этом его границы определяются сферой взаимоотношений конкретного сообщества, в котором установлено взаимное общение на основе доверия и определенных установленных норм поведения. Обосновывается идея о том, что социальный капитал должен исследоваться на основе понимания сущности капитала вообще и социальных отношений в органических их взаимосвязи.

Ключевые слова: социальный капитал, социальные и социально-психологические отношения, нормы, общественные связи, сообщества и ассоциации, гражданская активность, ответственность.

FAYZULLIN Fanil Saitovich

Ph.D. in philosophical sciences, professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, chief researcher of the Institute for Socio-Economic Research of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

FAYZULLIN Tagir Fanilevich

Ph.D. in sociological sciences, Rector of the Institute for Continuing Professional Education in Health Care at the Medical Chamber of the Republic of Bashkortostan

THE MAIN APPROACHES TO THE STUDY OF SOCIAL CAPITAL IN MODERN FOREIGN SCIENCE

Social capital studies are interdisciplinary in nature, involving representatives of various sciences. In the current situation, an ambiguous understanding of the essence and content of this complex phenomenon is revealed. The creation of a common fundamental basis for further research on this phenomenon and its implementation requires studying the formation of the very category of "social capital" in the scientific literature. In this regard, the article analyzes the formation and use of the category "social capital" in foreign publications. The article states that foreign researchers have done significant work to study certain aspects of social capital, the results of which should be used in further research of this phenomenon. At the same time, it is substantiated that in Western literature social capital is mainly considered as a socio-psychological phenomenon, and at the same time its boundaries are determined by the sphere of relations of a particular community, in which mutual communication is established on the basis of trust and certain established norms of behavior. The idea that social capital should be studied on the basis of understanding the essence of capital in general and social relations in their organic relationship is substantiated.

Keywords: social capital, social and socio-psychological relations, norms, public relations, communities and associations, civic engagement, responsibility.

В последние годы категория «социальный капитал» начала широко использоваться в общественных науках и публицистических статьях, но вместе с тем в этой области имеются существенные различия в трактовке ее содержания. Создавшаяся ситуация в понимании сущности социального капитала актуализировала необходимость разработки теоретико-методологических основ исследования этого явления, без которого невозможно определения закономерностей его развития, функционирования, влияния на дальнейшие изменения и управления. В связи с этим появилась потребность прежде всего в анализе истории формирования и эволюции ее концепта [1, с. 86].

Впервые понятие «социальный капитал», как пишут некоторые исследователи в своих трактатах, было использовано Д. Ханифаном, который на основе изучения социальной

среды учащихся, пришел к выводу о том, что налаженные социальные отношения образуют некоторую социальную среду. Это объединение, по его мнению, становится фактором формирования социального капитала, при этом «чем больше люди вкладываются в общее дело, тем мощнее будет социальный капитал группы и тем значительнее будут дивиденды от социальных вложений [2, с. 138].

Следует, однако, отметить, что сама идея о зависимости получения выгод на основе объединения людей в сообщество встречается в трудах еще мыслителей античного мира. Так, уже Аристотель отмечал роль общения в получении выгод и общественных благ. В 18 веке Д. Юм и в 19 веке А. Токвиль, К. Маркс и другие философы отмечали роль и значение социальных факторов в развитии общества, не употребляя при этом понятия «социальный капитал». А. Токвиль, например,

в результате анализа деятельности различных добровольных обществ и их эффективности пришел к выводу: «Я совершенно убежден, что объединенная сила граждан всегда окажется более способной обеспечить общественное благосостояние народа, нежели правительственная власть» [3, с. 86]. Что же касается К. Маркса, то он предвидел, что в дальнейшем все больше будет развиваться капитал в сферах образования, охраны здоровья, отдыха, развлечений и т.д., которых в 20 веке ряд ученых как Г. Беккер [4, с. 29-30], Т. Шульц начали называть социальным капиталом [5, р. 582].

Необходимо отметить, что попытка создания общей теории социального капитала впервые была предпринята французским социологом П. Бурдьё в его фундаментальном труде «Формы капитала», изданном в 1980 году. Здесь автор на основе учета возможности социума распоряжаться определенными ресурсами, выделяет три формы капитала: экономический, культурный и социальный капиталы. При этом экономический капитал рассматривается как понятие, отражающее все виды материальных благ, которые институционализированы на основе права собственности. Под культурным капиталом понимается здесь ресурсы, полученные в ходе обучения и воспитания, объективированные состояния навыков и опыта, приобретенные квалификации. По утверждению автора: «Социальный капитал представляет собой совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группе. Членство в сообществе дает своим членам опору в виде коллективного капитала, «репутации», позволяющей получить кредиты во всех смыслах этого слова» [6, с. 63]. Далее автор содержание категории «социальный капитал» уточнял, что это понятие отражает «агрегацию действительных или потенциальных ресурсов, связанных с включением в прочные сетевые или более- менее институционализированного отношения взаимных обязательств или признаний» [7, с. 248]. Важным условием функционирования социального капитала является исключение от участия в деятельности сообщества людей, которые не являются его членами. В работе П. Бурдьё подчеркивается, что экономический капитал является основой формирования культурного и социального видов капитала, без которых невозможно обеспечить развития социальных отношений. В этом плане позиция П. Бурдьё является в известной мере сходной концепцией К. Маркса о роли экономического капитала в развитии общественных отношений.

Категория «социальный капитал» была введена в научный оборот П. Бурдьё для иллюстрации социальных связей, являющихся некоторым ресурсом различных сообществ, преследующих цели получения выгод. Основными методами формирования социального капитала являются установление дружественных и честных отношений и главное эти отношения должны строиться на принципах доверия. Важнейшим фактором формирования социального капитала является институционализация связей. Именно на этой базе, по мнению П. Бурдьё, появилась реальная возможность объединения общественных отношений в форме социального капитала, являющегося групповым ресурсом. В рамках такой концепции доверие, сопровождая формирование и обмен ресурсами, становится определяющим средством развития общественных явлений. Поскольку взаимное признание акторов друг друга обусловлено уровнем экономического капитала индивидов сообщества, социальный капитал, по утверждению П. Бурдьё, предполагает подтверждение некоторого минимума объективной его однородности [7, с. 249]. Чем больше индивид обладает экономическим и культурным капиталами, социальный капитал по своему уровню становится более развитым и крепче.

Основой концепции Д. Коулмана о сущности и содержании социального капитала является теория рационально-

го выбора. Исходя из ее принципов, социальный капитал автор рассматривает как определенный ресурс максимизации пользы для достижения личных и коллективных целей [8, с. 98]. Этот ресурс определяется его такими функциями как продуктивность в достижении поставленных целей и способность поддерживать действия членов сообщества в решении поставленных задач. Названные функции определяют заинтересованность людей вступать во взаимосвязь, в сотрудничество с другими индивидами на основе доверительных отношений, поскольку они в одиночку не в состоянии распоряжаться общими ресурсами и контролировать происходящие события. По утверждению исследователя именно на этой основе происходит формирование, развитие и использование социального капитала. Этот процесс в отличие от формирования человеческого капитала осуществляется не отдельным индивидуумом, а активностью определенных сообществ, отграничивающих себя от других.

В структуре социального капитала Д. Коулман выделяет главными три группы элементов: доверия; информационные каналы; нормы и санкции. Внутренняя структура доверия складывается из таких составных частей как обязательность, надежность, ответственность и ожидания. Где эти показатели выше, соответственно, там больше и социальный капитал сообщества. Основой формирования и функционирования доверия является ожидание встречных услуг. Состояние встречных услуг по отношению к ожидаемым является определяющим фактором уровня развития социального капитала.

Эффективно функционирующий социальный капитал становится средством контроля над своими ресурсами и увеличивает свое воздействие на властные органы при решении важных задач. Д. Коулман доказывал выгодность развития социального капитала, приносящего пользу не только отдельным индивидам, но и всему сообществу в целом. Информационный элемент, или ресурс, исследуемого явления способствует совершенствованию системы ценностей, обогащению знания, навыков, умений, являющихся базовыми характеристиками социального капитала. В современных условиях появилось мощное средство коммуникации-социальная сеть. Ее участниками стали субъекты самых различных сообществ и занятие в разных отраслях экономики и общественной жизни, преследующие свои интересы. В этих условиях социальные сети становятся определяющими факторами развития и реализации социального капитала.

Раскрывая роль нормативного элемента социального капитала, Д. Коулман отмечает, что его суть заключается в требовании принципа поступиться своими интересами ради интересов коллектива. Этот принцип, по мнению исследователя, ведет к сознательному бескорыстию членов сообщества и его сплоченности. Социальные нормы, на основе которых функционирует социальный капитал, стабильность и закрытость структуры его сообщества способствуют коллективу и индивидам получить выгоды. Соблюдение общественных норм формирует уверенность в реализации своих ожиданий и становится фактором активизации деятельности членов сообщества. Вместе с тем, Д. Коулман отмечает, что в современном обществе, в результате возрастания государственных услуг, люди все меньше зависят друг от друга и в связи с этим потребности в социальном капитале снижаются.

Американский социолог Р. Патнэм «социальный капитал» рассматривал как один из главных категорий социально-экономических и политических наук, отражающих организацию общества. Он, соглашаясь с концепцией Д. Коулмана в основном, писал, что социальный капитал - это «черты социальной организации, такие как сети, нормы и доверие, которые способствуют кооперации для взаимной выгоды» и постоянно подчеркивал, что «социальный капитал – это связи между индивидуумами, социальные сети и нор-

мы взаимности», когда доверие и социальные сети хорошо развиты, индивиды, бизнес, регионы процветают» [9, с. 35].

Представляет интерес в концепции социального капитала Р. Патнэма попытка разработки системы показателей состояния социального капитала. Показателями развития и функционирования этого феномена он считает интенсивность и сила контактов, членство в общественных объединениях, электоральная активность, удовлетворенность взаимоотношениями, соблюдение норм взаимности, чувство безопасности, доверие к соседям, членам сообщества и социальным институтам. Используя эти показатели в своем исследовании социального капитала Южного и Северного регионов Италии, исследователь установил существующие здесь большие социальные различия. Северный регион, отличавшийся более высокой активностью в реализации основных характеристик социального капитала, достиг больше успехов в реализации своих ожиданий по сравнению с пассивными сообществами Юга. Об этом он писал в своем труде «Чтобы демократия сработала» следующим образом: «Десять столетий Север и Юг исповедовали совершенно различные подходы к дилеммам коллективного действия. На Севере нормы взаимности и структура гражданской вовлеченности воплотились в гильдии, общества взаимопомощи, кооперативы, профсоюзы, спортивные клубы и даже библиотечные кружки. Эти гражданские узы позволили Северу достичь более высоких по сравнению с Югом показателей экономической и институциональной деятельности [10, с. 207].

Следует отметить, что Р. Патнэм подчеркивал положительные эффекты внутригрупповых норм взаимности и доверия. Он их не идеализирует, наоборот, в большой мере указывает на целый ряд негативных последствий образования в социальных взаимоотношениях и социальных сетях. В своей книге «Игра в кегли в одиночку» автор отмечает, что социальный капитал может растрачиваться. При этом называются такие факторы, способствующие этому процессу, как изменение форм трудовой деятельности, возрастание влияния компьютерных и телекоммуникационных сетей, обособление от своих семей, друзей, коллег и т.д.

Определение социального капитала в работе Американского исследователя Э. Острома, по существу, ничем не отличается от понимания этого явления Р. Патнэмом. В своих публикациях Э. Остром пишет, что «социальный капитал — это общее знание, понимание, нормы, правила и ожидания относительно форм взаимодействия, которые группы индивидов привносят в деятельность [11, с. 76].

Идея известного американского исследователя Ф. Фукуямы по своему содержанию также созвучна с концепцией социального капитала Р. Патнэма. Социальный капитал Ф. Фукуяма трактует как «определенный капитал общества или его часть, возникающий как результат наличия доверия между его членами. Социальный капитал может быть воплощен и в мельчайшем базовом социальном коллективе — семье, и в самом большом коллективе из возможных — нации [12, с. 52] утверждает, что социальный капитал представляет собой набор неформальных ценностей или норм, которые восприняты членами группы и способствуют их сотрудничеству и получению выгод. Вместе с тем Фукуяма обращает внимание на то, что в условиях перехода современного развитого капитализма в так называемого информационного общества в некоторых европейских и североамериканских странах происходит деградация социальных связей и общепринятых ценностей, объединяющих людей, происходит сокращение социального капитала. Это проявляется в снижении уровня доверия к общественным институтам, личным связям внутри сообщества, соблюдения социальных норм и морально-нравственных принципов.

Работа Ф. Фукуямы интересна еще тем, что, в отличие от других исследователей, этот автор рассматривает два взаимосвязанных процесса в формировании и функциони-

ровании социального капитала: с одной стороны влияние экономики на социальный капитал и с другой — воздействие социального капитала на экономические явления. Укрепление взаимосвязи членов сообщества на основе морально-нравственных принципов резко сокращает необходимость привлечения правовых институтов в решение внутренних проблем. Заслуживает внимания идеи, высказанные Ф. Фукуямой о влиянии региональных факторов, традиций, сложившихся в разных территориальных сообществах и странах мира.

Достижения зарубежных ученых в области исследования социального капитала воспринимаются в зарубежных странах не однозначно. Серьезной критике подвергается прежде всего основополагающая идея о том, что фундаментальной основой социального капитала является доверие. Так, Л. Парсонс утверждает, что доверие поскольку характеризуется неоднородностью установок индивида, который может доверять другому по каким-то вопросам, а по другим занять противоположную позицию: «Люди способны доверительно полагаться на представителей своей расы, класса и территории или, напротив, отказать какой-то группе в доверии на тех же основаниях. Но аналогичным образом они могут доверять ближнему в одной социальной роли, отказывая в доверии в случае исполнения им иных социальных ролей [13, с. 96].

Американский социолог А. Портес раскрыл главные недостатки в процессе аккумуляции социального капитала, которые проявляются в следующих факторах: 1) закрытость для других, отторжение посторонних; 2) жесткий социальный контроль, который приводит к ограничению индивидуальной свободы; 3) избыточные требования, установление норм, ограничивающие достижения личных успехов; 4) девальвация принятых сообществом норм на основе игнорирования отдельными индивидуумами общих правил [14, с. 21].

Эксперт Всемирного Банка М. Вуллок подчеркивает, что теория социального капитала не является оригинальной теорией, она по существу несколько модернизированная старая идея, у которой размыты границы объекта, отражаемого в категории, преувеличения экономического фактора в формировании социального капитала [15, с. 15].

Немецкий социолог К. Оффе понятие «социальный капитал» называет метафорой и утверждает, что оно вводит общественное мнение в заблуждение и считает тот объект, которого пытаются отразить, следует назвать просто «социальной активностью» [16, с. 118-119]. Эту же идею высказывает американский социолог К. Фишер и утверждает также, что «социальный капитал» — это не категория, а метафора, уводящая людей от истинных проблем, здесь объект отражения не поддается точному определению. В связи с этим автору представляется более целесообразным использование таких понятий как доверие, членство, коммуникабельность, которые достаточно адекватно отражают реальные исследуемые процессы и явления [17, с. 157].

Б. Файн в своей работе, посвященной критическому анализу концепций социального капитала в основном, повторяет идеи К. Фишера, когда пишет: «Этому концепту присущи небывалая расплывчатость и зыбкость. В его каркас заключены множество элементов: здесь можно найти горизонтальные и вертикальные связи, социальные ценности — включая их темные, негативные или извращенные разновидности, которые раскрываются в мафии, фашизме, эксплуатации семейного труда и так далее [18, с. 797].

Одним из главных объектов, подвергшихся серьезной критике, является измерение состояния социального капитала. Существенно отличающиеся подходы к определению сущности социального капитала вполне закономерно приводят к отсутствию единого методологического подхода к измерению уровня развития и сбалансированности его развития. Об этом говорят и сами исследователи, стоявшие у истоков создания концепций социального капитала Ф. Фукуя-

ма, который, в частности, пишет: «Один из самых больших недостатков концепции социального капитала заключается в отсутствии консенсуса по поводу того, как измерить его. Сегодня существуют лишь два основных способа: во-первых, проведение переписи участников в конкретном сообществе или ассоциации и, во-вторых, использование данных об уровне доверия и гражданской активности» [12, с. 98].

Анализ трудов известных зарубежных ученых, посвященных проблемам социального капитала, дает возможность сделать некоторые выводы об истоках, о современном состоянии исследования и его теоретико-методологических основах. Необходимость и активизация его изучения зарубежными исследователями тесно связаны тем, что капиталистические отношения, характеризующиеся отчужденностью, остаются фундаментальной основой индивидуализма, низкой гражданской активности, ослабления в контактах чувства доверия, искренности, доброжелательности и ответственности, которые отражают особенности социального капитала современного общества Запада и Северной Америки, ведут к его снижению. Остается фактом, что в зарубежной науке еще нет полного единства в понимании сущности и содержания этого понятия, но основная часть исследователей трактуют этот феномен как доверие, социальные связи, нормы, использование которых сообществу и отдельным индивидуумам дают возможности получить выгоды и блага. Сами зарубежные исследователи выделяют три основных идеи в определении сущности социального капитала. Так, исследователи С. Дарлауф и М. Фафчампс классифицируют их следующим образом: первая группа специалистов ограничивается утверждением, что социальный капитал – это фактор порождающий положительные внешние эффекты для членов сообщества; вторая группа делает вывод, что этот феномен представляет собой своеобразную связь доверия, норм и ценностей; третья группа особо обращает внимание на роль социальных сетей и ассоциаций в реализации социальных факторов [19, с. 1644].

Зарубежными исследователями выполнена значительная работа по изучению определенных аспектов социального капитала, которые должны использоваться при дальнейшем исследовании этого феномена [20, с. 19]. Вместе с тем следует отметить, что в западной литературе социальный капитал преимущественно рассматривается как социально-психологическое явление и при этом его границы определяются сферой взаимоотношений конкретного сообщества, в котором установлено взаимное общение на основе доверия и определенных установленных норм поведения.

Главным недостатком западных исследователей заключается в том, что они в определении социального капитала исходят из узкого понимания сущности социального феномена, отождествления социальных отношений с взаимоотношениями внутри конкретного сообщества, и с социально-психологическими отношениями. Представляется, что социальный капитал должен исследоваться на основе понимания сущности капитала вообще и социальных отношений в самом широком смысле. Это требует фундаментальной разработки теоретико-методологических основ социального капитала.

Пристатейный библиографический список

1. Файзуллин Ф.С., Файзуллин И. Ф. Социальный капитал как объект управления // Известия УНЦ РАН. С. 85-90.
2. Hanifan L. J. The RuRal Shool and Community Center// Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1916. Vol. 67. № 1. 431 p.
3. Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. 554 с.

4. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. № 5. С. 60-75.
5. Beeker A. The human Capital. Chicago: University of Chicago Press, 1964. P. 21-38.
6. Shults T. W. Capital Formation by Edication // Journal of Political Economy, 1960. P. 571-583.
7. Dourdieu P. The forms of capital. // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. New York, 1986. P. 241-258.
8. Coleman J. S. Social Capital in the Creation of Human Capital // The American Journal of Sociology. № 94. P. 95-120.
9. Putnam R. D. Making democrace work: Civic traditions in modern Italy. Prinnton: University Press. 1992. Vol 7. 152 p.
10. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996. 288 p.
11. Ostrom. E. Social Capital Fadora: fundamental concept // Social Capital, a Multifacted Perspective. Washington: World Bank, 2000. P. 247.
12. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ, 2008. 730 с.
13. Parsons L. Embedding the “BLACK-BOX. A Ratformulated Social Capital Theory for the Explorating of Socio-Physical Linrages // Cogent social sciences. 2005. № 1. P. 75-103.
14. Portes A. Social Capital: Jts Origins and Application in Modern Sociology // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 12-38.
15. Woolcock M. The Place of Social Capital in Understanding Social and Economic Outiomes // Isuma: Canadian Journal of Policy Research. 2001. Vol. 27. № 2. P. 107-126.
16. Offe K. Social Capital. Conceptional Problems and Mode of Action. Berlin, 1999. 341 p.
17. Fischer C. Bouling Alone: Whotis the Score // A Social Networks. 2005. Vol. 27. № 4. P. 146-172.
18. Fine B. They You Up Those Social Capitalists // Antipode, 2002. Vol. 34. № 4. P. 796-799.
19. Durlauf S. N. Fafchamps M. Social Capital // Handbook of Economic Grow. Elsevier. 2005. Vol 16. P. 1939-1699.
20. Файзуллин Ф. С. Формирование социального капитала региона: проблемы и факторы. Под общей редакцией Файзуллина Ф. С. Садыков Р. М., Файзуллин Т. Ф. и др. Уфа: ИСЭИ УФИЦ РАН, 199 с.

ФИРСОВА Ольга Николаевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга и предпринимательства Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

ОЦЕНКА ИНДИКАТОРОВ РАЗВИТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕГИОНАЛЬНОМ РАЗРЕЗЕ

В данной статье представлена оценка индикаторов развития хозяйствующих субъектов, образующих сектор малого и среднего предпринимательства в регионах России, представлена динамика показателей регионального социально-экономического развития, отражающая специфику предпринимательской активности хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: предпринимательство, регион, индикаторы социально-экономического развития, малое и среднее предпринимательство.

FIRSOVA Olga Nikolaevna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Marketing and entrepreneurship sub-faculty of the I. S. Turgenev Orel State University

Фирсова О. Н.

ASSESSMENT OF INDICATORS OF THE DEVELOPMENT OF SMALL AND MEDIUM ENTERPRISES IN REGIONAL PERSPECTIVE

This article presents an assessment of the development indicators of economic entities that form the sector of small and medium-sized businesses in the regions of Russia, presents the dynamics of indicators of regional socio-economic development, reflecting the specifics of the entrepreneurial activity of economic entities.

Keywords: entrepreneurship, region, indicators of socio-economic development, small and medium-sized businesses.

Хозяйствующие субъекты, образующие сектор малого и среднего предпринимательства в стране, в ходе своей деятельности выполняют основные функции, от которых и зависит выбор тех или иных индикаторов, используемых для оценки социально-экономического развития регионов России и динамики развития сферы малого и среднего предпринимательства. Рассмотрим основные индикаторы, отражающие динамику развития малого и среднего предпринимательства в регионах России.

В 2021 году в России всего насчитывалось 5866703 предпринимательские структуры, объединяющие в себе микро-, малый и средний сегмент, что на 182142 тыс. предпринимательских структур больше, чем в 2020 году, что обуславливает положительную динамику развития предпринимательства в стране, несмотря на отставание от показателей по их численности в период 2017-2019 гг. (рис. 1).

Так, в 2018 году количество хозяйствующих субъектов составляет 6,04 млн ед. и рабочие места были предоставлены для 16 млн граждан (22 % от общего числа занятых). Для сравнения отметим, что в 2016 г. количество предпринимательских структур составило 5,84 млн. ед., что обеспечило работой 18 млн граждан (25 % от общего числа занятых). В Российской Федерации только 4,7 % граждан

трудоспособного возраста являются начинающими предпринимателями.

Малые и средние предпринимательские структуры в РФ - это, прежде всего, микро бизнес, удельный вес которых в общем числе предпринимательских структур составил в 2021 году 96,1 %, удельный вес малых предпринимательских структур достиг отметки 3,6% - малых, а доля средних предпринимательских структур составила 0,3%.

Стоит отметить, что среди указанных типов предпринимательских структур число юридических лиц в 2021 году сократилось на 53587 ед. относительно 2020 года, а число ИП – увеличилось на 239423 ед. Изменения происходят и в отдельных федеральных округах России (табл. 1).

Исходя из данных, представленных в табл. 1, можно отметить неравномерность распределения числа предпринимательских структур по федеральным округам РФ. Наибольшее число функционирующих предпринимательских структур в 2021 году отмечено в Центральном федеральном округе (ЦФО) и составляет 1857954 ед. и в Приволжском федеральном округе (ПФО) – 1035009 ед. Наименьшее число

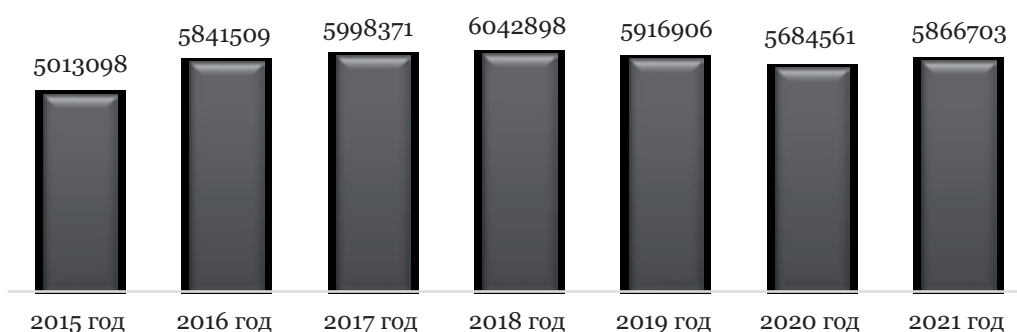

Рисунок 1. Динамика числа микро-, малых и средних предпринимательских структур в РФ в 2015-2021 гг., ед. [2]

Таблица 1. Распределение числа предпринимательских структур по федеральным округам (ФО) России в 2015-2021 гг., ед. [1]

ФО	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019г.	2020 г.	2021г.	Темп роста 2021/ 2020 гг., %
ЦФО	1636987	1771841	1861590	1866670	1821752	1764883	1857954	105,3
СЗФО	629902	673351	697706	707495	692465	661265	678810	102,7
ЮФО	569388	692589	712124	709427	694492	665412	678129	101,9
СКФО	188631	198867	199503	201326	200025	192451	205050	106,6
ПФО	1016076	1068590	1083030	1080648	1058398	1008260	1035009	102,7
УФО	482238	509842	520433	517901	510075	487874	494768	101,4
СФО	653465	689615	702399	642811	628271	601227	610050	101,5
ДФО	245699	261085	262431	314917	311197	303189	306933	101,2

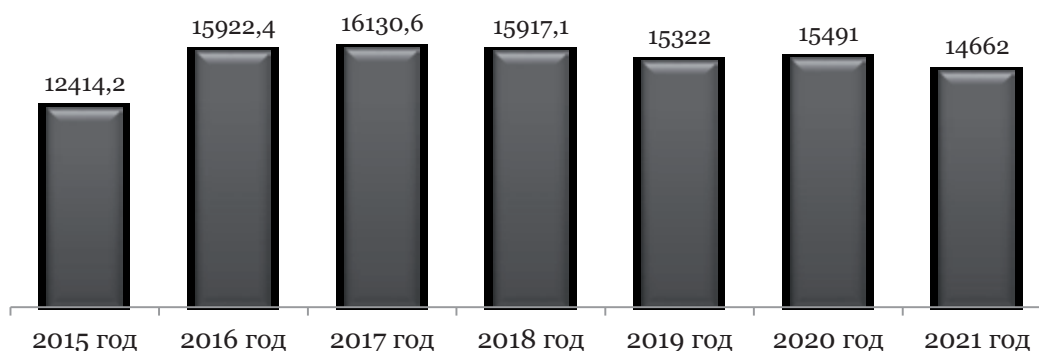

Рисунок 2. Динамика численности работников, обеспечивающих функционирование предпринимательских структур в РФ в период 2015-2021 гг., тыс. чел. [3]

предпринимательских структур насчитывается в Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО) - 192451 ед., и Дальневосточном федеральном округе - 306933 ед. Такое неравномерное распределение предпринимательских структур по стране связано с приближенностью к центральному аппарату управления, наиболее благоприятными природными условиями для воспроизводства предпринимательской деятельности, численностью, плотностью и экономической активностью проживающего в регионах страны населения, концентрацией финансового капитала, а также миграцией населения трудоспособного возраста в крупные города и промышленные центры перечисленных выше федеральных округов.

Рассмотрим динамику численности работников, обеспечивающих функционирование предпринимательских структур в РФ, используя данные рис. 2.

Согласно данным рис. 2, численность работников, задействованных в деятельности предпринимательских структур, в 2021 году составила 14662 тыс. чел., в 2020 году - 15491 тыс. чел., а в 2017 году - 16130,4 тыс. чел., что указывает на ежегодное снижение данного показателя. По отношению к 2015 г. наблюдалось незначительное увеличение работников, и показатель увеличился всего на 38,9 тыс., а в 2016 год показатель достиг отметки 15922 тыс. чел, что больше на 3508 тыс. чел, чем в 2015 году.

Наибольшее число работников, задействованных в деятельности предпринимательских структур, наблюдается в ЦФО и ПФО - 4796 тыс. чел. и 2824 тыс. чел. соответственно. СКФО - анти-лидер по числу работников - 352 тыс. чел., что обусловлено, в том числе, и низким числом действующих предпринимательских структур в данном федеральном округе.

Предпринимательские структуры малого и среднего бизнеса рентабельно функционируют в небольших сегментах рынка, наиболее гибких и мобильных к изменяющимся экономическим и политическим условиям в стране. В 1 полугодии 2021 г. по данным Росстата сектор оптовой и розничной торговли составил 56% от суммарного оборота МСП

по видам экономической деятельности. Доля оборота предпринимательских структур, функционирующих в обрабатывающих производствах, составила 14%. Наименьшая доля оборота отмечается по предпринимательским структурам, задействованных в научной отрасли, а также в недвижимости - 3% и 3,4% соответственно.

Общий оборот всех предпринимательских структур в первой половине 2021 г. превысил 119 трлн руб., что на 26,5 трлн (27%) больше аналогичного показателя периода ранее. Показатели средних и крупных предпринимательских структур составили 3,8 и 84,7% объема полученных доходов соответственно, за аналогичный период 2020 г. - 3,3 и 84,1% соответственно, в 2019 г. соотношение составило 3,4 и 83,3.

Вклад предпринимательских структур малого и среднего предпринимательства в экономику регионов РФ в 2020 году составил 20,3%, в 2019 г. - 20,7 %, в 2017 г. - 22%. Согласно представленным данным, отмечается сокращение доли малого и среднего предпринимательства в ВВП страны в течение исследуемого периода.

Таким образом, малый и средний бизнес оказывает существенное влияние на развитие территорий РФ. Многие регионы достигли больших успехов в развитии этой сферы, но и получили ощутимый опыт, который выражается в высокой отдаче от этого сегмента экономики.

Пристатейный библиографический список

1. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://ofd.nalog.ru>.
2. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru>.
3. Федеральный портал малого и среднего предпринимательства. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://smb.gov.ru/>.

ЧЕЛПАНОВА Марина Михайловна

кандидат экономических наук, доцент, начальник кафедры административного права и административной деятельности ОВД Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

ПОНЕЖИНА Людмила Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России, полковник полиции

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И УГРОЗЫ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Финансовая безопасность является важной составляющей экономической безопасности государства. Поэтому важно учитывать влияние угроз финансовой безопасности на секторы экономики и разделять их в зависимости от характера угрозы. Рассмотрены факторы возникновения угроз финансовой безопасности государства, составляющие финансовой безопасности в структуре национальной безопасности, угрозы составляющим финансовой безопасности государства.

Ключевые слова: финансовая безопасность, экономическая безопасность, государство.

CHELPAANOVA Marina Mikhaylovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor, Head of Administrative law and administrative activities of the department of internal affairs sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

PONEZHINA Lyudmila Yurjevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Administrative law sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia, colonel of police

THE CURRENT STATE AND THREATS TO THE FINANCIAL SECURITY OF THE STATE

Financial security is an important component of the economic security of the state. Therefore, it is important to take into account the impact of financial security threats on economic sectors and to separate them depending on the nature of the threat. The factors of the emergence of threats to the financial security of the state, components of financial security in the structure of national security, threats to the components of the financial security of the state are considered.

Keywords: financial security, economic security, the state, internal threats, external threats, factors, indicators.

Значительный масштаб недавних событий в стране привел к усилению угроз экономической безопасности, которые негативно влияют на экономическое положение страны, препятствуют экономическому росту, ограничивают экономические интересы личности, общества и страны, а также оказывают негативное влияние на национальную безопасность страны [7]. Большинство рисков за 2022-2023 годы являются кризис энергоснабжения; кризис стоимости жизни; растущая инфляция; кризис снабжения продовольствием и кибератаки на критическую инфраструктуру в числе главных рисков на 2023 год с наибольшим потенциальным воздействием в глобальном масштабе. Те, которые не входят в первую пятерку за год, но вызывают обеспокоенность, включают: неспособность достичь нулевых показателей; вооружение экономической политики; долговой кризис; и отказ цепочек поставок непродовольственных товаров. Российская глобальная «новая нормальность» — это возвращение к основам — продовольствию, энергии, безопасности — проблемам, которые, как считалось, наш глобализированный мир должен решить. Эти риски усугубляются сохраняющимся здоровьем и экономическим влиянием глобальной пандемии; война в Европе и санкции, влияющие на глобально интегрированную экономику; и усиливающаяся гонка технологических вооружений, подкрепляемая промышленной конкуренцией и усилением государственного вмешательства. Долгосрочные структурные изменения в геополитической динамике — с распространением власти между странами с различными политическими и экономическими системами — совпадают с более быстро меняющимся экономическим ландшафтом, что приводит к низким темпам роста,

В результате глобальный ландшафт рисков кажется совершенно новым. Происходит возвращение «старых» рисков, ко-

торые исторически понимались, но с которыми сталкивались немногие в нынешнем поколении руководителей бизнеса и государственных политиков. Кроме того, в глобальном ландшафте рисков произошли относительно новые изменения. К ним относятся широко распространенные, исторически высокие уровни долга государственного и, в некоторых случаях, частного сектора; все более быстрый темп технологического развития и его беспрецедентное переплетение с критическим функционированием обществ; использование экономической политики глобально интегрированными державами в качестве оружия высветило уязвимости, создаваемые торговой, финансовой и технологической взаимозависимостью как для государственного, так и для частного секторов, конфликт на Украине спровоцировал введение санкций, национализацию ключевых игроков и присвоение государством активов, например, захват Германией акций российских энергетических компаний в местных нефтеперерабатывающих заводах в прошлом году.

Перед лицом уязвимых мест, выявленных пандемией, а затем войной, экономическая политика, особенно в странах с развитой экономикой, все больше ориентируется на геополитические цели. Страны стремятся создать «самодостаточность», опираясь на государственную помощь, и добиться «суверенитета» от соперничающих держав посредством оншоринга и «дружественной поддержки» глобальных цепочек поставок. Защитные меры по стимулированию местного производства и минимизации иностранного вмешательства в критически важные отрасли включают субсидии, более строгий отбор инвестиций, политику локализации данных, запрет на выдачу виз и исключение компаний из ключевых рынков.

Стратегии по усилению безопасности также могут быть сопряжены с большими экономическими издержками. Уси-

ление геополитической напряженности может еще больше ослабить экономический ландшафт, что приведет к затяжной инфляции или замедлению роста, даже если текущее давление ослабнет.

Основной задачей финансовой безопасности Российской Федерации является минимизация и устранение факторов и условий, угрожающих российской финансовой системе. Рассматривая угрозы финансовой безопасности, необходимо понимать, что одна страна не может учитывать влияние угрозы на отдельный сектор экономики, поскольку все секторы взаимосвязаны, и ослабление одного приводит к потере и краху другого.

Как и в случае с долгом, инфляция также связана с ростом цен на сырьевые товары из-за войны на Украине, а также с сильным долларом и бюджетными расходами государств на борьбу с экономическим спадом, вызванным пандемией. Тот факт, что большинство рисков взаимосвязаны, означает, что снижение риска любого отдельного риска будет зависеть от одновременного уменьшения множества других рисков. Точно так же серьезность любого отдельного риска связана с другими рисками и часто усугубляет их. Тем не менее, мы считаем полезным исследовать каждый риск в отдельности, помня о взаимосвязанной природе всех рисков и прогнозируя направление, в котором будет двигаться каждый из них с точки зрения вероятности – выше или ниже – даже если ни один отдельный риск не может полностью уменьшиться, в то время как другие не были решены.

Краткий анализ основных показателей финансовой безопасности в Российской Федерации в 2017-2022 годах позволил выявить основные угрозы финансово-экономической безопасности России.

1. Угрозой финансовой безопасности России является влияние мировых цен на нефть на государственный бюджет, поскольку нефть и нефтепродукты являются основными экспортными доходами России и составляют почти 37% (180 миллиардов долларов) всего экспорта сырьевых товаров.

2. Высокая зависимость России от импорта непродовольственных товаров.

3. Высокий уровень инфляции, который сопровождается повышением ключевых процентных ставок рефинансирования, также представляет угрозу финансовой и экономической безопасности.

С начала года произошло значительное ужесточение финансовых условий в большинстве стран мира, особенно в Восточной Европе. Несмотря на это ужесточение финансовые условия остаются приближенными к средним показателям за прошлые периоды, а реальные ставки остаются адаптивными в большинстве стран.

Новая геополитическая реальность усложняет работу центральных банков, которые уже столкнулись с необходимостью тонкого балансирования в условиях устойчиво высокой инфляции. Они должны вернуть инфляцию на целевой уровень, помня о том, что чрезмерное ужесточение мировой финансовой конъюнктуры наносит ущерб экономическому росту. Последствия войны и введенных после ее начала санкций продолжают вызывать резонанс. Кроме того, сохраняющаяся волатильность цен на сырьевые товары может оказать значительное давление на финансирование торговли сырьевыми товарами и рынки производных инструментов и даже вызвать новые сбои наподобие резких колебаний цен, которые привели к приостановке торгов никелем в прошлом месяце. Такие эпизоды, возникающие на фоне повышенной геополитической неопределенности, могут оказать негативное воздействие на ситуацию с ликвидностью и условия финансирования.

Внешние угрозы обычно определяются объемом финансовой помощи со стороны международных финансовых организаций, которые влияют на финансовый суверенитет страны, политической ситуацией, вызванной характером отношений страны с другими странами, и политическими интересами, реализуемыми в обществе [3, с. 75].

Угрозы информационной безопасности в финансовом секторе требуют особого внимания [5, с. 111]. Экономика XXI века связана с такими понятиями, как блокчейн, криптовалюты, краудфандинг, облачные технологии, финансирование, электронные деньги и электронные финансы. В свою очередь, Лев М. Ю., Лещенко Ю. Г. относят следующие риски, присущие центральному банку: операционные, финансовые, регуляторные, организационные, технические [1].

Таким образом, экономическая безопасность становится более сложной и напрямую зависит от уровня развития общества, используемых технологий и ИКТ. Все стороны, участвующие в экономических отношениях, независимо от их формы собственности, должны соблюдать установленные правила и требования экономической безопасности, чтобы предвидеть и минимизировать связанные с ними риски и угрозы [4, с. 4]. Поэтому необходимо ряд мер для серьезного реформирования всего финансового сектора, а выявленные тенденции в повышении финансовой безопасности различных подсистем указывают на необходимость определения приоритетов национальной экономической безопасности с учетом изменений ситуации в финансовом секторе. Риски финансовой безопасности накапливаются, когда различные факторы взаимосвязаны. Влияние угрозы на финансовую безопасность страны и величина опасности определяются путем расчета и мониторинга изменений специальных показателей. При отсутствии законодательно установленного перечня этих показателей финансовой безопасности могут быть установлены следующие критерии анализа и оценки финансовой безопасности страны, основанные на стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. Однако показатели должны использоваться совместно для оценки финансовой безопасности со всех сторон. Поэтому, комбинация системных компонентов требует постоянных обновлений. В ближайшей перспективе центральным банкам следует предпринять решительные меры, чтобы не позволить инфляции приобрести хронический характер и удерживать под контролем ожидания в отношении будущего роста цен. Для своевременного возвращения инфляции на целевой уровень может потребоваться установление процентных ставок выше показателей, которых в настоящее время ожидают участники рынка.

В то же время необходимость компромиссов между обеспечением энергетической безопасности (достаточных объемов доступных по цене поставок) и борьбой с изменением климата (посредством механизмов регулирования, направленных на повышение цен на нефть и газ) становится очевидной по мере того, как воздействие международных санкций в отношении России на предложение и цены распространяется по всей Европе и за ее пределами.

Пристатейный библиографический список

1. Графова Т. О., Шаповалов А. Ф. Риски и угрозы экономической безопасности в цифровой экономике // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2020. – Т. 9. № 1 (30). – С. 382-386.
2. Дюбанова Ю. В. Финансовая безопасность России в современных условиях // ТДР. - 2022. – № 2. – С. 75.
3. Кудряшов В. С., Доберчук В. Ю. Современные угрозы финансовой безопасности России // *Juvenis scientia*. - 2018. – № 6. – С. 4.
4. Кузминова О. А., Иневаткина С. Р. Анализ и оценка существующих вызовов и угроз финансово-экономической безопасности РФ на современном этапе // Экономика и бизнес: теория и практика. - 2022. – № 9. – С. 111.
5. Рахматуллина С. К. Экономическая безопасность государства // Потенциал российской экономики и инновационные пути ее реализации. - 2018. – С. 298-302.

ХАБИРОВ Юлай Марсович

магистрант Уфимского государственного нефтяного технического университета

ХАМИДУЛЛИН Ильдар Салимович

доцент Уфимского государственного нефтяного технического университета

КЛЯВЛИНА Яна Марсовна

кандидат экономических наук, доцент Уфимского государственного нефтяного технического университета

КЛЯВЛИН Марс Салихович

доктор химических наук, профессор Уфимского государственного нефтяного технического университета

ПЕРСПЕКТИВЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТЕПЛОСНАБЖЕНИЯ ЗДАНИЙ И СООРУЖЕНИЙ

В настоящей статье ставится задача исследования экономической целесообразности внедрения рекуперации вторичной тепловой энергии для нужд теплоснабжения и горячего водоснабжения зданий и сооружений. Данное решение обладает высоким потенциалом энергосбережения, поскольку использует дешёвую вторичную тепловую энергию, представляющую собой отходы различных технологических процессов. Внедрение рекуперации способствует сокращению выбросов оксидов углерода в атмосферу и оказывает положительное экологическое влияние. Тем не менее у такого решения существуют недостатки, такие, как возможность внедрения лишь в условиях нахождения в непосредственной близости к источникам бросовой тепловой энергии, зависимость от мощности источника, особенностей технологического процесса [1].

С целью оценки возможности использования системы рекуперации в качестве альтернативного источника тепловой энергии осуществлен SWOT анализ двух вариантов схем теплоснабжения. Выявлены преимущества и недостатки предлагаемых решений, оценена перспективность их внедрения на рынке.

Ключевые слова: альтернативные источники тепла, вторичная тепловая энергия, рекуперация, утилизация теплоты, экономическая целесообразность.

KNABIROV Yulay Marsovich

magister student of the Ufa State Petroleum Technical University

KHAMIDULLIN Ildar Salimovich

associate professor of the Ufa State Petroleum Technical University

KLYAVLINA Yana Marsovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of the Ufa State Petroleum Technical University

KLYAVLIN Mars Salikhovich

Ph.D. in chemical sciences, professor of the Ufa State Petroleum Technical University

PROSPECTS FOR IMPROVING THE ENERGY EFFICIENCY OF HEAT SUPPLY OF BUILDINGS AND STRUCTURES

In this article, the task is to study the economic feasibility of introducing the recovery of secondary thermal energy for the needs of heat supply and hot water supply of buildings and structures. This solution has a high potential for energy saving, since it uses cheap secondary thermal energy, which is waste from various technological processes. The introduction of recuperation helps to reduce emissions of carbon oxides into the atmosphere and has a positive environmental impact. Nevertheless, such a solution has disadvantages, such as the possibility of implementation only in conditions of being in close proximity to sources of waste heat energy, dependence on the power of the source, features of the technological process [1].

In order to assess the possibility of using the recovery system as an alternative source of thermal energy, a SWOT analysis of two variants of heat supply schemes was carried out. The advantages and disadvantages of the proposed solutions are revealed, the prospects of their implementation in the market are evaluated.

Keywords: alternative heat sources, secondary thermal energy, heat recovery, heat utilization, economic feasibility.

Введение

Увеличение стоимости энергетических ресурсов, с одной стороны, и насущность повышения эффективности работы инженерных систем зданий и сооружений с другой, определяют необходимость вовлечения в использование альтернативных источников энергии [2]. Одним из перспективных альтернативных источников энергии является вторичная тепловая энергия – побочный продукт различных технических процессов.

Целью настоящей работы является оценка возможности вовлечения рекуперации бросовой тепловой энергии в систему теплоснабжения и горячего водоснабжения зданий и сооружений.

Методы и материалы. Анализ проводился на основе результатов исследований [1], [2], [3], [4], [5], [6], [7], [8].

Результаты и их обсуждение

В настоящее время в городских агломерациях вырабатывается большое количество тепловой энергии, образующейся при работе различного оборудования (сбросная энергия отработанного пара и дымовых газов, тепло охлаждения технологических продуктов), которая не находит применение [3]. В то же время разрабатываются высокоэффективные теплообменные агрегаты, тепловые насосы и установки на основе органического цикла Ренкина, которые позволяют использовать ранее не применяющуюся низкопотенциальную

Таблица 1

Сильные стороны	Слабые стороны
<ul style="list-style-type: none"> • Распределенное производство тепловой энергии; • Поставка тепловой энергии единому потребителю (сетевой компании); • Экономия затрат на охлаждение для предприятий- 	<ul style="list-style-type: none"> • Зависимость от текущей мощности и технологических циклов предприятия источника; • Недостаточная мощность для обеспечения пиковых нагрузок; • Тепловые потери при передаче на значительные расстояния.
Возможности	Угрозы
<ul style="list-style-type: none"> • Предприятия источники тепловой энергии могут управлять объемом поставляемой тепловой энергии; • Маркетинговые преимущества за счет применения “Зеленых технологий”; • Возможность внедрения за счет инвестиции в местные тепловые сети; • Государственная поддержка на этапе внедрения. 	<ul style="list-style-type: none"> • Низкая заинтересованность предприятий инвестировать в системы рекуперации; • Трудность совместной работы с предприятиями централизованного теплоснабжения.

Таблица 2

Сильные стороны	Слабые стороны
<ul style="list-style-type: none"> • Распределенное производство тепловой энергии; • Поставка тепловой энергии единому потребителю. • Обеспечение бесперебойным горячим водоснабжением в летние периоды • Экономия затрат на охлаждение для предприятий- 	<ul style="list-style-type: none"> • Зависимость от текущей мощности и технологических циклов предприятия источника; • ненадежность поставки тепловой энергии. • Недостаточная мощность для обеспечения пиковых нагрузок; • Отсутствие заинтересованности предприятий в распределении и доставке тепловой энергии; • Сложная ценовая динамика.
Возможности	Угрозы
<ul style="list-style-type: none"> • Предприятия источники тепловой энергии могут управлять объемом поставляемой тепловой энергии; • Маркетинговые преимущества за счет применения “Зеленых технологий”; • Государственная поддержка на этапе внедрения. 	<ul style="list-style-type: none"> • Низкая заинтересованность предприятий инвестировать в системы рекуперации; • Трудность организации сотрудничества с местными потребителями (жилые здания, сооружения и т.д.); • Сложности обеспечения тарификации поставляемой энергии.

вторичную тепловую энергию. Вышеназванные факторы делают доступным возможность использования дешёвой и доступной вторичной тепловой энергии для нужд теплоснабжения зданий и сооружений в городах.

Известно, что большое количество неиспользуемой теплоты выделяется при охлаждении вычислительной техники [4]. Расположение вычислительных центров рядом с жилыми кварталами делает актуальной идею использования ресурсов, получаемых путем рекуперации, не только для обеспечения собственных нужд, но и для реализации сторонним потребителям. При этом можно достичь не только экономии, но и получить дополнительную прибыль.

В работе [5] проанализированы варианты повышения эффективности системы кондиционирования в Центре обработки данных (ЦОД). Разработана система охлаждения оборудования ЦОД с помощью холодильной установки, предусматривающая рекуперацию выделяемого тепла и реализацию ее сторонним потребителям. Показано, что ЦОД мощностью 1 мВт имеет возможность реализовать свою теплоту на подогрев 25 м³ воды (до 50 °С) в час или отапливать помещение площадью 10 000 м². Получается положительный экономический эффект за счет снижения затрат на электроэнергию, требуемую для охлаждения вычислительного оборудования [5]. Предлагаемая разработка имеет большое значение для компаний IT-отрасли, поскольку позволяет уменьшить общие издержки работы энергоёмкого вычислительного оборудования и сократить негативное воздействие на окружающую среду. Внедрение технологии энергосбере-

жения для таких предприятий позволяет укрепить репутацию среди общественности [6].

Оценка инвестиционной привлекательности использования отработанной тепловой энергии ЦОД проведена в работе [7]. В исследовании оценивалась чистая приведенная стоимость инвестиционного проекта (NPV) для вычислительных центров разного масштаба: малого (50 стоек с вычислительным и телекоммуникационным оборудованием), среднего (500 стоек) и крупного (5000 стоек). По результатам моделирования для среднего и крупного ЦОД получен положительный эффект. Так, чистая приведенная стоимость с учетом неопределенности для среднего вычислительного центра составляет 0.332–2.57 млн €, для крупного ЦОД – 4.1–30.2 млн €. Для вычислительных центров малых масштабов чистая приведенная стоимость большинства проектов с учетом различных факторов принимает отрицательное значение и составляет - 264–143 тыс. €.

Авторами [8] рассмотрен опыт внедрения установки утилизации низкопотенциальной энергии на основе цикла Ренкина (ОЦР-установки) в цехах Горьковского автозавода. ОЦР-установки позволяют при рекуперации вырабатывать не только тепловую энергию, но и электричество. При этом 20% переданной установке бросовой тепловой энергии преобразуется в электрическую энергию, а остальные 80% – в тепловую энергию для нагрева горячей воды. Максимальный годовой объем выработанной тепловой и электрической энергии на одной установке составляет 5132 и 718 МВтч/год соответственно, при этом объем потребления цеха на горя-

чее водоснабжение составляет 1858 МВтч/год. Таким образом, объем рекуперированной тепловой энергии значительно превышает потребности цехов в горячем водоснабжении. Однако время окупаемости проекта составляет 10–16 лет.

Для выявления преимуществ и недостатков, а также оценки инвестиционной привлекательности проведен SWOT анализ внедрения системы рекуперации бросовой теплоты для двух вариантов организации теплоснабжения: 1) конфигурация с распределенным производством тепловой энергии, при которой источник вторичной тепловой энергии подключается к районной распределительной сети и удовлетворяет местные потребности в тепловой энергии, излишки или недостатки компенсируются системой централизованного теплоснабжения (таблица 1), 2) конфигурация с распределенным производством тепловой энергии с местной нагрузкой. В таком случае предприятие источник передает тепловую энергию местной нагрузке, излишки или недостатки компенсируются системой централизованного теплоснабжения (таблица 2).

Вывод

Таким образом, внедрение системы рекуперации вторичной тепловой энергии является перспективной технологией. Наряду с централизованным теплоснабжением дополнительные источники тепла смогут покрыть недостатки существующих мощностей теплоснабжения в уже сформированных кварталах и обеспечить районы, формирующиеся вдали от централизованных сетей. Предприятия-источники вторичной тепловой энергии смогут снизить затраты электроэнергии на охлаждение оборудования, а потребители сократят расходы на теплоснабжение за счет использования более дешёвых вторичных энергетических ресурсов. Использование вторичной тепловой энергии позволит сократить потребление дорогостоящих первичных энергетических ресурсов, выбросов парниковых газов, а также повысить энергоэффективность.

Внедрение системы рекуперации является перспективным для предприятий среднего и крупного масштаба. Для уменьшения сроков окупаемости необходимо дальнейшее совершенствование теплообменного оборудования и технологии утилизации низкопотенциальной энергии.

Пристатейный библиографический список

1. Хабиров Ю. М., Хамидуллин И. С. Возможность рекуперации бросовой теплоты холодильной установки в рамках модернизации систем горячего водоснабжения зданий // Технические и технологические системы: материалы тринадцатой Международной научной конференции «ТТС-22» (23–25 ноября 2022 года) / ФГБОУ ВО «КубГТУ», КВВАУЛ им. А.К. Серова. - Краснодар.: Издательский Дом – Юг, 2022. - 478 с.
2. Стратегия развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года [Электронный ресурс]: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 октября 2022 г. № 3268-р. Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс»
3. Doračić B., Novosel T., Pukšec T., Duić N. Evaluation of excess heat utilization in district heating systems by

- implementing levelized cost of excess heat district heating // *Energies*. - 2018. - № 11. - С. 575–589.
4. Асонов Д. А., Романова Т. Н. Утилизация тепла под // Энерго- и ресурсосбережение. Энергообеспечение. Нетрадиционные и возобновляемые источники энергии. Атомная энергетика: материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной памяти профессора Данилова Н. И. (1945–2015) – Даниловских чтений (Екатеринбург, 09–13 декабря 2019 г.). - Екатеринбург.: УрФУ, 2019. - С. 34–37.
5. Касаткин И. В., Верещак М. Р. Повышение энергоэффективности систем кондиционирования центров обработки данных // *Вестник магистратуры*. - 2020. - № 3. - 3 (102). - С. 48–51.
6. Клявлиня Я. М., Талипов Р. А., Клявлин М. С., Юсупов Д. Д. Энергосберегающие мероприятия при эксплуатации теплообменного оборудования горячего водоснабжения // *Водоснабжение, водоотведение и системы защиты окружающей среды*. - 2020. - С. 239–244.
7. Догучаева С. М. Ускоренное развитие рынка возобновляемых источников энергии // *УЭКС*. - 2017. - № 6 (100). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/uskorennoe-razvitiye-rynka-vozobnovlyaemyh-istochnikov-energii> (дата обращения: 12.02.2023).
8. Pärssinen M., Wahlroos M., Manner J., Syri S. Waste heat from data centers: An investment analysis // *Sustainable Cities and Society*. - 2019. - № 44. - С. 428–444.
9. Самоявчев И. С. Оценка экономических показателей проекта применения ОЦР-установок в окрасочных цехах автомобильного производства Горьковского автомобильного завода // *Интеллектуальная электротехника*. - 2018. - № 4. - С. 35–42.

БУЛГАКОВ Дмитрий Алексеевич

магистранты 2 курса Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

ТУМАНОВ Даниил Александрович

магистранты 2 курса Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

ТУМАНОВА Анна Владимировна

магистранты 2 курса Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

ТУРИСТИЧЕСКИЕ КЛАСТЕРЫ РЕГИОНА КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Огромное значение пространственных конфигураций туризма вызывает растущий интерес ученых, что увеличивает потребность в строгих теоретических и эмпирических исследованиях туристических кластеров как неотъемлемых инструментов региональной экономической политики. В настоящем исследовании предпринимается попытка раскрыть специфику туристических кластеров, прояснить их многогранную роль как катализаторов регионального социально-экономического роста и устойчивого развития.

Ключевые слова: туристические кластеры, региональная экономическая политика, устойчивое развитие, агломерационная экономика, территориальная конкурентоспособность, конфигурация кластера, региональный экономический рост.

BULGAKOV Dmitriy Alexeyevich

magister student of the 2nd course of the I. S. Turgenev Orel State University

TUMANOV Daniil Aleksandrovich

magister student of the 2nd course of the I. S. Turgenev Orel State University

TUMANOVA Anna Vladimirovna

magister student of the 2nd course of the I. S. Turgenev Orel State University

REGIONAL TOURISM CLUSTERS AS AN INSTRUMENT OF REGIONAL ECONOMIC POLICY (ON THE EXAMPLE OF THE OREL REGION)

The enormous importance of spatial configurations of tourism is of growing interest to scientists, which increases the need for rigorous theoretical and empirical studies of tourism clusters as integral tools of regional economic policy. In this study, attempts are made to reveal the criticality of tourism clusters, to clarify their multifaceted role as catalysts for regional socio-economic growth and sustainable development.

Keywords: tourism clusters, regional economic policy, sustainable development, agglomeration economy, territorial competitiveness, cluster configuration, regional economic growth.

Гетерогенность конфигураций систем туризма вызывает все больший интерес, что подчеркивает необходимость строгих теоретических и эмпирических исследований кластеров туризма в качестве интегральных инструментов региональной экономической политики. В настоящем исследовании ставится цель раскрыть критичность кластеров туризма в Орловской области, прояснить их многогранную роль в качестве катализаторов регионального социально-экономического процветания и устойчивого развития.

Впервые понятие кластер было использовано американским экономистом М. Портером. Он дает следующее определение кластеру: «Кластер – это группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, действующих в определенной сфере и характеризующихся общностью деятельности и взаимодополняющих друг друга» [2].

Развитие региональной экономики предполагает и развитие различных кластерных структур. Рассматриваемые как совокупность вертикально и горизонтально взаимосвязанных фирм, учреждений и отраслей, связанных родственными и функциональными связями, эти кластеры являются внутренними каналами, обеспечивающими конкурентоспособность,

внутреннюю конкурентоспособность и, таким образом, экономический рост [15].

Феномен кластеризации туризма обусловлен исключительными преимуществами и экономикой объединения, что дает уникальные преимущества, включая снижение затрат на транспортировку, усиление внутреннего пространства города, а также укрепление специализированных знаний в области передачи и обработки информации [10], [11].

Туристические кластеры, учитывая их потенциал для развития региональных экосистем, объясняют найденные связи между туризмом и устойчивым развитием регионов. При всей своей инклюзивности эти кластеры охватывают широкий спектр связанных с туризмом видов деятельности: гостеприимство, транспортные услуги, гастрономия, культурное наследие и досуг [2]. Подобное объединение сдерживает высокую конкурентоспособность и способствует развитию экономики, в том числе, эффекту мультипликации и созданию рабочих мест [3], [6].

В рамках региональной экономической политики кластеры туризма открывают массу возможностей. Исследования подтверждают, что кластеры туризма стимулируют конкурентоспособность территории путем развития синергетических отношений между различными субъектами, тем

самым способствуя развитию инноваций, улучшению качества продукции и повышению видимости на рынке [14].

Более того, эти факторы соответствуют региональной экономической политике, направленной на устойчивое развитие. Учитывая растущие требования отечественного туризма, кластеры могут играть важную роль в обеспечении экономического развития с сохранением окружающей среды и социокультурного сохранения, так как они обеспечивают скоординированное и интегрированное управление деятельностью и ресурсами туризма [13].

Региональное политическое управление может использовать кластеры туризма в качестве стратегических инструментов для обеспечения экономического благополучия, при условии разумного понимания их конфигурации, динамики и внутренних связей. Политики должны способствовать формированию благоприятной среды, которая будет формировать развитие внутрифирменного сотрудничества, содействовать внутрифирменному взаимодействию и вызывать заинтересованность в прогрессе кластеров.

Кроме того, инициативы в области политики должны предусматривать создание в кластерах туризма объединенной «тройной спирали» из представителей общества, промышленности и правительства для развития симбиотических отношений и синергий [12]. Кластер объединяет эффективное взаимодействие власти, бизнеса, образования и науки как эффективный инструмент региональной экономической политики, способствуя развитию экономики, поощряя внутреннюю активность и стимулируя устойчивые практики [4].

Отталкиваясь от концепции кластеров туризма, мы рассмотрим схожее понятие - территориально-производственный комплекс (ТПК) - конфигурацию взаимосвязанных отраслей, расположенных в тесной географо-физической близости друг от друга.

Это подводит нас к нюансам различий между кластером и ТПК. Понятие ТПК в первую очередь используется для обозначения внутрифирменного взаимодействия отраслей промышленности, связанных с каналами поставок и перетоком ресурсов, с акцентом на производственную деятельность. Ее форма обычно диктуется природными и экономическими факторами, такими как доступность ресурсов, импорт, инфраструктура и рынки. С другой стороны, кластер — это более крупная, более динамичная группа, которая охватывает не только предприятия, но и смежные организации, такие как образовательные учреждения, регулирующие органы и другие службы поддержки. Она уделяет особое внимание инновациям, сотрудничеству и переливам знаний, что приводит к повышению производительности. В отличие от ТПК, кластеры не определяются только природными и экономическими факторами, но также учитывают такие факторы, как деловая среда, институциональная структура и историческое развитие. Таким образом, хотя и кластеры, и ТПК играют важнейшую роль в экономическом развитии региона, они характеризуются различными конфигурациями и формами экономической координации и взаимодействия [5].

Главной задачей, лежащей в основе разработки стратегии развития туристического кластера для Орловской области, является создание благоприятного экосистемного инструментария, способствующего последовательному развитию туристического сектора региона. Этот процесс направлен на комплексную актуализацию огромного туристско-ориентированного, рекреационного и историко-культурного потенциала, присущего Орловской провинции [5].

Основополагающим условием для создания туристического и рекреационного кластера в Орловской области является ромбовидная система конкуренции. Она включает в себя четыре ключевых аспекта: совокупность факторов, внутреннюю динамику и тенденции, наличие смежных и поддерживающих отраслей, структуру и стратегию фирм, участвующих в кластере, а также внутриотраслевую конкуренцию.

При рассмотрении специфических особенностей и факторов формирования туристического и рекреационного кластера основное внимание уделяется тем факторам, которые определяют спрос на товары и услуги туристического сектора в орловском регионе. Так развитие туристического кластера Орловской области выглядит весьма оптимистичным вариантом так, как уже подготовлен ряд административно-правовых документов, регламентирующих и обосновывающих развитие кластера в данном регионе [1].

Генезис туристической отрасли в Орловской области, вызванный вливанием федеральных бюджетных средств, стимулирует распространение профессиональных перспектив, разработку и развитие инновационных продуктов туристической индустрии. Это является важнейшей вершиной в прогрессивном континууме становления индустрии туризма в регионе.

Динамика кластера туризма в орловском регионе, по сути, разворачивается вокруг нескольких взаимосвязанных элементов. Уникальные функции и ресурсы Орловщины - будь то природные, культурные или исторические - служат основой кластера. Развитие и использование этих функций стимулирует развитие и рост бизнеса, связанного с туризмом.

Кроме того, конкуренция и сотрудничество между этими предприятиями и организациями, будь то гостиницы, операторы транспортных средств или транспортные агентства, способствуют оживлению и устойчивости кластера. Такие пересечения могут способствовать инновациям и повышению качества услуг, тем самым привлекая больше туристов и стимулируя дальнейшее развитие.

При изучении общерегионального состояния дел в стране, можно заметить, что большинство инициатив, связанных с зарождением и развитием кластерной политики, в основном охватывают теоретические или насущные этапы реализации, что делает невозможным обсуждение любых ощутимых результатов.

В силу присущих кластерному подходу особенностей, большинство из этих инициатив рассматриваются как долгосрочные проекты, неразрывно связанные с региональными стратегиями социально-экономического развития. В контексте орловского региона это проявление ничем не отличается. Эти проекты, все еще находящиеся на начальной стадии своего жизненного цикла, включают в себя не только стадии планирования и проектирования, но и начальные этапы реализации, предшествующие появлению ощутимых результатов в ближайшей перспективе [8].

Сложности, связанные с самим кластерным подходом, диктуют то, что эти инициативы будут осуществляться в более отдаленном временном горизонте, органично вписываясь в другие стратегии, направленные на повышение социально-экономической эффективности в Орловской области. Следовательно, эти стремления составляют неотъемлемую часть долгосрочного видения содействия региональному развитию, плоды которого могут потребовать значительного времени для созревания.

Стратегия развития Орловской области отличается недостаточной строгостью, особенно в оценке приоритетов

развития. Поскольку цели роста выбираются без разбора во всех территориальных секторах, это приводит к диффузии усилий и недостатку ресурсов для комплексной реализации всех инициатив.

Стратегии развития и маркетинга, используемые предприятиями и местными властями, также играют важную роль в формировании динамики развития кластера. Эффективные стратегии могут повысить узнаваемость региона как туристического направления, привлечь больше туристов и тем самым стимулировать рост и диверсификацию кластера [7].

Кроме того, регуляторная среда и государственная политика могут повлиять на динамику кластера, воздействуя на бизнес-операции и привлекательность региона для туристов и инвесторов. Поддерживающая политика, например поощрение устойчивого туризма или предоставление стимулов для бизнеса, связанного с туризмом, может способствовать росту благосостояния и устойчивости кластера [9].

В то же время внешние факторы, такие как экономические условия, а также такие глобальные явления, как пандемия COVID-19, могут резко повлиять на динамику кластера, что требует надежности и устойчивости его составляющих.

Без учета текущей ситуации это служит примерным представлением того, как кластер туризма может развиваться и эволюционировать в таком регионе, как Орловская область. Актуализационная динамика будет зависеть от конкретных особенностей региона и его кластера туризма, что требует детального анализа с учетом конкретных условий.

Пристатейный библиографический список

1. Правительство Орловской области. Распоряжение от 13 декабря 2016 года № 585-р. «Об утверждении Стратегии развития туристского кластера Орловской области». (с изменениями на 22 июля 2019 года) (в ред. Распоряжения Правительства Орловской области от 22.07.2019 № 356-р).
2. Абакумов С. Н., Абакумова В. А. Туристский кластер Орловской области как инструмент включения объектов культурного наследия в туристское пространство // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). – 2019. – №. 2 (20). – С. 5-10.
3. Капустин А. Н. Туристы: качество против количества // Туризм и сервис. – 2016. – № 14. – С. 5-9.
4. Кизим А. А., Вальвашов А. Н., Кулькова И. В. Повышение инвестиционной привлекательности региона на основе развития туристического кластера // Региональная экономика: теория и практика. – 2010. – № 26. – С. 52-59.
5. Крутиков В. К., Косогорова Л. А., Якунина М. В. и др. Региональная экономика и управление. Учебник / Под руководством и редакцией В. К. Крутикова. – Калуга: Изд-во АКФ «Политоп», 2018. – 864 с., ил.
6. Тихий В. И. Повышение конкурентоспособности территории на основе развития региональных кластеров // В сб. материалов Всероссийской конференции МАРСа (Международной Академии регионального развития и сотрудничества) Института географии РАН «Российская глубинка – модели и методы изучения». - Москва-Пенза, июнь 2012. - С. 188-193.
7. Тихий В. И. Пространственная трансформация экономики региона под воздействием процесса внутрирегиональной кластеризации // Ученые записки Орловского государственного университета. Научный журнал. – 2010. – № 3 (37). Часть 1. – С. 18-21.
8. Тихий В. И. Создание и развитие туристического кластера в регионе // Человек и географическая среда Сб. тр. Междунар. Научно-практ. конф. // Под общ. ред. А. М. Сараевой, Л. В. Суханова. – Орел: ОГУ имени И. С. Тургенева», 2017. - 147 с. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30111286>.
9. Тихий В. И. Создание кластеров в сферах АПК: действенный вариант реализации стратегии интеграции на базе повышения инновационной и инвестиционной активности регионального АПК // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы функционирования общественного сектора в трансформационной экономике» - ОГУ, 15-17 октября 2007. – С. 135-140.
10. Федосеева А. А., Петрухина Е. В. Интеграция туризма в экономическую систему Орловской области путем развития туристских информационных центров // Интеграция туризма в экономическую систему региона: перспективы и барьеры. – 2021. – С. 57-62.
11. Braunerhjelm P., Feldman M. P. (ed.). Cluster genesis: technology-based industrial development. – Oxford University Press, 2006.
12. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The dynamics of innovation: from National Systems and “Mode 2” to a Triple Helix of university–industry–government relations // Research policy. – 2000. – Т. 29. № 2. – С. 109-123.
13. Hall C.M. A typology of governance and its implications for tourism policy analysis // Journal of sustainable tourism. – 2011. – Т. 19. № 4-5. – С. 437-457.
14. Jugmohan, Sean & Spencer, J & Steyn, Jacobus. (2016). Local natural and cultural heritage assets and community based tourism: Challenges and opportunities. 22. 306-317.
15. Jackson J. et al. Innovations in measuring economic impacts of regional festivals: A do-it-yourself kit // Journal of travel research. – 2005. – Т. 43. № 4. – С. 360-367.

НИЗАМЕТДИНОВА Екатерина Алексеевна

магистрант Уфимского государственного нефтяного технического университета

РОЛЬ ИННОВАЦИОННО АКТИВНОГО МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ РОССИИ

Цель статьи – определить влияние инновационной активности малого предпринимательства на региональный экономический рост. В работе использованы общие методы исследования (ретроспекция, анализ, сравнение, синтез, индукция, дедукция, моделирование) и методы экономических исследований (графический, статистический, корреляционный, сбор фактов, логический). Сформирован статистический портрет инновационной активности малого бизнеса, в частности, проанализированы показатели численности инновационных малых предприятий, объема произведенной продукции, затрат на инновационную деятельность. На базе выявленных показателей осуществлен корреляционный анализ, выражающийся в установлении взаимосвязи между уровнем инновационной активности малых предприятий и валового регионального продукта (центрального показателя регионального экономического роста).

Ключевые слова: инновационно активный малый бизнес, инновационное предпринимательство, региональная экономика, валовый региональный продукт, экономическое развитие.

NIZAMETDINOVA Ekaterina Alexeevna

magister student of the Ufa State Petroleum Technical University

THE ROLE OF INNOVATIVELY ACTIVE SMALL BUSINESS IN THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIAN REGIONS

The purpose of the article is to determine the impact of innovative activity of small business on regional economic growth. The work uses general research methods (retrospection, analysis, comparison, synthesis, induction, deduction, modeling) and economic research methods (graphical, statistical, correlational, fact-finding, logical). A statistical portrait of the innovative activity of small businesses has been formed, in particular, indicators of the number of innovative small enterprises, the volume of production, and the costs of innovative activities have been analyzed. Based on the identified indicators, a correlation analysis was carried out, which is expressed in establishing the relationship between the level of innovative activity of small enterprises and the gross regional product (the central indicator of regional economic growth).

Keywords: innovatively active small business, innovative entrepreneurship, regional economy, gross regional product, economic development.

В современной парадигмальной модели экономики знаний, интенсифицируемой процессами инноватизации, роботизации и цифровизации, доминирующими вопросами прогрессирования социально-экономической системы становятся проблемы перехода с экстенсивного на интенсивные рельсы развития.

Центральная роль в данном процессе принадлежит регионам как субъектам, образующим ценностно-смысловой, содержательный и функциональный конструкт эволюционирования государства. В свою очередь, центрообразующей силой, координирующей, структурирующей и симбиозирующей региональные рынки, обеспечивающей их конкурентоспособность, инвестиционную привлекательность и потенциал, служит инновационный малый бизнес.

Инновационно активный малый бизнес, будучи наиболее гибким, адаптивным, неконстантным, экономическим субъектом, выступает для регионов драйвером, флагманом и катализатором перемен. Креативная деятельность инновационно активного малого предпринимательства, выражающаяся в генерировании и реализации передовых идей, технологий и продуктов, определяет

ландшафт постиндустриального будущего, территориальную индивидуальность и аутентичный облик региона [1].

Малые предприятия обеспечивают конвертацию исключительных потребительских характеристик территориального продукта в совокупность устойчивых позитивных впечатлений в сознании общества. Именно инновационно активный малый бизнес в условиях инноватизации глобальной экономической среды устанавливает вектор региональной политики, формируя полезность и ценность региона посредством максимизации ее ресурсов и моделирования региональной идентичности [2].

Опираясь ретроспективными данными и современными статистическими показателями, дадим оценку инновационной активности малого бизнеса в Российской Федерации.

В 2022 г. инновационно активными малыми предприятиями отгружено товаров собственного производства в размере 4251040821,4 тыс. руб., из них всего 118825882,1 тыс. руб. составляют инновационные товары (в том числе, вновь внедренные или подвергшиеся значительным

Рисунок 1. Численность задействованных в инновационной деятельности малых предприятий в 2022 г., ед. [3]

технологическим изменениям - 92543693,4 тыс. руб., подвергшиеся усовершенствованию в течение последних трех лет - 26282188,7 тыс. руб.). Как видно, основной акцент инновационной активности смещен в сторону продуктовых инноваций, т.е. модернизации существующей продукции. При этом доля технологических инноваций в общей структуре инноваций характеризуется наименьшим значением. Данное обстоятельство следует расценивать в негативной коннотации, поскольку выпуск прорывных продуктов возможен исключительно в условиях наращивания технологических инноваций. Проблема сигнализирует о необходимости интенсификации государственной политики в области импортозамещения.

На рис. 1 рассмотрим численность задействованных в инновационной деятельности малых предприятий.

Как видно из данных рисунка 1, в 2022 г. всего 4,4 % малых предприятий от общего числа малых предприятий осуществляли выпуск инновационной продукции. При этом доля малых предприятий, стабильно реализующих инновационную продукцию (в течение последних трех лет), еще ниже – всего 2,8 %. Продуктовые инновации разрабатывались 1010 малыми предприятиями (из них 267 предприятий модифицировали продуктовые инновации других предприятий), а процессные инновации – 436 предприятиями (из них 189 предприятий разрабатывали процессные инновации путем изменения или модификации чужих разработок).

Превалирующее число малых предприятий, отгрузивших инновационную продукцию, функционировали в интересах частных пользователей (771 ед.), всего 73 субъекта работали по государственным и муниципальным контрактам, что свидетельствует о недостаточном делегировании государством инновационных задач на малый бизнес. За исследуемый период число малых предприятий, отгрузивших инновационные товары, работы, ус-

луги, созданные с использованием результатов интеллектуальной деятельности, права на которые принадлежат российским правообладателям, составило 149 ед., из них 14 предприятий реализовывали продукцию на международный рынок.

На рисунках 2 и 3 отобразим число малых предприятий, имевших затраты на инновационную деятельность по видам и источникам финансирования.

В 2022 г. общее число малых предприятий, осуществлявших затраты на инновационную деятельность, составило 1792 ед. Как видно из данных рисунков 2 и 3, доминирующая доля инновационно активных малых предприятий осуществляет инновационную деятельность на собственные средства, приобретая машины, оборудования и прочие основные средства, связанные с инновационной деятельностью.

Объем затрат на инновационную деятельность в 2021 г. составил 54441815,6 тыс. руб., из них: на исследование и разработку новых продуктов – 12403996,3 тыс. руб., приобретение машин и оборудования – 20121828,9 тыс. руб., маркетинг и создание бренда – 602755,1 тыс. руб., обучение и подготовку персонала – 57668,6 тыс. руб., инжиниринг – 1710271,4 тыс. руб., разработку и приобретение программ для ЭВМ – 787972,9 тыс. руб., приобретение прав на патенты – 2067498,8 тыс. руб., планирование и разработку новых методов ведения бизнеса – 108381,1 тыс. руб., прочие затраты на инновационную деятельность – 16436777,5 тыс. руб. т.е., приоритетно инновационная деятельность малого бизнеса связана с обновлением материально-технического обеспечения, что положительно отражается на объеме инновационных товаров, но, необходимо констатировать, что данное направление является вспомогательным.

Таким образом, существует зависимость между объемом ВРП и деятельностью инновационно активного ма-

Рисунок 2. Число малых предприятий, имевших затраты на инновационную деятельность, по видам в 2022 году [3]

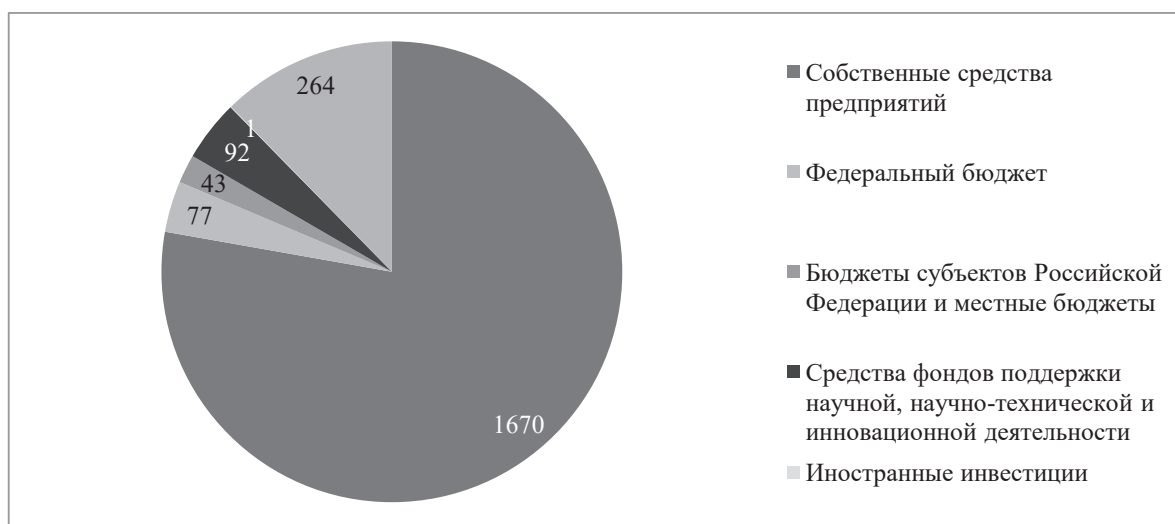

Рисунок 3. Число малых предприятий, имевших затраты на инновационную деятельность, по источникам финансирования в 2022 году [3]

лого бизнеса. Однако, необходимо понимать, что данная взаимосвязь не является однозначной и односторонней, процесс влияния инновационно активного малого бизнеса на экономическое положение регионов – двусторонний. Не только инновационный малый бизнес влияет на развитие региона, но и сама инфраструктура региона, покупательская способность, поддержка малого бизнеса влияют на его активность. При этом инновационный малый бизнес оказывает не прямое воздействие на региональный экономический рост, а, скорее, опосредованное, через формирование среднего класса, повышение инвестиционной привлекательности региона, демонополизацию ряда отраслей экономики, накопление стартовых капиталов, повышение гудвилла и т.д. (т.е. обеспечивая мультипликационный эффект).

Пристатейный библиографический список

1. Борисов С. А., Соменкова Н. С. Повышение инновационного потенциала малого предпринимательства как инструмент экономической безопасности России // Экономическая безопасность. – 2022. – Том 5. № 4. – С. 1665-1678.
2. Бруслова А. С. Формирование бренда региона как основы обеспечения сбалансированного социально-экономического развития субъектов РФ // Региональная экономика: теория и практика. – 2022. – № 14. – С. 34–42.
3. Росстат. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 08.01.2023).

ТУМАНОВ Даниил Александрович

магистрант 2-го курса Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

ТУМАНОВА Анна Владимировна

магистрант 2-го курса Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

БУЛГАКОВ Дмитрий Алексеевич

магистрант 2-го курса Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА РЕГИОНА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

В данной статье исследуется актуальная тема, связанная с модернизацией сельскохозяйственной отрасли в условиях конкурентной рыночной экономики.

Проанализирована динамика развития агропроизводства в Орловской области. Выявлены конкурентноспособные преимущества, а также препятствия, тормозящие экономический рост сельского хозяйства региона. Рассмотрены возможности для цифровизации агропромышленного производства и внедрения современных программ и технологий. Уделяется внимание вопросу инвестиций в отраслевую экономику области, а именно в сельское хозяйство.

Ключевые слова: агрохолдинг, отрасль, производство, трансформация, регион, Орловская область.

TUMANOV Daniil Aleksandrovich,

magister student of the 2nd course of the I. S. Turgenev Oryol State University

TUMANOVA Anna Vladimirovna

magister student of the 2nd course of the I. S. Turgenev Oryol State University

BULGAKOV Dmitriy Alexeevich

magister student of the 2nd course of the I. S. Turgenev Oryol State University

TRANSFORMATION OF AGRICULTURAL PRODUCTION IN THE REGION IN THE POST-SOVIET PERIOD (ON THE EXAMPLE OF THE ORYOL REGION)

This article examines the topical issue related to the modernization of the agricultural sector in a competitive market economy.

The dynamics of agricultural production development in the Orel region is analyzed. The competitive advantages as well as obstacles hampering the economic growth of agriculture in the region are revealed. Opportunities for the digitalization of agricultural production and the introduction of modern programs and technologies are considered. Attention is paid to the issue of investment in the industry economy of the region, namely in agriculture.

Keywords: agricultural holding, industry, production, transformation, region, Orel region.

В результате трансформационных преобразований, вызванных либерализацией экономики и формирования институциональной рыночной системы, в постсоветский период, абсолютно все отрасли производства, в том числе и сельскохозяйственная сфера, подверглись глобальным реформам. Поскольку в «новой реальности» экономика регулируется не за счёт государственных планов, а с помощью рыночных механизмов, одними из наиболее значимых факторов развития и последующей трансформации аграрного производства стали: человеческий капитал, географическое положение и агроклиматические условия. Близость к столичному региону, благоприятный для выращивания многих культур климат, относительно высокий уровень образованности населения в аграрной сфере, определили Орловскую область, как конкурентноспособный плацдарм трансформации и модернизации сельскохозяйственного производства.

Сразу после распада СССР доля сельского хозяйства в ВВП страны заметно начала снижаться из года в год (рис. 1). Само по себе, данное явление не является чем-то

негативным, а скорее свидетельствует о развитии сферы услуг, оптимизации аграрного производства, в том числе и посредством закрытия нерентабельных предприятий в условиях конкурентного рынка, а также о росте технологичности сельского хозяйства. Данные трансформационные процессы не могли не повлиять и на особенности экономического развития Орловщины.

Тем не менее, экономика Орловской области всегда имела ярко выраженный индустриально-аграрный характер. Так, например, доля сельского хозяйства в ВРП составляет 23 % (2021), промышленности — 20 % (2021). Однако, темпы роста ВРП Орловской области в начале нулевых годов, во время наиболее активного экономического роста отставали от среднероссийского показателя [2], [3], [7].

Также в постсоветской России произошли глобальные изменения в структуре собственности, в том числе и в АПК. Так, например, в 1990-е годы в Орловской области при попытке адаптировать сельхозпредприятия к новым рыночным условиям, происходит попытка объединения

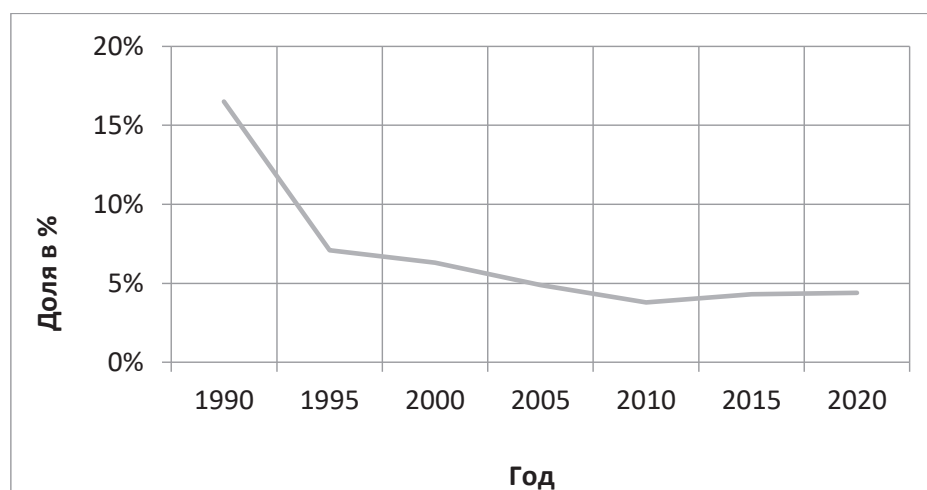

Рисунок 1. Доля сельского хозяйства в ВВП РФ, в %

Название организации	Инвестиционный проект	Место реализации
ООО «Агрос».	Постройка мельницы для помола пшеницы и механизированного склада для хранения зерна.	Мценский район
ООО «ЭлитБиоПродукт».	Возведение картофелехранилища и зернохранилища	Орловский муниципальный округ
АО «ОрелНобельАгро»	Строительство двух складов для хранения зерна	Новосильский район
ООО «Наш Союз».	Введение в эксплуатацию мельницы двусортного помола	Верховской район

Рисунок 2. Инвестиционные проекты, готовые к завершению в 2023 году.

предприятий в агрохолдинги. Одним из крупнейших агрохолдингов Орловской области стала «Орловская нива». Агрохолдинг выполнял функции внешнего управления для многих нерентабельных производств и обеспечивал контроль региональных властей в отрасли. Однако проблемы модернизации агропромышленного комплекса региона так и не были решены до конца. В последствии «Орловская нива» распалась на ряд холдингов, группирующихся вокруг жизнеспособных предприятий переработки. Так, например, в сахарной промышленности перерабатывающие предприятия взяли под контроль свеклосеющие хозяйства в пределах своей сырьевой зоны тяготения [1].

Орловская область активно участвовала в реализации национальных проектов, обеспечивающих рост сельскохозяйственного производства. Одним из таких проектов стал «Развитие АПК», который в середине нулевых годов обеспечил региону динамические изменения, а отрасли животноводства. Так, в ЗАО «Славянское» Верховского района внедрена прогрессивная технология ведения молочного скотоводства при беспривязном боксовом содержании коров и доением в доильном зале на установке «Европараллель» фирмы «Де Лаваль». Предприятием за-

ключён договор на поставку из Германии 132 нетелей голштинской породы с генетическим потенциалом продуктивности свыше 8 тыс. кг молока. Успешно развивалось ООО «Маслово» Орловского района, где имелось 4 тыс. голов коров. Внедрено высокоэффективное производство в агрофирме «Ливенское мясо», ОАО «Сосновка», ФГУП ПЗ им. XVII партсъезда, ООО «Черноземье», ТВ «Речица» и многих других. Наиболее развивающимися отраслями являлись свиноводство и птицеводство.

В данный момент в области насчитывается более 50 агропромышленных предприятий. Ключевым факторам функционирования агрофирм нового образца, стала их многоуровневая структура, так, к примеру, сам агробизнес состоит не только из сельхозпредприятия, но и включает в себя финансово-расчётный центр, задачи которого заключаются в управлении финансовыми потоками, маркетинго-сбытовой службы, занимающейся материально-техническим снабжением, организацией оптовой и розничной торговли. Помимо этого, агрофирма постоянно пополняется новыми и инновационными видами сельскохозяйственной техники.

Одним из ключевых факторов развития агропромышленных комплексов, является их цифровая модерниза-

ция. Современные, передовые не могли обойти стороной и сельское хозяйство Орловской области. В настоящий момент ведется разработка и внедрение инновационных навигационных систем с использованием технологий ГЛОНАСС. Планируется создание автоматизированной системы мониторинга сохранности продукции, производимой сельскохозяйственной промышленностью, а также система контроля состояния животноводческих ферм. Все эти изменения, стали возможны благодаря развитию ГИС технологий в России. Активно обсуждается создание научно-технической программы «Цифровое сельское хозяйство». Центры компетенций, создаваемые на базе научных организаций и предприятий, будут выполнять аккумулирующие функции по сплаву передовых цифровых технологий, науки и образования. В Орловской области также создан Центр компетенций в области цифрового сельского хозяйства на базе ФГБОУ ВО «Орловский ГАУ». Реализация направлений деятельности Центра компетенций позволит совершенствовать деятельность сельскохозяйственных предприятий на основе внедрения цифровых технологий и платформ в товарной цепочке от поля до покупателя.

Результатом трансформационных процессов в сельском хозяйстве Орловской области стало увеличение спроса на продукцию локальных фермерских брендов. Например, спрос на продукцию Урицкого молочного комбината в 2017 году по сравнению с 2013 годом возрос более чем на 50% [4], [6]. Помимо этого, ценовая политика товаров от местных производителей, в разы лояльнее к потребителю, нежели товары других, более именитых марок [5].

В Орловской области в 2023 году планируется увеличение площадей, занятых яровыми и зерновыми культурами. Помимо этого, в 2023 году планируется завершение следующих инвестиционных проектов (рис. 2).

Однако, существует ряд препятствий, не позволяющих до конца раскрыть потенциал сельского хозяйства Орловской области. Среди них — высокий уровень конкуренции, в которой наш регион пока часто проигрывает. Так, например, продукция соседних регионов, таких как: Белгородская, Тульская, Курская и Брянская области, обладает достаточной популярностью среди граждан Орловщины. В то же время несмотря на то, что в области достаточно людей с высшим образованием, более половины не работают по специальности, в частности люди с аграрным образованием. В результате этого сельскохозяйственные организации испытывают недобор кадров. Помимо этого, постоянное обновление и укрепление материальной базы холдингов, наращивание единиц техники и создание крупных продовольственных магазинов и ресторанов, не решило одну из главных проблем, а именно, недостаточное количество инвестиций от частных лиц.

Таким образом, создание крупных агрохолдингов, в совокупности с грамотными инвестиционными вливаниями со стороны государства и частных инвесторов, выглядит наиболее перспективным вариантом трансформации сельскохозяйственного производства, в рамках конку-

рентной рыночной экономики. Более того, стоит отметить, что внедрение инновационных технологий сможет заметно ускорить темпы экономического роста региона, что сделает субъект более привлекательным для потока инвестиционных вливаний. Существенное увеличение спроса на продукты локальных производителей свидетельствует о конкурентоспособности Орловской области, как крупного игрока на аграрном рынке. Помимо этого, регион обладает достаточным потенциалом для дальнейшего развития и успешного функционирования в сфере сельскохозяйственного производства.

Пристатейный библиографический список

1. Официальный сайт ОАО АПК «Орловская нива». [Электронный ресурс]. – <http://niva.hop.ru/about.htm>.
2. Информационно-аналитическое интернет-издание Орловской области, Орловщина аграрная: цифры и факты. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://regionorel.ru/novosti/apk/orlovshchina_agrarnaya_tsifry_i_fakty/
3. Инвестиционный рейтинг Орловской области. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://manezh-saratov.ru/rossiya/orlov-naselenie.html>.
4. Анализ тенденций развития сельского хозяйства в Центральном Федеральном округе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://otherreferats.allbest.ru/agriculture/01027454_0.html.
5. Внешняя торговля субъектов ЦФО: Орловская область. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ctu.customs.gov.ru/metodik/vneshnyaya-torgovlya-sub-ektov-czfo/orlovskaya-oblast>.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: стат. сб. / Росстат. –

БОГДАНОВА Юлия Зуфаровна

кандидат филологических наук, доцент Государственного аграрного университета Северного Зауралья

ЕФРЕМОВА Татьяна Михайловна

кандидат социологических наук, доцент Тюменского государственного университета

КАЗАКОВА Наталья Владимировна

кандидат технических наук, доцент кафедры транспортных и технических систем Тюменского индустриального университета

ЖИЗНЕННЫЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЕЖИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В статье поднимается актуальная проблема современной действительности – закрепления сельской молодежи на родной земле, малой родине. Анализ научных публикаций и вторичный анализ исследований, проведенных региональными социологами, показал, что только создание рабочих мест может удержать молодежь в родных местах, на малой родине.

Ключевые слова: сельская молодежь, жизненные установки молодежи, сельское поселения, трудоустройство, сельское предпринимательство.

BOGDANOVA Yuliya Zufarovna

Ph.D. in philological sciences, associate professor of the Northern Trans-Ural State Agricultural University

EFREMOVA Tatyana Mikhaylovna

Ph.D. in sociological sciences of the Tyumen State University

KAZAKONA Natalya Vladimirovna

Ph.D. in technical sciences, associate professor of Transport and technical systems sub-faculty of the Tyumen Industrial University

LIFESTYLES OF YOUTH: STATEMENT OF THE PROBLEM

The article raises an urgent problem of modern reality - the consolidation of rural youth in their native land, their small homeland. An analysis of scientific publications and a secondary analysis of studies conducted by regional sociologists showed that only the creation of jobs can keep young people in their native places, in their small homeland.

Keywords: rural youth, youth attitudes, rural settlements, employment, rural entrepreneurship.

Сельская молодежь является наиболее социально уязвимой и ущемленной частью современного российского общества. Она имеет ряд особенностей, которые вытекают из самой ее объективной сущности, определяемые в первую очередь территорией проживания и социально-экономическим положением. В молодежной среде выше уровень социального оптимизма и более высокая готовность изменить жизнь, переехать в городскую среду и найти работу в новых условиях. Одновременно в некоторых российских регионах среди молодежи активизировались установки на обеспечение социальных гарантий, работу на предприятиях и организациях сельской местности, на стремление иметь хотя и не слишком большую, но гарантированную зарплату.

Методы.

Для оценки жизненных установок сельской молодежи авторами на первом этапе исследования использованы результаты вторичных исследований региональных социологов по заявленной теме [1-3]. На втором этапе исследования планируется проведение онлайн-опроса.

Объектом исследования выступает – сельская молодежь от 16 до 35 лет, проживающая в девяти сельских поселениях района.

Предмет исследования – жизненные установки сельской молодежи.

Обсуждение.

Многие ученые, политики, представители бизнес-общества поднимают вопросы о необходимости совершенствовать систему непрерывного образования сельскохозяйственных кадров, повышать их мотивации к труду и профессиональному росту на малой родине (в сельской

глубинке), введения дополнительных мер социальной поддержки сельских работников, молодых специалистов, чтобы они закрепились в аграрном секторе [4-5]. Проведенный в 2022 году под руководством Н. Г. Хайруллиной анкетный опрос среди жителей Бердюжского района показал, что большинство жителей сельских поселений поддерживают идею создания в районе новых рабочих мест, восстановления разрушенных предприятий, которые занимались заготовкой зерна, выращиванием крупного рогатого скота, переработкой молочной продукции, рыболовством, пчеловодством, заготовкой зерна и сена [1]. Участники опроса имели возможность оценить по пятибалльной системе остроту проблем для своего сельского поселения (5 – наивысшая степень остроты проблемы, 1 – наименьшая) (таблица).

Как видим, наиболее острыми проблемами являются занятость населения, благоустройство, транспортная доступность и развитие социальной инфраструктуры, отодвинувшие проблему преступности, которая, как известно на селе, не является актуальной.

Так, на вопрос, какое направление можно восстановить или организовать в поселениях района, получены следующие ответы: 1. Сельскохозяйственное (66,5 % опрошенных). 2. Мясное (45,1 %). 3. Молочное (42,1 %). 4. Рыболовство (32,9 %). 4. Заготовка зерна и сена (25,6 %). 5. Производственное (заводы по переработке, цеха и т.д.) – (25 %). 6. Пчеловодство (17,1 %). 7. Лесозаготовительное (15,2 %). 8. Собираательство (8,5%).

По данным ответам можно говорить о наличии резервов по открытию новых рабочих мест, что должны взять на вооружение как Главы сельских поселений, так и района. Более того, респонденты признались, что за последние 20 лет в районе закрылись такие селообразующие предприятия, как: рыбозавод, хлебобулочный завод,

Таблица. Оценка остроты проблем своего сельского поселения, в % к общему числу ответивших

Наименование	1 балл	2 балла	3 балла	4 балла	5 баллов
Занятость населения	20	21	49	30	40
Благоустройство населенного пункта	21	23	53	47	17
Развитие инфраструктуры	28	26	55	33	18
Состояние жилищного фонда	37	42	60	20	21
Обеспеченность социальными услугами	31	32	48	32	18
Доступность транспортного сообщения с другими муниципальными образованиями	40	38	36	34	18
Недостаток мест отдыха	35	34	30	25	38
Уровень преступности	58	40	37	16	10

предприятие сельхозтехника, сельхозхимия, ковровая фабрика, кирпичный завод, пекарня, свиноферма, маслозавод, коровник, сырокомбинат.

На вопрос, есть ли возможность у молодежи работать на селе, как мы и предполагали, большинство респондентов ответили отрицательно - три четверти опрошенных. А когда работы нет, то молодежь уезжает в близлежащие города (Ялutorовск, Ишим, Заводоуковск), в областной центр (Тюмень) сначала учиться, а потом остается там жить. Поэтому на вопрос, остаются ли молодые люди жить в родном селе, большинство участников опроса (90,2 %) ответили отрицательно.

Задержать сельскую молодежь дома могут следующие шаги (ответы респондентов в порядке убывания значимости): увеличение рабочих мест (97 %), открытие культурно-досуговых заведений (36 %), открытие филиалов учебных заведений в ближайшем городе (24 %), развитие дорожной инфраструктуры (10 %), открытие ФАПов (7 %).

Таким образом, только через создание рабочих мест можно удержать молодежь в родных местах, на малой родине.

В ходе опроса мы выяснили, что в населенных пунктах существует проблема алкоголизации населения. Три четверти участников опроса, считают, что такая проблема существует: при этом чуть более половины опрошенных ответили, что такая проблема есть (54,9 %), а 24,4 % считают, что алкоголизм есть, но это не проблема. Затруднились ответить на данный вопрос 14,6 % участников. При этом только 5 % ответили, что такой проблемы не существует.

1. Да, алкоголизм присутствует, но я не считаю это проблемой;

2. Нет, такой проблемы нет.

3. Затрудняюсь ответить (рис. 20).

Анализ научных публикаций, посвященных эмпирической оценке ценностных ориентаций сельской молодежи, проживающих в российской глубинке, показал, что для нее в современных условиях важно: стремление к лучшей жизни; улучшение жилищных условий; создание условий для здорового образа жизни; улучшение окружающей среды; реализация творческого потенциала; обучение; создание новых современных рабочих мест и др.

Для оценки жизненных установок сельской молодежи авторы предлагают использовать следующие индикаторы, которые на следующем этапе исследования (в июле 2023 г.) будут апробированы в ходе онлайн-опроса:

1. Удельный вес молодежи, которая хочет связать свою жизнь со своей малой родиной.

2. Удельный вес молодежи, которая вовлечена в деятельность региональных общественных организаций.

3. Удельный вес молодежи, которая готова работать и улучшать качество жизни на селе.

4. Удельный вес молодежи, которая готова развивать собственное поселение в социальных сетях.

5. Удельный вес молодежи, которая вовлечена в интеллектуально-творческие мероприятия.

6. Удельный вес молодежи, которая поддерживает и ведет здоровый образ жизни.

7. Удельный вес молодежи, которая вовлечена в физкультурно-оздоровительное движение (мероприятия).

8. Удельный вес молодежи, которая планирует участвовать в реализации программ экономического развития села.

9. Удельный вес молодежи, которая заинтересована в открытии собственного бизнеса на селе.

Заключение.

Проведенный анализ показал, что наиболее острыми проблемами сельских жителей являются занятость населения, благоустройство сельских поселений, наличие регулярного транспортного сообщения с районным центром и развитие основных элементов социальной инфраструктуры (школы, учреждения досуга, спортивные сооружения, ФАПы и др.). Только наличие рабочих мест позволит сельской молодежи оставаться в родных местах и развивать свои территории.

Пристатейный библиографический список

1. Хайруллина Н. Г. Сельское сообщество о социально-экономической ситуации в современных условиях // Koinon. 2022. Т. 3. № 2. С. 204-214.
2. Хайруллина Н. Г. Роль социологических исследований в деятельности глав сельских поселений / В сборнике: Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура. Сборник научных трудов. Научный редактор Т. И. Грабельных. Иркутск, 2022. С. 136-138.
3. Хайруллина Н. Г. Социальная безопасность в оценках сельских жителей / В сборнике: Социальная безопасность в евразийском пространстве. Материалы Международной научной конференции. Под редакцией И. А. Грошевой. Москва-Тюмень, 2022. С. 145-149.
4. Заседателева Е. И. Карьерные ожидания в проблемном поле жизненных стратегий сельской молодежи // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18. № 3. С. 71-80.
5. Карцева Л. В. Социальные ценности сельской молодежи в восприятии взрослого населения // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 1. С. 207-211.

БОНДАРЕНКО Наталья Григорьевна,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии права Пятигорского института (филиала) Северо-Кавказского федерального университета

КРЮКОВА Людмила Васильевна,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии права Пятигорского института (филиала) Северо-Кавказского федерального университета

ВАСИЛЬЕВА Инна Анатольевна

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии права Пятигорского института (филиала) Северо-Кавказского федерального университета

ФЕНОМЕН СВОБОДЫ В ИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Феномен свободы в индустриальном обществе представляет собой сложную и многогранную философскую концепцию, которая отличается полярностью содержания предметной области философского дискурса, на содержание которой влияет целый ряд социальных, экономических и политических факторов, что определяет актуальность рассматриваемых в исследовании вопросов. Объект исследования – индустриальное общество, как исторически сложившееся состояние общественной формации. Предмет исследования – человек в обществе, как обладающий свободой и потенциальной возможностью выбора и самореализации. Цель исследования – раскрыть содержание феномена свободы в индустриальном обществе с позиций амбивалентности содержания. В исследовании феномен свободы рассматривается с двух позиций: свобода индивида, но не гражданина, как способность делать выбор и действовать в соответствии со своими желаниями, не будучи стесненным внешними факторами; свобода, это способность проявлять свободу воли и самоопределение в рамках своего социального и экономического контекста. В исследовании аргументируется неизбежность ограничений свободы, которые возникают как следствия индустриализации.

Ключевые слова: самовыражение, выбор, гражданин, самореализация, либерализм, общественный человек, социальный агент, экономический агент.

BONDARENKO Natalya Grigorjevna

Ph.D. in philosophical sciences, professor, Head of History and philosophy of law sub-faculty of the Pyatigorsk Institute (branch) of the North-Caucasian Federal University

KRYUKOVA Lyudmila Vasiljevna

Ph.D. in historical sciences, associate professor of History and philosophy of law sub-faculty of the Pyatigorsk Institute (branch) of the North-Caucasian Federal University

VASILJEVA Inna Anatoljevna

Ph.D. in sociological sciences, associate professor of History and philosophy of law sub-faculty of the Pyatigorsk Institute (branch) of the North-Caucasian Federal University

THE PHENOMENON OF FREEDOM IN AN INDUSTRIAL SOCIETY

The phenomenon of freedom in an industrial society is a complex and multifaceted philosophical concept, which is distinguished by the polarity of the contents of the subject area of philosophical discourse, the content of which is influenced by a number of social, economic and political factors, which determines the relevance of the issues considered in the study. The object of research is industrial society as a historically formed state of social formation. The subject of the study is a person in society, as having freedom and the potential for choice and self-realization. The purpose of the study is to reveal the content of the phenomenon of freedom in industrial society from the standpoint of ambivalence of content. In the study, the phenomenon of freedom is considered from two positions: the freedom of an individual, but not of a citizen, as the ability to make choices and act in accordance with their desires without being constrained by external factors; freedom is the ability to exercise free will and self-determination within their social and economic context. The study argues for the inevitability of restrictions on freedom that arise as a consequence of industrialization.

Keywords: self-expression, choice, citizen, self-realization, liberalism, public person, social agent, economic agent.

Понимание предмета концепции свободы в индустриальном обществе отличается разнополярностью мировоззренческих идей содержания предмета и часто оспаривается в рамках философского дискурса. Одна из точек зрения заключается в том, что свобода индивида, но не гражданина, определяется как способность делать выбор и действовать в соответствии со своими желаниями, не будучи стесненным внешними факторами. Но мы не можем отрицать тот факт, что «гражданин», это индивид, принявший на себя обязательства принудительного ограничения своих свобод, так, например, исследователь Н. Б. Карабущенко справедливо

отмечает, что: «Отказывающийся от свободы человек осознанно подавляет в себе некоторое свои свойства, определяющие его как независимую личность. Такие понятия, как честь, долг, принципиальность, личные интересы и т. п., уступают место их имитации» [1, с. 278]. Внутренняя сложность современной общественной формации, прежде всего, вызванная информационной и технической составляющей в аспекте развития «человека общественного», определяет тот факт, что в индустриальном обществе человек часто подвергается давлению и ограничению различных видов социальных и экономических факторов, которые неизбежно ограничивают его

свободу выбора и возможности самореализации. Подобные ограничения свободы естественны и определены индустриализацией, как среды, которая требует вовлечения человека, как хозяйствующего субъекта и экономического агента, чтобы элементарно зарабатывать на жизнь, также несомненно влияние рекламы и маркетинга на выбор человека, как экономического агента или правительственные постановления и законы, ограничивающие индивидуальное поведение социального агента. Другая точка зрения заключается в том, что свобода, это не просто отсутствие внешних ограничений, но и способность проявлять свободу воли и самоопределение в рамках своего социального и экономического контекста. В индустриальном обществе это требует определенной степени критического осознания и способности к сопротивлению доминирующим политическим и экономическим силам. Подобная точка зрения подчеркивает необходимость того, чтобы люди активно взаимодействовали со своим социальным и экономическим окружением, с целью сформировать его в соответствии со своими ценностями и убеждениями, именно в этой точке зрения возникает понятие либерализма (неолиберализма на современном этапе), как единого философского концепта прав и свобод человека. Либерализм выступает своего рода компенсатором ключевым вызовам свободе в индустриальном обществе из-за наличия крупномасштабных экономических и политических институтов, которые могут оказывать значительное влияние на отдельных людей, как граждан и пользователей благ индустриализации и ограничивать их способность действовать свободно. Но либерализм, а особенно неолиберализм, зачастую формирует иллюзию свободы, которая должна быть в той абстрактной модели демократии, которую сложно осязать в действительности: *«Псевдолибералы же отличаются от истинных либералов убежденностью в возможности отмены любых ограничений, как внешних, так и внутренних, или же – в том, что любая личность способна накладывать на свою свободу внутренние ограничения... Нынешние либералы отделили понятие свободы от совести, стыда, личной вины и ответственности... тем самым активизируются разрушительные потенции, сокрытые в глубинах человеческой психики»* [2, с. 22]. Тем не менее, нельзя отрицать, что существует также множество факторов, которые способствуют свободе в индустриальном обществе, например, достижения в области технологий и коммуникаций облегчает людям общение с другими людьми и рост доступа к информации способствует расширению кругозора человека и потенциально позволяет ему сделать более осознанный выбор при принятии решений. Кроме того, рост общественных движений и правозащитных групп дал отдельным лицам больше права голоса в формировании государственной политики и борьбе за свои идеи.

Тем не менее, необходимо объективно признать, что феномен свободы, как идеи о том, что индивиды должны быть свободны в реализации своих собственных целей и интересов без неоправданного вмешательства со стороны правительства или других внешних сил и в индустриальном обществе и это должно проявляться в способности индивидов осуществлять свои личные и экономические свободы в контексте современного промышленно развитого общества – наивна и алогична восприятию современного мироустройства. Так как ограничения свободы в индустриальном обществе, это закономерность индустриализации, в которой на человека влияет целый ряд социальных и экономических факторов, включая неравенство доходов, доступ к образованию и профессиональной подготовки, а также наличие экономиче-

ских возможностей с рождения. Для того чтобы люди могли осуществлять свои свободы в полной мере, не ограничивая потенциал личной свободы в индустриальном обществе, каждый из них должен иметь одинаковый и равноправный доступ к ресурсам и возможностям, необходимым для достижения возможностей самореализации. Кроме того, на феномен свободы в индустриальном обществе также влияют политические факторы, такие как роль правительства в регулировании экономической деятельности и ограничении в накоплении, сбережении и управлении капиталом, который выступает главнейшим фактором индустриального развития, и, как верно замечает исследователь В. П. Пугачев: *«Констелляция, соотношение общественных интересов и, прежде всего, доминирующие в обществе интересы властвующей элиты питают и направляют процесс расширения государственного контроля в современном обществе»* [3, с. 44].

Заключение

Феномен свободы в индустриальном обществе представляет собой сложную и многогранную концепцию, требующую тщательного рассмотрения различных социальных, экономических и культурных факторов, которые могут либо поощрять, либо ограничивать индивидуальную свободу действий и выбор. Феномен свободы в индустриальном обществе важен по целому ряду причин. Во-первых, это способствует экономическому росту и развитию, создавая возможности для частных лиц и предприятий инвестировать в свое собственное будущее. Во-вторых, это способствует инновациям и предпринимательству, обеспечивая равные условия для всех предприятий, независимо от размера или отрасли. Наконец, это способствует стабильности и безопасности за счет снижения риска экономических потрясений и кризисов.

Понимая эти факторы и работая над продвижением большей свободы и самостоятельности для всех людей, мы можем создать более справедливое общество, которое ценит индивидуальную автономию и самоопределение.

Пристатейный библиографический список

1. Карабущенко Н. Б. «Бегство от свободы» как «Бегство от ответственности» // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2006. – № 5 (34). – С. 277-282. – EDN JVJPNR.
2. Юревич А. В. Дар данайцев: феномен свободы в современной России // Вопросы философии. – 2010. – № 10. – С. 17-26. – EDN MVAKSD.
3. Пугачев В. П. Государственный контроль и свобода личности в цифровом обществе // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). – 2022. – № 2. – С. 36-55. – EDN LPNSIX.

ВИЛЬДАНОВ Ханиф Салимович

доктор философских наук, профессор Уфимского государственного нефтяного технического университета

ШАРИПОВ Амирходжа Асрорходжаевич

аспирант Уфимского государственного нефтяного технического университета

РОЛЬ АКСИОЛОГИИ В ОБЪЕКТИВИЗАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ И ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Данная статья посвящена исследованию роли системы ценностей и аксиологической методологии в объективизации результатов социального прогнозирования и проектирования. Авторы анализируют сложившиеся в современной социально-гуманитарной науке сценарии социально-экономического, культурного и духовного развития общества и определяют возможности и прогностический потенциал системы ценностей в объективизации результатов социального прогнозирования и проектирования.

Ключевые слова: аксиология, социальное прогнозирование и проектирование, ценности, аксиологическая методология.

VILDANOV Khanif Salimovich

Ph.D. in philosophical sciences, professor of the Ufa State Petroleum Technical University

SHARIPOV Amirkhodzha Asrorkhodzhaevich

postgraduate student of the Ufa State Petroleum Technical University

THE ROLE OF AXIOLOGY IN OBJECTIFYING THE RESULTS OF SOCIAL FORECASTING AND DESIGN

This article is devoted to the study of the role of the value system and axiological methodology in the objectification of the results of social forecasting and design. The authors analyze the scenarios of socio-economic, cultural and spiritual development of society that have developed in modern social science and the humanities and determine the possibilities and predictive potential of the value system in objectifying the results of social forecasting and design.

Keywords: axiology, social forecasting and design, values, axiological methodology.

Интерес к аксиологическим методам в социальном прогнозировании обусловлен осмыслением нынешнего периода в эволюции общества. Начало XXI века – это период фундаментальных социальных трансформаций. Они ознаменованы переоценкой государственных и мировых стратегий развития. Глобализация спровоцировала смену векторов реконструкции социальных систем, в том числе связанных с возникновением дополнительных реальностей, например виртуальной и гибридной. Также ощутимые метаморфозы произошли в основном факторе глобальных проблем и катализаторе преобразований – с общественным сознанием, которое в ответе за формирование стратегий существования.

Мировые тенденции развития социальной реальности – эта сфера, без которой невозможно выстроить валидный социальный прогноз. Глобализация, как постоянный спутник человеческой истории, имеет колоссальное влияние на общественный миропорядок. Всеобщая интеграция, на данный момент определяет два сценария развития будущего: полицентричный и моноцентричный. Суть первого – в балансе сил на международной арене, в равенстве государственных, национальных и культурных ценностей, сценарий, отвечающий потребностям динамично развивающегося, техногенного общества. Второй, замкнутый и исчерпывающий себя строй, нацелен на повышение шансов одной из сторон и разрушение государственного суверенитета других стран [8].

Социальное прогнозирование базируется на множестве факторов, включая темпы социальной динамики, характерные для современного общества, но, однако, есть факторы, не менее влияющие, но максимально усложняющие сам прогноз. Современное общественное сознание можно охарактеризовать следующими специфическими критериями: переоценка базовых ценностей, трансформация смысла существования и социальных механизмов, переход от ваку-

умного общественного сознания к мировому, от мышления творца к мышлению потребителя; акцентировка на ограниченности человеческой жизни. Также актуально усугубление антагонизмов, это закономерное явление подтверждает неминуемо приближающиеся кризисы. В результате интегративных процессов, в обществе вынужденно сталкиваются такие фундаментальные установки как, космополитизм и религиозность, прогрессивный либерализм и моральный кризис, отставание интересов и пассивное смирение, поиск нового и регресс во всех сферах жизнедеятельности, свобода и безнадежность, стремление к деидеологизации и следование потребительской идеологии [10].

Процессы интеграции сформировали прочную базу в виде массовой потребительской культуры, на которой объединилось разрозненное общество в одно глобальное государство с единым языком, со спутанными и переплетенными национальными спецификами и как следствие, с общим массовым сознанием. Опираясь на столь слабую причинно-следственную предсказуемость развития общественного сознания, многие специалисты по социальному прогнозированию отдают предпочтение матрице 2 на 2 из четырех альтернативных сценариев относительно будущего. Она прогнозирует развитие событий по двум осям, от наиболее «пессимистичного» к самому «оптимистичному».

К пессимистическому социальному прогнозу следует отнести крайне катастрофический вариант, суть которого заключается в том, что в результате всеобщего бездействия, человечество остается без ресурсов для решения социально-экономических проблем. Дефицит государственного бюджета, правительства не в состоянии реформировать финансовые системы, обуздать глобальное потепление, сократить военные расходы и при этом, большинство корпораций по-прежнему сосредоточены на краткосрочной прибыли. Все

планы по научно-техническому прогрессу откладываются, климатические условия становятся все более экстремальными, начинаются массовые миграции. Царят экономическая депрессия, острая нехватка энергии, коллапс крупных экологических систем, локальные и региональные войны, терроризм, преступность и растущая коррупция [6].

Существует и менее пессимистичный социальный прогноз, но по-прежнему неблагоприятный сценарий также ведет к политическому тупику, нехватке ресурсов, а непризнание серьезности проблем приводят лишь к незначительным изменениям в финансовых системах, управлении, энергетике и образовании. Планы по развитию новых технологий выполняются лишь отчасти, в то время как загрязнение окружающей среды, глобальное потепление и демографическое давление продолжают набирать обороты. Несмотря на заявления политических и корпоративных лидеров о прогрессе, сохраняется высокий уровень безработицы и снижается качество жизни большинства населения мира.

Наиболее нейтральный сценарий социального прогноза предполагает медленные, но верные действия государств в пользу повышения осведомленности о нарастающих угрозах и необходимости содействия устойчивому развитию для выживания. Вклад в научно-технический прогресс обеспечивает более широкий спектр возможностей для безопасного существования. Повсеместно ощущается беспокойство, поэтому общественное сознание готово способствовать нужным изменениям. Возникает хрупкий, но функционирующий глобальный порядок, позволяющий своевременно регулировать этим развитым обществом, чтобы предотвратить широкомасштабную катастрофу.

И, наконец, еще один социальный прогноз, при самом оптимистичном стечении обстоятельств, переход к новому мировому порядку осуществляется плавно и быстро. Быстро приходит осознание того, что Земля – это ценная живая система, требующая заботы человека. Правительства и корпорации реагируют мудро и решительно, с поддержкой населения. Все страны приближаются к современным определениям стабильности и устойчивости. Дефицита энергии, изменения климата и глобальных конфликтов в значительной степени удается избежать, и происходит переход к обществу с бережным потреблением природных ресурсов и низким уровнем выбросов углерода в атмосферу [8].

Перечисленные выше и сложившиеся сценарии экономического, социального и политического развития общества, не являясь социальными прогнозами в прямом смысле слова, они скорее всего возможные варианты общественного развития, без конкретных сроков и показателей. Но, каждый вариант обращен к конкретному субъекту социальной реальности и прописывает конкретный алгоритм его деятельности. «Социальное прогнозирование должно учитывать не только непосредственные действия прямых участников процесса управления, но и возможную реакцию на них объектов управления или социальных процессов, а также предполагать наличие у них собственного плана действий. Это требует такого моделирования, которое учитывало бы как реальное положение дел, так и возможные изменения социальной системы» [1]. Из сказанного следует, ключевыми факторами консолидации современного общества, для решения множества глобальных проблем, должны стать ценности, связанные с базовыми источниками смысла жизни, где каждый человек является неотъемлемой частью социальной и природной среды.

Стремление достичь желаемого результата, его связь с конкретным субъектом социальной реальности актуализирует роль аксиологического фактора в социальном прогнозировании. Основная идея заключается в том, что высшие общечеловеческие ценности, называемые духовными, способны содействовать в достижении ожидаемых результатов общественного развития. Духовно-нравственные ценности,

являясь равнозначной основой социальной реальности, отражаются во всех сферах общественной жизни и выступают как ценностные основы консолидации общества, поскольку способны выступать нарративом как субъективного и этнического сознания, так и общественного сознания планетарного масштаба. Следовательно, суть аксиологического подхода в социальном проектировании – это следование чему-то традиционному и фундаментальному, что сосредоточено в духовном опыте определенной нации, что преодолело всевозможные испытания и страдания, от этого и стало общепризнанным. «Именно поэтому трансформация и динамика системы национальных ценностей, как основы духовно-нравственной культуры народа, в процессе социально-экономических реформ, поиска новых ценностных установок, смены культурных парадигм, как показывает реальность, способны нанести существенный ущерб. Насильственное, бесконтрольное внедрение или распространение чуждых материальных и духовных ценностей может стать предпосылкой разрушения всей ее системы ценностей этноса» [3]. Различия в социокультурных традициях являются факторами, способствующими развитию наций, их взаимному обогащению, а не к беспорядку или вражде. У каждого народа есть свои традиции, опирающиеся на универсальные ценности, которые способствуют сохранению человечества в глобальном масштабе.

С другой стороны, в аксиологии есть исследовательское направление, делающее акцент на ценностных метаморфозах, на их изменениях со сменой эпох. Согласно этой теории, аксиологические изменения – постоянная переменная человеческой истории. Когда мы оглядываемся на моральные ценности наших предков, нельзя не заметить, что они отличались от нынешних. Предыдущие поколения придерживались моральных убеждений, которые по современным канонам могут показаться предвзятыми и фанатичными; и мы, вполне вероятно, придерживаемся моральных убеждений, которые те сочли бы неприемлемыми. Чем дальше углубляться в прошлое, тем контрастнее становится разница [4]. Аксиологические различия – это также то, что наблюдается сегодня, если обратить внимание на множество культур и обществ, которые бережно сохраняют и ставят в приоритет свои уникальные ценности [7].

Понимание роли ценностей в социальном прогнозировании, поднимает вопрос аксиологической вариативности и изменчивости. В ответ на необходимость систематического исследования будущего человеческих ценностей возникло направление «аксиологический футуризм». Понимая природу человеческих ценностей, логично, что аксиология требует междисциплинарных способов исследования и мышления. Аксиологию следует рассматривать с регулятивной и прогностической точки зрения. Другими словами, если исследуется, как человеческие ценности изменятся в будущем, опираясь на универсальные ценности – это регулятивное видение, если речь о том, как в целом человеческие ценности могут измениться в будущем – то это прогностическое видение. В этом смысле аксиология сама по себе чрезвычайно важна, так как плодотворно дополняет другие прогностические социальные исследования.

Важно признать, что восприятие людей со сменой поколений меняется как в отношении себя, так и в отношении к этим вневременным и неизменным ценностям. Люди разных поколений остаются привержены одной и той же абстрактной ценности, например справедливости или дружбе, но в соответствии с эпохой возникают дополнительные концепции или субконцептуализации этих ценностей. В любом случае, наши ценности или, по крайней мере, наше отношение к ним и их концептуализация постоянно меняются, поэтому если мы хотим грамотно спрогнозировать будущее, нужно учитывать этот фундаментальный аспект [9].

Нынешняя духовно-ценностная парадигма вряд ли останется неизменной в долгосрочной перспективе. Опираясь на

эту тенденцию, разумно пытаться предвидеть и планировать будущие ценностные изменения. Это разумно, даже если мы подходим к аксиологии с регулятивной или нормативной точки зрения, а не исключительно прогностической. С нормативной точки зрения, нет никакой гарантии, что наша нынешняя ценностная парадигма является правильной или благоприятной, и неизвестно к чему она приведет, еще поэтому оправдана необходимость предвидеть последствия и спрогнозировать развитие [1]. Даже в обратном случае, если у нас была бы уверенность в верности нынешней ценностной парадигмы, все равно следует беспокоиться о том, каким образом она может измениться, чтобы иметь возможность заблаговременно обезопасить себя. «Проблемы прогнозирования и проектирования на современном этапе развития общества связаны тем, что и первичные, устойчивые (базисные), и вторичные (надстроечные) структуры социальной действительности не только динамичны и изменчивы, но и одновременно многофакторны, многовекторны и противоречивы, и придают системе социетальный характер» [2]. Данное утверждение соответствует и системе ценностей современного общества.

Большинство социальных прогнозов ориентированы на ценности, которые выступают базисными факторами, пусть и это и неочевидно. Общество стремится знать, что ждет его в будущем, потому что люди всегда ценят какие-то вещи, духовные или материальные и им важно, что с ними станет. Тем не менее, необъятность пространства аксиологических возможностей представляет собой вызов для аксиологии. Нужны некие ограничения в этом пространстве, чтобы проект был осуществим. К счастью, можно обратиться к уже проделанной работе по определению аксиологии и рассмотреть продолжающиеся споры в рамках аксиологических теорий. Тогда можно быстро получить некоторое представление о понятиях, которые могли бы быть включены в любой возможный список хорошего или плохого.

Аксиологическое прогнозирование не выступает как абстрактно-интеллектуальное упражнение, где намечаются все правдоподобные, возможные ценности, которые может создать социум. Очень важно понять механику аксиологических изменений. Это не подразумевает ловушку с попытками спрогнозировать перемены точно, особенно если ценности частично определяются формами знаний и технологий, которые еще предстоит открыть и изобрести. Это означает тщательное и систематическое размышление о том, как ценности могут меняться во времени и пространстве.

Есть три вещи, которые могут произойти, чтобы изменить систему ценностей: во-первых, может произойти некоторое расширение или сокращение круга моральных ценностей; во-вторых, может случиться частичное дополнение или выбывание определенных предметов из списков хорошего/плохого; в-третьих, могут произойти некоторые изменения в том, как мы расставляем приоритеты или ранжируем хорошее/плохое и моральные ценности [12]. Явные свидетельства всех трех критериев много раз иллюстрирует история человечества. Конец рабства и предоставление женщинам избирательных прав можно интерпретировать либо как расширение круга моральных ценностей, либо как смену приоритетов. И наоборот, подъем фашизма и национализма может быть истолкован как сужение морального-ценностного круга или понижение определенных понятий в ценностном рейтинге.

В общем, методологическая цель аксиологических способов прогнозирования состоит в том, чтобы исследовать пространство ценностных возможностей, траекторий, ответвлений для будущих человеческих и постчеловеческих цивилизаций. В том, чтобы проектировать различные ценностные парадигмы и предвидеть будущие направления, по которым человечество могло бы оптимально двигаться через бесконечное пространство аксиологических возможностей [11].

В заключении следует отметить, что необходимо учитывать аксиологический фактор при социальном прогнозировании. Принимая во внимание историю аксиологических изменений и их вариативности, весьма маловероятно, что наши нынешние ценностные системы останутся статичными и неизменными в будущем. Аксиология важна еще и потому, что она дополняет другие прогностические исследования и ее задача не в точном предсказании, а скорее, в сценарном планировании. Данный анализ может послужить одним из источников для дальнейших исследований роли аксиологии в социальном прогнозировании. Возможно, это направление получит новый толчок, и аксиология займет особую отрасль в исследованиях общества.

Пристатейный библиографический список

1. Вильданов Х. С., Деркач В. В. Методологические особенности социального прогнозирования // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. – 2017. – № 1 (19). – С. 132-137.
2. Вильданов Х. С., Вильданов У. С. Роль материальных и духовных ценностей в развитии национальных культур // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 10. – С. 125-131.
3. Гайнуллин Р. А., Бикимбетов Р. Г., Вильданов Х. С. Социальное прогнозирование и проектирование социетальных систем // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 10 (173). – С. 535-537.
4. Appiah K.A. The honor code: How moral revolutions happen // W. W. Norton & Co, New York. – 2010. DOI:10.1093/mind/fzt064.
5. Bostrom N. Existential risk prevention as global priority // Journal of Global Policy. – 2013. – P. 15-30.
6. Flanagan O. The geography of morality // OUP, Oxford. – 2017. – 304 p.
7. Maikova V. P. Socio-philosophical problems of public consciousness dynamics in modern philosophy. - Moscow: MGUL, 2013. – Vol. 8. – 34 p.
8. Michael Marien, William Halal Global Megacrisis: A Survey of Four Scenarios on a Pessimism-Optimism Axis // Journal of Futures Studies. – 2011. – Vol. 16. – P. 65-84.
9. McClain L. Prejudice, moral progress, and being 'on the right side of history': Reflections on Loving v. Virginia at fifty Fordham Law Review. – 2018. – 2701 p.
10. Nasibulina A. Education for Sustainable Development and Environmental Ethics // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Vol. 214. – P. 1077-1082.
11. Van De Poel. Design for value change // Journal of Ethics and Information Technology. – 2021. – Vol. 23 (4). – P. 27-31. DOI:10.1007/s10676-018-9461-9.
12. Williams E. The possibility of an ongoing moral catastrophe // Ethical Theory and Moral Practice. – 2015. – № 18 (5). – P. 971-982.

ГАЛЛЯМОВА Алина Римовна

кандидат социологических наук, доцент Уфимской высшей школы экономики и управления Уфимского государственного нефтяного технического университета

ГУСЕВА Анна Алексеевна

заведующий лабораторией развития бизнес-технологий Уфимской высшей школы экономики и управления Уфимского государственного нефтяного технического университета

ГАЛЛЯМОВ Рем Тимурович

студент специалитета ПСД (психология служебной деятельности) Уфимского университета науки и технологий

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНСТРУМЕНТОВ ДИЗАЙН МЫШЛЕНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ ДИСЦИПЛИНЫ «ФИЛОСОФИЯ» В ВУЗЕ

В статье рассматривается вопрос модернизации системы образования в высших учебных заведениях. Говорится о применении различных приемов и интерактивных методов обучения, направленных на совершенствование педагогических технологий. Раскрываются возможности применения новых инструментов для эффективного решения проблем в преподавании философии. Авторы предлагают рассматривать вопросы, возникающие в процессе преподавательской деятельности с помощью инновационного метода дизайн-мышления. Объясняя, как применение этой технологии влияет на повышение интереса студентов к изучению предмета философии и способствуют общей мотивации к обучающему процессу.

Авторы анализируют современные исследования применения дизайн-мышления в преподавании дисциплины «Философия». В статье рассматривается метод дизайн-мышления как особый подход к работе, алгоритм действий, как антропоцентрический подход к преподаванию, который может быть использован и для обновления учебного плана, перепроектирования студенческого пространства, изменения и формирования организационной культуры вуза и внедрения инновационных программ.

Ключевые слова: инструменты дизайн-мышления, совершенствование системы обучения в вузе, проектное обучение, методика преподавания, творческое мышление, дизайн-мышление в образовании, преподавание философии; философия

GALLYAMOVA Alina Rimovna

Ph.D. in sociological sciences, associate professor of the Ufa Higher School of Economics and Management of the Ufa State Petroleum Technical University

GUSEVA Anna Alexeevna

Head of the Laboratory of Business Technology Development of the Ufa Higher School of Economics and Management of the Ufa State Petroleum Technical University

GALLYAMOV Rem Timurovich

student of the specialty of PSD (psychology of work activity) of the Ufa University of Science and Technology

OPPORTUNITIES FOR USING THINKING DESIGN INSTRUMENTS IN TEACHING THE DISCIPLINE "PHILOSOPHY" AT THE UNIVERSITY

The article deals with the issue of modernization of the education system in higher educational institutions. Talk about the use of various techniques and interactive teaching methods aimed at improving pedagogical technologies. The possibilities of using new tools for effective problem solving in the teaching of philosophy are revealed. The authors propose to consider issues that arise in the process of teaching with the help of an innovative method of design thinking. Explaining how the use of this technology affects the increase in students' interest in studying the subject of philosophy and contributes to the overall motivation for the learning process. The authors analyze modern research on the use of design thinking in teaching the discipline "Philosophy". The article considers the method of design thinking as a special approach to work, an algorithm of actions as an anthropocentric approach to teaching, which can also be used to update the curriculum, redesign the student space, change and form the organizational culture of the University and introduce innovative programs.

Keywords: design thinking tools, improving the education system at the university, project-based learning, teaching methods, creative thinking, design thinking in education, teaching philosophy; philosophy

В настоящее время высшее образование претерпевает большие изменения. Образовательные реформы должны переосмыслить роль социально-гуманитарных дисциплин и показать их важность для студентов. Перед вузами стоит вопрос не только обучать студентов новым знаниям и умениям с учетом постоянно совершенствующихся технологий, а также способствовать развитию разнообразных методов мышления. В соответствии с современным рынком труда студент должен обладать такими гибкими навыками как: умение работать с информацией, анализировать массивы данных, навыками самоорганизации и стрессоустойчивости, коммуникативными и лидерскими способностями, развитым критическим мышлением и творческим воображением.

В данной статье мы рассмотрим применение инструментов дизайн-мышления в преподавании дисциплины «Философия» с учетом специфики философского знания для эффективного решения проблем, связанных с ее преподаванием.

Многие аспекты данной темы уже обсуждались в научной и образовательной среде. Современные исследователи рассматривают дизайн-мышление как альтернативный, инновационный метод изложения философских размышлений. Рассуждают об использовании методов технологии в практических философских исследованиях и анализируют важность использования нового инструмента в жизни актуального, сегодняшнего философа.

Современная технология дизайн - мышления, обсуждается в работах: Мартин Томич, Кара Ригли, Мадлен Бортвик, Насим Ахмадпур, Джессика Фроули, А. Баки Кокабали, Клаудия Нуньес-Пачеко, Карла Стракер, Лиан Лок, Тим Браун, Майкл Микалко, В. Папанека, Баканана, К. Дорста, М. Холлоувэя, У. Йохансена-Скольберг, К. Митчама, Леврик Михаэль, Линк Патрик Г. Платтнера, П. Г. Рове, А. Джин Лидтка, Тим Огилви Риландера, Г. А. Саймона, В. Ульриха, М. Вианны и мн.др.

Можно сказать, что дизайн-мышление — это пошаговый алгоритм для решения практических, проектных и творческих задач, который может быть использован в качестве исследовательского подхода в преподавании дисциплины «Философия».

Метод дизайн-мышления сравнивают с диалектикой, экспериментальным и дедуктивным методом. Связующей идеей может служить высказывание интуитивного предположения, которое можно проверить в эксперименте, в следствие это позволит высказать новое предположение, которое основывается на уже полученном опыте, цикл можно повторять несколько раз. В качестве новизны можно рассматривать «человеческий» подход, внимание к человеку, а не производственным задачам или маркетингу. И создание прототипа - готового, который можно применить на практике. Таким образом, дизайн-мышление – это не аналитический, а синтетический в своей сущности метод исследования. Порождающий метод, а не раскладывающий на элементы. [1, с. 2].

В своей статье «Дизайн в образовательных технологиях философского знания», С. А. Михайлина, А. Д. Ханина говорят об использовании визуальной составляющей в преподавании философии, которое обращает внимание студентов на диалектическую взаимосвязь и системность идеальных объектов. Выявляют особенности коммуникативного дизайна и инфографику, которые побуждают студентов изучать предмет философии с большим интересом и развивают воображение. Что коммуникативный дизайн востребован в технологиях преподавания философии, развивает эмоциональную культуру и остается актуальной проблемой воспитания и самореализации студентов. [2, с. 1].

Термин **Дизайн-мышление (design thinking)** ввел американский ученый, лауреат Нобелевской премии по экономике Герберт Саймон в книге «Науки об искусственном» (The Science of the Artificial) в 1969 году, как метод создания нестандартных проектов, продуктов и услуг, который направлен на решение конкретных проблем и интересы потенциального пользователя. Уже позже идеи дизайн-мышления начали распространяться в учебной и деловой среде.

Как еще с пользой можно использовать этот метод в преподавании философии? Дизайн-мышление подчиняется принципу антропоцентризма, а также принципу «Thinking outside the box» или нестандартного мышления, которое позволяет выходить за рамки существующих методов решения задач.

Здесь важно определить ценность предмета «Философии» для конкретного студента. И использовать дизайн-мышление как подход к деятельности, как инструмент работы, который позволяет создавать эффективные образовательные форматы.

Организовать свою работу учитывая желания современных студентов, наблюдать, понять их ожидания, чтобы улучшить образовательные результаты с помощью органичных для них вещей.

На практических занятиях по «Философии» необходимо стимулировать у студента свободное размышление, это развивает способность выражать свою позицию, легко излагать свои мысли, исследовать реальные факты и видеть истинную картину. Свободное размышление помогает критически оценить не только чужое мировоззрение, но и свои взгляды, освобождает от шаблонов и развивает творческое мышление. Преподаватель в этой концепции сочетает в себе весь набор перформанса («performance»), делая свои занятия интересными. Выступает как активный участник дискуссии, направляет, задает вопросы, которые побуждают студентов исследовать, находить решения в рамках философского диспута. Так же помогает студенту в рефлексии конкретных жизненных ситуациях и представляет философию как важную составляющую, раскрываю-

щую сущность взаимодействия человека, мира и природы. Философия здесь выступает не как комплекс знаний, а как способность, сила мышления и рефлексии, которую студент открывает с помощью преподавателя на занятиях по философии.

Технология дизайн-мышления так же актуальна в связи с развитием в университетах практико-ориентированного обучения, она предполагает работу студентов над реализацией конкретных учебных проектов и их связь с производственной сферой.

В рамках курса философии можно рассматривать вопросы, имеющие практическую значимость для студентов конкретных специальностей. Например, в работе со студентами направления биотехнологии обсуждать вопросы, связанные с философскими проблемами биоэтики и др. Студент получает новые знания в своей области и участвует в философской дискуссии, связанной с проблемами в своей специализации. Происходит интеграция философии в профильное образование студентов.

На занятиях студентам часто не хватает уверенности, в связи с излишней теоретичностью материала, когда он не понимает, как он может применить это на практике. В результате пропадает интерес к изучению философии, что сказывается на качестве выполняемых заданий. Важно показать практическое применение Философии. Преподавание философии, основанное на дизайн-мышлении, поощряет энтузиазм, исследование, творчество и изобретательность. Так у студентов появляется мотивация и это помогает достигать высоких результатов.

Проявите эмпатию к студентам, подвергайте сомнению готовые способы обучения, анализируйте — это способствует появлению оригинальных образовательных методик. Экспериментируйте. Преподаватель всегда находится в процессе обучения. Важно тестировать новые методы и создавать возможности для обратной связи. Так вы узнаете, нравятся ли ваши занятия студентам.

Метод дизайн-мышления — это особый взгляд на мир, подход к работе, алгоритм действий, установка, когда мы думаем о студентах и учимся практиковать. Технология может быть использована для обновления учебного плана, перепроектирования студенческого пространства, для изменения и формирования организационной культуры вуза, для внедрения инновационных программ, чтобы весь опыт был полезен.

Пристатейный библиографический Список

1. Мосиенко М.К. Дизайн-мышление как стиль и метод философии // Философия и культура. 2018. № 4. С. 1-7. DOI: 10.7256/2454-0757.2018.4.24620. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=24620
2. Михайлина С. А., Ханина А. Д. Дизайн в образовательных технологиях философского знания // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2019. № 4 (24). Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва
3. Оливер К. Дизайн-мышление. Все инструменты в одной книге. М., 2019. Издательство: Бомбора, Серия: Top Business Awards.
4. Браун Т. Дизайн-мышление в бизнесе. От разработки новых продуктов до проектирования бизнес-моделей. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019.
5. Майкл М. Рисовый штурм и еще 21 способ мыслить нестандартно. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021.
6. Галой Н. Ю., Горбенко И. А. Технология дизайн-мышления как средство психологопедагогического сопровождения учебной практики студентов, обучающихся по направлению «Педагогическое образование» // Проблемы современного образования. 2018. № 6. С. 35-42.
7. Келли Т., Келли Д. Креативная уверенность. Как высвободить и реализовать свои творческие силы. М.: Азбука-Аттикус, 2019.
8. Остервальдер А. Построение бизнес-моделей: Настольная книга стратега и новатора. М.: Альпина Паблишер, 2018.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-4-179-496-497

ГОРБАЧЕВ Сергей Борисович

кандидат политических наук, доцент кафедры философии и культурологии Уфимского университета науки и технологий

О НЕКОТОРЫХ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ПОДХОДАХ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена сравнительному анализу мировоззренческих подходов к определению внешнеполитической стратегии западников, славянофилов и евразийцев. Они предлагают разные, порой диаметрально противоположные стратегии поведения России в мире. Делается вывод, что внешнеполитическая стратегия евразийцев является наиболее реалистичной и соответствующей цивилизационным интересам России.

Ключевые слова: западники, славянофилы, евразийцы, государство, цивилизация, внешнеполитическая стратегия.

GORBACHEV Sergey Borisovich

Ph.D. in political sciences, associate professor of Philosophy and cultural studies sub-faculty of the Ufa University of Science and Technology

ON SOME WORLD VIEW APPROACHES TO DETERMINING THE FOREIGN POLICY STRATEGY OF RUSSIA IN RUSSIAN PHILOSOPHICAL DISCOURSE

The article is devoted to a comparative analysis of ideological approaches to determining the foreign policy strategy of the Westerners, Slavophiles and Eurasians. They offer different, sometimes diametrically opposed strategies for Russia's behavior in the world. It is concluded that the foreign policy strategy of the Eurasians is the most realistic and consistent with the civilizational interests of Russia.

Keywords: Westernizers, Slavophiles, Eurasians, state, civilization, foreign policy strategy.

Горбачев С. Б.

Как известно, самый знаменитый в отечественном философском дискурсе спор был инициирован в XIX веке западниками, поэтому начнем с анализа их позиции. Начиная с П. Я. Чаадаева, предлагаемая западниками внешнеполитическая стратегия сводится к следующему. Поскольку развитие Запада олицетворяет собой «столбовую дорогу» человечества, ориентироваться нужно исключительно на него, другие регионы мира не важны. Поэтому западники подвергали резкой критике большую часть отечественной истории, когда это их требование не выполнялось или даже шло противостояние Западу.

Как отмечает тот же П. Я. Чаадаев, отечественная история была неправильной с самого начала, поскольку неправильным был выбор веры в X веке: «Повинуясь нашей злой судьбе, мы обратились к жалкой, глубоко презираемой этими народами Византии... Сколько ярких лучей озаряло уже тогда Европу, на вид окутанную мраком! ... Высокие качества, которые религия принесла в дар новым народам; эти новые силы, которыми она обогатила человеческий ум; эти нравы, которые, вследствие подчинения безоружной власти, сделались столь же мягкими, как раньше были грубы, — все это нас совершенно миновало» [8, с. 38, 39]. «Новые народы», упоминаемые Чаадаевым — это европейцы. Таким образом, в основе внешнеполитической стратегии западников с самого начала заложен миф о «всегда процветающей Европе».

По логике западников нужно было выбирать католичество, и тогда уже тысячу лет Россия процветала бы в «семье европейских цивилизованных народов», наслаждаясь всеми благами цивилизации - безопасностью, устроенным бытом, науками, развитой сильной экономикой, «естественными» правами человека и т.п.

На это можно резонно парировать, что вера есть феномен нерациональный, а значит и выбор веры обуславливается не рациональными причинами, а в большей степени мистической интуицией, эмоциями. Если же какой-то субъект выбирает веру по рациональным основаниям, вряд ли его вообще можно назвать верующим.

Впрочем, и с рациональной точки зрения (следуя логике самих же западников) выбор православия был вполне зако-

номерен. В X веке (да и довольно долго после него) никакой «процветающей цивилизации» в Западной Европе не существовало. А существовало «кулачное право» Гогенштауфенов, феодальная раздробленность, всеобщая неграмотность, отсутствие элементарной санитарии, крайне низкий уровень экономики и т.п. Напротив, Византия в X веке являла собой пример, будучи державой сильной в культурном, политическом, экономическом плане. Многие восприняв в культурном плане от Византии, Древняя Русь в XI – XII веках опережала Западную Европу и по уровню грамотности, и по бытовому устройству жизни, и по уровню экономики. В 1237–41 гг. во время кульминации Западного похода монголы громили на своем пути всех – и русские княжества, и европейские королевства (Польшу – в битве при Легнице, Венгрию – при Шайо). Поход был закончен по чисто юридической причине – умер великий хан, и все монголы должны были вернуться, чтобы выбрать на курултае нового. Но почему они не возобновили поход после этого? Представляется, потому что в 1241 г. не увидели в Европе ничего привлекательного - ни с точки зрения грабежа, ни с точки зрения освоения пространства (объектом монгольской экспансии в итоге был выбран богатый и процветающий Южный Китай).

В конце XX века к власти в России пришли не просто западники, а вестернизаторы, наиболее радикальные из которых считали, что Россия вообще не в состоянии сама выработать свою внешнеполитическую стратегию, а должна полностью следовать в фарватере Запада. Здесь можно вспомнить обращение министра иностранных дел Андрея Козырева РФ к экс-президенту США Ричарду Никсону с просьбой помочь сформулировать национальные интересы России, причем таким проявлением раболепия был удивлен даже сам Никсон [6, с. 210].

В результате в 90-е гг. XX века были по максимуму разрушены отношения с незападными странами, которые формировались десятилетиями, а внешняя политика России была фактически замкнута на Запад. Наиболее ярким проявлением столь недалеконovidного и, как ни парадоксально, одновременно циничного подхода можно считать политику

в отношении Афганистана. В 1989 г. советские войска были из этой страны выведены, но режим Наджибулы продолжал получать поддержку от СССР. С распадом Советского Союза всякая поддержка прекратилась, поскольку Козыреву и вообще западникам Афганистан был совершенно неинтересен. Светский и в целом пророссийский режим пал, к власти пришли сначала моджахеды Ахмада Шаха Масуда, генерала Дустума и др., потом талибы. Наджибула был подвержен пыткам и убит, а Афганистан надолго стал для России источником множества проблем.

Внешнеполитическая стратегия славянофилов в целом соответствует их названию. Противопоставляя себя западникам, они считали, что расцвет Западной Европы остался в прошлом, и устремления их были направлены на Европу Восточную - ареал распространения славянских народов. Отмечая, что Россия чужда Западу по своему внутреннему складу, Н. Я. Данилевский писал: «Россия не иначе может занять достойное себя и Славянства место в истории, как став главою особой, самостоятельной политической системы государств и служа противовесом Европе во всей ее общности и целостности» [5, с. 388].

Таким образом, основой внешнеполитической стратегии славянофилов было объединение всех славянских народов в некую конфедерацию, во главе которой должна была стать Россия. В среде славянофилов была даже весьма популярной идея, что столицей этой потенциальной конфедерации будет Константинополь (Стамбул) который, правда, в XIX веке еще надо было освободить от власти Османской империи, как и многие славянские народы. Во второй половине XIX века внешнюю политику Российской империи можно расценивать как попытку реализации внешнеполитической стратегии славянофилов (или хотя бы ее некоторых элементов). В 1858 г. Александр II утвердил Устав Славянского благотворительного комитета. Славянское благотворительное общество вело активную просветительскую и образовательную деятельность, поддерживало славян на Балканах в их выступлениях против Османской империи. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. - яркое выражение внешнеполитической стратегии славянофилов, однако ее итоги славянофилов скорее разочаровывают. Победа в войне не только не привела к созданию Славянской конфедерации, но и к каким-то значительным геополитическим успехам для России. Переиграть Европу на дипломатическом поле тогда не удалось - итоги Берлинского конгресса были крайне неудачными. Идеи, легшие в основу внешнеполитической стратегии славянофилов, во многом оказались иллюзорными. Некоторые славянские народы (поляки, хорваты) решительно не хотели входить в Славянскую конфедерацию, а позже стали всячески демонстрировать свою европейскую ориентацию и противопоставление России.

Внешнеполитическая стратегия евразийцев основывается на теории локальных цивилизаций и признании многополярности мирового устройства. Россия-Евразия есть самобытная цивилизация в ряду иных цивилизаций, и отношения с ними должны строиться на основе принципов равенства и взаимоуважения. Для того, чтобы обеспечить реализацию этих принципов, необходима автаркия - независимость в основных, стратегических аспектах бытия. Если следовать мнению Л. Н. Гумилева [4], выделяются цивилизации по отношению к России комплиментарные (например, Византийская), нейтральные (Китайская), враждебные (Западная).

При этом ряд евразийцев относят Запад к враждебным цивилизациям и по объективным причинам, и по обстоятельствам субъективного характера. Славянофилы, принадлежа (в большинстве своем) к привилегированному, обеспеченному классу - дворянству, никогда лично не испытывали какого-либо ущемления со стороны Европы и европейцев. При этом они отмечали таковое в отношении к России в целом. Одним из первых об объективных причинах враждебности Запада пишет представитель позднего славянофильства Н. Я. Данилевский. Вообще, поводом к написанию Н. Я. Данилевским своего фундаментального труда послужило событие, известное сейчас только узким специалистам. В 1864 году Пруссия и Австрия напали на Данию, отторгнув у нее Шлезвиг и Голштейн. Европейское общественное мнение отреагировало довольно вяло. В 1853 году начинается война России с Турцией, причем повод к этой войне был гораздо более серьезен, а Россия действовала исключительно с по-

зиций тогдашнего международного права. В Европе происходит взрыв общественного негодования, под воздействием которого крупнейшие европейские державы объявляют войну России (Крымская война). Налицо, т.о., «вешание двумя весами», как говорит Данилевский, или «политика двойных стандартов», как говорят теперь. Совершив краткий исторический экскурс, Н. Я. Данилевский убеждается, что в большинстве случаев и европейское общественное мнение, и европейские правительства настроены по отношению к России негативно, если не сказать враждебно. Его вывод: «Европа на признает нас своими. Она видит в России нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, который можно бы формировать и обделывать по образу и подобию своему... Европа видит поэтому в Руси не чуждое только, но и враждебное начало». [5, с. 57]. Однако можно заметить, что лично для Н. Я. Данилевского этот вывод был чисто теоретическим, на себе он враждебность Европы не ощущал.

В отличие от западников и славянофилов XIX века, посещавших Европу в большинстве своем в качестве состоятельных туристов, евразийцы эмигрировали туда после 1917 г. и увидели ее «изнутри», в т.ч. и в весьма неприглядном виде [3]. Приехав в Европу уже не как туристы, потеряв после революции свое состояние (или изначально его не имея), пытались не дать что-то Европе, а получить (поддержку, сочувствие, работу) они столкнулись в лучшем случае с холодным равнодушием, почуствовав себя людьми «второго сорта». Так, например, во Франции русские эмигранты, не принявшие французское гражданство, были ограничены в возможности перемещения, получения легальной работы - как отмечает И. Л. Солоневич, «чертежи знаменитого парохода «Нормандия» были нелегально, то есть противозаконно, сделаны русской группой инженера Юркевича... Но деньги получили, конечно, французские владельцы русских белых рабов» [7, с. 322]. Логично, что, испытывая на себе подобное отношение, евразийцы относились к Европе более негативно, чем славянофилы. В этом, в том числе, заключаются субъективные основания классического евразийства.

Как мы уже отмечали ранее [1], [2], события последнего времени, прежде всего так называемая «санкционная политика» Запада показали, что обеспечение автаркии государства может стать вопросом как его выживания, так и выживания цивилизации, выразителем которой оно является, поскольку противостояние носит характер уже не столько экономической и даже геополитической, а цивилизационной. Итак, внешнеполитическую стратегию евразийства можно сформулировать как сохранение бытия России на основе равноправного диалога цивилизаций (имеется в виду диалог прежде всего с цивилизациями комплиментарными и нейтральными).

Подводя итог, можно заметить, что внешнеполитическая стратегия евразийцев является наиболее реалистичной и соответствующей цивилизационным интересам России.

Пристатейный библиографический список

1. Горбачев С. Б. К вопросу о необходимости автаркии государства в современных условиях // Евразийский юридический журнал. - 2022. - № 8 (171). - С. 492-494.
2. Горбачев С. Б. Реализация геостратегии Запада на Ближнем Востоке как политика двойных стандартов // Экономика и управление: научно-практический журнал. - 2021. - № 3 (159). - С. 187-190.
3. Горбачев С. Б. Субъективные основания классического евразийства // О вечном и преходящем: сборник научных статей. Выпуск 12 / Отв. ред Р. Х. Лукманова. - Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. - С. 22-24.
4. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь / Сост. и общ. ред. А. И. Курочки: в 2-х книгах. - М.: Институт ДИ-ДИК, 1997. - Кн. 1. - 512 с.
5. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. - М: Эксмо, 2003. - 640 с.
6. Примаков Е. М. Годы в большой политике. - М.: Коллекция «Соверш. секретно», 1999. - 445 с.
7. Солоневич И. Л. Народная монархия. - М.: Эксмо, 2003. - 608 с.
8. Чаадаев П. Я. Философические письма: сборник. - М.: Директ-Медиа, 2016. - 829 с.

ДОРОНИН Юрий Петрович

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОДИН ИЗ СТРАТЕГИЧЕСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье на основе анализа двух стратегически своевременных и актуальных Указов Президента РФ: «О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» и «О стратегии национальной безопасности в Российской Федерации» рассмотрены современные проблемы экономической безопасности. Эти документы системно и комплексно раскрывают приоритетную значимость экономической безопасности, определяют цели, основные направления и задачи государственной политики в экономической сфере, обеспечивающие сохранение экономического суверенитета и преодоление угроз экономической безопасности.

Ключевые слова: экономическая безопасность, угрозы экономической безопасности, обеспечение экономической безопасности, стратегия национальной безопасности, стратегические национальные приоритеты.

DORONIN Yuriy Petrovich

Ph.D. in historical sciences, associate professor, associate professor of Philosophy sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

ECONOMIC SECURITY AS ONE OF THE STRATEGIC NATIONAL PRIORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Based on the analysis of two strategic topical Decrees of the President of the Russian Federation such as «On the strategy of economic security of the Russian Federation for the period up to 2030» and «On the strategy of national security in the Russian Federation» the current issues of economic security are considered in the article. These documents demonstrate the priority importance of economic security systematically and comprehensively, determine the goals, main directions and tasks of state policy in the economic sphere to ensure maintaining economic sovereignty and overcoming threats to economic security.

Keywords: economic security, threats to economic security, maintenance of economic security, strategy of economic security, strategic national priorities.

Доронин Ю. П.

Проблема экономической безопасности является одной из наиболее актуальных и важных проблем в современном мире. Это связано с тем, что экономическая безопасность напрямую влияет на жизнь граждан, на рост и благосостояние экономики, а также на государственную безопасность. Современная экономическая система представлена сложной сетью экономических, финансовых, торговых, транспортных и других связей между компаниями, странами, регионами и отдельными людьми. Поэтому нарушение одного из звеньев может привести к серьезным последствиям для всей экономической системы.

Следует отметить, что мир находится в постоянном изменении. Технологический прогресс ведет к возникновению новых рынков, трудовых мест и возможностей. Однако, он также является и угрозой для экономической безопасности, так как угрожает устареванию на старых рынках и создает новые риски, например, кибербезопасности и технологической зависимости.

Поэтому проблема экономической безопасности требует постоянного внимания и усилий со стороны государственных и коммерческих организаций, а также общественности в целом.

Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» опре-

деляет экономическую безопасность как «состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации» [1, пп. 1, п. 7].

Экономическая безопасность включает в себя следующие аспекты:

- Защита экономики государства от внешних угроз (экономических санкций, дискриминации на мировых рынках).
- Защита экономической системы от внутренних угроз (коррупционных схем, незаконного оборота финансовых ресурсов, монополизации рынков).
- Обеспечение экономической стабильности и предотвращение кризисов в экономике.
- Развитие экономики и повышение ее конкурентоспособности.
- Развитие инновационной экономики и повышение уровня технологий.

Для обеспечения экономической безопасности государства необходимо принимать комплекс мер, которые включают в себя экономическую политику, налоговую политику, меры по борьбе с коррупцией, развитие инновационной экономики и т.д.

Обеспечение экономической безопасности - это комплекс мероприятий, направленных на защиту экономической системы от возможных внутренних и внешних угроз, обеспечение стабильности экономического развития и поддержание высокого уровня конкурентоспособности страны и отраслей экономики.

В рамках обеспечения экономической безопасности необходимо решать множество задач: быть готовым к неожиданной смене экономических условий, повышение инновационности экономической системы, сокращение уязвимых мест, улучшение механизмов защиты национальных интересов на рынках мировой экономики, сокращение рисков от финансовых кризисов и т.д.

Ключевыми направлениями обеспечения экономической безопасности являются:

– Государственное регулирование экономических отношений и создание эффективной правовой базы, гарантирующей сохранение экономических интересов страны и защиту прав субъектов экономической деятельности.

– Развитие инфраструктуры, укрепление отраслей экономики, позволяющих обеспечить независимость от импорта, получение положительных результатов на международном рынке.

– Развитие научно-технического потенциала и инновационных технологий, позволяющих увеличить эффективность экономической деятельности, а также выполнить промышленную и научную революцию.

– Создание системы предупреждения и реагирования на возможные угрозы экономической безопасности и конкурентоспособности с угрозами.

– Образование и развитие культуры экономической безопасности, формирование устойчивой психологии успеха и предпринимательства в государственных и корпоративных структурах.

– Оптимизация налоговой, бюджетной и финансовой политики, что позволит укрепить финансовую устойчивость страны и ее экономики.

Обеспечение экономической безопасности является одним из ключевых приоритетов развития любой страны и является делом национального масштаба.

Консолидировать усилия органов государственной власти, органов местного самоуправления, ЦБ РФ и институтов гражданского общества по обеспечению экономической безопасности в целях защиты национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов России призван Совет Безопасности Российской Федерации. Совет Безопасности участвует в разработке стратегии экономической безопасности страны и координирует деятельность органов государственного управления в области экономической безопасности. Он также принимает меры по защите экономических интересов России в международных экономических отношениях [2, п. 3-4].

«Для обеспечения экономической безопасности России Совету Безопасности РФ необходимо осуществить проверку степени выполнения 74 задач Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года и 35 задач экономической безопасности, предусмотренных Стратегией национальной безопасности Российской Федерации» [3, с. 24].

Нормативное регулирование экономической безопасности является необходимым элементом экономической политики государства, поскольку оно способствует стабильности экономической системы, снижению рисков и угроз, повышению качества жизни граждан и эффективному функционированию предприятий и организаций. Оно осуществляется на основе следующих документов:

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

2. Федеральный закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ.

3. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ.

3. Федеральный закон «О государственной тайне» от 21 июля 1993 года № 5485-1.

4. Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07 августа 2001 года № 115-ФЗ.

5. Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 08 августа 2001 года № 129-ФЗ.

6. Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации» от 27 ноября 2010 года № 311-ФЗ.

7. Федеральный закон «О персональных данных» от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ.

8. Указ Президента Российской Федерации «О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» от 13 мая 2017 г. № 208.

9. Указ Президента Российской Федерации «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 02 июля 2021 г. № 400.

Кроме того, существует большое количество нормативных документов, направленных на регулирование экономической деятельности в различных сферах и отраслях экономики, которые также влияют на экономическую безопасность государства.

В Указе президента Российской Федерации «О стратегии национальной безопасности» от 02 июля 2021 года № 400 уделено большое внимание экономической безопасности страны. В документе отмечается, что экономическая безопасность является ключевым элементом общей национальной безопасности и обеспечивает гармоничное и устойчивое развитие экономики России, а обеспечение экономической безопасности страны является одним из ключевых приоритетов государственной политики [4, пп. 5, п. 26]. Для достижения этой цели необходимо укреплять экономическую стабильность, обеспечивать эффективное функционирование национальных финансовых рынков, развивать отечественную промышленность и транспортную инфраструктуру, совершенствовать систему национальной безопасности в области информационных технологий и т. д.

Вместе с тем, документ отмечает, что экономическая безопасность РФ подвергается значительному влиянию факторов внешней среды, в том числе усложнению международной конъюнктуры, усилению экономических санкций и других ограничений со стороны зарубежных государств, а также росту мировых цен на энергоносители и продовольствие.

Экономическая безопасность имеет огромное значение для развития и процветания страны. Угрозы экономической

безопасности могут нанести значительный ущерб экономике и инфраструктуре страны, а также породить социально-экономические проблемы.

Угрозы экономической безопасности могут быть разнообразными и их перечень зависит от конкретных условий и масштабов экономической системы. Однако, можно выделить общие угрозы, которые могут нанести значительный ущерб экономической безопасности физических и юридических лиц, а также государства в целом. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года выделяет двадцать пять потенциальных вызовов и угроз экономической сфере Российской Федерации [5, пп. 1-25, п. 12]. Это могут быть:

– Неразвитая экономика и неблагоприятные условия для бизнеса.

– Конкуренция на рынке товаров и услуг, которая может быть чрезмерной или некачественной, что приводит к ухудшению экономической ситуации.

– Низкий уровень защиты интеллектуальной собственности, который способствует краже технологий и идей.

– Различные формы коррупции и нарушения законодательства, в том числе неплатежеспособность банков и предприятий.

– Уязвимость кибербезопасности и стойкость к компьютерным атакам, которые могут нарушить нормальное функционирование экономических систем.

– Санкции и ограничительные меры, которые могут привести к потере доступа к ресурсам, рынкам и другим важным экономическим инструментам.

– Транснациональные преступные организации, которые могут воздействовать на экономические системы через незаконную торговлю, отмывание денег или другие виды мошенничества.

– Глобальные экологические катастрофы, которые могут уничтожить экономические объекты и материальные ресурсы.

– Социально-экономическая неустойчивость и политические изменения, которые могут привести к резким колебаниям на рынках, и расстройством экономических систем.

С подробным и детальным анализом вызовов и угроз, обозначенных в Стратегии экономической безопасности РФ до 2030 года, можно познакомиться в работе авторов Гаджиева Н. Г., Коноваленко С. А. и Трофимова М. Н. Они на конкретных примерах раскрывают их содержание и оценивают «степень опасности и вероятность наступления» [6, с. 8].

Незащищенность от угроз экономической безопасности может повлиять на национальную валюту, вызвать инфляцию, сократить объемы экспорта и импорта, ухудшить инвестиционный климат и снизить уровень жизни населения.

Поэтому, обеспечение экономической безопасности - это необходимость для любой страны, чтобы защитить себя от угроз и сохранить экономическую стабильность, независимость и суверенитет государства. Кроме того, усиление экономической безопасности способствует созданию благоприятных условий для развития бизнеса и привлечение иностранных инвестиций, а, следовательно, косвенно влияет на устойчивое развитие всего общества.

Пристатейный библиографический список

1. О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О некоторых вопросах Совета Безопасности Российской Федерации Указ Президента РФ от 07.03.2020 № 175 (вместе с «Положением о Совете Безопасности Российской Федерации», «Положением об аппарате Совета Безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 07 марта 2020 г. № 175. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Павлов В. И. Обоснование состава новых показателей оценки экономической безопасности Российской Федерации в условиях усиления антироссийских санкций // Развитие и безопасность. М.: Институт проблем рынка РАН, 2022. № 3. С. 17-28.
4. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Гаджиев Н. Г., Коноваленко С. А., Трофимов М. Н. Угрозы в сфере обеспечения экономической безопасности государства. Пути их нейтрализации // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. 2022. Том 37. Вып. 1. С. 7-19.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-4-179-501-502

ИГНАТОВА Юлия Евгеньевна

аспирант кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук Армавирского государственного педагогического университета

ЛУКЬЯНОВ Геннадий Иванович

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры экономики и менеджмента Инженерно-экономического факультета Волжского политехнического института (филиала) Волгоградского государственного технического университета

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ КАК ОСНОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье рассматривается феномен социального доверия как основной фактор социального развития и стабильности общества, ресурс устойчивости и высокой функциональности социальных институтов. Указано, что доверие в современных условиях понимается как необходимая часть успешного функционирования общества, как важнейшая составляющая социального капитала, ресурс и условие интеграции и развития любых, как вертикальных, так и горизонтальных общественных структур. Показана взаимосвязь проблем социального доверия и социального капитала и проблемы дисфункции правового сознания в России. Проводится анализ взаимоотношений правовой культуры и правовой идеологии в российском обществе. С содержательной точки зрения, российское правосознание всегда было больше ориентировано на нормативную систему морали, чем права. То есть, достижение неформальной «справедливости» в российской исторической традиции было и до сих пор является более значимой целью, чем установление формальной «законности».

Ключевые слова: российское общество, социальное доверие, социальный капитал, правосознание, мораль, ценности, социальные институты, культура.

IGNATOVA Yuliya Evgenjevna

postgraduate student of Philosophy, law and social sciences and humanities sub-faculty of the Armavir State Pedagogical University

LUKYANOV Gennadiy Ivanovich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, professor of Economics and management sub-faculty of the Faculty of Engineering and Economics of the Volga Polytechnic Institute (branch) of the Volgograd State Technical University

THE PHENOMENON OF SOCIAL TRUST AS THE BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF LEGAL CONSCIOUSNESS IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

The article deals with the phenomenon of social trust as the main factor of social development and stability of society, a resource of sustainability and high functionality of social institutions. It is indicated that trust in modern conditions is understood as a necessary part of the successful functioning of society, as the most important component of social capital, a resource and condition for the integration and development of any, both vertical and horizontal social structures. The relationship between the problems of social trust and social capital and the problem of dysfunction of legal consciousness in Russia is shown. An analysis is made of the relationship between legal culture and legal ideology in Russian society. From a substantive point of view, Russian legal consciousness has always been more focused on the normative system of morality than law. That is, the achievement of informal "justice" in the Russian historical tradition was and still is a more significant goal than the establishment of formal "legality".

Keywords: Russian society, social trust, social capital, legal consciousness, morality, values, social institutions, culture.

Сегодняшняя непростая социокультурная ситуация в России настоятельно требует пересмотра ценностных оснований правового сознания. И, прежде всего, в качестве лимитирующего фактора многие современные российские исследователи отмечают такой фактор как социальное доверие. Именно социальное доверие выступает в качестве базовой установки, одного из главных факторов развития правового сознания, и, в целом, нормативного сознания и ценностного фундамента мировоззрения. Доверие на сегодняшний день рассматривается как необходимая часть успешного функционирования общества, как важнейшая составляющая социального капитала, ресурс и условие интеграции и развития любых, как вертикальных, так и горизонтальных общественных структур. Российское общество в силу ряда причин внешних и внутреннего характера испытывает сегодня дефицит социального капитала, поэтому исследования, посвященные про-

блеме социального доверия, его накопления и восполнения, являются крайне актуальными для целого междисциплинарного поля социальных наук.

Понятие «социальный капитал» и связанная с ним проблема социального доверия получили проблематизацию довольно поздно, их факторную роль в общественном развитии начали исследовать и в зарубежной, и в отечественной социальной теории лишь в XX веке. Один из основателей теории социального капитала – Ф. Фукуяма – считал, что уровень доверия выступает маркером национального благосостояния общества, функциональности и устойчивости его институтов. И, уже исходя из состояния социального доверия в обществе как интегральной характеристики, можно вывести такие более узкие понятия, как экономическая эффективность, конкурентоспособность и пр. «Прочные и устойчивые семейные и общественные институты не могут быть

Игнатова Ю. Е.

Лукьянов Г. И.

учреждены правительственным декретом подобно, скажем, центральному банку или армии. Существующее в реальных условиях гражданское общество всегда опирается на людские привычки, традиции и нравственные устои – все то, на что политические меры способны повлиять лишь косвенно и что чаще всего требует старательного возвращения, с повышенным вниманием и уважением к культуре» [1, с. 9].

Именно с проблемы социального доверия и социального капитала нужно начинать исследование проблем дисфункции правового сознания в России. Эта проблема имеет уже прочти трехвековую историю, изучается в самых разных аспектах и направлениях. Однако большинство выводов о «самобытности» российского правосознания и проблемах правового нигилизма в России так или иначе приводят к нерешенности проблемы дефицита социального доверия в формальных институтах российского общества, то есть, к проблеме дефицита социального доверия [2]. Хотя, при этом можно согласиться с множеством российских исследователей, подчеркивающих культурные и ценностные отличия российского сознания от западного и восточного. Существующие дискуссии в российской и зарубежной социальной теории о ценностной природе правосознания, сопоставление условий его возникновения, функционирования и поддержания в разных социокультурных условиях, явственно подтверждают, что на культурном уровне существует ряд функциональных отличий российского правосознания как от европейского, так от и восточного [3, с. 50-57]. Понимание этой самобытности связано с демаркацией и ранжированием нормативных систем, и рядом социокультурных причин, определяющих функциональную специфику российского правосознания и его культурной генетики.

Одной из самых выразительных и самых изученных черт российского правосознания является то, что, с содержательной точки зрения оно всегда было больше ориентировано на нормативную систему морали, нежели права. То есть, достижение неформальной «справедливости» было в российской исторической традиции и является до сих пор более значимой целью, чем установление формальной «законности». По словам русского философа В. С. Соловьева, «взаимоотношение между нравственной областью и правовую есть один из коренных вопросов практической философии» [4, с. 195]. Право же в России (с функциональной точки зрения) больше связано с представлениями о государственных инструментах принуждения и насилия, чем с императивами восстановления истинного порядка. Это прослеживается не только на правоприменительном уровне, ни и на правотворческом. Порядок сакрален, легитимирован религиозной моралью и нерушим. Поэтому российские представления о праве традиционно мало дифференцированы с другими нормативными системами, этой рефлексии в массовом сознании практически не происходило и не происходит. XX век показал также, что «отмена» религии как основы мировоззрения не означала деконструкцию самой нормативной системы. По сути, произошедший демонтаж институциональной (социальной) основы религии в СССР не означал такого же автоматического демонтажа религии в общественном сознании. [5, с. 34-42.]. Религиозная система сменилась квазирелигиозной, подкрепила себя возросшим мифологическим сознанием [6, с. 41-47]. Но не поменяла функционального механизма опоры на мораль и перекоса правосознания в сторону нравственного сознания.

Социальное доверие при этом накапливается не в формальных институтах, связанных с законностью и выполнением предписаний закона, а в неформальных институтах, связанных с повседневной организацией и поддержанием морально-нравственных устоев жизни общества. Рост правосознания – не самоцель в российском общественном сознании, он оказывается возможным только в том случае, если правовые нормы не идут вразрез с традиционными нормами морали, если они «справедливы» с точки зрения членов российского общества [7, с. 46-50]. Как ни парадоксально, но в этом смысле архаизация или религиозная фундаментализация могут оказаться гораздо более соответствующими запросу общества на «справедливость», чем, например, развитие

права, построение правового государства. Именно поэтому, несмотря на то что формальное правосознание формируется через институты власти и образовательные учреждения, для российского общества можно сделать существенную поправку на неформальные факторы формирования правосознания: религию и ближайшее окружение человека, в частности семью. Для морали всегда важно «мнение большинства», которое оказывает колоссальное воздействие на формирование правосознания человека (в этом смысле уместно вспомнить о русском принципе «соборности» как духовно-моральной общности людей, принципе «совместности» и нераздельности) [8, с. 3-9]. И именно в этом смысле социальное доверие оказывается мощным интегрирующим фактором, создающим эту солидарность. Это также косвенно подтверждается активным подчеркиванием ведущей роли личности по отношению к обществу, появившимся в российской философии и правоведению в XIX веке. Например, Н. А. Бердяев, говоря о роли личности, замечал, что «Личное сознание чести, благородства, достоинства раскрывается лишь в Евангелии, которое есть окончательное преодоление родовой, безличной этики» [9, с. 63]. Личность не случайно выносятся выдающимися русскими философами права на первый план и именно в аспекте долженствования, противопоставляется наличной этике права как «бесчеловечной», то есть, не несущей в себе человека, но обязанной нести.

Таким образом, в российских условиях правосознание, под которым понимается система чувств и представлений, выражается отношение групп, людей к праву. Оно не просто не автономно в российском обществе от норм морали и религии, а даже во многом вторично по отношению к ним. Практически это выражается в незнании множеством россиян законов, в игнорировании ряда важных формально-правовых норм и даже недоверия к ним. В этой связи институциональная устойчивость феномена социального доверия крайне необходимо для эффективного развития правосознания в современном российском обществе.

Пристатейный библиографический список

1. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. - М.: АСТ, Ермак, 2004. - 730 с.
2. Бакланов И. С., Бакланова О. А., Федотенков Е. С., Федотенкова О. В., Похилько А. Д. Нигилизм в российском обществе: анализ его сущности и форм проявления. - Армавир, 2019. - 156 с.
3. Реуф В. М., Сальников С. П. Правосознание как функция и функции правосознания // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. - 2009. - № 12. - С. 50-57.
4. Соловьев В. С. Оправдание добра // Сочинения: в 2 т. - М.: Мысль, 1988. - Т. 1. - 895 с.
5. Бакланов И. С., Лагунов А. А. К вопросу об эвристичности расширения понятия религии в современном научном дискурсе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. - 2021. - Т. 7 (73). - № 4. - С. 34-42.
6. Baklanov I. S., Baklanova O. A., Erokhin A. M., Ponarina N. N., Akopyan G. A. Myth as a Means of Ordering and Organizing Social Reality // Journal of History Culture and Art Research. - 2018. - V. 7. - № 2. - P. 41-47.
7. Смазнова О. Ф. Аксиомы правосознания И. А. Ильина и темпоральный анализ развития правосознания // Вестник Новгородского государственного университета. - 2003. - № 24. - С. 46-50.
8. Burlova Yu., Baklanova O. Normative Conditioning of the Consciousness of the Society Subject: Sociocultural Approach // Science Almanac of Black Sea Region Countries. - 2022. - № 4 (32). - P. 3-9.
9. Бердяев Н. А. О назначении человека. - М.: Республика, 1993. - 383 с.

ЗУБКОВ Сергей Александрович

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

ЗУБКОВ Егор Сергеевич

студент направления подготовки бакалавриат музыкальное образование Института искусств и художественного образования Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

ЭКОФИЛЬНЫЙ ОБРАЗ ШРИ ЧАЙТАНЬИ КАК БЕНГАЛЬСКОГО СВЯТОГО – ФИЛОСОФА И МУЗЫКАЛЬНОГО ДЕЯТЕЛЯ.

Статья посвящена теологической и экофильной деятельности Шри Чайтаньи. Известный бенгальский святой, религиозный реформатор, проповедник культа бхакти проявлял в разные периоды жизни различные образы экофильности. Трансформация взглядов Шри Чайтаньи проходила через усиление экофильных образов бхакти и углубление религиозных и психологических переживаний святого. Музыкальные песнопения Шри Чайтаньи – харинама санкиртана – жанр особого рода, позволяющий испытывать подлинно духовные эмоции.

Ключевые слова: Шри Чайтанья, культ бхакти, экофильная философия, музыка.

ZUBKOV Sergey Alexandrovich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Philosophy and religious studies sub-faculty of the A. G. and N. G. Stoletov Vladimir State University

ZUBKOV Egor Sergeevich

student of the bachelor's degree in music education of the Institute of Arts and Art Education of the A. G. and N. G. Stoletov Vladimir State University

AN ECOPHILIC IMAGE OF SRI CHAITANYA AS A BENGALI SAINT – PHILOSOPHER AND MUSICAL FIGURE

The article is devoted to the theological and ecophilic activity of Shri Chaitanya. The famous Bengali saint, religious reformer, preacher of the cult of bhakti showed various images of ecophilia at different periods of his life. The transformation of Shri Chaitanya's views took place through the strengthening of ecophilic images of bhakti and the deepening of the religious and psychological experiences of this saint. The musical chants of Sri Chaitanya - harinama sankirtana - are a special kind of genre that allows you to experience truly spiritual emotions.

Keywords: Sri Chaitanya, bhakti cult, ecophilic philosophy, music.

Зубков С. А.

Зубков Е. С.

Шри Чайтанья (1486-1534) – знаменитый бенгальский святой, экофильный философ и музыкант, создатель и реформатор культа бхакти через музыкальное творчество киртана – совместное пение священных мантр. Теологическое, философское и музыкальное творчество святого позволяет осмыслить всю многогранность и масштаб его личности [7], [8].

Шри Чайтанья – необычайно одаренный знаток санскрита и риторики в юности, известный тогда под именем Нимай Пандит. Он прославился своими диспутами с известными знатоками санскрита Бенгалии. Нимай Пандит многократно завоевывал победу в риторических диспутах по логике, а в знании санскрита ему не было равных.

В возрасте 16-17 лет во время путешествия в Гаю Нимай Пандит принял духовное посвящение от ученика известного Мадхавендры Пури по имени Ишвара Пури. По возвращению в Надию (область Бенгалии) все были поражены переменой, произошедшей в нём, из дерзкого логика и ритора он превратился в религиозного проповедника, который от одного имени Кришны впадал в глубочайший духовный транс. Его биограф Мурари Гупта, наблюдавший всё это, описал как Нимай Пандит в доме Шриваса на глазах сотен вайшнавов, образованных пандитов и своих последователей

проявлял божественные силы и религиозные чувства в танце, воспевании мантр и проповеди. На этом этапе жизни произошла значительная трансформация мистического экофильного образа Шри Чайтаньи.

Особое место, связанное с появлением на свет и юностью Шри Чайтаньи, занимает Майяпур в Надии, Бенгалии и является значимым для обретения мистического экофильного опыта для практикующих бхакти [3, с. 16].

Важно отметить, что Шри Чайтанья как ачарья, авторитетный теолог вайшнавизма и философ после отмеченных ранее преобразований в образе проявлял свое философское и музыкальное творчество еще более виртуозно и ярко. Так в Джаганатха Пури состоялась встреча Шри Чайтаньи, со всеми уважаемым философом и знатоком священных ведийских текстов Сарвабхаумой Бхаттачарьей. Пожилой учёный пожелал рассказать юному пандиту Веданта-сутру. Семь дней продолжалось это повествование, однако в завершении седьмого дня Сарвабхаума выразил сомнение, насколько Шри Чайтанья понимает его толкование. На что Шри Чайтанья ответил, что он понимает смысл сутры, но не понимает толкование Сарвабхаумы, основанные на комментариях Шанкары. Тогда пожилой пандит попросил Шри Чайтанью самого объяснить суть Веданты, что он и сделал в традици-

ях вайшнавизма. Такое толкование восхитило Сарвабхауму, признавшего в аргументации молодого пандита истинность, гармоничность, красоту и естественность объяснения Веданта сутр. Так Сарвабхаума стал верным последователем Шри Чайтаньи и превратился в одного из величайших вайшнавов своего времени, после чего со всей Ориссы люди стали толпами приходить к Шри Чайтанье, становясь его последователями.

Позже Шри Чайтанья вместе с Кришнадасом брахманом отправился в путешествие по Южной Индии, демонстрируя музыку киртана и философию вишнуизма. Вначале он посетил Курмакшетру, где исцелил прокаженного Васудеву, затем на берегу Годавари он провел философскую беседу с губернатором Видьянагара Рамананда Раем о цели бхакти.

Затем Шри Чайтанья посетил Бенгалию, дойдя до Гауды, где встретил Рупу и Санатану, двух братьев, происходивших из рода карнатакских браманов, но служивших на тот момент при мусульманском дворе, и сделал их главными систематизаторами и теоретиками своего учения [1, с. 22-24].

Последние годы своей жизни Шри Чайтанья «провел в глубоко эзотерическом состоянии» испытывая духовные эмоции и переживания [6, с. 16]. Он безвыездно находился в Пури в доме Каши Мишры. Это была жизнь – подвиг, в которой он был окружён многочисленными последователями, самыми возвышенными вайшнавами, отличающимися своей учёностью, аскетизмом, чистотой и духовной любовью к божественной чете Радхе Кришне. Постоянно при нём находились двое главных спутников – это Сварупа Дамодара, ставший его секретарём, и Рамананда Рай.

Большую часть времени Шри Чайтанья находился в глубочайшем духовном транс, он танцевал и пел, забываясь в духовном порыве. Также он поклонялся в храме, общался с религиозными людьми, поддерживал связь со своими посланниками во Вриндаване, не забывая регулярно отправлять своей матери в Надию духовную пищу.

Шри Чайтанья как философ предложил теологический и мистический подход ачингья-бхеда-абхеда таттва – «непостижимое единство и различие» Бога – Бхагавана и индивидуальной души – дживы [9, с. 179].

Вклад Шри Чайтаньи в понимание философии вайшнавизма заключался в отходе от имперсоналистических трактовок священных писаний и сосредоточенности на бхакти – любви к Всевышнему, как прямом смысле священных текстов [5, с. 81].

Бенгальский вайшнавизм Шри Чайтаньи или движение санкиртаны – совместного исполнения мантр, стало основой жизни как простых деревенских людей Бенгалии, так и людей с разных уголков планеты [2, с. 39].

Из важных экофильных эпизодов жизни можно выделить его мистическое путешествие по лесу Джарикханда, когда Шри Чайтанья совершал паломничество в Южную Индию. Там он пел киртан и танцевал, при этом животные этого леса, прежде всего крупные звери, такие как тигры, слоны, олени, а также птицы, в унисон с ним включались в этот процесс. Мистика этого события заключалась в том, что обитатели леса присоединялись к киртану на собственных языках, а хищные животные не обращали при этом внимание на травоядных. Свидетель этого события, Балабхадра Бхаттачарья, был поражён, увидев это зрелище, и также находился под волнами этих духовных чувств и переживаний. Данный эпизод указывает на то, что животные в особых случаях способны преодолевать свою инстинктивную биологическую природу под влиянием киртана и испытывать вместе с людьми

экофильное единство. Экофильность в форме бхакти под влиянием Шри Чайтаньи проявилась в том, что все живые существа этого леса в единой духовной экосистеме вышли за рамки своих телесных оболочек и стали духовно и синергетически единными друг с другом [4, с. 143].

Другой экофильный случай из жизни Шри Чайтаньи произошел в Джаганатха Пури, когда к одному из его спутников, Шивананде Сене, совершавшему ежегодное пешее паломничество из Бенгалии в Ориссу, приблизилась собака. Шивананда кормил её и всячески заботился о ней в надежде на то, что собака тоже получит духовное просветление. Но неожиданно собака исчезла и нашлась только в Пури рядом с самим Шри Чайтаньей, который покормил её мякотью кокоса. Произошло чудо, которое вошло в историю, в лае собаки можно было отчетливо слышать священные мантры [4, с. 144].

Удивительный дендрологический мистический опыт Шри Чайтаньи заключался в том, что он у всех на глазах посадил семя манго и оно мгновенно выросло до зрелого дерева, зацвело и принесло плоды, которые он раздал всем собравшимся.

Таким образом, анализируя жизнь и творчество Шри Чайтаньи, обнаруживается как сакральный эзотерический смысл его жизни, так и внешний социальный аспект его деятельности. Несомненен весомый вклад Шри Чайтаньи, как ачарьи – учителя ведийской философии. Все приведенные свидетельства экофильного мистического опыта святого создают его образ апаурушея – сверхчеловеческий. Шри Чайтанья – это не просто святой Индии, он классифицируется в ведийских текстах, таких как Шримад Бхагаватам, как воплощение Кришны.

Пристатейный библиографический список

1. Бхактиведанта Свами Учение Шри Чайтаньи. – М.: Изд-во ББТ, 1989. – 381 с.
2. Бхакти Викаша Свами Взгляд на традиционную Индию. – Н. Новгород: Изд-во ББТ, 2002. – 230 с.
3. Кремо Майкл А., Мукунда Госвами Божественная природа. – М.: Изд-во ББТ, 2004. – 121 с.
4. Роузен Стивен Вегетарианство в мировых религиях: Трансцендентная диета – М.: Изд-во «Философская книга», 2013. – 176 с.
5. Сатсварупа дас Госвами Очерки ведической литературы. – М.: Изд-во ББТ, 2008. – 160 с.
6. Тимошук А. С. Эстетика ведийской культуры. – Владимир: Изд-во ВЮИ Минюста России, 2003. – 112 с.
7. Тимошук А. С. Антропология и герменевтика движения Чайтаньи // Коллективная монография по материалам международных научных конференций «Религия и контексты» и «Религиозная ситуация: региональная специфика». – СПб.: ИП Келлер, 2022. – С. 184-197.
8. Тимошук А. С. Навадвипа бхавата таранга или кино-театр времени бенгальского вишнуизма // Вестник Мининского университета. – 2022. – Т. 10. № 2. – С. 12-28.
9. Тимошук А. С., Шавкунов И. В., Матвеев С. А. 6 систем индийской философии. – М.: Изд-во Свет, 2015. – 304 с.

ЕГОРОВА Юлия Рабисовна

кандидат философских наук, доцент кафедры экономической теории Уфимского университета науки и технологии

СПЕЦИФИКА ПОНИМАНИЯ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЗМА В КЛАССИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

В статье анализируются особенности понимания трансцендентализма в классических и современных философских учениях. Делается вывод о том, что трансцендентализм открывает новые, более глубокие перспективы в изучении сознания и реальности по сравнению с натурализмом, который пытается установить одну реальность, а также свести природу сознания только к работе мозга. Вместе с тем, трансцендентализм может приводить к скепсису и агностицизму по отношению возможности объяснить феномен сознания, что проявляется в ряде концепций кантианской и аналитической философии.

Ключевые слова: сущее, единое, трансцендентализм, трансцендентальное, сознание, объективный мир, субъективность, натурализм.

EGOROVA Yuliya Rabisovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Economic theory sub-faculty of the Ufa University of Science and Technology

Егорова Ю. Р.

THE SPECIFICITY OF UNDERSTANDING TRANSCENDENTALISM IN CLASSICAL AND MODERN PHILOSOPHY

The article analyzes and explores the features of understanding transcendentalism from classical and modern philosophical teachings. It is concluded that transcendentalism opens up new, deeper perspectives in the study of consciousness and reality in comparison with naturalism, which tries to establish one reality, as well as to reduce the nature of consciousness to the work of the brain.

At the same time, transcendentalism can lead to skepticism and agnosticism in relation to the possibility of explaining the phenomenon of consciousness, which is manifested in a number of concepts of kantian and analytical philosophy.

Keywords: being, unity, transcendentalism, transcendental, consciousness, objective world, subjectivity, naturalism.

Основная задача статьи заключается в том, чтобы разобрататься в трансформации трансцендентализма в истории философии, обозначить важные значимые этапы в его движении и показать, что он может представлять сегодня в качестве программы изучения сознания. Понятия «трансцендентного» и «трансцендентального» появились впервые в средневековой философии. В классическом понимании трансцендентное есть то, что мы не можем постичь, то, что выходит за пределы нашего понимания, например «Бог» или «бессмертные души», например. Трансцендентальное же представляет такие свойства и способы нашего сознания, которые даны нам как доопытные, априорные. Под термином «трансценденталии» в средневековой философии понимались, такие категории, которые представляют самые основные характеристики сущего – по Ф. Аквинскому их 4: сущее, единое, истинное и благое [1, с. 96]. Вместе с тем, можно утверждать, что «трансценденталии», как они понимались до Нового времени, были не сводимы к понятиям «категории». Они выходили за пределы категориальной определенности и обозначали такие свойства сущего, которые относятся не к его видам, а к сущему вообще. Трансценденталии обладали максимально возможным объемом. И поскольку сущее в классическом понимании есть воплощение блага, истины, добра и красоты, то трансценденталии напрямую относились к ним и были обратимы между собой. В вещи все едино, а в понятиях уже дробиться по частям. «Сущее и единое представляли то же самое, и у них - одна природа, поскольку каждое из них сопровождает другое... Действительно, одно и то же — один человек и человек, существующий человек и человек...» (Мет., IV, 2) – писал Аристотель [2, с. 5]. Несмотря на то, что сущее и единое первично, а бытие есть то, что ими порождено, можно говорить об обратимости бытия и блага. Если интерпретировать этот тезис в свете философии

Г. Гегеля, то он будет соответствовать его «все действительное – разумно». Здесь возникает тема теодицеи. Вероятно, поэтому Г. Гегелю пришлось вводить понятие движения, процесса, отношения, степени, которые становятся главными при понимании отношений между сущностью и бытием. Г. В. Лейбниц с его определением силы, как взаимодействия, Г. Гегель, открывают нам дверь к более позднему модернистскому пониманию трансцендентального.

Отличие средневекового трансцендентализма от трансцендентализма Нового времени заключается в том, что онтологический статус трансцендентального, свойственный средневековому дискурсу, оказывается смещен в область гносеологического. Роль абсолюта начинает выполнять трансцендентальный субъект.

В философии средневековой трансценденталии относились к сущности, а не к акциденциям. Потом эту любовь к переходам мы увидим в философии таких мыслителей, как Ф. Ницше, Г. И. Гурджиев. У И. Канта появляется понятие «трансцендентальный субъект» как гарант истинного знания. Сами же трансценденталии добра, например, и красоты уже не являются у него обратимыми. Далее этот раскол между этическим и эстетическим проявится в философии А. Шопенгауэра и С. Кьеркегора, творчестве Л. Толстого. Итак, постепенно понятия сущее, единое, истинное и благое оказываются расколотыми, лишенными своей обратимости и единства. Вопрос о трансценденталиях, благодаря некоторым философским системам, оказался размыт добавлением большого количества других трансценденталий.

Со временем, понятие трансцендентального, особенно в современной философии, наделяется разным значением в зависимости от той или иной философской системы. Смысл трансцендентального может разворачиваться в антропологическом, гносеологическом и онтологическом аспектах

понимания. Под трансцендентальным может пониматься и сознание в творческом его состоянии, и самопознание, и способности разума в его доопытном познании, и то, что пребывает в бытии или разомкнуто к нему. Трансцендентальным может называться и то, что может в более простой форме предшествовать более сложным образованиям, то, что можно разложить на пра- и до- формы чего-либо. В. С. Степин, например, под источником трансцендентального понимает социо - культурные основания [3, с. 7], в рамках которых появляется научное познание, О. Б. Панова - пространство языка, благодаря которому происходит коммуникации людей в культуре, задаются главные ценностные смыслы [4, с. 2].

М. Хайдеггер понимает под трансцендентным возможность осуществления чего-либо в его переходах, а также связь и различие с той основой, которая порождает бытие. Так он говорит об основаниях, которые «трансцендируют мир». «Присутствие есть то, что экзистирует себя в мире. Бытие присутствия есть забота. Ее онтологический смысл временность» [5, с. 364]. «Категория «временности» неизбежно ведет к вопрошанию о «внутримиро существом» [5, с. 351]. Человек прорывается в своем существовании к некому «горизонту куда...» при помощи своей экзистенциальности [5, с. 365].

М. Хайдеггер пытается вернуть вопрос о трансцендентальном к онтологии. Он считает, что «проблема трансценденции не может быть сведена к тому, как выходит субъект вовне к объекту, причем совокупность объектов отождествля с идеей мира» [5, с. 366]. Вопрос о трансцендентном это вопрос о том, как внутримиро существо связано с объективным миром. Мир «субъективен» на том основании, что онтологически он не может отрешиться от «экзистирующего присутствия, чье бытие основано на временности» [5, с. 366]. Вместе с тем, экзистирующее трансцендентное становится само объективным.

Конечно, нельзя не принимать во внимание глубинную традицию трансцендентализма в отечественной философии, который занимал основное место в философии наших мыслителей. На идее трансцендентального строит свое учение об интуиции, например, Н. Лосский, целая плеяда великих русских философов развертывают онтологический трансцендентализм в своих учениях.

Несмотря на то, что современное понимание трансцендентализма не всегда является тем, что совпадает с его первоначальным значением в философии, философ-трансценденталист не исчезает из философии. Можно считать таковыми также тех философов, которые используют методологию исследования познания, разработанную И. Кантом.

В связи с этой проблемой в современной философии важно следующее деление. Можно выявить 2 подхода к изучению сознания – натуралистический и трансцендентальный. Натуралистический подход исходит из того, что существует объект и он воспринимается субъектом, как то, что соответствует реальности, «при этом субъект собственно не так важен, мы его можем заменить и говорить, например, от третьего лица» [6, с. 148]. Тогда существует один единственный объективный мир, который поддается нашему познанию. Само познание осуществляется при помощи наблюдения и восприятия количественного. Все выступает как часть единой структуры и реальность понимается, как одна. Вещи есть то, что в ней существует, и то, что в процессе инвариантного сознания мы все можем зафиксировать. Трансцендентальный подход рассматривает то, как вещи представлены нашему сознанию, то есть анализирует типы и способы познания. Это задает совсем другую перспективу познания. В первом случае существует один единственный способ познания, который считается самым достоверным. Второй - учитывает возможные способы в их разнообразии. Натурализм занимается тем, что есть, не задавая вопросы о том, как возможно то, что есть. Последний вопрос как раз характерен

для трансцендентализма. Для которого есть скрытое, тайное и неявное.

Если натурализм приводит к редукционизму, то есть сведению высших, сложных процессов к простым – физическим, то трансцендентализм есть то, что ему противостоит. Структура порождает то, что ей не является.

Теории, которые сводят природу сознания к природе человеческого мозга, не могут верно исследовать сущность сознания. Мало того, согласно трансцендентализму, картезианская проблема, то есть проблема того, как соотносится наше сознание с телом - не может быть успешно решена. Объяснение этой невозможности заключается в том, как ее объяснял И. Кант. Он утверждал, что решение той проблемы лежит по ту сторону нашего опыта, следовательно, мы и не можем ее решить. Вместе с тем И. Кант склоняется к субъективистской теории понимания реальности.

Трансцендентализм в аналитической философии, например, приходит к критицизму и скептицизму в отношении физикалистских теорий сознания, а также в признании невозможности разрешения психофизической проблемы сознания и выдвижения какой-либо основательной, претендующей на истину, теории сознания. Скептицизм этот имеет как онтологический, так и гносеологический угол рассмотрения: «Условия, благодаря которым мир возник, в самом мире не найти» [6, с. 162] и сознание нельзя познать, как некое «что» [6, с. 162].

Подытоживая вышесказанное, можно заключить, что трансцендентализм, может с одной стороны, конкурировать серьезно с натурализмом, так как позволяет более глубоко и эффективно понимать феномен сознания, с другой - способствовать скептическому взгляду на однозначное и исчерпывающее его понимание, (современной аналитической философии) и это для философии не является, конечно, хорошим положением вещей. Универсализм и объективность остаются в классической онтологической версии средневековой философии.

Пристатейный библиографический список

1. Новая философская энциклопедия в 4 т. / Институт философии РАН. - М.: Мысль, 2000-2001, Т. 4. - С. 96.
2. Гайденко П. Бытие и разум // Вопросы философии. - 1997. - № 7. - С. 5
3. Коротков В. Е. Социокультурные основания понимания современного трансцендентализма // cyberleninka.ru. - С. 7.
4. Панова О. Б. Язык как трансцендентальная проблема философии культуры. // Вестник томского университета. - 2009.
5. Хайдеггер М. Бытие и время. - М.: Академический проект, 2011.
6. Гаспарян Д. А. Что значит быть трансценденталистом в современной аналитической философии сознания? // Эпистемология и философия науки. - 2015. - Т. XLIV. № 2.

ШМАТЬКО Александр Александрович

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом Кубанского государственного технологического университета

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ИСТОРИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК БАЗОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

В работе проводится исследование структуры исторического сознания, на вершине которой находится историческая память и историческое мышление. В формате социальной феноменологии историческое сознание — это система навигации и ориентации в многослойной траектории «прошлое — настоящее — будущее», «связь времён» в которой расставлены ценностные ориентиры и эмоционально-образные акценты. Она не только выражает отношение к прошлому, но и формирует нормативные детерминанты для современности, совместное для социальных субъектов целеполагание и прогнозирование. Историческая память — это память о «надповседневном», собственно историческом опыте. Она ранжирует события на «обыденные» и «экстраординарные», производя смысловую унификацию событийных рядов. Высший уровень исторического сознания — историческое мышление — это понятийные и когнитивные конструкты исторического сознания, отвечающие за создание данного единого образа истории, с помощью которого легитимируется настоящее и формируется перспектива будущего.

Ключевые слова: социальная философия, философия истории, общество, историческое сознание, историческая память, историческое мышление, образ истории.

SHMATKO Alexander Alexandrovich

Ph.D. in historical sciences, associate professor, associate profess of Sociology, jurisprudence and human resources sub-faculty of the Kuban State Technological University

HISTORICAL MEMORY AND HISTORICAL THINKING AS BASIC ELEMENTS OF HISTORICAL CONSCIOUSNESS: SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

The paper studies the structure of historical consciousness, at the top of which is historical memory and historical thinking. In the format of social phenomenology, historical consciousness is a system of navigation and orientation in a multi-layered trajectory "past - present - future", "connection of times" in which value orientations and emotional and figurative accents are placed. It not only expresses the attitude towards the past, but also forms the normative determinants for the present, joint goal-setting and forecasting for social subjects. Historical memory is the memory of "above-everyday" historical experience proper. It ranks events into "ordinary" and "extraordinary", producing a semantic unification of the series of events. The highest level of historical consciousness - historical thinking - is the conceptual and cognitive constructs of historical consciousness, responsible for the creation of this single image of history, through which the present is legitimized and the prospect of the future is formed.

Keywords: social philosophy, philosophy of history, society, historical consciousness, historical memory, historical thinking, image of history.

Вопросы о природе исторического сознания, о его структуре и функциях в последнее время из теоретических превратились в социально-политические. Это требует настоящего поиска новых путей исследования исторического сознания как части общественного сознания и как феномена социальной практики, участвующего в регуляции общественных отношений. Вопрос об историческом сознании также актуализировался в последнее время в рамках социальной и политической философии в связи с оптимизацией путей цивилизационного развития России. В формате социальной феноменологии историческое сознание — это система навигации и ориентации в многослойной траектории «прошлое — настоящее — будущее», «связь времен» в которой расставлены ценностные ориентиры и эмоционально-образные акценты. Она не только выражает отношение к прошлому, но и формирует нормативные детерминанты для современности, совместное целеполагание и прогнозирование. Историческое сознание имеет сложную многоуровневую структуру [13]. Базовым уровнем исторического сознания является мифологическое сознание, не отражающий принцип историзма, и практически нерелефлексивный, но компенсирующий разрывы в более высоких уровнях исторического сознания [14]. Следующий уровень, который поддается рефлексии

— обыденное сознание, синтетически отражающее повседневный опыт человека и общества [12]. Третий, собственно осознаваемый уровень — историческая память. — это память о «надповседневном», собственно историческом опыте. Она ранжирует события на «обыденные» и «экстраординарные» и производит смысловую унификацию событийных рядов. И высший уровень исторического сознания — историческое мышление. В рамках проведения социально-философских и политико-философских исследований определение исторического сознания как философской категории требует демаркации исторической памяти от исторического сознания. Эта демаркация пролегает в области структурного и функционального определения исторического сознания.

М. М. Бахтин считал, что исторические тексты любой эпохи существуют не автономно друг от друга, а формируют связанный между собой смысловой поток, единое дискуссионное поле. В данном поле существует набор актуальных проблем, а для остальных проблем это поле выступает своего рода фильтром, отсекая их как чужеродные. Бахтин называет это словом «хронотоп» [7].

Историческая память не фиксирует всё подряд произвольно, а выстраивает целостную картину вокруг определённых ценностных опорных точек, значимых для большого

Шматько А. А.

числа людей. И отсекает индивидуальный опыт, исходя из этих границ социальной значимости. Она мало интересуются формой исторического процесса и его рефлексией, а гораздо больше – его содержанием [9]. Но, в любом случае, как коллективная, так и индивидуальная историческая память дискретна, она не делает шаг к обобщению, синтезу и непрерывности истории, а лишь фиксирует события прошлого.

Для радикального перехода от дискретного к непрерывному, от уникального к универсальному (то есть, для процедуры отождествления: «Я» трехлетнего и его же «Я» 80-летнего) в истории требуется внутреннее структурирование от содержания и описать только форму нарратива и установить его связь с культурой повествования. Так, например, описывая вполне понятную и уже не столь инновационную для своего времени богословскую проблематику, Августин Аврелий в произведении «О Граде Божьем» не только полемизирует с другими религиозными доктринами того времени [2], но и показывает линейную новую форму исторического процесса, которая со временем станет привычной для христиан Европы [1], являясь основанием христианской эсхатологии [8].

Э. Гуссерль, разбирая этот вопрос, выделил особую форму «первичной памяти» или ретенцию. Ретенция, это и есть форма, в которой могут выстраиваться в определённую модель содержательные исторические воспоминания, растянутая «длительность» прошлого, удерживаемая сознанием и связанная с настоящим и будущим. Ретенция актуализирует прошлое и проводит в нём избирательную работу по упорядочиванию надсобытийных значений [5].

Морис Хальбвакс полагал, что историческая память принадлежит индивидуальному сознанию, а историческое сознание – коллективному. Первая дискретна, вторая – непрерывна, она компенсирует недостаточность первой при отождествлении индивида с коллективом. Её обеспечивает способность выходить за границы частного исторического опыта и перейти область типовых значений. Эту способность Хальбвакс называет историческим мышлением [11]. Формирование понятийно выраженных образов прошлого, обработанных аналитически, связанных единой логикой причинно-следственной связи (претендующей на историческую закономерность) – это основание исторического мышления. Историческое мышление прокладывает причинно-следственную связь между событиями, и создает нарратив. Поэтому, даже, если мы имеем дело с мифологическим содержанием истории, но оно формально обработано историческим мышлением, миф уже приведён в соответствие с основным критериями рациональности, существующими в данном обществе (объяснено его значение). И его тогда бывает сложно отличить от рационального дискурса). Такова, например, система Гегеля, содержание которой, по сути, мифологично или квазирелигиозно, однако форма рациональна. В любом случае, даже если историк имеет дело не с мифом, то поступки людей чаще всего ограничены рациональными, не все имеют обоснование или инспирированы оппортунистическими настроениями. Историческое мышление редуцирует эту ограниченную рациональность до соответствия логическим значениям.

М. Фуко полагал, что форма живет языковых структурах, через формулы которых выражается историописание [10]. И в них всё имеет значение и всё консервативно, от понятийных рядов до стилистики (то есть, форма гораздо консервативнее содержания). Язык детерминируется фундаментальными символическими кодами и социальными ценностями, лежащими в их основании [3]. Эти механизмы обеспечивают единство понимания и набор типичных значений для общества. Содержание истории может быть подвижно (исторические знания могут деформироваться общественными толкованиями), добавляться, сжиматься по разным причинам [6]. Но форма его восприятия не имеет права на подобное изменение, потому что именно она воплощает в себе «порядок вещей», а значит, безопасность.

Историк Марк Блок очень показательно относился к источникам как к «неговорящим» [4], имея в виду, что голос нарратива может быть гораздо более говорящим и понятным читателю, чем голос источника. Источник не разговаривает на понятийном языке, его сообщение не имеет смысла вне социальной интерпретации, то есть, вне значений, присвоенных ему в нарративе.

Историческое сознание соединяет в себе эти два уровня – дискретную историческую память, произвольно сохраняющую в себе духовные (и физические) артефакты прошлого. И историческое мышление, способное рационализировать их и связать в нарратив. Можно сделать даже более широкое обобщение. Историческое сознание – это система, состоящая из четырёх взаимосвязанных компонентов – коллективной памяти (знаний о событиях), опыта их интерпретации («понимания» событий прошлого, в их связи с последующей историей и настоящим), форм межпоколенной трансляции этого опыта (через мировоззренческие объяснительные схемы, более или менее рациональные) и формата исторического прогнозирования (форм моделирования исторического процесса и функций обеспечения макроидентичностей).

Таким образом, в формате социальной феноменологии историческое сознание имеет сложную многоуровневую структуру, где важное значение имеют историческая память и историческое мышление. Историческая память представляет собой память о «надповседневном», собственно историческом опыте. Она ранжирует события на «обыденные» и «экстраординарные» и производит смысловую унификацию событийных рядов. Историческое мышление представляет собой высший уровень исторического сознания – это понятийный и когнитивные конструкты исторического сознания, отвечающие за создание этого единого образа истории. Причем, не просто образ, но такой, с помощью которого легитимируется настоящее и закладывается перспектива будущего.

Пристатейный библиографический список

1. Августин Блаженный. О граде Божием. Кн. 1. - М.: RUGRAM, 2016. - 662 с.
2. Бакланов И. С. Роль раннего христианства и нехристианских традиций в развитии европейского интеллектуализма // Научная мысль Кавказа. - 2004. - № 55. - С. 15-23.
3. Бакланова О. А. Тенденции социальной философии: западный и российский опыт осмысления постмодернизма // Философия права. - 2011. - № 5 (48). - С. 23.
4. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / Пер. с фр. - Таллин: Ээсти раамат, 1983. - 184 с.
5. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени // Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. 1. - М.: Гнозис, 1994. - 162 с.
6. Душина Т. В., Баранов С. Т., Бакланов И. С. Философия знания постмодернизма. – Ставрополь: Северо-Кавказский государственный технический университет, 2007. - 129 с.
7. Клеменова Е. Н., Кудряшов И. А. Концепция хронотопа М. М. Бахтина в аспекте проблемы взаимодействия языка и мышления // Когнитивные исследования языка. - 2016. - № 25. - С. 817-823.
8. Лагунов А. А., Бакланов И. С., Иванова С. Ю. Христианская эсхатология и социальные утопии: к 100-летию со дня рождения протопресвитера Александра Шмемана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. - 2022. - Т. 26. № 1. - С. 110-119.
9. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. - М.: Академический Проект, 2008. - 303 с.
10. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В. П. Визгина и Н. С. Автономовой. - СПб.: А-cad, 1994. - 408 с.
11. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Журнал «Неприкосновенный запас». - 2005. - № 2-3 (40-41). - С. 8-27.
12. Шматько А. А. Исторический опыт в структуре исторического сознания: репрезентация и социально-философская рефлексия // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2021. - № 6 (121). - С. 27-31.
13. Шматько А. А. Социально-феноменологическое исследование базовых уровней исторического сознания // Евразийский юридический журнал. - 2022. - № 10 (173). - С. 556-557.
14. Baklanov I. S., Baklanova O. A., Erokhin A. M., Ponarina N. N., Akopyan G. A. Myth as a Means of Ordering and Organizing Social Reality // Journal of History Culture and Art Research. - 2018. - V. 7. № 2. - P. 41-47.

БУРЛОВА Юлия Александровна

кандидат юридических наук, профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

СКРЫТОЕ НОРМИРОВАНИЕ КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ (К 100-ЛЕТИЮ А. А. ЗИНОВЬЕВА – ФИЛОСОФА И ГУМАНИСТА)

В статье на примере творчества выдающегося русского философа А. А. Зиновьева рассматривается феномен скрытого нормирования (криптонормирования) российской культуры и тот эффект, который производит криптонормирование на социальную динамику российского общества. Для российского общества проблема скрытого, неявного нормирования культуры актуальна уже больше века, поскольку и в советское время, и после его окончания вопрос о диалектике свободы человека и социального принуждения стоял чрезвычайно широко и остро. Как показал Зиновьева, неявное нормирование происходит через мораль и религию. Их средствами (их языком) производится смысловая и нормативная разметка символической реальности, производятся унифицированные общественные смыслы и незаметная подмена, вытеснение ими индивидуальных. Отмечается, что именно понимание того, как культура сама латентно задает людям нормы существования, динамику общественного развития, привело к негативному восприятию Зиновьевым перестройки.

Ключевые слова: норма, нормативное сознание, скрытое нормирование, общество, культура, религия, мораль, социокультурная динамика

BURLOVA Yuliya Alexandrovna

Ph.D. in Law, professor of State and civil law disciplines sub-faculty of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia, lieutenant of colonel police

HIDDEN RATIONING AS A FACTOR OF SOCIO-CULTURAL DYNAMICS (TO THE 100TH ANNIVERSARY OF A. A. ZINOVIEV - PHILOSOPHER AND HUMANIST)

In the article, on the example of the work of the outstanding Russian philosopher A. A. Zinoviev considers the phenomenon of hidden rationing (crypto-rationing) of Russian culture and the effect that crypto-rationing has on the social dynamics of Russian society. For Russian society, the problem of hidden, implicit regulation of culture has been relevant for more than a century, since both in Soviet times and after it, the question of the dialectic of human freedom and social coercion was extremely broad and acute. As Zinoviev showed, implicit regulation occurs through morality and religion. Their means (their language) produce semantic and normative markup of symbolic reality, produce unified social meanings and imperceptible substitution, displacement of individual ones. It is noted that it is precisely the understanding of how culture itself latently sets the norms of existence for people, the dynamics of social development, which led to Zinoviev's negative perception of perestroika.

Keywords: norm, normative consciousness, hidden rationing, society, culture, religion, morality, socio-cultural dynamics.

Александр Александрович Зиновьев – русский (советский) философ, социолог и публицист, активный критик официальной идеологии и, вместе с тем, коммунист, противник режима, и, одновременно с этим, человек, горячо любивший Россию, глубоко прочувствовал на себе противоречия, порождаемые явными и скрытыми смыслами культуры. Он описывал эти противоречия и в философской, и в острой сатирической формах (в романе «Зияющие высоты»). Проблема неявного нормирования культуры («криптонормирования») оказалась в предметном поле социальной философии вместе с многочисленными проблемами социальных мифов, предубеждений и стереотипов. Целый ряд современных исследователей высказались на тему того, что современный человек имеет в своем сознании спектр нормативных установок, прямо или косвенно влияющих на его убеждения, однако не рефлекслируемых, не осознаваемых, не поддающихся анализу, скрытых (об этом говорили Кит Уорд, Гаррет Хардин, Б. Дантон, Дэвид Майерс и многие другие). А. А. Зиновьев рассматривает эту проблему как феномен идеологии, влияющий на повседневность советского человека. Для российского общества проблема скрытого, неявного нормирования куль-

Бурлова Ю. А.

туры актуальна уже больше века, поскольку и в советское время, и после его окончания вопрос о диалектике свободы человека и социального принуждения стоял чрезвычайно широко и остро. Согласно И. Канту, свобода «принадлежит воле, которая «может действовать независимо от посторонних определяющих ее причин» [1, 289]. В философии и, шире, в разных разделах социальной теории предпринимались попытки понять, насколько при этом личность может дистанцироваться от биологического, культурного и социального контекста, или, напротив, насколько она зависима от него (детерминирована им) [2, 90-93]. Для этого нужно понять, как именно формируется нормативное сознание, как оно развивается, функционирует и от чего бывает дисфункциональным [3, 112-115] (для России в этом соотношении первоначально правосознание, поскольку именно оно исторически больше подвержено деформации). Почему схемы, разработанные для развития правосознания, часто или работают не так, как запланировано в теории, или вовсе не работают.

Современные исследователи Дж. Холройд и Дж. Свитман в статье «Неоднородность скрытых предубеждений» [4] предупреждают о том, что неявное (предрассудочное) знание

нужно обобщать с крайней осторожностью, поскольку оно сочетает в себе широкий спектр нормативных установок, заставляющих человека неосознанно думать и поступать определенным образом. Это чаще всего установки этического и религиозного характера, иногда идеология, через которые формируется картина мира и основной набор базовых культурных ценностей. У Зиновьева есть иллюстрации на примере советской идеологии, в которой скрытое нормирование очень точно унифицируется и сливается (резонирует) с явным нормированием, создавая иллюзию свободного выбора.

«Языковая практика людей с логической точки зрения — зрелище, достойное кисти сюрреалиста. Речи политических деятелей, прокуроров, юристов, журналистов, пропагандистов, ученых, больше всего претендующих на логичность, на самом деле дают выдающиеся образцы логической бессвязности и несурзности» [5, 88]. Однако их слушают и обсуждают, они имеют ценность. Внимание к ним приковано не из-за их смысла, а из-за нормативных и ценностных посылов, которые они в себе содержат [6, 3-9]. Это мнение не единственное среди существующих. В представлении французского философа Луи Альтюссера «идеология заняла то место, которое в психоанализе отводилось иллюзии независимости и нерасщепленности сознания» [7, 22]. Исследователь считает, что идеология по большей части бессознательна, что она скрыта от рефлексии даже тогда, когда представлена в явной (эксплицитной) форме.

Особенность скрытого нормирования заключается в том, что идеологизированный дискурс неявно содержит в себе «жало приказа» (как заметил австрийский мыслитель Элиас Канетти [8]), он производит для сознания человека деонтическую разметку коммуникации, однако сам человек этого не осознает. «Криптонормированные» описания проникают в самые мелкие «капилляры» культуры. Они описывают и нормируют любые (вплоть до самых интимных) проявления человеческой жизни: досуг, питание, личные взаимоотношения людей и т.п.» [9, 112]. Например, разговаривая о свободе, вы уже оцениваете ее как «возможность», безусловное благо, ценность, достойную, чтобы ее отстаивали. А если бы разговор о свободе шел в Европе во времена Августина Аврелия (IV-V вв.), свобода по умолчанию понималась бы как или «зло, искушение», потому что свободное волеизъявление человека — это отступление от заповедей, дарованных людям (то есть, норма этого неявного знания гласит «отстаивай свободу» или «избегай свободы, она тебя погубит»). Неслучайно Зиновьев именно через эти механизмы описывает, как происходит подчинение общества идеологической схеме. Это происходит через ценности культуры [10, 246-270]. У Зиновьева описана тоталитарная идеология. Тотальная унификация культурных ценностей и подавление различий происходит через все нормативные системы, для этого процесса недостаточно только правовой системы (хотя ее участие необходимо [11, 214-217]). Неявное нормирование, по мнению А. А. Зиновьева, происходит также через мораль и религию, и прежде всего, через них. Потому что их средствами (их языком) производится смысловая и нормативная разметка символической реальности, производятся унифицированные общественные смыслы и незаметная подмена, вытеснение ими индивидуальных. Нравственная норма оказывается не внутренним социальным актом, протекающим в сознании человека свободно, согласно внутренним личностным убеждениям. Она оказывается актом вторжения принуждающей политической воли, которая, однако, маскируется под внутренний моральный закон.

То же самое можно сказать о художественной культуре, искусстве. Н. А. Бердяев в свое время замечал, что «Искусство должно быть свободно. Автономность искусства утверждена навеки. Художественное творчество не должно быть подчинено внешним для него нормам, моральным, общественным или религиозным. Но автономия искусства совсем не означает того, что художественное творчество может или должно быть оторвано от духовной жизни и от духовного развития человека» [12, 19]. И говорит он это именно потому, что замечает подчиненность искусства скрытым внешним нормам принудительного характера. Его замечание звучит как предупреждение именно потому, что криптонормирование часто стирает границы между нормой и патологией, девиацией. Искусство, которое, должно выходить за границы типичного и «нормального», прославлять уникальные различия (и, если и воспитывать, то делать это широко и не директивно, не утратив индивидуальной свободы) обретает не свойственные ей функции, начинает стирать эту свободу, открыто приносить ее в жертву стандарту социальной «нормальности» [13, 275]. С другой стороны, у Зиновьева нет однозначной негативации данного феномена. Исследователь понимает его как существующий глубоко в культуре механизм унификации и трансляции идентичности. В широком смысле слова, любая культура по отношению к человеку скрыто и явно нормативна. Хотя Зиновьев — противник религии, но он отмечает, что через религию, например, христианство, культура выводит идеальные, абсолютные образцы и ценности. Через систему морали вводятся типичные повседневные образцы, производится нормирование повседневной коммуникации [14, 155-163]. А право является открыто нормирующей рамочной конструкцией, по большей очерчивающей границы недозволенного, запрещенного. Явное нормирование также производится через институты образования, производящие и внедряющие базис типологических ценностей. Как логик, Зиновьев рассматривает основания индивидуальной свободы и ее относительность. То, что свобода всегда представляет собой некое переплетение зависимостей и независимостей субъекта от внутренних и внешних детерминаций, ее абсолютные и относительные модальности. И делает это через анализ языка. У американского антрополога Эдвард Холла [15] есть теория о классификации культуры, он пишет, что все культуры в мире делятся на «высококонтекстные» и «низкоконтекстные». Низкоконтекстными он называет такие культуры, в которых официальный и неофициальный нормативный дискурс более-менее совпадают. То есть, из официально написанных правил можно узнать, как нужно себя вести и как не нужно. Таковы, например, западные культуры. Высококонтекстные культуры — это такие, в которых в которой нормативная информация подается в неявной форме, то есть завуалировано и иносказательно. Япония — это общество высокого контекста, в общении японцев большое значение играют невербальные элементы, такие как тон голоса, жесты, выражение лица и движение глаз (и это при том, что Япония считается одним из ведущих ареалов постсовременного информационного общества! [16, 362-268]).

На тему о различиях американского и японского стилей ведения бизнеса написано огромное количество трудов, призванных эти различия сгладить (японцы уклончивы в разговоре, не считают достоинством наступательную манеру общения, больше слушают, чем говорят, не стремятся подерживать беседу, говорят иносказательно, не говорят открыто слова «нет», не убеждают несогласного собеседника, не говорят конкретно, для них важен тон беседы больше, чем

содержание, по тону понятно, сказано «да» или «нет»). Для западных бизнесменов, привыкших ценить свое время и явно и четко выражать свои намерения, часто трудно привыкнуть к тому, что приходится тратить много времени на непонятные ритуалы, на расшифровывание того, что сказано партнерами, того, что прозвучало не в словах, а за словами. Те из западных бизнесменов, кто не утруждает себя постепенным выявлением намерений японцев и соблюдением их ритуалов, с удивлением обнаруживает, что он не нашел взаимопонимания даже, казалось бы, в выгодном деле. С ним предпочитают не иметь дела. Высококонтентная культура присуща таким странам, как Испания, Италия, Индия, Китай, Бразилия, Япония, Южная Корея. Россия также тяготеет к этой культуре, хотя российское общество действительно уникально. Из официально написанных правил не всегда ясно, как нужно себя вести, чтобы не попасть в неловкую ситуацию, постоянно, приходится производить доопределение этих смыслов (не так, как в Японии, через ритуалы, а по-другому, гораздо более вербально, через обороты речи, фигуры умолчания, и иносказания). Поэтому Зиновьев много и в разных формах говорит о том, как именно (скрыто) проявляется общественный культурный идеал и каким образом он деформируется в конкретных общественно-политических ситуациях [17].

Зиновьев как человек кристальной честности не мог не критиковать тот «реальный коммунизм», который был у него перед глазами, однако, он вовсе не критиковал саму идею коммунизма. Напротив, он выступает как ее последовательный адепт. Он говорил: «Я сформировался с идеологией идеального коммуниста, а всю жизнь сражался с реальным коммунизмом». Это противоречие стало основанием того драматического отношения с советской властью, которое закончилось высылкой из России и длительной (двадцатилетней) эмиграцией.

Именно понимание того, как культура сама латентно задает людям нормы существования, динамику общественного развития, привело к негативному восприятию Зиновьевым перестройки, критике Горбачева и его соратников за демагогию («революция, производимая «сверху», по его мнению, не отвечала потребности людей, была им безразлична»). Например, официальный дискурс провозглашает «ускорение» социальной динамики, а фактически в СССР происходит замедление, приводящее к застою. Лозунги о победе советского человека над временем фактически показывают ситуацию безвременья 1990х годов. Эта же критика расхождения официального дискурса со скрытыми нормами поссорила его со многими интеллектуалами Запада, поддерживающими политический курс Горбачева. Зиновьев вновь был объявлен чудаком и даже сумасшедшим, уже в Европе. Идеальные формы коммунистической идеи, функционирующие на собственных ценностных основаниях, всегда представлялись Зиновьеву как лучшее, что произвело человечество. А конкретное воплощение этой идеи в СССР он критиковал за карикатурность и уродливое искажение этого идеала (и критиковал он что изуродовало эту светлую идею – скрытые нормы культуры, противоречащие ей). Однако именно Россия с ее не-западными и не-восточными характеристиками социальности представлялась Зиновьеву идеальным обществом для воплощения идеи коммунизма. Эту идею он считал вечной, и полагал, что российское общество к ней еще вернется, однако не в формате тоталитарного угнетения, а в форме непротиворечивой диалектической связи свободы и необходимости, подлинного гуманизма, когда внешнее принуждение, применяемое к человеку, желающему этого

принуждения, перестает быть принуждением. И только в этом случае, по мнению Зиновьева, скрытое нормирование индивидуального сознания перестанет быть репрессивным или рискованным фактором и станет настоящим основанием для подлинной коллективной идентичности на основании коммунистической идеи. Эти идеи являются основанием подлинного гуманизма, развиваемого А.А. Зиновьевым – философом и гражданином.

Пристатейный библиографический список

1. Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Соч.: В 4 т. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1965.
2. Бакланов И. С. Биологические и социальные предпосылки экзистенции интеллектуализма // Вестник Волгоградского государственного медицинского университета. 2004. № 12. С. 90-93.
3. Бурлова Ю. А., Бакланова О. А. Социальная норма как функциональный механизм социальности // Kant. 2022. № 4 (45). С. 112-115.
4. Implicit bias and philosophy / Ed. Brownstein M., Saul J. Oxford: Oxford univ. press, 2016. Vol. 1: Metaphysics and epistemology. 336 p.
5. Зиновьев А. А. Зияющие высоты. М.: Канон+, 2021. 720 с.
6. Burlova Yu., Baklanova O. Normative conditioning of the consciousness of the society subject: sociocultural approach // Science Almanac of Black Sea Region Countries. 2022. № 4 (32). Pp. 3-9.
7. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999.
8. Канетти Э. Масса и власть. Пер с нем. М.: Ad Marginem, 1997. 527 с.
9. Похилько А. Д. Социокультурная автономность сознания: экзистенциально-антропологическое измерение. Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 2006. 248 с.
10. Скворцов А. А. Социология Александра Зиновьева: между логикой и этикой // Александр Александрович Зиновьев. М.: РОССПЭН, 2009. С. 246-270.
11. Бакланов И. С., Колосова И. В. Динамика правовых ценностей в условиях глобализации и цифровизации // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2021. № 6. С. 214-217.
12. Бердяев Н.А. Кризис искусства. М.: СП Интерпринт, 1990.
13. Фромм Э. Здоровое общество; Пер с англ. // Психоанализ и культура: Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. М.: Юрист, 1995. 623 с.
14. Бакланова О. А., Сёмкин А. В., Югай В. В. Ценностные основания социокультурной коммуникации как проявление идентичности социальных субъектов // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2022. № 4. С. 155-163.
15. Hall E. T. Beyond Culture. N.Y.: Anchor Press, 1976. 316 p.
16. Gubanova M. A., Pohilko A. D., Ponarina N. N., Nagapetova A. G., Baklanova O. A. Posthuman in Global Information Society // Revista Inclusiones. 2020. V. 7. № 4. Pp. 362-368.
17. Зиновьев А.А. Гомо советикус. М.: Центрполиграф, 2000. 412 с.

ЗУБКОВ Сергей Александрович

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

НОСТАЛЬГИЯ ПО ЭКОФИЛЬНОМУ ПРОШЛОМУ НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗА БЕНГАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНИ

Статья раскрывает проблемы традиционной культуры, религиозных ценностей в связи с тенденциями урбанизации и усилением воздействия на окружающую среду. В качестве примера таких связей выделяется образ бенгальской деревни, как экофильный образ жизни в согласии с природой, минимизации разрушения среды обитания живых организмов. Данное исследование выявляет особенности устойчивости и изменений традиционной культуры под воздействием глобализации и распространения западных ценностей и влияний конsumerизма.

Ключевые слова: Бенгалия, деревня, традиционная культура, экофильная философия, индуизм.

ZUBKOV Sergey Alexandrovich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Philosophy and religious studies sub-faculty of the A. G. and N. G. Stoletov Vladimir State University

Зубков С. А.

NOSTALGIA FOR THE ECOPHILIC PAST ON THE EXAMPLE OF THE IMAGE OF A BENGALI VILLAGE

The article reveals the problems of traditional culture, religious values in connection with the trends of urbanization and increased impact on the environment. As an example of such links, the image of the Bengal village stands out as an ecophilic way of life in harmony with nature, minimizing the destruction of the habitat of living organisms. This study reveals the features of the stability and changes of traditional culture under the influence of globalization and the spread of Western values and the influences of consumerism.

Keywords: Bengal, village, traditional culture, ecophilic philosophy, Hinduism.

Образ бенгальской деревни – это пример устройства поселения в рамках традиционной культуры Индии. Экофильность поселения проверяется во времени. Рурализация в поселенческой структуре общества была распространена как в Древней Индии, так имеет свою выраженность и на современной территории этой страны. В результате за столетия существования этой традиционной культуры, освоения естественных ландшафтов и использования их в качестве сельскохозяйственных угодий, создание многочисленных деревень не привело к разрушению экосистем, а лишь к изменению их.

Важно отметить, что ведическое, древнеиндийское общество отличалось аграрным устройством, не было развито индустриально, а урбанизация была незначительной. Так как Веды давали представление о том, что человек может жить счастливо на земле через аграрный образ жизни, выращивание зерновых, заботу и содержание коров. Этим, прежде всего, занимались представители третьего сословия или вайшьев - земледельцев [6, с. 101].

Принцип минимизации потребностей раскрывал известный историк науки Арнольд Тойнби. Он подчёркивал экофобность неограниченного материального потребления. Необходим пересмотр и коррекция целей и планов западной цивилизации, согласно Тойнби. Быт и традиционная культура жителей индийских деревень позволяет корректировать и разумно распределять материальные и духовные блага, которые дарованы природой [5, с. 20].

Каково же устройство и образ бенгальской деревни? Если в XIX веке большая часть земли Бенгалии представляла собой непроходимые джунгли, где обитали дикие животные и была первозданная природа. Эти земли преиму-

щественно стали использовать как сельскохозяйственные угодья. На юге в устье Ганга сохранились густые мангровые леса, жизнь для людей там достаточно затруднительна. В Западной Бенгалии – Бангладеш пахотная земля распределена среди фермеров и их семей. Они владеют землёй в собственности и пусть даже это небольшой надел, тем не менее, он даёт возможность для жизни и производства продуктов питания.

Главная продовольственная культура Бенгалии – это рис. В год могут получать два-три урожая этой ценной зерновой культуры. Также возделывают бобовые, много полей, покрытых горчицей и товарной культурой – джутом. Основные деревенские семьи имеют несколько домов, где одни родственники живут по соседству с другими. В индуистских бенгальских домах устраивают семейный храм. Во внутреннем дворе, то есть в пространстве между домами родственников располагаются детские площадки и пространства для сушки одежды, также зерновых и бобовых культур. Сакральным экофильным объектом почитания в индуистских семьях является священное дерево Туласи, которое располагают на каменном возвышении во дворике дома рядом с семейным храмом.

Для бенгальских общин характерно смиренное принятие природных катаклизмов, что отразилось в традиционных бхаджанах, где непостоянство жизни сравнивается с океаном страданий (дукхер сагара). Наводнения, тайфуны, бури постоянно сопровождают Бенгалию на протяжении столетий. Они приносят множество разрушений и страданий простым земледельцам, которые привыкли помогать друг другу в общине и не надеются никого, кроме Бога. Предельные основания такой жизни в самопредании нашли отражение в учении

бенгальского вишнуизма с его экзальтированной эстетикой, решимостью и бесстрашием.

Священным животным Индии является корова, о которой заботятся в бенгальских деревнях. В индуистских семьях их особенно почитают, ухаживают за ними с особой любовью. Кроме употребления в пищу коровьего молока и молочных продуктов, используют коровий навоз для удобрения полей и топлива. В домах простых деревенских жителей находятся соломенные или тряпичные подстилки, мебели, как правило, мало и конечно климат позволяет спать и на свежем воздухе за исключением зимнего периода и сезона дождей. В домах делают простые деревянные кровати, которые в том числе защищают от змей, которые часто появляются в сезон дождей. Кроме земель, которые наследуются, также у семьи может быть небольшой огород рядом с домом, где выращиваются овощи, зелень, специи, цветы. Важными культурами являются также плодовые деревья и насаждения – это манго, бананы, кокосы, лимоны, папайя [1, с. 80].

Жизнь в бенгальской деревне всегда согласовалась с природосообразностью. Что касается трудностей деревенской жизни, то это не настолько серьёзная проблема для людей, с детства приученных к постоянным физическим нагрузкам. Несмотря на то, что бенгальцы живут в условиях тяжёлых, с точки зрения жителей запада даже невыносимых, но, тем не менее, они не испытывают таких же беспокойств и экзистенциальных переживаний, у них немного стрессов и фобий. Их непростая жизнь не озлобляет их, не делает их грубыми, они не падают духом, несмотря ни на что, даже когда бывают большие испытания, они находят глубинные силы, чтобы продолжать заниматься своим делом. Поэтому деревенские жители Бенгалии, как правило, счастливы и уравновешены психически. Несомненно, благоприятным экологическим фактором в условиях деревенской, аграрной жизни является чистый воздух. Загрязнение окружающей среды в деревенских условиях минимально. Такой образ жизни людей можно назвать экологически безопасным. В частности, использование посуды из натуральных материалов: глиняных чашек и листьев фикуса или бананов, которые затем естественным образом перерабатываются в природе [1, с. 81].

Плотность населения в Бенгалии как восточной части (Индии), так и западной (Бангладеш) достаточно высока, много очень бедных людей, но, тем не менее есть и достаточно зажиточные земледельцы и состоятельные торговцы. До освободительной войны 1971 года в Бангладеш индусы и мусульмане жили достаточно мирно, уважая другие религиозные традиции [1, с. 62].

В аграрном индийском обществе наблюдалась гармония и в семейной жизни. Отношения внутри семьи поддерживались на основе долга и любви, понимая, что если они вступили в брак, то и любовь приложится. Важной особенностью семейной жизни является стабильность браков, очень незначительное количество разводов, около 8%, для сравнения в России 68% статистика разводов. Зачастую родители сами подбирают своим детям подходящую пару, помогают им в этом [7, с. 23].

Обращаясь к авторитету религиозных представлений Вед, человек осознавал духовное единство всех живых организмов. Одной из теологических идей ведийского знания выступала идея реинкарнации – переселения душ. Она метафизически объединяет все существа и позволяет выявить ценность различных форм жизни [2].

Ведическая литература дает возможность раскрыть всю полноту экофильной ответственности человека за окружающую

среду и тенденции изменений в поселенческой структуре общества [3]. Документальный фильм «The Lost Village» («Потерянная деревня»), созданный в 2009 году раскрывает причины изменений социального и поселенческого устройства индийского общества. Один из духовных лидеров бенгальского вайшнавизма Локанатха Свами через свой личный опыт деревенской жизни дает описание метаморфозов социума, упадка традиций и усиления урбанизации в Индии [9].

Для решения всего комплекса экологических проблем необходимо осознать всю утопичность и хаос современной урбанизации. Невозможно скопировать те поселения, которые уже ушли в историю, но взять все лучшее, что имело место в тех связях человека и природы, несомненно, нужно. Футурологические и экотеологические картины будущих поселений состоят в воплощении новых экопоселений и небольших экогородов, с отдельной сортировкой мусора и применением «зеленых» технологий [3].

Таким образом, экофильный образ бенгальской деревни – есть пример поселений, проверенных временем, где сохранялись симбиотические связи человека с природой, поддерживались физическое и психическое здоровье людей, гармоничные социальные отношения, природа возобновляла свои естественные связи и цепи питания. Подобные поселения сохраняются и в настоящее время в Бенгалии, несмотря на экофобное влияние как на внутреннюю структуру самого поселения, так и внешние факторы изменения, дальнейшее глобальное загрязнение планеты.

Пристатейный библиографический список

1. Бхакти Викаша Свами Взгляд на традиционную Индию. - Н. Новгород: ББТ, 2002. - 230 с.
2. Зубков С. А. Критерии религиозной экофильности // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». - 2019. - Том 28. - С. 92-100.
3. Зубков С. А. Экофильное начало вегетарианства // Вестник Вятского государственного университета. - 2020. - № 2 (136). - С. 43-49. DOI 10.25730/VSU.7606.20.023.
4. Зубков С. А., Фролов М. О. Экофильная рурализация и экопоселения. Евразийский юридический журнал. - 2022. - № 4 (167). - С. 499-501.
5. Кремо Майкл А., Мукунда Госвами Божественная природа. - М.: ББТ, 2004. - 121 с.
6. Сатсварупа дас Госвами Очерки ведической литературы. - М.: Изд-во ББТ, 2008. - 160 с.
7. Тимошук А. С. Эстетика и метафизика: культурогенез бенгальского вайшнавизма в работах Рупы Госвами // II Российский культурологический конгресс. - СПб.: Эйдос, Астерион, 2008. - С. 387-388.
8. Тимошук А. С. Коммуникация эстетического в традиционном обществе (на примере бенгальского вишнуизма): автореферат дис. ... канд. филос. наук. - М.: ИФРАН, 1999. - 20 с.
9. Lokanath Swami. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.last.fm/ru/music/Lokanath+Swami/> (дата обращения: 20.05.2023).

ВЕРХОЗИНА Ольга Александровна

кандидат психологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Российского биотехнологического университета

ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Статья посвящена актуальным правовым и этическим проблемам взаимодействия с искусственным интеллектом. В статье проводится анализ законодательной базы, связанной с внедрением и применением искусственного интеллекта, обозначаются правовые и этические проблемы. Проблема правовой характеристики искусственного интеллекта является остро актуальной и в России, и в других странах. В Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года, утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-рЗ, подтверждено отсутствие в России специального законодательного регулирования, учитывающее специфику применения технологий искусственного интеллекта и робототехники, в связи с чем поставлены задачи его формирования.

Основы правовой системы, учитывающие существование искусственного интеллекта, нужно начинать строить с определения парадигмы взаимодействия выстраивания правовых и нравственно-этических основ взаимодействия между искусственным и естественным интеллектами и только после этого создавать обновленную нормативно-правовую базу. Формулирование принципов правового, но и также этического регулирования взаимодействия двух интеллектов является сегодня первоочередной задачей.

Ключевые слова: правовые и этические проблемы, искусственный интеллект, взаимодействие искусственного и естественного интеллекта.

VERKHOZINA Olga Alexandrovna

Ph.D. in psychological sciences, associate professor of Social and humanitarian disciplines sub-faculty of the Russian Biotechnological University

LEGAL AND ETHICAL PROBLEMS OF INTERACTION WITH ARTIFICIAL INTELLIGENCE

The article is devoted to the actual legal and ethical problems of interaction with artificial intelligence. The article analyzes the legislative framework related to the introduction and application of artificial intelligence, identifies legal and ethical problems. The problem of the legal characteristics of artificial intelligence is acutely relevant both in Russia and in other countries. The Concept for the Development of regulation of Relations in the field of artificial intelligence and robotics technologies until 2024, approved by the Decree of the Government of the Russian Federation No. 2129-p3 of August 19, 2020, confirms the absence in Russia of special legislative regulation that takes into account the specifics of the use of artificial intelligence and robotics technologies, in connection with which the tasks of its formation are set.

The foundations of the legal system, taking into account the existence of artificial intelligence, should begin to be built by defining the paradigm of interaction, building the legal and moral and ethical foundations of interaction between artificial and natural intelligence, and only after that create an updated regulatory framework. The formulation of the principles of legal, but also ethical regulation of the interaction of two intelligences is a priority task today.

Keywords: legal and ethical problems, artificial intelligence, interaction of artificial and natural intelligence.

Существование и функционирование информационной (кибернетической) цивилизации, требует правового, этического анализа, развития современных механизмов правового, социального, этического регулирования с целью минимизации и предупреждения имеющихся и возникающих информационных рисков, негативных последствий влияния инновационных технологий на развитие общества.

Информационное пространство проникает в социум, формируется новая цифровая реальность. На современном этапе развития цивилизации все большую роль начинают приобретать технологии, которые не только помогают человеку в процессе его жизнедеятельности, но и все чаще замещают его, либо частично, либо полностью. В связи с чем, можно применять не потенциал и труд человека, а модели, создаваемые когнитивной, интеллектуальной сферой человека. Интеллектуальные модели, не биологического происхождения, возникшие в результате деятельности разума и интеллекта человека, в целом получили универсальное название «искусственный интеллект».

Изначально не предполагалось его юридически определять путем формулирования в нормативном акте, разработчики и пользователи компьютерных программ использовали свой профессиональный словарь¹. В Конвенции ООН (статья 4) об использовании электронных сообщений в международных договорах, принятой Резолюцией Генеральной Ассамблеи от 23.11.2005 г.² отмечается, что компьютерные программы и автоматизированные средства наделяются самостоятельностью и автономией от физического лица.

По мере развития информационно-коммуникационных технологий изменялось однозначное отношение к искусственному интеллекту и уже в Резолюции Европарламента от 16.02.2017 г. констатируется, что человечество находится

1 Конвенция ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах — Конвенции и соглашения — Декларации, конвенции, соглашения и другие правовые материалы (un.org). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.un.org (дата обращения: 24.04.23).

2 Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 года 2015/2013 // Принятые тексты - Гражданско-правовые нормы о робототехнике - четверг, 16 февраля 2017 г. (europa.eu) (дата обращения: 30.04.23)

на пороге развития высокотехнологичных роботов, человекоподобных роботов в основе работы которых искусственный интеллект, говорится о их способности обучаться и принимать решения, что в перспективе позволит, с одной стороны, иметь для человечества экономическую выгоду и ряд преимуществ, с точки зрения экономики и инноваций. С другой стороны, в Резолюции Европарламента содержится обращение к разработчикам и специалистам, использующих устройства с искусственным интеллектом в коммерческих целях, задуматься над проблемами этики и безопасности и, также, быть готовыми нести юридическую ответственность за качество своих разработок. В Резолюции отмечается, что со временем, благодаря возможности искусственного интеллекта самостоятельно обучаться и автономно функционировать, он может превзойти интеллектуальные возможности человека и вносить значительные изменения в окружающую среду.

В связи с развитием инновационных технологий с применением искусственного интеллекта в России осуществляется правотворческая деятельность. В Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации до 2024 года»³, последующих Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»⁴, Указе Президента РФ от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»⁵, в Распоряжении Правительства Российской Федерации № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г.»⁶ определяются задачи научно-технологического и социально-экономического развития государства и обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере. Дан старт реализации Национальной стратегии развития искусственного интеллекта, в которой сформулировано понятие искусственного интеллекта. Указывается на развитие цифровой трансформации, обеспечение присутствия Российской Федерации в числе десяти ведущих стран мира по объему научных исследований и разработок, увеличение вложений в отечественные решения в сфере информационных технологий, утверждена Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники.

Проблема правовой характеристики искусственного интеллекта является остро актуальной и в России, и в других странах. Остаются вопросы, требующие правовой определенности. В Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года, утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-рЗ. подтверждено отсутствие в России специального законодательного регулирования, учитывающее специфику применения технологий искусственного интеллекта и робототехники, в связи с чем поставлены задачи его формирования. Начиная с 2005 года и по настоящее время изменилось отношение к роли искусственного интеллекта в жизни человеческого общества, искусственный интеллект в настоящее время рассматривается не как субъект со своей самостоятельностью, независимостью и автономностью от человека, он способен принимать собственные решения, независимо от создателя и необходимо сделать все, чтобы он не вышел из-под контроля человека. Разработка, внедрение, применение технологий и систем искусственного интеллекта должны осуществляться с обеспечением необходимой степени защиты прав и свобод человека и гражданина. При этом, государство должно адекватно реагировать на происходящие процессы участия искусственного интеллекта во всех сферах общественной жизни, государственные органы должны четко и понятно сформулировать и реализовывать цели и задачи формирования указанного пространства. [4].

Близкой нам является позиция В. Ф. Ужова, который считает, что нормы нужно создавать до появления того, что они будут регулировать, чтобы в случае необходимости доработать и модифицировать уже готовую базу, а не в срочном порядке создавать ее с нуля, что неизбежно скажется на качестве и универсальности этой системы [10]. Основы правовой системы, учитывающие существование искусственного интеллекта, нужно начинать строить с определения парадигмы взаимодействия выстраивания правовых и нравственно-этических основ взаимодействия между искусственным и естественным интеллектами и только после этого создавать обновленную нормативно-правовую базу. Формулирование принципов правового, но и также этического регулирования взаимодействия двух интеллектов является сегодня первоочередной задачей [5].

Одной из основных правовых проблем является проблема недопустимости причинения вреда. Темы о причинении и возмещении вреда, об оценке вреда, кто причинитель вреда и потерпевший и др. являются, в том числе, взаимосвязаны с морально-этическими, нравственными ценностями. Задача по созданию свода этических правил взаимодействия человека и искусственного интеллекта была поставлена Путиным В. В. на международной онлайн-конференции Artificial Intelligence Journey (AI Journey)⁷. Перечень этических принципов должен найти свое отражение в алгоритмах, инструкциях, правилах, в базе системы искусственного интеллекта

3 Указ Президента Российской Федерации 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.garant.ru (дата обращения: 25.04.23).

4 Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.garant.ru (дата обращения: 24.04.23).

5 Указ Президента РФ от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.garant.ru (дата обращения: 25.04.23).

6 Распоряжение Правительства Российской Федерации № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г.». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.garant.ru (дата обращения: 25.04.23).

7 Путин В. В. Россия способна стать одним из глобальных лидеров в сфере искусственного интеллекта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/7096728> (дата обращения: 30.04.23)

или работа, которыми бы эта система могла руководствоваться при принятии решений. При этом, нормы морали и этики должны быть включены в программы обучения искусственного интеллекта [1]. В связи с этим, мы можем говорить о «социализации» искусственного интеллекта, то есть овладение социальными, морально-этическими нормами при принятии решений, на основе которых будет строиться взаимодействие искусственного и естественного интеллекта.

Начиная с 2016 г. различные страны активно разрабатывают роботов, киберфизические и нейронные сети, модели сильного и сверхсильного искусственного интеллекта. Своевременно разработанные этические правила позволяют ограничить возможности неэтичного применения искусственного интеллекта, направить идеи разработчиков и законодателей для обеспечения максимальной выгоды для общества.⁸ Правовые и этические правилам взаимодействия необходимо рассматривать с точек зрения: этики принятия решения и действий самого искусственного интеллекта; этики программистов, создающих алгоритмы, по которым действуют и самообучаются эти системы; этики взаимодействия человека и киберфизических и когнитивных систем [3].

Анализ нормативно-правовых и теоретических источников, проведенный А. В. Поповой (монография, стр. 129), позволяет выделить приоритетные этические правила взаимодействия с искусственным интеллектом:

1. Доверие, означает, что искусственный интеллект должен быть понятен человеку.

2. Соблюдение права и свобод человека и гражданина. В модели искусственный интеллект должны предусматривать защиту персональных данных индивида, уважение к семейной жизни, защиту интересов личности и др.

3. Инклюзивность означает, что потребности всех людей должны приниматься во внимание, должны быть предложены наилучшие возможные условия для саморазвития человека.

4. Ответственность. Ответственность разработчиков, проектировщиков.

5. Надежность. Надежность систем искусственного интеллекта.

6. Беспристрастность. Гарантия соблюдения принципов справедливости, охрана чести и достоинства человека.

Также необходимо, на наш взгляд, добавить «презумпцию невиновности», в том случае, когда искусственный интеллект будет принимать решение о правомерном поведении человека и «недопустимость причинения вреда человеку».

При применении искусственного интеллекта так или иначе возникнут или уже возникают этико-правовые проблемы, требующие своего решения, к которым можно отнести: восприятие искусственного интеллекта как кумира, религиозного объекта в силу его сверхспособностей, которое может доходить до степени поклонения и сакрализации. Искусственный интеллект может привести к централизации власти, вследствие чего будет способствовать расслоению и

неравенству. Его внедрение приведет к массовой безработице и пр. [2].

Автор А. В. Попова подчеркивает проблему этичного поведения интеллектуальной системы в ситуации, когда ее решение касается людей, ведь такая система обладает высокими возможностями анализировать данные в больших объемах и со скоростью, на которую не способен ни один человек. Это может привести к тому, что человеку невозможно будет проверить верность, принимаемых искусственным интеллектом решений. Тогда основная проблема будет связана с тем насколько принимаемые решения соответствуют этическим и моральным нормам, признанным в обществе.

Моральные и правовые нормы взаимодействия искусственного и естественного интеллектов должны формироваться не только со стороны искусственного интеллекта, но и со стороны его разработчиков и, что не менее важно, пользователей. Правилам взаимодействия с искусственным интеллектом необходимо обучать со школьного возраста. Учебные программы по обучению программированию, информационной грамотности должны включать разделы, посвященные изучению сущности искусственного интеллекта, его особенностей, знакомить с инновационными технологиями, учить прогнозировать последствия, связанные с применением искусственного интеллекта и новых технологий, а также правовым и этическим правилам взаимодействия.

Пристатейный библиографический список

1. Камалова Г. Г. Правовые и этические принципы регулирования искусственного интеллекта и робототехники // Право и государство: теория и практика. 2021. № 10. С. 181-184.
2. Малышкин А. В. Интегрирование искусственного интеллекта в общественную жизнь: некоторые этические и правовые проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. № 3. С. 444-460.
3. Попова А. В. Этические принципы взаимодействия с искусственным интеллектом как основа правового регулирования // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 3. С. 34-43.
4. Теоретико-правовая парадигма существования кибернетической (информационной) цивилизации: монография / Под ред. С. А. Комарова. М.: Изд-во МАТГиП, 2022. 320 с.
5. Ужов Ф. В. Искусственный интеллект как субъект права // Пробелы в Российском законодательстве. 2017. № 3. С. 357-360.

⁸ Готовцев П. М., Карпов В. Э., Нестик Т. А., Потапова Е. Г. Зачем искусственному интеллекту этика? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ethics.cdto.center/3_1 (дата обращения: 23.04.2023).

КРУЧИНИН Сергей Васильевич

кандидат философских наук, доцент, преподаватель Тюменского индустриального университета

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И СПЕКТР ЕГО ВОЗМОЖНОГО ПРИМЕНЕНИЯ

Статья рассматривает современное развитие искусственного интеллекта в целом и в частности в отдельных областях. При этом упор в статье сделан на несколько аспектов. Во-первых, на то, как именно искусственный интеллект применяется сейчас и как он мог бы применяться в других сферах. А также на том, какие скрытые преимущества и угрозы он несет для общества как в культурном аспекте, так и в социально-экономическом, а именно как искусственный интеллект повлияет на занятость и рынок труда. При этом автор статьи указывает, что современная наука предполагает, что искусственный интеллект создаст новый виток современной промышленной революции и приведет к существенному обновлению всех технологических процессов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, безработица, развитие, разделение труда, социум.

KRUCHININ Sergey Vasiljevich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, lecturer of the Tyumen Industrial University

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND THE RANGE OF ITS POSSIBLE APPLICATIONS

The article examines the modern development of artificial intelligence in general and in particular in certain areas. At the same time, the article focuses on several aspects. Firstly, on how nominal artificial intelligence is used now and how it could be used in other areas. And also on what hidden advantages and threats it brings to society both in the cultural aspect and in the socio-economic, namely, how artificial intelligence will affect employment and the labor market. At the same time, the author of the article points out that modern science assumes that artificial intelligence will create a new round of the modern industrial revolution and will lead to a significant renewal of all technological processes.

Keywords: artificial intelligence, unemployment, development, division of labor, society.

Кручинин С. В.

Искусственный интеллект (ИИ) вряд ли сделает людей ненужными. И это не приведет к созданию сверхразума в ближайшее время. Но нравится вам это или нет, технологии искусственного интеллекта и интеллектуальные системы добьются огромных успехов в ближайшие два десятилетия – произведут революцию в медицине, развлечениях и транспорте; преобразуют рабочие места и рынки; создадут множество новых продуктов и инструментов; и значительно увеличат объем информации, которой располагают правительства и компании о людях. Должны ли мы лелеять и с нетерпением ожидать этих событий или бояться их?

Есть причины для беспокойства. Текущие исследования в области искусственного интеллекта слишком узко сфокусированы на достижении успехов в ограниченном наборе областей и уделяют недостаточное внимание его разрушительному воздействию на саму структуру общества. Если технология искусственного интеллекта продолжит развиваться по своему нынешнему пути, это, вероятно, вызовет социальные потрясения по крайней мере по двум причинам. Во-первых, искусственный интеллект повлияет на будущее рабочих мест. Наша нынешняя траектория чрезмерно автоматизирует работу, отказываясь при этом инвестировать в производительность труда людей; дальнейшие достижения приведут к вытеснению работников и не создадут новых возможностей (и, в процессе, упустят весь потенциал искусственного интеллекта для повышения производительности). С другой стороны, искусственный интеллект может подорвать демократию и индивидуальные свободы [3].

Каждое из этих направлений вызывает тревогу, а два вместе взятых – зловещие. Совместное процветание и демократическое участие в политической жизни не просто критически усиливают друг друга: они являются двумя опорными пунктами нашего современного общества. Что еще хуже, ослабление демократии значительно затрудняет выработку решений, связанных с неблагоприятными последствиями искусственного интеллекта для рынка труда и распределения. Эти опасности только усилились во время кризиса с COVID-19. Карантины, социальное дистанцирование и уязвимость работников к вирусу придали дополнительный импульс стремлению к автоматизации, причем большинство американских компаний предприятия сообщают о планах по большей автоматизации.

Однако ничто из этого не является неизбежным. Направление развития искусственного интеллекта не предопределено заранее. Его можно изменить, чтобы повысить производительность труда людей, создать рабочие места и всеобщее процветание, а также защитить и укрепить демократические свободы – если мы изменим наш подход. Чтобы направить исследования в области искусственного интеллекта в более продуктивное русло, нам нужно обратить внимание на финансирование и регулирование ИИ, нормы и приоритеты исследователей ИИ, а также общественный надзор за этими технологиями и их приложениями [2].

Сегодня мы живем в совсем другом мире. Рост заработной платы с конца 1970-х годов был гораздо медленнее, чем в предыдущие три десятилетия. И этот рост был каким угодно, только не общим. В то время как заработная плата работников, находящихся на самом вершине распределения доходов – тех, кто находится в самом высоком десятке процентиле заработка, или тех, кто имеет высшее образование, – продолжала расти, у работников с дипломом средней школы или ниже их реальные заработки упали. Даже выпускники колледжей переживали длительные периоды незначительного роста реальной заработной платы.

Многие факторы сыграли свою роль в этом повороте. Снижение реальной величины минимальной заработной платы, которая упала более чем на 30 процентов, сыграло важную роль в снижении заработной платы в нижней части распределения. С исчезновением профсоюзов из большей части частного сектора заработная плата также отставала от роста производительности. Одновременно огромный рост торговли с Китаем привел к закрытию многих предприятий и большим потерям рабочих мест в низкотехнологичных отраслях обрабатывающей промышленности, таких как текстиль, одежда, мебель и игрушки. Не менее определяющим стало новое направление технического прогресса. В то время как в течение четырех десятилетий после Второй мировой войны автоматизация и новые задачи, способствующие росту спроса на рабочую силу, шли рука об руку, в 1980-х годах началась совершенно иная технологическая картина – гораздо больше автоматизации и гораздо меньше всего остального [4].

Автоматизация выступала в роли прислужницы неравенства. Новые технологии в первую очередь автоматизировали более рутинные задачи в канцелярских службах и

на заводах. Это означало, что спрос и заработная плата работников, специализирующихся на «синих воротничках», и некоторых канцелярских должностях снизились. Тем временем профессионалы в области менеджмента, инженерии, финансов, консалтинга и дизайна процветали – как потому, что они были необходимы для успеха новых технологий, так и потому, что они извлекали выгоду из автоматизации задач, которые дополняли их собственную работу. По мере того как автоматизация набирала обороты, разрыв в заработной плате между верхней и нижней частью распределения доходов увеличивался.

Причины такой общей закономерности – большей автоматизации и меньших усилий, направленных на повышение производительности труда работников, – до конца не изучены. Безусловно, многое из этого появилось еще до появления искусственного интеллекта. Быстрая автоматизация рутинных работ началась с применения компьютеров, баз данных и электронных средств связи на канцелярских должностях и с числовым программным управлением на производстве, и она ускорила с распространением промышленных роботов. С достижениями в области цифровых технологий автоматизация, возможно, стала технологически проще. Однако не менее (если не более) важны изменения в политике, а также в институциональной и директивной среде. Государственное финансирование научных исследований – особенно тех, которые ведут к постановке новых задач, – иссякло. Институты рынка труда, которые способствовали созданию хороших рабочих мест, ослабли. Горстка компаний с бизнес-моделями, ориентированными на автоматизацию, стала доминировать в экономике. И государственная налоговая политика начала благоприятствовать капиталу и автоматизации. Какими бы ни были точные механизмы, технология стала менее благоприятной для рабочей силы и более ориентированной на автоматизацию [1].

Искусственный интеллект – следующий акт в этой пьесе. Первые серьезные исследования в области искусственного интеллекта начались в 1950-х годах с амбициозными и, как оказалось, нереалистичными целями. Пионеры искусственного интеллекта остро понимали мощь вычислений и считали, что создание интеллектуальных машин – сложная, но достижимая задача. Двое из первых светил, Герберт Саймон и Аллен Ньюэлл, сказали в 1957 году, что «сейчас в мире есть машины, которые думают, учатся и творят. Более того, их способность делать все это будет быстро возрастать до тех пор, пока – в обозримом будущем – спектр проблем, с которыми они смогут справиться, не сравняется по масштабу с тем, к которому применяется человеческий разум». Но эти надежды вскоре рухнули. Одно дело было программировать бинарные операции для быстрых вычислений – задача, в решении которой к началу 1950-х годов машины значительно превзошли возможности человека. Это было нечто совершенно иное, когда машины выполняли более сложные задачи, включая распознавание изображений, классификацию, обработку языка, рассуждения и решение проблем. Эйфория и финансирование этой области иссякли, и последовала зима (зимы) искусственного интеллекта [5].

В 1990-х годах искусственный интеллект завоевал новый энтузиазм, хотя и с изменившимися амбициями. Вместо того чтобы заставлять машины мыслить и понимать в точности как люди, новая цель состояла в том, чтобы использовать доступные по дешевке вычислительные мощности и огромные объемы данных, собранных датчиками, представленных в книгах и в Интернете и добровольно предоставленных отдельными лицами. Прорыв произошел, когда мы выяснили, как превратить многие из нужных нам сервисов в задачи прогнозирования. Современные статистические методы, включая различные типы машинного обучения, могут быть применены к новым доступным большим неструктурированным наборам данных для дешевого и эффективного выполнения задач, основанных на прогнозировании. Это означало, что путем наименьшего сопротивления для экономических применений ИИ была (алгоритмическая) автоматизация – адаптация распознавания образов, классификации объектов и статистического прогнозирования к приложениям, которые могли бы взять на себя многие из повторяющихся и простых когнитивных задач, выполняемых миллионами работников.

То, что начиналось как ранняя тенденция, стало нормой. Многие эксперты сейчас прогнозируют, что в ближайшие десятилетия искусственный интеллект окажет фундамен-

тальное влияние на большинство профессий. Искусственный интеллект также заменит более квалифицированные задачи, особенно в бухгалтерском учете, финансах, медицинской диагностике и управлении среднего звена. Тем не менее, современные приложения искусственного интеллекта по-прежнему в основном заменяют относительно простые задачи, выполняемые низкооплачиваемыми работниками.

Тем не менее, движение общества к безработице и надзору не является неизбежным. Будущее искусственного интеллекта все еще открыто и может повести нас в самых разных направлениях. Если в конечном итоге мы получим мощные инструменты наблюдения и повсеместную автоматизацию (при этом людям останется недостаточно задач для выполнения), то это будет потому, что мы выбрали этот путь.

Куда еще мы могли бы пойти? Несмотря на то, что большинство исследований в области искусственного интеллекта было направлено на автоматизацию производства, существует множество новых областей, где искусственный интеллект мог бы дополнять людей. Это может самым мощным образом повысить производительность труда людей, создавая новые задачи и виды деятельности для работников.

Позвольте мне привести несколько примеров. Первая – это образование, область, куда искусственный интеллект до сих пор проникал на удивление мало. Текущие разработки, какими бы они ни были, направлены на автоматизацию работы учителей – например, путем внедрения автоматизированной оценки или онлайн-ресурсов для замены основных задач обучения. Но искусственный интеллект также может революционизировать образование, предоставив учителям возможность адаптировать свой материал к потребностям и настроениям разных учащихся в режиме реального времени. Мы уже знаем, что то, что работает для одного человека в классе, может не сработать для другого; разные учащиеся находят разные элементы обучения сложными. Искусственный интеллект в классе может сделать преподавание более адаптивным и ориентированным на учащихся, генерировать новые четкие учебные задачи и, в процессе, повышать производительность учителей и спрос на них.

Ситуация очень похожа в здравоохранении, хотя в эту сферу уже были вложены значительные средства в искусственный интеллект. Однако до настоящего момента было предпринято несколько попыток использовать искусственный интеллект для предоставления новых адаптивных услуг пациентам в режиме реального времени медсестрами, техническими специалистами и врачами. Аналогичным образом, искусственный интеллект в секторе развлечений может во многом способствовать созданию новых продуктивных задач для работников. Интеллектуальные системы могут значительно облегчить обучение людей в большинстве профессий и областей, предоставляя адаптивную техническую и контекстуальную информацию, доступную по запросу. Наконец, искусственный интеллект может быть объединен с дополненной и виртуальной реальностью, чтобы предоставить новые производственные возможности работникам «синих воротничков» и технических профессий. Например, это может позволить им достичь более высокой степени точности, чтобы они могли сотрудничать с робототехническими технологиями и выполнять комплексные задачи проектирования.

Пристатейный библиографический список

1. Антонов А. А. Искусственный интеллект как источник повышенной опасности // Юрист. – 2020. – № 7. – С. 69-74.
2. Бегитов И. Р., Хисамова З. И. Искусственный интеллект и робототехника: теоретико-правовые проблемы разграничения понятийного аппарата // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2020. – Т. 30. № 5. – С. 706-713.
3. Никулин Л. Ф. и др. Искусственный интеллект и трансформация менеджмента // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2020. – Т. 16. № 4. – С. 600-612.
4. Поряева Е. П., Евстафьева В. А. Искусственный интеллект в медицине // Вестник науки и образования. – 2019. – № 6-2 (60). – С. 15-18.
5. Соменков С. А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник университета имени О. Е. Кутафина. – 2019. – № 2 (54). – С. 75-85.

АВETИСЯН Виктория Сергеевна

аспирант кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук Армавирского государственного педагогического университета

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФЕМИННОГО И МУСКУЛИННОГО В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается гендерная идентичность как одно из важнейших оснований формирования целостной идентичности индивида. В отношении непротиворечивого подхода к гендерной идентичности в российском обществе сегодня наблюдается явный недостаток, причем, его усиленно пытаются восполнить за счет традиционализма. Анализ гендерной мифологии и лингвистической репрезентации феномена гендера представляется важной задачей при осмыслении российских гендерных практик. При этом если в западных странах во второй половине XX века произошел быстрый переход к политизации гендерных проблем, то в России этого не случилось. Решение проблемы взаимодействия феминного и мускулинного в современном обществе требует усилий всего философского и научного сообщества по ее корректному осмыслению и недопущению явных разрывов между реальными практиками и декларациями.

Ключевые слова: современное общество, гендер, гендерные отношения, феминность, маскулинность, гендерный миф, гендерный стереотип, гендерная идентичность.

AVETISYAN Viktoriya Sergeevna

postgraduate student of Philosophy, law and social sciences and humanitarian sciences sub-faculty of the Armavir State Pedagogical University

THE INTERACTION OF THE FEMININE AND THE MUSCULAR IN THE SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENT OF MODERN SOCIETY

Resume: The article considers gender identity as one of the most important foundations for the formation of an individual's integral identity. With regard to a consistent approach to gender identity in Russian society today, there is a clear lack, moreover, they are strenuously trying to make up for it at the expense of traditionalism. The analysis of gender mythology and the linguistic representation of the phenomenon of gender seems to be an important task in understanding Russian gender practices. At the same time, while in Western countries in the second half of the 20th century there was a rapid transition to the politicization of gender issues, this did not happen in Russia. Solving the problem of the interaction of the feminine and the masculine in modern society requires the efforts of the entire philosophical and scientific community to correctly comprehend it and avoid obvious gaps between real practices and declarations.

Keywords: modern society, gender, gender relations, femininity, masculinity, gender myth, gender stereotype, gender identity.

Аветисян В. С.

Взаимодействие феминного и мускулинного в социокультурной среде современного общества является одним из оснований формирования идентичности социального субъекта. Гендерная идентичность является одним из важнейших оснований для формирования целостной, интегральной социальной идентичности индивида. Биологический пол человека является примордиальным, первичным по отношению к социальному. Социальная идентичность особенно в процессах коммуникации личности весьма пластична, тогда как гендерная идентичность практически незыблема [1, С. 155-163]. Тут следует сделать оговорку о том, что в современном обществе, стремительно трансформирующем социальные нормы, ценности и практики, вместе с разрушением традиционного порядка социальных взаимоотношений в условиях экспансии идей постгуманизма [2, 362-368], становится все более явным разрушение традиционной системы гендерного распределения в обществе [3, С. 408-409]. Одновременно в социальных и антропологических практиках современного постиндустриального западного общества [4, С. 103-109], в которых появляются идеи легализации норм и явлений, которые раньше считались немислимыми и недопустимыми [5], и в соответствующих теориях, на которые большое влияние оказали философские идеи постструктурализма и постмодернизма о децентрации сознания (выступление, интеллектуальный мятёж Жака Дерриды против «онто-тео-телео-фалло-фоно-лого-центризма» [6]) и важности исследования пограничных, фронтальных феноменов [7], появились и оформились представления о так называемых «небинарных гендерах», становление и существование которых тем или иным образом связано с сексуальностью индивидов [8]. В противоположности им представления о «классических» бинарных гендерах базируются прежде всего на анализе биологических особенностей индивидов и на изучении их

поведения в обществе. Действия индивидов основывается на противопоставлении мускулинных и феминных стратегий и тактик поведения и деятельности субъектов в рамках социокультурных практик [9, С. 323-325]. Иначе говоря, гендер проявляет себя как биологический функционал, который зависит от культурно-цивилизационных практик. То есть биологическое в гендере проецируется на общественную жизнь. А общественная жизнь, нормы, стереотипы, социальные установки, аттитюды становятся детерминантами проявления биологического в жизни социального субъекта. Важно то, что в классическом понимании гендерная идентичность связана с общественными ролями социального субъекта. В постиндустриальном, постмодерном обществе гендер, а вернее, гендерная идентичность может рассматриваться не только как примордиальная характеристика индивида, но и подниматься как конструируемый феномен [10, С. 43-51]. В этом ключе, социальные процессы и феномены следует рассматривать в аспектах соотношения и взаимодействия феминного и мускулинного. В западном мире женщины уже занимают самые высокие политические посты. Изменение в гендерном развитии позволили некоторым ученым заговорить о «кризисе маскулинности», начавшемся в последней трети XX века. Объективную оценку происходящим изменениям в гендерных отношениях дал известный российский философ, социолог И.С. Кон: «Традиционная «маскулинная идеология» и «гегемонная маскулинность» перестали соответствовать изменившимся социально-экономическим условиям и создают социально-психологические трудности как для женщин, так и для мужчин» [11, с. 27].

Западные страны, так или иначе, решают гендерный вопрос на политическом, юридическом, культурном и ином уровнях общественной жизни. Современной России также предстоит осмысление «гендерной доктрины» в самых раз-

ных видах социального дискурса. Конечно же, имеется в виду не какой-то определенный документ, выстраивающий стратегическую линию государственной гендерной политики, которого уже сегодня не хватает, поскольку отношение государства к гендерной идентичности немаловажно для общества. Под доктриной имеется в виду скорее совокупность принятых в обществе теоретических концепций, методик обучения, то есть того, что относится к гендерному просвещению вообще. В отношении непротиворечивого подхода к гендерной идентичности в российском обществе сегодня наблюдается явный недостаток, причем, его усиленно пытаются восполнить за счет традиционализма, что, по нашему мнению, есть регресс, шаг назад. Мы считаем, что введением религиозных или идеологических традиционалистских догм в сегодняшнем обществе проблему гендера решить нельзя, поэтому и требуются усилия всего философского и научного сообщества по ее корректному осмыслению и недопущению явных разрывов между реальными практиками и декларациями [12, С. 59-74]. Кроме того, религия как регулятор гендерной проблемы имеет и другие выраженные недостатки, кроме традиционализма. В российской поликонфессиональной среде существует множество религиозных институтов с различающимися гендерными стандартами. И, с одной стороны, социокультурное, и религиозное разнообразие обогащает социальную жизнь. А с другой стороны, этот механизм может способствовать социальной разобщенности за счет нормативной пролиферации. Важно, чтобы индивид, независимо от своей религиозной принадлежности или же отсутствия таковой ощущал себя комфортно, имея возможность самостоятельного конституирования гендерной идентичности в соответствии с теми стереотипами, которые приемлемы для его сознания. А для этого светская позиция должна доминировать над всеми религиозными, столь многочисленными для нашего российского общества.

Безусловно, важной социокультурной составляющей рефлексии проблемы гендера был и остаётся социальный миф. Гендерные мифы, безусловно, являются важными элементами социальной мифологии, и они оказывают непосредственное влияние на процессы конституирования гендерной идентичности индивида, будучи утверждены в общественном сознании как некорректно воспринимаемые стереотипы, как некая медиальная инстанция, через которую проходит складывающаяся гендерная идентичность и которая может выступать в качестве шкалы нормообразования для отдельных людей. Индивид, например, воспринимает гендерный миф о «стратегическом» или «рациональном» мышлении, свойственном исключительно мужчинам, и делает вывод о том, что в управленческих сферах должны работать только мужчины [13, с. 93-96]. В зависимости от половой конституции, такой миф, конечно же, влияет и на выбор профессии, и на личную жизнь человека. Образ женщины часто формируется под воздействием национальных гендерных стереотипов и установок, выраженных в языке (в фольклоре, «народных мудростях», говорящих про «бабий ум» и его функциональные особенности). Мифологический и лингвистический аспекты данной проблемы часто выступают матрицей конструирования социальных практик, идеологии, риторики и пр. Задачей гендерной (как и любой другой мифологии) является интеграция разрозненных смыслов в единую объясняющую схему, позволяющую формировать гендерную идентичность и производить ее репрезентации на единой смысловой основе. Мифологическая основа часто выступает основанием для политической репрезентации гендера, но, при этом, может обладать известной культурной самодостаточностью в социальных практиках, формируя и ранжируя ценности определенным, гендерно асимметричным образом [14, с. 52-58].

Но в целом можно сказать, что стереотипы и устойчивые языковые репрезентации гендера чаще направлены на укрепление гендерных ролей, чем на их деструкцию. С другой стороны, язык тоже реагирует на изменение понимания данной проблемы, последние десятилетия языковые практики пополнились феминитивами, по-разному оцениваемыми российским обществом, однако выразительно свидетельствующими о том, что в обществе происходят тектонические

гендерные сдвиги. Поэтому рассмотрение гендерной мифологии и лингвистической репрезентации феномена гендера представляется важной задачей при осмыслении российской «гендерной доктрины». При этом если в западных странах и, прежде всего, в США, во второй половине XX века произошел быстрый переход к политизации гендерных проблем, в России этого не случилось. Это связано прежде всего с тем, что патриархальные и традиционные семейные ценности оказались защищенными на государственном уровне [15, С. 30-34], а также на уровне конституции – с учетом поправок принятых 2020 году, поэтому политизация гендерной в России проблематики в ближайшей перспективе кажется. Таковы практики взаимодействия феминного и мускулинного в социокультурной среде современного общества.

Пристатейный библиографический список

1. Бакланова О. А., Сёмкин А. В., Югай В. В. Ценностные основания социокультурной коммуникации как проявление идентичности социальных субъектов // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2022. № 4. С. 155-163.
2. Gubanova M. A., Pohilko A. D., Ponarina N. N., Nagapetova A. G., Baklanova O. A. Posthuman in global information society // Revista Inclusiones. 2020. V. 7. № 4. Pp. 362-368.
3. Аветисян В. С. Феминитивы как лингвистический маркер гендерной проблемы в современном обществе // Евразийский юридический журнал. 2022. № 11. С. 408-409.
4. Губанова М. А. трансформация человека в глобальном сетевом обществе // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2020. № 4. С. 103-109.
5. Siddiqui S. A., Singh P., Khan S., Fernando I., Baklanov I. S., Ambartsumov T. G., Ibrahim S. A. Cultural, social and psychological factors of the conservative consumer towards legal cannabis use-a review since 2013 // Sustainability. 2022. V. 14. № 17. P. 10993.
6. Деррида Ж. Письмо и различие. М.: Академический проект, 2007. 495 с.
7. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, Издательство «КДУ», 2011. 392 с.
8. Genderqueer and Non-Binary Genders / Christina Richards, Walter Pierre Bouman, Meg-John Barker (eds.). London: Palgrave Macmillan, 2017.
9. Бакланова О. А., Демченко Н.А. Гендерные трансформации в современном российском обществе // Теория и практика общественного развития. 2015. № 12. С. 323-325.
10. Балдицына Е. И., Бакланов И. С., Бакланова О. А. Особенности исследования гендерной идентичности в современной социальной теории // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 43-51.
11. Кон И. С. Маскулинность в меняющемся мире // Вопросы философии. 2010. № 4. С. 25-35.
12. Гусейнова И. А. Гендер как конфликтогенный фактор институциональной коммуникации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 11 (853). С. 59-74.
13. Аносов Е. А. Гендерные стереотипы в поговорках русского языка в свете методологических подходов к исследованию феномена гендерной стереотипизации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2012. № 25. С. 93-96.
14. Махмутова Л. Ф. Гендерная сегрегация и гендерные стереотипы в сфере политического управления // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2012. № 20. С. 52-58.
15. Зайченко А.А., Бакланова О.А., Махринова М.В. Анализ семьи как социальной институции и общности в перспективе социокультурных исследований // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2019. № 5 (108). С. 30-34.

БОГДАНОВА Юлия Зуфаровна

Кандидат филологических наук, доцент Государственного аграрного университета Северного Зауралья

ПИРВЕРДИЕВА Эльвира Али-кызы

преподаватель кафедры иностранных языков Тюменского индустриального университета

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ СМЫСЛЫ, ИДЕНТИЧНОСТИ И КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

В апреле 2023 года в Москве прошли ежегодные XXVIII Социологические чтения парадоксы, последствия, в ходе которых социологи, этнографы, экономисты представили результаты своих теоретических и прикладных исследований с целью обмена знаниями, укрепления и развития научно-исследовательских связей среди социологического сообщества.

Ключевые слова: миграция, эмиграция, молодежь, мобилизация, непрерывное образование, преемственность поколений, социокультурный код.

BOGDANOVA Yuliya Zufarovna

Ph.D. in philological sciences, associate professor of the State Agrarian University of the Northern Trans-Urals

PIRVERDIEVA Elvira Ali-kyzy

lecturer of Foreign languages sub-faculty of the Tyumen Industrial University

SPIRITUAL AND MORAL MEANINGS, IDENTITIES AND CULTURE IN THE CONDITIONS OF GLOBAL CHALLENGES

In April 2023, the annual XXVIII Sociological Readings were held in Moscow. During the conference, sociologists, ethnographers, and economists presented the results of their theoretical and applied research in order to share knowledge, strengthen and develop research ties among the sociological community.

Keywords: migration, emigration, youth, mobilization, lifelong education, continuity of generations, sociocultural code.

В Москве в Российском государственном социальном университете (далее РГСУ) на кафедре социологии, этнографии и социометрии прошли ежегодные XXVIII Социологические чтения «Духовно-нравственные смыслы, идентичности и культура отмены: потребности, парадоксы, последствия». В приветственных выступлениях подчеркивалась актуальность ежегодно проводимых Социологических чтений, связанную с вызовами современности, в этом году эти вызовы обусловлены специальной военной операцией, проводимой РФ, введенными в связи с этим санкциями и объявленной осенью мобилизацией.

В совместном пленарном докладе д.филол.н., профессора **Мансурова В. А.** (Москва, ИС ФНИСЦ РАН), к.э.н., старшего научного сотрудника **Ивановой Е. Ю.** (Москва, ИС ФНИСЦ РАН) представили результаты исследования культурного кода России на основе сравнительного анализа традиционных ценностей и ценностей современного мира. Мансуров В.А. указал, что по данным социологических исследований, проведенных среди россиян, только 36 % из них знают в той или иной мере значение понятия культурный код. Тематику трансляции культурного наследия России продолжил в своем докладе д.социол.н., профессор **Майорова-Щеглова С. Н.** МГППУ (Москва). Она выявила особенности передачи российской культуры детям дошкольного возраста. Молодежная проблематика прозвучала в докладе д.социол.н., профессор **Зубок Ю. А.** (ИСПИ ФНИСЦ РАН Москва), она охарактеризовала парадоксы смыслового пространства реальности у российской молодежи.

Д.ф.н., профессор кафедры философии, социологии и культурологии **Алиева К. М.** (Московский гуманитарный университет) и докторант **Фозилова А. И.** (Самаркандский государственный университет, Узбекистан) в совместном докладе рассмотрели природу межкультурной миграции рабочей силы и проанализировали социокультурные ориентиры трудовых мигрантов. Д.социол.н., профессор кафедры социологии, этнографии и социометрии **Барышная Н. А.** (РГСУ, Москва) посвятила свой доклад анализу процессов трансформации идентичности в центральной части России, а именно в моноэтнических поселениях Саратовской области. Исследования показали, что в области снижается численность русских, мордвы, чувашей, немцев при одновременном появлении в структуре населения представителей ранее не проживавших этнических групп, например, дунган и курцев, которые формируют новую социальную реальность. Исполнительный директор Исследовательского холдинга «Ромир» (Москва) **Караева И. А.** в своем

докладе говорила о необходимости изучения стационарности при проведении этносоциологических исследований. В России сегодня фиксируется резкое снижение естественного прироста населения, преобладание представителей старших возрастных групп в структуре населения, резкое снижение рождаемости, а каждый третий проживает не там, где родился.

К.социол.н., ведущий научный сотрудник **Киреев Е. Ю.** (ИДИ ФНИСЦ РАН, Москва) посвятил свой доклад феномену эмиграции, актуализировавшемуся после начала СВО. На основе интервью, проведенных с россиянами, эмигрировавшими в Республику Кыргызстан, докладчику удалось представить социальный портрет эмигранта: это мужчина среднего возраста (26 лет), с высшим образованием, профессиональная деятельность которого связана с IT-технологиями, медицина, финансы, образование, юриспруденция и др.

Д.социол.н., профессор Тюменского индустриального университета **Хайрулина Н. Г. (Тюмень)** представила результаты эмпирических исследований, полученных в ходе реализации Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» В ходе изучения содержания и особенностей формирования общероссийской гражданской идентичности докладчик выявила, что среди тюменской молодежи она ниже, чем в большинстве российских регионов.

Д.социол.н., профессор, заведующий Отделом исследования демографических процессов в ЕАЭС **Осадчая Г. И.** (ИДИ ФНИСЦ РАН, Москва) и д.социол.н., профессор, **Юдина Т. Н.** (ИДИ ФНИСЦ РАН, Москва) представили доклад о развитии интеграционного взаимодействия государств ЕАЭС, начавшееся после распада Советского Союза и позволившее восстановить прерванные связи государств. По их мнению, Россия выполняет интеграционную роль в Евразии, которая становится особым географическим, этническим, культурно-историческим центром притяжения славянских, тюркских, финно-угорских и других народов.

Старший директор по работе с клиентами **Горелова О. А.** (ООО Ипос Комкон, Москва) посвятила свой доклад анализу внутреннего туризма в России в целом и драйверов и барьеров посещения Москвы, в частности. Докладчик обратила внимание участников конференции, что внутренний туризм, пострадавший в 2020 г. в связи с распространением коронавирусной инфекции, в 2022 г. в связи с началом специальной военной операции и последовавшими санкционными ограничениями, в 2023 г. возвращает утраченные позиции.

КАБАНОВ Владимир Львович

кандидат педагогических наук, доктор юридических наук, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Московского государственного педагогического университета, профессор кафедры педагогики и психологии семейного образования Московского государственного педагогического университета

КАЛАМКАРЯН Рубен Амаякович

доктор юридических наук, профессор кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, профессор Юридического института имени М. М. Сперанского Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

МОНОГРАФИЯ ГОРЯЧЕВА Ю. А., ЗАХАРОВА В. Ф., ОМЕЛЬЯЧЕНКО Е. А. «МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ОБРАЗОВАНИЯ: УРОКИ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ» МОНОГРАФИЯ / ПОД ОБЩ. РЕД. Ю. А. ГОРЯЧЕВА. – МОСКВА: ЭТНОСФЕРА, 2022. – 210 С. СОЗДАЛА ИНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВУЮ ОСНОВУ ФЕНОМЕНУ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ОБРАЗОВАНИЯ

В работе раскрывается значимость международных стандартов образования в системе современного миропорядка.

Ключевые слова: международные стандарты образования, система современного миропорядка.

KABANOV Vladimir Lvovich

Ph.D. in pedagogical sciences, Ph.D. in Law, professor of Judicial power, law enforcement and human rights activities sub-faculty of the Moscow State Pedagogical University, professor of Pedagogy and psychology of family education sub-faculty of the Moscow State Pedagogical University

KALAMKARYAN Ruben Amayakovich

Ph.D. in Law, professor of Human rights and international law sub-faculty of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia, professor of International law and foreign economic activity sub-faculty of the M. M. Speransky Institute of Law of the A. G. and N. G. Stoletov Vladimir State University

MONOGRAPH GORYACHEV YU. A., ZAKHAROVA V. F., OMELCHENKO E. A. "INTERNATIONAL STANDARDS OF EDUCATION: LESSONS OF HISTORY AND MODERNITY": MONOGRAPH. GENERAL ED. BY YU. A. GORYACHEVA. – MOSCOW: ETHNOSPHERE, 2022. - 210 P. CREATED THE INSTITUTIONAL AND LEGAL BASIS FOR THE PHENOMENON OF INTERNATIONAL STANDARDS OF EDUCATION

The paper reveals the importance of international standards of education in the system of the modern world order.

Keywords: international standards of education, the system of the modern world order.

Международно-правовая включенность Российской Федерации в сферу международного культурно-гуманитарного сотрудничества на пространстве Российской академической науки современной юриспруденции в объективном режиме показательно обозначено новационным по своему содержанию трудом Горячева Ю. А. Захарова В. Ф., Омельченко Е. А. «Международные стандарты образования: уроки истории и современность: монография / под. общ. ред. Ю. А. Горячева - Москва: Этносфера, 2022 - 210 с. Новационность работы применительно ко всему субъектному корпусу вовлеченных в академический процесс лиц предметно выделяется по своей теоретической и практической значимости, качественности и законченности научного исследования международных стандартов образования в рамках системы образовательных учреждений России как феномена Российского академического процесса а параметрах вхождения России в мировое экономическое, политическое, культурное и образовательное пространство (с. 176).

Авторский коллектив представлен в лице признанных Российских ученых: **Юрий Алексеевич Горячев**, юрист международник, кандидат исторических наук, научный руководитель кафедры ЮНЕСКО «Международное (поликультурное) образование и интеграция мигрантов» Московского педагогического государственного университета, автор многочисленных публикаций по вопросам международного образования и гуманитарного сотрудничества; **Елена Александровна Омельченко**, доктор исторических наук, декан Факультета регионоведения и этнокультурного образования, заместитель директора Института социально-гуманитарного образования, профессор Московского педагогического государственного университета, член Президиума Совета по межнациональным отношениям при Правительстве г. Москвы, автор более 100 публикаций по вопросам поликультурного образования и интеграции иноэтнических мигрантов; **Владимир Федорович Захаров**, заместитель генерального директора АНО Центр содействия межнациональному обра-

Кабанов В. Л.

Каламкарян Р. А.

зованию «Этносфера», ведущий специалист Центра историко-культурных исследований религии и межнациональных отношений Факультета регионоведения и этнокультурного образования Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета, член Президиума Международного совета Российских соотечественников (МСРС).

Выход на системное ознакомление с вопросами становления и развития основ международного образования (с. 10), как он установлен в параметрах структурного построения монографии по линии международных стандартов образования обозначен в режиме целостного научного труда. Концептуально обоснованное структурное построение монографии в параметрах пяти разделов: Раздел I «На пути к международным стандартам образования от педагогики мыслителей ранних эпох к современным стандартам (с. 12-55); Раздел II «Истоки становления международных организаций. Лига Наций. Глобальные цели ООН и ЮНЕСКО в управлении образованием» (с. 56-116); Раздел III «На пути к формированию общего образовательного пространства и международных стандартов образования» (с. 117-151); Раздел IV «Образование для устойчивого развития: от глобального миропонимания и рамочной программы «Образования 2030» к новой инициативе ЮНЕСКО «Перспективы образования» (с. 152-168); Раздел V «Законодательство РФ по вопросам международного сотрудничества в сфере образования» (с. 169-182) представляет содержательную часть работы в режиме доктринальной и фактологической обоснованности, логической последовательности. Академический позитив монографии направлен на содействие обеспечения целостности системы международного образовательного сотрудничества в параметрах международно-правового позиционирования Российской Федерации в формате формирования во взаимодействии с государствами-членами СНГ, ЕАЭС, ШОС общего Евразийского образовательного пространства на основе участия России в образовательных программах ЮНЕСКО, закрепления в рамках Болонского процесса договоренностей об общеевропейском образовательном пространстве, принятия Глобальной конвенции о признании квалификаций высшего образования. Востребованность формирования общего образовательного пространства и международных стандартов образования, в параметрах верховенства права подтверждена юридически и фактически. Государственно-правовое строительство Российской Федерации посредством вхождения России в мировое экономическое, политическое, культурное и образовательное пространство (с. 176) выступает в качестве основы в системе стратегического планирования государственной национальной политики (с. 172-176). Международно-правовое позиционирование Российской Федерации обозначает себя показательным примером юридической действенности политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества (с. 176-180). Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом, Президентская программа «Глобальное образование и создание при МИД РФ Совета глав субъектов Российской Федерации, Федеральный Закон РФ «Об образовании в Российской Федерации» (№ 273-ФЗ) показательны юридически определяют, как это обоснованно констатируется в монографии (с. 177-180), значимость вклада России в процесс международного образовательного сотрудничества. Международно-правовое позиционирование Российского государства в процессе содействия международному образовательному сотрудничеству определяет создание в Россий-

ской Федерации целостной системы договорно-правовых актов в сфере образования с ООН, ЮНЕСКО, Советом Европы, СНГ, ШОС, ЕАЭС в предметной юридической направленности достижения уровня международных стандартов образования для всего субъектного состава мирового сообщества в соответствии с целями и принципами Устава ООН (с. 182). Важнейшим направлением поддержания эффективности обеспечения целостности международной образовательной системы является высокий уровень межгосударственного сотрудничества в части функциональной деятельности всего комплекса институтов и организаций международного образовательного сотрудничества (с. 152-168). Постановочно в плане подтверждения последовательности внешнеполитического курса Российского государства на поддержание международной законности и правопорядка показательную значимость здесь несёт заявленная в лице Президента Российской Федерации В.В. Путина приверженность России верховенству права (Декларация тысячелетия 2000 г., Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.).

По факту объективной констатации, монография в целом соответствует программам ведущих научно-образовательных школ, корпусу требований Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования, нормативным актам Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Концептуальная целостность представления феномена «международные стандарты образования»; практическая значимость выводов по работе в плане содействия вхождению России в мировое экономическое, политическое, культурное и образовательное пространство; повышение уровня включенности Российского государства в процесс международного образовательного сотрудничества – именно так выстраивается результативный вывод монографии, предметно ориентированной на современность, многоформатность направленности, целостность концептуального посыла и способа его конкретной реализации. Выстраивание феномена «международные стандарты образования» в параметрах установления федеральных государственных образовательных стандартов обоснованно обозначено выполнением корпуса требований, обязательных при реализации основных образовательных программ начального, среднего и высшего профессионального образования образовательными учреждениями государственной аккредитации (с. 182). Своим академическим трудом авторский коллектив существенным образом обогатил Российскую академическую науку современной юриспруденции по линии феномена «международные стандарты образования» в формате целостного по содержанию исследования

Пристатейный библиографический список

1. Международное право. Учебник / Под ред. А. Н. Вылегжанина. М., 2009.
2. Международное право. Учебник / Под общей ред. А. Я. Капустина. М., 2008.
3. Каламкарян Р. А. Господство права Rule of Law в международных отношениях. М., 2004.
4. Роль международного права в современной внешней политике / Отв. ред. Ю. М. Колосов. М., 1990.

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т. п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

(разработаны в соответствии с Информационным сообщением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 14.10.2008 г. No 45.1-132)

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т. е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. Статьи представляются в электронном виде (по электронной почте на адреса eurasialaw@mail.ru, eurasianoffice@yandex.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на дискете или компакт-диске.
3. Объем публикации — до 1 а. л. (40 000 знаков с пробелами). В случае представления материала, большего по объему, чем предусмотрено настоящим Порядком, редакция оставляет за собой право сократить его или вернуть автору для сокращения.
4. Шрифт основного текста работы — 11 pt шрифт Georgia через 1 интервал. Курсив, выделение, подчеркивания в основном тексте не допускаются. Формат документа: MS WORD 1997–2010 (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например: Иванов В. В.doc). Поля документа: верхнее — 2, нижнее — 2, левое — 2, правое — 1. Переносы проставляются автоматически. Все материалы представляются в одном файле.
5. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указывается фамилия и инициалы автора (11 pt) полужирным шрифтом Georgia через 1 интервал. Название статьи печатается после ФИО автора 10 pt полужирным курсивным шрифтом Georgia через 1 интервал в левом верхнем углу. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы.
6. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке (не более 0,5 страницы текста, набранного через 1 интервал) и ключевые слова (3–10 слов) — шрифт Georgia 11 pt курсив. Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке (полужирный шрифт Georgia 11 pt через 1 интервал), далее — резюме и ключевые слова на английском языке (шрифт Georgia 11 pt, курсив).
7. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ».
8. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008, а в необходимых случаях согласно ГОСТ 7.1–2003 и практике ЕврАзЮжа по оформлению сносок в неучтенных ими случаях. Шрифт сноска — 8 pt Georgia через 1 интервал. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
9. После завершения статьи необходимо привести Пристатейный библиографический список, то есть список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале, шрифтом Georgia 10 pt.
10. Диаграммы, таблицы, рисунки должны прилагаться к статье в формате JPG (JPEG).
11. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
12. В конце следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с Вами.
13. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, от сутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.
14. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
15. Убедительно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы — на отсутствие вирусов.
16. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей.
17. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования, по его просьбе отправляет текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы.
18. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Публикация аспирантов осуществляется в порядке очереди.
19. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автор получает один бесплатный экземпляр журнала при условии указания им своего адреса и просьбы о высылке экземпляра. В этом случае экземпляр будет направлен почтой.
20. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала или не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Редакция оставляет за собой право вносить в текст незначительные изменения без согласования с автором.
21. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отклонить представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.